МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ТУЛА ◆ «АКВАРИУС» ◆ 2014

УДК 354:327(470)"1914/1918"
ББК 63.3(2)53
М 62

М 62 Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — Тула: Аквариус, 2014. — 960 с., ил.

ISBN 978-5-8125-2013-7

Настоящий сборник содержит документы Архива внешней политики Российской империи МИД России, раскрывающие различные стороны многогранной деятельности российского внешнеполитического ведомства в годы Первой мировой войны. В сборнике освещается не только внешняя политика России в сложных условиях мирового военного конфликта, но и особенности функционирования Министерства иностранных дел в соответствии с требованиями и задачами военного времени. Публикуемые материалы позволяют также сформировать представление о профессиональных и человеческих качествах сотрудников Министерства, отстаивавших интересы России в годы Первой мировой войны.

УДК 354:327(470)"1914/1918"
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-8125-2013-7

© Отбор, перевод и подготовка документов осуществлены Историко-документальным департаментом МИД России, 2014
© Подготовка к изданию и оформление ООО «Аквариус», 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. ЛАВРОВ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ),
В.Г. ТИТОВ (ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ),
А.Н. АРТИЗОВ, Е.П. БАЖАНОВ,
А.И. КУЗНЕЦОВ (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР),
Ю.А. ПЕТРОВ, А.В. ТОРКУНОВ, А.О. ЧУБАРЬЯН

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ,

Предлагаемый вашему вниманию сборник архивных документов приурочен к знаменательной дате, широко отмечаемой в нашей стране и в мире, — 100-летию начала Первой мировой войны.

Военная катастрофа стала одной из узловых вех истории XX века, имела огромное значение в определении будущего многих государств и вектора развития международных отношений на десятилетия вперед. Падение могущественных империй и коренная перекройка границ в Европе, приход нацистов к власти в Германии и развязанная ими Вторая мировая война с еще более чудовищными жертвами и разрушениями, наконец, затяжной период «холодной войны» — такова цепь событий, запущенных национальным эгоизмом и попытками искать решение насущных проблем через милитаризацию политики и экономики.

Особенно тяжелыми последствиями Первая мировая обернулась для России. Наша страна не хотела этой войны. Однако логика существовавшей тогда международной системы, частью которой была и Российская империя, неумолимо вела к роковой развязке. Россия была верна своим союзническим обязательствам. Жертвенный подвиг русских воинов сорвал планы быстрого разгрома Франции и заложил предпосылки для победы Антанты.

При этом в течение многих лет Первая мировая война, заслоненная революцией и гражданской войной, была, по словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, незаслуженно забыта, фактически по ряду политических и идеологических соображений вычеркнута из нашей исторической памяти.

Сегодня пришло время воздать должное тем, кто сражался и отдал жизнь за Отечество в те годы. Несомненно, заслуживает признания и роль российской дипломатии, которая в тот период, как и в другие переломные моменты в истории нашего государства, стремилась до конца исполнить свой патриотический и профессиональный долг. Возродить память о ее усилиях по созданию благоприятных внешних условий для достижения победы — вот главная цель настоящего издания. На основе большого массива архивных документов, многие из которых никогда ранее не публиковались, раскрывается напряженная и многообразная работа внешнеполитического ведомства России в военный период. Читатель сможет ознакомиться с различными сторонами деятельности Министерства иностранных дел не только в дипломатической, но и гуманитарной областях: оказание помощи раненым и военнопленным, выяснение судеб пропавших без вести, поддержка российских подданных, оказавшихся на вражеской территории. Наконец, материалы книги содержат свидетельства о личном мужестве и героизме сотрудников МИД, проявленных на полях сражений и в тяжелых условиях дипломатической работы в воюющих странах.

Убежден, что сборник будет востребован как профессиональными исследователями, так и всеми, кто интересуется отечественной историей. Распространение знаний о Первой мировой войне должно послужить более глубокому осмыслению ее уроков для нашей страны и для всего мирового сообщества. Важно, чтобы память об этой трагической странице в истории человечества укрепляла чувство ответственности за его мирное и безопасное будущее. В глобальном, взаимозависимом мире XXI века только коллективными усилиями может быть создана система международных отношений, основанная на принципах равной и неделимой безопасности.

Министр иностранных дел
Российской Федерации *С. ЛАВРОВ*

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

ДЕЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ памяти о Первой мировой войне, получившее столь единодушную поддержку российского государства и общества в канун 100-летия ее начала, требует углубленного знания и нового понимания этого ключевого события XX века. Необходимо отрешиться от формировавшихся долгие годы стереотипов, заново открыть и переосмыслить многие забытые страницы истории войны, вооружить российских исследователей неизвестными ранее источниками и архивными материалами. Это в полной мере относится и к изучению внешней политики и дипломатии России в военные годы. Важно сохранить память о тех, кто защищал Отечество как на полях сражений, так и на дипломатическом фронте. Внести посильный вклад в исполнение этого патриотического долга — такова цель настоящего сборника документов, посвященного деятельности Министерства иностранных дел России во время Первой мировой войны.

Будучи первой публикацией такого рода, сборник, разумеется, создавался не на пустом месте. Составители опирались на обширную источниковедческую базу, заложенную в нашей стране за последнее столетие. Стоит отметить, что пальма первенства в публикации дипломатических документов военного времени принадлежала самому Министерству иностранных дел. В периодическом издании этого ведомства «Известия МИД» в 1914–1917 гг. по горячим следам публиковались, хотя и в ограниченном объеме, тексты соглашений, нот, речи министров иностранных дел, отдельные донесения российских дипломатических и консульских представителей, в частности, об оказании помощи соотечественникам, застигнутым войной за рубежом.

Советская Россия, выступив с обещанием покончить с «тайной дипломатией», приступила к опубликованию секретных внешнеполитических документов царского и Временного правительств сразу после Октябрьской революции 1917 года. Уже в декабре они начали выходить в свет в виде брошюр, печатание которых было завершено в феврале 1918 года. Эти публикации отвечали не научным, а политическим и пропагандистским целям. Более основательный характер они приобрели в 1928–1934 гг., когда дипломатические документы предвоенного периода и военных лет публиковались в журнале «Красный архив», в 1931–1938 гг. — в десятитомнике «Международные отношения в эпоху империализма», а также в ряде тематических сборников.

Сами по себе содержащиеся в них материалы и сегодня не утратили научной ценности. Некоторые включены и в настоящий сборник, тем более что бóльшая часть упомянутых изданий давно стала библиографической редкостью. Но в целом сборники советского периода способны лишь отчасти удовлетворить современного исследователя. Издания 20-х — 30-х гг. прошлого века имели целью обосновать господствовавшие тогда взгляды на царскую Россию как одну из виновниц «империалистической бойни». Тем

самым делалась попытка прямо или косвенно оправдать позицию большевиков, желавших военного поражения собственному государству. Такой подход пришелся кстати другим европейским державам, в первую очередь Германии, которая после окончания войны сама поспешила издать многотомное собрание дипломатических документов, призванное снять с себя ответственность за развязывание войны. Однако и тогда подобные попытки не выглядели убедительными. Еще в 20-х годах бывший министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов отмечал в своих воспоминаниях, что большевики, опубликовав секретные документы царского МИД, оказали старой русской дипломатии «большую услугу, обнаружив перед лицом всего света миролюбие императорской политики и чистоплотность ее приемов»[1].

За последнюю четверть века российская историческая наука проделала огромную работу по переосмыслению внешней политики страны в предвоенный и военный периоды. Более широкий доступ в архивы позволил увидеть свет не только целому ряду новых документальных сборников, но и многочисленным исследованиям, вводящим в научный оборот значительные массивы неопубликованных документов, в том числе из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Большой вклад в эту работу при активном содействии архивистов МИД внесли ученые Института российской истории РАН А.В. Игнатьев, В.А. Емец, В.С. Васюков, Е.Г. Кострикова и др., а также члены Российской ассоциации историков Первой мировой войны во главе с Е.Ю. Сергеевым. Свидетельство тому — многочисленные монографии и фундаментальные труды, в частности, заключительный, пятый том «Истории внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)» и первый том «Очерков истории Министерства иностранных дел России», изданных в 2002 году к 200-летию МИД. К этому следует добавить публикацию неизвестных ранее архивных источников личного происхождения, таких как воспоминания юрисконсульта МИД Г.Н. Михайловского, в деталях описывающие деятельность Министерства в военные годы.

Все эти публикации способствовали новому пониманию истории внешней политики и дипломатии дореволюционной России, сочетая объективность и историзм со стремлением пробудить у современного читателя чувство сопричастности к делам предков, восстановить преемственность лучших традиций отечественной дипломатической школы.

На этой научной базе велась и подготовка настоящего сборника. Ставилась задача воссоздать «объемную» картину многообразной деятельности внешнеполитического ведомства в период войны, отразить ее патриотическую направленность, показать «человеческое лицо» дипломатической службы, не жалевшей усилий, чтобы не только создать благоприятные внешние условия для достижения победы, но и, по возможности, облегчить страдания жертв войны. Именно в таком показе повседневной жизни МИД состоит, среди прочего, источниковедческая новизна данного сборника.

Составители отказались от формального подхода к определению хронологических рамок издания, давая возможность читателю почувствовать драматизм перехода российской дипломатической службы от мирного к военному времени и проследить как преемственность основных внешнеполитических установок, так и изменения, вызванные новыми условиями. С этой целью в сборник включены, в частности, обзор международного положения, сделанный С.Д. Сазоновым в Государственной думе незадолго до начала июльского кризиса 1914 года, и некоторые другие документы. Завершают сборник изданные в ноябре–декабре 1917 года приказы народного комиссара по иностран-

ным делам Л.Д. Троцкого об увольнении сотрудников центрального аппарата МИД и загранучреждений, отказавшихся сотрудничать с советской властью. Составители сознательно не включили в сборник документы последующего периода, завершившегося подписанием сепаратного Брестского мира, так как внешнеполитический курс, взятый правительством большевиков, означал полный разрыв с прежней политикой России. Министерство иностранных дел, главной целью которого было обеспечение внешнеполитических условий для победного окончания войны, фактически прекратило свое существование в октябрьские дни 1917 года.

Вместе с тем, даже оставаясь в указанных временных рамках, невозможно было обойти стороной вопрос о мотивах и обстоятельствах вступления России в Первую мировую войну. Тем более, что царское правительство с первых же дней войны пыталось объяснить мотивы участия в ней России. Поэтому составители включили в сборник ряд известных, но малодоступных для современного читателя документов. Речь идет, в частности, о полных текстах речей С.Д. Сазонова в Государственной думе в 1914–1916 гг. В них содержалась официальная трактовка причин, заставивших Россию и ее союзников принять вызов Германии и Австро-Венгрии, а позже разъяснялся смысл внешней политики в условиях войны. О настроениях, царивших в МИД в те дни, также свидетельствует впервые публикуемая в полном объеме «поденная запись» основных событий в жизни Министерства, которую вел ближайший сотрудник Сазонова, начальник Канцелярии министра и Первого политического департамента М.Ф. Шиллинг.

Сегодня, спустя столетие, нам трудно вжиться в атмосферу июля–августа 1914 года. «Генетическая» связь с политической элитой старой России, с ее образом мышления давно утрачена. И хотя в необъятной исторической литературе, посвященной Первой мировой войне, ее дипломатическая предыстория восстановлена в мельчайших деталях, нашему современнику нелегко понять мотивы, которыми руководствовались тогда в европейских столицах: слишком хорошо известно, чем обернулась война для России, других государств и всего человечества. Любой из этих мотивов меркнет на фоне неисчислимых жертв, разрушений и долгосрочных международных последствий войны, отдаленное эхо которых звучит в мире до сих пор. Не случайно некоторые зарубежные историки представляют действия руководителей европейских держав во время июльского кризиса 1914 года как поведение «лунатиков, бдительных, но незрячих, охваченных иллюзиями и не сознающих всю реальность того ужаса, в который они были готовы ввергнуть мир»[2]. Как бы то ни было, вопрос о причинах войны продолжает быть предметом дискуссий и все новых исследований отечественных и зарубежных историков.

Составители сборника, разумеется, далеки от того, чтобы предлагать собственные версии или опровергать чужие. Свою задачу они видели в том, чтобы дать читателю возможность прислушаться к голосу времени, звучащему в публикуемых документах, посмотреть на события глазами тех, чья судьба была предрешена Первой мировой войной. А они, как свидетельствуют документы, верили в то, что Россия обнажила меч за правое дело. Страна вступила в войну в обстановке невиданного патриотического подъема, заставившего на время забыть внутренние распри и неурядицы. Дыхание этой атмосферы и сегодня нельзя не ощутить, читая, например, первое после начала войны выступление Сазонова в Государственной думе. Читатель словно переносится на столетие назад, в зал Таврического дворца в Петрограде, слышит гром оваций, которыми депутаты от разных партий встретили слова министра иностранных дел: «Когда наступит время для

истории произнести свой беспристрастный суд, ее решение — я твердо в это верю — не будет иным, как то, которым мы руководились. Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть Великой Россией»[3].

Предпосылки Первой мировой войны созревали в течение нескольких десятилетий и коренились в системе международных отношений, сама логика которой неуклонно вела ко все более глубокому расколу Европы. Следовавшие один за другим международные кризисы начала XX века делали все более очевидным ее взрывоопасный характер. Задолго до начала войны предшественник С.Д. Сазонова А.П. Извольский писал в личном письме председателю Совета министров, убежденному стороннику миролюбивой внешней политики П.А. Столыпину: «Вы знаете, что в течение пятилетнего моего министерства (1905–1910 гг. — *ред.*) я постоянно находился под кошмаром внезапной войны. Видоизменить конвенцию (военный союз с Францией — *ред.*) не было фактической возможности; ослабить ее означало или немедленную общеевропейскую войну, или полное и бесповоротное подчинение Германии... Порабощение это должно было принять форму союза трех монархических держав — Германии, Австрии и России. Но история учит нас, что подобная комбинация на самом деле означает полное господство Германии и Австрии и полное подчинение им России. Пойти на эту комбинацию, которую и[мператор] Вильгельм недвусмысленно предлагал нам осенью 1906 года, означало бы поставить крест над всеми историческими заветами и преданиями России, завязнуть в нескончаемой борьбе с Японией и Англией, одним словом, перестать быть Россией Петра Великого и Екатерины»[4].

Эти оценки проливают свет на коренное противоречие внешней политики России в канун мировой войны. Ее жизненная заинтересованность в сохранении европейского мира все более явным образом расходилась с фатальным ходом развития европейской политики. Глубокая вовлеченность в систему военно-политических альянсов со всеми вытекающими из нее обязательствами по существу была ценой, которую страна платила за поддержание и признание своего высокого мирового статуса. Сознательный отказ от него был бы в глазах правящей верхушки Российской империи равносилен национальной катастрофе. При таком положении дел спрыгнуть на ходу с подножки паровоза, мчавшего Европу к всеобщей войне, Россия, по всей видимости, не могла.

Основной массив документов сборника посвящен деятельности центрального аппарата МИД. С первых дней войны здесь, в здании у Певческого моста в Петрограде, царила атмосфера кипучей деятельности. По свидетельству Г.Н. Михайловского, поступившего на службу в Министерство в августе 1914 года, «дипломатическое ведомство представляло из себя в этот момент крайне оживленное, интенсивно и с одушевлением работающее учреждение» и по сравнению с прежним было «неузнаваемо»[5]. Высокая степень готовности к решению задач военного времени во многом была обусловлена тем, что незадолго до войны дипломатическая служба подверглась реформированию и модернизации. Были усовершенствованы структура Министерства и его кадровая политика, введен более четкий и справедливый порядок прохождения службы. Среди критериев приема на работу в МИД социальное происхождение начало уступать место повышенному образовательному цензу.

Новые проблемы, вставшие перед российской дипломатией в военные годы, отражены в основных разделах сборника. Один из них касается многообразной внешнеполитической работы МИД. Предстояло в первую очередь завершить превращение все

еще аморфной Тройственной Антанты в полноценный военно-политический союз, наладить как можно более эффективное взаимодействие союзников. Среди материалов, раскрывающих эволюцию отношений в рамках Антанты, публикуются, в частности, соглашения о взаимном отказе от заключения сепаратного мира, а также протоколы союзных конференций по военным и экономическим вопросам, материалы о поставках в Россию вооружений из союзных и нейтральных стран. Важным направлением усилий российской дипломатии также стал поиск новых союзников Антанты. Они отражены в документах, касающихся переговоров с Японией, Италией и Румынией, а также попыток найти путь к сближению с Соединенными Штатами.

Еще одной сферой деятельности, в которой МИД играл инициативную роль, была разработка и согласование с союзниками контуров послевоенного мироустройства. Страны Антанты на первых порах не имели иных целей, кроме сокрушения военной мощи Германии, т. е. целей оборонительных. Выступая в Государственной думе в июле 1914 года, Сазонов заявил, что союзники сплотились вокруг «необходимости дать отпор Германии в ее стремлении наложить на Европу тяжелую руку своей гегемонии». Эта оценка была близка настроениям рядовых дипломатов. В своем дневнике в то время первый секретарь посольства в Токио князь Л.В. Урусов писал: «Немцы теперь рвут и мечут, обвиняя Россию в вовлечении их в европейскую войну. Они, видите ли, не верили в готовность России воевать и к этому австрийскому ультиматуму (в адрес Сербии — *ред.*) отнеслись как к очередному bluff'у, который, по их мнению, не должен был иметь никаких серьезных последствий. Они ошиблись — Россия приняла вызов — и ныне пришел конец призраку гегемонии Германии. В воздухе чувствуется какая-то уверенность не только в конечной победе держав Тр[ойственного] согласия, но что по окончании войны окажется уничтоженным тот кошмар вооружений и бряцания оружием, который по воле Германии давил сознание Европы за последние годы. Рассуждая хладнокровно, нужно отдать себе отчет, что существовавшее в Европе положение вещей долгое время не могло продолжаться. Германия направляла дела к войне — она случилась теперь, и сразу создавшаяся обстановка показала, как жадно желает Европа покончить раз и навсегда с культурой военных микробов»[6].

Планы территориального передела мира начали созревать у союзников позже, когда они увидели истинные масштабы мировой схватки, и перед ними встал вопрос, чем будут компенсированы огромные жертвы, приносимые на алтарь общей победы. В этой связи составители сочли необходимым включить в сборник тексты основных соглашений между союзниками о послевоенных границах в Европе, а также ряд документов по ключевой для России проблеме послевоенного будущего Черноморских проливов и Константинополя. Ведь именно данный аспект внешней политики царского правительства, начиная с первых советских публикаций из архива дореволюционного МИД, использовался для доказательства его якобы агрессивных, захватнических вожделений.

Исключительная сложность этой проблемы, в которой тесно переплелись жизненные торгово-экономические и военно-стратегические интересы России, ее многовековые религиозные чаяния, сделали ее едва ли не главным «стержнем» преемственности исторических «заветов» и «преданий» русской дипломатии. Сами чиновники МИД признавали, что овладение Константинополем и Проливами было «стремлением всех русских дипломатов от графа Игнатьева до Милюкова»[7]. Тем не менее результаты современных исследований указывают на то, что в действиях России на этом направ-

лении в целом преобладали осмотрительность и понимание недостаточности экономических и военных ресурсов для решения проблемы военным путем[8]. Хотя проекты подобного решения существовали, ни одной реальной попытки воплотить их в жизнь предпринято не было.

Тем более нет оснований утверждать, что стремление к захвату Проливов и Константинополя было для России побудительным мотивом для развязывания мировой войны. Вопрос этот возник лишь после ее начала, когда Турция выступила на стороне центральных держав. Интересная зарисовка на этот счет содержится в дневнике Урусова. «Представляясь Сазонову перед отъездом на Д[альний] Восток (в 1912 году — *ред.*), я имел с ним разговор о Балканских делах, во время которого министр сказал мне дословно: слушайте меня серьезно — Россия не доросла до взятия Конст[антинопо]ля — если она его возьмет, это будет ее погибелью»[9]. Такое свидетельство тем более примечательно на фоне собственных взглядов Урусова, который с первых дней войны выступал как ярый сторонник скорейшего завоевания Константинополя и Проливов. Немало интересных деталей, раскрывающих подходы России к этой проблеме, читатель найдет в записке вице-директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили «О целях наших на Проливах» (1914 г.). Разумеется, составители не могли не включить в сборник текст многостороннего соглашения о Черноморских проливах 1915 г., благодаря которому царская Россия оказалась в нескольких шагах от исполнения своей вековой, но так и не осуществившейся мечты.

Отдельная часть сборника посвящена изменениям в организации и структуре МИД. Важно отметить, что они были вызваны не только конкретными нуждами военного времени, но и в целом потребностью в дальнейшей модернизации дипломатической службы, которая, несмотря на проведенные реформы, все еще во многом сохраняла приемы и навыки XIX века. Война резко ускорила процесс совершенствования и создания новых направлений дипломатической работы, таких как правовое, экономическое и информационно-пропагандистское. Потребовалось теснее объединить военные и дипломатические усилия российского государства, что привело к созданию Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего. В сборнике публикуются документы, касающиеся ее деятельности.

Особого внимания заслуживает гуманитарное направление работы МИД, которое до сих пор лишь фрагментарно затрагивалось в отечественной литературе. Между тем документы, помещенные в этом разделе, наиболее ярко свидетельствуют о патриотической миссии российской дипломатии, разделившей со своим народом жертвы и тяготы военного времени. Первая мировая война была не только гигантским побоищем, равного которому еще не знало человечество, но и небывалой гуманитарной катастрофой. Как будто вмиг оказались перечеркнутыми все гуманистические достижения «прекрасной эпохи» конца XIX — начала XX вв. Расстрелы гражданских заложников, применение отравляющих газов, варварское разрушение памятников истории и культуры — все это ударило по самим основам европейской цивилизации.

С первых залпов «августовских пушек» перед российским внешнеполитическим ведомством встала задача оказания срочной практической помощи большой массе людей, застигнутых войной за рубежом. О масштабах проблемы говорит тот факт, что лишь на территории Германии в момент объявления войны находилось свыше сорока тысяч российских подданных. Как писал Г.Н. Михайловский, «война и здесь властно врывалась в прежние отношения, создавая ряд новых учреждений и отделов, как-то: отдел о воен-

нопленных, справочный отдел о русских подданных, оставшихся за границей и в особенности в неприятельских странах, отдел переводов, долженствовавший обслуживать денежную помощь лицам, оставшимся вне России, и т. д.»[10].

Значительные усилия были предприняты для облегчения участи русских военнопленных. Министерство занималось сбором и анализом сведений об их положении, организацией перевода им денежных средств, добивалось улучшения условий их жизни путем заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. Вниманию читателей предлагается составленный в феврале–марте 1917 года подробный обзор деятельности МИД «по заботе о военнопленных». Публикуются также приложенные к этому обзору детальные справки о численности русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и иностранных военнопленных в России, об обмене различными категориями пленных (инвалиды, больные туберкулезом, медицинские работники) и об интернировании больных и раненых в нейтральные страны. Через испанское посольство в Петрограде, представлявшее интересы Германии, МИД направлял протесты в адрес Берлина и Вены по поводу фактов жестокости и насилия в отношении российских военнослужащих, пленных и гражданского населения на оккупированных территориях. Эта работа при активном участии МИД проводилась также в рамках Чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками, с материалами которой можно ознакомиться в сборнике.

Последний раздел посвящен сотрудникам внешнеполитического ведомства, на чью долю выпало жить и работать в военное время. Особое внимание составители сборника уделили поиску документов, касающихся неисследованной темы непосредственного участия русских дипломатов в войне с оружием в руках. Руководство МИД из-за малочисленности центрального аппарата и чрезвычайно разросшихся функций Министерства стремилось освободить от призыва в армию как можно больше сотрудников. Тем не менее, многие ушли на фронт добровольцами и пали на полях сражений. Об этом говорит, в частности, записка сотрудника МИД А.В. Сабанина от 26 мая 1915 года с предложением увековечить память погибших сотрудников «путем помещения в церкви Министерства памятных досок памяти тех чинов Министерства, которые положили свою жизнь за Царя и Отечество». Другое свидетельство — циркуляр МИД о приказе по гвардейскому корпусу от 5 мая 1915 года о награждении консульского работника В. Соколовского Георгиевской медалью «за самоотверженную и мужественную, под огнем противника, работу по оказанию на поле сражения помощи раненым».

Проявления мужества и героизма имели место не только на фронте, но и на самой дипломатической службе. Первыми испытали тяготы войны сотрудники российских дипломатических и консульских представительств в Германии и Австро-Венгрии. Публикуемые документы впервые рассказывают о тяжелых обстоятельствах их выезда из стран-противников.

Драматически звучит текст указаний, полученных из Петрограда посланником в Сербии князем Г.Н. Трубецким. Ему предписывалось «разделить участь сербского правительства», «не покидать последнего и оставаться все время при нем». В условиях тяжелейшего отступления сербской армии под напором австрийцев это фактически означало готовность пожертвовать собственной жизнью.

В сборник помещены также документы о представлении к военным наградам дипломатов, отличившихся в ходе всеобщей мобилизации и в тяжелых условиях работы в воюющих странах. В частности, за «подвиги мужества» были награждены трое сотрудников

российской миссии в Сербии. К боевой награде был представлен дипломатический чиновник, прикомандированный к штабу Первого Кавказского кавалерийского корпуса, Е.В. Левкиевский. Консул на Мальте В.К. Рудановский был награжден за помощь российским судам и доставку секретного пакета командующему французским Средиземноморским флотом.

Архивные материалы рассказывают и о том, как сотрудники МИД по собственному почину занимались благотворительной деятельностью в пользу пострадавших от войны. Так, в Москве на квартире директора архива МИД П.Б. Мансурова на средства его сотрудников был открыт частный лазарет для раненых. Госпитали, столовые и фонды помощи раненым создавались женами руководителей МИД и российских послов в союзных странах.

Отдавая должное публикации документов, отражающих официальную позицию России, составители считали не менее важным дать возможность читателю увидеть войну глазами рядового дипломата, сквозь призму его частных мнений и оценок. Немалый интерес в этом отношении представляют впервые публикуемые отрывки из дневника князя Льва Владимировича Урусова. Это живое свидетельство современника практически целиком посвящено военно-политическим событиям 1914–1917 гг. Из-за большого объема дневника (900 рукописных листов) составители ограничились лишь последней частью, охватывающей наиболее насыщенный событиями период с 1 января по 24 ноября 1917 года. Дневниковые записи Урусова как бы продолжают помещенную в начале сборника поденную запись МИД (1914–1916 г.)[11].

Другим документом личного происхождения, который также публикуется впервые, является глава из воспоминаний крупного дипломата Ивана Яковлевича Коростовца. Мемуары носят название «Персидские арабески» и были написаны предположительно в 20-е годы, когда автор находился в эмиграции во Франции. И.Я. Коростовец работал в дипломатическом представительстве в Китае, в 1914–1915 гг. возглавлял российскую миссию в Тегеране. С 1915 по июнь 1917 гг. он был членом Совета МИД — высшего совещательного органа при министре. Публикуемый отрывок рассказывает о том, как отразилась мировая война на взаимоотношениях России и Великобритании — традиционных соперников на Востоке, волей истории ставших военными союзниками, о настроениях в дипломатическом корпусе, турецко-персидских разногласиях и т. д.

Публикуемые документы свидетельствуют о том, насколько неразрывно внешнеполитическое ведомство России и его сотрудники связали свою судьбу с войной. Потерпев неудачу в попытках предотвратить или оттянуть начало мирового столкновения, российская дипломатия твердо верила, что огромные жертвы, понесенные страной в ходе самой кровопролитной войны в ее истории, могут быть оправданы только в случае полной победы. Служащие МИД «допускали, что Россия выйдет из войны ослабленной, особенно в финансовом отношении, но считали, что если Россия останется верным союзником, эта общая победа откроет перед нею настолько блестящие перспективы в международном отношении, что несомненно будущая Россия быстро заставит забыть все испытания военного и послевоенного времени»[12]. При таком подходе любые попытки достичь сепаратного мира с Германией не могли восприниматься иначе, как государственная измена[13].

Гражданская позиция служащих МИД ярко проявилась в ходе революционных событий февраля 1917 года. В обстановке хаоса, охватившего государственный аппарат, внешнеполитическое ведомство, согласно оценке самих дипломатов, «вследствие осо-

бых условий службы подверглось наименьшему развалу и расстройству»[14]. Не случайно П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел Временного правительства, воздержался от каких-либо радикальных преобразований в МИД и оставил в неприкосновенности его личный состав. В своих воспоминаниях он отмечает, что ценил царскую дипломатическую службу как «заведенную машину с точки зрения техники и традиций»[15]. В свою очередь служащие МИД единодушно признали Временное правительство, поскольку оно взяло на себя обязательство сохранить верность союзникам и довести войну до победного конца.

Начало революции не раскололо, а скорее сплотило чиновников МИД. После февраля 1917 года мало кто из них желал покинуть Россию, несмотря на традиционную привлекательность дипломатических постов за границей[16]. Подавляющее большинство служащих, объединенных корпоративной солидарностью, отказалось вступать в политические партии, несмотря на соответствующую пропаганду, в том числе в стенах самого Министерства[17].

Такую же сплоченность они проявили в октябре 1917 года, когда в очередной раз потребовалось определить свою позицию в отношении новой власти. Большевики в лице Троцкого, конечно же, не искали политической поддержки со стороны наиболее «старорежимного» в их глазах государственного ведомства России и ожидали от него лишь временного исполнения «технических» функций. В условиях намеченного ими курса на слом старой государственной машины царская дипломатическая служба была заведомо обречена. Да и сами чиновники МИД, встретившись с Троцким, поняли, что эпохе «старой дипломатии» в России приходит конец[18]. Тем не менее, решающую роль в их отказе сотрудничать с новой властью вновь сыграло неприятие «пораженчества» и измены союзническим обязательствам. Можно предположить, что такой же отказ встретил бы любой оказавшийся у власти в России политический режим, который взял бы курс на заключение сепаратного мира. Подтверждением может служить, в частности, свидетельство Г.Н. Михайловского о том, что еще при Временном правительстве после ухода Милюкова с поста министра иностранных дел товарищ министра А.М. Петряев заявил коллегам, что в случае сепаратного мира никто из высших чинов не останется в Министерстве[19].

Старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. «Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, — писал в эмиграции уже упоминавшийся на этих страницах князь Г.Н. Трубецкой, — пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разумения, совести и сил... Когда-нибудь придется воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляется просто бранной кличкой. Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затушеваны темными сторонами интриг и личных страстей, которые находили себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя»[20].

Конец существования дореволюционного МИД прервал, но не уничтожил преемственность дипломатических традиций России. Прошло немного времени, и первоначальные попытки большевиков построить внешнюю политику на базе идей «мировой революции» уступили место все более насущной необходимости руководствоваться го-

сударственными и национальными интересами. Символично, что задача воссоздания дипломатической службы по образцам, соответствующим отечественной и мировой практике, выпала на долю наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, который сам в молодости был служащим царского МИД. Еще в советские годы отечественная историческая наука, несмотря на сильный идеологический гнет, пришла к осознанию того, что «в деятельности русской дипломатии конца XIX — начала XX века не все подлежит зачеркиванию. Ряд исторических задач, над которыми работала русская дипломатия, сохранил свое значение, несмотря на свержение царского режима. Задачи эти принадлежали не царской России, а России как государству и русскому народу»[21].

Дореволюционная дипломатия не подлежит ни огульному отрицанию, ни искусственному приукрашиванию. Для истории в одинаковой степени важен как положительный, так и отрицательный опыт. Применительно к царской дипломатической службе значение этого опыта ни в чем не умаляется ее недостатками, требующими столь же беспристрастного и объективного подхода, как и ее сильные стороны. Трагические события Первой мировой войны служат подтверждением тому, что эта служба на всех этапах своего существования и в особенности в моменты тяжких испытаний для нашей страны всегда была вместе со своим государством и народом. Сохранение памяти о прошлом отечественной дипломатии — неотъемлемая часть усилий по восстановлению в общественном сознании преемственности истории нашей страны и воспитанию новых поколений российских дипломатов.

А.И. Кузнецов

---

[1] С.Д. Сазонов. Воспоминания. — М., 1991. — С. 152.
[2] C. Clark. The Sleepwalkers. How Europe went to war in 1914. — Penguin books, 2013. — P. 562.
[3] См. док. № 3.
[4] АВПРИ, ф. Личный архив Извольского, оп. 835, 1910–1911, д. 43, л. 17.
[5] Г.Н. Михайловский. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. — М., 1993. — Кн. 1. — С. 38. Подлинник хранится в АВПРИ, ф. 340, оп. 842, д. 1–4.
[6] АВПРИ, ф. Личный архив Л.В. Урусова, оп. 786, д. 1, л. 6 об.
[7] АВПРИ, ф. Личный архив А.М. Ону, оп. 840, д. 3, л. 78.
[8] Россия и Черноморские проливы. (XVIII — XX столетия). — М., 1999. — С. 304.
[9] АВПРИ, ф. Личный архив Л.В. Урусова, оп. 786, д. 1, л. 41 об.
[10] Г.Н. Михайловский. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 38.
[11] О судьбе Л.В. Урусова см. прим. ред. к отрывку из его Дневника (док. № 251).
[12] Г.Н. Михайловский. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 415.
[13] АВПРИ, ф. Личный архив А.М. Ону, оп. 840, д. 3, л. 113.
[14] АВПРИ, ф. ДЛСиХД, оп. 731, д. 246, л. 1.
[15] П.Н. Милюков. Воспоминания. — М., 1992. — Т. 2. — С. 289.
[16] Г.Н. Михайловский. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 451; 317.
[17] Там же. — С. 269–270.
[18] Там же. — Кн. 1. — С. 515.
[19] Там же. — Кн. 1. — С. 362.
[20] Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сборник статей. — Париж, 1930. — С. 117–118.
[21] Б.Е. Штейн. Вступительная статья // Ю.Я. Соловьев. Воспоминания дипломата. — М., 1959. — С. 6.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ читателей сборник практически полностью составлен из материалов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД России. Большой пласт информационно насыщенных архивных документов впервые не только публикуется, но и вводится в научный оборот.

В отдельных случаях в сборник включались документы, изданные ранее, но важные для осуществления замысла составителей. В ходе работы над сборником были привлечены публикации дипломатических документов, предпринятые в годы Первой мировой войны: «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне»[1] (издание МИД), «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией»[2] (издание МИД), «Известия МИД», стенографические отчеты о заседаниях Государственной думы, «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате», неофициальные сборники под редакцией О.И. Авербаха[3].

Составители также использовали издания советского периода: семь «Сборников секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», изданных Народным комиссариатом по иностранным делам, многотомный труд «Международные отношения в эпоху империализма», тематические сборники, публикации в журнале «Красный архив», публикации, посвященные отдельным соглашениям, заключенным Россией во время Первой мировой войны[4]. Русско-китайские и русско-японские соглашения приводятся в издании «Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916)», документы АВПРИ по истории российско-американских отношений в годы войны опубликованы в сборнике «Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917»[5].

Составители значительно расширили круг поисков новых документов, не ограничиваясь уже известными по опубликованным источникам и монографиям фондами, такими как ф. 133 «Канцелярия министра иностранных дел», ф. 138 «Секретный архив министра», ф. 134 «Архив „Война”», ф. 323 «Дипломатическая канцелярия при Ставке», ф. 135 «Особый политический отдел», ф. 140 «Отдел печати и осведомления». Богатый материал о механизме функционирования отдельных подразделений МИД, о структурных изменениях, вызванных условиями военного времени, а также о сотрудниках ведомства был выявлен в ф. 159 «Департамент личного состава и хозяйственных дел», ф. 160 «Отдел о военнопленных», ф. 157 «Правовой департамент», ф. 158 «Экономический департамент», ф. 155 «Второй департамент», ф. 156 «Юрисконсультская часть», ф. 146 «Славянский стол», ф. 151 «Политический архив», в личных архивах дипломатов, а также в фондах посольств и консульств. В сборник были включены два документа из ф. 356 «Российская миссия в Бельгии», которые представлены в АВПРИ в виде ксеро-

копий (фонд был образован из материалов, переданных российской стороне в 1998 году В.Е. Драшусовым).

В издание включены договорные акты, протоколы союзной конференции, ноты, инструкции руководства МИД, телеграммы и донесения дипломатических и консульских представителей России за границей.

Нельзя не отметить еще один вид документов, присущий императорской России, — всеподданнейшие доклады и всеподданнейшие записки министров военного и иностранных дел, предназначавшиеся для личного рассмотрения императором Николаем II, являвшимся верховным руководителем внешней политики государства. Такие материалы представляют двойной интерес, поскольку на них имеются пометы императора смыслового характера. В сборник также включен не публиковавшийся ранее вид документов внутреннего делопроизводства внешнеполитического ведомства — циркуляры, справки, докладные записки, отчеты отдельных сотрудников и подразделений об их деятельности. В публикации представлены протоколы внутриминистерских и межведомственных совещаний, Особые журналы Совета министров.

Редко встречающиеся в АВПРИ письма дипломатов личного характера, дневниковые записи и мемуары также включены в издание.

Обстоятельства военного времени наложили свой отпечаток на систему министерского делопроизводства, нарушив ее стройность, поэтому составители столкнулись с большими трудностями в выявлении документов. Прежде всего, часть архивов российских посольств и консульств, с началом войны оказавшихся на территории неприятельских государств, видимо, была утрачена. Кроме того, в связи с тем, что в военные годы в МИД имели место многочисленные структурные изменения, материалы ряда департаментов и отделов оказались разделены по разным фондам. Именно поэтому многие документы были выявлены в копиях или в черновых экземплярах, а не в подлинниках, что отмечено в легендах.

Документы сгруппированы в четыре тематических раздела. Материалы официального характера охватывают период с мая 1914 г. по декабрь (новый стиль) 1917 г., однако наиболее поздний документ о событиях военного времени — мемуары И.Я. Коростовца — относится к 20-м годам. В каждом из разделов документы расположены в хронологической последовательности. В сборнике использована валовая нумерация публикуемых документов.

В первом разделе сборника впервые можно ознакомиться с полной версией «Поденной записи МИД» (в научной литературе используется также название «Дневник МИД»), охватывающей события с 3/16 июля 1914 г. по 27 сентября/10 октября 1916 г. Значительная часть записей была опубликована в журнале «Красный архив», а также в издании «Международные отношения в эпоху империализма». В 1925 году опубликованная в 4-м томе журнала «Красный архив» (1923 г.) часть «Дневника МИД» (с 3/16 июля по 19 июля/1 августа 1914 г.) была переведена и издана в Лондоне на английском языке[6].

Вместе с тем в ходе подготовки сборника были обнаружены и отдельные новые, ранее неизвестные записи, рассредоточенные по разным архивным фондам (ф. 138 «Секретный архив министра», ф. 133 «Канцелярия министра иностранных дел», ф. 151 «Политический архив», ф. 150 «Японский стол»). В основной массе, записи представляют собой расположенные в хронологическом порядке машинописные тексты с редкими правками, сделанными от руки. Изначально записи были сделаны на отдельных листах. В начале 40-х годов XX века часть записей была сгруппирована в несколько архивных дел и прошита. Дела были включены в описи под заголовками «Дневник МИД« с указанием года составления. Следует отметить, что, с одной стороны, в записях имеются хро-

нологические лакуны, с другой стороны, в ряде случаев к одной и той же дате относится сразу несколько записей.

«Поденная запись» является уникальным документом, не имеющим аналогов ни в министерском делопроизводстве, ни в личных архивах[7].

Второй раздел сборника рассказывает о роли российской дипломатии в деле укрепления политических, экономических и финансовых отношений России с союзными и нейтральными странами, расширения антигерманской коалиции, а также координации военных и военно-экономических усилий с союзниками. Составители отдали предпочтение обобщающим итоговым документам, опустив материалы промежуточного характера, поскольку в подавляющем большинстве они были опубликованы в издании «Международные отношения в эпоху империализма». Основное содержание раздела — двусторонние и многосторонние договорные акты, главным образом, политического и военно-политического характера, тексты выступлений в Государственной думе и интервью министров иностранных дел, материалы союзных конференций. В сборник не были включены пограничные, торговые, консульские, литературные соглашения, в заключении которых также участвовали российские дипломаты, поскольку особенности военного периода не внесли в их содержание сколько-нибудь серьезных изменений. Кроме того, в сборник не вошли военные конвенции и соглашения, являвшиеся по большей части прерогативой военного ведомства и представленные в АВПРИ в виде копий.

Документы о конкретных направлениях разносторонней деятельности МИД во время Первой мировой войны, изменениях в структуре, вызванных потребностями военного времени, о каждодневной рабочей жизни внешнеполитического ведомства включены в третий раздел сборника. Об усложнении и расширении задач и функций подразделений центрального аппарата и заграничных представительств МИД, о совершенно новых направлениях деятельности в военное время свидетельствуют впервые публикуемые документы АВПРИ: внутриведомственные справки, записки, отчеты, а также всеподданнейшие доклады министра императору об образовании и функционировании Дипломатической канцелярии при Ставке, Отдела денежных переводов и ссуд, Отдела о военнопленных, Особого политического отдела, Отдела печати и осведомления, Кабинета министра.

Значительное внимание в сборнике уделяется переписке МИД с военным и другими ведомствами, Российским Обществом Красного Креста (РОКК), а также различными благотворительными обществами помощи военнопленным. Представитель МИД принимал активное участие в работе Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками, с отчетом о деятельности которой можно познакомиться в настоящем издании. Этот блок документов интересен тем, что позволяет проследить, с одной стороны, каким образом МИД координировал свои действия с другими российскими ведомствами, а с другой стороны, выявляет существовавшие противоречия по тем или иным вопросам.

Документы третьего раздела показывают многообразие вопросов, которыми занималось внешнеполитическое ведомство — воздействие на общественное мнение в благоприятном для России смысле и работа с отечественной и зарубежной прессой в этом направлении; составление обзоров о положении союзных, нейтральных и неприятельских государств; военная цензура; организация поездок иностранных представителей на фронты; паспортно-визовые вопросы; вопросы экономического и правового характера.

В четвертый раздел вошли архивные материалы о сотрудниках центрального аппарата и зарубежных учреждений МИД.

Публикуется отрывок из дневника российского дипломата Льва Владимировича Урусова, в 1913–1915 гг. первого секретаря посольства в Японии, в 1916–1917 гг. вице-директора сначала Второго, а затем Экономического департамента. Дневник представляет собой рукописные тексты на листах, не скрепленных между собой. Документ не имеет заголовка; записи датированы. Первая запись была сделана еще в Токио 23 июля 1914 г. Последняя запись датирована 24 ноября 1917 г., однако ее окончание в архивном деле отсутствует. В сборник помещена последняя часть дневника, охватывающая наиболее насыщенный период с 1 января по 24 ноября 1917 г., когда Урусов уже находился в Петрограде. В связи с большим объемом этот документ публикуется с сокращениями. Составители уделили особое внимание внешнеполитическим и военным вопросам, затрагиваемым Урусовым.

Завершает четвертый раздел глава из мемуаров российского дипломата Ивана Яковлевича Коростовца. Документ носит название «Персидские арабески» и представляет собой машинописный текст с правками автора, внесенными карандашом. Мемуары посвящены событиям в Персии, состоят из 23-х глав, имеющих порядковый номер и заголовок. Последняя глава не имеет номера и не озаглавлена. Точная дата написания мемуаров неизвестна, однако наиболее поздние сведения, упоминаемые И.Я. Коростовцом, относятся к 1927–1928 гг. Начинаются мемуары с описания событий в Персии в 1914 году, то есть с момента приезда Коростовца в миссию в Тегеране. Далее речь идет о дипломатическом корпусе в Персии, составе персидского правительства, немецкой пропаганде в стране, экономическом положении Персии. В сборник включена 14-я глава «Как отразилась война на англо-русских отношениях. Раскол в Дипломатическом корпусе. Персидская декларация о нейтралитете».

Составители сборника следовали принципу максимально точного отображения в издании текстов подлинных архивных документов. При подготовке текстов документов составители стремились сохранить стиль и лексические особенности языка начала XX века, устраняя без оговорки в примечаниях только явные описки, грамматические ошибки и искажения слов. Имена, географические названия, названия кораблей, торговых фирм, банков, агентств в документах на русском языке воспроизводятся в соответствии с оригиналом, в выполненных переводах, заголовках и примечаниях составителей — единообразно, в современной орфографии. Пунктуация дана по современным правилам. Исключение составляет дневник Л.В. Урусова, в текст которого для облегчения понимания внесены пунктуационные изменения, но при этом сохранены многочисленные авторские тире. Переводы документов, опубликованные в других изданиях, воспроизводятся по этим изданиям с изменениями, касающимися сокращений, принятых в данном сборнике. Неточности или стилистические особенности текста, допускающие различные смысловые истолкования, остаются без изменения и оговариваются в примечаниях: «Так в документе». Не разобранные составителями слова оговорены в примечаниях. Восстановленные составителями в тексте документов слова или части слов заключены в квадратные скобки. Переводы слов и фраз с иностранных языков, сделанные составителями, также заключены в квадратные скобки. Слова, вписанные в машинописные тексты документа от руки, передаются с помощью курсива. Во всех других случаях использование курсива оговаривается в примечаниях. Вставки отдельных слов и предложений воспроизводятся в соответствующем месте текста документа и отмечаются в примечаниях. Зачеркнутые слова и фразы в тексте не воспроизводятся, а приводятся в примечаниях с указанием: «Далее зачеркнуто...». Сохраняются подчеркивания в тексте документов.

Пометы ко всему документу воспроизводятся после основного текста, пометы к отдельным частям — в примечаниях. Примечания публикуются после текста документа. Примечания оригинала даются со специальной оговоркой: «прим. документа».

Документы снабжены редакционными заголовками с указанием порядкового номера, вида, автора, адресата, даты, а также — в случае наличия в оригинале — места написания и делопроизводственного номера. Составители исходили из того, что публикуемые документы иллюстрируют деятельность МИД и других российских ведомств, поэтому в заголовках сочли возможным опустить наименования «Россия» и «Российская империя». Собственные заголовки документов воспроизводятся как часть текста на том месте, где они находятся в оригинале. В документах № 4, 6, 12, 16, 26, 28, 35, 36, 44, 56, 67 внутренние заголовки принадлежат редакции. Как уже отмечалось ранее, в сборник помещены документы внутриминистерского делопроизводства, обнаруженные в виде черновиков и копий, не имеющих собственного заголовка. Составители атрибутировали их как «записки МИД». Вполне вероятно, что дальнейшее изучение фондов АВПРИ даст возможность выяснить их происхождение, авторов и адресатов.

Даты приводятся по подлинникам. В случае, если указана одна дата, то она относится к старому стилю. В двойной дате (договоры, донесения и телеграммы российских представителей за границей, ноты иностранных представителей в России) на первом месте стоит дата по старому стилю, на втором — по новому. Когда под одним редакционным заголовком объединены несколько документов (ноты, памятные записки и др.), то они включаются в сборник по начальной дате, то есть по дате первого документа. Датировка в примечаниях дается по новому стилю; двойная дата в примечаниях ставится в тех случаях, когда речь идет о событиях внутри страны, а также при ссылке на документы российского происхождения. Даты, отсутствующие в документах, но установленные составителями, заключены в квадратные скобки. Пометы гриф «секретно», «циркулярно» и др. указываются под датой.

Составители сохраняли формулы вежливости, присущие документам начала XX в. Подписи под документами воспроизводятся в соответствии с оригиналом. В случае наличия нескольких подписей в подлинном документе, порядок их написания сохраняется. Многочисленные подписи под протоколами конференций перенесены в примечания. Заверительные подписи, имеющиеся на подлинных документах, также воспроизводятся. В договорных актах обозначаются места приложения печатей: «М.П.».

Каждый документ имеет легенду, которая включает архивный шифр, сведения о подлинности и языке оригинала. Если воспроизводимый по архивному экземпляру документ был ранее опубликован, то дается ссылка на соответствующее издание. Поскольку в сборнике представлены только материалы АВПРИ, указание на архив отсутствует. Если документ публикуется не по архивному экземпляру, то в легенде указывается источник. В том случае, если перевод документа был выполнен специально для настоящего сборника, этот факт оговаривается после архивного шифра.

Документы публикуются, как правило, полностью. Купюры допускаются лишь в отдельных случаях, при этом содержание опущенных частей текстов передается в примечаниях.

В сборник включены иллюстрации в основном из фондов АВПРИ: факсимиле некоторых архивных документов, представляющих особый интерес, карты, фотографии зданий и внутренних помещений российских посольств, миссий и консульств за границей, а также церквей, находившихся в ведении МИД.

К сожалению, в архивных фондах имеется весьма ограниченное количество фотопортретов российских дипломатов, служебная деятельность которых пришлась на военные годы. Среди них — А.А. Нератов, Н.Н. Шебеко, А.А. Савинский, а также групповые портреты сотрудников МИД. В архивном деле, содержащем донесения посланника в Бельгии И.А. Кудашева, были обнаружены публикуемые фотографии бельгийских городов Термонд и Малинес, подвергшихся значительным разрушениям. Для того чтобы расширить портретный ряд и передать дух времени, составители изучили и газетные публикации военного периода, отложившиеся в фондах АВПРИ. Именно таким образом была выявлена фотография М.К. Извольской, супруги посла России во Франции, возглавлявшей Парижский комитет помощи русским военнопленным в Германии.

В оформлении сборника (на форзацах) использованы фотографии, любезно предоставленные Государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ).

Издание снабжено именным и географическим указателями, перечнем публикуемых документов, а также двумя таблицами, иллюстрирующими структуру МИД в 1914–1917 гг.

Именной и географический указатели содержат имена и названия, которые упоминаются в документальной части сборника.

В именном указателе указываются все варианты написания имен и фамилий, встречающиеся в документах, а также дается отсылка на общепринятое современное написание. Приводимые в указателе биографические сведения ограничены, как правило, периодом с 1914 по 1917 год. При составлении биографических справок на сотрудников МИД были широко использованы документы АВПРИ и периодическое издание «Ежегодник МИД» (1914–1917).

В географическом указателе названия передаются как в оригинале. Если историческое название отличается от современного, то в скобках приводится современное название или его вариант, в т. ч. на другом языке, в случае употребления обоих названий: Або (Турку); Алеппо (Халеб). Названия населенных пунктов не сопровождаются термином, обозначающим род объекта; у других географических названий, как правило, в сокращенной форме, приводятся географические термины, характеризующие объект: остров (о.), полуостров (п-ов), залив (з.), мыс (м.), озеро (оз.), река (р.), гора и т. п. Для аналогичных названий одного и того же объекта даются указания на наиболее употребимое из них. Исторические географические названия, не имеющие современных аналогов, даются как в тексте с пометой «ист.».

Сборник подготовлен сотрудниками Историко-документального департамента МИД России. Составителями являются Ю.В. Басенко и О.Ю. Волкова. Переводы выполнены Ю.В. Басенко, О.Ю. Волковой, В.Б. Михайловым, М.Е. Российской. В подготовке издания принимали участие Г.Г. Алексеева, Н.М. Баринова, А.Ю. Гусева, М.В. Дьякова, Д.В. Ежов, А.Н. Ерохин, В.А. Занина, Ю.А. Зеленко, М.К. Кравченко, В.Б. Михайлов, Е.Л. Мишина, Т.В. Петрушина, И.В. Попова, М.Е. Российская, А.В. Руденко, Ф.Г. Сайфуллина, Е.С. Скворцова, О.В. Соколова, С.А. Шабалин.

Ю.В. Басенко

[1] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. — Пг., 1914.

[2] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией. — Пг., 1914.

[3] О.И. Авербах. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Законы, манифесты, рескрипты, указы правительствующему Сенату, распоряжения и постановления министров и др. — Вильна, 1916; О.И. Авербах. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета министров, военного и адмиралтейств Советов, распоряжения и постановления министров и др. — Т. I–IV. — Пг., 1916.

[4] Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Издание Народного комиссариата по иностранным делам. — № 1–7. — Пг., 1917–1918.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. — Сер. III. 1914–1917 гг. — Т. I–X. — М.–Л., 1931–1938.

Константинополь и Проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. — Изд. НКИД. — Т. I. — М., 1925; Т. II. — 1926.

Царская Россия в мировой войне. — Т. I. — Л., 1925.

Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. — Изд. НКИД. — М., 1924.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывш. Императорского российского министерства иностранных дел. — М., 1922.

Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. По секретным материалам б. Министерства иностранных дел с приложением копий дипломатических документов. Под редакцией и со вступительной статьей Е.А. Адамова. — М., 1922.

Красный архив. Ставка и МИД. — 1928. — Т. 1(26). — С. 1–50; Т. 2(27). — С. 1–57; Т. 3(28). — С. 3–58; Т. 4(29). — С. 3–54; Т. 5(30). — С. 5–45; Начало войны 1914 г. Поденная запись б. МИД. — 1923. — Т. 4. — С. 5–62; Дневник МИД за 1915–1916 гг. — 1928. — Т. 6(31). — С. 3–50; 1929. — Т. 1(32). — С. 3–87; Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. — 1929. — Т. 2(33). — С. 3–33; Т. 3(34). — С. 3–38; Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну. — 1931. — Т. 1(44). — С. 152–161; Из записной книжки архивиста. Самодержавие и Ватикан. — 1931. — Т. 7(48). — С. 184–188; Дело Бейлиса. — 1932. — Т. 5–6(54–55). — С. 162–204; Первые дни мировой войны. — 1934. — Т. 4–5 (65–66). — С. 3–68; Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны. — С. 86–117.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). — М.,1927.

Международные отношения. 1870–1918 гг. Сборник документов. — М., 1940.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. — М., 1952.

[5] Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). — М., 2004.

Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. — М., 1999.

[6] How the war began in 1914, being the diary of the Russian foreign office from the 3-rd to the 20-th (old style) of July, 1914. Published by the Red Archives Department of the Russian Soviet Government in their Historical Journal. — Vol. IV. — 1923. Translated from the original Russian by major W. Cyprian Bridge with a foreword to the translation by S.D. Sazonov, G.C.B., G.C.V.O., late Russian minister for Foreign affairs, and an introduction by baron M.F. Schilling, C.V.O. — London, 1925.

[7] Авторство «Поденной записи» принадлежит директору Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллингу. Во введении к лондонскому изданию М.Ф. Шиллинг поясняет, что он стремился записывать «подчас ничтожные, но не лишенные известной доли» интереса обстоятельства, в которых проходили встречи с иностранными представителями, не нашедшие отражения в официальной дипломатической переписке. Записи по большей части велись самим М.Ф. Шиллингом или диктовались им секретарю Канцелярии Б.В. Слепцову. М.Ф. Шиллинг описывал не только те события, свидетелем или непосредственным участником которых он сам являлся. Благодаря своей близости с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым М.Ф. Шиллинг был в курсе всех мероприятий, в которых принимал участие министр, сообщавший ему о своих разговорах с Николаем II, представителями дипломатического корпуса и коллегами по Министерству.

I

ДНЕВНИК МИД

1. ДНЕВНИК МИД

1914 год

3 июля

На вечере у графини Клейнмихель итальянский посол спросил барона Шиллинга, как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Барон Шиллинг, не колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целость и независимость Сербии. Маркиз Карлотти заметил, что если действительно таково твердое решение России, было бы полезно об этом недвусмысленно заявить в Вене, так как, по его впечатлению, Австрия способна сделать в отношении Сербии непоправимый шаг в расчете на то, что Россия, хотя и будет возражать на словах, все же не решится силой оградить Сербию от посягательств Австро-Венгрии. Между тем если бы в Вене отдали себе отчет в неизбежности столкновения с Россией, там, по всем вероятиям, призадумались бы над последствиями слишком решительной противосербской политики.

Барон Шиллинг сказал послу, что может самым решительным образом подтвердить ему только что им сказанное о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии, а потому, если настроение в Вене действительно таково, каким посол его только что описал, то барону Шиллингу кажется, что было бы долгом прежде всего союзниц Австро-Венгрии предупредить ее об опасности, к которой ведет ее политика ввиду несомненной решимости России встать на защиту Сербии.

Посол обещал телеграфировать в этом смысле в Рим и попросить итальянское правительство обратить на вышесказанное внимание венского кабинета, но заметил, что, по его мнению, в Вене произвело бы большее впечатление подобное заявление со стороны самой России, нежели со стороны союзной Италии.

Барон Шиллинг сказал послу, что, напротив того, если с таким заявлением в Вене выступит Россия, это может быть сочтено за ультиматум и обострить положение, тогда как настойчивый совет, преподанный Италией и Германией, т. е. союзницами, был бы, конечно, более приемлем для Австро-Венгрии.

4 июля

Возвращение из отпуска австро-венгерского посла.

Вернувшийся из отпуска австро-венгерский посол граф Сапари выразил желание возможно скорее увидеть министра. Ему было отвечено, что С.Д. Сазонов, уехавший

на несколько дней в деревню, ожидается на следующее утро в Петербурге и готов будет принять посла на другое утро в 11 час.

5 июля

С.Д. Сазонов возвращался из кратковременной поездки в деревню. Желая возможно скорее поставить его в известность о том, что происходит, до свидания министра с австрийским послом, барон Шиллинг поехал встретить его на вокзал и на пути оттуда в министерство сообщил ему содержание как полученной накануне из Вены телеграммы[1] *Н.Н. Шебеко* № 88[2], так и его разговора с итальянским послом 3 июля[3]. Министр был озабочен этими известиями и согласился с мнением барона Шиллинга о необходимости предупредить Австрию о решимости России ни в каком случае не допустить посягательства на независимость Сербии. Министр собирался в этом смысле высказаться самым решительным образом перед австро-венгерским послом.

Вскоре по приезде в министерство С.Д. Сазонов принял гр. Сапари, который в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией. Его заверения были до такой степени положительными, что вполне успокоили министра, который после этого свидания говорил барону Шиллингу, что ему не пришлось прибегнуть к угрозам, так как австро-венгерский посол поручился ему за миролюбие своего правительства — «il a été doux comme un agneau» [он был кроток, как ягненок].

[1] Далее зачеркнуто «князя Кудашева».

[2] Посол России в Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко в телеграмме С.Д. Сазонову № 88 от 3/16 июля 1914 г. сообщал о намерении австро-венгерского правительства предъявить Сербии неприемлемые для «достоинства этого государства» требования и предлагал немедленно информировать венский кабинет об отношении к этому России. — См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. (далее — МОЭИ). — Сер. III. — Т. IV. — С. 299.

[3] См. поденную запись от 3 июля 1914 г.

10 июля

За обедом, в девятом часу вечера, советник итальянского посольства князь Монтереале сказал К.Е. Бюцову, управлявшему, за отсутствием князя Трубецкого, Ближневосточным отделом министерства, что, согласно только что полученным в итальянском посольстве сведениям, Австро-Венгрия должна была в этот день предъявить Сербии совершенно неприемлемый ультиматум. Ни в Министерстве иностранных дел, ни во французском и английском посольствах, ни в Телеграфном агентстве никаких сведений об этом до поздней ночи не было. Вместе с тем австрийский посол гр. Сапари вечером просил по телефону, чтобы министр назначил ему на другой день час для свидания.

11 июля

Рано утром в Министерстве иностранных дел получена телеграмма из Белграда, подтверждающая сведение, сообщенное накануне вечером советником итальянского посольства.

Барон Шиллинг тотчас по телефону предупредил послов Извольского и Шебеко о необходимости для них немедленно вернуться к местам служения.

К 10 часам утра приехал из Царского Села С.Д. Сазонов, которому барон Шиллинг тотчас же сообщил все вышесказанное. Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, и он сразу сказал: «C'est la guerre européenne» [Это европейская война]. Тотчас по телефону был вызван в министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С.Д. Сазонов по телефону же из кабинета барона Шиллинга доложил лично государю императору о предъявленном Австрией Сербии ультиматуме. Его величество воскликнул: «Это возмутительно» и повелел держать его в курсе дальнейшего.

В это время приехал австро-венгерский посол и передал министру копию австро-венгерской ноты Сербии[1].

Между тем барон Шиллинг по телефону предупредил от имени министра военного министра, морского министра и министра финансов о ходе событий и, по поручению С.Д. Сазонова, просил их непременно прибыть в заседание Совета министров. По просьбе адмирала Григоровича, барон Шиллинг передал то же самое начальнику Морского генерального штаба адмиралу Русину. Министр финансов только что вернулся с доклада у государя, от которого он уже узнал о шаге Австрии в Белграде. Барон Шиллинг указал П.Л. Барку на необходимость на всякий случай безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов из Германии.

По телеграфу были немедленно вызваны из отпусков А.А. Нератов, кн. Трубецкой и все чины Канцелярии министра и Ближневосточного отдела.

Французский посол собрал у себя за завтраком для обмена мнений С.Д. Сазонова, английского посла и румынского посланника. Министр при этом просил названных представителей срочно передать их правительствам его просьбу немедленно выработать сообща с нами план действий. Эта просьба была естественным образом обращена также и к присутствовавшему румынскому посланнику, благодаря чему Румыния оказалась привлеченной к общему делу; для нас было выгодно втянуть ее в дело на нашей стороне, для самой же Румынии было, очевидно, лестно участвовать на равных основаниях в предпринимаемых великими державами дипломатических шагах.

В 3 часа состоялся Совет министров, в котором С.Д. Сазонов изложил ход переговоров, вызванных вручением накануне Австро-Венгрией угрожающей ноты Сербии. Совет министров одобрил предложение министра иностранных дел: 1) вместе с другими державами просить Австрию продлить указанный ею срок для ответа Сербии, чтобы дать державам время ознакомиться, согласно предложению самой Австрии, с данными судебного следствия по делу сараевского убийства, и 2) посоветовать Сербии не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув свои вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой рассудить возникший спор. Вместе с тем была принципиально решена мобилизация 4 военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), а также обоих флотов (Черноморского и Балтийского) и принятие еще некоторых других военных мер, если того потребуют обстоятельства. При этом было обращено внимание на то, чтобы всякие военные подготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии.

После заседания Совета министров состоялось свидание С.Д. Сазонова с сербским посланником, во время которого министр преподал посланнику советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту.

В 7 часов к министру иностранных дел приехал германский посол. Он пытал[ся] оправдать образ действий Австрии, ссылаясь на то, что следствием по сараевскому убийству, будто бы, добыты данные, устанавливающие вину сербского правительства. Кроме того, он старался доказать правильность австрийского выступления необходимостью ограждения «монархического принципа». С.Д. Сазонов говорил с графом Пурталесом весьма твердым языком и резко осуждал прием венского кабинета, настаивая на неприемлемости для Сербии врученной ей ноты, а также на неуважении к великим державам, выразившемся в том, что Австро-Венгрия, обратившись к ним, вместе с тем поставила столь короткий срок исполнению своих требований Сербией, что не дала возможности державам рассмотреть дело и дать своевременно свой отзыв.

Видевшие графа Пурталеса по выходе его от министра свидетельствуют, что он был весьма взволнован и не скрывал, что слова С.Д. Сазонова, и особенно его твердая решимость дать австрийским требованиям отпор, произвели на посла сильное впечатление.

В то время как у министра был германский посол, в министерство прибыл французский посол, который, не желая встречаться со своим германским сотоварищем, прошел к барону Шиллингу и с ним вместе отправился ждать, чтобы министр освободился, в кабинет товарища министра, через который граф Пурталес не мог пройти. Здесь французский посол развивал мысль, что, несмотря на развернувшиеся события, президент Французской республики не должен, по его мнению, ни в чем изменять программы своего путешествия по скандинавским столицам, а спокойно следовать во Францию, как было предположено, с остановками в Стокгольме и Копенгагене. Иначе, по мнению посла, могла бы возникнуть всеобщая паника, так как создалось бы впечатление, что политическое положение признается главой Французской республики угрожающим. Между тем это положение представлялось послу отнюдь не безнадежным. Он основывал свой оптимизм на том предположении, что Германия едва ли решится поддержать Австрию, зная, к каким серьезным последствиям это неминуемо приведет в настоящую минуту. «Jamais nous n'avons été en meilleure posture, — говорил он, — car nous sommes parfaitement d'accord entre nous et ce n'est point là une appréciation d'ambassadeur, mais nous avons 4 documents récents de très grande importance qui l'attestent» [Никогда мы не были в лучшем положении, — говорил он, — так как между нами существует полное согласие. Это не просто оценка посла: мы имеем 4 чрезвычайно важные документа недавнего происхождения, свидетельствующие об этом]. Барон Шиллинг не без удивления спросил посла, каковы же эти 4, по-видимому, ему неизвестных документа столь крупной важности, что перед ними должна остановиться Германия, если бы даже она и хотела начать войну для поддержания своей союзницы Австрии. Оказалось, что таковыми документами г-н Палеолог считал речи, которыми только что обменялись государь император и президент Французской республики в Петергофе и на броненосце «France»[2].

Тотчас по уходе графа Пурталеса французский посол был принят министром, который поставил его в известность о принятых в Совете министров решениях, а также о своих разговорах с сербским посланником и германским послом.

---

[1] Текст ноты был окончательно утвержден руководством Австро-Венгрии 19 июля 1914 г.; нота была вручена сербскому правительству 23 июля 1914 г.

[2] С 20 по 23 июля 1914 г. Россию с визитом посетили президент Французской республики Пуанкаре и председатель Совета министров Вивиани. В ходе визита они заверили российскую сторону, что в случае войны с Германией Франция выполнит свои союзнические обязательства. Тексты речей Пуанкаре и Николая II — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. V. — С. 3–5.

12 июля

Приехавший в 9 часов утра из Царского Села министр иностранных дел заехал в министерство только на несколько минут, чтобы ознакомиться с полученными за ночь телеграммами, и тотчас вслед за тем выехал в Красное Село, где под председательством государя императора было созвано совещание министров, имеющих отношение к государственной обороне. На этом совещании были одобрены и получили дальнейшее развитие постановления, выработанные накануне Советом министров. Решено пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности.

Днем были получены из Лондона и Парижа сведения, что тамошние австро-венгерские дипломаты подчеркивают разницу между ультиматумом и простой note à terme [нотой с указанием срока для ответа], каковой, по их словам, и является врученная австрийским посланником в Белграде нота 10 июля[1]. Основываясь на этом, означенные дипломаты стараются доказать, что, даже в случае неудовлетворительного ответа со стороны Сербии, военные действия могут еще не начаться сразу. Под влиянием таких сведений днем среди иностранных дипломатов в Петербурге, особенно же у французского посла и румынского посланника, заметны более оптимистическое отношение к событиям и надежда на благополучный исход кризиса.

[1] 23 июля по н. ст.

14 июля

Румынский посланник сообщил барону Шиллингу, что в ответ на посланную им в Бухарест, по просьбе С.Д. Сазонова, телеграмму о желательности присоединения Румынии к представлениям держав в Вене с целью добиться продления срока, поставленного Сербии, Братиано уведомил его, что за краткостью времени он, к сожалению, не мог исполнить означенной просьбы. Вместе с тем Братиано уведомлял г-на Диаманди о сделанном ему австрийским посланником в Бухаресте заявлении, что Австро-Венгрия не ищет земельных приращений за счет Сербии и что если ей и придется занять своими войсками сербскую территорию, то это будет лишь временно. Барон Шиллинг возразил, что подобное заявление имеет меньше всего цены в устах Австрии, которая на примере Боснии и Герцеговины показала всему свету, как она понимает временное занятие чужих земель. При этом барон Шиллинг напомнил г-ну Диаманди его же собственные слова, сказанные им барону Шиллингу во время поездки по венгерской территории у Предеаля полтора месяца тому назад[1], а именно, что интересы Сербии и Румынии совершенно тождественны и обязывают Румынию крепко держаться на стороне Сербии в случае посягательства на последнюю со стороны Австро-Венгрии. Румынский посланник не отказался от этих слов, а напротив, подтвердил, что он продолжает придерживается того же мнения, а потому тем более желает, чтобы нынешнее австро-сербское столкновение не дошло до войны, так как это поставило бы Румынию в особенно тяжелое положение.

[1] М.Ф. Шиллинг посетил Румынию в связи с проведением в июне 1914 года в Констанце свидания Николая II с королем Румынии Каролем I. — См.: История дипломатии. — М., 1963. — Т. II. — С. 773.

15 июля

Французский посол, по поручению своего правительства, заявил министру иностранных дел о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства.

16 июля

Утром, часов в девять с половиной, германский посол вызвал по телефону барона Шиллинга и сказал, что он желал бы видеть министра, чтобы передать ему «приятное сообщение». Граф Пурталес, однако, поспешил прибавить: «Toutefois pas trop d'optimisme» [Во всяком случае, не следует быть слишком оптимистичным]. Барон Шиллинг ответил, что за последнее время мы отвыкли от «приятных» известий из Берлина и что поэтому министр, конечно, с удовольствием выслушает посла.

В 11 часов С.Д. Сазонов принял графа Пурталеса, который сказал ему, что Германия согласна продолжать делаемые ею попытки, чтобы склонить венский кабинет к уступкам, но просил, чтобы это было сохранено в строгой тайне, так как разглашение подобных намерений германского правительства могло бы создать впечатление, будто взгляды Австрии и Германии в настоящем случае не вполне согласны. Кроме того, посол настойчиво просил, чтобы преждевременной мобилизацией у нас не было бы создано препятствия к осуществлению Германией желательного воздействия на Вену.

По уходе посла означенное заявление обсуждалось министром с А.А. Нератовым, бароном Шиллингом и князем Трубецким. При этом ставился вопрос, действительно ли Германия намерена оказать в Вене серьезное воздействие, или порученное графу Пурталесу сообщение рассчитано лишь на то, чтобы, усыпив наше внимание, по возможности отсрочить мобилизацию русской армии и выиграть время для соответственных приготовлений. Общее впечатление было таково, что если даже допустить искренность в данном случае германского правительства, то все же приходится усомниться в достижимости этим путем практических результатов, так как если Австрия зашла уже столь далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии, то следует предположить, что влияние последней в Вене сильно упало, а потому и в данную минуту германскому правительству едва ли удастся многого достигнуть.

В 3 часа германский посол вновь приехал к министру и прочел ему телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизовать, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение. На это сообщение С.Д. Сазонов резко ответил: «Maintenant je n'ai plus de doute sur les vraies causes de l'intransigeance autrichienne» [Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости]. Граф Пурталес вскочил со своего места и так же резко воскликнул: «Je proteste de toutes mes forces, Mr. le ministre, contre cette assertion blessante» [Я всеми силами протестую, г-н министр, против этого оскорбительного утверждения]. Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения. Собеседники расстались весьма холодно.

Вскоре по уходе германского посла в кабинет министра в присутствии А.А. Нератова и барона Шиллинга позвонил телефон: государь император лично сообщал С.Д. Сазонову, что им только что получена от императора Вильгельма телеграмма с убедительной просьбой не допустить дело до войны[1]. С.Д. Сазонов воспользовался случаем, чтобы тут же доложить его величеству о сделанном ему за несколько минут перед тем заявлении графа Пурталеса и при этом указал на то, как мало согласуются слова германского императора с данным им своему послу поручением. Государь сказал, что он тотчас телеграфирует в Берлин, чтобы получить объяснение означенного противоречия[2]. Его величество разрешил С.Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником Генерального штаба по вопросу о нашей мобилизации.

К этому времени получено известие о начале бомбардировки Белграда австрийцами[3].

Совещание это между тремя поименованными лицами состоялось вскоре после того в кабинете генерал-лейтенанта Янушкевича. В соседней зале находились генерал-квартирмейстер Данилов, генерал Монкевиц и помощник начальника Канцелярии министра иностранных дел Н.А. Базили для немедленного приведения в исполнение могущих последовать распоряжений в зависимости от имевшего последовать решения. Последнее ожидалось всеми не без тревоги, так как все знали, насколько важно для нашей боевой готовности, будет ли произведена лишь частичная мобилизация или сразу общая, так как в первом случае осуществление частичной мобилизации неминуемо затруднило бы переход впоследствии к общей, если бы в таковой все же оказалась необходимость.

По всестороннем обсуждении положения, оба министра и начальник Генерального штаба пришли к заключению, что ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который заявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас были отправлены телеграммы в Париж и в Лондон для предупреждения правительств о состоявшемся решении.

Одновременно было поручено императорскому послу в Париже передать французскому правительству благодарность за сделанное накануне французским послом заявление. Императорскому послу в Лондоне поручалось обратиться к английскому правительству с настоятельным призывом, «не теряя времени», присоединиться к России и Франции, чтобы помешать нарушению европейского равновесия.

Около 11 часов вечера военный министр сообщил по телефону министру иностранных дел, что им получено высочайшее повеление об отмене общей мобилизации.

Около часа ночи германский посол по телефону настоятельно просил министра принять его немедленно, несмотря на позднее ночное время, по настоятельному делу. С.Д. Сазонов, уже легший спать, встал с постели и принял посла, который запросил, не можем ли мы удовлетвориться обещанием Австрии не нарушать целости Сербии. Министр ответил, что этого недостаточно, и на убедительную просьбу посла выработал и передал гр. Пурталесу текст формулы, в которой указывались те условия, на которых Россия была бы согласна остановить свои вооружения.

Днем появились на улицах сначала небольшие, а потом несколько большие толпы людей, несших царские портреты и национальные флаги с пением гимна и «Спаси, го-

споди, люди твоя». Манифестанты останавливались перед Зимним дворцом, а также перед зданиями Военного министерства и Министерства иностранных дел.

[1] Вильгельм II в телеграмме Николаю II от 15/28 июля 1914 г. в связи с выступлением Австрии против Сербии заверял, что оказывает все свое влияние на австрийцев для достижения «удовлетворительного соглашения» с Россией. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. V. — С. 188–189.

[2] В ответной телеграмме Вильгельму II от 16/29 июля 1914 г. Николай II отмечал: «Официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено в совершенно иных тонах. Прошу тебя объяснить это противоречие». В этой же телеграмме, оставшейся без ответа, содержалась мирная инициатива Николая II о передаче для избежания кровопролития австро-сербского вопроса в международный арбитраж. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. V. — С. 205–206.

[3] Информация о бомбардировке была передана в телеграмме поверенного в делах России в Сербии В.Н. Штрандтмана С.Д. Сазонову № 243 от 16/29 июля 1914 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. V. — С. 236.

17 июля

В десятом часу утра министр иностранных дел говорил по телефону с министром земледелия, причем оба они были весьма встревожены последовавшей отменой общей мобилизации, вполне сознавая, что это решение грозит поставить Россию в крайне опасное положение в случае обострения отношений с Германией. С.Д. Сазонов посоветовал А.В. Кривошеину испросить приема у государя, чтобы изложить его величеству опасения, вызываемые означенной отменой.

Около 11 часов утра министр иностранных дел вновь встретился с военным министром у начальника Генерального штаба. Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне. Сообразно с этим министры и начальник Штаба по-прежнему придерживались мнения, высказанного ими накануне, о необходимости прибегнуть к общей мобилизации. Генерал-адъютант Сухомлинов и генерал Янушкевич вновь старались убедить по телефону государя вернуться к вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же в кабинете и просит разрешения сказать государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого государь изъявил согласие выслушать министра. С.Д. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении. Помолчав, государь спросил: «Вам все равно, если я приму Вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени». Министр благодарил государя и сказал, что прибудет в указанный час.

Начальник Штаба горячо умолял С.Д. Сазонова непременно убедить государя согласиться на общую мобилизацию ввиду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией, если бы обстоятельства потребовали от нас принятия решительных мер после того, как успех общей мобилизации был бы скомпрометирован предварительным производством частичной мобилизации. Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону из Петергофа для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего как можно скорее уже начатую частичную мо-

билизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания новыми. «После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации».

По возвращении в министерство С.Д. Сазонов имел свидание с французским послом.

Между тем А.В. Кривошеин уведомил С.Д. Сазонова, что на его ходатайство о высочайшем приеме ему было отвечено, что государь в этот день чересчур занят и принять его не может. При этом Кривошеин высказал желание повидать С.Д. Сазонова еще до отъезда последнего в Петергоф. Было решено позавтракать вместе у Донона, где в 12 с половиной часов в отдельном кабинете и сошлись А.В. Кривошеин и С.Д. Сазонов вместе с бароном Шиллингом. Настроение было довольно подавленное, и разговор почти исключительно касался необходимости настоять на скорейшей общей мобилизации ввиду становящейся каждому все более ясной неизбежности близкой войны с Германией. А.В. Кривошеин высказывал надежду, что С.Д. Сазонову удастся убедить государя, так как в противном случае, по его словам, мы бы шли на верную катастрофу.

В 2 часа министр иностранных дел выехал с генерал-майором Татищевым в Петергоф, где оба были приняты вместе его величеством в Александрийском дворце. В течение почти целого часа министр доказывал, что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу. При таком положении остается лишь делать все, что нужно для того, чтобы встретить войну во всеоружии и при наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутым ею врасплох.

Сильное желание государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, заставляло его величество в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигавшейся опасности. Сообразно с этим он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле.

Напряженность тех чувств, которые в эту минуту переживал государь, выразилась между прочим в той необычной ему раздражительности, с которой его величество оборвал генерала Татищева. Последний, все время не принимавший участия в разговоре, сказал во время наступившей минуты молчания: «Да, решить трудно». Государь с неудовольствием резко возразил: «Решать буду я», желая этим положить конец дальнейшему вмешательству генерала в разговор.

Наконец, государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться вовремя к, по-видимому, неизбежной войне и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации.

С.Д. Сазонов испросил высочайшее соизволение немедленно передать об этом по телефону начальнику Генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон».

При этом государь еще надеялся найти способ помешать общей мобилизации быть бесповоротным поводом к войне. С этой целью государь в тот же день в телеграмме к императору Вильгельму по поводу принятого решения торжественно дал слово, что, несмотря на означенную мобилизацию...[1]

[1] В подлиннике текст обрывается. В телеграмме от 18/31 июля 1914 г. Николай II заверил Вильгельма II в том, что, несмотря на начатую мобилизацию, Россия не предпримет никаких военных действий, «пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу». — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. V. — С. 289.

18 июля

Министр иностранных дел считал желательным во избежание обострения отношений с Германией приступить к общей мобилизации по возможности тайно и не объявляя о ней всенародно. Однако оказалось, что это было технически невозможно, и с утра 18 июля на всех улицах появились объявления на красной бумаге с призывом под знамена.

Это не могло не вызвать волнения среди иностранных представителей, и одним из первых к министру приехал за разъяснениями германский посол. С.Д. Сазонов заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности ввиду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего непоправимого и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия согласится, пока еще не поздно, умеряюще воздействовать на свою союзницу.

Граф Пурталес не скрыл своих опасений насчет того, как отнесутся в Берлине к упомянутой мере.

19 июля

В пятом часу граф Пурталес, вызвав по телефону барона Шиллинга, сказал, что ему необходимо безотлагательно видеть министра. Барон Шиллинг ответил, что С.Д. Сазонов в настоящую минуту находится в Совете министров на Елагином острове, и обещал тотчас уведомить посла, как только министр вернется. Это и было сделано в начале седьмого часа, и граф Пурталес вскоре приехал в министерство. Предупрежденный об этом С.Д. Сазонов не обольщал себя никакими надеждами и сказал барону Шиллингу: «Он, вероятно, привезет мне объявление войны».

Войдя в кабинет министра, германский посол спросил, согласно ли императорское правительство дать на вчерашнюю его ноту благоприятный ответ. Министр ответил отрицательно, прибавив, что, хотя объявленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения. Граф Пурталес, уже приехавший весьма озабоченным, стал выказывать признаки возрастающего волнения. Вынув из кармана сложенную бумагу, он еще раз поставил министру тот же вопрос, подчеркнув тяжелые последствия, к которым должен повести отказ России согласиться на требование Германии об отмене мобилизации. С.Д. Сазонов твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ. Все больше волнуясь, посол поставил в третий раз тот же вопрос, и министр еще раз сказал ему, что у него нет другого ответа: «Je n'ai pas d'autre

réponse à Vous donner» [Я не могу дать Вам другого ответа]. Посол, глубоко растроганный, задыхаясь, с трудом выговорил: «En ce cas, Monsieur le ministre, je suis chargé par mon gouvernement de Vous remettre cette note» [В таком случае, господин министр, мне поручено моим правительством вручить Вам эту ноту]. И дрожащими руками он передал С.Д. Сазонову ноту с объявлением войны, которая, как оказалось впоследствии, содержала в себе 2 варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенные в одном тексте. Эта подробность, впрочем, была замечена лишь впоследствии, так как в самую минуту передачи ноты суть германского заявления была столь ясна, что не в словах было дело.

Разговор между послом и министром происходил стоя в большом кабинете, и после вручения ноты граф Пурталес, потерявший всякое самообладание, отошел к окну (первому от угла) и, взявшись за голову, заплакал, говоря: «Je n'aurais jamais cru que je quitterai Pétersbourg dans ces conditions» [Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких условиях]. При этом он обнял министра и ушел, прося сообщить в посольство о распоряжениях, которые будут отданы в отношении его отъезда, так как сам он в эту минуту был более неспособен ни о чем говорить.

Вызвав к себе немедленно А.А. Нератова и барона Шиллинга, министр сообщил о только что состоявшемся разговоре и поручил тотчас оповестить об этом, кого следует, в то время как он сам по телефону доложил обо всем государю императору.

Барон Шиллинг поспешил со своей стороны протелефонировать председателю Совета министров, военному и морскому министрам, министру финансов, а также французскому и английскому послам. Вместе с тем были отправлены соответствующие телеграммы нашим представителям за границу с уведомлением о последовавшем объявлении нам войны Германией.

В это время к барону Шиллингу пришел баварский посланник барон Грунелиус, который, видимо, был очень огорчен всем случившимся и весьма недоволен необходимостью покинуть Петербург. Он сказал барону Шиллингу: «Je viens Vous voir pour Vous demander ce que je dois faire. Je n'ai pas d'instructions spéciales de mon gouvernement, mais je crois que je dois suivre l'ambassade d'Allemagne. C'est bien triste et bien ennuyeux, tout ce qui se passe. Croyez-Vous que je doive voir le ministre? Je pense qu'il doit être très occupé en ce moment-ci et qu'il vaut mieux ne pas le déranger. Vous voudrez bien lui dire combien je suis désolé de tous ces événements» [Я пришел к Вам, чтобы спросить Вас, что я должен делать. Я не имею специальных инструкций от моего правительства, но я полагаю, что я должен следовать за германским посольством. Очень грустно и досадно все, что сейчас происходит. Следует ли мне, по Вашему мнению, посетить министра? Я думаю, что он должен быть очень занят в настоящий момент и что лучше его не беспокоить. Будьте добры передать ему, до какой степени я огорчен всеми этими событиями].

Барон Грунелиус просил уведомить его о том, что будет решено касательно отъезда германского посольства, к которому он считал своим долгом присоединиться.

По сношении с военными властями, Министерством путей сообщения и Департаментом полиции (последнее по части вопроса о пропуске за границу лиц, долженствовавших сопровождать германское посольство) было решено предоставить германскому послу с составом посольства, консулами, баварским посланником и около 80 человек германских подданных отдельный поезд на другое утро в 8 часов с Финляндского вокзала для следования через Швецию в Германию. Об этом барон Шиллинг известил секретаря посольства Притвица, которому было поручено графом Пурталесом заняться этим

вопросом. Со своей стороны Министерство иностранных дел поручило чиновнику особых поручений Радкевичу наблюдение за точным выполнением предположенных мер, а также сопровождение на вокзал отъезжающего посла.

[20 сентября]
Доверительно

16 сентября румынский посланник Диаманди приехал к министру и заявил, что он уполномочен подписать ноту в предложенной редакции. Министр ответил, что на докладе его величеству накануне государь император согласился на подписание подобных нот, но при этом высказался за то, чтобы им была придана обычная форма, т. е. чтобы в каждой из них были приведены заявления и той и другой стороны. Кроме того, были установлены и маленькие изменения некоторых слов, не имеющие принципиального значения. Диаманди объявил, что он может подписать ноту и с такими изменениями. Уже после его отъезда была изготовлена note annexe [нота-приложение][1], которую предполагалось предложить румынскому правительству подписать одновременно с нотой. Вследствие сего министр по телефону просил румынского посланника вернуться и передал ему эту note annexe. Диаманди, по-видимому, был очень недоволен этой прибавкой и, ссылаясь на то, что не имеет указаний насчет того, подписать ли ему или нет note annexe, он предлагал телеграфировать Братиано, чтобы испросить таковые указания. По впечатлению Сазонова, Диаманди был крайне раздражен ограничением, вытекающим из предположенной note annexe. Опасаясь, как бы это не повредило основному нашему предложению, Сазонов был того мнения, что не следует настаивать на подписании note annexe и ограничиться, как сначала было предположено, только одними главными нотами, предоставляя себе через посредство Поклевского высказать оговорки, заключенные в note annexe. Желая выяснить, в каком положении дело, я вечером телефонировал Диаманди, предлагая ему привезти текст нот, которые должны были быть подписанными на другой день, надеясь при этом из личного разговора убедиться, насколько впечатление Сазонова о недовольстве Диаманди и его опасение, что все наше соглашение может не состояться, оправдываются. Оказалось, что Диаманди едет вечером в театр, и поэтому мы решили с ним отложить разговор до другого дня, когда он обещался приехать ко мне завтракать, причем сказал, что приедет немного раньше с тем, чтобы переговорить. На другой день 17 сентября Диаманди действительно приехал, но одновременно с С.Д. Сазоновым и Поггенполем. Таким образом, разговора до завтрака быть не могло. Во время завтрака чувствовалась некоторая натянутость, после же, когда по уходе Сазонова и Поггенполя мы остались вдвоем, он начал говорить, и тут обнаружилось, что действительно он весьма возбужден по поводу вчерашнего разговора с министром. Ссылаясь на то, что предложение наше подписать note annexe доказывает недоверие наше к Румынии и, кроме того, что в этой добавочной ноте требуется от Румынии обещание благоприятствовать военной контрабанде, он выразил сомнение, что наше новое предложение будет принято в Бухаресте. Диаманди, по-видимому, обиделся на то, во-первых, что, когда он сказал Сазонову по поводу ноты annexe: «Permettez-moi de Vous le dire ce n'est pas de Vous...» [Разрешите Вам сказать, это происходит не от Вас...], Сазонов, будто бы, ему строго ответил: «Mr. le ministre, faites attention, Vous Vous mettez sur un terrain bien glissant» [Г-н посланник, будьте осторожны, Вы становитесь на скользкую почву]. Во-вторых, Диаманди, по-видимому, обиделся также на то, что, когда он

начал возражать на содержание ноты-аннекс, Сазонов, будто бы, ему сказал, что его не интересует мнение Диаманди, а что он желает знать мнение Братиано, которому просит передать этот текст. По поводу последних слов Диаманди говорил: «Je ne suis pas un agent de transmission pour le gouvernement impérial, mais seulement pour mon gouvernement, tandis que Votre agent de transmission est Poklevsky à Bucarest». [Я не являюсь передаточной инстанцией для императорского правительства, а только для моего правительства; Вашей же передаточной инстанцией является Поклевский в Бухаресте]. Диаманди полагал, что самое предъявление нами желания дополнить главную ноту нотой-аннекс должно будет произвести в Бухаресте самое неблагоприятное впечатление и даже, может быть, внушит Братиано мысль отказаться от предположенного соглашения с нами. В данном случае, несомненно, в известной степени играло роль задетое личное самолюбие, но он уверял, что впечатление на Братиано может быть столь сильным, что насмарку пойдет все созданное со времени Констанцы; он уверял, что мы сделали шаг назад до времени, предшествовавшего Констанце, и говорил, что если бы даже Братиано и предписал ему подписать ноту-аннекс, то он, Диаманди, предпочел бы просить о своем отозвании, нежели поставить свою подпись под подобным документом. Я старался успокоить Диаманди и указывал ему, что если наше сближение с Румынией столь непрочно, что, как он говорит, может быть расторгнуто из-за малейшего инцидента, то оно не может иметь в наших глазах никакой цены. Помня высказанное Сазоновым мнение, что лучше отказаться от ноты-аннекс, нежели скомпрометировать подписание самого соглашения, я указал Диаманди на то, что в мыслях Сазонова не было потребовать непременно одновременного подписания. Я сказал, что хотя Сазонов находил, что было бы предпочтительнее подписать главный акт вместе с оговоркой, тем не менее он никогда не делал непременным условием одновременное подписание обоих актов, и старался убедить Диаманди, основываясь на этом, не дожидаться более новых инструкций из Бухареста насчет note annexe и подписать теперь же основную ноту. Сначала не соглашаясь на это и ссылаясь, что в данное время создалось то, что он называл un fait nouveau [новое обязательство], в конце концов Диаманди тем не менее после 3-часового разговора со мной сказал, что он подумает об этом и сообщит ответ на другое утро. По докладе моем этого разговора Сазонову, я был уполномочен последним сообщить Диаманди, что Сазонов подтверждает все мною сказанное, и я поспешил сделать это по телефону. Диаманди, видимо, весьма обрадованный, сказал мне, что он со своей стороны также обдумал все и решил последовать моему совету и подписать основную ноту, не дожидаясь отзыва Братиано относительно ноты-аннекс, о которой он больше не будет упоминать. Действительно, на другой день, 19 сентября, в 3 часа, Диаманди приехал в министерство и обменялся с Сазоновым нотами, которые остались помеченными предыдущим днем[2]. При этом было решено, что оговорка, которую мы считали нужной сделать, как относительно толкования нашего в первом пункте слова «s'opposer», так и относительно нашего толкования «благожелательного» нейтралитета Румынии, будет сообщена Братиано через Поклевского.

[1] В ноте-приложении были даны пояснения к основной ноте: противодействовать нарушению территориальной целостности Румынии дипломатическими мерами, а не военными; «дружественное содействие румынского правительства России во всем, что касается нынешней войны»; запрет Румынией транзита через свою территорию неприятельских войск и военной контрабанды для неприятельских стран; предоставление льгот для транзита военных грузов из России в Сербию. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 343–344.

[2] 18 сентября/1 октября 1914 г. между Россией и Румынией состоялся обмен нотами о территориальной целостности Румынии, присоединении к Румынии австро-венгерских областей и о дружественном нейтралитете Румынии по отношению к России. — См. док. № 6. Обмен нотами-приложениями не состоялся.

29 сентября

Вечером 29 сентября Совет министров для обсуждения польского вопроса, а также вопроса о гражданском управлении в Восточной Галиции. Высказанные министром иностранных дел в этом заседании мысли изложены в особой памятной записке[1].

[1] В записке С.Д. Сазонова изложены основные тезисы будущего устройства Польши: в случае победы в войне к России отойдут от Германии и Австрии польские земли; во главе Польского Края назначается наместник российского императора; пределы самоуправления края определяются законодательством Российской империи; высшая и местная администрация подчиняется наместнику и т. д. — См.: Ф. 135, оп. 474, д. 57, л. 3–4.

1 октября

Румыния

Посетивший меня 1 октября, в шестом часу вечера, румынский посланник сказал мне, что он только что получил из Бухареста телеграмму, в которой Братиано сообщает ему, что накануне Поклевский передал ему полученный из Петрограда пакет с нотами и вручил одновременно письмо, или, вернее, ноту, в которой он делает предписанную ему оговорку относительно термина «s'opposer» [выступить против], а также излагает наше толкование «благожелательного нейтралитета» Румынии[1]. По словам Диаманди, эта нота, особенно в последней своей части, касающейся нейтралитета, произвела на Братиано самое неблагоприятное впечатление, до такой степени, что Братиано спрашивает себя, может ли он считать соглашение достигнутым. Во всяком случае он не находит возможным принять ноту Поклевского и поручил Диаманди официально заявить об этом Сазонову, предлагая даже, в случае, если мы будем настаивать на принятии ноты Поклевского, считать все соглашение несостоявшимся. Изложив мне все это не без возбуждения, Диаманди сказал мне, что, помня пример на прошлой неделе при подписании самой ноты, он предпочел, прежде чем идти к Сазонову и создать нечто непоправимое, зайти ко мне и посоветоваться насчет того, что ему делать. Я сказал Диаманди, что он часто говорит нам о впечатлении, которое тот или другой поступок наш производит в Бухаресте, и должен помнить, что мы неоднократно давали доказательства, что мы считаемся с этим впечатлением и стараемся сделать все для того, чтобы таковое было для нас благоприятно, но вместе с тем я не могу не обратить внимание его, что одинаковым образом следовало бы и в Бухаресте считаться с впечатлением, производимым в Петрограде тем или иным поступком румынского правительства. В этом отношении я считаю, что Диаманди в качестве румынского посланника здесь обязан ставить свое правительство в известность о том, какое впечатление производит у нас то или другое дело, и настаивать на том, чтобы в Бухаресте с этим сообразовались, так как для Румынии не менее важно, чем для нас, заботиться, чтобы здесь настроение по отношению к ней поддерживалось благоприятным. Я напомнил Диаманди высказанное им же недавно мне наблюдение, что уже в русской печати и в русском обществе

под влиянием нерешительности Румынии выступить с нами вместе против Австрии настроение по отношению к Румынии несколько изменилось, и как будто сочувствие к ней несколько ослабело. Я сказал ему, что С.Д. Сазонов до сих пор продолжает относиться столь же сочувственно к Румынии, но что в интересах последней de ne pas aliéner ses sympathies [не лишиться его симпатий]. Ввиду всего этого я посоветовал Диаманди не делать своего официального заявления Сазонову, а в тот же день написать все вышесказанное Братиано, указав ему на необходимость крайне осторожно действовать, чтобы не раздражать против себя петроградского правительства. На вопрос Диаманди, действовал ли Поклевский, строго сообразуясь с указаниями из Петрограда, я ответил, что действительно ему было поручено непременно письменно сделать оговорку касательно нашего толкования слова «s'opposer», так как мы отнюдь не желаем создавать каких бы то ни было иллюзий у румын, хотя бы эти иллюзии и были нам в настоящую минуту на руку; особенно, помня пример 77-го года, мы отнюдь не желаем допустить снова возможности каких-либо недоразумений. Что касается нашего толкования румынского «благожелательного нейтралитета», то в этом отношении Поклевскому не было ясно сказано, в какой форме он должен передать Братиано таковое наше толкование. Очень может быть, что Поклевский счел себя обязанным сделать это письменно, но я уверен, что у нас не будут настаивать, чтобы это было сделано непременно в этой форме. Поэтому я советовал Диаманди телеграфировать Братиану, что Поклевскому было лишь поручено высказать приблизительно следующее: que nous entendons le terme de neutralité bienveillante dans le sens qui permet à la Roumanie de faciliter l'approvisionnement de la Serbie et en même temps lui permet d'empêcher que les pays dont l'attitude fait croire qu'ils font cause commune avec les ennemis de la Triple Entente puissent profiter des dépôts ou des voies et des communications de la Roumanie [что мы понимаем термин «благожелательный нейтралитет» в том смысле, который позволяет Румынии облегчить снабжение Сербии и в то же время позволяет ей не допускать, чтобы складами и путями сообщения Румынии могли пользоваться страны, позиция которых дает основание подозревать, что они заодно с врагами Тройственного согласия]. Диаманди записал это под мою диктовку, прибавив шутя, что «Vous n'avez jamais vu de secrétaire plus docile que moi» [Вы никогда не видели более послушного секретаря, чем я], и при этом спросил, что же мы ожидаем в ответ от Братиано, упомянув, что вряд ли последний может решиться письменно изложить взгляд на благожелательный нейтралитет, который мог бы нас удовлетворить. Я сказал шутя Диаманди, что если бы я был Братиано, я бы ответил приблизительно следующее Поклевскому: я бы сказал ему, что Румыния желает не на словах, а на деле доказать, что сама понимает благожелательный нейтралитет приблизительно так же, как и мы, и что доказательством этому будет служить уже отданное распоряжение о запрете вывоза зерна, и что теперь он, Братиано, будет содействовать также и другим мероприятиям, которые мы желали бы от Румынии, а именно: в отношении запрета или, по крайней мере, уменьшения вывоза бензина и керосина, а также мероприятий, клонящихся к тому, чтобы содействовать провозу в Сербию предметов обмундирования, теплых вещей и пр. Диаманди обещал мне в тот же вечер телеграфировать в этом смысле в Бухарест, я же, со своей стороны, сказал, что предложу С.Д. Сазонову, быть может, телеграфировать Поклевскому, чтобы ему подтвердить необходимость сделать оговорку касательно слова «s'opposer» письменно, что же касается второй части его сообщения, то ограничиться устным изложением и удовлетвориться устным же ответом Братиану в сказанном мной смысле.

Таким образом, этот новый инцидент был исчерпан, и, согласно разговору, Сазонов согласился послать такую телеграмму в тот же день Поклевскому.

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 341–344.

5 октября

Ввиду смерти итальянского министра иностранных дел[1], маркиз Карлотти приехал сообщить барону Шиллингу о переменах, происшедших в составе итальянского кабинета. По этому поводу начальник Канцелярии высказал послу мнение, что нежелание Италии выступить заодно с державами Тройственного согласия при жизни маркиза ди Сан-Джулиано могло в глазах императорского правительства быть связано с личными стремлениями министра. Если это выступление не произойдет в настоящее время, после кончины маркиза ди Сан-Джулиано, то это можно будет объяснить лишь нежеланием Италии действовать совместно с союзниками. При выходе от барона Шиллинга Карлотти встретился с С.Д. Сазоновым, который выразил ему удивление, что в современной политике Италии незаметно личного влияния итальянского короля. Если бы Италия ссылалась на недостаточную подготовку своей армии, то подобное опасение было бы неосновательным в настоящую минуту, когда Италии предоставляется выступить против разбитых уже австрийцев.

[1] Антонио Патерно-Кайелло, маркиз ди Сан-Джулиано, возглавлявший МИД Италии с 31 марта 1910 г., скончался 17 октября 1914 г.

16 октября

Открытие военных действий Турцией против России.

В 9 с половиной часов утра барон Шиллинг получил для осведомления телеграмму, адресованную адмиралом Эбергартом наместнику на Кавказе: «Война с Турцией началась». Барон Шиллинг протелеграфировал начальнику телеграфной конторы и узнал от него, что эта телеграмма была послана из Севастополя в Тифлис кружным путем, через Одессу. В Одессе чиновник телеграфной конторы ввиду важного содержания этой телеграммы по собственному почину сообщил ее чиновнику телеграфной конторы в Петрограде, который и послал телеграмму в министерство. Начальник конторы добавил, что через его руки пошла вторая телеграмма севастопольского коменданта на имя государя императора, в которой сообщается, что, по приказанию адмирала Эбергарта, Севастополь объявлен на осадном положении. После этого разговора барон Шиллинг телефонировал в морской Генеральный штаб, но ему сообщили, что начальник Штаба адмирал Русин вышел, а его помощники еще не пришли. Таким образом, до половины двенадцатого не оказалось возможным получить какие-либо официальные сведения о начале военных действий. В это время по телефону позвонил французский посол, который спросил, может ли он видеть министра, ввиду происшествий на Черном море, и осведомился у барона Шиллинга, какие мы имеем сведения по этому делу. Барон Шиллинг сказал ему, что наши сведения очень ограничены, и, в свою очередь, спросил, знает ли посол что-либо по этому вопросу. Палеолог передал, что он получил телеграмму французского консула в Одессе, в которой ему сообщается, что две турецкие миноноски вошли в одесский порт, напали на наши канонерки и потопили одну из них и французское

торговое судно «Portugal», вторая наша канонерка начала преследование, но не могла достичь турецких судов. В это время министр телефонировал адмиралу Григоровичу, но морским министром не было получено никаких известий. Никаких известий не имел и председатель Совета министров Горемыкин.

Около 12 часов дня телеграфное агентство сообщило полученное им известие о бомбардировке Феодосии турецким судном типа «Бреслау», а также о том, что в Новороссийск явилось турецкое военное судно, с него сошел офицер и потребовал сдачи города. Офицер был арестован, турецкое судно ушло.

Эти неофициальные сведения были переданы по прямому проводу Н.А. Базили князю Кудашеву в Ставку главнокомандующего[1], причем выяснилось, что в Ставке уже были осведомлены о выступлении турок.

Таким образом, официального уведомления о начале военных действий со стороны Турции в течение всего этого времени министерством получено не было.

В течение дня поступили известия о происшедшем в Феодосии и Одессе в Министерство внутренних дел, а также некоторые весьма краткие сведения были получены и морским министром.

[1] Запись разговора Н.А. Базили с Н.А. Кудашевым от 16/29 октября 1914 г. в 11.30 часов утра. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 433–435.

16 октября

В течение дня поступили сообщения о происшедшем в Феодосии и Одессе министром[1] внутренних дел, а также некоторые весьма краткие сведения были получены и морским министром.

Около 12 часов дня прибыли в министерство французский и английский послы, с которыми Сазонов выработал текст телеграммы, имеющей быть отправленной в Бордо и в Лондон с предложением поручить послам трех держав в Константинополе предъявить Турции ультиматум, либо немедленно удалить всех немцев, находящихся как в сухопутной армии, так и во флоте, либо разрыв дипломатических сношений[2].

Ввиду создавшегося положения было решено телеграфировать Гирсу о выезде.

[1] Так в документе.

[2] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 438.

16 октября

В 2 ч., получив известие об открытии Турцией военных действий против нас, вследствие чего телеграфное сообщение между Россией и Турцией, очевидно, прервано, С.Д. Сазонов вызвал итальянского посла в качестве представителя державы, согласившейся принять на себя защиту наших интересов в Турции в случае разрыва, и просил маркиза Карлотти телеграфировать срочно через Рим итальянскому послу в Константинополе, дабы осведомиться о том, обеспечен ли выезд в Россию императорскому послу в Константинополе[1] с подведомственными ему чинами посольства и консульских учреждений. С.Д. Сазонов уполномочил итальянского посла заявить турецкому правительству, что с оттоманскими представителями и подданными в России будет поступлено так же, как с нашими в Турции. Одновременно министр передал

нашу просьбу итальянскому правительству принять защиту наших интересов и подданных в Турции.

Вслед за сим, вызвав вновь назначенного болгарского посланника г-на Маджарова, С.Д. Сазонов поручил ему телеграфировать в Софию, что мы прежде всего ожидаем от болгарского правительства доказательства безусловно дружелюбного отношения к союзной с нами Сербии, во избежание малейшего подозрения о каком-либо сообщничестве с Турцией. В своем разговоре с министром Маджаров, между прочим, спросил, как бы отнеслась Россия теперь к расширению Болгарии в сторону Энос — Мидия, С.Д. Сазонов, не колеблясь, ответил, что Россия вполне согласилась бы на такое расширение. Маджаров обещал об этом сообщить в Софию, что и сделал.

[1] Имеется в виду М.Н. Гирс.

17 октября

Утром 17 октября была получена от Гирса телеграмма, в которой говорится, что три посла соглашались поставить Порте своего рода ультиматум: или выгнать всех немецких сухопутных и морских офицеров, или принять войну с тремя державами Согласия.

Почти одновременно английский посол прислал копию с только что полученной им телеграммы тождественного содержания от Малета, английского посла в Константинополе.

Сазонов по телефону доложил телеграмму Гирса государю императору и просил соизволения его величества принять предложенный тремя послами в Константинополе ход действий. Его величество сначала, указывая на то, что фактически мы находимся уже в войне с Турцией, склонялся скорее в пользу немедленных решительных действий против Турции, но тем не менее согласился принять предложение послов и вместе с французским и английским правительствами сделать соответствующее заявление Порте, давши ей лишь весьма короткий срок на ответ.

Вскоре вслед за тем к С.Д. Сазонову приехали французский и английский послы, и сообща втроем они обсуждали формулу, которую можно было бы поручить послам в Константинополе предъявить Порте. При этом было принято во внимание, что Гирс уже мог получить и уже осуществить данное ему накануне поручение, а именно, объявить Турции, что ввиду создавшегося положения он со всем составом посольства выезжает. Ввиду этого был выработан некоторый вариант на тот случай, если бы Гирс еще был в Константинополе при получении новых инструкций двумя послами, и другой вариант на случай, если бы он уже объявил о своем отъезде Порте.

Верховному главнокомандующему Сазонов телеграфировал в том смысле, что, по его мнению, адмиралу Эбергарту необходимо предоставить полную свободу действий в Черном море, между тем как наместнику на Кавказе следовало бы поручить несколько повременить с выступлением против Турции до получения ответа ее на предположенный ультиматум. К вечеру были получены телеграммы от Гирса о том, что он не мог видеть визиря по болезни и поэтому письменно сообщил ему содержание вчерашней телеграммы о его отозвании. Также были получены телеграммы из Бордо о том, что Делькассе дал соответствующие указания Бомпару о солидарном выступлении трех послов в Константинополе. Между прочим, из моего разговора с Делькассе я вынес впечатление, что во Франции скорее опасаются, нежели желают выступления Италии против

Турции, предпочитая, чтобы Италия присоединилась к нам против Австрии, а не против Оттоманской империи.

Состоявшийся 17 октября Совет министров выработал телеграмму верховному главнокомандующему относительно желательности предоставить адмиралу Эбергарту полную свободу действий и одновременно с этим поручить наместнику на Кавказе повременить с наступлением против Турции. Текст телеграммы — исх. 17 октября № 3543 — Россия[1].

[1] 17/30 октября 1914 г. С.Д. Сазонов направил в Ставку на имя директора Дипломатической канцелярии Н.А. Кудашева телеграмму № 3543, в которой изложил постановления Совета министров. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 437.

18 октября

Приехавший к барону Шиллингу итальянский посол в разговоре о событиях дня, между прочим, как бы вскользь поставил вопрос, не наступило ли теперь время для разрешения интересующего Россию вопроса о Проливах. Так как Карлотти за два дня задал тот же вопрос князю Трубецкому, можно предположить, что Италия весьма им интересуется, вероятно, в надежде связать с ним разрешение тех вопросов в Турции, в которых она сама наиболее заинтересована. И князь Трубецкой, и барон Шиллинг, оба не дали никакого ответа на этот вопрос и не вошли в его обсуждение.

19 октября

Утром были получены телеграммы относительно отъезда Гирса.

В 3 часа приехал итальянский посол и сообщил полученную им от итальянского посла в Константинополе Гаррони телеграмму, которая была отправлена из Константинополя накануне, 31/18 октября, вечером и извещала о состоявшемся выезде российского посла вместе с чинами посольства и консульства. В телеграмме было прибавлено, что турецкие власти при этом оказали русскому послу самую большую предупредительность.

Тотчас вслед за итальянским послом к министру вошел турецкий посланник Фахрэддин Бей, которого министр встретил словами: «J'allais Vous envoyer Vos passeports» [Я собирался послать Вам Ваши паспорта]. Фахрэддин возразил: «Et moi, je Vous apporte la paix» [А я приношу Вам мир], при этом он прочел министру полученную им от великого визиря телеграмму, в которой говорилось, что Турция сожалеет об имевшем место враждебном действии, вызванном русским флотом, обещает впредь не высылать своего флота в Черное море и надеется, что русское правительство в данном случае выкажет такое же желание примирения, как и оттоманское правительство. Текст телеграммы — исх. 19 октября, № 3575 — Турция[1].

Министр выразил большое недоверие к утверждениям великого визиря, будто бы русский флот своими действиями провоцировал турецкий, и сказал, что во всяком случае он не допускает отныне никаких новых разговоров с турками, пока последние не удалят окончательно всех немцев, находящихся у них на службе. Фахрэддин предложил телеграфировать об этом в Константинополь, причем было установлено, что, буде оттоманское правительство пожелает дать какой-либо ответ на это, таковой может быть передан в Петроград через итальянского посла ввиду предстоящего отъезда турецкого посольства.

По уходе Фахрэддина была получена телеграмма из Бордо, в которой говорилось, что, по словам адмирала Сушона, турецкий флот при выходе из Босфора был атако-

ван русским военным судном, которое было потоплено, и что взятые русские офицеры и матросы показали, что судно ставило минные заграждения. Нападение на Одессу и Феодосию носило, по его словам, характер репрессалии.

Через несколько минут после этого в министерство прибыл начальник морского Штаба вице-адмирал Русин вместе с капитанами II ранга графом Капнистом и Егорьевым и в присутствии Нератова, барона Шиллинга и Трубецкого доложил министру все имеющиеся в его распоряжении данные о том, при каких обстоятельствах произошли первые столкновения в Черном море. По словам адмирала Русина, во вторник 14 октября адмирал Эбергарт выходил со всем флотом в море для стрельбы и маневрирования. Доказательством того, что он не имел в виду приступить к военным действиям, может служить то обстоятельство, что он взял на борт для испытания новые аэропланы, чего бы он, вероятно, не сделал, если бы шел с намерением принять бой. В среду вечером весь флот, по-видимому, вернулся в Севастополь, против какового на другое утро, в 7 часов, «Гебен» открыл пальбу, подойдя к порту в густом тумане. Адмирал Русин совершенно исключает возможность оправдания версии, переданной со слов Бомпара в телеграмме Извольского № 541[2]. Действительно, раз флот наш находился в среду, 15-го, в Севастополе, нельзя предположить, чтобы минные заградители одни устанавливали в это время мины у Босфора. Наконец, турецкие суда вышли из Босфора беспрепятственно, как явствует из телеграммы нашего морского агента в Константинополе того же 15 октября. Упоминание о морских офицерах и матросах в телеграмме Бомпара Русин объясняет тем, что они могли быть сняты с затопленного транспорта «Прута», который, может быть, действительно ставил мины, но, так как он был затоплен близ Херсонеса, ясно, что он делал это лишь в наших территориальных водах, а потому ссылка на таковые действия, даже если бы они подтвердились, очевидно, не может оправдать нападения на наши порты, как, по-видимому, пытаются теперь сделать турки.

По мнению Русина, лишь теперь возможно, что адмирал Эбергарт, снявшийся из Севастополя 16 октября, в 5 час. дня, и вышедший в море со всем флотом, приступил к минированию Босфора и сплаву в пролив плавающих мин, которые у нас, в противоположность немецким, снабжены часовым механизмом, обезвреживающим по истечении известного срока.

Решено выпустить правительственное сообщение, и отъезд турецкого посольства назначен на завтрашний день.

---

[1] Телеграмма С.Д. Сазонова послам России во Франции и Великобритании А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу от 19 октября/1 ноября 1914 г. с текстом телеграммы великого визиря. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 457–458.

[2] В телеграмме № 541 от 18/31 октября 1914 г. посол России во Франции А.П. Извольский сообщал С.Д. Сазонову подробности инцидента, полученные от французского посла в Турции М. Бомпара. По версии М. Бомпара, турецкий флот при выходе из Босфора был атакован российским военным судном, которое было потоплено «по инициативе и приказанию немцев», т. к. ставило минные заграждения в Босфоре. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VI. — Ч. 1. — С. 455–456.

20 октября

К барону Шиллингу приезжал румынский посланник, чтобы справиться об общем положении, создавшемся выступлением Турции, а также и об отношении балканских государств к этому выступлению. Как личное свое мнение, Диаманди высказал, что при

настоящих условиях Болгария должна была бы выступить против Турции. Румыния, в случае такого выступления Болгарии, была бы готова дать ей все возможные обеспечения в смысле безопасности от нападения с ее стороны. На эти слова Диаманди барон Шиллинг заметил, что лучшим обеспечением со стороны Румынии было бы выступить одновременно против Австрии. Диаманди сказал, что он лично имеет основание предполагать, что это выступление Румынии состоится в недалеком будущем. Заметив молчание барона Шиллинга, он сказал, что вполне понимает это молчание. Посланник прибавил: «Je sais que les déceptions du gouvernement russe commencent à se faire jour, mais je connais mon pays. Je regrette de ne pas être autorisé par mon gouvernement à Vous faire de communication officielle, mais j'ai des raisons pour croire que l'entrée de action de la Roumanie aura bientôt lieu». [Я вижу, что российское правительство начинает испытывать разочарование, но я знаю свою страну. Я сожалею, что не был уполномочен моим правительством сделать Вам официальное сообщение, но у меня есть основания полагать, что Румыния вскоре начнет военные действия]. Барон Шиллинг ответил, что нам оставалось бы горячо приветствовать осуществление слов посланника, но при этом не скрыл своего скептицизма.

22 октября

22 октября к барону Шиллингу приехал итальянский посол и сказал, что желает сообщить весьма доверительно содержание только что полученной им телеграммы. В ней ему передавался разговор одного из германских послов, которого он не пожелал назвать, со своим итальянским сотоварищем. В этом разговоре германский посол, указав на крайние бедствия, с которыми сопряжена нынешняя война, сказал, что, как личное свое мнение, из человеколюбия нужно было бы изыскать средство положить конец кровопролитию. По мнению этого посла, Италии во главе остальных нейтральных держав следовало бы предложить свое посредничество обеим воюющим сторонам. Карлотти сказал, что ему поручено не говорить о сделанном сообщении германского посла, а просто высказать свое личное мнение относительно того, как бы отнеслись в России к подобному предложению. Карлотти просил об этом никому не говорить, кроме С.Д. Сазонова, которому он на другой день надеялся лично сказать об этом. Барон Шиллинг ответил, что, на его взгляд, подобное предложение, особенно без выражения готовности принести известные жертвы, могущие удовлетворить 3-х союзников, обречено на неуспех.

4 ноября

4-го ноября г-н Палеолог прочел С.Д. Сазонову свою телеграмму французскому правительству, в которой излагается содержание беседы посла с председателем Совета министров: В беседе с французским послом председатель Совета министров И.Л. Горемыкин высказал свой личный взгляд на будущие условия мира. Председатель Совета полагает, что Россия сочтет необходимым присоединить часть Армении и создать из Константинополя свободный город с международным управлением. Условия мира должны быть установлены союзниками в течение совместных действий против неприятеля и продиктованы Германии и Австрии, конференция была бы созвана только для урегулирования второстепенных вопросов. Русское правительство твердо надеется, что после окончания войны союз между тремя державами будет окончательно закреплен.

7 ноября

Итальянский посол сообщил барону Шиллингу, что ему передана телеграмма итальянского посла в Лондоне, который из неофициального, но верного источника узнал, что Венгрия готова отпасть от Австрии и заключить сепаратный мир с Россией. Итальянскому послу поручается следить за этим и сообщить своему правительству, имеет ли он какие-либо сведения по данному вопросу. Барон Шиллинг ответил послу, что, по его сведениям, лицо с подобной миссией в Петроград не приезжало. Он не имеет данных указать послу, как отнеслось бы русское правительство к подобному вопросу, но во всяком случае Россия руководилась бы исключительно своими личными интересами, так как Италия, не выступавшая своевременно по призыву России, не может рассчитывать на то, что при решении вопроса об отдельном мире с Австро-Венгрией ее интересы были бы приняты в соображение.

10 ноября

10 ноября английский посол прочел министру телеграмму сэра Э. Грея, в которой говорится, что, если заявление, которое поручено было сделать Бюканену о согласии Англии на разрешение вопроса о Проливах и Константинополе согласно желаниям России, было менее определенно, нежели то, что по этому поводу сказал Грей графу Бенкендорфу, то Грей готов подтвердить, что его слова, сказанные русскому послу в Лондоне, вполне соответствуют его отношению к этому вопросу. Бюканен прочел также телеграмму Грея английскому послу в Париже, в которой указывается также на то, что Англия считает справедливым удовлетворение России в вопросе о Проливах.

10 ноября итальянский посол прочел барону Шиллингу телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, в которой говорится о разговоре Фашиотти с Братиано, причем последний говорил итальянскому посланнику, что Румыния могла бы сделать известные территориальные уступки Болгарии, а именно, в отношении Добрича и Бальчика. Итальянский посланник высказал мысль, что Румыния могла бы выступить ныне же против Австрии, на что Братиано указал ему, что для этого желательно было бы сговориться с Италией, дабы выступление было одновременным.

10 ноября румынский посланник Диаманди, встретившись с князем Трубецким у барона Шиллинга, говорил, что, хотя он не имеет непосредственно из Бухареста сведений об этом, но до него доходит со всех сторон, что румынское правительство решилось на известные уступки в пользу Болгарии во вновь приобретенной Добрудже. Посланник признался, что сам он являлся скорее противником подобных уступок, так как, зная болгар, он убежден, что, как только они увидят возможность получить хотя бы небольшую часть, их требования немедленно возрастут. Он указывал на неудобство так называемой frontière flottante [колеблющейся границы], особенно во вновь приобретенных землях, так как изменения границ могут всегда подать мысль о возможности новых видоизменений. Тем не менее, раз, по-видимому, Братиано уже на это соглашается, Диаманди поздравил русскую дипломатию с новым большим успехом. Было отмечено, что при таких условиях и Сербии будет легче сделать земельные уступки в пользу Болгарии, раз таковые последуют не только со стороны одной Сербии. При этом посланнику было указано на желательность сплочения блока Румынии, Сербии и Греции с тем, чтобы к этому блоку привлечь, если окажется возможным, также и Болгарию, а если бы это

оказалось невозможным, чтобы тройной блок Румынии, Сербии и Греции мог оказывать желательное давление на Болгарию.

15 ноября

Имея целью вызвать активное выступление Болгарии, императорское правительство признало нужным оказать влияние на Сербию и склонить ее на территориальные уступки. Чтобы облегчить Сербии согласие на уступки в Македонии, было признано желательным заранее гарантировать от лица трех союзных держав те территориальные приобретения в Боснии и Герцеговине, которые она получит после окончания войны.

По этому вопросу в Министерстве иностранных дел состоялось совещание, на котором было решено гарантировать Сербии присоединение Герцеговины, Боснии и части Далмации до Спалато, и был составлен соответственный проект телеграммы в Бордо и Лондон:

«Ваша телеграмма № 588 получена.

Вполне разделяя мнение Делькассе относительно необходимости сделать сербскому правительству сообщение, предлагаем облечь его в нижеследующую форму: L'entente entre la Bulgarie et la Serbie n'ayant pas encore été obtenue, il serait indispensable vu la gravité de la situation dans laquelle se trouve actuellement la Serbie, que la Russie, la France et la Grande Bretagne interviennet pour imposer aux deux etats le compromis suivant. Reconnaissant l'absolue nécessité pour la Serbie de gagner un libre accès à l'Adriatique et considérant qu'à ce prix elle devrait faire droit aux revendications de la Bulgarie en Macédoine, les trois puissances devraient assumer la réalisation de ces principes. Elles devraient à cet effet garantir d'une part à la Serbie l'obtention de la Bosnie — Herzégovine avec une partie de la Dalmatie comprise tout au moins entre Spalato et la frontière monténégrine et d'autre part garantir à la Bulgarie la cession par la Serbie des territoires en Macédoine tout en assurant une frontière commune entre la Serbie et la Grèce. Le territoire d'Istibe et de Katchana devrait dès à présent être occupé par la Bulgarie. Si les cabinets de Paris et de Londres partageaient l'avis de M.Sazonoff, les gouvernements de Russie, de France et de Grande Bretange pourraient s'engager mutuellement à inclure comme condition dans le futur traité de paix avec l'Autriche-Hongrie la cession à la Serbie des territoires austro-hongrois indiqués plus haut et de communiquer cette décision au gouvernement serbe» [Так как согласие между Болгарией и Сербией еще не достигнуто, необходимо, вследствие серьезности положения, в котором в настоящее время находится Сербия, вмешательство России, Франции и Великобритании с тем, чтобы обязать оба государства пойти на следующий компромисс. Признавая безусловную потребность Сербии в получении свободного доступа к Адриатике и принимая во внимание, что за это она должна удовлетворить притязания Болгарии в Македонии, три державы должны взять на себя реализацию этих положений. Для этого они должны, с одной стороны, гарантировать Сербии получение Боснии и Герцеговины с частью Далмации, по меньшей мере между Спалато и черногорской границей, с другой стороны, гарантировать Болгарии уступку Сербией территорий в Македонии, гарантируя общую границу между Сербией и Грецией. Территории Истиба и Качаника должны отныне быть заняты Болгарией. Если парижский и лондонский кабинеты разделяют мнение г-на Сазонова, правительства России, Франции и Великобритании могли бы взять на себя взаимные обязательства по включению в качестве условия в будущий мирный договор с Австро-Венгрией уступки

Сербии вышеуказанных австро-венгерских территорий и сообщить об этом решении сербскому правительству].

Между тем французский посол сообщил, что французское правительство само намерено выступить с предложением обещать известные территориальные приращения Сербии, и просил подождать с отправкой выработанной телеграммы до получения соответственного предложения Франции.

В последующие дни, однако, предложений французского правительства получено не было, и при дальнейшем обсуждении этого вопроса было решено не выступать с обещанием Сербии определенных земельных приращений в настоящее время, так как в зависимости от хода военных операций исполнение такого обещания может быть достигнуто лишь крайне тяжкими усилиями наших войск на австрийском театре, с другой же стороны, в случае успешного хода военных действий, мы могли бы предоставить Сербии в будущем и большие территориальные приращения.

18 ноября

18 ноября С.Д. Сазонов призывал румынского посланника, чтобы побудить Румынию к немедленному выступлению против Австрии ввиду крайне тяжелого положения Сербии.

19 ноября

Португальский посланник, сообщая, что в непродолжительном времени можно ожидать выступления Португалии, передал просьбу своего правительства об уступке Португалии заказанной нами и строящейся на заводе «Фиат» подводной лодки. С.Д. Сазонов ответил, что императорское правительство согласно на осуществление просьбы Португалии и обещал телеграфировать в этом смысле в Рим.

25 ноября

Итальянский посол посетил С.Д. Сазонова и прочел ему телеграмму итальянского поверенного в делах в Вене, в которой излагается содержание беседы поверенного в делах с графом Форгачем. Граф Форгач говорил, что в настоящую минуту военное положение Австрии можно признать вполне благоприятным. Действия австрийцев против сербов удачны, и за последнее время положение на русском фронте значительно улучшилось. Отдавая должное мужеству и доблестному поведению наших генералов, граф Форгач в то же время указал, что уже настало время, когда ввиду всеобщего утомления войной пора думать о заключении мира, и в этом отношении желательно, чтобы Англия и Германия нашли почву для соглашения, так как война приняла теперь характер англо-германского спора.

25 ноября с бароном Шиллингом беседовал румынский посланник и, между прочим, совершенно частным и дружественным образом указал на противоречие в последних выступлениях держав в Бухаресте, противоречие, которое, по мнению посланника, может только затруднить выход из нынешнего положения на Балканах.

На это барон Шиллинг ответил, что события развиваются теперь с такой быстротой, что соблюдать полную последовательность в выступлениях держав Согласия не пред-

ставляется возможным, и некоторые противоречия вполне понятны. Державы советовали Румынии пойти на уступки в пользу Болгарии, когда казалось, что соглашение между балканскими государствами может быть достигнуто. В настоящее же время на очередь ставится вопрос о военной помощи Сербии со стороны Греции. Для активного выступления Греции необходима гарантия от нападения со стороны Болгарии, а потому особенно важным представлялось бы получить эту гарантию.

По поводу указания румын, что выступление их в настоящую минуту невозможно из-за недостатка военных припасов, барон Шиллинг высказал посланнику, что эта ссылка на военную неподготовленность в настоящее время доказывает, насколько неосуществимо было выступление Румынии в июле против нас, и показывает, что России не приходится слишком высоко оценивать нейтралитет Румынии, так как последний обусловлен, по-видимому, не дружественным отношением к России, а просто военной неподготовленностью Румынии.

Посланник ответил, что Румынии приходится испытывать недостаток военных припасов именно потому, что она не выступила против России. Если бы с начала войны Румыния высказалась за наших противников, то 200 вагонов военных припасов, заказанные ею в Германии, уже были бы получены.

27 ноября

27 ноября С.Д. Сазонов беседовал с итальянским послом, который посетил его ввиду получения итальянским правительством известия о проекте раздела Албании между Сербией и Грецией. Беседа министра излагается в исходящей телеграмме № 4217 в Рим[1]. На замечания посла С.Д. Сазонов дал ему ясно понять, что ссылаться на лондонские постановления относительно Албании не представляется возможным, так как Албании как самостоятельного государства уже более не существует. С другой стороны, лондонским постановлениям противоречит и желание Италии получить Валону, а поэтому Италии предлагается или придерживаться лондонских постановлений и отказаться от Валоны, или же поддерживать свои притязания на Валону, но не ссылаться более на постановления Лондонской конференции[2].

[1] 27 ноября/10 декабря 1914 г. С.Д. Сазонов направил послам России во Франции и Великобритании А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу секретную телеграмму, в которой изложил содержание его беседы с итальянским послом в Петрограде А. Карлотти. — См.: Ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 151, л. 456.

[2] Лондонская конференция (совещание) послов России, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии и Великобритании (представитель — министр иностранных дел Э. Грей) начала свою работу в середине 1912 года в период 1-й Балканской войны. Одновременно в Лондоне проходила конференция воюющих сторон — балканских государств и Турции. 30 мая 1913 г. был подписан Лондонский мирный договор, завершивший 1-ю Балканскую войну и оставивший открытым вопрос о границах Албании. Между тем на совещании послов летом 1913 года были приняты решения об объявлении Албании независимым княжеством «под гарантией шести держав» и о границах албанского государства. — См.: История дипломатии. — Т. II. — С. 750–754, 759.

2 декабря

Из беседы с итальянским послом можно было вынести впечатление, что обсуждение проекта о разделе Албании державами Тройственного согласия, помимо участия Италии, произвело впечатление в Риме. По поводу проекта дележа Албании итальянский

посол указал министру на существование важных интересов Италии в пределах Албании и высказал предположение, что для Сербии и Греции присоединение территорий, входящих в состав Албании, может представлять известную опасность. На это замечание посла министр ответил, что никто не принуждает Сербию и Грецию занять эти территории и что во всяком случае предоставление Сербии части Албании не умаляет ее прав на присоединение земель в Далмации. Так как посол при этом поставил вопрос, что же станет с частью Албании, населенной преимущественно мусульманами и отделяющей примерно долину Шкумби от собственно Эпира, прибавив, что эта местность тяготеет к Валоне, министр счел долгом положительно заявить послу, что если Валона останется с согласия держав за Италией, то не надо ожидать, чтобы державы согласились приразать к Валоне значительный хинтерланд[1]. Во всяком случае Россия со своей стороны никогда не признает широкого овладения Албанией со стороны Италии под каким бы то ни было видом, хотя бы под видом итальянского протектората.

[1] Здесь: примыкающая к уже завоеванной колонии территория, на которую заявляет свои претензии колониальная держава.

3 декабря

Румынский посланник был у барона Шиллинга, и из беседы с ним можно было заключить, что в Румынии производят впечатление слухи о желании Австрии заключить сепаратный мир. Совершенно доверительно Диаманди сказал барону Шиллингу, что, по его личному мнению, «la prudence de Bratiano est un peu exagérée» [осторожность Братиано слегка преувеличена]. Диаманди вполне понимает, что чем позже состоится выступление Румынии, тем менее подобное выступление будет отвечать целям и пожеланиям России. Поэтому всякое промедление со стороны Румынии будет вредно отражаться на ее интересах в момент окончательной ликвидации войны.

13 декабря

Итальянский посол посетил министра и прочел ему телеграмму, в которой говорилось о том, что «вследствие обнаруженных волнений в Валоне и окрестностях итальянский консул счел нужным вызвать десант с итальянского военного судна».

Читая эту телеграмму, посол, видимо, сам отдавал себе отчет в искусственности приводимых итальянским правительством объяснений в оправдание решенного им занятия Валоны.

Министр со своей стороны не скрыл от посла, что он понимает настоящую подкладку указанной итальянским консулом необходимости положить конец волнениям населения, и ограничился тем, что еще раз напомнил маркизу Карлотти сказанное им раньше в предыдущих разговорах, а именно, что нужно наконец сделать выбор между сохранением неприкосновенными решений Лондонской конференции[1], устанавливающих неприкосновенность Албании, и признанием означенных решений утратившими свою силу, что позволило бы Италии преследовать свои собственные интересы в отношении Валоны.

[1] См. прим. 2 к записи от 27 ноября 1914 г.

20 декабря

20-го декабря французский посол прочел министру телеграмму Делькассе, в которой последний указывал на заметную будто бы в Японии склонность согласиться на посылку в Европу японских войск. Указывая на желательность привлечения японских войск на европейский театр войны, Делькассе предлагал трем союзникам обратиться совместно к японскому правительству с просьбой в этом смысле. С.Д. Сазонов ответил, что относясь со своей стороны вполне сочувственно к этой мысли, он тем не менее считал бы желательным предварительно официального обращения в Токио убедиться, что на подобное обращение не последует отказа. Так как, сказал он, французский посол Реньо, по-видимому, вынес впечатление, что можно рассчитывать на благоприятный ответ со стороны токийского правительства, то лучше было бы сначала ему же поручить удостовериться в этом et donner un coup de sonde [и прозондировать почву], чтобы идти затем уже наверняка. Со своей стороны Сазонов полагал, что если окажется возможным убедить японцев прислать свои войска в Европу, то только ценой привлечения Японии к более тесному союзу с державами Тройственного согласия.

В тот же день министр вызвал японского посла и навел с ним разговор на тот же предмет. Мотоно сразу спросил, как отнесется к подобной мысли Англия. Сазонов ответил, что, насколько ему известно, Англия не будет противиться привлечению Японии к такому союзу. Мотоно спросил, каким образом подобный союз мог бы быть формулирован, т. е. придется ли заключить целый ряд отдельных союзов, например, Японией и Россией, Японией и Францией, Японией и Англией, или же предполагается заключить один общий четверной союз. С.Д. Сазонов ответил, что, по его мнению, наилучшей формой был бы именно такой общий четверной союз. Мотоно пожелал еще узнать, предполагает ли Сазонов, что заключение подобного союза должно предшествовать военному выступлению Японии сообща с союзниками, или заключение союза должно явиться последствием такого выступления. Сазонов сказал, что, по его мнению, и то и другое должно было бы произойти одновременно, и притом чем скорее, тем лучше. Японский посол обещал снестись по этому поводу со своим правительством и сообщить ответ, как только таковой им будет получен из Токио.

[не ранее 27 декабря]

20 декабря 1914 г. м[иност]ра ин[остранных] д[ел] посетили французский и английский послы. Г-н Палеолог прочел телеграмму своего правит[ельст]ва, в к[отор]ой указывалось на большую желательность привлечь японские войска на французский театр. Сэр Дж. Бюкенан прочел телеграмму, в которой сэр Э. Грей говорил, что не настаивает на том, чт[обы] переговоры о политическом соглашении России, Англии и Японии были отложены до исхода войны, и полагает, что С.Д. Сазонов мог бы взять на себя зондировать в этом направлении почву у японск[ого] прав[ительст]ва через бар[она] Мотоно.

С.Д. Сазонов высказался в том смысле, что, судя по сведениям Н.А. Малевского-Малевича и по бывшим у него с бар[оном] Мотоно объяснениям, на посылку японских войск в Европу трудно рассчитывать. Быть может, это дело могло бы устроиться, если бы союзники ныне же заключили формальный союз с Японией. Было решено, что французск[ое] прав[ительст]во через своего посла в Токио будет зондировать почву в Японии, чт[обы] определить, насколько предложение послать японские войска в Европу имело бы шансы на успех. Наткнуться в этом случае на отказ было бы тем более неудобно для союзников, что

об этом, конечно, стало бы известно германск[ому] прав[ительст]ву. Со своей стороны, С.Д. Сазонов взялся переговорить с бар[оном] Мотоно относительно возможности общего политического соглашения России, Франции и Англии с Японией.

Разговор м[инист]ра и[ностранных] д[ел] с японским послом состоялся в тот же вечер. Бар[он] Мотоно выражался оч[ень] сочувственно о расширении и укреплении политических связей Японии с державами Тройственного согласия и сетовал на англичан за нежелание приступить ныне же к решению этого вопроса. На замечание С.Д. Сазонова, что сэр Э. Грей ныне допускает возможность не ожидать для этого окончания войны, бар[он] Мотоно ответил, что это новый для него факт, облегчающий дело, но заметил, что союзы, не скрепленные общностью действий, остаются бумагой, к[ото]рую разрывают, пример чему показала Германия. Это дало С.Д. Сазонову повод заметить, что, ввиду желательности японской помощи французской армии, предположенный союз мог бы быть дополнен военной конвенцией. Бар[он] Мотоно обещал довести о своем разговоре с м[инист]ром и[ностранных] д[ел] до сведения своего прав[ительст]ва.

25 дек[абря] французский посол прочел м[инист]ру и[ностранных] д[ел] полученную им копию телеграммы французского посла в Токио. Г-н Реньо констатировал в Японии разочарование союзом с Англией, к[ото]рая обвиняется в предоставлении японцам служебной роли в настоящей войне. Просьба англичан о посылке японских войск в Европу была отклонена токийским кабинетом, т[ак] к[ак] они не обещали за это японцам реальных выгод. Между тем они считают себя в праве рассчитывать за военную помощь против Германии на след[ующие] выгоды: равноправие Японии в деле промышленной эксплуатации Китая, финансовую помощь для японских промышленных предприятий и допуск японских эмигрантов в английские колонии. В Японии желают более тесного соглашения с Россией и думают, что Франция могла бы взять на себя уладить отношения Японии к Англии.

27 декабря мин[ист]ра ин[остранных] д[ел] посетил японск[ий] посол и сообщил, что получил ответ на посланную после разговора с С.Д. Сазоновым 20 декабря телеграмму. Из этого ответа бар[он] Мотоно усматривает, что в Японии не дают себе отчета в серьезности политического момента в Европе. Там заняты вопросом о сохранении или уходе кабинета гр[афа] Окума. Бар[он] Мотоно находит, что в Токио царит un esprit enfantin [ребяческое настроение]. Во всяком случае, пока министром иностранных дел остается бар[он] Като, англофильские тенденции к[ото]рого известны, японское прав[ительст]во будет держаться за союз с Англией. В одном все партии в Японии согласны между собой — это в желании установить более тесные отношения с Россией[1].

[1] Запись публикуется по черновому варианту.

1915 г.

2 февраля

Румынский посланник был принят министром и в разговоре упомянул о том, что общие интересы России и Румынии имеются не только в отношении австрийских земель, но и в другой области, а именно: в отношении Проливов. При этом Диаманди напомнил, что первое внешнее проявление состоявшегося между Россией и Румынией за последнее вре-

мя сближения коснулось именно этого вопроса — совместное выступление России и Румынии в Константинополе в начале июня 1914 г.[1]. С.Д. Сазонов ответил, что Румыния может быть вполне спокойной, так как Россия, вполне признавая экономические интересы Румынии, связанные с выходом из Черного моря, не намерена ни в чем таковые нарушать. Румынский посланник благодарил за это заявление и, обещав в тот же день протелеграфировать в Бухарест, сказал, что оно произведет в Румынии наилучшее впечатление.

[1] Имеются в виду предпринятые Россией и Румынией дипломатические демарши, направленные на урегулирование греко-турецкого кризиса по вопросу об Эгейских островах. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. III. — С. 339–340.

8 февраля

Частное совещание у министра иностранных дел при участии генерал-адъютанта Куропаткина по вопросу о Константинополе и Проливах.

9 февраля

Совещание у председателя Совета министров[1] при участии министра иностранных дел, военного и морского министров[2] и лиц их сопровождающих по вопросу о Константинополе и Проливах.

[1] И.Л. Горемыкин.
[2] В.А. Сухомлинов и И.К. Григорович.

11 февраля

Приезд в Петроград известного хорватского деятеля Супило в сопровождении серба Васильевича для доклада о нуждах и чаяниях южных славян и выяснения точки зрения России на будущую судьбу сербо-хорвато-словенских земель.

13 февраля

Посетивший барона Шиллинга румынский посланник навел разговор на Проливы и сказал, что полученные им румынские газеты указывают на сильное возбуждение, вызванное в стране произнесенными в Государственной думе речами касательно этого вопроса[1]. Отметив первостепенное значение этого вопроса для Румынии, Диаманди высказал сожаление, что, говоря о необходимости для России завладеть Проливами, никто из депутатов не счел нужным успокоить румынское общественное мнение указанием на то, что интересы Румынии в этом вопросе находят в России полное признание.

Барон Шиллинг обратил внимание посланника на необходимость считаться с общим положением, существовавшим в ту минуту, когда были произнесены эти речи. Он напомнил Диаманди, что общественное мнение в России в настоящее время скорее неблагоприятно настроено по отношению к Румынии, вследствие продолжающихся колебаний последней открыто перейти на сторону держав Тройственного согласия. Ввиду этого можно было скорее опасаться, как бы указанное недовольство не нашло выражения, быть может, даже в несколько резких словах в речах депутатов. Барон Шиллинг

прибавил, что может доверительно сказать, что если подобные нежелательные с точки зрения наших взаимных отношений выступления были избегнуты, то лишь благодаря заблаговременно оказанному С.Д. Сазоновым личному влиянию на наиболее видных депутатов; требовать же, чтобы с трибуны Гос[ударственной] думы не только не нападали на Румынию, но еще высказывали заботливость об ее интересах, было бы при нынешнем положении вещей, очевидно, невозможно.

Признав справедливость этого замечания, Диаманди тем не менее настаивал на том, что вопрос о Проливах ни для кого не представляет такой важности, как для Румынии, так как она является единственным прибрежным к Черному морю государством, которое не имеет никакого иного выхода к открытому морю, как через Босфор и Дарданеллы.

Вследствие сего, по словам Диаманди, понятна та нервность, с которой к этому вопросу относится общественное мнение, особенно под влиянием науськиваний наших врагов, пользующихся этим случаем, чтобы указать румынам на то, что главная для них опасность исходит от России. Ссылаясь на эти доводы, Диаманди настаивал на необходимости допустить Румынию к участию в разрешении вопроса о Проливах.

Не входя в рассуждение по этому поводу, барон Шиллинг ограничился ссылкой на недавнее заявление С.Д. Сазонова, достаточно обеспечивающее соблюдение нами экономических интересов Румынии[2].

---

[1] На заседании Государственной думы 27 января/9 февраля 1915 г. депутаты Е.П. Ковалевский, П.Н. Милюков и С.В. Левашов заявили о том, что одной из главных задач России является овладение проливами Босфор и Дарданеллы. В более завуалированной форме по вопросу о проливах высказались С.Д. Сазонов (см. док. № 10), председатель Думы М.В. Родзянко и глава правительства И.Л. Горемыкин.

[2] См. запись от 2 февраля 1915 г.

16 февраля

По поручению С.Д. Сазонова барон Шиллинг указал греческому посланнику на отрицательное впечатление, произведенное в Петрограде отказом Греции открыто стать на сторону держав Тройственного согласия и выступить совместно с ними, несмотря на обещанную державами военную помощь. Впечатление этого отказа тем более неблагоприятно, что не далее как месяц тому назад греческое правительство изъявило готовность выступить активно на стороне союзников при условии этой поддержки. Сопоставляя настоящий отказ Греции с недавним назначением Стрейта посланником в Константинополь, можно прийти к заключению об усилении в Афинах влияния Германии и Австрии. Между тем в интересах Греции, особенно в настоящую минуту, не вызывать недовольства держав Согласия, что могло бы охладить дружественное отношение союзников к греческому правительству.

17 февраля

№ 1

Днем получена телеграмма из Ставки от верховного главнокомандующего с вопросом о том, можно ли нам воспользоваться портом Бургас как базой для действий против Босфора[1], а также телеграмма князя Кудашева о том, что к Босфору предполагается отправить войска с Кавказа, а что за казачьим полком, предназначенным для Сербии, по повелению великого князя сохраняется указанное назначение[2].

В 6 часов у министра всеподданнейший доклад в Царском Селе. Государь император соизволил признать основательными доводы против посылки войск в Сербию и необходимость, наоборот, по возможности усилить отряд, призванный действовать против Турции на Босфоре. Что касается вопроса о том месте, где удобнее всего было бы устроить базу для военных действий против Босфора, его величеству благоугодно было указать министру переговорить с военным и морским министрами и о результате такового совещания безотлагательно донести в Царское Село.

По возвращении в Петроград С.Д. Сазонов в тот же вечер вместе с военным министром отправился к морскому министру, где с участием начальника морского Генерального штаба состоялось означенное совещание. Последнее пришло к заключению, что неудобства в политическом отношении воспользоваться для указанной цели Бургасом столь значительны, что предпочтительно постараться использовать хотя бы и менее удобные в морском отношении, но все же представляющиеся возможными другие порты, как, напр., Зунгулдак, Эрегли или Иниада. При этом решено запросить адмирала Эбергарта о его мнении касательно возможности использовать эти порты.

[1] Телеграмма верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича С.Д. Сазонову № 97 от 17 февраля/2 марта 1915 г. — См.: Константинополь и Проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел (далее — Константинополь и Проливы...). — М., 1926. — Т. II. — С. 289.

[2] Телеграммы вице-директора Дипломатической канцелярии при Ставке В.Н. Муравьева в МИД № 92 и № 96 от 16 февраля/1 марта 1915 г. — См.: Константинополь и Проливы... — Т. II. — С. 152–153.

17 февраля

№2

По поводу высказанного с нескольких сторон предложения, чтобы державы Тройственного согласия вступили в переговоры с итальянским правительством, дабы побудить Италию к активному выступлению против Австрии и Германии, как в Министерстве иностранных дел, так и французским и английским послами в Петрограде было выражено отрицательное отношение к возобновлению подобных переговоров. По этому вопросу было указано, что Италия, не ставшая активно в течение шести месяцев на сторону союзных держав, не может уже в настоящее время оказать своим выступлением такого решающего влияния, которое оправдывало бы те весьма значительные территориальные приращения, относительно которых она, несомненно, пожелает заранее заручиться обещанием союзников. Во всяком случае, если выступление Италии и представлялось бы возможным в ближайшем будущем, то всякая попытка вступить в переговоры по этому вопросу должна исходить от итальянского правительства. Разумеется, что несмотря на вышеизложенные соображения, остается по-прежнему желательным не вызывать охлаждения отношений между державами Тройственного согласия и Италией, что могло бы побудить последнюю подчиниться влиянию Германии и Австрии.

18 февраля

Утром морской министр прислал составленную им записку с изложением заключений состоявшегося накануне совещания[1], и министр иностранных дел во исполнение высочайшего повеления поспешил отправить таковую в Царское Село на благоусмотрение государя императора.

Днем у председателя Совета министров было совещание министров с участием варшавского генерал-губернатора князя Енгалычева для обсуждения разных вопросов по польским делам. Тем временем фельдъегерь привез из Царского Села обратно утренний доклад министра с пометой, предписывающей морскому министру немедленно осуществить предположение о запросе адмирала Эбергарта. К этому была приложена собственноручная записка государя, выражавшего желание переговорить с С.Д. Сазоновым по вопросу о Проливах и приглашавшая его прибыть для этого на другое утро в четверг 19 февраля в Царское Село. Записка вместе с докладом, на котором была упомянутая помета, были тотчас отправлены министру в совещание у председателя Совета министров, так что высочайшее повеление адмиралу Григоровичу могло быть передано без замедления.

В этот же день утром государю императору представлялся генерал По, который был приглашен к высочайшему завтраку вместе с французским послом и военным агентом маркизом де ла Гиш[ем]. В вышеозначенной записке государь император предупреждал С.Д. Сазонова, что он поручил г-ну Палеологу передать министру содержание своего разговора с его величеством.

Тотчас по возвращении министра из совещания, около 7 часов, приехал французский посол и сообщил, что в милостивой беседе, которой его удостоил государь, его величество коснулся того, что, по его мнению, должна достигнуть Россия в результате нынешней войны. На замечание французского посла, что хотя эти виды ему в общих чертах уже знакомы, он тем не менее еще не имел случая выслушать по этому поводу положительное волеизъявление государя, его величество сказал, что просит считать только что высказанное им соображение за таковое, официальное волеизъявление. Государем императором было намечено то, что́ по берегам Проливов следует включить в состав Российской империи для обеспечения жизненных интересов последней.

[1] В записке морского министра И.К. Григоровича от 18 февраля/3 марта 1915 г. подчеркивалось, что для обеспечения операции на Босфоре необходимо заручиться у Болгарии правом использования рейда Бургас для погрузки угля. И.К. Григорович полагал, что для успеха операции предпочтительно не вести длительные переговоры с Болгарией, а «овладеть Бургасом даже без разрешения Болгарии». С.Д. Сазонов высказывался против такого шага, считая, что Болгария потребует себе «крупные компенсации» или предъявит «иные непомерные требования». — См. : Константинополь и Проливы... — Т. II. — С. 290–291.

19 февраля

На состоявшемся утром в Царском Селе всеподданнейшем докладе министра были точнее определены пределы подлежащих включению в состав империи земель по обеим сторонам Проливов и признано необходимым нижеследующее: вопрос о Константинополе и Проливах должен получить окончательное разрешение, согласно вековым стремлениям России. Всякое решение было бы недостаточным, если бы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, равно как Южная Фракия по линию Энос–Мидия не были включены в Российскую империю. Равным образом, в силу стратегической необходимости, часть азиатского берега между Босфором, рекой Сакарией и Исмидским заливом, а также острова Мраморного моря, Имброс и Тенедос, должны войти в состав империи. Вместе с тем особые интересы Франции и Великобритании в этих местностях должны быть строго обеспечены.

По возвращении министра в 3 часа к нему были вызваны французский и английский послы, которым министр передал составленную соответственно вышеизложенному па-

мятную записку, текст коей был вслед за тем препровожден государю императору и удостоился высочайшего одобрения[1].

[1] См. док. № 12(1).

20 февраля

Из телеграмм, полученных от Извольского, стало ясно, что французское правительство ошибочно предполагало, что мы можем удовольствоваться открытием для нас свободного пропуска через Проливы на основе каких-нибудь международно-правовых комбинаций, вроде нейтрализации, интернационализации или тому подобных искусственных положений. Застигнутое как бы врасплох неожиданным расширением наших требований в отношении Проливов и Константинополя, французское правительство, по-видимому, в первые минуты, опасаясь впечатления, которое это может произвести на общественное мнение во Франции, было склонно сузить размер преимуществ, которые оно согласилось бы нам предоставить в указанной области. Понимая, что если этому не положить сразу конец, то на этой почве легко могут возникнуть разногласия, способные привести к самым нежелательным последствиям с точки зрения прочности франко-русского союза, С.Д. Сазонов решил сразу поставить вопрос ребром и в этот день 20 февраля положительно заявил французскому послу, что если бы Франция стала чинить нам затруднения в отношении осуществления наших пожеланий касательно Проливов и Константинополя, то он не задумается подать в отставку, что может повести к замене его другим министром из числа тех лиц, которые еще имеются в России и являются приверженцами старой системы Dreikaiserbund's [Союза трех императоров][1]. Что эти слова произвели на французского посла сильное впечатление, тому является доказательством его полушутливое, полусерьезное возвращение к этому предмету в тот же вечер после обеда у министра финансов.

[1] Союз между Россией, Германией и Австро-Венгрией, оформленный рядом соглашений, заключенных в 1873, 1881 и 1884 гг. Первоначально предусматривал военную помощь в случае нападения 4-й державы на одну из сторон, с 1881 г. — благожелательный нейтралитет. Фактически Союз трех императоров утратил силу в 1885–1886 гг. в связи с обострением российско-австрийских отношений из-за болгарского вопроса.

22 февраля

За завтраком у румынского посланника С.Д. Сазонов имел довольно обстоятельный разговор со своим соседом греческим посланником, причем подтвердил ему, что Россия не может допустить вмешательства Греции в разрешение вопроса о Константинополе, указал Драгумису, что в интересах самой Греции не рисковать своим флотом для действий у Дарданелл, ввиду того, что Греции может потребоваться этот флот впоследствии, хотя бы на случай недоразумений с Италией, интересы коей в некоторых областях сталкиваются с греческими.

26 февраля

За последние дни в немецкой печати («Deutsche Tageszeitung») появилось известие о состоявшемся при посредстве Германии соглашении, в силу которого Австрия уступает Италии Трентино за нейтралитет последней. Между тем 26 февраля получена телеграмма посла в Лондоне, сообщающая о сделанном итальянским послом сэру Э. Грею

предложении вступить в переговоры об условиях, на которых Италия могла бы согласиться выступить вместе с Россией, Францией и Англией против Австрии[1]. Условия эти были подробно изложены в телеграмме, полученной в тот же день великобританским послом в Петрограде (памятная записка английского посольства от 26 февраля)[2]. В этот же день сэр Дж. Бюканан получил также телеграмму, касающуюся вопроса о судьбе Проливов и Константинополя. Приехав к министру иностранных дел в 10½ часов вечера, Бюканан сообщил содержание этой телеграммы, заключавшей в себе заявление великобританского правительства о полном согласии своем на осуществление пожеланий России в отношении Проливов и Константинополя (памятная записка английского посольства от 27 февраля)[3]. При этом Англия выговаривала себе лишь обеспечение своих экономических интересов в предоставляемой России области и, ссылаясь на заявление С.Д. Сазонова о готовности императорского правительства в свою очередь исполнить пожелания Великобритании в иных местностях, высказывала надежду на согласие России предоставить Англии нейтральную зону в Персии[4].

[1] Телеграмма посла России в Великобритании А.К. Бенкендорфа С.Д. Сазонову № 167 от 25 февраля/10 марта 1915 г. — См.: Царская Россия в мировой войне (далее — Царская Россия...). — Л., 1926. — Т. I. — С. 261.
[2] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 1. — С. 446–450.
[3] См. док. № 12(4). По-видимому, поденная запись от 26 февраля была составлена не в тот же день, а позднее.
[4] См. док. № 12(5).

27 февраля

№1

Итальянский посол приехал к барону Шиллингу и прочел несколько полученных им телеграмм, в том числе одну телеграмму, в которой Соннино сообщал, что на вопрос Крупенского, действительно ли Италия заявила в Вене, что она не может допустить нового вторжения австрийцев в Сербию, он, Соннино, ответил, что дело было не совсем так. На самом деле, итальянскому послу в Вене было поручено повторить то, что заявляли уже предыдущие итальянские министры, а именно, что Италия считает независимость и процветание Сербии делом первостепенной важности для Италии (considera l'independenza e prosperita della Serbia come interesse di primordine per Italia), вследствие чего Италия желала бы быть вперед осведомлена относительно видов Австрии в этом отношении.

Вместе с тем итальянский посол рассказал о недавнем свидании своем с хорватом Супило, с мнениями которого он во многом не соглашается, но которого он считает человеком умным и даже, можно сказать, благоразумным. Некоторые доводы, высказанные Супило против чрезмерных вожделений Италии на хорватские земли и далматинское побережье, показались маркизу Карлотти даже достойными внимания. В числе таких доводов особенно понравилась Карлотти мысль об общности интересов сербо-хорватов и итальянцев в смысле противодействия угрожающей обоим опасности со стороны стремящегося к выходу на Адриатическое море германизма.

По этому поводу посол спросил, не произошло ли за последнее время перемены во взглядах русского правительства на сербо-хорватский вопрос. До сих пор Карлотти полагал, что Россия не стремится к объединению этих двух племен, в сущности одного народа, разделенных как историей, так и религией. Теперь некоторые признаки позволяют ему думать, что в России назревает мысль о необходимости политическо-

го слияния сербов и хорватов. Между тем для Италии создание большого и сильного южно-славянского государства на берегах Адриатики едва ли было бы приемлемо. При этом посол вскользь упомянул, что в Италии многие опасаются такого разрешения вопроса не только потому, что подобное государство будет соперничать с Италией само по себе, но и потому, что оно легко сделается аванпостом на Адриатике еще сильнейшей державы, а именно России.

Считая полезным по возможности усыпить опасения посла, я не нашел нужным приводить ему доводов в пользу сербо-хорватского слияния, но ограничился замечанием, что Россия в этом вопросе лично не заинтересована, а потому будет, вероятно, поддерживать лишь осуществление того, что будут требовать сами заинтересованные народы. Если сербы и хорваты не пожелают слиться, Россия не будет иметь никакого основания настаивать на подобном слиянии. Наоборот, если окажется, что сербы и хорваты действительно пожелают создать одно политическое целое, то Россия может отнестись к этому только сочувственно. По моему мнению, чрезмерные итальянские вожделения в сторону Хорватии и Далмации могут толкнуть Италию на опасный путь и поставить ее в то самое положение, в котором до сих пор находилась Австрия и которое приводит последнюю на наших глазах к гибели, так как, если бы даже Италии и удалось теперь утвердиться в славянских землях, она неизбежно найдет в них враждебно настроенное к себе население и поставит себя в непримиримое противоречие с соседними славянскими государствами.

Я напомнил послу только что прочитанное мне им заявление Соннино о важном значении для Италии независимости и процветания Сербии, указав на то, что в этих словах заключается мудрая политическая мысль, я спросил, каким образом Италия может согласовать таковую с попытками, видимо, ею делаемыми, для сокращения по возможности сербских владений на Адриатическом побережье. Даже с точки зрения противодействия сербо-хорватскому слиянию Италии следовало бы широко отнестись к законным требованиям Сербии о выходе к Адриатике, так как, если Италия в то же самое время поставит себя во враждебные отношения к хорватам, стремясь овладеть частью их земель, и возбудит против себя сербов, препятствуя обеспечению их жизненных интересов путем приобретения достаточной части побережья, то этим самым Италия сама толкнет хорватов и сербов в объятия друг другу, заставит их забыть свои разногласия для объединения в одном, а именно в общей борьбе против Италии.

Признав некоторые из этих доводов справедливыми, посол выразил намерение передать их на усмотрение своего правительства.

27 февраля

№2

В 7 часов вечера был назначен С.Д. Сазонову доклад у государя императора. Государь император принял министра в Царском Селе. Так как английскому послу было предписано испросить прием у государя, чтобы лично передать его величеству заявление великобританского правительства касательно Проливов и Константинополя[1], с одной стороны, а также английские вожделения в Персии[2] — с другой, а ввиду предстоявшего отъезда государя на другое утро не оставалось свободного времени, С.Д. Сазонов испросил разрешение его величества английскому послу прибыть в Царское Село вместе с ним. Таким образом, государь принял министра и посла совместно и выразил

удовольствие по поводу сделанного последним сообщения, а также изъявил в принципе согласие на изложенные им английские пожелания.

[1] См. док. № 12(4).

[2] См. док. № 12(5).

2 марта

Приезд министра на Ставку. После высочайшего завтрака в царском поезде, на котором присутствовал также генерал По, министр имел двухчасовое совещание с великим князем Николаем Николаевичем и генералом Янушкевичем, причем были затронуты все главные политические вопросы минуты. Великий князь особенно настаивал на желательности приложить все старания для побуждения Италии и Румынии выступить как можно скорее против Австрии. В отношении Константинополя были рассмотрены вопросы, связанные как с овладением этим городом, так и с временным управлением им впредь до окончания войны. Особенное внимание было уделено вопросу о способах побуждения Болгарии предоставить в наше распоряжение Бургас для облегчения операции против Босфора. Относительно Буковины великим князем было выражено пожелание отнести нашу будущую границу возможно более к югу и было решено, что Штаб верховного главнокомандующего отправит в Петроград полковника Самойло, только что побывавшего в Буковине, для подробного доклада министру всех стратегических соображений, объясняющих означенное пожелание великого князя.

В 5 часов состоялся доклад министра у государя императора, соизволившего одобрить соображения касательно нашего ответа на переданные через Грея итальянские предложения. Ответ этот был сообщен в тот же вечер в Лондон в телеграмме за № 116[1].

Уже по прибытии на Ставку министром была получена из Петрограда телеграмма А.А. Нератова с извещением, что французский посол, получивши важные поручения от своего правительства, был бы счастлив лично доложить их его императорскому величеству, если бы ему было разрешено приехать на Ставку. Принимая во внимание присутствие генерала По и других французских офицеров, трудно было отклонить желание посла под предлогом каких-нибудь военных занятий, а потому государю императору благоугодно было соизволить на прибытие г-на Палеолога.

[1] См.: Царская Россия... — Т. I. — С. 262–264.

3 марта

Французский посол прибыл на Ставку прямо к высочайшему завтраку, после которого удостоился приема у его величества. Оказалось, что возложенное на него поручение заключалось в следующем: Франция изъявила готовность согласиться на осуществление наших пожеланий в отношении Константинополя и Проливов под условием, чтобы мы, в свою очередь, согласились на присоединение к Франции Сирии и Киликии. При этом возник вопрос о том, следует ли считать Палестину входящей также в пределы Сирии, как утверждал это Палеолог, или нет. Об этом был оживленный спор между французским послом и министром, к которому первый пришел тотчас после приема у его величества. С.Д. Сазонов указывал Палеологу на невозможность для нас согласиться на переход гражданской власти над Святыми местами из рук нейтральных

турок в руки христианской державы, неизбежно отдающей предпочтение одному из вероисповеданий. Он предсказывал послу значительные затруднения на этой почве не только с нами, но и со всеми другими народами, как, например, итальянцами, американцами и пр. На возражение посла, что в случае разногласия в чисто религиозных вопросах мы можем иметь дело не с французским правительством, а с римским Папой, С.Д. Сазонов отвечал, что это для нас менее всего допустимо. Палеолог предлагал разные формулы, оговаривающие, что в отношении Св[ятых] мест между русским и французским правительствами должно будет быть заключено впоследствии соглашение на почве сохранения порядка, установленного Берлинским трактатом[1]. С.Д. Сазонов сослался на необходимость тщательно обсудить этот вопрос и, заявив о согласии нашем на осуществление пожеланий Франции в отношении Сирии и Киликии, оговорился, что в отношении Св[ятых] мест он даст ответ лишь по изучении вопроса. Вместе с тем он телеграфировал в тот же день в Париж, чтобы проверить, действительно ли утверждения посла о требованиях Франции касательно Св[ятых] мест соответствуют видам французского правительства[2].

В 4½ часа французский посол был принят великим князем Николаем Николаевичем в присутствии генерала Янушкевича. Как Палеолог впоследствии признался, он был крайне встревожен неожиданным пессимизмом, обнаруженным при этом случае верховным главнокомандующим, который, по-видимому, сказал послу, что он не видит возможности перейти в скором времени в решительное наступление и придает первостепенное значение помощи Италии и Румынии. Правда, посол отметил, что таковое настроение великого князя мало соответствовало выказанной в тот же день государем императором спокойной уверенности в конечный успех союзников. Тем не менее слова верховного вождя русской армии произвели на Палеолога крайне неблагоприятное впечатление, которое лишь несколько рассеялось под влиянием лиц, ближе знающих великого князя и указавших послу, что благодаря крайней впечатлительности его императорского высочества не следует придавать чрезмерного значения его минутному настроению.

В то время как посол был у великого князя, министр был снова приглашен в вагон государя императора, который со своей стороны указал на необходимость весьма осторожно подойти к разрешению вопроса о судьбе Св[ятых] мест.

После обеда в вагоне-столовой великого князя вагоны министра и посла были прицеплены к одному и тому же поезду для обратного следования в Петроград.

---

[1] Формулы, предложенные послом Франции в Петрограде М. Палеологом: «Что касается Святых мест, то русское и французское правительства, ссылаясь на ст. 62 Берлинского трактата, соглашаются ни в чем не нарушать существующего режима» или «Что касается Святых мест, то между русским и французским правительствами будет заключено соглашение на основе существующего режима (ст. 62 Берлинского трактата)». — См.: Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел (далее — Раздел Азиатской Турции...). — М., 1924. — С. 129–130.

[2] Телеграмма С.Д. Сазонова послу России во Франции А.П. Извольскому № 119 от 3/16 марта 1915 г. — См.: Раздел Азиатской Турции... — С. 129. В ответ на нее А.П. Извольский телеграммой № 140 от 4/17 марта 1915 г. сообщал, что министр иностранных дел Франции Т. Делькассе «очень доволен» ответом С.Д. Сазонова относительно Сирии и Киликии и заявил о своем согласии подвергнуть вопрос о святых местах дальнейшему обсуждению, указав при этом, что он «может быть будет настаивать на обладании теми или иными входящими в ее [Палестины] состав местностями». — См.: Раздел Азиатской Турции... — С. 130.

4 марта

Утром барон Шиллинг провел часа полтора в вагоне французского посла, беседуя с ним о затронутых накануне вопросах. С картой в руках барон Шиллинг указал послу на желательность при будущем разделе Малой Азии не лишать Турцию какого-нибудь удобного порта на Средиземном море, дабы не создавать из нее лишнего государства, отрезанного от открытого моря Проливами, которые должны перейти в наше владение. Кроме того, пользуясь тем, что, исходя от меня, подобный упрек носит менее официальный характер, я указал послу на невыгодное впечатление, произведенное здесь разницей между заявлениями, сделанными нам Англией и Францией касательно Проливов и Константинополя. Действительно, тогда как первая, от которой, казалось бы, можно было ожидать больших затруднений, уже дала нам самые положительные заверения в желательном для нас смысле, Франция до сих пор ограничивалась общими выражениями сочувствия, высказанными Делькассе Извольскому, и ничего не значащей фразой в памятной записке Палеолога о том, что Франция готова отнестись к нашим пожеланиям возможно благожелательно (avec toute la bonne volonté)[1]. Посол старался указать, что по существу не может быть сомнений в согласии Франции на наши пожелания, но обещал вызвать более определенные выражения такового согласия, чтобы рассеять то впечатление, на которое я ему указал[2].

Заболевший во время поездки С.Д. Сазонов по возвращении в Петроград слег в постель, но тем не менее принял в 5 часов великобританского посла и просил его выяснить точку зрения своего правительства на вопрос об отношении к домогательствам Франции касательно Святых мест в Палестине.

---

[1] Памятная записка посольства Франции в Петрограде С.Д. Сазонову от 23 февраля/8 марта 1915 г. — См. док. № 12(3).

[2] 5/18 марта С.Д. Сазонов направил послу России во Франции А.П. Извольскому телеграмму № 1226, в которой просил посла получить от министра иностранных дел Франции Т. Делькассе «более точное заявление о согласии Франции на полное удовлетворение наших пожеланий, подобно тому, как это сделало великобританское правительство». — См.: Константинополь и Проливы... — М., 1925. — Т. I. — С. 282.

5 марта

Полученные как из Лондона, так и из Парижа сведения указывали на то, что итальянские требования в отношении Далмации признаются чрезмерными не только нами, но также французами и англичанами. Тем не менее, ввиду того, что, с другой стороны, есть данные полагать, что Италия едва ли откажется от этих требований, по крайней мере в полном размере, было решено уполномочить Грея в крайнем случае пойти на известные уступки, а именно, по всестороннем обсуждении этого вопроса С.Д. Сазонов телеграфировал Бенкендорфу, что мы могли бы, пожалуй, уделить итальянцам часть побережья от Зары до Себенико, но что в таком случае мы потребовали бы отказа Италии от своих видов на Албанию, каковая, за исключением Валоны с прилегающим округом, должна была бы быть разделенной между Сербией и Грецией.

7 марта

Памятная записка английского посольства, в которой высказывается мысль о желательности успокоить Болгарию и Румынию, встревоженных слухами о переходе Проли-

вов в державное обладание России[1]. Грей считал бы желательным заявление названным двум государствам со стороны России, Франции и Англии о том, что им будут обеспечены их интересы в Проливах. Этот вопрос обсуждался между министром, товарищем министра Нератовым и начальниками I и II политических отделов, причем бароном Шиллингом было высказано мнение о нежелательности допущения каких бы то ни было совместных заявлений в указанном смысле, которые впоследствии могли бы получить значение гарантии со стороны посторонних держав обязательств, возложенных на Россию в отношении Румынии и Болгарии в области Проливов. Вопрос пока остался открытым, и решено повременить с ответом Грею.

Министра посетил итальянский посол, но разговор оставался в области общих предметов, и С.Д. Сазонов вынес впечатление, что маркиз Карлотти не посвящен своим правительством в начатые в Лондоне переговоры.

У министра состоялось совещание по вопросу о Буковине, на котором присутствовали А.А. Нератов, Гулькевич, барон Шиллинг, и полковник Самойло излагал точку зрения военных кругов, требующих для обеспечения нашей будущей границы присоединения не более, не менее, как всей Буковины и части Северной Трансильвании.

С.Д. Сазонов возражал, что: 1) мы связаны известными обязательствами по отношению к Румынии, идущими вразрез с подобными требованиями, и 2) что он придает слишком большое значение сохранению на будущее время добрососедских отношений с Румынией, чтобы допустить неизбежное столкновение с последней на почве спора из-за тех земель с румынским населением, на которые в праве претендовать румыны.

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 1. — С. 521–525.

9 марта

Итальянский посол, приехав к барону Шиллингу, сказал, что получил телеграмму из Рима, в которой ему сообщается о начатых Италией в Лондоне переговорах, причем он уполномочивается переговорить о предмете этих переговоров и здесь с министром иностранных дел. Маркиз Карлотти прочел при этом в подлиннике несколько полученных им телеграмм. В одной из них итальянский посол в Париже сообщал своему правительству, что он узнал о начатых в Лондоне переговорах благодаря нескромности одного из членов русского посольства (В.В. Солдатенкова), который поведал ему, как отнесся С.Д. Сазонов к отдельным требованиям Италии[1]. В ответ на эту телеграмму Соннино сообщил Титтони перечень этих требований, а также полученное им от итальянского посла в Лондоне сведение касательно первого обмена мнений между ним и сэром Э. Греем.

Вспомнив, что за два дня перед тем он был у министра, маркиз Карлотти заметил, что в это его посещение как он, так и С.Д. Сазонов, видимо, ожидали друг от друга почина для делового разговора, но в тот день Карлотти еще не был поставлен в известность своим правительством о возложенном на Империали поручении, а С.Д. Сазонов, ввиду выраженного итальянским правительством желания, чтобы переговоры велись исключительно в Лондоне, не счел себя вправе затронуть этот вопрос. Барон Шиллинг не захотел войти в подробное обсуждение вопроса, но подтвердил лишь известные ему требования Италии, сказав, что приписываемое С.Д. Сазонову Солдатенковым отношение к тому или другому из этих требований страдает большими неточностями. Так как в дальнейшем разговоре Карлотти стремился доказать обоснованность итальянских во-

жделений в сторону далматинского побережья, барон Шиллинг возражал ему, развивая нашу точку зрения на недопустимость принесения в жертву итальянским притязаниям жизненных интересов Сербии, а также и хорватского населения северной Далмации и Приморья.

Между прочим, на утверждение Карлотти, что Италия должна стремиться к тесному единению с сербами для совместной обороны против грозящего им обеим с севера натиска германизма, барон Шиллинг заметил, что едва ли эта цель может быть достигнута теми приемами, которые пускаются в ход министерством Саландры. Напротив, можно ожидать, что, восстановляя против себя хорватов и сербов, Италия будет способствовать их сплочению, а одинаково оттеснив от берегов Адриатики как славян, так и Австрию, Италия, пожалуй, совершит неслыханное чудо, вызвав со временем против себя представляющийся ныне совершенно фантастическим союз Сербии с Австрией.

[1] Телеграммой от 9/22 марта 1915 г. № 1311 С.Д. Сазонов извещал посла России во Франции А.П. Извольского, что вследствие своего «возмутительного поведения», выразившегося в разглашении служебных тайн, В.В. Солдатенков отчисляется от должности чиновника особых поручений при МИД и из состава российского посольства во Франции. — См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 318. — Прим.

10 марта

Итальянский посол был принят министром, с которым имел продолжительный разговор по поводу итальянских требований. Сославшись на то, что переговоры ведутся в Лондоне, и что поэтому здесь возможен лишь ни к чему не обязывающий обмен мнений, С.Д. Сазонов подробно развил послу доводы в пользу русской точки зрения на затронутые в Лондоне вопросы. Карлотти, по-видимому, во многом соглашался с ним и выразил, между прочим, сожаление, что в настоящее время в Риме у власти находится Соннино, известный своим упорством в мелочах и никогда в жизни ничего не сделавший крупного. «Если бы Вы имели дело с Мартини, — воскликнул посол, — я уверен, что Вы уже пришли бы к соглашению с Италией». Карлотти жаловался также на своего лондонского сотоварища маркиза Империали, обвиняя его в том, что он всегда лишь служит простой передаточной инстанцией и никогда не принимает на себя обязанности разъяснить своему правительству необходимость каких-либо изменений в усвоенной им точке зрения.

12 марта

Министр иностранных дел принял хорватского деятеля Супило и не скрыл от него, что, вероятно, державам придется пожертвовать в пользу итальянских притязаний многими надеждами славянского населения на Адриатическом побережье. Слова эти произвели на Супило удручающее впечатление, и он вновь приложил все старания для того, чтобы разъяснить министру обоснованность словенско-хорвато-сербских вожделений.

14 марта

Супило посетил барона Шиллинга и сообщил о тяжелом впечатлении, вынесенном им из всего, что ему пришлось на днях услышать от министра. Барон Шиллинг старался объяснить ему, что, как ему хорошо известно, в России нет недостатка в сочувствии к национальным стремлениям юго-западных славян, но что при всем том

действительно могут быть такие обстоятельства, созданные международным положением, которые способны потребовать известных жертв со стороны этих славян. Барон Шиллинг сказал ему, что, оставаясь здесь, он едва ли содействует делу своих сородичей, так как в России он ломится в открытую дверь, но что ему следовало бы спешно отправиться в Лондон и в Париж для личного воздействия именно там, где сочувствие к южным славянам, очевидно, не столь глубоко пустило корни, как в России, и где более склонны руководствоваться иными политическими соображениями, поступаясь интересами словенцев, хорватов и даже сербов. Супило, по-видимому, убедился в справедливости этого мнения и заявил, что выедет в Лондон в следующий вторник 17 марта, обещав до этого дня еще раз зайти в министерство.

15 марта

7 марта шведский посланник привез барону Шиллингу полученный им из Стокгольма пакет, заключавший письмо на имя государыни императрицы Александры Федоровны от М.А. Васильчиковой. Как оказалось впоследствии, в этом письме было вложено другое письмо, также от М.А. Васильчиковой на имя государя императора[1], который 15 марта переслал таковое министру иностранных дел.

М.А. Васильчикова, оставшаяся во время войны в своей вилле Клейн-Вартенштейн на Земмеринге в Австрии, писала его величеству, что ее посетили 3 влиятельных лица (2 немца и 1 австриец), которые, указав ей на тяжелое положение, в котором благодаря войне очутились Германия и Австрия, а также, ссылаясь на отсутствие в этих странах враждебного отношения к России, просили ее обратиться к государю императору, миролюбие которого общеизвестно, и умолить его прекратить губительную войну ввиду того, что в Германии и Австрии уже вполне убедились в силе русского оружия. В случае благосклонного отношения его величества к таковому ходатайству, уполномоченные от Австрии, Германии и России могли бы съехаться где-нибудь в нейтральном государстве, причем Россия могла бы рассчитывать на весьма примирительное отношение к ее пожеланиям. По-видимому, не сознавая действительного положения вещей, М.А. Васильчикова прибавляет, что Германия и Австрия, по словам ее осведомителей, готовы обеспечить России свободный проход через Дарданеллы.

Само по себе это письмо не имеет большого значения и может считаться интересным главным образом лишь как признак нынешних настроений в Австрии. Действительно, довольно наивное, можно сказать, обоснование ходатайства указывает на то, что даже решившиеся обратиться к государю, взывая о мире, не отдают себе отчета в настоящем положении вещей, по-видимому, думая, что достаточно заявления об отсутствии враждебности по отношению к России и о признании превосходства сил последней для того, чтобы покончить нынешнюю войну. Едва ли уполномоченные, присылка коих в нейтральную страну предлагается в этом письме, могли бы получить от своего правительства разрешение согласиться на достаточные уступки. Ввиду этого С.Д. Сазонов признал, что письмо Васильчиковой не заслуживает ответа[2].

Тем не менее было решено до известной степени использовать это письмо. А именно, с разрешения министра, барон Шиллинг в тот же вечер, встретившись за обедом в яхт-клубе с итальянским послом, поведал ему о последовавшей, исходящей из Австрии, попытке завязать с нами переговоры о мире. Дело, по словам барона Шиллинга, было так: маркиз Карлотти доверительно сообщил мне, что после нашего недавнего

разговора он телеграфировал в Рим о необходимости выказать бóльшую уступчивость в лондонских переговорах, ибо Россия никогда не согласится на чрезмерные требования Италии в отношении далматинского побережья. По словам посла, римский кабинет внял его совету и послал соответствующие указания маркизу Империали. Карлотти подчеркнул, что считает возможным приписать последнее своему вмешательству.

Я воспользовался этим, чтобы, поблагодарив посла, сказать ему, что он этим несомненно оказал услугу не только нам, но и своему отечеству, последнее, быть может, в большей мере, нежели он думает. Обратив внимание на последние слова, Карлотти стал добиваться объяснения их истинного значения. Заставивши его несколько минут повторно настаивать на своем вопросе, я, делая вид, что уступаю лишь его настояниям, сказал ему следующее: я могу доверительно сообщить вам, что, не далее как вчера, я видел документ, имеющий для Вас несомненное значение. Это не более не менее, как письмо, полученное государем императором из Австрии от лица, лично знакомого его величеству, которое по поручению лиц, имеющих вес и голос в названной стране, взывает к миролюбию государя и, указывая на тяжелое положение Австрии, просит о присылке в нейтральную страну уполномоченного, который встретился бы с таковым же, присланным из Австрии. Никаких подробностей возможных условий мира в письме нет, но выражается заранее готовность идти на широкие уступки.

Это сообщение произвело на посла видимое впечатление. «C'est très grave» [Это очень важно], — сказал он и, помолчав немного, спросил: «Si c'est quelqu'un qui peut écrire à sa majesté l'empereur, cela doit être un personnage très haut placé» [Если это кто-нибудь, кто может писать императору, то это должно быть очень высокопоставленное лицо]. Я ответил: «Je Vous laisse à deviner» [Я Вам предоставляю догадываться]. Карлотти еще спросил: «Ce personnage parlait au nom du gouvernement?» [Это лицо говорило от имени правительства?]. Я ответил: «Au nom de personnes, dont la voix compte en Autriche» [От имени лиц, голос которых имеет вес в Австрии]. После некоторого молчания посол не без волнения стал быстро говорить о необходимости для Италии скорее заключить соглашение с нами, чтобы не оказаться между двух стульев. При этом он жаловался на мелочность Соннино, способного из-за пустяков упустить весьма важное. От себя Карлотти заявил, что скалистые острова Далмации не стоят тех проволочек, которые из-за них испытывают переговоры, и сказал, что, по его мнению, следовало бы без спора предоставить Спалато Сербии.

Вскоре после этого разговора посол уехал, очевидно, спешно передать по телеграфу в Рим полученное им сведение.

[1] Письмо М.А. Васильчиковой Николаю II от 25 февраля/10 марта 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 1. — С. 444–446.

[2] Проект ответного письма, составленный директором Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллингом. — См. док. № 13.

16 марта

Супило, придя к барону Шиллингу, сказал, что раздумал ехать в Лондон, так как надеется при посредстве князя Юсупова добиться на следующей (Святой) неделе приема у государя, чтобы просить его величество принять под свое покровительство интересы юго-западных славян. Барон Шиллинг мог только ему ответить, что он свободен действовать так, как ему заблагорассудится, но что барон Шиллинг, со

своей стороны, остается при высказанном им уже мнении, что не здесь, а в Лондоне и Париже ему следовало бы приложить старания для достижения преследуемой им цели. Супило сказал, что он телеграфировал в Рим, прося г-на Тромбича, председателя юго-славянского Отбора[1], немедленно отправиться в Лондон для поддержания славянских притязаний.

Так как при этом Супило в горячности разговора упомянул, что Россия, будто бы, состоит должницей южных славян, так как до сих пор недостаточно много для них сделала, а наоборот, уже в 1815 году пожертвовала ими, отдавши их под власть Австрии, барон Шиллинг решительно возразил, что юго-славянам следовало бы больше помнить все то, что Россия для них постоянно делала, и не мешать России в пределах возможного и постепенно сделать для них еще то, что окажется возможным теперь и в будущем.

[1] Комитета.

18 марта

Посещение советника II Политического отдела Михаилом Моневым

18 марта 1915 г. явился к советнику Второго политического отдела один из членов болгарской македонской организации, некий Михаил Монев, состоящий якобы на службе в болгарской миссии в качестве счетчика. Он заявил, что еще в 1912 году, когда болгары стояли под Чаталджой[1], посетил в Константинополе К.Н. Гулькевича, тогда советника посольства в означенном городе. По его словам, македонской организации хорошо известно, что Германия, обещая Греции Гевгели, Дойран и Битолийский округ, всеми силами старается перетянуть ее на свою сторону. Ввиду этого македонская организация совершенно разочаровалась в Германии и стремится узнать, как относится Россия к болгарским вожделениям на Македонию в границах 1912 года[2]. Радославов сообщил якобы македонской партии через доверенных лиц, что державами Тройственного согласия никаких конкретных предложений Болгарии до сих пор сделано не было, что они указывали Болгарии только на возможность приобретения ею границ Энос — Мидия, о Македонии же говорилось ими лишь в минувшем ноябре и то в самых неопределенных выражениях. В январе один из представителей македонской партии, Викторов Топоров, посетил в Нише князя Трубецкого, который заверял его в благожелательном отношении России к болгарским идеалам и советовал не предпринимать, по крайней мере, в течение 20 дней, новых покушений против железных дорог. С тех пор, несмотря на преследование сербами болгарского начала в пограничных областях, македонская организация, чувствуя, что сербы стремятся ее провоцировать, держалась неопределенного положения и старалась не поддаваться на сербскую удочку. Теперь же, по словам Монева, македонцы хотят получить твердое заявление русского правительства, что оно не отказывается от традиционной политики покровительства болгарским идеалам и сочувствует предоставлению Болгарии после войны, когда Сербия получит компенсацию в другой области, Македонии в пределах 1912 года. От предоставления Болгарии этих земель теперь же македонцы, по словам того же Монева, уже отказались. Если Россия не сделает теперь же определенного заявления, может случиться, сказал Монев, что тогда как официальная Болгария пойдет на линию Мидия—Энос и выступит за присоединение Фракии, македонская организация, со своей стороны, ринется на Македонию.

Помимо границ 1912 года, македонцы хотят в остающейся у сербов части Македонии (Гостивар, Скоплье, Куманово) обеспечений для болгар в смысле языка, богослужения и школ.

[1] Военные действия в ходе 1-й Балканской войны между странами Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) и Турцией. Война продолжалась с 25 сентября/8 октября 1912 г. по 17/30 мая 1913 г. и закончилась поражением Турции. По Лондонскому мирному договору Турция теряла все европейские владения, кроме Стамбула и части Восточной Фракии. Турецко-болгарская граница определялась линией Энос–Мидия. Европейские владения Турции были в основном разделены между Грецией (часть Македонии и район Салоник), Сербией (часть Македонии и Косово) и Болгарией (Фракия с Эгейским побережьем и часть Македонии).

[2] В ходе 2-й Балканской войны (июнь–август 1913 г.) Болгария, воевавшая против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Турция, потерпела поражение. По Бухарестскому мирному договору от 10 августа 1913 г. Болгария потеряла значительную часть территории, завоеванной в ходе 1-й Балканской войны. Болгария уступила Румынии Южную Добруджу, Турции — Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии — почти всю Северную Македонию.

21 марта

Приехал из Ставки князь Кудашев, которому было поручено великим князем Николаем Николаевичем лично осведомиться относительно того, насколько распространившиеся в печати слухи о сделанных Австрией предложениях заключить отдельный мир с Россией соответствуют истине.

Барон Шиллинг использовал и это обстоятельство для того, чтобы в разговоре с посетившим его итальянским послом упомянуть о приезде князя Кудашева, «связанном с возбужденным недавно Австрией вопросом».

22 марта

В день Пасхи итальянский посол обратился по телефону к барону Шиллингу с просьбой устроить ему в тот же день свидание с министром иностранных дел для сообщения ему известия, не терпящего отлагательства. Принятый министром в 6½ часов вечера, маркиз Карлотти прочел полученную им из Рима телеграмму, в которой ему сообщалось для сведения, что ввиду отказа союзников в требованиях Италии касательно полуострова Сабиончелло и близлежащих островов, барон Соннино телеграфировал в Лондон маркизу Империали, что Италии, вероятно, придется порвать переговоры и озаботиться об обеспечении своих интересов другими способами. С.Д. Сазонов возразил послу, что считает эти требования Италии неприемлемыми, и указал на значительность сделанных уже уступок. Министр вынес впечатление, что Италия, в сущности, боится вступить в войну, даже против разбитой Австрии, и что ее упорство в указанном вопросе объясняется скорее всего желанием по возможности оттянуть заключение договора, который поставил бы ее в необходимость приступить к военным действиям.

Почти одновременно с итальянским послом, около 7 часов вечера, приехал к министру и великобританский посол, который привез полученное им из Лондона подтверждение сообщенного маркизом Карлотти известия с той лишь разницей, что вышеупомянутые слова Соннино были сказаны им английскому послу в Риме, а не переданы официально маркизу Империали в Лондон.

Ввиду нового настойчивого обращения посла по поручению Асквита с просьбой изыскать способ для примирительного решения вопроса во избежание разрыва переговоров, С.Д. Сазонов сказал Бюкенену, что он обдумает это дело, но не может дать никакого ответа до вторника, когда он будет иметь случай представить вопрос на благоусмотрение государя императора.

Зашедший тем временем от министра к барону Шиллингу итальянский посол казался весьма встревоженным возможностью прекращения лондонских переговоров и даже не скрыл испытываемой им досады по поводу образа действий его правительства. Намекая на наш недавний разговор об австрийских предложениях России, барон Шиллинг сказал послу, что непримиримость римского кабинета наводит на мысль о необходимости обеспечить наши интересы помимо Италии. На вопрос посла, сделано ли нами уже что-нибудь в этом направлении, барон Шиллинг ответил: «Будьте уверены, что мы примем меры к тому, чтобы не сесть между двух стульев. Домогательства Италии в отношении Далмации грозят создать такое положение, при котором в ближайшем будущем станет неизбежной война между Сербией и Италией. Таким образом, если даже допустить, что римскому кабинету удастся сейчас вырвать из рук держав осуществление всех своих требований, это будет лишь маленьким мимолетным личным успехом Соннино, за который впоследствии Италия заплатит дорогой ценой».

Разделяя в сущности эту точку зрения, Карлотти (хотя и сам с материнской стороны еврейского происхождения) не вытерпел и воскликнул: «Sonnino n'est qu'un petit juif qui cherche a faire une grosse affaire» [Соннино только маленький еврей, который хочет сделать большое дело].

24 марта

На всеподданнейшем докладе в Царском Селе министр получил высочайшее соизволение принять предложенное Делькассе примирительное разрешение далматинского вопроса в том смысле, чтобы полуостров Саббиончелло был присужден Сербии, а спорные острова уступлены Италии.

25 марта

Около 8 часов вечера итальянский посол приехал к барону Шиллингу, чтобы прочесть пересланную ему из Рима телеграмму итальянского посла в Берлине г-на Боллати. В этой телеграмме последний передавал свой разговор с германским канцлером. Г-н фон Бетман-Хольвег сказал послу, что, по его сведениям, видный представитель высшего феодального австрийского дворянства, которое вообще известно своим недружелюбным отношением к Италии, обратился к государю императору с просьбой заключить мир с Австрией, но что означенное лицо не имеет влияния на нынешнее венское правительство, которое не перестает уверять в Берлине, что оно не намерено отделяться от Германии в вопросе о мире. По этому поводу г-н Боллати замечает от себя, что едва ли канцлер на самом деле столь спокоен на этот счет, каким он хочет казаться. Далее г-н фон Бетман-Хольвег заявил, что положение Австрии далеко не так безнадежно, как многие думают. По его словам, хотя и приходится отказаться от надежды вновь отвоевать Галицию, однако есть полное основание ожидать, что при помощи германских войск, на подкрепление коих только что отправлен еще один

корпус, австрийцам удастся преградить русским путь через Карпаты. Итальянский посол в Берлине, хотя и известен своим крайним германофильством, однако сознается, что имеющиеся у него сведения из других источников не подтверждают проявленного канцлером оптимизма.

Барон Шиллинг поблагодарил посла за это сообщение, а на его вопрос, нет ли известий о ходе лондонских переговоров, сказал ему, что, насколько он знает, Имериали за эти праздничные дни не виделся с Асквитом. Карлотти выразил надежду, что эти переговоры во всяком случае не будут прерваны, и сказал, что, со своей стороны, он после своего разговора с министром в день Пасхи телеграфировал в Рим, советуя «не натягивать слишком сильно тетивы лука». Барон Шиллинг ограничился тем, что сказал, что князю Кудашеву уже два дня тому назад было поручено министром вернуться в Ставку. Посол не без некоторого беспокойства отметил, что отъезд князя Кудашева таким образом совпал с поездкой в Ставку и председателя Совета министров Горемыкина. Это побудило его высказать надежду, что русское правительство не отказалось от мысли прийти к соглашению с Италией и не будет слишком торопиться сговориться с Австрией. Барон Шиллинг ответил послу, что это будет главным образом зависеть от самой Италии, и не скрыл от посла, что, согласно сведениям, полученным им из разговора по телеграфу с вернувшимся в Ставку князем Кудашевым, итальянские требования были встречены там весьма несочувственно. Барон Шиллинг напомнил, что великий князь женат на черногорской княжне, и что поэтому хотя бы одно требование нейтрализации Каттаро не могло не произвести на его императорское высочество весьма отрицательного впечатления. Барон Шиллинг высказал опасение, как бы чрезмерность итальянских требований, если только таковые будут приняты державами, не создала такого положения, при котором, становясь союзниками с Италией, мы одновременно перестали бы быть друзьями. Он прибавил, что для Италии, пожалуй, подобное положение было бы не ново, так как до сих пор она была долгое время союзницей именно своего злейшего врага. В России, наоборот, привыкли не отделять понятий о дружбе и о союзе, так что по отношению к Франции слова amis et alliés [друзья и союзники] вылились в освященную временем формулу.

29 марта

29 марта министр передал американскому послу на словах, что императорское правительство отклоняет американское предложение об установлении нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари.

6 апреля

Маркиз Карлотти заехал к барону Шиллингу, чтобы прочесть полученные им из Рима телеграммы, из которых между прочим явствовало, что Соннино, упорно отстаивая свои требования, вместе с тем возражал против некоторых предложенных в Лондоне поправок, между прочим касательно будущей восточной Албанской границы, причем он ссылался на невозможность для него высказаться, пока он не осведомлен о предположениях союзников в вопросе будущего распределения Македонии между Сербией и Болгарией. Отметив придирчивость Соннино, барон Шиллинг указал послу на разницу приемов ведения переговоров со стороны Соннино и С.Д. Сазонова.

Сославшись при этом на только что прочитанное ему послом в одной из телеграмм Соннино заявление последнего о желании его установить впредь доверчивые и тесные отношения с союзниками, барон Шиллинг выразил опасение, как бы применяемые Соннино приемы ведения переговоров не явились препятствием к осуществлению означенного пожелания.

По предложению барона Шиллинга, маркиз Карлотти поднялся к министру, который его принял и, высказав ему сожаление по поводу оборота, принятого лондонскими переговорами, все же остался доволен трезвыми взглядами, выраженными лично маркизом Карлотти.

В это время — это было уже около 7-ми часов вечера — французский посол протелефонировал, что ему непременно нужно видеть министра по неотложному делу. С.Д. Сазонов тотчас принял г-на Палеолога, который передал ему от имени Делькассе настоятельную просьбу французского правительства не настаивать на возражениях и скорее согласиться на подписание соглашения с Италией. Для большей убедительности посол указал, что если бы последнее не состоялось вследствие происшедшей задержки из-за несговорчивости России, то разочарование во Франции будет столь велико, что это может отразиться на отношении широких кругов французского народа к союзу с Россией. Раздраженный настойчивостью, с которой французское правительство за последние дни торопит подписание соглашения, отнимая этим возможность добиться лучших с нашей точки зрения условий, С.Д. Сазонов не скрыл от посла своего неудовольствия, высказав удивление, что именно во Франции так нетерпеливо ждут помощи от Италии, между тем как здесь относятся к этому вопросу несравненно спокойнее, хотя именно Россия несет наибольшие тяготы войны и должна была бы придавать большую цену всякому облегчению последних. В заключение министр согласился представить по телеграфу на высочайшее благовоззрение государя императора настойчивую просьбу французского правительства, отказавшись дать от себя какое-либо заключение до получения ответа от его величества[1].

[1] 6/19 апреля 1916 г. С.Д. Сазонов направил директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву телеграмму № 1763 для передачи Николаю II с изложением просьбы министра иностранных дел Франции Т. Делькассе. В тот же день император телеграфировал С.Д. Сазонову следующее: «Согласен при условии более раннего выступления Италии». — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 191–192.

7 апреля

Французский посол передал министру для представления государю императору телеграмму президента республики, в которой г-н Пуанкарэ лично обращался к его величеству с просьбой ускорить подписание соглашения с Италией во имя интересов союзников.

В тот же день около 7-ми часов вечера английский посол привез министру новую телеграмму от Грея[1], убедительно ходатайствовавшего не настаивать на поправках, изложенных в пространной памятной записке от 5 апреля[2]. Грей опасался, как бы из-за рассмотрения этих поправок в Риме не произошла новая затяжка переговоров.

Получивши как раз перед этим ответную телеграмму от государя императора с изъявлением согласия на заключение договора с Италией под условием ускорения выступления последней, министр обещал послу дать ему ответ в том смысле, что Рос-

сия не будет более противиться заключению соглашения, но должна будет при этом сделать некоторые оговорки.

[1] Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде С.Д. Сазонову с обращением статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Э. Грея от 7/20 апреля 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 197–199.

[2] В памятной записке послам Франции и Великобритании в Петрограде от 5/18 апреля 1915 г. С.Д. Сазонов приводил ряд желательных изменений в тексте соглашения с Италией, переданном ему послом Великобритании в памятной записке от 4/17 апреля 1915 г. Основные изменения С.Д. Сазонова были следующие: он продолжал возражать против нейтрализации побережья, уже принадлежащего Черногории, и настаивал на скорейшем выступлении Италии. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 175–183.

9 апреля

Итальянский посол прочел барону Шиллингу полученные им телеграммы, в которых между прочим были приведены две формулы, одна, предложенная французским послом в Лондоне, другая — итальянским министром иностранных дел, для удовлетворения требований России, чтобы путем нейтрализации побережья не были нарушены верховные права Черногории. Согласно этим телеграммам, французский посол в Лондоне предложил дополнить статью 5-ю итальянского меморандума касательно нейтрализации черногорского побережья следующей формулой: «sans préjudice des avantages concédés au Monténégro par la note des Puissances en date du... 1909» [не нанося ущерба преимуществам, предоставленным Черногории нотой держав от... 1909 г.].

Итальянский министр иностранных дел в свою очередь предложил для той же цели следующую прибавку к вышеупомянутой 5-й статье: «...tout en respectant la situation spéciale faite au port d'Antivari par les déclarations des Puissances en 1909» [не нарушая специального положения, установленного для порта Антивари декларациями от 1909 г.].

Барон Шиллинг разъяснил послу, почему эти формулы не отвечают нашим пожеланиям, а именно, первая из них недостаточно ясно устанавливает высказанную С.Д. Сазоновым мысль, а вторая прямо-таки основана, вероятно, на недоразумении, так как в ней, как будто делается уступка в пользу сохранения преимуществ, принадлежащих Антивари, тогда как известно, что в 1909 году, когда были уничтожены все ограничительные постановления 29-й статьи Берлинского договора, то именно только в отношении Антивари были установлены известные ограничения[1].

[1] Согласно ст. 29-й акта Берлинского конгресса от 1/13 июля 1878 г. Антивари присоединялся к Черногории; вместе с тем Черногории запрещалось иметь военные суда и пользоваться военным флагом. Антивари и все воды Черногории объявлялись закрытыми для военных судов всех наций. Полицейский надзор вдоль черногорского побережья должен был осуществляться Австро-Венгрией. В апреле–мае 1909 г., по завершении Боснийского кризиса, державы, подписавшие Берлинский договор 1878 г., особыми нотами сообщили Австро-Венгрии о своем согласии на отмену ст. 25 этого акта, т. е. на произведенную аннексию Боснии и Герцеговины. Кроме того державы договорились отменить положения ст. 29, «стеснявшие верховные права Черногории». В отношении порта Антивари была внесена новая редакция, согласно которой этот порт должен был оставаться исключительно торговым. — См.: Ф. 151, оп. 482, д. 1589, л. 45–47; д. 3132.

15 апреля

Посещение министра итальянским послом и разговор о взаимодействии между Италией и державами Согласия и о Румынии.

В это первое свидание с министром по подписании Лондонского соглашения[1] итальянский посол не без волнения выразил министру свое живейшее удовольствие по поводу установившихся отныне между Россией и Италией союзнических отношений. Министр, в свою очередь, высказал послу свое удовлетворение, напомнив, что он уже давно работал в этом направлении и что если сближение между обоими государствами не состоялось раньше, а именно уже со времени итало-турецкой войны[2], то вина за это падает не на него. При этом С.Д. Сазонов отдал полную справедливость маркизу Карлотти, личные качества которого и искреннее стремление к осуществлению означенного сближения сыграли видную роль в этом деле, явившись во многие трудные минуты полезным противовесом направленной в другую сторону политики итальянского кабинета при маркизе ди Сан-Джулиано.

Обсуждая предстоящую новым союзникам задачу, итальянский посол обратил внимание на желательность побудить и Румынию выступить одновременно с Италией. Упомянув о полученных им в этом отношении указаниях, он предложил свои услуги в качестве посредствующего звена между императорским правительством и румынскими дипломатами на случай, если бы по ходу переговоров такое посредничество могло оказаться иногда желательным. С.Д. Сазонов поблагодарил посла и сказал, что со своей стороны, желая привлечь на сторону союзников Румынию, он готов вести переговоры с последней в самом примирительном духе, под условием, чтобы и румыны считались со справедливыми пожеланиями России.

[1] Секретное соглашение союзных держав с Италией было заключено 13/26 апреля 1915 г. — См. док. № 14.
[2] Итало-турецкая (триполитанская) война 1911–1912 гг. закончилась поражением Турции, которая по Лозаннскому договору 1912 г. уступила Италии свои владения в Северной Африке.

15 апреля

15 апреля вечером отъезд министра иностранных дел на несколько дней в деревню.

16 апреля

Утром возвращение румынского посланника в Петроград.

Итальянский посол прочел барону Шиллингу полученную им телеграмму, в которой ему указывалось, что Румыния готова присоединиться к державам, воюющим против Австрии, под условием предоставления ей по окончании войны Буковины по Прут, Трансильвании и Баната по Тейсу. Маркизу Карлотти предписывалось поддержать румынские пожелания перед императорским правительством.

16 апреля

Посещение итальянским послом барона Шиллинга и более подробный разговор о Румынии и Швеции.

16 апреля

Возвращение в Петроград румынского посланника и его разговор с Палеологом.

17 апреля

Итальянский посол передал барону Шиллингу текст полученной им из Рима телеграммы короля итальянского на имя государя императора[1], которую ему поручено передать по высокому назначению тем способом, который он найдет наиболее удобным. Барон Шиллинг предложил послу передать его величеству, находящемуся на юге России, текст телеграммы во французском переводе с отправляемым каждый день фельдъегерем и, кроме того, для ускорения передать тот же текст по телеграфу, но в русском переводе, за неимением в походной канцелярии его величества французского шифра. Посол принял это предложение, причем вызвался доставить французский перевод телеграммы, прося, однако, считать итальянский текст официальным. На это барон Шиллинг возразил, что в таком случае официальный текст ответа должен будет быть на русском языке с приложенным французским переводом. Посол предпочел условиться считать для обеих телеграмм французский текст официальным и обещал прислать французский текст телеграммы итальянского короля. Что касается содержания телеграммы по существу, то барон Шиллинг заметил, что, не считая себя вправе подвергать критике слова короля, он тем не менее не может скрыть, что первая часть телеграммы, содержащая любезные слова по поводу заключенного союза, ему нравится более, нежели вторая, в которой несколько много места уделено советам, как относиться к пожеланиям Румынии.

По этому поводу разговор перешел на вопрос о переговорах касательно присоединения Румынии к союзникам. Маркиз Карлотти уже успел повидать накануне г-на Диаманди, от которого услышал о больших требованиях, выставляемых Румынией для своего вступления в борьбу. Вместе с тем итальянский посол сказал, что ему поручено его правительством поддержать румын в Петрограде и приложить все старания к тому, чтобы переговоры с русским правительством как можно скорее привели к заключению соглашения. Барон Шиллинг возразил, что, по его сведениям, Диаманди предупредил как французского, так и английского послов, что и они получат от своих правительств подобные же указания, но что как г-н Палеолог, так и сэр Дж. Бюканан разъяснили румынскому посланнику, что, в качестве представителей союзных держав, они в данном случае могут поддерживать лишь точку зрения России. Барон Шиллинг указал маркизу Карлотти на то, что именно такое отношение со стороны испытанных старых союзников было особенно оценено в Петрограде, и что поэтому он позволил бы себе обратить внимание на желательность, чтобы и новые союзники вдохновились этим примером, так как едва ли здесь произведет благоприятное впечатление, если Италия на другой же день по заключении с нами союза станет оказывать на нас какое-либо давление, чтобы побудить нас сделать уступки Румынии, несогласные с нашими интересами.

В то время как итальянский посол был еще у барона Шиллинга, вошел румынский посланник. После нескольких минут общего разговора маркиз Карлотти уехал, и Диаманди сразу заговорил о заключенном между Италией и союзниками в минувший понедельник соглашении. Видимо, он был застигнут этим врасплох и остался весьма недоволен тем, что, по его выражению (в его разговоре с итальянским послом), у него этим была выбита из рук хорошая карта. Относительно главного предмета возложен-

ных на него поручений он сказал только, что не считает удобным входить в подробное обсуждение отдельных пожеланий, которые Румыния выставляет условием своего присоединения к союзникам против Австрии, так как считает нужным прежде всего изложить эти условия самому министру иностранных дел. Он может лишь прибавить, что привез из Румынии самые лучшие вести, вполне подтверждающие его постоянный оптимизм насчет предстоящего выступления Румынии. По его словам, теперь все дело за Россией, которая сама может указать любой срок для выступления Румынии, причем, если бы она назначила срок слишком отдаленный, Румыния сама потребует его сокращения. «Мне поручено, — сказал он, — только выхватить у Вас (Vous extorquer) еще несколько ружей и патронов».

[1] 17/30 апреля 1915 г. итальянский посол в Петербурге А. Карлотти передал в МИД телеграмму, в которой король Италии Виктор-Эммануил просил Николая II «уделить просьбам Румынии самое благосклонное внимание» и пойти на уступки для скорейшего вступления Румынии на стороне Тройственного согласия. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 301–302.

19 апреля

Утром возвращение С.Д. Сазонова в Петроград. Свидание днем с английским и французским послами и согласование мнений относительно Румынии.

Осведомившись о происходивших за последние дни между румынским посланником и здешними союзными послами, а также начальником Канцелярии переговорах, министр признал, что привезенные Диаманди из Бухареста румынские требования являются сильно преувеличенными, а приданный румынским правительством этим требованиям ультимативный характер подает мало надежды на возможность соглашения. При посещении министра английским и французским послами было решено просить союзные правительства оказать соответствующее воздействие в Бухаресте, а пока, не отвергая румынских предложений, постараться добиться существенного исправления первоначальных требований Братиано.

20 апреля

Посетив министра, румынский посланник начал с того, что ему поручено передать предложения своего правительства немедленно выступить против Австрии, если державы согласятся вперед признать за Румынией право на присоединение части Австро-Венгрии в пределах, указанных в письменной заметке, которую посланник при этом вручил министру[1]. В общих чертах этими пределами являются: линия Прута в Буковине, граница между Галицией и Мармарош-Сигетским комитатом, линия, идущая от Васарош-Намени приблизительно до Сегедина, а затем линии Тиссы и Дуная. Диаманди заявил, что если державы согласятся на эти румынские пожелания, то от России будет зависеть указать самый день выступления Румынии, так как последняя не только готова, но считает в своих интересах необходимым возможно быстрое нанесение первого удара Австро-Венгрии. Он, однако, упомянул, что румынским войскам понадобится еще пополнение запасов патронов и ружей, которые в Бухаресте надеются получить от России.

С.Д. Сазонов не скрыл от посланника своего удивления по поводу необыкновенно широких притязаний Румынии и обратил внимание Диаманди на то, что России нель-

зя будет согласиться ни на линию Прута в Буковине, ни на предоставление Румынии всего Баната, ввиду необеспеченности в таком случае стратегического положения Белграда. Он напомнил посланнику, что уже с сентября месяца между Россией и Румынией существует соглашение[2], ставящее будущее распределение земель в зависимость от состава населения, и заявил, что, по его мнению, необходимо придерживаться и ныне этого начала.

Диаманди возразил, что соглашение 18 сентября имело в виду нейтралитет Румынии, между тем как за военное содействие Румыния в праве получить нечто большее.

С.Д. Сазонов не согласился с этой точкой зрения, сказавши, что соглашение 18 сентября не обещало также Румынии военного содействия со стороны России, между тем если теперь Румынии удастся увеличить свою территорию, то лишь при военном содействии России, которое также имеет свою цену.

Во избежание разрыва переговоров с первого же свидания министр просил посланника доставить ему карту, на которой были бы намечены румынские требования, а тем временем сообщить Братиано сделанное им общее возражение в надежде, что последний снабдит румынского посланника новыми указаниями.

---

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 333.

[2] См. док. № 6.

24 апреля

№1

Посещение итальянским послом барона Шиллинга и разговор относительно испортившихся румыно-итальянских отношений. Диаманди говорил маркизу Карлотти о возможном уходе Братиано в том случае, если Россия не примет условия, поставленные Румынией.

Одновременно свидание министра с французским и английским послами. Предложение Палеолога выработать условия, которые Россия и ее союзницы могли бы предложить Румынии с тем, чтобы в случае, если [бы] Братиано, который, видимо, ведет дело к разрыву переговоров, постарался свалить вину в подобном исходе на неуступчивость России, можно было бы путем обнародования переговоров показать румынскому общественному мнению, что если они окончились неудачно, то лишь благодаря тактике Братиано.

24 апреля

№2

После обеда у министра иностранных дел, за которым в числе других дипломатов был и румынский посланник, последний имел продолжительный разговор с С.Д. Сазоновым и старался вновь убедить его в справедливости румынских притязаний. Министр возражал и особенно обращал внимание Диаманди на опасность слишком резкой постановки вопроса, так как: «Si Bratiano insiste que c'est à prendre ou à laisser cela pourrait bien devenir précisément «à laisser» [Если Братиано будет настаивать на том, что надо или полностью принять его предложение или отвергнуть его, то очень возможно, что придется именно «отвергнуть»].

27 апреля

Отъезд товарища министра А.А. Нератова в Ставку верховного главнокомандующего.

Предъявленное румынским правительством требование в отношении земельных приращений столь значительно расходилось с пожеланиями, высказанными насчет будущей русско-румынской границы нашим военным ведомством, что министр счел полезным предварительно дальнейших переговоров по этому поводу еще раз сговориться с верховным главнокомандующим. С этой целью он решил отправить в Ставку для личного доклада и выяснения положения начальника Канцелярии барона Шиллинга, но телеграмма, извещавшая об этом кн. Кудашева, скрестилась с телеграммой великого князя, лично приглашавшего министра самому приехать в Ставку и, только в случае совершенной невозможности сделать это, прислать вместо себя товарища министра Нератова[1]. Так как через день у министра был назначен очередной всеподданнейший доклад у государя императора, а дальнейшая отсрочка переговоров на Ставке считалась нежелательной, С.Д. Сазонов поручил А.А. Нератову отправиться на другой же день к верховному главнокомандующему.

[1] Телеграмма верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича С.Д. Сазонову за № 228 от 25 апреля/8 мая 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 390.

29 апреля

Румынский посланник передал министру обещанную карту, на которой обозначены земельные притязания Румынии. Диаманди при этом сказал, что им до сих пор не получено от Братиано никаких новых указаний касательно возможных изменений изложенных ранее румынских требований. Министр обещал изучить карту, но не скрыл от посланника, что, так как нанесенная на ней линия для России очевидно неприемлема, он надеется, что Братиано найдет возможным ее пересмотреть. Он прибавил, что всякие переговоры по существу своему возможны лишь при обоюдных уступках; предъявление же требований в почти ультимативной форме, как это делает румынское правительство, оставляет мало надежды на возможность достигнуть соглашения.

Разговор был непродолжителен, и собеседники расстались холодно.

От министра румынский посланник отправился к итальянскому послу и сказал ему, что сегодняшнее свидание с С.Д. Сазоновым не привело ни к какому результату. Итальянский посол, по-видимому, убеждал Диаманди в необходимости сойти с усвоенного им непримиримого положения и путем сокращения своих требований дать возможность русскому правительству в свою очередь пойти навстречу румынским пожеланиям.

Свидевшись вечером с бароном Шиллингом, маркиз Карлотти передал содержание своего разговора с Диаманди и вместе с тем сообщил полученную им телеграмму, согласно которой, по сведениям итальянского посла в Берлине, фон Ягов убеждал румынского посланника Бельдимана спешно отправиться в Вену для переговоров с австрийским правительством, которое, по словам германского статс-секретаря, будто бы готово заключить с Румынией соглашение на почве уступки Румынии Буковины и обязательства даровать Трансильвании автономию. Боллати уведомляет, что румынский посланник отказался от этого, сказавши, что не считает возможным достижение подобного соглашения.

Барон Шиллинг заметил, что, если бы Румыния действительно примкнула теперь к Германии и Австрии и Братиано только для того предъявил нам неприемлемые требования, чтобы найти в нашем отказе удобный предлог для перехода на сторону наших противников, Россия никогда не простит Румынии подобного вероломства, и это неминуемо отразится на дальнейшей судьбе королевства.

Согласившись с этим, итальянский посол выразил сомнение, чтобы Румыния могла решиться на такой шаг, ибо она должна помнить, что во всяком случае она и впредь останется соседкой России, и потому для нее наиболее важно наладить хорошие отношения именно с последней.

Зная, что маркиз Карлотти передает Диаманди слышанное им в Министерстве иностранных дел, барон Шиллинг счел полезным прибавить, что в случае упомянутого поворота Румынии, Россия, разумеется, тотчас найдет способ прийти к соглашению с Болгарией, которая, вероятно, не откажется воспользоваться создавшейся обстановкой для нападения на Румынию. Так как итальянский посол поставил вопрос, не согласится ли Румыния предварительно с Болгарией, барон Шиллинг продолжал, что не верит возможности такого соглашения, ибо Румыния ни в каком случае не может предложить Болгарии всего того, что могли бы дать последней Россия и ее союзницы, а именно, если Румыния и решилась бы отдать за нейтралитет Болгарии присоединенную в 1913 году часть Добруджи, то за содействие России против Румынии Болгария, несомненно, могла бы рассчитывать на всю Добруджу с Констанцей, не говоря о других намеченных приращениях во Фракии и Македонии.

29 апреля

Вернувшийся со Ставки товарищ министра Нератов сообщил, что по всестороннем обсуждении вопроса о румынском выступлении с великим князем Николаем Николаевичем и начальником его Штаба, при участии генерал-квартирмейстера Данилова, было признано возможным в значительной степени отступить от первоначальных предположений и согласиться на границу в Буковине по реке Сучаве, допуская даже возможность дальнейшей уступки вплоть до течения Серета. Что касается Баната, то великий князь вполне разделил мнение о невозможности уступок за счет сербов, которые могли бы создать опасное положение для их столицы. Итог принятых решений был запечатлен в памятной записке[1], врученной А.А. Нератову, а также нанесен на соответствующую карту.

[1] Записка, составленная в Ставке верховного главнокомандующего, была вручена товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову 28 апреля/11 мая 1915 г. Главным условием для успешных переговоров с Румынией ставилась уступка румынами в пользу сербов юго-западной части Баната. Также обозначались возможные уступки со стороны России в разграничении Буковины. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 410–411.

4 мая

Посетивший министра иностранных дел итальянский посол прочел телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, который, сходясь в этом отношении с Поклевским, выражал опасение, что русская памятная записка[1] произведет дурное впечатление в Румынии, и потому советовал своему правительству убедить С.Д. Сазонова воспользоваться остающимися двумя днями до возвращения Братиано для того, чтобы оста-

новить передачу означенной памятной записки и ограничиться простым заявлением о неприемлемости румынских притязаний. Сам маркиз Карлотти не разделял мнения барона Фашотти и только сообщил содержание его телеграммы, не настаивая на принятии изложенного в ней совета.

Вместе с тем Карлотти вновь высказал свои личные опасения насчет возможного соглашения между Румынией и Болгарией. Хотя у него и нет определенных данных, позволяющих судить об условиях, на которых могло бы состояться подобное соглашение, ему тем не менее внушает сильное подозрение недавняя поездка в Бухарест генерала Савова.

Министр поведал послу полученные им утром от французского и английского послов сведения о том, что, согласно сообщению, сделанному генеральным секретарем итальянского министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Риме, между Италией и Румынией существовало соглашение, в силу которого выступление обеих стран против Австро-Венгрии должно было состояться одновременно. Посол в свою очередь подтвердил это известие.

Вечером того же дня маркиз Карлотти, встретившись в клубе с бароном Шиллингом, рассказал, что его перед самым обедом посетил румынский посланник, весьма недовольный оборотом, который приняли переговоры с державами касательно выступления Румынии. Диаманди жаловался на то, что ответная нота дает повод думать, что предложение союза исходило от Румынии, тогда как на самом деле у него, Диаманди, есть доказательства, что уже с июля месяца Россия сама призывала Румынию к общим действиям против Австро-Венгрии. Затем, решительно отвергая возможность для Румынии согласиться на предложенные ныне Россией границы, Диаманди говорил, что, по его мнению, главное было бы вызвать скорейшее выступление Румынии. Au lieu de cela on fait maintenant de la littérature diplomatique et le temps passe [Вместо этого занимаются теперь дипломатической литературой, а время проходит].

Карлотти сознался, что в этих последних словах, как ему показалось, звучала некоторая досада на промедление из-за опасения Диаманди, как бы, если не удастся добиться от России желаемого теперь, что австро-германцы подступили под самый Перемышль, то впоследствии, в случае улучшения военного положения, Россия тем менее согласится на нынешние румынские притязания. Диаманди сетовал также, по словам Карлотти, на создавшуюся дипломатическую обстановку, при которой Франция и Англия, вместо того, чтобы поддержать Румынию, тесно сплотились с Россией, благодаря чему Румынии приходится чувствовать свою зависимость от воли трех великих держав.

Вообще, румынский посланник казался попеременно то весьма раздраженным, то разочарованным и упавшим духом. Маркиз Карлотти старался доказать своему собеседнику необходимость считаться с условиями времени и удовольствоваться достижимым. Он подчеркивал то обстоятельство, что ответ С.Д. Сазонова на румынские притязания открывает дверь дальнейшим переговорам, а потому советовал Диаманди не обострять положения, а напротив того, убедить Братиано добровольно пойти на неизбежные уступки.

На вопрос барона Шиллинга, какие у него имеются сведения о заключенном будто бы между Румынией и Италией соглашении касательно совместного выступления, маркиз Карлотти ответил, что он на этот счет весьма мало осведомлен. В одной из своих телеграмм к нему Соннино ссылался на подобное соглашение, будто бы заключенное еще в сентябре минувшего года, но ни словом не обмолвился о содержании соглашения.

С другой стороны, Диаманди однажды сказал маркизу Карлотти, что, по его сведениям, румынское и итальянское правительства согласились в минувшем ноябре по возможности приурочить возможное выступление против Австро-Венгрии к одному сроку и обязались во всяком случае взаимно уведомить друг друга о предстоящем своем выступлении не позже как за 5 дней до последнего.

[1] Телеграммой № 2231 от 1/14 мая 1915 г. С.Д. Сазонов сообщал посланнику России в Румынии С.А. Поклевскому текст памятной записки, которую последний должен был передать румынскому правительству. В записке говорилось о том, что Россия с большим удовлетворением приняла заявление Румынии о готовности выступить против Австро-Венгрии, «как только державы гарантируют ей приобретение австро-венгерских территорий, на которые она имеет притязания». Разграничение аннексированных австро-венгерских территорий должно основываться на принципе этнографического большинства. Румыния должна согласиться на передачу России и Сербии территорий в Северной Буковине и в Западной Банате, где «их соплеменники составляют в свою очередь большинство населения». — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 446–449.

5 мая

Не имев возможности лично видеть министра, бельгийский посланник посетил барона Шиллинга, чтобы сделать предписанное ему заявление приблизительно в следующих выражениях: «По сведениям бельгийского представителя в Бухаресте, державы Тройственного согласия не расположены удовлетворить пожелания Румынии, выполнением коих последняя обусловливает свое выступление против Австро-Венгрии. Бельгия, бескорыстно несущая все тяготы нынешней войны и наиболее страдающая от таковой, придает большую цену всему, что могло бы содействовать успеху союзников в их общем деле. Поэтому она позволяет себе выразить надежду, что императорское правительство найдет возможным отнестись, по возможности, благосклонно к пожеланиям Румынии в видах привлечения ее к общим действиям с союзниками».

Передавая вышеизложенное, граф Бюиссере казался весьма смущенным и счел нужным извиниться, что, по поручению своего правительства, позволил себе давать непрошенные советы, быть может, особенно неуместные ввиду того, что они исходят от маленького государства и обращены к России.

Ввиду существующего к Бельгии всеобщего расположения и уважения, заслуженного выказанной ею доблестью, барон Шиллинг нашел нужным успокоить графа Бюиссере насчет впечатления, которое должно произвести на нас его выступление. Барон Шиллинг сказал ему, что в данном случае разница в объеме государств не имеет значения, и что подобно тому, как мы уверены в искреннем дружелюбии, подсказавшем Бельгии сделанное посланником заявление, так и он может быть уверен, что мы столь же дружелюбно принимаем его слова. По существу вопроса, барон Шиллинг может от имени министра заявить ему для передачи бельгийскому правительству, что Россия, вполне сознавая необходимость сделать все возможное для подкрепления положения союзников, не теряет из виду значения содействия, которое может представить Румыния. С целью заручиться последним Россия готова самым внимательным образом отнестись к румынским пожеланиям под условием, чтобы последние не шли вразрез с лежащими на России обязательствами по отношению к русскому населению Австро-Венгрии и к неоспоримым правам давнишней и доблестной союзницы держав Согласия — Сербии.

Около 6 часов вечера французский посол попросил министра его принять и, приехав к С.Д. Сазонову, прочел ему полученную им телеграмму, в которой Делькассе, ссылаясь на вероятие отказа Братиано принять намеченную в русском контрпредложении границу, спрашивал, не согласится ли Россия сделать дальнейшую уступку, допустив, чтобы в Буковине границей послужила река Серет, а в Банате Румыния получила Торонтальский уезд. Палеолог приложил все старания, чтобы убедить министра согласиться на это предложение. С.Д. Сазонов обещал дать ответ лишь на следующее утро.

6 мая

Утром министр дал знать французскому послу, что он в общем принимает предложения Делькассе, под условием, чтобы почин соответственного видоизменения границы исходил от румынского правительства и чтобы Румыния выступила одновременно с Италией, т. е. не позднее 13/26 мая. При дальнейшем обсуждении сделанных Палеологом предложений выяснилось, что в ответе министра едва не вкралось недоразумение из-за того, что французский посол говорил о Торонтальском уезде, между тем как в представлении С.Д. Сазонова речь могла идти лишь о северо-восточной части названного комитата. Во избежание недоразумений в переговорах с Румынией по этому поводу было решено спешно оговорить, что обещаемая С.Д. Сазоновым уступка может коснуться лишь означенной части комитата. Равным образом, было установлено, что в Буковине пограничная линия должна пойти от истоков Серета до Надбании в Мармарошском комитате не по прямой линии, а по линии, указанной в русской памятной записке от 1-го мая[1].

Уже около 7-ми часов вечера к барону Шиллингу приехали итальянский посол вместе с итальянским военным агентом полковником Ропполо, которые сообщили, что последний получил разрешение подписать военное соглашение. Ропполо уже успел переговорить по прямому телеграфному проводу с генералом Янушкевичем. (Содержание беседы сообщено кн. Кудашевым при письме от 7 мая)[2].

Посол обсуждал с бароном Шиллингом вопрос, в какой форме ему следовало бы сделать заявление Спалайковичу согласно пожеланию великого князя о том, что хотя Италия и не принимает на себя формального обязательства доставить продовольствие, однако сделает все от нее зависящее для удовлетворения в этом отношении нужд сербской армии. Было решено, что посол испросит по этому поводу указаний из Рима.

[1] См. прим. 1 к записи от 4 мая.

[2] Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашева С.Д. Сазонову от 7/20 мая 1915 г. — См.: Красный Архив. — 1928. — Т. 2(27). — С. 20–21.

12 мая

Английский посол сообщил министру, что согласно полученной им телеграмме влиятельный венгерец явился на днях к великобританскому послу в Риме и старался от него узнать, согласились ли бы Англия, Франция и Россия заключить отдельное соглашение с Венгрией на почве отделения последней от Австрии и Германии взамен обеспечения ей державами ее нынешних владений. Сэру Д. Бюканену было поручено Греем осведомиться о точке зрения императорского правительства на этот счет.

С.Д. Сазонов высказал мнение о необходимости отнестись крайне осторожно к означенному предложению, так как если даже оно и оказалось бы серьезным, следовало бы принять во внимание возможные последствия подобного соглашения, а именно, есть известная опасность, что в таком случае Румыния, против которой главным образом было бы направлено соглашение с Венгрией, немедленно перейдет на сторону Германии и Австрии, и таким образом, прежде всего России пришлось бы испытать существенное неудобство от появления нового противника на своей границе, тогда как отложение Венгрии от своих нынешних союзниц не даст достаточно осязательных результатов.

Румынский посланник просил приема у министра, но последний, будучи принужден ехать в Совет министров, ответил, что примет посланника лишь на другой день. Тем не менее, заехав после Совета министров, уже в седьмом часу, к итальянскому послу как новому союзнику и встретившись у него с румынским посланником, С.Д. Сазонов пригласил г-на Диаманди, несмотря на позднее уже время, приехать к нему в тот же день, что Диаманди и сделал. Румынский посланник передал министру маленькую записку, в которой указывалось на согласие Братиано: 1) уступить Болгарии часть Добруджи по линии Добрич — Бальчик; 2) обязаться не укреплять местности в Банате против Белграда и 3) отказаться от притязаний на течение Верхней Тиссы выше впадения Виссо.

С.Д. Сазонов обратил внимание посланника на крайнюю ничтожность делаемых Братиано уступок и на опасность для Румынии усвоенной ее первым министром несговорчивости. Он напомнил Диаманди, что только в союзе с Россией, Францией и Англией Румыния может надеяться на получение Трансильвании, и выразил сожаление, что переговоры, которые могли привести к наилучшим результатам, имеющим важное значение и для будущего, ныне приняли столь неблагоприятный оборот, благодаря тем способам их ведения, которые применяет Братиано. Чтобы не порывать сейчас же означенные переговоры, министр сказал, что сообщит на всякий случай содержание записки верховному главнокомандующему и доложит о ней государю императору.

15 мая

В числе прочитанных в этот день итальянским послом барону Шиллингу телеграмм из Рима, была одна, исходившая от итальянского посланника в Бухаресте, в которой г. Фашотти высказывал мысль, что поспешное сообщение французского посланника о могущих быть сделанными Россией новых уступках, прежде чем румынское правительство успело ответить на русскую ноту 14/1 мая[1], явилось тактической ошибкой, укрепив румын в убеждении, что, упорствуя в своей непримиримости, они могут добиться еще дальнейших уступок. Поэтому, по мнению Фашотти, в настоящее время наилучшей тактикой со стороны держав было бы намеренное выказывание полного равнодушия к вопросу о выступлении Румынии.

[1] См. прим. 1 к записи от 4 мая.

20 мая

За отсутствием министра французский и английский послы посетили барона Шиллинга, причем г-н Палеолог передал содержание своего разговора накануне с румынским посланником. По-видимому, г-н Диаманди выказывал некоторую нервность ввиду того, что державы как будто воздерживаются от дальнейших переговоров с Румынией.

Он особенно сетовал, по словам французского посла, на Англию, говоря, что она поддерживает в русских несговорчивость и слишком близко принимает к сердцу интересы сербов в Банате.

Английский посол в свою очередь сообщил, что накануне у него также был румынский посланник, который в разговоре с ним сильно бранил Францию, обвиняя ее в неудачном для румын обороте ведущихся переговоров.

Обоих послов Диаманди старался уверить, что в случае принятия румынских требований, Румыния выступит «немедленно».

По этому поводу барон Шиллинг высказал сомнение в основательности утверждения румынского посланника. Барону Шиллингу, наоборот, представляется, что румыны стремятся только заручиться нашим согласием на удовлетворение их требований с тем, чтобы потом, под всякими предлогами, отсрочить свое выступление. По всем вероятиям, они начнут с того, что по заключении политического соглашения, потребуют предварительного соглашения военного, причем как присылка румынского уполномоченного в Ставку, так и ведение там переговоров, и, наконец, вопрос о пополнении боевых припасов даст им целый ряд удобных предлогов для затягивания дела, на которое потребуется не менее нескольких недель.

21 мая

Ввиду настояний союзных послов, указывавших на желательность дать Румынии какой-нибудь ответ на переданную посланником Диаманди записку, чтобы отнять у Братиану возможность утверждать, что переговоры прерваны Россией, министр иностранных дел решил вручить румынскому посланнику ответную памятную записку с указанием на недостаточность предложенных Румынией уступок в области верхней Тиссы и с намеком на возможность дальнейших уступок с нашей стороны, если румыны обнаружат намерение действительно вести серьезные переговоры[1]. Для передачи таковой памятной записки министр вызвал Диаманди, разговор с которым, впрочем, был весьма кратковременным и не внес ничего нового в переговоры.

В тот же день барон Шиллинг высказал итальянскому послу те же предположения насчет срока выступления Румынии, как накануне французскому и английскому послам.

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 1. — С. 76–78.

23 мая

После торжественного заседания, устроенного русско-итальянской торговой палатой по случаю присоединения Италии к союзникам, маркиз Карлотти заехал к барону Шиллингу и прочел довольно интересную телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, рисующую общую картину нынешнего политического положения в Румынии. По словам барона Фашотти, политические партии по своему отношению к войне распределяются следующим образом: за выступление Румынии против России на стороне Австро-Германии — незначительная кучка консерваторов с Карпом во главе, которая, однако, по своей малочисленности не имеет никакого значения. За выступление на стороне России против Австро-Германии — консерваторы-демократы под руководством Таке Ионеско. К ним примыкает группа консерваторов — последователей Филиппеско, а в последнее

время — также часть либеральной партии, объединившаяся вокруг Ивана Лаговари. За невмешательство в настоящую войну — остальная часть либералов, оставшаяся верной Маргиломану. Наконец, правительственная партия, подчиняющаяся руководству Братиано и хотя и высказывающаяся за войну против Австро-Венгрии, при известных условиях и в известную минуту, однако в душе поддерживающая политику невмешательства. По-видимому, даже и среди кабинета есть министры сторонники войны, но Фашотти уверен, что Братиано останется хозяином положения, главным образом потому, что почти все румынские государственные и общественные деятели погрязли в темных денежных делах, которые хорошо известны Братиано, имеющему возможность благодаря этому держать их в своих руках. Фашотти утверждает, что даже Костинеско, если не сам, то вследствие причастности к подобным делам его многочисленных родственников, находится в известной зависимости от Братиано.

26 мая

Личный доклад министра в Царском Селе, на котором последовало высочайшее соизволение, ввиду данного верховным главнокомандующим отзыва о желательности скорейшего привлечения Румынии на нашу сторону[1], сделать еще новые уступки румынским требованиям.

[1] В телеграмме № 265 от 25 мая/7 июня 1915 г. верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич изложил С.Д. Сазонову свою позицию, согласно которой Россия пойдет на уступки Румынии, «только при условии немедленного выступления Румынии, при котором эти уступки могут найти себе оправдание». — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 1. — С. 111.

27 мая

Итальянский посол по поручению своего правительства настоятельно просил министра пойти на дальнейшие уступки Румынии ввиду первостепенного значения, которое придается выступлению последней Италией.

2 июня

В субботу, 30-го мая, великая княгиня Мария Павловна по телефону сказала барону Шиллингу, что ею получено для пересылки румынской королеве ответное письмо государя императора. Так как еженедельное отправление казенной почты из Министерства иностранных дел в миссию в Бухаресте уже состоялось как раз накануне, великая княгиня спрашивала, каким образом поступить, чтобы письмо не слишком долго задержалось, и вместе с тем могло быть отправлено без того, чтобы на таковое отправление было обращено внимание. По обсуждении этого вопроса, было решено отправить означенное письмо обычным казенным пакетом, но не дожидаясь следующей пятницы.

Письмо государя императора, вложенное в письмо великой княгини на имя королевы, было вслед за тем доставлено барону Шиллингу и отправлено в Бухарест, как было условлено, в понедельник 1-го июня.

На докладе 2-го июня государь император прочел министру черновой набросок своего письма, которое было составлено в дружественных выражениях и, не входя в подробное обсуждение вопроса, указывало в общих чертах на желание достиг-

нуть соглашение с Румынией при условии необходимого ограждения и законных русских интересов.

12 июня

По окончании обычного заседания Совета министров, все министры были около 6-ти часов предупреждены по телефону о полученном председателем Совета министров высочайшем повелении всем членам Совета явиться на Ставку верховного главнокомандующего, где имел свое пребывание государь император, и куда все министры, за исключением отсутствовавших из Петрограда морского министра и министра юстиции, выехали в тот же вечер.

13 июня

За отсутствием министра французский посол посетил барона Шиллинга, у которого встретился с итальянским послом. Оба посла, ознакомившись с содержанием данного русскому посланнику в Бухаресте ответа Братиано, высказали сомнение, чтобы их правительства согласились доставить боевые припасы в Румынию еще до выступления последней.

Ввиду новых сетований итальянского посла на бездействие сербского войска, барон Шиллинг не скрыл от маркиза Карлотти, что, по мнению нашего поверенного в делах в Нише, одной из главных причин усвоенного ныне Сербией образа действий является растущее недоверие последней к намерениям Италии. Французский посол присоединился к барону Шиллингу, чтобы указать итальянскому послу на желательность осведомить сербов о том, чего они могут ожидать от держав на основании заключенного с Италией соглашения относительно Адриатического побережья, а также разъяснить ей судьбу албанских земель, согласно тому же договору с Италией.

Английский посол передал барону Шиллингу памятную записку с новым предложением великобританского правительства касательно ответа держав Болгарии[1].

[1] 16/29 мая 1915 г. державы Согласия предложили Болгарии ряд территориальных компенсаций в случае ее немедленного вступления в войну против Турции. Державы были согласны: 1) уступить Болгарии восточную Фракию, 2) обеспечить ей владение Македонией в границах 1912 годах, при условии получения Сербией соответствующих компенсаций в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережье, а также при условии, что Болгария не вступит в указанную местность до заключения мира, 3) содействовать уступке греческим правительством Кавалы, взамен его Греция должна была получить территориальные приобретения в Малой Азии, 4) способствовать переговорам между Румынией и Болгарией для разрешения вопроса о Добрудже. Кроме того, державы соглашались предоставить Болгарии финансовую помощь.
Ответ Болгарии на заявление держав Согласия последовал 2/15 июня 1915 г. Выражая признательность державам за сделанные ими предложения, болгарское правительство указывало на ряд неясностей по вопросу уступок, до выяснения которых оно считало невозможным принять окончательное решение. Великобритания подготовила официальный ответ Болгарии с уточнениями по территориальным уступкам, который был изложен в памятной записке английского посольства в Петрограде на имя С.Д. Сазонова от 12/25 июня 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 1. — С. 217–221.

14 июня

Бельгийский посланник сообщил товарищу министра Нератову, что его правительство обеспокоено слухами о намерении Франции по окончании войны присоединить к себе Люксембургское герцогство. Хотя президент республики г-н Пуанкарэ

сказал однажды бельгийскому посланнику в Париже, что он признает давнишние права Бельгии на это герцогство, оторванное от нее в 1839 году[1], тем не менее во многих влиятельных французских кругах, по-видимому, поддерживается мысль о присоединении Люксембурга к Франции. Бельгийское правительство надеется, что, когда настанет время для обсуждения этого вопроса, оно найдет в России поддержку своим домогательствам.

[1] По Лондонскому договору 1839 года значительная часть территории Люксембурга отошла к Бельгии, однако меньшая часть была возвращена под власть короля Нидерландов и составила Великое герцогство Люксембург.

17 июня

Бельгийский посланник сделал министру те же заявления относительно Люксембурга, которые были им уже сделаны гофмейстеру Нератову 14 июня. Министр ответил, что сочувственное отношение России к Бельгии общеизвестно, что же касается отдельного вопроса о Люксембурге, то таковой ближе всего касается Франции и Англии, а потому бельгийскому правительству следовало бы прежде всего переговорить об этом в Париже и Лондоне.

9 июля

По ходатайству датского и норвежского посланников государь император принял датчанина Андерсена и норвежца Эйде (Eyde). Последний явился к его величеству с письмом от короля Гаакона, чтобы просить государя личным воздействием облегчить осуществление крупного предприятия, которое желала бы основать в России группа норвежцев, а именно: создания на порогах реки Выга разных заводов. Таким образом, этот прием не имел в сущности политического значения.

Андерсен, напротив, принес лишь несколько строк от датского короля с просьбой выслушать устный доклад подателя письма. Андерсен давно лично известен государю, будучи в близких отношениях ко всему датскому королевскому дому. Он также лично знаком императору Вильгельму, а в прежнее время даже считался сторонником Германии.

Как государь об этом говорил впоследствии С.Д. Сазонову, Андерсен рассказал его величеству, что он недавно посетил Германию, где был принят императором Вильгельмом и виделся неоднократно с гг. Бетман-Хольвегом и фон Яговым. По его словам, в Германии не замечается недостатка съестных припасов и других предметов первой необходимости, но сильно развитая и раньше система кредита достигла ныне крайнего напряжения, грозя большими осложнениями. По настроению своему немцы делятся, по-видимому, на два разряда: одни следуют примеру императора, находящегося под сильным влиянием адмирала Тирпица, опьянены военными успехами последних месяцев и, не сознавая опасности для внутреннего экономического положения Германии, полны надежд на неограниченное торжество последней. Другие, к которым принадлежат Бетман-Хольвег, Ягов и еще некоторые благоразумные представители правительства, весьма озабочены развитием событий и опасаются, что Германия не выдержит настоящего крайнего напряжения. Они поэтому стоят за

скорейшее заключение мира, причем между ними существует лишь некоторая разница в том, что одни, и притом большинство, мечтают о заключении отдельного мира с Россией, а другие находят более выгодным сойтись с Великобританией. Все, по-видимому, сходятся в одном, а именно, что считают опасной для Германии новую зимнюю кампанию.

9 июля

Встретившись на набережной с великобританским послом, барон Шиллинг совершил с ним прогулку, во время которой сэр Дж. Бюканен весьма доверительно сообщил, что, по словам прибывшего накануне из Англии офицера, пользующегося доверием Китченера, последний весьма озабочен создавшимся положением. А именно, на западном фронте противники до такой степени укрепились, что мало надежды на возможность для которого бы из них прорвать линию укреплений и достигнуть решительного успеха. На восточном фронте обнаружившийся недостаток снабжения русской армии также не позволяет надеяться на возможность решительного наступления в близком будущем. Такое положение внушает Китченеру мысль о необходимости изыскания совершенно новых средств сдвинуть военные действия с мертвой точки, и ему, по-видимому, кажется, что можно было бы попытаться нанести Австро-Германии удар с юго-востока, если бы удалось перекинуть хотя бы к весне сильную английскую армию либо через Дарданеллы, либо через Грецию и Сербию в Венгрию. Этот проект, конечно, требует еще подробной разработки, вообще является пока лишь простым предположением, осуществимость которого еще не выяснена.

Разговор коснулся также положения дел в Румынии, причем посол указывал на необходимость заключить с последней политическое и военное соглашение, не останавливаясь для этого ни перед какими жертвами, так как только этим путем можно обеспечить себя от провоза военной контрабанды через Румынию в Турцию. По этому поводу барон Шиллинг высказал послу свой взгляд, совершенно расходящийся с выраженной им надеждой. По мнению барона Шиллинга, пока мы еще ведем лишь переговоры о соглашении с Румынией, Братиано, может быть, будет стараться пропускать возможно меньше военной контрабанды из опасения рассердить державы Четверного согласия и заставить их порвать переговоры, если они увидят, что Турция снабжается припасами через Румынию. Напротив того, как только будет подписано соглашение с державами Согласия, Братиано будет, очевидно, дрожать, как бы Германия не узнала о таковом соглашении и не предупредила выступления Румынии нападением на нее; поэтому он естественно будет стремиться успокоить Германию и дать ей заверение в том, что никакого соглашения между Румынией и державами Согласия не существует; а какие же лучшие доказательства мог бы он дать Германии в подтверждение своих заверений, как не разрешение свободно провозить военные припасы в Турцию? Это тем более вероятно, что, с одной стороны, Братиано мог бы при этом надеяться, что державы Согласия все равно не разорвут раз подписанного соглашения, а с другой стороны, Румыния вовсе не заинтересована в утверждении союзников и, следовательно, России на Проливах, а потому ей нет основания препятствовать провозу в Турцию боевых припасов, которые этим самым уходили бы с того именно фронта, на котором ей самой придется сражаться.

12 июля

Утром английский посол говорил с бароном Шиллингом по телефону о только что полученном из Бухареста ответе Братиано на поставленный ему Поклевским вопрос, согласится ли он определить срок выступления Румынии, если бы державы исполнили все его требования. Бюканен, смеясь, сказал, что ответ этот может быть назван «вполне удовлетворительным» с точки зрения Румынии, так как последняя, соглашаясь все приобрести, отказывается принять на себя какие бы то ни было обязательства. Считая, что подобный ответ едва ли заслуживает внимания со стороны держав, посол сказал, что, по его мнению, единственное, что остается ему сделать, это воспользоваться воскресным днем, чтобы уехать на подгородную свою дачу.

Через час после этого разговора к барону Шиллингу приехал французский посол. Он еще не имел текста ответа Братиано, но уже получил из Парижа телеграмму, выражавшую мнение, что, несмотря на неудовлетворительность означенного ответа, державам следовало бы поспешить заключением политического соглашения с Румынией, хотя бы и без определения срока ее выступления. Г-н Палеолог всецело проникся этим мнением и горячо высказывался в означенном смысле.

В тот же день барона Шиллинга посетил и итальянский посол, который лишь от барона Шиллинга узнал содержание ответа Братиано. Прочитав полученную из Бухареста телеграмму, маркиз Карлотти был крайне возмущен и, вскочив со своего места, воскликнул, что, по его мнению, Братиано после этого заслуживает от держав лишь одного ответа — «un coup de pied dans le bon endroit»[«вытолкать в шею»].

13 июля

13 июля румынский посланник посетил министра и передал ему памятную записку[1], заключавшую в себе ответ Братиано на запрос Поклевского. С.Д. Сазонов ограничился лишь немногими общими словами, указав на затруднительность для держав делать крайние уступки Румынии без соответствующего обеспечения ее выступления в определенный срок, но не вступал в более подробное обсуждение вопроса, не желая напрасно придавать своему разговору с г-ном Диаманди неприятный оборот.

От министра румынский посланник зашел к барону Шиллингу. Это посещение было первым после почти трехмесячного перерыва, что побудило г-на Диаманди начать со слов: «Je reviens chez Vous en enfant prodigue, espérant que Vous me ferez le même accueil qu'autrefois, d'autant plus que je viens reprendre ma place accoutumée dans ce salon non seulement en ancien ami, mais, je veux croire, en allié imminent» [Я возвращаюсь к Вам, как блудный сын, надеясь, что встречу такой же прием, как и прежде, тем более, что я хочу снова занять мое привычное место в этой комнате на правах не только старой дружбы, но и, как я хочу этому верить, предстоящего союза]. Он объяснил при этом, что избегал за последнее время посещения Министерства с тем, чтобы переговоры были сосредоточены между Братиано и Сазоновым, к которому он также приходил лишь всякий раз по особому поручению румынского министра.

Последовавший разговор носил весьма дружественный характер, хотя барон Шиллинг не только не скрыл от посланника своего разочарования по поводу хода переговоров с Румынией, но даже прямо заявил ему, что он лично относится совершенно отрицательно к заключению договора на тех условиях, которые поставлены Братиано.

В нынешней войне с самого начала всюду громко провозглашалась необходимость объединения народностей. Этот идеал одинаково вдохновил и сербов, и русских, и румын, и греков, и итальянцев. Между тем требования Братиано идут наперекор такому стремлению к народному объединению как русских, так и сербов. Добиваясь некоторых земельных прирезок в Буковине и в Банате, Братиано сеет семена будущих распрей между румынами и теми, которые являются их естественными союзниками. Барон Шиллинг более подробно развил эту мысль, с указанием на цифровые данные о количестве русского населения в запрутской Буковине, а также на соотношение румынского и сербского народов в Банате. Диаманди, полушутя, сказал, что приведенные доводы не лишены известной справедливости, но что он надеется, что барон Шиллинг не убедит С.Д. Сазонова придать им исключительное значение.

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 1. — С. 472–474.

15 июля

Получив приказание передать государю императору лично послание от короля Георга, великобританский посол испросил высочайшего приема и был принят его императорским величеством в Царском Селе 15 июля. Послание английского короля заключалось в том, чтобы просить государя, ввиду важного значения для союзников выступления Болгарии, побудить сербов к желательным уступкам в области Македонии путем личного обращения его императорского величества к королевичу Александру. Государь ответил послу, что он не имел бы возражений против подобного личного обращения к королевичу под условием, чтобы в нем приняли участие и главы других заинтересованных союзных государств. Ответ в этом смысле на имя короля Георга был прислан его величеством на другой день письменно для препровождения по назначению[1].

[1] См.: Константинополь и Проливы... — Т. II. — С. 285–286.

7 августа

К барону Шиллингу явился с весьма горячим рекомендательным письмом от посланника в Швеции Неклюдова некто г-н Кюлбергер (Kuhlberger), швед, банкир, уже неоднократно приезжавший за последнее время в Петроград по делам, требовавшим переговоров с нашим министром финансов. Барон Шиллинг заговорил с ним о русско-шведских отношениях, причем он также высказал несколько общих мест насчет необходимости поддержания дружественной связи между обоими нашими соседними государствами. Но было ясно, что Кюлбергер хочет перейти к другому предмету, и он лишь ищет удобного повода к этому. Действительно, он вскоре прямо заговорил о совершенно не затронутом бароном Шиллингом вопросе, а именно о распространившихся слухах о возможности мирных переговоров между Россией и Германией. Г-н Кюлбергер спросил барона Шиллинга, знает ли он о том, что через банковых деятелей А.В. Неклюдову были сделаны в этом смысле некоторые предложения, и не думает ли он, что самым подходящим способом наладить подобные переговоры было бы обсуждение возможных мирных условий банковыми деятелями с обеих сторон, съехавшимися в нейтральной стране. Барон Шиллинг ответил, что ни о каком отдельном мире между Россией и Германией речи быть не может и что, когда в Германии сочтут время наступившим для мирных переговоров,

необходимо будет обратиться с таковыми ко всем союзникам зараз. Кроме того, барон Шиллинг сказал, что вопрос не в том, кто должен сыграть роль посредника при переговорах, — будь то банковый деятель или дипломат, или любое частное лицо, — важно лишь одно, чтобы такой посредник обладал надлежащими полномочиями со стороны германского правительства и обратился также к правительственному представителю союзников. Иначе будут лишь пустые разговоры между безответственными людьми, а не серьезные переговоры. Г-н Кюлбергер заявил, что слова барона Шиллинга вполне сходятся с полученным им уже от Неклюдова ответом. При этом он спросил, думает ли барон Шиллинг, что при соблюдении указанных условий переговоры через банковых деятелей могли бы иметь вероятие на успех. Барон Шиллинг ответил, что не знает, насколько Германия была бы в настоящую минуту склонна согласиться на те условия, которые, по мнению союзников, должны лечь в основу всякого соглашения и без удовлетворения которых союзники едва ли согласятся заключить мир. Во всяком случае почин серьезных предложений должен был бы исходить от Германии. Г-н Кюлбергер сказал, что через два дня возвращается в Швецию, но предполагает быть снова в Петрограде недели через две, и просил разрешения вновь посетить барона Шиллинга.

8 августа

Ставка верховного главнокомандующего перенесена в Могилев.

23 августа

Румынский посланник Диаманди решил съездить на две недели в Румынию, где, по его словам, его присутствие необходимо из-за неотложных частных дел. Он пришел проститься с министром иностранных дел, причем остался очень довольным приемом С.Д. Сазонова, который, хотя и указал ему на допущенные Румынией ошибки, заверил его в том, что он по-прежнему относится сочувственно к названной стране и надеется, что в будущем отношения между ней и Россией наладятся на прочной дружественной основе.

Зайдя также к барону Шиллингу, г-н Диаманди, сославшись на прочность своих личных дружественных отношений с бароном Шиллингом, высказал сожаление по поводу известной ему точки зрения барона Шиллинга на причины, помешавшие выступлению Румынии в союзе с державами Четверного согласия. В продолжительной беседе он вновь старался рассеять усвоенное бароном Шиллингом мнение, но по-прежнему не достиг в этом успеха, хотя отношения и остались наилучшие.

Оставив бесполезный спор о предметах, имеющих в настоящую минуту лишь историческое значение, барон Шиллинг сказал г-ну Диаманди, что хотел бы высказать ему несколько мыслей и соображений, могущих, быть может, иметь еще и практический смысл. Барон Шиллинг оговорился, что не делает ему никаких предложений ни от своего имени, ни подавно от имени российского правительства, а просто высказывает вслух некоторые мысли в надежде, что если он с ними согласится, он найдет способ использовать их так, чтобы получился результат, полезный для всех. Барон Шиллинг начал с того, что обратил внимание посланника на важность для поддержания добрых отношений между двумя народами устранения всего, что хотя иногда и принимается под влиянием необходимости данной минуты, но оставляет на долгое время неизгладимый след и горечь, нарушающую добрые отношения. Сказавши, что не будет на этот раз

возвращаться к этому, поскольку это касается Буковины и отношений к России, барон Шиллинг указал на то, что приведенные слова имеют прямую связь с румыно-сербскими отношениями, могущими испортиться из-за Баната. Барон Шиллинг сказал, что не славянофильство, в котором г-н Диаманди его упрекает, заставляет его защищать интересы Сербии в Банате, а то обстоятельство, что Россия, желая поддерживать и на будущее время самые сердечные отношения как с Сербией, так и с Румынией, благодаря этому самому заинтересована в том, чтобы последние два государства не враждовали между собой. Это и заставляет барона Шиллинга вновь вернуться к вопросу о Банате и высказать мысль, что, если, как его в этом неоднократно уверял сам г-н Диаманди, и в Румынии понимают важность поддержания тесных дружественных отношений с Сербией, Братиано, добившись ныне согласия держав на присоединение к Румынии всего Баната, — что составляет для него, несомненно, личный дипломатический успех, — должен был бы выказать себя дальновидным государственным человеком и, в ясном понимании интересов самой Румынии, сговориться непосредственно с Сербией. Нельзя отрицать, что последней юго-западная часть Баната необходима не в силу нравственных соображений, вытекающих из желания объединения народности, а по чисто практическим причинам, в силу которых и мы принуждены настаивать на владении Финляндией, которая была бы нам вовсе не нужна, если бы Петр Первый не избрал устья Невы местом для столицы империи. Вместе с тем удовлетворением законной потребности Сербии указанным бароном Шиллингом путем добровольной и непосредственной уступки ей небольшого сравнительно земельного пространства Румыния навсегда привязала бы к себе сербов, одновременно заслужив этим благодарность России и ее союзниц.

Румынский посланник, по-видимому, проникся изложенной точкой зрения и, признавши основательность высказанных соображений, сказал, что, не ручаясь достигнуть успеха, он тем не менее обещает высказать означенное соображение Братиано и посоветовать ему принять его во внимание.

Барон Шиллинг сказал посланнику, что, горячо желая осуществления намеченного, он нисколько не дорожит признанием почина в этом отношении за ним, а потому просит г-на Диаманди не передавать сказанного им Братиано от имени барона Шиллинга или от имени русского правительства, а просто высказать это от своего собственного имени и постараться, чтобы Братиано усвоил себе изложенную точку зрения и осуществил указанные предположения под видом своих собственных, так как это, вероятно, облегчит ему это дело. При этом барон Шиллинг отметил, что если по соображениям внутренней политики Братиано, вероятно, пожелает возможно больше отдалить уступку Сербии юго-западного Баната, то, наоборот, с точки зрения внешней политики, было бы крайне необходимо осуществить это возможно скорее, дабы не дать времени народиться у сербов недоброжелательству против Румынии, а также облегчить державам благоприятный исход их нынешних переговоров с Сербией и Болгарией и тем заслужить тем большую с их стороны благодарность.

8 сентября

Днем получены из Софии телеграммы о болгарской мобилизации.

С.Д. Сазонов возвратился в министерство из Совета министров в шесть с половиной часов и тотчас лично протелефонировал о последовавшей в Болгарии мобилизации военному министру, а также английскому и французскому послу, причем узнав, что

у последнего в это время был итальянский посол, просил г-на Палеолога передать означенное известие и маркизу Карлотти.

В 7 часов в министерство был вызван болгарский посланник, который ничего не знал о случившемся и, видимо, был поражен этим известием. Он не скрыл своего огорчения, что правительство Радославова повело Болгарию по такому пути. С.Д. Сазонов сказал Маджарову, что, говоря с ним откровенно, не как с официальным представителем Болгарии, он не может не высказать самого резкого осуждения царю Фердинанду, который является виновником усвоенной ныне Болгарией изменнической по отношению к славянству политики.

Было решено: 1) сообщить союзникам, что, по мнению С.Д. Сазонова, в случае нападения болгар на сербов, желательно блокировать эгейские порты, чтобы помешать подвозу Болгарии военных припасов, а также, что казалось бы необходимым провести различие между болгарским народом и царем Фердинандом, возлагая всецело на последнего ответственность за создавшееся положение; 2) посоветовать Сербии не подавать болгарам повода сослаться на вызов со стороны сербов в оправдание своих наступательных действий и даже, по возможности, воздержаться от сопротивления в случае вступления болгар в Македонию и 3) обратиться в Бухарест и Афины с призывом к оказанию помощи Сербии.

Все это немедленно сообщено и в Ставку.

9 сентября

Посещение С.Д. Сазонова сербским посланником [в] половине[1] шестого вечера. Беседа носила общий характер и была посвящена подготовляющимся событиям на Балканах.

[1] В документе «половина».

12 сентября

В 5 часов дня болгарский посланник посетил министра иностранных дел и сделал ему по предписанию своего правительства заявление о переходе Болгарии к вооруженному нейтралитету. Болгарское правительство нашло необходимым объявить мобилизацию вследствие перенесения театра военных действий в непосредственную близость к болгарским границам, равно как и в силу мер военного характера, принятых ее соседями. Продолжая переговоры с державами, болгарское правительство объявило вооруженный нейтралитет, чтобы защитить права и независимость Болгарии. У него нет агрессивных намерений по отношению к кому бы то ни было из соседей.

Тем временем в Министерство иностранных дел приехал сербский посланник Спалайкович и, будучи принят товарищем министра А.А. Нератовым, доказывал, что, выступив сейчас против болгар, Сербия без труда могла бы занять Софию. Если же Болгария успеет сосредоточить войска против Сербии, то последняя будет разгромлена прежде, чем поспеет помощь союзников. Спалайкович прибавил, что не понимает, почему Пашич запрашивает державы, *о том, следует ли Сербии взять на себя почин военных действий. Понятно, что державы*[1] *на подобный вопрос* могут ответить лишь отрицательно. Поэтому, не извещая Пашича о том, что он сообщил кому-либо упомянутую телеграмму, Спалайкович намерен посоветовать ему поставить державы перед свершившимся фактом.

Узнав об этом уже в 6 с половиной часов вечера, С.Д. Сазонов немедленно вызвал сербского посланника и самым решительным образом указал ему, что если Сербия первая нападет на Болгарию, то она лишится[2] *сочувствия* всех своих союзников и не сможет рассчитывать на их содействие против неизбежного натиска австро-немцев.

[1] Далее зачеркнуто «которые».
[2] Далее зачеркнуто «содействия».

13 сентября

И.Л. Горемыкин выехал в Ставку.

15 сентября

Во вторник вечером государственный контролер Харитонов уведомил членов Совета министров о полученном им высочайшем повелении всем прибыть на царскую Ставку на имеющее быть там заседание Совета министров под председательством его величества в четверг 17 сентября.

16 сентября

Члены Совета министров выезжают в Ставку.

17 сентября

Заседание Совета министров, посвященное вопросам внутренней политики. По окончании заседания министр иностранных дел имел личный доклад у его величества.

18 сентября

Возвращение Совета министров.

19 сентября

Недовольный обнаруженной Греем нерешительностью по отношению к Болгарии и, видя, что с каждым днем, благодаря подвигающейся болгарской мобилизации, положение становится более опасным, С.Д. Сазонов решил, что дальше медлить нельзя и необходимо решительным выступлением либо остановить Болгарию, либо по крайней мере действительно выяснить ее намерения. Ввиду краткости остающегося до конца мобилизации срока, он решил действовать быстро, без предварительных переговоров с Парижем и Лондоном. Вполне сознавая необходимость сплоченности союзников, С.Д. Сазонов полагал, что в данном случае особенности занимаемого Россией по отношению к Болгарии положения дают нам право и даже возлагают на нас обязанности идти впереди других держав и принимать соответственные решения самостоятельно.

Сообразно с этим, министр утром 19 сентября приказал составить текст обращения к болгарскому правительству с требованием порвать в 24 часа с врагами России и ее со-

юзниц путем удаления из болгарских войск австро-германских офицеров, под угрозой в противном случае отозвания императорского посланника ввиду невозможности для России санкционировать присутствием своего представителя в Софии военные приготовления, направленные против союзного с Россией славянского государства[1].

Когда в 12 часов, по обыкновению, в Министерство явились французский и английский послы, С.Д. Сазонов заявил им о принятом решении, прося их довести об этом до сведения их правительств и выразить при этом его надежду, что союзники в свою очередь примкнут к образу действий России.

Текст ультиматума с предписанием вручить его «немедленно по получении» был отправлен около 6 часов.

Вызвав болгарского посланника, С.Д. Сазонов принял его в половине шестого и сказал ему, что события в Болгарии принимают такой оборот, при котором дальнейшее пребывание русского посланника в Софии становится невозможным, так как оно могло бы быть истолковано как молчаливое одобрение делаемых болгарским правительством военных приготовлений. Министр не скрыл от г-на Маджарова своего намерения поставить вопрос ребром и в случае невозможности остановить болгарское правительство на выбранном им опасном пути, порвать с ним всякие сношения.

Маджаров, вполне понимающий, к каким гибельным последствиям должна привести Болгарию политика Фердинанда и Радославова, был искренне удручен всем происходящим и не мог не согласиться со словами министра о неизбежности при таких условиях разрыва с Россией. Личное уважение к Маджарову, образ мыслей которого хорошо известен, побудило С.Д. Сазонова по возможности смягчить в разговоре с ним свои выражения, хотя он и вполне откровенно высказал свое негодование на короля Фердинанда и его приспешников.

[1] Текст ультиматума был направлен С.Д. Сазоновым посланнику России в Болгарии А.А. Савинскому в телеграмме № 4866 от 19 сентября/2 октября 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 2. — С. 415–416. См. также запись от 22 сентября.

20 сентября

Утром получена телеграмма из Софии, скрестившаяся с отправленным накануне текстом ультиматума и сообщавшая о том, что посланник Савинский опасно заболел аппендицитом. Немедленно была отправлена телеграмма в Софию с предписанием в случае болезни посланника вручить ультиматум Радославову через 1-го секретаря миссии Саблера. Весь день прошел в тщетном ожидании известий об исполнении означенных предписаний.

21 сентября

Никаких известий из Софии о передаче ультиматума.

22 сентября

Утром в Министерстве иностранных дел получена телеграмма 1-го секретаря миссии в Софии Саблера о том, что ультиматум был вручен Радославову накануне, 21-го сентября, в 4 часа дня, за подписью императорского посланника. Никаких подробно-

стей о впечатлении, произведенном на Радославова и вообще в Софии, в телеграмме не означалось. Вслед за получением этой телеграммы министерство запросило Саблера, на каком основании ультиматум был предъявлен не немедленно по получении его, а лишь в 4 часа пополудни.

23 сентября

Возвращение государя императора в Царское Село.

Около 8 часов утра Петроградское телеграфное агентство получило известие из Афин об отставке Венизелоса. В 9 часов утра в министерстве получена телеграмма о том же от посланника Демидова. Впечатление, произведенное этим известием в Петрограде, весьма сильное и неблагоприятное.

В 12 часов, при обычном своем посещении министра, английский и французский послы сообщили С.Д. Сазонову, что их правительства вполне одобряют предпринятый Россией решительный шаг по отношению к Болгарии, и поручили своим представителям в Софии к нему присоединиться.

В 4 часа дня в Министерстве иностранных дел получена телеграмма посланника в Софии о том, что ввиду неприемлемости полученного им от болгарского правительства ответа на ультиматум, он официально уведомил Радославова о разрыве дипломатических сношений[1].

В 10 с половиной часов вечера получена из Софии телеграмма о том, что английский и французский посланники также заявили о разрыве дипломатических сношений между их правительствами и болгарским[2].

[1] Телеграмма посланника России в Болгарии А.А. Савинского С.Д. Сазонову № 759 от 22 сентября/5 октября 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 2. — С. 438.

[2] Телеграмма посланника России в Болгарии А.А. Савинского С.Д. Сазонову № 761 от 22 сентября/5 октября 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 2. — С. 439.

24 сентября

Утром получен текст переданного болгарским правительством А.А. Савинскому ответа на ультиматум[1].

В 6 часов вечера к министру приехал г-н Маджаров, глубоко огорченный неминуемым разрывом. Он спросил министра, может ли он еще несколько дней пробыть в Петрограде, и, получив на это согласие, прибавил, что он охотнее всего вовсе бы отказался в настоящее время от возвращения в Болгарию, но что, какой бы опасности он там ни подвергся, он считает своим долгом отправиться в Софию прежде всего потому, что если бы он остался в России, хотя бы частным человеком, Радославов постарался бы истолковать это болгарскому народу как доказательство продолжающихся с Россией дипломатических сношений, а во-вторых, потому, что он должен как честный болгарский патриот прямо заявить королю свое мнение о преступном его образе действий.

В 7 часов вечера к министру вновь приехал французский посол просить исходатайствовать ему прием у государя императора ввиду полученных им из Парижа указаний настойчиво добиваться посылки нами отряда войск для общего с союзниками выступления на Балканах.

Вечером, в одиннадцатом часу, барона Шиллинга посетил сотрудник «Русского Слова» Богатский, только что перед тем бывший у болгарского посланника, который прочел ему полученную им из Софии телеграмму. В последней Маджарову предписывалось не требовать паспортов, а только если русское правительство само настоит на его отъезде, выехать в Софию, возложив ответственность за разрыв сношений на императорское правительство.

[1] Текст ответа болгарского правительства на ультиматум был направлен посланником России в Болгарии А.А. Савинским С.Д. Сазонову в телеграмме № 760 от 22 сентября/5 октября 1915 г. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VIII. — Ч. 2. — С. 438–439.

25 сентября

25 сентября министра иностранных дел посетил греческий посланник и беседовал с С.Д. Сазоновым по поводу объявленного греческим правительством вооруженного нейтралитета. Министр указал г-ну Какламаносу, что термин «вооруженного нейтралитета» заимствован греческим правительством от болгар. Однако путь, избранный болгарским правительством, оказался несчастным для Болгарии. Как бы решение придерживаться вооруженного нейтралитета, принятое греческим правительством, не имело тех же неблагоприятных результатов и для Греции. Сведения, полученные из Афин, производят впечатление, что Греция собирается отказаться от союзнических обязательств по отношению к Сербии. Трудно поверить, чтобы греки придавали значение обещанию немцев гарантировать Кавалу от имени болгар. Болгары откажутся от этого обязательства, как только им удастся раздавить Сербию. Поэтому Греции необходимо выступить пока еще не поздно против Болгарии. Министр сказал посланнику, что он придает большое значение мужеству сербской армии, и что в настоящее время обсуждается вопрос о посылке русских войск на помощь сербам. В заключение С.Д. Сазонов не скрыл от посланника того отрицательного впечатления, которое произвело как в Петрограде, так и среди союзников принятое Грецией решение сохранить нейтралитет.

25 сентября

В 4 с половиной час. дня получена телеграмма от нидерландского поверенного в делах в Софии, которому поручена охрана русских интересов в Болгарии, с извещением о состоявшемся накануне вечером отъезде членов миссии и консулов, причем, однако, посланник А.А. Савинский по причине своей болезни принужден был остаться в качестве частного человека в Софии.

Вечером получена телеграмма от посланника в Бухаресте о прибытии туда состава бывшей нашей миссии в Болгарии.

20 октября

За последнее время широко распространился слух о предстоящей отставке министра иностранных дел С.Д. Сазонова, и некоторые газеты («Биржевые ведомости») уже оповестили о готовящемся будто бы назначении председателя Совета

министров И.Л. Горемыкина государственным канцлером с передачей ближайшего руководства Министерством иностранных дел на правах управляющего таковым бывшему послу в Вене Н.Н. Шебеко. Известие это, до того распространившееся, что ему поверили наиболее непосредственно задетые им лица, вызвало за границей, а также среди иностранных дипломатов в Петрограде толки о том, будто намеченные перемены должны повлечь в направлении внешней политики России поворот в смысле смягчения вражды к Германии, а затем, может быть, и перехода к отдельному соглашению с последней. Такое мнение основывалось, между прочим, на том, что И.Л. Горемыкин, по-видимому, ищет опоры в кругах правых, которые всегда тяготели в сторону Германии.

20 октября, по окончании всеподданнейшего доклада своего в Царском Селе, С.Д. Сазонов, сославшись на эти слухи, высказал государю желание быть по возможности осведомленным относительно срока осуществления упомянутых предположений. Но тут оказалось, что государь император впервые услышал о таковых и с крайним удивлением самым решительным образом опроверг существование даже мысли о них. При этом его величество не скрыл своего раздражения по поводу постоянно возникающих в Петрограде всякого рода ложных слухов и прибавил: «Слава богу, я живу на Ставке, куда весь этот вздор не доходит». Государь распространился также насчет невозможности в настоящую минуту даже говорить о смене министра иностранных дел. Кроме того, он выказал себя особенно милостивым лично по отношению к С.Д. Сазонову.

22 октября

№ 1

22 октября английский посол был принят государем императором в частной аудиенции в 2 часа дня в Царском Селе. По возвращении оттуда сэр Джордж Бюканен посетил министра и передал ему подробности приема у государя императора.

Усилившиеся за последнее время в России трения на почве внутренней политики и внесенный ими разлад как между правительством и обществом, так и в среду самого правительства вызвали во Франции и особенно в Англии известные опасения, как бы означенные обстоятельства не отразились на внешней мощи России. Не желая вмешиваться во внутренние дела союзного государства, великобританское правительство, тем не менее, поручило своему послу в Петрограде весьма осторожно и дружественно довести до сведения государя императора об этих опасениях. Сознавая всю щекотливость возложенного на него поручения, сэр Джордж Бюканен долго не решался его исполнить. Но когда распространился слух о предстоящем уходе С.Д. Сазонова и в связи с этим о возможном повороте русской политики в сторону Германии, английское правительство, сильно этим обеспокоенное, вновь подтвердило своему послу преподанные ему указания. Не имея более возможности уклониться от выполнения таковых, сэр Джордж Бюканен испросил приема у государя и, будучи принят весьма милостиво, решился после продолжительной беседы по вопросам внешней политики изложить его величеству надежды Великобритании видеть у нас в переживаемые ныне крайне серьезные минуты «сильную правительственную власть». По словам Бюканена, государь выслушал его весьма внимательно и в сдержанных, но милостивых выражениях согласился с его доводами.

22 октября

№ 2

Свидание С.Д. Сазонова с г-ном Диаманди.

Только что вернувшийся из Румынии г-н Диаманди приехал днем в Министерство иностранных дел и посетил С.Д. Сазонова. В беседе, которая касалась обсуждаемых в настоящее время обоими правительствами политических вопросов, румынский посланник обратил особое внимание министра на опасение румынских правительственных кругов, что в случае отказа Румынии пропустить наши войска в Болгарию императорское правительство может решиться на насильственный прорыв нашего отряда через румынскую территорию. С.Д. Сазонов дал по этому поводу успокоительные заверения г-ну Диаманди, указав ему, что Румынии нечего бояться насильственных мер со стороны России, так как он надеется, что в непродолжительном времени обе страны будут союзницами и им легко будет согласовать свои действия, направленные к одной общей цели.

24 октября

При обычном утреннем посещении министерства французский посол имел разговор с бароном Шиллингом, в течение которого сообщил о своем свидании накануне, 23 октября, с румынским посланником. Во время откровенной и продолжительной беседы с г-ном Палеологом г-н Диаманди признался, что в настоящее время имеется мало надежды на немедленное присоединение Румынии к державам Четверного согласия, и, как личное свое мнение, выразил искреннее сожаление по этому поводу. По словам г-на Палеолога, румынский посланник казался весьма подавленным.

27 октября

На очередном своем всеподданнейшем докладе министр иностранных дел представил его императорскому величеству полученное им от генерала Алексеева письмо с соображениями относительно наилучшего использования сосредоточенных близ Одессы войск[1]. Признавая высадку в Варне, особенно в настоящее время года, крайне рискованной и сомневаясь в возможности добиться от Румынии свободного пропуска наших войск через ее территорию, генерал Алексеев высказывал мнение, что наша цель — спасение Сербии от австро-германского нашествия, быть может, могла бы быть лучше всего достигнута путем нанесения удара в сторону Галиции и Буковины. С своей стороны, министр иностранных дел вполне присоединился к этому мнению, будучи убежден, что Румыния никоим образом не согласится пропустить нас в Болгарию иначе, как в том случае, если бы она сама выступила в союзе с нами против общего врага.

В общем, признавая справедливость этих взглядов, государь император тем не менее полагал возможным все же сделать еще попытку склонить Румынию либо к присоединению к нам, либо к пропуску наших войск. Для этого его величеству явилась мысль отправить в Бухарест для переговоров по этому поводу, но под видом совершенно частной поездки, объяснимой семейными связями, великого князя Кирилла Владимировича с великой княгиней Викторией Федоровной. Однако решение в этом смысле еще не было принято.

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 182–184.

28 октября

Посещение С.Д. Сазонова греческим посланником[1].

Впервые по возвращении своем из Румынии г-н Диаманди посетил барона Шиллинга. Приняв его весьма любезно, начальник Канцелярии нарочно заговорил с ним о самых разнообразных предметах, ни словом не касаясь политики, желая подчеркнуть, что, изверившись в возможности достигнуть соглашения с Румынией, он считает разговоры об этом предмете бесполезными. После продолжительной беседы в этом духе румынский посланник, видимо, желавший, напротив, высказать вынесенные им из Бухареста впечатления, сам навел разговор на обычную тему. Он начал с указания на то, что в России теперь, наконец, должны были разочароваться в болгарах, и, упомянув о двусмысленном поведении греков, старался доказать, что единственными нашими друзьями на Балканах являются румыны. Барон Шиллинг ограничился замечанием, что дружба последних пока весьма платонична. После этого Диаманди вновь весьма пространно стал излагать свои доводы в доказательство того, что нельзя при нынешних обстоятельствах требовать от Румынии большего. Он, по обыкновению, утверждал, что мы можем положиться на Братиано и должны оказать ему больше доверия.

Барон Шиллинг не скрыл от своего собеседника, что его слова ему кажутся совершенно неубедительными, тем более, что им можно противопоставить факты за полуторагодовой период времени. При этом он заметил, как бы вскользь, что румыны имели бы, конечно, теперь случай доказать нам свои чувства на деле, хотя бы даже сами не выступая, например, ограничившись пропуском наших войск для оказания помощи Сербии. Диаманди не упустил случая высказать, что это было бы для Румынии невозможно, так как неминуемо втянуло бы ее в войну. Барон Шиллинг не настаивал, зная, что это было бы бесполезно, но еще более откровенно выразил Диаманди свой скептицизм насчет своевременного присоединения к нам Румынии.

Разговор тем не менее велся в дружественном тоне, и Диаманди полушутя признался, что он даже в Бухаресте говорил о непреодолимом недоверии барона Шиллинга к политике Братиано. Вместе с тем он высказал уверенность, что наступит час, когда и ему придется убедиться, что Румыния выступит на стороне России.

[1] 25 октября/7 ноября 1915 г. был образован новый греческий кабинет под председательством С. Скулудиса, который также занял пост министра иностранных дел. 27 октября/9 ноября 1915 г. С. Скулудис направил в греческую миссию в Петрограде телеграмму, в которой поручал поверенному в делах Д. Какламаносу переговорить с С.Д. Сазоновым и заверить российскую сторону в том, что новый кабинет «намерен продолжать ту же политику, что и кабинет, возглавлявшийся г-ном Заимисом, а именно политику вооруженного нейтралитета, отмеченного искренним доброжелательством к державам Согласия». — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 194–195.

31 октября

Днем посещение министра великим князем Кириллом Владимировичем.

Около 12 часов ночи английский посол позвонил по телефону к министру иностранных дел и сообщил С.Д. Сазонову, что им только что получена из Лондона телеграмма, в которой ему предписывается настоятельно просить императорское правительство о немедленном занятии Тегерана русскими войсками[1]. Министр ответил сэру Дж. Бюканену, что хотя русский отряд находится на расстоянии двух переходов от Тегерана и занятие последнего представляется вполне осуществимым, вопрос должен быть раз-

решен очень осмотрительно и осторожно. В частности, нельзя упускать из виду, что если бы наши войска вступили в Тегеран, нам пришлось бы считаться с необходимостью очищения его в будущем. Это последнее обстоятельство равным образом нуждается во всестороннем обсуждении.

Днем министра иностранных дел посетил великий князь Кирилл Владимирович с тем, чтобы по поручению государя императора переговорить по вопросу о предположенной поездке в Румынию. Министр обратил внимание его высочества на необходимость крайне осторожно наладить эту поездку, так как весьма возможно, что она не придется по сердцу румынам, и они попробуют, быть может, даже ее отклонить. Во всяком случае, если поездка и состоится, необходимо крайне бережно касаться вопросов, относящихся до выступления Румынии или пропуска ею наших войск. Приходится считаться и с возможностью неудачи переговоров об этом, причем наши враги не преминут всячески раздуть подобную неудачу. Великий князь высказал, между прочим, мысль, что ввиду всех этих обстоятельств было бы, пожалуй, лучше, если бы великая княгиня поехала одна, так как подобная поездка имела бы в таком случае еще более частный и семейный характер.

[1] В течение 1915 года в МИД России поступали сведения об усиленной деятельности германских агентов в Персии. Опасаясь, что персидское правительство может в ближайшем будущем заключить с Германией и Турцией соглашение и занять враждебное странам Антанты положение, российское и еще в большей мере английское министерства иностранных дел проявляли беспокойство за судьбу своих миссий. В связи с этим встал вопрос о посылке из Казвина в Тегеран двух казачьих полков и артиллерии под командованием генерала Золотарева.

1 ноября

Уже около 8 часов вечера к барону Шиллингу приехал румынский посланник, видимо, весьма взволнованный, и сказал, что, узнав от «одного союзного посла» (очевидно, Палеолога) о предстоящей командировке великого князя Кирилла Владимировича в Бухарест, он поспешил проверить это известие и осведомиться о подробностях означенного предположения для своевременного сообщения об этом своему правительству. Барон Шиллинг ответил Диаманди, что ни о какой командировке великого князя нет и речи. По его сведениям, великая княгиня Виктория Федоровна, действительно, неоднократно выражала за последнее время желание повидаться с сестрой[1] и, может быть, собирается съездить для этой цели вскоре в Бухарест. Весьма возможно, что, желая заставить мужа немного отдохнуть от продолжительного пребывания в армии, ее высочество убеждает его присоединиться к ней для этой поездки. Это, вероятно, и подало повод неосновательному слуху о какой-то командировке, дошедшему до посланника.

Последний все же спросил, не следует ли ему, тем не менее, об этом телеграфировать в Бухарест, но барон Шиллинг заметил ему, что обе сестры, поддерживая непосредственные сношения, очевидно, сами условятся насчет наиболее подходящего времени для приезда великой княгини, если таковой состоится.

По всему было видно, что в Румынии или, по крайней мере, среди сторонников Братиано, а может быть, и при дворе приезд в Бухарест в настоящее время русского великого князя может возбудить лишь тревогу и опасение, как бы не скомпрометировать себя в глазах Австро-Германии[2].

[1] Имеется в виду королева Румынии Мария.

[2] Здесь и далее этот термин используется в документах для обозначения блока противника.

1 ноября

Днем получена телеграмма, которой С.Д. Сазонов приглашается в царскую Ставку.

2 ноября

В 4 часа дня министр иностранных дел в сопровождении директора Канцелярии барона Шиллинга выехал на царскую Ставку.

3 ноября

Вследствие значительного опоздания поезда министр иностранных дел в сопровождении барона Шиллинга прибыл на царскую Ставку в Могилев лишь в 6 часов дня. На вокзале его встретил фельдъегерь с извещением, что прием у государя императора ему назначен в 6 часов, а потому С.Д. Сазонов поспешил немедленно отправиться на автомобиле в губернаторский дом, где имел пребывание государь. Там состоялся доклад министра его величеству в присутствии начальника штаба генерала Алексеева, продолжавшийся более часа.

По всестороннем рассмотрении общего военного и политического положения, особенно в связи с развивающимися на Балканах событиями, был окончательно установлен дальнейший план действий.

Ввиду господствующего убеждения, что не удастся убедить Братиано отказаться от своей выжидательной политики и либо открыто присоединиться к державам Четверного согласия, либо, по крайней мере, пропустить русские войска через румынскую территорию в Болгарию, было решено лучше воздержаться от поездки в Бухарест великого князя Кирилла Владимировича и великой княгини Виктории Федоровны, ибо как бы ни обставлять эту поездку под видом частного семейного посещения, в случае, если, как следовало предвидеть, Румыния откажется от пропуска наших войск, общественное мнение и печать повсюду громко протрубят о неудаче «миссии» великого князя.

В 7 с половиной часов в губернаторском доме собрались великие князья Георгий Михайлович, Кирилл и Борис Владимировичи и Дмитрий Павлович, лица государевой свиты, иностранные военные агенты, среди которых приехавший с особым поручением английский генерал Муррей и прочие приглашенные к высочайшему столу. Через некоторое время от государя вышли министр иностранных дел и генерал Алексеев, причем последний, поздоровавшись с присутствовавшими, тотчас удалился, по обыкновению не оставаясь к обеду, так как он с самого начала просил его величество уволить его от обедов и завтраков, ссылаясь на недостаток времени. Через несколько минут в залу вошел государь в сопровождении наследника цесаревича, который хотя и не принимал участия в обеде, но оставался во время закуски, пока не сели за стол.

После обеда его величество, выйдя вновь в залу, отозвал в сторону великого князя Кирилла Владимировича и несколько времени говорил с ним, сообщив ему свое решение отменить предположенную поездку его высочества в Румынию.

После того государь сначала обходил присутствовавших, разговаривая с ними, а затем ушел в свой кабинет, пригласив туда на несколько минут министра императорского двора, а затем снова министра иностранных дел для продолжения прерванного обедом

доклада. Эта вторая часть доклада, посвященная главным образом персидским и китайским делам (вопросы об отозвании нашего отряда из Кераджа — Бенги-Имам в Персии и о побуждении китайского правительства объявить войну Германии), продолжалась около получаса, после чего министр с бароном Шиллингом и с князем Кудашевым проехал в Дипломатическую канцелярию, где были составлены и отправлены соответствующие телеграммы в Тегеран[1], Тифлис[2] и Бухарест[3].

[1] В телеграмме № 470 от 3/16 ноября 1915 г. С.Д. Сазонов сообщал посланнику России в Персии Н.С. Этеру, что он считает отозвание русского отряда из Кереджа в Енги-Имам допустимым лишь после того, как будет реорганизован кабинет министров Персии. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 276.

[2] 4/17 ноября 1915 г. С.Д. Сазонов направил товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову телеграмму № 468, в которой изложил для наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича свою позицию по персидскому вопросу: отозвание российских войск в Енги-Имам сразу после формирования нового правительства в Персии; после прибытия отряда в Казвин принять решительные меры в Хамаданском и Керманшахском районах с целью подорвать деятельность «противников и отрезать их от Турции». — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 276.

[3] 3/16 ноября 1915 г. С.Д. Сазонов направил посланнику России в Румынии С.А. Поклевскому телеграмму № 469, в которой предложил посланнику воздержаться от переговоров с румынской стороной о пропуске российских войск через румынскую территорию, считая их преждевременными. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 263. — Прим. 4.

4 ноября

Утром перед отъездом из Могилева барон Шиллинг был в Морском управлении Штаба, где имел продолжительный разговор с капитаном II ранга Бубновым, недавно вернувшимся из командировки в Бухарест. При этом обсуждалась возможность вовлечь Румынию в войну в союзе с нами, в связи с намеченными военными действиями.

Около 2-х часов дня министр иностранных дел отбыл из царской Ставки обратно в Петроград.

5 ноября

В 8 часов министр иностранных дел вернулся в Петроград.

В 12 часов его посетили по обыкновению французский и английский послы. Обсуждался текст ноты, которую посланники держав Согласия должны вручить в Афинах[1].

Днем министра посетил румынский посланник, вновь пожелавший осведомиться о том, состоится ли поездка великого князя Кирилла Владимировича в Бухарест. Сославшись на сказанное ему уже бароном Шиллингом, министр подтвердил г-ну Диаманди, что об особой «миссии» великого князя в Румынию не было и речи, и прибавил, что во избежание кривотолков даже совершенно частная поездка великокняжеской четы к румынским родственникам совершенно оставлена.

[1] 1/14 ноября 1915 г. посланник России в Греции Э.П. Демидов направил С.Д. Сазонову телеграмму № 541, в которой сообщал о подготовке проекта коллективной ноты представителей союзных держав в Афинах греческому правительству с изложением требований в связи с предстоящим прибытием в греческие воды союзной эскадры. В ноте говорилось о необходимости положить конец двусмысленному положению Греции, в котором она оказалась. Союзники требовали от греческого правительства дать формальное обязательство в случае перехода союзными войсками ее границ не подвергать их обезоруживанию и интернированию, а также предоставить свободу передвижения как союзных армий, так и союзных эскадр; разрешить размещение необходимых баз и обеспечить безопасность путей сообщения. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 327–329.

21 ноября

21 ноября по особому ходатайству министра состоялся внеочередной всеподданнейший доклад его величеству, на котором С.Д. Сазонов доложил государю о всех накопившихся вопросах внешней политики. По поводу обсуждаемого в настоящее время нашими союзниками вопроса о дальнейшей судьбе экспедиционного корпуса в Салониках[1] государь император высказался, скорее, в пользу французской точки зрения.

[1] 5 октября 1915 г. в Салониках высадился с согласия правительства Греции англо-французский экспедиционный корпус. Цель высадки — помощь Сербии против наступления австро-германо-болгарских войск. В связи с неудачным ходом Салоникской операции у английского верховного командования к двадцатым числам ноября складывается решение в пользу отозвания союзных войск с Салоникского театра военных действий для использования их в Сирии, Египте и на французском фронте. Между командованиями русским и французским, с одной стороны, и английским, с другой стороны, возникли по этому вопросу острые разногласия. Не имея возможности принять ближайшее участие в Салоникской операции, Россия выступала против проекта эвакуации корпуса. 29 ноября 1915 г. между Парижем и Лондоном было достигнуто соглашение, согласно которому союзные войска отступали из Македонии к Салоникам и оставались там на укрепленных позициях; прибывший ранее в Салоники английский десант продолжил высадку, но дальнейший план действий зависел от общего хода событий. — См.: Красный Архив. — 1928. — Т. 3(28). — С. 21–22.

21 ноября

Утром к барону Шиллингу приехал г-н Жюлиа, секретарь Думера, который дал понять, что главной целью приезда г-на Думера в Россию является надежда добиться посылки во Францию русских солдат, хотя бы и без вооружения, для того, чтобы, получив во Франции нужное снаряжение, они могли пополнить ряды союзных армий на французском фронте. Барон Шиллинг ограничился лишь замечанием, что для успеха общего дела союзников, быть может, было бы целесообразнее нанести Германии сильный удар на русском фронте, а для этого казалось бы более удобным привезти из Франции в Россию недостающее нам вооружение.

В 12 часов, за отсутствием министра, бывшего с докладом у государя императора в Царском Селе, французский посол посетил барона Шиллинга и по поводу г-на Думера доверительно высказал, что его приезд главным образом объясняется необходимостью для французского правительства дать ему для личного удовлетворения какое-либо крупное поручение ввиду занимаемого им значительного положения и вместе с тем нежелания нынешнего кабинета принять его в свою среду. Крупную роль г-н Думер, как известно, вновь стал играть во Франции с тех пор, как во время отъезда французского правительства в Бордо он состоял при генерале Галлиени в качестве его помощника по гражданской части в Париже. Желая предупредить обо всем этом С.Д. Сазонова, г-н Палеолог просил устроить так, чтобы он мог видеть министра раньше, нежели последний примет г-на Думера, что и было сделано, так как по возвращении из Царского Села министр принял французского и английского послов в 5 часов и лишь в 6 ч. г-на Думера.

Последний изложил С.Д. Сазонову подробнее, нежели это сделал утром г-н Жюлиа барону Шиллингу, цель своего приезда. Оказалось, что, действительно, опасаясь недостатка в своих войсках и возможности прорыва немцев, что при незначительной емкости территории и близости Парижа от границы могло бы грозить катастрофой, французское

правительство возымело мысль обратиться к помощи союзной России, имеющей значительное число готовых воинов, но нуждающейся в предметах вооружения, с предложением прислать во Францию невооруженных солдат, обещая со своей стороны не только вооружить таковых, но и доставить вооружение для части тех, которые сражаются на восточном (русском) фронте.

Мысль эта не встретила сочувствия в лице С.Д. Сазонова, но он предпочел не отвергать с первых же слов просьбы г-на Думера и ограничился общим замечанием, что по этому вопросу надлежит переговорить прежде всего с военным министром.

22 ноября

Во время обычного своего посещения министра иностранных дел великобританский посол весьма доверительно поведал С.Д. Сазонову, что румынское правительство отклонило приезд в Бухарест принца Артура Коннаутского, которого английский король хотел ныне отправить туда. Свое отрицательное отношение к приезду английского принца румынский двор объяснял опасением, как бы германский император не пожелал также прислать в Бухарест члена своего дома, что поставило бы румынское правительство в щекотливое положение.

Днем министр императорского двора сообщил по телефону министру иностранных дел, что государь император вновь вернулся к мысли о посылке в Румынию великого князя Николая Михайловича и повелел С.Д. Сазонову представить по этому поводу свои соображения. Вследствие сего министр иностранных дел немедленно изложил в краткой всеподданнейшей записке свой отрицательный взгляд на подобную поездку, ссылаясь на последовавший со стороны румын отказ в приеме принца Коннаутского. Министр просил его величество дозволить ему подробно коснуться этого вопроса на предстоящем во вторник личном всеподданнейшем докладе.

При обсуждении этого вопроса начальник Канцелярии, вполне признавая нежелательность отправления в настоящую минуту в Румынию какого бы то ни было крупного лица с официальным поручением ввиду почти несомненной безуспешности подобного посольства, тем не менее защищал перед министром иностранных дел мысль о необходимости принятия каких-либо мер воздействия на румынское общественное мнение, указывая на огромную и напряженную работу всякого рода германских агентов в Румынии, барон Шиллинг считал недостаточными переговоры нашей миссии с румынским правительством. Соглашаясь с тем, что официальным представителям, быть может, трудно поддерживать слишком тесное общение с оппозицией, которая, к тому же, в Румынии до сих пор доказала скорее свое бессилие, барон Шиллинг полагал, что было бы полезно иметь рядом с официальным нашим представительством и других деятелей, которые в качестве частных лиц, пользуясь большей свободой, могли бы легче сноситься со всеми кругами местного общества и подогревать в нем желательное для нас настроение. Ввиду важности, чтобы подобное лицо хорошо знало местные условия и, во избежание лишней потраты времени, имело готовые связи в румынском обществе, барон Шиллинг предлагал поручить отправиться в Бухарест Н.Н. Шебеко, который хотя и стоит, быть может, слишком на виду в силу своего звания бывшего посла, но зато вполне отвечает остальным вышеуказанным требованиям и мог бы съездить в Бухарест под предлогом частных дел, а именно попытки вывезти через Румынию из Австрии часть оставленных им там вещей.

23 ноября

Отправленную с ночным фельдъегерем докладную записку касательно поездки великого князя Николая Михайловича в Румынию государь император вернул министру с собственноручной надписью: «Завтра на докладе переговорим».

24 ноября

В 12 часов государь император принял г-на Поля Думера, который изложил его величеству те же пожелания, о которых он сообщил уже министру иностранных дел. Предупрежденный о таковых военным министром, которого он принимал как раз перед Думером, государь не высказался определенно и, ограничившись тем, что оказал вообще Думеру весьма милостивый прием, сказал ему приехать через неделю на Ставку, где у него будет больше времени для обстоятельного обсуждения затронутых французским уполномоченным вопросов.

В 6 часов государь император принял министра иностранных дел. При этом выяснилось, что переданное министром императорского двора от высочайшего имени повеление было основано на недоразумении. В разговоре с графом Фредериксом государь, по-видимому, действительно упомянул в общих чертах о существовавшем у него несколько времени тому назад предположении отправить в Румынию великого князя, но не давал никакого поручения передать что бы то ни было по этому поводу министру иностранных дел, тем более, что означенное предположение было уже давно оставлено его величеством.

Таким образом, этот вопрос устранился сам собой, но происшедшее недоразумение подало повод к новому обсуждению возможных способов воздействия на Румынию. С.Д. Сазонов высказал доводы в пользу поездки в Бухарест в д[олжности] шталмейстера Шебеко, причем государь отнесся к этой мысли весьма сочувственно.

В отношении спора о дальнейшем направлении, которое надлежит дать начатой Салоникской экспедиции, государь высказался весьма решительно за принятие французской точки зрения и одобрил энергичные телеграммы, посланные С.Д. Сазоновым в Париж и Лондон с целью настоять на усилении союзных войск на Балканском полуострове и сохранении в руках союзников Солунской гавани[1].

Пришедший к барону Шиллингу румынский посланник казался весьма встревоженным слухами о возможном уходе союзных войск из Салоник. Он не скрыл своих опасений насчет впечатления, которое такой оборот дела произведет в Румынии. Перечислив все общеизвестные доводы в пользу сохранения Салоник в руках союзников, он постарался доказать необходимость этого и тем соображением, что с утратой указанной точки опоры союзникам уже нельзя будет предписывать свою волю балканским государствам. Таким образом, по его мнению, даже в случае окончательной победы, Четверное согласие не будет иметь возможности восстановить Сербию в своих владениях, так как не будет способа заставить болгар очистить Македонию.

На это барон Шиллинг возразил, что, будучи сам убежденным сторонником сохранения союзниками Салоник и соглашаясь с остальными высказанными в пользу этого доводами, он тем не менее не придает значения последнему из приведенных посланником соображений. Действительно, если еще несколько месяцев тому назад всякое воздействие вооруженной силой со стороны России на Болгарию было немыслимым, то

теперь, после всего содеянного болгарами, вполне возможно допустить в случае нужды такое воздействие, а потому, если болгары снова не пожелают подчиниться требованиям России, то последняя всегда будет иметь в своих руках орудие давления в своем флоте, под ударами которого остаются болгарские берега. Барон Шиллинг прибавил, что в таком же положении все балканские государства: Россия никогда не прикасалась к ним иначе как для того, чтобы принести им свободу и всякие другие блага. Но раз такое государство обнажит против России меч, оно должно знать, что в будущем его будет ожидать за это соответствующая расплата.

Г-н Диаманди весьма положительно утверждал, что если бы Германия пожелала принудительными военными мерами побудить Румынию присоединиться к ней для похода против России, то она встретила бы со стороны румын решительный отпор. «Немцы хорошо знают это, — сказал посланник, — а потому никогда не сделают такой ошибки. Единственно возможное — это что германцы сосредоточат войска на румынской границе для того, чтобы этим способом дольше удержать Румынию в нейтралитете».

«Именно потому, что немцы хорошо знают положение в Румынии, — воскликнул барон Шиллинг, — они для указанной цели не двинут ни одного солдата, ибо им, конечно, ясно, что для поддержания еще долго румынского нейтралитета с их стороны не требуется никаких усилий».

Г-н Диаманди лишь засмеялся и ограничился замечанием, что скептицизм барона Шиллинга на этот счет ему известен и что он отказывается с ним бороться.

[1] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 473.

25 ноября

Румынский посланник был принят министром иностранных дел, которому он представил вновь прибывшего румынского военного агента и его помощника. Г-н Диаманди воспользовался этим случаем, чтобы вновь заверить С.Д. Сазонова в недопустимости мысли о возможном повороте Румынии против России под давлением Германии. При этом посланник повторил министру сказанное им несколько дней перед этим французскому послу, а именно, что даже Братиано, являющийся в настоящее время в Румынии почти диктатором, был бы не в силах обратить румын против России, если бы он этого захотел.

25 ноября

Вызвав Н.Н. Шебеко, барон Шиллинг сообщил ему по поручению министра, что С.Д. Сазонов согласен на его поездку в Румынию и что мысль о таковой удостоилась также высочайшего одобрения. При этом было еще раз установлено, что поездка должна носить строго доверительный и частный характер и иметь целью главным образом более полное осведомление о положении дел в Румынии. Н.Н. Шебеко и барон Шиллинг совместно выработали все подробности осуществления сказанного предположения. Во избежание огласки было решено выдать Н.Н. Шебеко паспортный бланк, который он лично заполнил, а также затребовать в Генеральном штабе пропуск, в котором имя Шебеко было проставлено впоследствии. Кроме того, чтобы не посвящать в дело румынскую миссию в Петрограде, решено, что Шебеко доедет до Одессы и лишь там визирует свой паспорт в румынском консульстве.

29 ноября

Под предлогом поездки в деревню на юг России Н.Н. Шебеко выехал в строгой тайне через Киев и Одессу в Румынию.

29 ноября

Отъезд г-на Поля Думера на царскую Ставку.

30 ноября

Прибыв на Ставку утром 30 ноября, г-н Думер был приглашен к высочайшему завтраку, после чего имел отдельно разговор с его величеством, который направил его к генералу Алексееву. По желанию последнего князь Кудашев присутствовал при этом свидании в качестве переводчика, так как генерал Алексеев не считал себя достаточно твердым во французском языке для серьезного делового разговора. Думер с большим красноречием развил свои доводы в пользу посылки русских солдат во Францию, но эта мысль не встретила сочувствия в генерале Алексееве, которому особенно не понравилась попытка Думера приравнять подобную услугу со стороны России той услуге, которую оказывает нам Франция присылкой оружия. Не желая, однако, ответить на все просьбы Думера решительным отказом, генерал Алексеев счел возможным согласиться на следующее: посылка русских солдат во Францию признается принципиально допустимой, но ввиду крупных затруднений, вызываемых посылкой большого числа солдат, как по соображениям, касающимся нашей собственной потребности в людях, так и вследствие сложности самой перевозки, решено предварительно осуществления мысли Думера произвести опыт в небольших размерах. Для этого можно было бы, и то лишь, если военный министр признает это возможным, отправить сначала во Францию через Архангельск не более одной пехотной бригады, которая на французском фронте составила бы отдельную часть под командой русского генерала и двух русских полковников, но с вооружением и с остальным составом офицеров, предоставленными Францией[1].

Г-ну Думеру был высочайше пожалован орден Белого орла, и он в тот же вечер выехал обратно в Петроград.

[1] Соглашение об отправке русских войск во Францию было подписано в Могилеве 28 апреля/11 мая 1916 г. — См. : Красный Архив. — 1928. — Т. 3(28). — С. 50.

1 декабря

Возвращение г-на Думера с царской Ставки.

Г-н Думер посетил министра иностранных дел, которому изложил результат своих переговоров на Ставке. Хотя и признавая, что достигнутое им не вполне оправдывает его надежды, он тем не менее старался показать, будто он в общем доволен, и этим делая вид, что верит осуществимости главной своей мысли после того, как предположенный опыт увенчается успехом.

3 декабря

Вечером министра посетил великий князь Георгий Михайлович для переговоров касательно предстоящей поездки его высочества в Японию[1]. Излагая свою точку зрения

на возложенную на него миссию, великий князь заявил, что, по его пониманию, ему поручена, так сказать, внешняя сторона этого чрезвычайного посольства, т. е. оказание японцам внимания с целью снискать их расположение. Что касается политических вопросов, то его высочество, не считая себя подготовленным к обсуждению таковых, намерен вовсе воздержаться от каких-либо переговоров дипломатического характера. Министр иностранных дел вполне согласился с правильностью взгляда его высочества и обещал прикомандировать к нему на время путешествия начальника Дальневосточного отдела министерства[2], который и может вести, в случае надобности, политические переговоры без того, чтобы таковым был придан слишком официальный характер.

[1] Вопрос о поездке великого князя Георгия Михайловича в Японию был решен в Ставке в начале декабря 1915 г. Официальным предлогом для поездки стало принесение поздравлений японскому императору по случаю коронации и выражение благодарности японскому правительству за услуги, оказанные России в снабжении боеприпасами. Вместе с тем предполагалось добиться согласия Японии на дальнейшую поставку ружей и способствовать общему улучшению отношений с Японией. 30 декабря 1915/12 января 1916 г. посол России в Японии Н.А. Малевский-Малевич сообщал С.Д. Сазонову о парадном обеде, данном в императорском дворце в честь прибывшего великого князя, и о выраженной японским императором уверенности «во все большем скреплении дружеских уз между Россией и Японией». — См.: Красный Архив. — 1928. — Т. 6(31). — С. 46.

[2] Советник Четвертого политического отдела МИД Г.А. Козаков.

5 декабря

Свидание министра иностранных дел с М.А. Васильчиковой.
Посещение барона Шиллинга секретарем румынской миссии г-ном Арионом.

5 декабря

Н.Н. Шебеко прибыл в Бухарест. Так как его поездка совпала с закрытием в течение некоторого времени всякого движения поездов к югу и юго-западу от Киева, Н.Н. Шебеко пришлось в Киеве предъявить свой пропуск, но местные власти не решились облегчить ему дальнейшее следование без особого на то разрешения из Ставки верховного главнокомандующего. На посланную туда телеграмму был получен благоприятный ответ, в силу которого Н.Н. Шебеко тотчас был предоставлен отдельный вагон с паровозом, доставившим его на границу. Это обстоятельство, однако, не могло не обратить на себя внимания и содействовало огласке путешествия Шебеко.

5 декабря

Отъезд г-на Думера из Петрограда во Францию.

5 декабря

№ 1

Около 7 часов вечера к барону Шиллингу приехал первый секретарь румынской миссии г-н Арион и сообщил, что посланник г-н Диаманди, простудившись на охоте, заболел, и состояние его здоровья внушает некоторые опасения. При этом г-н Арион, как бы невзначай, спросил барона Шиллинга, правда ли, что г-н Шебеко поехал в Ру-

мынию. Барон Шиллинг изобразил полное удивление и сказал, что ему ничего об этом не известно, но г-н Арион возразил, что сведение об этом получено им из вполне достоверного источника. Предвидя, что приезд Шебеко в Бухарест со дня на день все равно станет известным, барон Шиллинг счел нужным сказать румынскому секретарю, что уже давно Шебеко однажды говорил ему, что дело о взаимном соглашении между Россией и Австрией на предмет разрешения дипломатам обеих сторон вывезти свои вещи из Вены и Петрограда медленно подвигается вперед и что поэтому ему, Шебеко, кажется наилучшим самому съездить в Румынию для налажения перевоза вещей через эту страну, если упомянутое соглашение состоится. Барон Шиллинг уже тогда обратил внимание Шебеко на то, что такая поездка неминуемо вызовет всякие кривотолки, на что бывший посол в Вене возражал, указывая на невозможность из-за подобных соображений совершенно жертвовать личными делами. Припоминая этот разговор и зная, что в настоящее время Шебеко находится где-то на юге в деревне, барон Шиллинг может объяснить себе сообщенный г-ном Арионом слух лишь тем, что Шебеко, может быть, решил осуществить свое намерение, не обращаясь за разрешением в Министерство на эту поездку.

Ясно, что посещение Ариона имело целью именно выведать истинные причины путешествия Н.Н. Шебеко, так как после своего разговора с бароном Шиллингом он поднялся в Ближневосточный отдел, где поставил тот же вопрос К.Н. Гулькевичу. Последний дал ему сходный с бароном Шиллингом ответ и, пожалуй, даже в еще более общих чертах.

5 декабря

Посланник в Стокгольме сообщил по телеграфу о проезде через Швецию в Россию М.А. Васильчиковой. При этом д. с. с. Неклюдов упомянул, что ввиду явно непатриотического направления, сквозившего в речах М.А. Васильчиковой, он не счел удобным снабдить ее какой-нибудь рекомендацией для русских пограничных властей. (По этому поводу государь император по докладе ему означенной телеграммы изволил на ней собственноручно начертать: «Правильно»).

По приезде в Петроград М.А. Васильчикова посетила жену директора I департамента В.Я. Фан дер Флита и, разразившись слезами по случаю отношения к ней русского общества, не исключая ее ближайших родственников, уверяла ее, что все ее попытки побудить русское правительство пойти на примирение с Германией и Австрией были подсказаны ей исключительно горячей любовью к ее отечеству — России[1]. Сообщив г-же Фан дер Флит, что она получила разрешение выехать из Австрии лишь под честным словом туда вернуться через 2 недели, она просила ее устроить ей свидание с министром иностранных дел, к которому она не решалась обратиться непосредственно из опасения, как бы С.Д. Сазонов, несмотря на давнишнее с ней знакомство, не отказал ей в приеме при нынешних обстоятельствах. При этом она не скрыла, что хотя поводом к поездке в Россию послужила недавняя смерть ее матери, она имеет поручение говорить и о политических предметах.

Хотя и неохотно, министр иностранных дел согласился принять М.А. Васильчикову в субботу 5 декабря в 3 часа дня. Приехав к нему, Марья Александровна пространно изложила ему то, что она писала раньше, и то, что она говорила почти всем, кого видела здесь, а именно, что немцы и австрийцы не питают к русским никакой вражды, что они вовлечены в войну против воли, и что, хотя они сильны во всех отношениях,

и их успех не подлежит сомнению, они тем не менее готовы заключить с нами мир, если только мы протянем им руку и согласимся на их справедливые требования. В противном случае она предсказывала нам всякие новые беды. Марья Александровна особенно напирала на то, что наш главный и общий враг — Англия, и вообще, смотря на все через немецкие очки, твердила явно подсказанные ей немцами доводы в пользу немецкой точки зрения на нынешнее положение. Горько сетуя на то, что ее здесь не понимают и обвиняют в государственной измене и даже шпионстве, она просила С.Д. Сазонова обо всем ею сказанном доложить государю и вручила ему записку, составленную ею на основании разговора с великим герцогом Гессенским, у которого она гостила некоторое время в Дармштадте и от которого она привезла 2 собственноручных письма для государя императора и для императрицы Александры Федоровны[2]. Первое из этих писем было не запечатано, и по поручению великого герцога Марья Александровна прочла его министру. В нем заключалась лишь просьба к его величеству выслушать Марью Александровну Васильчикову и отнестись благосклонно к тому, что она передаст от имени его высочества. Поручение же последнего заключалось все в том же, а именно убедить государя заключить мир с Германией.

Министр выразил Марье Александровне удивление, что она, зная хорошо здешнюю обстановку, могла хотя бы минуту подумать, что здесь будут достаточно наивны, чтобы отнестись серьезно к столь неубедительным доводам. В России знают, что Германия недаром хотела бы заключить мир, но в России знают также, что прочный мир возможен лишь на таких условиях, которые в настоящую минуту Германия едва ли примет, а потому здесь твердо намерены довести борьбу до конца.

[1] См. запись от 15 марта 1915 г.
[2] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 589–594.

15 декабря

Получение в министерстве письма генерала Алексеева по персидским делам.

18 декабря

В Совете министров министр внутренних дел Хвостов сообщил, что, согласно полученным им указаниям, он распорядился высылкой в Черниговскую губернию М.А. Васильчиковой с обязательством пребывать там в имении сестры ее Милорадович. При этом, по словам А.Н. Хвостова, у М.А. Васильчиковой был произведен обыск, обнаруживший в числе ее бумаг список лиц, которые, согласно сделанной на нем пометке М.А. Васильчиковой, могли быть ей полезны в России при осуществлении ею возложенных на нее поручений.

18 декабря

Прием государем императором Н.Н. Шебеко на царской Ставке.

20 декабря

Возвращение Н.Н. Шебеко в Петроград. Его свидание с С.Д. Сазоновым и бароном Шиллингом.

28 декабря

Передавая барону Шиллингу содержание своего недавнего разговора с румынским посланником, итальянский посол рассказал, что в конце весьма откровенного и доверительного разговора припертый к стене настойчивыми вопросами маркиза Карлотти, действительно ли Румыния готова силой воспротивиться возможному давлению со стороны Германии, г-н Диаманди воскликнул: «En tout cas c'est toujours bien de le dire» [Во всяком случае, выгодно это говорить]. Сказавши это, румынский посланник поспешно вышел, видимо, недовольный тем, что у него вырвались эти слова. Из последних итальянский посол заключил, что, уверяя представителей Четверного согласия, что они не поддадутся германским требованиям, румыны неискренни, и что в случае серьезного давления со стороны Берлина они будут способны подчиниться и примкнуть к Австро-Германии.

1916 год

12 января

Министра иностранных дел посетил японский посол. В течение последовавшей беседы барон Мотоно сообщил С.Д. Сазонову о попытке германского посланника в Китае вступить в переговоры с Японией через посредство одного из японских генеральных консулов.

13 января

К С.Д. Сазонову приезжал г-н Диаманди. На вопрос министра, известно ли что-либо посланнику о происшедшем обострении отношений между Германией и Румынией, оказалось, что посланник никакого сообщения от своего правительства не получал и сам приехал к С.Д. Сазонову, чтобы осведомиться по этому предмету. Министр выразил посланнику свое сожаление, что политика Братиано привела Румынию к такому положению, при котором приходится считаться с возможностью предъявления германского ультиматума. При этом С.Д. Сазонов даже несколько удивлен, что в столь важный для Румынии политический момент посланник был оставлен своим правительством без надлежащего осведомления.

20 января

С.Д. Сазонов принимал вновь назначенного военным агентом в Румынии полковника Татаринова, который и ознакомил министра со взглядами генерала Алексеева на возлагаемую на военного агента задачу. Если весной 1915 года, когда русские войска занимали вершины Карпат, выступление Румынии могло оказать решительное влияние на ход военных действий в смысле окончательного разгрома Австро-Венгрии, то в настоящее время генерал Алексеев склонен думать, что для нас более выгодным является сохранение Румынией нейтралитета. Действительно, вследствие растяжения и крайне невыгодных очертаний румынских границ, неуверенности в достаточном боевом значении румынского войска, а также создавшегося после разгрома Сербии положения,

позволившего Германии и ее союзникам почти что окружить Румынию с трех сторон, приходится считаться с возможностью поражения румын, что заставило бы нас уделить значительные силы на оказание им помощи без прямой пользы для наших ближайших военных задач. Видимое нежелание Братиано прислать для переговоров с нами румынского офицера в Россию хотя и может быть объяснено боязнью румынского министра скомпрометировать себя в глазах Германии, однако подает генералу Алексееву повод заподозрить вообще искренность Братиано. Генерал Алексеев опасается, что последний желает выведать у нашего уполномоченного размер той помощи, которую мы могли бы предоставить Румынии, с тем только, чтобы иметь в своих руках веские данные для переговоров с болгарами, а может быть, и с немцами.

Сообразно с этим, полковнику Татаринову поручено прежде всего выяснить вопрос об искренности намерения Братиано заключить с нами военное соглашение, а затем на основании точных данных обсудить способы сочетать усилия русской и румынской армии, не настаивая непременно на скорейшем в настоящую минуту выступлении Румынии[1].

[1] Результаты переговоров военного агента А.А. Татаринова с румынским правительством были изложены в памятной записке директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили С.Д. Сазонову (передана министру иностранных дел во время поездки Базили в Петроград 4/17 — 8/21 апреля 1916 г.). — См.: Красный Архив. — 1928. — Т. 3(28). — С. 44–46.

21 января

Государь император принимал в Царском Селе в частной аудиенции великобританского посла, который по поручению своего правительства изложил целый ряд соображений, касающихся военного положения союзников. Кроме того, в весьма осторожных и сдержанных выражениях посол доложил его величеству, что в Англии с напряженным вниманием следят за происходящим в России, сознавая тесную связь, неизбежно существующую между внешней и внутренней политикой государства. Радостно приветствуя мудрые предначертания его величества в области внутренней политики, английское общественное мнение, по словам сэра Дж. Бюканена, иногда испытывает невольные сомнения, достаточно ли верно истолковываются эти предначертания теми, кому поручено их осуществление. В этом отношении некоторые мероприятия императорского правительства внушают известное недоумение в Англии и вызывают даже беспокойство ввиду того, что их действие внутри страны может отразиться и на внешних делах.

Государь император, весьма милостиво выслушав великобританского посла, высказал желание, чтобы между Россией и Англией продолжали крепнуть самые откровенные и дружеские отношения.

22 января

Известный финансовый деятель, брат шведского министра иностранных дел г-н Маркус Валленберг приехал на несколько дней в Петроград для переговоров с Главным управлением почт и телеграфов по вопросу о возобновлении договора касательно концессий на телефон города Москвы. Г-н Валленберг воспользовался этим случаем, чтобы посетить министра иностранных дел и его ближайших сотрудников и дать самые

успокоительные заверения в миролюбии Швеции, которая, по его словам, искренне желает лишь сохранения своего нейтралитета. Ввиду занимаемого г-ном Валленбергом в Швеции общественного положения и близкого родства его с руководителем внешней политики королевства, С.Д. Сазонов нашел по нынешним обстоятельствам полезным испросить для него высочайшего приема у государя императора. Его величество принял весьма милостиво г-на Валленберга 22-го января, чем последний был весьма осчастливлен. Он вообще, по-видимому, извлек из кратковременного своего пребывания в Петрограде самые благоприятные для нас впечатления.

25 января

Итальянский посол прочел барону Шиллингу целый ряд телеграмм итальянского посланника в Бухаресте, в которых г-н Фашотти, между прочим, высказывал мнение, что если бы Румыния обязалась перед Германией сохранить нейтралитет, последний не был бы долговечен, так как Румынии вскоре пришлось бы окончательно перейти на сторону Австро-Германии.

26 января

Отъезд в Бухарест полковника Татаринова, назначенного военным агентом в Румынии.

27 января

Утром 27 января французский посол просил барона Шиллинга передать министру иностранных дел, что в Лондоне по почину французского правительства между Францией и Англией начались переговоры об образовании самостоятельного арабского королевства[1]. Французское и английское правительства не обратились к императорскому правительству с просьбой участвовать в этих переговорах лишь по той причине, что Россия менее заинтересована в этом деле, нежели Франция и Англия, но союзные правительства сообщат императорскому правительству те выводы, к которым приведет обсуждение вопроса, и вынесенное решение будет окончательно принято только в том случае, если оно получит полное одобрение России. Посол еще раз подчеркнул, что французское правительство твердо решило не вступать в какие бы то ни было переговоры без ведома России, даже если бы эти переговоры велись с нашими союзниками.

[1] Уже в марте 1915 г. посол Великобритании в Петрограде Дж. Бьюкенен сообщал С.Д. Сазонову о том, что английское правительство считает желательным в связи с ожидаемым «исчезновением турок из Константинополя» образование в каком-либо другом месте независимой мусульманской власти в качестве политического центра ислама. В декабре 1915 г. посол России в Великобритании писал в МИД о переговорах английского правительства с некоторыми из арабских племен об учреждении независимого арабского государства, в состав которого входила бы Аравия. Со своей стороны, посол России во Франции А.П. Извольский в телеграмме № 90 от 27 января/9 февраля 1916 г. сообщал, что между Францией и Англией происходят переговоры «по поводу плана великобританского правительства образовать независимое арабское государство, причем французское правительство основывало свои требования относительно признания своих прав на Сирию и Киликию на заявлениях, сделанных ему Россией при заключении соглашения о Константинополе и Проливах». — См.: Раздел Азиатской Турции... — С. 130, 147–148, 151–152.

1 февраля

Приезд в Петроград императорского посланника в Стокгольме А.В. Неклюдова.

2 февраля

Вернувшийся из Олонецкой губернии, где он провел целую неделю на медвежьей охоте, румынский посланник посетил барона Шиллинга и с большим оживлением рассказывал о своих охотничьих впечатлениях, оставивших ему наилучшие воспоминания. О политике же г-н Диаманди заговорил лишь под конец своего посещения и как бы нехотя. При этом он скорее сам стремился осведомиться о положении дел, нежели мог поделиться собственными сведениями. По его словам, все, что он знает о настроениях в Румынии, заключается в полученной им от Братиано телеграмме в ответ на его запрос о том, насколько можно верить слухам о предстоящих переменах общего направления румынской политики в связи с приписываемым давлением германцев в Бухаресте. В упомянутой телеграмме Братиано заявлял, что он во всяком случае останется верен проводимой им до сих пор политике, и что если бы даже обстоятельства заставили его выйти в отставку, то, и пребывая в оппозиции, он не допустит перемены направления политики королевства. К этому г-н Диаманди прибавил от себя, что Братиано в оппозиции будет, пожалуй, еще сильнее, чем у власти, и что подобное заявление в его устах является весьма знаменательным, так как, очевидно, всякому правительству в Румынии придется с ним считаться.

На это барон Шиллинг возразил, что, как ни интересны для нас мнения Братиано, едва ли они в настоящую минуту имеют решающее значение. Если еще год тому назад Братиано мог по своему усмотрению либо ускорить, либо задержать выступление Румынии и, пожалуй, даже заставить ее примкнуть к той или другой группе воюющих держав по своему выбору, то создавшееся ныне в значительной степени под влиянием именно политики самого Братиано новое соотношение сил настолько изменило общую картину, что Братиано уже перестал быть хозяином положения. Не оказав своевременно поддержки русскому наступлению в Венгрии и допустив затем враждебное нам выступление Болгарии и разгром Сербии, Братиано дал возможность немцам и их союзникам до такой степени стиснуть теперь Румынию, что дальнейшая ее политика зависит уже более от усмотрения Берлина, нежели румынского первого министра. Теперь, если Братиано не пожелает подчиниться велениям Германии, он может только уйти в отставку, но как бы силен он ни был в оппозиции, превосходя в этом отношении главарей нынешней оппозиции (Филиппеско и Таке Ионеско), едва ли какое-нибудь министерство Карпа, Маргиломана или Майореско будет считаться с мнениями оппозиционного Братиано больше, нежели с придвинутыми к румынской границе, а то и к самому Бухаресту австро-германо-болгарскими пушками. Вывод из сказанного ясен: своей политикой Братиано довел Румынию до такого положения, при котором его личные намерения в значительной степени утратили свою цену.

Г-ну Диаманди было, видимо, очень неприятно выслушать эти слова, но, вопреки своей обычной находчивости, он на этот раз ничего не нашел ответить и ограничился выражением уверенности, что немцы не пожелают оказать давление на Румынию и заставить ее действовать под их угрозой.

«Против этого я не спорю, — сказал барон Шиллинг, — но согласитесь, что, таким образом, если Румынии удастся сохранить свой нейтралитет, а впоследствии, может быть, и выступить на стороне Четверного союза, то это будет лишь, как Вы говорите, потому, что немцы не признают нужным Вас втянуть теперь в войну против России, и, следовательно, заслуги в этом со стороны Братиано никакой нет». Румынский посланник начал было что-то говорить в защиту своего друга Братиано, но в это время вошел итальянский посол, и разговор снова перешел на неполитические предметы.

По уходе г-на Диаманди, маркиз Карлотти прочел барону Шиллингу полученную им весьма доверительную телеграмму итальянского посланника в Бухаресте Фашотти, в которой последний передавал содержание своей беседы с румынским первым министром.

По словам барона Фашотти, Братиано ему сказал, что он желает во всяком случае избежать войны на румынской территории и затем, указав на необходимость предварительно согласиться не только относительно военных, но и политических вопросов, Братиано спросил своего собеседника, из-за чего, в сущности, могла бы воевать Румыния — не для защиты своей территории, на которую никто не посягает, а для осуществления своего национального идеала. Между тем австро-германцы будто бы предлагают ей за одно лишь сохранение нейтралитета значительные земельные приращения, включающие в себя Буковину, часть Баната и, может быть, даже исправление границы в Трансильвании. Если Румыния должна воевать, чтобы получить то, что ей обещают державы Согласия за счет Австрии, то чем же она будет обеспечена на тот случай, если бы державам Согласия не удалось разрушить Австрию и если бы они решились заключить мир до достижения намеченных румынских вожделений. Чтобы вступить в число воюющих, Румыния должна получить обеспечение, что она не выйдет из войны с пустыми руками.

Барон Фашотти утверждает в своей телеграмме, что на этом он счел долгом прекратить разговор, так как предвидел, к чему таковой клонится, а именно, по его мнению, заключение, к которому должен был прийти Братиано, было следующим: если державы Согласия желают, чтобы Румыния выступила на их стороне, то они должны обещать ей, что если бы им не удалось удовлетворить румынские пожелания в сторону Австро-Венгрии, Россия согласится вознаградить Румынию уступкой ей Бессарабии.

По этому поводу барон Шиллинг заявил итальянскому послу, что упомянутое Братиано обещание со стороны Германии Буковины и других австро-венгерских земель за сохранение Румынией нейтралитета представляется весьма сомнительным. Если же это действительно было бы так, то мы могли бы лишь с удовольствием усмотреть в этом признак значительного ослабления Германии, так как только в весьма стесненных обстоятельствах она могла бы придавать такое значение румынскому нейтралитету, чтобы оплатить последний столь дорогой ценой за счет своих союзников. Что касается нас, то мы далеки от такого положения, чтобы откупиться от Румынии добровольной отдачей русских земель, и если бы кто-либо был достаточно безумен, чтобы пойти на подобные обещания, румыны первые были бы вправе заключить из этого, что мы совершенно ослабли и что они могут безнаказанно взять себе Бессарабию без всяких со своей стороны жертв.

Маркиз Карлотти вполне согласился, что поставленный бароном Фашотти вопрос не подлежит даже обсуждению.

5 февраля

Японский посол посетил министра иностранных дел и передал С.Д. Сазонову ноту, в которой японское правительство изъявило свое согласие вступить в переговоры о заключении союза с Россией[1].

[1] В памятной записке японского посольства в Петрограде С.Д. Сазонову от 5/18 февраля 1916 г. были изложены основные условия японского правительства для заключения союзного договора с Россией: пересмотр таможенных пошлин на Дальнем Востоке, снятие ограничений на права рыболовства Японии в российских водах, уступка Японии железнодорожной ветки Харбин–Чанчунь. С своей стороны, Япония заявила о своей готовности продолжить поставку оружия России. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. — С. 221–224.

6 февраля

Возвращение в Петроград великого князя Георгия Михайловича из поездки в Японию.

9 февраля

Утром 9 февраля стало известно, что государь император будет присутствовать на открытии заседания Государственной думы. Вследствие этого С.Д. Сазонов по телефону просил послов союзных держав, которые намеревались по обыкновению приехать лишь к декларации министра иностранных дел, прибыть в Таврический дворец к 2 часам дня. Министр иностранных дел не указал, однако, союзным послам, почему он обращается к ним с этой просьбой.

9 февраля утром итальянский посол посетил барона Шиллинга и в совершенно частном разговоре сообщил ему, что итальянским королем послана государю императору поздравительная телеграмма по поводу взятия Эрзерума[1]. Зная, что его величество благодарил по телеграфу президента Французской республики за содействие, оказанное Францией в деле спасения сербской армии, маркиз Карлотти лично от себя просил барона Шиллинга, не может ли быть указано в ответной высочайшей телеграмме королю Виктору-Эммануилу на помощь Италии при перевозке сербских войск. Барон Шиллинг ответил послу, что раз беседа носит совершенно частный характер, то лично он не может не заметить, что в деле спасения сербской армии роль Италии нельзя сравнивать с ролью Франции. От Италии можно было ожидать более деятельного отношения к вопросу, который имел столь существенное значение как для Сербии, так и для самих союзников. Итальянский посол не возражал против слов барона Шиллинга, но указывал на то, что упоминание о помощи Италии сербам было бы встречено с искренним удовлетворением королем итальянским.

Просьба итальянского посла была передана бароном Шиллингом министру иностранных дел, и С.Д. Сазонов выразил свое согласие на упоминание в ответной телеграмме государя, хотя и не в слишком теплых выражениях, о помощи Италии в деле перевозки сербских войск.

Присутствуя в Таврическом дворце на открытии заседания Государственной думы, государь император изволил обратиться после молебна с несколькими словами к союзным послам и, между прочим, заметил маркизу Карлотти, что им получена телеграмма короля Виктора-Эммануила.

Узнав несколько позже о согласии С.Д. Сазонова на высказанное им пожелание, итальянский посол выразил свою искреннюю благодарность министру иностранных дел.

[1] Эрзерум был взят российскими войсками 2/15 февраля 1916 г.

10 февраля

Государь император изволил принять императорского посланника в Швеции А.В. Неклюдова.

Государь, между прочим, повелел д. с. с. Неклюдову передать по возвращении своем в Швецию королю Густаву V от имени его величества, что он признает за благо сделать все от него возможное, дабы поддержать и укрепить искренние и добрососедские отношения между Россией и Швецией, и что он надеется, что король Густав, со своей стороны, приложит все старания к тому же.

14 февраля

В Петроград прибыл г-н Филиппеско. На пути из Румынии он останавливался на Ставке верховного главнокомандующего, куда приехал вечером 11 февраля[1]. Так как в этот день у государя императора собирался военный совет, г-ну Филиппеско удалось лишь на другой день быть принятым генералом Алексеевым, а приглашение к обеду у его величества застало его уже в самую минуту отъезда из Могилева. Тем не менее, он мог еще выйти из вагона и отправиться в занимаемый государем губернаторский дом, где после обеда его величество удостоил его, хотя и не наедине, милостивой беседы. С генералом Алексеевым г-н Филиппеско говорил в присутствии директора Дипломатической канцелярии князя Кудашева. Г-н Филиппеско изложил сведения о состоянии румынской армии, высказал мнение, что опасность ультиматума со стороны Германии ныне уменьшилась, и подчеркивал сочувствие румынского народа к «державам Согласия» (о сочувствии отдельно к России он не говорил). По поводу румынского выступления г-н Филиппеско сказал, что Румыния готова объявить войну Австро-Венгрии и Германии, как только державы Согласия ей заявят, что минута для этого наступила, т. е., что все необходимые для этого условия налицо, а таковыми условиями г-н Филиппеско считал сосредоточение в русской Бессарабии 250-тысячной русской армии, защиту Румынии со стороны болгарской границы и единовременный переход всех союзников в общее наступление. Генерал Алексеев отвечал, что Румыния может рассчитывать на широкую помощь России как войсками, так и в деле доставки боевого снаряжения из Франции. При этом он указал на нецелесообразность оставления значительной армии без определенного назначения только «на всякий случай» в Бессарабии и упомянул об отрицательных сторонах отправки русских войск далеко от главных сил в Добруджу только для защиты румынской границы от болгар. Вообще же генерал Алексеев высказался за обсуждение всех этих вопросов по существу с уполномоченными на то представителями румынского Генерального штаба, считая, что эти вопросы должны перейти из области общих разговоров на почву чисто делового рассмотрения.

Филиппеско не скрыл от начальника Штаба, что в случае каких-нибудь крупных неудач у союзников Румыния окончательно откажется связать свою судьбу с державами Согласия.

В день своего приезда в Петроград г-н Филиппеско оставил лишь свои карточки министру иностранных дел и некоторым другим лицам. Вечером, по просьбе румынского посланника, ему была предоставлена возможность присутствовать в Мариинском театре на балете.

[1] В августе 1915 г. министр финансов Румынии и лидер румынской консервативной партии Н. Филиппеску высказал желание посетить Россию и российскую армию. В январе 1916 г. получено официальное разрешение Николая II на приезд Филиппеску в Россию. Подробности посещения Ставки верховного главнокомандующего и беседы с начальником Штаба генералом М.В. Алексеевым изложены в донесении директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашева С.Д. Сазонову от 13/26 февраля 1916 г. — См.: Красный Архив. — 1928. — Т. 3(28). — С. 32–34.

15 февраля

Барона Шиллинга посетил сотрудник «Русского слова» Богатский, который будучи давно лично знаком с г-ном Филиппеско, виделся с ним в день приезда и передал о своем разговоре следующее. По его словам, г-н Филиппеско очень уверенно смотрит на будущее и прямо заявил, что как только союзники скажут Румынии, что минута для ее выступления настала, Румыния тотчас последует этому приглашению. Барон Шиллинг счел нужным предостеречь г-на Богатского от чрезмерного оптимизма и обратил его внимание на нежелательность путем распространения в печати столь решительного заявления создать в русской публике ошибочное представление, могущее повести лишь к неприятному разочарованию. В пояснение этих слов барон Шиллинг сказал своему собеседнику, что г-н Филиппеско делал те же заявления и другим лицам, но в связи с целым рядом других соображений, из которых явствовало, что, по его мысли, упомянутое приглашение держав должно последовать лишь по выполнении известных условий, рассматриваемых Румынией как необходимая предпосылка приведенного заключения. Богатский признался, что и в разговоре с ним Филиппеско также упомянул о 250 000 русских войск в Бессарабии, но менее ясно устанавливал непременную связь между этим требованием и готовностью Румынии к выступлению. Он согласился также с нежелательностью слишком обнадеживать широкие круги русского общества и высказал намерение считаться с данным ему бароном Шиллингом указанием.

16 февраля

Пригласивши г-на Филиппеско к завтраку в среду, 17 февраля, министр полагал приурочить к этому деловой разговор с названным румынским политическим деятелем. Но г-н Филиппеско просил назначить ему свидание, не дожидаясь среды, и министр принял его во вторник в седьмом часу по возвращении из Совета министров. Во время этой беседы г-н Филиппеско довольно много распространялся о прошлом и подробно изложил последовательное колебание румынской политики с самого начала войны. Отзываясь о Братиано вполне корректно, он, тем не менее, высказал убеждение, что в июле 1914 г. румынский первый министр был весьма склонен к выступлению Румынии на стороне Австро-Германии. Говоря о нынешнем состоянии румынской армии, г-н Филиппеско определил численность последней в 550 000 человек. Он положительно отверг возможность для Румынии сражаться на два фронта и сказал, что румынские войска могут идти лишь против Венгрии и ни в коем случае против Болгарии, со стороны

которой, однако, Румыния должна быть обеспечена, лучше всего, русскими войсками, без чего ей нельзя было бы думать о наступлении в сторону Трансильвании. Для этой цели, по мнению Филиппеско, необходимо сосредоточить в Бессарабии 250 000 русских войск. Вообще же для присоединения Румынии к союзникам г-н Филиппеско считает прежде всего необходимым, чтобы Германия не одержала никакого крупного успеха.

Во всех своих суждениях г-н Филиппеско выказал большую умеренность и сдержанность и, в сущности, не сообщил ничего нового.

18 февраля

Утром была получена телеграмма посланника в Бухаресте о том, что королева Елизавета заболела воспалением легких и находится при смерти. Днем пришла другая телеграмма от Поклевского с известием о кончине королевы. Барон Шиллинг по телефону сообщил об этом румынскому посланнику, который еще ничего об этом не знал. Назначенные на ближайшие дни два завтрака у г-на Диаманди в честь г-на Филиппеско были отменены.

20 февраля

18 февраля французский посол передал телеграмму президента Французской республики на имя государя императора, помеченную 17-тым февраля. В этой телеграмме затрагивается вопрос о выступлении Румынии[1]. Ответная телеграмма государя была послана в Париж 20 февраля[2].

[1] В телеграмме президента Французской республики Р. Пуанкаре Николаю II от 17 февраля/1 марта 1916 г. была выражена озабоченность возникшими серьезными разногласиями в переговорах между российским и румынским генеральными штабами. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. — С. 305–307.

[2] В ответной телеграмме от 19 февраля/3 марта 1916 г. Николай II заверил французского президента в том, что Россия «уже сделала и продолжает делать все от нее зависящее, чтобы сгладить затруднения, препятствующие заключению военного соглашения с Румынией». Император подчеркивал, что Румыния откладывает свое вступление в войну не по вине России. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. — С. 317–318.

20 февраля

Узнав, что г-н Филиппеско находится под впечатлением, будто в России допускают возможность скорого примирения с Болгарией и соответственной перемены русской политики по отношению к Румынии, министр иностранных дел счел нужным вызвать г-на Филиппеско к себе, чтобы самым решительным образом рассеять это впечатление и заявить ему, что при нынешних обстоятельствах Россия не может забыть измены Болгарии, а потому страх Румынии перед поворотом русской политики по отношению к ней неоснователен. Это сообщение, по-видимому, успокоило г-на Филиппеско.

22 февраля

Зайдя к барону Шиллингу, румынский посланник сказал, что Филиппеско уезжает из Петрограда под тяжелым впечатлением, так как из разговоров на Ставке и здесь он убедился, что, на основании донесений полковника Семенова, к румынской армии от-

носятся с пренебрежением, а также, что Россия по-прежнему относится отрицательно к военным действиям против Болгарии. Барон Шиллинг выразил по поводу этих слов большое удивление и ответил, что если имеющиеся здесь сведения о румынской армии преуменьшают ее численность и качества, то г-ну Филиппеско как бывшему военному министру легче всего было исправить неточное представление о румынской боеготовности. Барон Шиллинг прибавил, что и подобного ошибочного представления у нас не могло бы составиться, если бы Братиано внял неоднократно обращенным к нему настойчивым просьбам вступить в доверительные, но деловые переговоры с нашим Генеральным штабом относительно возможных совместных действий. Такие переговоры, основанные на точных конкретных данных, устранили бы всякие недоразумения. Что касается впечатлений Филиппеско о мнимом нежелании нашем сражаться с болгарами, то после недавнего разговора его с министром иностранных дел, казалось бы, все его сомнения на этот счет должны были бы быть рассеяны. Когда походом на Болгарию мы могли бы еще спасти Сербию, мы не задумались собрать сильное войско, готовое отправиться в Добруджу. Но кто же, как не Румыния, помешал тогда осуществлению намеченного плана.

Г-н Диаманди подтвердил, что, действительно, ему было поручено тогда заявить, что Румыния не может согласиться на пропуск русских войск через свою территорию, но это лишь потому, что в то время Братиано понимал неизбежность вовлечения Румынии в войну, если бы он поступил иначе, а война тогда была для Румынии несвоевременной.

Возразив, что и теперь нет признаков, чтобы Братиано считал войну своевременной, барон Шиллинг указал на то, что общая обстановка на Балканах совершенно изменилась, и если тогда наш поход в Румынию имел существенное значение с точки зрения общих интересов всех союзников, то теперь такой поход является желательным лишь для одной Румынии. Не потому у нас относятся теперь отрицательно к мысли о таком походе, что изменилось наше отношение к болгарам, а потому, что с изменением обстановки наши войска ныне более нужны для общего дела на других фронтах. При этом барон Шиллинг спросил г-на Диаманди, почему, собственно, в Румынии настаивают на таком распределении союзных русско-румынских сил, при котором вся румынская армия была бы сосредоточена для действий в сторону Венгрии, а болгаро-румынская граница охранялась русскими войсками, удаленными от остальных частей русской армии и оторванными от своей базы. Не проще ли было бы распределить то же общее число бойцов так, чтобы русские войска подкрепили на венгерском фронте румынскую армию в том количестве, которое последняя должна была бы выделить из себя для охраны своей границы в Болгарии, оставаясь при этом в своей же стране и сохраняя тесную связь между частями, расположенными хотя и на разных фронтах, но недалеко друг от друга благодаря незначительному расстоянию между таковыми.

Не находя возражений против такой постановки вопроса, румынский посланник ограничился ссылкой на то, что он не стратег и не может судить о затронутых вопросах.

В заключение беседы, подводя итог своим впечатлениям о Филиппеско, барон Шиллинг сказал, что был поражен, как мало разнились речи, произнесенные здесь этим представителем румынской оппозиции, от тех речей, которых мы уже наслышались от самого Братиано. Это замечание очень рассмешило г-на Диаманди и, по-видимому, доставило ему большое удовольствие, так как доказывало, что г-н Филиппеско проявил здесь большую сдержанность и осторожность, а также корректность по отношению к своему политическому противнику, нынешнему главе румынского

правительства. Он спросил, означает ли это, что г-н Филиппеско вызвал здесь разочарование. Барон Шиллинг ответил отрицательно, подчеркнув, что здесь вполне оценили личные качества румынского государственного деятеля, но прибавил, что единственный вывод отсюда, который, по-видимому, напрашивается, заключается в том, что даже на тех, которые в Румынии являются наиболее горячими проповедниками скорейшего румынского выступления на стороне держав Согласия, последним не следует возлагать чрезмерных надежд.

25 февраля

Как было условлено, по заключении в феврале 1915 г. соглашения между Россией, Францией и Англией касательно Константинополя и Проливов[1], великобританское и французское правительства обсудили совместно вопрос о будущем устройстве турецких владений в Азии согласно интересам обеих держав. Соответственный проект был выработан под руководством знатоков дела сэра Марка Сайкса и г-на Пико. В свое время великобританское и французское правительства предупредили министра иностранных дел С.Д. Сазонова о предпринятых ими в этом отношении работах, прибавив, что ими не будут приняты никакие решения без предварительного обсуждения вопроса с императорским правительством[2]. Согласно с этим, по выработке упомянутого проекта было решено отправить его составителей в Петроград для подробного изложения их соображений. С.Д. Сазонов, полагая, что проект касается лишь Сирии и Киликии, относительно незаинтересованности в которых им уже были сделаны от имени России самые положительные заявления, сначала признавал приезд Сайкса и Пико излишним и хотел его отклонить. Тем не менее, названные два лица прибыли в Петроград и 25 февраля были приняты министром иностранных дел. При этом оказалось, что привезенный ими проект касается раздела не только Сирии, но и всей Малой Азии[3]. С.Д. Сазонов, рассмотрев предложенную ему карту, не скрыл своего удивления при виде, что те земли, на которые предъявляют притязания французы, далеко внедряются клином к русско-персидской границе близ Урмийского озера. Г-н Пико упорно отстаивал свои предположения, указывая как на естественный характер намеченной границы, так и на необходимость для Франции включить в свои будущие владения местности, где заложены прочные основы французского влияния католическими организациями.

Сэр М. Сайкс своим открытым характером, основательными познаниями и явным благожелательством к России произвел на министра самое лучшее впечатление. Нельзя сказать того же самого о г-не Пико, который показался С.Д. Сазонову несколько узким в своих воззрениях с известным клерикальным оттенком.

[1] См. док. № 12.

[2] См. запись от 27 января 1916 г. и прим. 1.

[3] Комплекс документов, оформивших соглашение между Россией, Францией и Великобританией о разделе Азиатской Турции. — См. док. № 26.

26 февраля

Во время обычного посещения министра иностранных дел французский посол, говоря о привезенном гг. Сайксом и Пико проекте разграничения в азиатских владениях Турции, заявил, что относительно этого проекта между французским и английским

правительствами уже состоялось окончательное соглашение и что поэтому он должен рассматриваться как дело решенное.

Великобританский посол был, видимо, очень недоволен такой постановкой вопроса и поспешил заявить, что полученные им от своего правительства указания вовсе не придают означенному проекту такого характера, а наоборот, предписывают ему, послу, лишь представить выработанное предположение на одобрение русского правительства, нисколько не вменяя ему в обязанность настаивать на принятии их[1] целиком.

[1] Так в документе.

26 февраля

Пико и Сайкс прибыли на второе свидание с министром в сопровождении французского и великобританского послов. Палеолог в разговоре с министром старался представить проект раздела азиатских владений Турции «comme une chose faite» [как дело решенное] и говорил о проекте Пико и Сайкса как об «arrangement fait» [достигнутом соглашении]. Великобританский посол возразил на это, что, хотя он и имеет от своего правительства инструкции поддерживать проект Пико и Сайкса, но сомневается, чтобы на основании этих инструкций он бы мог относиться к проекту как к «affaire faite» [решенному делу].

27 февраля

Португальский посланник посетил С.Д. Сазонова и сделал министру сообщение об объявлении Германией войны Португалии.

27 февраля

Вследствие наших возражений против проникновения французов в Урмийский район, Сайкс на следующем своем свидании с министром предложил новую комбинацию, отметив ее на карте. В силу этой комбинации французы вместо приобретений в Урмийском районе получили бы компенсации в Малой Армении, в области треугольника Сивас–Харпут–Кессария. Сайкс высказал мысль, что французы, со своей стороны, согласились бы на его новую комбинацию. Он указывал при этом, что та часть Армении, которая предназначается нам, населена мирным элементом, своего рода феодальными землевладельцами, на которых Россия вполне может опереться в будущем. Он указывал также и на то, что нам не следует слишком опасаться французов, ибо они обычно чересчур эксплуатируют местное население и не умеют возбуждать его симпатии к себе как к нации.

Из разговора с Бьюкананом и Сайксом у министра создалось определенное убеждение, что английское правительство, со своей стороны, не очень сочувствует слишком глубокому проникновению французов в Малую Азию.

28 февраля

Отъезд г-на Филиппеско из Петрограда.

За время своего пребывания в Петрограде г-н Филиппеско посетил, кроме министра иностранных дел, председателя Совета министров[1] и военного министра[2], а также Го-

сударственную думу. Он осматривал достопримечательности города, особенно интересовался придворной конюшней и бывал в театре, пока смерть румынской королевы не заставила его отказаться от появления в нем. Последнюю неделю г-н Филиппеско по нездоровью провел почти безвыездно в гостинице.

[1] Б.В. Штюрмер.
[2] А.А. Поливанов.

29 февраля

На свидании министра с английским послом[1] и сэром М. Сайксом 29 февраля разговор коснулся двух вопросов: 1) разграничения Малой Азии и 2) Палестины и еврейского вопроса.

По первому вопросу Сайкс указал, что если мы уступим, согласно его мысли, французам взамен местности в районе Урмийского озера территорию в области треугольника Сивас–Харпут–Кессария, между нами и французами фактически образуется буфер, и французское влияние на деле не распространится на эту сферу.

Переходя к вопросу о судьбе Палестины, Сайкс заметил, что до своего отъезда из Лондона он виделся с известным сионистом, членом парламента Саймоном[2]. Последний говорил ему, что английские евреи допускают возможность установления европейского контроля над Палестиной; они помирятся также и с мыслью об английском генерал-губернаторе, но будут для себя требовать свободы колонизации в Палестине и полного равноправия в этой области. По словам Саймона, евреи вообще будут добиваться возвращения им родины при разрешении палестинского вопроса после войны.

Сайкс, со своей стороны, допускает также учреждение в Палестине наряду с английским генерал-губернатором французского, под условием, однако, чтобы последнему было поручено исключительно заведывание полицией.

В заключение сэр М. Сайкс сообщил имеющиеся у него сведения о преследовании армян в Турции. По его данным, за последнее время было вырезано в Армении и выселено из нее около 800 000 человек. Мужское население в возрасте от 18 до 43 лет было целиком выведено из этой области; женский же элемент направлен в персидские владения и на юг, в Месопотамию.

[1] Дж. Бьюкенен.
[2] Возможно, имеется в виду Сэмюэл Герберт Луис.

1 марта

У министра, под его председательством, состоялось совещание, на котором присутствовали товарищ министра А.А. Нератов, советник Первого политического отдела и начальник Канцелярии министра[1], советник Второго политического отдела[2] и сэр М. Сайкс.

Сайкс еще раз показал по карте изменения, которые, по его мнению, можно было бы внести в первоначальный проект раздела Малой Азии, вследствие наших возражений против французского вклинения в русско-персидскую границу.

Если мы согласимся на компенсации для Франции в районе Сиваса, то получающийся таким образом раздел турецких земель будет, по мнению Сайкса, соответствовать историческому делению Армении. Франция получила бы Малую Армению (Armenia

romana), в то время как к нам перешла бы часть Армении, находившаяся раньше под персидским владычеством. Таким образом, под русской властью оказалось бы большинство курдов, лазов, кызыл-башей и других кочевых племен, с которыми сравнительно легко ладить и которые, с точки зрения государственной безопасности, представляют более надежный и удобный элемент[3].

Далее разговор коснулся евреев. Сайкс указал, что евреи в настоящий момент ведут сильную агитацию против русских. На этот раз Сайкс говорил, что, хотя евреи и согласились бы, по-видимому, с проектом учреждения английского генерал-губернатора, но определенно будут возражать против французского и не пойдут также и на интернационализацию Палестины.

По мнению Сайкса, от обещаний евреям зависит также в значительной мере поведение Америки.

В ответ на заявления Сайкса министр указал последнему, что Россия не относится к сионизму отрицательно и что русское правительство, наоборот, сочувствовало бы водворению иудеев в Палестине, при условии, однако, чтобы не были затронуты права и привилегии Святых мест. В настоящее время, по словам министра, палестинский вопрос еще недостаточно назрел.

---

[1] М.Ф. Шиллинг.

[2] К.Н. Гулькевич.

[3] *Сайкс довер[ительно] сообщил, что в разговоре с г-ном Пико он затронул вопрос о предоставлении России Битлиса и его округа с вознаграждением Франции путем предоставления ей Сиваса и прилегающего округа, и что французский уполномоченный не возражал против такого предложения* (прим. документа).

4 марта

Сэр М. Сайкс был вызван в министерство, где его спросили как знатока Малой Азии, возможно ли было бы в будущем соединить железнодорожным путем Трапезонд с Ангорой, минуя территориальный район между Сивасом, Харпутом и Кессарией. Сайкс ответил утвердительно.

4 марта

24 февраля 1916 г. императорскому послу в Париже были протелеграфированы инструкции относительно тех общих начал, которыми он мог бы руководствоваться на предстоящей дипломатической конференции в Париже[1]. В этих инструкциях, между прочим, указывается, что необходимо настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения.

Между тем сведения о возможных попытках Германии привлечь на свою сторону поляков с целью провести набор рекрут в Царстве Польском сильно обеспокоили французское правительство, и 2 марта г-н Камбон спросил А.П. Извольского, как отнеслось бы русское правительство к совместному выступлению союзников в подтверждение тех обещаний, которые Россия дала полякам. Посол ответил г-ну Камбону, что императорское правительство не могло бы согласиться на такое предложение. На следующий день, 3 марта, г-н Камбон познакомил А.П. Извольского с текстом телеграммы, отправленной по этому предмету г-ну Палеологу (Париж № 178)[2], и высказал убеждение, что г-н Палеолог исполнит возложенное на него поручение с должной осмотрительностью.

Французский посол сделал предписанное сообщение при свидании с министром 4 марта. Коснувшись вопроса о Польше, г-н Палеолог сказал С.Д. Сазонову, что по поручению Бриана он может ему сообщить, «que cela ne fera même pas l'ombre d'une question» [что это не создаст даже и тени вопроса], так как французское правительство вполне присоединяется к установленной императорским правительством точке зрения в отношении Польши.

[1] В телеграмме № 948 С.Д. Сазонова послу России во Франции А.П. Извольскому от 24 февраля/8 марта 1916 г. особо подчеркивалось, что «заключенные между союзниками за время войны политические соглашения должны оставаться незыблемыми и пересмотру не подлежат». Также давались инструкции по вопросам определения будущей границы Германии и Австрии; государственного устройства Польши; необходимости удержать Швецию от выступления против держав Согласия и желательности привлечь на их сторону Норвегию; вмешательства в войну Румынии; вытеснения германского капитала с китайского рынка. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. — С. 351.

[2] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. — С. 411–413.

12 марта

12 марта министр иностранных дел пригласил к себе румынского посланника. С.Д. Сазонов обратил внимание посланника на то недоверие к России и отсутствие желания достигнуть дружественного согласования политики Румынии и России, которые все более начинают сказываться в деятельности правительства Братиано. Румынское правительство постоянно обвиняет нас в некоторого рода недоброжелательстве, что не может не повлиять на отношение России к вывозу в Румынию. Равным образом переговоры с полковником Татариновым далеко не представляются налаженными. Необходимо содействие Братиано для правильного ведения и успешного завершения этих переговоров.

17 марта

Назначенное по высочайшему повелению особое совещание под председательством председателя Совета министров собралось 17 марта 1916 г. в 9 часов вечера в доме министра внутренних дел. На нем присутствовали, кроме Б.В. Штюрмера, министр иностранных дел[1], морской министр[2], за военного министра помощник его, генерал от инфантерии Беляев, представитель нам[естника] его императорского величества на Кавказе ст[атс] секр[етарь] Никольский, тов. МИД гофм. Нератов, генерал-квартирмейстер Леонтьев, советник Второго политического отдела Министерства иностранных дел Петряев, первый секретарь миссии в Тегеране Минорский и управляющий делами Совета министров Лодыженский.

Предметом обсуждения совещания было рассмотрение англо-французского предложения касательно разграничения будущих владений России, Франции и Англии и зон влияния в Азиатской Турции в случае ее раздела.

В начале заседания министр иностранных дел изложил основные положения англо-французского проекта (см. памятную записку от 25 февраля)[3], с указанием на карте предположенных границ. Им было разъяснено, что первоначальные французские предложения относительно расширения французских владений вдоль будущей нашей малоазиатской границы до Урмийского озера встретили возражения со стороны Мини-

стерства иностранных дел, с которыми французское посольство согласилось. Таким образом, первоначальный проект был изменен в смысле уступки нам французами области около Урмийского озера в обмен на увеличения французских владений в сторону Малой Армении (см. на карте при деле)[4].

Представители Морского и Военного министерств, а также наместника его императорского величества на Кавказе не возражали по существу означенного соглашения, разделяя мнение министра иностранных дел, что будущая судьба Аравийского халифата и устройство областей к югу от русской границы в Малой Азии, за исключением Святых мест в Палестине, мало затрагивает интересы России. Решено лишь со стороны Урмии установить такую границу между русскими и французскими владениями, которая обеспечивала бы России владения важнейшими перевалами и проходами и стратегическими позициями.

Что касается до определения западной русской границы в Малой Азии, то на вопрос министра иностранных дел, от каких пунктов на Черном море было бы желательно и выгодно для нас ее провести, морской министр высказал мнение, что для России необходимо добиваться владения возможно длинной береговой полосой и как на конечный пункт указал на Синоп. Генерал Беляев высказал мнение, что овладение узкой береговой полосой, конечно, желательное в принципе, будет тогда лишь иметь практическую цену, если эта полоса обеспечивается соответствующей ее длине тыловой областью; в противном же случае такое удлинение границы без опорных пунктов внутри страны нежелательно, так как вызовет чрезмерные и безрезультатные расходы по ее укреплению. Министр иностранных дел с своей стороны указал на то, что еще до войны французы, вследствие отказа от постройки железных дорог в области, примыкающей к нашему Закавказью, получили наше согласие на концессию железнодорожной линии Самсун — Сивас[5]. Присоединение же к нашим владениям Синопа приведет к необходимости для нас добиваться от французов отказа от вышеназванной концессии, так как иначе осуществление ее имело бы место на русской государственной территории, что, конечно, недопустимо. Добиться добровольного отказа французов от этой концессии, которой они чрезвычайно дорожат и которую не уступят ни за какие деньги, совершенно невозможно.

Участники совещания вполне согласились с высказанными министром иностранных дел соображениями, но выразили пожелание, чтобы, тем не менее, конечный западный пункт русско-турецкой границы был отнесен к какому-либо порту или гавани между Самсуном и Трапезондом. Наиболее подходящим для этого было признано мест. Терме. В таком случае русская граница направилась бы от этого пункта приблизительно на Карахисар (Шабханэ). До принятия окончательного решения по этому вопросу морской министр выразил желание представить особую записку. Представитель наместника его императорского величества на Кавказе обратил внимание совещания на то, что разделение Армении на две части, из которых одна отойдет к России, а другая к Франции, вызовет неудовольствие и протесты армян и агитацию на Кавказе. Министр иностранных дел разъяснил, что такое разделение соответствует топографическим особенностям местности и вероисповедной группировке армян. Кроме этого, если невозможно создать единую Армению, то для самих армян лучше, чтобы часть их, остающаяся вне России, принадлежала культурной Франции, а не Турции, причинившей им столько несчастий. Совещание с этим вполне согласилось.

На просьбу представителя наместника на Кавказе о том, чтобы при окончательном разграничении в Малой Азии был бы урегулирован вопрос о Муганской степи (лежащей

в Персии и примыкающей к нашим будущим малоазиатским владениям), министр иностранных дел ответил обещанием иметь это в виду.

Следующее совещание было назначено через неделю.

[1] С.Д. Сазонов.
[2] И.В. Григорович.
[3] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. — С. 364–368.
[4] См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. X. (Приложение).
[5] Концессия на постройку железной дороги Самсун — Сивас была получена французской компанией «Régie générale des chemins de fer et des travaux publics» в апреле 1914 г.

22 марта

Между советником Второго политического отдела[1] и г-ном Пико состоялся обмен мнений по поводу неточностей, допущенных во французской ноте от 18/31 марта 1916 г. в вопросе об определении границы и признании капитуляции в малоазиатских территориях, которые будут присоединены к России. Советник Второго политического отдела и г-н Пико условились составить проекты дополнительных писем, которыми обменяются министр иностранных дел и французский посол для исправления этих неточностей.

[1] А.М. Петряев.

22 марта

На всеподданнейшем докладе в Царском Селе министр излагал полученные из-за границы сведения, указывающие на необходимость оказания помощи бедствующему населению занятых неприятелем польских областей (записка гр. Велепольского со слов князя Любомирского).

Это подало повод к тому, чтобы также затронуть вообще польский вопрос, причем С.Д. Сазонов указывал на желательность более определенных заявлений об отношении России к будущности Польши. Выслушав министра весьма внимательно, государь отметил крайнюю сложность данного вопроса и высказал мнение, что к разрешению его необходимо приступить с большой осторожностью. С.Д. Сазонов испросил разрешения поручить разработать в Министерстве иностранных дел некоторые его соображения для освещения этого вопроса[1].

[1] См. запись от 27 мая 1916 г. и прим. 1.

31 марта

31 марта состоялся первый обмен мнений между советником Второго политического отдела и полномочным министром (советником французского посольства) Дульсэ по вопросу о признании за французами концессий на железные дороги в Малой Азии в тех областях, которые могут отойти к России.

Г-н Дульсэ, во-первых, выразил сожаление по поводу недоразумения, происшедшего вследствие некоторой поспешности французского уполномоченного г-на Пико, предложившего в качестве окончательной формулу, которая еще подлежала предварительному одобрению французского правительства.

В дальнейшей беседе г-н Дульсэ указал на то, что французское правительство, по соображениям внутренней и внешней политики, очень дорожит правами и привилегиями, приобретенными им в Турции в экономической области и, между прочим, будет стремиться к сохранению за собой всех добытых уже железнодорожных концессий, выражая в то же самое время свою готовность отказаться от капитуляций. При этом он отметил, что все концессии заключались турецким правительством на срок, по истечении коего для заинтересованного правительства явится возможность их не возобновлять. Вместе с тем он сослался на Францию, которая, присоединив Марокко и Тунис, признала уже существовавшие там концессии.

А.М. Петряев высказал мнение, что принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде in spe [в надежде]. А таким характером именно отличаются концессии, полученные французским правительством на постройку железных дорог в Малой Азии: это просто обещание турецкого правительства, к реализации которого французы не приступали. Не менее важное значение при обсуждении вопроса о сохранении за французами железнодорожных концессий должно иметь следующее обстоятельство: когда французское правительство заключало соглашение с Турцией о постройке железнодорожных линий в Малой Азии, то оно, очевидно, руководствовалось общим планом такого строительства, в предположении, что оно будет осуществляться на территории одного государства, в данном случае Оттоманской империи, железнодорожная политика коего была, таким образом, связана разными побочными ограничениями; между тем в случае действительного раздела Малой Азии, согласно англо-французскому соглашению, железнодорожные линии, намеченные прежними концессиями, пройдут по территориям трех независимых государств — России, Франции и Турции, что, вследствие несогласованности их железнодорожной политики и постройки новых линий, может свести на нет все экономические и коммерческие выгоды прежних концессий. Таким образом, по мнению г-на Петряева, возбуждение вопроса о пересмотре концессий и отмене многих из них будет в интересах самого же французского правительства. Что же касается, в частности, указания г-на Дульсэ на Марокко и Тунис, то, во-первых, французы нашли там уже реализованные железнодорожные концессии, а кроме того, они постепенно отменили там все капитуляции и привилегии иностранцев, дарованные прежним турецким правительством.

Г-н Дульсэ признал эти доводы заслуживающими серьезного внимания и высказал надежду, что дальнейший обмен мнений приведет к установлению формулы, которая удовлетворит оба правительства.

5 апреля

К барону Шиллингу явились состоящие ныне помощниками командира Чешско-словацкого стрелкового полка[1] гг. Тучек и Рейман, приехавшие с фронта на несколько дней в Петроград. Указав на достигнутый ими успех в образовании чешских дружин в России, они сообщили о возникшей у них мысли образовать такие же дружины для действий либо на итальянском, либо на македонском фронте из числа чехов, попавших в руки итальянцев, а также чехов-военнопленных, перевезенных из Сербии

в Италию. По словам гг. Тучека и Реймана, они изложили уже свои предположения итальянскому военному агенту на Ставке верховного главнокомандующего и встретили со стороны подполковника Марсенго полное сочувствие. По его же указанию, они желали бы теперь доложить свою мысль итальянскому послу и просили содействия барона Шиллинга для получения доступа к последнему. Случайно в то самое время, как они говорили об этом, итальянский посол позвонил к барону Шиллингу по телефону, чтобы переговорить о другом деле, и барон Шиллинг воспользовался этим, чтобы тотчас устроить представителям чешской дружины свидание с маркизом Карлотти.

Прежде чем проститься с бароном Шиллингом, названные чешские деятели высказали еще одну просьбу, а именно, указав на важность для чехов знать доподлинно намерения императорского правительства в отношении будущности Чехии, они высказали пожелание получить на этот счет какое-нибудь авторитетное заявление.

Подобное желание высказывалось и другими чехами уже неоднократно. Как и прежде в подобных случаях, барон Шиллинг ответил гг. Тучеку и Рейману, что подобное заявление могло бы быть сделано им лишь министром иностранных дел, но что С.Д. Сазонов находит, что время для этого еще не наступило. Чехам должно быть известно, что Россия, неизменно относящаяся к ним благожелательно, будет всегда готова оказать им возможную поддержку, но будущность Чехии в значительной степени зависит от того, как сложатся обстоятельства при окончании нынешней войны. Кроме того, прежде чем высказаться на этот счет, России нужно знать, что именно составляет предмет стремлений чешского народа. Надо сознаться, что обращающиеся в Министерство иностранных дел разные представители живущих в России чехов далеко не единодушны в этом отношении, не говоря уже о том, что никто из них не имеет полномочий, в силу которых они могли бы считаться представителями чешского народа. Поэтому необходимо обождать, пока Чехия не будет занята русскими войсками и чехи не получат возможности свободно и ясно определить свои вожделения. Только тогда Россия, узнав доподлинно пожелания чехов, будет в состоянии определить свое к ним отношение.

Гг. Тучек и Рейман не могли не признать справедливости сказанного о недостаточном единодушии и отсутствии полномочий у пребывающих здесь чехов. Они указали лишь на то, что полномочными истолкователями чешских чаяний могут считаться Масарик и Дюрих, которые, по их словам, намерены вскоре прибыть в Россию. Сообразно с этим они высказали надежду, что, быть может, русское правительство найдет возможным сделать желательное для них заявление по выслушании названных чешских деятелей.

[1] Приказом верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 29 января/11 февраля 1915 г. была учреждена запасная добровольческая чешско-словацкая дружина, в конце 1915 года переименованная в Чешско-словацкий стрелковый полк.

5 апреля

Во время обычного посещения министра иностранных дел французский посол[1] прочел С.Д. Сазонову полученную им из Парижа телеграмму, в которой г-н Бриан, указывая на нежелание французского правительства вмешиваться в польский вопрос, вместе с тем указывал на то, что вопреки стараниям правительства Республики, этот вопрос постоянно обсуждается известной частью французской печати и общества под влиянием

живущих во Франции многочисленных поляков. Сомневаясь в возможности помешать этому одними лишь запретами, г-н Бриан предлагал услуги французского правительства для направления общественной мысли в этом отношении в желательном для нас смысле под условием, чтобы ему были сообщены определенные данные о намерениях русского правительства касательно будущего устройства Польши.

В последовавшем по этому поводу разговоре С.Д. Сазонов, выражая признательность за добрые намерения г-на Бриана, настойчиво отклонял его предложения, ссылаясь на твердое намерение России считать польский вопрос предметом исключительно ее ведения и указывая на опасность для самих дружеских взаимоотношений между Россией и Францией какого бы то ни было вмешательства последней в настоящее дело. Министр напомнил даже, что охлаждение между петербургским и парижским дворами, вызванное политикой Наполеона III в 1863 году[2], сыграло несомненную роль в последующих событиях, приведших Францию к Седану[3].

[1] М. Палеолог.

[2] В 1863 году во время Польского восстания Франция вместе с другими европейскими державами участвовала в антирусских демаршах с целью использовать польский вопрос для давления на Россию.

[3] Битва между французскими и прусскими войсками при Седане, состоявшаяся 1 сентября 1870 г., закончилась разгромом французской армии и пленением Наполеона III.

6 апреля

Вызвав румынского посланника, министр указал ему на крайне неблагоприятное впечатление, произведенное в России известием о заключенном Румынией с Германией соглашении[1], за экономической стороной которого поневоле заподозриваются секретные политические статьи. Г-н Диаманди по обыкновению сослался на полную свою неосведомленность, но в то же время он отрицал политический характер соглашения и оправдывал его заключение тяжелым экономическим положением Румынии.

В тот же день из Ставки прибыл полковник Татаринов, который с вокзала прямо проехал в Генеральный штаб для доклада, затянувшегося [на] несколько часов. Уже в 8-ом часу вечера он приехал оттуда к барону Шиллингу, чтобы изложить итоги своих недавних переговоров в Бухаресте. По его словам, он был принят румынами весьма любезно, но долго переговоры тянулись довольно безрезультатно, и лишь когда полковник собрался ехать в Россию для доклада, с ним заговорили более конкретно. Суть достигнутого соглашения сводилась к следующему: когда последует общее наступление союзников, Россия должна занять Буковину по линии Дорна-Варта — Кирли Баба — Селегин, после чего лишь Румыния объявит войну Австро-Венгрии, и тогда русские войска должны будут занять Добруджу для защиты ее от болгар и освобождения стоящих там румынских войск, которые будут переброшены в качестве резерва на венгерскую границу.

Так как все переговоры по этому поводу велись устно, полковник Татаринов пожелал перед отъездом закрепить их итоги, вызвав на соответствующее заявление самого Братиано. Посетив его с этой целью накануне отъезда, он повторил ему все вышесказанное и был немало удивлен, когда Братиано, внимательно его выслушав, вдруг заявил, что этих условий недостаточно для выступления Румынии, так как Россия должна обязаться не только защищать Добруджу, но и повести энергичное наступление на болгар и занять Рущук. На возражения Татаринова, что об этом никогда не было речи, Братиано ответил, что, наоборот, он всегда имел в виду и это условие.

Съездив немедленно к генералу Ильеско, с которым собственно велись им переговоры, полковник Татаринов был еще более удивлен, когда, указав ему на происшедшее, по-видимому, с Братиано недоразумение, он услышал от генерала, что последний будто бы также всегда имел в виду русское наступление на Рущук. Когда полковник заметил ему, что между ними об этом никогда и не упоминалось, генерал Ильеско ответил просто, что, может быть, он не говорил об этом с Татариновым, но всегда указывал на это «всем другим». На это, конечно, Татаринов мог лишь возразить, что переговоры-то велись с ним, а не с «другими». Как бы то ни было, ввиду этого неожиданного поворота дела результаты переговоров являются еще более шаткими.

На вопрос барона Шиллинга, как он себе объясняет случившееся, а именно, следует ли в этом видеть обычный прием Братиано, желающего ускользнуть от соглашения, как только таковое налаживается, или нужно искать связи между поступком румын и заключенным ими к этому времени соглашением с Германией, полковник Татаринов ответил, что он склонен остановиться на первом из этих двух предположений, хотя не может не признаться, что по времени неожиданный поворот Братиано совпал с заключением румыно-германского соглашения.

В 9 часов вечера министр иностранных дел принял полковника Татаринова, который изложил ему все вышесказанное, прибавив, кроме того, свои сведения о военном положении в Турции, которое он, по-видимому, считает для нас вполне благоприятным.

[1] 1/14 апреля 1916 г. Румыния и Германия заключили соглашение об обмене между странами продуктами производства, за исключением предметов военного снаряжения.

10 апреля

Французский посол приехал утром к барону Шиллингу и сказал, что им только что получена телеграмма из Парижа в ответ на ту, в которой он, Палеолог, дал отчет о своем разговоре с министром по польскому вопросу. Хотя в означенном разговоре посол лишь исполнил возложенное на него поручение, г-н Бриан выразил ему ныне упрек за то, что он коснулся этого вопроса при существующей столь неблагоприятной для этого в России почве и просил его более к разговорам об этом предмете не возвращаться.

16 апреля

Румынский посланник сообщил советнику Второго политического отдела о том, что Братиано поручил ему разъяснить смысл и значение заключенной с германцами сделки[1]. По словам г-на Диаманди, Румыния нуждалась в получении некоторых предметов промышленности и мануфактуры, заказы на которые в Германии были сделаны уже давно, главным же образом паровозов и вагонов. Германия согласилась выпустить все эти предметы на условиях заключения экономического соглашения, в силу которого Румыния обязывалась разрешить пропуск в Германию продовольствия постольку, поскольку это было связано с соблюдением Румынией нейтралитета. Никакого политического соглашения этой сделкой не прикрывается, и экономические выгоды, получаемые Германией и даже Румынией, совершенно ничтожны. Г-н Диаманди признал, однако, что, конечно, лучше было бы этого соглашения не заключать, и что раз прави-

тельство его заключило, то оно должно было предупредить об этом представителей Четверного согласия. Диаманди передал просьбу своего правительства о том, чтобы Россия не принимала никаких запретительных мер по отношению к румынскому вывозу, подчеркнув, что самый факт постоянного обращения Румынии за разрешениями провоза предметов военного снаряжения указывает на приверженность ее к России, и что, если бы Румыния питала какие-либо враждебные замыслы против Четверного согласия, то тогда ей бы оружие предоставляла Германия. Он просил также о воздействии на печать для прекращения антирумынской агитации, причем высказал мнение, что приведенных им аргументов и объяснений достаточно, чтобы рассеять неблагоприятное впечатление, произведенное на русское общественное мнение румыно-германским торговым соглашением. Что касается, в частности, вывоза лошадей, то, по мнению Диаманди, в печати можно было бы разъяснить, что Румыния всегда являлась старой и верной клиенткой России в этом отношении; следовательно, закупка лошадей не должна тревожить русское общественное мнение.

А.М. Петряев сказал, что он принимает к сведению заявления румынского посланника, доложит о них министру, но в то же время высказал мнение, что объяснения эти не рассеивают исчерпывающим образом всех сомнений и подозрений, порожденных румыно-германским торговым соглашением. Так, указание на ничтожность результатов от этого экономического соглашения для Германии и Румынии, подчеркнутое посланником, скорее наводит на мысль, что за ним скрывается какая-то другая политическая сделка. Русское правительство, считаясь с тревогой, возникшей в печати и общественном мнении под влиянием этого соглашения, принуждено теперь относиться с величайшей осторожностью и осмотрительностью к вопросам о румынском вывозе до окончательного выяснения обстоятельств, при которых состоялась вышеозначенная сделка. Печати уже были сделаны некоторые разъяснения, но одни академические соображения делу помогут мало. Ссылка на то, что Румыния была всегда старой клиенткой России, теперь не может быть особенно доказательна после выступления против России еще более старой и связанной с ней клиентки — Болгарии.

В заключение беседы, Диаманди и А.М. Петряев высказались в том смысле, что только время и обстоятельства могут окончательно рассеять подозрения и сомнения, возникшие около румыно-германского договора.

[1] См. прим. 1 к записи от 6 апреля.

16 апреля

Приезд Пашича.

17 апреля

Посещение Пашичем министра иностранных дел.

19 апреля

Посещение Пашичем гофмейстера Нератова и А.М. Петряева.

20 апреля

Вторичное посещение министра Пашичем совместно с Иовановичем.

21 апреля

Государь император утром принимал Пашича и Иовановича, которые после этого были приглашены к высочайшему завтраку.

Высочайшая аудиенция английскому послу в Царском Селе.

22 апреля

Приезд гг. Вивиани и Тома[1].

[1] В ходе визита в Россию Р. Вивиани и А. Тома 28 апреля/11 мая 1916 г. подписали в Могилеве соглашение об отправке русских войск во Францию.

23 апреля

Высочайшая аудиенция в Царском Селе гг. Вивиани и Тома в присутствии французского посла.

Посещение гг. Вивиани и Тома министра иностранных дел.

23 апреля

Японский посол посетил С.Д. Сазонова и сообщил ему о состоявшемся обращении германского посланника в Стокгольме к японскому посланнику г-ну Ушида с просьбой о содействии японского правительства к заключению мира между Германией, Россией и Японией. При этом барон Мотоно передал памятную записку с подробным описанием двух свиданий г-на Луциуса с г-ном Ушида.

Министр иностранных дел уже ранее был осведомлен из весьма секретного источника об обращении г-на Луциуса к японскому посланнику в Стокгольме. Те же сведения перед тем были сообщены ему и английским послом, который был весьма доверительно уведомлен об этом сэром Э. Греем.

Выслушав японского посла, министр ответил ему, что был бы готов обсудить германские мирные предложения под условием, чтобы таковые были одновременно сделаны России, Франции, Англии и Японии. Обращение германского правительства к Италии не представляется необходимым, так как она не объявила войны Германии, но, разумеется, союзники не скроют от нее германских предложений.

26 апреля

Приехав к барону Шиллингу, великобританский посол осведомился об имеющихся в Министерстве иностранных дел сведениях о настроении в Швеции, прибавив, что полученное им из Стокгольма известие скорее тревожного характера. В подтверждение этих слов он сообщил содержание нескольких телеграмм английского посланника в Швеции Ховарда.

По этому поводу сэр Дж. Бюканен, оговорившись, что высказывает только личное свое мнение и говорит не по поручению своего правительства, развил следующие мысли: за последнее время главным оружием в руках шведских активистов является вопрос о возведенных Россией укреплениях на Аландских островах[1]. Вполне понимая, что русские военные власти не могли поступить иначе и во все время войны не могут отказаться от укрепления названных островов, безотносительно к вопросу, насколько такой образ действий соответствует заключенным касательно этих островов договорам, посол спрашивает себя, не следовало ли бы принять безотлагательно меры к тому, чтобы на этой почве не разгорелась агитация, могущая привести к войне с Швецией. Принимая во внимание, что с точки зрения интересов союзников необходимо сделать все возможное для избежания такой войны, не следует ли своевременными успокоительными заявлениями в Стокгольме отнять почву у означенной агитации. Посол опасается, что в случае обострения положения все равно придется, быть может, сделать подобное заявление, когда таковое, пожалуй, окажется уже запоздалым и неспособным предотвратить события. В представлении сэра Дж. Бюканена подобное заявление могло бы заключаться в заверении со стороны России, что по окончании войны укрепления на Аландских островах будут вновь снесены, причем эти заверения могли бы быть подкреплены со стороны Англии и Франции примерно следующим заявлением в Стокгольме: «Великобританское (французское) правительство имеет основание утверждать, что укрепления на Аландских островах носят лишь временный характер; Россия была вынуждена возвести их, чтобы оградить себя от нападения со стороны Германии, и намерена, как только кончится война, вновь по-прежнему сообразоваться с декларацией, заключающейся в трактате 1856 года»[2].

Барон Шиллинг возразил послу, что последние известия, полученные от императорского посланника в Стокгольме носят более успокоительный характер. Что же касается предлагаемого послом заявления касательно будущего положения на Аландских островах, то министр иностранных дел, очевидно, не мог бы сделать такового иначе, как по соглашению с военными и морскими властями, а последние, надо думать, едва ли решатся ныне же связать себя в этом отношении на будущее время. Нынешняя война показала все значение Аландских островов, без обладания коими и укрепления их Россия не могла бы отразить германского натиска на финляндское побережье. Неизвестно, не потребуется ли по окончании нынешней войны принять на основании приобретенного опыта новые меры к ограждению себя от опасности с этой стороны. Во всяком случае, заявление в предложенной послом редакции со ссылкой на договор 1856 года представляется барону Шиллингу неприемлемым уже ввиду самой редакции означенного договора, допускающей чрезмерно распространительное толкование. Действительно, в 1856 году Россия отказалась от права возведения на Аландских островах всяких военных сооружений — «établissment militaire»; между тем под этим выражением можно понимать даже радиостанцию, установление которой может оказаться совершенно необходимым.

Посол с улыбкой заметил, что в настоящую минуту главное — избежать войны со Швецией, а впоследствии несомненно можно будет найти не один предлог для оправдания новых укреплений на Аландских островах, если в этом окажется потребность.

Вышеизложенный разговор в тот же день был передан бароном Шиллингом министру, который, признав затруднительность принятия предложений сэра Дж. Бюканена, высказал мнение, что со стороны России достаточно сделанного уже им, министром,

здешнему шведскому посланнику 23-го сентября 1915 г. заявления (см. исх. телеграмма № 4952 от 1915 г.)[3], что шведы должны судить о будущем по прошлому: подобно тому, как до сих пор Россия не пользовалась Аландскими островами для враждебных против Швеции действий, так и впредь она не намерена ими пользоваться для подобных целей. Если союзники считают ныне уместным, со своей стороны, подкрепить это заявление, то, по мнению С.Д. Сазонова, они могли бы сделать это только в виде неофициального и доверительного сообщения: «Англии (Франции) известно, что Россия была вынуждена укрепить Аландские острова лишь ввиду угрожавшей им опасности захвата со стороны Германии и что Россия не имеет ни малейшего намерения использовать эти острова для каких-либо враждебных действий против Швеции», — «Les gouvernements alliés sont à même d'affirmer que la Russie n'a été obligée de fortifier les îles d'Aland que pour empêcher l'Allemagne de s'en emparer et n'a pas la moindre intention de se servir de ces îles comme base pour des actes hostiles quelconques contre la Suède» [Союзным правительствам известно, что Россия была вынуждена укрепить Аландские острова лишь ввиду угрожавшей им опасности захвата со стороны Германии и что Россия не имеет ни малейшего намерения использовать эти острова для каких-либо враждебных действий против Швеции].

[1] С началом Первой мировой войны возникла реальная опасность того, что Аландские острова могли быть захвачены Германией. С конца 1914 года Россия разместила на архипелаге гарнизон численностью около 8 тыс. человек и стала возводить укрепления. Российская дипломатия предпринимала шаги для того, чтобы развеять возникшие в Швеции опасения по поводу военных мер на Аландах. В январе 1915 г. российский посланник в Швеции А.В. Неклюдов по указанию С.Д. Сазонова сделал заявление шведскому министру иностранных дел К. Валленбергу о том, что меры по обеспечению обороны архипелага имеют превентивный характер на случай возможного нападения Германии, что защита Ботнического залива от немецкого проникновения отвечает интересам не только России, но и самой Швеции, и что возводимые укрепления имеют временный характер и по окончании войны будут демонтированы. — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 386, л. 11–12; д. 387, л. 2, 26–27. Эти объяснения удовлетворили шведское правительство, которое не заявило каких-либо официальных протестов против военных мероприятий на островах, несмотря на то, что в 1915–1916 гг. шведские газеты продолжали запугивать соотечественников «русской опасностью». — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 387, л. 9–11, 19, 32–33. В мае 1916 г. последовал обмен нотами между А.В. Неклюдовым и К. Валленбергом по аландскому вопросу, в которых в письменной форме были закреплены устные объяснения, данные посланником в январе 1915 г. — См. док. № 30.

[2] См.: Ф.138, оп. 467, д. 388, л. 18–18 об.

[3] См.: Там же, д. 387, л. 31.

27 апреля

При обычном свидании с союзными послами министр иностранных дел сказал сэру Дж. Бюканену, что, ознакомившись с переданным им через барона Шиллинга предложением сделать от имени английского правительства успокоительное заявление в Стокгольме по вопросу об Аландских островах, он, министр, вполне сочувствует самой мысли о таком заявлении, но предпочел бы заменить предложенный послом текст другим текстом, который он тут же и передал послам: «Les gouvernements alliés sont à même d'affirmer que la Russie n'a été obligée de fortifier les îles d'Aland que pour empêcher l'Allemagne de s'en emparer et n'a pas la moindre intention de se servir de ces îles comme base pour des actes hostiles quelconques contre la Suède»[1].

[1] Перевод см. запись от 26 апреля.

28 апреля

Утром получены от императорского посланника в Стокгольме телеграммы №№ 252, I и II[1]. С своей стороны, великобританский посол также получил тревожные телеграммы английского посланника в Стокгольме, содержание коих он сообщил министру иностранных дел.

Ввиду необходимости испросить высочайших указаний предварительно решения вопроса о том, можно ли дать шведскому правительству какие-либо обещания в смысле неукрепления Аландских островов после войны, посланнику в Стокгольме была отправлена телеграмма № 1971 с поручением передать шведскому министру иностранных дел успокоительные заверения общего характера с указанием на возможность «разговоров» по Аландскому вопросу, когда уляжется поднятая ныне вокруг него шумиха[2].

[1] В двух телеграммах от 27 апреля/10 мая 1916 г. А.В. Неклюдов сообщал в МИД об усилении антироссийской агитации в Швеции по поводу Аландских островов. — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 23–25.
[2] См.: Ф 138, оп. 467, д. 388, л. 35.

29 апреля

Государю императору отправлена на Ставку всеподданнейшая докладная записка министра иностранных дел с подробным изложением нынешнего положения Аландского вопроса и ходатайством о высочайших указаниях, следует ли рисковать дальнейшими осложнениями до вооруженного столкновения со Швецией включительно или положить конец нынешнему возбуждению в Швеции путем обещания не вооружать названных островов по окончании войны, постаравшись, быть может, получить взамен этого даже соответствующее обязательство со стороны шведов сохранить нейтралитет до конца войны[1].

Днем, лично встретившись на заседании Совета министров с генерал-адъютантом Григоровичем, С.Д. Сазонов запросил морского министра, как отнеслось бы наше морское ведомство к вопросу о разоружении Аландских островов после войны. Генерал-адъютант Григорович ответил министру иностранных дел, что с точки зрения морского ведомства снятие укреплений с Аландских островов после войны не нанесет ущерба государственной обороне.

[1] См.: Ф 138, оп. 467, д. 388, л. 36–38 об. Опубл.: Красный архив. — 1929. — Т. 1(32). — С. 40–41.

30 апреля

Утром получены от посланника в Стокгольме еще более тревожные телеграммы № 259 и 261[1]. Союзные послы, также получившие подобные же сведения из Швеции, вновь обратились к министру иностранных дел с советом скорее успокоить шведов обещанием не укреплять Аландских островов после войны. По поручению своих правительств они просили разрешения сделать в Стокгольме через посредство французского и английского представителей заявление в смысле предложения, переданного сэром Дж. Бюканеном барону Шиллингу 26-го апреля. Отвергнув вновь упоминание в этом заявлении трактата 1856 года, министр иностранных дел согласился на подобное заявление, но лишь в редакции, переданной им послам 27-го апреля, опустив толь-

ко прибавку 2-ой фразы следующего содержания: «Le gouvernement de la République et le gouvernement britannique sont de plus en mesure d'affirmer d'après les assurances qu'ils ont reçues du gouvernement imperial que en ce qui concerne les fortifications le statut des îles sera rétabli comme avant la guerre actuelle» [Правительство Республики и британское правительство к тому же могут подтвердить согласно заверениям, полученным ими от императорского правительства, что поскольку дело идет об укреплениях, то правовое положение островов будет восстановлено в том виде, какой оно имело до настоящей войны].

Великобританский посол сообщил также, что шведские газеты «Dagens Nyheter» и «Handelbalded» обратились к сэру Э. Грею с просьбой высказать свое мнение по поводу Аландского вопроса. Воздействие на шведское общественное мнение в успокоительном направлении представлялось бы весьма желательным, и поэтому сэр Э. Грей просит разрешить ему дать помянутым шведским газетам следующий ответ: «The recent agitation in Sweden with regard to the question of the Aland islands seems to us here to be of an unfair and somewhat fictitious character. This is shown by the fact that as far as we are aware, the swedish government have not since the agitation began, approached the russian government on the subject. If they did so we feel certain that the russian government, who have every desire for good relations with Sweden, would evince a friendly disposition with regard to swedish wishes» [Тревога, вызванная недавно в Швеции вопросом об Аландских островах, носит, на наш взгляд, не совсем искренний и несколько искусственный характер. Это видно из того факта, что, насколько нам известно, шведское правительство со времени возникновения этих тревожных настроений не входило по этому вопросу в сношениях с русским правительством. Если бы оно это сделало, то мы уверены, что русское правительство, которое вполне искренне желает быть в добрых отношениях со Швецией, высказало бы дружественное намерение пойти навстречу удовлетворению шведских пожеланий]. С.Д. Сазонов счел предполагаемое сообщение сэра Э. Грея шведской печати весьма полезным и дал на него свое согласие, заменив лишь последнее слово «wishes» [пожелания], как могущее подать повод к слишком распространительному толкованию, словом «interests» [интересы].

Ввиду того, что вышеозначенные телеграммы А.В. Неклюдова[2] и его союзных сотоварищей, по-видимому, указывали на быстро обостряющееся положение, министр иностранных дел решил поручить по телеграфу директору Дипломатической канцелярии при Штабе верховного главнокомандующего немедленно доложить полученные из Швеции тревожные сведения начальнику Штаба с просьбой исходатайствовать телеграфных указаний его императорского величества по содержанию отправленной накануне докладной записки. (Телеграммы были отправлены на Ставку около часа дня). Поздно вечером была получена телеграмма генерал-адъютанта Алексеева № 700, уполномочивающая министра от имения государя императора сделать шведскому правительству заявления о том, что после войны Аландские острова нами в мирное время укрепляться не будут взамен обещания Швеции соблюдать нейтралитет до окончания войны[3].

Соответственные указания были тотчас срочно переданы посланнику в Стокгольме телеграммой № 2017[4].

Почти одновременно была получена телеграмма А.В. Неклюдова № 264. На нее было предположено ответить указанием на отсутствие в Министерстве иностранных дел точного текста сделанных посланником шведскому правительству заявлений 26 декабря

1914 г./8 января 1915 г. и 1/14 октября 1915 г., но разрешением передать г-ну Валленбергу ныне соответственное письменное изложение таковых заявлений задним числом[5].

[1] В телеграммах от 29 апреля/12 мая 1916 г. российский посланник в Швеции А.В. Неклюдов писал о том, что шведское правительство, возможно, выступит с предложением немедленно объявить Аландский архипелаг нейтральным под гарантией России и Германии и возложить контроль за строгой нейтрализацией архипелага на шведские вооруженные силы. — См.: Красный Архив. — 1929. — Т. 1(32). — С. 41–42.

[2] В тексте ошибочно В.А. Неклюдова.

[3] См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 55.

[4] Телеграммой от 30 апреля/13 мая 1916 г. № 2017 С.Д. Сазонов поручал А.В. Неклюдову заявить шведскому правительству о готовности России «дать обещание Швеции не иметь после войны укреплений на Аландских островах в мирное время». Также предлагал посланнику оформить это заявление в виде двустороннего договора, в котором Швеция со своей стороны приняла бы на себя обязательство соблюдать до конца войны «строгий нейтралитет». — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 50.

[5] 3/16 мая 1916 г. посланник в Швеции А.В. Неклюдов передал министру иностранных дел Швеции К. Валленбергу ноту, помеченную 8 января 1915 г. Ее текст был сообщен в МИД в телеграмме № 267 от 30 апреля/13 мая 1916 г. 6/19 мая нота была возвращена А.В. Неклюдову, поскольку К. Валленберг не собирался в тот момент ее обнародовать. Посланник вторично вручил ноту министру 9/22 мая 1915 г. — См. док. № 30.

1 мая

Вследствие получения от посланника в Стокгольме телеграмм №№ 266 и 267 с изложением предположенного письменного заявления[1], взамен намеченного ответа на № 264, А.В. Неклюдову[2] была послана телеграмма № 2020[3], в которой он, с одной стороны, уполномочивался передать составленное им письменное заявление, а с другой стороны, ему предписывалось, ввиду надежды на улажение дела и без обещания касательно неукрепления Аландских островов в будущем, без крайней надобности воздержаться от порученных ему переговоров в смысле ночной телеграммы № 2017[4].

Несмотря на выяснившуюся таким образом из телеграммы А.В. Неклюдова № 266 надежду избежать обострения положения, министр счел нужным предупредить как военного и морского министров, так и главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Куропаткина о создавшейся обстановке на случай необходимости для них принять соответствующие меры предосторожности, тем более, что полученные одновременно от посланника в Стокгольме телеграммы № 263, I и II об отмене предполагавшейся поездки принца Карла в Торнео показывали, что настроение в Швеции продолжает быть несколько тревожным и еще не всякая опасность столкновения миновала[5].

[1] Текст заявления см. док. № 30.

[2] В тексте ошибочно В.А. Неклюдов.

[3] См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 64.

[4] См. прим. 4 к записи от 30 апреля 1916 г.

[5] См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 45, 49.

2 мая

Вернувшиеся из Москвы гг. Вивиани и Тома посетили министра иностранных дел, который по высочайшему повелению передал им пожалованные государем императором подарки. Таковое пожалование было вызвано тем, что, принадлежа к социалистической партии, названные лица не могли принимать орденов. По той же причине

уже в 1914 году г-ну Вивиани вместо ордена был пожалован подарок, а именно колонка с висевшим на ней миниатюрным портретом государя. Так как этот подарок считается одним из высших, могущих быть пожалованными, было решено на этот раз вместо того, чтобы дать г-ну Вивиани подарок меньшего значения, пожаловать подарок сопровождавшей его г-же Вивиани. Таким образом, г-ну Вивиани был передан министром для его жены браслет из сапфиров и бриллиантов с маленьким бриллиантовым двуглавым орлом в виде затвора, каковой браслет был изготовлен в 1897 году для г-жи Люси Фор ввиду ожидавшегося тогда ее приезда с отцом президентом.

Г-ну Тома министр передал братину из нефрита с двуглавым орлом, украшенным рубинами.

О своей поездке в Москву оба министра высказывались с большим удовлетворением, говоря, что виденное ими превзошло их ожидания.

3 мая

Обед по случаю 25-летия русско-французского союза.

Речь министра иностранных дел на обеде.

Messieurs,

Le gouvernement impérial m'a chargé de Vous dire, en son nom, la vive satisfaction que nous cause Votre présence parmi nous ce soir. Cette tâche flatteuse répond entièrement à mes sentiments personnels et je m'en acquitte avec un plaisir extrême. Soyez donc les bienvenus, Messieurs, Vous qui représentez le gouvernement français et cette belle et noble terre de France à laquelle nous tenons par tant de liens solides d'affection, d'admiration et de communauté d'intérêts en présence de l'épreuve terrible que nous fait subir un ennemi sans honneur et sans scrupule, dont les mobiles sont un orgueil et une soif de domination comme le monde n'en a pas vu jusqu'ici.

Vous êtes venus pour dire à Vos alliés et amis de la première heure ce que Vous avez déjà fait et ce que Vous allez faire encore pour repousser l'agresseur, ainsi que pour Vous renseigner sur ce que nous de notre côté avons fait dans le même but. On ne Vous a rien caché ici et nous espérons qu'en nous quittant Vous remporterez la conviction que nous partageons la légitime colère que Vous fait éprouver l'abominable attentat commis par l'ennemi contre la paix du monde et que nous sommes aussi résolus que Vous mêmes de combattre jusqu'à l'heure du triomphe.

L'admirable résistance que la France offre à la poussée allemande dans la région de Verdun nous impose une dette de gratitude, car elle marque une étape dans l'histoire de la lutte des alliés contre les hordes germaniques. La France en sort grandie et couverte de lauriers, l'Allemagne — diminuée moralement et atteinte dans son prestige militaire. C'est d'un bon augure pour l'issue finale.

Attendons cette issue en luttant vaillamment ainsi qu'il sied à des francais et à des russes confiants les uns dans les autres et dans nos valeureux alliés. Cette confiance nous ménera à la gloire et nous aidera à délivrer l'Europe du joug le plus odieux dont elle ait jamais été menacée.

Je lève mon verre en l'honneur de nos hôtes, de la France qui nous les envoie et de la glorieuse armée française.

[Господа! Императорское правительство поручило мне от его имени выразить Вам то чувство живейшего удовлетворения, которое доставляет нам Ваше присутствие на этом

вечере. Это лестное для меня поручение вполне соответствует моим личным чувствам, и я исполняю его с громадным удовольствием. Позвольте же, господа, приветствовать Вас — представителей французского правительства и прекрасной и благородной Франции, с которой нас связывают тесные узы любви, восхищения и общности интересов перед лицом ужасного испытания, которому подвергает нас враг без чести и совести, движимый неслыханной до сих пор гордостью и жаждой власти.

Вы прибыли, чтобы рассказать Вашим союзникам и давнишним друзьям, что Вы сделали и что намерены сделать, чтобы отразить нападение врага, а также, чтобы узнать, что мы со своей стороны сделали, имея в виду ту же цель.

От Вас здесь ничего не скрывали, и мы надеемся, что, покидая нас, Вы унесете с собой убеждение в том, что мы разделяем тот справедливый гнев, который вызывает в Вас гнусное посягательство врага на мир на земле, и что мы, как и Вы, решили бороться до победного конца.

Сопротивление, оказываемое Францией натиску немцев в районе Вердена, вызывает у нас чувство восхищения и признательности и налагает на нас известные обязательства, так как оно отмечает новый этап в истории борьбы союзников с германскими полчищами. Франция выходит из него возвеличенной и увенчанной лаврами, Германия — морально униженной и пострадавшей в своем военном престиже. Для исхода борьбы это хорошее предзнаменование.

В ожидании этого исхода будем же мужественно бороться, как подобает французам и русским, с верой друг в друга и в своих доблестных союзников. Эта взаимная уверенность приведет нас к славной победе над врагом и поможет нам освободить Европу от самого ненавистного ига, которое когда-либо ей угрожало.

Я поднимаю свой бокал в честь наших гостей, Франции, приславшей их нам, и доблестной французской армии].

4 мая

Во время свидания с С.Д. Сазоновым английский и французский послы просили согласия министра на то, чтобы великобританский и французский посланники в Стокгольме передали Валленбергу письменное заявление приблизительно следующего содержания: Франция и Англия свидетельствуют на основании полученных ими от императорского правительства заверений, что укрепления, возведенные на Аландских островах, вызваны лишь необходимостью самообороны России против Германии и рассчитаны только на время нынешней войны. С.Д. Сазонов изъявил согласие на передачу союзными посланниками такого заявления письменно Валленбергу.

Гг. Вивиани и Тома отбыли из Петрограда за границу.

5 мая

Ввиду переезда министра иностранных дел 4-го мая в Царское Село, союзные послы были приняты бароном Шиллингом, когда, по обыкновению, они приехали в министерство в 12 часов, великобританский посол сообщил только что полученную им телеграмму, в которой английский посланник в Стокгольме спрашивал, может ли он уполномочить г-на Валленберга огласить в Риксдаге заявление, которое с согласия С.Д. Сазонова английский и французский представители должны были передать ему письменно. Сэр

Э. Хоуард указывал на крайнюю желательность дать Валленбергу просимое разрешение и притом спешно, до назначенного на другой день заседания Риксдага.

Французский посол со своей стороны сказал, что им получены из Стокгольма 3 телеграммы, но, к сожалению, они совершенно не поддались разбору. Он полагает, однако, что в одной из них французский посланник обращается с подобной же просьбой относительно французского заявления. Ввиду необходимости срочно ответить на полученный запрос, послы просили немедленных указаний. Барон Шиллинг заявил им, что, принимая во внимание согласие императорского правительства на оглашение письменного заявления о том же, сделанного т.с. Неклюдовым[1], а также уже последовавшее согласие министра иностранных дел на передачу союзными посланниками условленного заявления также письменно, барон Шиллинг считает возможным принять на себя высказать от имени С.Д. Сазонова согласие и на оглашение Валленбергом полученного им от французского и английского посланников письменного заявления. Послы выразили намерение тотчас телеграфировать в этом смысле в Стокгольм, а барон Шиллинг по их отъезде телефонировал в Царское Село С.Д. Сазонову, чтобы передать ему содержание этого разговора, и получил от него полное одобрение данного послам ответа.

В числе прочитанных барону Шиллингу великобританским послом телеграмм из Стокгольма была одна, в которой сэр Э. Хоуард высказывал мнение, что возникшая на почве аландского вопроса мгновенная тревога принесла нам значительную пользу, так как под влиянием ее многие шведы, до сих пор равнодушно относившиеся к деятельности активистов, теперь увидели, что эта деятельность может привести к войне, очнулись и сами стали усиленно бороться с опасной пропагандой активистов.

В 5 с половиной час. вечера барона Шиллинга посетил японский посол, который сообщил, что в ответ на имевшее недавно место обращение германского посланника в Стокгольме японскому представителю в Швеции поручено заявить, что его правительство не может входить в переговоры об отдельном мире, и что если Германия искренне желает выступить с мирными предложениями, таковые должны быть сделаны совместно правительствам Японии, Англии, Франции и России. К этому барон Мотоно прибавил, что г-н Ушида получил указания прибавить на словах, что если бы Германия сочла удобным передать упомянутые предложения союзникам через посредство Японии, последняя готова взять на себя эту роль.

Выслушав официальный ответ, который японскому посланнику поручено было дать г-ну фон Луциусу и содержание которого японский посол передал барону Шиллингу письменно, барон Шиллинг сказал, что императорское правительство, как и союзные правительства, не преминет ознакомиться с ним с чувством удовлетворения. На слова же барона Мотоно о добавочном поручении г-ну Ушида касательно посреднической роли Японии, барон Шиллинг не счел нужным отозваться, так как помнил, что такая постановка несколько противоречила заявленному г-ном Брианом требованию о том, чтобы германские предложения были сообщены всем союзникам непосредственно, но, с другой стороны, не предвидел возражений против такого посредничества со стороны С.Д. Сазонова в начальном фазисе переговоров, если бы таковые действительно наладились этим путем. Барон Шиллинг ограничился замечанием, что если бы даже немцы и откликнулись на сделанное японским посланником г-ну фон Луциусу заявление, то едва ли в настоящее время их мирные предложения оказались бы для нас приемлемыми. Поэтому следует скорее предположить, что если немцы

и выступят с подобными мирными предложениями, то лишь для того, чтобы потом постараться возложить на союзников перед нейтральными и, в особенности, перед Америкой ответственность за продолжение войны. Японский посол сказал, что и он придерживается этого мнения.

[1] См. док. № 30, а также прим. 4 к записи от 30 апреля 1916 г.

8 мая

Французский и великобританский послы сообщили барону Шиллингу, что союзные представители в Стокгольме поставлены в затруднительное положение, ибо передали Валленбергу с согласия С.Д. Сазонова письменное заявление в подкрепление заявления, переданного т.с. Неклюдовым; ныне же, после того как Неклюдов взял обратно свое заявление, английский и французский посланники недоумевают, должны ли они последовать этому примеру и взять назад свои заявления, теряющие смысл за отсутствием в руках Валленберга того документа, который они должны были подкрепить.

Барон Шиллинг ответил послам, что министр иностранных дел телеграфировал Неклюдову вновь передать Валленбергу напрасно отобранное у него заявление, помеченное 8-м января 1915 г.[1], а потому, казалось бы, английскому и французскому представителям следовало бы оставить в руках Валленберга и свои заявления.

[1] 9/22 мая 1916 г. А.В. Неклюдов вторично передал министру иностранных дел К. Валленбергу ноту, датированную 8 января 1915 г.

10 мая

Итальянский посол приехал в Министерство иностранных дел и, за отсутствием С.Д. Сазонова, был принят бароном Шиллингом. Маркиз Карлотти сообщил начальнику Канцелярии о том, что положение итальянской армии представляется весьма тяжелым и что ему предписывается просить помощи со стороны России. Вместе с тем посол выразил желание быть принятым министром в возможно непродолжительном времени.

11 мая

Вечером 11-го мая итальянский посол, узнав, что С.Д. Сазонов не мог приехать из Царского Села в Петроград в этот день, выразил барону Шиллингу намерение либо лично поехать в Царское Село к министру, либо посетить председателя Совета министров Б.В. Штюрмера.

12 мая

Итальянский посол посетил председателя Совета министров Б.В. Штюрмера и министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Посол передал председателю Совета министров, равно как и министру иностранных дел, настоятельное ходатайство итальянского правительства о помощи итальянской армии путем ускорения нашего наступления.

Уезжающему в этот день на Ставку Н.А. Базили было поручено передать ходатайство итальянского правительства генерал-адъютанту Алексееву.

13 мая

Во время посещения 13 мая советника Второго политического отдела сербский министр-президент Пашич и состоящий при нем министр Иованович во время беседы сделали следующее сообщение. Пашич заявил, что сербское правительство и он лично уверены в том, что на будущем мирном конгрессе Сербия будет допущена к участию в качестве воюющей на стороне Согласия державы. Он выразил сожаление, что заявление великих держав Бельгии касательно приглашения ее на будущий мирный конгресс не было также подтверждено и Сербии. По словам Пашича, участие сербского представителя в мирных переговорах принесет также огромную пользу державам Согласия, так как облегчит им сложный труд разбираться во всех вопросах, связанных с восстановлением Сербского королевства. Пашич прибавил, что с просьбой о приглашении Сербии на конгресс он уже обратился к министру иностранных дел, от которого получил ответ, что принципиально Сербия имеет бесспорные права на непосредственное участие в будущих переговорах, но что он вместе с тем ожидает сильной оппозиции в этом отношении со стороны Италии.

Пашич сказал также, что по полученным им недавно от королевича Александра сведениям, успешное наступление Солунской союзной армии возможно будет в том случае, если помимо прибывающих сербских войск на македонский фронт будет прислано еще 50 батальонов союзных. Об этом Пашич будет говорить в Лондоне, так как, по-видимому, при настоящих обстоятельствах только одни англичане могли бы послать нужные подкрепления. Он был бы также признателен, если бы русское правительство нашло возможным, воспользовавшись приездом сюда лорда Китченера, настоять перед ним на осуществлении этой меры.

Иованович говорил главным образом о наступлении того момента, когда сербская армия начнет отвоевывать и занимать части сербской территории. По его предположению, даже частичный успех в этом направлении имел бы громадное значение, как политическое, так и стратегическое. По его словам, сербское правительство в ближайшее время предполагает перенестись сначала в Салоники, а затем перебраться во Флорину, занятую англо-французским отрядом. Следующим ближайшим этапом и вместе с тем началом восстановления Сербии было бы занятие города Монастыря, где сербское правительство чувствовало бы себя уже дома и обратилось бы с приличествующим случаю воззванием к сербскому народу. В городе Монастыре немедленно начали бы функционировать все высшие государственные административные учреждения, а также в лице митрополита водворилась бы и высшая духовная власть. От Монастыря отвоевание сербской территории стало бы распространяться к северу и востоку. По мнению г-на Иовановича, осуществление этого плана, ввиду нахождения теперь Монастыря всего на расстоянии 30 километров от линии союзных войск, не представит особых трудностей.

13 мая

Утром итальянский посол посетил министра иностранных дел и барона Шиллинга и еще раз просил о скорейшей помощи со стороны России.

В 5 часов вечера маркиз Карлотти вторично приехал к барону Шиллингу для передачи личной телеграммы короля Виктора-Эммануила государю императору с просьбой о помощи Италии[1].

[1] 18/31 мая 1916 г. Николай II направил итальянскому королю телеграмму, в которой сообщал о намеченном на 4/17 июня 1916 г. досрочном наступлении российской армии на австрийском фронте «с целью помочь храбрым итальянцам», несмотря на установленный военным советом союзников срок общего наступления на всех фронтах. — См.: Красный Архив. — 1929. — Т. 1(32). — С. 52. — Прим. 1.

26 мая

Отъезд министра иностранных дел в сопровождении начальника Канцелярии на Ставку верховного главнокомандующего.

27 мая

Министр иностранных дел прибыл на Ставку около полудня и в 2 с половиной часа виделся с генерал-адъютантом Алексеевым. Разговор коснулся главным образом вопроса об отношении к румынским домогательствам в связи с провозом через Россию заказанных Румынией во Франции и Англии предметов вооружения. Министр указывал на желательность, не преувеличивая предупредительности в этом вопросе, вместе с тем выполнять раз данные обещания, дабы не подрывать значения данного императорским правительством слова. Соглашаясь с этим, начальник Штаба полагал, что следует удовлетворить румынские пожелания, насколько это необходимо для поддержания добрых отношений с Румынией, нисколько не стремясь к вооруженному выступлению ее на нашей стороне, так как, по мнению генерала, такое выступление со стратегической точки зрения едва ли настолько важно, чтобы оправдать то вознаграждение в политическом смысле, которое румыны несомненно за него потребуют. Разговор коснулся также и польского вопроса и, в частности, той записки, которая была составлена в Министерстве иностранных дел бароном Нольде и уже сообщена доверительно генерал-адъютанту Алексееву через посредство камергера Базили[1]. В этом вопросе министр иностранных дел и начальник Штаба оказались вполне единомышленниками, и генерал-адъютант Алексеев, уже докладывавший государю о необходимости по военным соображениям привлечь на свою сторону всех поляков, обещал вновь поддержать перед его величеством предложение С.Д. Сазонова. Наконец, министр иностранных дел затронул вопрос о Кульдже. Считая ошибкой состоявшееся в 81-м году возвращение Китаю смежного с нашими владениями богатого Илийского края, могущего вместить многочисленное русское население, С.Д. Сазонов уже давно мечтал о присоединении такового к России при первом удобном случае[2]. Такой случай, по мнению министра, представляется ныне, когда с исчезновением Юаньшикая центральное правительство в Пекине более, чем когда-либо слабо, а в Кульдже недавно обнаружились беспорядки, могущие послужить удобным предлогом для вмешательства России и занятия края русскими войсками. Вопрос лишь в том, можем ли мы сами при нынешних условиях и крайнем напряжении всех наших военных сил уделить хотя бы незначительную часть войск на подобную задачу. Генерал-адъютант Алексеев отнесся весьма сочувственно к высказанным С.Д. Сазоновым предположениям и со своей стороны обещал выделить необходимую, по его мнению, весьма незначительную воинскую часть с соответствующей артиллерией для осуществления означенных предположений.

Доклад министра иностранных дел у государя императора был назначен в 7 часов, и, прибыв к этому времени в губернаторский дом, где имел пребывание его величество, С.Д. Сазонов встретился с военным министром, как раз выходившим от государя после своего доклада.

Генерал Шуваев поспешил сообщить министру иностранных дел, что он только что продолжительно говорил государю о польских делах. Зная несколько прямолинейный национализм военного министра, С.Д. Сазонов немного встревожился, опасаясь той точки зрения, с которой генерал мог коснуться этого сложного вопроса, но, к немалому его удивлению, Д.С. Шуваев сказал ему, что он настойчиво советовал государю быть щедрым в отношении поляков, вполне того заслуживших своим отношением к России за эту войну, и, не останавливаясь на полпути, великодушно осуществить заветные чаяния польского народа (как оказалось, впоследствии генерал Шуваев говорил в этом смысле государю под влиянием генерал-адъютанта Алексеева).

Войдя к его величеству, министр иностранных дел был встречен крайне милостиво, причем государь говорил, что он никогда так долго не оставался без того, чтобы видеть С.Д. Сазонова, и что он уже давно хотел его выписать на Ставку. Из текущих дел министр прежде всего доложил о состоянии переговоров с Японией, которые теперь привели почти к полному соглашению, если не считать статьи 5 секретного договора, относительно которой впрочем нет разногласия по существу, так как содержание ее вошло уже в японскую памятную записку и с нашей стороны поэтому не может быть особых возражений против просимого японцами опущения этой статьи из текста самого договора. Государь император изъявил свое согласие на принятие представленных ему С.Д. Сазоновым текстов, как открытого, так и секретного договоров[3] и уполномочил министра на подписание таковых, как только японское правительство, со своей стороны, на это согласится. По поводу Персии государь император одобрил предположение касательно увеличения казачьей бригады и финансового контроля, а также ввиду заявления министра, что пребывающий в Петрограде Зилли-Султан ни за что не уедет в Персию, не представившись предварительно его величеству, государь соизволил на принятие его вместе с сыном принцем Исак-Мирзой на Ставке в Могилеве. Высочайшего одобрения удостоились и предположения министра иностранных дел касательно Илийского края, уже послужившие предметом обсуждения с генерал-адъютантом Алексеевым. На эти вопросы, а также и на некоторые второстепенные предметы пошло около 50-ти минут, а потому, увидавши, что до 8-ми часов, т.е. до обеда, остается не более 7-ми минут, министр сказал государю, что этого ему недостаточно для доклада по остающемуся важному вопросу будущей судьбы Польши. Его величество тотчас предложил отложить этот вопрос на послеобеденное время и ввиду заявления С.Д. Сазонова, что было бы полезно привлечь к обсуждению этого предмета начальника Штаба, государь тут же сам протелефонировал генерал-адъютанту Алексееву, приглашая его явиться к нему вечером.

Высочайший стол был накрыт в палатке в саду губернаторского дома и к нему по обыкновению собрались находившиеся на Ставке великие князья, иностранные военные агенты, высшие генералы и чины царской свиты. После обеда государь разговаривал в саду с некоторыми из приглашенных.

Тут же генерал-адъютант Иванов, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом, излагал барону Шиллингу свои мысли по поводу Румынии. Видимо, сетуя на последнюю за то, что в свое время она своим выступлением не оказала поддержки развивавшимся на Карпатах военным действиям нашей армии, генерал-адъютант

Иванов говорил про Румынию с явным раздражением и высказывал надежду, что мы теперь обойдемся без нее и что, оттягивая свое выступление, она в конце концов с ним до того запоздает, что лишится права требовать себе что бы то ни было и таким образом будет наказана, не успев осуществить своих вожделений. Эти слова, в известной степени напоминающие и сказанное министру иностранных дел генерал-адъютантом Алексеевым, по-видимому, отражают господствующее в армии настроение по отношению к Румынии.

Около 9 с половиной часов государь простился со всеми и прошел в свой кабинет, куда за ним последовал министр иностранных дел и куда пришел также начальник Штаба, никогда почти не обедающий за высочайшим столом из-за недостатка времени. С.Д. Сазонов подробно изложил государю все изложенные в его записке доводы в пользу скорейшего проявления намерений России касательно разрешения польского вопроса. Указав на то, что, ища выход из создавшегося положения, он стремился найти таковой без умаления прав государя и без нарушения интересов России, С.Д. Сазонов прочел приложенный к записке проект будущего устройства Польши[4].

Государь слушал весьма внимательно, вникая во все подробности, и сказал, что много обдумывал за последнее время этот вопрос и пришел к убеждению в правильности изложенных соображений. Он оставил у себя записку и проект, чтобы еще изучить таковые, и сказал, что теперь остается обсудить все это еще в Совете министров.

С.Д. Сазонов откровенно признался, что ожидает в среде последнего немало возражений со стороны некоторых из своих сотоварищей. По мнению государя, этим возражениям не следует придавать чрезмерного значения. Министр иностранных дел и начальник Штаба вынесли впечатление, что государь, долго обдумывавший за последнее время польский вопрос, ныне склоняется в пользу разрешения его согласно предложению С.Д. Сазонова.

---

[1] В записке, составленной в министерстве, датированной 17/30 апреля 1916 г. и доложенной Николаю II в Ставке 27 мая/9 июня 1916 г., намечались три возможных решения польского вопроса: 1) «независимость Царства польского», 2) «самобытное существование Царства в единении с Россией», 3) «более или менее широкое самоуправление края». Высказываясь против первых двух путей разрешения вопроса, автор записки управляющий Юрисконсультской частью Б.Э. Нольде писал: «Только средний путь ведет к цели. Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устроения внутренней политической жизни края».

[2] Согласно заключенному в Петербурге 12/24 февраля 1881 г. договору между Россией и Китаем Россия согласилась на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом российскими войсками в 1871 году — См.: Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 (далее — Русско-китайские договорно-правовые акты...). — М., 2004. — С. 117–124.

[3] Русско-японский договор, подлежащий опубликованию, а также секретное соглашение были подписаны в Петрограде 20 июня/3 июля 1916 г. — См. док. № 31 и 32.

[4] См.: Ф. 138, оп. 467, д. 713, л. 41–46.

28 мая

Утром в вагон министра иностранных дел принесли от государя разные бумаги, в том числе и письмо, недавно полученное его величеством от шведского короля, по аландскому вопросу[1]. После завтрака у государя в 12 с половиной часов его величество подошел

к министру иностранных дел и поручил ему прислать схему ответного письма шведскому королю, каковое письмо государь выразил намерение написать сам по-английски[2]. По этому поводу С.Д. Сазонов высказал мысль о желательности постараться выговорить от шведов обещание сохранить нейтралитет до конца войны, а также спросил государя, может ли он понять сделанную его величеством карандашом на конверте пометку «креп[ость] Буден.» как указание на желательность добиться разоружения и этой шведской крепости на нашей границе. Государь ответил, что он только наметил это для памяти, но что толкование, приданное министром, может быть принято в соображение.

В 5 часов министр отбыл из Ставки в одном поезде с военным министром в Петроград. Весь день на расстоянии получаса один за другим шли с севера на юг воинские поезда, главным образом с кавалерией, перебрасываемой на Юго-Западный фронт, где развивались наши успехи над австрийцами.

[1] В письме от 24 мая 1916 г. шведский король Густав V просил российского императора лично принять «дружеское участие» в решении аландского вопроса, что, по мнению Густава V, «облегчит ведение переговоров между двумя странами». — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 188–189.

[2] В ответном письме шведскому королю от 4/17 июня 1916 г. Николай II подчеркнул, что нет никаких оснований для «тревоги в связи с этим вопросом», и напомнил, что российское правительство дало шведской стороне в 1915 году «откровенные и успокоительные объяснения относительно истинного значения оборонительных работ на некоторых из Аландских островов». Он также заверил, что Россия готова вступить в новые переговоры со Швецией по этому вопросу. — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 203–204.

29 мая

Не доезжая до Петрограда, министр иностранных дел остановился в Царском Селе.

Днем румынский посланник позвонил к барону Шиллингу по телефону и сказал, что должен сделать важное сообщение по поручению своего правительства. Барон Шиллинг ответил ему, что, со своей стороны, мог бы лишь принять слова посланника ad referendum [к докладу], и предложил отложить сообщение до следующего дня, когда министр приедет в город. Г-н Диаманди с этим согласился.

30 мая

Румынский посланник явился к министру иностранных дел для передачи по поручению своего правительства официального протеста против нарушения неприкосновенности румынской территории в местечке Маморнице, где русские войска во время боя с австрийцами вступили в пределы Румынии. Министр ответил посланнику, что, насколько ему известно, инцидент сам по себе не имеет большого значения, но что он не может не высказать г-ну Диаманди своего удивления по поводу недружелюбного тона, в котором Братиано протестовал по этому поводу перед императорским посланником в Бухаресте. Министра особенно неприятно поразило заявление Братиано д.с.с. Поклевскому, что, если русские войска не будут немедленно отозваны с румынской территории, румынским войскам, отправленным в Маморницу, будет предписано удалить их силой.

Г-н Диаманди поспешил заверить, что Братиано, наверное, не имел в виду сказать что-либо недружелюбное по отношению к России; по крайней мере, в полученной им, Диаманди, телеграмме нет ни слова в смысле возможности вооруженного столкновения

между русскими и румынскими войсками. Быть может, он в первую минуту не вполне удачно выразился, что может быть объяснено его беспокойством за последствия для Румынии создавшегося положения. Вообще, по словам г-на Диаманди, многие в Бухаресте, по-видимому, были склонны думать, что русские войска вступили на румынскую почву нарочно, чтобы этим путем вовлечь Румынию в войну.

С.Д. Сазонов самым решительным образом возражал против такого предположения и сказал: «Напрасно Вы думаете, что мы так жаждем Вашего выступления. Если Румыния пожелает ныне принять участие в войне, мы встретим это решение очень сочувственно, и, я думаю, оно послужит на пользу прежде всего самой же Румынии. Если же Вы еще раз упустите удобную минуту и Ваши национальные вожделения останутся неосуществленными, Вам придется сетовать лишь на самих себя. Как Вы знаете, я только что вернулся из Ставки и могу Вас уверить, что там относятся довольно равнодушно к вопросу о Вашем выступлении. Все, что от Вас хотят, заключается лишь в том, чтобы Вы оставались спокойными».

6 июня

Воспользовавшись разговором наедине с министром иностранных дел после завтрака в яхт-клубе, румынский посланник выразил сетование на задержки, испытываемые провозом румынского оружия через Россию, и просил С.Д. Сазонова оказать содействие к благоприятному разрешению этого вопроса. Министр заявил, что им в этом отношении уже приняты все зависящие от него меры, но указал на затруднительность своего положения ввиду недоверия, которое естественно вселяет здесь во многих, в том числе и в членах Совета министров, неопределенная политика Румынии. С.Д. Сазонов еще раз повторил все доводы, оправдывающие отношение к румынским грузам, со стороны как военных, так и гражданских властей России. Он прибавил, что румынскому правительству легко было бы помочь делу, если бы оно согласилось поскорее подписать военное соглашение, которое явилось бы обеспечением для нас, что румынские военные грузы не напрасно будут задерживать движение на и без того уже перегруженных наших железных дорогах. В оправдание отказа Братиано от немедленного подписания военного соглашения румынский посланник ссылался на опасность, которую представила бы для Румынии возможная огласка такого соглашения. На это С.Д. Сазонов возражал, что соглашение могло бы быть заключено в том виде, в каком состоялось в свое время англо-французское военное соглашение, которое являлось лишь, так сказать, техническим договором между военными штабами обеих сторон на случай, если бы армиям обоих государств пришлось участвовать в совместных военных действиях.

Румынский посланник обещал телеграфировать в Бухарест, чтобы передать высказанное С.Д. Сазоновым мнение.

6 июня

Барона Шиллинга посетил г-н Марк Валленберг, вновь приехавший из Стокгольма по делу о Московском городском телефоне. Говоря о настроении в Швеции, он самым решительным образом утверждал, что огромное большинство шведского народа стоит за сохранение нейтралитета, и что небольшая кучка активистов не может вызвать осложнений, как это доказала недавно благополучно закончившаяся вспышка шови-

низма на почве Аландского вопроса. Барон Шиллинг упомянул о странной роли, сыгранной по этому случаю риксмаршалом графом Дугласом. Г-н Валленберг поспешил заверить, что граф Дуглас не имеет никакого значения в стране, так как влияние его ограничивается узким придворным кругом. По словам г-на Валленберга, в Швеции особенным весом пользуются торгово-промышленные, финансовые и земледельческие круги, которые все настаивают на сохранении нейтралитета. В подтверждение этих слов шведский финансист привел недавнее обращение к печати означенных кругов, взывавших к благоразумию печати, приглашая ее действовать умеряющим образом на правительство и общественное мнение. Кроме того, г-н Валленберг напомнил, что во время расторжения унии с Норвегией[1] Швеция была отлично вооружена и легко могла справиться с совершенно неподготовленной Норвегией. Тем не менее, она устояла против искушения силой удержать Норвегию только потому, что она ясно сознавала, что, легко достигнув временной победы, она создаст себе под боком непримиримого врага, борьба с коим поглотит ее силы на многие годы. На этот пример г-н Валленберг сослался как на доказательство уравновешенности и дальновидности шведов, прибавив, что если Швеция в 1915 году проявила столько мудрости, то тем паче она теперь не бросится легкомысленно в борьбу с могущественной соседкой — Россией, при меньшем вероятии хотя бы временного успеха и еще большей уверенности в гибельных последствиях такой борьбы для будущего.

[1] Уния была расторгнута в 1905 году.

9 июня

Г-н Марк Валленберг был принят министром иностранных дел, которому он повторил приблизительно то же, что говорил барону Шиллингу 6-го июня, причем С.Д. Сазонов, со своей стороны, высказал ему неудовольствие, вызываемое в России постепенно возвращающимися вспышками шведского активизма[1], а также свои сетования на личный состав шведской миссии в Петрограде.

[1] Так в документе.

12 июня

Так как министр иностранных дел по случаю воскресенья не приехал из Царского Села, то французский посол посетил барона Шиллинга и с первых же слов заявил, что ему поручено правительством Республики самым решительным образом настаивать на оборудовании перевозки румынских грузов из Архангельска и Владивостока. Он объяснил, что во Франции горячо желают скорейшего выступления Румынии, а так как Братиано в оправдание дальнейшей затяжки этого выступления постоянно ссылается на неполучение через Россию необходимых Румынии предметов военного снаряжения, г-н Бриан считает необходимым отнять у румынского министра возможность ссылаться на этот предлог. Г-н Палеолог изложил пожелания французского правительства в частном письме на имя министра иностранных дел, каковое он просит доставить С.Д. Сазонову непременно в тот же день, и надеется, что министр, по надлежащем сношении с генералом Алексеевым, найдет возможным дать вполне удовлетворительный ответ; в противном случае посол намерен испросить высочайшего приема у государя импера-

тора, дабы исходатайствовать личное вмешательство его величества в это дело, которому французское правительство придает большое значение.

Барон Шиллинг сказал, что в тот же день перешлет письмо министру и что не считает себя вправе вступать официально в дальнейшее обсуждение затронутого вопроса. Тем не менее, барон Шиллинг выразил готовность по просьбе посла высказать совершенно частным образом свое личное мнение. Не отрицая того, что перевозка румынских грузов отчасти задерживается вследствие недостатка сочувствия к этому делу со стороны русских военных и гражданских властей ввиду известного недоверия их к Румынии, барон Шиллинг напомнил, что эта задержка в значительной степени объясняется и материальными затруднениями, с которыми, как известно, нам приходится бороться в нашем железнодорожном деле. Вследствие сего, раз французское правительство придает такое значение перевозке румынских грузов, оно должно бы прежде всего облегчить фактическую осуществимость этой перевозки путем скорейшего удовлетворения обращенной недавно к нему просьбы об отпуске России тысячи мощных бельгийских паровозов, а также соответствующего воздействия на Румынию, чтобы побудить ее в своих же собственных интересах исполнить сообщенные ей наши пожелания относительно австрийского подвижного состава в Буковине. Наоборот, заявления в Бухаресте, подобно тем, которые только что предписаны французским правительством Блонделю (телеграмма из Парижа № 433), могут скорее всего иметь отрицательные последствия, так как чем больше союзники будут увещевать румын выступить, тем более последние возомнят о себе в предположении, что союзники крайне нуждаются в их выступлении, и что поэтому Румынии выгоднее оттягивать таковое, заламывая все большую цену за свое вооруженное содействие. «Никто, больше нас, — сказал барон Шиллинг послу, — не может более дорожить выступлением Румынии, войска которой могли бы непосредственно поддержать именно наш левый фланг, а потому можно быть уверенным, что Россия более, чем кто-либо, была бы готова сделать все необходимое для выступления Румынии. Но все это предполагает одно непременное условие: а именно, чтобы выступление Румынии было своевременным; если бы румыны выступили сейчас или, по крайней мере, в ближайшие недели, их содействие имело бы для нас большую ценность. Но если их наступление должно состояться лишь когда нашими победами и жертвами сокрушение Австрии будет уже достигнуто, тогда выступление Румынии будет не только лишним, но и нежелательным, так как с ним будет только связан подлежащий к уплате бесцельный счет. Мы хотим лишь полезного для нас выступления Румынии, во Франции, по-видимому, готовы приветствовать всякое выступление Румынии, при каких обстоятельствах и когда бы оно ни состоялось.

Г-н Палеолог не отрицал некоторой разницы между русской и французской оценками румынского выступления, но оправдывал проявляемую в этом отношении французским правительством некоторую нервность «невольной усталостью, которая начинает замечаться во французском народе». Посол объяснил эту усталость огромными потерями, испытанными за последнее время: по его словам, оборона Вердена до сих пор стоила Франции 310 000 человек, и хотя противник со своей стороны потерял под стенами названной крепости 450 000 человек, все же испытанный французской армией урон особенно чувствителен ввиду сравнительной скудости населения во Франции.

Около 5 часов французский посол, вызвав барона Шиллинга по телефону, передал, что представлялось бы весьма желательным ускорить предполагаемое пожертвование Георгиевского креста городу Вердену, так как им получены сведения о том, что при

нынешних обстоятельствах приходится считаться с возможностью падения крепости. Г-н Палеолог просил передать это ходатайство министру иностранных дел.

17 июня

У барона Шиллинга одновременно сошлись три союзных посла — английский, французский и итальянский, причем г-н Палеолог прочел полученные им из Парижа телеграммы, из которых явствовало следующее: генерал Жоффр поручил французскому военному агенту в Бухаресте изложить все доводы с военной точки зрения в пользу скорейшего выступления Румынии. На соответствующее заявление майора Пишона генерал Ильеско ответил, ручаясь при этом, что он высказывает мнение самого короля, что если Румынии будет указан определенный срок прибытия первого поезда с ожидаемым военным снаряжением, то мобилизация румынского войска будет объявлена за 40 дней до указанного срока. Генерал Жоффр, в свою очередь, поручил майору Пишону ответить на это, что первый поезд со снаряжением мог бы, по всей вероятности, прибыть в Румынию уже 15 июля, а за ним последовали бы и другие, если только Румыния действительно решилась на выступление. Французский посол был склонен считать эти сведения весьма благоприятными. Барон Шиллинг возражал, что сама по себе румынская мобилизация не может считаться уступкой требованиям держав Согласия. Напротив того, мобилизованная, но не связанная обязательством выступления в определенный срок на стороне Согласия, Румыния может оказаться даже менее удобной для нас, нежели до сих пор не мобилизованная Румыния, а потому казалось бы необходимым настаивать на ясном заявлении со стороны Румынии, что она обязывается выступить против Австро-Венгрии в определенный кратчайший срок. Великобританский и итальянский послы присоединились к этому мнению, тогда как г-н Палеолог вновь поддерживал французскую точку зрения на желательность выполнения всех требований Румынии, только бы она выступила, безразлично когда состоится это выступление.

Барон Шиллинг снова горячо оспаривал этот взгляд, указывая на то, что нам следует руководствоваться не удобствами Румынии, а лишь собственной пользой, что заставляет признать удовлетворение румынских пожеланий целесообразным, лишь поскольку выступление Румынии принесет союзникам непосредственную пользу, тем более, что оплачивать услуги Румынии придется не Франции, а главным образом России, ибо Россия должна перевозить румынское вооружение за счет перевозок своих собственных боевых припасов, и России же ближе всего касаются те части австро-венгерских земель, на которые простираются румынские вожделения.

19 июня

Отъезд г-на Диаманди из Петрограда в Бухарест.

20 июня

Подписание русско-японского договора[1].

[1] См. док. № 32.

27 июня

Отъезд министра иностранных дел в сопровождении начальника Канцелярии барона Шиллинга на царскую Ставку.

28 июня

Члены Совета министров в полном составе прибыли на царскую Ставку в Могилев.

Вскоре по приезде министр иностранных дел в сопровождении барона Шиллинга отправился в Дипломатическую канцелярию, где Муравьев доложил составленный в Штабе верховного главнокомандующего проект военного соглашения с Румынией. Этот проект не вызвал возражений со стороны министра, за исключением статьи 5, для которой была тут же выработана видоизмененная редакция с целью обеспечить возможность привлечения румынских войск в интересах общего дела союзников не только в областях, ближе интересующих Румынию, но и в других направлениях.

Днем министр посетил генерал-адъютанта Алексеева, который вполне одобрил предложенное видоизменение статьи 5 соглашения. Из опасения, однако, что видоизменение это не будет принято румынами, было решено поручить полковнику Татаринову предварительно нащупать почву и включить в соглашение предположенное дополнение лишь в том случае, если окажется возможным получить на него согласие Братиано.

По поводу польского вопроса генерал-адъютант Алексеев сообщил С.Д. Сазонову, что, затронув этот предмет на утреннем своем докладе в этот день, он услышал от государя следующие слова: «Я начинаю думать, что разрешение этого вопроса является теперь действительно своевременным».

Вернувшись на вокзал, где министры остановились в своих вагонах, С.Д. Сазонов встретил министра народного просвещения графа Игнатьева, который сказал ему, что он видел только что уехавшего в Петроград члена Государственного совета графа Велепольского. Последний просил передать С.Д. Сазонову, что после завтрака у государя он удостоился всемилостивейшей беседы и был уполномочен его величеством объявить своим соплеменникам, что в ближайшем времени появится манифест, дарующий новое положение Польше.

В 6 часов под председательством государя императора собрался Совет министров, посвященный главным образом вопросам снабжения армии, устройства тыла и обеспечения продовольствием. Было решено объединить деятельность существующих комитетов, подчинив их председателю Совета министров. Кроме того, был решен вопрос о новом призыве для пополнения понесенных в последних боях потерь. Намекая на разногласие, возникшее между председателем Совета министров и министром земледелия, государь император призывал к прекращению внутреннесоветских[1] неладов.

В ожидании обеда за высочайшим столом, накрытым в палатке в губернаторском саду, обергофмаршал граф Бенкендорф рассказал барону Шиллингу, что после завтрака в той же палатке его величество, разговаривая с разными лицами, медленно приближался в графу Велепольскому, видимо, готовясь сказать ему нечто особенное. Действительно, во время непродолжительного разговора, которым был удостоен граф Велепольский, ему было дано обещание, о котором говорил граф Игнатьев.

После обеда государь назначил приемы министрам земледелия и юстиции. Когда егермейстер Наумов вышел из кабинета его величества, он обнял ожидавшего в соседней комнате А.А. Хвостова и сказал ему: «Поздравьте меня. Я освобожден от своих обязанностей». Поставленный ребром А.Н. Наумовым вопрос о невозможности дальнейшего пребывания в Совете одновременно его и Б.В. Штюрмера привел к отставке министра земледелия.

[1] Так в документе.

29 июня

Всеподданнейший доклад министра иностранных дел был назначен тотчас после завтрака у государя императора. Доложив его величеству текущие дела, касающиеся переговоров с Румынией, нашего положения в Персии и пр., С.Д. Сазонов сказал государю, что граф Велепольский осведомил его об услышанных им высокомилостивых словах касательно предполагаемого манифеста. Государь подтвердил эти слова и спросил С.Д. Сазонова, как, по его мнению, лучше всего осуществить намеченное дело. Министр откровенно ответил, что если это дело будет поручено людям, не сочувствующим ему, то мудрое и великодушное решение его величества может быть искажено и все дело испорчено. Сначала С.Д. Сазонов думал, что выработка текста манифеста должна была бы быть поручена комиссии с участием членов Совета министров и нескольких видных поляков, но по зрелом обсуждении этого вопроса он пришел к заключению, что предпочтительно поручить означенную работу одному лицу, а именно государственному секретарю Крыжановскому. Государь вполне одобрил эту мысль и уполномочил министра иностранных дел передать С.Е. Крыжановскому высочайшее повеление изготовить проект манифеста со включением в него главных основ будущей автономии Польши, заключающихся в составленной Министерством иностранных дел записке, дабы поляки увидели в этом акте не только выражение доброжелательности, но и положительные обещания.

Министр в тот же день отбыл обратно в Петроград. В том же поезде следовал военный министр[1] и министр юстиции А.А. Хвостов.

[1] Д.С. Шуваев.

1 июля

С.Д. Сазонов передал государственному секретарю Крыжановскому высочайшее повеление выработать манифест о будущем устроении Польши и сообщил об этом председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру.

2 июля

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов отбыл для двухнедельного отдыха в Финляндию.

5 июля

Французский посол дал завтрак в честь отправляющегося к месту служения нового французского посланника в Бухаресте графа де Сент Олэра и находившегося в Петрограде проездом во Францию индокитайского генерал-губернатора г-на Рума. После

завтрака у г-на Сент Олэра был продолжительный разговор о румынских делах с бароном Шиллингом. Последний обратил серьезное внимание графа Сент Олэра на крайне неблагоприятное впечатление, которое произведут на русское общественное мнение сделанные румынам земельные уступки в Буковине, как только таковые станут известными. Когда же, кроме того, узнают, что уступки эти были сделаны под влиянием или даже давлением Франции, то недовольство ими неминуемо обратится против наших союзников, что, разумеется, крайне нежелательно во всех отношениях. Французский посланник обещал иметь в виду это обстоятельство и указывать на него своему правительству, если это окажется нужным. Он также взялся отвезти в Бухарест письмо барона Шиллинга императорскому посланнику Поклевскому-Козеллу, в котором подробно изложены те же соображения.

6 июля

6-го июля шведский посланник посетил управляющего Министерством гофмейстера Нератова для передачи ноты с протестом по поводу потопления «Сирии» и вместе с тем сообщил А.А. Нератову, что шведское правительство желало бы приступить к переговорам по аландскому вопросу. Посланник просил сообщить ему, будут ли эти переговоры вестись в Петрограде или в Стокгольме. Управляющий Министерством ответил посланнику, что министр иностранных дел в непродолжительном времени вернется в Петроград и что по возвращении С.Д. Сазонова генерал Брандстрем будет немедленно поставлен в известность о пожеланиях императорского правительства в этом вопросе.

6 июля

Фельдъегерь привез из Ставки личное письмо государя императора на имя министра иностранных дел. В тот же вечер барон Шиллинг повез это письмо в санаторию Рауха в Финляндию, где находился С.Д. Сазонов.

8 июля

В Ставку отправлено привезенное накануне вечером бароном Шиллингом из Финляндии ответное письмо С.Д. Сазонова его императорскому величеству.

10 июля

Обнародованы высочайший рескрипт на имя С.Д. Сазонова и указы об увольнении его от должности министра иностранных дел[1], о назначении на его место председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, а также о назначении министром внутренних дел А.А. Хвостова и министром юстиции сенатора Макарова.

[1] 7/20 июля 1916 г. С.Д. Сазонов был уволен от должности министра иностранных дел с назначением в Государственный совет.

14 июля

А.А. Нератов поехал утром к Б.В. Штюрмеру на Елагин остров, а потому союзным послам было передано по телефону, что товарищ министра их примет лишь в 5 часов

дня. Тем не менее, в то время, как у барона Шиллинга около полудня сидел итальянский посол, французский посол спросил по телефону, может ли он тотчас приехать ввиду спешности порученного ему сообщения. Прибыв через несколько минут после этого, г-н Палеолог в присутствии маркиза Карлотти сказал барону Шиллингу, что французское правительство придает первостепенное значение выступлению Румынии и настоятельно просит императорское правительство не затруднять соглашения, а напротив того, самой широкой уступчивостью требованиям Братиано содействовать скорейшему окончанию переговоров в желательном смысле. Барон Шиллинг возражал, что союзниками сделаны уже слишком широкие уступки румынам, и что дальнейшие шаги в этом направлении не только не соответствуют достоинству держав, но и едва ли приведут к цели, укрепляя Братиано в убеждении, что он может всегда выторговать еще что-нибудь. Г-н Палеолог с жаром доказывал, что ценность скорейшего выступления Румынии далеко превосходит ценность требуемых от союзников уступок. Барон Шиллинг отвечал, что уступки, делаемые нами румынам, кажутся малоценными французам лишь потому, что все эти уступки делаются главным образом за счет России. Французский посол указывал на сильное возбуждение, охватившее его соотечественников, и предостерегал, что если теперь переговоры с Румынией не приведут к выступлению последней, то во Франции будет сильное разочарование, причем, так как ответственность за неуспех переговоров будет возложена на Россию, это вызовет сильнейшее негодование против нее, — что крайне нежелательно с точки зрения интересов франко-русского союза. На это барон Шиллинг также с жаром возражал, что русское общественное мнение в свое время равным образом возложит на Францию ответственность за все уступки, сделанные Румынии, — что не менее опасно с точки зрения интересов союза. Тогда г-н Палеолог в оправдание настойчивости своего правительства в этом вопросе заявил, что утомление войной, замечаемое во Франции, и беспокойство за будущее столь велики, что правительство не может с ними не считаться: в выступлении Румынии Франция видит последнее средство перетянуть чашу весов на свою сторону, так как понесенные в последних боях тяжелые потери заставляют призадуматься, долго ли еще Франция может выдержать такое испытание. Посол заключил словами: «Je dois Vous dire que nous n'avons plus un seul homme dans nos dépôts» [Я должен Вам сказать, что у нас не осталось ни одного человека на призывных пунктах]. Барон Шиллинг доказывал ему ошибочность стремления возлагать чрезмерные надежды на одно лишь выступление Румынии, которое, очевидно, не придаст Франции недостающих ей резервов и едва ли изменит в чем-либо положение на французском фронте.

Разговор, по свидетельству присутствовавшего итальянского посла, носил весьма оживленный характер. Когда вслед за тем в 5 часов дня г-н Палеолог приехал к А.А. Нератову, он, видимо, несколько успокоился, но, тем не менее, передал товарищу министра убедительную просьбу во внимание к ходатайству Франции пойти на все возможные уступки по отношению к Румынии.

15 июля

Министр иностранных дел Б.В. Штюрмер вступил в управление министерством и обошел все департаменты и отделы, знакомясь с чинами министерства.

21 июля

В 5 часов пополудни шведский посланник посетил на Елагином острове министра иностранных дел Б.В. Штюрмера. Генерал Брандстрем повторил министру уже переданное им перед этим управляющему министерством гофмейстеру Нератову пожелание шведского правительства о приступлении к переговорам по аландскому вопросу.

25 июля

При посещении А.А. Нератова, как обыкновенно, в 12 часов дня, французский посол сообщил, что им получена телеграмма от президента Французской республики на имя государя императора с увещаниями согласиться на дальнейшие уступки Румынии для скорейшего заключения с последней предположенных соглашений. Г-н Палеолог, однако, прибавил, что он намерен замедлить передачу означенной телеграммы, полагая, что, может быть, ему будет предписано вовсе отменить таковую передачу, когда в Париже узнают, что по ходу переговоров с Румынией заключение договора ставится теперь в зависимость не столько от тех или иных уступок со стороны России, сколько от согласия Франции и Англии предпринять наступление из Салоник за 10 дней до выступления Румынии.

В 6 часов вечера французский посол, тем не менее, решил передать телеграмму г-на Пуанкаре, не считая себя вправе долее ее задерживать, и привез ее в министерство барону Шиллингу. Его, однако, продолжала озабочивать мысль, что если Франция и Англия не найдут возможным согласиться на требование Братиано наступления Салоникской армии, то разрыв переговоров с Румынией может последовать из-за этого с возложением равным образом ответственности за неуспех переговоров на Францию.

31 июля

В разговоре сначала с бароном Шиллингом, а затем с А.А. Нератовым французский посол, стараясь убедить в желательности принять редакцию Братиано для пункта 5-го соглашения, заявил, что г-н Бриан придерживается на этот счет следующего взгляда: или по окончании войны союзники будут столь сильны, что им легко будет выговорить для Румынии все обещанные ей земельные приращения, и в таком случае обязательство не заключать мира без осуществления этого условия не создаст никаких затруднений, или союзники принуждены будут сами поступиться некоторыми своими требованиями, и в таком случае Румынии волей-неволей придется склониться перед так называемой force majeure [форс-мажорной ситуацией], не настаивая на осуществлении державами неисполнимых обещаний[1].

[1] Политическое и военное соглашения между Россией, Францией, Великобританией и Румынией были заключены в Бухаресте 4/17 августа 1916 г. — См. док. № 34 (текст политического соглашения).

6 августа

Английский посол посетил А.А. Нератова 6 августа и осведомился о намерениях в польском вопросе. Он сообщил о дошедших до его правительства сведениях о намерениях Австро-Германии провозгласить автономию Польши, что, будто бы, даст немцам возможность поднять до 600 000 рекрутов.

14 августа

Приехавший со Ставки директор Дипломатической канцелярии[1] подтвердил уже сообщенные им в последних телеграммах сведения о несколько тревожном настроении в связи с ожидаемым выступлением Румынии. Известные опасения как бы подтверждались тем фактом, что назначенный состоять при нашем верховном командовании генерал Коанда отложил свой приезд на две недели.

[1] Н.А. Кудашев.

15 августа

В 11 с половиной часов утра Петроградское телеграфное агентство сообщило по телефону в Министерство иностранных дел, что из Стокгольма получена телеграмма следующего содержания: «Из Берлина официально сообщают, что Румыния вчера вечером объявила войну Австрии. Немедленно созван Союзный совет».

В 12 часов дня к начальнику Канцелярии Б.А.Татищеву пришел итальянский посол и сообщил об объявлении войны Италией Германии. Маркиз Карлотти говорил о желании Италии еще теснее сплотить единение между союзниками и выразил надежду, что отныне итальянский представитель и в чисто формальном отношении будет приравнен к его английскому и французскому сотоварищам. Из слов посла было ясно, что он домогается главным образом быть допущенным на общие ежедневные приемы союзных послов у министра иностранных дел. (Пожелание итальянского посла не встретило сочувствия в Министерстве иностранных дел. Обсуждение всех текущих политических вопросов, которое могло вестись с большой откровенностью между министром и английским и французским послами, встретило бы значительные затруднения в случае присутствия при разговорах представителя Италии. При обсуждении пожелания маркиза Карлотти было высказано то соображение, что интересы Италии противоположны интересам славян на Балканском полуострове, и всякий обмен мнений по балканским делам в присутствии итальянского посла неизбежно повлечет необходимость считаться с пожеланиями Италии. Вследствие сего было даже высказано предположение об отмене ежедневных совместных приемов союзных послов министром иностранных дел, причем каждый из союзных послов, в случае необходимости переговорить с министром иностранных дел, мог бы быть принимаем отдельно).

16 августа

Утром румынский поверенный в делах был у начальника Канцелярии Б.А. Татищева и вручил ему для передачи министру копию ноты, переданной румынским посланником австро-венгерскому правительству, об объявлении Румынией войны Австро-Венгрии.

Утром же получены Канцелярией и разобраны телеграммы посланника в Бухаресте № 544 и 545[1].

[1] В секретной телеграмме № 544 от 15/28 августа 1916 г. С.А. Поклевский-Козелл сообщил в МИД о принятом 14/27 августа 1916 г. Коронным советом Румынии решении объявить мобилизацию, об объявлении вечером того же дня войны Австрии и о переходе румынскими войсками границы. В секретной телеграмме № 545 от того же числа посланник сообщал о предстоящем отъезде миссий неприятельских государств из Румынии. — См.: Красный Архив. — 1929. — Т. 1(32). — С. 71. — Прим. 1.

18 августа

В Министерство иностранных дел прибыл итальянский посол[1] и просил официально министра от имени своего правительства о поставлении его в известность о всех соглашениях, заключенных союзными правительствами. При разговоре присутствовал товарищ министра А.А. Нератов.

[1] А. Карлотти.

18 августа

18 августа с.г. итальянский посол сделал следующее сообщение гофмейстеру Нератову на основании полученных им телеграмм:

1) По итальянским сведениям, Радович имел продолжительное совещание с представителем Сербии по вопросу об отречении короля Николая. После этого Радович был с докладом у короля, который, будто бы, выразил свое согласие отречься от престола в пользу сербского королевича Александра, но при условии, чтобы одновременно с этим отрекся бы и король Петр, и чтобы на случай отсутствия наследников у королевича Александра таковым бы был объявлен княжич Данило или кто-либо из членов рода Петра Негоша.

2) По сведениям Фашиотти, полученным им от Парумбаро, между Радославовым и представителями военного ведомства Болгарии происходят большие трения и нелады из-за того, что первый считает необходимым воздерживаться от агрессивного образа действий по отношению к Румынии, а военные настаивают на немедленном наступлении Болгарии на Румынию.

3) Между Болгарией и Австрией происходят серьезные недоразумения из-за Албании, так как Австрия не соглашается на допущение господства болгар в этой стране.

4) Соннино уведомил маркиза Карлотти, что итальянскому посланнику в Афинах предписано поддержать все окончательно выработанные представления, которые будет поручено сделать посланникам Согласия в Афинах[1].

[1] Имеется в виду предъявление Греции требования об установлении союзного контроля над почтой и телеграфом и о высылке германских агентов.

19 августа

1. По сообщению Сент Олера, французского посланника в Бухаресте, болгары, не дожидаясь объявления войны со стороны Румынии, напали на румын в нескольких местах болгаро-румынской границы.

2. По сообщению английского посла, великобританский военный агент в Афинах имел беседу с новым начальником греческого Генерального штаба Москопуло, который высказался перед ним в пользу немедленного выступления Греции на стороне союзников и выразил надежду, что ему придется принять активное участие в командовании войсками, имеющими действовать против Болгарии.

3. Английский посланник в Афинах сообщает, что в последней беседе с ним Заимис высказал мнение, что теперь, может, наступает момент, когда Греции придется выйти из своего нейтралитета и вступить в ряды союзников держав Согласия, ввиду чего, может быть, теперь следует приступить к обсуждению тех условий, на которых могло бы состояться выступление Греции.

4. Маркиз Карлотти передал содержание полученной им из Парижа телеграммы о том, что Бриан сообщил итальянскому послу о согласии своем собрать представителей держав в Париже и обсудить вместе с Италией состоявшиеся соглашения, в которых Италия до сих пор не участвовала. На это гофмейстер Нератов возразил итальянскому послу, что, по его мнению, такое обсуждение, имеющее характер конференции, в настоящее время представляет известные неудобства, так как дало бы право другим союзникам требовать в нем участия, и что, может быть, практичнее всего было бы ограничиться простым сообщением Италии содержания состоявшихся политических соглашений, на которое итальянское правительство могло бы сделать свои замечания.

5. По сообщению маркиза Карлотти, посланники в Афинах, вследствие издания декрета о выборах в старой Греции и в Эпире, решили протестовать против самого факта нахождения греческих войск в Аргирокастро, Премети и других пунктах, не признанных державами за Грецией.

6. По поручению своего правительства греческий посланник официально сообщил о смещении Дусманиса и Метакса и замене первого из них Москопуло, известным за сторонника держав Согласия. На замечание гофм. Нератова о том, что факт официального оповещения греческим правительством союзных держав показывает, что эта перемена продиктована не внутренними соображениями, а явилась актом политической необходимости в целях установления более близких отношений с державами Согласия, — греческий посланник ответил утвердительно.

21 августа

В бытность Б.В. Штюрмера в Ставке государь император показал ему текст телеграммы, полученной от короля английского, в которой упоминалось о существующих в некоторых русских кругах враждебных Англии течениях[1].

Государь одновременно показал проект своего ответа с успокоительными заверениями и прибавил, что он еще не знает, каким бы образом закончить эту телеграмму.

Председатель Совета высказал мысль, что предание в России гласности согласия Англии и Франции на уступку России Константинополя и Проливов сразу положило бы предел всем направленным у нас против англо-французской дружбы интригам.

[1] См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 144.

21 августа

По сведениям из Лондона, королевич Андрей Греческий посетил Гардинга и запросил его с некоторым выражением неудовольствия по поводу тех мер, которые в настоящее время предпринимаются союзниками по отношению к Греции. По словам королевича, такое резкое обращение держав с Грецией ничем не оправдывается. На это лорд Гардинг ответил предъявлением королевичу документа в виде перехваченной радиотелеграммы, с совершенной ясностью устанавливающего передачу греческим Генеральным штабом сведений о положении и действиях союзных войск в Македонии болгаро-германскому Штабу. Королевич был немало смущен и ничего не возражал.

26 августа

Французский и английский послы сообщили министру иностранных дел о просьбе, обращенной генералом Жоффром к начальнику Штаба верховного главнокомандующего относительно развития военных действий союзников на Балканах. Подробности сделанного послами сообщения переданы в исходящей телеграмме № 3900[1].

Насколько известно Министерству иностранных дел, взгляд генерала Алексеева в данном вопросе сводится к следующему: начальник Штаба горячо приветствует развитие военных действий на Балканах, но считает, что последние можно было бы начать только в тот момент, когда мы будем иметь гарантию безопасности на теперешнем Восточном фронте. Неподвижность австро-германских сил будет создана прежде всего климатическими условиями. В то же время генерал Алексеев считал бы целью наших действий на Балканах не разгром Болгарии или же помощь союзникам, что повлекло бы за собой лишь ослабление своих собственных сил, а преследование более широких задач, причем одной из них явилось бы направление наших сил на Константинополь.

[1] В секретной телеграмме от 26 августа/8 сентября 1916 г. за № 3900 Б.В. Штюрмер сообщал директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву о том, что активные военные действия на Балканах, по мнению английского и французского послов, привели бы к «осуществлению нескольких важных задач»: соединение российских и союзных армий, что создало бы угрозу разгрома Болгарии и таким образом привлекло бы ее на сторону союзников; прекращение военной и экономической помощи Турции вследствие приостановки ее сообщения с европейскими державами; открытие южного пути через Салоники. – См.: Красный Архив. — 1929. — Т. I. (32). — С. 75. — Прим. 2.

26 августа

Норвежский посланник[1] посетил министра иностранных дел Б.В. Штюрмера и напомнил ему, что представители 3-х северных держав уже два раза собирались на совещания по вопросам, связанным с войной, первый раз в Мальме, второй — в Копенгагене. Ныне они предполагают собраться в третий раз в Христиании, причем на этот раз имеется в виду привлечение также и представителей некоторых других нейтральных стран — Голландии и Швейцарии. Посланник прибавил, что ему поручено предупредить об этом русское правительство ранее, нежели оно осведомилось бы об этом другим путем. Он настаивал на том, что совещание, как и два прежних, не будет затрагивать никаких политических вопросов и ограничится обменом мнений исключительно по вопросам торговым и о нейтралитете, которые касаются интересов нейтральных государств. В заключение посланник просил не упоминать о сделанном им сообщении в беседах с представителями других держав.

[1] Н.К. Пребенсен.

29 августа

1. Итальянский посол[1], по поручению барона Соннино, выразил некоторое недовольствие итальянского правительства по поводу того, что во время последних событий в Греции Франция и Англия, не договорившись предварительно с Италией и Россией, предъявили ультиматум и подкрепили его внушительной морской демонстрацией в Пирее. По мнению Соннино, ввиду принципиальности вопроса и серьезности

предъявленных требований, предварительное соглашение было необходимо. Министр иностранных дел ответил ему, что русский посланник в Афинах получил инструкции присоединиться к своим коллегам и что запоздание произошло вследствие неудовлетворительности телеграфных сообщений. Итальянский же представитель в Афинах имел, по-видимому, инструкции действовать заодно со своими коллегами «Si omnes» [Если все]. Кроме этого, события развертываются с такой быстротой, что почти не остается времени к предварительному обмену мнений, чем и объясняются решения Франции и Англии действовать иногда, сообразуясь с обстоятельствами.

2. Оговорившись, что он собственно не имеет поручения говорить официально, маркиз Карлотти затронул вопрос о последствиях отречения короля черногорского Николая и соединения Сербии и Черногории в одно государство под властью королевича Александра. По его словам, в Риме чрезвычайно обеспокоены этим обстоятельством и считают в связи с ним желательным пересмотреть некоторые постановления касательно портов Адриатического моря. Так Италия соглашалась на присоединение Катаррской бухты к Черногории, в предположении, что эта последняя сохранит свою государственную самостоятельность. Присоединение же черногорской территории с Катаррской бухтой к Великой Сербии совершенно изменяет положение, так как в виды Италии не входит предоставлять этот важный порт на Адриатическом море сильному славянскому государству, каковым, по-видимому, явится Сербия после всех своих приобретений. По словам посла, в Италии, по-видимому, были бы склонны войти по этим вопросам в непосредственный обмен мнений с русским правительством, чтобы таким образом подготовить почву для наиболее удовлетворительного решения этой задачи. Маркизу Карлотти было отвечено в том смысле, что вопрос о слиянии Сербии с Черногорией еще нельзя считать окончательно решенным ввиду того, что самое предположение короля Николая об отречении от черногорского престола еще не получило осуществления. Наконец, если бы таковое и осуществилось, то едва ли Италии, обладающей лучшими портами на Адриатическом море и обеспечившей себе большие преимущества Лондонским договором, следует беспокоиться о судьбе Катаррской бухты.

[1] А. Карлотти.

29 августа

Государь возвратил Б.В. Штюрмеру телеграмму короля Георга и текст своего ответа, законченный в смысле вышеупомянутого замечания[1].

[1] 29 августа/11 сентября 1916 г. Николай II направил королю Великобритании Георгу V телеграмму, в которой заверил короля, что «чувства глубокой дружбы по отношению к Англии все более укрепляются в ... народе, армии и флоте», и предлагал сделать от имени российского правительства официальное сообщение, подтверждающее, что Англия и Франция считают обладание Россией Константинополем и Проливами неизменным условием мира. По мнению Николая II, такое сообщение «успокоило бы все умы и рассеяло бы всякое недоверие». — См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 415.

30 августа

Телеграмма государя была передана по назначению через английского посла в Петрограде.

3 сентября

Французский посол сообщил, что, по полученным им сведениям, французские военные власти подчинили своему контролю все финансовые учреждения (таможни и т. п.) в Салониках.

4 сентября

В ответной телеграмме государя императора королю английскому от 29-го августа был затронут вопрос об обнародовании согласия Франции и Англии на присоединение к Российской империи по окончании войны Константинополя[1]. Телеграмма государя была передана в Лондон через английское посольство, и, со своей стороны, сэр Дж. Бюканен выразил полное свое сочувствие к предположению министра иностранных дел и обещал телеграфировать об этом своему правительству. В этом вопросе Б.В. Штюрмер полагал заручиться прежде всего согласием английского правительства, а затем совместно с лондонским кабинетом оказать воздействие на французов, так как, по имеющимся в Министерстве иностранных дел сведениям, следовало ожидать известных затруднений со стороны Франции. Обнародовав сообщение о решении Франции и Англии предоставить нам Константинополь, Б.В. Штюрмер предполагал приступить к разрешению вопроса о будущности Польши (три проекта манифеста о Польше уже ранее были представлены государю императору)[2].

4-го сентября английский посол сообщил Б.В. Штюрмеру, что предположение обнародовать Константинопольское соглашение встречает возражения со стороны лорда Грея. Английский министр иностранных дел опасается того впечатления, которое известие о решении держав положить конец существованию Турции в Европе могло бы произвести на мусульман в Египте и особенно в Индии и Афганистане. Со своей стороны, сэр Дж. Бюканен высказывался за опубликование соглашения и обещал еще раз телеграфировать в этом смысле в Лондон.

При беседе министра с английским послом присутствовал г-н Палеолог, который выразил желание телеграфировать в том же смысле своему правительству.

[1] См. запись от 29 августа 1916 г., прим. 1.

[2] Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам, обещавшее Польше автономию, было подтверждено в августе 1915 г. И.Л. Горемыкиным в Государственной думе и в сентябре 1916 г. в беседе с польской делегацией Б.В. Штюрмером, указавшим, что издание высочайшего манифеста о Польше задерживается, вследствие опасения российского правительства, что всякие меры, предпринятые им в этом направлении, отразятся на судьбе польского населения в оккупированных Австрией и Германией областях.

4 сентября

4 сентября в 10 часов утра г-н министр иностранных дел пригласил к себе английского посла и сообщил ему содержание проекта сообщения относительно Проливов и Константинополя, которое он предполагает опубликовать во всеобщее сведение. Английский посол сказал на это, что, как ему известно, лорд Грей в принципе относится очень сочувственно к этой идее. Основываясь на своих предыдущих разговорах с министром иностранных дел, Бюканен уже телеграфировал по этому поводу в Лондон и получил оттуда такой ответ: по мнению лорда Грея, великобританское правительство было

бы готово дать свое согласие на опубликование документов касательно перехода под власть России Константинополя и Проливов, но считает, что для этого надо выбрать подходящий момент с точки зрения военного положения и политической обстановки, главным образом в мусульманских странах, как Персии, Афганистане, Индии и Аравии; в видах этого, лорд Грей полагал бы необходимым предварительно внести этот вопрос на рассмотрение Военного совета[1] в Лондоне, который должен будет высказаться относительно своевременности предания гласности документов, решающих судьбу Константинополя, опубликование коих, конечно, произведет огромное впечатление во всем мусульманском мире, и что с этим обстоятельством не может не считаться великобританское правительство, имея миллионы подданных мусульман. После одобрения Военного совета и одновременно с опубликованием документов в России великобританский министр иностранных дел сообщил бы содержание этих документов для сведения членам законодательных палат. При этом великобританский посол отметил, что лорд Грей придает особенное значение тому, чтобы были опубликованы самые[2] документы, с обозначением на них дат в видах осведомления русского общественного мнения о том, что Англия больше года тому назад заняла вполне определенное и вполне благоприятное для России положение в вопросе о жизненных ее интересах. Министр иностранных дел выразил свою благодарность по поводу сочувственного отношения лорда Грея к мысли об опубликовании документов, касающихся Константинополя и Проливов, и указал на то, что это опубликование связано с некоторыми намерениями русского правительства относительно Польши, таким образом, что осуществление первого предположения облегчит второе, которому союзники, по-видимому, придают большое значение. Английский посол сообщил, что он не преминет об этом телеграфировать в Лондон.

[1] Военный совет был образован в Лондоне 25 ноября 1914 г. Кабинет министров Великобритании передал Военному совету все вопросы, касавшиеся ведения войны.

[2] Так в документе.

5 сентября

По словам маркиза Карлотти, в Италии большую тревогу и смущение вызывает то обстоятельство, что до сего времени итальянскому правительству не было сделано никакого сообщения относительно соглашений, заключенных Россией, Францией и Англией по вопросам, связанным с Турцией. Эта медленность вызывает среди итальянских государственных деятелей подозрение в том, что будто между союзными кабинетами происходит какой-то новый уговор. Такое настроение, по словам итальянского посла, поддерживается известием о крупной размолвке, происшедшей между итальянским послом в Париже Титтони и Маржери, директором политических дел. Больной Титтони попросил приехать к нему для объяснений по делам, касающимся сообщения г-на Маржери, и во время беседы стал высказывать резкие упреки по адресу союзников, и в особенности по отношению к Франции, в том, что союзники не считаются с Италией, стараются как бы отстранить ее от общих дел, постановляют какие-то решения помимо ее, и что таким образом Италия является как бы жертвой обмана. На это Маржери не менее резко ответил, что все причитающееся Италии по Лондонскому договору державами ей предоставлено, и что на большее она никакого права рассчитывать не имеет. Продолжавшийся в таком духе разговор привел к серьезной ссоре между обоими собеседниками. В заключение всего Титтони обратился

с жалобой по телеграфу к Соннино, который был очень встревожен сообщенными ему Титтони впечатлениями об отношении союзников к Италии и поставил вопрос о представлении Маржери извинений и объяснения со стороны французского правительства. Инцидент этот до сих пор не улажен. Передавая об этом доверительно, маркиз Карлотти настаивал на крайней желательности по возможности немедленного сообщения Италии содержания интересующих ее политических соглашений.

5 сентября

Бьюканен передал содержание полученной им из Афин телеграммы, из которой видно, что английский посланник в Афинах имел беседу с новым главой правительства Дмитрокопуло, который на все вопросы Эллиота относительно будущего направления внешней политики и возможного выхода Греции из нейтралитета отвечал очень уклончиво, указав на то, что немцы дали обещание не переходить линии, направляющейся от города Катерины, на берегу Солунского залива, и по направлению приблизительно к югу от Касторийского озера, при условии, конечно, что сами союзники не перенесут военных действий за эту границу.

6 сентября

6 сентября 1916 г. товарищ министра иностранных дел по приглашению королевича Николая посетил его высочество и имел с ним продолжительную беседу о греческих делах в присутствии великого князя Георгия Михайловича.

Греческий королевич прочел гофмейстеру Нератову полученную им от короля Константина телеграмму, в которой ему поручалось передать императорскому правительству заверения короля в том, что новый кабинет получил от него указания войти в тесное сотрудничество с посланниками Согласия и обсудить с ними общую программу действий, ввиду желания Греции закрепить политические узы с державами-покровительницами. Королевич прибавил, что греческому посланнику поручено сделать в этом смысле официальное заверение (таковое было им сделано министру иностранных дел 8 сентября). Воспользовавшись этой беседой, королевич Николай высказал возмущение и неудовольствие короля на посланников, которые, по его словам, заняли по отношению к королевскому дому неподобающее положение. Хотя королевич и несколько выделил в этом отношении русского посланника, но отметил, что он легко поддается влиянию своих коллег.

Гофмейстер Нератов ответил, что, хотя он не может принять лично такого заявления официально, так как оно должно быть сделано официальным представителем Греции министру иностранных дел, но высказал свое личное мнение, что он считал бы возможным предписать посланнику вступить в деловые сношения с кабинетом Калогеропуло при условии, что последний не ограничится одними словами, но действительно войдет в сотрудничество с представителями держав Согласия. На вопрос королевича, будет ли это означать, что все оскорбительные меры, принятые державами, будут отменены, А.А. Нератов ответил, что едва ли державы на это согласятся.

8 сентября[1] греческий посланник был принят министром иностранных дел, которому от имени нового греческого правительства сделал заявления о полной готовности его следовать политике Заимиса, при искреннем желании еще более закрепить узы, связы-

вающие Грецию с державами-покровительницами. Министр иностранных дел ответил ему, что принимает это заявление к сведению, и что он снесется по этому поводу с союзными кабинетами, лично не имея ничего против того, чтобы был сделан опыт сотрудничества между посланниками и кабинетом Калогеропуло, но что, по его мнению, принятые контрольные меры должны пока оставаться в силе.

[1] Так в документе.

9 сентября

Телеграмма гр. Бенкендорфа № 739 была получена вечером 8 сентября. На следующее утро затронутый в ней вопрос о необходимости рассеять известные опасения английского общественного мнения относительно прочности англо-русского согласия на будущее время обсуждался в Министерстве иностранных дел. По этому поводу Б.В. Штюрмер высказал полное свое согласие дать при случае успокоительные заверения английскому общественному мнению. Министр выразил, однако, мнение, что официальное заверение о прочности англо-русского сближения должно быть приурочено к какому-либо сообщению, которое исходило бы от императорского правительства (имелось в виду выступление министра иностранных дел в Государственной думе или опубликование сообщения о решении Англии и Франции предоставить нам Константинополь, в случае согласия на то наших союзников). Обнародование одного лишь сообщения о неизменности на будущее время тех связей, которые установились между Россией и Англией, могло бы, по мнению Б.В. Штюрмера, произвести лишь нежелательное впечатление на общественное мнение обеих стран.

Днем министр иностранных дел отбыл на царскую Ставку.

Ко времени отъезда министра в Могилев выяснилось, что затруднения к опубликованию сообщения о судьбе Константинополя могут встретиться главным образом со стороны Франции.

11 сентября

11 сентября французский посол сообщил, что французским правительством выработан проект меморандума по греческим делам, сущность коего сводится к следующему.

Представителям Согласия в Афинах предполагается предложить греческому правительству или немедленно объявить войну Болгарии без каких бы то ни было условий насчет будущего вознаграждения Греции, или же сохранять нейтралитет на следующих условиях:

1) удаление некоторых германофильствующих членов из состава кабинета Калогеропуло,

2) сохранение в силе уже принятых державами мер контроля и исполнение других, которые будут предложены в зависимости от обстоятельств,

3) размещение греческих гарнизонов по плану, составленному союзными штабами,

4) удаление воинских, жандармских и полицейских греческих частей из местностей, указанных союзными военными властями,

5) роспуск военных лиг.

В случае, если греческое правительство откажется принять эти условия, то державы оставляют за собой свободу применить более решительные меры, кои они найдут нужными.

Проект этого меморандума был сообщен великобританскому правительству.

11 сентября

Итальянский посол сообщил, что барон Соннино обратился к английскому послу в Риме с письмом, в котором он высказывает свои сомнения и некоторые упреки по адресу союзников, и в частности Англии, относительно медлительности, с какой союзные правительства действуют в вопросе о сообщении Италии Константинопольского и Малоазиатского соглашений. Он указывал в этом письме на то волнение и возмущение, которые вызывают в итальянском общественном мнении слухи о каком-то недоверии со стороны союзников по отношению к Италии и устранении ее от решения тех вопросов, на участие в которых Италия имеет права как союзница и великая держава. Великобританский посол по поручению своего правительства ответил итальянскому министру иностранных дел в том смысле, что сомнения Италии совершенно неосновательны, что затяжка происходит от необходимости сличить тексты и, в-третьих, что великобританское правительство в полном согласии с союзными кабинетами готово обсудить с итальянским все те вопросы, которые могут возникнуть при ознакомлении итальянцев с документами, касающимися Турции.

12 сентября

Генерал Брандстрем посетил А.А. Нератова перед своим отъездом в отпуск и спросил, что он может доложить королю о положении аландского вопроса. Он прибавил, что, понимая, насколько новому министру трудно было сразу войти в курс всех дел, он в течение почти двух месяцев не возвращался к этому делу, но надеется, что теперь ему могут быть даны какие-нибудь сведения. А.А. Нератов ответил, что, конечно, решение государя об открытии переговоров остается для правительства обязательным. Аландский вопрос изучается министерством и заинтересованными ведомствами.

12 сентября

Великобританский посол сообщил, что лорд Грей уже передал итальянскому послу в Лондоне документы, касающиеся соглашения держав о Константинополе.

12 сентября

Великобританский посол сообщил, что, по сведениям английского военного агента в Афинах, германское высшее командование сосредоточило в Белграде и его окрестностях армию в 164 000 человек, которую оно предполагает бросить в Западную Македонию для поддержки болгар, теснимых там сербами. По мнению военного агента, немцы ставят ближайшей своей задачей новый разгром сербской армии с тем, чтобы потом перейти в наступление против Македонской армии союзников и двинуться далее на поддержку частей, действующих против румын в Добрудже.

12 сентября

Английский посол сообщил, что великобританское правительство высказывается за принятие самых решительных мер по отношению к Греции, и что лорд Грей обратился к Бриану с предложением поручить посланникам, по согласию со всеми союзниками,

предъявить не правительству, а греческому королю требование немедленно объявить войну Болгарии. По словам Бьюкенена, французское предложение с указанием 5 пунктов условия явилось в некотором роде ответом Бриана на предложение Грея, причем французское правительство предусматривает случай, когда Греция, не объявляя войны Болгарии, может сохранить нейтралитет при условии принятия вышеназванных 5-ти пунктов.

14 сентября

Передавая ноту 14 сентября, греческий посланник словесно прибавил, что текст ее был выработан по приказанию короля Константина в правительственном Совете и одобрен его величеством для сообщения союзным правительствам.

По мнению Панаса, притязания греков во Фракии идут приблизительно до Дедеагача.

14 сентября

Утром греческий посланник посетил Б.В. Штюрмера и вручил ему ноту, в которой сообщается о решении Греции примкнуть к державам Согласия, как только при их содействии ей удастся закончить снабжение и мобилизацию своей армии. Говоря о компенсациях во Фракии, Панас упомянул между прочим о Дедеагаче. Посланник прибавил, что если бы решение Греции получило преждевременную огласку, то его правительство вынуждено будет напечатать опровержение, но обязательство выступить останется в силе. При обсуждении этого вопроса министром, А.А. Нератовым и начальниками 1-го и 2-го Политических отделов было признано, что сохранение Болгарией лишь узкого коридора, выходящего на Эгейское море, без удобного порта поставит ее в самое тяжелое положение, а потому для нас выгоднее дать ей выход к морю в менее для нас невыгодном направлении, т. е. именно на Эгейское море.

В общем, решено просить союзников не отклонять греческих предложений, но оказать полную поддержку в вероятном требовании ими возможно краткого срока для выступления Греции и отнятия у этого выступления характера условности, который оно имеет в ноте.

18 сентября

По словам Бьюканена, между Брианом и лордом Греем состоялся обмен мнений по вопросу о формуле, при которой было бы сделано итальянцам сообщение относительно Малой Азии. Французский и великобританский министры иностранных дел пришли к заключению, что итальянцам будут сообщены соответствующие документы для сведения, с оговоркой, что если Италия пожелает высказать какие-нибудь свои соображения относительно интересующей ее зоны, то союзные правительства будут готовы войти в обмен мнений с Италией по этому вопросу, но только в пределах Лондонского соглашения 1915 года[1].

[1] См. док. № 14.

18 сентября

Французский посланник в Афинах телеграфирует, что к нему пришел Диамантидис, один из видных членов венизелистской партии[1], и сообщил следующее: несколько

дней тому назад его, Диамантидиса, посетил директор Политического отдела Политис и, по-видимому, исполняя доверительное поручение короля, заявил, что его величество готов исполнить желание держав Согласия и объявить войну Болгарии, но что для осуществления этого необходимо, чтобы державы произвели на короля давление и тем помогли бы ему пойти по новому пути. По словам Диамантидиса, король будто бы готов призвать к власти новый кабинет и допустить в него несколько венизелистов.

Гильмен, донося об этом своему правительству, высказывает мысль, что подсказываемый королем прием находится в некотором противоречии с установившейся точкой зрения держав о необходимости избегать прямого вмешательства во внутренние дела Греции.

[1] Буржуазно-либеральная партия в Греции, основанная Э. Венизелосом в 1910 году.

27 сентября

Итальянский посол сообщил А.А. Нератову в дополнение к прежнему своему сообщению (см. письмо министра послам в Лондоне, Париже и Риме от 25 сентября[1]), что венгерский деятель Халло, посетивший Швейцарию, принадлежит к оппозиции, во главе которой стоит граф Карольи. По словам Карлотти, Халло заявил итальянскому посланнику, что венгерская оппозиция считает дело Австро-Венгрии проигранным и сознает необходимость удовлетворить земельные притязания России, Румынии и Сербии. Венгерская оппозиция стремится, однако, к сохранению мадьярского государства и в этом направлении желала бы завязать переговоры с Италией.

[1] В подлинном письме министра иностранных дел Б.В. Штюрмера послу России в Великобритании А.К. Бенкендорфу дата исправлена на 29 сентября 1916 г. — См.: Ф. 184, оп. 520, д. 1620, л. 1–2.

Ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 136, 148–153; 1915 г., д. 142, 144.
Ф. 138, оп. 467, д. 328, 728, 729, 730.
Ф. 150, оп. 493, д. 1862.
Ф. 151, оп. 482, д. 4189, 4210.

Опубл. частично: Красный Архив. — 1923. — Т. 4. — С. 5–62; 1928. — Т. 6(31). — С. 3–50; 1929. — Т. 1(32). — С. 3–87.
МОЭИ. — Сер. III — Т. IV–X.

II

НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

2. РЕЧЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

10 мая 1914 г.

Господа члены Государственной думы,

Прежде чем Вы приступите к рассмотрению сметы Министерства иностранных дел, я хочу, с высочайшего соизволения государя императора, дать Вам обзор нынешнего международного положения и по возможности осветить Вам деятельность русской дипломатии за последнее время.

Пережив в прошлом году тяжелый кризис, сопровождавшийся сильными потрясениями на Ближнем Востоке и не раз угрожавший распространением осложнений и за пределами Балканского полуострова, мы, к счастью, вступили теперь в более спокойную пору и, хотя еще остается упорядочить многое, однако уже нет той напряженности, которая еще недавно вызывала[1] серьезные[2] заботы.

Благополучному исходу упомянутого кризиса в значительной степени способствовало единение, обнаруженное державами Тройственного согласия, к которому принадлежит Россия.

Как Вам известно, во внешней политике Россия продолжает опираться на незыблемый союз свой с Францией и на дружбу свою с Англией. О значении франко-русского союза едва ли нужно еще распространяться, так как за свое 20-летнее существование он дал уже достаточно доказательств своей плодотворности. Убеждение в его необходимости для блага обоих связанных им государств глубоко проникло в сознание двух союзных народов. Предстоящий нынешним летом приезд сюда г-на Пуанкаре даст новый случай проявить взаимные сердечные чувства, которыми воодушевлены Россия и Франция.

Помня, что основным условием крепости и плодотворности союза является согласованность в направлении политики, императорское и французское правительства находятся в постоянном общении между собой для совместного обсуждения всех вопросов, их интересующих. Установившиеся же прочные дружеские отношения между Францией и Англией, а также между Англией и Россией, позволили расширить рамки такого общения, и в нем ныне принимает участие также Великобритания. Как я уже упомянул, это обстоятельство оказало несомненную услугу делу сохранения мира в недавно пережитые[3] *трудные* минуты. Это, в свою очередь, побудило нас по окончании прошлогодней конференции послов в Лондоне[4] оставить на представителях России и Франции в великобританской столице обязанность совместного обсуждения с английским министром иностранных дел целого ряда вопросов, связанных с окончательным разреше-

нием недавних осложнений. Мы могли убедиться, что такой прием, ускоряя и упрощая переговоры между державами Тройственного согласия, приносит существенную пользу.

По этому поводу последнее время много говорилось о превращении Тройственного согласия в новый Тройственный союз. Мне кажется, что в данном случае вопросу о форме придавалось несколько преувеличенное значение. Можно себе представить формальный союз, не основанный на действительной общности интересов и не опирающийся на взаимном сочувствии[5] народов; с другой стороны, есть политические сочетания держав, которые напрашиваются сами собой благодаря единству преследуемых целей. В последнем случае дружное стремление к этим целям обеспечено даже независимо от формы и объема письменных соглашений. Вообще, жизненно лишь то, что не застыло на одной точке, а способно двигаться вперед. В этом смысле наш союз с Францией и наша дружба с Англией вполне удовлетворяют указанному условию, так как и тот, и другая продолжают крепнуть и развиваться.

При этом считаю долгом отметить, что как с годами исчезло беспокойство, обнаруживавшееся в первые времена существования Тройственного союза, так теперь, надо надеяться, все уже могут спокойно относиться к народившемуся позднее новому сочетанию держав, именуемому Тройственным согласием. Лишенное всякой агрессивности, оно только поддерживает необходимое равновесие в Европе и, как мы видели недавно, всегда готово сотрудничать с Тройственным союзом в общих интересах сохранения мира.

Принадлежность к одной группировке, разумеется, не исключает добрых отношений к остальным державам. В частности, мы продолжаем стремиться к поддержанию давнишних дружеских отношений с Германской империей.

За последнее время было несколько случаев, когда казалось, что эти отношения могут омрачиться, и, если удалось избежать нежелательных последствий подобных инцидентов, то лишь в силу именно упомянутой давнишней дружбы между Россией и Германией и стремлению их правительств и на будущее время сохранить таковую. В этом стремлении правительства, к сожалению, не всегда встречают должную поддержку со стороны печати по обеим сторонам границы[6]. Поддерживание тревожного состояния в обществе без достаточного на то основания неразумно, а может быть при известных обстоятельствах и опасно. Поэтому я не могу не высказать пожелания, чтобы печать как германская, так и русская, прекратила бесплодную полемику и более спокойно обсуждала вопросы, касающиеся взаимных наших отношений. Не надо забывать, что мы накануне заключения нового торгового договора с Германией, и что таковой может быть плодотворен лишь под условием соответствия справедливым требованиям обеих договаривающихся сторон. Для достижения такого результата необходимо, чтобы переговоры велись в спокойной и деловой обстановке, а не под шум беспрестанных обвинений и заподозриваний, создающих взаимное раздражение и недоверие.

Сделанное недавно в делегациях заявление австро-венгерского министра иностранных дел о том, что отношения между Россией и двуединой монархией носят вполне дружественный характер, и выраженная министром надежда, что таковые сохранят этот характер и впредь, соответствуют и нашему взгляду на взаимоотношения обоих государств, а также нашему искреннему желанию поддерживать хорошие отношения с нашими соседями. Поэтому, если даже за последнее время в Галиции и было заметно среди враждебных нам слоев населения известное движение, направленное к тому, чтобы создать нам затруднения в наших приграничных владениях, мы рассчитываем,

что австро-венгерское правительство не даст этому движению омрачить наши добрососедские отношения.

Между Россией и Италией отношения продолжают быть доброжелательными, и с нашей стороны в них ничего не будет внесено, что могло бы изменить их дружелюбный характер.

Переходя к положению дел на Ближнем Востоке, я не буду останавливать долго Вашего внимания на событиях минувшего года.

Мне трудно что-нибудь прибавить к документальным данным Оранжевой книги[7], поставившей своей целью осветить отношение России к Балканскому кризису. С другой стороны, я полагаю, нам надо с осторожностью подходить к еще не залеченным ранам и неулегшимся страстям. Задача России — задача умиротворения. Ее заветы — беспристрастное благожелательство ко всем одинаково Балканским государствам, посильная поддержка каждого из них, при условии, конечно, взаимной искренности, взаимного доверия.

События минувших войн[8] расширили пределы каждого из Балканских государств, но стоили многих жертв, многой пролитой крови. Теперь для каждого из них наступило время сосредоточенной мирной работы во вновь приобретенный областях.

Мы хотим верить, что, осуществляя эту благодарную задачу, Балканские правительства придут к сознанию, что в целях укрепления государственности недостаточно приобрести земли, нужно стяжать привязанность и доверие новых граждан.

Только при этом условии может быть достигнуто как внутреннее умиротворение, так и взаимное сближение всех этих государств. Сближение же необходимо в интересах каждого из них, для их мирного преуспеяния и ограждения независимости на основе всем понятного и близкого им лозунга: «Балканы для балканцев».

Говоря о Балканах, я не могу не упомянуть недавнего посещения Петербурга наследным принцем и принцессой румынскими. В сердечном приеме, им оказанном, наши высокие гости могли воочию убедиться в искренно дружеском отношении России к их стране и уважении к ее мудрому государю.

В ближайшем будущем предстоит посещение на румынской земле его величеством государем императором его величества короля Карла. Встреча эта, отвечая взаимным чувствам обоих монархов, в то же время, я уверен, послужит новым поощрением на пути взаимного сближения двух народов, связанных узами славного прошлого и обоюдными интересами и симпатиями. Что касается Албании, то, конечно, мы с должным вниманием следим за событиями в этой стране, поскольку эти события затрагивают интересы соседних государств. В настоящее время страна эта находится в состоянии, близком к анархии.

Разрешение Балканского кризиса благоприятно отразилось на наших отношениях с Турцией. В европейских владениях Турции крылся источник ее слабости, а не силы. Отныне перед ней естественно встают новые задачи внутреннего переустройства для общего блага населяющих ее народов. В этом направлении правительство султана, конечно, встретит готовность со стороны России поддержать его усилия, направленные к достижению этих целей. Только при мирном развитии Турции может быть обеспечена свобода торгового мореплавания в Проливах, отвечающая как ее интересам, так и жизненным потребностям России.

Признаком примирительных намерений нынешнего правительства Турции является направление, которое получил за последнее время армянский вопрос. Сопредельность

восточных областей Анатолии с Россией, насчитывающей в составе своего населения многочисленных армян, не могла оставить императорское правительство безучастным к положению вещей вблизи нашей границы. В результате дружеских переговоров с Турцией были выработаны основания для усовершенствования административного управления и обеспечения правопорядка, а также удовлетворения культурных нужд армян и прочих народностей, населяющих граничащие с Россией области[9]. Семь вилайетов Восточной Анатолии будут, как уже известно, распределены на два сектора, во главе каждого из которых будет поставлен европейский генерал-инспектор по выбору Порты из кандидатов, представленных великими державами.

Права населения — личные, имущественные и гражданские — получают новые обеспечения, которые послужат залогом мирного развития христианского населения Восточной Анатолии.

С удовлетворением я отмечу здесь, что во время наших переговоров по этому поводу с Турцией Германия оказала нам существенное содействие.

В связи с новыми условиями, в которых складываются русско-турецкие отношения, мы надеемся на укрепление уже существующих экономических связей России с соседними турецкими местностями и на оживление торговых сношений между нами и Турцией.

В заключение я добавлю, что беседы, которые мне пришлось иметь в Крыму с членами чрезвычайного турецкого посольства, явившегося от имени султана приветствовать государя императора, и в состав которого вошли виднейшие представители турецкого правительства, произвели во мне впечатление серьезного желания Турции установить отношения с Россией, отвечающие интересам обеих стран, в соответствии с новыми политическими условиями.

В Персии, при продолжающемся дружественном взаимодействии России и Англии, наступило за последнее время сравнительное затишье. Этому способствовало, между прочим, подавление смут на западе Персии благодаря усилиям императорской миссии и удачным действиям отряда шахской казачьей бригады под руководством русских офицеров. Вместе с тем и самим персидским правительством приняты были зависящие меры для обеспечения общественного порядка, в особенности в г. Тегеране, путем роспуска иррегулярных частей, увеличения состава Персидской казачьей бригады[10], сформирования регулярной полицейской стражи в столице и т.п. Эти обстоятельства дали императорскому правительству возможность отозвать из Казвина большую часть находившегося там русского отряда. Что касается отрядов наших, расположенных в других местностях северной Персии, в частности, в Азербайджане, то неуверенность в прочности установившегося там порядка, покоящегося главным образом на присутствии этих отрядов, лишает пока императорское правительство возможности отозвать означенные воинские части. Продолжая по-прежнему считать пребывание наших войск в Персии временным явлением, императорское правительство предоставляет себе определить момент, когда удаление их оттуда станет возможным без ущерба для насущных наших интересов.

Весьма важным для нас политическим событием в жизни Персии за последнее время является заключение в Константинополе, при деятельном участии России и Англии, договора о границе между турецкими и персидскими владениями[11]. Постановления этого договора приводятся ныне в исполнение на месте особой разграничительной комиссией при участии представителей не только непосредственно заинтересованных стран,

но и держав посредниц – России и Англии. Означенным актом положен, как известно, предел вековому спору между обоими соседними государствами и неопределенному положению на их границе, постоянно грозившему серьезными осложнениями. Следует отметить, что направление, приданное турецко-персидской границе в ближайшем к нашему Закавказью районе, совпадает с тем, которое существовало еще 10 лет тому назад и которое вполне обеспечивало спокойствие в областях, соседних с Закавказьем.

Наша политика в отношении Персии остается неизменно благожелательной и чуждой каких бы то ни было агрессивных намерений. Наша цель — по-прежнему способствовать установлению в этой смежной стране, тесно связанной с нами существенными экономическими интересами, прочного порядка, столь необходимого для дальнейшего развития взаимных торговых сношений и преуспеяния самой Персии и наших многочисленных экономических предприятий в ней. К последним относится, как известно, постройка первой железной дороги в этой стране — Джульфа-Тавризской, — которая осуществляется вполне успешно. Наше соглашение с Англией[12] и дружественное сотрудничество с этой державой на почве персидских дел являются ручательством мирного разрешения назревающих в Персии задач.

Центральное место в нашей дальневосточной политике по-прежнему занимают китайские дела. Образовавшееся в Китае после отречения маньчжурской династии правительство президента Юань-ши-кая оказалось жизнеспособным, и в сентябре минувшего года державы сочли возможным признать его. При этом они заручились его обязательством соблюдать все международные договоры, которые были заключены правительством маньчжурских императоров, и все те права, которыми иностранцы пользуются в Китае как в силу писаных соглашений, так и освященных практикой обычаев. Правительство Юань-ши-кая дало доказательства своего желания ограждать жизнь и имущество иностранцев в северных областях Китая, где оно пользуется для того достаточным авторитетом; мы не видели поэтому более необходимости содержать в Пекине и Тяньцзине отряды для защиты проживающих там русских подданных. В марте текущего года мы вывели из Чжилийской провинции находившиеся там наши войска. Нам известно, что некоторые иностранные правительства имеют намерение последовать нашему примеру.

Появление в Пекине признанной державами центральной власти, не уклоняющейся от ответственности за общее направление политики государства, выгодно отразилось на наших отношениях к Китаю и дало нам возможность приступить к улажению разных вопросов, возникших за время Китайской революции. На первом месте в ряду этих вопросов следует поставить монгольский.

Как Вам известно, господа, в декабре минувшего года князья Внешней Монголии объявили себя независимыми от китайского правительства и избрали своим повелителем ургинского первосвященника хутухту. С этого времени, несмотря на возражения китайского правительства, желавшего рассматривать Монголию как свою провинцию, правительство хутухты пользовалось фактической независимостью. Возникал поэтому вопрос, какие права принадлежат в его владениях русским подданным. Имея в Монголии значительные интересы, мы не могли долго оставлять этот вопрос в неопределенном положении. Мы сочли поэтому необходимым оформить эти права соглашением с правительством хутухты, фактически осуществлявшим полноту власти во Внешней Монголии. С этой целью мы заключили с ним 21 октября 1912 г. договор[13], по которому закрепили в более ясной и точной формулировке права, которыми, в силу договоров

с Китаем, пользуются в Монголии русские подданные и торговля. В свою очередь, мы гарантировали по этому договору правительству хутухты нашу поддержку против попыток китайского правительства ввести в его владения китайскую администрацию, расквартировать в них китайские войска и колонизовать их китайцами. Мы гарантировали, таким образом, монголам те вольности, на сохранении которых мы еще до декабрьских событий 1911 года настаивали перед Китаем, как я имел случай объявить в сообщении, которое я сделал в апреле 1912 г. Государственной думе третьего созыва[14]. Заключая этот договор, мы оговорили в особой ноте, переданной нашим уполномоченным ургинскому правительству наше право определить, на какие монгольские области распространяются вышеуказанные гарантии.

Министерство иностранных дел опубликовало сборник документов[15], касающихся наших переговоров с китайским правительством относительно признания Ургинского соглашения и торгового протокола 1912 года. В этом сборнике Вы найдете, господа, подробности этих переговоров, которые могут заинтересовать Вас. Переговоры привели к подписанию 23 октября 1913 г. декларации по монгольскому вопросу[16], по которой китайское правительство признало существование Монгольского государства, находящегося под сюзеренитетом Китая и пользующегося автономией не только во внутренних своих делах, но и в области международных отношений по вопросам торговли и промышленности. Что касается пределов Автономного монгольского государства, то в него вошли 4 аймака Халхи и Кобдосский округ. Мы отстояли, таким образом, все положения, которые мы ставили себе целью. В моем апрельском сообщении 1912 года я подробно остановился на соображениях, которыми мы руководились, намечая именно такое решение монгольского вопроса, и повторять их теперь я поэтому не буду.

Несмотря на неоднократно делавшиеся нами предупреждения, министры хутухты, переоценивающие свою военную силу и политическое значение, считали, тем не менее, возможным добиваться силой оружия объединения всех монгольских племен под властью своего повелителя. В их представлении рисовалась картина отторжения от Китая, при денежной и военной помощи России, всех территорий, хотя бы отчасти населенных монголами. Не умея организовать сколько-нибудь сносного управления у себя дома, они мечтали о владычестве над такими своими сородичами, от которых географические и исторические условия уже давно отделили их и которые поэтому питают к ним далеко не доброжелюбные чувства. Не считаясь с международной обстановкой, мало доступной их пониманию, они мечтали о договорах с великими державами, которые должны были оказать им поддержку против китайцев взамен предоставления им экономических выгод. Само собой разумеется, что мы не могли и не можем поощрять этих несбыточных мечтаний, которые неизбежно должны рассеяться от соприкосновения с действительностью, мы, русские, — не враги Китая, и не можем терять из вида возможности разграничить к обоюдному удовлетворению наши и китайские интересы. Мы не можем также не видеть, что Автономная Монголия, чтобы стать государством не только по имени, нуждается прежде всего в организации управления и финансов. Деятельности монгольского правительства в этом созидательном направлении мы, конечно, можем лишь сочувствовать и содействовать ее успеху.

Я считаю нужным особо остановиться на одной из монгольских областей, не вошедшей в силу декларации 21 октября 1913 г. в состав Автономного монгольского государства. Область эта, лежащая между рекой Аргунью и Хинганским хребтом, носит у нас обычно название Барги. Пользуясь китайской смутой, жители также провозгласили

себя независимыми от Китая и заговорили о присоединении к владениям ургинского хутухты. Свои отношения к его правительству они понимают однако своеобразно: они охотно принимают помощь ургинского правительства, но вместе с тем отказываются повиноваться его распоряжениям и платить ему какие-либо налоги. Вопрос об участи Барги приходится поэтому решать отдельно. В этой области, за время ее фактической независимости, образовались крупные русские интересы, основанные на контрактах, заключенных русскими предпринимателями с баргутскими властями. Охранить эти интересы и удовлетворить естественному желанию баргутов пользоваться внутренним самоуправлением — такова двойная задача, которую мы ставим себе в переговорах, идущих между китайским правительством и баргутами при нашем посредничестве. Эти переговоры еще настолько мало подвинулись, что я лишен возможности подробнее посвятить вас в их ход.

Наша деятельность в китайских областях, примыкающих к русской границе, где мы, естественно, имеем особые интересы, встречает доброжелательное отношение со стороны держав. Как на пример такого отношения я могу указать на оборот, который принимает вопрос о положении иностранцев в наших поселках в Маньчжурии. В течение долгих лет державы оспаривали обязанность своих подданных подчиняться введенным нами в поселках на территории железной дороги порядкам. Юридическое существо этого спора слишком сложно, чтобы касаться его здесь. Ныне державы стали на более практическую почву. Пример этого подала наша союзница Франция, которая заявила, что признает безусловную обязанность своих граждан и лиц, находящихся под покровительством Франции, подчиняться издаваемым нами обязательным постановлениям и платить устанавливаемые для удовлетворения общественных нужд налоги. Вслед за тем, между нашим генеральным консулом в Харбине и его английским и германским сотоварищами было выработано подлежащее еще рассмотрению и одобрению правительств соглашение о подчинении английских и германских подданных обязательным постановлениям наших общественных управлений в Маньчжурии и устанавливаемым ими общественным сборам.

Особое положение в этом вопросе занимало японское правительство. Верное соглашениям с нами о солидарном образе действий в Маньчжурии, оно с самого начала признало обязательность для своих подданных установленных нами в наших поселках порядков.

Тем же духом проникнуты наши отношения к Японии по всем возникающим между нами вопросам. События последнего времени в Китае не раз давали нам повод к параллельным с японским правительством действиям. В вопросах международного характера, каков, например, вопрос о китайских займах, мы неоднократно опирались друг на друга для ограждения наших интересов.

Господа,

Покончив с обзором наших международных отношений и политической стороны деятельности русского правительства, я позволю себе отнять у вас еще несколько минут, чтобы в кратких словах коснуться некоторых вопросов, входящих в круг ведения вверенного мне ведомства.

Сюда относится прежде всего наболевший вопрос о русских переселенцах за границей. Я не буду распространяться о том, в какие тяжелые условия часто попадают наши соотечественники, отправляющиеся в чужие края либо на заработки, либо в надежде

обосноваться в далеких странах, о коих имеют в большинстве случаев преувеличенно радужное представление. Все это достаточно известно, и мне хочется только сказать, что Министерство иностранных дел, озабоченное изысканием выхода из такого положения вещей, обратило внимание своих заграничных учреждений в местностях, где наблюдается прилив переселенцев из России, на необходимость оказывать последним всякую поддержку. Министерство, кроме того, поручило своим представителям доставить подробные сведения и предположения, основанные на знании местных условий для выработки мер к упорядочению существующего положения.

Правительство имеет в виду внести на обсуждение Государственной думы законопроект в этом смысле. Со своей стороны, могу только высказать надежду, что вы отнесетесь к нему сочувственно, так как без широких мероприятий и соответствующих затрат самое внимательное отношение заграничных представителей Министерства иностранных дел к переселенцам и ищущим заработков не в силах одно помочь делу.

Если, в связи с переселенческим делом, а может быть и в некоторых других случаях могли оказаться недочеты в деятельности наших агентов за границей, то таковые являются не общим правилом, а исключением, и едва ли было бы справедливо ставить это в упрек всему личному составу заграничной службы.

В заключение считаю долгом отметить, что, в заботе об осуществлении необходимых преобразований в устройстве и деятельности вверенного мне ведомства, я предполагаю внести на обсуждение законодательных учреждений проект нового Консульского судебного устава, работы по составлению коего почти закончены; сверх того при Министерстве иностранных дел созвано в настоящее время междуведомственное совещание для обсуждения реформы заграничной службы министерства, которая призвана дополнить проект преобразования центральных установлений ведомства, принятый комиссиями законодательных предположений и бюджетной Государственной думы, *и проект, который будет внесен на Ваше рассмотрение в самом начале осенней сессии.*

Ф. 138, оп. 467, д. 723, л. 2–26. Подлинник (пометы и исправления С.Д. Сазонова). Рус. яз. Опубл.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия II. Часть IV. Заседание 80-е. Суббота, 10 мая 1914 г. Стенографический отчет. — СПб, 1914. — Столбцы (Стлб.) 325–432.

[1] Далее зачеркнуто С.Д. Сазоновым «основательные».

[2] Здесь и далее в документе выделены курсивом слова, вписанные С.Д. Сазоновым.

[3] Далее зачеркнуто С.Д. Сазоновым «тяжелые».

[4] См. док. № 1, прим. 2 к записи от 27 ноября 1914 г.

[5] Так в документе.

[6] В начале 1914 года в прессе обеих держав вспыхнула ожесточенная полемика, достигшая к середине февраля такого накала, что получила название «газетной войны». — См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (далее — История внешней политики России...). — М., 1997. — С. 418–425.

[7] Имеется в виду «Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912 г. — июль 1913 г.», изданный Министерством иностранных дел в Санкт-Петербурге в 1914 году.

[8] См. док. № 1, прим. 1, 2 к записи от 18 марта 1915 г.

[9] 26 января/8 февраля 1914 г. Россия и Турция подписали в Константинополе соглашение по армянским реформам. По этому соглашению Турецкая Армения была разделена на две области (Южную и Северную) под управлением двух генеральных инспекторов «из иностранцев», назначаемых Портой. Реформы, намеченные соглашением, касались администрации, судопроизводства, школы, земельного вопроса. Армянам

формально предоставлялись равные права с мусульманами. — См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 (далее — Сборник договоров России...). — М., 1952. — С. 421–424.

[10] Персидское кавалерийское соединение было создано в 1879 году по образцу терских казачьих частей. Обучение личного состава осуществляли военные инструкторы русской военной миссии. В задачи бригады входила охрана шаха и высших должностных лиц Персии. Создание Персидской казачьей бригады и поддержание ее деятельности были важной составной частью внешнеполитических усилий России по сдерживанию геополитических устремлений Великобритании в Персии с целью обеспечения выхода России к Персидскому заливу и Индийскому океану.

[11] В ноябре 1913 г. в Константинополе при посредничестве России и Великобритании был подписан турецко-иранский протокол по пограничным вопросам, в соответствии с которым смешанная пограничная комиссия (Россия, Турция, Иран, Великобритания) в 1914 году произвела демаркацию границы на всем ее протяжении.

[12] Имеется в виду конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета от 18/31 августа 1907 г.

[13] 21 октября/3 ноября 1912 г. в Урге было подписано соглашение о признании Россией автономии Монголии, а также протокол о правах и преимуществах российских подданных в Монголии и монгольских подданных в России.

[14] Речь С.Д. Сазонова на заседании Государственной думы 12/25 апреля 1912 г. — См.: Известия МИД. — 1912. — Кн. III. — С. 70–84.

[15] Имеется в виду «Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. 23 августа — 2 ноября 1913 г.», изданный Министерством иностранных дел в Санкт-Петербурге в 1914 году.

[16] Декларация России и Китая о признании автономии Внешней Монголии была подписана в Пекине 23 октября/5 ноября 1913 г.

3. ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА О ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

26 июля 1914 г.

[...] Председатель[1]. Слово принадлежит г-ну министру иностранных дел. (Пуришкевич: Да здравствует Сазонов! *Продолжительные рукоплескания*[2]).

Министр иностранных дел Сазонов. Гг. члены Государственной думы. В трудные минуты ответственных решений правительство почерпало силы в сознании полного единомыслия своего с народной совестью. (Голоса: браво). Когда наступит время для истории произнести свой беспристрастный суд, ее решение — я твердо в это верю — не будет иным, как то, которым мы руководились: Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть Великой Россией. (*Бурные рукоплескания*). Наши враги стремятся перенести на нас ответственность за бедствия, которые они навлекли на Европу, но их лживые наветы не могут ввести в заблуждение никого, кто добросовестно следит за политикой России за последние годы и за последние дни. В сознании необъятных задач, связанных с ее внутренним развитием и преуспеянием, Россия не со вчерашнего дня дала многочисленные доказательства своего искреннего миролюбия, только благодаря этому миролюбию в Европе был предотвращен пожар, готовый разгореться, когда в 1912–1913 гг. возникла борьба на Балканах[3]. Не в ней, не в русской политике заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россия никогда не полагала в тщеславном бряцании оружием, в попрании чужого самолюбия, в пренебрежении к правам слабых. Спокойная, мирная мощь России не давала покоя ее врагам. Нужно ли напоминать вам о всех попытках Австро-Вен-

грии подорвать историческое положение России на Балканах? Пришел час, когда я могу здесь, не обинуясь, сказать, что ее старанием удалось посеять братоубийственную рознь между Болгарией и ее союзниками. Но подвергшееся тяжелым испытаниям дело единения православных народов Балканского полуострова, Бог даст, не погибнет. Вы знаете повод войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление ее силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории, происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было явно, что для нас не вступиться в дело — значило бы не только отказаться от вековой роли России, как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиною Германии для Европы есть закон. На это не могли согласиться ни мы, ни Франция, ни Англия. Не менее нас наши доблестные союзники прилагали свои усилия к укреплению мира в Европе. Наши враги ошиблись, приняв эти усилия за проявление слабости, и после вызова, брошенного Австрией, Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников. Вы убедитесь в этом из документов, которые будут обнародованы и которые излагают последовательный ход переговоров. Мы твердо стояли на одном условии: готовые принять всякий компромисс, способный без умаления ее достоинства быть принятым Австрией, мы исключали все, что могло задеть самостоятельность и независимость Сербии. С самого начала мы не скрывали нашей точки зрения; несомненно, что, если бы берлинский кабинет захотел, он мог бы еще вовремя одним властным словом остановить свою союзницу так же, как он сделал это во время Балканского кризиса. Между тем Германия, которая за самые последние дни не переставала высказывать на словах свою готовность воздействовать на Вену, отвергла одно за другим делавшиеся ей предложения и, с своей стороны, выступала с пустыми заверениями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрия подвергла Белград ожесточенной бомбардировке. Это был организованный правительством погром — естественное продолжение погромов беззащитного сербского населении Сараева после известного злодеяния 15 июня. Явная цель всего была выиграть переговорами время, поставить нас и Европу перед совершившимся фактом унижения Сербии. При таких условиях мы не могли не принять естественных мер предосторожности тем более, что Австрия уже мобилизовала половину своей армии. Когда в России была объявлена мобилизация армии и флота, государю императору благоугодно было своим царственным словом поручиться перед германским императором, что Россия не приступит к применению силы, пока есть надежда на мирный исход переговоров на тех полных умеренности началах, о которых я упомянул. Этот голос не был услышан. Германия объявила войну сначала нам, потом нашей союзнице. Потеряв всякое самообладание, она стала попирать общепризнанные права государств, нейтралитет коих обеспечен торжественной подписью ее самой, наравне с другими государствами. Нельзя не преклониться перед героизмом бельгийского народа, борющегося против огромной германской армии. (*Бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса бельгийскому посланнику гр. Конраду де-Буиссерэ-Стеенбеке-де-Блареииен*). Образ действия Германии не мог не вызвать глубокого негодования всего цивилизованного мира (*бурные рукоплескания*) и, прежде всего, благородной Франции, которая вместе с нами встала на защиту попранного права и справедливости. (*Бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса французскому послу*

Морису Палеологу). Нужно ли говорить, что те же чувства одухотворяли Англию (*бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса великобританскому послу сэру Джорджу Бьюкэнену*).., Англию, которая, как один человек, сплотилась в общем чувстве — необходимости дать отпор Германии в ее стремлении наложить на Европу тяжелую руку своей гегемонии. Теперь тот повод, из-за которого возникла война, отступает перед значением, которое она приобретает для каждого из нас и наших союзников. Германия нам объявила войну 19 июля, а через пять дней после нее и Австрия, мотивировавшая свое решение нашим вмешательством в свой спор с Сербией, а также тем, что мы открыли враждебные действия против Германии. Этим будто бы и вызвана война последней против нас. Неприятельские войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положение великой державы. Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем. Те же побуждения руководят нашими союзниками. Мы не предавались пустому тщеславию. Мы знаем, что на нашем пути могут быть тяжелые испытания; они уже учитываются нашими врагами. Не зная России и презрев ее историю, они рассчитывают на возможность малодушия с нашей стороны. Но Бог, не оставивший Россию в самые тяжелые годины ее истории, не покинет и теперь нашу родину, которая вся сплотилась вокруг своего царя в общем чувстве любви и самопожертвования. (*В центре, справа и слева продолжительные рукоплескания и голоса:* браво, верно). Со смиренным упованием на помощь Божью, с непоколебимой верой в Россию правительство с горячим доверием обращается к вам, народным избранникам (голоса: браво), убежденное, что в вашем лице отражается образ нашей великой родины, над которой да не посмеются наши враги (*Члены Государственной думы стоя приветствуют министра иностранных дел продолжительными и бурными рукоплесканиями; голоса:* браво; *голоса справа:* молодчина, вот это здорово). [...]

Ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 384, л. 41 об.–42 об.
Опубл.: Известия МИД. — 1914. — Кн. V. — С. 12–15.

[1] М.В. Родзянко, председатель Государственной думы.
[2] Здесь и далее в этом документе — курсив подлинника.
[3] Имеются в виду Балканские войны. — См. док. № 1, прим. 1, 2 к записи от 18 марта 1915 г.

4. ВСЕПОДДАННЕЙШАЯ ЗАПИСКА ВОЕННОГО МИНИСТРА В.А. СУХОМЛИНОВА

31 июля 1914 г.

Всеподданнейше повергаю на высочайшее Вашего императорского величества воззрение проект воззвания к полякам, выработанного мною совместно с министром иностранных дел и с начальником Штаба верховного главнокомандующего.

Генерал-адъютант Сухомлинов

На документе пометы: 1) «Его величество изволил читать. 31 июля 1914 года. Генерал-адъютант Сухомлинов». 2) ✓ — знак рассмотрения Николаем II.

Приложение

Проект воззвания верховного главнокомандующего
великого князя Николая Николаевича к польскому народу

[1] августа 1914 г.

Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Гринвальде[1].

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение Креста — символ страдания и воскресения народов.

Верховный главнокомандующий
генерал-адъютант Николай

Ф. 323, оп. 617, д. 89, л. 2; приложение, л. 3. Подлинник. Рус. яз.
Приложение опубл.: Известия МИД. — 1914. — Кн. V. — С. 41.

[1] Имеется в виду битва при Грюнвальде 1410 г., в ходе которой польско-литовско-русская армия разгромила войска Тевтонского ордена.

5. ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО МИРА

Лондон, 5 сентября 1914 г. (н. ст.)

Нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные на то соответствующими их правительствами, заявляют о следующем:

Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников.

Во свидетельство чего нижеподписавшиеся подписали эту декларацию и приложили к ней свои печати.

Подписано в Лондоне в трех экземплярах 5 сентября 1914 г.

М.П. *Бенкендорф*
М.П. *Э. Грей*
М.П. *Поль Камбон*

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 425.
Ф. Трактаты, оп. 3, д. 1952, л. 4–5 (фр. яз.), л. 6–7 (англ. яз.). Подлинник.

6. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РУМЫНИЕЙ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РУМЫНИИ, ПРИСОЕДИНЕНИИ К РУМЫНИИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ОБЛАСТЕЙ И О ДРУЖЕСТВЕННОМ НЕЙТРАЛИТЕТЕ РУМЫНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ (В ФОРМЕ ОБМЕНА НОТАМИ)

18 сентября/1 октября 1914 г.

Нота министра иностранных дел С.Д. Сазонова
посланнику Румынии в Петрограде К. Диаманди[1]

№ 112 *Петроград, 18 сентября/1 октября 1914 г.*

Г-н посланник,

Ссылаясь на происходившие между нами переговоры, имею честь сделать Вам следующую декларацию:

Россия обязуется противодействовать всякой попытке нарушить территориальный status quo Румынии в пределах ее настоящих границ.

Она равным образом принимает на себя обязательство признать за Румынией право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии. Что касается специально Буковины, то принцип большинства населения будет служить основанием для разграничения территорий, которые должны быть присоединены или к России, или к Румынии. Это разграничение будет проведено после специального изучения вопроса на месте. С этой целью будет назначена смешанная комиссия, которая будет снабжена инструкциями, составленными в примирительном духе, одушевляющем оба правительства.

Румыния может занять означенные выше территории в момент, который она сочтет удобным.

Россия возьмет на себя получение от лондонского и парижского кабинетов ратификации указанных выше обязательств.

Взамен за вышеизложенное Румыния, со своей стороны, обязуется соблюдать до того дня, когда она займет населенные румынами области Австро-Венгерской монархии, доброжелательный нейтралитет в отношении России.

Условлено, что настоящая декларация останется секретной до момента присоединения Румынией территорий, о которых идет речь.

Примите и пр.

Сазонов

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 426–427.
Ф. 138, оп. 467, д. 328, л. 4–4 об. Копия. Фр. яз.

[1] Соглашение было заключено посредством обмена нотами между С.Д. Сазоновым и К. Диаманди. Румынский посланник ответил нотой тождественного содержания, подтверждавшей достигнутое соглашение.

7. ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И США ОБ УЛАЖИВАНИИ СПОРОВ

Вашингтон, 18 сентября/1 октября 1914 г.

Его величество император всероссийский и президент Американских Соединенных Штатов, желая упрочить дружественные отношения, связующие оба их государства, и способствовать делу всеобщего мира, решили в сих видах заключить договор и посему назначили своими уполномоченными ниженазванных лиц:

Его величество император всероссийский его превосходительство Г. Бахметева, своего гофмейстера и чрезвычайного и полномочного посла в Соединенных Штатах, и

Президент Американских Соединенных Штатов почтенного Вильяма Дженнингса Брайана, государственного секретаря Соединенных Штатов;

Каковые, по взаимном сообщении своих полномочий, признанных составленными в надлежащей и законной форме, согласились о следующих статьях:

Статья 1

Все несогласия, возникающие между императорским российским правительством и правительством Американских Соединенных Штатов, какого бы рода они ни были, будут, если дипломатические переговоры окажутся безуспешными, передаваемы для рассмотрения и доклада постоянной международной комиссии, учрежденной в порядке, определенном в следующей статье; Высокие договаривающиеся стороны равным образом соглашаются не прибегать в отношении друг друга ни к каким актам насилия в течение исследования, которое произведет комиссия, и до вручения им ее доклада.

Статья 2

Международная комиссия будет состоять из пяти членов, назначенных следующим образом: каждое правительство назначит двух членов; пятый член будет назначен по

взаимному соглашению и не может принадлежать ни к одной из национальностей, уже представленных в комиссии. Он будет исполнять обязанности председателя.

Оба правительства будут нести поровну расходы по комиссии.

Комиссия будет образована в течение шести месяцев по обмене ратификаций настоящей Конвенции.

Члены назначаются на один год, и полномочия их могут быть возобновлены. Они остаются в должности до их замены или до возобновления их полномочий, или же до завершения происходящих в момент истечения срока их полномочий их работ.

Замещение вакансий будет производиться порядком, установленным для назначения.

Статья 3

В случае, если бы между Высокими договаривающимися сторонами возникло несогласие, которое не могло бы быть устранено дипломатическим путем, каждая сторона будет иметь право просить, чтобы рассмотрение его было бы вверено Международной комиссии, которая должна сделать доклад. Уведомление об этом должно быть сделано председателю Международной комиссии, который тотчас же войдет в сношения со своими сотоварищами.

Относительно порядка делопроизводства комиссия будет руководствоваться, по мере возможности, постановлениями, содержащимися в статьях 9–36 первой Гаагской конвенции 1907 года[1].

Высокие договаривающиеся стороны обязуются предоставлять комиссии с наибольшей полнотой, которая будет сочтена допустимой, все средства и всякое содействие, необходимые для ее расследования и доклада.

Работы комиссии должны быть закончены в течение года со дня обращения к ней, если только Высокие договаривающиеся стороны не согласятся установить другой срок.

Заключение комиссии и текст ее доклада должны быть приняты по большинству голосов. Доклад, который подписывается одним председателем, действующим в силу своего звания, будет передан им каждой из договаривающихся сторон.

Высокие договаривающиеся стороны сохраняют за собой полную свободу в отношении последствий, которые могут быть даны докладу комиссии.

Статья 4

Настоящий договор будет ратификован его величеством императором всероссийским и президентом Американских Соединенных Штатов по совету и с согласия Сената Соединенных Штатов.

Он вступит в силу тотчас же после обмена ратификациями, и действие его продолжится пять лет.

Если отказ от него не последует, по крайней мере, за шесть месяцев до истечения указанного срока, договор будет считаться молчаливо возобновленным на срок двенадцати месяцев, считая со дня, в который одна из Высоких договаривающихся сторон уведомит другую о своем намерении прекратить его действие.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в Вашингтоне 18 сентября / 1 октября 1914 года.

М.П. *Подписано:* *Г. Бахметев*

М.П. *Подписано:* *Вильям Дженнингс Брайан*

Печат. по: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате (далее — Собрание узаконений...). — 1915. — Отдел первый. — № 131. — Ст. 1008. — С. 1394–1399.
Ф. 163, оп. 3, д. 1361, л. 1–2 об. Подлинник. Фр. и англ. яз.

[1] Имеется в виду Гаагская конвенция 1907 года о мирном решении международных столкновений. Статьи 9–36 составляли раздел «О международных следственных комиссиях» и регламентировали порядок работы комиссий.

8. ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА

Петроград, 30 сентября/13 октября 1914 г.

На телеграмме поверенному в делах в Нише от 27 сентября сего года относительно желательности покупки сербским правительством керосина в Румынии в целях стеснения закупок Германией этого топлива, в коем начинает нуждаться ее армия, Вашему императорскому величеству угодно было сделать помету: «есть ли у Сербии нужные деньги»[1].

С начала войны Сербии оказана была как нами, так и нашими союзниками самая серьезная помощь как деньгами, так и вооружением.

На приобретение в России военных припасов, с соизволения Вашего императорского величества, Сербии открыт кредит в размере шести миллионов рублей. Кроме того, военным и морским ведомствами сделано все возможное, чтобы удовлетворить многочисленные ходатайства сербской армии относительно снабжения ее оружием, военными припасами и предметами обмундирования.

Независимо от 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн патронов, отпущенных Сербии перед самой войной и доставка коих производилась уже после начала военных действий, удовлетворены следующие просьбы военного характера, обращенные к нам Сербией через Министерство иностранных дел: о предоставлении двух 6-дюймовых орудий с 1 тыс. снарядами и при них 10 нижних чинов, 10 тыс. запасных частей для винтовок, 13 тыс. снарядов для полевой артиллерии, 22 тыс. ружей, 75 тыс. комплектов обмундирования. В Одессе собран морским ведомством плавучий парк, могущий заменить понтонный мост. Независимо от сего отпущено военным и морским ведомствами значительное количество отдельных предметов военного снаряжения, вследствие ходатайств сербского военного ведомства, обращенных непосредственно к названным ведомствам сербским военным агентом.

Помимо сего, вследствие ходатайств сербского правительства, всецело поддержанных послом в Париже, во исполнение указаний Вашего императорского величества о необходимости оказания таковой помощи, французское правительство открыло Сер-

бии кредит в 90 млн франков золотом и обещало ему полное содействие к получению и доставке военных припасов, заказанных заводу Крезо. Из запасов французской армии отправлено до девяти горных батарей и 1 тыс. 200 снарядов к каждому орудию.

В тех же видах оказания денежной помощи великобританское правительство открыло Сербии кредит в 20 млн франков.

Наконец, греческое правительство, вследствие наших настояний, признало возможным отпустить из своих запасов все годные, взятые у болгар, полевые орудия и допустить уступку двух горных батарей, заказанных во Франции.

Сазонов

На документе помета Николая II: ?.

Ф. 138, оп. 467, д. 722, л. 32–33 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Телеграмма С.Д. Сазонова № 3179 от 27 сентября/10 октября 1914 г. поверенному в делах в Сербии В.Н. Штрандтману. — См.: Ф. 151, оп. 482, д. 1789, л. 114.

9. ЗАПИСКА ВИЦЕ-ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[1] Н.А. БАЗИЛИ

ноябрь 1914 г.
Секретно

О целях наших на Проливах

Исторический вопрос о Проливах имеет для России экономическое, стратегическое и общеполитическое значение.

I

Морской путь через Проливы является для нас важнейшей торговой артерией. О значении ее для нашего вывоза свидетельствуют нижеследующие цифры:

Вывоз из России в миллионах рублей:

	через Дарданеллы:	весь вывоз из империи:
1903	410	1 001
1904	410	1 006
1905	406	1 077
1906	378	1 094
1907	386	1 053
1908	345	998
1909	565	1 427
1910	565	1 449
1911	568	1 591
1912[2]	433	1 518

В среднем за это десятилетие вывоз через Дарданеллы составляет 37% всего вывоза из империи.

Морская перевозка наших грузов, вывозимых через Проливы не может быть заменена сухопутным транзитом. Последний обходится в среднем в 25 раз дороже перевозки морем, вывоз же наш из Черного моря состоит из хлеба и вообще сырья, т.е. грузов, не выдерживающих высокого фракта.

Первостепенная важность для нас торгового пути через Проливы явствует и из того, как тяжело отразилось на всей нашей экономической жизни даже временное закрытие их Турцией в 1912 году и 1913 году[3].

Причиненный нам этим ущерб исчисляется свыше 30 млн рублей за каждый месяц. Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи на 1914 год, торговый баланс России в 1912 году был на сто миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие 3 года. Причина этого усматривается в недостаточно удовлетворительной реализации урожая; затруднения в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошли вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов. Примером того, как глубоко затрагивает нашу экономическую жизнь всякий перерыв движения через Проливы, может служить вызванное этим повышение весной 1913 года Государственным банком учета на 1/2% для трехмесячных векселей.

Значение для России морского торгового пути через Проливы в будущем несомненно еще во много раз увеличится. Экономическое развитие нашего юга происходит особенно скоро и успешно. Можно ожидать, что благодаря обилию железа и угля и близости моря наши южные губернии превратятся в богатый промышленный район. Это не сможет не вызвать роста черноморской торговли. Такое же влияние окажет и развитие путей сообщения и эксплуатации богатств, экономического hinterlandia[4] Черного моря и, в частности, Персии.

Свобода морского торгового пути из Черного моря в Средиземное и обратно является, таким образом, необходимым условием правильной экономической жизни России и дальнейшего развития ее благосостояния[5].

Между тем при существующем положении беспрепятственность торгового движения через Проливы не может считаться для нас обеспеченной. События последних лет показали, что, когда Турции оказывалось выгодным, она закрывала Проливы, и даже на продолжительное время, не считаясь с нашими интересами. Если минирование Проливов во время итало-турецкой и греко-турецкой войн[6] вызвано было соображениями оборонительного свойства, то закрытие Проливов в середине сентября 1914 г., когда Турция ни с кем не воевала, является ничем иным, как грубым злоупотреблением.

Зависимость этого важнейшего для нас торгового пути как от произвола чужой территориальной власти, так и от состояния ее международных отношений нельзя не признать не только противоречащей нашим первостепенным государственным интересам, но и унизительной для нашего престижа.

С экономической точки зрения целью нашей в отношении Проливов должно поэтому быть установление гарантий беспрепятственного пользования этим морским путем для нашей торговли.

Гарантии эти должны быть реальными. Одни юридические обеспечения не могут здесь быть достаточными. Они имели бы значение лишь на время мира. В случае же войны действительность их зависела бы от ограждения их силой. Без санкции гарантии эти не могут поэтому иметь цены.

Такие гарантии могут явиться вполне прочными лишь в случае подчинения всего морского пути через Проливы в той или иной форме нашей власти. Лишь в случае, если охрана этого пути будет в наших руках, мы можем иметь уверенность, что он будет огражден во всякое время от чьих бы то ни было посягательств. Менее полные гарантии дадут, конечно, и меньшей цены обеспечение.

Необходимо, однако, иметь в виду, что даже установление нашего господства над Проливами не даст нам безусловного обеспечения экономического выхода нашего в Средиземное море. Оно не устранит возможности для державы, располагающей в Средиземном море достаточными морскими силами, в случае войны с нами объявить и осуществить блокаду проливов.

II

Стратегическое значение Проливов заключается в возможности для государства, господствующего над ними, по своему усмотрению без значительных морских сил препятствовать прохождению военных судов из Средиземного моря в Черное и обратно. Кроме того, Проливы являются прекрасной оперативной базой для действий флота как в средиземном, так и в Черном море.

Так как Проливы представляют из себя два последовательных дефиле — Босфорский и Дарданелльский проливы, то господство над обоими обеспечивает возможность свободно проводить суда из одного моря в другое, господство же только над одним из них позволяет не допускать выхода судов в прилегающее к нему море.

Говоря о Дарданелльском дефиле, нужно разуметь под ним не только самый Дарданелльский пролив, но и морское пространство между ним и прилегающей к нему группой Эгейских островов: Тенедос, Имброс, Самофракия и Лемнос. Острова эти настолько близко расположены к Дарданеллам, что могут быть в большей или меньшей степени использованы для воспрепятствования выходу из этого пролива.

Современная военная техника дает различные средства для преграждения чужому флоту пути через дефиле.

В смысле узости водного пути и глубины его, Босфор и Дарданеллы отвечают условиям, при которых закрытие их может быть осуществлено следующими средствами:

1) установкой береговых батарей,

2) установкой на берегу минных аппаратов,

3) заграждением водного пути подводными минами,

4) действием в проливах подводных лодок.

Все эти средства могут быть применены лишь в случае господства над берегами Проливов. Нечего и говорить, что это является необходимым условием для установки на берегу артиллерии или минных аппаратов. Подводные минные заграждения будут действительны лишь, если будут защищены артиллерией, дабы они не могли быть удалены противником при помощи тралеров[7]. Подводные же лодки могут действовать в Проливах лишь в случае отсутствия для них опасности с берега, так как ввиду необходимости показывать перископ они могут быть уничтожены огнем береговой артиллерии.

Нахождение Проливов в чужих руках имеет для нас с военно-морской точки зрения следующие невыгодные последствия.

Обладание Дарданелльским дефиле (включающим, как выше указано, и лежащие впереди его теснины между островами) дает государству, им владеющему, возможность

препятствовать выходу наших военных судов из Черного моря в Средиземное, а также же не допускать прохода наших военных судов из Средиземного моря в Черное либо для усиления нашего Черноморского флота, либо для укрытия в наших черноморских портах.

Владея еще и Босфором, государство это может проводить из Средиземного моря в Черное враждебные нам морские силы — собственные или чужой державы. Разительным примером создаваемой таким положением опасности для обороны нашего южного побережья может служить появление в Черном море «Гебена» и «Бреслау»[8].

Соответственно сему стратегические задачи наши на Проливах могут быть двоякого рода.

Стремления наши могут ограничиться созданием такого положения, которое давало бы нам возможность не допускать проникновения в Черное море чужих морских сил. Задачу эту можно назвать пассивной.

Установление такого положения в высокой степени укрепило бы и упростило бы оборону нашего черноморского побережья. Оно позволило бы нам в значительной степени сократить в Черном море наши морские силы, задачи коих ограничились бы борьбой с флотами государств, прибрежных к Черному морю.

В противоположность этой чисто оборонительной задаче перед нами на Проливах может ставиться и более широкая, — так сказать, активная, — а именно: обеспечения во всякое время, следовательно, и во время войны, беспрепятственного движения наших военных судов через Проливы и свободного их выхода в Средиземное море. Такое решение очевидно требует подчинения нашей власти всего морского пути из Черного моря в Средиземное.

Необходимо, однако, оговориться. Господство наше над морским путем этим, даже в случае распространения его на лежащую впереди Дарданелл группу Эгейских островов, еще не может при всяких обстоятельствах дать нам уверенность в свободе нашего доступа в Средиземное море. Противник, располагающий морским господством в этом море, очевидно, всегда будет в состоянии не пустить в него наших судов. Такое положение неизбежно создастся в случае борьбы нашей с первостепенной морской державой, при условии, однако, что флот ее не будет оттянут в другом направлении, как, например, в случае одновременной войны ее с другой крупной морской державой.

При обеспечении выхода наших военных судов в Средиземное море значение Черноморского флота совершенно изменилось бы. Деятельность его не была бы ограничена одним Черным морем. Мы получили бы возможность использовать его и в других морях. Нам не приходилось бы содержать, как теперь, на нескольких морях значительные морские силы, что так тяжело ложится на наш бюджет. Мы могли бы в таком случае иметь лишь один «флот открытого моря» на Черном море, ограничиваясь на других морях морскими силами, предназначенными исключительно для оборонительных задач.

Сокращение морской сметы, которое получится в таком случае, до известной степени компенсировало бы те материальные жертвы, которые неизбежно вызвало бы укрепление нашей власти на Проливах.

Затем свобода плавания наших военных судов через Проливы дала бы нам возможность грозить нашим флотом в Средиземном море, что при условии обладания внушительными морскими силами могло бы в высокой степени усилить наше влияние в мире. Как уже было указано, Проливы являются прекрасной оперативной базой для флота в Средиземном море.

Значение этих доводов может быть, конечно, сильно оспорено. В частности, сомнению может быть подвергнута польза для нас широкой наступательной морской политики, по крайней мере в настоящее время.

Главным аргументом в пользу разрешения вопроса о Проливах в смысле обеспечения выхода наших военных судов в Средиземное море служит то соображение, что свобода выхода из Проливов торгового флота в военное время определяется теми же условиями, что и для военного флота.

Действительно, если какой-либо державой создана будет фактическая невозможность плавания из Черного моря в Средиземное, например, путем минирования Дарданелл, то не пройдут в Средиземное море не только военные суда наши, но и торговые суда всех наций. Суда эти окажутся в одинаковом положении с военными и в случае объявления о блокаде Дарданелл. Лишь недопущением последней может быть ограждена свобода торгового движения.

Активная стратегическая задача на Проливах требует, таким образом, того же решения, как и задача обеспечения экономического выхода нашего в Средиземное море, поскольку обеспечение это признается необходимым распространить и на случай войны.

III

Владение Проливами позволяет пользоваться ими для воспрепятствования плаванию из Черного моря в Средиземное и обратно. Пока они находятся в руках Турции, выход наших военных судов из Черного моря неизбежно фактически подчинен ей.

Но при существующем положении выход из Черного моря закрыт для нашего флота и независимо от отношения к этому Турции. Действующими договорными постановлениями установлено запрещение прохождения военных судов всех наций через Босфор и Дарданеллы.

Запрещение это оценивалось различным образом с точки зрения наших интересов.

В пользу признания невыгодности для нас юридического закрытия Проливов говорят следующие соображения.

Во-первых, закрытие Проливов лишает Россию во всякое время, и в частности, даже при мире с Турцией, возможности по мере надобности свободно перебрасывать свои морские силы из Черного моря в другие моря и обратно. Постановление о закрытии Проливов явилось в 1904 году помехой использованию наших Черноморских морских сил в войне с Японией, что могло бы, быть может, существенно отразиться на исходе этой войны.

Во-вторых, при закрытии Проливов Россия стеснена в пользовании своими черноморскими верфями для общих надобностей своих флотов, ввиду невозможности вывести в другие моря построенные в Черном море суда.

В-третьих, закрытие Проливов не позволяет России усиливать в случае необходимости свой Черноморский флот иначе, как сооружением новых судов на наших черноморских верфях. Это ставит нас на Черном море в положение неравенства с возможными нашими противниками в этом море. Покупка Турцией готовых боевых единиц в других странах может надолго изменить в ее пользу соотношение наших и турецких морских сил в Черном море ввиду невозможности для нас ответить на усиление турецкого флота иначе, как закладкой на наших черноморских верфях новых кораблей, сооружение которых требует немало времени. Турция может также получить преимущество над нами

благодаря возможности заказывать свои суда на западных верфях, как известно, изготавливающих суда гораздо скорее, чем наши заводы. Создаваемая таким положением беспомощность наша представилась с полной очевидностью, когда зашла речь о приобретении Турцией бразильского дредноута «Рио-Жанейро» и о заказе ею в Англии дредноута «Решада».

Против допущения прохода через Проливы военных судов всех наций приводятся следующие доводы.

Указывают, что, соглашаясь на доступ в Черное море чужих флотов, мы сами отказываемся от исключительного положения в этом море и теряем один из способов постоянного воздействия на Турцию в смысле достижения наших политических целей на Ближнем Востоке.

Затем, с открытием Проливов, становится возможным появление постоянных иностранных эскадр в Черном море, чем могут воспользоваться недружелюбно относящиеся к нам державы для создания нам постоянной угрозы.

Высказывается еще мнение, что открытие Проливов требует предварительного создания нами могущественного флота в Черном море. Соображение это нельзя признать основательным. Оно исходит из ложной уверенности, что единственным нашим противником в Черном море, благодаря договорам о закрытии Проливов, может быть Турция. Появление такой точки зрения нужно скорее признать одним из опасных последствий закрытия Проливов.

В целях сочетать выгоды отмены для нас закрытия Проливов с выгодами недопущения в Черное море чужих флотов предложено было разрешить прохождение через Проливы лишь военным судам прибрежных к Черному морю государств. Решение вопроса о плавании военных судов через Проливы в этом смысле необходимо, конечно, считать наиболее желательным с нашей точки зрения. Такое принципиальное признание неравенства между судами, плавающими под разными флагами, имеет, однако, мало шансов на успех.

Взвешивая соображения за и против открытия Проливов, приходится признать, что выгоды, даваемые нам правом проводить наши военные суда через Проливы, значительно превышают невыгоды допущения в Черном море чужих флотов. Невыгоды эти, впрочем, совершенно отпадают в случае подчинения нашей власти выхода из Босфора в Черное море.

IV

Как уже было упомянуто, лежащая впереди Дарданелльского пролива группа Эгейских островов, — Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия — могут быть использованы для облегчения операций против этого Пролива.

Стратегическая задача обеспечения нашего выхода в Средиземное море не может быть поэтому разрешена безотносительно к судьбе этих островов.

Тактическое значение их не одинаковое. Свобода выхода из всякой узкости обеспечивается созданием впереди нее плацдарма, позволяющего развернуться флоту, совершающему операцию входа или выхода из узкости.

Острова Имброс и Тенедос находятся в таком небольшом расстоянии от устья Дарданелльского пролива, что лежат в пределах требуемого по современным условиям плацдарма. Вполне удовлетворительная организация защиты Дарданелл требует поэтому,

чтобы эти два острова могли быть использованы в этих целях, а именно образовали бы морской фронт крепости, призванной обеспечить устье Проливов от действий с моря. В противном случае, опираясь на эти острова, даже сравнительно небольшой флот мог бы заблокировать Дарданеллы против весьма сильного противника. Кроме того, на островах этих может быть установлена артиллерия для обстрела устья Проливов.

Если Имброс и Тенедос непосредственно господствуют над устьем Дарданелльского пролива, то Лемнос и Самофракия командуют над лежащим впереди него морским пространством, образующим вышеозначенный плацдарм. В частности, Лемнос, обладающий превосходными бухтами, как, например, Мудрос, может послужить очень ценной базой для теснейшей блокады того же плацдарма. Отсюда следует, что защита устья Дарданелльского пролива может быть удовлетворительно организована лишь при условии, что острова Лемнос и Самофракия не могли бы быть использованы для действий против Проливов.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что значение Лемноса с этой точки зрения несравненно выше, чем Самофракии. Лемнос непосредственно господствует над плацдармом, лежащим впереди Дарданелл, Самофракия же командует лишь над северными подступами к этому плацдарму, оставляя свободными остальные подступы. Она, таким образом, не входит в цепь трех островов, от которых непосредственно зависит морской путь из Дарданелл[9].

V

Обладание Проливами Турцией долго считалось для нас сравнительно удовлетворительным положением. Указывалось, что Турция — государство недостаточно сильное, чтобы быть способным нам угрожать, и что она вынуждена поэтому считаться с нашими интересами; вместе с тем владычество ее на Босфоре и Дарданеллах снимает с нас заботы по охране Проливов. Если такая точка зрения, несомненно, имела многое за себя, то за последнее время она стала мало защитимой. Внутреннее разложение Турции пошло настолько далеко, что правительство ее стало орудием внешних влияний. Она вошла в орбиту враждебной нам группы держав. Под их влиянием она стала развивать свои вооруженные силы и заняла угрожающее нам положение. Стратегические преимущества, даваемые Турцией владением Проливов, сделались крайне ощутительными для нашего положения в Черном море. Повторным закрытием Проливов, несмотря на наши протесты, Турция воочию доказала, насколько хозяйничание ее на Босфоре и Дарданеллах противоречит нашим интересам.

Но вопрос о дальнейшей судьбе Проливов выдвигается и помимо нашей воли силой вещей, ввиду все более очевидной неспособности Турции возродиться и удержать в своих руках свои владения.

Если мы более не можем мириться с владычеством Турции на Проливах, по крайней мере в неограниченной форме, то переход их в руки сильного государства для нас тем более недопустим.

Можно с уверенностью сказать, что господство над Проливами всякого государства, способного оказать сопротивление нашим требованиям, неизбежно должно привести к резкому антагонизму между ним и Россией. Причины этого лежат не только в том, что обладание Проливами таким государством равносильно подчинению ему экономической жизни нашего юга; они не ограничиваются и стратегическими пре-

имуществами, заключающимися во владении ключами Черного моря. Географическое положение Проливов дает владению ими еще большую ценность. Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери влиянию на бассейн Черного и Средиземного морей, но является еще источником преобладания над балканским миром и передней Азией, т.е. над странами, в судьбе которых Россия исторически наиболее заинтересована.

Мы не можем, очевидно, не относиться ревниво к унаследованию такой важнейшей для нас политической позиции. Естественно, поэтому в России сложилось убеждение, что великодержавное развитие ее не может быть завершено иначе, как установлением русского господства над Босфором и Дарданеллами, и что только таким может быть окончательное разрешение вопроса о Проливах.

VI

Все вышеизложенное приводит к выводу, что полное разрешение вопроса о Проливах возможно только путем непосредственного утверждения нашей власти на Босфоре и Дарданеллах с частью Эгейских островов и с достаточным hinterland'ом[4], чтобы владение ими было прочным. Только таким решением могут быть достигнуты в твердой и окончательной форме все наши задачи на Проливах, т.е. экономическая и обе стратегические — активная и пассивная; оно одно соответствует нашей великодержавности, давая нам новое средство к расширению мирового значения нашего отечества.

Установление нашего непосредственного господства может быть ограничено и одним Босфором или вообще территориями, нужными нам для разрешения только пассивной стратегической задачи.

Первое решение можно назвать активным, второе пассивным.

Оценивая значение подчинения нашей власти Проливов, нельзя упускать из виду, так сказать, оборотную сторону дела.

Если владение Проливами поставит в лучшие условия охрану нашего южного побережья, то в общей системе нашей обороны приобретение это ляжет тяжелой обузой.

Проливы представляют из себя с суши весьма уязвимую позицию. Организация их защиты потребует поэтому очень значительных сухопутных средств.

По мнению компетентных лиц, можно с уверенностью сказать, что для обороны нами Босфора необходимо было бы не менее 150–200 миллионов рублей на сооружение крепости и постоянный гарнизон в размере не менее двух корпусов; в случае завладения еще и Дарданеллами расход этот в деньгах и людях пришлось бы удвоить.

Оправдываются ли эти жертвы ценностью приобретения?

Не предрешая ответа на этот многосложный вопрос, необходимо, однако, указать на то, что он должен быть разрешен с разных точек зрения, смотря по тому, ставится ли он по поводу активного решения вопроса о Проливах или по поводу пассивного его решения.

Обеспечением нашего выхода в Средиземное море имеется ввиду приобретение весьма значительных выгод и в экономическом, и в военном, и в политическом отношениях. Достижение этих целей может считаться требованием нашей великодержавности. Поэтому лишь с высшей общегосударственной точки зрения может быть решен вопрос, оправдываются ли жертвы, необходимые для проведения активного решения задачи о Проливах и соразмерны ли эти жертвы с силами и средствами России.

Вопрос значительно суживается при рассмотрении пассивного решения. Цель наша в таком случае ограничивается недопущением враждебных нам флотов в пределы Черного моря. Оборона нашего южного побережья значительно от этого выиграет, но она может быть организована и другими средствами, например, усилением Черноморского флота и его воспомогательных средств, береговыми укреплениями и пр. Затем, как ни желательно наилучшим образом обезопасить наши черноморские берега, задача эта остается частной в общей системе нашей обороны. Все это необходимо иметь ввиду, чтобы не переоценить пассивного решения вопроса о Проливах. Если решение это имеет лишь ограниченное значение, а осуществление его требует очень крупных жертв, то целесообразность их может вызвать большие сомнения.

По поводу жертв, потребных на охрану нашего господства над Проливами, возникает вопрос, не окупится ли трата войск на этот предмет, хотя бы до известной степени, возможностью ослабить наши военные силы в наших южных областях. На вопрос этот приходится ответить отрицательно. Количество войск, расположенных в Одесском округе, нельзя уменьшить ввиду соседства Румынии. Присутствие же на Кавказе значительных сил вызывается не только потребностями обороны нашей турецкой границы. Оно является необходимым условием обеспечения порядка в крае, особенно ввиду вредного в этом отношении влияния близости Персии. Ограждение крупных наших интересов в этой стране от всегда возможных там смут также требует наличия достаточного числа войск на Кавказе. Уже по этим причинам не представляется возможным оставить на Кавказе менее содержимых там трех корпусов. Что же касается угрожаемости нашей кавказской границы, то она зависит от будущей судьбы Турции. Если с потерей своих последних европейских владений и Проливов империя Османов не распадется, то, продолжая черпать свои силы из Анатолии, являющейся источником ее средств, она будет не в меньшей, чем теперь, степени в состоянии угрожать нашей кавказской границе, а внимание ее будет, вероятно, в большей, чем теперь, степени отвлечено в эту сторону. В случае же отпадения южных ее владений — Сирии, Месопотамии и Аравии — мощь Турции неизбежно ослабнет. И политическая, и военная задачи ее изменятся. С выделением же армянских областей Турции может даже исчезнуть общность нашей с ней границы.

Ввиду трудностей и жертв, связанных с непосредственным подчинением Проливов нашей власти, предложен был ряд менее полных решений. Самое установление нашего господства над морским путем этим также мыслимо в нескольких видах. Необходимо оценить все эти комбинации в отдельности с точки зрения наших интересов, указав, до какой степени они удовлетворяют вышеизложенным целям нашим на Проливах.

VII

Часто, в особенности за границей, высказывалась мысль, что вопрос о Проливах может быть улажен так называемой их нейтрализацией. Последняя заключается в установлении путем заключения международного договора, взаимного обязательства держав не нарушать свободного пользования морским путем через Проливы ни в мирное, ни в военное время. Плавание через Проливы в таком случае предполагается поставить в правовые условия, сходные с установленными Константинопольским договором 1888 года для Суэцкого канала[10]. При таком решении вопрос о владении берегами Проливов совсем не затрагивается. Они могут остаться под властью Турции или либо полностью,

либо в части перейти в обладание Болгарии или Греции. На государство, владеющее берегами, налагается лишь обязательство срыть все находящиеся на них укрепления и не возводить новых. Подобный сервитут распространяется и на командующую над Дарданеллами группу Эгейских островов.

Если бы нейтрализация Проливов на самом деле обеспечивала свободу пользования этим морским путем при всяких условиях, решение это нельзя было бы не признать заманчивым. Осуществление его достижимо без каких бы то ни было изменений территориального status quo. С нашей стороны оно не требует ни забот, ни жертв, связанных с занятием Проливов.

Решение это имеет, однако, более кажущееся, чем действительное значение.

Международные гарантии ненарушимости плавания через Проливы создадут лишь некоторую чисто моральную преграду для государства, которое пожелает закрыть их или использовать их во враждебных нам целях. Но сами по себе никакие юридические гарантии перед силой не действительны и потому во время войны не имеют никакой цены, если они не будут поддержаны той же силой. Самым красноречивым доказательством этого может служить недавнее нарушение Германией нейтралитета Бельгии.

Самый образец нейтрализации, на который ссылаются, предлагая применить ее к Проливам, — нейтрализация Суэцкого канала — показывает, что она имеет лишь фиктивное значение. Фактическим хозяином Суэцкого канала является Англия. Владея морем, она в любой момент может своим флотом занять канал и положить конец всяким международным гарантиям.

При нейтрализации Проливов захват их с моря будет даже облегчен благодаря срытию укреплений.

Беззащитность Проливов поставит их прежде всего под удары государства, располагающего морским господством. Но при взятии в свои руки инициативы овладение ими окажется возможным и для державы в морском отношении более слабой, чем ее противник. если она успеет ввести свой флот в Проливы, она может запереть их, заняв артиллерийскую позицию главными силами своего флота, поставить минные заграждения, выставив подводные лодки и выдвинув отряды миноносцев; затем, высадив под защитой артиллерии флота десант, она может закрепить за собой эту позицию даже против более сильного флота, находящегося по ту сторону Проливов.

Если мы сами не осуществим этой операции в случае войны, она может быть выполнена нашими противниками в лице не только какой-либо крупной, но и второстепенной средиземноморской державы.

Запрещение укреплять берега Проливов не помешает и владеющему ими государству использовать их для закрытия Проливов и для борьбы с нами. Оно лишь устранит возможность для этого государства иметь на Проливах долговременные форты и вообще те средства обороны, которые могут быть созданы лишь при условии долголетней работы. Но владение берегами позволяет в любую минуту выставить на них пушки, установить у воды минные аппараты и поставить в водах Проливов минные заграждения. Своевременными мерами, помешать которым весьма затруднительно, могут даже быть приготовлены платформы для тяжелых орудий и пр. Опасность такого использования берегов Проливов будет очевидно большая, если ими будет владеть государство сильное. Можно поэтому думать, что Болгария или Греция оказались бы для нас в этой роли опаснее, чем Турция.

Цены не имело бы и обязательство не блокировать Проливы. Оно было бы действительным, лишь поскольку такая блокада направлена была бы против государства, могущего в силу своего господства на море такую блокаду не допустить.

Нейтрализация Проливов могла бы получить реальное значение лишь при условии ограждения ее силой.

Подобная охрана, по крайней мере при последовательном проведении идеи нейтрализации, мыслима лишь в случае организации ее на международных началах. Но на таких основаниях создать сколько-нибудь действительную санкцию представляется недостижимым.

Высказывалось мнение, что охрана Проливов могла бы быть поручена международной эскадре. Прежде всего, нельзя предположить, чтобы все державы согласились пожертвовать значительными морскими силами для несения постоянной сторожевой службы в Проливах. По всем вероятиям, они ограничились бы содержанием в Проливах небольших стационеров, сила которых не представила бы серьезных гарантий. Затем, из кого бы ни состояла эта международная эскадра — из небольших стационеров или из больших дредноутов, — она не будет отвечать своему назначению, как только наступят международные осложнения. Суда противников, очевидно, будут преследовать свои военные цели, забыв о международных гарантиях. Стоя в Проливах, они даже могут быть использованы для военно-наступательных задач в этих самых Проливах, могут неожиданно разбросать в них мины и проч. Суда же не находящихся в конфликте держав выступят лишь в том случае, если свобода плавания через Проливы представляет достаточно мощный для них интерес, чтобы заставить их нарушить свой нейтралитет. Следовательно, если бы такое выступление состоялось, то оно произошло бы и без всякой нейтрализации Проливов.

Таким образом, нейтрализация без санкций или с международной санкцией не может быть признана действительным средством обеспечения свободы Проливов. Она не устраняет возможности нарушения ее в случае войны, и даже такой, в которой Россия участия не принимает. Затем нейтрализацией совершенно не решается и задача обороны Черного моря. Это возражение против нейтрализации отпадает, если она ограничивается лишь Дарданеллами при одновременной отдаче Босфора в наши руки. Наконец, формальным признанием международного значения Проливов создаются преграды к достижению в дальнейшем решения более отвечающего нашим исключительным интересам на Босфоре и Дарданеллах.

VIII

Совершенно особо следует поставить нейтрализацию с отдачей охраны ее в руки не всех держав, а лишь наших союзников, Франции и Англии, совместно с нами. Это решение предлагается применить по отношению к Дарданеллам, тогда как Босфор в той или иной форме подчинен был бы исключительно нашей власти.

Если установление нашего господства над Дарданеллами почему-либо считается недостижимым или невыгодным, то комбинацию эту нельзя не признать заманчивой.

Пассивная наша стратегическая задача получает решение отдачей нам Босфора. Свобода же выхода в Средиземное море военных и торговых судов обеспечивается занятием Дарданелльского дефиле морскими силами Англии, Франции и России.

Ввиду грозной морской силы, которой располагает эта группа держав, возможность какого бы то ни было нападения на Проливы со стороны Средиземного моря исклю-

чается. Несмотря на отсутствие укреплений на берегах Дарданелл, морские силы союзников воспрепятствуют овладению ими и с суши, по крайней мере, пока эти берега не будут заняты десантом, который нам не трудно будет подвезти благодаря владению Босфором[11].

Слабая сторона такого решения вопроса о Проливах заключается в том, что защита наших интересов отдается им в чужие руки. Она предполагает неизменность существующей международной группировки и, кроме того, решимость со стороны союзных нам держав счесть всякое действие против Проливов с чьей бы то ни было стороны за casus belli [повод для объявления войны]. Как только в том или в другом допускается сомнение, падает цена всей комбинации. При огромном значении для нас вопроса о Проливах, мы не можем не стремиться поставить решение его вне зависимости от чужой воли и построить его на основаниях более прочных, чем те, которые в данную минуту даются нам постоянно изменяющейся международной обстановкой.

IX

Разрешение вопроса о Проливах возможно искать и в направлении нашего союза с Турцией. Известна сделанная в этом направлении попытка заключением Ункиар-Скелессийского[12] договора. Такое решение предполагает принятие на себя Турцией обязательства оградить свободу нашего выхода, военного и торгового, в Средиземное море, и закрывать Проливы чужим флотам по нашему требованию. Оно не может, очевидно, иметь цены, если нам не будут даны средства обеспечить себя от нарушения с чьей бы то ни было стороны наших интересов на Проливах, насколько это возможно при отсутствии непосредственного нашего над ними господства. Это может быть достигнуто предоставлением нам контроля над обороной Проливов и над турецким флотом. В укрепления на Проливах под видом инструкторов должны быть введены наши офицеры и унтер-офицеры. План защиты Проливов должен зависеть от нашего Генерального штаба. Подчинение же русской морской миссии турецкого флота представляется необходимым условием потому, что при самостоятельности его контроль наш над Проливами сведется к нулю. Стоя в Проливах, турецкие суда смогут в любую минуту обстрелять с тыла Босфорские и Дарданелльские форты и этой угрозой подчинить их себе. К тому же трудно ожидать, чтобы нашим офицерам удалось бы с помощью турецких солдат действовать против турецкого флота.

Для придания большей прочности нашему влиянию надлежало бы распространить наш контроль на всю турецкую армию в виде общей военной миссии. Вполне независимая от нас турецкая армия могла бы сделаться орудием враждебных нам влияний. Введение русского инструкторства могло бы уменьшить эту опасность.

Соображения, проводимые в пользу подобного решения, заключаются в том, что оно резко не нарушает существующего положения, не затрагивает вопроса о Константинополе и не требует с нашей стороны жертв, связанных с овладением берегами Проливов.

Решение это приходится, однако, признать полумерой. Как бы ни был обставлен контроль, основанное на нем положение не может не быть шатким. Это обязывает нас при таком решении быть всегда готовыми самим выступить для охраны наших интересов на Проливах и выполнить для этого стратегическую операцию завладения ими. Нам придется в таком случае постоянно содержать потребные для этой операции военные и морские силы и транспортные средства.

Лишь наличность такой постоянной угрозы может удержать Турцию под нашим влиянием, так как слишком много сил будет толкать ее к уничтожению зависимости ее от нас. Если турецкое правительство и не сможет открыто к этому стремиться, эту цель будут преследовать разные турецкие партии и организации при деятельной поддержке извне.

Затем, самое осуществление контроля представляет весьма нелегкую задачу. Успешность его требует неослабной бдительности и в высокой степени зависит от практических приемов его применения. При создаваемой им трудной и щекотливой обстановке призванный осуществлять его персонал должен обладать надлежащими качествами такта, способности приспособления и опыта. Позволительно сомневаться, окажемся ли мы в состоянии удовлетворительно организовать это дело. Опыты нашего инструкторства в Болгарии, в Корее[13] и проч. не дают оснований к благоприятным в этом отношении выводам.

X

В целях избегнуть сооружения укрепления на берегах Проливов и неизбежного в таком случае овладения ими, предложено было решение, которое может быть названо «занятием Проливов морской силой». Вопрос о Проливах имеется при этом в виду разрешить в активном смысле.

Берега Проливов при этом решении могут оставаться во власти Турции. Последняя обязуется лишь срыть на них все укрепления и не возводить новых. Она, кроме того, предоставляет нам право держать в обоих Проливах наш флот и иметь в них для него маневренные опорные пункты, не нуждающиеся, впрочем, в сухопутной обороне и представляющие собой лишь якорные стоянки с угольными и другими складами. Сверх того было бы полезно получить право пользоваться как опорным пунктом, еще и островами Мармара, где наши морские силы были бы менее уязвимы с суши. Оперативная же база нашего флота остается на нашем черноморском побережье.

Основная мысль этого проекта заключается в использовании флота как крепости, пока берега не будут заняты десантной армией.

Берега Проливов действительно возможно в районе около 20 верст оборонять средствами флота. Но такая оборона берегов может быть лишь временная, так как систематическими операциями осадно-крепостного характера возможно будет с суши выбить флот из Проливов. Примером такой борьбы осадной артиллерии с флотом могут служить действия японцев в Порт-Артуре против нашей эскадры, которая была одиннадцатидюймовыми японскими орудиями сначала выбита из порта, а затем по возвращении в него уничтожена. Дабы помешать противнику выставить против флота тяжелую артиллерию и укрепиться на берегах Проливов, нам необходимо будет предупредить это завладением, путем десантной операции, достаточным пространством на берегах Проливов для обороны их средствами полевой войны. Присутствие флота в Проливах дает нам достаточно времени и удобства для выполнения десантной операции. Поэтому при таком решении мы должны будем всегда иметь наготове десантную армию и потребные для перевозки ее транспорты, а также артиллерийские и инженерные средства для устройства укрепленного района (с сооружениями временного типа), обеспечивающего владения Проливами.

В случае действий против Проливов с моря в них останется лишь часть флота — резервная эскадра, которая будет защищать берега их; перволинейные же силы флота будут выдвинуты вперед для чисто морской операции.

Как уже было объяснено, поскольку на Проливах перед нами ставится задача, идущая далее чисто оборонительных целей, и имеется в виду обеспечить свободу выхода в Средиземное море, необходимо, чтобы лежащая впереди Дарданелл группа Эгейских островов не могла быть использована ни как морская база для тесной блокады Проливов, ни как укрепленная позиция, запирающая выход из них.

При решении вопроса о Проливах только морскими средствами, условие это может быть достигнуто лишь в известной степени, а именно установлением в отношении этих островов сервитута, которым воспрещены были бы всякие подготовительные меры к использованию их в военно-морских целях. Это может быть дополнено предоставлением нам права иметь якорную стоянку на Тенедосе или на Имбросе. Указывалась еще возможность создания нами на одном из этих островов укрепленной морской базы. Предположение это должно быть признано мало целесообразным, так как при отсутствии владения берегами Проливов связь такой базы с тылом не была бы в достаточной мере обеспеченной.

По отношению к Турции такое решение дает нам сильный способ давления в виде постоянной угрозы нашего флота Константинополю. На всякий случай предпочтительно, однако, поставить турецкие морские и сухопутные силы под наш контроль, дабы они не могли усложнить наших операций внутри, а также вне Проливов.

Занятие Проливов морской силой могло бы быть лишь предварительным решением вопроса. Оно не освобождает нас от необходимости в случае осложнений завершить его закреплением за нами берегов Проливов и налагает на нас обязанность всегда быть готовыми к исполнению десантной операции. Оно не вполне обеспечивает наше господство над Проливами. Быстрыми действиями противник может, при удаче, заставить наш флот очистить Проливы раньше, чем прибудет наша десантная армия, а после высадки ее может еще надеяться на успех полевой войны. Нельзя рассчитывать создать наспех сколько-нибудь прочную оборону на берегах Проливов. При мощности современной артиллерии укрепления могут считаться надежными лишь при наличности бетонных сооружений, создание которых, очевидно, возможно лишь при условиях долговременного владения обороняемой территорией. Решение это не может также считаться способом избегнуть крупных материальных жертв. Оно предполагает постоянную готовность десантной армии и транспортных для нее средств и приковывает к Проливам значительные морские силы.

Необходимо заметить, что идея «занятия Проливов морской силой», примененная только к Дарданелльскому дефиле, может явиться полезным дополнением к решению, ограничивающему более прочное наше господство одним Босфорским проливом. Это позволит хоть до известной степени сочетать с таким решением осуществление активных наших задач в Проливах. При условии прочной базы в ближайшем тылу Дарданелл, занятие их морскими силами сделается также более действительным.

XI

Переходя к решениям вопроса о Проливах, связанным с непосредственным овладением нами территорией на берегах этого морского пути, следует сначала рассмотреть предположения, имеющие в виду лишь обеспечение обороны Черного моря, т. е. пассивную стратегическую задачу.

Здесь представлялось бы прежде всего уместным упомянуть о высказываемой иногда мысли, что оборона Черного моря может быть обеспечена вместо занятия берегов

Босфора приобретением морской базы на Черноморском берегу вблизи этого Пролива. В таком случае, как указывается, возможно было бы осуществить теснейшую блокаду устья Босфора, что теперь для нас затруднительно ввиду большой отдаленности Севастополя от входа в Черное море.

Владение такой базой действительно значительно улучшило бы стратегическое положение нашего черноморского флота. Оно дало бы ему постоянное наблюдение за устьем Босфора и не позволило бы неприятельским судам выйти в Черное море без боя. Пока впереди Босфора соответственными фортификационными работами не создано будет удовлетворительного плацдарма, бой у устья Босфора представит для нашего флота значительные тактические выгоды.

Но оборона Черного моря остается при таком положении исключительно в зависимости от морского боя, исход которого всегда гадателен, и не может поэтому считаться вполне обеспеченной. Мысль о таком решении вопроса должна быть оставлена и потому, что устройство базы вблизи Босфора повлекло бы за собой сооружение обширной крепости для охраны ее, а, следовательно, такие жертвы, которые могли бы быть оправданы лишь при более удовлетворительном решении задачи закрытия Черного моря. Затем, единственные две бухты, расположенные вблизи Босфора, Иниадская и Эреглийская (Бендер-Эрегли), не могут быть использованы в качестве морской базы — первая вследствие неблагоприятных условий стоянки, вторая же по малым своим размерам.

В целях дать возможно меньшее развитие нашей оккупации и избежать распространения ее на Константинополь предложено было, хотя бы на первых порах, решить вопрос предоставлением нам группы островов Мармара[14], а также по возможности полуострова Артаки (или Капу-Даг), при условии срытия всех укреплений на Босфоре. Оборона Черного моря была бы в таком случае перенесена на линию, соединяющую северное побережье Мраморного моря с южным и проходящую через острова Мармара. На этих островах надлежало бы соорудить укрепленную морскую базу. Оборона осуществлялась бы живой силой флота. Выгоды этой позиции, предоставляющей возможность широко использовать подводные лодки, минные заграждения и береговые батареи на острове Мармара, позволили бы нашему флоту выдержать натиск со стороны даже превосходных морских сил. Срытие укреплений Босфора, а главное, возможность в любую минуту угрожать с моря турецкой столице обезопасили бы в известной степени сообщение с Черным морем и нашими портами.

Решение это, как видно, представляет много общего с предположением о «занятии Проливов морской силой» и может явиться его дополнением. Оно имеет общие с ним слабые стороны. Оно также не освобождает нас от необходимости десантной операции в случае угрозы с суши. Оно также не гарантирует в удовлетворительной степени нашего положения. Для враждебного флота не исключена возможность при удаче прорваться через оборонительную линию в Мраморном море. Оборона Черного моря при таком решении не может считаться в достаточной мере обеспеченной. Тоже можно сказать и о связи нашей базы с тылом.

Преимущество этого решения перед уже рассмотренными заключается лишь в том, что оно дает нам несколько более прочное положение благодаря получению нами укрепленной позиции в Проливах, хотя и не в достаточной мере отвечающей возложенной на нее задаче.

Рассматриваемое решение может быть допущено лишь в случае невозможности достигнуть завладения берегами Босфора.

Оборону Черного моря в свое время считалось возможным обеспечить занятием нами лишь Верхнего Босфора. В этом смысле правительственными кругами нашими в девяностых годах минувшего столетия предполагалось решить вопрос о Проливах[15]. Пределы нашей оккупации имелось в виду ограничить прилежащими к Босфору позициями до Бейкоса на азиатском берегу и до Киречь-Бурну на европейском берегу. Такое решение имело бы ту заманчивую сторону, что позволило бы оставить вопрос о Константинополе нетронутым. В настоящее время, однако, овладение одним только Верхним Босфором оказывается, безусловно, недостаточным. При дальности действия современной артиллерии несколько фортов на побережье Верхнего Босфора были бы снесены в первые же дни войны.

Господство над Босфором может быть прочным образом закреплено за нами лишь в случае овладения обоими берегами всего Пролива с территорией достаточной глубины для создания большой крепости, отвечающей всем требованиям современной техники.

По топографическим условиям местности наилучшими позициями для обороны Босфора должны быть признаны со стороны Фракийского полуострова Чаталджинская позиция[16], простирающаяся от залива Буюк-Чекмедже до Деркосского озера, и со стороны Вифинийского полуострова позиция, командующая над озером Сабанджа-Гель и долиной реки Сакарии и идущая от устья этой реки до Исмида. Эти оборонительные линии должны были бы образовать фронт долговременных укреплений нашей крепости. Непременным условием удовлетворительной организации обороны ее является еще занятие полосы достаточной ширины за этими пределами. Владение полосой впереди крепостного фронта необходимо, дабы подчинить наблюдению зону, с которой возможен обстрел крепости, и дабы обеспечить впереди нее плацдарм для развертывания защищающей ее армии, свободы тактического маневрирования этой армии, использования удобных для боя передовых позиций, одним словом, для придания обороне возможно большей активности, а следовательно, продолжительности и успешности. Ширина этой полосы ни в коем случае не могла бы быть менее 20 верст, но в предвидении успехов техники предпочтительно было бы дать ей большую глубину. Крепостной район у нас ныне вообще принято распространять на 30–40 верст впереди линии укреплений. В пределы оккупации должны были бы войти и Принцевы острова. Их надлежало бы включить в морской фронт крепости. Хотя они и не расположены вполне благоприятно, как позиция прикрывающая плацдарм перед устьем Босфора, все же они до известной степени могут облегчить операцию выхода флота в Мраморное море.

Как уже было упомянуто, приблизительная стоимость подобной крепости может быть исчислена в 150–200 млн рублей, трату же людей на гарнизон ее нужно оценивать не менее, чем в два корпуса.

Созданием нами обширной крепости, охватывающей Константинополь, не предрешается еще необходимость полного подчинения нам этого города в административном отношении. Гражданское управление в черте города могло бы быть организовано на началах автономии, и вмешательство наше могло бы ограничиться областью наших специально военных интересов. Лишь в случае приведения территории нашего занятия в осадное положение, на Константинополь надлежало бы распространить наше военное управление. Предоставление городу Константинополю самоуправления уменьшило бы трения, неизбежно связанные с подчинением непосредственному влиянию нашему такого крупного центра, в котором сосредотачиваются столько финансовых, национальных, религиозных и других интересов; оно могло бы явиться

некоторым удовлетворением эллинизму, так ревниво относящемуся к нашему движению на этот исторический город.

Занятие наше не должно было бы ограничиться одной стороной Босфора. Создание крепости, охраняющей лишь один берег этого Пролива, вызвало бы не меньшие расходы и не меньшую трату войск, чем при сооружении крепости, простирающейся на оба берега Босфора до вышеуказанных двух благоприятных линий обороны. Между тем при владении одним лишь берегом достигаемые результаты в смысле надежности обороны значительно уступают тем, которые даются занятием обоих берегов. Не закрепленная за нами сторона Босфора может быть использована противником как удобная позиция для действия против нашей крепости. Затем, при владении лишь одним берегом морской путь будет находиться под возможными ударами противника, и флот лишится базы. Поддержка крепости флотом со стороны Мраморного моря станет невозможной. Появится опасность прорыва враждебного флота в Черное море, что, в свою очередь, составит угрозу тыловым сообщениям крепости. По этим причинам, в случае опасности, все равно пришлось бы занять неукрепленный берег Босфора, оборона же его средствами полевой войны была бы затруднительнее, чем в случае включения его в черту крепости.

Для придания большей прочности обороне Босфора сооружение крепости на берегах его было бы весьма желательно дополнить занятием островов Мармара с присоединением к ним, по возможности, полуострова Артаки (или Капу-Даг). Острова Мармара представляют из себя удобную позицию для действий против Босфора. В случае устройства нами крепости на этом проливе необходимо, чтобы мы были обеспечены от возможности использования этих островов во враждебных нам целях. С другой стороны, владение островами Мармара, как выше указано, позволяет создать впереди Пролива морскую оборонительную линию, ограждающую восточную часть Мраморного моря от проникновения в нее враждебных нам флотов. Возможность не допускать к веркам Босфора неприятельских морских сил явилось бы гарантией от обстрела с моря флангов сухопутного фронта нашей крепости, и, в частности, Чаталджинской позиции. Отдаление морского фронта от Босфора обезопасило бы от бомбардировки и Константинополь, который, даже в случае предоставления ему автономии, считался бы под покровительством нашей военной мощи. Создание форпоста крепости на островах Мармара было бы также наиболее удовлетворительным разрешением задачи обеспечения нашему флоту выхода из Босфора в Мраморное море.

Если пассивное решение вопроса о Проливах требует для своей полноты распространения нашего занятия не только на Босфор, но и на острова Мармара, то остается только один шаг, чтобы перейти к активному решению. Сделать же этот шаг будет тем легче, что приносимые активным решением выгоды неизмеримо превосходят результаты, даваемые пассивным решением.

XII

Активное решение вопроса о Проливах может быть обеспечено лишь подчинением нашей власти Дарданелльского дефиле. Последнее, как уже указано, обнимает не только узкость между Галлиполийским и Троянским полуостровами, но и водное пространство между ними и островами Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия. Овладение всеми территориями, окаймляющими Дарданелльское дефиле и обращение их в обширный укрепленный район было бы, конечно, идеальным способом установления нашего над

ним господства. Разрешение задачи в таких обширных рамках представляется, однако, трудно достижимым.

Оборона Дарданелльского пролива с суши была бы несомненно поставлена в наилучшие условия, если бы узкость эта находилась в тылу крепости, охватывающей оба ее берега. Но вследствие конфигурации азиатского берега Дарданелл и топографических условий его поверхности, южный фронт крепости пришлось бы вынести далеко вперед, включив в нее весь Троянский полуостров. Сооружение крепости столь значительной периферии вызвало бы чрезмерные жертвы. Поэтому представлялось бы целесообразнее ограничиться сооружением мощной крепости на Галлиполийском полуострове. Южный фронт этой крепости совместно с флотом и при содействии гарнизона ее оградил бы Пролив от посягательств со стороны Малой Азии. Отказ от укрепления южного берега Дарданелл мог бы до известной степени компенсироваться созданием таких условий, при которых деятельность на нем противника была бы затруднена. Для этого необходимо было бы распространить наше право военного использования и на южный берег Дарданелл, и при том, по возможности, на весь Троянский полуостров до линии Адрамити-Плидерма. Овладение азиатским берегом Пролива обеспечило бы нам также возможность подготовить плацдарм для ограждения подступов к нему со стороны Малой Азии средствами полевой войны. В худшем случае можно было бы удовольствоваться ограничением чужого территориального верховенства над этим берегом, по крайней мере, до мыса Эски-Стамбул, в смысле обязательства срыть все укрепления и запрещения возводить какие-либо военные сооружения, проводить стратегические дороги и проч. и вообще всякого использования этой территории в военных целях, причем нам было бы предоставлено право наблюдения за выполнением подобной нейтрализации.

Защита Галлиполийского полуострова с суши была бы вполне обеспечена укреплением прекрасной Булаирской позиции. За пределами ее занятие наше надлежало бы распространить еще на полосу шириной не меньше 20 верст, а лучше 30 или 40 верст для образования впереди крепостного фронта плацдарма, необходимого по тем же причинам, как и в случае создания крепости на Босфоре.

Как было указано при рассмотрении тактического значения группы Эгейских островов, прилегающих к Дарданеллам, крепость, призванная обеспечить выход из этого Пролива, не может быть сколько-нибудь удовлетворительным образом организована без включения в линию приморского фронта ее островов Имброса и Тенедоса и сооружения на них батарей. Владение островами этими является, таким образом, необходимым условием[17].

Что же касается Лемноса и Самофракии, то, по изложенным выше соображениям, использование этих островов позволяет угрожать плаванию на путях, ведущих от устья Дарданелл в море. Опасность эта может быть наилучшим образом устранена предоставлением нам обеих островов. Особенно желательно получить в наши руки Лемнос, представляющий более важную позицию, чем Самофракия. В таком случае мы стали бы полными хозяевами в северо-восточном углу Эгейского моря, и блокада Проливов сделалась бы настолько сложной операцией, что была бы мало действительной. Владение Лемносом было бы для нас полезно и без создания на нем крепости. Использование этой позиции для собственно морских операций позволило бы расширить до высшего предела активные операции флота в Эгейском море и, следовательно, поставило бы в наиболее выгодные условия оборону нашей позиции. Отказ от Лемноса допустим поэтому лишь под давлением необходимости. В случае невозможности для нас получить

Лемнос и Самофракию, можно было бы помириться с владением ими второстепенной державой, например, Греции, уже занимающей их, при непременном, однако, условии нейтрализации этих островов, т.е. обязательства не укреплять их и запрещения оборудования их в военно-морских целях. Такое положение, в крайнем случае, не помешало бы нам временно захватить остров Лемнос и использовать его в наших целях. Переход же Лемноса в руки великой державы и обращение его в стоянку могучего флота сильно ослабило бы значение Дарданелльской крепости. По этому поводу высказано было мнение, что только утверждение на Лемносе первостепенной морской державы могло бы считаться для нас допустимым, так как мы все равно не смогли бы вступить с ней в борьбу на море, ни оградить от нее нашу торговлю. Соображение это, как уже было указано, имеет цену лишь при условии, что флот такой державы не занят в другом месте. В таком случае блокада обширного морского района, прикрываемого Лемносом, может оказаться и для нее неосуществимой.

Значение Лемноса, как позиции, угрожающей морскому пути из Проливов в море, могло бы быть уменьшено прорытием канала через Галлиполийский полуостров. В таком случае Самофракия приобрела бы отчасти стратегическую ценность, принадлежащую в настоящее время Лемносу. Занятие нами Самофракии в связи с созданием нового выхода в море через Ксеросский залив могло бы до известной степени компенсировать обращение Лемноса в чужую морскую базу.

Согласно приблизительным расчетам, сооружение крепости на Галлиполийском полуострове с приданием ей морского фронта в виде батарей на Имбросе и на Тенедосе обойдется около 150–200 млн рублей; для обороны же ее потребуется постоянный гарнизон в размере не менее двух корпусов.

Создание нами укрепленной позиции на Дарданелльском дефиле требует надлежащего обеспечения связи ее со служащим ей тылом Черноморским побережье нашим. Ценность этой крепости и многочисленность ее гарнизона придают безопасности ее сообщений особенную важность. Занятие Дарданелльского пролива без укрепления Босфорского должно быть признано поэтому неудовлетворительным решением. Владение обоими берегами Босфора в данном случае особенно необходимо для достижения полной безопасности морского сообщения из Мраморного моря в Черное. В целях улучшения связи надлежало бы занять еще и острова Мармара с полуостровом Артаки (или Капу-Даг), чем также устранена была бы возможность использования во враждебных нам целях этих островов, как позиции, командующей над выходом из Дарданелл в Мраморное море. Устройство на этих островах базы для флота было бы несомненно удобнее, чем в Дарданелльском проливе особенно при условии укрепления лишь одного из его берегов.

Нельзя не упомянуть здесь о существовании мнения, что укрепление наше на Дарданелльском проливе, будучи гораздо более важным для нас, чем занятие Босфорского, может быть осуществлено и без владения последним при наличности обстановки, создающей малую вероятность опасности нашим сообщениям между Дарданеллами и Черным морем. Для этого предполагается необходимым, чтобы берега Босфора и Мраморного моря не перешли в руки более сильного государства, чтобы столица Турции осталась в Константинополе и была, следовательно, под ударами нашего флота, чтобы на берегах Босфора не было укреплений, чтобы турецкий флот был либо выведен на запад от Дарданелл, либо поставлен под наш действительный контроль, чтобы мы владели островами Мармара и, наконец, чтобы осталось в силе запрещение прохода через Проливы флотов всех держав, с изъятием лишь в пользу держав, владеющих берегами

Черного моря. При этом, в случае опасности для наших сообщений, мы должны были бы немедленно занять берега Босфора путем отправки туда десантной армии. Трудно согласиться, чтобы при таких условиях связь Дарданелльской позиции с Черноморскими портами могла считаться в достаточной мере надежной.

Оборона Дарданелльской и Босфорской позиции может быть поставлена в условия еще большей надежности в случае распространения нашего занятия на все побережье Мраморного моря, южное и северное или только одно из двух. Обеспечение обширного плацдарма позволило бы придать обороне большую активность и вместе с тем установить сухопутную связь между обеими крепостями. Помимо политических затруднений, которые могло бы вызвать подобное расширение нашего занятия, оно имело бы еще ту отрицательную сторону, что в соответствии с растяжением фронта потребовалось бы увеличение нашей оккупационной армии.

Ввиду большей угрожаемости Проливов с европейской стороны расширение нашей оккупации было бы полезнее всего в этом направлении. Идеальным решением было бы включение в область нашего занятия всей Фракийской равнины с Адрианополем. Вполне благоприятное положение для обороны получилось бы и в случае распространения нашего занятия до линии, идущей от Эноса по рекам Марице и Эргене приблизительно до Люле-Бургаса и оттуда на Мидию. В таком случае в нашем распоряжении оказался бы ряд параллельных оборонительных позиций на пологих отрогах между руслами притоков Эргене.

В случае невозможности распространения нашего завладения на все побережье Мраморного моря или в случае признания его нежелательности, необходимо будет обезопасить наши морские сообщения от возможности угрозы со стороны чужих морских сил. Даже незначительный флот, располагающий базой в ближайшем расстоянии между обоими проливами и укрывающийся под защиту ее фортов, мог бы явиться для нас серьезной помехой. Поэтому чужое территориальное верховенство над берегами Мраморного моря может быть допущено только при условии, что на берегах его не будет чужой укрепленной морской базы, а также, что в водах его не будет постоянного чужого флота или, по крайней мере, состав его будет ограничен.

Если мы сами не займем северное побережье Мраморного моря, может возникнуть вопрос об отдаче его Болгарии в виде компенсации за ее содействие. Предоставление Болгарии доступа на Мраморное море предпочтительно было бы избегнуть, так как она представила бы для нас лишнюю угрозу на этом море. Однако при ограничении прав Болгарии на побережье его и в водах его в вышеуказанном смысле можно было бы в крайнем случае согласиться на подобную уступку. В случае занятия нами одного только Босфора предоставление Болгарии выхода на Мраморное море должно быть признано безусловно нежелательным. Родосто мог бы сделаться в ее руках орудием не только для действий против Босфора, но и против нашего плавания через Дарданеллы. Опасность для нас еще увеличилась бы в случае сближения Болгарии с враждебной нам крупной морской державой.

* * *

При составлении настоящей записки, по вопросам военного характера я получил указания от генерал-квартирмейстера генерала-от-инфантерии Ю.Н. Данилова; по вопросам же военно-морского характера много данных сообщили мне начальник Черно-

морской оперативной части морского генерального штаба капитан II ранга А.В. Немитц и капитан II ранга А.Д. Бубнов. Кроме того, я пользовался военно-географическими изданиями генерал-майора Хольмсена и полковника Гудим-Левковича, а также различными материалами, имеющимися в морском Генеральном штабе и в Министерстве иностранных дел.

Н. Базили

Ф. 138, оп. 467, д. 464, л. 1б–25 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Константинополь и Проливы...– Т. I. – С. 156–181.

[1] Далее – Ставка.

[2] Уменьшение вывоза через Дарданеллы в 1912 году является следствием временного закрытия их во время итало-турецкой войны. Приведенные цифры исчислены на основании данных Министерства торговли и промышленности (прим. документа).

[3] Проливы закрывались во время итало-турецкой войны (1911–1912 гг.) и балканских войн (1912–1913 гг.).

[4] Хинтерланд – зд.: район, прилегающий, тяготеющий к промышленному торговому порту, центру.

[5] Примером того, как давно сознается эта истина, могут служить следующие слова, написанные французским публицистом Фавье в 1773 году: «Война России с Турцией является прежде всего торговой войной, ибо для России черноморская торговля имеет столь же важное значение, как для Франции, Испании и Англии – торговля американская» (прим. документа).

[6] Имеется в виду итало-турецкая война 1911–1912 гг. и 2-я балканская война 1912–1913 гг.

[7] Запереть же Проливы, не владея их берегами, неожиданным забрасыванием мин можно лишь на короткое время, пока мины эти же будут вытралены. Этому можно помешать с помощью флота лишь в том случае, если государство, владеющее Проливами, не озаботилось созданием достаточных средств их обороны (прим. документа).

[8] Германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы и прибыли в Константинополь 10 августа 1914 г. Через несколько дней на них был поднят турецкий флаг.

[9] Более подробное освещение вопроса о военно-морском значении островов Эгейского архипелага, прилегающих к Дарданелльскому проливу, заключается в прилагаемой при сем записке капитана II ранга А.Д. Бубнова (прим. документа). В качестве приложения к документу в архивном деле имеется докладная записка капитана 2-го ранга А.Д. Бубнова «Военно-морское значение островов Эгейского архипелага, прилегающих к Дарданелльскому проливу» (не публикуется). – См.: Ф. 138, оп. 467, д. 464, л. 26–30 об.

[10] Имеется в виду многосторонняя конвенция (с участием России) относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу, подписанная в Константинополе 17/29 октября 1888 г. (17 статей).

[11] Операция обороны Проливов морскими средствами подробнее описана при рассмотрении предположения о «занятии проливов морскими силами» (прим. документа).

[12] Так в документе. Имеется в виду Ункяр-Искелесийский союзный оборонительный договор между Россией и Турцией, подписанный 26 июня/8 июля 1833 г. Подтвердил Адрианопольский мир. Турция обязывалась в случае войны закрыть по требованию России Дарданелльский пролив для прохода иностранных судов.

[13] Речь идет о деятельности российских военных инструкторов в Болгарии после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и военной миссии, направленной в Корею в 1896 году.

[14] Под этой группой островов здесь разумеются острова Мармара, Афизия, Алони (или Паша-Лиман) и прилежащие к ним более мелкие (прим. документа).

[15] Видимо, имеется в виду попытка решить вопрос о Константинополе и Проливах в желательном для России смысле в 1896–1897 гг. – См.: Константинополь и Проливы... – Т. 1. – С. 175. – Прим. 1.

[16] Макрикийская позиция менее благоприятна для обороны и безусловно недостаточно выдвинута вперед (прим. документа).

[17] Владение Тенедосом предполагает, очевидно, распространение нашего занятия и на лежащий между ним и Дарданеллами островок Рабит, могущий также быть использованным в военных целях (прим. документа).

10. РЕЧЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

27 января 1915 г.

Гг. члены Государственной думы,

Ввиду важности переживаемой нами исторической минуты, я счел долгом испросить высочайшего соизволения представить вам общую картину настоящего политического положения.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как, обращаясь к вам с этой трибуны[1], я указал, почему Россия перед грубым покушением Австрии и Германии на независимость Сербии и Бельгии не могла принять иного решения, кроме того, которое она приняла, ставши на защиту попираемого права. Призванная на этот единственно достойный ее путь великодушным своим государем, Россия без всякого колебания поднялась как один человек и с верой в Провидение ополчилась на врага, навязавшего ей войну. Правительство и народ, движимые одним чувством и общим сознанием великой ответственности перед Родиной, действовали заодно в полном согласии, и вы, представители народа, запечатлели эту историческую минуту редким единодушием, в котором вы в горячих словах здесь заявили о своем единении с правительством.

Тесно сплоченная, Россия не осталась одинокой, и с ней вместе выступили единомышленные с нами Франция и Англия, к которым вскоре примкнула и Япония.

За истекшие шесть месяцев наши доблестные войска под водительством своего верховного главнокомандующего не переставали творить чудеса храбрости, вплетая новые лавры в неувядаемый венец славы русского оружия. Рука об руку с нашими союзниками воины наши идут твердым шагом к своей цели, и мы, гордясь их доблестью и стремясь облегчить им выполнение их задачи, спокойно ждем светлой минуты конечного торжества.

Наш противник, обманувшись в расчете на легкую и скорую победу, продолжает нести кровавые жертвы на полях сражений и напрягает все усилия, чтобы бороться с нами всеми способами. Для этого он не брезгует никакими средствами и не останавливается ни перед намеренным искажением истины, ни перед самыми недобросовестными происками.

Прежде всего, чтобы оправдаться перед собственными согражданами в легкомысленно затеянной им войне, германское правительство прилагает все старания, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и вопреки действительности утверждает, будто эта война была навязана Германии. Лишний раз повторяется старая басня о грозившей, будто бы, Германии со времени короля Эдуарда VII опасности окружения врагами. Между тем миролюбие этого мудрого государя известно всему свету. Безмерное властолюбие берлинских правящих кругов давно стало для него очевидно и он понял, что только сближение держав, связанных общностью мирных интересов, может дать устойчивость политическому равновесию в Европе. Соглашения, им заключенные, или подготовленные, преследовали, таким образом, исключительно оборонительные цели. Совсем иное направление имела работа, все настойчивее проводимая за последние годы Германией. Я не коснусь здесь ее напряженных стараний опередить Англию в отношении морского могущества, для достижения которого Германия отвергала все попытки Великобритании договориться на этой почве. Я не коснусь также постоянных посягательств на интересы Франции, как например, в пресловутом Агадирском деле[2],

ни плохо скрываемых желаний Германии подчинить своей воле соседние нейтральные государства. Но я напомню вам ряд признаков, обличающих с достаточной ясностью отношения Германии к России. В то время, как мы, оставаясь верными вековым преданиям, честно поддерживали добрососедские отношения, нам все чаще приходилось наталкиваться повсюду на противодействие Германии. Как бы в силу общего предписания, немецкая дипломатия стала орудовать против нас во всех соседних с нами странах, особенно же в тех, с которыми мы связаны наиболее существенными интересами. Сначала эта работа велась довольно осторожно, затем она стала все более откровенной. В скандинавских государствах немцами и их приспешниками систематически внедрялось недоверие к России в надежде подорвать хорошие отношения между соседними народами. В Галиции на присылаемые из Берлина деньги искусственно поддерживалось так называемое украинское движение с целью внести раскол в самое сердце единого русского народа. В Румынии немецкое влияние годами затемняло у единоверного нам народа сознание общности наших интересов как экономических, обусловленных соседством, так и политических, вытекающих из факта нахождения большого числа наших соплеменников под игом Австро-Венгрии. Даже связанную с нами особыми историческими узами Болгарию Германия всячески старается подчинить своим видам.

Но ярче всего сказалась направленная против России германская интрига в Турции[3]. Едва ли мне нужно напомнить вам, как на другой день после казавшихся доверчивыми объяснений со мной в Берлине германское правительство постаралось поставить нас перед совершившимся фактом захвата немецкими офицерами военной власти в оттоманской столице. С этой минуты окончательное порабощение Турции Германией пошло ускоренным шагом. Об этом, впрочем, я предоставляю себе сказать подробнее в другом месте; здесь же я хочу только подчеркнуть, с какой настойчивостью Германия пыталась опутать нас цепью своей политической интриги вдоль всей нашей европейской границы.

То же было и в Азии. В Персии, в явное нарушение духа Потсдамского соглашения[4] и данных нам в связи с ним торжественных обещаний, немецкие агенты предавались усиленной деятельности, чтобы создать нам всякие затруднения в этой области преимущественных русских и английских интересов. Те же немецкие интриги мы видим в Китае и в Японии, где Германия прилагал[а] все усилия, чтобы возбудить против России эти государства, к счастью, безуспешно.

Сказанного достаточно, чтобы ответить на вопрос, не имеется ли больше основания говорить о попытках окружения России Германией, нежели жаловаться на мнимое окружение Германии Тройственным согласием.

Ясно, что уверения Германии о том, что война начата не по ее воле, не имеют никакой под собой почвы, так как подлинные документы, оглашенные за последнее время, с полной очевидностью доказывают противное.

К числу клеветнических слухов, злонамеренно распространяемых Германией, относятся также слухи о произведенных будто бы русскими войсками погромах еврейских домов и массовом избиении еврейского населения. Я пользуюсь думской трибуной, чтобы решительно опровергнуть эту клевету. Если еврейское население пострадало в районе военных действий, то это, к сожалению, явление, неразрывно связанное с войной и от которого в равной мере страдает все население затронутой военными действиями местности. При этом очевидцы сходятся в утверждении, что наибольшие опустошения как у нас в Польше, так и в Бельгии и Сербии являются делом австро-германских рук.

Особенно усердно распространяется упомянутая клевета германскими официальными источниками с несомненной целью вызвать неприязненное к нам настроение в Северо-Американских Соединенных Штатах. Но здравый смысл американцев не позволит им поддаться такому грубому обману. Я надеюсь, что дружелюбные отношения наши с Америкой не потерпят от германских происков никакого ущерба.

Но есть еще один способ борьбы Германии против нас, о котором я считаю нелишним сказать вам несколько слов. Это — попытки внести рознь или хотя бы охлаждение между союзниками. Для этого постоянно распускаются ложные слухи то о склонности, будто бы, того или другого союзника вступить в переговоры об отдельном мире то о неравномерности распределения тягот войны между союзниками. Эти измышления не нашли нигде отклика. В России все хорошо знают, что единение между нами и нашими союзниками незыблемо и становится с каждым днем теснее. Связанные общими интересами, мы идем к одной цели — сокрушению военного могущества врага для установления такого порядка, который позволил бы Европе пользоваться впредь благами прочного мира. Союзники неразрывно сплочены между собой и эта связь торжественно подтверждена Лондонским соглашением 23 августа минувшего года[5].

В общее наше дело каждый из нас вкладывает полноту своих сил. Наши союзники отдали дань удивления усилиям России, которая послала на поле брани свои несметные дружины и успешно борется с тремя империями на фронте громадного протяжения. Мы со своей стороны ценим чрезвычайно высоко беспримерную доблесть, проявляемую нашими союзниками и отдаем себе ясно отчет в существенном значении для нас их содействия как на суше, так и на море.

Не могу не упомянуть также об услуге, оказанной общему делу героической Бельгией, которая своими страданиями и подвигами стяжала себе бессмертную славу.

Я рад настоящему случаю выразить здесь среди представителей русского народа нашим союзникам сердечную признательность за их искреннее и деятельное содействие.

Нынешнее наше тесное с ними единение имеет цену, выходящую далеко за пределы настоящего времени.

Наше взаимодействие на почве политической и военной расширено на этих днях новым соглашением финансово-экономического характера[6]. Значение этого соглашения для успешного завершения предстоящих нам сложных задач не ускользнет, конечно, от вашего внимания. *Из него с полной очевидностью вытекает, что как Россия, так и ее союзники организовали дело борьбы своей с Германией соответственно с бесповоротно принятым ими решением довести ее до конца.*

Из недавно опубликованной Оранжевой[7] книги вы имели возможность подробно ознакомиться с событиями на Босфоре, предшествовавшими нашей войне с Турцией. Я должен и тут подчеркнуть ту предательскую роль, которую при этом сыграла Германия.

Приглашая на свою службу германских инструкторов, а затем и военную миссию генерала фон Сандерса, турецкое правительство думало, конечно, только об усилении боевой силы своей армии и о лучшем обеспечении своей независимости против русской опасности, о которой ему усердно нашептывали из Берлина. Германия же воспользовалась своим проникновением в турецкую армию для того, чтобы постепенно обратить ее в орудие своих политических замыслов. Допущение «Гебена» и «Бреслау» в турецкие воды окончательно отдало Турцию в руки Германии.

Действия Турции со дня появления у Дарданелл «Гебена» должны быть рассматриваемы, как совершенные под давлением германского правительства. Стремление отто-

манского правительства сложить с себя ответственность за произведенное нападение на наши берега не могло уже остановить Турцию на той роковой для нее наклонной плоскости, на которую ее толкнула Германия. Совершившиеся на русско-турецкой границе события, надеюсь, откроют глаза туркам, и помогут им понять, что германская опека неудержимо ведет их к погибели. События эти не только увенчали новой славой наше оружие[8], но приблизят минуту разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России к свободному морю.

Как Вы можете убедиться из предложенного Вам сегодня сборника документов, касающихся проведения реформ в Армении[9], императорское правительство за последние годы неуклонно стремилось к облегчению участи турецких армян, руководствуясь при этом как бескорыстными заветами русской политики, так и государственными нашими интересами. Когда в Берлине убедились в непреклонности наших намерений добиться преобразований в Армении, германская дипломатия выразила готовность разделить наши труды с задней мыслью затормозить их правильное проведение в жизнь. Русско-турецкое соглашение 26 января 1914 г.[10] является историческим актом, подписанием которого Порта признала наше исключительное положение в армянском вопросе. При окончании войны это исключительное положение будет использовано императорским правительством в благожелательном для армянского населения направлении.

Обнажив свой меч на защиту Сербии, Россия была верна своим заветным чувствам по отношению к братским народам. Только настоящая война дала нам истинное представление о величии сербского духа и сковала русский народ с сербским тесными узами.

С чувством удовлетворения могу я упомянуть о Черногории, мужественно сражающейся вместе с нами за общеславянское дело.

Отношение наше к Греции, испытанному другу нашей союзницы Сербии, носит самый сердечный характер.

Стремление эллинского народа положить конец страданиям своих соплеменников, находящихся еще под игом Турции, не могут не вызвать сочувствия императорского правительства.

Отношения с румынским королевством сохранили тот дружественный характер, который они приобрели после посещения государем императором в минувшем июне Констанцы. Непрекращавшиеся в течении всей осени сочувственные по адресу России манифестации, как в самой столице Румынии, так и в различных частях страны — подчеркивали в то же время враждебные чувства румынского народа по отношению к Австро-Венгрии.

Господа, вы вероятно ждете от меня ответа на вопрос, который теперь занимает всех, а именно, каково отношение к нынешней войне тех из невоюющих государств, интересы коих, казалось бы, должны были давно подсказать им вмешательство в борьбу на стороне России и ее союзниц. Действительно, в этих государствах общественное мнение, чуткое ко всему, что воплощает народный идеал, уже давно высказалось в этом смысле. Но Вы поймете, что мне нельзя подробнее коснуться этого вопроса ввиду того, что правительства означенных государств, с которыми мы находимся в дружественных отношениях, по-видимому, не пришли еще к окончательному решению, а таковое решение принадлежит им, ибо они одни понесут ответственность перед своими соотечественниками, если бы случай осуществить давнишние народные вожделения остался ими неиспользованным.

Заговорив о невоюющих государствах, я не могу не отметить с искренней признательностью услуг, оказываемых нам Испанией и Италией, которые приняли на себя нелегкую задачу покровительства нашим соотечественникам во враждебных нам странах.

Не могу не сказать также о том, с какой заботливостью относилась к русским путешественникам Швеция, через которую лежал путь этих несчастных жертв германского насилия. О таком сердечном обращении шведов свидетельствуют все прибывающие сюда русские, и я надеюсь, что это послужит новым поводом к закреплению наших добрососедских отношений, упрочения и развития коих мы, со своей стороны, искренне желаем.

По поводу наших соотечественников, задержанных в Германии и Австрии, считаю долгом уверить вас, что императорское правительство принимает все меры к облегчению их участи и, по возможности, к водворению их на родину.

Также и в отношении наших военнопленных русское правительство предприняло шаги к улучшению их положения и одно из первых откликнулось на человеколюбивый почин Папы Бенедикта XV с целью возвращения, на основании взаимности, по крайней мере тех из наших воинов, которые утратили боеспособность, и удержание коих в плену было бы для них лишь жестоким нравственным мучением.

Остается только надеяться, что великодушные предложения Папы будут приняты всеми воюющими державами.

До начала войны с Турцией, нам удалось, хотя и не без труда, завершить начатое осенью 1913 г. дело турецко-персидского разграничения от Персидского Залива до Арарата и положить тем конец вековому спору между Турцией и Персией, постоянно грозившему серьезными осложнениями. Благодаря заботам держав-посредниц, Англии и России, сохранены были за Персией около 20 000 квадратных верст персидской территории, на которую турки без всякого права претендовали и которая частью была ими захвачена.

С началом военных действий с Турцией шахское правительство поспешило заявить о своем намерении соблюдать строгий нейтралитет. Это не помешало, однако, представителям Германии, Австрии и Турции начать усиленную агитацию в Персии в надежде привлечь персов на свою сторону. С этой целью распространялись воззвания, якобы исходившие от высшего шиитского духовенства в Неджефе и Кербеле, призывавшие персов на участие в священной войне против России и Англии, сообщались ложные сведения о победах германских, австрийских и турецких войск и внушалась персам мысль, что наступил удобный момент освободиться от англо-русских притязаний на Персию.

Интриги эти велись особенно настойчиво в Азербайджане, где туркам удалось привлечь этим путем на свою сторону часть местных курдских племен. Еще до начала войны эти племена вместе с турецкими курдами, а также при участии турецких солдат начали враждебные нам действия в Урмийском и Хойском районах. После же начала военных действий турецкие войска, в прямое нарушение персидского нейтралитета, перешли границу Персии и, подкрепленные многочисленными бандами курдов, двинулись в местности, в которых расположены были наши отряды, превратив, таким образом, Азербайджан в часть театра русско-турецкой войны.

Следует тут же отметить, что присутствие наших войск на персидской территории отнюдь не является нарушением нейтралитета Персии. Наши отряды были двинуты в эту страну уже несколько лет назад с определенной целью восстановления и поддержания порядка в смежных с нашими владениями местностях, имеющих для нас первостепенное экономическое значение, а равно для предотвращения захвата некоторых из этих местностей турками, явно стремившимися создать себе там, в особенности в Урмийском районе, удобную базу для военных действий против Кавказа. Персидское правительство, не имеющее возможности фактически отстаивать свой нейтралитет, ответило на турецкое нарушение последнего протестами, которые, однако, не имели никаких последствий.

В заключение я должен с удовольствием отметить, что наши отношения с Англией на почве персидских дел больше, чем когда-либо, покоятся на полном обоюдном доверии и искреннем взаимодействии. Это обстоятельство служит наилучшим залогом к успешному разрешению всех, даже самых сложных вопросов, которые могли бы в будущем возникнуть на персидской почве.

Политические соглашения, которые мы заключили с Японией в 1907 и 1910 годах[11], ныне особенно ярко доказали свою пользу и принесли обильные плоды. В настоящей войне Япония оказалась на нашей стороне и наши отношения фактически являются союзными. Война, которую Япония объявила Германии, привела к изгнанию германцев из вод Тихого Океана и к переходу в японские руки баз германской деятельности в Китае — территории Киао-Чао. Хотя на соглашении 23 августа[5] и нет подписи японского правительства, но так как в союзном англо-японском договоре содержится обязательство договорившихся сторон не заключать отдельно мира, то и в настоящей войне германское правительство не может рассчитывать заключить мир с Японией ранее заключения его с Англией, а следовательно с Россией и Францией. Установившиеся между нами и Японией отношения дают нам уверенность в том, что и в тех требованиям, которые ныне японское правительство сочло нужным поставить китайскому, не содержится ничего, противного нашим интересам.

Что касается наших отношений к Китаю, то за последнее время я могу с удовольствием отметить их дальнейшее улучшение. Переговоры, которые ведутся в Кяхте нашими и китайскими делегатами относительно Монголии, идут, правда, медленно, но миролюбиво, и я надеюсь, что когда мне представится случай вновь излагать перед вами обзор наших отношений с иностранными державами, я буду иметь возможность сообщить вам о благополучном завершении этих переговоров и о состоявшемся подписании тройного русско-китайско-монгольского договора[12], удовлетворяющего желанию монголов Внешней Монголии быть вполне самостоятельными в своем внутреннем управлении. Такой договор оградил бы русские интересы в этой стране и вместе с тем не оставил бы чувства обиды в душе китайцев.

Господа, в заключение позвольте мне высказать одно пожелание.

Полгода тому назад, в грозный час великих решений, правительство и народ, которого вы являетесь представителями, тесно сплотились вокруг престола и дружно стали на защиту общего русского дела. Обнаруженное тогда единодушие нас всех окрылило и подвинуло на трудный подвиг. Будем же и впредь дружно работать для довершения начатого, и, когда настанет час подводить итоги достигнутому доблестью наших славных войск, пусть и тогда правительство найдет в народном представительстве ту же дружную поддержку для разрешения предстоящих ему сложных политических вопросов на благо и на славу России.

Ф. 138, оп. 467, д. 723, л. 29–49. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия III. Заседание 1-е. Вторник, 27 января 1915 г. Стенографический отчет. — Петроград, 1915. — Стлб. 12–22.

[1] См. док. № 3.

[2] Агадирский кризис — один из крупных международных конфликтов, вспыхнувший в 1911 году между Германией и Францией из-за Марокко. В мае 1911 г. Франция под предлогом защиты своих граждан во время начавшегося в окрестностях марокканской столицы восстания оккупировала Фес. Таким образом был нарушен Альхесирасский договор 1906 года. В ответ Берлин направил в порт Агадир канонерскую лодку «Пантера». Англия выступила на стороне Франции. В результате франко-германских перегово-

ров 22 октября/4 ноября 1911 г. было подписано компромиссное соглашение, более выгодное Франции. Германия безоговорочно признавала французский протекторат над Марокко, получив взамен малую часть Французского Конго.

[3] Прежде всего имеются в виду события, связанные с прибытием в ноябре 1913 г. в Константинополь немецкой военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. Лиман был назначен командующим 1-м армейским корпусом в Константинополе и председателем комиссии по реорганизации турецкой армии. Таким образом, Проливы фактически перешли под контроль Германии. В результате протестов России удалось добиться лишь того, что Лиман фон Сандерс был освобожден от командования 1-м корпусом и занял пост генерального инспектора всей турецкой армии. — См.: История внешней политики России... — С. 347–350.

[4] Потсдамское соглашение между Россией и Германией было подписано в Санкт-Петербурге 6/19 августа 1911 г. и явилось завершением переговоров, проходивших в Потсдаме. Россия обязалась не препятствовать постройке Багдадской железной дороги, а также взяла на себя обязательство получить от Ирана концессию на постройку железной дороги Ханекин — Тегеран. Германия, признавая наличие «специальных интересов» России в Северном Иране, обязалась не добиваться там концессий.

[5] Декларация о незаключении сепаратного мира, подписанная Россией, Францией и Англией от 23 августа/5 сентября 1914 г. — См. док. № 5.

[6] В январе 1915 г. в Париже состоялось совещание министров финансов России, Франции и Англии. 5 февраля 1915 г. было подписано соглашение, согласно которому французское и английское правительства предоставляли России кредит на общую сумму 100 млн ф. ст. Другие соглашения касались совместного поддержания золотого запаса Английского банка и централизации размещения военных заказов всех союзников в США и платежей по ним. Кроме того, был установлен порядок оказания помощи малым союзным странам. — См.: История дипломатии. — Т. 3. — С. 14.

[7] Имеется в виду «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией», изданный МИД в Петрограде в 1914 году.

[8] Речь идет о победе российских войск над турками под Сарыкамышем. Сарыкамышская операция завершилась в январе 1915 г.

[9] Имеется в виду «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. — 10 мая 1914 г.», изданный МИД в Петрограде в 1915 году.

[10] См. прим. 9 к док. № 2.

[11] 17/30 июля 1907 г. в Санкт-Петербурге было подписано секретное соглашение между Россией и Японией относительно Маньчжурии, Кореи и Монголии, а также конвенция о взаимном уважении границ владений и прав договаривающихся сторон и о признании независимости и целостности Китая. 21 июня/4 июля 1910 г. Россия и Япония заключили конвенцию о разграничении сфер влияния в Маньчжурии.

[12] 25 мая/7 июня 1915 г. в Кяхте было подписано соглашение между Россией, Китаем и Монголией об автономии Внешней Монголии. — См. док. № 17.

11. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

№ 334 *Ставка, 10 февраля 1915 г.*
Секретно

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Вчера вечером я был приглашен генералом Даниловым присутствовать на собеседовании, которое он имел с адмиралом Ненюковым и целью которого было выяснение того, что мы в силах сделать в случае, если бы Черноморскому и англо-французскому флотам удалось, прорвавшись через Проливы, подойти к столице Турции.

Все то, что я слышал от генерала Данилова, вполне совпадает с тем отзывом Штаба верховного главнокомандующего, о котором я имел честь докладывать Вашему высокопревосходительству и устно и письменно (мое донесение 12 января с.г.)[1]. Если в отношении нашего флота с тех пор произошла некоторая перемена к лучшему (удостоверены аварии, понесенные «Гебеном»), то в отношении сухопутных войск перемен к лучшему нет, и никакой десантной операции мы и ныне не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились наш и союзные флота. (Я не говорю, конечно, о стимулированной посадке на транспорты ополченцев, проектируемой адмиралом Эбергардом).

Изложенное наводит на серьезные размышления. В случае, — пока еще гадательного, — прорыва Проливов, мы окажемся лицом к лицу со следующим положением. Константинополь будет, правда, под выстрелами трех эскадр, но завладеть им ни мы, ни союзники наши не будем в состоянии. Наступит момент, когда надо будет использовать то, несомненно, большое нравственное впечатление, которое произведет появление военных судов союзников у стен Константинополя. Сделать это придется спешно, пока не обнаружится наше бессилие завладеть берегами Босфора и городом. Я не сомневаюсь в том, что наши союзники, помятуя свои обещания, тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфоре. Но так как мы не сможем этого сделать, а использовать успех, который будет добыт Англией и Францией, вероятно, большими жертвами, можно будет с тем большей выгодой, чем скорее будут предприняты последующие действия, то самым естественным домогательством наших союзников явится заключение мира с Турцией с приобретением соответственных экономических и иных выгод, упразднением германского влияния и т.д. Между тем, какими бы жертвами для Турции этот мир ни был обусловлен, совершенно ясно, что пожертвовать своей столицей, содержащей многочисленные мусульманские святыни, турки под одним давлением флота никогда не захотят и не смогут. Таким образом, разрешения вопроса о проливах «в согласии с нашими интересами», как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение. Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтаниями, как бы дороги они ни были для нас. Завладение же нами Константинополем не только теперь, когда столько внешних обстоятельств для нас сложилось благоприятно, но и на долгое время останется мечтой, так как оно не соответствует ни нашей нравственной, ни нашей военной мощи.

Высказываясь так определенно в вопросе, в котором мое чувство расходится с выводами рассудка, которому, однако, в политике всегда следует давать предпочтение, прошу Вас верить, что я не делаю это под тяжелым впечатление неблагоприятных вестей, получаемых за последнее время с театра войны, — а на основании прочно создавшегося у меня убеждения.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства *покорнейшим слугой*.

Кн. Н. Кудашев

Ф. 138, оп. 467, д. 338, л. 27–29. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Красный Архив. – 1928. — Т. 2 (27). — С. 4–6.

[1] См.: Красный Архив. — 1928. — Т. I (26). — С. 43–45.

12. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ ПО ВОПРОСУ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ПРОЛИВАХ (В ФОРМЕ ОБМЕНА ПАМЯТНЫМИ ЗАПИСКАМИ И НОТАМИ)

февраль-апрель 1915 г.

1) Памятная записка министра иностранных дел С.Д. Сазонова послам Франции и Великобритании в Петрограде М. Палеологу и Дж. Бьюкенену

[Петроград], 19 февраля/4 марта 1915 г.

Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и в виду стратегической необходимости часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам.

На документе помета Николая II: ?.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 428–429.
Ф. 138, оп. 467, д. 469, л. 30–30 об. Подлинник. Фр. яз.

2) Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову

[Петроград], 21 февраля/6 марта 1915 г.

Посол его королевского величествава получил инструкции заявить г-ну Сазонову, что только исходя из соображений пользы общего дела, правительство его величества предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды: она сама не намерена там обосноваться. Правительство его королевского величества рискует своими солдатами, своими матросами, своими судами, стремясь сделать Турцию бесполезной в качестве союзницы для Германии, сокрушить

ее наступательную силу против России и Великобритании (великий князь верховный главнокомандующий подчеркнул сам важность этой задачи в интересах русских военных операций), а также и для того, чтобы побудить нейтральные балканские государства к сотрудничеству с союзными державами.

Поскольку это касается будущности Проливов и Константинополя, сэр Эдуард Грей публично подтвердил сказанное г-н Сазоновым в Государственной думе[1], и хотя, в соответствии с конвенцией от 5 сентября[2], всякое окончательное и формальное соглашение должно быть подвергнуто обсуждению с Францией и, вероятно, не может быть заключено ранее окончательных мирных условий, сэр Эдуард Грей не сделал никаких возражений против того, что было сказано по этому поводу г-ном Сазоновым сэру Дж. Бьюкенену.

Помощь, и особенно военная помощь, Греции, на Галлипольском полуострове может представиться важной и существенно необходимой для полного успеха операций, и при данных условиях было бы неразумно и невозможно затруднять их, отклонив эту помощь, если бы она была предложена.

Императорское правительство должно принять во внимание, что неудача дарданельской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия.

Правительство его величества никогда не рассматривало вопроса об аннексии в пользу Греции какой-либо части Проливов. Смирна представляет ту часть турецкой территории, которая рассматривалась, как компенсация Греции. Правительство его величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на Проливах, что противоречило бы русским интересам. Правительство его величества согласно с российским и французским правительствами по этому вопросу, хотя интересы правительства его величества в настоящее время в Малой Азии ограничиваются вопросом о Смирна-Айдинской железной дороге. В целях побудить Грецию присоединиться к союзникам, правительство его величества готово поступиться любыми из своих притязаний.

Посол его величества должен повторно указать, что операции, предпринятые ныне в Дарданеллах, преследуют общую цель самым бескорыстным образом по отношению к притязаниям России в этом районе и с полным сознанием, что непосредственные их результаты будут выгодны не для нас, а для России.

Поэтому в настоящих условиях правительство его величества не должно быть лишено помощи в той части операций, где последняя могла бы быть нам полезной. Само собой разумеется, что всякая помощь, которая могла бы быть дана, не должна зависеть от какого-либо условия или устанавливать какие-либо притязания, за исключением тех, на которые могли бы согласиться три союзных правительства.

Из предшествующих сообщений вполне ясно, что правительство его величества с первой же минуты жаждало деятельного участия русских судов и войск для доведения этих операций до успешного конца.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 429–431.
Ф. 151, оп. 482, д. 4196, л. 74–76. Подлинник. Англ. яз.

3) Памятная записка посольства Франции в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову

№ 29 *Петроград, 23 февраля/8 марта 1915 г.*

По распоряжению своего правительства и ссылаясь на пожелания, формулированные императорским правительством в памятной записке от 4 марта 1915 г., французский посол имеет честь заявить его превосходительству г-ну Сазонову, что императорское правительство может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в том, чтобы вопрос о Константинополе и Проливах был разрешен сообразно с желаниями России. Этот вопрос, а также вопросы, которые интересуют Францию и Англию на Востоке и в других местах и которые императорское правительство, со своей стороны, соглашается разрешить сообразно с пожеланиями Англии и Франции, найдут свое окончательное разрешение в мирном договоре, который, согласно декларации 4 сентября 1914 г.[3], должен быть обсужден сообща и подписан одновременно всеми тремя союзными державами.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 431.
Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 164, л. 2. Подлинник. Фр. яз.

4) Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову

Петроград, 27 февраля/12 марта 1915 г.

В случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как то указано в нижеупомянутом русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г-ном Сазоновым 19 февраля /4 марта сего года.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 431–432.
Ф. 163, оп. 3, д. 365, л. 1. Подлинник. Англ. яз.

5) Памятная записка посольства Великобритании в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову

[Петроград], 27 февраля/12 марта 1915 г.

Посол его величества получил инструкцию сделать следующие замечания касательно памятной записки, которую великобританское посольство имело честь препроводить императорскому правительству 27 февраля/12 марта 1915 г.:

Требование, высказанное императорским правительством в памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 г., значительно превосходит пожелания, предусматривавшиеся г-ном Сазоновым несколько недель тому назад. Прежде чем правительство его величества успело выяснить, каковы будут при заключении окончательного мира его

собственные пожелания в иных местах, Россия просит определенного обещания, что ее желания будут удовлетворены по отношению того, что собственно является наиболее ценным приобретением всей войны. Вследствие сего сэр Э. Грей надеется, что г-н Сазонов отдает себе отчет в том, что правительство его величества не имеет возможности дать большего доказательства дружбы, нежели то, которое дается содержанием вышеупомянутой памятной записки. Этот документ свидетельствует о полном перевороте традиционной политики правительства его величества и находится в прямом противоречии с взглядами и чувствами, в свое время всецело господствовавшими в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшими. Сэр Э. Грей надеется поэтому, что императорское правительство признает, что недавние общие заверения, данные г-ну Сазонову, выполнены самым лояльным и полным образом. Ныне, представляя свою памятную записку, правительство его величества верит и надеется, что прочная дружба между Россией и Великобританией будет обеспечена, как только будет достигнуто предположенное соглашение.

Из великобританской памятной записки следует, что пожелания правительства е. в-ва, какое бы они ни имели значение для английских интересов в других частях света, не будут содержать в себе ни одного условия, которое могло бы затронуть русское господство над территориями, описанными в русской памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 г.

Ввиду того обстоятельства, что Константинополь всегда останется торговым складом для Юго-Восточной Европы и Малой Азии, правительство его величества будет просить, чтобы Россия, когда она войдет в обладание им, установила бы свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями. Правительство его величества будет также просить о том, чтобы была установлена свобода обращения для торговых судов, проходящих через Проливы, как было уже обещано г-ном Сазоновым.

В настоящее время стало совершенно ясным, что — независимо от того значения, которое могут иметь для общего дела союзников предпринятые правительством его величества операции в Дарданеллах — операции эти, как бы успешны они ни были, не могут принести какую бы то ни было выгоду правительству его величества при заключении мира. Россия одна, если война будет успешна, получит непосредственные плоды этих операций. Россия не должна была бы поэтому, по мнению правительства его величества, ставить теперь препятствия на пути всякой державы, которая может на разумных условиях предложить союзникам свою помощь. Единственная держава, которая могла бы принять участие в операциях в проливах, — Греция. Адмирал Карден просил адмиралтейство прислать ему еще истребителей, но таковых свободных не имеется. Помощь греческой флотилии, если бы ею возможно было заручиться, была бы, следовательно, чрезвычайно ценной для правительства его величества.

Одной из главных целей, которые имело в виду правительство его величества, когда им были предприняты операции в Дарданеллах, было побудить нейтральные государства присоединиться к союзникам. Правительство его величества надеется, что Россия употребит все усилия, чтобы рассеять опасения Болгарии и Румынии касательно того, будто обладание Россией Проливами и Константинополем невыгодно для них. Правительство его величества надеется также, что Россия сделает все, что в ее власти, чтобы придать сотрудничеству этих государств заманчивый для них характер.

Сэр Э. Грей отмечает, что будет, очевидно, необходимо принять во внимание весь вопрос о будущих интересах Франции и Англии в том, что теперь является Азиатской Турцией; формулируя пожелания правительства его величества касательно Оттоманской империи, он должен сговориться с французским правительством, так же как и с русским. Как только, однако, станет известно, что Россия получит Константинополь при окончании войны, сэр Э. Грей хотел бы заявить, что в течение всех переговоров правительство его величества настаивало, чтобы мусульманские священные места и Аравия остались при всех обстоятельствах под независимым мусульманским владычеством.

Сэр Э. Грей не в состоянии пока сделать определенного предложения по какому-либо пункту английских пожеланий, но одним из этих пожеланий будет пересмотр касающейся Персии части англо-русского соглашения 1907 года, в смысле признания нынешней нейтральной сферы как сферы английской.

До тех пор, пока союзники не будут в состоянии дать Балканским государствам, и в особенности Болгарии и Румынии, удовлетворительное заверение относительно их общего положения в отношении территорий, соприкасающихся с их границами и к обладанию которыми они заведомо стремятся; и до того времени, когда будет достигнуто более определенное соглашение касательно французских и английских пожеланий для окончательных мирных условий, сэр Э. Грей также считает, что весьма желательно, чтобы соглашение, к которому теперь пришли русское, французское и великобританское правительства, оставалось бы тайным.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 432–435.
Ф. 138, оп. 467, д. 469, л. 64–68. Подлинник. Англ. яз.

6) Вербальная нота посольства Франции в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову

№ 120 *Петроград, 28 марта/10 апреля 1915 г.*

Правительство республики даст свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Париже г-ну Делькассе 6 марта с.г. и касающуюся Константинополя и Проливов, при условии, что война будет доведена до победного конца, и в случае осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 435.
Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 164, л. 1. Подлинник. Фр. яз.

[1] 25 января/7 февраля 1915 г. С.Д. Сазонов с согласия Николая II выступил на закрытом заседании бюджетной комиссии Думы, где заявил, что вопрос о Проливах союзниками решен и Россия получит «оба Пролива и оба берега, с Константинополем». Цит. по: История внешней политики России... — С. 472. Выступая в Думе 27 января/9 февраля, министр иностранных дел говорил о предстоящем осуществлении «экономических и политических задач, связанных с выходом России к свободному морю». — См. док. № 10.

[2] См. док. № 5.

[3] Так в документе. Видимо, имеется в виду Лондонская декларация от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира.

13. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.Ф. ШИЛЛИНГА М.А. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ[1]

[не ранее 15/28 марта 1915 г.]

Проект письма на имя М.А. Васильчиковой в Клейн Вартгенштейн

Многоуважаемая Мария Александровна,

Ваше письмо на высочайшее имя[2] было доставлено по назначению, и я могу сообщить вам по поводу его нижеследующее.

Государю императору по-прежнему дороги заветы, которых он постоянно придерживался, стремясь обеспечить народам драгоценные блага мира. Еще минувшим летом его величество дал тому новое доказательство, приложив до последней минуты все старания, чтобы предотвратить настоящую войну. Но раз эта война нам навязана, нельзя предположить, что она может прекратиться благодаря одному лишь заявлению наших противников об отсутствии у них вражды к России. Принесенные нами жертвы, естественно, требуют возмещения, и создавшееся, с божьей помощью, благоприятное для нас положение на театре военных действий должно быть учтено.

Считаю долгом оговориться, что в вопросе о мире Россия неотделима от своих союзниц и что для переговоров с Германией время, по-видимому, еще не настало.

Что касается Австро-Венгрии, то если она действительно пришла, наконец, к сознанию, что продолжение войны может только еще больше ухудшить ее положение, особенно ввиду готовящегося в ближайшем будущем выступления Италии и Румынии, — Россия могла бы согласиться обсудить с ней вопрос о заключении отдельного мира, к которому примкнули бы и союзницы России. Для этого, однако, нужно прежде всего, чтобы обращение Австро-Венгрии к России носило более определенный и официальный характер, нежели то, которое вы передали в письме к государю императору. Такое обращение должно исходить не от анонимных доброжелателей, а от ответственного правительства, причем последнее должно быть готово идти на соответствующие обстоятельствам жертвы, которые одни только могут побудить союзников заключить мир и уберечь Австро-Венгрию от новых потерь, грозящих ей полной гибелью.

Если в Вене понимают, до какой степени положение серьезно, и желают вступить с нами в переговоры на указанных условиях, пусть об этом сообщат тем или иным способом в Петроград министру иностранных дел, –пока еще не поздно.

Примите и пр.

Ф. 138, оп. 467, д. 598, л. 13–14 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: МОЭИ.– Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 41–42.

[1] На проекте отсутствует подпись и дата. На основании поденной записи можно заключить, что документ был подготовлен не ранее 15/28 марта 1915 г.

[2] Фрейлина М.А. Васильчикова, находившаяся во время войны в своем имении Клейн-Вартгенштейн (Австрия), 25 февраля/10 марта 1915 г. обратилась к Николаю II с письмом, в котором передала предложение немецкой и австро-венгерской стороны о заключении мира. — См. док. № 1, запись от 15 марта 1915 г. Весной 1915 г. ею были направлены российскому императору еще два письма. — См.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. – Ч. 2. — С. 56–57; Т. VIII. — Ч. 1. — С. 34–34 об.

14. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ ОБ УСЛОВИЯХ ВСТУПЛЕНИЯ ИТАЛИИ В ВОЙНУ

Лондон, 26 апреля 1915 г. (н. ст.)

По распоряжению своего правительства, итальянский посол в Лондоне маркиз Империали имеет честь сообщить статс-секретарю по иностранным делам, достопочтенному сэру Э. Грею и их превосходительствам французскому послу г-ну П. Камбону и российскому послу графу Бенкендорфу следующий меморандум:

Меморандум

Статья 1

Военная конвенция будет немедленно заключена между французским, великобританским, российским и итальянским Генеральными штабами; эта конвенция установит минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австро-Венгрии с целью воспрепятствовать этой державе сосредоточить все свои усилия против Италии, в случае, если Россия решила бы направить свои главные силы против Германии[1].

Военная конвенция урегулирует вопрос о перемириях, зависящих по существу от главного командования армиями.

Статья 2

Италия, со своей стороны, обязуется использовать все свои силы для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов.

Статья 3

Французский и английский флоты будут оказывать активную и постоянную помощь Италии до уничтожения австрийского флота или до заключения мира.

Франция, Великобритания и Италия незамедлительно заключат по этому поводу морскую конвенцию.

Статья 4

По мирному договору Италия получит Трентино, Цизальпинский Тироль, с его географической и естественной границей (границей Бреннера), а также Триест, графства Горицу и Градиску, всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску и истрийские острова Керсо, Луссин, а также малые острова Плавник, Уние, Канидоле, Палаццуола, Сан-Пьетро-ди-Немби, Азинелло, Груиццу и соседние островки.

Примечание.

Граница, необходимая для выполнения статьи 4, будет намечена следующим образом:

От вершины Пиц-Умбрайль до пункта к северу от Стельвио она пройдет по хребту Ретийских Альп до истоков Адидже и Эйзака, проходя по горам Решен, по Бреннеру и по возвышенностям Этца и Циллера. Граница затем направится на юг, пересе-

чет гору Тоблак и сольется с нынешней границей Карнийских Альп. Она пойдет по этой границе до горы Тарвиз и дальше по водоразделу Юлийских Альп, через перевал Предиль, гору Мангар, Трикорно (Триглав) и по водоразделу Подбердо, Подланискам и Идрии. От этого пункта граница пойдет в юго-восточном направлении к Шнебергу, оставляя вне пределов итальянской территории весь бассейн Савы и ее притоков; от Шнеберга граница спустится к берегу, включая Кастуа, Матулью и Волоску в итальянскую территорию.

Статья 5

Италия получит также провинцию Далмацию в ее нынешних административных пределах, на севере включая Лиссарику и Трибанию и на юге до линии, идущей от мыса Планка на побережье на восток по вершинам возвышенностей, образующих водораздел, таким образом, что все долины и потоки, спускающиеся к Себенико, как Чикала, Керка, Бутисница и их притоки, остаются в пределах итальянской территории. Она получит также все острова, расположенные к северу и к западу от Далмации, от Премуды, Сельве, Ульбо, Скерды, Маона, Паго и Пунтадуры на севере — до Меледы на юге, включая Сант-Андреа, Бузи, Лиссу, Лессину, Торколу, Курцолу, Каццу и Лагосту, а также окрестные скалы и островки и Пелагозу, за исключением только островов Большая и Малая Цирона, Буа, Сольта и Брацца.

Нейтрализованы будут:

1) Весь берег от мыса Планка на севере до южного основания полуострова Саббиончелло на юге, охватывая таким образом весь этот полуостров. 2) Часть побережья, начиная на севере от точки, расположенной на 10 километров к югу от мыса Рагуза Беккиа и вниз на юг до реки Воюсы, так чтобы охватить залив и порты Каттаро, Антивари, Дульциньо, Сан-Джиованни-ди-Медуа, Дураццо, не нарушая прав Черногории, вытекающих из деклараций, которыми державы обменялись в апреле и мае 1909 г.[2] Эти права, распространяющиеся только на территории, принадлежащие в настоящее время Черногории, не могут быть распространены на территории и порты, которые могут быть предоставлены Черногории. Вследствие этого ни одна часть побережья, ныне принадлежащего Черногории, не может быть нейтрализована. Остается в силе ограничительное условие для порта Антивари, на которое сама Черногория согласилась в 1909 г. 3) И, наконец, острова, которые не будут предоставлены Италии.

Примечание.

Перечисленные ниже территории Адриатики будут четырьмя союзными державами предоставлены Хорватии, Сербии и Черногории.

В Верхней Адриатике весь берег от бухты Волоски на границе Истрии до северной границы Далмации, охватывая венгерское ныне побережье и весь берег Хорватии с портом Фиуме и малыми портами Нови, Карлопаго, а также острова Белью, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе. В Нижней Адриатике, — в области, в которой заинтересованы Сербия и Черногория, — весь берег от мыса Планки до реки Дрина с важными портами Спалато, Рагуза, Каттаро, Антивари, Дульциньо и Сан-Джиованни-ди-Медуа и острова Большая и Малая Цирона, Буа, Сольта, Брацца, Жаклиан и Каламотта. Порт Дураццо предоставляется независимому мусульманскому Албанскому государству.

Статья 6

Италия получает в полное суверенное владение Валлону, остров Сасено и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов (между Воюсой на севере и на востоке и приблизительно до северной границы округа Химара на юге).

Статья 7

Если Италия получит Трентино и Истрию, согласно статьи 4, Далмацию и острова Адриатики, в пределах, указанных в статье 5, и Валонскую бухту (статья 6) и если центральная часть Албании сохранится для создания небольшого автономного нейтрального государства, она не будет противиться разделу северных и южных частей Албании между Черногорией, Сербией и Грецией, если таково желание Франции, Великобритании и России. Побережье от южной границы итальянского владения Валоны (см. ст. 6) до мыса Стилос будет нейтрализовано.

Италии будет поручено представлять Албанское государство в его внешних сношениях.

Италия соглашается, с другой стороны, во всяком случае оставить на восток от Албании территорию, достаточную для обеспечения существования общей границы Сербии и Греции к западу от Охридского озера.

Статья 8

Италия получит в полное суверенное владение острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время.

Статья 9

Франция, Великобритания и Россия вообще признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия на Средиземном море и что, в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции, она (Италия) должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалии, где Италия уже приобрела права и интересы, которые послужили предметом итало-британской конвенции. Зона, которая будет эвентуально предоставлена Италии, будет в свое время установлена, причем будут учтены существующие интересы Франции и Великобритании.

Интересы Италии будут равным образом приняты во внимание в случае, если территориальная неприкосновенность Оттоманской империи будет сохранена и если будут сделаны изменения в зонах влияния отдельных держав.

Если Франция, Великобритания и Россия заняли бы во время войны территории Азиатской Турции, то средиземноморская область, смежная с провинцией Адалии, в пределах, указанных выше, будет предоставлена Италии, которая получит право занять ее.

Статья 10

Италии будут предоставлены в Ливии права и привилегии, принадлежащие в настоящее время султану в силу Лозаннского договора[3].

Статья 11

При возмещении военных издержек настоящей войны Италия получит долю, соответствующую ее усилиям и жертвам.

Статья 12

Италия заявляет о своем присоединении к декларации, сделанной Францией, Великобританией и Россией по поводу сохранения Аравии и мусульманских священных мест в Аравии под независимой мусульманской властью.

Статья 13

В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний.

Статья 14

Англия обязуется облегчить немедленное заключение на справедливых условиях займа не менее 50 000 000 фунтов стерлингов к выпуску на лондонском рынке.

Статья 15

Франция, Великобритания и Россия будут поддерживать сопротивление, которое Италия будет оказывать всякому предложению, клонящемуся к привлечению представителя святейшего престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвинутых настоящей войной.

Статья 16

Настоящее соглашение будет храниться в тайне. Только присоединение Италии к декларации 5 сентября 1914 г.[4] будет опубликовано немедленно после объявления войны Италией или Италии.

* * *

Ознакомившись с вышеизложенным меморандумом, представители Франции, Великобритании и России, должным образом на то уполномоченные, заключили с представителем Италии, равным образом уполномоченным своим правительством, следующее соглашение:

Франция, Великобритания и Россия изъявляют полное согласие с меморандумом, представленным итальянским правительством.

Ссылаясь на статьи 1, 2, 3 меморандума, предусматривающие военное и морское сотрудничество четырех держав, Италия заявляет, что она вступит в войну как можно скорее и в срок, не превышающий одного месяца со дня подписания настоящего (соглашения).

В удостоверение изложенного нижеподписавшиеся подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати.

Составлено в Лондоне в четырех экземплярах, 26 апреля 1915 г.

М.П. *Бенкендорф*
М.П. *Поль Камбон*
М.П. *Э. Грей*
М.П. *Империали*

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 436–441.
Ф. 163, оп. 3, д. 1953, л. 2–3 об. Подлинник. Фр. яз.

[1] Военная конвенция между высшим командованием российской и итальянской армий была подписана 3/16 мая 1915 г. — См.: Царская Россия... — С. 294–295.
[2] См. док. № 1, прим. 1 к записи от 9 апреля 1915 г.
[3] Лозаннский договор между Италией и Турцией, завершивший триполитанскую войну 1911–1912 гг., был подписан 18 октября 1912 г. Договор устанавливал прекращение военных действий и обязательство Турции вывести свои войска из Триполи и Киренаики. Договор фактически превратил Триполи и Киренаику в итальянскую колонию (Ливию). Италия обязалась эвакуировать войска с оккупированных ею Додеканесских островов.
[4] См. док. № 15.

15. ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИТАЛИИ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО МИРА

Лондон, 26 апреля 1915 г. (н. ст.)

Ввиду решения итальянского правительства принять участие в настоящей войне совместно с правительствами французским, великобританским и российским и присоединиться к декларации, подписанной в Лондоне 5 сентября 1914 г.[1] тремя названными выше правительствами,

нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные соответствующими правительствами, делают следующую декларацию:

«Французское, великобританское, итальянское и российское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Четыре правительства соглашаются, что, когда наступит время обсудить основы мира, ни одна из союзных держав не сможет устанавливать мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников».

В подтверждение чего нижеподписавшиеся подписали настоящую декларацию и приложили к ней свои печати.

Составлено в Лондоне в четырех экземплярах, 26 апреля 1915 г.

М.П. *Бенкендорф*
М.П. *Поль Камбон*
М.П. *Э. Грей*
М.П. *Империали*

Печат. по: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 263.
Ф. 163, оп. 3, д. 1953, л. 1. Подлинник. Фр. яз.

[1] См. док. № 5.

16. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ О СОХРАНЕНИИ В СИЛЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, РАНЕЕ ПРИНЯТЫХ СОЮЗНИКАМИ В ОТНОШЕНИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО МИРА (В ФОРМЕ ОБМЕНА НОТАМИ)

13/26 апреля 1915 г.

1) Нота посла России в Великобритании А.К. Бенкендорфа статс-секретарю по иностранным делам Великобритании Э. Грею[1]

Лондон, 13/26 апреля 1915 г.

Г-н статс-секретарь,

По предписанию моего правительства имею честь уведомить Ваше превосходительство, что мне поручено, подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к союзу России, Франции и Великобритании, довести до Вашего сведения, что Россия считает принятые ранее союзниками обязательства для урегулирования вопросов, касающихся будущего мира, сохраняющими свою полную силу и не могущими быть подвергнуты никакому пересмотру в связи с присоединением Италии.

Примите и пр.

Бенкендорф

Печат. по: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 264–265.
Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 309, л. 4. Черновой экз. Фр. яз.

2) Нота статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Э. Грея послу России в Великобритании А.К. Бенкендорфу

Лондон, 13/26 апреля 1915 г.

Ваше превосходительство,

Я имел честь получить ноту Вашего превосходительства от сегодняшнего, числа, сообщающую мне, по поручению Вашего правительства, что, подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к союзу между Россией, Великобританией и Францией, Россия считает, что принятые ранее союзниками обязательства для разрешения вопросов, касающихся будущего мира, сохраняют свою полную силу и не могут быть подвергнуты никакому пересмотру в силу присоединения Италии.

Честь имею уведомить Ваше превосходительство, что правительство его величества вполне согласно с императорским правительством и присоединяется к указанной ноте.

Примите и пр.

Грей

Печат. по: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 265–266.
Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 309, л. 2. Подлинник. Англ. яз.

3) Нота посла Франции в Великобритании П. Камбона послу России в Великобритании А.К. Бенкендорфу

Лондон, 13/26 апреля 1915 г.

Г-н посол и дорогой коллега,

Нотой от сего дня Ваше превосходительство благоволили поставить меня в известность, что, подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к союзу России, Франции и Великобритании, Вам предписано Вашим правительством уведомить меня, что Россия считает принятые ранее союзниками обязательства для урегулирования вопросов, касающихся будущего мира, сохраняющими свою полную силу и не могущими быть подвергнутыми никакому пересмотру в связи с присоединением Италии.

Подтверждая Вашему превосходительству получение этого сообщения, в имею честь поставить Вас в известность, что мне поручено заявить, что мое правительство находится в полном согласии с императорским правительством о значении ранее состоявшихся между союзниками соглашений и что оно вполне присоединяется к Вашей сегодняшней ноте.

Примите и пр.

П. Камбон

Печат. по: МОЭИ. — Сер. III. — Т. VII. — Ч. 2. — С. 266–267.
Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 309, л. 3. Подлинник. Фр. яз.

[1] Нота тождественного содержания была направлена А.К. Бенкендорфом французскому послу в Лондоне П. Камбону.

17. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ, КИТАЕМ И МОНГОЛИЕЙ ОБ АВТОНОМИИ ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ

Кяхта, 25 мая/7 июня 1915 г.

Русско-Китайско-Монгольское соглашение

Его императорское величество государь император и самодержец всероссийский, президент Китайской Республики и его святейшество богдо чжебцзун дамба хутухта хан Внешней Монголии, движимые искренним желанием разрешить общим соглашением разные вопросы, возникшие вследствие создавшегося во Внешней Монголии нового положения вещей, назначили своими уполномоченными:

Его величество государь император и самодержец всероссийский: своего дипломатического агента и генерального консула в Монголии, действительного статского советника Александра Миллера;

Президент Китайской Республики: генерала Би Гуй-Фана и чрезвычайного посланника и полномочного министра в Мексике Чэнь Лу, и

Его святейшество богдо чжэбцзун дамба хутухта, повелитель Внешней Монголии: своего помощника, главного начальника юстиции эрдэни чжонон бэйсэ Ширнин Дам-

дина и главного начальника финансов тушэту цинь-вана Чакдурчжаба, которые, проверив свои полномочия, согласились между собой о нижеследующем:

Статья 1

Внешняя Монголия признает русско-китайскую декларацию и ноты, обмененные между Россией и Китаем 23 октября 1913 г./5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики[1].

Статья 2

Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории.

Статья 3

Автономная Монголия не имеет права заключать с иностранными державами международных договоров, касающихся политических и территориальных вопросов.

Что касается политических и территориальных вопросов, относящихся к Внешней Монголии, то китайское правительство обязуется сообразоваться со 2-й статьей нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 г./5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской республики[2].

Статья 4

Титул «богдо чжэбцзун дамба хутухта хан Внешней Монголии» жалуется президентом Китайской Республики, календарь коей применяется в официальных бумагах наравне с монгольским календарем с циклическими знаками.

Статья 5

Россия и Китай, согласно 2-й и 3-й статьям русско-китайской декларации 23 октября 1913 г./5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики, признают за автономным правительством Внешней Монголии исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности Автономной Монголии.

Статья 6

Согласно той же статье 3-й Декларации, Россия и Китай обязуются не вмешиваться в существующий во Внешней Монголии автономный строй внутреннего управления.

Статья 7

При предусмотренном статьей 3-й вышеупомянутой декларации китайском сановнике в Урге будет состоять военный конвой численностью не больше двухсот человек.

При его помощниках в Улясутае, Кобдо и Монгольской Кяхте военные конвои не будут превышать пятидесяти человек каждый. В случае назначения по соглашению с автономным правительством Внешней Монголии помощников китайского сановника в другие местности Внешней Монголии, военные конвои при них не будут превышать пятидесяти человек каждый.

Статья 8

Императорское российское правительство не будет содержать при своем представителе в Урге больше ста пятидесяти человек консульского конвоя. В других местностях Внешней Монголии, где уже имеются или будут основаны по соглашению с правительством Автономной Внешней Монголии российские консульства или вице-консульства, военные конвои при них не будут превышать пятидесяти человек каждый.

Статья 9

Во всех торжественных или официальных случаях китайскому сановнику предоставляется первое почетное место. Он имеет право в случае надобности представляться его святейшеству богдо чжэбцзун дамба хутухте хану Внешней Монголии в отдельной частной аудиенции. Таким же правом частных аудиенций пользуется и императорский российский представитель.

Статья 10

Китайский сановник в Урге и его помощники в разных местностях Внешней Монголии, предусмотренные статьей 7-й настоящего соглашения, имеют общий надзор за тем, чтобы деятельность автономного правительства Внешней Монголии и подчиненных ему властей не нарушала сюзеренных прав и интересов Китая и его подданных в Автономной Монголии.

Статья 11

Территорию Автономной Внешней Монголии составляют, согласно 4-й статье нот, обмененных между Россией и Китаем 23 октября 1913 г./5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики, области, находившиеся в ведении китайского амбаня в Урге, Цзян-цзюня в Улясутае и китайского амбаня в Кобдо, причем границей с Китаем служат границы хошунов четырех аймаков Халхи и Кобдоского округа сопредельных: на востоке — с Хулунбуирским округом, на юге — с Внутренней Монголией, на юго-западе — с Синьцзянской провинцией и на западе — с Алтайским округом.

Формальное разграничение между Китаем и Автономной Внешней Монголией будет произведено особой комиссией из делегатов России, Китая и Автономной Внешней Монголии, причем к началу работ по разграничению будет приступлено не позже двух лет со дня подписания настоящего соглашения.

Статья 12

При ввозе китайскими купцами в Автономную Внешнюю Монголию товаров любого происхождения таможенного обложения не устанавливается. Однако китайские купцы будут уплачивать все установленные и могущие быть впредь установленными в Автономной Внешней Монголии виды внутреннего торгового обложения, какие будут уплачиваться монголами Автономной Внешней Монголии.

Купцы Автономной Внешней Монголии, ввозящие во Внутренний Китай местные товары всякого сорта, равным образом уплачивают как установленные, так и могущие впредь быть установленными виды торгового обложения наравне с китайскими купцами.

Иностранные же товары, ввозимые во Внутренний Китай из Автономной Внешней Монголии, облагаются таможенными пошлинами, установленными договором о сухопутной торговле 1881 года/7-го года правления Гуан Сюй[3].

Статья 13

Гражданские и уголовные дела, возникающие между китайскими подданными, проживающими в Автономной Внешней Монголии, будут рассматриваться и решаться китайским сановником в Урге и его помощниками в других местностях Автономной Внешней Монголии.

Статья 14

Гражданские и уголовные дела, возникающие между монголами Автономной Внешней Монголии и проживающими в этой стране китайскими подданными, будут рассматриваться и решаться совместно китайским сановником в Урге и его помощниками в других местностях Автономной Внешней Монголии или уполномоченными ими на то лицами и монгольскими властями, причем если ответчиком или обвиняемым является китайский подданный, а истцом или обвинителем — монгол Автономной Внешней Монголии, то совместное рассмотрение и решение дела происходит у китайского сановника в Урге и его помощников в других местностях Автономной Внешней Монголии; если же ответчиком или обвиняемым является монгол Автономной Внешней Монголии, а истцом или обвинителем китайский подданный, то дело тем же совместным порядком рассматривается и решается в монгольском присутственном учреждении. Виновные наказываются по своим собственным законам. Сторонам предоставляется право разрешать возникающие споры полюбовно, путем избрания посредников, выбранных из своей среды.

Статья 15

Гражданские и уголовные дела, возникающие между монголами Автономной Внешней Монголии и проживающими в этой стране русскими подданными, рассматриваются и решаются порядком, указанным в 16-й статье русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 г.[4]

Статья 16

Все судебные дела, гражданские и уголовные, возникающие в Автономной Внешней Монголии между русскими и китайскими подданными, разбираются и решаются следующим порядком: в судебных делах, где истцом или обвинителем является русский подданный, а ответчиком или обвиняемым китайский подданный, русский консул лично или через уполномоченное им самим лицо участвует в судебном заседании на равных правах с китайским сановником в Урге или его делегатом, или его помощниками в других пунктах автономной Внешней Монголии. Русский консул или уполномоченное им лицо допрашивает в зале заседания истца и русских свидетелей, а ответчика и китайских свидетелей — через китайского сановника в Урге или его делегата, или его помощников в других пунктах Автономной Внешней Монголии, рассматривает представленные доказательства, требует обеспечения исков, заключения экспертов, если считает экспертизу необходимой для выяснения права сторон, и пр.; он участвует в постановлении и выработке решения, которое подписывает с китайским сановником в Урге или его делегатом, или его помощниками в других местностях Автономной Внешней Монголии; приведение же решения в исполнение лежит на обязанности китайских властей.

Китайский сановник в Урге и его помощники в других местностях Автономной Внешней Монголии равным образом могут лично или через уполномоченных ими лиц присутствовать в российских консульствах при разборе дел, в которых ответчиком или обвиняемым является русский подданный, а истцом или обвинителем китайский подданный. Привидение же решения в исполнение лежит на обязанности русских властей.

Статья 17

Ввиду того, что часть телеграфной линии Кяхта-Урга-Калган пролегает по территории Автономной Внешней Монголии, решено, что означенная часть этой телеграфной линии составляет полную собственность автономного правительства Внешней Монголии. Подробности, касающиеся устройства на границе этой страны и Внутренней Монголии передаточной телеграфной станции, обслуживаемой китайскими и монгольскими чиновниками, а равно и вопросы о тарифе для передаваемых телеграмм, распределении доходов и пр., будут обсуждены и улажены особой технической комиссией из делегатов России, Китая и Автономной Внешней Монголии.

Статья 18

Китайские почтовые учреждения в Урге и монгольской Кяхте сохраняются на прежних основаниях.

Статья 19

Автономное правительство Внешней Монголии отведет в полную собственность правительства Китайской Республики необходимые помещения для пребывания китайского сановника в Урге и его помощников в Улясутае, Кобдо и монгольской Кяхте, равно как и состоящего при них подчиненного штата. Для конвоев упомянутых лиц будут отведены необходимые земельные участки вблизи мест их пребывания.

Статья 20

Китайский сановник в Урге и его помощники в других местностях Автономной Внешней Монголии, равно как и состоящий при них подчиненный штат, пользуются монгольскими казенными почтовыми станциями применительно к постановлениям статьи 11-ой русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 г.

Статья 21

Постановления русско-китайской декларации и нот 23 октября 1913 г./5-го числа 11-го месяца 2-го года Китайской Республики, равно как и русско-монгольского торгового протокола 21 октября 1912 г. остаются в полной силе.

Статья 22

Настоящее соглашение, написанное в трех экземплярах на русском, китайском, монгольском и французском языках, вступает в силу со дня его подписания. Из четырех текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководствующим при толковании соглашения будет служить французский текст.

Заключено в Кяхте в двадцать пятый день мая месяца тысяча девятьсот пятнадцатого года, что соответствует седьмому дню шестого месяца четвертого года Китайской Республики[5].

Би Гуй-фан	*Чэнь Лу*	*А. Миллер*	*Ширнин Дамдин*	*Чакдурчжаб*
М.П.	М.П.	М.П.	М.П.	М.П.

Ф. 163, оп. 3, д. 1956, л. 1–12. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Собрание узаконений... — 1915. — Отдел первый. — № 221. — Ст. 1712. — С. 2286–2293.

[1] 23 октября/5 ноября 1913 г. в Пекине представители России и Китая обменялись нотами о принципах подписания договора о признании автономии Внешней Монголии (4 ст.) и подписали декларацию по этому вопросу (5 ст.) — См.: Русско-китайские договорно-правовые акты... — С. 408–411.

[2] Во 2-й ст. нот от 23 октября/5 ноября 1913 г., которыми обменялись представители России и Китая, говорилось: «Что касается политических и территориальных вопросов, то по ним китайское правительство будет условливаться с русским правительством путем переговоров, в которых власти Внешней Монголии будут принимать участие». — См.: Сборник договоров России... — С. 420.

[3] 12/24 февраля 1881 г. в Санкт-Петербурге был подписан договор между Россией и Китаем об Илийском крае, границе и торговле в Западном Китае, а также Правила сухопутной торговли. — См.: Русско-китайские договорно-правовые акты... — С. 117–131.

[4] Согласно 16-й статье Протокола от 21 октября/3 ноября 1912 г. о правах и преимуществах российских подданных в Монголии и монгольских подданных в России в случае невозможности разрешить споры между подданными двух государств «при содействии посредников», спорные дела передавались на рассмотрение смешанных судебных комиссий. — См.: Сборник договоров России... — С. 416–417.

[5] В «Собрании узаконений... «вслед за текстом соглашения опубликованы копии сообщений (нот) от 25 мая/7 июня 1915 г., которыми обменялся российский уполномоченный с китайским и монгольским представителями в Кяхте. Сообщения касались предоставления китайским правительством полной амнистии монголам, признавшим автономное правительство Внешней Монголии, а также о порядке передачи китайскими властями монгольским чиновникам телеграфных станций, находившихся на участке Калган-Урга-Кяхта. — См.: Собрание узаконений. — 1915. — Отдел первый. — № 221. — Ст. 1712. — С. 2294–2297.

18. РЕЧЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

19 июля 1915 г.

Гг. члены Государственной думы,

В годовщину рокового дня, когда, вопреки нашим усилиям сохранить мир, Германия объявила нам войну и зажгла во всей Европе и за пределами ее доселе еще невиданный по своим размерам пожар, необходимо бросить взгляд назад и подвести итог пережитому за истекший год. За этот срок, с высочайшего соизволения государя императора, я сегодня в третий раз обращаюсь к Вам с этой кафедры. Из двух моих предшествующих обращений[1], равно как из обнародованной подлинной переписки Министерства иностранных дел Вы уже достаточно знакомы с обстоятельствами, приведшими к настоящему великому столкновению народов и знаете, что не на России и ее союзницах лежит тяжелая ответственность за неисчислимые бедствия, которыми сопровождается нынешняя война. Поэтому не стану возвращаться к общеизвестным этим предметам. В настоящую минуту крайнего напряжения всех сил и, когда мы здесь все собраны для одной цели — содействия нашим геройским войскам в одолении врага, — более чем когда-либо время Ваше дорого для дела, и я ограничусь лишь кратким изложением нынешнего политического положения. При этом считаю долгом предупредить Вас, что если, может быть, Вы не найдете в моих словах исчерпывающего ответа на некоторые из волнующих Вас вопросов, я уверен, что Вы поймете, насколько трудно было бы для меня коснуться сегодня тех из них, о которых пока еще не закончены переговоры.

Со дня последнего моего обращения к Вам в области международных отношений произошло немного перемен. Россия по-прежнему тесно связана с доблестными своими союзницами, причем сложное дело согласования деятельности отдельных государств прочно налажено, так что силы каждого из них наилучшим образом использованы для достижения одной общей всем цели.

В дружную среду союзников ныне вступил еще один новый участник в лице Италии. Народ ее в неудержном порыве уже давно стремился освободить от иноземного ига своих соплеменников. Имена Триеста и Трентино давно являлись боевым кличем среди потомков борцов за итальянское «возрождение». Правительство г. Саландры в течение первых месяцев войны тщательно подготовляло свое выступление и когда настало время примкнуло к России, Франции и Англии во имя осуществления идеала итальянского народа. Я искренне рад случаю здесь вместе с Вами приветствовать союзную Италию.

Если бы примеру Италии последовали и другие державы, то это, конечно, способствовало бы скорейшему окончанию войны и сокращению кровопролития и таким образом приблизило бы время, когда воюющие народы были бы в состоянии вернуться к мирной, созидательной работе. Но час для соответствующих решений пока еще не упущен, и можно надеяться, что этим воспользуются те из невоюющих, которым иначе не разрешить стоящих перед ними национальных задач.

За последнее время много говорилось о настроении, теперь господствующем у наших северных соседей в Швеции. Из слов, произнесенных недавно ее государственными деятелями, выводились различные заключения. Наше дружественное отношение к шведам и наше искреннее желание поддержать с ними самые лучшие добрососед-

ские отношения до того общеизвестны, что мне едва ли нужно его еще раз подтвердить. Мы вместе с тем вполне отдаем себе отчет в неизбежных затруднениях, создаваемых шведской торговле, благодаря положению страны, окруженной воюющими державами, но я рад отметить прямодушие, с которым шведское правительство оберегает своей нейтралитет, хотя оно заботится в то же время об охране своих отечественных интересов. Ведущиеся ныне в Стокгольме англо-шведские переговоры, оставаясь на чисто деловой почве, обнаружили у обеих сторон несомненное стремление найти почву для соглашения, и мы искренно желаем, чтобы эти переговоры пришли в скором времени к успешному окончанию.

Чудовищные способы ведения войны, применяемые Германией, не останавливающейся ни перед массовым отравлением наших воинов, ни перед истреблением женщин, детей и мирных граждан, не могли не вызвать чувства справедливого отвращения в нейтральных странах. Возмущение по этому поводу замечается в равной мере за океаном. Население Северо-Американских Соединенных Штатов, проникнутое чувством человеколюбия, не могло не отозваться самым решительным образом на случаи, подобные ужасной гибели «Лузитании», стоившей жизни стольких американских граждан[2]. Это беспримерное по жестокой бесцельности злодейство ложится неизгладимым пятном на имени Германии. Последуют ли за строгой отповедью, данной президентом Вильсоном германскому правительству, более решительные меры со стороны Северо-Американских Соединенных Штатов, пока сказать трудно, но уже теперь ясно, что американское общественное мнение возмущается действиями германцев, несмотря на все старания последних снискать себе расположение Америки.

Единодушное наше восхищение вызывает беззаветная храбрость союзных войск, сражающихся на Галлиполийском полуострове. Неся крупные жертвы при одолении почти неприступных препятствий, воздвигнутых самой природой и тщательно использованных немцами, наши доблестные союзники с непоколебимым упорством постепенно приближают нас к желанному моменту установления близкой и прямой связи между нами и ими.

Чуя надвигающуюся грозу, турки с особенным ожесточением обрушились на находящиеся еще во власти их христианские народы.

Армяне подвергаются неслыханным гонениям, не сломившим, однако, их духа, и армянские дружины мужественно сражаются вместе с нами против своих угнетателей; так в Ване продержались они около месяца против напора турок до освобождения города нашими войсками.

Такие же тяжкие преследования турками местного греческого населения, женщин и детей, не могут не вызвать чувств сострадания и возмущения в эллинском народе и его правительстве. Последнему ныне придется решить роковой вопрос, возможно ли для него помочь малоазиатским соплеменникам, не присоединяясь к державам, борящимся за право и свободу.

Я не сомневаюсь, что и в остальных странах, не вышедших еще из нейтралитета, правительства окажутся в полном единении со стремлениями своих народов, если решатся вступить на путь, указываемый им жизненными их интересами и всем их прошлым.

При этом случае я должен отметить давление, которое приходится выносить Румынии от австро-германских агентов. Несмотря на все их усилия, румынское правительство не поддается соблазну, и мы продолжаем поддерживать с ним дружественную связь, укрепление и развитие коей составляет предмет обоюдных забот.

Мне нет необходимости вновь отмечать то участие, которое принимает в борьбе с нашими врагами наша союзница Сербия.

После явленных ею чудес мужества и самопожертвования, сербская армия, собравшись с новыми силами и опираясь на оказываемую как нами, так и Францией и Англией помощь, снова готова присоединиться к союзникам. Я убежден, что в сознании своего патриотического долга сербский народ почерпнет решимость пойти и на иные жертвы, вызываемые нынешними чрезвычайными событиями и падающие в одинаковой степени на всех союзников.

Занятие черногорскими силами Скутари было вызвано, согласно заявлению черногорского правительства, необходимостью прекратить разбойничью деятельность албанских шаек, мешавших правильному подвозу продовольствия в Черногорию. Правительство короля Николая подтвердило при этом, что оно не стремится предрешить участь города, зависящую исключительно от воли союзных держав.

Ведя с нами борьбу на полях сражений, наши враги одновременно развили в нейтральных странах широкую, как явную, так и тайную агитацию с целью восстановить против союзников общественное мнение в этих странах, а где возможно, и вовлечь их в открытое столкновение с ними. Так, ими ведутся усиленные происки в Персии с целью вызвать там смуту, раздаются деньги, вербуются вооруженные шайки, привозятся оружие, пулеметы и снаряды. К противодействию этим происками нами принимаются меры. К сожалению, длительные неурядицы в Персии, постоянные беспорядки, разлад между правительством и демократическими кругами и длящийся уже около месяца министерский кризис, не могущий до сих пор придти к благополучному разрешению, значительно затрудняют задачу умиротворения страны. Однако планомерная и безусловно солидарная деятельность императорских и британских представителей в Персии, дружно прилагающих все усилия к тому, чтобы помочь шахскому правительству в деле противодействия смуте, дает нам основание надеяться, что происки наших врагов не увенчаются успехом и что спокойствие в стране будет восстановлено. При этом я должен добавить, что, если наши усилия окажутся тщетными и если меры, принимаемые в настоящее время, не приведут к желательному умиротворению, нам придется прибегнуть к иным, более решительным способам воздействия.

Вы, конечно, обратили внимание, господа, на то, что за последнее время японская печать обсуждает вопрос о желательности тесного политического единения между Россией и Японией. Эта мысль нашла себе сочувственный отклик и в нашей печати. На самом деле борьба с общим врагом и весьма существенные услуги, которые Япония оказала нам и нашим союзникам в этой борьбе, не могли не повлиять на правительства держав Тройственного согласия и на их общественное мнение, создавая ту атмосферу, в которой выковываются прочные политические связи между народами. Истекшие со времени Портсмутского договора[3] десять лет доказали, что мирное сожительство России и Японии вполне возможно и обоюдно для них выгодно. Нынешние наши фактически союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения.

Военные действия японской армии против германской крепости Цин-тао привели к переходу этой крепости и самой арендованной Германией территории Киао-чао в японские руки. В связи с этим обстоятельством между японским и китайским правительствами возникли переговоры, приведшие к подписанию между ними 12 мая соглашения[4], которым оформлены и закреплены особые права японцев в областях Китая, где сосредоточены японские интересы. Наши дружеские отношения как к японскому, так и к китайскому

правительствам давали нам уверенность в том, что при этих переговорах не будут нарушены русские интересы, и дозволили нам спокойно следить за их ходом, даже в минуту их обострения. Такое наше отношение было по достоинству оценено и в Японии, и в Китае.

Те же доверчивые отношения, установившиеся у нас с китайским правительством, дали нам возможность прийти с ним к окончательному соглашению относительно положения Внешней Монголии. 25 мая в Кяхте русским, китайским и монгольским уполномоченными было подписано соглашение[5], которое будет на днях опубликовано. По этому акту Внешняя Монголия окончательно признается внутренне самостоятельным государством, находящимся в вассальной зависимости от Китая. Монголам Внешней Монголии обеспечивается право самостоятельного внутреннего управления и распоряжения в вопросах торговых и промышленных включительно, до заключения по таким вопросам международных соглашений. Лишь в области политических отношений с иностранными государствами самостоятельность Внешней Монголии ограничивается правом голоса, который будут иметь в этой области Россия и Китай.

Господа, в заключение не могу не сказать Вам, что если по истечении целого года войны итоги стольких усилий могут показаться им несоответствующими, не следует забывать, что залог успеха — в твердости и стойкости. Могу с полной уверенностью заявить, что правительство, в единодушии с общественным мнением, не допускает мысли о заключении мира до окончательного одоления врага. Наши верные союзники одушевлены в этом отношении той же непоколебимой решимостью.

Наконец, есть требования, которые и не зависят от нашей воли и создаются стихийно под влиянием исторического хода событий. Мы не можем с ним не считаться. Навязанная нам год тому назад война выдвинула и властно предуказала нам такие задачи, которые еще в июле 1914 г. были только отдаленной мечтой. Эти задачи, которые теперь нам всем до того ясны, что я считаю излишним останавливаться на более точном их определении, требуют от нас сугубого напряжения всех сил, ибо мы обязаны перед Россией их осуществить. Мы не в праве от них отказаться. Поэтому, каковы бы ни были временно ниспосланные нам испытания, мы должны остаться непреклонными в решении бороться до победы над врагом. Для этого сохраним нерушимую твердую веру в конечное торжество нашего правого дела.

Ф. 138, оп. 467, д. 724, л. 4–14. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Заседание 1-е. Воскресенье, 19 июля 1915 г. Стенографический отчет. — Петроград, 1915. — Стлб. 20–27.

[1] См. док. № 3 и 10.

[2] 7 мая 1915 г. в регионе, обозначенном кайзеровским правительством как зона подводной войны, был торпедирован германской подводной лодкой британский пассажирский лайнер «Лузитания». Погибло 1198 человек из 1959 бывших на борту. Судно затонуло в 13 км от берегов Ирландии. Потопление пассажирского лайнера настроило общественное мнение многих стран против Германии и способствовало вступлению США в Первую мировую войну два года спустя.

[3] Портсмутский мирный договор завершил русско-японскую войну 1904–1905 гг., подписан 23 августа/5 сентября 1905 г. По договору Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно эвакуировать Маньчжурию.

[4] Комплекс соглашений, подписанных Японией и Китаем в Пекине 12/25 мая 1915 г. — См.: Известия МИД. — 1915. — Кн. IV. — С. 57–74.

[5] См. док № 17.

19. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США ОБ ЭКСПОРТЕ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ В США

Вашингтон, 23 сентября 1915 г. (н. ст.)

Дабы облегчить торговые сношения между Россией и Соединенными Штатами Америки при эмбарго, наложенном российским императорским правительством на некоторые российские товары, нижеподписавшиеся: его превосходительство Юрий Бахметев, чрезвычайный и полномочный российский посол, и достопочтенный Роберт Лансинг, государственный секретарь Соединенных Штатов, надлежащим образом уполномоченные своими правительствами, согласовали нижеследующие постановления касательно условий, в соответствии с которыми запрет на вывоз определенных товаров может быть снят для американских граждан или американских торговых домов посредством особого разрешения российского императорского правительства, а именно:

1

Всякий раз, как какой-либо американский негоциант или американский торговый дом пожелают импортировать из России товары, они должны будут предварительно представить заявку на сей счет торговому агенту, уполномоченному нью-йоркского отделения Бюро внешней и внутренней торговли Министерства торговли Соединенных Штатов. В таковой заявке им надлежит привести подробные сведения о предполагаемом ввозе товаров, в том числе указать наименования этих самых товаров, их качество, количество и стоимость, способ их оплаты и название русского дома — их экспортера, а также любые другие подробности, которые могут потребоваться.

2

Кроме того, американский импортер должен будет объявить в своей заявке, что он готов представить надлежащему российскому должностному лицу в Соединенных Штатах бон на имя императорского правительства на сумму, соответствующую стоимости товара в порту, куда оный товар будет доставлен, согласно оценке, произведенной в день, предшествовавший дню подписания бона. Этот бон будет действителен, по меньшей мере, в течение трех лет или до конца войны и должен послужить гарантией того, что продукты питания и сырые материалы, которые пожелают вывести, равно как и произведенные из них изделия не будут реэкспортированы из Соединенных Штатов в любую другую страну, если только российским императорским правительством или его представителем не будет дано на то особого разрешения.

3

Коль скоро американский импортер сообразуется с требуемыми в пунктах 1 и 2 условиями, торговый агент, уполномоченный нью-йоркского отделения Бюро внешней и внутренней торговли Министерства торговли Соединенных Штатов, должен будет незамедлительно осведомиться о его положении и добросовестности и обо всех прочих деталях, которые могут представляться необходимыми. И только удостоверившись в том,

что названный импортер удовлетворяет всем требуемым условиям, агент заверит заявку и направит ее в российское посольство в Вашингтоне или его представителю.

4

Сразу же по принятии российским императорским посольством или его представителем означенной заявки, названное посольство или его представитель без промедления запросят у императорского Министерства финансов (Департамент таможенных сборов) разрешение на вывоз товаров, о которых будет идти речь, при условии, что американский импортер оставит у торгового агента, уполномоченного нью-йоркского отделения Бюро внешней и внутренней торговли Министерства торговли Соединенных Штатов, сумму, которой было бы достаточно для покрытия расходов на переписку и прочих побочных издержек. Если российское императорское правительство дает разрешение на вывоз, американский импортер должен будет представить на утверждение названному торговому агенту Соединенных Штатов свой заказ, каковой следует составить так, чтобы подлежащий вывозу товар направлялся в распоряжение министра торговли Соединенных Штатов.

5

Как только от российского Министерства финансов будет получено разрешение на вывоз товаров, американский импортер подпишет свой бон и представит его на утверждение надлежащему российскому должностному лицу в Соединенных Штатах. Сразу же по сообщении об утверждении бона торговому агенту, уполномоченному нью-йоркского отделения Бюро внешней и внутренней торговли Министерства торговли Соединенных Штатов, груз будет поступать в распоряжение американского импортера.

6

Если обнаружится, что условия бона были нарушены и товары были реэкспортированы из Соединенных Штатов (как в их первоначальном виде, так и в виде изготовленной из них продукции), то бон, без особой на то санкции российского правительства или его представителя, поступает в распоряжение российского императорского правительства.

7

Торговый агент, уполномоченный нью-йоркского отделения Бюро внешней и внутренней торговли Министерства торговли Соединенных Штатов, подает торговому атташе российского посольства декларацию касательно уже выполненных заявок на вывоз российских товаров в Соединенные Штаты и отчет об уже состоявшемся привозе этих товаров первого и пятнадцатого числа каждого месяца в трех экземплярах.

8

На случай, если российское императорское правительство не сочтет возможным удовлетворить некоторые заявки, постановляется, что оно не будет давать никаких объ-

яснений по поводу своего отказа, вызванного соображениями, касающимися государственных интересов.

9

Решено, что соглашение вступит в силу с 23 сентября 1915 г. и будет действовать в течение всего периода действия эмбарго. Коль скоро американские импортеры захотят вывезти из России товары, закупленные ими до указанной даты, они смогут заключить сделки на сей счет в обычном порядке, но только с надлежащего особого разрешения российского Министерства финансов.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои гербовые печати.

Составлено в Вашингтоне 23 сентября 1915 г.

Ю. Бахметев М.П.
Роберт Лансинг М.П.

Ф. 163, оп. 3, д. 1362, л. 2–5 об. Подлинник. Фр. и англ. яз. Перевод с французского.

20. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

около 4–5 октября 1915 г.

М[илостивый] г[осударь] Сергей Дмитриевич,

Военная обстановка, создавшаяся после 14 месяцев европейской войны, обязует меня обратиться к В[ашем]у в[ысокопревосходительств]у с настоящим письмом, как для изложения собственного своего взгляда на нынешнее положение, так и для того, чтобы осведомиться о Вашей его оценке в видах дальнейших согласования наших общих усилий на благо потрясенной войной нашей родины.

Великая война есть не что иное, как один из способов достижения определенных политических целей. Но и самые цели эти в зависимости от того оборота, который принимают события на театре военных действий, могут, а иногда должны измениться, расшириться в случае успеха и суживаться в случае неудач. Будучи навязана нам Германией, настоящая война началась при редко благоприятной нам международной обстановке. Можно было смело считать, что настало время для разрешения как Россией так и ее союзниками всех наших политических задач. Как в среде правительства, так и нашего общественного мнения укрепился взгляд на неотложность разрешения двух важнейших и сложных исторических задач России, а именно: 1) воссоединения под русской державой зарубежных наших единопленников, что должно было сопровождаться разрешением польского вопроса и 2) приобретения Конст[антино]п[о]ля с проливами.

Радужным надеждам нашим, однако, не суждено было сбыться. Не входя в рассмотрение причин успехов германского оружия, замечу, что в настоящее время цели войны

не могут уже быть теми, какими они нам представлялись год тому назад. Мы уже теперь свидетели разорения и опустошения широкой полосы нашей территории, а впереди встает призрак окончательной утраты всей или части этой территории, и, во всяком случае после примирения с Германией, если оно состоится как результат германской победы, такого приниженного по отношению к нашей соседке положения, с которым не может примириться народ, гордый своим прошлым и верующий в будущее. Цель войны отныне должна состоять не главным образом, а единственно в том, чтобы не допустить до такого унижения Россию. Всякие другие цели должны отпасть перед необходимостью сокрушить военную германскую мощь и проводимую в жизнь Германией и ею навязанную другим государствам милитаризацию народов. Мощь эта так велика, что на сокращение ее понадобятся все усилия наши и наших союзников. Если, в чем я не сомневаюсь, нам удастся достичь цели, то лишь ценою таких жертв, после которых ни о каких новых активных действиях в области международной политики не может быть и речь на долгое время.

В связи с изложенным приходится сознаться, что если первый из упомянутых выше первоначальных двух объектов войны, быть может, и будет достигнут вместе с благополучным исходом борьбы с Германией, то второй — Конст[антино]п[о]ль — поневоле должен быть отложен на далекое будущее.

Недавнее присоединение Болгарии к нашим врагам[1] окончательно и бесповоротно решило этот вопрос в таком смысле. Остается с этим неизбежным обстоятельством примириться и по крайней мере постараться использовать его насколько возможно для достижения главной нашей цели.

С военной точки зрения оставление Турции в рядах наших врагов теперь, когда предвидится скорое непосредственное соприкосновение ее с ее союзниками, становится большой опасностью: Турция дост[авляет], что постепенно в Германии истощалось: пищевые продукты, сырье и людской материал.

Борьба с Германией может затянуться надолго при весьма для нас тяжелых условиях. Наоборот, при Турции...[2] нейтральной мы бы освободили нашу Кавказскую армию, открыли бы путь для доставки из-за границы боевых запасов и облегчили бы наше экономическое и финансовое положение, ставшее в невозможные условия с изоляцией России вследствие войны, ведущейся с тремя соседними империями одновременно.

Отсюда остается сделать вывод о желательности напрячь все наши силы к тому, чтобы примириться с Турцией, заплатив за это даже дорогой ценой. Я не берусь судить, какими путями было бы возможно войти в сношение с Турцией, с кем именно и как именно завязать с ней мирные переговоры. Но мне кажется, что не может быть, чтобы таких путей не было, и я прибегаю к В[ашем]у в[ысокопреводительств]у с усерднейшей просьбой о приискании таких путей. Средства воздействия на турок, я думаю, тоже найдутся: если не ко всем туркам применимы давнишние приемы, обычные на Востоке, то многие турки несомненно окажутся доступными убеждению здравого смысла, внушения простого патриотического чувства, которое должно же подсказывать им, что в настоящей войне Турция несет громадные жертвы, истекает кровью, не нанося нам существенного вреда и готовя для будущего лишь поприще для мирного завоевания Германией.

В заключение этого письма сч[итаю] д[олгом] совести еще раз высказать глубокое убеждение, что мы не в силах преследовать иную цель, как ту главнейшую, от кот[орой] зависит будущее России, т.е. сокрушение и изгнание из наших пределов врага. Одним из наидействительнейших средств к тому может служить сепаратный мир с Турцией. А потому к скорейшему заключению такого мира нам следует приложить все наши старания.

В надежде на отзыв В[аш] по сему важному предмету, почит[аемому] мной перв[ой] важности, прошу Вас принять и пр.[3]

На документе пометы: 1) «Не состоялось». 2) «Написано около 4–5 окт[ября] 1915 г. по поручению н[ачальника] Штаба. Н. Кудашев».

Ф. 323, оп. 617, д. 18, л. 3–6 об. Подлинник (автограф Н.А. Кудашева). Рус. яз.

[1] Болгария выступила на стороне германо-австрийского блока 14 октября 1915 г.
[2] Далее не разобрано одно слово.
[3] Письмо было написано по поручению начальника Штаба верховного главнокомандующего, отправлено не было.

21. ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ИТАЛИИ И ЯПОНИИ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО МИРА

Лондон, 17/30 ноября 1915 г.

Ввиду того, что итальянское правительство решило присоединиться к декларации, заключенной в Лондоне 5 сентября 1914 г. французским, британским и российским правительствами[1], к каковой декларации 19/6 октября 1915 г. присоединилось также японское правительство[2], нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими соответственными правительствами, делают следующую декларацию:

Французское, британское, итальянское, японское и российское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Пять правительств соглашаются, что, когда придется обсуждать условия мира, ни одна из союзных держав не выставит условий мира без предварительного соглашения с каждым из остальных союзников.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся подписали настоящую декларацию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Лондоне в пяти экземплярах 30/17 ноября 1915 г.

М.П. *Бенкендорф*
М.П. *Поль Камбон*
М.П. *Э. Грей*
М.П. *Империали*
М.П. *К. Иноуэ*

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 442.
Ф.163, оп. 3, д. 1958, л. 3. Подлинник. Фр. яз.

[1] См. док. № 5.
[2] 6/19 октября 1915 г. в Лондоне было подписано соглашение (Россия, Англия, Франция, Япония) в форме обмена нотами о присоединении Японии к декларации от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира. — См.: Известия МИД. — 1915. — Кн. VI. — С. 4–6.

22. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА РОССИИ В СЕРБИИ Г.Н. ТРУБЕЦКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

№ 1136 *29 декабря 1915 г. / 11 января 1916 г.*

Секретная телеграмма посланника при Сербском дворе

Вызвав сегодня, 29 декабря, посланников, Пашич заявил, что взятие Ловчена и Негуша открывает австрийцам дорогу на Скутари. Он настаивает на немедленной посылке в Дураццо, и особенно в Медую, возможно большего количества транспортов, дабы спасти сербскую армию, ибо австрийцы могут через несколько дней быть в Скутари. Сербская армия, лишенная боевых припасов, неспособна оказать сопротивление движению австрийцев, к коим, вероятно, присоединятся албанцы и болгары. Пашич заявил, что, пока значительная часть войск, от 20 000 до 30 000 не будет посажена на суда, правительство не может уехать. Мои коллеги и я единодушно оцениваем положение как крайне критическое, и мы считаем необходимым самым энергичным образом настаивать на безотлагательном принятии мер к немедленной отправке морем сербской армии.

(подп.) Трубецкой

На документе пометы Николая II: 1) «Нужно продолжать всячески подталкивать союзников помочь сербам». Царская Ставка. 4 января 1916 г. 2) ?.

Ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 111, т. 2, л. 306–306 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 76.

23. ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ГАЗЕТЕ «РЕЧЬ»

17 января 1916 г.[1]

Беседа с министром иностранных дел

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов 16 января в беседе, продолжавшейся около часа, высказался о нынешней политической конъюнктуре и вскользь коснулся будущих перспектив.

— Ничего интересного относительно несчастной Черногории[2], — заявил с первых же слов С.Д. Сазонов, — сказать не могу. Многое мне самому еще не известно. Часть черногорской армии будет эвакуирована вместе с сербской[3] и получит возможность приступить к реорганизации. Возможно также, что она еще послужит, совместно с доблестной сербской армией, общему нашему делу. Пока же, до получения подробных сведений о разыгравшихся в Черногории событиях, ничего сообщить не могу. Наш посланник в Черногории Ислявин командирован в Лион, где он будет состоять при короле Николае.

— Положение на Балканах, — продолжал далее С.Д. Сазонов, — сейчас, конечно, весьма печальное. Катастрофа с сербской армией повлекла за собой тяжелые последствия и для Черногории. Однако то тяжелое положение, в котором очутилась западная часть Балкан, нельзя, конечно, считать окончательным. Судьба Балканских государств тесно связана с судьбой союзников. Балканский вопрос будет решен не теперь, а по окончании войны. Мы твердо уверены, что несчастное положение, в котором очутились Сербия и Черногория, изменится к лучшему. Временные испытания, выпавшие на их долю, окончатся одновременно с общим торжеством правого дела, за которое бьются державы Согласия.

Далее беседа коснулась положения нейтральных Балканских государств.

На вопрос о позиции Греции С.Д. Сазонов ответил: «Греция сохраняет нейтралитет. Добровольно или недобровольно — это вопрос другой. Надо надеяться, что правильно понятые интересы страны не позволят греческому правительству идти вразрез с нашими союзниками».

Очень тепло С.Д. Сазонов отзывается о Румынии и ее позиции.

— Наши отношения к Румынии вполне удовлетворительны и продолжают оставаться дружественными. Румынское общественное мнение в последнее время переживало период тревоги, ввиду опасений неприязненных или угрожающих шагов со стороны центральных империй, продолжающих в то же время употреблять чрезвычайные усилия, чтобы вовлечь Румынию в свою работу. Благоразумные и практические румыны, конечно, не поддаются и не поддадутся на грубые соблазны австро-германцев. Они отлично сознают, и вполне правильно, что осуществления своих национальных вожделений они добьются, во всяком случае, не от солидарности с нейтральными империями. Румыны правильно оценивают цену австро-германских обещаний. Все, что наши противники предлагают Румынии, главным образом чужое, весьма шатко и непрочно. Этого одного достаточно, чтобы понять и оценить позицию Румынии, продолжающей соблюдать нейтралитет. Временные же опасения возможности неприязненного выступления против Румынии со стороны центральных государств, волновавшие румынское общественное мнение, как будто в настоящее время если не совсем рассеялись, то, во всяком случае ослаблены. Австро-германцы не прекращают своей усиленной агитации в Румынии, но, она — повторяю — не производит надлежащего действия на практических румын.

Указав на хорошие отношения, существующее между Россией и нейтральными государствами, С.Д. Сазонов подробно коснулся взаимоотношений России и Швеции.

— Дружественные отношения, установившиеся издавна между Россией и Швецией, продолжают развиваться и укрепляться, несмотря на старания германцев испортить их. Наша дружба со Швецией основана не только на симпатии, но и на верном понимании взаимных выгод. В Швеции, несомненно, так и везде, имеется и шовинистское движение. Быть может, Швеция ощущает потребность принять меры для защиты своей границы, но мы можем категорически заявить, — подчеркнул С.Д. Сазонов, — что ей придется защищаться, во всяком случае не против России. Ее границы с нашей империей в полной безопасности, и Швеции не только теперь, но и в будущем — мы твердо в этом уверены — никогда не придется защищаться от России.

Не отрицая некоторого возбуждения, наблюдаемого в Швеции в связи с трениями с Англией по поводу принимаемых последней мер для борьбы с морской контрабандой, министр сказал:

— Англия силой обстоятельств вынуждена защищать свои законные интересы, настоятельно требующие прекращения морской контрабанды в Германии. Она прилагает все усилия к тому, чтобы не затрагивать при этом интересов нейтральных государств, в том числе и Швеции. При таких условиях, надо надеяться, все недоразумения на этой почве будут устранены. Характерно, что Германия, которая, — нельзя этого скрывать от себя, — пользуется большими симпатиями в Швеции, во всяком случае меньше стесняется в принимаемых ею мерах, чем Англия, и топит нейтральные суда, часто шведские, без всякой жалости. Впрочем, она с большой готовностью приносит затем извинения, которые, конечно, не исправляют причиненного зла.

На вопрос о взаимоотношениях между союзниками министр ответил:

— Действия их и интересы вполне солидарны. Для большего объединения этих действий учреждены в Париже военная и политическая комиссии, деятельность которых уже дала благоприятные результаты.

Министр с глубоким сочувствием относится к предстоящей поездке членов наших законодательных палат в Англию[4]. Он считает эту поездку чрезвычайно важной и полезной. Народные представители получат возможность воочию убедиться в тех чрезвычайных усилиях, которые делает Англия на пользу союзников и на благо общего дела. Муссируемые нашими врагами в целях сеяния раздора между союзниками слухи о том, что Англия, якобы, принимает слишком малое участие в войне, конечно, лишены всяких оснований. Достаточно указать, что количество потерь Англии исчисляется в 25 000 офицеров и 600 000 солдат.

О тех же колоссальных жертвах, которые принесла на алтарь общего дела наша верная союзница Франция и ее доблестная армия, говорить излишне — это и без того всем видно и известно.

Свою долю помощи общему делу принесла и приносит и Япония. По отдаленности от европейского театра поневоле участие ее ограничивается в поставке предметов снабжения, но это участие Японии чрезвычайно ценно и полезно для общего дела. Поездка специальной миссии в Японию во главе с великим князем произвела там чрезвычайно благоприятное впечатление и дала отличные результаты. Она подчеркнула отсутствие всякого антагонизма между русскими и японскими интересами и подчеркнула искренние и дружественные отношения между обоими государствами. Эти добрые отношения продолжают все более упрочиваться на почве общих экономических интересов и при полном отсутствии поводов к политическим разногласиям.

Солидарность интересов и действий наших союзников на Дальнем Востоке выразилась, между прочим, в недавнем совместном их обращении к китайскому правительству с указанием на несвоевременность реставрации монархии в настоящий момент. Китайское правительство вполне согласилось с этой точкой зрения и решило отложить восстановление монархического строя до успокоения возбуждения в южных провинциях Китая. Это лишний раз показывает, что в китайском вопросе союзные державы не расходятся с точкой зрения правительства Юаньшикая. Любопытно, что Австрия поторопилась признать монархию в Китае, хотя само китайское правительство еще официально никого о готовящейся реформе не оповещало.

Далее беседа коснулась попыток австро-германцев добиться заключения сепаратного мира.

Такие попытки делались Австрией и Германией и прежде, повторялись они и в самое последнее время. Все они не имели под собой никакой почвы, и нельзя даже сказать,

что они были отклонены. Мы на них просто не отвечали, не замечали их. Никакой речи о сепаратном мире не может быть. Сепаратный мир фактически невозможен ни для одного из союзников.

Помимо того, что государственные интересы союзников требуют борьбы до конца, ни один из уважающих себя политических деятелей союзных стран не решится изменить чувству чести и долга и отказаться от тех торжественных обещаний и заявлений, которые были сделаны. Ни одно из союзных государств не могло бы решиться на сепаратный мир и потому, что это было бы равносильно дискредитированию своего положения и повело бы к полному политическому банкротству этого государства. Поэтому не стоит на этом вопросе долго останавливаться. Борьба будет вестись до конца. Надо создать такие условия, которые дали бы возможность всем государствам устроить свое существование, независимо от капризов и честолюбия центральных империй, так, чтобы сохранить свой национальный облик. Германия должна быть обезврежена.

— А Австрия?

— Ну, об Австрии отдельно говорить не стоит, — слишком много чести.

— Долго ли еще продолжится война? Полгода тому назад вы изволили заметить, что надо готовиться к зимней кампании. Зимняя кампания на исходе, а теперь[5]. Не грозит ли война превратиться в многолетнюю?

— Не думаю, — ответил министр. — Многолетней войны не выдержит, прежде всего, Германия по финансовым соображениям, но к летней кампании следует готовиться, и очень усердно. Вероятно, война продлится еще весь текущий год. В лучшем случае закончится, ну, к ноябрю, что ли?

В заключение С.Д. Сазонов подчеркнул, что как Россия, как и ее союзницы, настроены чрезвычайно бодро. Их уверенность в полном и окончательном успехе не только не поколебалась, но с каждым днем все более укрепляется.

Ф. 134, оп. 473, д. 160, л. 2. Газетная вырезка. Рус. яз.

[1] Дата публикации в газете «Речь» № 16.

[2] 13 января 1916 г. австрийские войска захватили Цетинье, 7 февраля Черногория капитулировала.

[3] В связи с оккупацией территории Сербии войсками Четверного союза 29 октября 1915 г. на экстренном заседании Совета министров и верховного командования сербской армии было принято решение об отступлении остатков армии через территории Черногории и Албании к побережью Адриатического моря. Российское правительство, стараясь помочь Сербии, настаивало перед союзными правительствами на безотлагательной эвакуации сербской армии на о. Корфу (см. док. № 22). Сербские войска, эвакуированные на о. Корфу, были реорганизованы и в мае 1916 г. перевезены в Салоники.

[4] Поездка депутатов Думы в Англию, Францию и Италию была предпринята в апреле 1916 г. и продлилась почти два месяца. — См.: История внешней политики России... — С. 518–523.

[5] Так в документе.

24. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА РОССИИ В БЕЛЬГИИ И.А. КУДАШЕВА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

1/14 февраля 1916 г.

Секретная телеграмма
посланника России в Бельгии И.А. Кудашева
министру иностранных дел С.Д. Сазонову

Гавр, 1/14 февраля 1916 г.

В ответ на Ваше за № 485[1].

Сегодня в три часа дня вместе с моими французским и великобританским коллегами я посетил министра иностранных дел и от лица моих коллег обратился к нему со следующими словами: «Ваше превосходительство, союзные державы, подписавшие трактаты, гарантирующие независимость и нейтралитет Бельгии, решили сегодня обновить торжественным актом обязательства, которые были ими приняты по отношению к Вашей стране, героически верной своим международным обязанностям. В соответствии с чем мы, посланники Франции, Великобритании и России, надлежащим образом уполномоченные нашими правительствами, имеем честь сделать следующее заявление: «Союзные державы и державы-поручительницы заявляют, что в надлежащий момент правительство Бельгии будет приглашено участвовать в мирных переговорах, и что они окончат военные действия только когда будет вновь установлена политическая и экономическая независимость Бельгии и будут широким образом возмещены понесенные ею убытки. Они окажут свою помощь Бельгии, чтобы обеспечить восстановление ее торговли и экономики».

Министр иностранных дел ответил следующим образом: «Королевское правительство чрезвычайно благодарно правительствам трех держав — гарантов независимости Бельгии, представителями коих при нем вы являетесь, за благородную инициативу, которую они проявили. Передавая им настоящее заявление, от его имени выражаю вам за это глубокую признательность. Ваши слова найдут горячий отклик в сердцах бельгийцев, как тех, кто сражается на фронте, тех, кто страдает в оккупированной стране, так и тех, кто ожидает в изгнании часа освобождения, все они обладают одинаковым мужеством. Новые заверения, которые вы мне только что представили, укрепляют их непоколебимую уверенность в том, что Бельгия восстанет из руин и возродится в своей полной политической и экономической независимости. Я убежден, что передаю их мысли и чувства, говоря вам, что вы должны полностью доверять нам, также как мы доверяем нашим верным гарантам, поскольку мы все полны решимости яростно сражаться вместе с ними, пока не восторжествует справедливость, в защиту которой мы принесли жертву без колебаний после неоправданного нарушения нейтралитета нашей горячо любимой родины».

Итальянский посланник сообщил, что Италия, не будучи в числе держав — гарантов независимости и нейтралитета Бельгии, удостоверяет тем не менее, что не имела никаких возражений против того, чтобы союзники сделали это заявление. Протокол

собрания будет передан в Агентство «Havas» завтра и в среду, вероятно, появится в газетах.

Подписано: Кудашев

Ф. 138, оп. 467, д. 574, л. 47–47 об. Копия. Фр. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1917. — Кн. I-II. — С. 191, 192.
Перевод с французского.

[1] В телеграмме № 485 от 28 января/10 февраля 1916 г. С.Д. Сазонов уполномочил И.А. Кудашева сделать совместно с представителями Великобритании и Франции заявление бельгийскому правительству, текст которого был предложен великобританской стороной. — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 574, л. 42.

25. РЕЧЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

9 февраля 1916 г.

Гг. члены Государственной думы,

Вновь обращаюсь к Вам сегодня, чтобы с высочайшего соизволения государя императора в четвертый раз с начала войны представить Вам картину общего политического положения.

Небывалая мировая борьба продолжает развиваться, и менее, чем когда-либо, возможно предвидеть срок ее окончания. Но я могу заявить, что императорское правительство по-прежнему остается непреклонным в своей решимости довести дело до одоления врага. В этом отношении оно вполне единодушно как с русским народом, так и с нашими верными союзниками.

Нынешняя война является величайшим преступлением перед человечеством, и те, которые ее вызвали, несут за это тяжкую ответственность. В настоящее время уже с достаточною ясностью установлено, кто виновник обрушившихся на Европу неисчислимых бедствий. Поэтому едва ли стоило бы еще возвращаться к этому вопросу, если бы германские государственные деятели и печать не продолжали упорно стремиться переложить означенную ответственность на нас и наших союзников. Впрочем, это их упорство объясняется главным образом необходимостью для германского правительства искать оправдания перед общественным мнением своей собственной страны, которое начинает понимать, что оно было одурачено теми, которые сочли, вследствие плохой осведомленности немецкой дипломатии, что настала минута для осуществления давно лелеянных ими хищнических замыслов. По мере того, как на это открываются глаза у германского народа, недовольство его растет и начинает находить себе выражение, тогда как у нас в России и союзных с нами государствах сознание неизбежности навязанной нам войны в защиту священнейших наших прав поддерживает бодрость духа и помогает спокойно нести необходимые жертвы и лишения.

Залог успеха — в тесном единении союзников и полной согласованности их действий. Несмотря на трудность достижения такой согласованности при дальности расстояния, отделяющего Россию от ее западных союзниц, все меры в указанном направлении при-

няты, и наши представители, снабженные надлежащими полномочиями, принимают живое участие в совместном обсуждении всех важнейших вопросов, рассматриваемых союзниками на происходящих с этой целью во Франции и в Англии совещаниях. Не довольствуясь подобными совещаниями по предметам военным и политическим, союзники решили приступить к совместному обсуждению и тех мероприятий, которые должны сплотить их также на почве экономической[1].

Важность поставленной задачи сама собой очевидна. Действительно, если объединение союзников необходимо для достижения общими усилиями успеха во время борьбы, то не менее насущным является таковое объединение для обеспечения их мирного существования в будущем. Когда имеешь дело с таким врагом, как Германия, который в течение долгих лет под личиной дружбы и охраны унаследованных от минувших поколений традиций старался усыпить внимание соседей, оттачивая в то же время против них свой нож, приходится заблаговременно подумать о том, как застраховать себя от возможного повторения тех событий, которые с такой быстротой развернулись полтора года тому назад.

Подобно тому, как некоторые германские военачальники перед нападением спаивают своих солдат, чтобы сделать их натиски более стремительными, германское правительство в целях возбуждения немецкого народа для более ожесточенной борьбы постаралось внушить ему, что его противники задались мыслью полного его уничтожения. Нужно ли говорить, что подобное утверждение явно несостоятельно, ибо кто мог бы серьезно рассчитывать на исчезновение с лица земли 70-миллионого народа. Союзники никогда не имели подобной мысли, и, требуя для себя самих возможности спокойного и свободного развития, они не посягают на законные права других. То, против чего они из чувства самосохранения должны решительно ополчиться, это беспощадный эгоизм и хищнические инстинкты, составляющие отличительные признаки того, что известно под именем «пруссачества», не пользующегося, впрочем, симпатиями даже в самой Германии. Это «пруссачество» должно быть навсегда обезврежено, иначе все жертвы, принесенные союзниками могут оказаться напрасными.

В понимании целей, которые нам надлежит преследовать, мы столь же единодушны с нашими союзниками, как и в твердом намерении неослабно и дружно идти по раз намеченному пути. При этом нам удалось достигнуть полного единения без утраты в каждом из союзников своего самостоятельного и духовного обличья. Не то мы видим у наших противников, где союзники Германии являются ее вассалами, ибо трудно говорить об Австро-Венгрии, о Турции и о Болгарии как о независимых государствах после того, как цепкие немецкие руки захватили в них власть, как в армии, так и во многих отраслях управления.

Долголетний опыт тесного сотрудничества с нашей союзницей Францией позволил нам особенно легко и быстро наладить всестороннее взаимодействие наших сил с тех пор, как союз наш получил ныне боевое крещение. Я рад случаю вновь принести дань искреннего удивления энергии и талантливости французского народа, благодаря коим так много достигнуто в смысле подготовки победы. Часто незаметные для поверхностного наблюдателя заслуги в этом отношении Франции не менее велики, чем блестящие успехи ее доблестной армии. Скрепленные ныне пролитой за общее дело кровью, связующие нас узы сердечной дружбы неразрывны.

Я счастлив также ответить еще раз, что роковые недоразумения, долго затемнявшие наши отношения с Англией, теперь окончательно рассеялись, исчезнув при более ясном

взгляде на вещи, как исчезают ночные призраки при свете дня. Наше сотрудничество в нынешнее время общей опасности и общего, дружного труда еще ускорит указанный поворот и положит, я надеюсь, прочное основание для дальнейшего развития наших добрых отношений.

Гг. члены Государственной думы,

Те из вас, которые вскоре посетят наших союзников[2], увидят воочию все, что сделано ими и их славными бойцами на суше и на море. Передайте же им лично при этом горячий привет от дружеского русского народа.

Преодолевая трудности военных действий в горной местности, итальянские войска шаг за шагом вытесняют австрийцев из областей, население которых давно мечтает о воссоединении с родной Италией. На Балканском побережье Адриатического моря итальянцы также борются вместе с союзниками против общего врага, и мы приветствуем установившееся между нами и Италией братство по оружию.

Вам уже известно, что с целью положить конец распускаемым нашими врагами ложными слухами о возможности заключения кем-либо из союзников отдельного мира, Россия, Франция и Англия еще в самом начале войны заявили, что в этом вопросе они не отделимы друг от друга, и в подтверждение сказанного подписали памятное соглашение 23 августа/5 сентября 1914 г.[3] Ныне к этому соглашению пожелали присоединиться наши союзницы Япония и Италия, и договор, устанавливающий твердое намерение всех пяти держав заключить мир не иначе, как сообща, подписан в Лондоне 17/30 ноября 1915 г.[4] Этим, казалось бы, должны быть раз навсегда опровергнуты постоянно вновь всплывающие вздорные слухи об отдельном мире, ибо державы, скрепившие своей подписью означенный договор, не взирают на международное соглашение, как на необязательный для себя «клочок бумаги».

Печальные вести доходят до нас из временно занятых неприятелем областей. Взгляните на родную нам Польшу, на геройскую Бельгию, на многострадальную Сербию. Там всюду царит неумолимый террор, повсюду разорение, голод и нищета. Довольно вспомнить хоть один яркий пример — чудовищное убийство несчастной мисс Кавель[5], чтобы оценить, как живется под немецким господством в тех странах, на которые Германия наложила всю тяжесть своего железного кулака. Злополучным жертвам, томящимся под бременем тяжелых испытаний, мы можем пока лишь сказать: «крепитесь, час избавления настанет».

Как жестокая ирония звучит похвальба немцев благами, которыми они наградили население занятых ими чужих областей. Особенно гордится теперь германская печать учреждением в Варшаве Польского университета, но это уловка, рассчитанная на снискание доверия разоренной германцами Польши, и как таковая едва ли может оправдать их расчеты.

С самого начала войны Россия ясно начертала на своем знамени объединение расчлененной Польши. Эта цель, предуказанная с высоты престола, возвещенная верховным главнокомандующим, близкая сердцу всего русского общества и сочувственно встреченная нашими союзниками, — эта цель остается для нас неизменной и теперь.

Каково же отношение Германии к осуществлению этой заветной мечты всего польского народа? Как только ей и Австро-Венгрии удалось вступить в Царство Польское, они тот час поспешили поделить между собой и эту, досель сплоченную часть польских земель, а чтобы несколько сгладить впечатление от этого нового посягательства на глав-

ный предмет всех польских чаяний, они сочли уместным удовлетворить некоторые из побочных пожеланий польского населения. К числу таких мероприятий относится и открытие упомянутого Университета, но нельзя забывать, что в объем провозглашенной здесь, с этой самой трибуны, по высочайшему повелению главой правительства автономии Польши естественно входит и национальная польская школа всех степеней, не исключая высшей. Поэтому едва ли можно ожидать, что из-за предложенной ему немцами чечевичной похлебки, польский народ откажется от своих лучших заветов, закроет глаза на подготавливаемое новое порабощение Германией и забудет своих братьев в Познани, где под властью гакатистов в угоду немецкой колонизации упорно вытравливается все польское.

Говорят о намерении Германии ценой новых посулов и призрачных уступок забрать в занятых ею областях несколько сот тысяч поляков, чтобы использовать их, как пушечное мясо, посылая их на убой для торжества германизма. Я не хочу верить, чтобы одушевленный высоким национальным чувством польский народ, с самого начала войны спешивший в ряды русских войск, чтобы сразиться за понятный всякому поляку идеал национального объединения, мог поддаться обману и согласиться проливать свою кровь за поработителей Познани.

Обращаясь к настоящему положению в невоюющих государствах, я коснусь прежде всего наших отношений со скандинавскими соседями. Мне уже часто приходилось заявлять, как в стенах Государственной думы, так и в беседах с разными лицами и представителями печати, что с нашей стороны по отношению к Швеции нет иных чувств, кроме самого искреннего дружелюбия и желания поддерживать тесные добрососедские сношения. К сожалению, по ту сторону Ботнического залива есть еще люди, которые в силу вкоренившихся предрассудков и под некоторым влиянием наветов наших врагов относятся к нам с предубеждением и недоверием. Между тем всякому должно быть ясно, что Россия и Швеция самой природой предназначены для мирного взаимодействия на почве обоюдных экономических интересов, и повод к вооруженному столкновению между ними может быть создан только искусственно. Ни Швеция, по утверждению ее общественных деятелей, не ищет земельных приращений за счет Финляндии, ни мы не стремимся к каким-либо захватам в сторону наших северных соседей. Чем на самом деле мог бы прельстить нас в этом отношении скандинавский полуостров? Незамерзающей гаванью на Ледовитом океане? У нас уже есть таковая в наших собственных пределах, и благодаря напряженной работе русских инженеров она будет скоро связана железнодорожным путем с сердцем России.

Не к скандинавским берегам исторически тяготеет Российское государство. Оно должно получить в совершенно ином направлении выход к свободному морю.

Румыния продолжала все это время держаться избранного ей нейтралитета. Державы Согласия мирятся с занятым ею положением, не сомневаясь в том, что Румыния не пойдет против своих собственных интересов и будет, когда пробьет ее час, добиваться осуществления своего национального единения ценой собственной крови. Она может быть уверена, что в борьбе против посягательств на независимость ее решений со стороны общего врага она найдет действительную поддержку у тех, к кому влекут ее естественные симпатии ее народа.

В последней моей речи[6] я указывал на военные действия наших союзников на Галлипольском полуострове. Не останавливаясь перед крупными жертвами, они упорно боролись за установление морским путем прямой связи с нами. Вследствие

требований изменившегося стратегического положения союзные войска были уведены. Часть этих войск была направлена в Салоники. По поводу высадки там союзнических отрядов и тех толкований, которые событие это вызвало в Берлине, я считаю не лишним заметить следующее. В речи, произнесенной 9 декабря, германский канцлер коснулся отношения держав Согласия к Греции и приравнял их действия к поведению Германии в Бельгии. Если вторжение и разгром этой страны действительно является нарушением принятого на себя Пруссией в 1839 году священного обязательства[7], то в мирной высадке союзных войск в Солуни момент юридического правонарушения отсутствует совершенно. 8 статья второго Лондонского договора 3 февраля 1830 г.[8] обусловливала право каждой из трех держав-покровительниц вводить войска в освобожденную ими греческую территорию только с согласия на то двух остальных. Нужно ли добавлять, что согласие России было с самого начала обеспечено нашим союзникам и что, следовательно, требования указанной статьи в точности соблюдены. Помимо этого, войска союзников были посланы в Солунь по приглашению главы эллинского кабинета, видевшего исключительно в доставлении ему этой вооруженной помощи возможность для Греции выполнить ее союзнические обязательства в отношении Сербии.

Уверенность в выполнении греками принятых на себя по договору обязательств вынуждала Сербию и ее союзников к особой осторожности, дабы не лишиться греческой помощи. Сербская верховная команда имела возможность предупредительным движением помешать доведению до конца болгарской мобилизации; не было ни малейшего сомнения в том, что эта мобилизация являлась враждебным против Сербии и ее союзников актом, а потому в то время, когда болгарские войска сосредотачивались, нападение на Болгарию было бы только мерой самозащиты. Однако сербское правительство не пожелало взять на себя ответственность за начало братоубийственной войны, но великодушие, проявленное им, не нашло отклика в Греции, правительство которой дало своеобразное толкование обязательствам, взятым на себя в отношении к Сербии. Не обезопасив себя вовремя со стороны болгар и не получив следуемой по договору помощи от греков, сербская армия, которую ни на минуту не покинули король и его правительство, явила чудеса стойкости и несокрушимого мужества. Отстаивая каждую пядь родной земли и нанося тяжелые потери численно превосходившим их врагам, сербы пробились наконец до последнего их убежища — моря. Я могу засвидетельствовать перед вами, что сербское правительство и армия с беспримерной самоотверженностью исполнили свой долг по отношению к общему делу. Ныне, благодаря особой заботливости и усилиям наших союзников и в особенности Франции, сербская армия перевезена на Корфу. Конечно, численностью она уступает той воинской силе, на которую в минувшем октябре набросились со всех сторон германцы, австрийцы и болгары. Но армия эта крепка духом, и в этой силе духа лежит верный залог возрождения Сербии.

Трагическая участь, временно постигшая Сербию, не миновала и Черногорию. Вражеские полчища заняли и ее территорию. Король Николай с семейством и частью правительства покинул свою страну, чтобы не подписывать позорного мира. Из давшей ему убежище Франции он предписал князю Мирко заботиться исключительно о спасении черногорских отрядов, о присоединении их к сербской армии и запретил ему и оставшимся с ним членам кабинета вступать в какие бы то ни было соглашения с Австро-Венгрией.

Австрийский ставленник, правящий злосчастным болгарским народом, повторил, усугубив его, преступление, совершенное им в 1913 году[9]. Союзная дипломатия подверглась строгому осуждению за то, что ей не удалось привлечь на свою сторону Болгарию. В правительственном сообщении от 24 сентября минувшего года указывалось, что не наступило еще время для обнародования всех документов, которые пролили бы свет на деятельность дипломатии. Я готов признать, что для достижения своих целей ей пришлось избрать не самый краткий и верный путь. Своевременным занятием портов Черного моря и Дедеагача можно было бы повлиять на психику болгарского народа и помочь ему удержать чуждого ему по духу Кобурга от братоубийственной затеи. Тем не менее, не исключена возможность того, что и в этом случае союзникам не удалось бы отвратить от Сербии обрушившуюся на нее в октябре катастрофу, ибо совместные действия союзников на Балканах представляли во всякое время огромную трудность. С целью ослабления тяжелого впечатления, произведенного своей изменой, сторонники принца Кобургского прибегают к позорному для всякой страны отречению от национального облика, и, отказываясь от своей принадлежности к славянской семье, ищут установления родственных связей с турками и мадьярами. Россия, ценой своей крови освободившая болгарский народ от угнетавших его турок, с негодованием смотрит на братание болгар с их вековыми врагами. Трезвый болгарский народ не может долго поддаваться этому обману. Он поймет, лишь бы не чересчур поздно, что под видом осуществления своих идеалов его принудили служить чуждым ему германским интересам. Я не буду останавливаться на упреках, которые нам ставили за то, что мы не в достаточной мере опирались на сочувствующие нам так называемые русофильские круги. Я позволю себе напомнить Вам, что первое преступление, которым заклеймил себя Кобургский принц, было совершено им в то время, когда у власти находился не стамбуловистский, а русофильский кабинет Данева. Недавние заявления, сделанные Гешовым сотруднику «Фоссовой газеты», подтверждают мое убеждение в том, что болгарская оппозиция благодаря своей неорганизованности являлась слабым тростником, на который не могла опереться деятельность русской дипломатии.

3 февраля пал Эрзерум. Наши доблестные войска идут вперед, преодолевая тяжелые препятствия. За время, последовавшее за отступлением нашим из Вана, турки удесятерили свои жестокости по отношению к армянам. Мне уже раньше приходилось упоминать перед вами о неслыханных мучениях этого несчастного народа. Под благосклонным оком союзной Германии турки, по-видимому, намереваются осуществить свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения, не поддающегося слиянию с мусульманской массой, и таким образом служащего помехой германским планам экономического и политического подчинения себе Турецкой империи. Планы эти, над которыми трудились как немецкие государственные люди, так и ученые, миссионеры и финансисты нам всем давно известны. Стремления эти, проводившиеся в жизнь с чисто немецкой последовательностью, должны были выразиться в создании огромной, тянувшейся от устьев Шельды до Персидского залива германо-мусульманской империи. Государство это, которое представляется в грезах пангерманских политиков чем-то в роде нового Халифата, который можно было бы назвать по исторической аналогии Берлинским, должно, по их замыслу, нанести смертельный удар историческому бытию России и Великобритании. Страшен сон, но милостив Бог. Берлинские политики, лелея этот смелый замысел, упускают из виду

одно обстоятельство, из которого мы и наши великобританские друзья можем почерпнуть некоторое утешение, а именно, что если бы такая империя, плод их горделивой фантазии, и могла быть скована германским молотом, то она не просуществовала бы ни единого дня не в силу одной своей внутренней слабости, а потому, что ей недоставало бы насущно необходимого для поддержания своего существования владычества на морях. Таковое, к счастью всего света, находится в крепких руках нашей славной союзницы Великобритании, и пока это так, Берлинский халифат не представляется угрозой нашему существованию.

Агитация, предпринятая германцами с самого начала войны в восточных странах и имевшая, очевидно, целью создать нам новые международные осложнения, достигла минувшим летом в Персии высшего напряжения. Внушая персам преувеличенные представления о своей силе, агенты враждебных нам держав не только склонили на свою сторону так называемые националистические круги Персии, давно враждебно относившиеся к нам и нашим союзникам, но в значительной мере подчинили своему влиянию и слабое персидское правительство, опиравшееся на эти круги.

При помощи крупных денежных затрат и широкого снабжения персов оружием и боевыми припасами нашим противникам удалось сформировать более или менее крупные шайки и даже привлечь на свою сторону большую часть находившейся под руководством шведских инструкторов персидской жандармерии.

Под напором этих сил и ввиду невозможности добиться принятия беспомощным и опутанным нашими врагами шахским правительством каких-либо мер к поддержанию порядка в стране, мы вынуждены были, как и англичане, эвакуировать несколько наших консульств из более отдаленных местностей. Вместе с тем отдельные мелкие партии немцев и турок стали проникать в Афганистан с явной целью поднять против нас и это ханство путем пропаганды священной войны.

Императорская и великобританская миссии в Тегеране, действуя по-прежнему в полном согласии, не переставали всеми доступными средствами бороться против германо-турецких интриг, всячески воздействуя на шахское правительство и на общественное мнение страны. Однако давно уже было ясно, что против грубого нарушения нашими противниками персидского нейтралитета можно успешно бороться только силой. Поэтому Министерство иностранных дел давно настаивало на необходимости усиления состава наших отрядов в Персии для реального воздействия на наших противников; с осени минувшего года представилось возможным меру эту осуществить.

После того, как в Персию направлены были значительные силы и наши войска одержали там несколько решительных успехов, положение дел в стране стало заметно изменяться к лучшему. Совсем решившийся было покинуть Тегеран, вместе с представителями враждебных нам держав, молодой шах не только остался в своей столице, но и заявил о своей полной преданности государю императору и своем твердом намерении придерживаться впредь дружественной в отношении нас и наших союзников политики. Вслед за тем составлен был новый кабинет, в который вошли персидские сановники, сознающие необходимость ради блага самой Персии полного единения с могущественными соседями последней — Россией и Англией, с которыми судьбы этой страны связаны самым тесным образом.

Все это дает основание полагать, что наши отношения с шахским правительством отныне приняли нормальный характер. Однако на скорое восстановление полного по-

рядка в этой разъедаемой внутренними смутами и неурядицами стране едва ли можно рассчитывать, и она, вероятно, еще и впредь будет служить ареной происков и враждебных выступлений наших противников.

Наш восточный сосед и друг Япония и после одержанных успехов продолжает участвовать в войне, оказывая свое содействие общему делу и в частности, нам в тех размерах и формах — весьма для нас ценных, — которые вызываются совокупностью условий, характеризующих наши взаимоотношения.

Свое решение довести борьбу с Германией до конца японское правительство подтвердило состоявшимся 6 сентября[10] обменом нот с Россией, Францией и Англией, в которых оно присоединяется к обязательству не заключать мира с врагом иначе, как с общего согласия.

Мне особенно приятно удостоверить, что поездка великого князя Георгия Михайловича, на которого было возложено высочайшее поручение приветствовать японского императора по случаю его коронования, дала новый повод проявиться чувствам взаимной симпатии, связывающей оба народа, и, конечно, не останется без влияния на дальнейшее ее укрепление. Августейшему гостю и его спутникам был оказан особенно предупредительный и любезный прием как со стороны японского императора и его августейшей семьи, так и правительства и широких кругов населения; все мы глубоко ценим такое внимание, благодарны за него и искренне желаем процветания и успехов нашему дальневосточному союзнику.

Я должен заметить, что с точки зрения отношений между Россией и Японией пронесшаяся над миром буря оказалась живительной: она рассеяла последние остатки былых предубеждений и отныне перед обеими странами открыты широкие возможности — которые, я уверен, и осуществятся — теснее согласовать свои взаимные интересы и надежным образом предохранить себя от общих опасностей. В Японии не меньше, чем у нас, понимают, что политическое и экономическое засилие Германии в Китае будет постоянной угрозой миру на Дальнем Востоке.

Я не буду подробно останавливаться на последних событиях в Китае: они всем известны из сообщений печати. Скажу лишь, что императорское правительство остается и здесь верным принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Если оно вместе с 4-мя державами преподало главе исполнительной власти в Китае дружеский совет несколько повременить с официальным провозглашением нового строя, то оно не имело в виду посягать на суверенные права Китая: оно обращало лишь его внимание на то, что при нынешней напряженной международной обстановке внутренние замешательства могут особенно вредно отразиться как на интересах самого Китая, так и держав Согласия. Правительство Юань-Ши-Кая оценило добрые намерения императорского правительства, и наши отношения продолжат сохранять прежний добрососедский характер.

Я должен с удовлетворением отметить, что старания Германии создать себе на китайской территории базу для действий против союзников не встречали поддержки китайского правительства, которое принимало в пределах возможного меры противодействия нарушению китайского нейтралитета. Однако особые условия правового уклада иностранцев в Китае делают борьбу с германскими происками весьма затруднительной, и правительства держав согласия озабочены изысканием средств для более успешной охраны своих прав и интересов, нарушаемых германцами, мало считавшимися с суверенными правами китайского государства.

В заключение могу с удовольствием отметить, что неумелая и назойливая работа немецких агентов в Северной Америке не только не достигла цели, но даже вызвала известное раздражение и в значительной степени отвратила от Германии симпатии американцев. С другой стороны, замечающийся интерес американской промышленности к нашему рынку позволяет надеяться, что при существующих между Россией и Америкой дружественных политических отношениях, экономическому сближению между нами предстоит широкое развитие на пользу обеих стран. К этому, во всяком случае, будут направлены усилия русского правительства.

Считаю долгом еще упомянуть перед вами о дружеском содействии, которое оказывают нам правительства их величеств короля испанского и королевы нидерландской в деле защиты наших соотечественников в воюющих с нами государствах, за каковое содействие мы приносим им искреннее выражение нашей благодарности.

Гг. члены Государственной думы,

Последними моими словами к вам будет выражение надежды, что то высокое воодушевление, которое вы проявили в начале войны и которое дало за границей как нашим друзьям, так и противникам картину полного единомыслия между вами и правительством на почве решительной борьбы за отечество, не претерпит никакого ущерба, чтобы ни друг, ни враг не мог сказать, что сила русского духа пошла на убыль, ибо в этой силе залог нашего успеха.

Ф. 138, оп. 467, д. 724, л. 29–52. Подлинник. Рус. яз.

---

[1] О конференциях союзников в 1916 — 1917 гг. см. док. № 27, 37, 40, 41, 45, 233.

[2] См. прим. 3 к док. № 23.

[3] См. док. № 5.

[4] См. док. № 21.

[5] Эдит Кавель, английская подданная, работала в бельгийской больнице. После оккупации Бельгии в 1914 году германскими войсками руководила подпольной организацией, занимавшейся переброской за границу раненых и отставших от своих частей во время немецкого наступления английских и французских солдат. Арестована германской оккупационной полицией и расстреляна в 1915 году.

[6] См. док. № 18.

[7] Имеется в виду признание Бельгии независимым и нейтральным государством по трактатам 1839 года, которые подписала и Пруссия.

[8] 3/15 февраля 1830 г. представители России, Великобритании и Франции подписали Лондонский протокол по греческому вопросу. Греция объявлялась независимым государством, однако ее территория была несколько сокращена. Независимость Греции гарантировалась тремя державами, предусматривалось временное сохранение помощи держав.

[9] В 1887 году на болгарский престол был избран австрийский ставленник немецкий принц Фердинанд Кобургский, инициировавший в 1913 году вторую Балканскую войну, закончившуюся тяжелым поражением Болгарии.

[10] Видимо, имеется в виду соглашение посредством обмена нотами между Россией, Великобританией, Францией и Японией от 6/19 октября 1915 г. о присоединении Японии к декларации Антанты о незаключении сепаратного мира.

26. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ О РАЗДЕЛЕ АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ (В ФОРМЕ ОБМЕНА ПАМЯТНЫМИ ЗАПИСКАМИ И НОТАМИ)

февраль-май 1916 г.

1) Памятная записка посольств Великобритании и Франции в Петрограде министру иностранных дел С.Д. Сазонову

[Петроград], 25 февраля/9 марта 1916 г.

Французское и английское правительства, убедившись на основании дошедших до них сведений, что арабские народности как на Аравийском полуострове, так и в провинциях Оттоманской империи живейшим образом настроены против турецкого владычества, и что в настоящее время было бы возможно образовать арабское государство или федерацию, одновременно враждебные турецкому правительству и благоприятно настроенные по отношению к державам Согласия,— вступили в переговоры и совместно рассмотрели этот вопрос. В результате этого обмена мнений они пришли к соглашению относительно следующих принципов, которые оба правительства желают сообщить российскому правительству, прежде чем идти дальше.

Статья 1

Франция и Великобритания готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств под сюзеренитетом арабского вождя в зонах (А) и (В), указанных в прилагаемой при сем карте. В зоне (А) Франция и в зоне (В) Великобритания будут иметь право приоритета в предприятиях и местных займах. В зоне (А) Франция и в зоне (В) Великобритания будут иметь исключительное право назначать иностранных советников и чиновников по просьбе арабского государства или федерации арабских государств.

Статья 2

В синей зоне Франция и в красной зоне Великобритания будут вправе установить, по соглашению с арабским государством или федерацией государств, такое управление, прямое или косвенное, или такой контроль, которые они пожелают и которые они сочтут подходящими.

Статья 3

В коричневой зоне будет учреждено международное управление, форма которого будет решена после совещания с Россией, а также по соглашению с другими союзниками и представителями меккского шерифа.

Статья 4

Великобритании будет предоставлено: 1) порты Кайфа и Акра; 2) гарантия определенного количества воды Тигра и Ефрата в зоне (А) для зоны (В). Правительство его величества обязуется со своей стороны не вступать ни в коем случае в переговоры в целях уступки Кипра третьей державе, без предварительного согласия французского правительства.

Статья 5

Александретта будет вольным портом, поскольку это касается торговли Британской империи, и здесь не будет установлено ни различия в отношении портовых сборов, ни особых привилегий, в которых было бы отказано английским флоту и товарам; будет установлена свобода транзита для английских товаров через Александретту и по железной дороге, пересекающей синюю зону, независимо от того, идут ли эти товары в красную зону, зону (В), зону (А) или идут оттуда; также не будет установлено никакого различия в режиме (прямого или косвенного) в ущерб английским товарам, на какой бы то ни было железной дороге, равно как и в ущерб английским товарам и судам во всех портах, обслуживающих упомянутые зоны.

Кайфа будет вольным портом, поскольку это касается торговли Франции, ее колоний и ее протекторатов, и не будет ни различия в условиях пользования портом, ни привилегий в отношении портовых сборов, в которых может быть отказано французскому флоту и товарам. Будет установлена свобода транзита для французских товаров через Кайфу и по английской железной дороге, пересекающей коричневую зону, независимо от того, идут ли эти товары из синей зоны, зоны (А) или зоны (В), или же идут туда; также не будет никакого различия в режиме (прямого или косвенного) в ущерб французским товарам и судам в каком бы то ни было порте, обслуживающем упомянутые зоны.

Статья 6

В зоне (А) Багдадская железная дорога не будет продолжена к югу далее Мосула и в зоне (В) к северу далее Самарры до тех пор, пока не будет закончена железная дорога в долине Ефрата, соединяющая Багдад с Алеппо, и только при содействии обоих правительств.

Примечание к статье 6. Эта статья была вызвана желанием воспрепятствовать окончанию и организации германской Багдадской железной дороги.

Статья 7

Великобритания будет иметь право постройки, управления и нераздельной собственности на железную дорогу, соединяющую Кайфу с зоной (В). Кроме того, она будет иметь постоянное право перевозки своих войск.

Статья 8

В течение 20 лет турецкие таможенные тарифы останутся в силе на всем протяжении синей и красной зон, а также и в зонах (А) и (В) и никакое повышение в размере пошлин

или замена пошлин «ad valorem» [сообразно цене] специфицированными пошлинами не могут быть сделаны без согласия на то обеих держав.

Не будет внутренних таможен между какими-либо из вышеупомянутых зон. Таможенные пошлины, собираемые с товаров, предназначенных внутрь страны, будут взиматься в портах их поступления и передаваться администрации зоны, для которой эти товары предназначены.

Статья 9

Английское и французское правительства, как покровители арабского государства, придут к соглашению о неприобретении и недопущении к приобретению третьей державой территориальных владений на Аравийском полуострове или к сооружению морской базы на островах в восточной части Красного моря. Это не будет, однако, препятствием к такому исправлению аденской границы, которое будет сочтено необходимым в результате опыта недавнего нападения турок.

Статья 10

Переговоры с арабами относительно границ государства или федерации арабских государств будут продолжаться тем же путем, как и до сих пор, от имени двух держав.

Статья 11

Принято, что меры контроля над ввозом оружия на арабскую территорию будут вырабатываться обоими правительствами.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 443–446.
Ф. 163, оп. 4 (466 г.), д. 310, л. 7–9 об. Подлинник. Фр. яз.

2) Памятная записка МИД послам Франции и Великобритании в Петрограде М. Палеологу и Дж. Бьюкенену

№ 205 [Петроград], 4/17 марта 1916 г.

Ввиду того, что англо-французский проект относительно установления различных зон в Малой Азии и Аравии подлежит рассмотрению специальной комиссии, обмен мнений по этому поводу должен свестись в настоящее время к изложению общих принципов,

а именно:

1) Российское правительство готово было бы заявить о полной своей незаинтересованности в области, расположенной к югу от линии, идущей через Амадию — ибн Омар — Диарбекир — Самсат — Мараш — Адана, и примет без всяких затруднений всякое соглашение, которое может состояться на этот счет между Францией и Англией.

2) Оно настаивает на необходимости включения в русскую зону Битлисских проходов и области Урмийского озера и предлагает взамен уступить Франции территорию Малой Армении между Сивасом — Харпутом — Кесарией.

3) Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране.

Само собой разумеется, что согласие России на предыдущие пункты остается обусловленным осуществлением его соглашения с Францией и Англией относительно Константинополя и проливов.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 447.
Ф. 151, оп. 482, д. 4210, т. 1, л. 89. Копия. Фр. яз.

3) Памятная записка министра иностранных дел С.Д. Сазонова послу Франции в Петрограде М. Палеологу

№ 280 в [Петроград], 13/26 апреля 1916 г.

Ссылаясь на памятные записки императорского министерства иностранных дел от 4/17 и 8/21 марта с.г.[1], имею честь довести до сведения Вашего превосходительства, что в результате бесед моих с г-ном Жорж Пико, специальным делегатом французского правительства, относительно признания соглашения, подлежащего заключению между Францией и Англией, об образовании государства или федерации арабских государств и о назначении территории Сирии, Киликии и Месопотамии, императорское правительство готово утвердить соглашение, установленное на основах, которые ему были сообщены, при соблюдении следующих условий:

1) Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса до подлежащего определения пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезонда.

2) Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире — ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах с допущением изменений в деталях, могущих быть предложенными комиссией по разграничению, имеющей собраться впоследствии на местах.

Императорское правительство соглашается, сверх того, допустить сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, железнодорожных и других концессий, предоставленных французским гражданам оттоманским правительством. Если императорское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение состоится по соглашению с правительством республики.

Что касается учреждений, управлений, религиозных, школьных и больничных заведений и т.д., зависящих от этих двух наций, то они и впредь будут пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Во всяком случае, остается в силе,

что, принимая означенную оговорку, оба правительства не имели в виду требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в областях, таким образом аннексируемых Россией и Францией, но лишь обеспечить дальнейшее существование учреждениям и заведениям, в настоящее время существующим, и открыть путь для переговоров между обеими державами после заключения мира.

Наконец, оба правительства допускают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих турецкие территории, должно принять участие в служебных органах оттоманского долга.

Сазонов

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 448–449.
Ф. 163, оп. 4 (466 г.), д. 310, л. 3–4. Копия. Фр. яз.

4) Нота посла Франции в Петрограде М. Палеолога министру иностранных дел С.Д. Сазонову

[Петроград], 13/26 апреля 1916 г.

Имею честь уведомить о получении сообщения, препровожденного мне сегодня Вашим превосходительством, относительно признания императорским правительством на следующих условиях соглашения, подлежащего заключению между Францией и Англией об образовании государства или федерации арабских государств и обеспечения за Францией территории Сирии, Киликии и Месопотамии на основах, указанных ему специальным уполномоченным французского правительства.

С своей стороны правительство республики поручило мне довести до Вашего сведения, что оно решило утвердить соглашение, о котором идет речь.

1) Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезонда.

2) Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире — ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен предоставит Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах с допущением изменений в деталях, могущих быть предложенными комиссией по разграничению, имеющей собраться впоследствии на местах.

Правительство республики с удовлетворением принимает к сведению, что императорское правительство соглашается, кроме того, допустить сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, железнодорожных и других концессий, предоставленных французским гражданам оттоманским правительством. Если императорское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение состоится по соглашению с правительством республики.

Что касается учреждений, управлений, религиозных, школьных и больничных заведений и т.д., зависящих от этих двух наций, то они и впредь будут пользоваться привиле-

гиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Во всяком случае, остается в силе, что, принимая означенную оговорку, оба правительства не имели в виду требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в областях, таким образом аннексируемых Россией и Францией, но лишь обеспечить дальнейшее существование учреждениям и заведениям, в настоящее время существующим, и открыть путь после заключения мира для переговоров, в счастливом исходе которых не позволяет сомневаться дружба между обеими странами.

Наконец, оба правительства допускают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих турецкие территории, должно принять участие в служебных органах оттоманского долга.

Примите и пр.

Палеолог

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 449–451.
Ф. 163, оп. 4 (466 г.), д. 310, л. 5–6. Подлинник. Фр. яз.

5) Телеграмма посла России в Великобритании А.К. Бенкендорфа министру иностранных дел С.Д. Сазонову

№ 288/1 [Лондон], 17/30 мая 1916 г.

Грей обратился ко мне с нотой, сообщающей, что английское правительство получило через французского посла копии нот, которыми обменялись в Петрограде по вопросу о франко-английском соглашении об образовании арабского государства. Грей с чувством удовлетворения принимает к сведению, что императорское правительство одобрило это соглашение, и уведомил меня, что великобританское правительство, чтобы сделать это соглашение полным, готово признать условия, формулированные Россией и принятые французским правительством в результате обмена нотами 26 прошлого месяца. Поскольку эти соглашения затрагивают англо-русские отношения, Грей предлагает императорскому правительству присоединиться к соглашению в 5 пунктах, которые я передаю телеграммой за № 2. Не поручите ли Вы мне ответить Грею нотой, в которой бы я дал испрашиваемое согласие от имени российского правительства. Прошу инструкций.

Бенкендорф

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 451–452.
Ф. 138, оп. 467, д. 624, л. 109. Копия. Фр. яз.

6) Телеграмма посла России в Великобритании А.К. Бенкендорфа министру иностранных дел С.Д. Сазонову с текстом ноты Э. Грея

№ 289/2 [Лондон], 17/30 мая 1916 г.

Поскольку эти соглашения непосредственно затрагивают отношения России и Великобритании, я имею честь предложить правительству Вашего превосходительства присоединиться к соглашению на следующих условиях:

1) Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезонда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Черного моря, к западу от Трапезонда;

2) Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире — ибн Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России; начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах и подлежат изменению в деталях, которые будут предложены комиссией по разграничению, имеющей собраться на местах;

3) Российское правительство признает сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, концессий, предоставленных британским подданным оттоманским правительством. Если российское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены, для согласования их с законами империи, это изменение будет иметь место только по соглашению с правительством Великобритании;

4) Во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, существующие британские права навигации и преимущественного права получения концессий (право заявки), а также права и привилегии британских религиозных, школьных и больничных учреждений должны быть сохранены. Правительство его величества, со своей стороны, признает, что аналогичные русские права и привилегии будут сохранены в тех областях, которые, в силу настоящего соглашения, будут или вполне британскими, или в которых британские интересы будут признаны преобладающими;

5) Оба правительства признают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих часть Оттоманской империи, должно участвовать в служебных органах оттоманского долга[2].

Бенкендорф

Пометы Николая II на документе:1) ⁒. ; 2) «Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница». Царская Ставка, 22 мая 1916 г.

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 452–453.
Ф. 163, оп. 4 (466 г.), д. 310, л. 7–9 об. Подлинник. Фр. яз.

[1] В памятной записке от 8/21 марта 1916 г. Министерство иностранных дел сообщало, что российское правительство принимает к сведению соглашение меду Францией и Англией по вопросу о сохранении в течение 20 лет в англо-французских зонах Азиатской Турции прежнего турецкого таможенного тарифа. При этом в записке были сформулированы некоторые оговорки российской стороны относительно распространения этой меры на территории Малой Азии, которые будут присоединены к России. — См.: МОЭИ. — Сер. III. – Т. X. — С. 432–433.

[2] А.К. Бенкендорф сообщил телеграммой от 3/16 сентября на имя министра иностранных дел Б.В. Штюрмера о том, что им вручена Грею нота, датированная 1 сентября н.ст., о принятии правительством России всех пунктов английской ноты.

27. ЗАПИСКА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА[1]

5 марта 1916 г.
Секретно

Соображения министра иностранных дел
по содержанию утвержденного 10 февраля 1916 г.
Финансово-экономическим совещанием перечня вопросов,
требующих обсуждения при составлении инструкции для
представителей русского правительства на предстоящей в Париже
Экономической конференции союзных государств[2]

I

Вопросы, относящиеся к периоду текущей войны:

1

Согласование мер, принимаемых отдельными союзными державами по отношению к подданным воюющих с ними держав (договорные отношения, сделки, секвестр предприятий и имуществ и т.д.), в частности отношение к задержанным в союзных государствах неприятельским судам

Настоящая война ознаменовалась, в отличие от всех предшествующих войн за последние столетия, глубоким вторжением всех воюющих государств в сферу частных прав неприятельских подданных. В России, Великобритании и Франции так же, как у наших противников, приняты были все меры к тому, чтобы парализовать продолжение экономической деятельности частных лиц и учреждений, принадлежащих к стране противника. Совокупность принятых в отдельных странах мер была обусловлена особыми условиями каждой из них, как правовыми, так и фактическими. Было бы бесполезно давать здесь полный очерк принятых отдельными государствами мер. Достаточно указать, что в России, Великобритании и Франции меры эти шли в двух следующих главных направлениях: во-первых, были запрещены сношения с неприятелями во время войны или путем соответственного общего предписания (так в Англии и во Франции), или же путем запрета платежей (так в России, по закону 15 ноября 1914 г.[3]) и, во-вторых, на неприятельские предприятия, все или некоторые, был наложен секвестр или введено принудительное ими управление (так во всех трех странах).

Кроме этих принятых союзниками двух основных мер, вызывавших по осуществлении их ряд частных распоряжений, о которых нет надобности здесь упоминать, в России была произведена ликвидация неприятельского землевладения в приграничной полосе и ликвидация неприятельских сначала торговых, а затем промышленных предприятий. Таким образом, мы пошли гораздо далее наших союзников на пути ограничения частных прав неприятелей.

Министерство иностранных дел не считало бы целесообразным, чтобы Парижское совещание, почти в конце второго года войны, занялось согласованием изданных доселе в союзных странах законов и распоряжений по отношению к частным правам непри-

ятельских подданных. Не говоря уже о запоздалости такого согласования, в коем пока никакой практической надобности в России, насколько известно, не обнаруживалось, едва ли оно было бы и возможно за коренными различиями, главным образом в области правовых условий, между нашим отечеством, Великобританией и Францией.

В настоящее время несравненно полезнее подойти к разрешению вопросов будущего, нежели останавливаться на пересмотре уже осуществленного. Представлялось бы настоятельно необходимым объединить взгляды трех правительств на условия перехода от мер военного времени к восстановлению нормальных мирных отношений. Союзникам, прежде всего, надлежало бы условиться, что при заключении мира они включат в условия договора с неприятельскими странами отказ последних от предъявления в мирное время каких бы то ни было требований по поводу сделанных нами и нашими союзниками в отношении неприятельских частных прав, судебных или административных, распоряжений во исполнение законодательства военного времени.

Далее представляется весьма желательным выяснить, какими средствами надлежало бы охранить совокупность имущественных интересов русских и союзных подданных в пределах неприятельских государств. Хотя доселе ни Германия, ни Австро-Венгрия не прибегли к конфискации имуществ подданных и предприятий воюющих с ними государств, но в обеих этих странах осуществлен учет этих имуществ и они объявлены как бы залогом, обеспечивающим интересы германских и австро-венгерских подданных в будущих расчетах между воюющими. В Англии, Франции и России уже приняты меры к производству такого же учета имуществ подданных Германии, Австрии и Венгрии (ср. Особый журнал Совета министров 15 января 1916 г.). Желательно выяснить, в какой мере в каждой из союзных стран совокупность неприятельских имуществ уравновешивает могущие пострадать интересы их подданных в странах противников. Опираясь на соответствующие данные, Парижское совещание в состоянии будет наметить и те основания, которые должны быть союзниками приняты для окончательного расчета по поводу имущественных интересов их подданных с неприятельскими государствами.

В связи с этим общим расчетом должен быть поставлен и вопрос о задержанных в начале войны торговых судах под неприятельским флагом.

При начале войны с Германией и Австро-Венгрией, в высочайшем Указе 28 июля 1914 г., императорским российским правительством было выражено намерение соблюдать в настоящей войне, на началах взаимности, правила VI Гаагской конвенции 1907 года о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий. Согласно статье второй этой конвенции, находящиеся в русских портах германские и австро-венгерские суда были задержаны с тем, чтобы или быть возвращенными собственникам по окончании войны без вознаграждения, или быть реквизованными за вознаграждение.

Таким образом, было признано, что означенные суда не могут быть конфискованы, за исключением, однако, тех из них, постройка коих указывает, что они предназначены для обращения в суда военные, как то оговорено в ст. 3 упомянутой конвенции.

Таким же образом поступили с задержанными у них судами Англия и Франция.

Министерство иностранных дел не видит особых оснований к изменению в течение войны однажды принятых решений, нимало не препятствующих нам пользоваться неприятельскими судами, но нет сомнения, что в будущем мирном договоре желательно выговорить в пользу России представление ей безвозмездно задержанных в начале войны в наших портах германских и австро-венгерских судов.

Объединение взглядов союзников по этому поводу представляется весьма полезным. Задержанные нами суда представляют собой довольно ценное имущество, о котором не следует забывать, подготовляя наиболее выгодные для союзников основания будущих расчетов с неприятелем.

2

Пожелание о предоставлении на парижском и лондонском рынках на возможно широких основаниях коммерческого кредита, в видах облегчения взаимных расчетов, вызываемых нуждами промышленности и торговли

Министерство иностранных дел, вполне сочувствуя, конечно, указанной задаче, затрудняется высказаться по существу настоящего вопроса до того, как не будут выяснены взгляды ближе заинтересованных ведомств.

3

Отмена союзными державами существующего запрещения вывоза некоторых необходимых нам продуктов и предметов (селитра, станки, химические продукты, лекарства, металлы, поковки, шерсть и т.д.). Возможные в этом отношения уступки с нашей стороны в области установленного воспрещения вывоза. Общность мер по отношению к вывозу в нейтральные государства

Представитель Министерства иностранных дел принял участие в обсуждении части из затронутых в настоящем пункте вопросов, происходившем в заседании образованного при Департаменте таможенных сборов междуведомственного совещания для обсуждения вопросов, связанных с воспрещением вывоза товаров за границу по обстоятельствам военного времени. Означенное совещание наметило, какие льготы могли бы быть предоставлены нашим союзникам по вывозу из России, и заключение его по этому поводу не вызывают никаких возражений со стороны министерства.

Что касается облегчения вывоза необходимых нам предметов из стран союзных, то по этому поводу мнению непосредственно заинтересованных ведомств должно принадлежать решающее значение. Министерство иностранных дел считало бы вполне целесообразным включение в программу конференции обсуждение сказанного вопроса.

Равным образом нельзя не признать желательным возможное согласование запретительных списков по вывозу, издаваемых в союзных странах. Такое объединение уже достигнуто в вопросе об определении союзниками предметов военной контрабанды и, конечно, весьма полезно и в данном случае. Делегаты союзных правительств найдут здесь повод поделиться друг с другом накопленным их правительствами опытом, и это внесет свет во многие вопросы, касающиеся союзного вывоза в нейтральные государства.

4

Обеспечение необходимого тоннажа для наших морских перевозок

Ближайшие задачи в этом направлении будут указаны подлежащими ведомствами. Но ввиду преимущественного значения в деле морских перевозок Англии, казалось бы

необходимым, прежде чем ставить указанный вопрос на программу Парижской конференции, удостовериться, считает ли лондонский кабинет соответственным, чтобы он обсуждался в Париже.

5

Выяснение тех требований о понижении союзными державами взимаемых с наших товаров пошлин, которые могли бы быть предъявлены нами в случае домогательства союзников о понижении установленных Россией таможенных пошлин

Едва ли при существующих размерах нашего вывоза вопрос о взаимном понижении союзниками таможенных пошлин может сам по себе приобрести крупное государственное значение. Преференциальное обложение союзных товаров, если бы оно осуществилось, представляло бы важность лишь как известного рода прецедент на будущее время. Как подробно излагается ниже под пп. 1 и 2 отдела II и под п. 2 отдела III, Министерство иностранных дел полагает, что в наших государственных интересах приложить все старания к тому, чтобы после войны между союзными государствами были установлены возможно тесные экономические связи, основанные на взаимно преференциальном обложении. С точки зрения этой задачи, принятые во время войны меры всякого рода, подготовляющие экономическое сближение союзных правительств, заслуживали бы сочувствия, причем было бы, конечно, желательно, чтобы взаимные облегчения обмена были сразу же по возможности поставлены на ту почву, которая будет признана правительством наиболее подходящей для нашей будущей торговой политики.

6

Возможные меры борьбы с засильем неприятельских держав в некоторых нейтральных странах (например, в Китае)

Поставленный в столь общей форме вопрос едва ли может с пользой обсуждаться на экономическом совещании в Париже.

Если взять нейтральные страны Запада, то в настоящую минуту все усилия союзников направлены на то, чтобы предотвратить доставление ими неприятельским державам необходимых для этих последних товаров. Англия и Франция ведут эту борьбу главным образом на море путем ряда чрезвычайных мер, принятых ими против торговли нейтральных, и сверх того установили у себя запреты вывоза: Россия принимает участие в борьбе, прекратив вывоз своих произведений за границу и заботясь о том, чтобы товары, по исключению допускаемые к вывозу в нейтральные государства, не попадали затем в Германию. Вопрос о согласовании запретительных к вывозу списков союзных государств затронут особо, под п. 3, а меры охраны на море, принятые Англией и Францией, в общем вполне целесообразны, и мы не желали бы передачей их на коллегиальное обсуждение конференции осложнить и без того сложную с дипломатической и с военной точек зрения систему борьбы, введенную союзниками.

Что касается стран Востока, то Турция воюет, и борьба с германским влиянием в той части ее территории, которая сохранится за оттоманами, — дело будущего. Персия фактически очищена от немцев почти целиком, и никаких специальных мер борьбы с гер-

манским экономическим засильем ныне не требуется: будущее этой страны равным образом слишком тесно связано с общими политическими условиями великой войны, чтобы можно было обсуждать его даже гипотетически на Парижском съезде.

Из близко интересующих нас стран Востока только в Китае ставится в настоящее время в острой форме задача противодействия германскому экономическому влиянию. По этому предмету Министерство иностранных дел считает долгом высказать нижеследующие соображения.

Европейские государства, Северо-Американские Соединенные Штаты и Япония считали для себя в прошлом полезным оказывать финансовую помощь Китаю, видя в этом выгодное помещение капиталов, средство для развития своей торговли и промышленности, а великие державы сверх того усматривали в финансировании китайского правительства важное орудие своего политического влияния. Пока задолженность Китая оставалась невысокой, иностранные финансисты безбоязненно ссужали капиталы под различные обеспечения (главным образом под доходы морских таможен), но по мере увеличения долга и все развивающейся потребности Китая в притоке денег извне стал возникать вопрос, насколько при хаотическом денежном обращении, отсутствии правильно поставленного финансового хозяйства, недостаточности контроля и постоянных хищениях окажется надежной платежеспособность Китая при дальнейших займах. Становилось очевидным, что лишь иностранный контроль в той или иной форме может помочь делу. Однако при все усиливающемся соперничестве держав нельзя было рассчитывать, чтобы какая-либо одна из них получила преобладающее влияние в этой сфере, подобно тому, как в свое время англичане добились заведывания морскими таможнями, а французы — почтой. Таким образом, естественно пришли к мысли о необходимости поставить дело на иную почву, а именно — объединение банковых учреждений различных стран для производства крупных финансовых операций для китайского правительства, что, конечно, может быть осуществимо лишь при условии поддержки соответствующих правительств. Временная кооперация банков отдельных стран, главным образом в связи с железнодорожным строительством, наблюдалась и ранее: можно, например, указать на случай сотрудничества Английского Гонконг-Шанхайского банка с Германским Дейтше Азиатише банк. Но зародышем более длительных и сильных организаций надо признать соглашение 1909 года между английским, французским и германским банками для выпуска займа на постройку Ханькоу-Сычуанской и Ханькоу-Кантонской ж.д. Это соглашение, к коему примкнули и американцы, открыло путь для дальнейших синдикатов. В 1910 году 27 октября/10 ноября в Лондоне были подписаны два секретных соглашения между банковскими группами Англии, Франции, Германии и Америки, коими означенные группы обязывались распределить между собой китайские государственные займы и займы на постройку железных дорог. В том же году американские банкиры вступили с китайским правительством в переговоры о займе в 50 млн долл. для проведения монетной реформы и на промышленные нужды Маньчжурии под обеспечение, между прочим, доходами маньчжурских таможен. Не рассчитывая разместить весь заем у себя, американцы вынуждены были обратиться к другим банковским группам и, таким образом, в результате контракт, с согласия китайского правительства, перешел к названному консорциуму. Так как в этом акте предусматривалось обязательство Китая — дальнейшие займы на то же назначение заключать у того же консорциума, то Россия и Япония, усматривая в этом установление монополии, нарушающей их права как держав, особенно заинтересованных в Маньчжурии, заявили

протест и выступили с проектом учреждения конкурирующего синдиката с участием французских банков (не вошедших в состав четверного консорциума) и бельгийских, предлагая разграничить сферу влияния обеих финансовых группировок. В результате, однако, вопрос разрешился тем, что русская и японская группы объединились с остальными, оговорив специальные интересы России и Японии в Застенном Китае. Впрочем, новая комбинация формально не упразднила собою прежнюю, сохранившую права по выпуску займа для монетной реформы. Шестерной консорциум поставил себе в соглашении, подписанном 18 июня 1912 г. определенную задачу: выпуск займа в 60 млн фунт. ст. для реорганизации управления Китая (перешедшего к республиканскому строю). Соглашение было заключено на 5 лет, но могло быть расторгнуто по желанию большинства участников и ранее. На основании этого соглашения (однако без участия Америки, неожиданно вышедшей из обоих консорциумов) 26 апреля 1913 г. с китайским правительством был заключен контракт на выпуск пятипроцентного займа на 25 млн фунт. ст. Обеспечением должны были служить доходы соляной монополии, реорганизация коей при участии иностранных специалистов предусматривалась в самом контракте, где также включено обязательство пригласить иностранных советников для контрольной части. Консорциуму предоставляется опцион на дальнейший заем для той же цели и на займы, обеспечиваемые соляными доходами. Должности советников были фактически распределены так: советник по соляной монополии — англичанин, по бюро займов — немец, по контрольной палате — русский и француз.

На местах были назначены инспектора по соляной монополии, распределенные между пятью нациями. Между правительствами было условлено, что промышленные займы Китая не входят в сферу деятельности консорциума, и банки свободны выпускать таковые без всяких ограничений.

По реализации первых 25 млн фунт. ст. китайцы возбудили вопрос о выпуске новых пятнадцати миллионов. Как одно из назначений займа предусматривались и расходы по проведению монетной реформы, на что соглашалось и китайское правительство, так что тройной консорциум (английская, французская и германская группы коего тождественны с входящими в пятерной) должен был быть окончательно поглощен пятерным. Тем не менее, опасаясь, что переговоры по займу могут затянуться, тройной консорциум добился продления срока контракта 1911 года, каковой был еще раз, без ведома французского и английского правительств, продолжен уже во время войны. Последняя расстроила переговоры о займе, и за военное время никаких финансовых операций ни тот, ни другой консорциум не производил. Несомненно однако, что хотя бы номинальное сотрудничество с Германией теперь является недопустимым по причинам само собою понятным: после же войны он поведет к укреплению немецкого экономического влияния при помощи держав-союзниц. Поэтому императорское правительство обратилось к лондонскому и парижскому кабинетам с предложением настоять перед банками на расторжении пятерного консорциума, пользуясь той статьей контракта, которая предусматривает его прекращение решением большинства голосов его участников. По расторжении надлежало бы добиться от китайского правительства переноса прав, принадлежащих к консорциуму согласно контракту о займе, на новый консорциум — четверной, без участия Германии. Английское правительство отнеслось к нашему шагу нерешительно, ссылаясь на затруднения, связанные с осуществлением проекта. Однако в виду политического и экономического значения вопроса, важность которого можно понять из изложенной выше его истории, нам надлежит настаивать на нашей мысли, убеждая англичан

и французов равным образом разрушить и тройной синдикат. Вопрос о практическом способе устранения советника и инспекторов соляного дела немецкой национальности можно было бы поручить рассмотрению посланников в Пекине вместе с представителями финансовых групп.

На совещании в Париже следовало бы также обсудить вопрос о мерах для предотвращения в будущем образования банковских синдикатов в Китае с участием немцев.

Наконец, небесполезно было бы выяснить, что можно сделать по отношению к займу, заключенному в Китае германскими банками совместно с банками союзников (с русскими банками таких соглашений не было: известен заем 1896 года Гонконг-Шанхайского с Германско-Азиатским и в 1898 году между теми же банками).

II

Вопросы, относящиеся к периоду наступления мирных переговоров

1

Выяснения необходимых мер в области обеспечения потребности союзных держав в сырых материалах, орудиях производства и продуктах (например, сохранение у нас запасов руды и обеспечение нас шерстью, джутом и т.д.)

2

Выяснение необходимых мер к ограждению союзных рынков от наплыва произведений неприятельских стран и возможных в этом направлении мероприятий по отношению к рынкам нейтральных государств

Для периода, непосредственно следующего за прекращением военных действий, и впредь до заключения мирных договоров в области как прямого удовлетворения экономических потребностей России и союзных ей держав, так и ограждения русских и союзных рынков от наплыва изделий теперешних врагов наших, надлежало бы установить точный взгляд на общее направление нашей экономической политики и тех форм, в какие она может облечься в связи с вожделениями и требованиями наших союзников. До твердой постановки этого общего взгляда целесообразное разрешение отдельных вопросов едва ли может быть достигнуто, преждевременные же мероприятия по ограждению того или другого частичного интереса нашего могли бы неблагоприятно отразиться на общем ходе предстоящих по таковым вопросам переговоров с союзниками. Великобританское правительство, привыкшее руководствоваться мнением большинства страны, как только таковое мнение успело созреть и вылиться в определенную форму, едва ли выскажется в ближайшем будущем о дальнейшей ориентировке своей торговой политики; независимо от этого его первой и ближайшей целью несомненно будет сближение со своими колониями, получение же обоснованных отзывов от них (вероятнее всего путем конференции) будет несомненно предшествовать какому бы то ни было окончательному ответу великобританского правительства, если бы ему был сделан в этой области запрос.

Та же самая осторожность чувствуется и со стороны французского правительства; оно поставило на программу предложенной им же Парижской конференции в насто-

ящее время лишь ряд частных вопросов, по большей части второстепенного характера и, по-видимому, не намерено еще затрагивать коренного вопроса о сохранении после войны теперешней группировки держав для объединения и общей защиты их экономических интересов.

Не может быть сомнения в том, что сейчас же с прекращением военных действий враждебные нам державы, и в особенности Германия, должны озаботиться о немедленном наводнении своими изделиями всех рынков, какие окажутся для них доступными. Потребность в вызове будет для Германии неотложна по многим причинам, но особенно потому, что, во-первых, усиленный вывоз при крайне ограниченном ввозе был бы мощным орудием для постепенного восстановления курса германской валюты и, во-вторых, вывозная торговля будет для Германии более легка и доступна, чем для других стран, благодаря ее высокой технической оборудованности; уже в настоящее время и, несмотря на работу страны по снабжению своей и союзных ей армий, если судить по газетным объявлениям, в Германии имеется избыток дешевых товаров, не находящих покупателей в самой стране. С окончанием же военных действий, когда другие воевавшие страны будут лишь постепенно переводить на производство мирного времени свои заводы и фабрики, работающие теперь на оборону, германский готовый товар сразу будет искать способы водвориться повсюду на тех рынках, снабжение которых будет не под силу промышленности Франции и Англии.

Вероятно, с этой именно целью Германия уже теперь производит значительные закупки сырья в нейтральных странах; можно, конечно, надеяться, что когда для нее наступит момент осуществления запроектированных сделок, пошатнувшаяся в связи с исходом войны кредитоспособность будет ей значительной помехой, и часть закупаемого и заказываемого теперь сырья останется на рынке; однако самый факт таких предусмотрительных и заблаговременных увеличений запасов указывает на решительность использовать застой в вывозе союзников, как только наступит к тому возможность. Поэтому, казалось бы, что какая-нибудь форма единения между союзниками для ограждения в этом вопросе своих интересов является необходимой, и убеждение в такой необходимости, по-видимому, уже проникло в самые широкие слои общества как во Франции, так и в Великобритании.

В какие формы может облечься подобное, соглашение сейчас сказать еще преждевременно; не подлежит сомнению, что в интересах России будет домогаться возможно дешевого ввоза ее сырья в союзные страны и возможно дешевого получения тех изделий союзных стран, которые нужны России.

Министерство иностранных дел будет считать своей обязанностью по возможности полнее добиваться от союзных держав осуществления таковой цели, но подробный взгляд на этот вопрос может быть выработан только Министерством торговли и промышленности.

Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что в числе изделий, ввозившихся до войны в Россию из Германии, есть и такие, которых другие страны или не производят вовсе, или производят по ценам, не могущим соперничать с германскими. Желательно было бы установить твердый взгляд на то, сохранить ли по отношению к таким изделиям (например, некоторые лекарства, минеральные воды, специальные машины, химические производства и т.д.) то же положение безусловной непримиримости, которое, по-видимому, будет положено союзными державами в основу своей дальнейшей торговой политики по отношению к Германии, или же допустить их к ввозу на срок, в течение

которого (хотя бы, может быть, и с денежной помощью от правительства) производство их будет насаждено в России. По этому вопросу также надлежало бы в первую очередь ознакомиться с взглядами Министерства торговли и промышленности.

Наиболее сложной стороной таможенного союза группы держав явится отношение их к нейтральным странам. Соглашения с ними, подобные ныне действующим между Великобританией и Голландией и Великобританией и Данией, по которым ввоз в эти нейтральные страны разрешается лишь по подробном ознакомлении с целым рядом обстоятельств, вплоть до благонадежности импортера, были бы совершенно неприменимы вне обстановки военного времени. Между тем нельзя сомневаться, что именно под личиной нейтральной торговли германский ввоз будет наиболее деятельно пытаться проникать на защищающиеся от него рынки. Только географическая отдаленность от Германии некоторых нейтральных стран, расположенных в Азии и Америке, может обезопасить их в смысле скрытого транзита, но нейтральные страны, прилегающие к Германии или мало от нее отдаленные, должны стать предметом особенно тщательного в этом отношении рассмотрения. Представится ли возможным без ущерба для наших политических интересов поставить их в ту же группу держав, с которыми мы и союзники наши будем продолжать экономическую борьбу после прекращения войны, сказать теперь еще невозможно. Во всяком случае, необходимо будет сначала выяснить взгляд на этот вопрос наших союзников, что надлежит, впрочем, делать с особенной осторожностью.

Лишь по приведении в известность всего вышеизложенного Министерство иностранных дел считало бы возможным высказаться в окончательной форме по существу вопросов, постановленных под №№ 1 и 2 второго отдела перечня.

Высказывая изложенные выше соображения касательно экономических задач союзников в период наступления мирных переговоров, министерство считает долгом оговорить, что соображения эти тесно связаны с теми основными его взглядами на будущность нашей торговой политики, подробное изложение которых содержится под п. 2 отдела III программы.

3

Согласование общих принципов, подлежащих применению в отношении предъявления требований к неприятельским державам о возмещении причиненных войной убытков, соглашение о применении союзными державами одинаковых со своими подданными оснований для возмещения убытков, понесенных подданными других союзных держав.

4

Согласование общих принципов исчисления понесенных каждой из союзных держав убытков

Вопросы, означенные в пп. 3 и 4 отдела II, тесно между собою связаны и подлежат обсуждению совместно. Они касаются возмещения убытков, вызванных войной.

Нет надобности доказывать, насколько желательно возложить уплату вызванных войной убытков населения на воюющие с нами государства. В этом вопросе мы не можем не встретить полного сочувствия наших союзников. Франция непосредственно заинтересована в том, чтобы убытки ее департаментов, разоренных германскими войсками,

были возмещены неприятелем. Французские законодательные учреждения и правительство провозгласили в категорической форме право населения на возмещение ему государством военных убытков (закон 26 дек[абря] 1914 г., § 12 и декларация правительства 22 декабря 1914 г.) и понятно, что Франция будет стремиться вознаградить себя по соответственным расходам за счет Германии. В Англии население от военных действий существенно не пострадало, но великобританское правительство окажет, конечно, поддержку Бельгии в ее стремлении вознаградить себя за вызванный военными действиями ущерб за счет Германии.

Таким образом, желательность отнесения на счет воюющих с нами стран убытков, вызванных военными действиями, едва ли вызовет сомнения. Спорной может оказаться лишь форма, в которой надлежало бы облечь соответствующее требование. Прецеденты мирных договоров прежнего времени указывают два пути: во-первых, мирный договор может установить уплату побежденным государством военной контрибуции, исключив всякие дальнейшие денежные к нему требования по поводу вызванных им военных убытков частных лиц, и, во-вторых, мирный договор может установить обязательство побежденного уплатить военные убытки частных лиц, им вызванные, притом независимо от того, была ли установлена в пользу государства контрибуция или нет.

При обсуждении вопроса о возмещении убытков, во Франции, по-видимому, склонены принять первое из двух указанных возможных решений вопроса. Высказывается мысль, что обязанность возмещения убытков населения лежит на национальном государстве, а не на государстве неприятельском; последнему должно быть предъявлено общее требование о контрибуции, из которой государство возместит свои расходы по выплаченным им своим подданным суммам вознаграждения за военные убытки (Труды французского национального комитета для полного возмещения убытков, вызванных войной. Вып. J. — Апрель 1915 г. — Стр. 4 и 5). Подобная постановка вопроса, не изменяя существа дела, по форме исключает самостоятельное требование к неприятельским странам о возмещении вызванных их действиями убытков частных лиц. Нет сомнения, что принятие указанной точки зрения значительно упрощает вопрос об убытках; нет надобности производить специального учета убытков, вызванных неприятельскими действиями, и все исчерпывается определением размеров контрибуции и оснований разверстки последней между союзниками. Принимая во внимание, что вопрос о контрибуции едва ли может стать предметом обсуждения на Парижской конференции, пришлось бы при таком взгляде снять с очереди конференции и вопрос об убытках.

При всей простоте подобного решения оно было бы, по мнению Министерства иностранных дел, едва ли правильным. Министерство полагает, что целесообразнее рассматривать требование о возмещении убытков населения в качестве, с формальной стороны, самостоятельного требования и рассматривать его независимо от требования контрибуции. К такому решению приводят следующие соображения. Россия, вероятно, более, чем другие государства, пострадала от нашествия неприятельских войск и разверстка той части имеющих поступить союзникам с неприятельских стран средств, которые будут специально предназначены на покрытие убытков, пропорционально действительным размерам таковых, представляется справедливым обеспечением наших интересов. В то же время этот путь устранит возможность каких-либо споров России с союзниками об основаниях разверстки уплачиваемых неприятельскими государствами в этой их части сумм. Министерство считает поэтому желательным, чтобы российские делегаты на Парижской конференции высказались в том смысле, что возмещение вызванных дей-

ствиями неприятеля убытков населения должно рассматриваться как самостоятельное и независимое от контрибуции требование, предъявляемое к неприятелю, и приложили старания к тому, чтобы убедить в правильности этой точки зрения представителей союзных государств. Нет надобности намечать здесь во всей полноте доводы правового содержания, которые могли бы быть приведены в защиту такого взгляда российскими делегатами в Париже. Министерство иностранных дел не преминет своевременно собрать подробные данные и соображения по этому предмету.

Исходя из изложенной общей постановки вопроса, казалось бы необходимым обсудить на предстоящей Парижской конференции те ближайшие основания, которые должны быть приняты для исчисления каждой из союзных держав убытков ее населения, вызванных неприятелем, для согласования этих оснований между собой. Озабоченное всесторонним выяснением вопроса об убытках русских подданных от действий и распоряжений неприятельских властей и войск, Министерство иностранных дел вошло 9 минувшего января, за № 39/Ю, с подробным представлением по этому поводу в Совет министров; как явствует из Особого журнала 15 января с.г., Совет разделил высказанные в означенном представлении взгляды и поручил министру юстиции передать вопрос на предварительное обсуждение междуведомственного, под председательством сенатора Ильяшенко, совещания. Ввиду предстоящего, таким образом, ближайшего изучения вопроса в названном совещании, точка зрения правительства на наиболее целесообразные основания исчисления убытков русских подданных[4], вызванных действиями неприятеля, будет своевременно установлена, и наши делегаты получат твердую точку опоры в переговорах с союзниками о согласовании принятых каждым из них начале учета убытков. Весьма возможно, что при этом придется рекомендовать союзникам те или другие изменения усвоенных ими взглядов, или же в чем-либо исправить нашу собственную точку зрения. Но высказаться по этому вопросу в окончательной форме возможно будет только по завершении совещанием сенатора Ильяшенко его работы.

Принятие того взгляда, что вызванные действиями неприятельских властей и войск убытки населения должны быть, по мирному договору, возмещены неприятельским государством, не исчерпывает, конечно, всего вопроса о военных убытках. Убытки населению причиняются не только неприятелем, но и действиями его собственных войск и властей, причем общее законодательство часто может не предусматривать возмещения этих убытков государством и требуется издание новых специальных законов для того, чтобы право на вознаграждение было признано за потерпевшими. Вопрос о порядке возмещения военных убытков населения, вызванных действиями его собственных властей и войск, едва ли может служить предметом совещаний Парижской конференции, так как представляет внутреннее дело каждого государства. Однако при применении тех или других правил, могущих быть установленными внутренним законодательством отдельных союзных стран по этому предмету, будут возникать частные вопросы, которые полезно обсудить на Парижской конференции. К числу таких вопросов относятся: во-первых, право подданных союзных стран на возмещение военных убытков наравне с местными подданными и, во-вторых, право на таковое возмещение пребывающих в государстве подданных нейтральных. Единственная союзная страна, где вопрос об убытках послужил предметом подробной нормировки — Франция (цирк[уляр] 27 октября 1914 г., закон 26 декабря 1914 г., § 12, декрет 4 февраля 1915 г., декрет 24 февраля 1915 г., цирк[уляр] 19 марта 1915 г., цирк[уляр] 22 марта 1915 г., цирк[уляр] 30 марта 1915 г., декрет 6 апреля 1915 г., распоряжение 8 апреля 1915 г., декрет 22 апреля 1915 г., распоряжение 22 апреля 1915 г., декрет 24 апреля

1915 г., декрет 20 июля 1915 г., декрет 12 августа 1915 г., цирк[уляр] 1 сентября 1915 г., декрет 30 сентября 1915 г.) оставила открытым оба эти вопроса. Они равным образом не разрешаются и в проекте министра финансов об образовании в России учреждений для учета убытков, рассмотренном в заседании Совета министров 23 сего февраля. Но когда будут устанавливаться пока не выработанные ни в России, ни в других странах материальные правила, согласно коим будет производиться вознаграждение за убытки, придется, в частности, установить, будут ли подданные союзные и нейтральные уравнены в этом отношении с местными подданными. То или другое решение этого вопроса стоит в зависимости от основного взгляда на военное вознаграждение. Раз дело идет о признании за населением права, общим законом не предусмотренного, и государство возлагает здесь на себя совершенно новую обязанность, то оно имеет полное основание установить условия, при которых возникает право частных лиц на вновь создаваемый вид вознаграждения, не придерживаясь непременно существующих начал гражданского права о последствиях вреда и убытков. При определении этих условий нельзя будет не принять во внимание государственную пользу выдачи вознаграждения. Основная цель такового должна заключаться в том, чтобы в интересах всей страны помочь разоренным окраинам вернуться к нормальной экономической жизни. Поэтому всякий убыток, восстановление которого поможет достижению этой цели, подлежал бы вознаграждению, между тем как восстановление потерь в имуществах, которых утрата проходит бесследно для экономической жизни края, может и не быть возложено на государство. Именно с точки зрения такой общей задачи государственного вознаграждения за военные убытки надлежало бы подойти и к разрешению вопроса о праве на вознаграждение союзных и нейтральных подданных. Если, владея торговыми, промышленными или сельскохозяйственными предприятиями и имея прочную оседлость, лица эти обслуживали и будут продолжать обслуживать хозяйственную жизнь страны, то нет основания лишать их права на вознаграждение, под условием, конечно, взаимности. В настоящее время, когда ни в России, ни в других союзных странах, материальные правила вознаграждения за военные убытки еще не установлены, было бы затруднительно более точно определить условия предоставления союзным и нейтральным подданным прав на вознаграждение. При составлении инструкции для русских делегатов на Парижской конференции достаточно выяснить им взгляд правительства на общие задачи вознаграждения и на допустимость признания права на вознаграждение за союзными и нейтральными подданными при наличности таких условий, которые делали бы такое право отвечающим государственным пользам страны.

III

1

Условия поселения подданных одной союзной страны в другой. Основания судебной для них защиты. Производство ими торговли и промыслов. Допущение акционерных предприятий. В частности, применение к подданным союзных держав установленных для собственных подданных ограничений (например, еврейские ограничения)

Совокупность поставленных в этом пункте вопросов не может с пользой стать предметом обсуждения Парижской экономической конференции, ибо включение всех их в программу перегрузило бы таковую без всякой меры. В сущности говоря, рассма-

триваемый пункт программы, в приданном ему широком изложении, обнимает собой множество частных вопросов, составляющих предмет не только торговых договоров, но всего трактатного и внутреннего законодательства, касающегося иностранцев. Нет оснований намечать в настоящей связи возможные решения по всем этим частным вопросам. Достаточно ограничиться самыми общими указаниями о том, в каком основном направлении должна идти, по мнению Министерства иностранных дел, разработка в будущем указанных вопросов.

При возобновлении или пересмотре наших торговых договоров с союзными странами нет, конечно, оснований отказываться от правил нынешних договоров касательно условий поселения подданных одной страны в другой, оснований судебной для них защиты и производства ими торговли и промыслов.

При применении общих положений договоров по всем этим предметам существенное значение имеют, конечно, правила нашего внутреннего законодательства. Последнее содержит очень небольшое количество специальных ограничений во вред иностранцам. К числу их относятся главным образом правила об иностранных евреях, о чем ниже, и правила о запрещении приобретать недвижимости в некоторых местностях империи. Что касается этих последних правил, то Министерство иностранных дел не усматривало бы особых оснований к сохранению в силе в отношении подданных союзных государств ограничительных по землевладению правил в западном крае, на Кавказе и в Степном крае, оставив в силе только ограничения, существующие на окраинах дальневосточной и среднеазиатской и, быть может, в Бессарабии. При существовании законов 2 февраля и 19 декабря 1915 г. об ограничении неприятельского землевладения, которые должны быть сохранены в силе и после войны, Россия не может предоставить наибольшего благоприятствования Германии и Австро-Венгрии в вопросах права поселения и приобретения недвижимостей. При таких условиях снятие в пользу союзников и подданных тех держав, которые будут пользоваться наибольшим благоприятствованием, ограничений по землевладению не представит уже никакой реальной опасности.

Признавая в интересах развития производительных сил России настоятельно необходимым принятие всех мер для оживления экономических связей наших с союзными государствами и для привлечения их капиталов в Россию, Министерство иностранных дел считало бы совершенно своевременным пересмотр нашего действующего акционерного законодательства. Этот пересмотр имел бы, конечно, в виду, прежде всего, русское акционерное дело, но обновлением действующих правил об акционерных обществах воспользовались бы, конечно, и иностранцы. Заинтересованные русские группы давно уже высказываются за замену у нас концессионной системы явочной, за снятие многообразных национальных ограничений, за допущение более мелких купюр и т.д. Министерство иностранных дел полагало бы, что, чем решительнее пойдем по пути реформ акционерного дела, тем быстрее будет приток иностранных капиталов в Россию и тем быстрее России удастся справиться с экономическими и финансовыми задачами будущего. Пересмотр внутреннего нашего акционерного законодательства может отразиться и на наших соглашениях с иностранными государствами о взаимном признании акционерных обществ, но, конечно, этот последний вопрос может быть обсуждаем лишь после того, как будет проведена основная реформа.

В общем схожие соображения должны быть высказаны и относительно тех специальных ограничений, которые существуют для иностранных евреев. Пересмотр нашего общего еврейского законодательства обстоятельствами военного времени поставлен на

очередь. Совершенно естественным явится пересмотр и частного вопроса о евреях-иностранцах. Министерство иностранных дел не считало бы особенно своевременным обсуждение этого острого и больного вопроса наших международных отношений на Парижской экономической конференции, но полагало бы все же желательным, чтобы на случай разговоров по этому предмету российские делегаты получили право заявлять, что пересмотр еврейского законодательства в России поставлен на очередь и что правительство сознает всю важность этого пересмотра.

2

Принципиальные основания для заключения будущих торговых договоров (автономность, конвенционность, взаимство) и система таможенных тарифов по привозу и вывозу товаров

Вопрос о том, как построить систему нашего будущего таможенного обложения и наших будущих торговых договоров настолько важен и сложен, что, разумеется, не может быть окончательно разрешен правительством по поводу Парижской экономической конференции. Но представляется крайне желательным снабдить наших делегатов на конференции хотя бы самыми общими указаниями относительно взглядов правительства на этот предмет, прежде всего с тем, чтобы не ставить их в весьма тяжелое и несовместимое с достоинством императорских представителей положение, при котором им пришлось бы отмалчиваться во всяких официальных или неофициальных разговорах на тему, которую самая жизнь во весь рост поставила перед союзными державами.

Задача, которая выдвинута событиями войны, заключается в том, будет ли или нет общность действий союзников в военной борьбе с германскими государствами использована после войны в области экономической и завершат ли союзники нынешнюю борьбу устранением на будущее время германских стремлений к гегемонии в мировом хозяйстве, стремлений, составляющих угрозу европейскому миру. Германии должен быть нанесен удар, от которого она не могла бы оправиться в близком будущем. Для этого естественно подумать о закреплении победы союзников созданием такого экономического порядка, при котором Германия не могла бы возвратить себе прежнее свое положение на мировом рынке. Это сближение фактически уже началось. Многообразная помощь в деле военного снабжения, оказываемая нам союзными странами, конечно, не пройдет бесследно для роста экономических наших связей с союзниками. Доходящие из Германии сведения ясно свидетельствуют, насколько нервно относятся там к вопросу о восстановлении прежних, довоенных условий германской внешней торговли. Ссылаясь на столь торжественно одно время возвещавшиеся планы экономического объединения Германии и Австро-Венгрии, германский министр торговли и промышленности д-р Сидов сделал в заседании Прусского ландтага 19 февраля 1916 г. следующее весьма характерное в этом отношении заявление:

«Установление будущих экономических отношений к Австро-Венгрии должно произойти так, чтобы были приняты во внимание интересы обеих сторон. Иначе нормировка будет влиять на политические отношения не укрепляюще, а ослабляюще. Мы должны сначала узнать, как торговые, промышленные и сельскохозяйственные круги в Австро-Венгрии относятся к этому вопросу, а это покрыто довольно густым туманом. Далее, во всяком случае, при нормировке наших экономических отношений к союзным

странам, мы должны не упускать из виду одной точки зрения: мы должны — и в этом заключается германский интерес — в этих переговорах вести их так, чтобы в интересах нашей торговли и нашей промышленности после войны ими не был затруднен или сделан невозможным обмен с нейтральными и с враждебными теперь государствами. И то, и другое должно идти параллельно. Мы нуждаемся в хозяйственных и торговых оборотах с нашими нынешними союзниками, но мы хотим сохранить обмен открытым с нейтральными государствами и с государствами неприятельскими. Поэтому должно быть принято во внимание, что для нашей промышленности и торговли мы не должны лишить себя мирового рынка».

В этом заявлении нельзя не отметить, что мысли о таможенном объединении с Австро-Венгрией противопоставляется возражение, которое в течение ряда десятилетий, начиная с 50-х годов прошлого века, служило обоснованием отказа от таможенной унии. Иначе говоря, ясно, что германское правительство желает после войны сохранить для своей страны без существенных изменений то положение в мировом хозяйстве, которое ей принадлежало до войны.

Что России надо приложить все старания к тому, чтобы не дать осуществиться этим надеждам, стоит вне спора. Та глубокая и важная государственная мысль, которая лежит в объединивших русское сознание словах: борьба с германским засилием заключается именно в том, чтобы освободиться от экономического ига Германии, которое обеспечивалось в ее пользу последним нашим торговым договором. Но если бесспорна задача, то, по-видимому, спорны средства.

Пользуется большим сочувствием мысль, что с германским экономическим преобладанием каждый из союзников в состоянии справиться своими средствами, без содействия со стороны других союзников. В России выражением этой программы служит пожелание о полной автономии нашего таможенного тарифа и чистом наибольшем благоприятствовании в торговых договорах, в том числе и в торговых договорах с ныне неприятельскими странами. Другая программа заключается в том, чтобы так или иначе объединить усилия союзников в борьбе с германским стремлением к экономической гегемонии. С этой целью выдвигается мысль о более тесном в будущем экономическом общении между союзниками. Мысль эта не получила еще определенного выражения, но с большим вниманием обсуждается в заинтересованных кругах и в печати всех союзных стран.

Было бы большой ошибкой сразу же признать беспочвенность этих стремлений и заранее отвергнуть как неосуществимую всякую мысль о тесном экономическом общении между союзными странами для борьбы с германским экономическим влиянием. В донесениях агента Министерства торговли и промышленности в Париже содержатся данные, доказывающие, с какой серьезностью относятся во Франции к предложениям об экономической коалиции против Германии. В прилагаемой к настоящей записке справке собраны соответствующие данные относительно Англии. Данные эти свидетельствуют, что в стране, где, могло казаться, со времени перехода власти к либералам, окончательно закреплены начала традиционной свободной торговли, вопрос о коренном пересмотре старой политики, в смысле установления тесных экономических уз с союзниками, а одновременно с английскими автономными колониями, поставлен общественным мнением на очередь.

Уже одно то обстоятельство, что мысль об экономическом союзе нашла себе сочувственный отклик во всех трех главных борющихся с Германией странах, побуждает со вниманием отнестись к ее оценке с точки зрения русских государственных интересов.

Нет сомнения, что с политической стороны сохранение и после заключения мира тесной близости между союзниками представляет первостепенное значение: в ней будет лежать залог прочности тех результатов, которые война может дать каждому из союзников. Равным образом несомнительно, что закрепление этой близости на почве тесного экономического взаимодействия чрезвычайно полезно для общей русской внешней политики. Но, конечно, если бы такая цель достигалась лишь ценой жертв другими государственными интересами и экономический союз был невыгоден для нашего народного хозяйства, то пришлось бы помириться с отказом от нее.

Министерство иностранных дел не только не усматривает в имеющихся в распоряжении его данных оснований считать уже ныне доказанной невыгодность экономического сближения между союзниками, но, напротив того, полагает, что это сближение является наилучшим средством обеспечения русских государственных интересов.

По мнению министерства, соединенная с наибольшим благоприятствованием автономность нашего тарифа не дает средств успешно бороться с германской экономической гегемонией. Поскольку в будущем мы не можем отказаться от иностранного ввоза и допустим таковой, уравнение условий торговли для Германии и для других стран по принципу наибольшего благоприятствования будет иметь неизбежным последствием возобновление германских захватов в области нашей торговли. Участие Германии в привозе к нам товаров росло в последние десятилетия с необыкновенной быстротой: оно выражалось в 21% общего нашего привоза в 1893 году, в 35% — в 1903 году и дошло до 47% в 1913 году, т.е. Германия привозила к нам перед вой- ной около половины всех ввозившихся в Россию товаров. При равенстве в будущем прав Германии по ввозу в Россию с правами других стран рост процента германского импорта будет, вероятно, продолжаться. Иначе говоря, каковы бы ни были размеры всего нашего иностранного ввоза, удастся или нет нам уменьшить его общий итог в будущем, Германия будет постепенно приближаться к монопольному почти положению на нашем рынке. Продолжая прогрессию последних трех десятилетий (1893 год — 21%, 1903 год — 35%, 1913 год — 47%) и принимая, на основании данных 1908–1913 гг., ежегодный средний прирост германского захвата нашего ввоза в 2%, мы получаем: к концу двадцатилетнего от текущего года срока более 70% участия Германии в нашем ввозе. Положение это не может быть терпимо: мы не должны питать своим импортом одну страну, притом страну, которая силою исторических условий на долгие годы останется нашим главным внешним соперником. Принять самые решительные меры к предотвращению назревавшей перед войной опасности монопольного захвата Германией нашего ввоза является одной из основных задач, стоящих перед русским государством.

Напрасно было бы утешать себя мыслью, что мы добьемся этой цели, отвергнув конвенционный тариф, но сохранив наибольшее благоприятствование. При прочих равных условиях Германия всегда успешнее, чем всякая другая страна будет в состоянии бороться с нашими таможенно-тарифными заграждениями. Мы не можем сразу прекратить ввоз иностранных товаров в Россию, создать запретительный тариф вместо покровительственного. То, что мы впредь должны будем ввозить, при любом автономном покровительственном тарифе, могут, конечно, предложить нам, кроме Германии, и другие страны, но мы не в состоянии будем обратиться к их услугам, ибо пока обложение останется равным для Германии и для этих стран, германский ввоз впредь будет вытеснять ввоз остальных стран, так как он вытеснял его до войны, когда существовало равенство обложения произведений всех иностранных государств.

Министерство иностранных дел считает долгом с особенной настойчивостью высказать эти положения, они отнюдь не внушены только чувствами вражды к Германии, которым претит самая возможность составления слов Германия и «наибольшее благоприятствование», а совершенно трезвой оценкой явлений экономической действительности. Предоставить Германии наибольшее благоприятствование — значит сознательно идти на установление у нас монополии ее ввоза и поставить нашу страну, с народнохозяйственной точки зрения, в данническое положение по отношению к Германии. Такое положение могло бы мыслиться как результат проигранной нами войны, но оно недопустимо как свободный выбор уверенного в своей победе народа.

Единственный действительный путь избежать опасности превращения России в данническую страну заключается в установлении неравенства на нашем рынке прав ныне неприятельских держав, с одной стороны, и иных стран, с другой. Только преференциальные пошлины в пользу экономических соперников Германии способны нейтрализовать сопряженный с государственной опасностью процесс постепенного роста доли участия Германии в нашем ввозе. Для достижения этой цели с возможной для нас выгодой было бы в высшей степени желательно использовать мысль об экономической коалиции союзников.

По мнению Министерства иностранных дел, Россия отнюдь не менее, чем ее союзники, заинтересована в том, чтобы обнаруживающееся у нас и на Западе течение в пользу экономического сближения дало положительные результаты. Нам необходимо, чтобы ввоз в Россию в той мере, в какой его будут допускать или будут требовать наши экономические интересы, не был преимущественно германским, как до сих пор, и нашим выгодам отвечает предоставление на известных, нами определяемых условиях и на нами определенный срок времени, преимущественных прав нашим нынешним союзникам (и, быть может, и нейтральным, о чем будет сказано ниже). При таких условиях особенно желательно, чтобы льготы, даваемые нами союзникам, при принятии ими идеи экономической коалиции, были оплачены путем справедливого обеспечения в их странах интересов нашего вывоза.

В настоящее время, когда остаются невыясненными элементы будущей торговой политики союзных стран, было бы преждевременно сколько-нибудь подробно намечать, в чем могли бы заключиться льготы для нашего вывоза на союзных рынках. Очевидно, ценными были бы эти льготы, если бы они коснулись главных предметов нашего вывоза и, прежде всего, хлеба. Союзные страны представляют собой, как известно, несравненно более крупные рынки для сбыта хлеба, чем рынки Германии и Австро-Венгрии. С другой стороны, едва ли можно сомневаться, что после пережитых во время войны испытаний в деле продовольствия, Германия приложит все старания, чтобы усилить свой аграрный протекционизм и увеличит свою добычу сельскохозяйственных произведений. Не так давно в прусском ландтаге один из докладчиков по смете д-р Хеш высказал следующие положения: «В начале войны дело шло о том, чтобы поделить имевшиеся продовольственные средства и определить душевое потребление, но чем долее продолжается война, тем более грозной становится задача обеспечения на будущее время, в частности на время после заключения мира, возможности прокормить наш народ внутренним производством; с тем большим вниманием надлежит отнестись к производству. Мы не можем принимать никаких мер, как бы они ни были хороши в данную минуту, которые вредно отразились бы на производстве» (заседание 15 февраля 1916 г.). Всякий, кто следит ныне за германской печатью и общественным мнением, знает, насколько глубоко укорени-

лись за время войны начала аграрного покровительства в Германии. На пути улучшения своей сельскохозяйственной культуры Германия может сделать еще многое, ибо, как известно, сбор хлебов в Германии ниже, чем в некоторых других странах Европы.

При огромной емкости союзных рынков и вероятном в будущем сокращении ввоза иностранного хлеба в Германию, преференциальное отношение к нашему хлебному вывозу в союзных странах позволило бы вознаградить потери, которые могут быть вызваны затруднением доступа нашего хлеба на германский рынок в случае осуществления союзной экономической коалиции. Можно было бы произвести гипотетический подсчет открывающихся для нашего хлебного вывоза возможностей в том случае, если в отказавшейся от свободной торговли Англии, во Франции, Бельгии и Италии в нашу пользу и в пользу колоний были созданы достаточные понижения хлебных пошлин, и такие понижения не были предоставлены несоюзным странам. Такой подсчет, вероятно, привел бы к выводу, что возможный при указанных условиях выигрыш наш на союзных рынках покрыл бы потерю неприятельских рынков. Само собой разумеется, подобные гипотетические выкладки были бы лишены в настоящее время полной убедительности. Но они, вероятно, подтвердили бы то общее положение, что в борьбе с государственной опасностью, заключающейся в постепенном захвате все большей и большей доли нашего ввоза Германией, экономическое сближение с союзниками представляется в высшей степени ценным: желательность предоставления, в интересах этой борьбы, преференциальных прав союзному ввозу могла бы быть вознаграждена ими посредством преференциальных пошлин на предметы нашего вывоза. Поэтому, с точки зрения наших государственных интересов, надо всячески поддерживать обнаруживающиеся в союзных странах течения в пользу сближения на экономической почве и постараться их использовать.

Министерство иностранных дел полагает, что мысль о преференциальных пошлинах в торговом обмене союзников, несовместимая с предоставлением наибольшего благоприятствования Германии, может и должна сочетаться с автономией нашего тарифа. Будущий наш торгово-политический порядок для достижения указанных выше задач мог бы быть построен следующим образом. Россия установит у себя автономный таможенный тариф, исходящий из мысли о планомерном и последовательном развитии всех наших производительных сил. Для тех товаров, ввоз которых по тем или иным соображениям будет признан желательным или необходимым, из этого автономного тарифа будет производиться известное процентное понижение в пользу союзников, оплачиваемое соответствующими процентными понижениями тарифа по нашему ввозу в союзных странах. Самая ставка останется не закрепленной, и мы в праве будем автономно ее изменять, сохраняя лишь установленное процентное с нее понижение в пользу союзников. Такая система тарифа известна под именем «преференциальной торговли», и она действует в настоящее время между Англией и некоторыми ее автономными колониями. Именно об этой системе и думают теперь в Англии, когда говорят о преференциальной торговле с союзниками и колониями. Она сочетает автономию тарифа с известными льготами в пользу союзников, и в ней, по мнению Министерства иностранных дел, Россия нашла бы наилучшую форму достижения целей своей будущей внешней торговой политики.

При оценке возможности осуществления этой системы, существенное значение имеет вопрос об отношениях союзников к третьим, ныне нейтральным, державам. С формальной точки зрения, по-видимому, ни одна из союзных стран не встретит в сво-

их торговых договорах с ними препятствий к установлению взаимно-преференциального таможенного обложения, ибо, насколько можно судить по материалам, находившимся в распоряжении Министерства иностранных дел, все эти договоры могут быть в ближайший срок денонсированы. Важнее существо отношений. Трудно, конечно, предсказать, решится ли та или другая союзная держава установить в ущерб третьим странам, например, Американским Соединенным Штатам, неравенство обложения ввоза. Но совершенно ясно, что в Англии отдают себе отчет в неизбежности этого при установлении преференциальной торговли, хотя бы только с автономными колониями, конкурирующими с Соединенными Штатами по ввозу в Англию земледельческих произведений. С другой стороны, и при наличности более тесных отношений между союзниками, возможны, конечно, известные уговоры их с третьими странами, на одобренных всеми союзниками условиях.

Высказывая изложенные выше соображения по основному вопросу переданной на заключение ведомства программы, Министерство иностранных дел отнюдь не имеет в виду защищать их при любых условиях. Быть может, обстоятельства сложатся так, что осуществление высказанных им пожеланий будет представляться невыгодным. Оно полагает лишь, что в настоящее время в интересах России всемерно поддерживать мысль об экономической коалиции союзников и что надлежало бы поручить российским делегатам на Парижской конференции выяснить с возможной полнотой, хотя бы и путем неофициальных бесед, ближайшие условия осуществления этой мысли и высказать готовность императорского правительства с полным вниманием и сочувствием принять участие в разработке оснований экономического сближения борющихся с Германией государств.

3

Запрещения и ограничения по ввозу и вывозу товаров и, в частности, по экспорту продуктов нашего животноводства (санитарно-ветеринарные меры)

4

Транзит товаров

Соображениями общего порядка, которые развиты выше под п. 2 отдела III программы, касательно принципиальных оснований нашей будущей внешней торговой политики, естественно, не исчерпывается этот вопрос во всей его полноте. Найти правильный путь нашей будущей торговой политики — значит разрешить совокупность множества частных вопросов. Защищаемая Министерством иностранных дел в настоящее время система автономного тарифа с преференциальным процентным понижением, на началах взаимности, автономных ставок тарифа в пользу союзников представляет собой лишь общую форму, и в нее должно быть вложено определенное содержание. Это содержание даст разумное понимание стоящей перед нашим отечеством задачи развития производительных сил страны. России нужно поднятие ее сельскохозяйственного промысла, рост существующей добывающей и обрабатывающей промышленности и насаждение тех видов ее, которых мы до сих пор не создали. Ей необходимо усовершенствование существующих основ торговли и приспособление ее к современному уровню. Достиже-

ние всех этих целей требует со стороны правительственной власти учета правильной во времени последовательности мер для развития нашей производительности и справедливой оценки каждой из них в данную определенную минуту, сообразно которой надо будет решаться принести в жертву какую-либо одну частную задачу ради достижения другой, в данное время более важной с тем, чтобы вернуться к первой, как только достигнута будет вторая. Было бы совершенно бесполезным до тех пор, пока окончательно не установлена система нашей будущей торговой политики, входить в обсуждение всех тех частных мер, из которых она будет слагаться. Министерство иностранных дел считает долгом лишь отметить, что система торговой политики, которую оно при данных условиях считает для России наиболее выгодной, обеспечивает, по его мнению, необходимую свободу в выборе средств для развития нашего производства и сделает нашу политику достаточно гибкой и подвижной.

В распоряжении всякой страны есть несколько основных средств воздействия на внешнюю торговлю: обложение ввоза или освобождение его от обложения, запрет ввоза, обложение вывоза или освобождение его от обложения, запрет вывоза, обложение транзита или освобождение его от обложения, запрет транзита. Оставляя в стороне другие пути нормировки обмена, о которых частью речь идет ниже, и останавливаясь на перечисленных выше, следует указать, что к каждому из этих последних можно будет свободно прибегать в случае осуществления защищаемой Министерством иностранных дел системы.

Можно сослаться на несколько примеров. Нет сомнения, что к числу наиболее важных частных вопросов нашей торговой политики относится вопрос о вывозе из России кормовых средств. Не считая себя вправе, без предварительного выяснения взглядов наиболее заинтересованных ведомств, решительно высказаться по этому предмету, Министерство иностранных дел, при имеющихся в распоряжении его данных, полагает, что в интересах русского сельского хозяйства всемерно бороться с вывозом кормовых средств. Какую бы из двух мер мы не приняли с этой целью, запрет ли вывоза или его высокое обложение, обе меры совершенно совместимы с автономно-преференциальным тарифом. Аграрное покровительство Германии, закрепленное последним торговым договором, извлекало из России в ущерб русскому скотоводству, во все возраставших количествах, отруби, жмыхи и кормовой ячмень. С прекращением прежних экономических связей с Германией мы достигнем полной возможности сами использовать наши корма. Конечно, ни Англия, ни другие союзники не наложат на нас тех ограничений, которые связывали Россию в этом вопросе по-прежнему договору с Германией: уже одно то, что экспорт в эти страны кормовых средств доселе был сравнительно невелик, служит в этом отношении гарантией. Союзники легче, чем Германия, с ее совершенно иным, чисто искусственным экономическим укладом, помирятся с отсутствием у них наших кормов, раз вывоз таковых мы признаем для себя невыгодным.

Далее, если, сохранив дома наши кормовые средства, мы — в чем нельзя сомневаться — поднимем уровень нашего скотоводства и окажемся в состоянии использовать, при наличности преференциальных пошлин, для широкого вывоза на английский рынок и рынки других союзников, то мы не встретимся там с той сознательной торгово-политической «шиканой», какой были в наших отношениях к Германии санитарно-ветеринарные меры. Насколько министерству известно, мы не сталкивались в нашем вывозе продуктов скотоводства в ныне союзные страны с теми, подчас унизительными, затруднениями, которые сопровождали наш вывоз свиней в Германию при действии преж-

них трактатов. Оно и понятно: Англия не была страной аграрного протекционизма и, что еще важнее, не станет таковой в будущем, между тем как предстоящее неизбежное усиление аграрного протекционизма Германии после войны, конечно, отразится и на нашем вывозе скота.

В подобных же условиях, вероятно, ставился бы и разрешился, при защищаемой Министерством иностранных дел системе, и вопрос о вывозе наших лесных богатств. Мы не связаны были бы, как ныне, искусственным, вызываемым германским трактатом, вывозом необработанного леса и могли бы развить его обработку у себя. Союзные страны едва ли с той же энергией, как Германия, будут ставить нам при этом условия, ограничивающие возможность принятия необходимых мер для развития нашего лесного дела. Залогом тому являются, конечно, не одни соображения политической близости, которые сами по себе экономических вопросов не решают, но, опять-таки, различия экономического уклада Германии и союзных стран.

Обращаясь к условиям ввоза, министерство полагает, что в заботах о развитии нашей промышленности мы должны будем в течение некоторого времени пользоваться ввозом иностранных фабрикатов, так известного рода машин и станков, а равно, весьма вероятно, в известных пределах, полуфабрикатов и сырья. Лишь процентное преференциальное понижение автономных тарифных ставок в пользу союзников даст возможность, повышая или понижая в любой момент основные ставки, точно регулировать этот ввоз и в тоже время достигать основной задачи освобождения нашего рынка от вредного господства Германии.

Наконец, и в области транзита — как бы ограниченно ни было вообще значение его нормировки — осуществление автономно-преференциального тарифа даст нам свободу действий во всех тех случаях, когда это может быть полезно. Нельзя не отметить, что главный вопрос, который возникает в этой связи, — а именно о закавказском транзите — едва ли может служить предметом обсуждения на Парижском совещании. Он тесно связан с чисто политической стороной Персидского вопроса, а все политические вопросы исключены из программы предстоящей конференции.

5

Таможенные обрядности

Министерство иностранных дел может отнестись только с полным сочувствием ко всякого рода мерам, направленным к взаимному облегчению таможенных обрядностей в отношениях между союзниками.

В будущем, если окажется возможным осуществить защищаемую Министерством иностранных дел систему автономно-преференциального тарифа, приобретет большое практическое значение технически сложный вопрос о применении системы свидетельств о происхождении товаров. Нельзя скрывать от себя всех трудностей правильной постановки этой системы, но, по мнению Министерства иностранных дел, эти трудности сами по себе не могут иметь решающего значения при выборе направления нашей будущей торговой политики, а лишь ставят задачу изыскания технических путей и средств к устранению по возможности тех неудобств, которые связаны с удостоверением происхождения товаров. Обмен в Париже мнениями по этому предмету представляется, конечно, желательным.

6

Ограждение промышленной собственности (привилегии, торговые знаки и т.д.)

Не предрешая ближайших подробностей пересмотра существующих наших правил о промышленной собственности иностранных подданных в России, Министерство иностранных дел полагает, что будущая наша политика в этом вопросе должна была бы быть согласована с той основной системой, которая будет определять наши экономические отношения к иностранным государствам. Соответственно сему могло бы быть установлено разное отношение к промышленной собственности союзных и неприятельских подданных. Обмен мнений по этому вопросу на Парижской экономической конференции нельзя не признать весьма желательным.

7

Льготы по отношению к торговому мореплаванию

В видах развития экономических связей с союзниками, существенное значение имели бы не столько сами по себе льготы по отношению к торговому мореплаванию в отдельных союзных странах, сколько установление постоянных и непосредственных пароходных сообщений между этими странами. Прямой морской транспорт должен быть организован так, чтобы всемерно облегчить проведение в жизнь начал преференциальной торговли. Чем лучше поставлен будет этот транспорт, тем меньше будет ощущаться русским народным хозяйством отказ в будущем от более дешевых германских товаров и тем легче наладится наш вывоз к союзникам. Морские перевозки должны быть улучшены не только количественно, но и качественно, в смысле облегчения условий перевозки введением, например, прямых документов по перевозке и другими средствами.

Соответственно основным задачам будущей торговой политики было бы крайне желательно по возможности избегать в будущем услуг германского торгового флота. Отказ от наибольшего благоприятствования в отношениях к Германии даст возможность соответствующим образом дифференцировать обложение торгового мореплавания и тем затруднить пользование ее торговыми судами для морских перевозок.

Настоящий вопрос, по-видимому, относится к числу тех, обсуждение которых в настоящее время не может не оставаться в чисто академических рамках.

8

Железнодорожные тарифы

Министерство иностранных дел полагает, что изложенные выше, под п. 2 отдела III, соображения относительно основных задач нашей торговой политики, должны существенным образом отражаться и на будущей программе нашего железнодорожного тарифного законодательства. Железнодорожные тарифы и у нас, и в других странах уже давно служат в руках правительства средством для достижения определенных целей экономической политики, как внутренней, так и внешней. В последнем отношении они находятся обыкновенно в зависимости от той или иной системы таможенного обложения и даже становятся предметом договорных соглашений с иностранными

государствами. Они представляют вспомогательный к таможенному обложению путь воздействия на международную торговлю, облегчая или затрудняя ввоз в страну известных товаров или вывоз их, преследуя, сверх того, и другие задачи, как-то: поощрение развития отечественных портов, установление прямых заграничных сообщений сухопутных и морских и т.д.

Совершенно понятно при таких условиях, что только когда определятся основания нашей таможенной политики послевоенного времени, можно будет в зависимости от них установить и новые русские железнодорожные тарифы по международной торговле. В настоящую минуту достаточно в самых общих чертах указать, как намеченная выше программа нашей будущей экономической политики, основанная на мысли об освобождении России от главенствующего влияния германской торговли и об утверждении самостоятельного развития наших производительных сил путем сближения с союзниками, может отразиться на постановке железнодорожных тарифных вопросов.

Министерство иностранных дел полагает, что задача борьбы России с германским экономическим засильем требует отказа от восстановления в силе установленной торговым договором с Германией 1894 и 1904 гг.[5] системы «тарифного равенства», фактически ограничивавшего возможность противодействовать путем железнодорожных тарифных мероприятий массовому проникновению к нам германских товаров. Как известно, ст. 19 германского договора устанавливала начало тарифного равенства подданных каждой из договаривающихся сторон с туземными подданными при пользовании железными дорогами для перевозки грузов. При кажущейся справедливости этого начала, оно скрывало в себе средство искусственного поощрения доступа к нам германских товаров, далеко не вознаграждаемого льготами для русского экспорта в Германию. Различие в высоте ставок железнодорожного тарифа обеих сторон и разница в расстояниях, пробегаемых товаром одной страны в пределах другой, обусловленная разной площадью их территорий, приводили к тому, что жертвы, возложенные на нас правилом, провозглашенным в ст. 19 германского торгового договора, не могли считаться достаточно оплаченными жертвами, возлагавшимися на Германию.

Равным образом установленный протоколом к указанной статье договора тариф прямого сообщения от русских железнодорожных станций до германских портов на Балтийском море (Данциг, Кенигсберг и Мемель) для перевозок зернового хлеба, льна и пеньки, исчисляемый во всю длину пути и в германской его части по русскому льготному вывозному тарифу, как в направлении на Ригу и Либаву, едва ли был выгоден. Он ставил, конечно, названные важные продукты нашего вывоза в некоторое привилегированное положение, позволяя им проникать на германские рынки по удешевленному тарифу. Однако выгоды эти значительно ослаблялись тем, что для пользования настоящими льготами требовалась для хлеба, например, дальнейшая перегрузка его на суда, или же на подводы или в склад, и тем, что при последующей перевозке по железной дороге в глубь Германии всякие льготы прекращались. В отношении же льна в Германии имелись в различных местах, для поощрения туземной культуры, особые пониженные тарифы, парализовавшие действие указанных льгот русскому льну. В таком же положении находилась и перевозка нашего леса. Если, однако, даже допустить, что русские экспортеры и получали некоторые выгоды от указанного положения вопроса, то вред, который наносился этим искусственным поощрением торговли названных германских портов развитию наших балтийских портов и, следовательно, нашему судоходству в этом море, с общегосударственной точки зрения превышал изъясненные выгоды.

Установленная договором с Германией система железнодорожных тарифов тесно связана была, конечно, с общим характером наших экономических отношений с этой страной до войны. Если для освобождения России от германского экономического влияния правительство признает желательным вступить на путь установления более тесных торговых связей с нашими нынешними союзниками, то в железнодорожных тарифах оно найдет немаловажное средство для укрепления этих связей. Экономическое совещание союзников в Париже едва ли, однако, может сколько-нибудь подробно обсудить вопрос за невыясненностью пока многих элементов задачи. Только если на этом совещании обнаружится некоторое единство взглядов союзников на выбор той или иной общей таможенной политики в отношении Германии, возможно будет перейти к выяснению, хотя бы и в общих чертах, будущей системы железнодорожных тарифов для нашей внешней импортной и экспортной торговли, в частности обсудить, в какой мере действующие сейчас наши льготные тарифы прямого заграничного сообщения удовлетворяют потребностям новых условий нашей торговли, и не следует ли облегчить при помощи пересмотренных железнодорожных тарифов прямой обмен между Россией и союзными странами.

9

Почтово-телеграфные тарифы

Соображения, изложенные выше по пп. 7 и 8, соответственным образом применимы и к настоящему вопросу: основной программе экономического сближения союзных стран должно отвечать возможное облегчение их почтово-телеграфных сношений. Министерство иностранных дел затрудняется указать, какие меры надлежало бы осуществить в России и в союзных странах с указанной целью, не ознакомившись с заключением Главного управления почт и телеграфов.

10

Маловесные посылки

Обмен маловесными посылками представляет собой форму международной торговли, отличительные особенности которой обусловлены специальными правилами конвенции всемирной почтовый унии. Нет сомнения, маловесные посылки для целого ряда товаров существенно облегчают условия международного оборота, предоставляя в распоряжение торговли развитой и прекрасно действующий аппарат международной почтовой службы. В этом смысле для утверждения после войны наших экономических связей с союзными государствами маловесные посылки представляют, конечно, полезное орудие. Но вместе с тем постановления почтовой унии в будущем затрудняют всякие ограничительные меры в отношении германской торговли, поскольку эта торговля будет происходить в форме обмена маловесных посылок. По силе ст. 14 Римской конвенции 1906 года[6] доступ в страну этих посылок может быть прекращен только в том случае, если посылки содержат в себе взрывчатые вещества, письма, предметы, ввоз которых воспрещен, и золото и драгоценности, а по силе ст. 2 транзит маловесных посылок, безусловно, свободен. И первое, и второе правила могут представить большие неудобства.

При существовании конвенции мы не вправе прекратить доступ к нам маловесных посылок из любых стран, входящих в почтовую унию, — а таковыми являются все государства, — не запретив общим образом ввоза известных предметов. Вместе с тем мы не вправе запретить транзит маловесных посылок, хотя бы и в те направления, по которым общий транзит запрещен.

Неблагоприятные последствия второго из сказанных правил обнаружились еще до войны в вопросе о транзите маловесных посылок в Персию через Закавказье. При помощи этих посылок западноевропейские страны обходили наш запрет транзита в Персию. Но в транзите принимали участие многие западноевропейские страны и, наряду с Германией, наши нынешние союзники. Уже из этого одного ясно, что судьба транзита маловесных посылок в Персию не есть подходящая тема для Парижского съезда союзников. Первый более общий вопрос о стеснительности для нас правил о маловесных посылках, с точки зрения будущей экономической борьбы с Германией, также едва ли может быть поставлен с особой пользой на Парижской конференции. Если о нем говорилось в некоторых французских предположениях касательно экономического сближения союзников, то исключительно с целью облегчения обмена маловесными посылками между союзниками. Всякие наши пожелания о стеснении свободы этого обмена мало отвечали бы таким пожеланиям. Быть может, допустимо лишь в самой общей форме объяснится с союзными государствами касательно дополнения мер борьбы с Германией исключением ее из договорного обмена маловесными посылками путем невозобновления в будущем на прежних условиях связывающей все державы конвенции об этих посылках. Однако Министерство иностранных дел не решается высказаться за целесообразность даже столь общих объяснений, не ознакомившись предварительно с заключениями Главного управления почт и телеграфов, которое одно может судить, в каких пределах допустим пересмотр нынешних оснований международного почтового обмена. Во всяком случае, не следует упускать из виду, что решение вопроса может быть достигнуто лишь в общем порядке пересмотра почтовой унии, установленном ст. 25 основной Римской конвенции, и что только в такой связи указанные и всякие иные наши пожелания о маловесных посылках могут быть выяснены в окончательной форме.

11

Меры к привлечению иностранных капиталов

По вопросу о привлечении в Россию иностранных капиталов после войны Министерство иностранных дел не может не сочувствовать тем мерам, которые признано будет возможным принять для наиболее широкого и обильного притока в страну разумно расходуемых денег.

Одной из коренных причин слабого развития нашей промышленности нельзя не признать скудость капиталов в стране и отсутствие предприимчивости у их хозяев. Причины последнего явления крайне многочисленны и сложны, и разбор их не относится непосредственно к вопросу о капиталах иностранных.

Однако некоторые из неблагоприятных причин, влияющих на помещение в России капиталов в промышленные предприятия, одинаково касаются всех таковых капиталов, какое бы ни было их происхождение. В России, вследствие обилия праздничных дней, рабочий год короче, чем в любой другой европейской стране и, следовательно,

всякая машина за 12-месячный период обречена на меньшую производительность, и затраченные на нее деньги должны приносить меньший доход; это обстоятельство отчасти компенсировалось до настоящей войны низким уровнем заработной платы, однако в настоящее время, вследствие всеобщей дороговизны и постепенных повышений оплаты труда, цены на рабочие руки повсеместно возросли, и едва ли после войны можно будет ожидать их понижения. С другой стороны, в России как частые изменения в законодательстве, так и колебания административных мероприятий различных ведомств, а подчас и противоречивость их, создают крайнюю неустойчивость в условиях работы.

Причины таких явлений кроются очень глубоко и связаны с отсутствием в воспитании русского юношества развития уважения к труду; во всяком случае, устранение их находится далеко вне круга деятельности Министерства иностранных дел, но при обсуждении вопроса о привлечении в Россию иностранных капиталов нельзя не обратить внимание на то, что таких неблагоприятных условий для успешной работы капитала в настоящее время очень много, и что до устранения их едва ли можно ожидать прилива к нам иностранных капиталов, готовых работать в привычных для них условиях планомерной и спокойной работы при невысокой доходности, а именно такая работа была бы для страны неизмеримо полезнее, чем всякие попытки со стороны мало солидных финансовых деятелей создать непрочные дела, переходящие после недолгого блестящего периода в другие руки.

Желательно было бы создать такие условия, при которых, наоборот, наиболее солидные, не только денежные, но и духовные капиталы наших теперешних союзников нашли бы себе применение у нас и содействовали бы экономическому расцвету России. Само собою разумеется, что их следует направить на переработку нашего сырья в самой стране, отнюдь не допуская их к вывозу сырья из России, но разработка соответственных мер целиком входит в круг деятельности других ведомств, а не Министерства иностранных дел.

Какие в этом отношении надлежало бы сделать изменения в существующем законодательстве об акционерных предприятиях, затруднительно было бы наметить в настоящее время и без предварительного пересмотра действующих положений подлежащими правительственными органами; с точки зрения Министерства иностранных дел, желательно было бы освободить эти законоположения от всяких ограничений, не вызываемых действительной необходимостью.

12

Меры, содействующие товарообмену и облегчению сношений между союзными державами

Признавая принципиально желательным облегчить приток в Россию заграничных денег, нельзя не высказаться против сохранения нашей действующей паспортной системы в настоящем ее виде. Правда, во время настоящей войны Великобритания и Франция ввели ее у себя и применяют ее с неослабной строгостью, но ограничительная и стеснительная мера, примененная в минуту национальной опасности и при крайне стесненном международном обмене, к тому же в значительной степени сосредоточенном в руках правительства, не может никак быть признана отвечающей ус-

ловиям мирного времени и широкого обмена. Стеснения, задержки и затруднения, создаваемые паспортной системой для добросовестных путешественников, настолько очевидны, что не стоит на них останавливаться; практика показала, что лица недобросовестные или желающие скрыть свою личность без затруднений добывают себе поддельные документы. Поэтому крайне было бы желательно, с точки зрения международного обмена, теперь же войти в рассмотрение вопроса о соответствии паспортов тем целям, которые преследовались их установлением, и представилось ли бы возможным совершенно их упразднить.

В отношении других мер, могущих облегчить товарообмен между Россией и другими странами, как то: устройство выставок, музеев для образцов, изменения законодательства о торговых посредниках, распространения сведений о русских товарах за границей и т.д., Министерство иностранных дел всецело приветствовало бы развитие таких мероприятий и готово всячески содействовать Министерству торговли и промышленности для осуществления их в других странах через подведомственные ему органы.

13

Меры по закреплению после войны дружественных и нейтральных рынков за продуктами союзных держав

По последнему пункту едва ли могут быть в данное время намечены какие бы то ни было предположения; вопрос о борьбе за дружественные и нейтральные рынки между товарами наших и союзных с нами держав, с одной стороны, и товарами неприятельских государств, с другой, может обрисоваться, хотя бы даже в общих чертах, лишь после предварительного обмена мнений с нашими союзниками. При ограниченности сухопутной границы нашей с нейтральными странами в Европе, успешность закрепления за ними иностранных рынков тесно связана с развитием нашего торгового флота.

Ф. 323, оп. 617, д. 42, л. 32–94. Подлинник. Рус. яз.

[1] Подпись С.Д. Сазонова на записке отсутствует.

[2] Союзническая конференция по экономическим вопросам состоялась в Париже в июне 1916 г. На конференции было принято решение о создании в Париже при французском военном ведомстве постоянного Союзнического комитета с участием представителей России, Великобритании, Франции, Италии и Сербии. Приоритетным направлением деятельности новой организации должна была стать выработка мер по воздействию на противника экономическими методами. Однако замысел держав Антанты не воплотился в жизнь. — См. док. № 233, а также ф. 134, оп. 473, д. 144.

[3] В соответствии с Указом от 15/28 ноября 1914 г. о некоторых мероприятиях, вызванных военным временем, запрещалась выдача или пересылка денег, бумаг и драгоценных металлов находящимися не в России неприятельским подданным и предприятиям. — См.: Собрание узаконений. 19 ноября 1914 г. — № 316. — Отдел первый. — Ст. 2923. — С. 4267–4268.

[4] Представляется естественным, что каждое из союзных правительств должно защищать требование о возмещении вызванных неприятелем убытков лишь своих подданных, но оно может оказать содействие определению размеров убытков союзных подданных, пребывающих в его стране. (Прим. документа).

[5] Имеются в виду договор о торговле и мореплавании между Россией и Германией от 29 января/10 февраля 1894 г. и дополнительная конвенция от 15/28 июля 1904 г. к этому договору. — См.: ПСЗРИ. — 3-е изд. — № 10409. — № 25810.

[6] Речь идет об Универсальной почтовой конвенции от 26 мая 1906 г., принятой на 6-м конгрессе Международного почтового союза в Риме.

28. ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИИ О СОХРАНЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ БЕЛЬГИЙСКОГО КОНГО

16/29 апреля 1916 г.

Секретная телеграмма временного поверенного в делах России в Бельгии В.И. Гука министру иностранных дел С.Д. Сазонову

№ 38 *Гавр, 16/29 апреля 1916 г.*

В ответ на Вашу телеграмму № 1577[1].

Сегодня пополудни я вручил бельгийскому министру иностранных дел ноту следующего содержания: «Французский посланник сообщил мне, что представил сегодня Вашему превосходительству заявление правительства республики относительно сохранения территориальной целостности Бельгийского Конго и выплаты этой колонии особого возмещения за ущерб, нанесенный ей в ходе войны. В соответствии с предписаниями министра иностранных дел я имею честь довести до сведения Вашего превосходительства, что императорское правительство присоединяется к этому заявлению, составленному в ниже следующих выражениях: «Принимая во внимание, с одной стороны, франко-бельгийские соглашения от 23–24 апреля 1804 г., от 24, 5 февраля 1895 г. и от 23 декабря 1908 г.[2], с другой стороны, заявление о присоединении к врученной бельгийскому правительству 19 сентября 1914 г. ноте великобританского посланника по поводу Конго, а также заявление держав — гарантов независимости и нейтралитета Бельгии от 14 февраля 1916 г.[3], — правительство Французской республики имеет заявить, что окажет поддержку королевскому правительству во время мирных переговоров с целью сохранения Бельгийского Конго в его нынешних территориальных пределах и обеспечения этой колонии особого возмещения за убытки, нанесенные ею в ходе войны».

Одновременно такую же по содержанию ноту вручил великобританский посланник. Итальянский посланник и японский поверенный в делах представили свои ноты, чтобы сообщить, что их правительства принимают французское заявление к сведению. Протокол, касающийся вручения нот, как и содержание заявления, будут переданы прессе в понедельник вечером.

Подписано: Гук

Ф. 151, оп. 482, д. 4312, л. 21. Копия. Фр. яз.
Перевод с французского.

[1] В телеграмме № 1577 от 4/17 апреля 1916 г. С.Д. Сазонов дал указание В.И. Гуку присоединиться к заявлению представителей Франции и Великобритании «касательно содействия к сохранению бельгийского Конго в нынешних пределах и к вознаграждению этой колонии за понесенные военные убытки». — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 574, л. 51.

[2] Так в документе. В издании «La Belgique et la guerre. IV. Histoire diplomatique. 1914–1918. Par Alfred de Ridder, directeur général au Ministère des affaires étrangères, membre de la Commission royale d'histoire» (Bruxelles, 1925, p. 202) опубликован текст французской декларации, к которой присоединились Россия и Англия, и текст декларации с ответом французскому представителю. В этой публикации указаны следующие даты франко-бельгийских соглашений: 23 и 24 апреля 1884 г., 5 февраля 1895 г. и 23 декабря 1908 г.

[3] См. док. № 24.

29. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ О МЕРАХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕРЕВОЗКИ ВОЕННЫХ ГРУЗОВ В РОССИЮ (ДЕКЛАРАЦИЯ И МЕМОРАНДУМ О СОГЛАШЕНИИ)

Лондон, 4 мая 1916 г. (н. ст.)
5 мая 1916 г. (н. ст.)

Декларация

Правительство его величества императора всероссийского и правительство его британского величества, желая создать благоприятные условия для транспортировки военных грузов в Россию, согласились использовать для этой цели процедуру, предусмотренную Меморандумом о соглашении, подписанном в Лондоне 4 мая 1916 г., оригинал которого прилагается к настоящей Декларации.

В удостоверении чего нижеподписавшиеся подписали настоящую Декларацию и приложили к ней свои печати.

Составлено в Лондоне в двух экземплярах, 5 мая 1916 г.

М.П. *Бенкендорф*
М.П. *Э. Грей*

Перевод с английского.

Меморандум о соглашении между Россией и Великобританией о мерах для обеспечения перевозки военных грузов в Россию[1]

4 мая 1916 г.

Количество грузов

1. Из общего количества грузов в 2 600 000 т, кои по подсчетам русского правительства могут быть выгружены в портах Белого моря в период времени с 1 мая 1916 г. по 1 мая 1917 г., следующее количество имеет быть перевезено британским правительством:

Боевые материалы

Из Соединенного Королевства . . . . . 500 000 *т*
Из Франции . . . . . 300 000 — « — [2]
Из СШ Северной Америки . . . . . 250 000 — « —

1 050 000 — « —

Уголь

Из Соединенного Королевства:
Британскими судами . . . . . 600 000 *т*
Русскими судами, возвращающимися, ... 950 000 — « —
с балластом . . . . . 350 000 — « —

Общий итог . . . . . 2 000 000 — « —

Время

2. Промежуток времени, в который это количество должно быть доставлено, может быть определено сроком в 25 недель, считая его с 15 мая (нов. ст.).

Порт

3. Единственный порт, на который можно рассчитывать — это Архангельск, но возможно, что удастся использовать в ограниченном размере Сороку и Кем.

Обязательства британского правительства

4. При условии, что русское правительство обязуется использовать все подходящие суда Русского добровольного флота только для цели перевозки во Владивосток или в порты Белого моря материалов, потребных для защиты страны, и кроме того, что все другие подходящие суда русского торгового флота, за исключением судов, эксплуатируемых на тех линиях, с необходимостью поддержки коих согласится британское правительство, будут реквизированы для той же цели и что фрахты, которые будут платиться за британский тоннаж, будут не ниже фрахтов, платимых за русский тоннаж, британское правительство предоставит необходимый тоннаж (примечание: английские суда должны быть дополнены некоторыми русскими пароходами, которые в прошлом году привозили уголь в Россию) для грузов, поименованных в пункте 1, при условии, что принятые меры для разгрузки судов в Архангельске сделают разгрузку быстрой и удобной. Доставка из Франции будет производиться компанией Гудзон-Бай, но британское правительство обязуется пополнить нужный тоннаж по мере надобности.

5. Британское правительство прикомандирует одного «главного морского транспортного офицера» с помощниками к главноначальствующему г. Архангельска и района Белого моря для помощи ему в отношении движения британских торговых судов в портах Белого моря. Главный морской транспортный офицер будет доводить до сведения главноначальствующего все, что он найдет необходимым в связи с вышеизложенным.

6. Нагрузка пароходов, возвращающихся из портов Белого моря, будет находиться под управлением вышеупомянутых представителей Британского адмиралтейства. Они будут направлять эти пароходы в соответствующие иностранные порты и будут уведомлять русские власти о том, в какой порт они адресованы.

Это даст возможность русским представителям в Лондонском международном комитете распределить в соответствующих иностранных портах грузы, которые должны быть готовы к перевозке в Россию. Само собой разумеется, что русские суда примут соответствующее участие в перевозке обратных грузов.

7. Британское адмиралтейство заключит контракты на: 1) разгрузку в Архангельске из трюма до борта реквизированных британским правительством пароходов (стивадорскую часть) штучных грузов боевых материалов. 2) Нагрузку в Архангельске реквизированных британским правительством пароходов и русских угольщиков штучными грузами для европейских портов.

Разгрузка угля в Архангельске будет организована русским правительством.

8. Британское адмиралтейство озаботится протралить и обставить свободный фарватер в Белом море.

Владивосток

9. Британское правительство обязуется зафрахтовать для русского правительства подходящие нейтральные суда, которые можно будет получить, для перевозки во Владивосток или порты Белого моря всех военных материалов, заказанных русским правительством в СШ Америки или Канаде, помимо фирмы Морган. Пароходы, которые будут зафрахтованы для Владивостока, будут предоставлены для упомянутых целей в полное распоряжение русского правительства. Ответственность за распределение и экономичное использование этого тоннажа остается на русском правительстве.

Обязательства русского правительства

10. Русское правительство обязуется принять все необходимые меры для перевозки и срочной отправки внутрь страны всех грузов, равно как и для быстрого оборота (разгрузка и нагрузка) и проводки судов в портах. Эти операции должны производиться днем и ночью. Все средства порта должны быть использованы полностью для этой цели, равно как и для нагрузки уходящих пароходов. Главноначальствующему будет поручена русским правительством забота об обеспечении необходимой рабочей силы. Русское правительство гарантирует достаточное количество рабочих рук, чтобы обеспечить порты Белого моря постоянной работой в полном объеме как днем, так и ночью.

11. Русское правительство примет все меры, чтобы таможенные формальности не препятствовали быстроте работ в портах, и по мере надобности будет отменять таможенный досмотр в портах разгрузки.

12. Русское правительство закроет для плавания следующий район Белого моря: к югу от линии Канин Нос-маяк Харлов, а также запретную 12-мильную полосу вдоль побережья Ледовитого океана, в особенности же около границы Норвегии и у Карских ворот. Только суда, получившие специальные разрешения от русского делегата в Международной комиссии в Лондон, действующего в согласии с Британским адмиралтейством, будут допущены в эти воды.

13. Русское правительство уже заключило контракт с судовладельцами относительно перевозок по системе водных путей и использует и все остальные баржи и буксиры, которые еще не взяты.

14. Русское правительство примет все меры для обеспечения железных дорог необходимым личным и подвижным составом.

15. Русское правительство примет все необходимые меры для устройства складов для грузов в наиболее удобных местах.

16. Русское правительство немедленно увеличит число кранов, устроит дополнительные склады и улучшит порты Сороку и Кем.

17. Русское правительство запретит ввоз в Белое море всех «частных» грузов, т.е. таких, которые не относятся к целям обороны. Особое Совещание при Морском министерстве будет, по соглашению с Русским правительственным комитетом в Лондоне (действующим, в свою очередь, в согласии с британским Адмиралтейством), следить в этом отношении за грузами.

18. Для грузов, идущих из Соединенного Королевства и С.А.С. Штатов, будет введена система цветных ярлыков.

19. Русское правительство улучшит ледокольную службу с тем, чтобы поддерживать навигацию в Белом море возможно дольше.

20. Британское адмиралтейство озаботится снабжением пароходов, идущих в Белое море из Англии, углем для кругового рейса. Пароходы, идущие из С. Америки, будут снабжаться углем для перехода из Америки в Белое море и оттуда в Англию, но русское правительство, в случаях необходимости, будет снабжать их углем для обратного пути, а также предоставит им соответствующие пристани для погрузки.

Сесил Ламберт
один из лордов — членов Комитета Адмиралтейства

Э. Гермониус
Генерал-лейт[енант],
и[мператорская] р[оссийская] а[рмия]

Ф. 163, оп. 3, д. 367, л. 2–9. Подлинник. Англ. яз. Л. 10–12 об. — перевод на рус. яз. Типограф. экз.

[1] На типографском экземпляре текста договора на русском и английском языках имеется гриф «весьма секретно». Перевод на русский язык был сделан в Морском генеральном штабе 9/22 мая 1916 г.

[2] Британское правительство пополнит лишь тоннаж, предоставляемый для сего компанией Гудзон-Бай (прим. документа).

30. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА РОССИИ В ШВЕЦИИ А.В. НЕКЛЮДОВА В МИД РОССИИ

№ 267 *30 апреля/13 мая 1916 г.*

Секретная телеграмма от посланника в Стокгольме

Стокгольм, 8 января 1915 г.[1] новый стиль. Императорское правительство мне поручило сделать Вашему превосходительству следующее сообщение: русское правительство получило сведения, что немецкий флот воспользуется будущим замерзанием залива у Аландских островов, чтоб занять Аландский архипелаг и пользоваться им как базой своих операций против побережий Финлядского залива, а также чтобы помешать торговым сношениям России и Швеции. Чтобы воспрепятствовать этому проекту нападения и чтоб обеспечить насколько возможно коммерческое мореплавание между

Россией и Швецией в Ботническом заливе, русские власти примут чрезвычайные меры для защиты Аландского архипелага. Императорское правительство считает своей обязанностью предупредить об этом королевское правительство, конечно, совершенно конфиденциально, особенно подчеркивая то обстоятельство, что все эти мероприятия будут носить характер исключительно оборонительный и только на время войны. Императорское правительство надеется, что если не взирая на полную тайну, в которой будут приняты эти мероприятия, они бы тем не менее бы распространялись, то королевское правительство приняло бы меры, чтоб успокоить общественное шведское мнение по поводу характера вышеуказанных мероприятий и исключительно оборонительных намерениях русского правительства[2].

Приветствия. Моя подпись.

(подпись) Неклюдов

На документе помета: «подлинное сообщение сделано тайн. сов. Неклюдовым 3/16 мая 1916 г. и вторично[3] вручена[4] А.В. Неклюдовым Валленбергу 9/22 мая».

Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 54. Копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 1, прим. 1 к записи от 26 апреля 1916 г., запись от 30 апреля 1916 г. и прим. 4, 5.

[2] В ответной ноте министра иностранных дел Швеции К. Валленберга посланнику России в Швеции А.В. Неклюдову от 5/18 мая 1916 г. говорилось: «Третьего дня Вы соблаговолили передать мне ноту, датированную 8 января 1915 г. и подписанную Вами. В этой ноте Вы подтверждаете, от имени императорского правительства, сделанные Вами в указанный день устные заявления. Само собой разумеется, что королевское правительство с удовольствием приняло это подтверждение. Оно приветствует в нем доброе предзнаменование для переговоров, которые оно надеется вскоре видеть благополучно завершенными по вопросу, в высшей степени интересующему Швецию, и первостепенное значение которого признается всем нашим народом. Повторные беседы, которые я имел честь вести с Вами по этому поводу, а также более последующие заверения, последовавшие за Вашими вышеупомянутыми заявлениями, позволяют нам считать, что императорское правительство полностью признает законность нашего желания добиться более удовлетворительного результата и что оно видит в таком решении действенное средство упрочить добрососедские отношения и взаимное доверие между обеими странами». — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 388, л. 104–105. Копия. Фр. яз.

[3] См. док. № 1, прим. 5 к записи от 30 апреля 1916 г., а также запись от 8 мая 1916 г.

[4] Так в документе.

31. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Петроград, 20 июня/3 июля 1916 г.

Императорское российское правительство и императорское японское правительство, решив объединить свои усилия для поддержания постоянного мира на Дальнем Востоке, уславливаются о нижеследующем.

Статья 1

Россия не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленном против Японии.

Япония не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленном против России.

Статья 2

В случае, если бы что-либо угрожало территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке одной из договаривающихся сторон, признанным другой договаривающейся стороной, Россия и Япония согласятся между собой относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты сказанных прав и интересов.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими правительствами, подписали сию конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Петрограде 20 июня/3 июля 1916 г., что соответствует третьему дню седьмого месяца пятого года Тайсе.

Сазонов
М.П.

И. Мотоно
М.П.

Ф. 163, оп. 3, д. 1759, л. 1–1 об. Подлинник. Фр. яз.
Опубл.: Собрание узаконений. 12 июля 1916. — Отдел первый. — Ст. 1579. – С. 1830.
Перевод с французского.

32. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ О СОЮЗЕ

Петроград, 20 июня/3 июля 1916 г.

Российское императорское правительство и японское императорское правительство, желая упрочить их откровенно дружеские отношения, основанные на секретных соглашениях между ними от 17/30 июля 1907 г., 21 июня/4 июля 1910 г.[1] и 25 июня/8 июля 1912 г.[2], пришли к согласию по следующим, призванным дополнить выше упомянутые соглашения, пунктам:

Статья I

Две высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют недопущения утверждения в Китае политического господства какой-либо державы, враждебной России или Японии, будут откровенно и честно объясняться друг с другом всякий раз, как того потребуют обстоятельства, и договариваться о мерах, которые следовало бы принять, чтобы не допустить утверждения подобного положения.

Статья II

В случае, если вследствие мер, принятых с общего согласия, как это предусмотрено в предыдущей статье, между одной из договаривающихся сторон и одной из третьих держав, обозначенных в предыдущей статье, вспыхнет война, — другая договаривающаяся

сторона, по просьбе своего союзника, придет ему на помощь, и на этот случай каждая из высоких договаривающихся сторон берет на себя обязательство не заключать мира без предварительного соглашения на сей счет с другой договаривающейся стороной.

Статья III

Условия, на которых одна из высоких договаривающихся сторон будет оказывать вооруженную помощь другой договаривающейся стороне, и средства, которыми сия помощь будет осуществляться, будут определяться надлежащими властями двух высоких договаривающихся сторон.

Статья IV

Вместе с тем, само собой разумеется, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет обязана оказывать своему союзнику вооруженную помощь, предусмотренную ст. II настоящего соглашения, если не заручится заверениями своих союзников относительно предоставления ей помощи, соответствующей серьезности предстоящего конфликта.

Статья V

Настоящее соглашение вступит в силу сразу же после его подписания и будет действовать до 1/14 июля 1921 г.

Если ни одна из высоких договаривающихся сторон за 12 месяцев до истечения этого срока не обнаружит намерения прекратить действие соглашения, оное останется действительным еще на один год, считая со дня, когда та или другая из высоких договаривающихся сторон его денонсирует.

Статья VI

Настоящее соглашение пребудет сугубо конфиденциальной договоренностью между высокими договаривающимися сторонами.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежащим образом уполномоченные своими правительствами, подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати.

Подписано в Петрограде 20 июня/3 июля 1916 г., что соответствует 3-му дню 7-го месяца 5-го года [правления] Тайсе.

Сазонов	*И. Мотоно*
М.П.	М.П.

Ф. 163, оп. 3, д. 1760, л. 1–2 об. Подлинник. Фр. яз.
Опубл.: Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). — М., 1927. – С. 191–192.
Перевод с французского.

[1] См. прим. 11 к док. № 10.

[2] Русско-японская конвенция, подписанная в С.-Петербурге, о разграничении влияния в Монголии. — См.: МОЭИ. — Т. XX. — Ч. 1. — С. 263.

33. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ ОБ АМЕРИКАНСКИХ ПОСТАВКАХ

Лондон, 14 июля 1916 г. (н. ст.)

Правительство его величества императора всероссийского и правительство его британского величества, желая обеспечить в Соединенных Штатах Америки лучшую координацию своих усилий и ускорить осуществление поставок материалов, необходимых для ведения войны по действующим контрактам, договорились о следующих условиях.

1. Начиная с даты настоящего соглашения, все новые заказы, которые должны оплачиваться из кредитов, предоставленных британским правительством, должны размещаться в Соединенных Штатах Русским заготовительным комитетом, в состав которого войдут два представителя британского правительства с правом одного голоса, причем ни один заказ не будет сделан комитетом до тех пор, пока в ходе консультаций между Русским комитетом в Лондоне и британским правительством не будет установлено, что требуемые материалы не могут быть получены из Соединенного Королевства или из Канады, или же не могут быть поставлены в соответствии с контрактами, уже заключенными британским правительством. С этой целью все заказы, требующие британского финансирования, должны, в первую очередь, передаваться русским правительством Русскому комитету в Лондоне, и если не имеется возможности получить необходимое в Соединенном Королевстве или в Канаде, Русский комитет в Лондоне связывается с казначейством его британского величества и получает от него письменную гарантию того, что требуемые средства имеются в наличии, перед тем, как просить комитет в Нью-Йорке разместить заказы в Соединенных Штатах. Русский заготовительный комитет в Соединенных Штатах будет использовать Дж.П. Моргана и К° для осуществления всех запросов и ведения переговоров с исполнителями заказов. Дж.П. Моргану и К° доверяется составление необходимых контрактов, выбор фирм, спецификации, доставка и все основные пункты контрактов, включая расценки, подлежащие определению комитета. Дж.П. Морган и К° будут получать указания непосредственно от комитета. Никакие переговоры, касающиеся размещения в Соединенных Штатах Америки заказов от имени русского правительства, не могут вестись без уведомления и согласия Русского комитета по снабжению.

2. В соответствии с общими намерениями, выраженными в пункте 3 параграфа 2 Устава, определяющего порядок работы Русского заготовительного комитета в Америке[1], будет незамедлительно создан специальный англо-русский подкомитет, состоящий из четырех членов, а именно председателя и одного из членов Русского комитета в Нью-Йорке, а также двух представителей британского правительства, обладающих вместе правом одного голоса.

Будучи в подчинении соответствующих правительств, данный подкомитет будет облечен Русским заготовительным комитетом высшей контрольной властью в отношении всех вопросов, касающихся исполнения заказов, ранее размещенных в Соединенных Штатах британским правительством для русского правительства, а также заказа, размещенного в компании «Canadian Car and Foundary», включая инспекцию осуществлённых в соответствии с ними поставок.

3. Любое лицо, чье участие будет сочтено полезным, может быть приглашено на заседание англо-русского подкомитета.

4. Каждый член англо-русского подкомитета будет иметь заместителя с правом действовать от его имени в случае его отсутствия по болезни или какой-либо иной причине.

5. Члены русских инспекционных групп, действуя по указанию своих соответствующих начальников и под общим контролем председателя Русского заготовительного комитета по согласованию с исполнителями контрактов будут иметь полную свободу действий в решении всех вопросов технического характера. Все вопросы, касающиеся толкования контрактов, предусматривающих финансовые обязательства со стороны британского правительства, должны обсуждаться с англо-русским подкомитетом и должны решаться при общем согласии.

6. Все решения англо-русского подкомитета будут докладываться Русскому заготовительному комитету, который будет незамедлительно давать необходимые указания тем, кого это касается.

7. Не допускаются никакие прямые переговоры между исполнителями контрактов и британским или русским правительством относительно заказов, находящихся в ведении англо-русского подкомитета. Все сообщения, отправляемые исполнителями контрактов британским или русским властям в Лондоне или Петрограде, должны пересылаться и рассматриваться англо-русским подкомитетом в Нью-Йорке.

8. Вышеперечисленные договоренности имеют пробный характер, и их действие может быть прекращено в любое время по письменному уведомлению одной из сторон.

Они могут быть изменены в любое время по взаимной договоренности.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати.

Составлено в Лондоне в двух экземплярах 14 июля 1916 года.

М.П. *Бенкендорф*
М.П. *Э. Грей*

Ф. 163, оп. 3, д. 369, л. 7–10. Подлинник. Англ. яз.
Перевод с английского.

[1] Русский заготовительный комитет в США функционировал с осени 1915 г., в его функции входили вопросы боевого и материального снабжения российской армии и флота.

34. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И РУМЫНИЕЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Бухарест, 4/17 августа 1916 г.

Политическое соглашение, подписанное 4/17 августа 1916 г. в Бухаресте представителями России, Франции, Великобритании и Италии, с одной стороны, и председателем Совета министров Румынии, с другой:

Нижеподписавшиеся:

1) г-н Станислав Поклевский-Козелл, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора всероссийского при его величестве короле Румынии;

2) граф Сент-Олэр, чрезвычайный посланник и полномочный министр Французской Республики при его величестве короле Румынии;

3) сэр Джордж Беркли, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества короля Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и заморских британских доминьонов, императора Индии при его величестве короле Румынии;

4) барон Фашотти, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества короля Италии при его величестве короле Румынии,

специально уполномоченные их правительствами, с одной стороны,

и г-н Йоан К. Братиану, председатель Совета министров Румынского королевства, представляющий румынское правительство, с другой стороны, условились о следующем:

1. Великобритания, Франция, Италия и Россия гарантируют неприкосновенность территории Румынского королевства на всем протяжении ее теперешних границ.

2. Румыния принимает на себя обязательство при условиях, предусмотренных военным соглашением, объявить войну Австро-Венгрии и напасть на нее; Румыния равно обязуется прервать со всеми врагами союзников как дипломатические, так и экономические сношения, а также прекратить и торговый обмен с ними.

3. Великобритания, Франция, Италия и Россия признают за Румынией право присоединения территорий Австро-Венгерской империи в границах, указанных параграфом 4.

4. Границы территорий, указанных в предыдущей статье, определяются следующим образом:

Пограничная линия начнется с Прута, с нынешней границы между Россией и Румынией, около Новоселицы, и поднимется по этой реке до границы Галиции и Буковины, до слияния Прута и Черемош. Затем она пойдет по границе Галиции и Буковины и по границе Галиции и Венгрии до Стога 1655. Отсюда она пойдет по линии водораздела между Тиссой и Визо до места соединения Тиссы с Визо. Линия границы на протяжении от Стога до слияния Тиссы и Визо будет окончательно установлена позднее смешанной русско-румынской комиссией, которая примет во внимание экономические интересы местного населения. Начиная с этого пункта, она спустится по течению Тиссы до слияния Тиссы и Самеш и пойдет далее в четырех километрах к северу от указанного слияния с присоединением к Румынии деревни Вазарос-Намени в юго-западном направлении до места, находящегося в шести километрах вправо от города Дебрецена. Отсюда она пойдет в том же направлении, минуя на расстоянии 3 километров к западу слияние Грикс, а затем пойдет к югу и, обогнув деревню Бакешам-сон на 3 километра к западу, соединится с Тиссой на высоте деревни Альджио (NN Сегедин). Отсюда граница спустится по Тиссе до ее впадения в Дунай и затем пойдет по течению Дуная до границы Румынии.

Румыния обязуется не возводить укреплений против Белграда в зоне, подлежащей последующему определению, и не иметь в этой зоне иных сил, кроме необходимых для несения полицейской службы.

Румынское королевское правительство обязуется возместить расходы тем сербам из области Банат, которые в течение двух лет со времени заключения мира захотели бы покинуть свои участки с тем, чтобы эмигрировать.

5. Великобритания, Франция, Италия и Россия, с одной стороны, и Румыния, — с другой, обязуются не заключать сепаратного мира как с Австро-Венгрией, так и со всякой иной враждебной державой, которой Румыния объявила бы войну, до тех пор,

пока указанные параграфом 4 и занятые союзниками или Румынией территории не будут присоединены к последней; что касается прочих территорий, упоминаемых тем же параграфом, названные державы гарантируют Румынии их присоединение к ней, поскольку это окажется возможным в связи с общим положением после войны.

6. Румыния будет пользоваться правами наравне с союзниками.

7. Договаривающиеся державы обязуются хранить настоящее соглашение в тайне впредь до заключения общего мира.

Составлено в Бухаресте в четырех экземплярах, 4/17 августа 1916 г.

Посланник России: *С.А. Поклевский-Козелл*
Посланник Франции: *Сент-Олэр*
Посланник Великобритании: *Дж. Беркли*
Посланник Италии: *Фашотти*
Председатель Совета министров Румынии: *Братиану*

Ф. 138, оп. 467, д. 623, л. 311–313. Копия. Фр. яз.
Опубл. частично: Царская Россия... — С. 224–225.
Перевод с французского.

35. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛИЕЙ ПО ВОПРОСУ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ПРОЛИВАХ (В ФОРМЕ ОБМЕНА ПАМЯТНЫМИ ЗАПИСКАМИ)

19 ноября / 2 декабря 1916 г.

1) Памятная записка посла России в Италии М.Н. Гирса министру иностранных дел Италии С. Соннино

№ 11(4) *Рим, 19 ноября / 2 декабря 1916 г.*

Ход событий приводит императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос–Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и ввиду стратегической необходимости часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекою Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Измитского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Италии в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться. Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно королевским правительством Италии. Упомянутое союзное правительство может быть уверено, что встретит со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у него по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам.

Как это известно королевскому правительству, тождественное сообщение было сделано — mutatis mutandis [с соответствующими изменениями] — петроградским кабинетом правительствам Великобритании и Франции в феврале месяце ст[арого] ст[иля] 1915 г.[1], и лондонский и парижский кабинеты выразили свое согласие в тождественных выражениях.

Печат. по: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 354–355.
Ф. 138, оп. 467, д. 629, л. 69. Копия. Фр. яз.

2) Памятная записка министра иностранных дел Италии С. Соннино российскому послу в Риме М.Н. Гирсу

№ 56165–230 *Рим, 19 ноября/2 декабря 1916 г.*

Итальянское королевское правительство дает свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Риме г-ном Соннино 19 ноября/2 декабря с. г. относительно Константинополя и Проливов при условии, чтобы война была доведена до победного конца, чтобы Италия осуществила свои стремления на Востоке и в других местах, как это сказано в русской памятной записке, и чтобы она пользовалась всеми выгодами, которые будут обеспечены Франции и Великобритании.

Печат. по: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 355.
Ф. 133, оп. 470, 1916 г., д. 130, л. 21. Копия. Фр. яз.[2]

[1] 15/28 ноября 1916 г. временный управляющий МИД А.А. Нератов направил М.Н. Гирсу секретную телеграмму, к которой приложил текст памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г. (док. № 12/1), ранее направленной российским послам во Франции и Англии для последующего вручения правительствам двух стран. В телеграмме А.А. Нератов указал на изменения, которые необходимо внести в текст памятной записки перед вручением министру иностранных дел Италии С. Соннино. — См.: Раздел Азиатской Турции. – С. 267–268.

[2] В деле имеется не совсем точный перевод записки на русский язык. — См.: Ф. 133, оп. 470, 1916 г., д. 130, л. 22.

36. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛИЕЙ О СОХРАНЕНИИ В СИЛЕ СОГЛАШЕНИЯ В РАККОНИДЖИ ОТ 11/24 ОКТЯБРЯ 1909 г.[1] (В ФОРМЕ ОБМЕНА ПИСЬМАМИ)

Телеграмма посла России в Италии М.Н. Гирса
временно-управляющему МИД А.А. Нератову

№ 807 *[Рим], 19 ноября / 2 декабря 1916 г.*

Ссылаюсь на мою телеграмму № 806[2] и на Вашу № 5060[3].

Вот текст моего письма на имя Соннино за № 115 и его ответного письма за № 56166, оба датированные сегодняшним днем, по вопросу о соглашении в Ракконидж: «Г-н министр (посол), ссылаясь на обмен нотами, который имел место сегодня между мною

и Вашим превосходительством относительно Константинополя и Проливов, честь имею подтвердить Вам по поручению моего правительства (в тексте Соннино: «от имени моего правительства»), что содержание этого документа «ни в чем не меняет духа соглашения Рокониджи от 11 октября 1909 г.

Примите и проч.».

Гирс

На документе помета Николая II: ?.
Печат. по: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 355.
Ф. 133, оп. 470, 1916 г., д. 95, т. 1, л. 120. Копия. Фр. яз.

[1] Соглашение в Раккониджи было заключено 11/24 октября 1909 г. путем обмена нотами между министрами иностранных дел России и Италии. Стороны обязались стремиться к сохранению статус-кво на Балканах, поддерживать «принцип национальности» в развитии Балканских государств; оговаривалось, что совместные действия против попыток иностранных держав установить господство в этом районе будут носить только дипломатический характер. Стороны обязались не заключать соглашений, касающихся Балканского п-ова, с третьей державой без участия другой стороны. Италия обязалась относиться благожелательно к интересам России в вопросе о Черноморских проливах; Россия — к интересам Италии в Триполитании и Киренаике.

[2] В телеграмме № 806 от 19 ноября/2 декабря 1916 г. М.Н. Гирс сообщил в МИД содержание памятной записки С. Соннино от 2 декабря № 56165–230 (док. № 35/2). — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 528, л. 73.

[3] В телеграмме № 5060 от 19 ноября/2 декабря 1916 г. А.А. Нератов сообщил о том, что считает приемлемой предлагаемую С. Соннино формулировку о сохранении в силе соглашения в Раккониджи. — См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 353.

37. СПРАВКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ

Ставка, 24 ноября 1916 г.

По инициативе английского правительства в Париже 1/14 и 3/16 ноября с.г. состоялись, одновременно с конференцией союзных армий в Шантильи, совещания министров Франции, Англии и Италии, которые — согласно английскому предложению — имеют быть продолжены в России, куда для этой цели должны прибыть уполномоченные на то представители означенных трех союзных держав и соответствующих армий. Задачей этих совещаний является установление политических и военных мероприятий, связанных с продолжением войны. Участие в совещаниях принимают лишь представители четырех главных союзных держав ввиду того, что установление общего плана военных действий, естественно, должно быть произведено теми государствами, которые держат в своих руках главные фронты; прочим участникам войны следует согласовать свои будущие военные действия с этим планом. Точно также и в отношении мероприятий политического характера, разработка основных начал их принадлежит великим европейским державам, участницам Лондонского соглашения (о незаключении сепаратного мира)[1].

На первом заседании политической конференции в Париже принимали участие: от Франции — Бриан и Лаказ, от Англии — Асквит, Ллойд-Джордж, от Италии — Каркана, а также английский, итальянский и русский послы в Париже; к этим лицам на втором

и последнем заседании конференции присоединились генералы Жоффр, Хейг и Порро и начальники союзнических военных миссий при французской Главной квартире.

На первом заседании Парижской политической конференции Ллойд Джордж в следующих выражениях формулировал английское предложение о перенесении союзнической конференции в Петроград:

1). Les trois Gouvernements — de France, d'Italie et de Grande-Bretagne s'engagent à prendre part à une conférence politique et militaire qui serait tenue en Russie dans le plus bref delai. Chaque Gouvernement en verra comme représentants à cette conférence des hommes d'état et des militaires d'un rang élevé ayant toute autorité pour parler au nom de leurs Gouvernements. 2) Le but de la conférence sera d'examiner la situation politique et militaire sous tous ses aspects et en particulier de fixer la nature et l'importance de l'effort militaire que les Alliés devront effectuer en Orient pendant l'année 1917. Le but de la conférence sera également d'estimer l'importance de l'appui qui devra être prêté par la France, l'Italie et la Grande-Bretagne à la Russie et à la Roumanie pour permettre à ces Puissances de mener à bien les operations qui auront été Decidees. 3) Les Gouvernements représentés à la présente conférence prendront un engagement de fournir dans toute la mesure du possible à leurs Alliés la totalité des fournitures militaires demandeé par la conférence qui se tiendra en Russie quand bien meme il devrait en résulter un certain retard dans l'équipement de leurs propres armées, et la Russie prendra de son côte l'engagement de se conformer aux décisions adoptées par cette conférence.

[1) Три правительства — Франции, Италии и Великобритании обязуются принять участие в политической и военной конференции, которая состоится в России в самое ближайшее время. Каждое правительство направит на конференцию в качестве представителей государственных и военных деятелей высокого ранга, уполномоченных выступать от имени своих правительств. 2) Цель конференции будет состоять во всестороннем изучении политической и военной ситуации, и, в частности, в определении характера и размеров военных усилий, которые должны предпринять союзники на Востоке в течение 1917 года. Равным образом целью конференции будет являться определение размеров помощи, которая должна быть оказана Францией, Италией и Великобританией России и Румынии, с тем чтобы дать этим державам возможность успешно завершить операции, о проведении которых будет принято решение. 3) Правительства, представленные на текущей конференции, возьмут на себя обязательство предоставить их союзникам в насколько возможно полном объеме, запрошенном конференцией в России, военное снаряжение, если бы даже это привело к определенной задержке в снабжении их собственных армий. Россия, со своей стороны, возьмет на себя обязательство сообразовываться с решениями, принятыми на этой конференции].

Излагая соображения о необходимости союзнической конференции в России, представители английского правительства высказали, что доказательством такой необходимости могут служить недостатки, обнаруженные в организации Салоникской экспедиции и факт, что великолепное наступление русских войск в Галиции остановилось вследствие отсутствия достаточно сильной артиллерии. Конференция должна выяснить главным образом потребность России в желаемых орудиях, в случае надобности Англия и Франция должны снабдить ее таковыми даже в ущерб собственным надобностям. С другой стороны, необходимо заручиться уверенностью, что Россия имеет надлежащий личный состав для использования сказанных орудий.

Согласно полученным до сего времени сведениями, для участия в союзнических совещаниях в Россию имеют прибыть нижеследующие лица:

1) От Франции: министр колоний (бывший председатель Совета министров и министр иностранных дел во время Балканской войны) Думерг, министр народного просвещения и изобретений Пенлеве, директор политических дел в Министерстве иностранных дел де-Маржери, генерал де Кастельно в сопровождении капитанов Камюс и де Кастельно, поручика Ла-Гюонэ и двух инженеров по части снабжения.

2) От Англии: по-видимому, — лорд Грей; может быть, Ллойд-Джордж, но вряд ли оба вместе (Ллойд-Джордж сказал нашему послу в Париже, что поедет в Россию лишь в том случае, если ему даны будут самые широкие полномочия относительно снабжения нас тяжелой артиллерией. Он желал, чтобы в Россию поехал также А. Тома, который, как известно, менее широко смотрит на вопрос снабжения России и главным образом старается доказать, что мы сами имеем возможность расширить производство предметов вооружения); один представитель английского казначейства, может быть, еще лорд Ревелсток как специалист по финансовым вопросам: генерал Робертсон, которого, быть может, заменит маршал Френч, коему в таком случае был бы придан в помощники генерал действительной службы.

3) От Италии: министр без портфеля Скиалоиа, начальник кабинета министра иностранных дел граф Альдобранди[2], начальник кабинета министра Скиалоиа, профессор Галанте, генерал Порро в сопровождении майора Кавалеро и капитана Сормани.

Что касается времени собрания конференции в России, то вопрос этот в настоящее время еще окончательно не вы[я]снен. Он осложняется происходящим ныне преобразованием английского кабинета и обострением положения в Греции, обсуждаемого в секретных заседаниях французских палат. 15/28 ноября лорд Грей заявил нашему послу в Лондоне, что конференция эта должна была бы закончиться ранее русских рождественских праздников. Русское правительство сообщило союзным державам, что для государя императора наиболее удобным сроком созыва являлась бы вторая половина русского декабря, но что его императорское величество готов принять союзных уполномоченных и ранее. Англичане настаивают на скорейшем собрании совещания в России[3].

Ф. 323, оп. 617, д. 44, л. 36–38. Подлинник. Рус. яз.

---

[1] См. док. № 15.

[2] Видимо, имеется в виду Альдрованди.

[3] Петроградская конференция представителей союзных держав — России, Великобритании, Франции и Италии — проходила с 19 января/1 февраля по 8/21 февраля 1917 г. Повестка дня включала в себя обсуждение вопросов о координации планов союзных держав по ведению войны в 1917 году, материально-техническом снабжении России различными видами вооружений, углем и необходимым железнодорожным оборудованием. Обсуждались также проблемы финансовых отношений. Союзники подтвердили свою решимость довести войну до победного завершения. — См.: В.А. Емец. Очерки внешней политики России. 1914–1917. — М., 1977. — С. 335–355. См. также док. № 40, 41, 45.

38. ЗАЯВЛЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.Н. ПОКРОВСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

2 декабря 1916 г.

Гг. члены Государственной думы,

Выступая перед вами вслед за моим назначением на должность министра иностранных дел, я, конечно, не имею возможности представить вам подробного очерка нынешнего политического положения.

Но я считаю себя обязанным незамедлительно поставить вас, с высочайшего соизволения его императорского величества, в известность об отношении русского правительства к тому шагу наших врагов, о котором вы осведомились из вчерашних агентских телеграмм[1].

Слова о мире, раздавшиеся из того лагеря, на котором лежит вся тяжесть ответственности за разожженный им небывалый в летописях истории мировой пожар, при всей их необычности, не были для союзников неожиданными.

За два с половиною года, что длится война, Германия не раз упоминала о мире. Она говорила о нем своим войскам и населению перед каждым долженствовавшим быть решающим военным предприятием. После каждого рассчитанного на внешний эффект военного успеха она пыталась нащупать почву для мира, то в ту, то в другую сторону, и широко обрабатывала в этом направлении печать нейтральных стран.

Все означенные попытки немцев встречали со стороны союзных держав спокойный и решительный отпор.

Ныне, изверившись в возможности пробить брешь в нашем незыблемом союзе, Германия выступает с официальным предложением начать мирные переговоры.

Для того, чтобы иметь возможность оценить это предложение, необходимо разобраться как в его сущности, так и в обстоятельствах, при которых оно сделано.

По существу, германское предложение не содержит никаких реальных указаний на характер того мира, о котором в нем говорится. Оно повторяет устаревшую легенду, что война была навязана центральным державам. Отмечается победоносность австро-германских войск и неодолимость их сопротивления. Предлагая затем приступить к переговорам о мире, центральные державы выражают убеждение, что предложения, которые имеют быть ими сделаны, обеспечат существование, честь и свободное развитие «их» народов и окажутся пригодными для восстановления прочного мира. Вот и все, что содержится в сообщении, за исключением угрозы продолжать войну до победоносного конца и переложить, в случае отказа, ответственность за продолжение кровопролития на нас и наших союзников.

В каких обстоятельствах делается германское предложение.

Вражеские войска опустошили и занимают Бельгию, Сербию, Черногорию, часть Франции, России и Румынии. Австро-германцы только что провозгласили мнимую самостоятельность части Польши и пытаются этим путем наложить руку на весь польский народ.

Для кого, кроме Германии, может быть выгодна подобная обстановка для начала мирных переговоров.

Но еще ярче обрисуются мотивы германского наступления, если принять во внимание внутреннее положение наших врагов.

Не говоря уже о противозаконной попытке принудить население русской Польши поднять оружие против собственного отечества, достаточно упомянуть о вводимой немцами всеобщей трудовой повинности, чтобы оценить всю тяжесть положения, в котором находятся наши враги.

Попытаться в последнюю минуту использовать свои временные территориальные захваты, пока не обнаружилась их внутренняя слабость, — вот истинный смысл выступления германцев. В случае неудачи, они используют отказ союзников пойти на мир внутри своих стран для поднятия слабеющего духа населения.

Но есть и другая безрассудная цель их выступления: в своем непонимании истинного духа, одушевляющего Россию, наши враги льстят себя тщетной надеждой, что у нас найдутся малодушные люди, которые хотя на минуту дадут себя обмануть лживыми предложениями. Этому не бывать. Сердце не дрогнет ни у одного русского. Напротив, с тем большим единением соберется вся Русь и станет стеной кругом своего верховного вождя, с начала войны провозгласившего, что «он не заключит мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей».

С тем большей энергией русское правительство будет стремиться к выполнению задач, заявленных среди вас в первый день возобновления наших занятий, а именно к положительной общей работе, как единственному верному средству для достижения близкой сердцу каждого из нас цели — конечному сокрушению врага. И русское правительство отвергает с негодованием мысль о самой возможности ныне прервать борьбу и дать тем Германии возможность воспользоваться последним случаем подчинить Европу своей гегемонии. Все уже принесенные неисчислимые жертвы были бы уничтожены преждевременным заключением мира с врагом, силы которого подорваны, но не обезврежены, и который ищет передышки под обманным лозунгом прочного мира.

В этом непоколебимом решении Россия находится в полнейшем единодушии со всеми своими доблестными союзниками. Все мы одинаково проникнуты жизненною для нас необходимостью довести войну до победоносного конца и не дадим остановить нас на этом пути никакими уловками наших врагов.

Ф. 138, оп. 467, д. 726, л. 3–3 об. Типограф. экз. Рус. яз.
Опубл.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание 11-е. Пятница, 2 декабря 1916 г. Стенографический отчет. — Петроград, 1916. — Стлб. 661–663.

[1] 12 декабря 1916 г. германское правительство обратилось к правительствам нейтральных государств, заявив о готовности начать мирные переговоры. 2/15 декабря министр иностранных дел Н.Н. Покровский от имени российского правительства отклонил это предложение. 12/25 декабря 1916 г. был издан приказ Николая II по армии и флоту, в котором подчеркивалась необходимость наращивать удары по врагу и довести войну до победного конца. В приказе также говорилось, что время для мирных переговоров еще не наступило. 30 декабря страны Антанты официально отвергли предложение германского правительства.

39. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.Н. ПОКРОВСКОГО С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕТРОГРАДСКОЙ И МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ

13/26 декабря 1916 г.[1]

Вчера министром иностранных дел были приняты представители петроградской и московской печати.

В беседе с ними Н.Н. Покровский высказал следующие соображения:

Неизменность курса внешней политики

Курс русской внешней политики останется прежний.

Никакие перемены в личном составе правительства не вносят ни изменений, ни колебаний в раз намеченное направление, по коему идет Россия согласно предначертаниям державного своего вождя.

Война ожесточенная и небывалая по размерам продолжается с прежним напряжением всех сил обеих борющихся сторон.

Мирные предложения

О том, как императорское правительство относится к выступлению неприятелей с предложением мира, последовавшему в минувший вторник, общество уже осведомлено из речи, которую произнес министр иностранных дел в Государственной думе 2-го текущего декабря[2]. В ней указано, что как содержание нового предложения, так и обстоятельства, при коих оно делается, не позволяют прийти к иному выводу, как тому, что германцы хотят использовать свои временные территориальные захваты, готовятся поднять слабеющий дух своего населения на случай отказа союзников и, наконец, не понимают истинного духа России, рассчитывая на возможность малодушия с нашей стороны.

Высказанное президентом Вильсоном пожелание относительно заключения мира[3] не меняет политической обстановки, созданной неискренним и бессодержательным предложением мира, сделанным Германией.

Мы отдаем справедливую дань человеколюбивым стремлениям президента Соединенных Штатов и вполне сознаем, насколько отражается война на интересах нейтральных, главным образом, из-за способа ее ведения врагами. Однако мы не может не иметь в виду, что американское предложение последовало почти одновременно с германским.

В теории германское предложение является мирным предложением, в действительности же это военное выступление, так как германское правительство, не указав никаких мирных условий в своей ноте, горделиво выставляет себя победителем. Вступление при таких условиях в мирные переговоры с Германией означало бы признание нами этого факта.

Мы же не побеждены и поэтому не можем этого признать.

В противодействие тщетной надежде германцев порукой окончания войны нам служит блестящая доблесть наших войск, закалившихся в горниле тяжелых испытаний, и за которыми стоит весь великий русский народ, который проникся одной мыслью о необходимости отстоять родную землю и свое будущее свободное развитие.

Крепость союзных уз

Другой залог и условие победы — это непоколебимая крепость союза, связующего нас с нашими соратниками.

На берегах Соммы и Марны, на вершинах Горицы, на македонском фронте они теснят общего врага, и Россия счастлива отдать их отваге и самопожертвованию дань своего восхищения. Каждый из нас знает, чем мы взаимно обязаны друг другу и как повелительно необходимо наше теснейшее единение для успеха общего дела.

Россия с непоколебимой твердостью будет биться рука об руку со своими союзниками до тех пор, пока враг не будет сломлен.

Но более того: и в эпоху мира Россия надеется поддерживать теснейшие отношения с теперешними друзьями.

Союз с Францией и Англией, расширенный присоединением к нему Италии, останется краеугольным камнем нашей внешней политики и после войны. Доказательством крепости уз, связующих ныне союзников, является соглашение о будущей судьбе Константинополя и Проливов, о котором говорил председатель Совета министров в своей думской декларации 19 ноября[4].

Дружное мирное сотрудничество со всеми нашими нынешними друзьями желательно в будущем и на экономической почве, причем начало такой работе уже положено на недавней междусоюзнической конференции в Париже, которая изучала способы освобождения от торгово-экономического германского засилья после войны, и решения которой построены на мысли о свободном дружественном сотрудничестве союзников.

Экономической гегемонии Германии должен быть положен предел также, как и ее гегемонии политической.

Для нас одной из коренных задач этой войны является завоевание для России свободы хозяйственного развития, которую сковывали наши торговые договоры с Германией. Будущие условия внешней торговли России должны обеспечить беспрепятственное развитие неисчерпаемых производительных сил нашей родины и завершение ее промышленного оборудования.

Интересы славян по-прежнему остаются неизменно близкими русскому сердцу.

В настоящее время более, чем когда-либо, наша мощная поддержка и содействие особенно необходимы в деле возрождения и национального развития славянских народов, ставших вместе с нами на защиту права и справедливости.

События в Греции

Последние события в Греции вызвали весьма понятное беспокойство общественного мнения, как у нас, так и за границей.

С самого начала войны державы-покровительницы, в руках которых находится судьба Греции, обязанной им своим существованием, основываясь на неоднократных формальных заявлениях греческого правительства, имели право рассчитывать если не на благожелательное к ним отношение, то, во всяком случае, на благоразумие. К сожалению, благодаря происками наших врагов и легкомысленному попустительству представителей власти, великодушие держав, относившихся к Греции как сильный к слабому, было неправильно истолковано в некоторых кругах этой страны и понято как признак слабости. Вам известны обстоятельства нападения в Афинах на воинские части наших

союзников и кровавые беспорядки, разыгравшиеся на этой почве на афинских улицах. Кроме этого союзные державы в настоящее время не могут ни на одну минуту допустить возможности существования условий, угрожающих их военным интересам. В соответствии с этим к мерам, принятым уже ранее, ныне державы имеют в виду присоединить еще некоторые решительные требования военного характера, которые должны покончить с «греческой» несправедливостью.

Россия и Румыния

Что касается Румынии, то расчеты наших врагов легкими географическими победами смутить румынский народ и поколебать его твердое решение бороться в рядах союзников совершенно не оправдались.

Румыны с непоколебимой твердостью и мужеством отнеслись к ниспосланным им временным испытаниям.

Вам, конечно, известно, что Россия всецело пошла на помощь своей союзнице. То участие, которое русский народ со всей своей армией принимает в судьбах Румынии, должно рассеять злостные наветы неприятеля о том, что Румыния брошена и оставлена на произвол судьбы.

В настоящее время более чем когда-либо Россия и Румыния представляют из себя единый и неразрывный фронт в политическом и военном отношениях.

На Дальнем Востоке

На Дальнем Востоке главным фактором нашего международного положения являются установившиеся у нас с Японией отношения, по своему характеру равнозначные союзным. За время настоящей войны японское правительство оказывало и продолжает оказывать нам в деле снабжения наших армий услуги, упоминать о которых можно лишь с чувством глубокой признательности. Созданное же соглашением 30 июня настоящего года[5] политическое сотрудничество наше с Японией завершает цепь связывающих Россию, Францию, Англию и Японию уз и служит поэтому источником полной устойчивости нашего положения на Дальнем Востоке.

Наши цели

Победоносный исход мировой борьбы является целью, к которой должны стремиться все силы России.

Наше общественное мнение это ясно сознает, и наша печать верно отражает общее убеждение. В твердой вере, что Россия отстоит в исторические минуты своего развития свои права, Министерство иностранных дел почерпает те силы, которые ему необходимы для исполнения возложенной на него ответственной задачи.

Ф. 134, оп. 473, д. 160, л. 9. Газетная вырезка.

[1] Дата публикации в газете «Биржевые новости».

[2] См. док. № 38.

[3] 18 декабря 1916 г. президент США В. Вильсон обратился к воюющим державам с предложением сформулировать конкретные условия мира. Правительства Антанты 10 января 1917 г. направили президенту

ноту, в которой перечислялись выдвигаемые ими условия: освобождение германскими и австро-венгерскими войсками оккупированных территорий; восстановление независимости Бельгии, Сербии, Черногории; реорганизация Европы на основе «уважения национальностей». 31 января 1917 г. свои требования сформулировало германское правительство. Возвращение завоеванных территорий должно было сопровождаться денежными и экономическими компенсациями, а также «исправлением границ». Одновременно (31 января) Германия сообщила США о возобновлении неограниченной подводной войны. Вслед за этим 3 февраля 1917 г. В. Вильсон объявил о разрыве дипломатических отношений с Германией. 6 апреля США объявили войну Германии. — См.: История дипломатии. — Т. III. — С. 39–41.

[4] 19 ноября/2 декабря 1916 г. новый глава правительства А.Ф. Трепов выступил в Государственной думе с правительственной декларацией, в которой, в частности, говорилось о том, что соглашение с союзниками 1915 года «окончательно устанавливает право России на Проливы и Константинополь». — См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 445.

[5] Вероятно, имеется в виду соглашение между Россией и Японией от 20 июня/3июля 1916 г. — См. док. № 31.

40. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ РУКОВОДСТВА МИД

8 января 1917 г.

Заседание у министра иностранных дел 8 января 1917 года

Присутствовали: министр иностранных дел Н.Н. Покровский, товарищ министра А.А. Нератов, советник Второго политического отдела А.М. Петряев, начальник Канцелярии министра иностранных дел Татищев, директор Дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем Н.А. Базили и вице-директор Второго департамента князь Урусов.

Было постановлено, что Союзная конференция[1] откроется пленарным совещанием[2].

После пленарного совещания имеют быть образованы три секции:

a) Военно-политическая — в составе:

министра иностранных дел, генерала Гурко, представителя французского правительства г-на Думерга и генерала Кастельно, представителя английского правительства лорда Мильнера и генерала Вильсона, представителя итальянского правительства сенатора Шалойя и генерала Руджери-Ладерки.

b) По вопросам снабжения.

c) Финансовая.

Вопросы узкостратегического характера обсуждаются в особой комиссии с весьма ограниченным числом заседающих лиц. На совещания могут приглашаться для технического освещения отдельных вопросов отдельные лица по специальностям.

За этим заседанием может последовать снова собрание военно-политической секции для обсуждения вновь возникших в узко-стратегической комиссии вопросов, требующих или нового обсуждения, дополнительного рассмотрения, а также для зафиксирования постановлений политического военного характера для большего сохранения их секретности. Вопросы здесь решенные не переносятся в пленарное последнее заседание.

Вопросы стратегического характера, как обсуждение планов кампании на будущее время, распределение сил, одним словом, рассмотрение и решение программы предполагаемых военных задач у наших союзников сосредоточено ныне в руках отдельных членов правительства, которые преподают указания соответственно принятому плану военным властям для выполнения. Исходя из этого соображения, было признано нуж-

ным обсуждать вопросы военно-политического характера совместно с представителями союзных правительств и армий.

Вопросы чисто дипломатического характера не явятся предметом обсуждения отдельной комиссии, а будут разрешаться путем частного обмена мнений между министром иностранных дел и представителями союзных правительств.

Решения, принятые при означенных разговорах, будут вноситься в военно-политическую секцию при разрешении соответствующих вопросов.

Предложение учредить комиссию для обсуждения чисто политических вопросов, кои сообщались бы военной комиссии для сведения, было отклонено, так как было признано более целесообразным обсуждать вопросы политического характера в связи с военными на заседаниях секции.

1. Греция

В настоящее время надо признать, что греческое правительство находится на пути к исполнению требований союзников, предъявленных ему последней нотой[3].

Министр указал, что несмотря на обещания, Греция все же внушает недоверие и можно ожидать от нее сюрпризы. На это было отвечено, что для наблюдения за честным выполнением Грецией принятых ею обязательств установлены контроли союзных офицеров, наблюдающих за передвижением греческих войск в Пелопоннесе. Одинаковым образом вновь учреждается контроль союзников и над правительственными учреждениями. Вопрос контроля как таковой должен быть подвергнут на обсуждение военных совещаний.

На вопрос министра иностранных дел, не может ли быть изыскан способ объединить действие держав в греческом вопросе, А.М. Петряев указал, что для разрешения недоразумений и установления большего единства действий между союзными представителями в Греции надлежит изменить общий облик состава представителей держав Согласия в Афинах. Наиболее вредными являются действия французского посланника Гильмена, отозвание коего отвечало бы нашим интересам. Но обращение с подобной просьбой к французскому правительству является затруднительным, а посему единственным способом, могущим привести к желаемым результатам, не задевая самолюбия Франции, явится замена всех представителей Согласия другими лицами.

А.М. Петряев заметил, что этот вопрос настолько остро обстоит, что, по его мнению, как соглашение, так и установление единства действий между Францией и Италией по греческим делам является невозможным.

А.А. Нератов подчеркнул, что в политике союзников в Греции нет наличия единой воли, а каждый ревниво отстаивает свой личный интерес и точку зрения.

Н.Н. Покровский предложил установить в Греции одно влияние, хотя бы Англии, как наиболее спокойно относящейся к этому вопросу, и этим достигнуть единства направления в греческой политике.

Предложение о предоставлении Франции такого же доминирующего влияния в Греции отпало, ввиду слишком резкого разногласия в точках зрения Франции и Италии по этому вопросу, не дающему им возможности сговориться между собой.

Против принятия английской точки зрения по греческому вопросу, как основы политики союзников, было указано на ошибки, совершенные английской дипломатией в балканском вопросе, в частности в Болгарии.

Н.А. Базили высказал мнение, что единственным лицом, могущим несколько ослабить разногласие держав в греческом вопросе, мог бы явиться командующий Салоникской армией. Союзники ему доверяют свои контингенты и поручают руководство военных действий на Македонском фронте. Он является ответственным лицом за успех предпринимаемых операций. Естественно, что он же должен иметь способы в крайние минуты обезопасить исполнение возложенных на него задач от возможных осложнений в Греции. Если бы на этом посту было бы сейчас лицо, облеченное таким доверием союзников, роль его в разрешении различных конфликтов в греческом вопросе была бы весьма полезной, как вносящей элемент единства в действиях союзников.

Далее Н.А. Базили указал, что генерал Сарайль не обладает вышеуказанными необходимыми качествами и действия его лишь вызывают недовольство и недоверие союзников и часто излишне раздражают греков.

На это Н.Н. Покровский ответил, что, если генерал Сарайль является главной причиной, вызывающей недовольствие и отсутствие единства действий союзников в греческих делах, то следовало бы возбудить вопрос об его отозвании.

Н.А. Базили пояснил, что, хотя ни с военной, ни с политической точек зрения присутствие генерала Сарайля для нас не является желательным, но удаление его с заменой другим лицом будет трудно осуществимым. Генерал Сарайль опирается на известные влиятельные радикальные политические круги Франции. Французское правительство, хотя и сознает желательность отозвания генерала Сарайля, но не решается на такой шаг, в виду необходимости считаться с требованием помянутых кругов. Генерал Сарайль являлся противником действий генерала Жоффра, что отчасти вызвало назначение его командующим Салоникской армией. С другой стороны, те политические партии, кои поддерживали генерала Сарайля, требовали предоставление ему отдельного командования. Французскому правительству пришлось пойти на эту уступку, назначив его командующим Салоникской армией.

Мысль о назначении на место Сарайля английского генерала, более спокойные действия коего внесли бы меньше раздражения между союзниками и среди греков, вызвала следующее возражение: подобное назначение было бы истолковано французами как отказ от дальнейших действий на этом фронте, ввиду сильных возражений англичан на посылку новых сил в Салоники. В количественном же отношении число французских войск в Салониках в ближайшем будущем сравняется с числом английских и даже превзойдет его.

А.А. Нератов указал, что возбуждение вопроса, как о перемене командования, так и личного состава представителей, можно обосновать желанием установить новую атмосферу среди руководителей интересов союзников в Греции, но невозможно связывать этот вопрос с отдельными личностями, так как таковое обращение может быть истолковано как вмешательство во внутреннюю политику.

По греческому вопросу было постановлено добиваться: 1) наибольшего согласования отдельных интересов держав Согласия для достижения единства действий; 2) установить меры противодействия возможному новому движению в Греции; 3) в целях объединения и установления большего единения среди союзников как во вопросах политических, так и в военных, было признано желательным добиться отозвания генерала Сарайля и г-на Гильмена. Для достижения сего следует поднять вопрос относительно желательности обновления всего состава представителей держав в Афинах, а также командующего Салоникской армией под предлогом установления новой атмосферы в союзнической политике в Греции.

2. Сербия

На конференции следовало бы поднять вопрос, возбужденный королевичем Александром, относительно отведения сербских войск в тыл для отдыха и укомплектования. Наравне с этим подлежит разрешению вопрос о пополнении сербской армии. Вопрос этот был поднят перед итальянским правительством, которое уклоняется от выпуска пленных австрийцев сербского происхождения, соглашаясь лишь отпускать их небольшими группами и то лишь тех, кои самовольно заявят о своем желании вступить в ряды сербской армии. Было указано на желание сербского правительства путем агитации произвести набор среди сербов, находящихся в Америке. По этому поводу А.П. Петряев указал, что вряд ли означенные сербские выходцы охотно отзовутся на призыв сербского правительства, а посему лучше последний вопрос на конференции не поднимать.

3. Черногория

Было указано на двойственность политики Черногории, склоняющейся в сторону Австро-Венгрии и Италии, под влиянием коих черногорское правительство уклоняется от соединения с Сербией. Действия короля Николая также возбуждают сомнение относительно их искренности. Отношение русского правительства к созданию черногорской армии совпадает с точкой зрения французского правительства, а посему А.М. Петряев указал, что для нас является выгодным по черногорскому вопросу войти в непосредственное соглашение с Францией и не возбуждать его на Союзной конференции.

4. Румыния

Очищение нашими войсками румынской территории и занятие ее германскими войсками может побудить румынские германофильские круги образовать новое враждебное нам правительство, а посему для сохранения авторитета существующего правительства является необходимым сохранение хоть части румынской территории в наших руках. На последнее обстоятельство надлежит обратить внимание военных властей. Был возбужден вопрос, следует ли вообще возбуждать румынский вопрос на предстоящей конференции. Ввиду того, что в означенном вопросе Россия является страной наиболее заинтересованной, как затратившей большие материальные средства, так и в том отношении, что руководство военными операциями сосредоточено исключительно в руках нашего верховного командования, было решено румынский вопрос на конференции не возбуждать.

В случае обращения военных авторитетов с вопросом, на каком фронте с политической точки зрения следует вести наступление, надлежало бы ответить, что с чисто политической точки зрения таковым фронтом явится румынский, так как ослабление этого фронта может вызвать падение румынского правительства, что повлечет за собой ряд тяжелых политических последствий в будущем.

По вопросу по отношению к нейтральным государствам было предложено установить, сообразно с военно-политическими интересами каждого союзного государства в отдельности, как бы сферы влияния:

Россия, например, является наиболее заинтересованной в укреплении дружественных отношений с соседней ей Швецией. Это, во-первых, вызывается военной необходимостью, так как шведская армия может явиться большой угрозой нашему крайнему

правому флангу, так и путям сообщений, коими мы пользуемся для сношений с союзниками. Во-вторых, в зависимости от отношения к нам шведского правительства зависит и вопрос о транзите необходимых нам предметов, получаемых нами из Англии. Исходя из этого, нам следует указать великобританскому правительству на желательность предоставления нам решающего голоса в решении вопросов, могущих возникнуть между нами и Швецией. Великобритания не должна оказывать свое влияние в Норвегии и Дании. Означенные вопросы могут быть обсуждены при разрешении вопросов по снабжению. Они должны разрешаться главным образом в порядке соглашения между союзниками в качестве обмена мнений, а не входить на постановление конференции, т.е. не должны быть упоминаемы в протоколах союзного совещания.

А.М. Петряев возбудил вопрос, не является ли целесообразным обратить внимание военных властей на открытие сквозного движения по Багдадской железной дороге, каковое обстоятельство значительно усиливает положение германо-турок в Малой Азии.

Ф. 323, оп. 617, д. 46, л. 27–31 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Имеется в виду Петроградская конференция союзников. — См. прим. 3 к док. № 37.

[2] В нем примут участие и послы представленных на конференции держав (прим. документа).

[3] 8 января 1917 г. участники Римской конференции Антанты от имени Англии, Франции, России и Италии обратились к правительству Греции с нотой, в которой содержались ультимативные требования союзников (транспортировка греческой армии и техники на Пелопоннесский полуостров, союзный контроль за этим процессом). В случае скорейшего выполнения всех требований союзники обещали с уважением отнестись к желанию афинского правительства сохранить нейтралитет и не допускать распространение венизелизма. 12 января союзные державы передали Греции дополнительную ноту, требуя немедленного принятия без всяких оговорок ультиматума от 8 января 1917 г. Греческое правительство ответило нотой, в которой выражалось согласие на все требования без оговорок. — См.: Ф. 138, оп. 469, д. 667, л. 2–3, 5–6. — См. также: За балканскими фронтами Первой мировой войны. — М., 2002. — С. 305–306.

41. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ФИНАНСОВОЙ КОМИССИИ ПЕТРОГРАДСКОЙ СОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Петроград, 25 января/7 февраля 1917 г.

Присутствовали:

От Франции — его превосходительство г-н Думерг.

От Великобритании — его превосходительство лорд Милнер, его превосходительство сэр Джордж Бьюкенен, лорд Ревелсток.

От Италии — его превосходительство сенатор Шалойа, его сиятельство маркиз Карлотти ди Рипарбелла.

От России — его превосходительство г-н Покровский, адмирал Григорович; генерал Беляев, его превосходительство г-н Барк, генерал Гурко, адмирал Русин, его превосходительство г-н Сазонов, г-н Нератов.

Заседание открывается в 10 часов 45 минут утра.

Его превосходительство г-н Барк напоминает о давно открытом законе, согласно которому для ведения войны необходимы три вещи: во-первых, — деньги; во-вторых, — деньги и, в-третьих, — снова деньги.

Изыскание необходимых средств на военные нужды — одна из самых трудных задач для министров финансов. Они — не волшебники, и во всех странах вынуждены использовать одни и те же приемы, чтобы добиться желаемого результата. Везде — в Англии, во Франции, в Италии, в России — они прибегают к народному кредиту доверия и определенно должны с величайшим старанием заботиться о поддержании означенного кредитования, без коего вести войну невозможно.

Что касается отклика на обращение к народному кредиту, то в разных странах он бывает совершенно различным. Необходимо особенно считаться с тем фактом, что экономическое и финансовое положение России, применительно к области военного финансирования, коренным образом отличается от положения ее союзников. В России очень большие затруднения проистекают от сравнительно малой емкости и узости ее рынка, который сильно уступает в данном отношении рынкам Франции и Англии. Кроме того, почти все российские порты отгрузки оказались запертыми, и мы, по меньшей мере, отчасти лишились возможности покрывать свои зарубежные расходы за счет поставок своих товаров. Наконец, следует принять во внимание еще кое-какие обстоятельства. Так, если Англия, к примеру, заключает соглашение о займе, она незамедлительно обеспечивает себе возможность этот займ обслуживать путем введения новых налогов. У России нет таких возможностей, поскольку в начале войны она отменила монополию на спиртное. Последовавшее за этим увеличение прежних и введение новых налогов принесло казне более миллиарда рублей, но это позволило всего лишь закрыть дыру в бюджете, образовавшуюся вследствие отказа от прав на алкоголь.

Сравнивая довоенное состояние рынков Англии, Франции, Италии и России, мы видим, что Франция и Англия были всемирными кредиторами, и в этих странах легко размещались иностранные ценные бумаги. Россия же, напротив, не могла обойтись собственными средствами путем проведения внутренних кредитных операций и была вынуждена прибегать к внешним займам.

К январю 1917 г. военные кредиты превысили отметку в 27 млрд рублей. В 1914 году один день военных действий в среднем стоил 15 млн рублей; в 1915 году цена этого дня поднялась до 25,5 млн рублей, а в 1916 году достигла 40 млн рублей. Если считать абсолютно все, ныне она составляет уже 50 млн рублей и, следовательно, в месяц на военные нужды необходимо расходовать не меньше полутора миллиардов рублей. Сравнив военные расходы России и Соединенного Королевства, мы увидим, что они почти одинаковы; все расходы Великобритании с начала войны (включая сюда расходы по обычному бюджету) оцениваются в 3 млрд 635 млн фунтов стерлингов, а ежедневные издержки (включая расходы по обычному бюджету), согласно нынешним оценкам, составляют в настоящее время 5 млн 700 тыс. фунтов.

Чтобы покрыть все чрезвычайные расходы, министры финансов вынуждены прибегать к заимствованию, но в России решение этой проблемы крайне затруднительно. Для получения денег есть два средства: выпуск более или менее долгосрочных займов и казначейские операции, связанные главным образом с размещением краткосрочных казначейских бонов разного рода.

Россия прибегла к обоим этим средствам, но, что касается казначейских билетов, полученный здесь результат сильно отличается от достигнутого в других воюющих странах в подобных случаях. В Англии и во Франции казначейские билеты были легко реализованы на свободном рынке, тогда как в России выпустили казначейских облигаций на 10 млрд рублей, а на рынке реализовали их только на 3 млрд — остальные были дис-

контированы Государственным банком; если к этой сумме прибавить кредиты, которые казна получала от названного учреждения, то окажется, что помощь России со стороны упомянутого банка равняется примерно 10 млрд рублей. Ввиду невозможности реализации казначейских билетов на рынке в больших масштабах Государственный банк вынужден сохранять их в своем портфеле и выпускать вместо них банковские билеты соразмерно произведенному дисконтированию, и в результате находящиеся ныне в обращении банкноты составляют в сумме 9 млрд 450 млн рублей. До войны кредитные билеты составляли в сумме 1 млрд 600 млн рублей, и это значит, что текущее денежное обращение возросло с тех пор почти на 8 млрд рублей.

Для долгосрочных займов условия также весьма затруднительны. Чтобы разместить их, России приходится обращаться, с одной стороны, к клиентуре Государственного банка и к установлениям, находящимся в его ведении, с другой стороны, к частным банкам. Размещение последнего военного займа в 3 млрд рублей было поручено Государственному банку (транша на 1 200 млн рублей) и синдикату российских банков (транша на 1 800 млн рублей); по истечении нескольких месяцев, ушедших на проведение операции, транша Государственного банка была почти полностью реализована, однако с траншей синдиката дело обстояло иначе, ибо размещена была только меньшая ее часть в 400 млн рублей, а облигации на 1 400 млн рублей остались в банковских портфелях. Здесь следует также подчеркнуть, что до войны российское правительство могло заимствовать на внутреннем рынке не более 200 млн рублей в год.

Помощь, оказанная казне Государственным банком, имела своим следствием очень крупные выпуски кредитных билетов, и обесценивание этого оборотного средства неизбежно привело к непомерному удорожанию жизни. В этой связи следует отметить, что Россия разительно отличается от союзных стран в смысле дороговизны условий существования. В то время как в Англии с начала войны товары текущего потребления, согласно имеющимся данным, возросли в цене на 100%, в России те же товары подорожали в три-четыре и даже в пять раз. Ясно, что если в России не будут приняты очень серьезные меры для смягчения пагубных последствий, вызываемых эмиссиями кредитных билетов, то производить военные закупки внутри страны будет все труднее и труднее: увеличение количества банковских билетов, находящихся в обращении, ведет к возрастанию цены всех товаров; вследствие этого приходится открывать все большие и большие кредиты различным управлениям на удовлетворение военных нужд; это, в свою очередь, требует еще большего выпуска банкнот и в результате мы оказываемся в порочном круге.

Несомненно, очень трудно, но и совершенно необходимо воспрепятствовать обесцениванию русской денежной единицы, а главное для достижения этой цели — поддержание обменного курса рубля. Этот вопрос весьма тесно связан с военными делами.

Его превосходительство г-н Барк во всех своих беседах и на всех переговорах за границей постоянно излагал эту точку зрения, ибо если курс рубля в желаемой степени не будет поддержан, может случиться катастрофа, как в эпоху Французской революции, когда ассигнации потеряли всякую ценность. Во время первой конференции, проходившей в Париже в январе 1915 г., г-н Ллойд Джордж прекрасно разобрался в ситуации: тогда было решено, что союзники должны объединить все их ресурсы и особо позаботиться о поддержании русского валютного курса. Со своей стороны Россия сделала все, что было в ее власти, и принесла огромные жертвы для поддержания лондонского валютного курса в Америке; знакомство с балансами Российского государственного банка позволяет оце-

нить значение перемещений желтого металла, произведенных специально с этой целью; даже сейчас еще партия золота находится на пути в Америку, но Россия достигла крайнего предела в том, что могла бы уступить. Русский валютный курс сильно понизился; на парижской и лондонской биржах отмечено падение курса рубля: согласно парижской котировке он упал на 35,7%; согласно лондонской, — на 41,9%. Здесь, в самом Петрограде, были приняты все возможные меры, чтобы контролировать колебания курса. При Министерстве финансов была создана специальная Компенсационная палата, призванная отслеживать операции с иностранной валютой; обменный курс фунта стерлингов, достигавший в январе 1916 г. 164 пунктов, благодаря такому контролю, был понижен до 149, а затем и до 144 пунктов, на каковом уровне и сохраняется. Но этот результат достигнут только в России; рынки рублей имеются в Лондоне и Париже, и в Лондоне курс фунта относительно рубля составляет 166 пунктов, отклоняясь от петроградского более чем на 20 пунктов. В данном отношении Россия действует, можно сказать, в одностороннем порядке, но она не может контролировать лондонский и парижский рынки, и английское и французское правительства должны прийти ей на помощь.

В конце концов, эти последние также заинтересованы в недопущении обесценивания рубля, что может стать гибельным для российского кредита и сильно осложнить условия, в которых придется продолжать войну; с другой стороны, стабилизация русского курса необходима и для того, чтобы после войны торговые отношения между союзными странами могли незамедлительно войти в желаемое русло. Обесценивание рубля, если оно будет иметь место к тому времени, породит запретительный таможенный тариф, затрагивающий товары, которые союзники могли бы вывозить из России, и принесет пользу только Германии.

Из вопросов финансового порядка, подлежащих рассмотрению в настоящей комиссии и касающихся предстоящих военных расходов за пределами России, особого внимания заслуживает вопрос о приобретении припасов на рынках Японии и скандинавских государств. Часть заказов, предназначавшихся для размещения в Америке, может быть размещена в Японии, и в связи с этим следует позаботиться о способе покрытия соответствующих расходов. Это относится и к Швеции, где также могут быть сделаны заказы и необходимо подготовить средства для их оплаты. Исполнение в этих странах российских заказов было бы чрезвычайно выгодным делом ввиду их географического положения.

Кроме того, я поднимаю вопрос о покрытии расходов России в Персии на содержание ее экспедиционного корпуса. Производить выплаты там можно исключительно в кранах, коих у России нет совсем; к тому же в этой стране отсутствует валютный рынок и надо иметь белый металл. Два существующих в Персии банка — Персидский императорский банк и Персидский учетный банк (российское заведение) — могли бы договориться о том, что российские войска будут оплачивать свои закупки посредством выдачи чеков, подлежащих оплате в Персидском учетном банке, однако для этого необходимо создать при этом последнем заведении фонд оборотных средств и накопить затем необходимое количество белого металла.

Наконец, следует принять во внимание, что Россия уже потратила и должна будет еще потратить порядка 300 млн рублей на Румынию. Во время первой конференции было решено, что расходы на Сербию и Бельгию будут поделены поровну между Англией, Францией и Россией. Надо бы применить этот принцип и в отношении затрат России на Румынию.

Настоящая комиссия должна будет заняться вопросами, касающимися кредитов, необходимых России для удовлетворения военных потребностей, для поддержания валютного курса, для обслуживания государственного долга за границей и покрытия расходов разных управлений (Министерств путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности и т.п.), — кредитов, важность коих ныне определяется.

Что касается военных кредитов, то в первую очередь будет рассмотрен вопрос о японском и скандинавском рынках.

Генерал Беляев говорит, что в настоящее время размещение заказов на военный материал в Америке и Соединенном Королевстве становится все более и более затруднительным. России прежде всего не хватает металлов, которые она вынуждена ввозить из-за границы. Доныне заказы на металлы стараниями Русского комитета в Лондоне размешались в Америке, но положение на данном рынке стало очень сложным и он уже не сможет удовлетворить потребности России. При этом необходимый материал частично можно было бы приобрести в Японии и Скандинавии. Япония уже сделала российскому правительству весьма интересные предложения на сей счет — предложения, которые, к сожалению, не могли быть приняты за отсутствием кредитов. Швеция не делала определенных предложений, но эта страна, без сомнения, способна поставить России ощутимое количество товаров и чугуна, прежде всего. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы союзники без всякого промедления озаботились обеспечением средств, потребных для размещения заказов в этих двух странах. Из всех союзников именно Россия, благодаря ее расположению, может лучше всего использовать рынки этих двух областей, ибо применительно к ним вопроса о тоннаже в данном случае не существует. Заказы, до сих пор размещавшиеся в Японии, всегда добросовестно исполнялись, доставлялись в установленные сроки и по разумным ценам. Поэтому крайне желательно иметь возможность пользоваться этим рынком, но для этого союзники должны устранить финансовые препятствия.

Его превосходительство г-н Барк поддерживает предложение генерала Беляева и высказывает пожелание, чтобы переговоры с Японией были ускорены и чтобы союзники условились об отказе от всякого соперничества на этой почве. Министр финансов не может в настоящий момент точно определить размеры необходимых кредитов; соответствующие сведения будут сообщены Комиссией по боеприпасам.

Его превосходительство г-н Милнер не знаком с этим вопросом в подробностях, но он, в принципе, согласен с тем, что союзники никак не должны соперничать друг с другом при размещении их заказов.

Лорд Ревелсток замечает, что на случай, если будет решено увеличить закупки в Скандинавии и Японии, следует помнить о затруднениях, с которыми столкнулось Соединенное Королевство, обеспечивая себе потребный обменный курс при расчетах с Соединенными Штатами Америки. Здесь предстоит столкнуться с такими же трудностями и будет необходимо соотносить размеры заказов с величиной кредитов, которые можно будет обеспечить себе в Японии и Скандинавии.

Генерал Гурко полагает, что прежде чем обсуждать детали, надлежит установить общий принцип. Было установлено и утверждено, что интересы общего дела союзников требуют объединения всех их ресурсов; этому же принципу должно следовать и в финансовой сфере. В конце концов, для победного окончания войны он также необходим в этой области, как и в любой другой. В конце концов, если финансовые ресурсы будут подорваны, на пути продолжения войны встанут непреодолимые преграды. Именно по этой причине военные люди не могут не интересоваться финансовыми проблемами.

Генерал Гурко обращает внимание делегатов на то, что с чисто военной точки зрения совершенно необходимо помочь России преодолеть финансовые затруднения, которые она испытывает. Россия сильна людьми и природными богатствами, но от недостатка финансовых возможностей ее силы уменьшаются. Поэтому в общих интересах союзников усилить Россию в этом ее слабом месте и усилить существенно. Россия сделала все, что могла, чтобы поддержать союзников. Она делала это даже в финансовой области: посылая золото в Англию, она способствовала поддержанию курса английских банкнот. Между тем вывоз золота — очень тяжелая жертва для России: она является единственной страной, где значительно сократился золотой запас Эмиссионного банка, тогда как в других странах, даже неприятельских, наблюдалось противоположное явление. Чтобы облегчить продолжение войны, союзники непременно должны прийти на помощь России. Нужно воспользоваться конференцией для подтверждения солидарности союзников в финансовых вопросах с тем, чтобы облегчить для России продолжение войны. Вся русская армия почувствует облегчение от улучшения финансового положения и по достоинству оценит все, что будет сделано с этой целью.

Его превосходительство г-н Думерг предлагает перейти к решению практических и позитивных вопросов, как это уже было предложено лордом Ревельстоком. Настало время подумать о средствах обеспечения кредитов, необходимых для оплаты заказов, которые могут быть перемещены из Соединенных Штатов Америки в Японию и Скандинавию. Принципиальные вопросы можно обсуждать долго, но прийти все же было бы желательно к практическим решениям.

Его превосходительство лорд Милнер замечает, что следовало бы глубже изучить этот вопрос.

Его превосходительство г-н Барк находит возможность для совмещения двух точек зрения. Единожды признав, в принципе, что для достижения победы союзники должны объединить все их ресурсы, уместно будет перейти к решению конкретных вопросов.

Его превосходительство г-н Покровский отмечает, что принцип, который только что озвучили, был выдвинут г-ном Ллойд Джорджем на Парижской конференции 1915 года.

Его превосходительство г-н Думерг предлагает без промедления перейти к решению практических вопросов, поскольку само собой разумеется, что каждая из союзных стран сделает все возможное для облегчения общих усилий. В настоящий момент речь идет о поиске средств для размещения заказов в Японии и Скандинавии.

Его превосходительство г-н Барк замечает, что Россия сделала все возможное для получения кредитов в Японии; она даже смогла оплатить часть своих заказов посредством размещения казначейских бонов, но в относительно небольших количествах. Такие размещения весьма ограничены и не покрывают насущных потребностей армии. Что касается Швеции, то министр финансов пытался реализовать там облигации русского займа (и даже в ущерб курсу рубля), но этого также оказалось недостаточно. Речь идет о нахождении более действенных средств.

Его превосходительство лорд Милнер предлагает сначала обсудить, а затем решать. Сие собрание имеет своей целью скорее обсуждение принципиальных вопросов, нежели принятие решений.

Генерал Гурко говорит, что все союзники должны поддерживать друг друга; поскольку деньги являются нервами войны, то речь идет прежде всего об усилиях по поддержанию валютного курса. Эта поддержка совершенно необходима как для продолжения войны, так и для подготовки к миру. Нужно, чтобы страна знала, что по заключении

мира жизнь снова станет такой, какой она была прежде. Нельзя отягощать моральное самочувствие населения, ибо это пагубным образом скажется на моральном состоянии войск. Валютный курс также интересует армию, как и широкие общественные круги, и именно поэтому следует любой ценой поддерживать российский валютный курс так, как Россия, принеся всевозможные жертвы, поддержала в свое время английский. Придут ли союзники на помощь России? — Вот, в чем вопрос.

Его превосходительство г-н Барк соглашается с лордом Милнером в том, что касается определения цели собрания. Речь идет не о принятии скоропалительных решений, а об обмене мнениями, тем более что цифровые данные могут быть представлены только в дальнейшем. Было бы полезно затронуть программные вопросы, полностью придерживаясь уже изъявленного принципа, поскольку он не вызывает возражений. Первым из этих вопросов является вопрос о военных кредитах, которые позволили бы разместить российские заказы в Японии и Скандинавии без конкуренции со стороны союзников. Затем поднимается вопрос о валютном курсе. Если бы не было задержек с решением этого вопроса, можно было бы добиться лучших результатов. Вопрос о валютном курсе — из числа важнейших вопросов, и он очень тесно связан с военными делами. Настоящая комиссия могла бы высказаться по этому поводу в принципе.

Его превосходительство лорд Милнер замечает, что цель заседания состоит в заслушивании доклада о настоящем положении вещей, сделанного г-ном министром финансов, а не в приступлении к принятию решений. Нужно сначала обсуждать, а затем решать. Столь подробный доклад, представленный его превосходительством г-ном Барком, был заслушан с величайшим вниманием, и делегатам требуется время для размышления над ним. Комиссия, разумеется, принимает принципиальное положение насчет объединения всех ресурсов. В финансовой области в интересах всех союзников создана «центральная опора» в виде прочной устойчивости курса фунта стерлингов.

Его превосходительство г-н Барк замечает, что в Англии, как и во Франции, не придают надлежащего значения вопросу о российском валютном курсе.

Его превосходительство лорд Милнер опасается, как бы у генерала Гурко не сложилось впечатление, что Англия ничего не сделала. — На самом деле, она сделала многое.

Его превосходительство г-н Думерг поясняет, что Франция предоставляет России ежемесячный кредит для оплаты военных заказов, и остатки от этих сумм можно было бы пустить на поддержание валютного курса.

Его превосходительство г-н Барк подчеркивает, что на переговорах, которые он имел с министрами финансов Франции и Англии, эти последние не придавали достаточного значения вопросу о русском валютном курсе и занимались только вопросом о кредитах на военные заказы. Невозможно отложить решение этого вопроса на более поздний срок, это было бы совершенно неразумно. Это противоестественно, что российский валютный курс недавно упал ниже германского. Достаточно принять во внимание сырьевые богатства России, чтобы стало ясно, что поддержка курса рубля — в интересах союзников.

Его превосходительство г-н Покровский придает чрезвычайно большое значение включению принципиального положения о поддержке валютного курса в решения конференции. Речь идет о том, чтобы принять во внимание положение России как должника и заинтересованность кредиторов страны в ее поддержке в том, что касается состояния ее финансов. По поводу валютного курса следовало бы не только сформулировать пожелания, но и принять решения.

Его превосходительство г-н Думерг признает важность поднятого вопроса. Однако, по его мнению, союзники не в состоянии решить проблему валютного курса без действенной помощи России. Речь идет о принятии мер к улучшению платежного баланса. Если Россия сможет увеличить вывоз зерна, в коем союзники испытывают большую потребность, то валютный курс только от этого уже незамедлительно улучшиться. То же самое можно сказать и об экспорте древесины. Никаких проблем с тоннажем не возникло бы, поскольку суда союзников, доставляющие военный материал, могли бы возвращаться обратно с грузом зерна или древесины. Массу вывозимого товара следовало бы соотносить с массой ввозимых боеприпасов.

Генерал Гурко подчеркивает, что вопрос о валютном курсе будет иметь первостепенное значение не только во время войны, но и после нее. В самом деле, если, позволив курсу рубля упасть так низко по отношению к франку и фунту стерлингов, ничего не сделают, чтобы его поднять, то надо будет опасаться, что по окончании войны германцы, несмотря на все принятые против них меры, смогут извлечь выгоду из слабости российского валютного курса, ибо эта слабость породит известного типа импортный тариф в отношении стран с высоким валютным курсом. Вследствие этого германцы могут обогатиться за счет России и воспользуются этим, чтобы восстановить или увеличить свои военные ресурсы.

Что касается увеличения российского экспорта во время войны, то, как опасается генерал Гурко, сделать это будет очень трудно, если вообще возможно. Российские железные дороги в настоящий момент загружены как никогда, поскольку должны удовлетворять потребности армии. По ним приходится перевозить необходимое довольствие для 10 млн человек и фураж для 2 млн лошадей на многие тысячи верст, в совокупности. Рацион лошади весит почти в пять раз больше рациона человека — так что подлежащее перевозке по весу соответствует довольствию для 20 млн человек. Также следует принять во внимание, что люди и лошади потребляют гораздо больше, чем в мирное время. Поэтому никак нельзя предаваться надеждам на то, что Россия сможет увеличить свой вывоз во время войны, поскольку железные дороги уже работают на пределе своих возможностей, подвозя к местам его употребления огромную массу продовольствия, которое прежде потреблялось на месте. Вследствие сего и в любом случае экспортные возможности России ныне гораздо меньше довоенных.

Его превосходительство г-н Думерг замечает, что вполне принимая возражения генерала Гурко, он все же хотел бы обратить внимание на возможность достижения желаемого результата путем улучшения организации перевозок. Речь идет об использовании поездов и судов, возвращающихся обратно пустыми, таким образом, чтобы эти транспортные средства всюду следовали с максимальной загрузкой.

Его превосходительство г-н Барк приводит цифровые данные, касающиеся стоимости российского экспорта:

1911 г. — 1 млрд 600 млн руб. (максимум)

1915 г. — 400 млн руб.

1916 г. — 575 млн руб.

Министерство земледелия ведает экспортом зерновых, а Министерство финансов — алкоголя. Тем не менее, ввиду явлений, представленных генералом Гурко: нехватки сырья, с одной стороны, и увеличения потребления, с другой, бесполезно было бы надеяться в настоящее время на улучшение валютного курса с помощью экспорта. Этого можно будет добиться только по окончании войны.

Его превосходительство лорд Милнер признает, что вопрос о валютном курсе — один из самых сложных. По его мнению, ограничение экспорта столь же необходимо, как и его увеличение. Англия признает трудности, связанные с валютным курсом, но, увы! — англичане не волшебники. Лорд Милнер подчеркивает, что необходимо сделать все возможное для увеличения экспорта, полагая, что замечания его превосходительства г-на Думерга на сей счет заслуживают серьезного внимания. Обменный курс не может быть поддержан только с помощью финансовых операций.

Его превосходительство г-н Барк поясняет, что российское правительство приняло действенные меры для установления контроля над экспортом посредством сосредоточения обменных валютных операций в руках Министерства финансов.

Его превосходительство г-н Покровский заверяет, что, несмотря на все текущие затруднения, российское правительство делает все возможное в настоящих условиях, чтобы увеличить экспорт необходимых союзникам зерна и древесины. Зерновых из России вывозится лишь немногим меньше того количества, которое требуется союзным правительствам. Что касается леса, то 300 тыс. стволов готовы к отгрузке. Экспортные дела будут и в дальнейшем пользоваться особым вниманием. Тем не менее, приходится сомневаться в том, что таким образом можно добиться улучшения валютного курса.

Его превосходительство г-н Барк, подводя итог дебатам, заявляет, что коль скоро делегаты признали вопрос о валютном курсе весьма насущным, то, возможно, им было бы уместно запросить по телеграфу у их правительств соответствующие инструкции.

Его превосходительство г-н Думерг замечает, что вопрос о валютном курсе не интересует присутствующих на заседании итальянских делегатов. Что касается запроса инструкций по телеграфу, то он не считает таковой уместным ввиду необходимости устно объяснить ситуацию министру финансов Французской республики. Не будучи финансовым делегатом, он не может принимать важные решения, не посоветовавшись с его превосходительством г-ном Рибо.

Его превосходительство г-н Барк замечает, что относительно кредитов, необходимых для обслуживания государственного долга за границей, предпочтительнее договариваться с делегатами каждого правительства в отдельности. Переходя к вопросу о Румынии, министр финансов повторяет, что все расходы, связанные с Румынией, должны быть поделены между Англией, Францией и Россией, таким же манером как расходы по Бельгии и Сербии.

Его превосходительство г-н Милнер интересуется, чье правительство до сих пор несло расходы по Румынии.

Его превосходительство г-н Барк поясняет, что доныне эти расходы покрывались главным образом российским правительством.

Лорд Ревельсток отмечает, что Англия до войны предоставила Румынии ссуду.

Его превосходительство г-н Барк предлагает перейти к вопросу о Персии.

Генерал Гурко затрагивает вопрос о дополнительных кредитах, необходимых в случае увеличения масштабов военных операций в Персии. Курсы рубля и фунта стерлингов в Персии низкие. С увеличением численного состава пребывающих там войск увеличатся и расходы, а это еще сильнее скажется на обменных курсах. Русская армия вынуждена закупать все необходимое на месте. Российский вывоз в Персию, состоявший главным образом из сахара и нефти, почти полностью прекратился ввиду увеличения внутреннего потребления в России. Финансовая помощь союзников в Персии необходима — иначе произвести увеличение численного состава будет невозможно.

Его превосходительство г-н Барк подтверждает, что для обеспечения потребностей российской армии в Персии требуется закупка белого металла.

Его превосходительство лорд Милнер хотел бы знать, обсуждался ли вопрос об увеличении масштабов операций в Персии в собрании делегатов, занимающихся рассмотрением стратегических вопросов.

Генерал Гурко отвечает утвердительно, замечая, что решения, касающиеся Персии, обсуждались не в собрании, а просто между ним и генералом Уилсоном. Вопрос о персидском обменном курсе представляет интерес главным образом в связи с военными делами, и решения, которые надлежит принять на сей счет, должны вытекать исключительно из того, что будет решено в военном отношении. Финансовую сторону этого вопроса могли бы обсудить между собой лорд Ревелсток и его превосходительство г-н Барк.

Заседание закрывается в 12 часов 30 минут.

Подписи[1]

Ф. 163, оп. 3, д. 1963, л. 1–24. Подлинник. Фр. яз.
Перевод с французского.

[1] Следуют подписи: «Гастон Думерг, Милнер, Джордж У. Бьюкенен, Ревелсток, В. Шалойа, А. Карлотти, Н. Покровский, адмирал И. Григорович, генерал Беляев, П. Барк, В. Гурко, Русин, Сазонов, Нератов, генеральный секретарь Конференции С. Шателен».

42. ЗАПИСКА ЧЛЕНА СОВЕТА МИД И.Я. КОРОСТОВЦА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.Н. ПОКРОВСКОМУ

26 января 1917 г.

Милостивый государь Николай Николаевич,

В минувшем декабре я позволил себе представить Вашему высокопревосходительству составленную ранее записку[1] о наших отношениях к Америке. В записке этой мною подчеркивалась, между прочим, необходимость установить возможно тесные отношения с этим государством и более энергично реагировать на американскую политику ввиду решающей роли, которую правительство Соединенных Штатов, несомненно, призвано сыграть при ликвидации войны. Разрыв между Соединенными Штатами и Германией еще более убеждает меня в справедливости высказанных ранее соображений. Общий голос приветствует американское выступление, сулящее скорое и успешное завершение войны. С этим взглядом можно согласиться лишь отчасти, ибо Америка может воевать с Германией самостоятельно и заключить с ней сепаратный мир, не связывая себя обязательствами, принятыми державами в августе 1914 г. Присоединение же Америки к нашей коалиции, если бы оно состоялось, наводит на следующие мысли.

С начала войны правительство Соединенных Штатов проявляло стремление не ограничиваться нейтралитетом, а при всяком удобном случае подчеркивало свою заинтересованность в происходящей борьбе и солидарность с державами Согласия. Ныне вашингтонский кабинет сделал еще шаг, выразив намерение стать участником войны, а следовательно и ее ликвидации. Как бы не сложилась дальнейшая политическая конъюнктура, для нас весьма важно учесть положение, которое займут Соединенные Штаты при предстоящих переговорах, и предусмотреть, как отразится американское участие на русских интересах.

Оставаясь верным республиканским традициям прошлого и гуманитарным идеям, вашингтонский кабинет, конечно, подтвердит провозглашенные державами и принятые ими пожелания об уничтожении милитаризма, укреплении международного правопорядка и справедливости и примкнет к требованию союзников об освобождении занятых территорий и восстановлении отдельных государств и народностей. Проведение в жизнь этих принципов можно лишь приветствовать, и оно, конечно, встретит живое сочувствие со стороны членов антигерманской коалиции. Но имеются, по-видимому, пункты, по которым еще не установлено полной согласованности между американской и европейской точками зрения на условия будущего мирового равновесия и прочного мира. Как видно из послания президента Вильсона к конгрессу, некоторые принципиальные вопросы, возбужденные нашими врагами (свобода морей, права национальностей на самоопределение, снятие международных экономических ограничений), встретят поддержку со стороны Соединенных Штатов. Можно поэтому думать, что Америка внесет в переговоры умеряющее влияние более бесстрастного, хотя и несколько эгоистического участника и едва ли станет на сторону крайних решений, которые будут, вероятно, выдвинуты при выработке мирных условий. Насколько мне пришлось лично ознакомиться с идеологией американских государственных людей, они вряд ли приложат руку к таким, например, планам, как раздел Германии или Австрии или экономическая изоляция их в будущем. Таким образом, участие Америки в войне может даже оказаться выгодным Германии в случае поражения последней. Обстоятельство это, пожалуй, учитывалось в Берлине при выработке германской декларации о подводной войне.

Вступая в антигерманскую коалицию, Америка, конечно, будет руководствоваться не одними гуманитарными и отвлеченными соображениями, а примет во внимание и другие более практические цели, например, восстановление своего влияния и престижа на азиатском материке, преимущественно в Китае, путем политического сближения с Японией. По всем вероятиям, в Вашингтоне наметили и другие компенсации, необходимость коих будет вызвана хотя бы понесенными в общей борьбе жертвами. Возможно, что Англии и Франции придется поступиться в пользу Соединенных Штатов остатками своих колониальных владений в Центральной и Южной Америке. Последовательное приобретение Соединенными Штатами различными путями испанских, а недавно датских островов Вест-Индии указывает, куда направлены помыслы вашингтонского правительства.

Переходя к вопросам, имеющим значение для России, замечу, что Америкой уже подчеркивался международный характер польского вопроса, который, как ей известно, мы хотели бы считать своим внутренним делом. Параллельно с польским вопросом Америкой в свое время несомненно будет выдвинут на обсуждение не менее щекотливый вопрос — еврейский, в котором русский и американский взгляды до сих пор довольно серьезно расходились. Далее, в краеугольном для России вопросе о Проливах (если только нам до конца войны не удастся ими овладеть) американская дипломатия едва ли захочет стать на точку зрения, которую она усвоила себе при установлении «статуса» Панамского канала. В вопросе этом американцы вернее всего выскажутся за нейтрализацию Босфора и Дарданелл. Здесь кстати заметить, что не в интересах Америки содействовать перемещению фокуса русской окраинной политики с японского рубежа на балканский, ибо в, японо-американской борьбе за Тихий океан и китайский рынок Америке, конечно, важно опереться если не на содействие, то хоть на нейтралитет России. Можно предвидеть, что при обсуждении турецких дел американская дипломатия подымет голос за политическую автономию Армении, всегда возбуждавшей живой ин-

терес в Соединенных Штатах. К преимущественным правам России и Великобритании в Персии вашингтонское правительство отнесется, конечно, с полным уважением. Однако возможно, что разрешение персидского вопроса, в смысле закрепления русской и английской сфер влияния, даст американцам повод для заявления претензий, о коих упомянуто выше. Приняв участие в территориальных и иных комбинациях, выдвинутых войной, Америка, конечно, поддержит притязания наших союзников на присоединение американских колоний Германии. Было бы желательно обеспечить поддержку Америки, когда очередь дойдет и до России, имеющей более чем кто-либо права на получение компенсации за чрезвычайные жертвы, понесенные для блага цивилизации и человечества. Во всяком случае, работа нашей дипломатии могла бы уже теперь быть направлена к созданию условий, при коих предъявление нами соответственных требований показалось бы естественным и встретило бы сочувствие правительственных сфер и общественного мнения Соединенных Штатов.

Примите уверение в отличном почтении и искренней преданности Вашего покорного слуги.

Коростовец

Ф. 134, оп. 473, д. 189, т. 1, л. 44–48. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917 (далее — Россия и США...). — М., 1999. — С. 647–649.

[1] Имеется в виду записка от 12/25 октября 1916 г. — См.: Россия и США... — С. 214–219.

43. ЗАПИСКА ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ

[январь-февраль 1917 г.][1]

Опыт все более и более определенно показывает, что союзники весьма посредственно и недостаточно быстро согласовывают свои политические действия. Греческие дела дают новое тому доказательство. Отказ от попыток улучшить это положение был бы равнозначен предоставлению нашим противникам всех выгод, вытекающих из единства действий, — единства, которое они проявляют как в политической, так и в стратегической областях. Решение проблемы, однако, не может быть найдено союзниками на том же пути, на который встали наши противники. Поскольку союзников объединяют узы совсем иного рода, согласование их усилий никак не может основываться на сосредоточении руководства делами, связанными с войной, в руках одной из союзных держав. Их сотрудничество может быть обеспечено только посредством тесной взаимосвязи, облегчающей и ускоряющей договоренности. Постоянно добиваться сих последних должны непосредственно сами правительства, ибо единство действий, достигаемое посредством создания некого совета, заседающего в каком-то центре и принимающего решения вместо правительств, — это иллюзия. Даже если бы правительства могли, в принципе, отказаться от своей власти пользу органа такого рода, реально он все равно не смог бы работать, поскольку не имел бы основ, необходимых для принятия решений, — основ, коими располагают только правительства. Сие представляется очевидным, по крайней

мере в отношении сколько-нибудь сложных вопросов, тогда как решение вопросов, касающихся деталей, могло бы быть ему делегировано.

Коль скоро невозможно установить такой порядок согласования, который не основывался бы на договоренностях между самими правительствами, следует ограничиться улучшением способов проведения переговоров или, лучше сказать, обменов мнениями, которые приводят к этим договоренностям. И это уже было бы немаловажным достижением, ибо система, используемая ныне союзниками, не лишена серьезных изъянов. Она предполагает потерю времени и значительные запоздания. При возникновении новых вопросов, их обсуждение начинается параллельно в разных столицах. В этих одновременно происходящих беседах нет последовательности. Обсуждаемый предмет теряет свою определенность. Пересекаются и множатся телеграммы. При обсуждении деталей применяется та же система.

Чтобы улучшить работу механизма, необходимого для достижения договоренностей, и ускорить принятие решений, следует создать центр, который ведал бы обменом мнениями между правительствами по всем текущим политическим вопросам, по которым союзники должны будут прийти к соглашению. Обосновавшиеся в этом центре представители правительств были бы призваны лишь облегчать и ускорять обмен мнениями, поскольку могли бы принимать решения только вследствие полученных инструкций по каждому из вопросов в отдельности, или с условием представления этих решений на утверждение соответствующих правительств. Что касается деталей, то они могли бы уточняться оными представителями и без передачи их на рассмотрение правительств. В тех случаях, когда правительства будут согласны между собой, можно было бы поручать этому центру изучение и, возможно, даже разрешение определенных таким образом вопросов. Может быть, даже, если этот опыт даст хорошие результаты, он постепенно получит распространение.

Такая централизация переговоров между союзниками не требует создания какого-либо нового органа. Напротив, предпочтительнее было бы воспользоваться существующим дипломатическим аппаратом, уже приобретшим опыт в подобных делах. Надо будет только получше приспособить его к требованиям времени. Лондонская конференция послов[2], столь исправно способствовавшая согласованию действий Антанты в течение Балканского кризиса, могла бы послужить для этого превосходной моделью. В самом деле, на кого еще, как не на послов, аккредитованных в столице одной из союзных стран, вкупе с министром иностранных дел этой страны, надлежало бы возложить выше охарактеризованную миссию? В конце концов, будет непонятно, какая роль им отводится, если другие уполномоченные будут направлены в оную столицу. Этим послам, которые были бы призваны таким образом к особенно важной деятельности, очевидно, следовало бы придать более разнообразный и более компетентный персонал, нежели тот, что придается послам обыкновенным.

Базили

Ф. 138, оп. 467, д. 676, л. 17–19. Подлинник. Фр. яз.
Перевод с французского.

[1] Записка не датирована. Хранится в архивном фонде «Секретный архив министра» в деле, содержащем переписку о создании союзного военного комитета (январь-февраль 1917 г.).

[2] См. док. № 1, прим. 2 к записи от 27 ноября 1914 г.

44. СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ГРАНИЦ

февраль-март 1917 г.

Соглашение об определении восточных границ Франции

1) Нота посла Франции в Петрограде М. Палеолога министру иностранных дел Н.Н. Покровскому

Петроград, 1/14 февраля 1917 г.

Ваше высокопревосходительство,

На основании письма моего от 30 января/12 февраля с.г.[1] и Вашего устного на него ответа, имею честь довести до сведения императорского правительства, что правительство Республики предполагает включить в число имеющих быть предписанными Германии условий мирного договора следующие требования и гарантии территориального порядка:

1) Эльзас — Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2) Границы ее должны простираться, по меньшей мере, до границы бывшего Лотарингского герцогства и быть установлены по усмотрению французского правительства с рассчетом удовлетворить стратегическим требованиям и включить вновь в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как и каменноугольный бассейн долины Саар.

3) Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна и вошедшие в настоящее время в состав германского государства, будут выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от него.

4) Из областей, не вошедших в состав французской территории, расположенных на левом берегу Рейна, будет образовано автономное и нейтрализованное владение, которое должно пребывать под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока вражеские страны не удовлетворят полностью всех условий и гарантий, включенных в текст мирного договора.

В заключение правительство Республики сочтет за счастье рассчитывать на поддержку императорского правительства для проведения в жизнь его предначертаний.

Примите и пр.

Палеолог

Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 166, л. 1–2. Подлинник. Фр. яз. Л. 3. Перевод на рус. яз.

2) Нота министра иностранных дел Н.Н. Покровского послу Франции в Петрограде М. Палеологу

№ 26 *[Петроград], 1/14 февраля 1917 г.*

Нотой от сегодняшнего числа Ваше превосходительство соблаговолили заявить императорскому правительству, что правительство Республики предполагает включить в число имеющих быть предписанными Германии условий мирного договора следующие требования и гарантии территориального порядка.

1) Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2) Границы ее должны простираться, по меньшей мере, до границ бывшего Лотарингского герцогства и быть установлены по усмотрению французского правительства с расчетом удовлетворить стратегическим требованиям и включить вновь в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как и каменноугольный бассейн долины Саар.

3) Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна и входящие в настоящее время в состав германского государства, будут выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от него.

4) Из областей, не вошедших в состав французской территории, расположенных на левом берегу Рейна, будет образовано автономное и нейтрализованное государство, которое должно пребывать под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока вражеские страны не удовлетворят полностью всех условий и гарантий, включенных в текст мирного договора.

Ваше превосходительство добавили, что правительство Республики сочтет за счастье рассчитывать на поддержку императорского правительства для проведения в жизнь его предначертаний.

По распоряжению его императорского величества, моего августейшего повелителя, честь имею заявить настоящей нотой Вашему превосходительству от имени российского правительства, что правительство Республики может рассчитывать на поддержку императорского правительства для проведения в жизнь вышеизложенных его предначертаний.

Примите и пр.

Ф. 163, оп. 4 (466 г), д. 166, л. 5–5об. Чернов. экз. Фр. яз. Л. 6–7. Копия. Рус. яз. Опубл.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 455–456.

Соглашение об определении западных границ России

Телеграмма посла России во Франции А.П. Извольского министру иностранных дел Н.Н. Покровскому с текстом декларации Франции

№ 168 *Париж, 26 февраля/11 марта 1917 г.*

№ 2. Правительство Французской республики, желая утвердить во всей их силе соглашения, заключенные с российским правительством в 1915 году в целях разрешения в конце настоящей войны вопроса о Константинополе и Проливах, согласно вековым стремлениям России, и стремясь, с другой стороны, облегчить в равной степени своей союзнице получение всех гарантий, желательных, с точки зрения военной и промышленной, для обеспечения ее безопасности и для экономического развития империи, — признает за Россией полную свободу в определении ее западных границ[2].

Извольский

Печат. по: Сборник договоров России... — С. 456–457.
Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 119, л. 94. Подлинник. Фр. яз.

[1] В письме от 30 января/12 февраля 1917 г. М. Палеолог сообщил Н.Н. Покровскому о готовности приступить к заключению соглашения с российской стороной на основании требований французского прави-

тельства относительно территориальных изменений и границ с Германией по окончании войны. В письме перечислялись требования, повторенные затем в ноте от 1/14 февраля 1917 г. — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 580/625, л. 158–159 об.

[2] 27 февраля/12 марта 1917 г. А.П. Извольский телеграфировал в Петроград, что сообщенный им текст декларации французского правительства был передан ему А. Брианом вместе с сопроводительным письмом от 25 февраля/10 марта. Посол ответил Бриану письмом следующего содержании: «Честь имею уведомить Ваше превосходительство о получении декларации французского правительства, которую Вы соблаговолили препроводить мне своим письмом от текущего месяца и которая гласит: — (следует полный текст декларации)... Принося Вашему превосходительству благодарность за столь любезное сообщение, я не сомневаюсь, что правительство его императорского величества увидит в нем новое доказательство чувств взаимного доверия и дружбы, существующих между Россией и Францией». — См. Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 462.

45. ПРОТОКОЛ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПЕТРОГРАДСКОЙ СОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ[1]

7/20 февраля 1917 г.

Петроградская конференция. Заключительное заседание, состоявшееся 7/20 февраля 1917 г. в Министерстве иностранных дел

Заседание открывается в 5 часов пополудни.

Присутствовали:

От Франции — его превосходительство г-н Думерг, его превосходительство г-н Палеолог, генерал Кастельно.

От Великобритании — его превосходительство лорд Милнер, его превосходительство сэр Дж. Бьюкенен, лорд Ревелсток, генерал сэр Генри Вильсон.

От Италии — его превосходительство сенатор Шалойа, его сиятельство маркиз Карлотти ди Рипарбелла, генерал Ромей-Лонгена.

От России — его превосходительство г-н Покровский, адмирал Григорович, генерал Беляев, его превосходительство г-н Барк, его сиятельство князь Шаховской, его превосходительство г-н Войновский-Кригер.

Его императорское высочество великий князь Сергей Михайлович, адмирал Русин.

Его превосходительство г-н Сазонов, г-н Нератов.

Генеральный секретарь конференции г-н Шателен.

Секретари: г-н Каммерер; подполковник Ланглуа, г-н Клерк, бригадный генерал Клайв, граф Альдрованди, майор Каваллеро, г-н Базили, генерал Занкевич.

Открывая заседание, его превосходительство г-н Покровский объявляет, что оное, будучи последним, посвящается оформлению выработанных решений по различным вопросам, рассмотренным Политическим и Военным совещаниями, а также комиссиями по военному материалу и финансовой.

Затем он дает слово его превосходительству генералу Беляеву, прося его представить конференции результаты работы состоявшей под его председательством Комиссии по военному материалу. Его превосходительство генерал Беляев сообщает, что оная комиссия сначала изучила потребности российской армии в военном материале; затем установила, в какой степени эти потребности могут быть удовлетворены за счет внутреннего

российского производства, и определила таким образом, какие материалы и в каком объеме Россия хотела бы получить от своих союзников.

В требованиях, выдвигавшихся на сей счет представителями России, приводились очень большие цифры.

Однако были приняты во внимание нехватка транспортных судов и слабая пропускная способность российских железных дорог, что неизбежно ограничивает количество материала, которое Россия могла бы рассчитывать получить из-за границы. Согласно данным, представленным делегатами союзных правительств, общая масса материала, который при настоящем состоянии транспорта мог бы быть доставлен в Россию из Франции, Англии, Италии и Америки, не может превышать 4 250 000 *т*. Следует заметить, что эти расчеты не касаются поставок из Японии и Швеции, поскольку для вывоза из Швеции морские транспорты настоятельно не требуются, а материалы, которые были бы закуплены или заказаны в Японии, могут быть доставлены в Россию на транспортных средствах японского правительства. Определив, какого военного материала и в каком количестве не хватает российской армии, и сообразуясь с невозможностью превышения выше указанного тоннажа, представители союзных правительств предложили направить в Россию нужный ей материал в следующих пределах:

Артиллерийский материал	1 200 000 *т*
Железнодорожный материал	700 000 *т*
Снарядная сталь	100 000 *т*
Другие металлы	180 000 *т*
Проволока	110 000 *т*
Материал для Румынии	120 000 *т*
Уголь	1 500 000 *т*
Другие статьи	380 000 *т*

Эти объемы — много ниже потребностей русской армии. Тем не менее, Российское военное министерство было вынуждено удовлетвориться этими цифрами, прекрасно отдавая себе отчет в скудности морских транспортных средств. Вместе с тем, Российское военное министерство оставило за собой право глубже изучить эти цифры и изменить их, если сочтет сие необходимым, без превышения, однако, общего тоннажа, выделенного для России. В заключение генерал Беляев отметил, что получение данного военного материала имеет для России огромное значение, и заверил, что будет сделано все возможное для скорейшей доставки этого материала по назначению после его выгрузки в России.

Его превосходительство виконт Милнер в этой связи напоминает, что представители союзных держав высказали определенные рекомендации относительно необходимости упорядочения и ускорения перевозки по российской территории военного материала, предназначенного для русской армии. Он замечает, что союзники также имеют большую нужду в военном материале и посему будут очень рады, если вооружение, которого они себя лишают в пользу России, как можно меньше времени будет оставаться без употребления. Лорд Милнер желал бы узнать, войдут ли рекомендации, выработанные союзными представителями по этому поводу, в решения конференции.

Генерал Гурко отмечает, что для включения рекомендаций в решения конференции нет оснований; они не имеют обязательного характера и не обсуждались в Комиссии по боеприпасам. Сия последняя ограничилась тем, что приняла их к сведению в виде

сообщения; к тому же вопрос о том, чтобы сделать рекомендованные меры условием отправки вооружений в русскую армию, вообще не поднимался. Переходя к существу вопроса, поднятого лордом Милнером, генерал Гурко добавляет, что российское правительство совершенно согласно с этими рекомендациями. Иначе и быть не может, поскольку оно больше, чем кто-либо еще заинтересовано в том, чтобы перевозка данного материала осуществлялась в наилучших для их скорейшей доставки условиях. Поэтому можно быть уверенным в том, что оно сделает все, что в его власти, для скорейшего наделения оным своих армий.

Его превосходительство г-н Покровский в связи с этим обращает внимание участников конференции на различие, которое следует делать между решениями, с одной стороны, и соображениями, касающимися условий, в которых эти решения должны будут выполняться, с другой.

Его превосходительство лорд Милнер заявляет, что он не намеревался придавать рекомендациям, которые являются отражением всего лишь точек зрения соответствующих правительств, обязательный для российского правительства характер.

Его превосходительство г-н Думерг предлагает принять оные рекомендации в качестве предложений и с этой целью приложить их к протоколу.

Конференция утверждает пассажи 1, 2 и 3 заключения Комиссии по военному материалу, фигурирующие в разделе III «Постановлений конференции» в качестве обоснования. Она принимает пассажи 4, 5, 6 и 7 того же Заключения, фигурирующие в разделе III «Постановлений конференции» в качестве решения. Она постановляет приложить к протоколу настоящего заседания пассажи 9, 10, 11 и 13 того же заключения. — Смотри по окончании протокола.

Затем его превосходительство г-н Покровский переходит к решениям, принятым Комиссией военных делегатов, занимавшихся рассмотрением стратегических вопросов. С согласия собрания г-н Покровский заявляет, что их нет необходимости зачитывать, поскольку оные решения уже были сообщены собранию на заседании 24 января/6 февраля.

Конференция одобряет решения, касающиеся ведения военных действий.

Далее собрание приступает к рассмотрению результатов работы Финансовой комиссии.

Слово предоставляется его превосходительству г-ну Барку, который отмечает, что в исполнение финансовой программы конференции министр финансов представил Финансовой комиссии полный отчет о сложившемся положении и гг. делегаты союзных держав соблаговолили принять к сведению содержавшиеся в нем объяснения и соображения. Затем в частных беседах, которые министр финансов поочередно проводил с его превосходительством лордом Милнером и лордом Ревелстоком, с его превосходительством г-ном Думергом и с его превосходительством сенатором Шалойа, с общего согласия были рассмотрены различные вопросы, требующие незамедлительного разрешения для финансирования войны, и гг. делегаты соблаговолили принять на себя обязательство представить эти вопросы соответствующим правительствам для скорейшего их решения.

Генерал Гурко считает должным остановиться на трудах финансовой комиссии ввиду того, что финансовые вопросы тесно связаны с вопросами военными. В самом деле, только с сильными финансами можно довести войну до счастливого конца. Наша цель в этой войне состоит не только в том, чтобы навязать противнику свою волю на поле боя, но и в том, чтобы создать экономические условия, которые мешали бы ему после

войны восстановить свои финансы и подготовиться к новой агрессии, ибо очевидно, что неприятель не оставит мысли о реванше. Поэтому союзники всегда должны иметь в виду такую перспективу. Обесценивание рубля за границей внушает генералу Гурко серьезные опасения. После войны это обесценивание могло бы поставить Россию в чрезвычайно тяжелое экономическое положение. Генерал Гурко не сомневается в том, что благодаря своим природным богатствам Россия выйдет из этого сомнительного состояния, но она не сможет из него выйти без больших потерь; следует весьма опасаться того, что Германия, при всем ее ослаблении, воспользуется ситуацией, чтобы поразить Россию на экономическом поприще прежде, чем сделать это с помощью оружия, и чтобы восстановить свои силы, обогащаясь за счет России. Эти соображения приводят генерала Гурко к заключению, что вопрос о курсе рубля затрагивает интересы не только России, но и ее союзников.

Его превосходительство лорд Милнер замечает, что полагает эти соображения весьма важными.

Затем его превосходительство г-н Покровский возвращается к политическим вопросам, которые уже были рассмотрены и по которым конференция уже приняла решения и выработала пожелания.

Он зачитывает решения и пожелания, касающиеся греческих дел, а также пленных, принадлежащих к нациям, сочувствующим союзникам и сербской армии. Конференция утверждает эти решения.

Затронув вопрос о блокаде Греции, его превосходительство г-н Покровский отмечает, что последние известия о положении в Греции вновь вызывают тревогу, однако изменять решение конференции насчет снятия блокады не следовало бы, поскольку оно по-прежнему точно соответствует положению.

В связи с пожеланием насчет отвода сербской армии генерал Кастельно удостоверяет, что отвод, бывший в процессе осуществления, все еще продолжается.

Его превосходительство г-н Покровский зачитывает решение, принятое собранием политических делегатов 24 января относительно помощи, которой следует добиваться от Японии.

Конференция утверждает это решение.

Затем, его превосходительство г-н Покровский отмечает, что это решение предусматривает со стороны Японии только помощь в области вооружений; проблема отправки японских воинских контингентов на один из военных театров остается нерешенной. Г-н Покровский напоминает, что наиболее пригодным для использования японских войск сочли в свое время Месопотамский театр.

Если конференция признает, что с политической точки зрения было бы уместно предпринять демарш с целью получения помощи со стороны японской армии, то в связи с этим следовало бы прибавить в заключение решения следующие слова: «...и войск».

Его превосходительство г-н Думерг замечает, что только правительствам надлежит решать, в каком месте и на каком фронте должны быть использованы войска, и предлагает дополнить решение более значительным образом: «...и войск на одном из театров военных действий».

Генерал Кастельно находит, что конференция до сих пор рассматривала вопрос в слишком общем виде. Необходимо конкретизировать положение. Настоящая конференция была специально посвящена нуждам России. Было установлено, что ей особенно не хватает артиллерии. А распределение средств должно соответствовать предпола-

гаемым действиям. Поскольку делегаты признали, что русской армии для того, чтобы заставить неприятеля ощутить всю значимость своего превосходства в людях, остро недостает необходимой технической оснащенности, то им следовало бы рассмотреть вопрос, где можно было бы найти недостающую боевую технику и прежде всего, тяжелую артиллерию. В данных обстоятельствах помощь Японии настоятельно необходима. Ввиду присоединения этой страны к общему делу союзников, в Токио можно было бы направить специального представителя одного из правительств с целью дать почувствовать японскому правительству всю моральную значимость помощи с его стороны.

Его превосходительство г-н Шалойа придерживается мнения, что лучше было бы принять решение в том виде, в каком оно было выработано Политическим совещанием. Он полагает, что не следовало бы просить Японию о войсках, не будучи уверенными в ее согласии, и опасается негативных последствий, которые имел бы отказ с ее стороны.

Генерал Гурко, полностью признавая, что с военной точки зрения помощь японской армии, как и любое другое увеличение сил, была бы весьма желательной, разделяет мнение сенатора Шалойа насчет опасностей, которые заключает в себе отказ со стороны Японии. Кроме того, не следует забывать, что вне зависимости от размеров помощи, о которой мы попросили бы Японию, сам факт ее более деятельного участия вызвал бы новые настояния с ее стороны. Что же касается помощи вооружением, то никак не стоит забывать о том, что Япония во время войны непрерывно продолжала производить новые артиллерийские орудия; все они предназначались ею для нужд ее собственной армии, а в распоряжение союзников она предоставляла только пушки, снятые с вооружения.

Его превосходительство виконт Милнер, в свою очередь разделяя мнение сенатора Шалойа насчет затруднений, которыми был бы чреват отказ Японии, от имени британского правительства заявляет, что оно не смогло бы дать согласие на демарш в Токио, имевший бы целью посылку войск. Что касается помощи в виде военных поставок, то это дело заслуживает определенных стараний. Однако не следует добиваться от Японии безвозмездной помощи. Надо было бы подумать о вознаграждении за нее. Финансовой комиссии надлежит изыскать способы такой оплаты. Единственным возможным из них, по мнению лорда Милнера, является размещение на токийском рынке крупного займа, гарантированного державами. В этом случае союзники будут вольны указывать японцам на материал, в котором они нуждаются.

Его превосходительство г-н Думерг подчеркивает, что решение насчет японского военного материала, предполагающее проведение демарша перед токийским правительством, также не исключает возможности натолкнуться на отказ, и, тем не менее, это не помешало конференции его принять. Эти соображения, кажется, опровергают доводы г-на Шалойа. Г-н Думерг предлагает принять пожелание, посредством которого конференция рекомендовала бы вниманию правительств предполагаемый демарш, побуждающий японцев оказать своим союзникам помощь войсками на любом театре военных действий по своему выбору. Это пожелание конференции не налагало бы никаких обязательств на соответствующие правительства. Его превосходительство г-н Думерг указывает далее на важное значение помощи, которую Япония может оказать союзникам. Она легко может отправить 50–60 тыс. человек в Персидский залив. Появление подобной силы способно вывести из борьбы уже уставшую от войны страну — такую, как Турция. Как только сия последняя будет вынуждена отделиться от центральных держав, восточные проекты, постоянно вынашивавшиеся Германией, окажутся несостоятельными. Поэтому Турция стала бы не единственной страной, потерпевшей поражение.

Отвечая г-ну Думергу, лорд Милнер замечает, что правительства вольны предпринять в Японии любой демарш, какой они сочтут полезным, и без всякого приглашения со стороны конференции.

Генерал Гурко обращает внимание собрания на то, что вследствие климатических условий Месопотамии военные действия в этой области должны быть приостановлены на 8 недель и могут возобновиться только в середине октября. Генерал делает это замечание исключительно для справки, а не для умаления реального значения возможного содействия союзникам японских войск в Месопотамии; он полагает, что этот вопрос заслуживает более глубокого изучения.

Генерал Кастельно возвращается к соображениям, которые он уже развивал. Обращение за содействием к Японии делается союзниками всего лишь для очистки совести. Оное содействие в любом случае не будет настолько мощным, чтобы благодаря ему можно было покончить с этой войной. Если же по политическим соображениям обращение к ней с просьбой представляется невозможным, надобно примириться с этой данностью, ибо война служит политике, а не наоборот. Союзники побьют неприятеля и теми силами, которыми они располагают в настоящее время.

Его превосходительство г-н Покровский, попросив делегатов высказаться по предложению г-на Думерга о принятии пожелания насчет посылки войск, констатирует, что оное предложение одобряется не всеми делегатами и, следовательно, не требует ничего другого, кроме занесения дебатов по этому поводу в протокол.

Его превосходительство г-н Покровский напоминает конференции, что она переносила вопрос о нейтралах с одного заседания на другое, находя бесполезным его рассмотрение в его нынешнем состоянии. Его превосходительство г-н Покровский полагает, что выносить решение по этому предмету было бы неуместно.

Конференция принимает эту точку зрения.

Его превосходительство г-н Покровский зачитывает последнее из решений конференции — решение, касающееся создания Центрального межсоюзнического совета.

Генерал Гурко высказывает следующие замечания. Компетенция задуманного органа кажется ему весьма неопределенной. Если он призван высказываться по основным вопросам, то делегаты не смогут принимать решений без обращения к своим правительствам.

Если же совет станет заниматься только второстепенными вопросами, то будет плохо себя оправдывать, ибо нецелесообразно ради рассмотрения второстепенных вопросов перемещать и отрывать от их занятий председателей Советов министров.

Центральный совет — такой, каким он представлен в решении конференции, — являет собой не более, чем череду собраний «ad hoc». Собрания такого рода неизбежно ведут к значительным потерям времени и имеют своим следствием уже описанные неудобства. Вот почему генерал Гурко представляет себе создание совета только в виде учреждения постоянного собрания либо послов, либо специальных делегатов, исходя из того, что каждое правительство само по себе имеет право решать, кто его будет представлять.

Положение России в лоне этого совета будет явно ниже положения ее союзников; она не в состоянии направить туда своего председателя Совета министров или уполномочить делегата, который будет его замещать, решать вопросы без представления их на рассмотрение оному председателю.

Признавая, что большая часть делегатов конференции сочувственно относится к идее образования центрального органа, его превосходительство г-н Сазонов просит

позволения задать практический вопрос, чтобы узнать, какими именно полномочиями совет будет наделен. По его мнению, планировать создание нового органа уместно только после того, как станет ясно, каковы будут его полномочия. Кроме того, г-н Сазонов сомневается, что этот совет, создаваемый для ускорения принятия решений, на самом деле обеспечит это преимущество.

Его превосходительство г-н Думерг заявляет в ответ, что совет будет осуществлять верховное руководство ведением войны, чем и будет лимитирована его компетенция. Государственные мужи, которые примут участие в совете, будут сами в полной мере заботиться о своей ответственности. Они сами будут определять, надлежит ли им самим решать те или иные вопросы или они должны прибегнуть к помощи своих правительств.

Его превосходительство г-н Шалойа замечает, что идея создания постоянной комиссии была отвергнута в ходе предыдущих обсуждений. Как итальянский делегат, он высказывается против новых дебатов по этому поводу. Вместе с тем, он поддерживает создание совета сообразно с предусмотренными в решении условиями. Прежде всего, учреждение предполагаемого совета, даже если ему не суждено возыметь серьезную практическую ценность, будет иметь большое моральное значение: в нем узреют новый символ единения союзников. При этом о создании совета говорится в весьма широком смысле: пожелание собрания является ничем иным, как рекомендацией правительствам по этому поводу. Именно им надлежит договариваться о необходимости координировать таким образом действия союзников. По мысли г-на Шалойа, предполагаемый совет в целом станет всего лишь продолжением союзных конференций, имевших место в прошлом и имеющей место сейчас, — с единственным отличием, которое заключается в том, что далее они станут менее многолюдными за счет сокращения числа их участников, превратятся в нормальный рабочий орган и будут лишены особой торжественности.

Присоединяясь к мнению итальянского делегата, его превосходительство г-н Думерг замечает, что постановления конференции оставляют союзным правительствам возможность принимать решения. Делегаты сочли создание совета полезным делом. Но они не установили точной даты, когда он начнет функционировать. Поэтому правительства вольны дать любой ход этому решению конференции, которая имела своей целью только представить примерный проект.

Его превосходительство виконт Милнер, присоединяясь к мнению итальянского и французского делегатов, констатирует, что делегаты пришли к согласию по вопросу о создании Центрального совета. Принимая предложение генерала Гурко, собрание соглашается исключить из текста постановления о Центральном совете слово «всем», стоящее перед словами: «вопросам, касающимся верховного руководства ведением войны».

С этим изменением конференция принимает постановление относительно создания центрального органа для верховного руководства ведением войны.

Прежде чем закрыть заседание, его превосходительство г-н Покровский благодарит представителей держав за то, что они облегчили его работу как председательствующего; от имени российских участников выражает признательность делегатам союзных держав за проявленное ими добросердечие и заявляет о своей уверенности в том, что проделанная конференцией работа приблизит час конечного успеха.

Заседание было закрыто в 7 часов 5 минут пополудни.

Приложение к протоколу заключительного заседания
Петроградской конференции от 7/20 февраля 1917 г.

В ходе рассмотрения решений, касающихся военного материала, делегаты союзных держав предложили вниманию представителей России (подчеркнув при этом, что речь не идет об условиях, непременно подлежащих исполнению) приводимые ниже соображения, которые решено было внести в протокол.

Чтобы поставленный материал в возможно кратчайшие сроки мог поступать в распоряжение русских армий, необходимо, как мы полагаем, до возобновления работы Архангельского порта зарезервировать Мурманскую железную дорогу для перевозки артиллерийских орудий, траншейных минометов, боеприпасов, порохов и авиационного материала.

Предложенная программа может быть выполнена, если только незамедлительно будут приняты решительные меры к обеспечению наилучших условий для работы Архангельского порта, который ныне является главным принимающим портом России.

Совершенно необходимо до возобновления навигации перевести на военное положение персонал порта, занятый на погрузочно-разгрузочных работах на пристанях и на загрузке поездов.

Предусмотренное максимальное количество грузов может быть доставлено в Россию только при условии, что суда будут задерживаться в портах на самое возможно короткое время. В этом отношении в Архангельске в 1917 году возникнет новое затруднение в виде необходимости вывоза через данный порт по меньшей мере 500 тыс. *т* зерна. Поэтому чрезвычайно важно деятельно и без промедления провести подготовку к этой последней операции и начать уже в настоящее время сооружение пристаней, складов и т.п.

Ввиду невозможности импортировать весь тот уголь и всю ту сталь, которых не хватает России, необходимо всеми возможными средствами повысить в 1917 году их производство в самой России. Судя по собранным сведениям, крупные шахты могли бы добывать больше угля, если бы в их распоряжение были направлены необходимые специалисты, которых с этой целью следовало бы отозвать с фронта. К незамедлительному улучшению положения привело бы сосредоточение в руках одного энергичного и деятельного начальника дела снабжения углем Южной области и распределения вагонов для его транспортировки.

Недостаток металлов также понуждает к сокращению их использования в отраслях, которые не имеют никакого отношения к войне. Также и при производстве военного материала и припасов необходимо использовать всевозможные способы экономии металла.

Ресурсы Японии, что касается припасов, как нам представляется, используются далеко не в той степени, в какой это возможно. Позволительно думать, что союзные правительства, представленные на конференции, предпримут демарш перед японским правительством, дабы побудить его к изысканию возможностей для поставок России порохов, стали, меди, железнодорожного материала и готовых боеприпасов. Если японское правительство возьмет на себя организацию перевозки грузов морем и поставит России вагоны и локомотивы, это выльется в существенное пополнение военного материала.

Если российское правительство сочтет, что направление в его распоряжение инженеров или других специалистов может способствовать развитию российского производства, западные союзники будут рады удовлетворить его в данном отношении.

Союзные представители выражают признательность российскому правительству за ту обязывающую предупредительность, с которой оно предоставило им все необходимые сведения.

Постановления конференции

I

Решения политического порядка

1. Признавая, что в прошлом, в том числе и после Римской конференции, представителям союзных держав в Афинах не доставало сплоченности, конференция постановляет, что должны быть приняты необходимые меры для обеспечения полной согласованности в их действиях.

2. Опираясь на решения, принятые в Риме, конференция постановляет, что как только специальные представители, призванные осуществлять надзор, заявят о полном исполнении Грецией предъявленных ей требований, произойдет смягчение блокады и будет допущен ограниченный импорт продовольствия, не превышающий 2-дневной или 3-дневной потребности населения в пропитании; число портов, через которые сможет осуществляться ввоз, будет строго ограничено ради обеспечения действенного контроля.

3. Сообразуясь с тем, что многие из пленных, захваченных у неприятеля, принадлежат к различным угнетаемым нациям, сочувствуют делу союзников и были бы готовы его защищать, конференция предлагает правительствам с пользой для дела употреблять всех добровольных помощников, которые могли бы быть призваны заявить о себе в этом смысле.

4. Конференция полагает, что следует требовать от Японии большей помощи в виде артиллерийских орудий и боеприпасов, офицеров и канониров, состоящих при этих орудиях.

5. Конференция признает необходимость создания центрального органа четырех держав, представленных на этой конференции, для ускоренного достижения договоренностей по вопросам, касающимся верховного руководства ведением войны.

Конференция полагает, что этот орган должен быть организован как регулярное и часто проводящееся собрание председателей Советов министров. Председатели Советов могут быть замещены другими членами правительства или политическими делегатами, специально уполномоченными на сей счет.

Конференция выражает пожелание, чтобы по возможности в собраниях принимали участие одни и те же особы.

Пожелание

С сожалением отмечая, что сербская армия вследствие тяжелых потерь, которые она понесла и которые не могут быть восполнены ввиду отсутствия резервов, все больше и больше слабеет, конференция выражает пожелание,

1) чтобы эта армия была отведена с фронта в как можно большей ее части, насколько сие позволят сделать военные обстоятельства[2];

2) чтобы она была усилена за счет захваченных у неприятеля пленных славян, добровольцы из коих могли бы быть использованы для этой цели.

II

Решения, касающиеся военных действий

1-й вопрос: Должны ли кампании 1917 года иметь решающий характер, или же, напротив, следует отказаться от достижения окончательных результатов в течение 1917 года?

Предстоящие на различных фронтах наступательные операции должны вестись с применением максимума средств, коими будут располагать союзные армии.

2-й вопрос: Если решение придать кампаниям 1917 года решающий характер будет принято, то явится ли возможность предпринять совместные наступательные действия достаточно быстро для упреждения попыток неприятеля снова взять в свои руки операционную инициативу?

3-й вопрос: Если, напротив, исходить из допущения возможности новых начинаний со стороны неприятеля, то не должно ли предусмотреть второстепенные, но достаточно действенные операции с целью сохранения союзниками операционной инициативы до момента, когда могут быть начаты совместные наступательные действия?

С определенного и согласованного союзниками момента на каждом из главных фронтов коалиции будут приняты все меры для недопущения перехвата неприятелем операционной инициативы. Если для сохранения этой инициативы один из союзников будет вынужден начать операции ранее условленного времени, другие союзники начнут свои не позднее, чем три недели спустя; они пустят в ход максимум средств, которые в момент выполнения данного обязательства позволят им использовать климатические условия, особенные на каждом из театров военных действий.

4-й вопрос: Должны ли совместные наступательные операции иметь своей целью нанесение противнику решающего удара по самим центрам его сопротивления или, напротив, предпочтительнее было бы атаковать его там, где он может оказать меньшее сопротивление?

Коль скоро обстоятельства тому не воспрепятствуют, совместные наступательные действия с использованием максимума средств, которые каждая армия сможет пустить в ход, начнутся на всех фронтах в определенное и утвержденное военными делегатами время, если только климатические условия не станут для этого непреодолимой преградой.

5-й вопрос: Каково значение балканского театра при нынешнем положении вещей? Надлежит ли добиваться исполнения плана изоляции Турции путем совместного действия русско-румынской и салоникской армий против Болгарии? Должны ли решения конференции в Шантильи по этому вопросу быть оставлены в силе или их следует пересмотреть? Если будет признано невозможным предпринять решительное наступление против Болгарии на Македонском фронте, то какой будет роль салоникской армии? Должна ли

она, отказавшись от наступательных действий, ограничиться удерживанием наличных сил неприятеля на этом театре и воспрепятствованием завладению им Грецией? Необходимо ли в этом случае удерживать Монастырь? Валона. Положение румынской армии.

В нынешних обстоятельствах балканский театр, с точки зрения обеспечения успеха операций, не имеет более тех преимуществ, которые признавали за ним прежде. Поэтому нет более оснований добиваться исполнения плана изоляции Турции путем совместного действия русско-румынской и салоникской армий против Болгарии. Вследствие этого салоникская армия будет иметь задачу: а) решительно противодействовать всякому наступлению, которое может предпринять против нее неприятель, и, в частности, по возможности обеспечивать сохранение за нами Монастыря; в) сковывать противостоящие ей силы и не допускать сообщения болгар с греками; с) коль скоро неприятель начнет выводить из Македонии значительные силы, перейти в наступление, воспользовавшись этой благоприятной ситуацией. Поставленная выше задача, как об этом уже было сказано прежде, предполагает, что численный состав салоникской армии останется неизменным. Для осуществления этого предположения в отношении сербской армии настоятельно требуется, чтобы итальянское и российское правительства приняли все необходимые меры для облегчения ускоренного пополнения оной армии за счет пленных славян, находящихся в их распоряжении. Работы по улучшению дороги Санти–Кваранта–Монастырь будут продолжены по возможности самым деятельным образом, согласно установленным конференцией условиям. Румынская армия будет реорганизована в составе такого количества дивизий, какое будет можно создать и содержать.

6-й вопрос: Каких мнений придерживаются союзные правительства и командования относительно намерений противника? Необходимо учитывать возможность действий неприятеля на русском фронте в направлении на Москву и Петроград, ибо действия такого рода выгодны для противника ввиду непомерной протяженности русского фронта в сравнении с количеством защищающих его частей и трудностей с переброской на север, в случае необходимости, российских сил, сосредоточенных на румынском фронте.

7-й вопрос: Сохранение в силе обязательства о взаимопомощи, заключающегося в следующем: если одна из держав подвергнется нападению, другие незамедлительно придут ей на помощь всеми своими наличными силами, либо посредством перехода в наступление их армий, либо путем отправки подкреплений атакованной державе.

В связи с разъяснениями, данными конференции, союзники вновь возобновляют обязательство о взаимопомощи, которое они приняли ранее на случай, если один из них подвергнется нападению (конференция в Шантильи 15 ноября 1916 г.) — эта помощь должна быть оказана в кратчайший срок, предел коего был определен ранее. Делегаты выражают пожелание, чтобы заинтересованные правительства достигли необходимых договоренностей для облегчения координации военных действий на Кавказе и в Месопотамии.

III

Решения, касающиеся военного материала

Решения, принятые конференцией относительно военного материала, основаны на следующих соображениях:

Требования, представленные российским правительством на сей счет, были рассмотрены представителями союзных держав с величайшим вниманием. Они сочли эти требования совершенно справедливыми. Вместе с тем, им пришлось принять в расчет не только ограниченные возможности немногочисленных портов, через которые должен осуществляться ввоз, и недостаток транспортных средств на базах, расположенных во внутренних областях страны, но и нехватку судов, на которую указал представитель Великобритании. Поэтому представляется весьма маловероятным, чтобы в Россию можно было ввести более 3 млн 400 тыс. *т* грузов в год[3], как бы ни старались превзойти эти цифры. Надо полагать, что может так случиться, что опасности, грозящие судоходству, не позволят достигнуть и этого предела.

К тому же ранее было оговорено, что 120 тыс. *т* из этого общего тоннажа будет предназначаться Румынии.

Тем не менее, следует основываться на самых оптимистических предположениях и принять меры к тому, чтобы поставить России максимально возможное количество грузов. Следует даже предусмотреть некоторое превышение предела тоннажа, чтобы быть готовыми к потерям грузов и задержкам поставок.

Вследствие сего конференция решила соответствующим образом распределить предполагаемый тоннаж в 4 250 000 *т* (28% превышения вероятных резервов, включительно) между различными видами грузов, а именно:

Артиллерийские орудия и боеприпасы	1 200 000 *т*
Железнодорожный материал	620 000 *т*
Снарядная сталь	100 000 *т*
Другие металлы	180 000 *т*
Проволока (идущая в России на изготовление колючей проволоки)	110 000 *т*
Техника и припасы для Румынии	120 000 *т*
Уголь	1 500 000 *т*
Различные поставки для армии, флота и коммерции	420 000 *т*
	4 250 000 *т*

(Более подробные перечни будут представлены).

Эта раскладка предполагает возможность обеспечения указанных поставок. В нее не включены изделия шведского производства; материал, который дополнительно могла бы поставить Япония в соответствии с условиями, обозначенными в ст. 14, а также мореходные, буксирные, портовые суда, которые могут отправиться в Россию своим ходом.

В разделе «Артиллерийские орудия и боеприпасы» учтен материал, который союзные представители предлагают своим правительствам уступить России сверх тех поставок, на которые последние уже согласились прежде, а именно:

Франция

а) Тяжелая артиллерия:

50 орудий калибра 150 мм старого образца, поставка которых была отложена.

в) Траншейные орудия:

300 пушек калибра 58 мм (№ 2) с начальным боезапасом в 500 снарядов на орудие;

120 минометов калибра 240 мм с начальным боезапасом в 250 снарядов на орудие.

с) Боеприпасы

45 000 снарядов калибра 120 мм (включая 15 000 уже поставленных);
15 000 снарядов калибра 155 мм;
3 000 комплектов деталей для 11-дюймовых минометных мин (незаряженных)

} ежемесячно, начиная с февраля

1 000 000 детонационных взрывателей 24/31 — до июля.

3 000 000 патронов для автоматических пистолетов — по 1 млн в апреле, июле и октябре.

Другие требования еще находятся на рассмотрении у французского правительства.

Великобритания

а) Тяжелая артиллерия:

4 батареи 6-дюймовых гаубиц;
2 батареи 8-дюймовых гаубиц;
1 батарея гаубиц калибра 9,2 дюйма

} ежемесячно после открытия Архангельского порта

Вдобавок будет поставлено 50 гаубиц калибра 4,5 дюйма взамен вышедших из строя орудий того же калибра.

Кроме того, зимой 1917–1918 гг. английское правительство произведет замену вышедших из строя орудий всех поставляемых им образцов.

в) Траншейные орудия:

50 2-дюймовых минометов;
50 минометов Стокса

} незамедлительно

330 минометов калибра 9,45 дюйма — по возможности, сразу же после их изготовления.

с) Боеприпасы:

Для тяжелой артиллерии доставляться будут теми же рейсами, что и обещенные орудия, из расчета:

100 снарядов в неделю на одно орудие для 6-дюймовых гаубиц;

75 — для 8-дюймовых гаубиц;

75 — для гаубиц калибра 9,2 дюйма.

Для траншейных минометов:

500 снарядов на орудие для 2-дюймовых минометов;

1000 — для минометов Стокса;

500 — для минометов калибра 9,45 дюйма.

Кроме того, с июля 1917 г. английское правительство будет поставлять ежедневную норму боеприпасов для всех этих минометов.

Италия

Поставка 200 орудий калибра 105 мм должна начаться с марта 1917 г.

40 зенитных пушек для флота.

(Вопрос о поставке еще 60 орудий, а также гильз и взрывателей находится на рассмотрении итальянского правительства).

Другие требования также еще рассматриваются итальянским правительством.

Указанный в разделе «Железнодорожный материал» тоннаж должен обеспечить доставку, согласно уже отданным распоряжениям, порядка 370 000 *т* рельсов. Кроме того, ввиду насущной потребности в увеличении транспортных средств, английские делегаты предложат своему правительству разместить новый заказ примерно на 100 000 *т* подвижного состава и 200 000 *т* рельсов — заказ, который должен быть изготовлен в последней четверти 1917 года и доставлен в Россию в начале 1918 года.

Английские делегаты также предложат их правительству выделить из своих собственных резервов и поставлять России по 4 000 *т* снарядной стали в неделю в течение 6 месяцев после открытия Архангельского порта.

Наконец, учитывая насущные нужды русского фронта, они предложат заказать в Америке 110 000 *т* проволоки, из которой в России изготовляют колючую проволоку.

Российское правительство само соблаговолит определить, каким образом, по его мнению, лучше всего было бы использовать остающийся незанятым тоннаж. Думается, однако, что 200 000 *т* можно было бы зарезервировать под всякого рода автомобили.

В случае принятия данного предложения, следовало бы распределить оные 200 000 *т* между тремя странами — Францией, Великобританией и Италией и лимитировать отправления каждой страны в 1917 году, сообразно присвоенной ей доле участия в этом деле.

В результате для удовлетворения других потребностей осталось бы 220 000 незанятых тонн. Это меньше тоннажа, необходимого для перевозки уже исполняемых заказов. Возможно, этого тоннажа будет недостаточно и для массы товаров, которые будут ожидать погрузки в портах и на складах ко времени возобновления навигации. Так что, не уместно было бы размещать новые заказы, подлежащие доставке в текущем году.

Тем не менее, ввиду особой заинтересованности в облегчении перевозки грузов во внутренние области страны и на фронт, великобританские делегаты предложат их правительству разместить заказ на незамедлительную поставку подъемных кранов и другого оборудования для Архангельского порта, а также — на амуницию.

Союзные представители сочли должным обратить внимание российского правительства на опасность перегрузки портов отправления, если не будут приняты меры к тому, чтобы отложить отправку из этих портов товаров, которые не относятся к товарам первой необходимости.

Распределение тоннажа, предназначенного для перевозки артиллерийских орудий и боеприпасов

	Великобритания	Франция	Америка	Италия
Боеприпасы для пушек и гаубиц	170 000	152 400	180 000	–
Пушки и гаубицы (включая тягачи)	10 000	7 200	(включено в тоннаж Великобритании)	–
Минометы и боеприпасы для них	20 000	12 000	--»--	–

Авиация	70 000	150 000	–	–
Порохи	–	–	30 000	–
Взрывчатые вещества	30 000	?	120 000	–
Винтовки	–	–	10 000	–
Пулеметы	–	120		–
Патроны	3 000	6 000	20 000	–
Другие материалы, в том числе световые сигнальные средства и оптические приборы, но за исключением автомобилей	2 000	–	–	–
	304 000	328 000 (плюс взрывчатые вещества)	360 000	

1 082 000 *т* плюс материал, поступающий из Италии, и взрывчатые вещества, поступающие из Франции, — в сумме должно получиться 1 200 000 *т*.

Подписи[4]
М.П.

Ф. 163, оп. 3, д. 1962, л. 75–111 об. Подлинник. Фр. яз.
Перевод с французского.

[1] См. прим. 3 к док. № 37.

[2] Согласно заявлению французских делегатов, это пожелание уже выполняется (прим. документа).

[3] Не считая дополнительных поставок, которые, можно надеяться, получить от Японии (см. далее ст. 14). (Прим. документа).

[4] Следуют подписи: «Гастон Думерг, Палеолог, генерал де Кастельно, Милнер, Джордж У. Бьюкенен, Ревелсток, генерал Генри Уилсон, В. Шалойа, А. Карлотти, генерал граф П. Руджери-Ладерки, Н. Покровский, адмирал И. Григорович, генерал Беляев, П. Барк, князь В. Шаховской, Войновский-Кригер, великий князь Сергей [Михайлович], В. Гурко, Русин, Сазонов, Нератов, генеральный секретарь Конференции С. Шателен».

46. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РОССИИ В СОЮЗНЫХ СТРАНАХ

№ 967 *4/17 марта 1917 г.*

Откр[ытая] цирк[уляр]ная тел[еграмма]
предст[авите]лям при союзниках

Известия, переданные Петроградским телеграфным агентством, уже ознакомили Вас с событиями последних дней и с падением старого политического строя в России, который беспомощно рухнул под напором народного негодования, вызванного несостоятельностью этого режима, его злоупотреблениями и преступной непредусмотрительностью. Ненависть к павшему режиму объединила все здоровые элементы нации и обусловила легкое и скорое завершение кризиса. После того, как все население страны с небывалым энтузиазмом встало под знамена революции и армия оказала ему быструю действенную помощь, народное движение в течение одной недели одержало решительную победу. Скорая победа позволила сократить количество жертв до размеров, неслыханных в летописях переворотов подобного размахаи такого значения.

Император Николай II актом, датированным: Псков, 2/15 марта 1917 г., — отрекся от престола за себя и за наследника, великого князя Алексея Николаевича, в пользу великого князя Михаила Александровича. При сообщении ему об этом, великий князь Михаил Александрович в свою очередь отказался актом, датированным: Петроград, 3/16 марта 1917 г. — от принятия верховной власти до того момента, когда Учредительное собрание, избранное всенародным голосованием, установит новую форму правления и новые основные законы России. Этим же актом великий князь Михаил Александрович призвал всех русских граждан подчиниться, в ожидании окончательного выявления народной воли, Временному правительству, созданному по почину Государственной думы и облеченному всею полнотою власти.

Состав Временного правительства и его политическая программа обнародованы и сообщены за границу.

Правительство, принимая на себя бремя власти в момент тягчайшего внутреннего и внешнего кризиса, равного которому Россия не переживала за все время своей истории, ясно сознает всю громадную ответственность, падающую на него. Правительство прежде всего приложит усилия к устранению результатов тяжких ошибок, совершенных в прошлом, к обеспечению порядка и спокойствия внутри страны и, наконец, к подготовке условий, необходимых для того, чтобы суверенная воля нации могла свободно определить ее судьбу.

В области внешней политики кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией. Мы будем неуклонно укреплять отношения, связывающие нас с другими дружескими и союзными нациями, и мы уверены в том, что эти отношения сделаются еще более близкими и прочными при установленном Россией новом режиме, который будет руководствоваться демократическими принципами уважения к малым и большим нациям, свободы их развития и доброго согласия между народами.

Но правительство ни на минуту не забывает о тех тяжелых внешних обстоятельствах, при которых оно принимает власть. Россия не желала войны, обагряющей мир кровью почти три года. Однако, являясь жертвой давно задуманного и подготовленного нападения, она будет, как и до сих пор, бороться с завоевательными замыслами хищнической расы, увлеченной мечтой об установлении недопустимой гегемонии над соседними народами, попытавшейся заставить Европу XX века пережить позор господства прусского милитаризма.

Верная договору, неразрывными узами связующему ее со славными союзниками, Россия решила, подобно им, во что бы то ни стало добиться установления эры мира между народами путем образования международной организации, прочной и обеспечивающей уважение к праву и справедливости. Бок о бок с ними она будет сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неутомимо. Правительство, членом которого я являюсь, посвятит всю свою энергию достижению победы и приложит все усилия к исправлению в возможно короткий срок ошибок прошлого, которые могли парализовать до сего времени порыв и дух самопожертвования русскою народа. Оно твердо уверено, что великий энтузиазм, воодушевляющий ныне всю нацию, удесятерит силы и приблизит час окончательного торжества возрожденной России и ее доблестных союзников.

Я прошу Вас сообщить министру иностранных дел содержание настоящей телеграммы и оставить ему ее в копии.

Милюков

Печат. по: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 466–467.
Ф. 138, оп. 467, д. 684, л.2–4. Копия. Фр. яз.

47. ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ПОЛЬСКОМУ НАРОДУ

17 марта 1917 г.

Польша

Воззвание Временного правительства к полякам

Поляки.

Старый государственный порядок России, источник нашего и вашего порабощения и разъединения, ныне низвергнут навсегда. Освобожденная Россия, в лице своего Временного правительства, облеченного полнотой власти спешит обратиться к вам с братским приветом и зовет вас к новой жизни, свободе.

Старая власть дала вам лицемерные обещания, которые могла, но не хотела исполнять. Срединные державы воспользовались ее ошибками, чтобы занять и опустошить ваш край. Исключительно в целях борьбы с Россией и с ее союзниками, они дали вам призрачные государственные права, и притом не для всего польского народа, а лишь для одной части Польши, временно занятой врагами. Этой мерой они хотели купить кровь народа, который никогда не боролся за сохранение деспотизма. Не пойдет и теперь

польская армия сражаться за дело угнетения свободы, за разъединение своей родины под командою своего векового врага.

Братья поляки. Настает и для вас час великих решений. Свободная Россия зовет вас в ряды борцов за свободу народов. Сбросивший иго, русский народ признает и за братским польским народом всю полноту прав собственной волей определить судьбу свою. Верное соглашениям с союзниками, верное общему с ними плану борьбы с воинствующим германизмом, Временное правительство считает[1] *создание* независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе. Соединенное с Россией свободным военным союзом, польское государство будет твердым оплотом против напора срединных держав на славянство.

Освобожденный и объединенный польский народ сам определил государственный строй свой, высказав волю свою чрез учредительное собрание, созванное в столице Польше и избранное всеобщим голосованием. Россия верит, что связанные с Польшей веками совместной жизни народы получат при этом прочное обеспечение своего гражданского и национального существования.

Российскому Учредительному собранию предстоит скрепить окончательно новый братский союз и дать свое согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из всех трех ныне разрозненных частей ее.

Примите же, братья поляки, братскую руку, которую протягивает Вам свободная Россия. Верные хранители великих преданий прошлого, встаньте теперь навстречу новому великому дню вашей истории, дню воскресения Польши. Пусть союз наших чувств и сердец предварит будущий союз наших государств и пусть с обновленной и неотразимой силой прозвучит старый призыв славных провозвестников вашего освобождения: вперед на борьбу, плечом к плечу и рука об руку, за нашу и вашу свободу.

Министр председатель князь Львов
Министр иностранных дел П.Н. Милюков
Министр военный и морской А.И. Гучков
Министр путей сообщения Н.В. Некрасов
Министр торговли и промышленности А.И. Коновалов
Министр финансов М.И. Терещенко
Министр народного просвещения А.А. Мануйлов
Обер-прокурор Св. синода Вл. Львов
Министр земледелия А.И. Шингарев
Министр юстиции А.Ф. Керенский

Ф. 138, оп. 467, д. 630, л. 12–13. Копия. Рус. яз.
Опубл.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. — Вып. 1. — Петроград, 1917. — Отд. VII. — № 1. — С. 423–424.

[1] Далее зачеркнуто «воззвание».

48. НОТА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВА ПРАВИТЕЛЬСТВАМ СОЮЗНЫХ СТРАН

18 апреля/1 мая 1917 г.

[...][1] 27 марта с.г. Временное правительство опубликовало обращение к гражданам[2], в котором содержится изложение взглядов правительства свободной России на задачи настоящей войны. Министр иностранных дел поручает мне сообщить Вам означенный документ и высказать при этом следующие замечания. Враги наши в последнее время старались внести раздор в междусоюзные отношения, распространяя вздорные сообщения, будто Россия готова заключить сепаратный мир с срединными монархиями. Текст прилагаемого документа[2] лучше всего опровергает подобные измышления. Вы усмотрите из него, что высказанные Временным правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран, и которые нашли себе особенно яркое выражение со стороны нашего нового союзника, великой заатлантической республики, в выступлениях ее президента. Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т.п. Но Россия освобожденная может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии, заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче — отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем[3].

Ф. 138, оп. 467, д. 684, л. 15–16. Копия. Рус.яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1917. — Кн. I–II. — С. 12–13.

[1] Нота предваряется следующим текстом: «Министр иностранных дел телеграммой от 18 апреля 1917 г. поручил российским представителям при союзных державах передать правительствам, при коих они аккредитованы нижеследующую ноту...». Нота была опубликована Временным правительством 20 апреля/3 мая 1917 г.

[2] Не публикуется. 27 марта/9 апреля 1917 г. Временное правительство приняло декларацию, в которой говорилось: «...Цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них на-

ционального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». — См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 476–477.

[3] Нота была передана английскому, итальянскому и французскому правительствам 20 апреля/3 мая 1917 г.

49. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РОССИИ В СТРАНАХ АНТАНТЫ И США[1]

№ 2050/2 *6/19 мая 1917 г.*

Преобразованное и усиленное новыми представителями революционной демократии, Временное правительство заявляет, что оно будет с полной решительностью проводить в жизнь идеи свободы, равенства и братства, под знаменем которых создалась великая российская революция. Временное правительство объединено в особенности нижеследующими основными чертами предстоящей ему деятельности:

1. Во внешней политике Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достояния, ни насильственный захват чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации Временного правительства от 27 марта/9 апреля текущего года[2].

2. В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всею силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться важнейшей задачей Временного правительства. Пункты 3, 4, 5, 6, 7 и 8 относятся к внутренней политике[3].

Ставя своею целью решительное проведение в жизнь вышеуказанной программы, Временное правительство категорически заявляет, что его плодотворная работа возможна лишь при условии полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа и возможности осуществлять на деле всю полноту власти, столь необходимой для закрепления завоеваний революции и дальнейшего их развития.

Обращаясь ко всем гражданам с решительным и настойчивым призывом к сохранению единства власти, осуществляемой Временным правительством, последнее заявляет, что для спасения родины оно примет самые энергичные меры против всяких контрреволюционных попыток, как и против анархических неправомерных и насиль-

ственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контрреволюции. Временное правительство верит, что на этом пути оно встретит решительную поддержку всех, кому дорога свобода России.

Подписали: Министр председатель и министр внутренних дел князь Львов. Министр военный и морской Керенский. Министр юстиции Переверзев. Министр иностранных дел Терещенко. Министр путей сообщения Некрасов. Министр торговли и промышленности Коновалов. Министр народного просвещения Мануйлов. Министр финансов Шингарев. Министр земледелия Чернов. Министр почт и телеграфов Церетели. Министр труда Скобелев. Министр продовольствия Пешехонов. Обер-прокурор Св. Синода Львов. Государственный контролер Годнев.

Терещенко

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 98, т. 1, л. 78–79. Копия. Фр. яз.
Перевод с французского.

[1] В циркулярной телеграмме были переданы посвященные вопросам внешней политики пункты 1 и 2 Декларации первого коалиционного правительства с участием социалистов, образованного 5/18 мая 1917 г. после апрельского кризиса.

[2] См. прим. 1 к док. № 48.

[3] Полный текст Декларации Временного правительства от 6/19 мая 1917 г. — См.: Константинополь и Проливы... — Т. I. — С. 487–489.

50. ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ

6/19 мая 1917 г.

Вы спрашиваете, какова моя программа. Вы можете прочесть ее в декларации обновленного Временного правительства[1], поставленного у власти свободной России.

Программа эта кратка, но многозначительна: скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов, мира, добытого в тесном и неразрывном единении с союзными демократиями Запада.

Свободная Россия, как всякая страна, совершившая великую обновляющую революцию, живет и движется двумя глубоко идеалистическими мотивами.

Первый — стремление дать справедливый мир всему миру. Не оскорбить ни одной нации, не создать после войны той ненависти, той отчужденности, которая всегда остается, когда из борьбы одна нация выходит обогащенной на счет другой, когда другая раздавлена и принуждена принять унизительные условия мира. Мы видели печальный пример этому в 1870 году[2]. Рана, нанесенная Германией Франции, не затягивалась 45 лет[3]. Надежда эльзасцев и лотарингцев на лучшее будущее не умерла, и они ныне *вправе* надеяться на осуществление своего идеала. Обида и несправедливость не забываются, насилие родит ненависть. Освобожденная Россия не хочет этого ни для себя, ни для других.

И второй — сознание своей связи с союзными демократиями, сознание долга, налагаемого этой связью. Революционная Россия не может и не хочет поколебать эту связь, скрепленную кровью. Для нее — это вопрос революционной чести. Она особенно ценит ее теперь. Великий переворот, всколыхнувший народный океан до самых глубин, не мог не отразиться и на армии, которая не сразу могла освоиться с внезапно изменившейся обстановкой. И в этот момент демократии Запада[4] стойко продолжали свою боевую работу, ставшую для нас могучей поддержкой. Союзные армии, главная масса которых, как и у нас, состоит из крестьян и рабочих, неустанно повели борьбу против врага, отвлекли его силы и своими героическими усилиями спасают русскую революцию от внешнего разгрома. Успех русской революции куплен и их кровью.

С[5] чувством глубокого удовлетворения я могу констатировать, что в свободной России, несмотря на все разнообразие демократических партий — среди них не нашлось ни одной партии или группировки, подобно существовавшим в России реакционной, ни одной, которая проповедовала бы сепаратный мир.

Я знаю, однако, что есть один вопрос, который волнует многочисленные группы русской демократии: вопрос о договорах, заключенных старым порядком, господствовавшим в России. Вопрос этот будит страсти. Но я все же считаю нужным коснуться его и сполна и правдиво высказать свой взгляд, ибо русский народ вправе ждать и ждет от Временного правительства только слов правды.

Русская демократия боится, что связанная этими старыми договорами, она будет вынуждена служить чуждым для нее[6] целям *захвата*. А это тревожит ее революционную совесть, разбивает ее порыв и энтузиазм. Поэтому раздаются требования немедленного опубликования всех договоров, заключенных старой властью.

Я думаю, что в этом случае чувства, внушающие подобные требования, великодушны[7], *но* я убежден, что вопрос поставлен совершенно неправильно. И это должна понять русская демократия. Это необходимо понять ей во имя спасения российской революции и демократии Запада.

Немедленное опубликование договоров будет равносильно разрыву с союзниками, изоляции России, подобный шаг неизбежно приведет к сепаратному положению России и будет преддверием сепаратного мира.

А ведь это всеми силами отвергает русский народ, и не только из чувств чести: он понимает, что международная война может быть закончена лишь международным миром. Только он один гарантирует ту справедливость, то самоопределение наций, которых так горячо добивается освобожденная Россия.

Необходимо избрать другой путь. Новая Россия должна смотреть не назад, а вперед. Теперь перед борющимся миром стали новые факты: великая русская революция и вступление в войну заатлантической республики, которая с восторгом приветствовала русскую революции и без колебания присоединилась к союзникам после уничтожения в их среде темного пятна — русского абсолютизма.

Из этих фактов надо исходить. И эти факты не могут не учитываться демократиями Запада. Личное общение с[8] представителями демократических государств Запада — особенно ярко я могу иллюстрировать это на примере Альберта Тома — делает близкими и всем понятными цели, поставленные перед Россией и всем миром русской революцией.

На основе этого общения должно расти взаимное доверие союзников друг к другу, которое позволит Временному правительству предпринять подготовительные шаги

к соглашению с союзниками на основе декларации его от 27 марта[9]. И я употреблю все усилия, чтобы ускорить процесс сближения, взаимного понимания и соглашения.

Но чтобы добиться в этом успеха, свободная Россия должна доказать, что она верно выполняет основное обязательство, взятое на себя перед союзниками, — обязательство объединенной борьбы и взаимной помощи. Она должна пробудить к себе неограниченное доверие, показать, что ее идеализм вытекает не из слабости, что она отказывается от захватов не потому, что не может захватить, а потому, что не хочет.

Поэтому именно ради требований демократии, ради скорого и справедливого мира необходимо воссоздание боевой мощи новой России, укрепление ее всей силой революционного энтузиазма и реальное доказательство этой мощи.

Русская армия проявила свой героизм, свою великую самоотверженность даже тогда, когда ее посылала в бой старая власть.

Ныне, подчиняясь лишь свободно принятой на себя дисциплине, она должна понять и понимает, что борется за самое дорогое — за сохранность и ценность свободной, идущей навстречу новой жизни родины, и что поражение убьет и эту свободу, и эту новую жизнь.

И только одно должно теперь вдохновлять ее. Смешно в самом деле говорить в данное время о захватнических планах союзников, как о реальной угрозе справедливому миру, когда и Россия, и Бельгия, и Франция, и Сербия сами заняты или частью, или целиком врагами. Теперь дело в активной самозащите, в защите национальной независимости и свободы.

Что же касается будущего, то, при все растущем доверии друг к другу, союзные демократии должны будут учесть желания и стремления всех. Русская свобода недаром родилась на свет, и ее последствия и влияния расходятся широкими могучими волнами по всему цивилизованному миру.

Вот все, что я могу в данный момент сказать о тех общих основаниях и взглядах, которые я положу в основу своей деятельности и о тех мерах, которые и буду предпринимать[10].

Ф. 134, оп. 473, д. 212, л. 19–23. Черновой экз. Рус. яз.

---

[1] См. док. № 49.

[2] В ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг. Франция потеряла Эльзас и Восточную Лотарингию.

[3] Далее зачеркнуто: «напрасно Германия мнила подавить своим насильственным актом национальное стремление населения отторгнутых провинций».

[4] Далее зачеркнуто: «самоотверженно и».

[5] В начале абзаца зачеркнуто: «поэтому».

[6] Далее зачеркнуто: «захватническим».

[7] Далее зачеркнуто: «Я думаю, что в этом случае чувства, внушающие подобные требования, высокогуманны. Но не явится ли проявлением излишнего и никому не понятного прекраснодушия, если мы односторонне опубликуем связывающие нас договоры, тогда как враждебная коалиция, и без того мнящая себя победительницей, сохранит за собой всю выгоду оставления своих карт закрытыми».

[8] Далее зачеркнуто: «дипломатическими».

[9] См. прим. 1 к док. № 48.

[10] Текст интервью с небольшими изменениями был опубликован в газете «Биржевые ведомости» 7/13 мая 1917 г. вместе с заявлениями других членов правительства под общим заголовком «Программные заявления членов коалиционного правительства». — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 684, л. 55. 9/22 мая интервью появилось на страницах «Вестника» Временного правительства. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 212, л. 15.

51. НОТА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО МИНИСТРУ ВООРУЖЕНИЙ ФРАНЦИИ А. ТОМА

[31 мая 1917 г.]

[...][1] Русская революция является не только переворотом во внутреннем строе России, но и могучим идейным движением, выявившим волю русского народа в стремлении к равенству, свободе и справедливости как во внутренней жизни государства, так и в области международных отношений. В воле этой члены русского революционного правительства почерпают свои силы, в служении ей их долг и задача.

Отстаивая во внешней борьбе великие начала свободы, Россия стремится к достижению всеобщего мира на основаниях, исключающих всякое насилие, откуда бы оно ни исходило, равно как и всякие империалистические замыслы, в какой бы форме они не проявлялись. Она не питает сама никаких завоевательных стремлений и решительно встает против каких бы то ни было попыток в этом направлении. Верный этим принципам русский народ твердо решил бороться с явными или открытыми империалистическими замыслами наших противников как в политической, так и в финансовой или экономической области.

Если в отношении преследуемых в войне целей и могут проявляться различия во взглядах между нашим и союзными правительствами, мы не сомневаемся, однако, что тесное единение между Россией и ее союзниками обеспечит в полной мере общее соглашение по всем вопросам на основании выставленных русской революцией принципов.

Оставаясь непоколебимо верной общему союзному делу, русская демократия приветствует решение тех из союзных держав, которые изъявили готовность пойти навстречу желанию русского Временного правительства подвергнуть пересмотру соглашения, касающиеся конечных задач войны. Мы предлагаем созвать для этой цели конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия[2]. *Обсуждению этой конференции не должно подлежать лишь соглашение, подписанное в Лондоне 5 сентября (н[овый] ст[иль]) 1914 г.*[3] *и преданное с тех пор гласности, которое исключает возможность одной из союзных держав сепаратного мира.*

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 150, л. 64, 65. Черновой экз. Рус. яз.; л. 66, 67.
Копия. Фр. яз.
Опубл.: Константинополь и Проливы... — Т.I. — С. 501–502.

---

[1] Нота предваряется следующим текстом: «При посещении французским министром г-ном Альбер[ом] Тома членов Временного русского правительства в среду, 31 мая, перед отъездом во Францию, министр иностранных дел М.И. Терещенко сообщил ему нижеследующую ноту...». Нота была опубликована Временным правительством 3/16 июня 1917 г. — См.: Ф. 151, оп. 482, д. 4314, л. 25, 26.

[2] Далее зачеркнуто: «Но одно из соглашений, то, которое подписано в Лондоне 5 сентября нов[ый] ст[иль] 1914 г., предано с тех пор гласности и исключает возможность заключения одной из союзных держав сепаратного мира, — не должно подлежать обсуждению этой конференции».

[3] См. док. № 5.

52. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Г.Н. ТРУБЕЦКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО

1 октября 1917 г.

Копия секретного письма князя Г.Н. Трубецкого
министру иностранных дел

В январе нынешнего года, по просьбе бывшего министра иностранных дел Н.Н. Покровского, я составил две записки в виде писем на его имя, в коих излагал некоторые общие соображения о наших целях и задачах войны, как они представлялись мне в свете слагавшихся в то время общей политической и военной обстановки[1].

Положение с тех пор изменилось настолько существенно, что я считаю долгом пересмотреть целиком изложенные мной тогда соображения.

Я должен отметить прежде всего, как трудно в настоящую минуту высказывать вполне определенные положения, ввиду неясности общей политической обстановки. В самом деле, как ответить иначе, чем гадательно, на вопрос о том, какова равнодействующая внутреннего и военного положения наших противников, прежде всего Германии. Поступающие за последнее время сведения указывают на такие небывалые еще с начала войны явления, как мятеж в германском флоте и знаменательный отказ от предполагавшихся германским императором суровых карательных мер против его виновников под давлением канцлера, далее на нескрываемый самим правительством раскол в Германии на противоположные враждебные течения по вопросу о войне и мире. Все эти данные нельзя обходить без самого серьезного внимания. Они должны предостеречь от каких-либо поспешных выводов и решений сторонников заключения мира во что бы то ни стало. В то же время было бы, конечно, неосновательно предаваться чрезмерному оптимизму и строить наши предположения, исходя из одних лишь указаний на трещину, которая как будто начинает обнаруживаться в стройной германской организации. Последняя речь германского статс-секретаря по иностранным делам Кюльмана в Рейхстаге далеко не носит примирительного характера. Он категорически заявил, что в вопросе об Эльзас-Лотарингии «Германия не может сделать Франции никаких уступок. Она только может сказать: Нет, никогда (бурные овации)».

Такие категорические утверждения едва ли можно объяснить одним лишь дипломатическим маневром, желанием внести рознь среди союзников, сваливая на Францию ответственность за дальнейшее продолжение войны. Конечно, такие мотивы имеются все время в виду представителями германской политики, однако категоричность утверждения Кюльмана, во всяком случае, как будто закрывает дверь возможности скорого соглашения, ибо тому же Кюльману известна точка зрения английского правительства на невозможность поступиться правами Франции в Эльзас-Лотарингском вопросе.

Заключение, которое я бы вывел из имеющихся у нас сведений о положении и настроениях в Германии, сводится к следующему: Германия и ее союзники несомненно желают заключения мира, ибо в настоящую минуту достигли самого выгодного военного положения, которому, конечно, не соответствует внутренняя обстановка. Отсюда является желание поскорее, пока возможно, использовать успехи, не дожидаясь слишком сильного давления внутренней необходимости для Германии заключить мир.

При таких условиях перед нами и нашими союзниками должен прежде всего стать вопрос о том, что может дать нам дальнейшее продолжение войны, и при каких условиях оно будет протекать.

Наиболее сильным по духу и по оборудованию, еще задолго до нынешней разрухи, является союзнический фронт. Между тем, если я не ошибаюсь, наши союзники пришли сами к убеждению, что значительных стратегических успехов на их фронте ожидать нельзя в силу позиционного характера войны и того оборудования, которым, в свою очередь, располагает на этом фронте противник. Самое большое, на что могут рассчитывать наши союзники, — это на уменьшение живой силы противника убитыми и ранеными и некоторое продвижение вперед, не меняющее существенно боевой обстановки, но в то же время сопряженное со значительными потерями для самих наступающих.

Успехи стратегического характера, при возможности вести маневренную войну, могли бы, по мнению союзников, быть достигнуты только на русском фронте.

Можно ли допустить, однако, такого рода возможность на нашем фронте при данном состоянии страны и армии. Я не думаю, чтобы на этот вопрос со стороны людей непредубежденных могло последовать два ответа. Ни на какие крупные успехи и победы, мы, конечно, рассчитывать не можем, и распространяться на эту тему я считал бы потерей времени.

Если ни со стороны наших союзников, ни с нашей нет возможности ожидать решающих успехов, то последующая задача может быть поставлена следующим образом: можем ли мы продолжать позиционное ведение войны наравне с нашими союзниками, одерживая при этом отдельные тактические успехи, ведущие так же, как и на западном фронте, к ослаблению живой силы противника.

На этот последний вопрос ответить не так легко и просто, как на первый. При последнем посещении Ставки министром иностранных дел 28 сентября генералы Алексеев, Духонин и Дидерихс высказывались в том смысле, что если правительство и Военное министерство искренно пойдут навстречу пожеланиям Ставки и без промедления будут утверждать и проводить программу, ими предложенную и рассчитанную на исполнение по частям в определенные сроки, в этом случае названные генералы рассчитывают, что как ни запоздало с преобразованием армии, им все же удастся удержать войска на позициях во время зимы, а к весне добиться и некоторой боеспособности армии для выполнения той ограниченной задачи, которая поставлена в приведенном выше вопросе. В случае несогласия правительства на их программу, авторы ее предполагают снять с себя ответственность за дальнейшее и устраниться от дел.

В чем заключается новая программа Ставки, мне доподлинно не известно. Одно я могу сказать с уверенностью, что никакая программа возрождения или хотя бы некоторого улучшения строения армии не может ограничиваться пределами одной армии, но неизбежно и неразрывно соединена с вопросами оздоровления тыла, а следовательно, и прежде всего, укрепления власти. Я не хочу вдаваться в дебри длинных рассуждений по этому поводу и еще менее вдаваться в сопряженные с этим вопросы об ответственности тех или иных лиц или групп в создавшемся ныне положении.

Как реальный политик, я исхожу из данных условий и утверждаю, что какой бы перелом власти не произошел в данную минуту, как бы она ни перестроилась, ожидать результатов быстрого и решительного оздоровления страны и армии невозможно. Это вовсе не означает с моей стороны какого-либо безысходного пессимизма. Я совершен-

но убежден в необходимости и плодотворности героических мер для спасения России, но время не ждет, и одно — это меры для предотвращения государственной и народной катастрофы, а другое — надежды на возможность такого быстрого оздоровления армии и страны, при котором мы могли бы отстаивать продолжение войны до полной победы, если не при помощи решительных военных успехов, то путем истощения ресурсов противника.

Что можем мы ожидать от укрепления власти, даже в случае решительного перелома в методах управления, хотя на таковой, к сожалению, едва ли можно рассчитывать, по крайней мере эволюционным путем.

Сильная власть необходима, чтобы бороться с анархией и общим развалом, расстройством транспорта, продовольствия и снабжения. В случае затяжки войны она нужна, чтобы мы как-нибудь могли дотянуть до ее конца. В случае заключения мира сильная власть еще более необходима, чем для кустарного ведения войны, ибо при демобилизации потребуются самые решительные меры для сохранения порядка. Как бы власть ни была, однако, сильна, она едва ли может достигнуть чего-нибудь большего, чем наведения некоторого внешнего порядка. Никакая власть не может со дня на день возродить внутренние нравственные основы армии, доверие солдат к офицерам, одушевление последних, воссоздать отлетевший от армии благодаря стараниям левых организаций и неумелых руководителей военного ведомства боевой дух. Равным образом, хотя сильная власть может уменьшить до известной степени последствия хозяйственной разрухи страны, но быстрых чудес в этой области от нее также едва ли можно ожидать.

В результате, по мнению людей, скорее оптимистически настроенных, в случае продолжения войны мы при помощи решительных и героических мер можем на лучший конец как-нибудь пережить самое тяжелое время до будущего урожая. При этом едва ли можно говорить не только о крупных, но и вообще о сколько-нибудь значительных военных действиях весной. Каждый, даже небольшой, успех может быть достигнут, как показал опыт минувшего лета, такими жертвами офицерского состава и отдельных ударных частей, что эти жертвы значительно превосходят достигнутый результат и рискуют всякий раз его скомпрометировать. Может ли при таких условиях задача уменьшения живой силы противника быть целесообразно поставлена и выполнена?

Ведь если бы можно было с некоторой уверенностью утверждать, что выигрыш времени идет в нашу пользу, а не Германии, то тогда следовало бы принять решение вести войну до истощения противника. Но подобное утверждение ввиду общего нашего состояния представляется по меньшей мере необоснованным. Мы давно уже живем не на проценты, а на капитал в прямом и переносном значении этого слова, и чем больше мы растрачиваем наши ресурсы, тем труднее и болезненнее будет восстановление нормального хода жизни. Что будет с Германией через год войны, мы не знаем, но в состоянии ли мы протянуть целый год и осторожно ли довести напряжение сил до последнего крайнего предела, после которого последует полный упадок, в этом я сомневаюсь.

Не следует обольщаться общими фразами о вере в неисчерпаемые силы России. Эти силы и возможности действительно неисчерпаемы, но они в скрытом потенциально состоянии, и нужны долгие годы упорного труда, культуры и порядка, чтобы вызвать их на свет Божий, а в нашем распоряжении нет волшебной палочки, чтобы превратить неприглядную действительность в предмет нашей мечты.

По всем этим соображениям я полагаю, что пора себе сказать, что нам не следует стремиться к затягиванию войны, а нужно использовать, пока у нас еще есть или хотя бы кажется, что есть, некоторая возможность бороться и отстоять наиболее важные наши интересы.

В свете такой оценки общего положения нам надлежало бы подвергнуть обсуждению и самые эти интересы, цели и задачи, которые мы себе ставим, размер уступок, дальше которых мы не можем идти для заключения мира.

Составив себе определенное мнение о том, что мы можем и чего не можем, чего хотим и на что не согласимся, мы получим определенное исходное положение в беседах с союзниками. Ни о каком сепаратном мире, разумеется, не может быть и речи, но пришла, мне кажется, пора с возможной откровенностью обменяться с союзниками мнениями о создавшейся обстановке, дабы с ними же прийти к общим заключениям.

Одно предположение, которое иногда высказывается, следовало бы, мне кажется, исключить во всяком случае — это предположение о приглашении союзной японской помощи на наш фронт. Одно из двух: либо размер этой помощи будет невелик, тогда игра не стоит свеч, либо японцы пришлют на русский фронт значительную армию. Не говоря о трудности ее снабжения и трениях, которые могут возникнуть на этой почве, такая помощь была бы равносильна завоеванию России с другого конца, и к нашим потерям в Европе только присоединилась бы еще, по меньшей мере, утрата нами всего Уссурийского края, с неисчислимыми последствиями для всего будущего развития наших владений в Азии, навсегда лишенных выхода к океану.

Кончая эти мой рассуждения, я просил бы не видеть в них отражения какого-либо «правого пораженчества». Если мне скажут, что среди нашей революционной демократии есть сторонники энергического продолжения войны, то на это я отвечу, что благородные люди этого лагеря руководятся в этом, как и в других случаях, утопиями. Что касается до тех, кому революция дороже родины, те могут быть вполне последовательными сторонниками затягивания войны, ибо война финансирует революцию, и с заключением мира наступит начало конца того порядка, при коем миллион людей получают неслыханные заработки при минимальной производительности труда.

Быть может, среди левых есть и такие люди, которые чувствуют, что будущий мир не ответит тем колоссальным жертвам, которых стоила стране эта война, и сознают, что ответственность за это, конечно, в значительной степени ляжет на революцию. Если бы я стоял в рядах революционной демократии, то мне кажется, я старался бы оттянуть минуту развязки. Но, конечно, так могут чувствовать отдельные лица, масса же хочет мира, ибо устала, и этот мотив сильнее всех других. С ним в конце концов приходится считаться и вожакам. Людям, стоящим на общегосударственной точке зрения приходится мыслить по существу; они не могут отмахиваться от ответственных решений. Приятны или нет эти решения, кто виноват и в какой степени в создавшейся обстановке, — все эти соображения не могут отстранить обязанности каждого мужественно и по совести дать определенный ответ на вопросы жизни и смерти родины.

Ф. 138, оп. 467, д. 631, л. 16–22. Копия. Рус. яз.

[1] Доверительная записка Г.Н. Трубецкого министру иностранных дел Н.Н. Покровскому от 10 января 1917 г. — См.: Ф. 151, оп. 482, д. 4313, л. 2–21 об.

53. ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ И СЕРБИИ О ВОЕННО-УГОЛОВНОЙ ПОДСУДНОСТИ

Корфу, 14/27 октября 1917 г.

Нижеподписавшиеся:

его превосходительство г-н Никола Пашич, председатель Совета министров и министр иностранных дел Сербии, и г-н Борис Пелехин, поверенный в делах России при сербском правительстве.

Заявляют:

Правительство его величества короля Сербии и российское правительство соглашаются признать на время настоящей войны за трибуналами их действующих армий исключительное право судить лиц, входящих в состав этих армий, вне зависимости от того, на чьей территории эти армии находятся и к какой национальности принадлежат обвиняемые. Относительно преступлений, в которых участвовали бы или были бы замешаны лица, входящие в состав обеих армий, решено, что в подобных случаях российские виновники и пособники будут подлежать российской военной юрисдикции, а сербские виновники и пособники — сербской военной юрисдикции.

Два правительства на время войны соглашаются признать, что на российской территории лица, не входящие в состав сербской армии, но совершившие действия, наносящие вред этой армии, будут подсудны исключительно российским судам, а на сербской территории лица, не входящие в состав российской армии и совершившие действия, наносящие вред этой армии, будут подсудны исключительно сербским судам.

Положения настоящего соглашения не применяются в отношении Сербского добровольческого корпуса в России.

В удостоверение чего уполномоченные поставили свои подписи под настоящей декларацией.

Составлена в Корфу в двух экземплярах 14/27 октября 1917 г.

Поверенный в делах России	Министр-президент и министр иностранных дел
Борис Пелехин	Ник. П. Пашич
МП	МП

Ф. 184, оп. 520, д. 1730, л. 267–267 об. Подлинник. Фр. яз. Перевод с французского.

III

МИД РОССИИ: В ЦЕНТРЕ И ЗА РУБЕЖОМ

54. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ВОЕННОМУ МИНИСТРУ В.А. СУХОМЛИНОВУ

№ 85/п *Санкт-Петербург, 18 июля 1914 г.*

Вследствие отношения от 30-го минувшего мая за № 8101[1] имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству замечания, которые вызывает проект нового «Положения о полевом управлении войск в военное время» с точки зрения Министерства иностранных дел.

Замечания эти не затрагивают самого существа проекта, как положения специально военного, и касаются лишь тех его статей, которые имеют непосредственно отношение к Ведомству иностранных дел и к вопросам внешних сношений империи. Такими являются статьи положений, определяющие отношения Министерства иностранных дел к верховному главнокомандующему, устройство Дипломатической части в составе Штаба сего главнокомандующего и компетенции высших начальствующих лиц армии в вопросах, касающихся начал международного права, в частности, права войны и нейтралитета.

Вторая часть статьи 23 возлагает на Министерство иностранных дел обязанность поставить в известность верховного главнокомандующего тотчас по объявлении мобилизации о всех договорах и сношениях с иностранными державами. Точное исполнение этого требования представило бы практические затруднения и едва ли являлось бы вполне целесообразным. Полный текст всех действующих договоров с иностранными державами и сведения о всех внешних сношениях России *даже*[2] с государствами, весьма отдаленными от театра военных действий и не имеющими прямого отношения к вооруженному конфликту, представляет чрезвычайно обширный и труднообозримый материал, который даже при умелой его систематизации, едва ли даст возможность верховному главнокомандующему получить те данные, которые ему в действительности окажутся необходимыми. Задачей Министерства иностранных дел являлось бы не доставление верховному главнокомандующему необработанного материала, которым трудно пользоваться не специалисту, а напротив подбор именно таких международных активов и сведений о текущих международных сношениях, которые по обстоятельствам открывшихся военных действий должны быть известны верховному главнокомандующему. *Указание*[3], что ему должно быть сообщено о всех договорах и всех сношениях с иностранными державами, должно иметь *лишь*[4] то значение, что от него не должны быть скрыты никакие данные в этой области, сколько бы они не считались секретными. Если сведения, сообщенные министром иностранных дел, оказались бы в каком-либо

отношении недостаточными, то от верховного главнокомандующего зависело бы запросить надлежащие разъяснения и потребовать доставления дополнительных данных.

Положение предусматривает лишь однократное осведомление главнокомандующего о международных отношениях России при объявлении мобилизации и не обеспечивает доставление ему этих сведений в течение всей кампании. Нахождение в составе Штаба верховного главнокомандующего[5] чиновника для ведения переписки по Дипломатической части, облеченного по проекту весьма ограниченными полномочиями, не гарантирует правильного и постоянного доставления верховному главнокомандующему сведений по текущей внешней политике. Этот пробел, по-видимому, следовало бы восполнить.

Устройство Дипломатической части в распоряжении верховного главнокомандующего определяется в статьях 32 и 89 проекта. Последняя статья возлагает на дипломатического чиновника чрезвычайно обширный круг действий: ему поручается ведение переписки по сношениям с иностранными правительствами, с министром иностранных дел, с российскими посольствами, миссиями, консульствами, по заключению конвенций, перемирий и т.д. Между тем этот чиновник лишен личного доклада у верховного главнокомандующего, не имеет при себе ни секретаря, ни драгомана, ни переводчиков, ни чиновника для письма. Притом он сравнительно скудно оплачен. Причитающееся ему содержание (штаты полевого управления в военное время, стр. 3, Штаб верховного главнокомандующего, п. 1)[6] составляет при жаловании и столовых по основному окладу 2 100 р. + 2 100 р., по усиленному 2 310 р. + 2 310 р., т. е. 4 620 по высшему окладу, между тем чиновнику Министерства иностранных дел, занимающему должность V класса (который присвоен должности дипломатического чиновника в Штабе верховного главнокомандующего) причитается в среднем при нормальных условиях и службе в мирное время содержание около 6 000 рублей в год.

По мнению Министерства иностранных дел, надлежало бы установить большее соотношение между обязанностями, возлагаемыми на чиновника по Дипломатической части, и предоставленными ему правами и средствами исполнить эти обязанности.

Чиновники Министерства иностранных дел, находящиеся в распоряжении главных начальников окрайных областей России, состоят непосредственно при особе этих высших начальников. Таково положение чиновников Министерства иностранных дел для пограничных сношений при наместнике его императорского величества на Кавказе и начальнике Закаспийской области и чиновников по Дипломатической *части*[7] при генерал-губернаторах Приамурском, Туркестанском и Иркутском. По-видимому, не представляется особых оснований отступить от сего порядка при организации Дипломатической части при верховном главнокомандующем. В интересах дела нельзя не признать желательным, чтобы верховный главнокомандующий мог непосредственно выслушать от чиновника по Дипломатической части те соображения и объяснения в делах внешних сношений, которые требуют специальных познаний в области международного права и внешней политики.

Так как чиновник по Дипломатической части должен исполнять возлагаемые на него поручения с той особой быстротой, которая обусловливается неотложными нуждами военного времени, то он должен иметь необходимые для сего средства, а именно ближайших помощников в лице младших секретарей для составления справок и извлечений из соответственных трактатов, договоров и дел и для шифрования депеш, а также иметь в своем распоряжении драгомана и чиновника для письма.

Приведенные соображения подтверждаются данными опыта предшествующей кампании. В русско-турецкую войну 1877–78 гг. при его императорском высочестве глав-

нокомандующем действующей армии была образована Дипломатическая канцелярия, во главе которой был поставлен директор (в IV классе по должности), и состоявшая кроме сего из двух старших чиновников особых поручений и одного младшего. В русско-японскую войну при главнокомандующем была сформирована Дипломатическая канцелярия следующего состава: начальник канцелярии (в IV классе и 9 100 рублей содержания), секретарь (в V классе и 4 500 рублей содержания), драгоман (VIII класса и 3 000 рублей содержания) и китаец-писец с содержанием 1 200 рублей. Кроме того, к командующему 6 отрядом Манджурской[8] армии был командирован для исполнений обязанностей дипломатического чиновника секретарь миссии в Корее, с содержанием по этой должности в 5 250 рублей.

В положении не указан точно порядок назначений чиновника для Дипломатической части. Указание на этот порядок возможно усмотреть лишь в содержащемся в статье 35 правиле о том, что чиновник гражданского ведомства избирается подлежащим министром, по соглашению с военным министром. Назначение чиновника Дипломатической части надлежало бы, казалось, предоставить власти министра иностранных дел, по соглашению с военным министром с тем, чтобы начальник Дипломатической канцелярии, если бы ему был предоставлен IV класс должности, назначался высочайшим указом и приказом.

Указания круга дел, которыми чиновник по Дипломатической части обязан ведать, исполняя приказания верховного главнокомандующего, определяет в то же время и сферу деятельности самого главнокомандующего во время военных действий. Статья 89 содержит в себе правило, из коего вытекает, что верховный главнокомандующий пользуется правом непосредственных сношений с иностранными правительствами с российскими послами и посланниками и правом заключать конвенции. Такое право, ничем не ограниченное, дает повод выразить опасение, что деятельность в этой области верховного главнокомандующего может оказаться не вполне согласованною с деятельностью в той же области министра иностранных дел. Следовало бы оговорить, что сношения эти могут иметь своим предметом лишь нужды армии и что конвенции могут заключаться лишь *для*[9] тех же нужд, то есть быть военными договорами в тесном смысле слова (соглашением о погребении после сражений павших воинов, о капитуляции укрепленных мест, судов или военных отрядов, о выдаче охранных пропусков и грамот, о передаче госпиталей и так далее).

Первая часть статьи 23 определяет, что верховный главнокомандующий руководствуется в своей деятельности соглашениями и договорами императорского правительства. Первая часть статьи 24 возлагает на него обязанность соблюдать правила о нейтралитете. Постановление это в существе не устанавливает каких-либо особенных обязанностей для верховного главнокомандующего, так как даже при отсутствии их *в «Положении»*[4] главнокомандующий несомненно был бы обязан руководствоваться теми особыми законами, какими являются международные трактаты, заключенные верховной властью и иностранными правительствами. Иное значение имеет *вторая*[10] часть статьи 24. В случае нарушения нейтралитета хотя бы одним противником, а не нейтральными государствами, верховный главнокомандующий имеет право ответить на это всеми мерами, кои он признает соответственными, то есть, по-видимому, нарушит нейтралитет по отношению к третьей невоюющей державе. Такая мера может повести к вооруженному столкновению с нейтральными державами и быть равносильной объявлению ей войны, между тем право объявления войны принадлежит исключительно верховной власти государя императора.

Параграф 10 статьи 97 предоставляет главнокомандующему армии и флота устанавливать в занятых неприятельских областях подати и налоги, а равно налагать контрибу-

цию и подвергать имущество жителей конфискации. Правила, изложенные в этом пункте, слишком безусловны, и надлежит оговорить, что главнокомандующий имеет право осуществлять вышеприведенное полномочие в пределах, указанных в отделе III ратификованной[11] Россией 1-й Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны[12]. Статьи 48, 49, 50 означенной конвенции устанавливают правила, которые должны быть соблюдаемы при взимании податей и налогов с населения неприятельской страны. Статья 46 воспрещает вообще конфискацию частной собственности, в виду чего такая конфискация допустима лишь в виде наказания при враждебных действиях жителей воюющей страны против российских войск.

Равным образом должна быть соответственно ограничена власть командующего армии по наложению секвестра на имущество жителей (п. II ст. 415).

Сообразно приведенным замечаниям упоминаемые выше статьи положения могли быть редактированы следующим образом:

Статья 23, первая часть — без изменения. Вторая часть: министр иностранных дел, тотчас по объявлении мобилизации, обязан поставить в известность верховного главнокомандующего о международных договорах, трактатах и соглашениях и о сношениях с иностранными державами, ознакомление с коими может быть необходимо по обстоятельствам открывшихся военных действий. Такие сведения должны быть доставляемы министром иностранных дел по мере надобности в течение всей кампании.

Статья 24. Вторая часть этой статьи подлежит *исключению*[13].

Статья 32. Последний абзац этой статьи мог бы быть изложен так: при Штабе верховного главнокомандующего формируется Дипломатическая канцелярия в составе директора, *вице-директора*[4], двух секретарей, драгомана и одного чиновника для письма.

Ст. 354. В последнем абзаце после слов: «чинов гражданского ведомства», добавить «в том числе и чинов[14] Дипломатической канцелярии».

XIII. О Дипломатической канцелярии при Штабе верховного главнокомандующего.

Статья 89. Директор Дипломатической канцелярии ведет дипломатическую переписку верховного главнокомандующего по делам действующей армии, а именно по сношению с иностранными правительствами, с министром иностранных дел, с российскими посольствами, миссиями и консульствами, а также по заключении военных договоров, перемирий и так далее.

Статьи 97 п. 10. В конце пункта следует добавить с соблюдением правил отдела III 4-й Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутных войск.

Такое же добавление надлежит поместить в конце пункта II статьи 415.

Засим штаты Штаба верховного главнокомандующего надлежало бы изменить сообразно предлагаемому учреждению особой Дипломатической канцелярии, состоящей из директора в IV классе с содержанием 9 000 рублей, двух секретарей в V классе с содержанием по 6 000 рублей, драгомана в VIII классе с содержанием 3 000 рублей и чиновника для письма с содержанием 1 200 рублей.

Сообщая о вышеизложенном, считаю необходимым оговорить, что в виду заявленной спешности, проект положения о полевом управлении войск в военное время, не мог быть рассмотрен во вверенном мне Министерстве с той тщательностью, которую требует важность предмета. Ввиду сего я находил бы весьма желательным, чтобы до внесения проекта настоящего положения на обсуждение военного совета, статьи сего проекта, имеющие отношение к кругу ведомства Министерства иностранных дел, подвергнутся всестороннему рассмотрению при участии представителей Министерства, для чего

я мог бы поручить одному из чинов вверенного мне ведомства войти в личное сношение с соответственным лицом Военного министерства по указанию вашего высокопревосходительства.

Министр
Директор Канцелярии

Ф. 134, оп. 473, д. 11, л. 5–11 об. Копия. Рус. яз.

[1] 30 мая/12 июня 1914 г. Главное управление Генерального штаба направило в МИД проект «Положения о полевом управлении войск в военное время» с просьбой высказать замечания до 1/14 июля 1914 г. «Положение...» было утверждено Николаем II 16/29 июля 1914 г. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 5, л. 12, 14–129, 130–180 об.
[2] Вписано над зачеркнутыми словами «хотя бы».
[3] Вписано над зачеркнутым словом «указано».
[4] Вписано над строкой.
[5] В документе ошибочно «главноуправляющего».
[6] См.: Ф. 134, оп. 473, д. 5, л. 131 об.
[7] Вписано над зачеркнутым словом «чиновника».
[8] Так в документе.
[9] Вписано над зачеркнутым словом «при».
[10] Вписано над зачеркнутым словом «вопросы».
[11] Так в документе.
[12] Видимо, имеется в виду Гаагская конвенция 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. Приложением к конвенции являлось «Положение о законах и обычаях сухопутной войны», III раздел которого назывался «О военной власти на территории неприятельского государства».
[13] Вписано над зачеркнутым словом «исполнению».
[14] Вписано над зачеркнутым словом «чиновник».

55. ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ОТКРЫТИИ ПРИ МИД БЮРО ДЛЯ НАВЕДЕНИЯ СПРАВОК О РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ, ЗАСТИГНУТЫХ ВОЙНОЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

26 июля 1914 г.[1]

При Министерстве иностранных дел учреждено особое Бюро для наведения справок о русских подданных, застигнутых войной в западно-европейских государствах, не *состоящих с нами в войне*[2]. Лица, желающие навести справки, могут обращаться во Второй департамент министерства ежедневно в присутственные дни от 11 до 12½ часов и от 2 до 4 часов, причем требуется указать имя, фамилию и последний известный адрес разыскиваемого лица. Для наведения справки по телеграфу необходимо возместить телеграфные расходы.

На документе помета: «Опубликовано 26/VII 1914».

Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 2216, л. 3. Копия. Рус. яз.

[1] Дата публикации в прессе.
[2] Вписано над строкой.

56. ЗАПРОС ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА Н.И. ПАНТИНА ВО ВТОРОЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

9 августа 1914 г.

Покорнейше прошу Второй департамент Министерства иностранных дел навести справку о:

Имя	*Вадим*
Отчество	*Николаевич*
Фамилия	*Племянников, 16 лет*
Последний известный адрес	*Suisse, Les Brenets, villa «Otrada», mr Maillard*
Предполагаемый адрес	*Там же*
При сем прилагаю телеграфные расходы	
Подпись	*д.ст. сов. Николай Иванович Пантин*
Местожительство	*Куликово Поле, таможня при Финл[яндской] ж.д. (управляющий таможней)*

Приложение

Справка бюро для наведения справок о российских подданных, застигнутых войной за границей, выданная Н.И. Пантину

[7 октября 1914 г.]

М[илостивый] г[осударь],

Вследствие запроса, обращенного Вами в Бюро для наведения справок о русских подданных, застигнутых войной за границей, имею честь уведомить, что *Племянников выехал в Россию*.

Прим[ите].

Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 3314, л. 2. Подлинник. Рус. яз. Приложение, л. 1. Копия. Рус. яз.

57. ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА РОССИИ В БЕЛЬГИИ И.А. КУДАШЕВА ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ЛИЧНОГО СОСТАВА И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ДЕЛ МИД В.А. АРЦИМОВИЧУ

Антверпен, 8 сентября 1914 г.

Милостивый государь Владимир Антонович,

Пользуясь отъездом Яздовского, командированного мною для сопровождения эмигрантов, чтобы осведомить Ваше превосходительство о том, как после долгих усилий мне удалось наконец разрешить трудный вопрос о водворении неимущих русских на родину. Первоначально мысль моя была воспользоваться услугами частных пароходовладельцев для отправки в Россию наших соотечественников, застигнутых военными событиями в Бельгии. Однако, к моему сожалению, все попытки мои в этом направле-

нии не увенчались успехом. О всякой представлявшейся комбинации я телеграфировал в министерство. От двух имевшихся у меня предложений я должен был отказаться. Один раз вследствие того, что министерство запоздало с ответом, другой — вследствие его отказа согласиться на связанные с этим делом расходы. Потеряв надежду разрешить вопрос обращением к частной предприимчивости, я обратился к бельгийским властям, прося их помочь мне в этом деле. Военные власти города Антверпена пошли на встречу моему ходатайству и предложили мне снарядить один из стоявших в порту задержанных немецких пароходов «Gneisenau». Когда дело казалось уже совсем налаженным, явилось непреодолимое препятствие, которое заставило меня оставить и это предложение. Голландское правительство, запрошенное о пропуске парохода «Gneisenau» через устье Шельды, наотрез отказало в этом разрешении, основывая свой отказ на том, что судно, как захваченное в порту воюющей стороной, составляет морской приз и не может быть использовано. С другой стороны, в проходе этого судна по своим территориальным водам голландское правительство усматривало нарушение своего нейтралитета.

Наконец через здешнего английского посланника я познакомился с г-ном Гордоном, секретарем герцога Веллингтона; который любезно взялся устроить нам пароход до России. Пользуясь своими дружескими отношениями с г-ном В. Черчиллем, он добился согласия последнего на предоставление нам безвозмездно большого транспорта для водворения находящихся в Бельгии и Голландии русских подданных, желающих вернуться в Россию. Приняв близко к сердцу это дело г-н Гордон энергично взялся за его выполнение и благодаря его хлопотам и полному содействию английского правительства, которое, желая помочь союзникам, широко и щедро отнеслось к этому делу, удалось нам наконец разрешить этот сложный вопрос.

До отъезда как эмигранты, так и неимущие русские содержались на счет правительства в городе Зебрюгге, где ввиду скопления разнородных и частью беспокойных элементов, они неоднократно подавали повод для жалоб со стороны местных властей.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Кн. Кудашев

На документе помета В.А. Арцимовича: «Не нужно ли благодарить? В.А.».

Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 2432, л. 36–38. Подлинник. Рус. яз.

58. ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА РОССИИ В ПОРТУГАЛИИ П.С. БОТКИНА ДИРЕКТОРУ ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД В.Я. ФАН ДЕР ФЛИТУ

№ 104 *Лиссабон, 10/23 сентября 1914 г.*

Милостивый государь Василий Яковлевич,

Со времени объявления войны многие русские подданные, находившиеся на германских пароходах, были вынуждены сойти на берег в Лиссабоне. Германские капитаны отказались от дальнейшего путешествия, опасаясь преследования англичан и французов в Атлантическом океане.

Среди русских, которых судьба таким образом забросила на окраину Европы, были туристы, торговые люди, артисты, матросы и эмигранты, направляющиеся в Северную или Южную Америку или же возвращающиеся оттуда на родину.

Матросы были уволены капитанами, эмигрантов же высадили без всякого возмещения за уплаченные ими билеты.

Матросы и эмигранты, оказавшиеся без всяких средств, были приняты на иждивение императорской миссией впредь до отправки их на родину. Таковых набралось 45 человек (с женщинами и детьми).

В свое время поверенный в делах обратился по телеграфу, прося императорское министерство о разрешении отправить указанных лиц на родину. Ныне я пользуюсь английским пароходом, отправляющимся в Ливерпуль. Других путей нет в данное время для доставления русских подданных на родину. Голландские суда больше не заходят в Лиссабон, итальянские — очень редко, шведских и норвежских вовсе нет, французских тоже. Вообще, портовая деятельность Лиссабона приостановилась с войной. Порт посещается почти исключительно английскими судами, поддерживающими сношения с Южной Америкой.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

П. Боткин

Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 757, л. 8–9. Подлинник. Рус. яз.

59. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В СОВЕТ МИНИСТРОВ

№ 417 *12 сентября 1914 г.*
Секретно

19 августа сего года верховный главнокомандующий утвердил Положение об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны[1].

Общие положения, определяющие характер и объем власти управления доселе занятыми областями, как нельзя лучше отвечают поставленным перед русской властью задачам на месте.

Нельзя, однако, не предусматривать, что дальнейшие успехи наших войск, расширяя пределы занятой нами территории, поставят перед органами управления задачи чрезвычайно сложные и в то же время важные с общеполитической точки зрения.

Прежде всего следует считаться с разнообразием областей и народностей в пределах Австро-Венгрии. Это создаст необходимость применять совершенно различные приемы в отношении к местному населению и учреждениям. Так восточная Галиция с русским большинством населения и западная с польским, искусственно объединенные в политических видах австро-венгерским правительством, было бы желательно рассматривать как две различные области, кои в будущем, если того дозволят наши военные успехи, желательно присоединить к России на совершенно различных основаниях.

Вследствие этого едва ли было бы правильно и теперь объединять их в одно генерал-губернаторство.

Области с польским большинством населения было бы предпочтительно по мере движения наших войск объединять в другое самостоятельное генерал-губернаторство.

С другой стороны, если подчинение генерал-губернатора в военном отношении Главному начальнику снабжения армии является естественным, то вместе с тем представлялось бы целесообразным в области гражданского управления подчинение отдельных генерал-губернаторов, если бы таковых был[о] не один, а два, особому доверенному помощнику верховного главнокомандующего, каковому могло бы быть присвоено звание начальника Гражданского управления, подобно тому, как оно было дано князю Черкасскому во время войны 1877–1878 гг.

Учреждение такой должности помимо указанных выше соображений вызывается также необходимостью изъять из круга разных ведомств сношения по различным вопросам с органами управления в занятых нашими войсками областях, объединив их в специальном высшем органе.

Таким способом достигнуто будет столь желательное проведение единого руководящего взгляда во всех мероприятиях в занятых нашими войсками областях; равным образом избегнуто будет противоречие между несогласованными распоряжениями отдельных ведомств.

В настоящее время представители различных интересов и народностей зачастую стремятся заручиться содействием отдельных ведомств своим видам, в расчете, что домогательство, хотя бы отклоненное одним, найдет удовлетворение в другом, каковое обстоятельство сопряжено с некоторой опасностью для сохранения единства политического направления.

Все эти неудобства могли бы быть устранены созданием указанного выше органа — начальника Гражданского управления, с назначением на этот пост по представлению верховного главнокомандующего лица, достойного высокого монаршего доверия.

Начальник Гражданского управления должен быть непосредственно подчинен верховному главнокомандующему, коему ныне принадлежит осуществление прав власти в занятых нами австрийских областях, и в то же время через него должны восходить к верховному главнокомандующему дела гражданского управления. Начальник Гражданского управления мог бы пользоваться и правом издания своей властью распоряжений, необходимых для приведения в действие утверждаемых верховным главнокомандующим общих положений. В порядке исполнительном по делам гражданского управления начальнику подчинялись бы все образованные, согласно Положению 17 августа 1914 г.[2], об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны, местные органы власти.

На основании изложенного я полагал бы представить на предварительное одобрение августейшего верховного главнокомандующего и, в случае одобрения им, поднести к высочайшему подписанию следующие положения.

I. В помощь верховному главнокомандующему по делам гражданского управления занятых по праву войны областей Австро-Венгрии назначается высочайшей властью, по представлению верховного главнокомандующего начальник Гражданского управления.

II. Начальник Гражданского управления подчиняется верховному главнокомандующему и действует исключительно по его указаниям.

III. Через начальника Гражданского управления восходят к верховному главнокомандующему все дела гражданского управления означенных в отд. I областей и им же объявляются все его по сим делам повеления и распоряжения.

IV. Начальник Гражданского управления издает распоряжения, необходимые для приведения в действие утверждаемых верховным главнокомандующим общих положений, касающихся гражданского управления.

V. Начальнику Гражданского управления подчинены в порядке гражданского управления местные учреждения и должностные лица, действующие на основании Положения 17 августа 1914 г.[2] об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны.

Министр иностранных дел

Управляющий

Ф. 323, оп. 617, д. 90, л. 28–29 об. Копия. Рус. яз.

[1] Согласно «Временному положению об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны» для управления указанными территориями учреждались особые должности гражданского управления: военного генерал-губернатора, губернаторов, градоначальников и начальников уездов. Основной целью их деятельности объявлялось «содействие всеми предоставленными в их распоряжение средствами к удовлетворению краем потребностей армии и в облегчении сношений между войсками и местным населением». Цит. по: Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. — М., 2000. — С. 73.

[2] Так в документе. Имеется в виду 19 августа 1914 г.

60. ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ФИНЛЯНДИИ Ф.А. ЗЕЙНУ

№ 12519/Д.II. *13 сентября 1914 г.*

Милостивый государь Франц Александрович,

В связи с происходящим за последнее время возвращением в значительном числе русских подданных из Германии в империю через Швецию и Финляндию, в некоторых городах за границей, как например в Копенгагене и Стокгольме, были образованы особые организации, имевшие целью оказание помощи нуждающимся русским, устройство питательных пунктов, предоставление пристанищ и т.д. В Стокгольме означенные цели осуществляются в особо значительном размере отделом «Армии Спасения», расходы коего по этой деятельности возмещаются из средств императорской миссии в помянутом городе. Таким образом, вопрос об оказании содействия возвращающимся из Германии нашим соотечественникам, вплоть до приезда их на нашу границу, поставлен на надлежащую почву, благодаря деятельности указанных организаций, в пределах возможности, облегчающих нуждающимся русским их путешествие[1].

Представляется крайне желательным, чтобы русские подданные, переехав отечественную границу, равным образом, не оставались без надлежащих забот со стороны местных властей или общественных организаций, и чтобы им была обеспечена возможность доехать без лишений до места их жительства в империи.

Ввиду изложенного и во внимании к интересу, который данный вопрос представляет для МИД, пок[орнейше] пр[ошу] — сост.) Ваше превосходительство не отказать в уведомлении, какие меры приняты в вверенном Вам крае для оказания содействия нашим подданным, приезжающим из Германии в Россию через Торнео или Раумо[2].

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности[3].

Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 2435, л. 7–8. Копия. Рус. яз.

[1] Далее зачеркнуто: «С другой стороны, до сведения Министерства иностранных дел дошло, что по переезде нашими подданными финлянской границы или по прибытии их в финляндские порты они оказываются в менее благоприятном положении ввиду отсутствия в нашей территории каких-либо, подобных вышеуказанным, действующим за границей организаций, которые могли бы оказывать путешественникам содействие. Равным образом и со стороны некоторых финляндских властей нередко не принимается никаких мер к облегчению положения возвращающихся на родину соотечественников. Ввиду сего об изложенном считаю долгом сообщить на благоусмотрение Вашего...».

[2] Далее зачеркнуто: «обеспечивалось по прибытии на нашу территории то же содействие, которое ныне оказывается им за границей. О последующем имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать почтить уведомлением».

[3] В ответном письме от 25 сентября 1914 г. Ф.А. Зейн сообщил в МИД, что для содействия российским подданным, возвращавшимся в Россию, было увеличено число поездов, организованы пункты питания. — См.: Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 2435, л. 9–11 об.

61. ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВУ

№ 457 *20 сентября 1914 г.*

Милостивый государь князь Николай Александрович,

Письмом от 13-го сентября с.г., № 59[1], Ваше сиятельство сообщили содержание Ваших бесед с начальником Штаба верховного главнокомандующего по поводу слухов о предании военному суду в Германии генерала Мартоса, а равно касательно предположения предать суду прежнего коменданта Калиша германского офицера Прейскера.

Еще ранее получения этого письма Министерство иностранных дел, на основании обнародованных Штабом данных, признало необходимым снестись с испанским послом в Берлине и поручило ему протестовать против предания генерала Мартоса военному суду. Содержание полученного от г-на Поло де Барнабе ответа Вам уже известно из телеграммы управляющего Юрисконсультской частью от 18-го сего сентября.

Принимая во внимание выяснившиеся обстоятельства содержания генерала Мартоса в военном плену, Министерство иностранных дел не может не согласиться с высказанным вверенной Вашему управлению Канцелярией взглядом относительно предания суду Прейскера. Гаагские конвенции не предусматривают никаких карательных санкций за нарушение военными властями неприятеля обычаев войны: ввиду этого предание суду Прейскера могло бы оправдываться лишь как мера репрессии. Однако вступать на этот путь представляется, вне случаев повелительной государственной необходимости, по мнению министерства, весьма нежелательным, ибо всякие репрессии вызывают соответственный ответ, а тем самым опасность беспредельного обострения суровости военной борьбы. Так и в данном случае несомненно, что предание Прейскера суду, при

всей возмутительности его действий, повлечет за собой тождественную, а, быть может, еще более суровую меру в отношении русских военнопленных.

Покорнейше прося Ваше сиятельство сообщить вышеизложенное мнение Министерства иностранных дел начальнику Штаба верховного главнокомандующего, пользуюсь случаем, чтобы возобновить Вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

А. Нератов

Ф. 323, оп. 617, д. 79, л. 13–13 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Не публикуется. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 79, л. 11–12 об.

62. ДЕПЕША ДИРЕКТОРА ВТОРОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД А.К. БЕНТКОВСКОГО ГУБЕРНАТОРАМ И ГРАДОНАЧАЛЬНИКАМ РОССИИ

№ 12952 *24 сентября 1914 г.*
Циркулярно

С начала военных действий в Министерстве иностранных дел было образовано особое Бюро справок для разыскания застигнутых войной за границей русских подданных.

Многочисленные просьбы по сему поводу поступают в Бюро не только от жителей Петрограда, но также и из провинции. В случае розыска того или другого русского подданного, Бюро уведомляет о том лицо, просившее о справке. Тем не менее, просители изъявляют желание ознакомиться со списком лиц, уже отысканных, каковое желание является тем более понятным, что, при весьма частых в настоящее время переездах русских подданных из одной страны в другую, нередко они остаются неразысканными в том государстве, в котором Бюро, по просьбе просителей, наводило о них справки, но с другой стороны, сведения о них поступают из иной страны.

Ввиду сего, имена отысканных публикуются Министерством иностранных дел в издаваемом им периодически списке русских подданных, застигнутых войной за границей, первый, второй и третий[1] выпуски коего Второй департамент имеет честь при сем препроводить Вашему превосходительству, покорнейше прося, в случае, если к Вам будут обращаться лица, проживающие во вверенной Вам губернии, за сведения [ми] о русских подданных, находящихся ныне за границей, не отказать в выдаче таковых на основании данных сего списка.

К сему Департамент считает долгом присовокупить, что последующие выпуски списка будут доставляться Вашему превосходительству немедленно по их отпечатании.

Директор А. Бентковский

Делопроизводитель Кратиров

Ф. 155. 1–5, оп. 709, д. 2216, л. 38–38 об. Литограф. Копия. Рус. яз.

[1] Вписано над строкой.

63. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОСЛАМ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ А.П. ИЗВОЛЬСКОМУ И А.К. БЕНКЕНДОРФУ

№ 3667 *25 октября 1914 г.*
7 ч. веч [ера]

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Бордо и Лондоне. Сообщается в Бухарест.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 366[1].

Прошу срочных распоряжений.

Желательно скорейшее решение со стороны Франции и Англии по вопросу о совместной с нами закупке продуктов нефтяного производства в Румынии, которой наше Военное ведомство придает громадное значение. Совет министров разрешил приобретение совместно с союзниками при условии, чтобы расходы были покрыты за счет принадлежащей нам валюты, хранящейся во французских банках.

Поручаем Поклевскому обсудить меры к осуществлению закупки и вывоза нефтяных продуктов совместно с его французским и английским сотоварищами тотчас по получении ими надлежащих указаний, которые, мы надеемся, будут даны безотлагательно.

(подп.) Сазонов

Ф 134, оп. 473, д. 37, л. 3. Копия. Рус. яз.

[1] В секретной телеграмме № 366 от 21 октября/3 ноября 1914 г. посланник в Румынии С.А. Поклевский сообщил в МИД о том, что в Румынию из Германии прибыло 42 вагона со снарядами, и столько же вагонов с бензином направлены из Румынии в Германию. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 37, л. 2.

64. ПИСЬМО ПОСЛА РОССИИ В ТУРЦИИ[1] М.Н. ГИРСА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

Рим, 28 октября/10 ноября 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Димитриевич,

С разгромом австро-венгерских войск и с крушением двуединой государственной власти этой монархии естественно возникнет во всем его объеме срочный вопрос о дальнейшей судьбе входящих в ее состав народов.

Если выключить из счета поляков, для которых намечается полное объединение, и мадьяр, имеющих известную государственную организацию, останутся, так сказать, висеть на воздухе нижеследующие народные группы, занимающие определенные области:

чехи с мораванами и словаками
сербы и хорваты
словенцы

румыны
немцы
итальянцы.

Рассуждая теоретически, отторжение некоторых из них, а именно сербо-хорватов, румын и итальянцев, для присоединения их к единоплеменным соседним государствам явилось бы самым естественным и упрощенным способом устроения их будущей государственной жизни, более или менее отвечающим высшим целям настоящей войны; но осуществление его встретило бы несомненно непреодолимые препятствия со стороны самих этих народов, за исключением одних лишь итальянцев. Уже теперь имеется немало данных, заставляющих предвидеть, что, например, планы о создании великой Сербии и великой Румынии под главенством Белграда и Бухареста, могут потерпеть крушение не под давлением внешних воздействий, а вследствие внутренних разногласий.

Чехи с моравanами и словаками к этой категории австрийских народов отнесены быть не могут, как по своей географической обособленности от прочих славянских областей юго-запада монархии, от которых они отделены немецкими провинциями Тироль, Зальцкамергут, Верхняя и Нижняя Австрия, так и вследствие наличности тесно сплетающихся областных экономических интересов между чехами и немцами, несмотря на племенную вражду.

Что касается словенцев, то в настоящее время было бы еще весьма трудно определить, к какой группе австрийских славян их можно присоединить в смысле государственного объединения: к примыкающим ли к ним с юга сербо-хорватам, или же к чешской группе, отделенной от них полосой вышеупомянутых немецких провинций. И то и другое имело бы свои основания, но выбор будет зависеть главным образом от нового государственного уклада Австро-Венгерской державы в ее целом. Каков будет этот уклад, сохранит ли свою власть династия Габсбургов, останутся ли объединенными урезанные Австрия и Венгрия, или же входившие в их состав области сольются в одну или несколько отдельных групп на началах федерации, до решения всех этих вопросов, то есть, в сущности принципиального вопроса о бытии или небытии Австро-Венгерской державы как двуединой монархии, словенцы едва ли смогут сами вполне определенно формулировать свои домогательства. К тому же, еще менее хорватов они увлекаются мыслью о закрепощении себя великой Сербией.

Таковы, в кратком перечислении, составные элементы одного из крупных вопросов ликвидации войны — перекройки владений нынешней Австро-Венгрии и дальнейшей судьбы этой монархии.

Одновременно и в органической связи с ним становится на очередь вопрос о ликвидации войны по отношению к народам Балканского полуострова.

В этом крае пока еще остаются в силе постановления Бухарестского договора[2]. Но в нем, со времени второй балканской войны[3], до такой степени ярко обнаружился дух политического «бандитизма», порой грубого, порой утонченного, присущего всем без исключения народам балканских государств, не говоря уже о проявленной ими за то же время зверской жестокости, посеяно между ними и доселе таится так много злобы и вражды — что оставление этого договора без пересмотра совершенно парализовало бы все наши усилия установить на Балканах какой-либо прочный порядок вещей и укрепить на прочной основе наше там положение.

Если до сей поры такой пересмотр представлялся делом затруднительным и рискованным, способным осложнить и без того сложные отношения наши к некоторым балканским народам, в особенности пока длится война, то в настоящее время, благодаря выступлению турок задача может значительно облегчиться. С неизбежным и — как надо полагать — окончательным разгромом турецкого владычества на европейском материке, с уничтожением крепостных сооружений на Проливах и с нейтрализацией прилегающей к ним с обеих сторон территории, домогательства румын, болгар и греков будут вдвинуты в определенные и крепкие рамки самой силой вещей и не представят для нас никакой опасности в будущем. Для соглашения между ними на почве территориальных исправлений и приращений за счет Турции и Австрии и более разумного размежевания Македонии откроется естественный путь, на который они вступят без особого принуждения с нашей стороны, а вмешательство в устроение их дальнейшей судьбы выразится лишь в запрете прибегать к оружию для сведения взаимных между собой счетов, запрете, который, несомненно, будет подкреплен такими же требованиями союзных нам держав.

Все эти данные справочного свойства и посильные соображения, которыми позволяю себе обременять Ваше благосклонное внимание укрепляют меня в мысли, уже ранее высказанной, что нам предстоит громадный по напряжению труд по ликвидации тех самых сложных вопросов — австро-венгерского и балканского — которые так властно повлияли на стремительное объявление нам Германией войны. Мне представляется поэтому естественным, что, сокрушив надолго, если не навсегда военную мощь этой державы и войска ее союзника, первой заботой по окончании вооруженной борьбы явится совершенное обезвреженье тех самых народов, государственный уклад и образ действий которых вызвал столь великие жертвы, как те, которые мы несем и будем неизбежно нести еще некоторое время.

Мне думается также, что какое бы новое политическое устройство ни было создано для двух народных групп — австро-венгерской и балканской — распространение на них тех драконовских ограничений организации вооруженных сил и пользования ими, которые будут навязаны нами Германии, напрашивается само собой.

Рядом с этим мы могли бы в то же время предоставить этим народам самостоятельно, в общих территориальных пределах, нами указанных, размежеваться и создать себе новый государственный уклад. Я вполне уверен, что никаких «великих» Сербии, Румынии или австро-славянской державы они создать не смогут, а мы освободимся от нежелательных и неизбежных последствий нашего слишком непосредственного вмешательства в такое дело, то есть от сомнительной признательности одних народов и несомненной ненависти других.

Вопрос сводился бы таким образом к выбору способа предоставления всем этим народам совместно обсудить и выяснить свои нужды и пожелания, которые и послужили бы материалом, необходимым для выработки условий общего мира по окончании военных действий. Но как и когда это сделать?

Я не исключаю, что продолжающаяся война всегда может создать всякие неожиданности в области политики, что и балканские и прочие, пока нейтральные государства, могут в силу новых обстоятельств быть вовлечены в вооруженную борьбу; но такое событие не могло бы, по крайнему моему разумению, переставить на иную почву наши и наших союзников требования по отношению к странам, веками служившим очагами общеевропейских осложнений и смут, то есть, к Турции, к Австрии и к Балканам. Мне кажется поэтому, что уже теперь можно иметь в виду созыв двух частных съездов, одно-

го для представителей населения австро-венгерских земель, а другого — для балканских. Съезды эти должны были бы приступить к занятиям немедленно по окончании военных действий, а если окажется возможным, то и ранее, с тем, чтобы державы, участвующие в обсуждении и подписании мирного договора, были заблаговременно осведомлены о том, чего домогаются меньшие народы, по доброй воле или по принуждению прикосновенные к войне.

Вместе с тем, во избежание потери времени и излишних прений, державы должны были бы заблаговременно выработать для этих съездов совершенно определенную программу деятельности, а также условия, на которых будет предоставлено собравшимся делегатам народов обсудить и избрать наиболее подходящий для последних новый государственный строй.

Быть может, я иду слишком далеко в своих предположениях, но для меня вырисовывается возможность образования на развалинах Австро-Венгерской державы чего-то вроде соединенных штатов, например, сербо-хорватских со включением сербов балканских, румынских с Трансильванией и Буковиной и всяких других. Полная автономия каждого отдельного штата в деле государственного управления, до установления формы правления включительно, полная свобода объединения разных функций государственной деятельности всех штатов и непременный запрет создания общего войска — таковыми мне представляются главнейшие основы будущих группировок и государственного устроения австро-венгерских и балканских областей. Само собой разумеется, что такие капитальные по нынешним требованиям международного общения вопросы финансово-торговой политики, как, например, всякие транзитные пошлины, или запретительные железно-дорожные тарифы, новыми государствами самостоятельно установлены быть не могут.

Я не скрываю от себя, глубокоуважаемый Сергей Димитриевич, что все эти мои предположения могут быть признаны Вами и преждевременными и не отвечающими в достаточной мере действительности. Прошу Вас поэтому заранее отнестись к ним снисходительно: они не более как попытки ориентироваться в том «новом», что идет нам теперь навстречу, ибо я совершенно уверен, что исчезновение венной мощи Германии в корне изменит государственную жизнь народов Европы и, в особенности, основы и приемы международного общения. Трудясь над изучением новейших фазисов мне более знакомых вопросов, я невольно сочетаю накопленный жизнью и долгими годами службы опыт с фантазией, если хотите; но фантазия моя ничтожна по сравнению с тем, что нам приуготовляют переживаемые мировые события, величие и реальная сила которых не сразу могут поддаться нашему правильному учету.

Этим признанием в сложившемся у меня политическом исповедании спешу закончить мои рассуждения, усердно прося Вас не посетовать на меня за то, что позволил себе вновь обременить ими Ваше внимание.

Прошу Вас верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

М. Гирс

Ф. 138, оп 467, д. 580, л. 13–16. Подлинник. Рус. яз.

[1] М.Н. Гирс был отозван из Константинополя в октябре 1914 г.
[2] См. док. № 1, прим. 2 к записи от 18 марта 1915 г.
[3] См.: Там же.

65. ЖУРНАЛ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ

[31[1] октября 1914 г.]

Журнал Особого совещания об изменении правил морской войны

Заседание 31 октября 1914 года.

Председатель:

Управляющий Юрисконсультской частью Министерства иностранных дел, статский советник барон Нольде.

Члены:

От Военного министерства:

Помощник 1-го обер-квартирмейстера, Генерального штаба генерал-майор Монкевиц.

Делопроизводитель отдела генерал-квартирмейстера, Генерального штаба полковник Водар.

От Морского министерства:

Юрисконсульт Морского министерства, член консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, тайный советник Стеблин-Каменский.

Ординарный профессор Николаевской Морской Академии, генерал-майор Овчинников.

От Министерства финансов:

Помощник юрисконсульта Министерства финансов, надворный советник князь Авалов.

От Министерства торговли и промышленности:

Помощник начальника Отдела торгового мореплавания, статский советник Линден.

Чиновник особых поручений V класса при министре торговли и промышленности статский советник Лисенко.

От Министерства юстиции:

Исправляющий должность чиновника особых поручений VI класса при министре юстиции в звании камер-юнкера высочайшего двора, титулярный советник Гаусман.

Настоящее совещание было посвящено вопросу о пересмотре именного высочайшего Указа 1 сентября 1914 г.[2]

Открывая заседание, председатель ознакомил Собрание с обстоятельствами, поставившими на очередь вопрос о пересмотре именного Указа 1 сентября с.г. Указ этот, изданный по соглашению с союзными французскими и великобританским правительствами, постановил применять в виде временной меры в настоящую войну Правила морской войны, выработанные Лондонской конференцией 1908–1909 гг.[3], с некоторыми в них изменениями и дополнениями.

Эти изменения и дополнения, помимо протеста, обращенного к нейтральным странам со стороны германского правительства, вызвали также, хотя и в дружественной, но решительной форме возражения правительства А.С.Штатов, в особенности против допущенного союзными державами распространения так называемого «длящегося плавания» на предметы условной контрабанды (ст. 5 Указа 1 сентября 1914 г.). Ввиду чрезвычайной важности указанного вопроса для американского хлебного экспорта и необходимости поддержания дружественных отношений с А.С. Штатами для союзников, союзные пра-

вительства признали необходимым войти с федеральным правительством в переговоры, причем ближайшее руководство этими переговорами приняло на себя великобританское правительство. Переговоры эти привели к необходимости пересмотреть введенные союзными державами изменения и дополнения к Лондонской декларации 1909 года[3]. Английское правительство, в силу достигнутого соглашения с А.С. Штатами и с ведома французского и русского правительств, обнародовало 29 октября в отмену Указа 25 августа с.г. новый Указ, подтверждающий применение в настоящей войне Лондонской декларации, но уже с новыми в ней изменениями и дополнениями ее. Новейшие изменения касаются как списка предметов военной контрабанды, так и условий применения доктрины так называемого «длящегося плавания». Тождественный по содержанию Декрет президента Французской Республики последовал 6 ноября н. ст. 1914 г.

В силу указанных соображений, а также желательности совместного образа действий союзников в настоящей войне, ст. сов. бар. Нольде предложил, по примеру Франции и Англии, пересмотреть Указ 1 сентября и сообщил Собранию выработанный Юрисконсультской частью Министерства иностранных дел проект нового Указа, тождественного по содержанию с новейшими указами союзных правительств[4].

Генерал-майор Овчинников заявил, что Морское ведомство всецело присоединяется к мысли о пересмотре Указа 1 сентября, считая необходимым полную согласованность выступлений союзников.

В том же смысле от имени Военного ведомства высказался генерал-майор Монкевиц.

Касаясь возможных возражений со стороны нейтральных государств против новых изменений Лондонской декларации, генерал-майор Овчинников указал, что, так как Лондонская декларация не была ратифицирована союзниками, то, следовательно, не имеет ни для них, ни для нейтральных государств обязательной силы и все возражения касательно ее изменения или дополнения лишены каких бы то ни было юридических оснований.

Признав ввиду изложенного необходимым пересмотреть Указ 1 сентября, Совещание перешло к обсуждению по существу представленного Министерством иностранных дел проекта нового именного Указа правительствующему сенату.

После подробного обсуждения редакции вступительной части проекта, Собрание по предложению надв[орного] сов[етника] князя Авалова, поддержанному тайн[ым] сов[етником] Стеблиным-Каменским, остановилось на решении не повторять в будущем Указе предписание руководствоваться Лондонской декларацией, а лишь заменить принятые в Указе 1 сентября изменения и дополнения к ней.

При обсуждении ст. 1, касающейся перечисления предметов военной контрабанды, Совещание внесло ряд исправлений редакционного значения.

По поводу ст. 2 возникло сомнение, как понимать выражение «следующее плавание». Представители морского министерства указали, что, по их мнению, ввиду текста ст. 2 Указа 1 сентября, под выражением «следующее плавание» надо разуметь то плавание, которое является следующим после обратного плавания. Председатель, наоборот, полагал, что под этим выражением надо понимать только ближайшее после перевозки контрабанды плавание, так как здесь кроется одна из сделанных Англией Соединенным Штатам уступок. Ввиду неясности текста ст. 2 Совещание полагало обратиться через посредство Министерства иностранных дел за разъяснением по этому вопросу к великобританскому правительству.

Статья 3 подверглась некоторым изменением редакционного характера.

В связи с рассмотрением ст. 4 и 5 председатель ознакомил Собрание с дипломатическими переговорами союзных держав с нейтральными государствами относительно обеспечения свободы их торговли и в то же время недопущения транзита товаров на неприятельские страны. Союзниками было предложено, с одной стороны, указывать в судовых бумагах совершенно определенно нейтрального получателя грузов, а с другой стороны — принять на себя нейтральным правительствам контроль и ответственность за дальнейший транзит товаров в неприятельские страны. При этих условиях нейтральная торговля, находящаяся ныне в крайне стесненном и неопределенном положении, будет обеспечена от произвольных захватов нейтральных товаров воюющими, и доктрина «длящегося плавания» не будет иметь к ним применения. В отношении же тех не принимающих в войне участия государств, которые будут фактически допускать транзит товаров в неприятельские страны, союзные правительства будут в отмену ст. 35 применять так называемую доктрину «длящегося плавания». Эта вводимая союзниками система, получившая неточное название «системы эмбарго», и выражена в ст. 4 и 5 проекта.

В возникших при рассмотрении указанных статей прениях выяснилось, что проектируемые нововведения, касательно точного определения получателя товаров в коносаментах, получила ныне фактическое осуществление. Так, например, представителем Министерства торговли и промышленности было указано, что вывоз товаров из России поставлен в зависимость от гарантии нейтральных правительств, что товары не поступят на вражеский рынок.

Ст. 4 была принята с некоторыми редакционными изменениями.

Первую часть ст. 5 Совещанием признано желательным поместить в качестве второй части в ст. 4. В остальной ее части сделаны редакционные исправления.

Проект исправленной Совещанием редакции Указа будет разослан представителям ведомств для предварительного просмотра, вместе с проектом журнала, а засим Министерством иностранных дел внесен в Совет министров.

Ф. 156, оп. 457, д. 406, л. 1–3. Копия. Рус. яз.

---

[1] На документе стоит дата 21 октября 1914 г. Однако проект Журнала датирован 31 октября, на обложке архивного дела дата исправлена также на 31 октября. В тексте документа упоминается декрет президента Французской Республики от 6 ноября, что соответствует 24 октября ст. ст.

[2] Указ «О применении правил морской войны, выработанных Лондонской конференцией 1908–1909 годов, с некоторыми их изменениями и дополнениями». — См.: Собр. узак. — 1914. — Отдел первый. — Второе полугодие. — № 249. — Ст. 2352. — С. 3461–3476.

[3] На Лондонской международной морской конференции 1908–1909 гг. были систематизированы некоторые правила и обычаи морской войны. В частности, морские державы рассмотрели отдельные вопросы морского права исключительно в целях обеспечениях свободы действий для своих военных флотов (отмена каперства, свобода военного мореплавания на Черном море, Дунае, Суэцком канале и др.), соглашаясь лишь на частичную регламентацию деятельности военных флотов во время морской войны (права и обязанности нейтральных держав во время морской войны, ограничения права захвата на море, ограничение использования минного оружия и др.), добиваясь ограничения морской правоспособности побежденных государств (запрещение иметь собственный военный флот, подводные лодки, раздел флотов побежденных государств и др.). Сторонам удалось воплотить договоренности в форму Декларации о праве морской войны 26 февраля 1909 г.

[4] См.: Ф. 156, оп. 457, д. 407, л. 2–4.

66. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОСЛУ РОССИИ В ИСПАНИИ Ф.А. БУДБЕРГУ

№ 3832 *3 ноября 1914 г.*
Шифром

Соблаговолите просить королевское правительство дать поручение испанским послам в Берлине и Вене официально довести до сведения германского и австро-венгерского правительств, что в случае подтверждения полученных военными властями сведений о многочисленных актах насилия, совершенных германскими и австро-венгерскими властями в отношении российских подданных и военнопленных в Германии и Австрии, равно как и на театре военных действий, с нашей стороны последуют репрессалии[1].

(Подписано) Сазонов

С подлинным верно: *за делопроизводителя*[2]

Ф. 156. «Юрисконсультская часть», оп. 457, д. 92б, л. 9 об. Заверенная копия. Перевод с французского языка.

[1] 7/20 ноября 1914 г. посольство Испании в Петрограде направило в МИД России телеграмму испанского посла в Берлине. В ней говорилось о том, что посол передал германскому правительству официальное сообщение российской стороны. — См.: Ф. 156, оп. 457, д. 92б, л. 10.
[2] Подпись неразборчива.

67. ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛА РОССИИ В США Ю.П. БАХМЕТЕВА ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВУ

№ 304 *Вашингтон, 3 ноября 1914 г.*

Милостивый государь Анатолий Анатолиевич,

Как я уведомил Ваше превосходительство по телеграфу в ответ на запрос от 8 сентября с.г. за № 2810[1], образование в Вашингтоне комитета из русских и американских специалистов-экспертов для исполнения заказов императорского правительства в Америке, по образцу русско-английского комитета, действующего в Лондоне, оказалось здесь невозможным ввиду местных условий и, главным образом, объявленного Соединенными Штатами нейтралитета.

Между тем дело выполнения здесь требований нашего правительства было поставлено в крайне неблагоприятные условия как ввиду невозможности прибегать к официальному содействию американских правительственных учреждений, так и ввиду отсутствия, особенно на первых порах, подготовленного осведомительного материала. К тому же многие другие державы, не только воюющие, но и нейтральные, стали одновременно помещать на американском рынке большие заказы военных при-

пасов. Дело тормозилось еще тем, что как только открылась война, здесь появилось большое количество личностей, выдававших себя, в большинстве случаев без всякого на то права, за представителей наших управлений, уполномоченных заключать контракты.

Такому положению дел представлялось возможным в значительной степени помочь путем исключения самозваных представителей и аферистов, согласования между собою действий всех лиц, имеющих законные полномочия на производство заказов, а также, по мере возможности, с деятельностью агентов союзных держав и, наконец, посредством возможно широкой организации осведомительной части.

В этих целях мною найдено было желательным сосредоточить все дела о заказах в особой комиссии, каковая и была образована при вверенном мне посольстве по получении согласия императорского министерства и прочих ведомств наших. В основе ее лежит ознакомление представителей отдельных ведомств с деятельностью один другого для согласования ее и взаимной помощи. Через членов императорского посольства комиссия входит в соприкосновение с представителями союзных держав и осведомляется о деятельности их агентов во избежание невыгодных последствий конкуренции. Все могущие интересовать комиссию сведения, доходящие до посольства — нередко доверительным путем, — ставятся в распоряжение комиссии и все требуемые ей в отдельных штатах справки наводятся через наши консульства.

Круг деятельности комиссии намечен мною более подробно в инструкции, текст коей препровождается при сем на усмотрение императорского министерства в дополнение к секретной телеграмме моей от 29 октября за № 198[2].

В настоящее время комиссия уже располагает обширным справочным материалом. Ей также приняты к руководству добытые посольством сведения о ненадежности ряда лиц, вступивших было в сношения с некоторыми ее членами, предлагая чрезвычайно выгодные условия. В числе последних следует упомянуть г-на Гартмана, ныне арестованного, о котором я дважды сообщал по телеграфу, и канадского полковника Аллисона, предложение коего передано было мною секретной телеграммой за № 156[3]. Сведения, полученные мною через императорское посольство в Лондоне, а также через здешнее великобританское посольство, от губернатора Канады, выяснили, что лицо это крайне ненадежно и едва ли способно выполнить дела, за которые берется.

Считаю долгом присовокупить, что к участию в комиссии ныне мной привлечены командированные в Соединенные Штаты генерал-майор Сапожников и полковник Жуковский[4] и что переданная телеграммой от 19 октября с.г. за № 185[5] просьба о сообщении имен всех лиц, через коих велись переговоры о заказах, уже удовлетворена Главным артиллерийским управлением.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

Ю. Бахметев

Приложение

Инструкция о деятельности комиссии по заказам при Посольстве России в США

При императорском Посольстве в Вашингтоне учреждается Комиссия для содействия успешному выполнению в Америке всех вызванных военным временем требований императорского правительства.

Состав ее следующий:

Председатель: Советник Посольства
Члены: Морской агент
Военный агент
Первый секретарь Посольства
Агент Министерства торговли и промышленности
Вице-консул в Нью-Йорке

Число членов может быть увеличено по предписанию императорского посла.

I

Не беря на себя выполнения технической и хозяйственной части заказов и поставок, комиссия имеет ближайшей своей задачей согласование деятельности постоянных и временных представителей отдельных ведомств между собой. А также, по мере возможности, и с деятельностью агентов союзных правительств, в видах устранения невыгодных последствий конкуренции и препятствования искусственному повышению цен, наблюдаемому на американском рынке.

Вопрос об изыскании наиболее подходящих мер для борьбы с этим явлением имеет быть всесторонне исследован Комиссией.

II

В Комиссии должен быть собран возможно обширный справочный материал, касающийся как положения американского рынка вообще, так особенно тех промышленных предприятий, с которыми ведомства наши вступают в сношения.

III

Предписания о заказах, даваемые отдельными ведомствами их представителям в Америке должны, по их получении, быть сообщаемы Комиссии для сведения, и все требуемые Комиссией объяснения должны быть представлены.

IV

Всякий контракт, подписываемый одним из членов Комиссии или иным лицом по предписанию заинтересованного ведомства, должен быть представлен для засвидетельствования в императорское Консульство и сообщен Комиссии в копии.

V

В Комиссии имеют быть сосредоточены всякого рода предложения, поступающие от промышленных предприятий или посредников по поставкам.

Предложениям этим должна вестись точная регистрация.

VI

Комиссия имеет сообщать заинтересованным лицам все сведения об отношении федерального правительства к вопросу о закупке и вывозе военных припасов из Соединенных Штатов в связи с объявленным ими нейтралитетом.

Она также должна озаботиться получением, при посредстве надежных юрисконсультов, необходимого толкования специальных местных узаконений, а равно особенностей местной практики, приобретшей юридическую силу в глазах судебных установлений.

В случае же, если при сдаче или исполнении контракта возникнет какого-либо рода спор, то Комиссия обязана таковой спор разрешить, либо направить к разрешению, по мере возможности избегая возбуждения судебного процесса в настоящее военное время.

Ф. 158, оп. 449, д. 136, л. 61–62 об. Подлинник. Рус. яз. Приложение, л. 63–65. Копия. Приложение опубл.: Россия и США. Дипломатические отношения. 1900–1917. — М., 1999 (далее — Россия и США). — С. 720–721.

---

[1] В секретной телеграмме № 2810 от 8/21 сентября 1914 г. А.А. Нератов запрашивал Ю.П. Бахметева о возможности образования в Вашингтоне Комитета для выполнения заказов российского правительства в США. — См.: Ф. 158, оп. 449, д. 136, л. 3.

[2] В секретной телеграмме № 198 от 29 октября/11 ноября 1914 г. Ю.П.Бахметев сообщил в МИД общие замечания по деятельности Комиссии. — См.: Ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 48, л. 133.

[3] См.: Ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 48, л. 99.

[4] Генерал-майор А.В. Сапожников в 1914 г. по поручению Главного артиллерийского управления (ГАУ) изучал возможности производства толуола. С этой же задачей осенью 1914 года А.В. Сапожников и полковник Н.И. Жуковский (сотрудник ГАУ) были командированы в США. В 1915 году А.В. Сапожников стал первым руководителем Русского заготовительного комитета в Нью-Йорке. — См.: прим. 1 к док. № 33.

[5] См.: Ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 48, л. 121.

68. ДОНЕСЕНИЕ ВИЦЕ-КОНСУЛА РОССИИ В БЕРЛИНЕ Ю.Н. ПАВЛОВИЧА[1] В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

[не позднее 26 ноября 1914 г.]

Честь имею представить некоторые данные об организации проезда через Евле русских подданных, возвращавшихся из Германии.

Проезд начался 25 августа/7 сентября и продолжался около полутора месяца с небольшими перерывами, за какое время проехало больше 10 000 человек. Особенно многочисленными были первые транспорты, и за первые 4 дня проехало 3 534 человека, причем во второй день, 26 августа/8 сентября, был наибольший за все время транспорт — 1 243 человека.

Местная администрация охотно шла навстречу нашим планам и оказывала возможное содействие. На случай перерыва сообщения по морю, вследствие шторма или тумана, в казарме местной военно-морской школы было приготовлено место для ночлега не менее 1 000 человек с отделением для больных. Интендантское ведомство за небольшую плату в 50 эре (26 коп.) с человека, взяло на себя приготовление и сервировку обеда под устроенным для этого из брезента навесом на пристани. Начальник движения местной железной дороги распорядился подавать специальный поезд с русскими, а, когда их было меньше, отведенные им вагоны — прямо на пристань. Начальник таможни оказывал содействие в разыскивании багажа тех, которые из Евле ехали не на пароходе (куда без всяких формальностей и хлопот со стороны пассажиров прямо перегружался из багажных вагонов весь багаж), а следовали дальше сухим путем через Торнео или хотели отдохнуть несколько дней в Евле или Стокгольме.

Накануне дня приезда пассажиров вечером мы получали извещение о числе ведущих. Поезда приходили межу 4–4½ часами пополудни; если ехало больше 500 человек, то бывало 2 поезда.

Я с посланным императорской миссией в Стокгольме для помощи мне И.К. Вербицким, жившим как раз в это время случайно в Стокгольме и знающим прекрасно шведский язык, а в первое и самое трудное время еще с лектором русского языка при Упсальском университете Г.Г. Александровым, любезно согласившимся работать вместе с нами, отправлялись навстречу русскому поезду и встречали его на станции Стурвик, приблизительно за 1 час езды от Евле.

Уже в пути мы обходили вагоны, приветствуя едущих, давая им первые общие указания относительно порядка их дальнейшего следования и разъяснения возбуждаемые ими вопросы, что обыкновенно производило на них хорошее впечатление; устанавливали, нет ли в поезде больных, нуждающихся в медицинской помощи, и выдавали неимущим билеты на проезд на пароходе, чтобы избежать потом давки и волнения.

Здесь мы предупреждали о том, что составляло вообще предмет главной нашей заботы и затруднения, — о недостаточном числе билетов 1-го и 2-го классов — и убеждали ехать хотя бы в 3 классе, так как хороших мест все равно на всех никогда не могло хватить, и так как это уже последняя ночь пред приездом в Россию и окончанием странствий по чужим краям; кроме того, пока держалась хорошая погода, весьма важным аргументом было то, что, кто знает, какая погода будет дальше, и что гораздо лучше ехать в 3 классе при спокойном море, чем в 1 классе во время качки. Надо заметить, что пароходное общество Svea поставило возможный для него maximum пароходов, не больше 4 в рейс, и когда приходилось по 200 и более человек на пароходе, то, конечно ¾ пассажиров устраивались кое-как, на внутренней палубе и в приспособленном теперь помещении (трюме), куда обыкновенно грузятся товары. Понемногу удалось добиться того, чтобы каждый пассажир 3 класса получал или гамак или матрац, подушку и одеяло, а затем был еще устроен, так называемый улучшенный 3 класс, то есть на внутренней палубе были сделаны деревянные переборки и койки; сначала эти места продавались обществом Svea, как 2 класс, но затем по настоянию миссии в Стокгольме были предоставлены пассажирам 3 класса; мы старались, чтобы эти лучшие места доставались женщинам с детьми и вообще нуждавшимся в несколько больших удобствах.

Как я уже упоминал, поезда приходили прямо на пристань. С одной стороны стояли готовые к отходу пароходы, а с другой стороны навесы для бесплатного обеда, пароход-

ная билетная касса, отделения телеграфной конторы, разменная касса, продажа открытых писем и марок и ресторан.

Когда багаж был выгружен, поезд убирали, и едущие, которые к этому времени обыкновенно успевали уже немного устроиться на пароходах, приступали к обеду, который состоял из очень хорошего супа, вареного мяса, картофеля, хлеба, масла и чая или легкого пива; первое время походная сервировка внушала некоторое недоверие, но понемногу решались есть, и обыкновенно все оставались довольны.

После обеда все становились немного спокойнее, но все-таки надо было много терпения и спокойствия самому, чтобы уговорить всех ехать, не теряя времени, и перестрадать еще одну последнюю ночь. Я прилагал все старания к тому, чтобы избежать скопления в Евле оставшихся пассажиров. Ожидание в надежде получить более удобное место не приводило ни к чему, так как на следующий день являлись новые пассажиры, уже запасшиеся заранее в Треллеборге билетами, и опять все места 1 и 2 классов бывали уже заняты. Хуже всего было то, что Nordiska Reise Bureau [Северное бюро путешествий] в Берлине продавало билеты уже и на пароход в большом количестве и пассажиры, приезжая с билетами высших классов, бывали возмущены, что им или надо ехать по этим билетам в 3 классе или же ждать, не имея определенной надежды.

Между 5–7 часами, в зависимости от числа пассажиров, пароходы уходили. Перед отходом мы обходили еще раз пароходы и просили пассажиров ехать спокойно и не волноваться, предупреждали, что утром перед приходом в Раумо, все пассажиры 3 класса получат бесплатно кофе с хлебом и маслом, что неимущие будут отправлены бесплатно от Раумо до Петрограда, и желали счастливого пути. Обыкновенно почти все уезжали спокойные и довольные, нередко с пением гимна и криками «ура», выражая благодарность нам и шведам, выказывавшим им много радушия и всегда готовым оказать посильную услугу.

В первые же дни поступило распоряжение императорского посланника в Стокгольме, чтобы все мужчины от 17 до 45 лет не ехали на пароходах ввиду случая с пароходом Улеаборг, с которого были взяты в плен возвращавшиеся на нем из России англичане, и который был затем потоплен.

Еще в поезде мы предупреждали мужчин указанного возраста о том, что им придется ехать отдельно, и до отхода парохода уже удавалось их убедить в неизбежности разлуки с семьями. Некоторые жены и матери решались ехать также через Торнео; по возможности мы отговаривали их от этого, ввиду ограниченного числа мест в поезде.

Когда пароходы уходили, тут же на пристани, недалеко от места стоянки пароходов, в комнате, предоставленной мне пароходным обществом, происходила выдача свидетельств для возвращения в Россию мужчинам, паспорта которых остались на руках у их семей, а также продажа и бесплатная выдача билетов на железную дорогу.

Сюда же на пристань подавался поезд, который отвозил наших пассажиров на центральную станцию, там они успевали еще до отхода поезда на север зайти в отель и поужинать.

Через 3 дня нашей миссии в Стокгольме удалось добиться официального заявления германского правительства, что лица, выпущенные из пределов Германии, могут следовать дальше в Россию беспрепятственно, и это ограничение проезда на пароходах, внесшие большое расстройство в налаженный уже порядок, было отменено и стало применяться лишь к приезжавшим из Англии, каких было тогда очень мало.

Каждый день к поезду приходила сестра милосердия, и в случае надобности вызывался врач, что было лишь 3 раза.

Несколько раз семьи с больными или переутомленными детьми помещались на время в квартире армии спасения за плату.

Одно время правильное движение было нарушено штормом, который не позволил пароходам вовремя вернуться из Раумо. К счастью, хотя Евле имеет лишь 35 000 жителей, здесь имеется несколько хороших отелей, в которых человек 300–400 наших пассажиров довольно удобно размещались в течение нескольких дней, пока понемногу правильное движение восстановилось. Несколько десятков неимущих были помещены нами бесплатно или за небольшую плату в морском доме, пустовавшем в это время.

Самым затруднительным для пропуска оказался транспорт из Лейпцига. Германская полиция разрешила выезд, если лица, имеющие средства, обеспечат проезд до Петрограда неимущим. Была собрана необходимая сумма денег, взяты для всех билеты до Стокгольма, а остаток денег передан комитету из нескольких лиц. В Треллеборге партию направили не на Стокгольм, а на Евле. Неиспользованные железнодороджные билеты от Треллеборга до Стокгольма были оставлены у нашего нештатного консула в Мальмё, и были взяты новые до Евле. По приезде в Евле транспорт распался, некоторые (огромное большинство) ехали сразу на пароходе, другие хотели ехать по железной дороге, наконец, третьи — остаться отдохнуть в Евле или в Стокгольме.

Комитет был осажден толпой, требовавшей обратно свои деньги. После долгих споров путников с «комитетом», пришедшим в полное отчаяние, я решил взять разрешение вопроса на себя. Неимущим были выданы бесплатные билеты на пароходы с правом получить бесплатно и проезд по железной дороге до Петрограда, а остальные пассажиры получили стоимость проезда до Петрограда по 3 категориям (1 кл. пароход и 2 кл. жел. дор.; 2 кл. пароход и 2 кл. жел. дор. и 2 кл. пароход и 3 кл. жел. дор.) сообразно сумме внесенных ими в свое время денег; к счастью, сохранились подробные списки. Раздача денег тянулась с 6 до 10 часов вечера, когда, наконец, публика могла сесть на пароходы, которые, впрочем, только к этому времени были готовы ее принять, вернувшись незадолго до этого после тяжелого рейса.

Оставшиеся несколько сот марок были выданы снова членам комитета на пропитание неимущих в пути и на их непредвиденные расходы.

Из полученной со временем консулом в Мальмё стоимости неиспользованных железнодорожных билетов от Треллеборга до Стокгольма была вычтена стоимость 178 пароходных билетов, выданных мной, а остальные деньги были переданы в Лейпциг еврейскому благотворительному обществу, при деятельном участии которого был организован выезд этой партии.

Конечно, вообще, при массе проезжавших русских во много раз превышавшей обыкновенное число едущих через Евле пассажиров, для многих переезд по морю неизбежно был труден и неудобен, но что возможно было сделать для успокоения пассажиров и доставления им некоторых удобств до посадки на пароходы и на самих пароходах, того мы всегда по мере сил старались достигнуть.

Надворный советник Г. Павлович

Ф. 159, оп. 743/1, д. 547, л. 8–12 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 146–150.

[1] Ю.Н. Павлович был отозван из Берлина в связи с началом войны с Германией 19 июля//1 августа 1914 г.

69. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА РОССИИ В РУМЫНИИ С.А. ПОКЛЕВСКОГО-КОЗЕЛЛА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

№ 479 *9/22 декабря 1914 г.*

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте

Ваши телеграммы №№ 3972 и 4364[1] получены.

№ 1.

Поняв из телеграммы Вашего высокопревосходительства, что платежи за наш счет за купленный в Румынии бензин будут произведены французским правительством, которое получило по телеграфу от французского посланника все сведения о заключенных нами сделках, я намеревался донести о последних по почте и одновременно представить копии контрактов, на что потребовалось бы еще некоторое время. Мы заключили семь контрактов с семью различными компаниями, причем один контракт на очень незначительное количество бензина может быть не будет выполнен, но это составит самую пустую разницу в денежных расчетах. Всего трем правительствам придется уплатить в Париже 13 112 000 франков и, в Бухаресте — 5 720 000 лей. Мы купили: во-первых, — около двух третей свободной наличности бензина в Румынии, в количестве 21 800 *т* легкого и 20 100 *т* тяжелого бензина на сумму 8 552 000 франков, уплачиваемых в Париже, и 2 935 000 лей, подлежащих уплате в Бухаресте в три срока: 1-го декабря — 4 276 000 франков в Париже и 1 467 500 лей в Бухаресте, и 1-го января и 1-го февраля по 2 138 000 франков в Париже и по 733 750 лей в Бухаресте. Во-вторых, — около половины общего производства бензина в Румынии в течение последующих трех месяцев в количестве 19 400 *т* легкого и 9 600 *т* тяжелого бензина на сумму 4 560 000 франков, уплачиваемых в Париже и 2 790 000 лей в Бухаресте, в следующие сроки: 1-го января — 760 000 франков и 468 050 лей; 1-го февраля — 1 140 000 франков и 702 375 лей; 1-го марта — 1 520 000 франков и 926 750 лей; 1-го апреля — 760 000 франков и 463 375 лей; — 1-го мая — 3 800 франков и 229 250 лей. Помимо этого, нам еще может быть придется принять 9 000 *т* легкого и столько же тяжелого бензина от румыно-американской компании, которая продала нам лишь свой наличный бензин, — 11 000 легкого и 8 000 тяжелого — и обязалась не продавать в чужие руки в течение трех месяцев своего будущего производства, при условии, что мы обязуемся его у нее приобрести, если она того пожелает. Легкий бензин куплен нами по 270 франков за тонну, и тяжелый по 220 франков, и только румыно-американская компания продала нам легкий бензин по 330 франков за тонну и тяжелые по 265 франков. Сверх перечисленных платежей, будут еще расходы по хранению бензина, его перевозке внутри Румынии, платежи приемщикам и т.п., что составит около 50 000 франков. Страхование тоже обойдется около 35 000 франков. За принятый уже нами бензин подлежит немедленной уплате 4 276 000 франков и 30 сантимов в Париже и 820 740 лей 50 бани в Бухаресте. Платежи в Париже производятся только для двух компаний: во-первых, «Астра Романа» через «Банк Швейцарии и Франции» и, во-вторых, «Романа-Американа» через «Контуар д'Эскомпт».

(подп.) Поклевский

Ф. 134, оп. 473, д. 37, л. 9–10. Копия. Рус. яз.

[1] В секретных телеграммах № 3972 от 12/25 ноября 1914 г. и № 4364 от 8/21 декабря 1914 г. С.Д. Сазонов просил посланника в Румынии С.А. Поклевского сообщить в Петроград сведения о контрактах по закупке бензина, о сроках и порядке платежей по ним. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 37, л. 7,8.

70. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В СОВЕТ МИНИСТРОВ

№ 17530 *20 декабря 1914 г.*

Об усилении назначения по смете МИД на 1914 год
на издания министерства[1]

В целях распространения истинных сведений о событиях, предшествовавших войне, в противовес неправильному их освещению правительствами Австро-Венгрии и Германии, Министерством иностранных дел была издана посвященная этим событиям «оранжевая книга», под заглавием «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне». Книга эта была переведена на иностранные языки, и переводы изданы по распоряжениям Министерства, при посредстве заграничных установлений ведомства, в Голландии, Дании, Швейцарии и Северо-Американских Соединенных Штатах. Во Франции печатание и распространение «оранжевой книги» взяла на себя частная издательская фирма. В Англии, помещенные в книге дипломатические документы вошли в изданную великобританским правительством английскую «синюю книгу».

Независимо от сего, министерством было составлено, переведено на английский, французский, немецкий и испанский языки и отпечатано описание зверского обращения германцев с застигнутыми войной в Германии русскими путешественниками.

Наконец, как о том было доложено Совету министров в представлении ведомства от 10 октября с.г. за № 11945 об отпуске средств на расходы по наведению справок о застигнутых войной за границей русских подданных и по снабжению их денежными средствами, министерством были изданы последовательными выпусками списки наших соотечественников, не успевших по объявлении войны водвориться на родину, с указанием места пребывания их за границей.

Расход на печатание и перевод перечисленных изданий, обусловленный военными обстоятельствами, не может быть покрыт за счет почти исчерпанного счетного назначения на 1914 год, в 13 400 руб., на обычные, постоянные издания Министерства иностранных дел. Поэтому потребную на оплату упомянутых изданий сумму министр иностранных дел вынуждается испрашивать к отпуску, в усиление означенного назначения, чрезвычайным сверхсметным кредитом, на основании ст. 18 бюджетных правил 8 марта 1906 г.[2], за счет наличности государственного казначейства.

За напечатание «оранжевой книги» о переговорах, предшествовавших войне, в 35 000 экземплярах русского и 5 000 экземплярах французского текстов надлежит по типографским счетам уплатить 5 000 руб. Перевод и издание той же книги в Голландии, Дании, Швейцарии и Северо-Американских Соединенных Штатах обойдутся 2 405 руб. За издание описания германских зверств, учиненных над русскими путешественниками, причитается 302 руб. Первые два выпуска списков русских подданных, застигнутых войной за границей уже оплачены. Потребный кредит пошел в общее назначение на расходы по наведению справок об указанных подданных и по снабжению их денежными средствами (высочайше утвержденное 3 ноября 1914 г. Положение Совета министров). Ныне же предстоит уплатить за следующие III–V выпуски того же издания, в количестве по 1 000 экземпляров каждого выпуска. На это требуется, согласно предъявленным счетам, 422 руб. Всего, таким образом, на перечисленные издания надлежит ассигновать 8 129 руб. Издания сданы на комиссию для продажи. Доход от нее, на общем основании, подлежит обращению в ресурсы казны.

Вследствие изложенного министр иностранных дел полагал бы:

На основании статьи 18 правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Свод. зак., т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.), отпустить из государственного казначейства, чрезвычайным сверхсметным кредитом, на усиление назначения по смете Министерства иностранных дел на 1914 год на издания названного министерства, восемь тысяч сто двадцать девять рублей, с отнесением сего расхода на счет наличности государственного казначейства.

О сем министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Совета министров.

Подписал: министр иностранных дел Сазонов
Скрепил: директор Фан дер Флит
Верно: вице-дир[ектор] Лопухин

Ф. 159, оп. 726, д. 56, 1914 г., л. 7–8 об. Копия. Рус. яз.

[1] Представление было рассмотрено в Совете министров 30 декабря 1914 г./12 января 1915 г., утверждено Николаем II 10/23 января 1915 г.

[2] Бюджетные правила от 8 марта 1906 г. — «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных». — Определяли порядок рассмотрения и утверждения бюджета страны Государственной думой и Государственным советом. Согласно ст. 18 военные расходы, военные займы, чрезвычайные сверхсметные кредиты военного времени открывались всем ведомствам в особом порядке, т.е. все военные расходы изымались из ведения законодательных учреждений.

71. ТЕЛЕГРАММА СТАРШЕГО СЕКРЕТАРЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ В.Н. МУРАВЬЕВА ДИРЕКТОРУ КАНЦЕЛЯРИИ Н.А. КУДАШЕВУ

№ 32 *действующая армия, 30 декабря 1914 г.*
Шифром

Копия в Петроград.

Объездил всю южную Буковину. Наше военное положение там в настоящее время вполне прочно. Край не пострадал. Строгие меры приняты для предотвращения насилий. Румынское население встречает нас всюду сочувственно, оставаясь на местах. Интеллигенция и священники, особенно страдавшие от австрийских репрессивных мер, видят в нас избавителей. С народом сближает общность веры. Снятие наложенного австрийцами запрещения звонить в колокола возбудило здесь ликование. В Кимплунге командира корпуса встречала многочисленная румынская депутация, причем бургомистр Хутта в своей речи благодарил за отношение к населению и заявил, что румыны счастливы быть подданными государя императора; это тем более знаменательно, что Хутта считается лидером крестьян и пользуется большим влиянием. В возвращение австрийцев румыны не верят. Многие считают, что и мы только пройдем чрез Буковину по

пути в Венгрию, а на самом деле Южная Буковина достанется Румынии[1]. Такое настроение я нашел особенно сильным в Сучаве.

(подп.) Муравьев

Ф. 323, оп. 617, д. 92, л. 40–40 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. также док. № 81, 210.

72. НОТА МИД РОССИИ ПОСОЛЬСТВУ ИСПАНИИ В РОССИИ

Петроград, 30 декабря 1914 г./12 января 1915 г.

Российское императорское Министерство иностранных дел имело честь получить сообщение испанского королевского правительства от 7/20 ноября с телеграммой испанского посла в Берлине[1]. Поскольку в этой телеграмме содержится утверждение, что «сведения об актах насилия, которые могут быть приписаны германским властям, по большей части неточны или преувеличены», российское императорское правительство считает должным просветить испанское правительство на этот счет, представив ему первые результаты проводимых нами расследований касательно нарушений законов и обычаев войны на суше, совершенных германскими и австро-венгерскими властями и войсками. Наиболее серьезные из этих нарушений можно отнести к следующим категориям.

I

Изувечение и умерщвление русских раненых

Из многочисленных показаний российских солдат, лечившихся в госпиталях, следует, что германские солдаты весьма часто добивали русских раненых на поле брани. Такие варварские деяния имели место, между прочим, во время боев при Гумбиннене (7 августа), Лётцене, Эйдткунене (31 августа), Фридланде (16 августа), в Мазурском поозерье (27 августа), при Турау (13 августа), Ойленбурге (10 августа), Орлау (10 августа), Кёнигсберге (26 августа), Зольдау (14 августа), Клине (13 августа), Сувалках (середина августа), Маргграбове (конец августа), Маркевкене (16 октября). Некоторые из этих преступлений совершались даже на глазах у российских войск в тот момент, когда сии последние покидали поле боя, однако, обычно раненые хладнокровно и методично добивались по окончании сражения; об этих расправах сообщали российским властям раненые, которые сумели избежать истребления, прикинувшись мертвыми.

Гнусный характер этих злодеяний во многих случаях усугублялся тем, что раненым наносились страшные увечья. Так, 16 августа по ст. ст. неподалеку от Фридланда обнаружили тела двух офицеров — кирасир ее величества императрицы с выколотыми штыком глазами. В середине августа близ Маргграбовы нашли тело казака, в горло которого был воткнут кол. 16 октября у селения Маркевкен были обнаружены тела одного офицера (Архипов) и двух солдат с выколотыми глазами, отрезанными носами и переломан-

ными руками. В середине августа в деревне близ Сувалок было найдено израненное тело казака с отрезанными ушами и носом и частично содранной кожей.

Наконец, следует отметить случаи, когда германские санитары вместо того, чтобы оказать помощь русским раненым, стреляли в них из револьвера. Так было, например, в случае с солдатом Смердовым 7 августа близ Гумбиннена и в случае с подполковником Лангом, по носилкам которого, переносимым русскими санитарами, 11 августа близ Орлау открыли огонь германские санитары.

Более точные сведения по упомянутым и другим подробным случаям приводятся в приложении[2].

II

Казни российских пленных

Имело место немало случаев расстрела российских пленных германскими и австрийскими войсками. Один из таких случаев произошел 29 августа у селения Ментурин неподалеку от Бенткенена на глазах у русского офицера, посланного на разведку. О других случаях такого рода докладывали солдаты, избежавшие истребления: 14 сентября близ Инстербурга (13 человек); 28 августа у Мазурского поозерья, при отступлении от Тильзита и др.

В середине августа в имении графа Тарновского (Сувалкская губерния) прусскими солдатами были расстреляны два гвардейца, которых прежде заставили вырыть для себя могилы.

Германские войска, в основном, казнили пленных казаков. Императорское правительство знает о данном командиром 3-го эскадрона 5-го Кирасирского полка фон Модейски приказе вешать всех пленных казаков, в исполнение коего в Лайпуни были повешены двое казаков. Польские крестьяне, ссылаясь на сказанное самими германскими солдатами, сообщили, что 18 сентября в местечке Заенки Сувалкской губернии один казак был заживо сожжен этими последними; крестьяне заявляют, что видели наполовину сгоревшую военную форму, а один из них утверждает, что заметил в кострище остатки человеческой ступни. В середине октября, согласно официальному рапорту одного российского генерала, немцы расстреляли близ Радома офицера и четырех солдат. Другой казак был повешен германцами близ Рачки. Четверо пленных казаков были расстреляны 12 августа у Монастирийска австрийцами. Казак Жидков, взятый в плен под Сувалками, был обнаружен убитым ударом штыка в Топиловке. Кроме того, в кострище у местечка Хилички посреди бывшего германского лагеря двумя офицерами были обнаружены обугленные останки русского стрелка; ноги его, единственно не обгоревшие, были связаны веревкой. Капитан Обновленский, с частью своей роты попавший в плен 13 августа, вместе со своими солдатами был расстрелян австрийцами (см. приложение)[2].

III

Вероломные нападения гражданского населения на российские войска

Почти во всех городах и селениях, оккупированных или пересекавшихся российскими войсками, последние подвергались вероломным нападениям со стороны жителей, стрелявших по ним с крыш и из окон своих домов. Подобные нападения, между

прочим, имели место в Бяле (21 июля, 22, 24 и 25 августа), Ортельсбурге (13 августа), Йоханнисбурге (24 августа), Норденбурге (27 августа), Лике (30 августа), Гумбиннене (29 и 30 августа), Инстербурге (30 августа), Эйдткунене (30 августа), Кроссене и проч. Следует отметить, что в Йоханнисбурге (24 августа) жители использовали разрывные пули и стреляли по нашим санитарам; разрывные пули были также обнаружены в селениях Калишкен и Кроссен. В нападениях на наших солдат очень часто принимали участие женщины и старики — в нарушение ст. 2 Приложения к Гаагской конвенции о законах и обычаях войны на суше. Действительно, хотя эта статья и разрешает населению *неоккупированной* территории браться за оружие при приближении неприятеля, она же, вместе с тем, обязывает это население носить оружие открыто и уважать законы войны. Ознакомившись с приложениями, испанское королевское посольство легко убедится в том, что германское население нападало на российские войска вероломным образом и это, конечно, должно было побудить сии последние к принятию репрессивных мер (см. приложение)[2].

IV

Преступления, совершенные германскими и австрийскими войсками в отношении российского гражданского населения

Поведение германских и австрийских войск в оккупированных ими местностях по отношению к российскому гражданскому населению следует квалифицировать как совершенно противное правилам, установленным Гаагской конвенцией 1907 года (Отделение III. О военных властях на территории неприятельского государства)[3]. Путем официального расследования было установлено, что прусский комендант Калиша Прейскер отдал 22 июля приказ о расстреле местных жителей в силу вопиюще незаконных оснований или вообще без всяких оснований с единственной целью терроризировать население города, которое он счел, вероятно, недостаточно запуганным предшествовавшей тому бомбардировкой. Так, калишский сборщик [пошлин] г-н Соколов был расстрелян за то, что до вступления немцев в город ликвидировал всю находившуюся в кассе наличность и сделал это по приказу российского министра финансов — приказу, который он предъявил коменданту Прейскеру; многие городовые, несколько резервистов и другие жители разделили участь г-на Соколова; один мясник был казнен за то, что не смог поставить всего затребованного у него количества мяса; одного смотрителя расстреляли за то, что он накинул свою шинель на тело городского головы Буковинского, оказавшегося на земле вследствие полученных им ударов и ранений. Этих нескольких фактов, по мнению российского императорского правительства, вполне достаточно для того, чтобы составить точное представление об управлении городом Калиш при коменданте Прейскере.

31 июля/13 августа двое прусских драгун убили в его доме в селении Словики (Сувалкская губерния) католического священника Пессиса после того, как жестоко поиздевались над ним, а также и над другим католическим священником — Яном Стримовичем; сей последний смог сбежать от них и свидетельствует об убийстве, которое произошло у него на глазах.

28 июля прусские кавалеристы ворвались в дом смотрителя Абакумова в местечке Сударжи (Сувалкская губерния) и убили его, сломав ему руку и вспоров живот (донесение сувалкского губернатора).

Захват заложников — еще одно нарушение действующих норм международного права, совершаемое германскими и австрийскими военными властями. Так, в Калише какое-то число чиновников и видных жителей города было арестовано и отправлено в Германию. Также и австрийские войска в конце августа увели с собой множество жителей, в том числе порядка 500 обитателей селения Мальчице и священников из многих других селений.

Во время оккупации Тауроггена германцы также брали заложников (сообщение губернатора Курляндии); из Сувалок они вывезли всех здоровых женщин под предлогом использования их для работы в Красном Кресте (сообщение Русского Общества Красного Креста).

Во время их отступления с Вислы, покидая деревню Горбатки, германцы заперли местных крестьян в доме, который предали огню; крестьяне, тем не менее, сподобились спастись, выломав окна (донесение коменданта крепости Ивангород).

В начале августа в селениях Маково и Шатава (Подольская губерния) австрийские солдаты изнасиловали многих женщин и юных девиц. В тех же селениях австрийские военные власти в нарушение ст. 44 Гаагской конвенции[4] с помощью угроз и насилия добивались от населения и, прежде всего, от священников сведений о российской армии (донесение начальника 4-го стана (дистрикта) Каменецкого уезда Подольской губернии).

V

Использование разрывных пуль австрийскими войсками

Использование австрийскими войсками разрывных пуль многократно подтверждалось фактами, приводившимися в заявлениях российских военных властей и медицинских рапортах, а также фотографиями ран, патронов и пуль. Кроме того, на сей счет не может быть никаких сомнений и потому, что в деревне Лазенки близ г. Немиров нашим войскам удалось завладеть 10 тысячами австрийских разрывных пуль, которые находятся ныне в артиллерийском депо в Киеве. Происхождение этих пуль с точностью определяется по австрийской фабричной маркировке, стоящей на гильзах. К тому же, 8 декабря в ходе боя с гарнизоном Перемышля наши войска захватили два пулемета и ленты к ним с разрывными пулями.

Помимо того, имеется подписанное 16 пленными австрийскими офицерами заявление с адресованным их собственному правительству протестом по поводу использования «австрийского патрона» (oesterreichische Einschusspatron), имеющего свойства пули дум-дум. Заявление того же рода 26 октября было подписано 8-ю другими австрийскими офицерами. Оно также прилагается к настоящей ноте (см. приложение)[2].

VI

Осквернение и разграбление церквей

1. Следственная комиссия во главе с командиром эскадрона Дириным, призванная определить состояние церквей селения Граево после ухода оттуда германцев, составила протокол от 11 октября 1914 г., из коего следует: а) в Граевской православной церкви все ценные оклады с икон сняты; все кружки и ящики для пожертвований разломаны, иконы сорваны со стен и брошены; богослужебные книги и свечи низвергнуты на землю;

подсвечники и лампады сорваны с их крюков и частично похищены; все оконные стекла разбиты; алтарная утварь украдена; б) в Граевской католической церкви восковые свечи были похищены, а искусственные — поломаны; германские солдаты провели в этой церкви ночь, ужинали там и курили; их лошади были размещены на колокольне рядом с церковью; в) православная церковь 4-го Драгунского полка изнутри была полностью разорена; один лишь Иконостас оказался нетронутым; не осталось никаких следов Алтаря; все церковные кружки были разломаны; оставшиеся вещи в беспорядке разбросаны по полу.

2. Из акта, составленного 19 сентября 1914 г. в селении Красна (Сувалкская губерния) и подписанного, помимо прочих, настоятелем католической церкви Славянисом, инспектором артиллерии, начальником генерального штаба и военно-судебным следователем XX Армейского корпуса, вытекают следующее:

Во время оккупации Красны германцами часть их солдат размещалась в католической церкви этого местечка. Внутри этой церкви все было устлано сеном, в том числе и Алтарь, где солдаты, по свидетельству церковного сторожа, ели, пили и играли в карты; в сене были обнаружены многочисленные бутылки из-под пива и водки.

Тот же сторож уверяет, что двое немецких солдат хотели лечь спать в Алтаре, но их прогнали оттуда их собственные товарищи — католики. По ночам церковь освещалась свечами и лампадами, взятыми в том же Алтаре. Место в Ризнице, где хранились священнические одеяния и церковная утварь, было проломлено и все ценные вещи украдены. Орган сломали. Вдобавок ко всему, германские солдаты мочились в две чаши для святой воды, стоявшие под большим Распятием, о чем свидетельствовала оставшаяся в этих чашах застоявшаяся моча. Церковный сторож заявляет, что после ухода немцев видел в углу церкви перед Амвоном человеческие экскременты.

Священник Славянис, кроме того, показал, что сначала германцы проникли в церковь, взломав дверь Ризницы; затем они силой отобрали у него ключи от главного входа. Священник подал жалобу относительно осквернения церкви германскому генералу, но тот в ответ ограничился заявлением, что церковь была занята солдатами вынужденно вследствие дурной погоды.

3. Начальник Замосцьского округа в рапорте Холмскому губернатору от 3 сентября 1914 г. № 278 доносит, что во время оккупации селения Топольча (Зверинецкая гмина) австрийцы разместили в приходской церкви госпиталь для раненых, а в доме священника — генеральный штаб. После ухода австрийцев в церкви были обнаружены человеческие экскременты и окурки сигарет; Алтарь служил столовой; исчезло кое-что из церковной утвари.

4. Священник 1-й Гренадерской артиллерийской бригады Илларионов в рапорте, представленном командиру бригады 19 октября 1914 г. № 61, доносил о следующем ниже. — 18 октября т[екущего] г[ода] он, Илларионов, побывал в церкви 2-й стрелковой бригады в г. Конск Радомской губернии и установил: замки с входных дверей сорваны, двери распахнуты и церковные вещи валяются на полу, священные книги изодраны, кружки для пожертвований роломаны, подсвечники испорчены и т.д. В церкви, повсюду, — грязь; на полу валяются папиросные окурки. Жители утверждают, что церковь была осквернена таким образом германцами.

5. Протоиерей Якимовский, священник генерального штаба 4-й армии, 24 октября 1914 г. доложил о следующем:

Во время продолжавшейся четыре недели оккупации г. Кельцы германцы вошли, выломав двери, в городскую соборную церковь и в церковь 6-го стрелкового полка

и разместили там своих пленников. Германские часовые ели и спали в Алтаре. Из обеих церквей пропали все ценные вещи, внутри их царил невиданный беспорядок.

6. Начальник сувалкской жандармерии 9 октября 1914 г. (№ 4756) доносил в Департамент полиции, что германцы заняли католическую церковь в селении Красна и совершили в ней много святотатственных деяний. При отступлении из селения Симно германцы произвели четыре пушечных выстрела по католической церкви, нанеся ей серьезные повреждения.

VII

Нарушения Женевской конвенции

Официальные документы ясно показывают, что германские и австро-венгерские войска многократно нарушали положения Женевской конвенции 1906 года[5].

Режим, которому подчиняются в Германии российские раненые и медицинский персонал, описан в рапорте д-ра Звягинцева от 5 декабря, выдержка из коего к сему прилагается. Из этого рапорта следует, что германские власти никак не считаются с положениями Конвенции, защищающими медицинский персонал и раненых и больных противника (см. приложение)[2].

С другой стороны, уважение, которым должны пользоваться Красный Крест и раненые еще во время боевых действий, также не всегда проявляется по отношению к ним. Помимо свидетельств, показывающих, что русских раненых нередко добивали на поле боя (см. приложение к пункту I)[2], следует привести здесь следующие факты:

1. Бомбой, сброшенной с аэроплана у станции Самбор, был убит санитар и ранены сестра милосердия и врач (рапорт доктора Никитина).

2. Пароходы «Пан Тадеуш» и «Комета» с четырьмя баржами, следовавшие под флагом Красного Креста с медицинским персоналом и ранеными на борту, были обстреляны германской артиллерией у селения Голомба на Висле утром 28 сентября. Всякая ошибка исключена — в окрестностях не было ни одного российского солдата. Пароход «Пан Тадеуш» и две баржи затонули (рапорт г-на Шабельского, представителя Красного Креста).

3. Командир 26-го Сибирского стрелкового полка полковник Попов докладывает, что немцы стреляют по санитарам, эвакуирующим раненых. Так, 10 ноября германцы открыли огонь по санитарам, выносившим с поля боя капитана Доброгорского, ранили его вторично, равно как и одного из санитаров, а другого — убили. 11 ноября было невозможно вынести раненых из окопов, поскольку при первой попытке это сделать один санитар был убит и двое ранено.

VIII

Использование вероломных приемов в нарушение ст. 23, п. b) Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях войны на суше[6]

1. 28 ноября 1914 г. во время германской атаки на русские позиции в 15 верстах от Ловича немцы пытались приблизиться к нашим траншеям, вводя наши войска в заблуждение с помощью белых флагов (отношение генерал-квартирмейстера от 30 ноября 1914 г.).

2. 15 сентября 1914 г. несколько рот 16-го Финляндского стрелкового полка натолкнулись у деревни Ивашки на германский отряд численностью примерно в 60 человек; немцы стали показывать, что они сдаются, поднимая руки вверх и опустив свои винтовки, однако в тот момент, когда российский офицер капитан Ганков прокричал им, чтобы они бросили оружие, они открыли огонь по нашим войскам (рапорт капитана Ганкова от 17 сентября 1914 г.).

3. 19 сентября у селения Вально батальон 10-го Финляндского стрелкового полка столкнулся с германским отрядом, насчитывавшим около 70 человек. Германцы побросали свои винтовки на землю и подняли руки вверх в знак того, что они сдаются, ввиду чего стрелки прекратили огонь. Однако когда русские подошли и оказались в пяти шагах от них, немцы, открыли стрельбу и пошли на русских в штыки. В этой стычке, помимо прочих, был убит полковник Турчанинов.

4. Прапорщик Кутаисского полка Николай Авдеев, унтер-офицер Имеретинского полка Константин Тараймович и солдаты того же полка Молоковин и Гуфман показали, что 7 августа 1914 г. в ходе боя у селения Серен в окрестностях Инстербурга немцы подняли белый флаг, а затем по приближении наших солдат открыли по ним огонь.

—

Перечислив выше означенные случаи, российское императорское правительство отнюдь не исчерпало список нарушений законов и обычаев войны на суше, содеянных германской и австрийской армиями. Настоящим сообщением оно всего лишь хотело уведомить посольство его величества короля Испании о некоторых самых бесчеловечных и жестоких деяниях, совершенных союзными армиями. Основываясь на совокупности приведенных выше вопиющих фактов, Императорское министерство иностранных дел имеет честь еще раз заявить, что в случае продолжения подобных действий в отношении российских войск или гражданского населения оно будет вынуждено воспользоваться своим правом на репрессалии.

Российское императорское Министерство иностранных дел имеет честь просить испанское посольство соблаговолить официально, при посредстве правительства его католического величества, довести эту ноту до сведения германского и австро-венгерского правительств.

Ф. 156, оп. 457, д. 23, л. 1–4. Типогр. экз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. I. — С. 98–122.
Перевод с французского.

[1] См. прим. 1 к док. № 66.

[2] Приложения не публикуются. — См.: Ф. 156, оп. 457, д. 23, л. 4 об.–14 об.

[3] См. прим. 12 к док. № 54.

[4] Имеется в виду Женевская конвенция от 6 июля 1906 г. об отношении к раненым и больным воинам, об отношении к врачебному и вспомогательному персоналу, госпиталям во время ведения военных действий.

[5] Согласно пункту b) 23-й статьи Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны запрещалось «предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля».

73. ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ЧИНОВНИКА МИД В.В. ОЛФЕРЬЕВА

[1914 г.]

Докладная записка чиновника МИД, состоящего в распоряжении главнокомандующего Юго-Западным фронтом, колл. асс. Олферьева

Насколько достойны удивления подвиги наших доблестных войск на австрийском театре настолько грустную картину представляет собой освобожденная Червонная Русь. На всем протяжении, особенно в районах военных операций страна почти разорена, многие деревни сожжены дотла, население лишено лошадей, скота, сельские орудия у многих разбиты; где и был урожай, то таковой в большинстве случаев остался в поле и подвергся хищению, как со стороны австрийских войск, так, к сожалению, и наших солдат. Озимые всходы потоптаны и изрыты окопами, о новых посевах не может быть и речи.

Население голодает и страдает от наступающих холодов. Кроме того, эпидемические заболевания как холера, дизентерия, цинга и тиф с каждым днем принимают все более угрожающие размеры.

С первых же дней занятия нашими войсками Галичины стал ощущаться недостаток в предметах первой необходимости: керосина, сахара и, главным образом, соли, отсутствие которой лишило населения возможности обеспечить себя заготовками на зиму. Добыча и торговля солью были в руках австрийского правительства. [...]

Невольно является вопрос, где кроется причина этого прискорбного явления.

В ответ на этот вопрос я позволил бы себе доложить нижеследующее:

Управление начальника снабжения армий и фронта, всецело поглощенное заботами об удовлетворении требований с головокружительной быстротой двигающейся вперед армии, по-видимому, упустило из вида нужды подведомственных ему также гражданских учреждений.

С момент объявления войны не было принято мер к образованию заблаговременно кадра достаточно подготовленных к предстоящей деятельности лиц для немедленного замещения ими ушедших или неблагонадежных австрийских властей.

Наши войска подходили уже к Львову, когда был назначен военный генерал-губернатор Галиции и лишь с этого момента было приступлено к составлению штатов генерал-губернаторства и подведомственных ему учреждений, а равно и положения об управлении краем.

Вызванная такими обстоятельствами спешка лишила возможности выбирать подходящий состав служащих, за редким исключением приходилось мириться с назначениями на ответственные должности лиц, совершенно генерал-губернатору не известных, при том зачастую руководствуясь случайными рекомендациями. Таким образом на должности начальников уездов попали лица, совершенно незнакомые с Галицией, в лучших случаях исправники и их помощники и нередко полицейские приставы.

Даже для управления страной на началах оккупации такой кадр служащих не являлся бы подходящим. Коль скоро дело касается освобожденной нами Галичины, то такая замена бывших до сего времени австрийских начальников уездов (старост), людей с высшим образованием, назначавшихся исключительно из высших слоев общества,

владевших иностранными языками и, наконец, облеченных властью, почти равной губернаторской, представляется даже опасной для престижа русской власти.

Австрийский начальник уезда являлся полным хозяином в своем уезде. В его ведении были уездные школы, делами которых заведывал состоящий при нем инспектор школ вместе с делегатом уездного школьного совета. В состав чинов управления старосты входили: уездные врач, ветеринар, промышленный и фабричный инспектор, лесной инспектор, в ведении которого находилось все лесное хозяйство уезда, как казенное, так и частное. Начальник уезда имел надзор за духовенством и, наконец, он мог своей властью, по соглашению с председателем окружного суда, временно заменять институт присяжных заседателей коронным судом.

Городское самоуправление было также под контролем старосты, который своей властью мог приостановить приведение в исполнение решений городских дум, равно входить с представлениями в наместничество о роспуске думы, смещении выборных и замены их правительственными комиссарами и членами городского совета по назначению.

В ведении того же старосты было податное, акцизное, техническое и дорожное дело.

На перечисленные выше должности назначались лица исключительно с высшим образованием, причем как сам начальник уезда, так и его ближайшие сотрудники подвергались предварительно особым испытаниям, каждый по своей специальности. Например, начальник уезда и лица, занимавшие должности по Министерству внутренних дел, держали так называемый «политический экзамен», уездные врач и ветеринар — «физикатский[1] экзамен» и т.д.

Очевидно замещающий теперь хотя бы временно прежнего старосту наш начальник уезда, бывший помощник исправника или полицейский надзиратель, положительно не в состоянии ответить тем требованиям, которые неминуемо ему будут предъявляемы местным обществом и населением, ничтожные же штаты его управления лишают его возможности обслуживать самые острые нужды вверенного ему уезда особенно при настоящих условиях, когда пути сообщения прерваны, почта и телеграф, а также уездный телефон бездействуют.

Помимо личных качеств новый начальник уезда, не зная края, его быта и обычаев, зачастую не понимая даже местного языка, а тем более наречий, с ничтожным штатом служащих чисто канцелярского характера и не имея права и денежных средств для привлечения себе в помощь сверхштатных служащих из местных жителей, с первых же шагов своей деятельности поставлен в безвыходное положение. [...]

Занятая нами Восточная Галиция разделена в административном отношении на поветы (округа), лишь по территориальному своему размеру напоминающие наши уезды, в действительности же в отношении управления представляющие собой ничто иное, как небольшие губернии.

Крупной ошибкой было смешать эти лишь по внешнему виду схожие между собой административные единицы. Если же взять личный штат управления губернатора и принять во внимание, что в состав каждой из двух учрежденных в Восточной Галиции губернии входят 15 австрийских уездов, в число каковых входят уезды, составленные из двух, как например Злочев-Зборовский и Стрый-Скольский в Львовской губернии и Станиславо-Галичский и Богородчаны-Солотвинский уезды в Тарнопольской губернии, то эта ошибка становится еще более очевидной.

То что исполнялось по одному только уезду старостой с управлением в 46 человек, не считая исполнительной власти на местах (в Львовском уезде например 80–90 жандармов при 133 гминных управлениях), должно согласно Временного положения управления краем[2] исполняться одним губернатором в районе 15 таких уездов с управлением в 29 человек, включая писцов.

Временным положением об управлении областей Австро-Венгрии поставлен и военный генерал-губернатор Галиции не в более выгодные для дела условия.

Подчиненный через начальника снабжения армии главнокомандующему военный генерал-губернатор стеснен в своих действиях, он лишен возможности зачастую самостоятельно принять неотложные меры и проявить необходимую инициативу, столь ценную именно в настоящее переходное время; у него нет достаточных средств и людей, на которых он мог бы положиться.

Одинаково как положение нашего начальника уезда не соответствует положению прежнего старосты, так и военный генерал-губернатор не заменяет собой бывшего наместника Галиции, облеченного почти неограниченной властью. [...]

Что может предпринять военный генерал-губернатор для удовлетворения нужд голодающего населения, когда у него нет верного способа сношения с отдельными местами края. Лишь две железнодорожные линии в настоящее время обслуживают край, но из-за недостатка подвижного состава, главным образом паровозов, эти линии не только не могут удовлетворить потребностям края, но с трудом выполняют службу войск и санитарной части, остальные же линии бездействуют.

Телеграф, почта и телефон, кроме полевых, также бездействуют; дороги и мосты испорчены.

Необходима помощь на местах, большей частью продуктами, доставить же таковых нет средств.

В настоящее время в городе Львове учрежден благотворительный комитет под председательством градоначальника для оказания помощи нуждающемуся городскому населению. Этот комитет на средства, предоставленные военным генерал-губернатором, устроил хлебопекарню и столовые, в которых нуждающиеся горожане могут получать хлеб и пищу за деньги и даром, кроме того, этим комитетом раздаются пайки продуктами на месяц.

Для оказания помощи всему населению края учрежден Русский комитет под председательством члена Думы гр. В.А. Бобринского.

В настоящее время комитет приступил к собиранию подробных сведений о степени нужды в крае, и одновременно с сим военным генерал-губернатором переданы в распоряжение как комитета, так и губернаторов для поддержки таких же уездных комитетов необходимые средства на заготовку и закупку продуктов.

К сожалению, как собирание сведений, так и оказание помощи сильно стеснены и затруднены вышеприведенным отсутствием сообщений.

В такое же безвыходное положение поставлено гражданское управление в крае и в отношении надзора за политической жизнью населения.

Нет правильно организованной полиции, как наружной, так и тайной (в штатах военного генерал-губернатора нет даже должности полицеймейстера). Нет также жандармского управления. Между тем именно теперь необходим надзор. [...]

Лишь быстрые, энергичные и крутые меры правительства теперь же могут обеспечить на будущее время мирную и спокойную работу на пользу разоренного ныне войной освобожденного края.

Религиозный вопрос в Галичине разрешается постепенно сам собою.

Австрийцы увели с собой более десяти тысяч лучших русских галичан, в том числе около 800 русских священников. Священники-украинцы почти все сами побросали свои приходы, и оставшееся без пастырей население стало обращаться к русским властям с просьбой о присылке им православных священников. Ходатайства эти, конечно, немедленно удовлетворялись, причем преимущественно посылались рукоположенные в России и бывшие галичане. Эти священники, зная местные обычаи и язык, сразу сумели завоевать доверие крестьян и незаметно униатские приходы один за другим переходят в православие.

Были единичные случаи, а именно в приграничных с Россией селах как в Поповцах, Боратине, Наквише, неудовольствия крестьян по отношению к иеромонахам Почаевской Лавры, пришедшим к ним по их же зову. Эти священнослужители, мало знакомые с церковными обычаями униатов, вводили в службу сразу незнакомые населению обряды и как бы оскорбляли этим их религиозные чувства. При содействии епископа Кременецкого Деонисия были эти недоразумения немедленного улажены, и когда в эти же деревни недавно приехал архиепископ Евлогий, население его встречало и провожало более чем торжественно. По всему пути следования архиерея были сооружены триумфальные арки с подобающими надписями.

Оставшиеся в крае немногие русские униатские священники пока весьма сдержаны, но есть среди них и такие, которые открыто зявляют о своей готовности перейти в лоно православной церкви.

Отъезд из Львова митрополита Шептицкого несомненно произвел должное впечатление, но оставшиеся в Львове члены капитула — все ярые паписты, и пока эти лица у власти, подведомственные им священники опасаются открыто выступать против унии.

К сожалению, при составлении Временного положения об управлении краем, религиозный вопрос был совершенно забыт, между тем именно в Галиции он является особенно важным.

При военном генерал-губернаторе нет причта церковного, не отпущено также и средств на церковные нужды.

Когда в Бродах взамен ушедшего настоятеля униатской церкви, украинца, назначен был, по ходатайству прихожан, православный священник, бывший униат, уроженец Галичины о[тец] Клубок, возник сейчас же вопрос — кто будет платить ему жалованье и какое. Пришлось военному генерал-губернатору выдать священнику пособие из личных средств, так как в то время в выдаче на непредвиденные расходы аванса генерал-губернатору было отказано.

Затем в Львове настоятель единственной во всей Галиции православной церкви, построенной австрийским правительством для воинских чинов из Буковины, священник Дигон накануне вступления русских войск в Львов скрылся, бросив храм и дом свой на произвол судьбы. Когда по просьбе военного генерал-губернатора прислан был в Львов командующим VIII армией состоящий при нем протоиерей Мурин, галичанин, то пришлось войти с отдельным ходатайством о включении в штат при штабе военного генерал-губернатора должности священника с соответствующим клиром, так как не было средств содержать настоятеля единственной православной церкви.

Короче сказать, введенное в Галиции русское гражданское управление, как по своему виду, так и по условиям, в какие оно теперь поставлено, положительно не в состоянии выполнить возложенной на него сложной и ответственной миссии.

Необходимо прежде всего в корне переработать как штаты, так и Положение об управлении краем. Наиболее целесообразным было бы ввести управление, возможно более схожее с существовавшим до войны испытанным уже на многолетней практике управлением наместничества в Галиции.

Особое внимание следовало бы обратить на школьный вопрос, тем более, что в прежней школе проводилась исключительно общая политическая программа австро-польского управления в Галичине, а именно систематическое и неуклонное истребление всего русского в крае. Русские книги и литературные издания, сочинения Гоголя, Толстого, Пушкина, Лермонтова подвергались конфискации и владельцы считались государственными изменниками. Чисто русских школ не было, а бурсы, где преподавался русский язык, закрывались.

В настоящее время хороших русских учителей в крае почти нет, бурсы и пансионы закрыты, и многие бывшие питомцы этих заведений, большей частью дети уведенных австрийцами русских крестьян и священников или призванных в войска, испытывают острую нужду.

Не менее важным является скорое восстановление деятельности хотя бы части наиболее полезных финансовых, кредитных и страховых учреждений в крае, прекративших свои операции по случаю войны.

Великолепным лесам, до сего времени бережно охранявшимся австрийским правительством, за отсутствием надзора, грозит порча и хищение со стороны голодного и лишенного крова населения.

Почти вся торговля и промышленность края замерла; фабрики и заводы частью разрушены, частью опустошены.

Нефтяное, соляное и табачное дело заброшено и как источники народного обогащения и государственного обложения должны быть в скором времени восстановлены.

Податное и акцизное дело требуют немедленного пересмотра и реорганизации.

Также нельзя обойти молчанием того обстоятельства, что в настоящее время судебные учреждения Галичины действуют на основании австрийских законов и состоят из чинов, не гнушавшихся при отправлении правосудия руководствоваться партийными политическими интересами. Казалось бы, что и в этой области был бы необходим более действительный контроль, чем тот, который может быть осуществлен общим надзором военного генерал-губернатора за деятельностью судебных учреждений.

Освобождение Галичины стоило уже России немало дорогих ей жизней и затрат. Войска с честью выполнили свой долг. Очередь теперь за гражданскими властями империи завершить начатое святое дело, не скупясь на необходимые средства, и возложить заботы о благоустройстве воссоединяемого края на своих лучших людей.

(подп.) Колл. ас. В. Олферьев

Ф. 133, оп. 470, 1914 г. (неполитич.), д. 37, л. 83–90. Копия. Рус. яз.

[1] Экзамен на уровне физиката (врачебной управы, с подведомственным ей врачебным округом).
[2] См. прим. 1 к док. № 59.

74. ЗАПИСКА ВИЦЕ-КОНСУЛА В ГАМБУРГЕ Б.В. ДЕРЮЖИНСКОГО[1] В МИД

Петроград, 10/23 января 1915 г.

Записка колл. асс. Дерюжинского, командированного для усиления состава императорского консульства в Ньюкастл на Тайне с 19 августа/1 сентября по 19 ноября/2 декабря 1914 г.

Деятельность императорского консульства по оказанию содействия русским подданным выражалась в двух основных направлениях: в оказании материальной помощи неимущим или оказавшимся без средств к возвращению на родину и в самой разнообразной помощи и содействии всем вообще путешественникам для облегчения им условий возвращения на родину.

К денежной помощи консульства прибегало сравнительно немного путешественников; большая часть их получала уже в Лондоне пособия и билеты для проезда до Норвегии. Значительная часть пособий была выдана рабочим и эмигрантам, возвращавшимся из Америки через Ливерпуль и другие пункты Англии. Пособия консульством выдавались в виде проездных билетов 3-го класса до Христиании и небольшого денежного пособия на руки; в общей сумме 3 фунта ст. В некоторых случаях размер пособия увеличивался (больным, слабым женщинам с малолетними детьми), а просителям, принадлежащим к образованному классу, вместо билета 3-го выдавался билет 2-го или 1-го класса, в большинстве случаев заимообразно. При проездах эмигрантов большими группами приходилось устраивать их на ночлег, что не всегда представлялось легким, так как бывали партии численностью до 117 человек (партии рабочих из Канады).

За первые четыре месяца войны было выдано пособий всего на сумму около 400–450 фунт. ст.

Наиболее же обременительной, требовавшей затраты и времени труда, частью деятельности консульства являлось присутствие при пропуске пассажиров на пароход.

Пропуск этот давался (словесно) особо для сего назначенным английским чиновником, просматривавшим документы пассажиров и в некоторых случаях подвергавшим, особенно ехавших из Германии или Австрии подробному опросу о месте, где их застигла война, о времени и месте, проведенном в Англии и на континенте и пр., что причиняло множество затруднений и беспокойств и без того взволнованным и расстроенным путешественникам. Ввиду этого и для облегчения им всех формальностей, командированный для усиления консульства чиновник ежедневно проводил от 9 часов вечера до 12 часов ночи на пристани.

В интересах многих совершенно не владеющих иностранными, особенно английским, языками, приходилось служить переводчиком при опросе чиновниками и удостоверять, на основании паспорта, подданство, часто ограждая едущих от излишней придирчивости английских чиновников, непривычных к такого рода формальностям.

Приходилось независимо от этого оказывать самые разнообразные услуги и любезности: устраивать или менять места в каютах, заказывать места на железные дороги в Норвегии, устраивать на ночь тех, кому не хватило места и у кого не было средств на гостиницу, лично отвозя их туда.

Все дело осложнялось при этом необыкновенно нервным и возбужденным настроение ехавших, мнительных, готовых видеть во всем недостаточную предупредительность со стороны иностранных чиновников, оскорбляющую их национальное чувство.

В первые недели объявления войны хлынувшая волна беженцев была настолько велика, что на небольших пароходах, совершавших рейсы в Берген, не хватало места; вместе с тем никто из ехавших не желал оставаться до следующего дня; это ставило консульство иногда в весьма затруднительное положение, так как капитан не решался брать слишком много пассажиров сверх комплекта на уже переполненный пароход. Это вызывало недовольство и упреки по адресу консульства.

По приезде моем в Ньюкастл 19 августа/1 сентября проезд уже совершался в более благоприятных условиях, и число беженцев значительно упало.

В день отъезжало в среднем 100–150 человек. Число это с течением времени все уменьшалось, дойдя перед отъездом моим из Ньюкастла 19 ноября/2 декабря в среднем до 10 человек.

Считаю нелишним отметить, что представители консульств других государств присутствовали лишь изредка, когда ожидался проезд каких-либо определенных лиц, и нередко представителю российского консульства приходилось из любезности помогать проезжим бельгийским и французским гражданам, ехавшим в Россию, извлекая их из затруднительного положения, в которое они попадали, имея лишь французские документы и не говоря по-английски. Один из таких случаев послужил поводом к жалобе на французского консула.

Хотя императорскому консульству приходилось иметь дело главным образом с отъезжавшими на родину русскими подданными, однако бывали, и в первое время довольно частые, случаи приезда в Англию из России лиц, находившихся в правительственной командировке, ехавших по коммерческим делам. Это обстоятельство требовало равным образом присутствия кого-либо из консульства, так как без участия консула стали спускать пассажиров на берег лишь в самое последнее время. Таким образом представителю консульства приходилось, кроме текущей работы, проводить в день от 6 до 7 часов на пристани в ожидании отбытия или прибытия парохода. Неудобство увеличивалось еще тем, что пароходы приходили крайне нерегулярно, и приходилось в течение всего дня справляться о времени прибытия их, которое становилось известным лишь за час.

В заключение считаю долгом отметить, что деятельность консульства затруднялась крайне неорганизованной и несогласованной деятельностью различных бюро путешествий, продававших билеты в числе, не соответствовашем действительности, дававших самые фантастические сведения и справки о путешествии, о времени отхода пароходов и пр.; со всем этим консульство боролось, распространяя при посредстве названных бюро и консульств в других городах точные сведения об условиях путешествия. Тем не менее на практике происходили недоразумения вроде следующего, имевшего место в Глазго, где русским представителем является лишь нештатный вице-консул, шотландец, подчиненный консульству в Ньюкастле. Совершенно неожиданно и помимо консульства в Ньюкастле одно из бюро в Лондоне направило в этот город около 150 человек русских подданных на пароходе, на котором было места едва лишь на 20 человек. Остальным пришлось переночевать одну ночь в Глазго, где они были помещены консулом в одну из лучших гостиниц за счет консульства. Всю вину за происшедшее путешественники приписали вице-консулу, поставивши ему на вид его незнание русского языка.

Всякие претензии и жалобы, поступавшие в консульство на подчиненных ему нештатных вице-консулов, немедленно расследовались, в случае необходимости лично штатным чиновником консульства.

Вице-консул Дерюжинский

Ф. 159, оп. 743/1, д. 547, л. 20–22. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 61–64.

[1] Б.В. Дерюжинский был отозван из Гамбурга в связи с началом войны с Германией 19 июля/1 августа 1914 г. Осенью 1914 г. он был командирован в Ньюкасл-апон-Тайн для усиления состава российского консульства в этом городе.

75. ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В ГЕНУЕ[1]

Генуя, 12/25 января 1915 г.

В городе Генуе как крупнейшем из невоенных портов Италии, оставшейся нейтральной при начале военных действий, ближе всего отстоящем от французской, швейцарской и австрийской границ, с самого объявления войны сосредоточилась деятельность органов Министерства иностранных дел в Италии по оказанию помощи и водворению на родину русскоподданных, застигнутых войной за границей. В Геную стремились русские со всех концов Италии, в Геную нахлынули и из Швейцарии те из несчастных соотечественников, которым после ряда мытарств удалось вырваться из Австрии и Германии и которые не решились предпринять длинный путь возвращения на родину через Францию, Англию, Норвегию и Швецию, в Геную были направлены русские пароходы, зафрахтованные императорским правительством на предмет перевозки эвакуируемых русских, из Генуи отходили большие итальянские пассажирские пароходы, сначала прямо в Одессу, затем только до Константинополя, а после закрытия Проливов и выступления Турции уже только до Пирея, Салоник или Деде-Агача, в Геную доставлялись русские эмигранты из далекой Южной Америки, стремящиеся на родину, в Геную, наконец, полетели в громадном количестве письменные и телеграфные запросы и просьбы русскоподданных всех классов, сословий и состояний о возможности, путях и способах возвращения в Россию, о размене и курсе русских денег, о пересылке денег и корреспонденции, об оставлении мест на пароходах, о снабжении документами взамен утерянных или отнятых в Германии и Австрии при паническом оттуда бегстве, о наведении справок об участи родных и близких и проч.

Деятельность генерального консульства в Генуе за время с начала нынешней войны и до 1 января 1915 г., деятельность в той ее области, которая относится исключительно к оказанию помощи и водворению на родину соотечественников, резко разделяется на три периода: первый период надо считать от начала войны до 25 августа, то есть до дня прихода «Курска», первого из шести зафрахтованных пароходов, второй период обнимает время с 25 августа до 26 сентября, то есть до дня отхода «Могилева», последнего из этих пароходов, и наконец третий период — с 26 сентября по 1 января.

Начало первого периода было самым тяжелым для генерального консульства, лишенного необходимых денежных средств, начавших поступать только с 6 августа, и принужденного за все это время ограничиваться только моральной поддержкой соотечественников, успокоением, одобрением и обнадеживанием их, ответами на все их письменные и телеграфные запросы, наведением справок, даванием советов; получение денег генеральным консульством из императорского посольства в Риме сразу ободрило толпу, осаждавшую ежедневно генеральное консульство с утра и до позднего вечера, толпу подчас до крайности возбужденную, толпу иногда голодных и исстрадавшихся до последних пределов людей. Получение денег совпало с появлением первых слухов о предположениях императорского правительства зафрахтовать пароходы. Эти слухи, хотя порой крайне фантастические, служили поддержкой для русских, обращающихся в генеральное консульство, и для самого персонала последнего. Однако волна русскоподданных все же устремилась на итальянские пароходы, еженедельно отходившие из Генуи, переполненные нашими соотечественниками, и деятельность генерального консульства, кроме упомянутой переписки, сосредоточилась на выдачах ссуд для приобретений билетов на эти пароходы и для прожития в Генуе до их отхода, а также на отчетности по этим ссудам, крайне сложной и ответственной. Приходится, однако, заметить, что не мало лиц, с быстротой молнии устремившихся в генеральное консульство при первых известиях о получении денег и взявших ссуды на возвращение в Россию, никуда после того не уехали, успокоились и продолжают жить на прежних местах, устроивши свои дела благодаря открывшейся затем возможности получать деньги из России через банки или через Министерство иностранных дел.

Второй период, со времени прихода «Курска» и до отхода «Могилева» был временем самой лихорадочной работы в генеральном консульстве и самого большого движения, никогда не бывалого в Генуе. Деятельность генерального консульства за это время по оказанию помощи и водворению на родину уже известна императорскому посольству[2]. Следует только заметить, что количество письменных и телеграфных запросов, поступавших со всех концов в генеральное консульство от частных лиц, достигло огромных размеров именно в этот период, и что выдача денежной помощи соотечественникам за этот период не уменьшилась нисколько, как можно было бы предположить при наличности шести пароходов и льготных условий проезда, а, наоборот, до последних пределов увеличилась, благодаря ежедневному наплыву толпы в сотни человек, принужденной жить в Генуе в ожидании возможности уехать на том или другом пароходе, дни отхода которых назначались и изменялись по причинам политического или случайного характера, как, например, авария «Императрицы Екатерины II».

Третий период, со дня ухода «Могилева» и до конца 1914 года, можно назвать периодом некоторого затишья и успокоения деятельности генерального консульства в области оказания помощи и водворения, так как главные волны водворяемых уже отхлынули, и генеральному консульству пришлось за это время иметь дело только с лицами, почему-либо не пожелавшими или не бывшими в состоянии воспользоваться предоставленной императорским правительством возможностью вернуться на родину на льготных условиях. Письменные запросы сразу заметно уменьшились, ссуды стали выдаваться только лицам, действительно не по своей вине не воспользовавшимся пароходами, насколько, конечно, возможно это установить в каждом отдельном случае.

Переходя к цифровым данным, следует заметить, что за все три указанные периода генеральное консульство получило около 1 000 запросов письменных и телеграфных от

разных соотечественников, запросов, относящихся к оказанию помощи или водворению. Ни один из этих запросов без ответа не остался. Ссуды, на основании циркуляра императорского посольства от 30 июля/12 августа 1914 г. за № 759, были за то же время выданы под расписки 1 268 лицам, на общую сумму в 118 035 итал. лир., причем некоторые лица, их было немало, получали ссуды по несколько раз. В эти числа не входят ни лица, получившие деньги через генеральное консульство в Генуе от других консульских установлений в Италии, ни лица, например, матросы нашего Торгового флота, получившие от генерального консульства пособия или водворенные им на родину из других, имеющихся в распоряжении генерального консульства сумм, кроме сумм переведенных посольством.

Русских денег в обеспечение ссуд принято и хранится в генеральном консульстве на 3 495 рублей. Подавляющее большинство ссуд относится к I их категории, то есть, к ссудам, ничем не обеспеченным (на 107 497 лир 50 чент[езимо]). Все расписки и оправдательные документы, а также списки получивших ссуды лиц в свое время препровождены в императорское посольство в Риме.

Управляющий Генеральным консульством Л. Горностаев

Ф. 159, оп. 743/1, д. 472, л. 208–211 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 103–107.

[1] Посольство России в Италии направило во все российские консульства в Италии циркулярную депешу с указанием подготовить отчет о деятельности консульств по оказанию помощи российским подданным, застигнутым войной на территории соответствующих консульских округов. — См.: Ф. 224, оп. 542, д. 4, л. 312.

[2] Отчет второго секретаря посольства надв. совет. Петрова, приложенный к письму посла в Риме от 20 октября 1914 г. № 977 (прим. документа).

76. ОТЧЕТ КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В ВЕНЕЦИИ

[12/25 января 1915 г.]

Отчет императорского российского консульства в Венеции
по оказанию помощи и водворению на родину русскоподданных,
оказавшихся за границей при начале военных действий

Тотчас после объявления России войны Германией и Австрией множество русскоподданных приехали из ближайших стран в Венецию. Огромное большинство русских путешественников очутилось в очень тяжелом материальном положении или потому, что средства их уже истощились до приезда в Венецию, или потому, что вследствие moratorium'а денег из банков получить было невозможно.

Вверенное мне императорское консульство не располагало никакими денежными средствами. Между тем помощь русскоподданным требовалась обширная и немедленная: некоторые семьи — в особенности с детьми — оказались в самом беспомощном положении. Ввиду этих обстоятельств императорское консульство немедленно организовало помощь следующим образом: консульство вошло в соглашение с двумя скром-

ными гостиницами в Венеции, которые обязались по особым карточкам консульства содержать русскоподданных в долг, который впоследствии будет уплачен консульством. Одновременно консульство вошло в подобное же соглашение с местным пароходным обществом (Societa Italiana di Servizi Marittimi), по каковому соглашению пароходное общество выдавало русским подданным в кредит билеты III класса с продовольствием в Россию через Константинополь.

Для больных был приглашен местный врач, который пользовал их безвозмездно.

Благодаря кредиту, оказанному консульству пароходным обществом, русскоподданные могли быть направляемы в Россию, не ожидая прибытия сумм, ассигнованных императорским правительством для этой цели, и следовательно расходы по содержанию неимущих русских были сведены к самому малому размеру.

По получении сумм, высланных императорским посольством, консульство продолжало направлять прибывавших русских в Россию и выдавало мелкие пособия. Всего пароходными и железнодорожными билетами, а также денежными пособиями консульство выдало на вспомоществования русскоподданным 44 422 ит. лиры 76 чентезимов.

При содействии императорского консульства деньгами или иными путями было направлено в Россию около 1 000 человек русскоподданных.

В течение всего августа и сентября месяцев прошлого года прием посетителей в императорском консульстве продолжался в течение всего дня (с 9 часов утра до 10 ч. вечера); причем во время моих отлучек посетителей принимал нештатный письмоводитель консульства. Таким образом было избегнуто чрезмерное накопление посетителей, число которых доходило иногда до ста человек в день.

В августе и сентябре императорское консульство получило около ста писем с различными просьбами и вопросами. Императорское консульство ответило на все письма особыми карточками, содержащими все необходимые сведения.

Кроме всего вышеприведенного императорское консульство по мере возможности удовлетворяло и все просьбы русскоподданных, касающиеся устройства их личных дел, по внесению процентов за заложенные вещи, выкуп этих вещей и т.п.

Консул: С. Протопопов

Ф. 159, оп. 743/1, д. 472, л. 193–194 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 108–109.

77. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В СЕРБИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

13 января 1915 г.

Как только, по возникновении европейской войны, здесь стало известным, что часть русскоподданных, находившихся в Западной Европе, будет направлена в Россию через Сербию, местное правительство, зная, что оно не в состоянии, из-за обстоятельств военного времени, дать всех удобств нашим путешественникам, решило, во избежание возможных нареканий на него, перевозить их по сербским дорогам, от греческой до бол-

гарской границы, бесплатно по всем трем классам. Этой льготой воспользовались наши путешественники, в числе нескольких тысяч человек.

Для удобства русских пассажиров администрация сербских железных дорог, по просьбе вверенной мне миссии, предоставляла им прямые поезда для следования по всей Сербии без пересадки, от греческой границы (Гевгели) до болгарской (Цариброд). Поезда эти останавливались на сравнительно продолжительное время в Нише от 7 часов утра до 2 часов 50 минут дня.

К приходу каждого поезда с русскими путешественниками на станцию железной дороги командировывались чиновники вверенной мне миссии для оказания им, в случае надобности, необходимой помощи и содействия.

Бывали дни, когда поезда с греческой границы опаздывали, особенно после взрыва болгарскими четниками железнодорожных мостов на линии Гевгели-Скопье, и тогда сербы, по просьбе миссии, давали экстренные поезда, лишь бы наши путешественники успели попадать на болгарский поезд в Цариброде и не ночевали бы на пограничной станции.

Нуждающимся русскоподданным, возвращавшимся из Западной Европы, в Нише выдавались, вначале императорской миссией, а затем императорским консульством денежные пособия на продовольствие и на покупку железнодорожных билетов в Болгарии. Из 30 тысяч франков, отпущенных министерством на этот предмет, было выдано пособий 467 лицам на 18 844 франка.

Путешественники испытывали некоторые неудобства, проезжая по железным дорогам Сербии (отсутствие спальных мест, недостаток освещения и пр.), но эти неудобства вызывались в большей части обстоятельствами военного времени.

Императорские миссия и консульство делали со своей стороны, что могли, для предоставления возможных удобств нашим путешественникам. Вследствие полного отсутствия свободных жилых помещений в Нише, насчитывающем в настоящее время более 100 тысяч человек, при нормальном населении города в 25 тысяч, миссии неоднократно приходилось оказывать приют русскоподданным, вынужденным по тем или иным обстоятельствам проводить ночь в Нише.

За все время перевозки русскоподданных по сербской территории ни миссией, ни консульством не было получено ни одной жалобы на сербов.

К сказанному необходимо присовокупить, что по выезде сербского правительства и личного состава императорской миссии из Белграда в начале нынешней войны, там оставлены были один чиновник и канцелярский служитель исключительно для оказания помощи и содействия русскоподданным, не имевшим возможности своевременно покинуть столицу Сербии. Рискуя жизнью при обстреле здания миссии австрийской артиллерией, означенные чиновник и служитель не покидали Белграда до 3-го августа, когда прибыл туда второй секретарь императорской миссии, камер-юнкер Зарин, эвакуировавший всех русскоподданных во время сильной бомбардировки города неприятельской тяжелой артиллерией[1].

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 130–132.

[1] См. док. № 227.

78. ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В НЕАПОЛЕ К.П. ПУСТОШКИНА В ПОСОЛЬСТВО РОССИИ В ИТАЛИИ

№ 50 *Неаполь, 13/26 января 1915 г.*

Вследствие отношения императорского посольства, от 10/23 сего января за № 30, имею честь сообщить о деятельности вверенного мне генерального консульства, по оказанию помощи и водворению русскоподданных на родину, нижеследующее:

Немедленно по открытии военных действий многие русскоподданные, лечившиеся в курортах Австрии и Германии, и которым посчастливилось избежать плена, искали убежища в Италии с тем, чтобы далее следовать в Россию из какого-нибудь итальянского порта.

Волна беглецов, докатившаяся до Неаполя, была впрочем, не очень велика, человек до 400, из коих у некоторых оказались небольшие собственные средства, давшие им возможность вернуться на родину без помощи ген[ерального] консульства. Но большинство было или без всяких средств или имело только русские деньги, которых в начале войны невозможно было разменять на иностранную валюту. При этом следует иметь в виду, что среди наших беглецов было много больных и преимущественно женщин и детей, что еще усиливало общее состояние растерянности и беспомощности.

К счастью, благодаря скорому и щедрому содействию императорского посольства, приславшего во вверенное мне генеральное консульство в четыре приема 16 400 лир, удалось оказать всем своевременную помощь и снабдить средствами для возвращения в Россию.

Первые партии водворяемых были посажены на пароходы общества «*Societa Marittima*», делавшие рейсы из Неаполя в Одессу. Однако пользование этой линией для сообщения с Россией представляло большие неудобства, как вследствие продолжительности путешествия (14 дней), так и вследствие тесноты и грязи помещений. Поэтому многие, имевшие время и материальную возможность, предпочли переждать и воспользоваться отходившими из Генуи в конце сентября русскими пароходами.

Наконец, когда после закрытия Дарданелл, прекратились рейсы «*Societa Marittima*», сообщение с Россией поддерживалось единственно пароходами, шедшими в Пирей и Салоники из Бриндизи, куда и были направляемы русскоподданные, не успевшие еще покинуть Италию.

Присланное из императорского посольства, как выше сказано, пособие в 16 400 лир было израсходовано следующим образом:

1 — выдано пособий, приблизительно для 200 лиц, под 98 расписок — 9 926 лир 25 сант[имов][1].

2 — разменено 2 597 рублей 60 коп. (по курсу 250 за 100) на сумму 6 493 лиры 75 сант[имов].

Помимо означенных сумм выдано генеральным консульством с начала войны поныне из кредита по оказанию помощи неимущим русскоподданным под 53 расписки — 1 154 лиры.

Генеральный консул: К. Пустошкин

Ф. 159, оп. 743/1, д. 472, л. 259. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 102–103.

[1] Перерасход в 20 лир (см. доп. 10/23 января 1915 г. № 14). (Прим. документа).

79. ДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЯЮЩЕГО КОНСУЛЬСТВОМ РОССИИ ВО ФЛОРЕНЦИИ Н.Г. ШЛЕЙФЕРА В ПОСОЛЬСТВО РОССИИ В ИТАЛИИ

14/27 января 1915 г.

Краткий очерк деятельности императорского консульства по оказанию помощи и водворению русскоподданных на родину с начала военных действий в 1914 году

Деятельность консульства по оказанию помощи русскоподданным началась с 28 июля 1914 г., когда появилось первое объявление императорского посольства в газетах об отходе из Неаполя парохода в Одессу, на котором удержаны места III кл. для русских пассажиров. Одновременно стали прибывать путешественники из средней Европы, не получившие билеты на пароходах в Венеции. Большинству из них пришлось прожить во Флоренции несколько недель в ожидании свободных мест на пароходах из Бриндизи.

Всего пособий выдано консульством с 28 июля по 31 декабря 1914 г. 134 лицам на сумму 32 320 лир. Из этого числа 20 лиц внесло залоги кред[итными] рублями 3 430 р. Некоторые пособия были возвращены позднее, по получении денег из России.

Возвращено всего 2 100 лир, преимущественно пенсионерами.

Лица, получившие пособие, принадлежат почти исключительно к интеллигенции: приехавшие на лечение и купание в Montecattini, Viareggio, Rimini и др. места, прибывшие из Швейцарии и Австрии (среди них 6 лиц из плена), студенты и художники, местные и из г. Пизы и некоторые из постоянных жителей Флоренции.

Из 135 лиц: поляков 35 ч[еловек], евреев 27, военнообязанных 6.

Благодаря чрезвычайной любезности и сердечности, проявленной итальянцами-хозяевами отелей и пансионов, в отношении русских путешественников, позволившими уплату долгов за пребывание у них произвести из России, чего, по рассказам русских, их швейцарские и французские коллеги не делали, размер пособий можно было ограничить суммой, немного превышающей стоимость путешествия.

За исключением нескольких лиц, воспользовавшихся русскими пароходами из Генуи, все путешественники уехали с пароходами из Венеции и Бриндизи.

Управляющий консульством консул Н. Шлейфер

Ф. 159, оп. 743/1, д. 472, л. 191–192 об. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 107–108.

80. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В ГРЕЦИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 33 *14 января 1915 г.*

С прекращением обычных путей сообщения между главными европейскими государствами и Россией путь через Бриндизи, Пирей, Салоники стал чуть ли не единственно доступным для возвращающихся на родину наших соотечественников, застигнутых врасплох внезапно разразившейся войной.

Хотя большинство проезжающих и имело при себе деньги или аккредитивные письма, тем не менее, ввиду прекращения размена рублей и уплаты по письмам, они все очутились без средств и были принуждены обращаться к содействию представителей нашего иностранного ведомства.

Императорской миссии пришлось поэтому главным образом позаботиться о снабжении наших соотечественников деньгами. Располагая лишь ничтожной наличностью, пришлось, на первых порах, прибегнуть к содействию личного состава миссии, который отдал в ее распоряжение все имевшиеся у него деньги. Тем временем императорское министерство, получив сведения о наплыве русских, перевело по телеграфу достаточную сумму для оказания им помощи.

Большинство проезжающих относилось с терпением к своим испытаниям, проявляя благодарность за скромную помощь, оказываемую миссией деньгами и советами. Многие, по возвращении в Россию, письменно благодарили миссию в самых теплых выражениях, и лишь некоторые под влиянием усталости и трудностей путешествия, проявляли раздражительность и преувеличенные требования.

По мере того, как налаживалось дело, прибывавших русских, во избежание лишнего проезда в Афины и возможности опоздать к пароходу, направляли к российскому генеральному консулу в Пирее.

Впоследствии вся забота по оказанию помощи путешественникам легла на нашего генерального консула в Салониках. В этом городе сосредоточился главный наплыв русских, прибывавших из южных итальянских портов.

В общей сложности в миссии перебывало около 900 человек. Пособий выдано на 20 000 франков. По аккредитивам, на размен рублей и по переводам министерства выдано приблизительно 20 000 франков. Точные отчеты о расходовании сумм были в свое время представлены в министерство.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 73.

81. ЗАПИСКА СТАРШЕГО СЕКРЕТАРЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ В.Н. МУРАВЬЕВА

К № 338 *Черновцы, 15 января 1915 г.*

Будущее русско-румынское разграничение (записка В. Муравьева)

Основной политической задачей при проведении нашей новой границы на австро-венгерской территории должно быть присоединение к Российской империи исконных русских земель: Галичины, Угорской Руси[1] и Русской Буковины[2]. Такое присоединение — не простое приобретение новых областей. Оно полно великого исторического смысла, является завершением нашим державным вождем начатого еще при московских князьях великого дела собирания Руси. После воссоединения этих земель русский народ, освободив последнюю свою частицу от чужеземного ига, может со спокойной совестью, весь единый и весь свободный, вернуться к обыденной жизни и продолжать свое мирное государственное и культурное строительство.

Таким образом, основная политическая задача войны с Австро-Венгрией определяет общие черты границы, которую должна нам дать окончательная победа.

Однако кроме сопротивления Австро-Венгрии, которое будет несомненно преодолено нашими войсками, необходимо считаться также с дипломатическими факторами, могущими повлиять на направление будущей границы. Таким фактором явятся прежде всего требования Румынии. Румыния занимает по отношению к воюющим весьма выгодное положение, обладая нетронутыми еще военными силами и удобным стратегическим положением. В случае выступления ее против Австрии, она потребует конечно от нас наибольшее вознаграждение. Но даже в случае сохранения Румынией нейтралитета, она уверена, что получит большие территориальные приращения, так как трудно представить себе до окончания войны обстановку, при которой ее вооруженные силы, готовые к действию, перестали составлять угрозу для ее возможного противника.

Вожделения Румынии, насколько их можно определить по разным неофициальным источникам, распространяются на все те земли, которые румыны считают населенными их соотечественниками. Такими землями по их мнению являются: Буковина (до Прута с включением Черновцев), Трансильвания, Мармарошский комитат, Темешварский Банат. По мнению же некоторых румын, будущая граница их отечества должна простираться еще дальше, доходя на севере до Карпат, а на западе сливаясь с рекой Тисой.

Вследствие означенных требований возникает, кроме вопросов о разграничении венгерско-румынском и сербо-румынском, вопрос о разграничении в будущем между Россией и Румынией. Интересы обоих государств сталкиваются в Буковине, в Мармарошском комитате и быть может также в части Сабольского и Сатмарского комитатов.

В общих чертах, при необходимости дать Румынии возможное удовлетворение, наша граница в Буковине и Венгрии могла бы быть проведена следующим образом.

В пределы России должны быть включены:

в Буковине — уезды Заставненский, Коцманский, Черновецкий, Вашковеций, Вижницкий, Стороженецкий, Серетский, Селятинский и части уездов Радовецкого, Кимполунгского и Сучавского. Наиболее удобная линия границы следует по реке Сучаве приблизительно до с[ела] Фалькева. Отсюда граница совпадает с этнографической границей между русским и румынским населением, доходя до речки Велестины на границе Трансильвании. Такая линия является не безусловной и в случае необходимости сделать Румынии дальнейшие уступки, таковыми могли бы быть: клин территории между румынской границей и рекой Сучавой, от Гадикфальва до Сучавы. Местность здесь населена по большей части русскими, но удержание этого клина не выгодно по стратегическим соображениям. Поэтому он может быть уступлен, например, в виде компенсации, за местность к северу от реки Сучавы, населенную румынами. Здесь возможна еще уступка румынам, а именно — границу можно провести не по реке Сучаве, а по водоразделу между Сучавой и Серетом.

В Венгрии — к России должна отойти: небольшая полоса территории Трансильвании, а именно обе стороны перевала Ротунда к юго-западу от Кирлибабы. Это необходимо по стратегическим соображениям, так как, если вести границу выше по границе Трансильвании, Кирлибабский проход, являющийся единственной дорогой из русской Буковины в Угорскую Русь, теряет свою ценность.

Весь Мармарошский комитат. Мармарошский комитат является со стратегической точки зрения самой необходимой частью всей приобретаемой нами территории. Ради получения всей местности в пределах этого комитата можно идти на некоторые жертвы в других частях Венгрии и в Буковине. Между тем несомненно, в случае благоприятной для нее политической обстановки, Румыния потребует присоединения этого комитата,

который, по мнению румын, населен их соотечественниками. На самом деле население здесь по большей части русское, и только в южной части комитата, в долинах рек Иза и Мара, живет чисто румынское население. В настоящее время мы имеем весьма ценный козырь для переговоров с Румынией — Южную Буковину. Последняя представляет для румын очень большую ценность, являясь древним румынским краем, где находятся многие исторические румынские святыни. Удерживая в наших руках южную Буковину, мы можем при разграничении обменять ее на нужные нам части Мармарошского комитата.

В других частях Венгрии желательно, чтобы в наши пределы были включены местности, населенные русскими, с таким расчетом, чтобы население гор не было лишено необходимых, питающих его равнин, находящихся к югу от Карпат. Эти требования лучше всего могут быть удовлетворены присоединением к нам — комитатов: Угошского, Бережского, Унгского, Цемплинского, Абау — Торна, Сарошского и Шепесского, а также небольшие части комитатов: Сатмарского, Боршода, Гемер. Можно также найти доводы для включения в наши пределы большой части Сатмарского и Сабольчского комитатов, но в крайнем случае последние можно уступить за более нужные нам части венгерской территории.

(подписал) Муравьев

Ф. 138, оп. 467, д. 538, л. 7–9. Копия. Рус. яз.

[1] Угорская Русь — историческое название Закарпатской Украины. В X — XI вв. входила в состав Киевской Руси, с XI в. — в составе Венгрии, затем Австрии и Австро-Венгрии.

[2] В X–XI вв. Северная Буковина входила в состав Киевской Руси. В XIV в. отошла к Молдавскому княжеству, с нач. XVI в. до 1774 г. находилась под властью турок, затем до 1918 г. входила в состав Австро-Венгрии.

82. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В БОЛГАРИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 44 *15 января 1915 г.*

С 1-го минувшего августа по конец 1914 года через Болгарию в Россию проследовало более семи тысяч человек, из коих около 500 человек через Дедеагач на Тырново — Варну и Тырново — Рущук, а остальные через Софию, откуда до прекращения рейсов по Черному морю между Варной и Одессой они направлялись частью на Варну — Одессу, а частью на Рущук — Бухарест; после же — все по этому последнему пути.

В начале этого массового движения, вследствие недостатка в Болгарии подвижного железнодорожного материала и скудости станций в отношении помещения и съестных припасов встретились неизбежные при этих условиях замедления в движении, обусловленные также существовавшими в королевстве карантинными мерами против провенансов из Пирея и Солуни, ввиду случаев холерных и чумных заболеваний в этих последних портах.

Однако после сношений императорской миссии с болгарским правительством в ближайшие же дни дело беспрепятственного следования наших соотечественников было налажено, насколько возможно при местных условиях и скудных удобствах железных дорог на Балканах безукоризненно.

Поезда с нашими соотечественниками прибывали из Сербии в поздние часы, между полуночью и 4 часами утра ежедневно; тут их встречал представитель императорской миссии, давал им необходимые практические указания о дальнейшем направлении, выдавал денежные авансы, с отметкой о сем в паспортах и отобранием расписок усаживал их то в специальные, когда для сего было достаточное количество пассажиров, поезда, то в обычные поезда, снабжая их льготными железнодорожными билетами.

Из Софии пассажиры направлялись частью на Варну, частью на Рущук.

В обоих городах им оказывалось самое деятельное содействие со стороны наших консульств. В Варне их отправляли на пароходах Русского общества пароходства и торговли в Одессу, а до прибытия пароходов не раз предоставляли им приют и ночлег в городе.

Из Рущука пассажиры направлялись через Дунай в Джуржево — Бухарест.

Авансы и вспомоществования выдавались в строгом соответствии с действительными нуждами, чем и объясняется сравнительно небольшая сумма — около 25 000 рублей, которая была израсходована на оказание помощи семи тысячам соотечественников на проезд через всю Болгарию, частью до Одессы, частью до Бухареста.

P.S. Нельзя не упомянуть, что в деле водворения наших соотечественников на родину Русское общество пароходства и торговли не всегда оказывало должное содействие: для перехода из Варны на Одессу были установлены повышенные цены, доходившие до 32 фр. золотом на билет 3 класса, в то время как сербские железные дороги перевозили русских пассажиров бесплатно, а болгарские — со скидкой в 50%.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 71–72.

83. ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА РОССИИ В НОРВЕГИИ С.В. АРСЕНЬЕВА В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 27 *15 января 1915 г.*

Имею честь представить нижеследующие сведения о пособиях, выданных нуждающимся русскоподданным через вверенную мне императорскую миссию в Христиании за время с начала войны, т.е. с 19 июля и по 31 декабря 1914 г.

Из суммы в сто двадцать пять тысяч крон, ассигнованной на сей предмет в распоряжение миссии, было израсходовано миссией с 19 июля по 31 декабря 1914 г. на выдачу пособий 57 410 кр[он] 64 эре и на уплату русскоподданным по переводам — 5 351 крона 44 эре, а всего 62 762 кроны 08 эре (шестьдесят две тысячи семьсот шестьдесят две кроны восемь эре).

По месяцам выдача пособий распределяется следующим образом:

С 19 июля по 31 августа 1914 г.	16 105	кр[он]	28	эре.
В сентябре 1914 г.	12 638	—«—	79	—«—
В октябре —«—	13 231	—«—	99	—«—
В ноябре —«—	7 952	—«—	88	—«—
В декабре —«—	7 481	—«—	70	—«—
Итого	57 410	кр[он]	64	эре.

Уплаты по переводам производились непосредственно из миссии, а выдача пособий на проезд до Стокгольма производилась через посредство нашего консульства в Христиании, нашего вице-консульства в Бергене и французского консульского агентства в Трондиеме.

Через консульство в Христиании выдано за означенный период времени около 63% всей суммы пособий, а через вице-консульство в Бергене около 37% этой суммы. Через французское консульское агентство в Трондиеме было выдано пособий на общую сумму 517 кр[он] 70 эре. Всего было выдано пособий под 2 174 расписки; число расписок, однако, не исчерпывает число лиц, получивших пособия на проезд до Стокгольма, так как людям семейным выдавались пособия на всю семью под одну общую расписку. Ввиду сего, общее число лиц, получивших пособия с 19 июля по 31 декабря 1914 г., можно приблизительно определить в две с половиной тысячи, что составляет около пятой части всего числа русскоподданных, проехавших через Норвегию в Россию с начала войны до конца года.

С половины августа установились правильные ежедневные пароходные рейсы между Нью-Кастлом и Бергеном. Наибольшее количество русскоподданных, застигнутых войной в Западной Европе и возвратившихся в Россию через Норвегию до конца 1914 года, избирало именно этот путь, через Нью-Кастл и Берген, несмотря на опасность, сопряженную с морским переходом, от массы плавучих германских мин. Впрочем, хотя почти ежедневно за последние месяцы, повторялись случаи взрыва товаро-пассажирских пароходов о плавучие мины, с пароходами линии Нью-Кастл — Берген этого еще не случалось, хотя капитаны этих пароходов, сознавая весь риск плавания в ночное, и особенно, в бурное время неоднократно отстаивались в открытом море, застопорив машину и предписав всем пассажирам всю ночь провести на палубе, опоясавшись спасательными поясами.

По расписанию пароходы линии Нью-Кастл — Берген должны приходить в Берген среди дня, так что пассажиры, едущие далее на Христианию и Стокгольм, имеют достаточно времени пообедать в Бергене до отхода вечернего поезда в Христианию. Лишь в случае опоздания парохода пассажирам приходится ночевать в Бергене. Прибывающие с утренним поездом из Бергена в Христианию отправляются далее в Стокгольм со следующим поездом в тоже утро, и, следовательно, ночевать им в Христиании не приходится.

Кроме русскоподданных, прибывающих в Норвегию через Берген и оттуда едущих далее в Россию через Христианию и Стокгольм, довольно значительное число русских прибывает из Англии в Христианию на пароходах, не заходящих в Берген. Эти пароходы, непосредственно прибывающие в Христианию из Англии, приходят в Христианию, большей частью, вечером, после отхода вечернего поезда в Стокгольм, и на нашем консульстве в таком случае лежит не только уплата за их проезд до Стокгольма, но и забота об обеспечении им ночлега и пищевого довольствия до следующего утра. Ночлег для тех из них, которые не имеют собственных средств, отводится за счет нашей казны в приюте благотворительного общества «Hjemmes Vel», где наши соотечественники пользуются полным комфортом. Нашим консульским учреждениям оказывал весьма существенное содействие при обеспечении нуждающихся русских ночлегом и пищей Датский комитет в Христиании (с отделением в Бергене, в составе коего находились как норвежские, так и русские дамы).

В день объявления войны и до 6 сентября 1914 г. консульством в Христиании управлял коллежский асессор Верховцев, за болезнью статского советника Ловягина. Вступивший в управление консульством 6-го сентября г-н Ловягин вновь заболел через

несколько дней и затем, по распоряжению императорского министерства, управлял до конца ноября консульством в Христиании статский советник Цур-Мюлен.

Долгом считаю с особенной похвалой отозваться о деятельности г-на Цур-Мюлена, который не только относился к своим обязанностям с отличным усердием, но выказывал много теплого, сердечного участия нуждающимся соотечественникам нашим.

Не могу также не упомянуть о рвении и усердии, высказываемом нештатным вице-консулом нашим в Бергене, норвежским подданным И. Граном, на плечах коего лежит 37% всей работы по оказанию содействия и выдаче пособий нуждающимся русским.

Французский консульский агент в Трондиеме, норвежский подданный, Ингвар Клингенберг, за неимением в Трондиеме русского консульского представительства, любезно принял на себя заботу о русских подданных и относится к этому делу с крайней добросовестностью.

Как явствует из вышеприведенных данных, прилив проезжающих через Норвегию русскоподданных значительно уменьшился в декабре сравнительно с августом. Есть, однако, основание предполагать, что с наступлением теплого времени прилив этот, вероятно, вновь усилится, так как многие русские зимуют в Швейцарии и на юге Франции, предполагая вернуться на родину по окончании зимнего времени.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 116–118.

84. ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В ФИУМЕ А.Г. САЛЬВИАТИ[1] В МИД

15/28 января 1915 г.

Как только стало общеизвестным, что дипломатические сношения между Россией и Австро-Венгрией скоро будут прерваны, многочисленные русские подданные, проживавшие в Аббации и других курортах Хорватского приморья, начали являться в консульство в Фиуме для совета и указаний касательно возможности для них возвратиться в Россию.

Зная, по полученным мной известиям, что в скором времени будут прекращены все железнодорожные сообщения во всей Австро-Венгрии ввиду объявленной мобилизации австрийских войск и что во всяком случае уже поздно для того, чтобы из Фиуме добраться до русской границы через Австрию, я советовал всем воспользоваться еще открытым пароходным сообщением с Венецией, чтобы ехать в Италию и оттуда уже через Константинополь вернуться в Россию; почти все, следуя моему совету, уехали в Венецию. Тем из русских, у которых не оказалось денег, я выдал необходимые средства на дорогу.

В то же время, получив от императорского посольства в Вене десять тысяч крон для оказания помощи русским и сербским подданным, защита коих была также принята консульством, я раздавал деньги всем обращавшимся в консульство за пособием, удовлетворяя, по возможности, все желания.

За три дня до прекращения дипломатических сношений с Австро-Венгрией, а именно 3 августа, венгерская полиция в Фиуме, по приказанию из Будапешта, начала задерживать всех русских, сербских и черногорских мужчин от 17 до 50-летнего возраста. Число русских подданных, не успевших заблаговременно выбраться из вверенного мне консульского округа и задержанных местными властями, было, однако, весьма ограничено, так как

в самом Фиуме находилось лишь несколько русских евреев, занимавшихся ремеслами или мелкой торговлей. Узнав, что между русскими арестованными находился унтер-офицер нашей морской службы, Краубнер, состоявший в качестве «указателя» при командированном в Фиуме для приемки мин на заводе Уайтхэда старшем лейтенанте Трофимове я сделал энергичное представление об этом незаконном поступке полиции губернатору. Моя жалоба передана была немедленно по телеграфу венгерскому правительству, от коего скоро было получено разрешение освободить Краубнера, который в тот же день вместе с женой, в сопровождении агента полиции, был отправлен на итальянскую границу.

Больше пострадали сербские и черногорские подданные, которых было много и в самом Фиуме и в соседнем хорватском городке Сушаке, где также проживали несколько молодых сербов, посещавших местную хорватскую гимназию. Семьи арестованных сербских и черногорских рабочих и ремесленников, давно поселившихся в крае, остались без всяких средств к жизни. Я не преминул заступиться за этих несчастных женщин и детей у местных властей, настаивая, чтобы им была дана возможность вернуться на родину, но это оказалось неисполнимым, так как уже начались военные действия на сербской границе. Тогда я просил разрешение у полиции, чтобы сербские и черногорские женщины небольшими группами могли являться в консульство для получения денежных вспомоществований. Каждой семье я раздал по 50 крон, а некоторым и больше, смотря по количеству детей.

Вместе с тем мне было сообщено, что все арестованные в Хорватском приморье сербы и черногорцы были привезены в Сушак и заперты в тамошней общинной тюрьме в маленьких помещениях, совсем не удовлетворявших требованиям гигиены. По моему ходатайству местный окружный начальник хорват, велел перевести всех пленных в здание хорватской гимназии, где для них были отделены три или четыре больших зала с видом на море и в гигиеническом отношении вполне удовлетворительные. Заключение всех сербов в Фиуме и Сушаке, равно как и во всей Хорватии-Славонии, продолжалось не долго, так как впоследствии все арестованные были отправлены в Венгрию на поселение до конца войны.

6-го августа мне было приказано послом оставить немедленно Австро-Венгрию. Перед моим отъездом из Фиуме, не получив указаний касательно того, кому сдать консульский архив, я поручил консулу Американских Соединенных Штатов охранение оного, а равно и защиту русских подданных, в случае, если они обратятся к нему за помощью. На выдачу пособий я передал ему остаток, находившийся в моем распоряжении в размере 1 500 крон.

В заключение считаю своим долгом по чувству справедливости засвидетельствовать, что с самого начала возникновения русско-австрийского конфликта и до моего отъезда из Фиуме отношение ко мне местных властей было предупредительное и ходатайства мои за русских и иных славянских подданных, по мере возможности, получали посильное удовлетворение. Никаких эксцессов по отношению к русским подданным, как это было в некоторых других местах Австрии, в Фиуме не замечалось. Последнее обстоятельство может быть приписано тому, что среди местной администрации было много хорват и итальянцев, и что это иноземное влияние настолько сильно на Хорватском побережье и в самом Фиуме, что невольно отражается и на обычной немецко-мадьярской грубости, смягчая ее.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 59–61.

[1] А.Г. Сальвиати был отозван из Фиуме (Австро-Венгрия) в августе 1914 г. в связи с началом войны.

85. ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В САЛОНИКАХ В.Ф. КАЛЯ В МИД

№ 33 *17 января 1915 г.*

С прибытием в Салоники 5 пароходов Добровольного флота и Русского общества пароходства и торговли, зафрахтованных Министерством иностранных дел для водворения на родину наших соотечественников, наплыв русских далеко не прекратился, а в первое время даже не уменьшился. Каждый пароход, приходящий сюда из Бриндизи и Марселя, до сегодняшнего дня привозит русских, застигнутых войной за границей. Наплыв пассажиров несколько сократился в середине ноября, когда был взорван мост на реке Струмице, и когда я принужден был объявить всем посольствам, миссиям и консульствам Западной Европы, что путь через Сербию временно прекращен, как небезопасный. За неделю перерыва сообщений в Салониках скопилось несколько сот человек, из коих многие были помещены мной на стоящий на рейде пароход «Императрица Екатерина II», где их кормили за дешевую плату.

С восстановлением железнодорожного пути в Сербии число возвращающихся на родину соотечественников снова увеличилось. Затрудняюсь точно обозначить число проехавших через Салоники русских, но думаю, что не ошибусь, определяя число обратившихся в вверенное мне генеральное консульство за последние 4 месяца соотечественников цифрой от 12 до 15 000 человек.

С конца ноября начали прибывать в Салоники и русскоподданные, спасающиеся из Турции. Первой прибыла партия в 47 человек евреев из Кайфы, бежавшая оттуда еще до объявления войны с Турцией. Считаю нужным сказать о них хоть несколько слов, так как более жалких и несчастных людей нам не приходилось видеть. Консульству пришлось выкупить их с парохода, потому что многие не могли заплатить за свой проезд; пришлось везти их в колясках в консульство для выдачи им пособий, так как некоторые не держались на ногах от голода и истощения.

Первое время после объявления войны Турция не выпускала русскоподданных, но затем предложила им либо принять турецкое подданство, либо подвергнуться немедленному изгнанию из Оттоманской империи. Так, по крайней мере, она поступила с евреями Сирии и Палестины. С этих пор каждый пароход, приходящий из Александрии, привозит по меньшей мере от 150 до 200 евреев. Люди эти без всяких средств, и каждому из них приходится давать пособие в размере не менее 50 франков, чтобы он мог доехать до границы России, так что прибытие каждого парохода из Александрии вызывает расход в 8–10 000 франков. Кроме евреев прибывают из Палестины и монахи, состоящие при нашей Духовной миссии в Иерусалиме, монахини и послушницы Горненского монастыря и члены Палестинского общества. На этой неделе начали приезжать довольно значительные партии русских подданных, главным образом евреев, из Константинополя.

Деятельность генерального консульства по-прежнему состоит в оказании всякой помощи как моральной, так и материальной проезжающим через Салоники русскоподданным. Чиновник консульства встречает каждый пароход, приходящий из Бриндизи, Марселя и Александрии, и провожает каждый уходящий поезд, даже если едут 2–3 русскоподданных. Мы стараемся облегчать нашим соотечественникам таможенные затруднения, и за все время не было со стороны их ни одной жалобы на таможню.

Прибывающим пассажирам указываются гостиницы, где они останавливаются сообразно со своими средствами, и даются все необходимые справки о дальнейшем следовании; неимущим или временно нуждающимся выдаются взаимообразно денежные пособия, причем выдачи эти происходят зачастую до поздней ночи. Из присланных императорской миссией в Афинах денег генеральное консульство израсходовало по сей день более 115 000 франков. Генеральное консульство приложило все усилия, чтобы сократить до минимума расходы неимущих. Оно добилось даровой перевозки от Салоник до болгарской границы всего багажа русских пассажиров, который в запломбированном вагоне идет до Цариброда и на границе сербской даже не осматривается. По моей просьбе в сербском, болгарском и румынском консульствах паспорта неимущих визируются даром. Помощь, оказываемая генеральным консульством, переходит даже за пределы вверенного ему округа. Так мне приходится постоянно сноситься с сербскими пограничными властями и с сербским королевским комиссаром в Гевгели для оказания содействия нашим соотечественникам на сербской границе. Когда же около Струмицы был взорван мост на Вардаре, а затем наскоро установлен путь, я командировал на место взрыва секретаря генерального консульства Клименко, который совместно с сербскими властями принял на месте все меры для безопасного перехода пассажиров и перегрузки багажа.

За последние 4–5 месяцев получено на имя генерального консульства из Италии, Швейцарии, Франции сотни телеграмм и писем с просьбами доставить справки о путешествии из Салоник в Россию; ни одно письмо, ни одна телеграмма не оставлена мной без ответа. Немало забот причиняли нам больные; в особенности чахоточные, изгнанные из германских санаториев, которых приходилось переносить в больницу и в вагоны на носилках или на руках; но и эти лица при помощи генерального консульства все благополучно добрались до России.

Я не буду останавливаться на отдельных функциях консульства, связанных с проездом крупных партий русскоподданных через Салоники, как-то: розыск забытого или утерянного багажа, составление протоколов показаний, являющихся зачастую единственными документами, удостоверяющими личность пассажиров при въезде их в Россию; расследование отдельных случаев проступков и даже преступлений, которое нужно сделать немедленно до отхода пароходов, обыкновенно покидающих порт в тот же день; запись на железнодорожные билеты, которые консульство заказывает на станции для обеспечения на следующий день достаточного количества мест всех трех классов для своих соотечественников и т.д. Скажу только в заключение, что при том незначительном составе консульского персонала и той громадной, — более того, — непосильной работе, возложенной на нас, в особенности за последнее время, когда Салоники с закрытием северного пути являются единственным портом, соединяющим Европу и Ближний Восток с Россией, вверенное мне генеральное консульство приложило все свои усилия и старания для оказания помощи нашим соотечественникам и малейший упрек в бездействии, в недостаточно внимательном отношении или бессердечности был бы незаслуженным и несправедливым обвинением.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 74–76.

86. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В БЕЛЬГИИ[1] В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 29 *19 января 1915 г.*

В момент объявления войны кроме многочисленных русских подданных, постоянно живущих в бельгийских промышленных центрах и университетских городах, в Бельгии оказалось весьма значительное число русских туристов, находившихся на морских купаниях и в курортах. Кроме того, в течение первой недели войны постоянно пребывали новые партии русских подданных, высылаемых из разных городов Германии.

Почти все эти лица находились в крайне затруднительном положении, вследствие отказа местных банков выдавать деньги по русским чекам и аккредитивам, а также менять русские деньги.

Весьма своевременным и целесообразным оказалось поэтому данное нашим заграничным учреждениям разрешение выдавать ссуды кредитоспособным русским подданным и, в частности, производить подобные операции на основании аккредитов и т.п. документов.

Как усматривается из ведомостей, представленных при отношении миссии от 10/23 ноября 1914 г., за время с 18-го июля по 1/14 октября на основании означенного разрешения было выдано ссуд: императорской миссией — на 8 825 франков, а консульством в Брюсселе — на 7 705 франков.

Что касается размена русских денег, то по настоянию посланника брюссельское отделение Петроградского международного коммерческого банка согласилось выдавать 200 франков за сто рублей, но лишь на основании выдаваемых консульством удостоверений о том, что предъявитель — русский подданный и заслуживает просимого содействия банка, причем принималось не больше ста рублей от каждого отдельного лица. Находя эту операцию для себя невыгодной, некоторые русские подданные вносили русские деньги с оговоркой, что они оставляют за собой право впоследствии выкупить деньги из отделения банка по тому же курсу; на это банк соглашался и выдавал соответствующие расписки с тем, однако, что в таком случае банку будут причитаться проценты за выданную сумму.

Когда последовало распоряжение министерства о размене русских денег в императорских миссиях и консульствах по курсу 250 фр. за сто рублей, содействие банка оказалось излишним и русские деньги менялись как миссией так и в консульствах ей подведомственных; весьма значительная сумма русских денег, поступившая благодаря этой операции в кассу миссии, впоследствии, при возвращении на родину русских эмигрантов, была разменена обратно на бельгийские деньги по тому же курсу.

Благодаря указанному денежному содействию со стороны миссии и консульств удалось предоставить возможность возвратиться в Россию всем тем из наших соотечественников, которые лишь случайно, вследствие прекращения нормальных сообщений, оказались в затруднительном положении.

Значительно большие затруднения мы встретили при организации помощи тем многочисленным группам русских подданных, которые постоянно проживают в Бельгии, обучаясь в местных университетах или зарабатывая средства к существованию в местных торговых и промышленных предприятиях.

Точных данных о числе постоянно живущих в Бельгии русских подданных, к сожалению, не имеется в моем распоряжении; но если иметь в виду, что одна русская колония в Антверпене насчитывает до пяти тысяч человек, что в Льежском университете

обучается около тысячи пятисот русских студентов, что число их весьма значительно в специальных высших школах Брюсселя, Гента, Жамблу, Вервье и Лувена, и что тысячи русских рабочих находят постоянный заработок на бельгийских шахтах и фабриках, мы получаем весьма внушительную цифру, выражающую численность постоянного русского населения в Бельгии.

Так как при вторжении германских войск в Бельгию сразу остановились все производства, дающие заработок нашим соотечественникам, и так как чинимые немцами зверства вызвали поголовное бегство населения провинциальных городов, все наши соотечественники устремились в Брюссель, рассчитывая на содействие и защиту со стороны представителей России.

С первых же дней выяснилось, что целесообразная и действительная помощь всем этим несчастным могла бы быть оказываема лишь при условии существования соответствующей организации; инициативу этого дела взяли на себя представители русской колонии в Брюсселе, центром коей является местная русская читальня и клуб. Выбранный ими комитет в составе г.г. Шелгунова, Орловского, Слободского, Макушина и г-жи Шадурской явился в миссию и консульство, предлагая свои услуги по устройству помощи неимущим русскоподданным. Было решено нанять пустующий дом для устройства в нем общежития или хотя бы ночного убежища, помещение же, занимаемое русским клубом, превратить в столовую.

Располагая небольшим капиталом, образовавшимся из частных пожертвований, миссия могла предоставить комитету сразу денежные средства, требуемые для первоначального оборудования ночлежного дома и столовой, для дальнейшего же существования этих заведений членами комитета, равно как чинами миссии и консульства собирались частные пожертвования; кроме того, до выезда миссии из Брюсселя комитету было дано 600 франков из предоставленных в распоряжение миссии казенных сумм.

Из донесений испанского консула в Брюсселе усматривается, что за время с 4/17 августа по 8/21 ноября им выдано русскому благотворительному комитету 4 000 франков; с тех пор этому учреждению отпускается 35 франков в день.

Устроенная русским комитетом столовая пользовалась большой популярностью, и в ней столовались не только неимущие, которым отпускались бесплатные обеды, но и лица, имевшие достаточно средств, чтобы платить за кушанья весьма скромную, назначенную комитетом цену.

Со значительно большими затруднениями было сопряжено устройство ночлежного дома. Когда, наконец, нашли подходящее помещение, оказалось, что надлежащее оборудование вызвало бы слишком большие расходы; поэтому пришлось довольствоваться вместо кроватей сеном и соломой, на которых на ночь располагались наши бездомные соотечественники. В этом доме поэтому жили только рабочие, лица же интеллигентного класса размещались по частным квартирам, с хозяевами которых комитет заключил особые соглашения, уплачивая по 50 сант[имов] за ночевку каждого. Благодаря этому, независимо от достигнутой экономии, оказалось возможным произвести известную группировку разнородных по происхождению, образованию и достатку элементов, пользовавшихся помощью комитета, и, таким образом, были предотвращены столкновения и трения, которые вызвало бы сосредоточение всех этих лиц в одном общем помещении.

Так как комитет брал на себя попечение о всех неимущих русских подданных независимо от пола, возраста и национальности и так как состав комитета давал полную гарантию беспристрастия его деятельности, консульство имело возможность воздержи-

ваться от выдачи денежных пособий непосредственно нуждающимся, благодаря чему была устранена возможность каких-либо злоупотреблений. Со своей стороны консульство выдавало только купоны на проезд в Лондон и Париж. По этим купонам, в силу заключенного мною с управлением бельгийских железных дорог соглашения, выдаются билеты до указанного в купоне назначения, причем стоимость оных возмещается консульством по окончании каждой четверти года. Таких купонов было выдано весьма значительное количество, так как консульство никому в этом не отказывало. Так как я до сих пор не получил расчета от управления железных дорог, я не имею точных сведений о числе действительно использованных и подлежащих уплате купонов; кроме того, многие из лиц, получивших купоны, заявили мне о намерении возместить консульству по окончании войны стоимость полученных ими билетов.

После занятия Брюсселя немецкими войсками большинство русских подданных поспешило перебраться в соседние государства и в Брюсселе остались только те, которые привыкли считать Бельгию второй родиной и прервали все связи с Россией. Выбыли также почти все члены первоначального состава комитета; на их место были выбраны новые лица, причем в выборах принимали участие сами призреваемые. Из общего числа неимущих выделились студенты, образовав самостоятельное общество, которое однако просуществовало недолго, получив от испанского консула пособие в сто франков. Кроме того, возникло особое еврейское благотворительное общество, которое от испанского консула до 21 ноября получило 400 франков.

Что касается деятельности нашего консульства в Антверпене, то ему приходилось иметь дело, главным образом, с двумя категориями нуждающихся, составляющих местную русскую колонию, а именно, с моряками и эмигрантами, с одной, и с еврейским пролетариатом, с другой стороны. Лишившихся заработка моряков, а равно застигнутых войной в Антверпене эмигрантов приютили на находившемся в порту финляндском пароходе; столовались же они отчасти в финляндской духовной миссии, отчасти в кухмистерских, с которыми были заключены соответствующие соглашения. Так как существующие в Антверпене еврейские благотворительные общества с начала войны все закрылись, нуждающиеся евреи оказались в очень тяжелом положении; впоследствии, однако, образовался комитет, открывший бесплатную столовую.

Предметом особых хлопот и забот миссии послужило дело о водворении на родину застрявших в Антверпене и прибывших после начала войны эмигрантов. Подробности этого дела изложены в письме посланника от 8-го сентября 1914 г.

Что касается денежной стороны деятельности миссии по благотворительности в Антверпене, то ею и местным консульством произведены нижеследующие выдачи: на содержание матросов и рабочих, находившихся на попечении финляндской духовной миссии — 2 700 франков; еврейской столовой — 300 франков; на содержание эмигрантов — 5 200 франков. Счет муниципалитета города Зеебрюгге, содержавшего прибывших из Америки эмигрантов до отправки их в Архангельск, в императорской миссии еще не получен.

Независимо от означенных сумм, израсходованных на коллективные благотворительные цели, миссии во время пребывания в Антверпене приходилось выдавать довольно значительное количество вспомоществований отдельным лицам, не имевшим возможности пользоваться общими организациями. Первое место среди этих лиц занимают многочисленные русские студенты, обучающиеся в бельгийских университетах и поступившие добровольцами в бельгийскую армию; наиболее нуждались в содействии

миссии добровольцы, раненые и выбывшие из строя по собственному желанию, но выдавались небольшие пособия и остальным на мелкие расходы. Этой категории лиц приходится выдавать пособия и поныне, так как все добровольцы бельгийской армии продолжают обращаться за содействием в императорскую миссию, несмотря на ее переезд в Гавр.

В Антверпене, как и раньше в Брюсселе, мы всячески поощряли переезд русских подданных в соседние государства, откуда они имели возможность продолжать путешествие на родину и где они, во всяком случае, не подвергались опасности быть захваченными в плен при занятии территории неприятелем. К сожалению, наши евреи упорно отказывались пользоваться представляемой им возможностью возвращаться на родину, а, напротив того, настаивали, чтобы им было предоставлено оставаться в Антверпене, даже когда местные власти стали удалять из крепостного района все гражданское население. Зато, когда стали бросать бомбы с цепеллинов, а затем предстояла бомбардировка города, ими овладела паника, и они с той же настойчивостью стали требовать содействия миссии к немедленному их отправлению в Англию и Голландию. Поэтому ко времени отъезда миссии из Антверпена в этом городе едва ли остались нуждающиеся в помощи русские подданные; на всякий случай миссией было оставлено в распоряжение местного испанского консула 5 000 фр. для выдачи вспомоществований; с тех пор, однако, от него не получено никаких известий.

Входя в тяжелое положение наших соотечественников, мы лично прилагали все усилия к облегчению их участи: канцелярия консульства в Брюсселе была открыта для публики с 8 часов утра до 7 часов вечера, и в канцелярии миссии было устроено постоянное дежурство секретарей, принимавших просителей во всякое время. Тем не менее, ввиду малочисленного личного состава миссии и консульств, при исполнении возложенной на нас задачи весьма ценным и полезным оказалось добровольное содействие со стороны частных лиц. Кроме деятельности вышеуказанных организаций, не могу не упомянуть о любезном содействии, оказанном нам нашим консулом в Ливерпуле стат. сов. Шишкиным и отставным гвардии поручиком В.А. Марком, занимавшимися в течение двух недель в консульстве в Брюсселе, студентами Бржозовским и Верига-Даровским, безвозмездно работавшими при консульстве в Антверпене, и, наконец, чиновником Собственной его императорского величества канцелярии, тайн. сов. М.М. Рейнке, принимавшим живое участие в деятельности благотворительного комитета в Брюсселе.

Особенного внимания заслуживает обнаруженное нашими соотечественниками в эти тяжелые дни доверчивое и добросовестное отношение к миссии и консульствам; прося о денежном содействии, они ограничивались крайними, действительно необходимыми суммами и сами отказывались от лишних денег, когда их им предлагали; получив переводы из Петрограда, многие добровольно возмещали ранее полученные пособия и возвращали обратно железнодорожные купоны, которыми они не воспользовались. При таких условиях есть основание надеяться, что истраченные нами средства пошли в прок и что благотворительностью нашего правительства действительно воспользовались лишь лица, нуждавшиеся в оной.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 64–69.

[1] В связи с оккупацией Бельгии германскими войсками правительство Бельгии и дипкорпус в августе 1914 года выехали в Антверпен, затем — в Гавр.

87. ДОНЕСЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА РОССИИ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 64 24 января/6 февраля 1915 г.

Число русских подданных, застигнутых на французской территории войной, оказалось очень значительным.

За последние годы, как вследствие увеличившейся, так называемой, экономической эмиграции, элементы которой принадлежат к ремесленной и рабочей массе, притекающей преимущественно из Царства Польского и Юго-Западного Края, так и вследствие наплыва учащихся, вызванного закрытием для русских подданных высших учебных заведений в Германии, число русских, имеющих постоянное жительство во Франции, сильно возросло. Рядом с этим постоянным элементом число русских, временно находившихся во Франции ко времени объявления войны, было также чрезвычайно велико, так как к концу июля нового стиля сезон на морских купаниях Нормандии и Бретани и во французских курортах еще не закончился, сезон же на излюбленных русскими юго-западных купаниях уже начинался; кроме того, учебные занятия в России еще не возобновлялись, и семьи, а также группы учащих и учащихся, совершавших коллективные поездки (каковых к этому времени насчитывалось до 20), приноравляющие свое возвращение к этому моменту, оставались еще во Франции. Впоследствии во Францию стали прибывать также русские подданные из занятой неприятелем французской территории (главным образом, рабочие каменоломней и копей), из Бельгии и отчасти даже из курортов Западной Германии, а также рабочие из Америки, желавшие выполнить свой долг по отбыванию воинской повинности и тяготившиеся в такой момент отдалением от родины.

Большинство находившихся во Франции к началу мобилизации русских подданных поставлено было событиями в тяжелое положение. Одни оказались лишенными заработка, вследствие закрытия промышленных и торговых заведений и вообще приостановления экономической жизни; другие были отрезаны от родины, вследствие закрывшихся путей сообщения и лишены средств, за невозможностью получения таковых из России, а также вследствие применения мораториума ко вкладам, прекращения размена русских денег и отказа оплаты по русским переводам и аккредитивам.

С первых дней мобилизации толпы русских подданных стали стекаться в императорское посольства, ища покровительства, помощи и совета. С утра и до вечера они заполняли прилегающую улицу, обширный двор посольства, коридоры и приемные канцелярии генерального консульства, а также ввиду ненастной погоды, и значительную часть приемных и личных помещений, предоставленных послом для приема просителей.

Само собой разумеется, что дипломатическая работа, составляющая первую обязанность посольства, приняла в те критические дни исключительные размеры. Работа генерального консульства также получила интенсивный характер, главным образом, вследствие легализации документов по удостоверению личности в связи с французскими декретами об иностранцах.

Это не мешало им, однако, заботиться о застигнутых обстоятельствами соотечественниках, многие из которых, без различия сословий и общественного положения, были приняты лично императорским послом.

Но число лиц, обращавшихся в посольство, было так значительно, что наличных сил посольства и генерального консульства положительно было недостаточно.

Поэтому императорское посольство было поставлено в невозможность выполнить задачу оказания помощи русским подданным исключительно имевшимся в то время на лицо составом посольства и генерального консульства.

Выход из затруднения найден был благодаря отзывчивости некоторых находившихся в то время в Париже русских.

При всем том многие русские подданные несомненно остались недовольными и сетовали на посольство за недостаточную ясность в ответах на бесчисленное количество поставленных вопросов (на вернейший путь для возвращения), не отдавая себе отчета в том, что важность и беспримерность разразившейся катастрофы исключали по крайней мере на первое время возможность немедленных и определенных указаний.

Под председательством бывшего секретаря посольства, князя В.Н. Аргутинского-Долгорукова, образован был Особый комитет для выдачи подлежащих возврату Министерству иностранных дел ссуд на основах, определенных телеграммой товарища министра иностранных дел Арцимовича, от 7 августа 1914 г. В комитет этот вошли чины Агентства Министерства финансов в Париже, чиновники особых поручений Министерства финансов — ст. сов. Д.П. Никифоров, ст. сов. П.Н. Апостол и колл. сов. С.Л. Рафалович, юрисконсульт императорского посольства в Париже В.К. Бентковский, директор Парижского отделения Русско-Азиатского банка, надв. сов. Н.Л. Рафалович, а также находившиеся в это время в Париже и оказавшие в этом деле очень существенную пользу посольству старший юрисконсульт Министерства юстиции, действ. ст. сов. С.Н. Трегубов и чиновник особых поручений при кредитной канцелярии С.К. Бельгард.

На этот же комитет возложено было весьма сложное дело по переводу денег, организованному Министерством иностранных дел, и по размену русских денег.

Впоследствии все делопроизводство по этому делу возложено было специально на чиновника Министерства финансов, ст. сов. Д.П. Никифорова, который с большим усердием продолжал его затем в Бордо и опять в Париже, в помещении Агентства Министерства финансов.

Находящееся под председательством супруги императорского посла, М.К. Извольской, благотворительное общество также оказывало ценные услуги по выдаче пособий наиболее нуждающейся части русских подданных. Вице-председательница общества, Е.А. Елагина, с большим самоотвержением и преданностью продолжала деятельность общества в Париже по отъезду посольства в Бордо.

Следует также отметить особенно ценные услуги, оказанные бывшим секретарем генерального консульства в Будапеште, князем Маврокордато, на которого возложено было, главным образом, дело осведомления родственников тех русских подданных, которые застигнуты были войной во Франции и не давали по каким-либо причинам о себе вестей, а также вся сложная переписка посольства с Петроградом по делам оказания помощи русским.

В течение августа дело помощи русским подданным сосредоточено было в Париже, при одновременной деятельности на местах г.г. штатных консулов в их районах; ввиду же особого скопления русских, застигнутых войной в Виши, в этом городе оказание помощи русским возложено было на случайно находившегося там священника о[тца] Садикова.

После отъезда правительства и посольств в Бордо, когда под угрозой немецкого нашествия выяснилась необходимость оставления Парижа всеми должностными лицами, по примеру прочих союзных стран, временная защита интересов русских подданных пе-

редана была императорским послом испанским представителям. Однако такое положение дела длилось менее недели, после чего генеральное консульство снова возвратилось и открыло свои действия в Париже. С этого момента дело оказания помощи русским подданным сосредоточено было в Париже, Бордо и Марселе.

В дельнейшем, деятельность императорского посольства по оказанию помощи русским, застигнутым на французской территории войной, изложена будет по отдельным рубрикам в соответствии с теми нуждами, которые удовлетворялись деятельностью посольства, а именно: 1) водворение на родину; 2) денежная помощь; 3) приискание работы, и 4) осведомление о русских подданных и розыск их.

I

Водворение на родину. Облегчение выезда из Парижа

С первых дней мобилизации императорское посольство вошло в сношения с норвежской и шведской миссиями в Париже и в телеграфные сообщения с Лондоном и Римом для выяснения способов проезда в Россию, причем установлена была, с одной стороны, самая возможность проезда как северным, так и южным путем, а с другой — факт организации продажи прямых билетов и сообщений необходимых для путешествия справок парижскими специальными бюро для путешествий. Соответственные сведения сообщались русским подданным, но императорское посольство не могло, конечно, как этого иногда от него требовали, гарантировать безопасность или отвечать на вопросы о большей верности того или другого пути, ввиду опасности от мин в Северном море и неуверенности в вопросе о Дарданеллах.

Материальная помощь для отправления на родину организована была в форме выдачи проездного билета с вписанием стоимости оного, как ссуды, в паспорт и выдачи небольших пособий для пропитания в пути. Затем, когда отправление производилось, главным образом, через Марсель и отхода парохода приходилось ожидать иногда по несколько дней, Марсельское генеральное консульство вошло в соглашение с местными гостиницами, предоставлявшими русским подданным стол и квартиру на льготных условиях.

Дело водворения на родину сосредоточено было в августе в Парижском, а затем в Марсельском генеральном консульстве. Делом этим и в Париже, и в Марселе заведывал вице-консул в Париже Л.Д. Кандауров, подробный доклад и денежный отчет на сумму 35 086 фр. которого по этому вопросу представлен уже Министерству иностранных дел.

Приблизительно до 25 августа старого стиля водворение производилось, главным образом, северным путем. Водворяемым выдавался билет до Стокгольма и небольшое пособие. Затем в Стокгольме русская миссия и консульство водворяли прибывших русских на тех же основаниях на родину. Водворяемые южным путем получали, благодаря содействию французских властей, бесплатный билет до Марселя и затем — билет до России. Всего генеральным консульством в Париже эвакуировано было на указанных основаниях 662 человека, и на этот предмет затрачено 56 672 фр. 71 сант[имов].

Когда в Марселе дело с отправкой южным путем окончательно наладилось, русские подданные водворялись, главным образом, этим путем, как более удобным в климатическом отношении и более дешевым в особенности для лиц, едущих на юг России.

Сообщения производились на Одессу из Марселя на пароходах Messageries Maritimes и из Генуи — на пароходах Итальянской компании. Хотя цены итальянского общества были ниже цен французского (от Марселя до Одессы с пропитанием в 1 кл. 577 фр., во 2 кл. 390 фр. и третьем — 255 фр., от Генуи до Одессы 402, 275 и 106 фр.), однако ввиду расходов на проезд от Марселя до Генуи французскому обществу отдавалось предпочтение и, кроме того, генеральное консульство достигло путем переговоров с обществом значительного понижения тарифов для русских подданных, возвращавшихся на родину в 3 или 4 классе.

Когда затяжной характер войны выяснился и сведения об условиях отправки из Марселя стали известны во всей Франции, из всех мелких курортов и морских купаний стали поступать многочисленные запросы, и генеральному консульству удалось создать три сборных пункта в Тулузе, Туре и Гренобле, откуда заботами французского правительства русские подданные отправлялись группами бесплатно в Марсель, где их встречал вице-консул Кандауров. Ввиду опасения начала военных действий со стороны Турции, пароходное общество сократило число отправок и стало при этом отправлять старые и небольшие пароходы, так что в Марселе скоплялось иногда по 100 человек, ожидавших парохода. Вице-консул Кандауров, организовавший все дело совместно с управляющим генеральным консульством А.Г. Сальвиати, вошел в соглашения с местными гостиницами, предоставлявшими русским квартиру и стол за минимальную плату. После закрытия Дарданелл то же французское пароходное общество организовало рейсы на Салоники (на короткое время прерванные разрушением моста в Македонии), и в то же время для водворения на родину стали снова пользоваться в больших размерах северным путем, до этого времени почти оставленным, как более дорогим и неудобным в климатическом отношении. Число водворенных на родину и израсходованные на это, в виде ссуд и пособий, суммы подробно указаны в упомянутом отчете Л.Д. Кандаурова.

Некоторая часть русских подданных не желала или не имела возможности оставить Францию, но после отъезда правительства и посольств предпочла выехать из Парижа. Для более состоятельных, не нуждавшихся в материальной помощи посольство облегчало очень затруднительный в это время (из-за скопления отъезжающих и небольшого числа поездов) отъезд рекомендательными письмами к железнодорожным властям. Неимущие, благодаря содействию французского правительства, эвакуировались даром в Тур. В течение первых четырех дней после отъезда правительства и посольств в Бордо из Парижа в Тур эвакуировано было 1 700 русских подданных. В Туре они были бесплатно устроены, получали даровую пищу и расписаны были по цехам, причем часть их, благодаря содействию французского правительства, получила работу в провинции, а часть вернулась после наступившего успокоения в Париж и здесь снова обращалась за содействием к генеральному консульству.

II

Денежная помощь: а) пособия, б) ссуды, в) размен денег, г) получение по аккредитивам и д) перевод денег

В зависимости от характера испытываемой нужды денежная помощь была оказываема императорским посольством в различной форме: лица, лишенные событиями заработка и не имеющие никаких источников дохода в России, получали пособия; ли-

ца, имеющие источники дохода на родине, но кратковременно лишенные возможности ими воспользоваться ввиду затруднительности сообщений, желания возможно скорее вернуться в Россию, не дожидаясь присылки денег и т.д., получали ссуды; лицам, имевшим русские деньги, облегчался размен таковых, и, наконец, организована была выдача денег, переводимых через Министерство иностранных дел.

а) Пособия. Часть русских подданных поставлена была в особенно тяжелое положение: оставшись, вследствие приостановки нормальной торговопромышленной жизни, без заработка и средств, лица эти в то же время не имели никаких источников дохода в России и не могли надеяться на получение с родины хотя бы небольшого воспособления. Поэтому императорскому посольству представлялось в критический момент парижской жизни обязательно необходимым прийти, хотя бы временно и в небольших размерах, на помощь этой части русской колонии, значительный процент которой составляла, к тому же, учащаяся молодежь, художники и т.д. Пособия выдавались генеральным консульством, распределившим в общем (по 31 декабря 1914 г.) около 28 тысяч франков; Благотворительным обществом, которому передано было посольством для раздачи пособий 27 500 фр. и Комитетом по выдаче ссуд, который в последние дни перед отъездом из Парижа и при обстоятельствах, о коих сказано будет ниже, раздал 16 000 фр. (и затем еще 5 тыс. в Бордо, через консульство) в виде ссуд, приближавшихся по своему характеру (вследствие малой кредитоспособности ссужаемых) к пособиям, итого приблизительно — 50 000 франков.

б) Ссуды. Часть русских подданных, хотя и обладающая источниками дохода в России, осталась с первой недели после объявления войны без средств ввиду затруднительности сношений с родными и отсутствия банковской переводной операции. При этом следует отметить, что особенно полезной в этом отношении являлась деятельность отделения Русско-Азиатского банка в Париже, оказавшего с первых же дней мобилизации самое широкое содействие; но, конечно, оно не имело возможности полностью удовлетворять всех обращавшихся к нему. Для того, чтобы прийти на помощь этим лицам и ускорить их отъезд в Россию, наиболее целесообразной представлялась выдача ссуд с возвратом таковых по приезде в пределы России. Таковая выдача ссуд и производилась комитетом, о коем сказано выше и который в деятельности своей старался возможно ближе придерживаться министерской инструкции.

Лица, являвшиеся за ссудами, получали для заполнения вопросные бланки, и каждое такое прошение обсуждалось затем комитетом, разрешавшим ссуды в зависимости от степени кредитоспособности просителя. В последние дни наплыв нуждающихся достиг, однако, крайних размеров, и посольство, можно сказать, буквально осаждалось просителями. Столь громадное число действительно нуждающихся в помощи заставляло комитет, сокращая до крайних размеров отдельные ссуды, с меньшей формальностью относится к делу и не обездоливать отказом обращающихся к нему. В последние же два дня отъезд правительства и посольств в Бордо сделал положение находившихся в Париже и часто обремененных семьями и больными, стремившихся покинуть Париж, крайне тяжелым и вызвал безусловно необходимость выдачи некоторого числа пособий, которым комитет старался, однако, придать характер ссуд, отбирая от получающих пособие (хотя и вряд ли кредитоспособных лиц) расписки с обязательством возврата. Всего такого рода пособий, носивших характер ссуд, комитетом выдано было, как указано было уже выше, на 16 тысяч франков в Париже и приблизительно на 5 тысяч фр. в Бордо. Собственно же ссуд комитетом выдано было около 275 тысяч фр., причем большая часть выдана была

непосредственно в Париже, часть же выслана на места сообразно с требованиями консулов и т.д. (О[тцу] Садикову — 20 000 фр. консулу в Бордо — 24 000 фр. и т.д.).

в) Размен русских денег. В первые дни после объявления войны размен русских денег во Франции или совершенно прекратился, или производился по совершенно произвольному и недостойному кредита России курсу. Императорское посольство признало поэтому необходимым прийти на помощь русских подданным в форме размена русских денег. Размен производился (во избежание спекуляции) очень небольшими суммами. В начале он поручен был особой делегации от Благотворительного общества, а затем дело это перешло в Комитет по выдаче ссуд. В первые дни за 100 рублей выдавалось 200 фр. правом на получение доплаты, когда курс рубля будет выяснен. Затем, таковая доплата производилась в размере 50 фр. на 100 руб., когда из министерства получено было указание производить размен по 250 фр. за 100 рублей. Всего произведен был размен приблизительно 90 тысяч рублей.

г) Получения по аккредитивам. По ходатайству комитета, Парижское отделение Русско-Азиатского Банка, оказывавшее, как сказано выше, во многих отношениях весьма ценное содействие в деле помощи русским подданным, выплачивало последним по аккредитивам, по которым парижские банки отказывались производить уплату.

д) Переводная операция. Важной стороной деятельности императорского посольства по оказанию помощи русским подданным явилось, — при полной невозможности получения денег из России через почтовые учреждения и банки и при курсе, совершенно произвольно устанавливаемом кредитными учреждениями, — выполнение организованной Министерством иностранных дел переводной операции. Операция эта, на первый взгляд простая и легкая, в действительности осложнилась ввиду значительного количества совершаемых переводов (более четырех с половиной тысяч мелких отдельных переводов, не превышающих обыкновенно каждый 300 фр.), искажений имен и адресов телеграфом, неправильным функционированием почты и частой переменой местожительств и адресов лиц, которым адресованы были переводы. К этому следует добавить, что вынужденный отъезд из Парижа повлек за собой приостановку на несколько дней трансфертов и вызвал затем в течении двух недель в Бордо большое единовременное накопление работы. Были приняты, однако, все необходимые меры для успешного и быстрого выполнения переводов, для чего, при любезном содействии французского почтового ведомства, в самом помещении переводного комитета устроено было почтовое отделение, выполнявшее все почтовые и телеграфные формальности по этой операции. Всего поступило из Министерства иностранных дел переводов на сумму около полутора миллионов франков.

III

Приискание работы

Генеральные консульства в Париже и Марселе и консульство в Бордо находились в постоянных сношениях с французскими властями и с местными крупными промышленными предприятиями для облегчения приискания работы русским подданным. Французское сельское хозяйство нуждалось вследствие войны в рабочих руках и русские подданные находили заработок в этой области труда, а также на металлических заводах, на трамваях и т.д.

Парижский муниципалитет поставил широко дело помощи безработным и допускал к этой помощи русских на равных основаниях с французами, требуя лишь удостоверения о принадлежности к русскому подданству и доказательств об исполнении воинской повинности. Генеральное консульство выдавало удостоверения и считало возможным в этом случае относиться без большого формализма к вопросу о документах.

IV

Осведомление о русских подданных и розыск их

С момента объявления войны и по конец декабря всего поступило в Посольство 1 040 телеграфных запросов по поводу соотечественников, застигнутых войной во Франции, запросы по поводу коих посольство входило в сношения с местными властями, производило публикации в печати по мере получения ответов оповещало заинтересованных лиц. Ответы были даны на все без исключения телеграммы.

Ф. 156, оп. 457, д. 477, л. 3–12 об. Копия. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 132–141.

88. ДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЯЮЩЕГО ГЕНЕРАЛЬНЫМ КОНСУЛЬСТВОМ РОССИИ В ВЕНЕ Е.С. ПРОТОПОПОВА В МИД

25 января 1915 г.

Летние месяцы были всегда временем наплыва наших соотечественников в пределы Австро-Венгерской монархии. Больные, едущие для лечения в богемские курорты; различные образовательные экскурсии сельских учителей и учительниц, гимназий, институтов и других учебных заведений; специалисты по разным отраслям, посылаемые министерствами в заграничные командировки; посланные преимущественно в славянские земли Австрии обществом «Русское Зерно» экскурсанты — практики по сельскому хозяйству; русские рабочие, прибывшие в Австрию для полевых работ; обратные из Америки русские переселенцы и, наконец, просто путешественники и проезжие, — вот категории русских людей, оказавшиеся застигнутыми 24-го июля прошлого года в пределах враждебной нам двуединой монархии объявлением Австрией войны России.

С момента ультиматума, предъявленного Австрией Сербии, угроза европейской войны уже висела в воздухе. Это отлично понимали австро-германцы и с этого момента почти совершенно прекратилась деятельность Венского генерального консульства по визе иностранных паспортов — вместо 35–45 паспортов, ежедневно визируемых в летние месяцы, просили визу 2–3 лица, преимущественно военные, неизвестно с какой целью стремившиеся в столь тревожное время в пределы нашей страны.

В то время как иностранцы прекратили поездки в Россию, наши соотечественники с непонятной беспечностью все продолжали прибывать в пределы Австрийской империи, и так до самого дня объявления Австрией войны России. Даже открывшиеся за не-

делю до того военные действия между Германией и Россией не уменьшили значительно притока русских через австрийскую границу.

Генеральное консульство тем из русских, которые являлись в его канцелярию, старалось советовать, ввиду осложнявшихся событий, не слишком задерживаться в австрийских пределах и направляться, если не в Россию, то, хотя бы, в Швейцарию или Италию. С момента же объявления австро-сербской войны, когда вмешательство России казалось неизбежным, генеральное консульство, решив взять на себя немалую в том ответственность, всем проезжим русским самым настойчивым образом советовало, прервав дальнейшее путешествие, с первым же отходящим поездом возвращаться обратно в Россию. С этого же момента оно начало выдавать и пособия на обратный проезд тем лицам, которые в том нуждались. Благодаря этому за период десяти дней до официального разрыва наших сношений с Австрией многим сотням наших соотечественников удалось избежать ужасов вражеского плена.

В день разрыва между Австрией и Сербией защита интересов подданных этой последней страны была поручена русским дипломатическим и консульским представителям. Защита эта оказалась, впрочем, весьма проблематичной, ибо вследствие натянутости отношений австрийские власти не обращали должного внимания на заявления и протесты в пользу сербов; к тому же не прошло и нескольких дней, как и русские подданные очутились в том же беззащитном положении.

На сербов по всей Австрии со дня объявления войны была устроена форменная облава; за ними охотились и в домах, и на улице, немедленно арестовывали и заключали в тюрьмы, так что через 2–3 дня на свободе ни одного серба, кроме их жен и детей, не оказалось.

Из полученных от императорского посольства 5 000 кр[он] генеральное консульство начало выдавать пособия сербам, которые почти без исключения оказались нуждающимися. Не только канцелярия генерального консульства и ведущая к ней лестница, но и обширный двор посольства были в продолжение трех дней наполнены тысячами сербов, из коих одни просили помощи, другие спасались от полицейских облав; с ними были их жены, дети и пожитки, так что двор посольства представлял из себя не то цыганский табор, не то палубу эмигрантского парохода. При плохом понимании сербского наречия, переговоры с этим людом были весьма затруднительны, но генеральное консульство все же, чем могло, удовлетворяло просителей. Лишь в последние дни сербский в Вене посланник откомандировал в распоряжение генерального консульства одного из своих секретарей, что, конечно, много облегчило переговоры.

Здание императорского посольства было окружено, и все прилегающие к нему улицы были заняты, якобы для нашей безопасности, огромными, в несколько сот человек, нарядами пешей и конной полиции. Со второго же дня австро-сербской войны всех сербов, зачастую же и русских, выходивших из зданий посольства, тут же в воротах полицейские схватывали и куда-то уволакивали. Вследствие этого громадная, находившаяся в ограде императорского посольства, толпа сербов страшно волновалась и не решалась уходить. На все увещания чинов генерального консульства сербы упрямо твердили, что здания посольства они не покинут, решив сесть в нем «в бест». Спрошенный мной, командовавший полицейскими нарядами офицер, весьма неохотно объяснил мне, что ему приказано арестовывать всякого, выходящего из здания русского посольства серба. Так и продолжалось до вечера, когда я решился поехать для объяснений к начальнику венской полиции, а в случае нужды — и к министру внутренних дел.

Начальник полиции, к которому я обратился от имени императорского посла, указав ему на всю непристойность и недопустимость совершения арестов в самых воротах российского посольства, заявил мне, что сербов арестовывают, будто бы, лишь временно для того, чтобы они могли в главном полицейском управлении дать нужные о себе сведения. Он согласился на мое предложение уговорить сербов добровольно без конвоя отправиться для дачи показаний в главное полицейское управление и дал мне слово, что их никто не тронет, но просил меня устроить так, чтобы, во избежание народных демонстраций, сербы шли не сплошной толпой, а отдельными небольшими группами.

Ввиду того, что заполнявшие двор посольства сербы стояли там с раннего утра до позднего вечера, генеральному консульству пришлось послать за провизией, чтобы накормить хотя бы самых голодных. После сего мне с весьма большим трудом удалось уговорить сербов покинуть посольскую ограду, на что они согласились лишь при условии, если я лично выведу их за полицейский кордон.

Впоследствии оказалось, что, несмотря на обещание полицейских властей, всех сербов арестовали чуть ли не за первым же углом.

На следующий день в генеральном консульстве не было уже ни одного серба-мужчины, но пришла толпа плачущих сербских женщин и детей, объяснивших, что все мужчины арестованы, они же очутились без крова и пищи, так как все имевшиеся деньги остались в руках их заточенных мужей. Генеральное консульство на этот раз несколько помогло им, но мне пришлось, по поручению и от имени императорского посла, посетить австрийского министра внутренних дел, чтобы попросить последнего немедля распорядиться предоставлением нескольких железнодорожных вагонов для сербских женщин и детей на предмет отправки их кратчайшим путем в Сербию, объяснив министру, что императорское правительство, взяв на себя защиту интересов сербских подданных, готово оказать некоторую денежную поддержку при их водворении на родину, но что расход по содержанию сербских женщин и детей в пределах Австрии должен падать на австрийское правительство.

Министр меня немедленно принял, хотя и держал себя, вопреки своего обыкновения, весьма холодно и свысока. Предоставление вагонов для водворения сербов, — сказал он мне, — есть дело военных властей, и его в настоящее время уже не касается, относительно же содержания бесприютных женщин, то, по объяснению министра, они могут обращаться в городские магистраты, которые будут им выдавать пособия, насколько это будет возможно по удовлетворении нужд неимущих австрийских подданных. Все это, конечно, были лишь отговорки, но настаивать, ввиду натянутости отношений, было бесполезно.

Явившимся в Венский магистрат сербкам было в пособии отказано за неимением соответственного предписания министерства внутренних дел.

На смену осаждавшей генеральное консульство толпы сербов начали в усиленном количестве появляться наши соотечественники, обеспокоенные слухами о предстоящей войне.

Следует отметить, что, по случаю летнего времени, генеральному консульству пришлось в эти трудные дни работать при минимальном своем составе. Хотя телеграммой императорского посла все чины наших в Австрии учреждений были вызваны к своим постам, но по недостатку времени они не могли уже прибыть к местам своего служения или прибыли в тот самый день, когда нам пришлось покинуть Вену. Так генеральный консул, бывший в отпуске, доехав до границы, вынужден был за прекращением движе-

ния вернуться обратно, один из нештатных секретарей и канцелярский служитель прибыли в Вену лишь в день отъезда. На лицо из всего состава были лишь двое: вице-консул и один из нештатных служащих; даже временно заменявший отсутствовавшего канцелярского служителя австриец и тот, призванный мобилизацией, должен был покинуть свои занятия.

Начались повсеместные аресты русских. Начались они со дня объявления войны России Германией, т.е., когда официально мы находились еще в полном мире с правительством двуединой монархии. Так, в Вене арестован был журналист, сотрудник «Нового Времени», Янчевецкий, в Карлсбаде — жена другого журналиста — Звездича. Об арестах императорское посольство и генеральное консульство узнавало стороной, ибо свои аресты полиция держала в большом секрете. Протесты императорского посольства цели уже не достигали, австрийские власти или оставляли их без ответа, или же давали стереотипные объявления, что арестованный подозревался в шпионстве или же арестованный подходит под категорию «нежелательных иностранцев», ссылаясь на суверенное право всякого государства выселять из своих пределов нежелательные иностранные элементы.

Русские в панике хлынули в генеральное консульство. Наплыв их был столь велик, что, хотя, канцелярия генерального консульства за последние десять дней была открыта с 8 часов утра до 10 часов вечера без перерыва, удовлетворить в тот же день всех просителей не представлялось физически возможным. Толпа наших соотечественников в столь огромном количестве и столь тесно осаждала помещение генерального консульства, что, когда мне для частных переговоров с императорским послом приходилось покидать канцелярию, я мог это делать, лишь выбираясь через окно во двор и должен был тем же путем и возвращаться.

Всем неимущим, желающим возвратиться в Россию, выдавались генеральным консульством талоны на получение на вокзале Северной дороги билетов до русской границы. Вначале билеты выдавались до ближайшего пограничного пункта — Граница, но в последние дни многие десятки лиц, отправленных содействием генерального консульства, возвратились в Вену; им, не доезжая до границы, объявили, что путь закрыт из-за взрыва пограничного моста.

На мой запрос в министерстве путей сообщения, какие пограничные с Россией пункты свободны для отъезда наших подданных, министерство ответило, что единственным свободным путем является дорога на Волочиск. Несмотря на значительное увеличение проездной платы, генеральное консульство начало отправлять русских по этому направлению, но в день отъезда посольства из Вены несколько сот человек, поехавшие на Волочиск, вернулись в генеральное консульство, объявляя, что их довезли до Кракова, там обыскали и, подвергнув допросу, объявили, что путь на Волочиск закрыт. Кто имел средства, тот вернулся, многие же, за неимением денег, застряли в Кракове. Всем этим лицам была оказана генеральным консульством известная помощь, но об дальнейшей их участи печься оно более не могло, ибо в тот день само покинуло Вену.

Императорский посол рассчитывал увезти в посольском поезде несколько десятков русских, и был составлен особый список лиц, за безобидность коих (с австрийской точки зрения) посольство могло ручаться. Список этот был представлен в австро-венгерское министерство иностранных дел и двора; последнее, вычеркнув лишь несколько лиц (в числе коих жену журналиста Янчевецкого), приняло список, заявив, что не встречает препятствий к отъезду означенных в нем лиц. Тем не менее к моменту отъезда персонала

императорского посольства и генерального консульства полиция задержала всех, помещенных в вышеозначенном списке лиц, так что в одиннадцати вагонах посольского поезда, рассчитанного на венскую нашу колонию, кроме состава императорского посольства и генеральных консульств в Вене и Будапеште удалось увезти лишь четырех человек соотечественников — начальника одной из кавказских наших дорог с женой, одну русскую даму и сельского священника одной из наших пограничных с Австрией губерний. Последнего я два дня укрывал в канцелярии генерального консульства, где он и ночевал.

В качестве примера, как поступала полиция, дабы не допустить отъезда русских с посольским поездом, приведу случай с одним московским семейством. Семейство это, по-видимому, из богатой купеческой среды, в количестве около 15 человек, считая домашнего врача, гувернеров, гувернанток и прислугу, выехало при первых тревожных слухах на своих автомобилях из Мариенбада на русскую границу. Доехали они до Кракова, где у них отобрали автомобили и всех заперли в тюрьму, перевезли их затем в Львов, где, продержав два дня в тюрьме, отпустили с наказом ехать в Вену и явиться там в полицию. До явки в полицию семейство прибыло в генеральное консульство и рассказало мне о своих злоключениях. Успокоив их, насколько мог, я им обещал возможную при данных обстоятельствах помощь и взял адрес их отеля.

На следующий день, переговорив с императорским послом, я сообщил им по телефону, что посол возьмет их всех в посольский поезд и что они уже занесены в соответствующий список. Радостей москвичей не было конца, но когда я через полчаса хотел получить от них какие-то дополнительные сведения, то мне из отеля сообщили, что русское семейство только что уехало в Россию. Этот ответ был тем более нелеп, что не только в Россию, но куда бы то ни было пассажирское движение было уже два дня как прекращено. На запрос в полицию ответ был, что семейство выбыло «неизвестно куда».

Деятельность генерального консульства за последние перед войной дни не ограничивалась одним водворением русскоподданных на родину с выдачей билетов и пособий. Среди русских встречалось не мало людей состоятельных, имевших при себе тысячные аккредитивы и большие суммы русских бумажных денег, но ввиду прекращения банками платежей по аккредитивам и чекам и при размене русских денег по курсу, доходившему по 90 крон за 100 р., а в последние дни и совсем прекратившемуся, — этим людям пришлось обращаться к содействию генерального консульства.

Не считая возможным назначить какой-нибудь произвольный курс рубля, генеральное консульство с одобрения императорского посла и даже с письменного его предписания, организовало размен русского рубля по паритету, установленному циркулярами МИД для расчета консульских пошлин — 1 р.=2 к[роны] 54 г[еллера]. В начале генеральное консульство меняло какие угодно суммы до 500 р. включительно, но вскоре пришлось убедиться, что размен по столь высокому, по тем временам курсу, имеет свою оборотную сторону и меняемая на каждое лицо сумма была ограничена 100 рублями, затем 50 и, наконец, 25 рублями. Дело в том, что местные евреи, узнав, что мы хорошо меняем рубли, начали в генеральное консульство подсылать русских своих единоверцев менять большими суммами рубли, вымененные у наших же соотечественников по невозможно низкому курсу.

Видя, что подобные злоупотребления, несмотря на уменьшение меняемой суммы не прекращаются, генеральному консульству пришлось самым решительным образом пригрозить прекращением для евреев всякого размена вообще, тогда сами же русские евреи выгнали из своей среды пособников венских менял.

Всего генеральным консульством за предшествовавшие войне дни было разменено, выдано заимообразным и безвозвратными пособиями и железнодорожными билетами около 30 000 крон.

Этими действиями и ограничилась в критические дни деятельность венского генерального консульства. Все прочие консульские действия за физической невозможностью их исполнения пришлось прекратить; так отказывалось в визе австрийских и германских паспортов, так и в легализации актов и документов, особой спешности не представлявших.

В последние дни почта ежедневно доставляла со всех концов Австрии груды писем и телеграмм наших соотечественников, сообщавших об арестах, просивших защиты и помощи, справлявшихся о достоверности слухов о предстоящей войне и т.д. К великому сожалению, большое количество этих писем и телеграмм пришлось, за недостатком времени по случаю отъезда, оставить без ответа.

Хотя генеральному консульству и удалось содействовать возвращению большого количества русских людей на родину, но, увы, едва ли не большее количество наших соотечественников пришлось оставить, главным образом в провинции, а австрийском пленении, препоручив заботу о них испанскому королевскому посольству в Вене.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 52–59.

89. ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА РОССИИ В ДАНИИ К.К. БУКСГЕВДЕНА В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 347 *26 января 1915 г.*

В день объявления Германией войны России императорская миссия состояла из императорского посланника, шталмейстера высочайшего двора, барона К.К. Буксгевдена, первого секретаря, барона М.Ф. Мейндорфа и письмоводителя, исправлявшего должность второго секретаря, Е.К. Гнотовского. Вскоре командированы были Министерством иностранных дел в распоряжении императорского посланника и на усиление миссии б[ывший] первый секретарь императорской миссии в Штутгарте И.П. Дмитров и консул наш в Бреславле барон Э.О. Шиллинг, и нанята была переписчица — датчанка.

Застигнутые войной в Германии русские подданные бросились главным образом в Данию, ибо через нее проходил тогда единственный верный путь в Россию. Прямое сообщение на Швецию через Сассниц-Траллеборг установилось значительно позже и то с перерывами, вследствие появлявшихся от времени до времени там подводных лодок и плавучих мин.

Без багажа, без денег, без документов, измученные и часто избитые, родители без детей, жены без мужей, больные физически и морально — в таком виде попадали сюда наши соотечественники. Принятые гостеприимно народом, они все же переполнили столицу Дании и вызвали понятную тревогу у местного правительства, которое, надо отметить, приняло меры, чтобы облегчить нам до известной степени выпавшую на нашу долю задачу.

Миссией немедленно было достигнуто соглашение с королевским Министерством иностранных дел, по которому императорский посланник принял на свою ответственность всех русских беженцев, вопреки местному закону о неимущих иностранцах, в обыкновенное время требующему по крайней мере наличности известной суммы на пропитание.

С первых же дней войны императорская миссия широко раскрыла свои двери, с первых же минут она не переставала ежедневно с утра и до поздней ночи принимать, распределять и направлять наших путешественников, заполняющих не только приемные и передние, но даже и часть служебных комнат канцелярий миссии. Получив, таким образом, возможность передохнуть в Копенгагене, наши соотечественники могли приготовиться к дальнейшему пути более спокойные, ободренные и осведомленные.

Наблюдая за деятельностью подведомственного миссии генерального консульства, которая была выше всяких похвал, и оказывая ему всякое содействие, а также направляя состоящее при церкви попечительство — в деле помощи нашим беженцам, миссия не переставала исправно нести свою обыденную работу и срочно выполнять все свои обязательства и обязанности.

В деле помощи русским подданным в связи с военным временем, кроме вышеизложенного, императорская миссия с первых дней и поныне не прекращает усиленную, специальную работу по следующим отделам:

1) Розыск лиц, по тем или другим причинам оставшихся в Германии или Австро-Венгрии и отчасти в Бельгии, справки о здоровье и материальной стороне, установление связи задержанных в названных странах с родственниками в России, по просьбам последних, по предписаниям Министерства иностранных дел, дипломатическим путем через испанских представителей, частным путем через частных лиц датских подданных и прямыми сношениями наших нештатных агентов, а также путем подробного опроса проезжающих русских, — последнее в том только случае, если моральное состояние наших путешественников допускало обращение к ним вообще с какими бы то ни было вопросами. Помимо канцелярии миссии императорский посланник лично состоял в постоянной переписке с задержанными русскими подданными в Ростоке, Гамбурге, Сасснице, Бад-Наугейме, Бад-Гомбурге, Лаубахе, Дрездене, Берлине и т.д.

2) Требования миссии у германского правительства через испанских представителей об освобождении незаконно задержанных, повторные требования того же и неоднократная проверка исполнения сих требований, как германским правительством, так и испанскими представителями, расследование причин неисполнения наших требований и поручений, и попутное осведомление императорского министерства обо всем производящемся по сим делам (свыше 20 000 имен, по которым требовалось иногда по несколько канцелярских исполнений).

3) Переводы денег за границу по предписаниям императорского министерства для задержанных русскоподданных и для военнопленных. (Через императорскую миссию до сего времени прошло переводов на общую сумму, обозначенную в приложениях № 1 и 2[1]).

4) Установление связи с военнопленными на предмет удовлетворения их домашних нужд, устройства частных их дел в России, а также передачи в обе стороны всякого рода документов, медицинских свидетельств и пр.

5) Ходатайства и устройство у главнейших датских банкиров оплаты кредитивов русских подданных, выданных не на их корреспондентов, и различных государственных бумаг под возможным контролем миссии.

6) Исполнение всех вообще ходатайств частных лиц русских подданных и передача частных писем пакетов и пр. Просмотром пакетов и цензурой частных писем, пересылкой и отправкой оных в обе стороны любезно занимались супруга нашего военного агента в Бельгии, С.Н. Потоцкая, и супруга задержанного в Ростоке камер-юнкера высочайшего двора, М.К. Кизельбаш, при содействии письмоводителя миссии Е.К. Гнотовского. Ежедневные отправления частных писем и пакетов достигали ежедневно колоссального числа, а потому ныне не поддаются учету.

7) Розыск багажа. Переписка, руководство и контроль местной транспортной конторы Адамс Экспресс К° в ее деятельности по розыску багажа и вещей задержанных и вообще русских подданных.

8) Пересылка имущества убитых и умерших воинов.

9) Привлечение пожертвований на Красный Крест вещами и деньгами.

Состоящее при церкви императорской российской миссии попечительство о бедных русских подданных в Дании под почетным председательством императорского посланника, в составе — священника Иоанна Щелкунова, членов миссии и некоторых датчан с самого начала войны, объявленной Германией России, деятельность свою организовала следующим образом:

1. Открыло, с любезного разрешения местных властей, в здании городского училища временный приют для русских путешественников и оборудовало его на свой счет, исходатайствовав для сего отмену всяких на сей предмет формальностей.

2. Размещало в копенгагенской богадельне по 400 человек русских и заменяло их постепенно новыми путешественниками, по мере выбытия первых.

3. Размещало в приюте «Армии спасения» значительное число русских подданных, с постепенной заменой их новыми прибывающими.

4. Устроило содержание части беглецов за счет города Копенгагена.

5. Устроило неимущим путешественникам бесплатные обеды от «Общества кухни датских женщин».

6. Привлекало частных лиц к пожертвованию платьем, бельем и пищей.

7. Привлекало частных лиц к денежным пожертвованиям (г-н Вольф; церковные служащие; лица, пожелавшие остаться неизвестными и др.).

8. Привлекло местную еврейскую общину, которая пожертвовала на подачу первой помощи русским беженцам из Германии, без различия вероисповедания, до 50 000 крон, образовав в свою очередь «Русский комитет помощи», во главе с местным купцом г-ном Мельхиором и обер-раввином Шорнштейном.

9. Разместило русских путешественников в частных домах и бесплатно.

10. Помещало в гостиницах, ходатайствуя об оказании путешественникам кредита.

11. Постоянно обращалось к местным властям за всякого рода справками для путешественников и привлекало их к устройству русских подданных и днем, и ночью.

12. Давало справки о дальнейшем путешествии в Россию, печатало всевозможные сведения для наших соотечественников и вывешивало таковые на вокзалах, пристанях, в гостиницах, в императорской миссии и генеральном консульстве.

Попечительство затрудняется в настоящее время точно определить число проехавших через Данию русских подданных беженцев из Германии, коим вместе с тем, оказана была та или [иная] помощь. Статистика отмечает только то, что все поезда ж. д., не только нормального расписания, но и дополнительные, а также отправляемые по ходатайствам попечительства, были постоянно переполнены, и что в течение первых 20 дней по объяв-

лении нам войны через ст[анцию] Гедсер проехало до 4 000 русских подданных; большая же часть наших соотечественников прибывала в Копенгаген через ст[анцию] Вамдруп, через нее же направлялись и дополнительные поезда. Местные полицейские списки упоминают около 30 000 русских подданных, проехавших через Копенгаген с начала войны, прибывая из Германии и частью из Англии, но не обозначают точно, куда именно эти русские отбыли. Можно предполагать, что большая часть их, конечно, направилась в Россию, другая же часть вернулась в Англию или осталась в нейтральных странах [...][2].

Ф. 181, оп. 830, д. 1036, л. 1–6. Черновой экз. Рус. яз.
Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 76–80.

[1] Не публикуются.
[2] Далее следуют денежные отчеты миссии в Копенгагене по оказанию помощи российским подданным.

90. ОТЧЕТ СЕКРЕТАРЯ КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В ПРАГЕ М.В. КАЗАНСКОГО[1]

28 января 1915 г.

Выехав 25 июля 1914 г. из Праги по случаю открытия военных действий и прибыв 30 июля в Берн, я получил от императорского посла в Вене Шебеко разрешение возвратиться в Петроград.

На пути следования в Россию, в Ньюкастле 7 августа я был поставлен в известность императорским консулом в означенном городке Е.А. Будкевичем о полученом им для меня распоряжении г-на товарища министра иностранных дел, гофмейстера Арцимовича явиться к императорскому посланнику в Христиании для получения дальнейших инструкций.

Распоряжение это было мной исполнено в день приезда моего в Христианию, 11 августа 1914 г., причем по приказанию императорского посланника я был временно прикомандировал к императорской миссии для усиления ее личного состава. Начиная со следующего по прибытии дня я работал в канцелярии миссии, занимаясь текущей перепиской, а равно и отдельными поручениями, даваемыми мне посланником.

Распоряжением Министерства иностранных дел, изложенным в телеграмме г-на товарища министра от 17/30 августа 1914 г. за № 5590, я был командирован в Берген для выдачи пособий и оказания содействия проезжающим через означенный городок русским подданным, причем от императорского посланника перед отъездом получил нижеследующую инструкцию от 17 августа 1914 г. за № 557:

Коллежскому ассесору М.В. Казанскому

Распоряжением Министерства иностранным дел, изложенным в телеграмме г-на товарища министра от 17–30 августа с.г. за № 5590, Вы прикомандированы к вице-консульству в Берген с возложением на Вас раздачи пособий нуждающимся русскоподданным, возвращающимся из Западной Европы через Берген в Россию, и вообще для оказания содействия проезжающим через Берген русским.

Императорской миссией послано почтовым переводом в Берген вице-консулу Граану для раздачи пособий русскоподданным 9–22 августа с.г. 2 000 крон, о получении коих Граан прислал в миссию 5 расписок на сумму 105 крон.

По прибытии Вашем в Берген благоволите получить от Граана 1 895 крон с зачетом в эту сумму расписок русских, коим сделаны были выдачи после 11/24 августа; расписки эти благоволите заказным письмом доставить в миссию при Вашем донесении.

После этого раздача пособий поступает всецело в Ваше заведывание, причем предлагаю Вам руководствоваться следующими правилами.

1) Выдача должна производиться под расписку с дубликатом.

2) На расписке должно быть обозначено, выдана ли сумма безвозвратно или заимообразно.

3) Пособия должны выдаваться на проезд от Бергена только до Христиании в размере не свыше 30 крон на каждое лицо.

4) О выдаче пособий должна быть сделана отметка на паспорте или другом каком-либо документе, удостоверяющем личность получателя.

5) Благоволите ежедневно сообщать в миссию заказным письмом количество выданных в течение месяца сумм с приложением именного списка получателей пособий и приложением по одному экземпляру расписок.

6) На расписках должно быть отмечено звание, имя и отчество получателя, с обозначением места, времени и № выдачи паспорта, а также места жительства получателя в России.

7) Нуждающимся русским, принужденным остаться по уважительным причинам в Бергене, Вам разрешается давать пособие, не превышающее действительную потребность.

Посланник: (подп.) С. Арсеньев

Во исполнение означенной инструкции по прибытии 19 августа 1914 г. в Берген, я принял от местного русского нештатного вице-консула Граана находившиеся в его распоряжении суммы в размере 1895 крон и того же числа сообщил о своем прибытии и о принятии сумм императорскому посланнику.

1

В первые дни моего пребывания в Бергене приток русских беженцев, возвращавшихся из Швейцарии, Франции и Англии по случаю открытия военных действий, был довольно значителен. Ежедневно из портов Англии — Ньюкастла, Глазго и Литта прибывало 2–3 парохода, привозивших до 150 русских подданных.

Ввиду бедственного положения многих из прибывающих в Берген русских, незнания ими местного языка, местных обычаев и порядков, я лично являлся на каждый прибывающий пароход, справлялся у капитана о приблизительном количестве прибывших русских путешественников и по мере сил и возможности оказывал им содействие и помощь. Большие услуги оказывал мне в этом деле проживающий несколько лет в Бергене, русский подданный, купец 2-ой гильдии А.Б. Лифшиц, прекрасно владеющий норвежским языком и в совершенстве знакомый с местными условиями. Он добровольно и безвозмездно предложил мне свои услуги в качестве переводчика, чем значительно облегчил мне мою задачу, а русским беженцам переговоры с носильщиками, извозчика-

ми, взвинчивавшими плату за свой труд, а равно с пароходными и железнодорожными служащими.

Главным неудобством для русских путешественников прибывающих в Берген, было запаздывание пароходов, не поспевавших к последнему вечернему поезду, идущему на Христианию, почему естественно, возникал вопрос о ночлеге.

Через 2–3 дня по приезде в Берген ко мне в консульство явился местный полицмейстер Флуд, который предложил от имени Бергенского благотворительного общества помещение для русских эмигрантов. Ознакомившись с предложенным помещением, я нашел его не удовлетворяющим самым примитивным требованиям гигиены и комфорта. Все помещение заключалось в одной большой комнате, на полу коей лежало 60 соломенных матрацов. В этом приюте не только нельзя было устроить раздачу горячей пищи или чая, но даже не было воды для умывания.

Ввиду сего вопрос о ночлеге был решен мной следующим образом: прибывающих русским подданным, в случае не знания ими местных гостиниц, я рекомендовал три категории таковых: 1) лицам состоятельным, путешествующим на свой счет, я советовал первоклассный бергенский «Hotel Norge»; 2) лицам, привыкшим к комфорту, но ограниченным в средствах или едущим на пособия, полученные от русских консульских учреждений, я рекомендовал весьма удобную и прекрасно обставленную гостиницу (Hotel Hospitset), устроенную миссионерским обществом и, наконец, 3) ремесленников, рабочих и матросов я устраивал в выбранной мной гостинице II-го разряда «Hotel Royal» на полном пансионе, обходившемся в сутки от 2½ до 3½ крон.

Состав русских, возвращавшихся на родину через Берген, был довольно смешанный. Ехали лица самого разнообразного общественного положения. Главный контингент составляли коммерсанты, студенты заграничных университетов, ремесленники и моряки. По национальностям преобладали евреи и поляки. Настроение русской публики, прибывавшей на пароходах из Англии, особенно в первые дни моего пребывания в Бергене, нельзя было назвать спокойным. Опасности морского переезда, сопряженного с возможностью наскочить случайно на германскую мину, в связи с почти полным отсутствием комфорта на маленьких и грязных норвежских пароходах бергенской пароходной компании «Bergens Damskibselskab» и наконец, отсутствие у многих русских средств для дальнейшего путешествия, — все это создавало у русской публики несколько повышенное настроение.

С октября месяца минувшего года приток русских в Берген начал ослабевать, в ноябре же проезжало через означенный город в среднем 5–10 человек ежедневно, причем ехали люди более обеспеченные.

Общая цифра русских беженцев, проследовавших из Западной Европы через Берген в Россию за три месяца, считая с 20 августа по 20 ноября, достигала примерно 2 000 человек, из коих приблизительно одна пятая часть воспользовалась мной выдаваемым пособиями. О возможности получить таковые я сообщал русским путешественникам перед оставлением ими парохода причем, в независимости от времени прибытия сего последнего, я назначал время и место выдачи пособий.

Если погода во время минувшего морского переезда была благоприятная, и русские путешественники выражали желание продолжать путь далее, а до отхода поезда оставалось 2–3 часа, то пособия на проезд выдавались мной на вокзале, причем, когда это требовалось, я принимал меры к облегчению приобретения билетов на станции, а иногда и для посадки русских в вагоны. Если же пароход приходил незадолго до или после отхода вечернего поезда, то я помогал русским пассажирам устраиваться в гостиницах

вышеупомянутых трех категорий и выдавал пособия в этих гостиницах после того, как русские успевали отдохнуть от неприятной морской качки. При таком способе выдачи пособий, почти никому из путешественников не приходилось искать консульство для получения денег на дальнейший путь, и избегалась неприятная необходимость ожидания в тесном помещении нашего нештатного бергенского вице-консульства. На случай, однако, если бы русские путешественники пожелали обратиться за советом, денежной или иной помощью в канцелярию консульства, я находился ежедневно в канцелярии от 10 до 2 часов дня, а нередко и от 4 до 6 часов вечера. Если же я был занят после двух часов для встречей парохода или другими делами, ввиду возможности обращения русских в эти часы за деньгами для продолжения путешествия, я поручал нештатному вице-консулу выдавать в мое отсутствие путевые пособия под расписки, причем должен заметить, что таких случаев было весьма немного, не более 20 пособий в месяц. Должен заметить, что русский нештатный вице-консул Граан всегда оказывал мне содействие в моей деятельности, если в том встречалась необходимость.

Размеры отдельных выдаваемых мной пособий в большинстве случаев не превышали цифры, указанной в данной мне посланником перед отъездом из Христиании инструкции, а именно 30 крон на человека. Лицам, ехавшим безостановочно до Стокгольма, я, основываясь на данном мне словесном и позднее письменно подтвержденном распоряжении посланника, выдавал до 60 крон. Были, однако, единичные случаи, когда приходилось выдавать до 100 и даже до 150 крон на одно лицо.

При выдаче пособий мной всегда принималось в соображение потребности отдельных лиц в связи с их имущественным и общественным положением; учитывалась возможность непредвиденных расходов в пути, а также вероятность возврата полученных денег казне.

В основании для моих расчетов я клал нижеследующие цены билетов III и II класса:

До Христиании	III класс	14 кр[он] 20 эре	II кл.	23 кр[он]	30 эре.
—« — Стокгольма	III —« —	26 —« —	II —« —	41 —« —	60 —« —

К означенным суммам я прибавлял стоимость спальных мест (III кл. 3 кр[он], II кл. 5 кр[он] 35 эре), стоимость пансиона в рекомендованных мной отелях (2 ½—7 кр[он] в сутки), а также примерно вычислял возможные суточные расходы в пути (3–10 крон).

Сделав примерный расчет для каждого отдельного лица, я спрашивал, довольно ли означенное лицо сделанным ему расчетом и нуждается ли оно в чем-либо необходимом. Обыкновенно громадное большинство оставалось довольным размером выданного мною пособия. В единичных, однако, случаях приходилось выдавать дополнительную сумму в 10–15 крон на замену износившейся обуви и от 20 до 25 крон на приобретение в октябре и ноябре месяцах теплого верхнего платья для лиц, лишенных такового.

Большинство пособий было выдано мной заимообразно, так как я считал, что все, даже лица, не владеющие каким-либо имуществом, в состоянии возвратить выданное им от казны пособие. Исключения я делал лишь для лиц родом из разоренных или занятых неприятелем областей, для лиц, неспособных к труду и для потерпевших кораблекрушение.

За время пребывания моего в Бергене с 20 августа по 17 ноября 1914 г. мной израсходовано на оказание помощи русским беженцам всего 10 394 кроны 50 эре, причем пособия были выданы приблизительно 400 лицам.

Кроме главной обязанности — выдачи пособий нуждающимся русским подданным мне приходилось также заботиться и об их багаже. Большое содействие мне оказывал в этом вышеупомянутый русский купец Лифшиц, а с конца сентября месяца и образо-

вавшийся при Бергенском благотворительном обществе комитет помощи путешествующим иностранцам. Названный комитет высылал к каждому пароходу и поезду энергичную даму, предлагавшую свое содействие всем иностранцам, в том числе и русским. Услуги этой дамы, бесплатно и ревностно оказывавшей свое содействие, были особенно ценны в случаях подания помощи женщинам и детям, а также в попечении о багаже.

Благодаря заботам моих добровольных сотрудников, затерявшийся багаж почти всегда находился до отъезда его владельца из Бергена; о потере багажа русскими подданными при отъезде их из Бергена было мне заявлено всего два раза, причем, благодаря усилиям дамы из комитета и моим, в обоих случаях багаж был найден и отправлен владельцам по назначенным ими адресам; случаев полной пропажи багажа мне заявлено не было.

В первый месяц моего пребывания в Бергене много хлопот и расходов вызывал багаж неимущих русских эмигрантов, возвращающихся в Россию из Англии и Америки. Последние были убеждены, что в Норвегии, как и в Англии, их багаж будет провозиться бесплатно, а потому брали с собой все, что могли, до старой глиняной и металлической посуды включительно. По приезде в Норвегию, когда выяснилась необходимость платить большие суммы за багаж, эмигранты высказывали свое недовольство. Ввиду сего мной сделано было сношение с генеральным консульством в Лондоне и консульством в Ньюкасле, причем я просил, чтобы названные заграничные учреждения предупреждали русских эмигрантов о желательности ограничения размеров их багажа. Просьба эта была исполнена, и инциденты с багажом эмигрантов прекратились.

Наряду с подачей советов и помощи лицам, возвращающимся на родину, мне приходилось оказывать содействие русским подданным, отправляющимся в Англию.

Громадное большинство таких лиц ехало в Англию по делам службы или по различным поручениям от русского правительства. Моя помощь таким лицам выражалась в указании более удобных пароходов и времени отправления их, в задержании мест и кают и в удостоверении личности на предмет визы паспортов в английском консульстве для въезда означенных лиц в Англию [...][2].

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 118–124.

[1] М.В. Казанский был отозван из Праги в августе 1914 г. в связи с началом войны.

[2] Во второй части отчета дан обзор торгово-промышленной и политической жизни Норвегии.

91. ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

30 января 1915 г.
Весьма доверительно

По несомненным сведениям министерства, нашими противниками за последнее время прилагаются систематические усилия к раскрытию секретнейшей переписки, обмениваемой министерством с нашими посольствами и миссиями и, в частности, наших наиболее доверительных шифров. Раскрытие этих тайных материалов представляет, очевидно, при настоящих обстоятельствах совершенно исключительную опасность.

Вследствие этого возникла настоятельная необходимость обставить в наших заграничных установлениях охрану секретнейших документов и ключей возможно более действительным образом, не полагаясь на одни только принимаемые теперь меры, а перейдя к более верным и надежным. При этом надлежит иметь в виду обеспечение этих материалов не столько от покражи, сколько от кратковременной выемки, особенно в ночное время, для снятия с них фотографии.

В этих видах охрана секретнейших документов и шифров в наших посольствах и миссиях должна быть организована на следующих основаниях.

Материалы эти должны храниться в железных шкапах или безопасных комнатах, представляющих по своему устройству действительные гарантии от покушений. Двери этих шкапов или безопасных комнат должны быть снабжены усовершенствованными замками и при том несколькими (полезной может быть комбинация ключевых замков с алфавитными, причем последние применяются для закрытия ключевины). В случае сомнения в возможности покражи или подделки ключей от этих замков, последние надлежит безотлагательно заменять новыми. Шкапы или замки по возможности не должны быть ни германской или австрийской выделки, ни местного производства.

Никакие замки не могут, однако, сами по себе считаться достаточным обеспечением от выемки. Особенные заботы должны быть поэтому направлены на наблюдение, как днем, так и ночью, за помещениями, служащими для хранения секретнейших материалов в видах недопущения к этим помещениям посторонних лиц или лиц, не внушающих полного доверия. Единственно правильным началом в этой области должно быть признано замещение должностей канцелярских служителей исключительно русскими и притом представляющими серьезные гарантии благонадежности, и предоставление им достаточного материального обеспечения. Министерство озабочено в настоящее время подготовлением общей меры в этом смысле. Не дожидаясь проведения такой общей меры, я считаю, однако, необходимым ныне же снабдить русскими служителями те из наших посольств и главных миссий, в коих по отзыву начальников этих учреждений применение этой меры является неотложным. Лица для замещения должностей канцелярских служителей могли бы быть подысканы центральным ведомством, вопрос же об их содержании мог бы также получить надлежащее разрешение.

Руководствуясь вышеизложенным, благоволите телеграфировать мне, какие меры Вы считаете наиболее целесообразным принять по вверенному Вам учреждению для наилучшей постановки дела охраны наших государственных тайн и какие для этого потребовались бы расходы, и, в частности, сообщить мне Ваши соображения относительно канцелярских служащих.

Возлагая на Вашу личную ответственность организацию во вверенном Вам учреждении охраны секретных материалов, считаю в заключение долгом просить Вас взять на себя наблюдение за неукоснительным и точным исполнением одобренных Вами в этом отношении мероприятий.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и преданности.

Ф. 134, оп. 473, д. 28, л. 123–124 об. Копия. Рус. яз.

92. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В РУМЫНИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 134 *31 января 1915 г.*

Деятельность императорской миссии в Румынии по водворению на родину русских подданных, оказавшихся за границей при начале военных действий, выразилась:

1) в содействии и помощи лицам при следовании их через Бухарест;

2) в содействии и помощи лицам для выезда из пределов Австро-Венгрии.

I

Уже с первых дней начатия военных действий через Бухарест направились целые партии русских подданных. Сначала проезжали главным образом лица, имевшие личные средства, и из которых лишь у немногих иногда не доставало денег для того, чтобы доехать к месту назначения, — так что содействие миссии в отношении этих лиц выразилось преимущественно в облегчении им следования по румынской территории.

В этой области миссией были приняты ниже перечисленные меры.

а) Была выговорена от управления румынских железных дорог 50% скидка для всех русских подданных, следующих в Россию, с предоставлением большим партиям на тех же условиях целых вагонов.

б) Было установлено дежурство на вокзале служащих миссии ко времени прихода поездов направления Ниш — София — Бухарест и отхода поезда на Яссы — Унгени.

Лица эти, вначале причисленные к миссии, а позднее, когда дело наладилось, нештатные служащие и курьеры, озабочивались составлением списка едущих для приобретения общей льготной квитанции на проезд до Унгени, содействовали посадке в вагоны и сдаче багажа, а равно и объяснениям на вокзале.

в) При встрече лиц, приезжавших в Бухарест, им оказывалось содействие для остановки в гостинице, ввиду несоответствия поездов, а лица неимущие помещались в дешевые комнаты за счет выдаваемых им на следующий день казенных ссуд для дальнейшего следования.

г) Ссуды выдавались миссией, принимая во внимание интересы казны, которой, быть может, не всеми будут таковые ссуды возмещены, а также интересы самих получающих, не всегда отдающих себе в полной мере отчета в необходимости возмещения со временем ссуженных сумм, в пределах строгой необходимости, по расчету расстояния до места назначения и количества членов семейства, беря в соображение, конечно, и то оставалось ли у данного лица на руках, посколько это можно было выяснить, некоторое количество денег или нет.

Таковых ссуд, за время от 20 июля до 31 декабря 1914 г., было выдано на сумму 85 878 лей, по 975 распискам лиц ответственных, что должно составить с семействами не менее 1 500 человек.

Общее же число проследовавших через Бухарест и пользовавшихся теми или иными услугами миссии, за отсутствием регистрации, невозможно установить, но число это превосходит во много раз число лиц, прибегавших к денежной помощи со стороны миссии.

Деятельность в указанном направлении подведомственных миссии консульств выразилась в содействии консульств в Яссах и отчасти в Галаце при пересадке русских подданных, содействии, главным образом, при посадке в другие вагоны или на пароход, при перегрузке багажа и при объяснениях на вокзале и пристани.

Вице-консульству в Констанце не пришлось в этом отношении проявить своей деятельности, так как партии русских подданных, заходившие в названный порт на пароходах Р[оссийского] О[бщества] П[ароходства] и Т[орговли], следовали прямо на сих пароходах в Одессу из Варны или Константинополя, где снабжались пособиями на весь путь.

Консульство в Тульче и вице-консульство в Сулуне остались совершенно в стороне от пути следования русских подданных на родину.

II

В отношении выезда русских подданных из Австро-Венгрии деятельность миссии выразилась в следующем:

а) При посредстве миссии с самого начала войны шел обмен телеграммами между русскими, находящимися в Австрии (а первые шесть недель войны и в Германии), и их близкими в России, затем — вся переписка между этими лицами и, позднее, денежные переводы. При миссии было организовано специальное бюро, которое под флагом испанской миссии, ведало этими делами и через которое прошло по 31 декабря 1914 г. до 10 тысяч телеграмм в обе стороны и громадное количество писем, большая часть коих следовавшая из России, требовала цензуры, приходя на адрес российской и испанской миссий, минуя отечественную цензуру за очень редкими исключениями.

Более половины писем пришлось направлять за счет кредита, отпущенного миссии, и, основываясь на количестве закупленных марок, можно определить приблизительное количество прошедших через бюро писем, по 31 декабря — 12 тысяч, не считая неоплачиваемых писем обоюдных военнопленных.

Телеграммы первое время преимущественно также направлялись за счет кредитов миссии и лишь позднее, путем соглашения с местным телеграфом, удалось использовать все квитанции на уплачиваемые отправителями ответы, а равно путем сношения с испанским посольством в Вене сократить отправку за счет казенного фонда частных телеграмм, обусловив прием таковых бесплатно лишь тогда, когда податели находились в стеснительном материальном положении, или согласно сведениям, имеющимся у посольства, или по смыслу самих телеграмм, самого краткого при том содержания.

Денежные переводы и связанная с этим переписка и сношения с отправителями, а также розыск получателей и изыскание способов доставления им денег при переменах места жительства и неоднократном прекращении сообщений в восточных областях Австро-Венгрии — составляли также немаловажную отрасль деятельности указанного бюро.

б) Миссией в некоторых случаях посылались и ссуды русским, задержанным в Австро-Венгрии, когда высылка этим лицам денег из дому почему-либо запаздывала. Таких ссуд было выдано по 31 декабря на сумму — 8 тысяч лей.

в) Миссией, опять таки под флагом здешнего испанского представителя, велись все переговоры с испанским посольством в Вене и американским генеральным консульством в Будапеште, как по вопросу об освобождении наших заложников и вообще русских подданных, задерживаемых в Австро-Венгрии и о разрешении им выезда на родину, так и по разного рода нуждам этих лиц, с которыми, в свою очередь, велась и непосредственно обширная переписка, а равным образом и с их близкими в России.

Кроме того, в миссию поступали почти ежедневно почтовые и телеграфные запросы и из других мест — Италии, Швейцарии, Франции — относительно того, свободен ли путь следования через Румынию, при каких условиях он осуществляется и т.под., и запросы эти удовлетворялись наивозможно быстро со стороны бюро.

За все время, с начала военных действий по сей день, деятельность миссии в связи с водворением русских подданных, застигнутых войной в Австро-Венгрии, а также и в Турции, не вызывала, насколько миссии известно, ни малейшего неудовольствия со стороны кого-либо, — если не считать сетований на чрезвычайную медленность получения ответов, зависящих от Вены. Наоборот, как в частной переписке, так и в письмах, адресованных в испанскую миссию или в императорскую непосредственно, высказывалась неоднократно признательность за оказанную помощь и внимательное отношение.

Печат. по: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 127–130.

93. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В ШВЕЦИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

[январь 1915 г.]

Часть 1

Общие мероприятия

Общее положение при начале войны

В момент объявления войны Германией положение в Стокгольме было следующее:

Нормальное сообщение из Стокгольма с Россией на пароходах через Або было прекращено.

Последний пароход в Россию отошел из Стокгольма в субботу 19 июля/1 августа вечером, на котором вместе с массой других пассажиров отбыли в Россию наши представители на международной конференции о Шпицбергене д. с. с. Бентковский и Мадельштам. Уже на следующий день, распоряжением финляндского генерал-губернатора, порт Або был закрыт и доступ туда судов запрещен. Между тем количество прибывающих из Германии русских с каждый днем увеличивалось и было равно в течение первой недели после объявления войны в среднем 1 000–1 500 человек в сутки. Одновременно с началом войны между Германией и Россией в Швеции был объявлен мораториум, а банки были совершенно закрыты на три дня, но и после их открытия русские деньги довольно продолжительное время не принимались ни одним банком:

Вместе с тем в Швеции началась мобилизация, вследствие чего как движение по железным дорогам, так и подыскивание помещений для наших путешественников было очень затруднено.

Во время объявления войны личный состав миссии был следующий: посланник и два секретаря, а генерального консульства лишь генеральный консул (секретарь был в отпуске).

Между тем в это самое время велись весьма важные дипломатические переговоры со шведским правительством и происходил усиленный обмен шифрованных телеграмм между императорским Министерством иностранных дел и миссией в Стокгольме.

Тогда же ее императорское величество государыня императрица Мария Феодоровна, застигнутая войной за границей, проследовала в специально устроенном ей миссией поезде через Швецию и благополучно прибыла в Торнео 25 июля/7 августа.

Организация первого пути в Россию на Торнео

Когда, как указано выше, с началом войны обычное и единственное пассажирское сообщение с Россией через Або было прекращено, императорская миссия немедленно вошла в сношения со шведским правительством для устройства железнодорожного сообщения с Россией на Карунги-Торнео. Путем этим, как весьма долгим и неудобным, доселе почти никогда не пользовались. Однако миссии удалось настоять на быстром оборудовании сообщения по этому пути, и уже 20-го июля/2 августа вышел из Стокгольма первый поезд с нашими путешественниками.

Не располагая первое время никакими суммами для оказания денежной помощи прибывающим русским подданным и не имея даже возможности в течении первых дней получить из банков хранившиеся там деньги, императорская миссия вошла в соглашение с управлением шведских железных дорог о предоставлении бесплатного проезда по железной дороге до Торнео русским путешественникам. Кроме того, в распоряжение русских беглецов из Германии было отведено в Стокгольме бесплатное помещение в казармах, причем в нескольких местах (на станции прибытия) были организованы питательные пункты, где русских кормили и выдавали провизию на дорогу до русской границы бесплатно.

Так как среди прибывающих из Германии русских оказалось много больных, таковые прямо с вокзала отправлялись в больницу.

На помощь императорской миссии тогда же пришла шведская армия спасения и много частных лиц — шведов, принявших деятельное участие в попечениях и заботах миссии о проезжавших русских. Общее руководство означенными мероприятиями было возложено на одного из секретарей нашей миссии, по очереди, и на чиновника шведского Министерства иностранных дел, 2-го секретаря означенного министерства г-на Лилиевалька.

Затем по инициативе миссии и под председательством супруги посланника г-жи Неклюдовой был организован постоянный Русский комитет для оказания помощи русским путешественникам.

Второй путь в Россию морем на Раумо

Вскоре, однако, выяснилось, что количество прибывающих русских так велико, что отправлять всех путешественников в Россию по железной дороге на Торнео невозможно. Поэтому 25 июля/7 августа посланником Неклюдовым было созвано совещание при участии проезжавшего тогда через Стокгольм начальника Финляндских железных дорог, графа Берга, Эммануила Нобеля и представителей пароходных обществ как шведских, так и финляндских для установления пароходного сообщения с Финляндией через один из наших портов в Ботническом заливе. После соответствующих сношений с фин-

ляндским генерал-губернатором, порт Раумо в Финляндии был открыт для судоходства, и с этого времени началось правильное пароходное сообщение из Стокгольма с Россией через Раумо.

Таким образом с этих пор устанавливаются два пути в Россию: 1) по железной дороге на Торнео и 2) пароходное сообщение на Раумо, причем императорская миссия при отправке русских путешественников в Россию руководствовалась следующими соображениями:

Все официальные лица и, по возможности, мужчины от 17 до 45 лет направлялись сухим путем на Торнео, остальные же и, главным образом, женщины и дети морем на Раумо, вследствие возможности остановки пароходов, идущих в Россию, германскими военными судами.

Третий путь через Швецию на Гефле

Когда, кроме путешественников, прибывающих из Германии началось движение русских из Англии, Франции, Швейцарии, Америки и других стран через Швецию, был установлен еще один путь в Россию, а именно, из Сасница и Мальме русские путешественники направлялись, минуя Стокгольм, на Гефле, откуда на пароходах в Раумо. Организация этого движения была следующая. Прибывающих из Германии русских в Саснице встречал наш нештатный консул в Мальме г-н Томэ, откуда часть путешественников в специальных поездах отправлялась в Гефле, причем на станциях по дороге были устроены питательные пункты. В Гефле императорской миссией были командированы бывший наш вице-консул в Берлине г-н Павлович и г-н Вербицкий, частное лицо, весьма деятельно и самоотверженно работавший в деле оказания помощи русским путешественникам.

Остальная часть русских из Германии и все русские путешественники из других стран направлялись в Стокгольм, откуда уезжали в Россию или на Торнео, или морем на Раумо.

Когда выпуск русских из Германии был ограничен, движение на Гефле было приостановлено, и все путешественники направлялись через Стокгольм.

Вторичное прекращение морского сообщения с Россией

Наконец, после того как 24 ноября/7 декабря в Ботническом заливе взорвались три шведских парохода, наткнувшись на германские мины, сообщение с Россией морем было вновь прервано и остался единственный путь, и ныне существующий, сухим путем на Торнео.

Таковы общие мероприятия, предпринятые императорской миссией в Стокгольме по организации массового движения русских подданных через Швецию с момента объявления войны до конца 1914 года.

Часть II

Деятельность миссии и генерального консульства в самом Стокгольме

Со дня начала массового движения русских подданных через Стокгольм в императорской миссии и генеральном консульстве путешественникам давались подробные указания о дальнейшем путешествии в Россию, выдавались паспорта, ибо у многих таковые были отобраны в Германии, и оказывалась денежная помощь.

Выдача денег

Выдача денег была организована следующим образом. В первую очередь выдавались деньги тем русскоподданным, коим деньги были переведены из России родными и знакомыми (трансферты); но таковых, было лишь ограниченное количество, и большинство получало деньги заимообразно, из кредита, открытого миссии императорским правительством, причем многим не вся сумма выдавалась на руки, а лишь часть; другую же часть они получали в виде билета до русской границы, ибо были замечены злоупотребления: напр. некоторые, получив из миссии деньги для возвращения на родину, оставались жить в Стокгольме. О выдаче денег делалась отметка в паспорте получающего и отбиралась расписка.

Организация Русского комитета

Вскоре после начала массового движения русских через Швецию императорской миссией был организован Русский комитет для оказания помощи нашим путешественникам. Председательницей означенного комитета состоит супруга посланника Н.В. Неклюдова и членами: фрейлина В.В. Неклюдова, священник нашей церкви в Стокгольме отец Румянцев, швед г-н Стромберг и несколько дам, как из числа возвращавшихся из-за границы русских, так и из постоянно живущих в Швеции русских, вышедших замуж за шведов. Комитет этот имеет свое особое помещение в гостинице «Континенталь», находящейся против вокзала. Казначеем означенного комитета состоит помянутый священник Румянцев. Комитет действует под руководством и по указаниям миссии. Все прибывающие поезда с русскими встречаются членами комитета, причем путешественникам даются все необходимые указания, адрес миссии и генерального консульства, подходящие гостиницы, имеющие свободное помещение и т.д., больные отправляются немедленно в больницы (при комитет состоит специальный доктор). При прибытии больших партий рабочих из Германии или из Америки императорская миссия поручала членам комитета подыскать необходимое для них помещение, и затем вся партия отправлялась в Россию также при содействии комитета. Все это является особенно ценным в Швеции, где без знания местного языка весьма трудно добиться чего-либо.

Злоупотребления со стороны русских путешественников

Кроме того, Комитет часто оказывал миссии весьма ценные услуги в деле выяснения действительного материального положения путешественников, ибо, к сожалению, не раз бывали случаи, что обладавшие вполне достаточным количеством денег для возвращения в Россию путешественники все же являлись в миссию или консульство с целью получить субсидию, отнимая время у личного состава миссии и консульства и нередко заставляя ждать тем, которые были действительно в безвыходном материальном положении.

Не ограничиваясь оказанием помощи русским подданным в самом Стокгольме, таковое было организовано миссией и в нескольких других пунктах Швеции.

Оказание помощи в Саснице и Мальмё

Ввиду того, что прибывающие из Германии русские подданные, вступив на шведскую территорию, нуждались в немедленной помощи, нашему нештатному вице-консулу в Мальмё было поручено снабжать необходимыми деньгами, отправлять в больницы

на месте и устраивать тех, кто не мог, после перенесенных в Германии страданий, сейчас же продолжать путешествие до Стокгольма, причем несколько раз императорская миссия командирована в помощь названному консулу помощников из Стокгольма.

Устройство зимнего сообщения Карунги-Торнео

С наступлением холодов миссия командировала в Карунги (конечный пункт шведской железной дороги на севере) г-на Вербицкого для организации зимнего сообщения с Торнео для наших путешественников. В Карунги г-н Вербицкий устроил большое, хорошо отопляемое помещение, где русские получают чай с хлебом и снабжаются теплыми вещами для переезда в Торнео, ибо температура в этих местах доходит до 40°. Из Карунги русские подданные и их багаж на заранее приготовленных санях отправляются до русской границы в Торнео. Длина этого пути около 30 километром.

Кроме того, когда часть движения русских через Швецию совершалась на Гефле, в этом пункте было также организовано оказание помощи нашим путешественникам (об этом см. отчет бывш[его] вице-консула в Берлине Павловича)[1].

Ф. 159, оп. 743/1, д. 547, л. 17–19 об. Копия. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 141–146.

[1] См. док. № 68.

94. ДОНЕСЕНИЕ МИССИИ РОССИИ В ШВЕЙЦАРИИ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

[январь 1915 г.]

В конце июля 1914 года, вследствие начавшихся военных действий, в Швейцарию началось стечение русских, не успевших своевременно выехать в Россию. Среди наших соотечественников, буквально наводнивших Швейцарию и осаждавших миссию в Берне, появилось сначала всеобщее желание по возможности скорее вернуться на родину. Желание это для очень многих было невыполнимым вследствие отсутствия средств для путешествия. Как постепенно выяснилось, путем регистрации в миссии адресов русскоподданных, пребывающих в Швейцарии, число их достигло в августе 7–8 тысяч. В состав этой цифры входили разные группы лиц: большое количество полевых рабочих, высланных из Германии, студенты, больные, находившиеся на излечении в разных курортах Германии, Австрии и Швейцарии, туристы и, наконец, постоянная русская колония. Из всех этих лиц, главным образом, рабочие, часть студентов и туристы стремились вернуться в Россию, и миссия, отвечая настойчивым просьбам о водворении на родину и приняв во внимание острую нужду, вскоре сказавшуюся среди большинства застрявших здесь русских, возбудила перед министерством ходатайство об изыскании средств для проезда в Россию на льготных для пассажиров условиях. Вместе с этим миссия всячески старалась содействовать отдельным лицами, возвращавшимся в Россию, разменом денег на иностранную валюту, для каковой цели миссия мобилизовала всю имевшуюся в ее распоряжении свободную наличность,

представлением ссуд на путешествие и сообщением в периодической прессе сведений относительно возможности проезда в Россию. Когда 27-го августа н. ст. была получена телеграмма министерства, сообщавшая о намерении правительства взять дело водворения русскоподданных в свои руки[1], миссия немедленно сделала соответствующую публикацию в наиболее распространенных швейцарских газетах и таким же образом огласила содержание телеграммы от 30 августа, где сообщались подробные условия проезда на пароходе «Курск». Одновременно миссия уведомила наших консульских представителей о предложениях правительства и организовала запись на «Курск» в Берне, Женеве и Цюрихе. Запись на «Курск» сначала пошла довольно бойко, и в одном Берне записалось около 430 человек.

Для доставления путешественников в Геную миссия, по соглашению с федеральным правительством, организовала специальные поезда из Берна, Женевы и Цюриха до итальянской границы, откуда наши соотечественники, благодаря стараниям нашего посольства в Риме были отвезены специальным поездом в Геную. За день до отправления поездов миссия начала выдачу контрамарок на «Курск». При этом стало, однако, очевидным, что первоначальный порыв публики вернуться во что бы то ни стало на родину в значительной степени ослабел, и многие отказались от путешествия, вследствие продолжительности проезда морем, вследствие болезни или вследствие неполучения ожидаемых из дома денег. Многие лица при этом были настолько нерешительны, что, уже взяв из миссии контрамарки, возвращали таковые за час до отъезда поезда. В результате из лиц, записавшихся в Берне, выехали лишь 165 человек, а всего из Швейцарии на «Курске» выехало 566 пассажиров, вместо ожидаемых 1 400. Когда, таким образом, стало очевидным, что в Швейцарии осталось еще очень большое число русских, ожидавших случая вернуться на родину, миссия, основываясь на телеграмме гофмейстера Нератова, от 3-го сентября н. ст., снеслась с посольством в Риме относительно того, чтобы отложить отъезд, по крайней мере одного из пароходов добровольного флота, зафрахтованных нашим правительством для водворения соотечественников на родину до 21 сентября.

Одновременно миссия сделала в газетах публикацию, относительно условий проезда на этих пароходах, соответственно с телеграфными указаниями министерства от 4-го сентября н. ст.[2] и поставила в известность наших консульских представителей. Равным образом, немедленно была организована запись на пароходы в Берне, Женеве и Цюрихе. От мысли организовать специальные поезда на этот раз пришлось отказаться ввиду неопределенности срока отхода пароходов, постоянно изменяемого новыми распоряжениями. Вместо этого миссия выдавала лицам, совершенно неимущим, пособия на проезд в Геную в размере, по среднему подсчету, по 40 франков на каждого. Таких пособий было выдано 335 лицам. При отправлении русских путешественников из Швейцарии в Геную главным затруднением в самого начала являлась неопределенность срока отхода пароходов, так как заинтересованные лица в огромном большинстве случаев не имели никаких средств и боялись долго ожидать очереди в Генуе, думая, что там жизнь дороже, чем в Швейцарии. Здесь же многим лицам оказал материальную и нравственную поддержку Комитет взаимопомощи, образовавшийся в Берне по инициативе временно состоявшего при миссии статского советника С.А. Каншина. Комитет насчитывал в своем составе известных, уважаемых в Берне лиц, как профессора Райхесберга, декана здешнего университета, присяжного поверенного Левицкого и других.

Хотя миссия усиленно направляла русских с самого начала в Геную и указывала неоднократно на материальную невозможность лицам необеспеченным оставаться в Швейцарии, публика считала, что ее посылают наугад, предъявляла претензии на комфорт в пути и обвиняла миссию в том, что ее просто хотят сплавить. С другой стороны, распространяемые здесь разными лицами слухи, относительно плавучих мин, относительно карантина, будто бы, установленного в Салониках и т.п., встречались с большой доверчивостью, волновали публику и создавали тревожное настроение. Миссия боролась с этими затруднениями, оглашая немедленно все получаемые официально из Рима и Генуи дополнительные сведения и стараясь в беседе с посетителями успокаивать их, входить в положении каждого и, насколько возможно, исполнять разные ходатайства.

Во всех своих устных и письменных заявлениях миссия постоянно придерживалась тех указаний, которые были ей даны министерством, и направляла свои усилия к том, чтобы наши соотечественники могли наиболее широко воспользоваться предоставленными им правительством льготными условиями проезда на родину. По получении телеграммы гофмейстера Нератова от 25 сентября н. ст.[3], содержание оной было также немедленно распубликовано в местных газетах. Для облегчения русскоподанных, выезжавшим из Швейцарии в Геную для дальнейшего отправления, миссия по соглашению с генеральным консульством в Генуе командировала туда состоящего при миссии С.А. Борисовского.

Все эти меры имели, однако, лишь частичный успех, и многие наши соотечественники предпочли остаться в Швейцарии, выжидая здесь дальнейших событий. Остались в Швейцарии — Colonie stable [постоянная колония], студенты желающие продолжить свое образование (преимущественно евреи) и больные. Общее число наших соотечественников теперь приблизительно исчисляется в 3 000 человек.

Из всего вышеизложенного видно, что задача водворения на родину русскоподданных выполнена лишь отчасти и пароходы, зафрахтованные нашим правительством, в особенности первые из них, ушли, к сожалению, неполными. Этот последний факт явился для миссии до некоторой степени неожиданным, т.к. телеграмма нашего генерального консула в Генуе от 25. IX н. ст.[4] уже извещала миссию о том, что все пароходы заполненные и просила о прекращении дальнейшей записи. По сообщениям частных лиц, присутствовавших при отправлении пароходов из Генуи (и как является из докладной записки С.А. Борисовского, при сем препровождаемой), русская публика в Генуе была недовольна способом распределения мест в нашем генеральном консульстве и своим многочисленными требованиями и претензиями часто затрудняла и тормозила деятельность наших консульских представителей.

О вышеизложенном миссия долгом считает донести Министерству в дополнение к телеграмме своей от 27 сентября н. ст.[5]

Ф. 168, оп. 843/2, д. 339, л. 1–4 об. Копия. Рус. яз.
Частично опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. IV. — С. 174–175.

[1] См.: Ф. 168, оп. 843/2, д. 342, л. 70–72.
[2] См.: Ф. 168, оп. 843/2, д. 339, л. 26.
[3] См.: Там же, л. 110–111.
[4] См.: Там же, л. 108.
[5] См.: Там же, л. 118–118 об.

95. ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В АНТВЕРПЕНЕ

[январь 1915 г.]

Краткий обзор деятельности императорского российского консульства в Антверпене по оказанию помощи русским подданным, застигнутым войной 1914 года в Бельгии

Составлено управлявшим
консульством в Антверпене
надворным советником
А.С. Яздовским

Деятельность консульства в Антверпене по оказанию помощи русским подданным, застигнутым войной в Бельгии, началась за день до официального объявления войны, когда в консульство явилось несколько лиц, состоящих на действительной военной службе с заявлением о том, что германские власти не пропустили их через свою границу, и просили содействия консульства к отправке их морским путем на Скандинавский полуостров. Консульством были предприняты надлежащие меры, благодаря которым удалось в тот же день обеспечить отправку помянутых лиц на шведском пароходе в Норвегию.

На следующий день консульство было уведомлено о прибытии в Антверпен партии эмигрантов, которые, прибыв из Америки на пароходе Бельгийского О[бщест]ва «Red Star Line», ввиду начала враждебных действий Германии вынуждены были оставаться в Антверпене, не имея определенного пристанища. Таким образом, консульству пришлось озаботиться размещением более 200 бесприютных лиц, не имевших ни крова, ни пищи, в совершенно незнакомом им городе. Консульство снеслось с гражданскими и военными властями, прося о временном размещении всех бесприютных в каком-нибудь закрытом помещении, но просьба эта удовлетворена не была. После этого отказа консульство предписало капитану русского парохода «Рудольф» приютить этих беглецов на вверенном ему корабле. Благодаря любезному содействию финляндского пастора г-на Карльстедта и его помощника, в течение трех недель заготовлялось продовольствие на артельных началах для содержавшихся на означенном корабле эмигрантов, к которым примкнули беглецы из Льежа, безработные матросы и рабочие. Женщины, дети, больные и публика поинтеллигентнее были размещены в гостиницах, в финляндском морском доме и на частной квартире пастора Карльстедта, любезно предоставившего в мое распоряжение большую часть своей квартиры.

Тем временем запасные, а также другие лица, которым необходимо было как можно скорее вернуться в Россию, отправлялись на средства консульства через Остенде в Лондон.

К тому времени в Брюсселе тоже скопилось большое количество лиц, застигнутых войной за границей, ввиду чего мной, по предписанию императорского посланника в Бельгии, были начаты переговоры об отправке специального парохода с русскими подданными в количестве свыше 1 000 человек (из всей Бельгии) в Норвегию. Переговоры эти ввиду слишком высокой цены (150 000 фр.) не увенчались успехом.

Так как часть эмигрантов выражала свое неудовольствие долгим пребыванием в Антверпене, то управляющий консульством счел нужным отправить 90 человек из них кружным путем, через Париж — Марсель в Россию.

По распоряжению антверпенских властей все иностранцы, прибывшие в Антверпен по возникновению войны, должны были в силу известных обстоятельств покинуть крепость, и потому консульству пришлось заняться проверкой документов, удостоверяющих личность русских подданных для установления времени прибытия их в Антверпен. Подобных документов приходилось проверять до 200 в день.

Лицам, состоявшим в запасе или в ополчении, делались наряду с этим отметки на их паспортах или воинских билетах о невозможности явиться в срок в Россию для отбытия воинской повинности по не зависящим от них причинам (500 отметок).

В половине августа ст.ст. в Антверпен прибыла новая пария эмигрантов (до 500 человек), которую пришлось разместить вышеуказанным путем.

Ввиду чрезмерного скопления русских подданных, не владевших иностранными языками и подвергавшихся частым арестам, каковые причиняли много хлопот консульству по их освобождению, все русские подданные, не имевшие определенных занятий, в том числе и упомянутые эмигранты, были отправлены в морской курорт Зеебрюгге (близ Бланкенберге), где они находились на полном иждивении города Брюжа и откуда, в случае наступления германских войск на Антверпен, их легко было переправить в Англию.

Между тем масса состоятельных лиц из числа русских подданных, постоянно проживавших в Антверпене, начали отправляться на собственные средства в Англию, причем по полицейским правилам каждое лицо должно было иметь удостоверение о праве свободного выезда из пределов помянутого города. Подобных удостоверений было выдано более 3 000.

Наплыв публики был настолько велик, что перед консульством происходила постоянная давка, причем даже один из назойливых посетителей дерзко схватил за горло нештатного секретаря. Во избежание повторения подобных случаев грубого насилия со стороны нетерпеливо ждущей публики пришлось установить постоянное дежурство жандармов.

Эта напряженная деятельность консульства продолжалась до конца августа месяца, когда окончательно выяснился вопрос об отправке английского парохода «Калипсо» в город Архангельск; с «Калипсо» были забраны все русские подданные, не успевшие покинуть пределы Бельгии и пожелавшие вернуться в Россию.

А.С. Яздовский

Ф. 159, оп. 743/1, д. 547, л. 14–16. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 69–71.

96. ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В КОПЕНГАГЕНЕ П.А. МЕЛЬНИКОВА В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

Копенгаген, [январь 1915 г.]

21 июля 1914 г., на третий день после объявления войны, в Копенгаген неожиданно прибыла первая партия получивших разрешение на выезд из Германии русских подданных. С утра в этот день они сотнями осаждали генеральное консульство, заполняя не только помещение канцелярии, но и лестницу, двор и улицу перед домом.

На следующий день на смену этим сотням объявились новые сотни и, может быть, тысячи, в последующие дни еще другие тысячи, и так в течение пяти-шести дней. С утра и до позднего вечера сплошные все более сгущавшиеся массы их закрывали подступы к дому, мешая проходить в помещающиеся на одной лестнице с консульством частные квартиры и торговые конторы, вызывая жалобы и нарекания.

Потребовался особый на все это время наряд полиции, чтобы восстановить и поддерживать какую-либо возможность движения. В самом консульстве стремительный напор массы публики на все двери и столы должен был задерживаться добровольцами из публики, цепь которых обеспечивала более или менее правильную смену очередей, а потому и возможность работы.

Но не все эти русские подданные в одинаковой степени нуждались в деятельном содействии и помощи консульства. В первое время измученные пережитыми в Германии злоключениями, нервно расстроенные и запуганные распространившимися среди их намеренно ложными слухами о положении вещей, все почти без исключения устремлялись в русское консульство, чтобы из авторитетного источника узнать, что с ними будет и имеют ли они еще возможность возвратиться в Россию. Успокоенные на этот счет, они затем распадались на три группы.

Лица, сохранившие свои заграничные паспорта и достаточные на дорогу денежные средства, справившись о том, требуется ли визирование паспорта и не надо ли выполнить какие-либо особые по военному времени формальности для беспрепятственного проезда через русскую границу, и получив отрицательный ответ на подобные вопросы, никакой более надобности в содействии консульства не имели. Некоторые из них, однако, более опасливого характера, несмотря на все заверения, непременно требовали, чтобы паспорта их были консульством визированы. Другие, в большем количестве, желая возможно скорее известить родных и знакомых о своем благополучном выезде из Германии, составив списки имен, просили таковые за их счет, но для большей важности от имени консульства телеграфически отправить для напечатания в некоторые редакции газет.

После того, как об официальных сообщениях касательно путей следования в Россию стали вывешиваться объявления в консульстве, на станциях и в других местах, и по мере того, как положение дел стало лучше выясняться, лица этой группы все реже обращались в консульство за справками.

Больше времени занимали у консульства лица второй группы, которые, быв в Германии насильственно отделены от своих родственников или иных спутников и не имея о них сведений, не знали, что предпринять. Оказалось, что немцы, в каком-то диком и гнусном стремлении проявить свою власть и потешиться над беззащитными своими жертвами, во многих случаях отделяли не только мужчин и женщин, но также малолетних детей от их родных или старших спутников и, распределив их в различные группы, одних задерживали, других выселяли и, таким образом, прерывали между ними всякую связь. Многие прибывавшие в Копенгаген русские подданные находились в этом положении и, в понятном возбуждении, долго и подробно рассказывали о своих злоключениях, женщины — со слезами и нередко доходя до истерики. Надеясь, что дело идет лишь о случайном недоразумении и что родственники их, по ошибке помещенные в поезд другого направления, соединятся с ними, как только получат сведения об их местонахождении, они просили оказать им содействие к разысканию своих родственников или указать к тому пути, а во всяком случае сказать, могут ли они оставаться в Дании

в ожидании соединения с родственниками, не рискуя быть совершенно отрезанными от России. Задержание в Германии мужчин в военнообязанном возрасте имело понятное основание, а потому рассчитывать на скорое их освобождение и дожидаться их представлялось бесцельным. Что же касается задержания других лиц, то за невозможностью найти разумное для такого действия объяснение в то время еще казалось, что оно могло быть последствием простого недоразумения. Консульство содействовать его устранению, конечно, не могло, но в нейтральной стране, как Дания, сохранявшей сношения с Германией, может быть, и могли найтись к тому частным путем средства. Оставаться в Дании имело поэтому для некоторых лиц смысл и значение, и если они имели достаточные для проживательства в стране денежные средства, то никаких препятствий к тому не встречалось. Риски военного времени наперед учтены быть не могли, и говорить о возможности быть совсем отрезанными от России не приходилось. Лица этой группы большей частью заявляли, что они выехали по общему заграничному паспорту с лицами, задержанными в Германии, и паспорт остался на руках у последних, или что в паспортах их прописаны лица, оставшиеся в Германии без всякого вида. В первом случае, на основании наличных документов или письменных заявлений, когда таковые представлялись заслуживающими доверия, генеральным консульством выдавались проходные свидетельства, во втором, на общем основании, — отдельные виды. Для лиц, временно остававшихся в Дании, действия эти, однако, производились лишь по мере наступления в том надобности.

Третью группу составили русские подданные, заявлявшие о своем желании в возможной скорости возвратиться на родину, но вместе с тем и о неимении к тому средств, вследствие чего они должны были рассчитывать на пособия от консульства. В безусловной необходимости без всякой задержки удовлетворить этому требованию не могло быть сомнения. Вопрос касался достоинства России. Без вины, исключительно из-за принадлежности к русскому подданству пострадавшие лица эти не могли быть брошены в чужой стране на произвол судьбы и не могли быть оставлены на попечение местных властей. Последние, надо им отдать справедливость, с самого начала и во все времена с большой предупредительностью и благожелательностью принимали нужные меры для беспрепятственного и по возможности безостановочного передвижения по датской территории всей массы выселяемых из Германии русских подданных, но вызванное войной и вынужденное для них гостеприимство это не должно было ложиться бременем на страну, к войне не причастную. Датские правительственные власти считали себя вправе ожидать, что пребывающие в Дании органы русского правительства примут на свое попечение и позаботятся о дальнейшем направлении на родину всех прибывающих при таких условиях неимущих русских подданных, и не подлежит сомнению, что если бы они были обмануты в этом ожидании, то они сочли бы своей обязанностью принять меры, которые могли бы тяжело отозваться на участи весьма многих русских подданных. Во всех случаях, когда русские подданные массами прибывали в Копенгаген на судах, местная полиция отказывала им в разрешении сходить на берег до тех пор, пока паспорта их не были проверены и они не получали уверенности, что все неимущие, какие оказывались между ними, будут приняты на попечение консульства.

Точка зрения местных властей в принципе вполне сходилась с нашей. Но на практике, ввиду искажений, которым она подвергалась для достижения известных целей, возникали разногласия и недоразумения. Для генерального консульства было ясно,

что пользоваться пособиями могли исключительно только русские подданные, т.е. такие лица, которых оно могло признать таковыми. Выдаваемые германскими властями свидетельства о выселении по причине принадлежности к русскому подданству, таким образом, служить доказательством подданства и обязывать консульство не могли как потому, что германские власти были совершенно некомпетентны судить об отношениях данного лица к русскому государству, так, главным образом, и потому, что подобные свидетельства могли быть в руках немецких властей средством для облегчения проникновения в Россию лиц нежелательных, а по военному времени даже особенно вредных. По аналогичным соображениям не могли быть признаны достаточными доказательствами подданства и заявления о принадлежности к русскому подданству, сделанные неизвестными, не имеющими бумаг лицами перед местными властями. Между тем датские правительственные власти, указывая на то, что в мирное время они всегда имеют возможность лиц неопределенного или сомнительного подданства и в Дании нежелательных возвращать в ту страну, откуда они прибыли, в настоящее же время лишены возможности возвращать в Германию с германской границы лиц, именующих себя или признаваемых германскими властями русскими подданными, а потому ограничены в исполнении своих по отношению к стране обязанностей, требовали, чтобы генеральное консульство таких лиц принимало на свое попечение и возвращало в Россию, требование, очевидно, лишенное всякого как логического, так и правового основания. По этому предмету велись повторительные личные переговоры с директором правительственной полиции, но сделанные генеральным консульством попытки побудить его отступить от своего взгляда, безусловно, отклонялись.

Но случаи, давшие повод к вышеозначенным недоразумениям, относятся преимущественно к более позднему времени, когда из Германии стали появляться отдельные лица или группы из немногих лиц, которые в Копенгаген не направлялись и в случае неимения средств к жизни задерживались местными в провинции властями. Первоначально, когда массами прибывавшие из Германии русские подданные тотчас же направлялись в Копенгаген и здесь лично являлись в генеральное консульство, подобных недоразумений не возникало.

По причине неожиданности прибытия в Копенгаген первой партии выселенных из Германии русских подданных, особых по этому предмету распоряжений и необходимых сумм на выдачу пособий для дальнейшего следования в Россию неимущим русским подданным в генеральном консульстве не было. Имевшийся в наличности остаток в несколько сот крон от отпуска на пособия по мирному времени представлялся совершенно недостаточным; на испрошение же и получение новых ассигнований требовалось по меньшей мере несколько дней. Между тем дело не терпело отлагательства. Неимущие русские подданные не могли быть задержаны без большого для них ущерба и для дела осложнения.

По сведениям местного железнодорожного управления за первой партией русских выселенцев должны были следовать другие больших размеров, в еще не определенном количестве. Предвиделась поэтому возможность накопления в Копенгагене значительного количества неимущих русских подданных, что грозило тем большими затруднениями, что и свободного помещения для них могло в городе не найтись. Необходимо было это по возможности предупредить.

Дело представлялось, таким образом, по существу вполне ясным, и в единственном возможном решении не могло быть сомнения.

Генеральное консульство поэтому без всякого замедления приступило к выдаче пособий на возвращение в Россию всем заявившим о неимении на то средств русским подданным, признав возможным нужные на то суммы временно позаимствовать частью из имеющегося в его распоряжении запасного фонда, частью из денег, весьма охотно и любезно предложенных ему на этот предмет из своих личных средств лицами состава оного — вице-консулом, юрисконсультом и пр. Таким образом, получилась возможность в первые же три дня, 21–23 июля, наибольшего наплыва в Копенгаген русских выселенцев из Германии и до получения сумм, особо на то ассигнованных, выдать 534 лицам свыше 8 800 крон пособий. В последующие дни, хотя количество прибывавших в Копенгаген русских подданных, по-видимому, не уменьшалось, однако благодаря тому, что государыня императрица Мария Федоровна при проезде через Копенгаген всемилостивейше повелеть соизволила за ее величества счет снарядить поезд для возвращающихся в Россию, значительная часть неимущих русских подданных воспользовалась этим случаем, и лишь немногие, почему-либо не знавшие о том и запоздавшие, обращались в генеральное консульство за пособием.

26 июля, однако, в последний, по-видимому, день массового направления русских выселенцев из Германии через Данию генеральным консульством выдано было значительное количество пособий, тем более, что к лицам, прибывшим из Германии, присоединились в этот день 155 человек, доставленных пароходом из Северной Америки.

После того до конца месяца, хотя через Копенгаген еще продолжали проезжать русские подданные, выбывавшие из Германии, более или менее значительными группами, однако массовое выселение получило другое направление.

21–26 июля генеральным консульством выдано пособий всего 832 лицам, или в среднем — 139 лицам в день; с 27 по 31 июля, за пять дней пособий выдано 128 лицам, т.е. в среднем — 26 лицам в день, всего с 21 по 31 июля пособий на возвращение в Россию выдано 960 неимущим русским подданным, т.е. 87 лицам в среднем в день. В отдельные дни количество пособий доходило до 250 (23 июля) и даже до 284 (26 июля).

Пособия всегда выдавались по проверке на основании предъявленных документов подданства и, в случае надобности, по выдаче проходного свидетельства с отметкой на документе о выдаче пособия и под расписку.

При проверке подданства для выдачи пособий имелось в виду только установить в самом широком смысле принадлежность данного лица к составу коренного населения империи, почему пособия, а также проходные свидетельства выдавались и лицам, не имевшим никаких документов, но показания которых приводили к нравственному убеждению, что они действительно русские, или давали достаточный повод считать подобное предположение наиболее правдоподобным.

Вообще при наличности документов, формально удостоверявших или по существу доказывавших принадлежность к русскому подданству, такие документы сами по себе признавались достаточными; при наличности же лишь документов, одинаково выдаваемых в России всему наличному населению без различия подданства, пособия выдавались так же, как при отсутствии всяких документов, только после допроса и с выдачей проходного свидетельства, подлежавшего проверке со стороны пограничных и иных в России властей. Подобных свидетельств выдано было, однако, в июле месяце сравнительно немного, всего 56, тогда как пособий выдано было 960 лицам, причем некоторые из получивших проходные свидетельства несомненно имели, согласно заявлению их, заграничные паспорта, задержанные в Германии;

сюда относятся лица, отнесенные выше ко второй группе, студенты германских высших учебных заведений и др.

Таким образом, громадное большинство русских подданных, получивших в Копенгагене пособия на возвращение в Россию, владели документами, несомненно свидетельствовавшими о принадлежности их к русскому подданству. В прочих случаях консульство действовало с возможной осторожностью, но безусловно поручиться, что не было сделано ни одной ошибки, представлялось бы невозможным, так как несомненно делались попытки его обойти. Таким образом, одна варшавянка, заявившая, что она выехала из России с мужем по заграничному паспорту, но муж ее был задержан в Германии, почему она оставалась без бумаг и просила о выдаче ей проходного свидетельства, когда по причине некоторых противоречий в ее заявлениях ей предложено было отправить телеграфический запрос варшавскому обер-полицеймейстеру, призналась, что, хотя она природная варшавянка, однако по мужу — австрийская подданная и имеет в кармане свой австрийский паспорт. Случай этот не единственный, который был обнаружен, но утверждать, что не было ни одного не раскрытого было бы трудно.

Начиная с августа месяца массовых и даже сколько-нибудь значительных групповых выселений из Германии через Данию уже не производилось. Всего за время с 1 августа по 31 декабря 1914 г. выдано пособий возвращавшимся из Германии русским подданным лишь в 96 случаях, из коих 74 приходятся на август и только 22 — на прочие четыре месяца. Но цифры эти не находятся в прямом отношении к числу русских подданных, действительно проехавших за это время из Германии через Данию: некоторые русские подданные, приехавшие в Копенгаген еще в июле и оставшиеся здесь, лишь в августе или позднее продолжали путь в Россию, получая от консульства пособия; нередко также в Копенгаген заезжали лица, получившие в Германии билеты для прямого следования через Швецию до Гефле и сворачивавшие в Копенгаген по своим частным делам и затем обращавшиеся в консульство для получения билетов до Мальмё. С другой стороны, ввиду незначительности выдававшегося генеральным консульством пособия, многие русские подданные, для проезда по Швеции пользовавшиеся даровыми билетами, из Копенгагена в Мальмё ехали на свой счет.

Вполне достоверным можно, однако, считать, что после июля месяца выселение из Германии через Данию утратило всякое практическое значение и к концу года почти совсем прекратилось.

Первоначально с 21 по 28 июля генеральным консульством выдавались пособия для проезда до Стокгольма, т.е. железнодорожный билет и небольшая сумма для пропитания в пути. Лишь в сравнительно немногих случаях выданы были пособия и на пропитание в течение одних суток в Копенгагене. Но начиная с 29 июля, когда провоз выселяемых из Германии русских подданных по шведским железным дорогам получил особенную организацию и им в Мальмё стали выдаваться даровые билеты на весь путь до конечной в Швеции станции, — из Копенгагена, во избежание недоразумений и двойной выдачи билетов, русские подданные отправлялись лишь до Мальмё с платой по одной кроне за билет и прибавкой в одну или две кроны на прокормление. Поэтому с 21 по 28 числа июля месяца 870 лицам выдано было всего 14 436,80 крон, в среднем по 16 к[рон] 60 эре, тогда как с 29 июля по 31 декабря 186 лицам выдано было всего 404 кр[он] 38 эре, в среднем на каждое лицо по 2 кр[оны] 17 эре. Всего с 21 июля по 31 декабря 1914 г. 1 056 лицам, проехавшим из Германии через Данию, выдано было 14 830 кр[он] 18 эре.

Помимо вышеизъясненного непосредственного содействия выселенным из Германии русским подданным при проезде их через Копенгаген, генеральное консульство и впоследствии оказывало им в некоторых случаях помощь, способствуя к разысканию их затерянного багажа. В деле приведения в порядок и разыскания зарегистрированного в Германии на Копенгаген и затем полностью или частью затерянного багажа спешно выселенных русских подданных весьма благотворную деятельность проявило багажное отделение центральной пассажирской станции в Копенгагене, которое путем непосредственной переписки как со станциями отправления или промежуточной перегрузки в Германии, так и с заинтересованными лицами в России и на основании поступивших от них заявлений сравнительно в недолгое время удовлетворило почти все требования. Оно затем сообщило генеральному консульству список всего оставшегося незатребованным багажа, и опубликование такового списка в России Вторым департаментом МИД послужило поводом ко многим запросам, способствовавшим к ускорению окончательного разыскания владельцев. Более хлопотными были розыски багажа, прибывшего в Копенгаген не по железной дороге, а пароходами, так как пароходные общества большею частью не были известны владельцам багажа и, со своей стороны, не получая от последних запросов и заявлений, никаких мер к разысканию владельцев хранившегося в их складах багажа не принимали.

Благодаря полученным затем точным указаниям времени и места сдачи багажа, а также состава его, генеральному консульству удалось, однако, установить, какого общества пароходы приняли багаж, и, таким образом, способствовать его разысканию и возвращению по принадлежности. В некоторых случаях пароходные общества из провинциальных портов доставляли в генеральное консульство через посредство наших вице-консулов записные книжки и иные бумаги, найденные в ручном багаже, и, таким образом, получилась возможность установить имена, а затем путем иногда сложной переписки и адреса владельцев багажа, которым он возвращался. В одном случае, однако, когда продолжительная переписка касательно найденного в вагоне на станции Фредериции ручного багажа с весьма ценными ювелирными предметами благополучно завершилась отправлением такового по почте в Петроград согласно указаниям владелицы, при получении этих вещей обнаружена была пропажа одной ценной в несколько тысяч рублей брошки. Дело по этому предмету, насколько известно, еще производством не закончено.

Но не только массовое движение русских подданных из Германии в Россию через Копенгаген потребовало от генерального консульства усиленной деятельности. Исключительные условия военного времени, отразившиеся почти на всех видах международных сношений и не всем по существу известные, прежде всего обусловили значительное увеличение чисто справочной деятельности генерального консульства, но во многих случаях сделали необходимым и прямое его участие в производимых действиях. Прекращение доступа и ограничение свободного проживательства для подданных одной воюющей державы на территории другой, прекращение непосредственных почтовых, телеграфных, банковых и пр. сношений между воюющими странами, а также прекращение в известном районе торгового для подданных их судоходства — все это были новые условия, побуждавшие весьма многих, в особенности в начале и до налажения соответствующих новых порядков, обращаться к посредничеству и содействию генерального консульства. Генеральное консульство принимало самое деятельное участие в хлопотливом, встречавшем многие препятствия деле разыскивания задержанных в Герма-

нии русских подданных, в составлении некоторых необходимых для того алфавитных списков и в передаче писем и телеграмм, а также и в направлении банковых денежных переводов. С другой стороны, в защите интересов и направлении на родину многих русско-польских рабочих, оказавшихся, вследствие закрытия обычного для них пути через Германию, в затруднительном положении, которым воспользовались некоторые менее разборчивые на средства работодатели, а также и в исходатайствовании пропуска через Россию галицких рабочих.

Лишенные возможности без слишком большого риска продолжать плавание в немецком и балтийском морях русские и финляндские суда, захваченные на этих морях объявлением войны, поспешили, поскольку это еще было возможным, укрыться в нейтральных, в том числе датских, портах. Вынужденные к бездействию и неся большие расходы по содержанию экипажа, суда эти постепенно начали распускать свои команды, возвращая людей в Россию за неимением наличных денег при содействии генерального консульства. Затем, с разрешения судовладельцев, стали возвращаться в Россию и капитаны означенных судов, оставляя последние под охраной особо нанятых сторожей или портовых учреждений. Генеральным консульством было, таким образом, с 46 судов возвращено на родину из состава экипажей русских судов всего 99 человек и из состава экипажей финляндских судов 248 человек с расходом, в первом случае, около 1 700 крон и во втором — с лишком 4 000 крон, произведенном из соответствующих фондов. В числе финляндских моряков 44 человека принадлежали к составу экипажей 16 финляндских судов из задержанных в Киле, Апенраде и других германских портах. Остальные люди экипажей этих судов продолжают оставаться в германском плену.

Генеральный консул: П. Мельников

Ф. 159, оп. 743/1, д. 470, л. 1–2. Копия. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 81–90.

97. ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА РОССИИ В НИДЕРЛАНДАХ А.Н. СВЕЧИНА ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В.А. АРЦИМОВИЧУ

№ 93 *1/14 февраля 1915 г.*

Милостивый государь Владимир Антонович,

Вследствие телеграммы Вашего превосходительства от 9/22 января с.г. № 170 и в дополнение к периодическим денежным отчетам миссии считаю долгом представить на благоусмотрение Императорского министерства общий обзор деятельности подведомственных мне учреждений по оказанию помощи русским подданным, застигнутым войной за границей.

Весьма незначительное в нормальное время число русских подданных, постоянно или временно проживающих в Голландии, быстро возросло с самых первых дней кризиса; наплыв сюда беженцев начался сначала из Германии, а затем, по мере последовательного занятия немцами Бельгии, — из последней страны.

Деятельность вверенной мне миссии и особенно генерального консульства нашего в Роттердаме в начале войны была сопряжена с большими затруднениями. Эти затруднения проистекали, с одной стороны, из-за финансового кризиса, охватившего голландский рынок, а с другой — из-за отсутствия средств, из коих мы могли бы почерпать необходимые суммы для оказания безотлагательно необходимой помощи русским подданным.

Денежный кризис. Начало европейского кризиса ознаменовалось в Голландии небывалой денежной паникой. Все биржи закрылись, банки прекратили выдавать суммы по аккредитивам и даже по текущим счетам. При расплате в магазинах принимались только металлические деньги, размен же бумажных сопряжен был с значительными затруднениями. При этих условиях в Голландию прибыло довольно значительное число русских, спасавшихся из Германии.

Помощь русским подданным. Хотя императорская миссия не имела еще времени получить каких-либо руководящих указаний о порядке оказания помощи русским подданным и не располагала кредитами на сей предмет, настоятельная необходимость вынудила ее приступить без замедления к организации таковой помощи. Средства были почерпнуты из личных денег чинов миссии и генерального консульства. Ввиду указанной выше невозможности получения денег по аккредитивам и трудности размена иностранной валюты, поставившей даже состоятельных лиц в безвыходное положение, миссия и генеральное консульство приступили к выдаче ссуд и к размену русских и иных денег на голландскую валюту, дабы дать беженцам возможность запасаться билетами на возвращение в Россию и располагать необходимыми суммами для пропитания. Производился также широкий обмен бумажных денег на звонкую монету. Главный наплыв беженцев сосредоточивался в Роттердаме, вследствие чего нормальный личный состав нашего генерального консульства, несмотря на самоотверженную работу, был недостаточен. Помимо сего возникала необходимость ежедневных непосредственных сношений между миссией и генеральным консульством для правильного и однообразного разрешения всех возникающих вопросов.

Усиление личного состава в Роттердаме представлялось настоятельным. В этих видах, признавая предпочтительным не отвлекать генеральное консульство от обычной своей работы и желая сохранить полное единение между деятельностью нашей по оказанию помощи между Гаагой и Роттердамом, я обратился к содействию состоящего при вверенной мне миссии камер-юнкера Зейме, который и взял на себя организовать в Роттердаме при нашем генеральном консульстве порядок оказания помощи от лица миссии русским беженцам. К этой деятельности, совершавшейся в тесном сотрудничестве с вице-консулом бароном Ферзеном, в начале войны управлявшим нашим генеральным консульством, г-н Зейме привлекал временно также и некоторых русскоподданных из среды беженцев. Помимо сего, миссия обратилась в императорское министерство с ходатайством о командировании из Петрограда чиновника для канцелярских занятий. Командированный вслед за тем в распоряжение миссии нештатный секретарь при миссии в Гамбурге г-н Баумгартен с середины сентября минувшего года работает в Роттердаме. Эта организация, поныне состоящая под непосредственным наблюдением и руководством миссии, оказалась вполне соответствующей требованиям дела и обстановки.

Открытие кредитов миссии для оказания помощи русскоподданным и установление порядка организации этой помощи в начале августа месяца минувшего года

поставило дело на прочную почву. Порядок выдачи ссуд и пособий и перевода денег русским подданным подробно очерчен в вышеуказанных периодических денежных отчетах миссии.

Водворение русских подданных в Россию. Первые партии возвращавшихся в Россию русских беженцев были отправлены на последних отходивших из Голландии в Норвегию пароходах. Эти отправки были затруднены еще тем обстоятельством, что пароходные компании неохотно принимали русских путешественников, опасаясь задержания судов немецкими крейсерами. В конце июля старого стиля прямые пароходные рейсы между Голландией и Норвегией прекратились. Единственным путем в Россию оказался путь через Англию и далее на Берген или Архангельск. Вследствие сего, по предварительном выяснении обстоятельств с императорским посольством и генеральным консульством в Лондоне, миссия начала направлять беженцев частью на прямых пароходах Роттердам — Лондон, частью же на Флиссинген — Фолькстон.

Количество беженцев тем временем все возрастало и в Роттердаме, несмотря на отправку партий два-три раза в неделю, постоянно проживало до 200 человек. Большинство из них была учащаяся молодежь из Германии и Бельгии, прибывавшая в Голландию без всяких средств. Эти беженцы, при содействии генерального консульства, были помещаемы в гостиницу «Метрополь», принадлежащую «Армии Спасения», а 20 человек нашли приют в доме камер-юнкера Зейме, проживавшего в то время в Скевенингене и безвозмездно предоставившего его для этой цели. Помимо указанных беженцев, в Роттердаме оказалось около сотни матросов, русских подданных, оставшихся без работы ввиду прекращения рейсов многих пароходов, и в том числе немецких. Они были размещены, до отправки в Англию, по разным бордингмастерам[1]. В затруднительном положении оказались также несколько партий русских эмигрантов, привезенных обратно из Америки компаниями «Ураниум», «Голланд-Америка» и «Голландше Ллойд». Означенные компании, вследствие затруднений к выполнению своих контрактов о доставлении эмигрантов на родину, пытались сдать этих эмигрантов на попечение миссии, которая настояла, однако, на выполнении их обязательств по отношению к эмигрантам. В ожидании случая для их дальнейшего отправления на родину, эти эмигранты содержались некоторое время за счет названных компаний в бараках при их пристанях в Роттердаме и Амстердаме.

При этих обстоятельствах 4/17 сентября минувшего года императорская миссия была поставлена в известность нашим посланником в Бельгии о предстоящем отправлении из Англии на Архангельск специального парохода для водворения в Россию русских беженцев из Бельгии, коим могли бы воспользоваться и беженцы из Голландии. Императорская миссия не преминула воспользоваться этим случаем и, установив путем дальнейших сношений с князем Кудашевым все подробности отправки русских, поместила 6/19 сентября публикацию в местных газетах с извещением русских подданных в Голландии об открывающейся возможности бесплатного отправления на родину. 8/21 сентября из Роттердама отправлена была во Флиссинген партия приблизительно в сто человек для посадки на пароход компании «Грет Истерн», который должен был, на пути за русскими беженцами в Бельгию, захватить и нашу партию. Однако пароход этот не мог зайти в Флиссинген, и, по дальнейшим сношениям с нашим посланником в Бельгии и посольством в Лондоне, наша партия беженцев была направлена обычным почтовым пароходом в Англию и благополучно там посажена на пароход, отбывавший

в Архангельск. В составе этой партии выбыло и некоторое количество эмигрантов, принятых нами от общества «Голланд-Америка», на что миссия согласилась, во внимание к действительно затруднительному положению, в котором находилось это общество в данном случае. Большая часть эмигрантов была, впрочем, к тому времени уже возвращена в Америку или отправлена в Англию.

Нежелание многих русских подданных возвращаться в Россию. Если императорской миссии не удалось отправить на отошедшем в Архангельск специальном для беженцев пароходе большего числа русскоподданных (около 100 человек), то это обстоятельство объясняется тем фактом, что многие из них, как императорской миссии приходилось в том неоднократно убеждаться, уклонялись от возвращения в Россию и пытались получать ссуды и пособия от миссии с тем, чтобы переждать в Голландии или Англии до тех пор, когда обстоятельства дозволили бы им вернуться к своим обычным делам и занятиям, главным образом, в Бельгии. Так, по имеющимся сведениям, значительное число учившихся в Бельгии, по переезде в Англию, поступило там в учебные заведения или приискало себе работу. Такое нежелание возвращаться в Россию подчас затрудняло деятельность миссии, имевшей главной задачей содействовать возвращению в Россию русских подданных, застигнутых войной за границей, а не содержать в Голландии до конца войны русских, вынужденных бежать из Бельгии или Германии.

Ввиду вышеизложенного, предоставление беженцам возможности бесплатного проезда в Архангельск мало облегчило положение дел в Роттердаме: генеральное консульство продолжало осаждаться просьбами о пособиях или бесплатных билетах в Англию. Тем временем, с начала осады Антверпена и особенно ко времени падения крепости в последних числах сентября месяца, положение еще более обострилось. В Голландию нахлынула новая волна беженцев — русских подданных, главным образом, мелких торговцев-евреев. Большинство из них были люди, давно порвавшие всякую связь с Россией и являющиеся лишь формально по рождению и документам русскими подданными. Нужда среди них была большая, так как их имущество было либо уничтожено, либо оставлено в Бельгии. Императорская миссия была вынуждена с особой осторожностью относиться к просьбам о пособиях и ссудах со стороны этой категории беженцев, большей частью вовсе не желавших возвращаться на родину. Тем не менее, и таким лицам пришлось выдать довольно много ссуд и пособий ввиду бедственного их положения. К счастью, за весь этот период широкую благотворительную деятельность проявило роттердамское отделение еврейского благотворительного общества «Монтефиоре», не отказывавшего в помощи и беженцам христианских исповеданий. Через его руки прошли сотни семейств русскоподданных беженцев из Бельгии. Наравне с «Монтефиоре» широкую помощь беженцам оказывали и продолжают оказывать ряд благотворительных организаций, и к настоящему времени положение беженцев нужно признать более или менее урегулированным.

Помощь русским подданным, находящимся в Бельгии. Со времени занятия восточных областей Бельгии германскими войсками, особенно со времени падения Антверпена и переезда союзных миссий в Бельгии в Гавр, императорской миссии в Гааге в силу обстоятельств пришлось озабочиваться вопросом об оказании посильной помощи и облегчении участи многочисленных русских подданных, оставшихся в Бельгии. Положение этих русских все более осложняется, так как за последнее время германские власти противятся выезду из Бельгии кого бы то ни было, даже

женщин и детей, и поэтому переход через границу, все же часто практикуемый, сопряжен с большими опасностями.

Русские в Льеже. Особое внимание императорской миссии было обращено на тяжелое положение русской колонии в Льеже, состоящей главным образом из учащихся в различных местных учебных заведениях. Этот город, оказавшийся почти с самого начала войны отрезанным от внешнего мира, подвергся особенно суровой расправе немцев. Вскоре после занятия города германскими войсками, свыше 400 русских подданных были арестованы и впоследствии интернированы в Мюнстерлагере, Цельлагере и других пунктах в Германии. Приблизительный список этих лиц, полученный императорской миссией из Льежа, из частных источников, был своевременно представлен Императорскому министерству (см. отношение миссии во Второй департамент от 18/31 октября 1914 г., № 410). Положение русских, оставшихся в Льеже на свободе, весьма, впрочем, относительной, незавидное: они находятся под постоянным страхом ареста и лишены возможности легальным путем покинуть Бельгию, а тем временем нужда среди них растет. Всего, вместе с женщинами и детьми, в Льеже до последнего времени проживало около 200 русских подданных. Благодаря энергии нескольких членов русской колонии и при деятельном содействии испанского вице-консула г-на де-Ламе в Льеже образовался комитет помощи нуждающимся русским подданным. Войдя в сношение с означенным комитетом и убедившись в настоятельной необходимости помощи, императорская миссия в три срока (27 сентября/10 октября, 31 октября/13 ноября и 22 декабря/4 января) доставила в Льеж 2 500 гульденов. Благодаря этой ссуде, а равно и некоторым другим частным взносам, комитет доныне имеет возможность поддерживать нуждающихся русских подданных и их семьи, выдавая им по 6 франков в неделю.

Для установления более тесной связи с Льежем и для оказания помощи русским беженцам из Бельгии императорской миссии было существенно располагать в Маастрихте услугами такого лица, которое имело бы возможность оказывать содействие русским подданным и исполнять поручения миссии. За неимением нештатного русского консульского агента в Маастрихте эти обязанности были, по соглашению с португальским посланником в Гааге, временно возложены на португальского вице-консула в Маастрихте, который был уполномочен миссией снабжать билетами до Роттердама русских подданных, прибывавших в этот город из Бельгии.

Однородные указания были преподаны нештатному вице-консулу нашему в Флиссингене, г-ну фан-Тейлингену.

Сношения императорской миссии с испанской миссией в Брюсселе. После падения Антверпена и переезда нашей миссии из Бельгии в Гавр вверенная мне миссия вступила в качестве передаточной инстанции в тесные сношения с испанской миссией в Брюсселе. Благодаря энергии и любезности испанского посланника в Брюсселе, маркиза де-Виллалобар, все передаваемые ему просьбы и поручения исполнялись быстро и точно, и колония наша в Брюсселе, которая и доныне значительна (около 300 человек), имела возможность не терять связи с Россией. Сношения наши с Брюсселем поддерживались через посредство еженедельных голландо-испано-американскими курьерами между Гаагой и Брюсселем.

Пересылка денежных сумм русским в Бельгии производится через посредство испанской миссии в Брюсселе. Эти денежные суммы поступают в императорскую миссию частью путем телеграфных переводов министерства, частью не-

посредственно из частных банков и от испанского посланника в Гааге. Все эти суммы еженедельно отправляются миссией в Брюссель. Эта пересылка сопряжена с некоторыми затруднениями, так как многие русские подданные до получения предназначенных им денег либо меняют место жительства, либо вовсе выезжают из Бельгии, вследствие чего императорской миссии нередко приходится просить испанскую миссию в Брюсселе о возвращении некоторых из присланных сумм или о передаче их по новому адресу. Однако, вследствие отмеченной выше точности и распорядительности испанской миссии в Брюсселе, организация пересылки денежных сумм поставлена вполне удовлетворительно.

Пересылка частной корреспонденции в Бельгию производилась до конца декабря месяца путем тех же курьеров в Брюссель и там распределялась и рассылалась при содействии испанской миссии. Однако теперь германскими военными властями положен конец передаче частной корреспонденции: несмотря на все настояния испанского посланника, который ныне вынужден отказаться от принятия адресуемых на его имя из России писем. Желая по возможности смягчить суровость этой меры, императорская миссия, по соглашению с маркизом де-Виллалобар, приняла на себя прочтение заказной корреспонденции, адресуемой ему из России, и исполнение, по мере возможности, заключающихся в ней просьб и запросов путем официальной корреспонденции, адресуемой на имя испанского посланника в Брюсселе. Помимо сего, императорская миссия пользуется и некоторыми частными случаями для отправки частной корреспонденции в Бельгию, но отнюдь не может поручиться за точность ее доставления.

Общие итоги. Со времени начала войны вверенными мне учреждениями оказана помощь в самой Голландии около 1 300 лицам, причем зарегистрированы лишь главы семейств, подчас и многочисленных. Всего было выдано миссией: 501 ссуда на сумму в 14 045 гульденов 69 центов; 168 пособий на сумму в 2 055 гульденов 64 цента; в обмен на русскую валюту голландской выдано на сумму в 11 148 гульденов 62 центов (более 150 разменов).

Денежных телеграфных переводов через императорское министерство миссией выдано 408 на сумму в 79 411 гульденов. Частных переводов из разных банков в России, а также почтовых и телеграфных, прошло через кассу миссии 171 на сумму 50 728 гульденов 2 центов, 3 930 франков 50 сантимов и 10 фунтов стерлингов.

Помимо денежных дел, наши учреждения в Голландии несли и довольно широко развившуюся осведомительную деятельность и, по мере сил и возможности, доставляли в Россию сведения в ответ на запросы о разыскиваемых родными лицах.

Помощь русским подданным, в вышеозначенных рамках, оказывалась всем одинаково на одинаковых основаниях, независимо от происхождения и вероисповедания.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

А. Свечин

Ф. 159, оп. 743/1, д. 468, л. 1–7. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 109–115.

[1] Бордингмастер — содержатель бордингхауза, пансионата для моряков, подыскивающих работу на судах.

98. ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В РИМЕ Г.П. ЗАБЕЛЛО В ПОСОЛЬСТВО РОССИИ В ИТАЛИИ

№ 261 *2/15 февраля 1915 г.*

Отчет о деятельности императорского российского консульства в Риме по оказании помощи и водворению на родину русских подданных, находившихся за границей при начале военных действий

Тотчас в первые же дни по объявлении Германией войны в Риме отмечался громадный наплыв русских подданных, частью застигнутых войной в многочисленных итальянских дачных, купальных и лечебных местечках, частью бежавших из южно-германских и австрийских курортов по наиболее удобному и близкому, в то время еще открытому, пути для возвращения в Россию, а именно через Италию, а далее морем на Константинополь и Одессу. Движение это продолжало следовать через Италию даже и после закрытия Дарданелл с той разницей, что беглецы стали направляться из Италии морем сначала на Дедеагач — Варну, а потом на Салоники — Ниш — Софию — Бухарест — Унгены; в этом последнем направлении движение продолжается и поныне, хотя и в значительно меньших размерах; до сих пор от времени до времени через Рим следуют русские подданные, которые по причине болезни, семейных обстоятельств и денежных соображений не могли вернуться в Россию и теперь пользуются первой возможностью для проезда на родину.

Понятно, что громадное число русских подданных, принужденных к внезапному и поспешному возвращению в Россию, нуждались в самой разнообразной помощи со стороны императорского консульства, начиная от снабжения надлежащими сведениями и документами и кончая денежной помощью и полным призрением, как при временной остановке в Риме, так и при отправлении пароходами из итальянских портов сначала в Россию, а потом в Грецию. Особенно настоятельно нуждались в такой помощи консульства первые партии беглецов, прибывших из Германии, запуганных, голодных и без денег, так как в эти первые дни итальянские банки прекратили платеж по переводным векселям, чекам и кредитивам иностранных банков, а также размен наличных иностранных денежных знаков.

Между тем консульство в Риме было совершенно не подготовлено и недостаточно оборудовано для оказания помощи русским подданным в столь широких размерах. В кассе консульства наличных денег оставалось из кредита по выдаче пособий лишь 500 итал. лир, а личный состав консульства – из двух штатных чинов и двух нештатных письмоводителей – был недостаточен даже для выдачи надлежащих ответов на разнообразные запросы, поступавшие не только непосредственно от посетителей консульства, но и по почте и по телеграфу со всех концов Италии и даже из Швейцарии, Франции, Германии и Австрии.

По счастью, личный состав консульства вскоре усилился прибытием управляющего консульством в Триесте и секретаря консульства в Лейпциге, из которых последний проработал в римском консульстве в течение трех месяцев, а первый — до отправления крупных партий русских беглецов на русских пароходах из Генуи. Благодаря такому усилению личного состава в самое трудное по количеству работы первое время по объявлении войны, консульству удалось справиться с выпавшей на его долю задачей, но, конечно, не без крайнего напряжения сил со стороны всех служащих, так как, не говоря

уже о громадном количестве письменной работы, консульство оставалось открытым для посетителей в течение всего дня, с 9 часов утра до 9 часов вечера, с небольшим перерывом около первого часа для принятия пищи.

В первые дни по объявлении войны помощь русским беглецам пришлось, как указано выше, импровизировать с недостаточными средствами. Первые группы русских — до 60 человек — были помещены впредь до приискания средств для дальнейшего отправления в приют Св. Станислава; остальные были размещены по дешевым гостиницам; продовольственные пособия выданы в размере пяти лир на каждого человека, причем тотчас израсходованы были имевшиеся в распоряжении консульства наличные 500 лир. Первой заботой было, следовательно, приискание крупных денежных средств. Императорскому послу удалось для этого заручиться содействием королевского министра иностранных дел, по просьбе которого итальянский национальный банк — Banca d'Italia — открыл посольству особый кредит на вспомоществование русским суммой сначала на 300 тысяч, а впоследствии увеличенной до 500 [тысяч] ит. лир.

Немедленно по открытии этого кредита и по получении из «Банка д'Италия» первой в счет оного выдачи, а именно 26 июля/8 августа 1914 г., консульство приступило к раздаче денег тем многочисленным русским, которые уже находились на его попечении. Прежде всего, конечно, необходимо было установить размеры этих выдач. Причем основанием расчета послужила стоимость билетов третьего, второго и первого класса до Одессы; соответственно этому установлены были три нормы в 400, в 300 и в 175 лир на человека, причем применение той или иной нормы обусловливалось соображением о наличности у водворяемого русских денег, о его состоятельности, общественном положении и состоянии его здоровья. В исключительных случаях допускались, конечно, и отступления от установленных норм, вызванные какими-нибудь особенными причинами, так что были водворяемые, получавшие на проезд по третьему классу до 250, по второму — до 375, а по первому — до 500 лир на человека. Деньги выдавались или в виде ссуд, ничем не обеспеченных, когда водворяемый не располагал никакими личными средствами, или в виде ссуд, обеспечиваемых представляемыми кредитивными письмами, чеками, переводными ассигновками и векселями, причем все эти банковые ценности, стоимость которых, большей частью, превышала выданную ссуду, отбирались и оставались на хранение в консульстве впредь до погашения ссуды. Наконец, ссуды выдавались и под обеспечение представляемых и оставляемых на хранение в консульстве русскими, французскими и швейцарскими бумажными денегами; ссуды выдавались из расчета 200 итал. лир за 100 рублей, и 100 ит. лир за 100 французских или швейцарских франков.

Консульством признано было удобным придать и этим выдачам характер обеспеченных иностранными бумажными деньгами ссуд, а не производить окончательного размена этих денег на итальянские по той причине, что в эти первые дни не было возможности установить сколько-нибудь достоверный курс для размена иностранных денег, так как банки прекратили свою деятельность, а биржи были закрыты.

Заметим, кстати, что Италия с первых дней объявления войны была охвачена экономической паникой; в Риме банкам пришлось прибегнуть к вооруженной полицейской охране для защиты своих входных дверей от тревожной толпы вкладчиков, старавшихся немедленно получить обратно свое имущество, как мелкие сбережения, так и крупные капиталы. Понятно, что эта картина охраняемых жандармами банков и толпившихся на улице перед их входом тысячи человек должна была произвести потрясающее действие на русских беглецов, без того исстрадавшихся и тщетно старавшихся разменять свои цен-

ности на местную монету. Этим настроением объясняется необыкновенная восприимчивость русских, временно опекаемых консульством, к внезапным паникам, вызываемым всякого рода тревожными слухами, опровержение которых, ради успокоения публики, стоило консульским чинам немало труда. Сохранение же доверия публики, к которому неуклонно стремилось консульство, было делом нелегким при таких обстоятельствах.

Возвращаясь к вопросу о первых денежных вспомоществованиях, выданных консульством еще до получения посольством подробных по этому делу инструкций из министерства, отметим, что при выдаче этих ссуд были приняты несколько иные формы, чем те, которые впоследствии были преподаны. Так, прежде всего, консульство предполагало, что ссуженные деньги будут возвращены непосредственно сему же учреждению, в каком смысле и делались подписи на паспортах и отбирались расписки от лиц, получавших ссуду; между тем впоследствии порядок этот был отменен распоряжением министерства, согласно которому все ссуды подлежат возвращению в министерство в Петрограде.

Неудачным опытом первых дней была попытка консульства облегчить водворяемым хлопоты по снаряжению в дорогу путем снабжения их готовыми пароходными билетами.

Пароходные сообщения из Италии к Черному морю обслуживаются двумя крупными итальянскими обществами — «Servizi Marittimi» и «Marittima Italiana». Первое общество совершало в то время два рейса в неделю из Венеции, Анконы и Бриндизи на Константинополь, один — быстроходный, а другой — медленный. Второе общество отправляло еженедельно один медленный грузовой пароход из Генуи и Неаполя на Сицилию — Константинополь и до Одессы. Понятно, что вследствие громадного наплыва отъезжающих, достать билет на ту или другую пароходную линию было делом нелегким; приходилось записываться на билеты за несколько недель вперед.

Ввиду этого консульство сначала очень охотно согласилось на предложение агента общества «Marittima Italiana» о предоставлении консульству известного количества билетов на медленные грузовые пароходы, отправляющиеся из Неаполя в Одессу. Тотчас образовалась группа из 79 человек, для которых консульством был приобретен коллективный билет для отъезда с пароходом «Фавиньяна»; при этом агентство общества обещало, что, хотя билеты имеются только третьего класса (других классов на этом пароходе имелось лишь 10–15 мест, и все они были уже проданы), но что пассажирам будут предоставлены матрацы, подушки и одеяла, а также свободный доступ во все помещения парохода. Отправка этой группы доставила консульству необыкновенные хлопоты, вследствие постоянных отказов лиц, записавшихся на этот пароход, и замены их новыми лицами; список пришлось переделывать три раза, причем из первоначально записавшихся действительно выехали лишь очень немногие. Наконец, все-таки были заняты не только все 79 мест, но из Флоренции, Неаполя и окрестностей съехалось так много русских, что третьеклассных пассажиров на пароходе набралось около 200 человек. При этом оказалось, что никаких спальных приспособлений капитану судна не удалось приобрести за недостатком времени, что пассажиров III класса посадили по неожиданному их наплыву в страшно тесные помещения, что пассажиры второго и первого класса запротестовали против допуска пассажиров III класса в те помещения, которые были предназначены для лиц, приобретших свои билеты по более дорогой цене; пища, уделяемая пассажирам III класса, также оказалась неудовлетворительной; наконец, при отъезде капитан заявил, что он пойдет только до Константинополя, так как дальнейшее плавание представляется небезопасным. Понятно, что все эти неудобства вызвали

тотчас нарекание на консульство, в которое стали поступать многочисленные жалобы от пассажиров «Фавиньяна». Консульство не замедлило сделать соответствующие замечания агентуре и правлению пароходного общества, причем, однако, удалось добиться лишь некоторого ускорения рейса и беспрепятственного продолжения его до Одессы; все прочие жалобы пассажиров остались неудовлетворенными, тем более, что правлению общества удалось добыть и противопоставить им благодарственное заявление от пассажиров I и II класса парохода «Фавиньяна», в котором указывалось на неосновательность претензий пассажиров III класса.

Ввиду всех этих неудобств и невозможности убедить публику в том, что консульство не имеет никаких средств, чтобы заставить пароходное общество исполнить те или иные требования пассажиров, и что оно поэтому не может принять на себя никакой ответственности за добросовестность пароходного общества, консульством решено было впредь не выдавать водворяемым пароходных билетов, а снабжать их деньгами на покупку таковых непосредственно в пароходных агентурах.

Тем не менее, выдача справок относительно пароходных рейсов и стоимости билетов, несколько раз изменявшихся в течение сентября-ноября, в зависимости от политических и экономических обстоятельств, все время оставалась одной из главных работ консульства.

Вскоре после отправки первых партий водворяемых русских, посольством были получены из министерства подробные инструкции относительно кредитования в Итальянском банке и формы выдачи вспомоществований возвращающимся в Россию русским подданным. Императорский посол возложил заведывание всем этим делом на консульство в Риме, которому, таким образом, пришлось руководить деятельностью всех остальных консульств в Италии по водворению русских подданных и снабжать их необходимыми на то денежными средствами.

Кредитом разрешено было воспользоваться императорскому послу из национального банка «Banca d'Italia», под гарантией российского правительства, в размере сначала до 300 тысяч, а впоследствии еще на 200 тысяч, всего же до 500 тысяч итал. лир; так как коммерческие проценты по этой ссуде, из расчета 6% годовых, должны были начисляться со времени фактической выдачи денег, то суммы эти были забраны консульством не сразу, а в несколько приемов, по мере фактической надобности, по чекам императорского посла. Выдачи произведены банком в следующие сроки:

26 июня/8 августа 1914 г.	50 000 итал. лир
31 июня/13 августа 1914 г.	30 000 итал. лир
4/17 августа 1914 г.	70 000 итал. лир
9/22 августа 1914 г.	25 000 итал. лир
11/24 августа 1914 г.	50 000 итал. лир
14/27 августа 1914 г.	40 000 итал. лир
15/28 августа 1914 г.	35 000 итал. лир
23 августа/5 сентября 1914 г.	50 000 итал. лир
26 августа/ 8 сентября 1914 г.	25 000 итал. лир
28 августа/10 сентября 1914 г.	50 000 итал. лир
3/10 сентября[1] 1914 г.	25 000 итал. лир
5/18 сентября 1914 г.	25 000 итал. лир
9/22 сентября 1914 г.	25 000 итал. лир
Всего	500 000 итал. лир

Что касается расходования этих денег, то подробный отчет об этом, с приложением оправдательных документов, уже представлен в Министерство иностранных дел при письме императорского посла от 21 октября/3 ноября 1914 г., за № 1042. Расходы эти распределяются на ссуды, ничем не гарантированные, ссуды, обеспеченные депозитом разного рода ценностей, и деньги, выданные в размен русских государственных кредитных бумаг. Все эти три операции производились не только консульством в Риме, но и другими консульскими учреждениями в Италии, которые получали на то средства и инструкции от консульства в Риме. На производство этих операций консульством в Риме были переведены в распоряжение нижепоименованных консульств следующие суммы:

Генеральному консульству в Генуе	100 000 лир.
Генеральному консульству в Неаполе	15 000 лир.
Консульству во Флоренции	30 000 лир.
Нештатному консульству в Милане	45 000 лир.
Нештатному консульству в Венеции	40 000 лир.
Нештатному консульству в Сан-Ремо	8 500 лир.
Нештатному консульству в Анконе	1 000 лир.
Консульскому агентству в Бриндизи	4 000 лир.

Сравнительно большие суммы, предоставленные в распоряжение нештатного консульства в Милане, объясняются тем, что в это консульство, как первое по пути из Швейцарии русское консульское учреждение в Италии, естественно обращалась большая часть русских беженцев. Впоследствии, однако, было признано нежелательным предоставить этому нештатному консульскому учреждению, по личному его составу малокомпетентному в оценке кредитоспособности и потребности русских подданных, распоряжение столь крупным благотворительным фондом. А так как путь возвращающихся на родину русских лежал из Милана или на Венецию, или на Геную, то миланскому консульству было предложено ограничиваться выдачей мелких пособий на покупку железнодорожных билетов до одного из этих двух городов. На генеральное консульство в Генуе и на нештатное консульство в Венеции естественно пришлась большая часть работы по водворению русских, так как эти два порта служили первоначальными пунктами отправления пароходных рейсов на Константинополь и Одессу, как указано выше: при этом Венеция представляла то преимущество, что пароходы на Константинополь выходили оттуда два раза в неделю, один — быстроходный, а другой — медленный.

Что касается консульства в Риме, то на его долю приходилось удовлетворение всех потребностей тех русских подданных, которые предпочитали садиться на пароход или в Бриндизи, или в Неаполе. Кроме указанных выше трех видов денежного вспомоществования русским подданным, на римское консульство всецело и исключительно была возложена еще операция выплаты по всей Италии сумм, вносимых в Петрограде в Министерство иностранных дел для перевода по телеграфу. Выдачи по этим телеграфным приказам производились также за счет 500-тысячного кредита, предоставленного Итальянским банком в распоряжение императорского посольства. Неисправность итальянской почты по доставке адресатам денег, отправляемых консульством по этим телеграфным переводам, частые перемены местожительства адресатов, ошибки в передаче телеграфом иностранных фамилий, частые недоумения адресатов относительно

размера пересылаемых им сумм и личности отправителей, необходимость соблюдения возможных формальных предосторожностей при выплате переведенных денег — все это вносило значительные затруднения в сравнительно несложную операцию телеграфных денежных переводов, по которой вследствие этого в консульстве не замедлила развиться объемистая переписка.

С другой стороны, численность клиентов римского консульства, благодаря этой операции, распространяющейся на всю Италию, возрастала до необыкновенных размеров, и переписка консульства по выдаче всякого рода справок и сведений настолько увеличилась, что становилась решительно непосильной этому учреждению. Правда, многочисленность клиентов отчасти облегчила консульству трудное дело наведения справок о местопребывании, состоянии здоровья и имущественном положении русских подданных в Италии для ответа на запросы их родственников из России — дело, которое также было возложено на консульство в Риме и потребовало от него немало труда.

Ясно было, что тягостное напряжение всех рабочих сил консульства могло прекратиться лишь при условии быстрой эвакуации русских беженцев, более быстрой, чем было возможно при перевозке их тремя итальянскими пароходами небольшой емкости в неделю. Поэтому консульство с самого начала озаботилось приисканием крупных океанских пароходов, которые бы могли быть зафрахтованы целиком для водворения в Россию сразу 3–4 тысяч русских подданных. К сожалению, приискание таких пароходов оказалось делом нелегким, так как значительное их число было уже зафрахтовано консульскими и дипломатическими учреждениями Северо-Американских Соединенных Штатов и других южноамериканских государств[1] для массового водворения на родину соответственных соотечественников. Кроме того, существенными препятствиями к зафрахтованию пароходов служили, с одной стороны, вопрос об обеспечении от военных случайностей, с другой же — недостаток и крайняя дороговизна каменного угля в Италии в первые месяцы по объявлении войны. После продолжительных поисков и многочисленных переговоров с агентами всех крупнейших итальянских пароходных обществ консульству удалось, наконец, добыть вполне приемлемые предложения двух крупнейших океанских пароходов, которые доставили бы около 3 800 человек из Генуи в Одессу за сравнительно умеренную плату — 400 тысяч ит. лир. Однако когда посольство представило это предложение в министерство, там уже оказался назревшим другой проект, по которому за русскими подданными должны были прибыть в Италию русские пароходы, а именно, сначала пароход «Курск», а затем два парохода Русского общества пароходства и торговли и три парохода Добровольного флота. Исходным пунктом для отправки всех этих пароходов послужила Генуя, причем вся громадная работа по посадке и рассортированию водворяемых — в общей сложности около двух с половиной тысяч человек — выпала на долю генерального консульства в Генуе.

Консульство в Риме, однако, должно было вести всю подготовительную работу: соглашение с итальянскими железными дорогами о провозе по уменьшенному тарифу партий русских, водворяемых из Швейцарии, оповещение русских, проживающих в Италии, об отправке пароходов, предварительная запись лиц, желающих ими воспользоваться, и отправление в Геную лиц, проживавших в округе римского консульства и в более южных местностях Италии.

При этом много претензий со стороны публики вызвало изменение направления рейсов, обусловленное политическим положением на Босфоре. Пассажиры «Курска», правда, с самого начала были оповещены о том, что пароход пойдет на Архангельск;

пассажирам же других пароходов сначала говорилось, что они возьмут то же направление, потом подана была надежда, что их повезут на Одессу, и лишь в самое последнее время было выяснено окончательное направление на Салоники, а оттуда по железной дороге через Сербию, Болгарию и Румынию на русскую границу. Обстоятельство это вызвало, конечно, справедливые сетования публики, но, с другой стороны, консульство нельзя обвинить в данном случае в выдаче неверных справок, так как причиной изменения направления были постоянные изменения весьма натянутых политических отношений с Турцией непосредственно перед их окончательным разрывом.

Усиленные расходы по снабжению деньгами больших партий русских подданных, отправленных русскими пароходами, а также по уплате портовых сборов, закупке провизии и починке аварии пароходов «Курска», «Одессы» и «Императрицы Екатерины II», капитаны которых оказались снабженными средствами в недостаточном количестве, быстро повели к израсходованию остатка кредита в 500 тыс. ит. лир, предоставленного Итальянским банком. Ввиду этого, в распоряжение посольства были поставлены новые средства, а именно, сумма в 300 000 ит. лир, переведенная в римское отделение банка Societa Bancaria Italiana, за счет кредита Государственного банка. Деньги эти были взяты консульством из названного банка по чекам императорского посла в нижеследующие сроки:

5/18 сентября	40 000
11/24 сентября	30 000
16/29 сентября	50 000
18 сентября/1 октября	25 000
19 сентября/2 октября	25 000
25 сентября/8 октября	30 000
29 сентября/12 октября	25 000
1/14 октября	25 000
7/20 октября	25 000
11/24 октября	25 000
	300 000

Так как одновременно с отправкой русских судов операция по телеграфным переводам скоро приняла очень широкие размеры, то эта вторая сумма в 300 тысяч ит. лир, предоставленная в распоряжение посольства, была израсходована очень быстро. Вместе с объявлениями о приглашении русских подданных, желающих вернуться в Россию, к выезду на русских судах, приготовленных для них в Генуе, посольством было сделано оповещение, что деятельность, как его собственная, так и консульских учреждений, по оказанию помощи русским, застигнутым за границей войной, на этом прекращается, и что те русские подданные, которые не пожелают воспользоваться этим предложением, чтобы вернуться в Россию, должны будут рассчитывать исключительно на себя и не могут надеяться на дальнейшие денежные вспомоществования. Тем не менее, число русских подданных, оставшихся в пределах Италии, частью временно, частью на всю зиму, а также постепенно прибывающих сюда из Франции, Швейцарии и даже из Австрии и Германии, было настолько велико, что фактически деятельность консульства по снабжению их деньгами не могла прекратиться, а уменьшалась лишь весьма постепенно. Значительное сокращение этой деятельности отмечается лишь со времени прекращения министерством приема денежных сумм для перевода их по

телеграфу. Так как уже за несколько времени до прекращения этого приема многие русские частные банки возобновили свою трансфертную операцию в Италии, то русские прибегали для перевода денег к услугам Министерства иностранных дел лишь по той причине, что курс в 250 итал. лир за 100 руб., установленный для этих переводов, был значительно выгоднее того курса, по которому продавали иностранную валюту русские частные банки. Обстоятельство это является, конечно, весьма существенным, но им не оправдывалось возложение на органы Министерства иностранных дел чисто банковой операции, не входящей по существу дела в круг их обязанностей, и для которой они не располагали ни надлежащей подготовкой, ни достаточным оборудованием. Для воздействия же на стоимость в России иностранной валюты Министерство финансов, несомненно, располагало другими и более могучими средствами, а потому операция трансфертов была поручена Государственному банку, располагавшему, между прочим, в Италии довольно значительным 3-миллионным кредитом в вышеназванном банке — Societa Bancaria Italiana.

Для ликвидации трансфертной операции и удовлетворения наиболее настоятельных потребностей по выдаче пособий и снабжению деньгами на возвращение в Россию тех русских подданных, которые еще оставались в Италии или прибыли сюда после отправления русских пароходов, необходимо было доассигновать к вышеупомянутым суммам, в 500 и в 300 тысяч итал. лир, еще новые кредиты. Действительно в распоряжение посольства переведены были из Петрограда сначала еще 30 000 лир, а затем 200 тысяч франков, за размен которых было получено 208 500 итал. лир; деньги эти были зачислены на особый текущий счет посольства в римском отделении банка Кредито Итальяно, на каковом счете до сих пор остается еще в наличности 158 500 итал. лир.

Таким образом, в общем итоге на вспомоществование и водворение русских подданных в распоряжение консульства были предоставлены следующие суммы:

Кредит в Banca d'Italia	500 000
Фонд в Societa Bancaria Italiana	300 000
то же в Banca Commerciale	30 00
то же в Credito Italiano	208 500
Итого	1 038 500

Из этих денег по 31 декабря 1914 (13 января 1915) года включительно израсходовано было 867 689 л. 48 с. и в наличности остается по текущему счету в банке 158 500 л. и в кассе консульства — 16 919 л. 42 с.

В сумму этой наличности включены 2 452 л. 7 с., поступивших за продажу билетов от пассажиров парохода «Фавиньяна» и 2 156 л. 20 с., поступивших в возврат пособий и не доставленных за отъездом адресатов телеграфных переводов.

Расход за время с 26 июля (8 августа) по 31 декабря 1914 (13 января 1915) г. распределился по главнейшим статьям следующим образом:

	Лир	Сант.
Выплачено телеграфных трансферов	396 002	15
Выдано пособий:		
а) без обеспечения	58 162	90
б) под обеспечение разных ценностей	16 575	00

Разменяно русских денег на сумму 10 224 рублей	24 911	40
Уплачено управлению итальянских железных дорог за доставку русских в Геную	3 406	50
Приобретено билетов для 79 пассажиров парохода «Фавиньяна» из Неаполя в Одессу	5 676	25
Израсходовано на телеграммы	367	30
Израсходовано на помещение объявлений в газетах	2 216	40
Израсходовано на бланки для объявлений и расписок и проч. канцелярские принадлежности	54	—
Выдано по распоряжению Министерства вознаграждения нештатным письмоводителям за экстренные работы	1 750	—

Переведено в распоряжение других консульских учреждений, а именно:

	Лир	Сант.
в испанское посольство в Берлине для выдачи русским подданным, находившимся в Гамбурге	40 000	—
в генеральное консульство в Генуе	166 858	32
в генеральное консульство в Неаполе	16 482	10
в консульство во Флоренции	32 000	—
в нештатное консульство в Милане	45 000	—
в нештатное консульство в Венеции	44 727	16
в нештатное консульство в Сан-Ремо	8 500	—
в нештатное консульство в Анконе	1 000	—
в консульское агентство в Бриндизи	4 000	—
Всего расхода	867 689	48

Что касается числа русских подданных, которым была оказана помощь, то по консульству в Риме выплачены 888 телеграфных переводов, а по пособиям произведено 269 выдач без обеспечения депозитами, 20 выдач с обеспечением и 80 выдач в размене русских денег.

Принимая же во внимание, что в большинстве случаев каждая выдача приходилась не на одно лицо, а на несколько человек, вместе путешествовавших, следует считать, что римским консульством оказано денежное вспомоществование примерно 2 000 лицам. Подробный отчет по израсходованию вышеуказанных сумм с приложением оправдательных документов уже представлен по кредиту в 500 тысяч лир 21 октября/3 ноября 1914 г. при письме императорского посла за № 1042; отчет же по остальным расходам, произведенным до 31 декабря 1914 г. (13 января 1915), будет представлен в ближайшем будущем.

Императорский генеральный консул в Риме Г. Забелло

Ф. 159, оп. 743/1, д. 472, л. 196–206. Подлинник. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. II. — С. 90–102.

[1] Так в тексте.

99. ЖУРНАЛ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ

4 февраля 1915 г.

Журнал Особого совещания по вопросу об учреждении Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками

Заседание 4 февраля 1915 г.

Председатель:
Управляющий Юрисконсультской частью, статский советник барон Нольде.
Члены:
От Министерства иностранных дел:
Старший секретарь Юрисконсультской части министерства, в звании камергера высочайшего двора, Горлов.
От Военного министерства:
Полковник Генерального штаба, Мочульский.
От Министерства юстиции:
Члены Консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, старший юрисконсульт сей Консультации, тайный советник Трегубов.
От Министерства финансов:
Помощник юрисконсульта министерства, надворный советник князь Авалов.

Заседание открылось докладом председателя, указавшим собранию обстоятельства, побудившие Министерство иностранных дел образовать настоящее совещание.

Неслыханные в истории современных народов приемы ведения войны, усвоенные Германией и Австро-Венгрией, вызвали чувство глубокого возмущения всего цивилизованного человечества. Бесчисленны случаи нарушений законов и обычаев войны, торжественно установленных международными договорами, измены и вероломства в открытом бою, насилий и жестокостей по отношению к мирному населению занятых областей, бесчеловечности в обращении с ранеными и больными воинами, попавшими в плен, осквернения церквей и т.д. В нашей повременной печати давно уже раздавались голоса в пользу учреждения Особой следственной комиссии для установления строго проверенных и авторитетно засвидетельствованных данных относительно совершаемых нашими врагами злодейств.

Мысль эта встретила горячее сочувствие наших законодательных учреждений. Государственный совет в заседании 28 января с.г. единогласно постановил признать желательным принять меры к неуклонному исследованию и подтверждению всех случаев злодейств, насилий и всякого рода нарушений международного права, допускаемых войсками и агентами воюющих с Россией держав, с учетом причиняемых этими нарушениями убытков.

Со своей стороны, Государственная дума 29 января признала необходимым, чтобы при Министерстве иностранных дел была учреждена Следственная комиссия для рассмотрения нарушений германцами, австрийцами и турками международного права, правил и обычаев войны и для уяснения вреда и убытков, учиненных государству, общественным учреждениям и частным обществам и лицам.

Работа по собранию возможно полных данных о совершаемых неприятелем нарушениях законов и обычаев войны была предпринята в России, по почину Министерства иностранных дел, с самого начала войны. По просьбе министерства доставляются подлежащими ведомствами донесения местных гражданских, военных и духовных властей о совершенных неприятелем правонарушениях и злодействах. Штаб верховного главнокомандующего равным образом, по просьбе министерства, распорядился собранием возможно полных сведений по этому предмету и доставляет их через посредство Дипломатической канцелярии в Министерство иностранных дел.

На основании всех этих ценных данных Министерством иностранных дел была составлена подробная записка, сообщенная официально как германскому и австро-венгерскому правительствам, так и всем союзным и нейтральным державам, для повсеместного оглашения в повременной печати всего цивилизованного мира[1].

Нельзя, однако, не признать, что эта работа министерства по собранию сведений о совершаемых неприятельскими войсками правонарушениях не устраняет желательности осуществления мысли о Чрезвычайной следственной комиссии. В самом деле, не говоря уже о возможной неполноте поступающих в министерство данных, собрание их и разработку предпочтительно, конечно, возложить не на органы управления, а на особое учреждение, стоящее вне прямой зависимости от правительства и тем самым обеспечивающее, в глазах общественного мнения, беспристрастие расследования.

Принимая далее во внимание, что следственные комиссии были уже учреждены во Франции и в Бельгии, Министерство иностранных дел полагало, что надлежало бы отнестись с полным сочувствием к выраженному нашими законодательными учреждениями пожеланию. Испросив на сей предмет предварительное принципиальное согласие верховного главнокомандующего, министерство выработало проект положения об этой комиссии, разосланный представителям ведомств для обсуждения в настоящем совещании и в копии при сем прилагаемый[2].

Особое совещание единогласно полагало, что осуществление мысли об образовании Чрезвычайной следственной комиссии не только не вызывает возражений, но заслуживает полное сочувствие.

Прежде чем перейти к постатейному обсуждению проекта положения, совещание остановилось на общем вопросе о задачах создаваемого учреждения. Комиссия может иметь целью или расследование нарушений законов и обычаев войны, совершенных неприятелем, или же сверх этого исчисление убытков, причиненных ими населению империи, как, это, по-видимому, предполагали наши законодательные учреждения. В зависимости от решения этого вопроса в значительной степени находится и вопрос о составе комиссии.

Тайн. сов. Трегубов указал, что, по его мнению, задачей комиссии является не только регистрация отдельных правонарушений неприятеля, но и подробное расследование их с выездом комиссии в полном или частичном составе на места в особо важных случаях. При таком расследовании, вполне уподобляемом обычному предварительному следствию, нетрудно будет попутно установить причиненный неправомерными действиями неприятеля материальный ущерб населению.

Н. с. князь Авалов полагал, что подобное исчисление убытков представляет чрезвычайно сложную задачу, которая, если ее возложить на Следственную комиссию, совершенно затмит основную чрезвычайно важную политическую цель ее, а именно, закрепить в порядке судебного следствия все совершенные неприятелем нарушения

законов и обычаев войны. В силу этого н. с. кн[язь] Авалов считал бы полезным ограничить деятельность комиссии исключительно последней задачей, занимаясь выяснением соответственного ущерба населению лишь попутно и только тогда, когда непосредственный вред от правонарушений неприятеля может быть легко и просто исчислен.

Ст. сов. барон Нольде указал, что Особым журналом 4 ноября 1914 г. Совет министров установил, что государство отнюдь не является юридически ответственным за вред и убытки, причиненные неприятелем или военными действиями вообще, так как война является стихийным бедствием, актом непреодолимой силы. Исходя из этого общего соображения, Совет министров отнесся с некоторой осторожностью к мысли о правительственном расследовании убытков войны. Во всяком случае, казалось бы, не представляется возможным возложить задачу определения убытков на проектируемую Следственную комиссию. С одной стороны, по существу своей задачи комиссия будет сталкиваться лишь с убытками, происшедшими вследствие незакономерных действий неприятеля, между тем, как население одинаково заинтересовано в возмещении убытков и от [не]законных действий неприятеля, и от действий наших собственных войск. С другой стороны, для установления убытков требовалось бы создание не одной Чрезвычайной комиссии, а целой сети органов на местах, как то и имел в виду Совет министров в вышеуказанном журнале. Тем не менее, нет, казалось бы, основания отрицать за Чрезвычайной комиссией право устанавливать размер вызванного нарушениями законов войны убытков, если она найдет возможным сделать это по ходу своей работы. Ст. 3 IV Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны гласит: «Воюющая сторона, которая нарушит постановления указанного Положения, должна будет возместить убытки, если к тому есть основание. Она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил». Каковы бы ни были постановления мирного договора по вопросу о военном вознаграждении, собранный комиссией материал может оказаться небесполезным.

Камергер Горлов указал, что, по имеющимся у него частным сведениям, в Привислинском крае ныне образованы особые обывательские комитеты, которые занимаются выяснением имущественного ущерба, причиненного войной населению края.

Что касается принципиального вопроса о возмещении вреда, нанесенного населению неприятельскими действиями, то в войну 1877–1878 года таковые убытки были возложены на турецкое правительство. В русско-японскую войну такое возмещение неприятелем убытков, причиненных им населению империи, не имело места. Из сего, по-видимому, надлежит установить, что указанный вопрос разрешается различно в зависимости от благоприятного или неблагоприятного исхода войны.

Полковник Мочульский разъяснил, что в русско-японскую войну была образована особая комиссия для рассмотрения претензий русских подданных об убытках, причиненных вообще войной, а не неприятельскими действиями в частности. Ввиду обширности фронта наших армий, полковник Мочульский сомневался в практической возможности для Следственной комиссии справиться одновременно с двумя такими сложными задачами, как расследование неприятельских правонарушений и выяснение соответственного материального вреда.

Ввиду высказанных соображений совещание полагало, что согласно ст. II проекта задачей Чрезвычайной следственной комиссии должно быть расследование нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками, исчисление же

вреда и убытков, причиненных этими действиями населению империи, не входит в непосредственные обязанности комиссии. Если же подобное исчисление в отдельных случаях представляется простым и легко выполнимым, то оно могло бы быть производимо комиссией попутно расследованию правонарушений неприятеля.

Установив таким образом основную задачу комиссии, совещание перешло к обсуждению ее состава. Оно полагало, что комиссия должна была быть составлена по преимуществу из лиц судебного звания, обладающих большим следственным опытом. В то же время ввиду важного политического значения учреждения комиссии в нее должны войти лица, стоящие достаточно высоко в служебном отношении, дабы придать деятельности ее необходимый авторитет и значение.

По предложению т. сов. Трегубова, в изменение ст. I проекта совещание предполагало определить состав Чрезвычайной следственной комиссии следующим образом. Членами комиссии являются один из сенаторов Уголовного кассационного департамента по избранию государя императора, один из членов Судебной палаты, один из судебных следователей по особо важным делам, один из высших чинов Военно-судебного ведомства, один из профессоров Военно-юридической академии и один из лиц, обладающих особыми познаниями по международному праву, по представлению министра иностранных дел. Представительство в комиссии возлагается на сенатора Уголовного кассационного департамента.

Все члены комиссии назначаются по высочайшему повелению.

Эти предложения были вполне одобрены совещанием.

Рассмотрение состава чрезвычайных комиссий в иностранных государствах, где, как в Бельгии, в нее вводились представители законодательных учреждений, побудило совещание остановиться на вопросе о том, не следовало ли бы ввиду проявленного нашими палатами живейшего интереса к делу расследования злодейств, совершенных неприятельскими войсками, привлечь в состав Чрезвычайной следственной комиссии и членов Государственной думы и Государственного совета.

Полагая, что если бы такое решение было принято, то назначение сих лиц в Комиссию могло бы быть оформлено как привлечение их не в качестве именно членов законодательных учреждений, а в качестве частных лиц, совещание, однако, не сочло себя вправе предрешать принципиальный вопрос об участии в составе комиссии членов Государственного совета и Государственной думы, ибо вопрос этот, по мнению его, представляет существенное политическое значение и мог бы быть разрешен лишь Советом министров.

Обратившись затем к определению состава канцелярии, которая должна была быть поставлена в распоряжение Чрезвычайной комиссии, совещание не встретило принципиальных возражений против соответствующего постановления ст. I проекта, внеся в него лишь редакционные исправления.

При обсуждении ст. III Проекта о полномочиях Чрезвычайной комиссии т. сов. Трегубов предложил внести некоторые в нее изменения. Так он полагал предоставить комиссии право вызывать и допрашивать не только свидетелей и потерпевших, но и сведущих людей, а также считал необходимым упомянуть особо о праве приглашения комиссией членов кабинетов судебной научной медицины. Затем т. сов. Трегубов признавал желательным расширить право Комиссии давать поручения гражданским и военным следственным властям на протяжении всей империи. Совещание согласилось с этими поправками.

Н. с. князь Авалов полагал нужным внести в проект между III и IV статьей его постановление о том, чтобы все сведения о правонарушениях неприятеля, собираемые ныне различными властями империи, направлялись в Чрезвычайную следственную комиссию. Такое добавление было признано совещанием весьма целесообразным.

Ст. IV, об отчете Чрезвычайной следственной комиссии, была принята совещанием с некоторыми редакционными исправлениями.

При рассмотрении ст. V проекта, относительно наказа, определяющего порядок деятельности комиссии, совещание постановило, что такой наказ должен утверждаться председателем с одобрения верховного главнокомандующего.

Перейдя к рассмотрению финансовой стороны вопроса об устройстве Чрезвычайной следственной комиссии, совещание полагало, что, хотя участникам комиссии не приходится присваивать особых окладов жалования, однако устройство комиссии и ее канцелярии, выезд на места, производство расследований и т.д. несомненно вызовут расходы, которые вряд ли могли бы быть покрыты из смет ведомств.

Полковник Мочульский высказал предположение о возможности отнесения расходов по учреждению Чрезвычайной следственной комиссии и ее действию на отчисление военного фонда.

Совещание, разделяя это предположение, постановило внести соответствующее постановление в проект положения о комиссии.

В заключение председатель считал своим долгом обратить внимание присутствующих еще на один оставшийся незатронутым вопрос, а именно, на определение района действий комиссии. Должна ли она заниматься расследованием исключительно правонарушений германских и австро-венгерских войск согласно ст. II проекта или же обследовать также и злодеяния турецких полчищ на Восточном фронте, как об этом было выражено пожелание законодательных учреждений.

Совещание, однако, нашло, что никакой политической необходимости в таком расширении деятельности комиссии не имеется, и что оно крайне осложнило бы и без того нелегкую задачу комиссии.

Согласно изложенному, совещание приняло следующий проект Положения об образовании Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками:

I. Для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками образуется из лиц, назначаемых высочайшею властью, Чрезвычайная следственная комиссия в составе одного сенатора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, одного члена судебной палаты, одного судебного следователя по особо важным делам, двух высших чинов Военно-судебного ведомства, одним из коих может быть профессор Александровской военно-юридической академии, и одного из чинов Дипломатической канцелярии при Штабе верховного главнокомандующего, обладающего особыми познаниями по международному праву.

Председательствование в комиссии возлагается на входящего в ее состав сенатора.

II. В распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии командируется необходимое число чинов для делопроизводства по канцелярии и исполнения поручений, по соглашению председателя комиссии с министрами военным, иностранных дел и юстиции, по принадлежности.

III. Чрезвычайной следственной комиссии предоставляется право в полном составе или через отдельных ее членов производить, руководствуясь правилами устава уголовного судопроизводства, осмотры и освидетельствования, вызывать и допрашивать потерпевших, свидетелей и сведущих лиц; поручать совершение отдельных следственных действий гражданским следственным властям, а в случаях, предусмотренных ст. 1353 Военно-судебного устава (в редакции по закону 20/30 июля 1914 г., Собр. узак., ст. 2240), военной полиции и военному начальству; приглашать к участию в производстве местных осмотров должностных лиц кабинетов научно-судебной экспертизы (учр. суд. уст.[3] ст. 4291) и поручать сим кабинетам производство отдельных исследований; возлагать на чинов полиции собрание сведений и справок и производство дознаний.

IV. Учреждения и должностные лица всех ведомств, имеющие в своем распоряжении или получившие от кого-либо сведения о совершенных австро-венгерскими и германскими властями нарушений законов и обычаев войны, обязаны сообщать таковые без промедления Чрезвычайной следственной комиссии, а в случае прибытия в местонахождение учреждения или должностного лица одного из членов комиссии — передавать означенные сведения сему последнему.

V. По обнаружении в месте расположения воинской части случаев нарушения австро-венгерскими и германскими войсками законов и обычаев войны, военному начальству предоставляется немедленно распорядиться производством дознания в порядке ст. 1350 Военно-судебного устава (в редакции по закону 20/30 июля 1914 г., Собр. узак., ст. 2240), каковое по окончании препровождается в Чрезвычайную следственную комиссию.

VI. На Чрезвычайную следственную комиссию, по окончании ее расследования, возлагается составление общего отчета о результатах сего расследования.

VII. Чрезвычайная следственная комиссия вырабатывает наказ, определяющий ближайшим образом порядок деятельности комиссии в полном составе и отдельных ее членов, а равно и порядок делопроизводства ее канцелярии. Наказ этот утверждается председателем комиссии по предварительном одобрении его верховным главнокомандующим.

VIII. Вызываемые образованием Чрезвычайной следственной комиссии расходы относятся на военный фонд[4].

Нольде
Трегубов
Кн. Авалов
Вл. Горлов
А. Мочульский
Делопроизводитель совещания:
Михайловский

Ф. 156, оп. 457, д. 95, л. 80–86. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. док. № 72.

[2] Не публикуется. — См.: Ф. 156, оп. 457, д. 95, л. 44–45.

[3] Учреждение судебных установлений — закон о судоустройстве, один из главных законодательных актов, реформировавших судебную систему России в 1864 году. Ст. 4291 касалась методов сбора доказательств во время следствия.

[4] 9/22 апреля 1915 г. Николай II утвердил правила об образовании Чрезвычайной комиссии. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 37, л. 64–64 об.

100. ЖУРНАЛ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ

6 и 16 февраля 1915 г.

Журнал Совещания об установлении отчетности в кредитах, представленных в распоряжение заграничных установлений Министерства иностранных дел для оказания материальной помощи русским подданным, застигнутым войной за границей

Заседания 6 и 16 февраля 1915 г.

Председательствовал:

Директор Первого департамента Министерства иностранных дел в звании камергера высочайшего двора действительный статский советник В.Я. фан дер Флит.

Присутствовали члены совещания:

От Министерства финансов:

Вице-директор Департамента государственного казначейства действительный статский советник П.М. Гришкевич-Трохимовский.

Начальник отделения Особенной канцелярии по кредитной части в звании камер-юнкера высочайшего двора коллежский советник П.А. Иващенков.

Чиновник особых поручений той же канцелярии коллежский секретарь Д.Г. Тер-Асатуров.

От Государственного контроля:

Помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности статский советник Н.Н. Кузнецов.

Старший ревизор того же департамента статский советник В.А.Сакович.

Старший ревизор Департамента кредитной отчетности статский советник И.П. Авроров.

От Министерства иностранных дел:

Член Совета министерства действительный статский советник М.И. Муромцев.

Вице-директор Второго департамента министерства действительный статский советник А.П. Вейнер.

Вице-директор Первого департамента министерства в звании камергера высочайшего двора действительный статский советник В.Б. Лопухин.

Делопроизводитель VI класса того же департамента статский советник Н.Н. Маслов.

Прикомандированный для занятий к тому же департаменту вице-консул при генеральном консульстве в Калькутте коллежский асессор Л.Х. Ревелиоти.

Совещание приняло во внимание, что оказание материальной помощи заграничными установлениями Министерства иностранных дел русским подданным, застигнутым войной за границей, сводится к операциям троякого рода. На первом месте по размеру оборотов надлежит поставить производимый органами министерства перевод нашим соотечественникам за границей денежных сумм от их родственников и различных учреждений в России. Последние, непосредственно или через посредство банкирских или почтово-телеграфных учреждений, вносят определенные суммы в Первый департамент министерства. Департамент сообщает подлежащим заграничным установлениям предложения о выдаче адресатам соответственных сумм в иностранной валюте по особому курсу, установленному Особенной канцелярией по кредитной части. Выдача производится

за счет специальных кредитов, открытых Кредитной канцелярией заграничным установлениям в местных банках. Телеграфные расходы на передачу предложений о выдачах относятся на счет отправителей денег. Другая операция заключается в размене на месте заграничными установлениями нашим соотечественникам русской валюты на иностранную. Операция эта производится за счет тех же кредитов и по тому же паритету, что и перевод денежных сумм. Наконец, третий вид вспоможения русским подданным составляет выдача им заграничными установлениями за счет того же источника денежных ссуд, а в особо уважительных случаях — и безвозвратных пособий, преимущественно для возвращения на родину. Возврат ссуд обеспечивается внесением записей об их выдаче в заграничные паспорта получателей. Учреждениям в России, обменивающим заграничные паспорта на внутренние, предложено следить за пополнением ссуд возвращающимися из-за границы нашими соотечественниками при обмене паспортов. Списки недоимщиков сообщаются губернаторами Первому департаменту Министерства иностранных дел. На производство всех перечисленных операций Министерство иностранных дел уполномочено особыми положениями Совета министров, последовавшими 28 июля[1] и 14 августа 1914 г. Этими же положениями ведомству предоставлено озаботиться открытием заграничным установлениям соответственных кредитов на местах. Положением Совета министров от 28 июля 1914 г. постановлено на первоначальные расходы по выдаче ссуд русским подданным отпустить за счет наличности государственного казначейства 750 000 руб. Кредиты заграничным установлениям постепенно открывались в банках преимущественно за счет средств иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части. В настоящее время общая сумма разновременно открытых означенным установлениям на перечисление надобности кредитов составляет 7 221 239 рублей. По различным странам сумма эта распределяется следующим образом:

Австро-Венгрия	886 687	крон	—	349 088 р.
Великобритания	31 000	ф. ст.	—	293 167 р.
Германия	4 867 617	мар[ок]	—	2 253 219 р.
Франция	2 200 000	франк.		
Бельгия	225 000	— « —		
Греция	450 000	— « —		
Италия	1 000 000	— « —		
Испания	90 000	— « —	—	3 009 906 р.
Португалия	25 000	франк.		
Румыния	95 000	— « —		
Швейцария	3 941 417	— « —		
Дания	1 000 000	крон		
Норвегия	125 000	— « —		
Швеция	950 000	— « —	—	1 080 672 р.
Нидерланды	170 000	гульд.	—	132 787 р.
Египет			—	102 700 р.
	Итого			7 221 539 р.

С начала войны и по 1 января текущего года поступило на оплату переводов за границу 4 439 267 руб. 04 коп. Сведений о суммах в русской валюте, поступивших

в заграничные установления по операции размена означенной валюты на иностранную упомянутыми установлениями, за исключением лишь некоторых, еще не доставлено.

Отчетность в совершаемых операциях поступает от заграничных установлений со значительным промедлением. Нарушенная событиями войны правильность почтовых сношений не дозволяет рисковать отправлением отчетности обычным порядком, и ее направляют в Министерство иностранных дел преимущественно со случайно приезжающими в Россию заграничными чинами ведомства или же с курьерами министерства. Но и правильность курьерских отправлений ныне совершенно нарушена. С другой стороны, самое сведение отчетности заграничными установлениями не может совершаться с желаемой быстротой за недостаточностью личного состава этих установлений, на который сверх обычной текущей работы, чрезвычайно осложненной событиями войны, ложится крайне тяжелый труд по оказанию многоразличных видов помощи громадному контингенту русских подданных, застигнутых за границей войной. Тем не менее, многие установления требуемую от них отчетность доставили. Она заключается в перечневых ведомостях русских подданных, воспользовавшихся тем или другим видом материального вспоможения с указанием его рода и суммы переведенных, ссуженных, выданных в безвозвратное пособие или размененных денег. К отчетности прилагаются подлинные расписки получателей в выданных им суммах.

По поводу изложенного совещание рассуждало, что открытие кредитов заграничным установлениям на помощь русским подданным, за счет средств иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части, при совершенно специальном назначении этих средств и невозможности безвозвратного обращения их на означенный предмет, ставит на ближайшую очередь вопрос о возмещении иностранному отделению использованных заграничными установлениями его кредитов. Часть расхода пополнена поступившими в министерство иностранных дел от частных лиц и различных учреждений взносами на переводную операцию. Некоторая сумма возмещена и за счет денег, внесенных в министерство в возврат выданных за границей ссуд. Всего ныне перечислено в возмещение открытых кредитов приблизительно 3½ млн руб. Но за предоставлением в распоряжение заграничных установлений около 7 млн руб. остается непополненной еще весьма большая сумма, требующая скорейшего, по возможности, возмещения в виду значительного напряжения средств иностранного отделения.

Между тем возврат заграничных ссуд производится крайне медленно. На пополнение кредитов Отделения следует безотлагательно обратить наличность в заграничных установлениях русской и иной валюты, поступившей от разменной операции, запросив означенные установления о количестве имеющейся у них упомянутой валюты и предписав запасы ее передать способами, которые будут указаны Особенной канцелярией по кредитной части, в распоряжение иностранного ее отделения. Затем недостающие для расчетов с Отделением средства надлежит испросить к отпуску в установленном порядке из наличности государственного казначейства, с последующим обращением возвращаемых ссуд, а равно других поступлений по производимым заграничными установлениями операциям, в доход казны. Об испрошении средств для расчетов с иностранным отделением представление могло бы быть внесено в Совет министров ныне же, не дожидаясь составления подробного отчета о всех произведенных заграничными установлениями операциях. Ликвидация задолженности Мини-

стерства иностранных дел иностранному отделению представлялась бы по заявлению представителей Министерства финансов в совещании тем более необходимой, что в настоящее время, по мнению названного министерства, возможно было бы возвратиться к нормальному порядку пользования средствами Отделения для ассигнования средств за границей, т.е. посредством предварительного испрошения соответствующих кредитов на этот предмет.

Затруднительность для заграничных установлений своевременного представления отчетности не отрицается совещанием. Но желательно подвинуть их к скорейшему сообщению, в первую очередь, если и не всего требуемого от них материала, то хотя бы данных по производимой ими выдаче ссуд. Правильное возмещение казенных средств, обращаемых на переводную и разменную операции, достаточно обеспечено самой постановкой дела, при которой иностранная валюта, выдаваемая за границей, одновременно пополняется производимыми взносами эквивалента в русских деньгах. Иначе обстоит дело с выдачей ссуд. Здесь обеспечение казенного интереса требует особого надзора, а в некоторых случаях и понуждения недоимщиков. Для принятия соответственных мер подлежащие местные органы должны быть своевременно поставлены в известность о получивших ссуды русских подданных для взыскания по их возвращении в Россию следуемых сумм. Взыскание должно быть на общем основании возложено на Казенные палаты, которые поэтому и имеют быть заблаговременно снабжены списками лиц, получивших ссуды, с указанием размера этих последних. Поэтому на будущее время надлежит предложить губернаторам списки недоимщиков, обнаруженных при обмене заграничных паспортов на внутренние виды на жительство, составлять в двух экземплярах, из которых один направлять по-прежнему в Министерство иностранных дел, а другой — передавать в подлежащую Казенную палату. Ранее доставленные в министерство списки подлежат сообщению Особенной канцелярии по кредитной части для отсылки Казенным палатам. Так как губернаторам было предложено составлять ведомости недоимщиков не тотчас по открытии операций по выдаче заграничными установлениями ссуд, а по прошествии некоторого времени, в течение которого некоторые лица, получившие ссуды, могли вернуться в Россию и, не пополнив их, ускользнуть от установленного за недоимщиками надзора, то следует просить губернаторов распорядиться пересмотром обмененных на внутренние паспорта за указанный промежуток времени заграничных паспортов и по тем из них, на которых окажутся отметки о выдаче ссуд, составить особые ведомости. Независимо от доставляемых губернаторами списков, надлежит озаботиться составлением в Министерстве иностранных дел для отсылки в Казенные палаты особых ведомостей о всех вообще лицах, получивших ссуды, на основании записей заграничных установлений. Ведомости эти должны быть составляемы по каждой губернии, причем в основание распределения по губерниям лиц, получивших ссуды, могут служить сообщаемые заграничными установлениями сведения о месте выдачи означенным лицам заграничных паспортов или других видов на жительство.

Для отсылки на ревизию должны систематизироваться и подбираться в ведомостях о ссудах подлинные расписки лиц, их получивших. Далее должны быть подробно разработаны, по сверке с подлежащими оправдательными документами, сводная отчетность по каждому роду производимых заграничными установлениями операций, а затем общий по всем операциям отчет. От заграничных установлений, помимо отчетных ведомостей, книг и расписок, должны быть затребованы, по возможности, ис-

черпывающие данные о всех подробностях совершаемых означенными установлениями операций. Особо следует затребовать сведения о ссудах, возвращенных в те самые заграничные установления, из которых они были получены. Ссуды выдавались, между прочим, под разного рода ценности, процентные бумаги, под высылаемые за границу пенсии. Если ссуды выдавались под залог ценностей, то необходимо выяснить, какие именно ценности и от кого именно поступили в обеспечение ссуд в заграничные установления и находятся в них в настоящее время на хранении. Надлежит затребовать также сведения о пополнении ссуд, выданных под пенсии, за счет пенсий. Наконец, следует предложить заграничным установлениям доставить сведения о тех заключенных ими для оказания помощи русским подданным займах в местных банках, которые не были пополнены за счет средств иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части.

В Министерство иностранных дел поступают многочисленные просьбы от лиц, получивших за границей ссуды и испытывающих затруднения к их пополнению, об отсрочке, рассрочке, а также о полном сложении ссуд. Вопрос об установлении в этом отношении возможных для недоимщиков облегчений составляет предмет особой переписки между подлежащими ведомствами.

Составление погубернских о лицах, получивших ссуды, ведомостей в связи с пересмотром и подготовкой для ревизии всей вообще документальной отчетности по оборотам средств, предоставленных для оказания помощи русским подданным в распоряжение заграничных установлений, потребует весьма большого труда, который, при необходимости справиться с ним в наикратчайший по возможности срок, не может быть целиком возложен на обремененный многочисленными текущими делами наличный состав служащих в центральных установлениях Министерства иностранных дел. Поэтому в помощь им следует привлечь за счет подлежащего испрошения особого сверхсметного кредита вольнонаемных служащих.

В.Я. Фан дер Флит
П. Трохимовский
Н. Кузнецов
М. Муромцев
П. Иващенков
В. Сакович
А. Вейнер
Д. Тер-Асатуров
Ив. Авроров
Лопухин
Н. Маслов
Л. Ревелиоти

Ф. 159, оп. 726, 1915 г., д. 163, л. 1–6. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. Особый журнал от 28 июля 1914 г. по представлению министра иностранных дел от 25 июля 1914 г. за № 7763 по вопросу о мерах материального обеспечения русскоподданных, находящихся за границей. — См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 г. — М., 2008. — С. 234–235 (далее — Особые журналы Совета министров...).

101. НОТА МИД ПОСОЛЬСТВУ США В РОССИИ

Петроград, 7/20 февраля 1915 г.
Спешное

В ответ на ноту от 25 октября/7 ноября м[инувшего] г[ода] императорское Министерство иностранных дел имеет честь уведомить посольство Соединенных Штатов Америки, что императорское правительство не встречает препятствий к посещению представителем американского посольства пунктов постоянного размещения военнопленных германской и австрийской армий.

При этом императорское министерство считает долгом сообщить, что Военное министерство предлагает командируемому американским правительством лицу посетить нижеследующие пункты:

В Московском военном округе — Ковров, Покров, Суздаль, Муром, Буй, Кинешму, Путивль, Тим, Грайворон, Козлов, имение Циндлера, Ефремов, Задонск, Борисоглебск, Валуйки, Бахмут, Жиловский рудник, завод Ганефельда и Елец.

В Казанском военном округе — Оренбург, Паратский завод и Саранск.

В Омском военном округе — Курган, Петропавловск, Омск, Татарск, Новониколаевск, Томск и Боготол.

В Приамурском военном округе — Никольск, Уссурийск и Раздольное.

В Туркестанском военном округе — Ташкент, Скобелев, Самарканд, Джизак и Асхабад.

Кроме того, Военное министерство предлагает осмотреть ряд пунктов водворения военнопленных в Иркутском военном округе, список коих императорское министерство не преминет сообщить посольству дополнительно.

Передавая об изложенном, императорское министерство считает долгом прибегнуть к обычной любезности посольства, прося его не отказать сообщить в возможной скорости, кого именно правительство Соединенных Штатов предполагает командировать для осмотра означенных пунктов.

По получении сих сведений императорское министерство сочтет долгом сообщить посольству в кратчайший срок окончательные подробности относительно времени отъезда из Петрограда и т.п.

Верно: за делопроизводителя[1]

Ф. 160, оп. 708, д. 1635, л. 1–2. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] Инициалы неразборчивы.

102. ДЕПЕША ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В.А. АРЦИМОВИЧА ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВУ

№ 192 *7 февраля 1915 г.*

Милостивый государь князь Николай Александрович,

Императорский посланник в Стокгольме депешей от 29 января с.г. за № 3, в копии при сем препровождаемой[1], донес о намерении Швеции добиться исключения лесных

товаров из германского списка контрабанды путем разрешения вывоза в Германию шведских лошадей.

Обращаясь к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой осведомиться в Штабе верховного главнокомандующего, согласно просьбе камергера Неклюдова, о степени опасности для нас пополнения германского конского комплекта несколькими тысячами лошадей, считаю долгом отметить, что со своей стороны Министерство иностранных дел полагало бы необходимым соблюдение в настоящем деле некоторой осторожности, ибо какое-либо воздействие с нашей стороны в смысле сокращения экспорта из России в Швецию может нежелательным образом отразиться на нашем настоящем чрезвычайно обширном и разнообразном транзите через Швецию, имеющем непосредственное касательство к предметам, необходимым для целей войны.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Арцимович

На документе помета Н.А. Кудашева: «В[еликий] кн[язь] согласен, но при непременном условии предупреждения союзников, дабы они не сказали, что мы руковод[ствуемся] исключ[ительно] узко русскими интер[есами]. Если Россия может не признать опасность ввоза 10 т[ысяч] лош[адей] разного сорта в Германию при условии обеспечения провоза транзитом через Швецию необход[имых] нам материалов, то Фр[анция] и Англия могут взглянуть иначе. Отказ со ссылкой на Фр[анцию] и Англию облегчит нам положение»[2].

Ф. 323, оп. 617, д. 8, л. 7–7 об.

[1] Не публикуется. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 8, л. 8–8 об.
[2] См. док. № 103.

103. ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ПОСЛАМ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ А.П. ИЗВОЛЬСКОМУ И А.К. БЕНКЕНДОРФУ

14 февраля 1915 г.
Шифром

Секретная телеграмма послу в Париже и Лондоне

Сообщается посланнику в Стокгольм.

Неклюдов сообщил, что Швеция согласилась допустить вывоз 8 тысяч лошадей в Германию взамен уступок по вывозу леса[1]. Донесение посланника было доложено верховному главнокомандующему, который положил, что вывоз означенного количества лошадей не представляет больших невыгод и не усматривал бы препятствий к нему, если бы Швеция продолжала оказывать нам послабление по транзиту товаров военного значения. Однако верховный главнокомандующий полагал необходимым, прежде ответа Неклюдову, осведомиться о взгляде на этот предмет французского и английского правительств.

Благоволите объясниться в указанном смысле с правительством, при коем Вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать.

(подп.) Нератов

Ф. 323, оп. 617, д. 8, л. 12. Копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 102.

104. ДЕПЕША ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ПОСЛАМ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ А.П. ИЗВОЛЬСКОМУ И А.К. БЕНКЕНДОРФУ

№ 1254 *7 марта 1915 г.*

Для предсказания погоды в районе военных действий Главной физической обсерватории в Петрограде необходимо располагать срочными метеорологическими сведениями из Франции и Италии.

Ввиду сего благоволите обратиться к правительству, при коем Вы аккредитованы, с просьбой о передаче транзитом через Великобританию и английский кабель, в виде изъятия из запрещения, метеорологических телеграмм из Парижа и Рима в Петроград[1].

Нератов

Ф. 134, оп. 473, д. 7, л. 3. Копия. Рус. яз.

[1] 22 апреля/5 мая посол А.П. Извольский сообщил в МИД о согласии французского правительства на передачу метеорологических данных секретным шифром через Великобританию. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 79, л. 3.

105. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОСЛУ РОССИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ А.К. БЕНКЕНДОРФУ

№ 692 *2 апреля 1915 г.*

Секретная телеграмма г-на министра иностранных дел
на имя посла в Лондоне

Мы обратились к японскому правительству с просьбой уступить нам из своих запасов 300 000 винтовок с патронами к ним, приняв от нас соответственный заказ на винтовки и патроны для пополнения сказанного запаса. Исполнению этой просьбы препятствует между прочим то, что английское правительство также дало заказ на

винтовки японским арсеналам и домогается получить их теперь же из запасов японской армии.

Винтовки японские спешно нужны нам, чтобы вооружить ими отдельно действующую Кавказскую армию, а находящиеся на ее вооружении русские винтовки обратить на вооружение частей, формируемых для австро-германского фронта.

Благоволите, спешно ознакомив лорда Китченера с вышеизложенным, просить его, не согласится ли он, чтобы наша просьба о немедленной уступке японских винтовок и патронов к ним была удовлетворена в первую очередь, английская же армия получила бы винтовки и патроны по мере их изготовления японскими арсеналами. При медленности производства оружия нашими заводами, наше Военное ведомство придает этому вопросу первостепенное значение[1].

Ф. 134, оп. 473, д. 64, л. 19.

[1] В секретных телеграммах посла России в Великобритании А.К. Бенкендорфа С.Д. Сазонову от 4/17 и 7/20 апреля 1915 г. сообщалось о согласии лондонского кабинета на предоставление в первую очередь российской стороне ружей из Японии. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 64, л. 20, 21.

106. СООБЩЕНИЕ ОБ ОБРАЩЕНИИ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА

10 апреля 1915 г.[1]

Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов обратился в Главное управление Красного Креста с предложением обсудить вопрос о желательности осмотра представителями Датского Общества Красного Креста мест водворения русских военнопленных, находящихся в Германии. Министерство иностранных дел вошло уже по этому поводу в переговоры с русским посланником в Копенгагене. Главное управление Красного Креста постановило обратиться к Датскому Обществу Красного Креста с просьбой командировать своих представителей в Германию для осмотра лагерей наших военнопленных. Вместе с тем Главное управление Красного Креста постановило просить Датский Красный Крест возбудить перед германским правительством ходатайство о разрешении сопровождать представителей Датского Красного Креста при объезде ими концентрационных лагерей одному из русских подданных, назначенному русским Главным управлением Красного Креста, и принять на себя поручение по раздаче, если будет получено разрешение германского правительства, писем и денег нашим военнопленным[2].

Ф. 160, оп. 708, д. 1604, л. 7. Газетная вырезка. Рус. яз.

[1] Дата публикации в газете «Речь».

[2] По этому вопросу см. док. № 130, 154, 158, 173, 180.

107. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В СОВЕТ МИНИСТРОВ

№ 8271 *13 апреля 1915 г.*

Об отпуске из государственного казначейства средств
на оказание помощи русским подданным за границей

С прекращением почтовых и телеграфных сношений с Австро-Венгрией, Бельгией и Германией, перевод денег застигнутым войной в означенных странах русским подданным от их родственников, знакомых и различных учреждений в России пришлось организовать Министерству иностранных дел при дружественном посредничестве испанского дипломатического представительства в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии. Отправители денег в России непосредственно или через посредство банкирских или почтово-телеграфных учреждений вносят переводимые суммы в Первый департамент министерства. Департамент сообщает через заграничные установления ведомства подлежащему испанскому представителю просьбы о выдаче адресатам за границей соответственных сумм в иностранной валюте, по особому курсу, установленному Особенной канцелярией по кредитной части. Выдача производится за счет специальных кредитов, открывавшихся за границей испанским представителям из средств Иностранного отделения названной Канцелярии. Телеграфные расходы на передачу предложений о выдачах относятся на счет отправителей денег.

Другой вид вспоможения нашим соотечественникам в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии составляет выдача им испанскими дипломатическими представителями за счет тех же предоставленных в распоряжение означенных представителей специальных кредитов, денежных ссуд, а неимущим — и безвозвратных пособий на прожитие и возвращение на родину. Такие же ссуды и пособия приходится нашим дипломатическим представителям выдавать застигнутым войной русским подданным в Швейцарии, а также русскоподданным беженцам из Сирии и Палестины, направившимся в Египет. Возврат ссуд обеспечивается внесением записей об их выдаче в заграничные паспорта получателей. Учреждениям в России, обменивающим заграничные паспорта на внутренние, предложено следить за пополнением ссуд возвращающимися из-за границы нашими соотечественниками при обмене паспортов. Взыскание ссуд возложено на Казенные палаты, которые снабжаются заготовленными Министерством иностранных дел подробными списками лиц, получивших за границей упомянутые ссуды.

Деньги, поступающие в Первый департамент Министерства иностранных дел по переводной операции, а равно суммы, возвращаемые в погашение выданных за границей ссуд, обращаются на пополнение средств, расходуемых на открытие за границей кредитов для оказания материальной помощи нашим соотечественникам.

Как было упомянуто, кредиты эти открывались до последнего времени за счет средств Иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной части. В недавнее время, вследствие значительного обременения означенных средств, Министерство финансов, в лице своих представителей в особом междуведомственном совещании об установлении отчетности в упомянутых кредитах, высказалось за отнесение дальнейших на указанную надобность ассигнований на счет наличности государственного казначейства[1].

За исчерпанием к 15 марта с.г. предоставленных в распоряжение испанских дипломатических представителей в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии, а также наших представителей в Швейцарии и Египте, кредитов для оказания помощи русским подданным, Министерство иностранных дел полагало, вследствие сего, ходатайствовать об

отпуске новых средств на указанную вызываемую военными обстоятельствами надобность в порядке ст. 18 Бюджетных правил 8 марта 1906 г.[2]

Подобно восстановлению отпущенных на означенную надобность средств Иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части, равным образом и предполагавшееся к испрошению ассигнование должно было возмещаться казне за счет сумм, поступающих в Министерство иностранных дел по переводной операции, а равно денег, выплачиваемых возвращающимися из-за границы русскими подданными в погашение выдаваемых им за границей ссуд.

Переводов в Австро-Венгрию, Бельгию и Германию было выплачено в последние три отчетные месяца на следующие суммы:

	Декабрь 1914 г.	Январь 1915 г.	Февраль 1915 г.
Австро-Венгрия	31 559 р.	31 392 р.	31 836 р.
Бельгия	9 018 р.	10 051 р.	8 042 р.
Германия	78 268 р.	81 701 р.	90 459 р.
Итого:	118 845 р.	123 144 р.	130 337 р.

К декабрю 1914 г. значительное число русских поданных, застигнутых в перечисленных странах войной, возвратились на родину. Остались преимущественно задерживаемые местными властями военнообязанные, их семьи, больные и некоторые другие лица. Число остающихся в названных странах наших соотечественников в последние месяцы почти не подвергается, по-видимому, изменениям. Однако суммы переводов, хотя и незначительно, все же растут. Обстоятельство это объясняется совершением с некоторого времени переводов по телеграфу, помимо лиц, оказавшихся в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии к началу войны, также и захваченным на войне русским военнопленным, которым почтовое ведомство направляет переводы исключительно по почте. Потребные на выдачу переводов средства следовало поэтому на ближайшее время определить с некоторым превышением против суммы переводов, приходящихся на февраль с.г., исчислив их не менее как в 135 000 руб. в месяц.

Ссуд и пособий нашим соотечественникам было выдано в Австро-Венгрии: в ноябре 1914 г. — на 64 255 крон, в декабре — на 66 634 кроны, в январе 1915 г. — на 55 634 кроны. На будущее время требуется, в среднем, за округлением, 60 000 крон или 23 628 руб. в месяц. На выдачу ссуд и пособий русским подданным в Бельгии испанский посланник в Брюсселе испрашивает по 13 000 франков ежемесячно или по 4 875 руб. Потребную сумму на вспоможение нашим соотечественникам в Германии испанский посол в Берлине исчисляет в 250 000 марок в месяц или в 115 725 руб. Нашим дипломатическим представителям в Швейцарии и Египте требуется на ту же надобность ежемесячно: первому — 25 000 франков или 9 375 руб., и второму — 50 000 руб. Всего, таким образом, на ссуды и пособия русским подданным в перечисленных странах требуется 23 628 + 4 875 + 115 725 + 9 375 + 50 000 = 203 603 руб. или, за округлением, 200 000 рублей в месяц.

Вместе с деньгами на выплату переводов общая месячная потребность в средствах на вспоможение русским подданным в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии определяется, следовательно, в 135 000 + 200 000 = 335 000 руб.

По означенному расчету средства на указанную надобность надлежало бы ассигновать, по меньшей мере, на два ближайших месяца, считая с 15 марта с.г., всего в размере 670 000 руб.

Междуведомственное совещание для рассмотрения проектов гражданских ведомств в Совете министров об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов на расходы военного времени, рассмотрев настоящее дело, приняло во внимание, что в состав предложенной к испрошению суммы включены, между прочим, 270 000 руб. по расчету на два месяца, по 135 000 руб. в месяц, на расходы по операции переводов по телеграфу денег русским подданным, задержанным в Германии и Австрии, и военнопленным. Находя, что операция по переводу денег может производиться лишь по внесении отправителями соответствующих сумм в надлежащие учреждения с оплатой вперед всех накладных расходов по переводам, совещание призвало эту операцию неподлежащею причислению к числу расходов, покрываемых, хотя бы временно, ассигнованиями из государственного казначейства, так как она является лишь кассовым оборотом денег. Исключив ввиду сего из расчета указанные 270 000 руб., совещание выслушало заявление представителей Министерства иностранных дел о том, что за невозможностью по практическим соображениям выполнять операцию телеграфных переводов сумм в Германию, Бельгию и Австро-Венгрию по каждому переводу отдельно и нежелательностью задерживать телеграфные переводы до накопления более значительных сумм, ведомству иностранных дел необходимо предоставить в распоряжение испанских представителей в названных странах некоторую сумму авансом для производства выдач по телеграфным извещениям Министерства иностранных дел о взносе отправителями соответствующих сумм. Не усматривая препятствий к предоставлению такого аванса, совещание полагало, что таковой, в размере не свыше 85 000 руб., мог бы быть предоставлен единовременно из кассовых средств Иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части с тем, чтобы он был пополнен к концу войны и чтобы, в случае каких-либо потерь для названной Канцелярии, была испрошена на их возмещение соответствующая сумма из государственного казначейства в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росп.[2]

Перейдя затем к вопросу об отпуске средств на выдачу ссуд и пособий русским подданным в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии, в связи с вопросом о подобных же расходах в Швейцарии и Египте, совещание нашло, что размеры заявленных отпусков не оправданы сколько-нибудь точными подсчетами и должны быть признаны лишь приблизительными. С другой стороны, совещание отметило, что размеры предположенного по расчету на два месяца ассигнования на выдачу ссуд и пособий в Австро-Венгрии, Бельгии и Германии в 288 000 руб. и по Швейцарии в 50 000 фр. — 18 775 руб., а также и сумма в 100 000 руб. на пособия по содержанию палестинских беженцев в Египте, всего же 406 775 руб., а за округлением — 400 000 руб., представляются весьма значительными и вызывают сомнение, не слишком ли широко предполагается оказывать воспособление русским подданным за границей. Поэтому совещание признавало необходимым высказать пожелание о том, чтобы пособия и ссуды, — возврат которых лицами, находящимися в настоящее время за границей, по-видимому, должен быть признан недостаточно обеспеченным — производились лишь в особо уважительных случаях.

При этом условии, по мнению совещания, общий расход по выдаче ссуд и пособий русским подданным, как в пределах воюющих с нами держав, так и в Швейцарии и Египте, мог бы быть несколько понижен и определен на время с 15 марта по 15 мая с.г. в круглой сумме 250 000 руб. с тем, чтобы распределение этих денег по местностям производства расходов зависело от Министерства иностранных дел.

По поводу изложенного министр иностранных дел обязывается объяснить, что, не возражая против предложенного совещанием отнесения сумм, потребных на выплату за

границей переводов русским подданным, не на средства государственного казначейства, а на накопляемые с течением времени взносы отправителей денег, с предоставлением на первое время Министерству иностранных дел для осуществления переводной операции исчисленного совещанием аванса из средств Иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной части, министр затрудняется, однако, признать возможным сокращение суммы, необходимой для выдачи русским подданным, застигнутым за границей войной, ссуд и пособий — с 400 000 руб. всего до 250 000 руб. Такое уменьшение потребного, по исчислениям наших и испанских дипломатических представителей, кредита на указанную надобность лишит возможности прийти на помощь испытывающим крайние затруднения вследствие войны нашим соотечественникам в необходимой мере и неизбежно приведет к тому, что либо части нуждающихся в вспоможении лиц будет в ссудах и пособиях отказано, либо обращающиеся за оными получат недостаточное, а поэтому и не достигающее цели вспоможение. Если и возможно какое-либо сокращение испрашиваемого отпуска, то на сумму никак не более 50 000 руб., с окончательным ее определением в 350 000 руб.

По приведенным основаниям министр иностранных дел полагал бы:

На основании статьи 18 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Свод зак., т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.) и согласно высочайше утвержденному 17 января 1915 г. положению Совета министров о порядке разрешения чрезвычайных по гражданским ведомствам кредитов на потребности военного времени открыть Министерству иностранных дел чрезвычайный сверхсметный, за счет наличных средств государственного казначейства, кредит в размере трехсот пятидесяти тысяч рублей на оказание помощи русским подданным за границей.

О сем министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Совета министров[3].

Министр иностранных дел *Сазонов*
Директор *Фан дер Флит*

Ф. 159, оп. 726, 1915 г., д. 64, л. 25–28. Копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 100.

[2] См. прим. 2 к док. № 70.

[3] По решению Совета министров МИД был выделен кредит в размере 300 тыс. рублей. — См.: Особые журналы Совета министров... — С. 227–229.

108. НОТА МИД ПОСОЛЬСТВУ США В РОССИИ

№ 5276 *Петроград, 30 апреля 1915 г.*

В ответ на две ноты от 12/25 марта с.г.[1] касательно упорядочения некоторых вопросов, относящихся до быта военнопленных и военнообязанных, императорское Министерство иностранных дел имеет честь уведомить посольство Соединенных Штатов Америки, что императорское правительство согласно под условием строгого взаимства на то, чтобы воюющие сообщали друг другу сводку общих правил, установленных ими в отношении

содержания военнопленных, включая правила о размещении, одежде и продовольствии, равно как о корреспонденции, о переводе денег и о вспомоществованиях вещами.

Кроме того, императорское правительство согласно на то, чтобы начальники дипломатических миссий, защищающих во вражеской стране интересы противника или лица, их замещающие, могли по особой на каждый раз их просьбе и заранее выясненному маршруту посещать лагеря военнопленных и вести с последними в присутствии коменданта или уполномоченного им офицера беседы. Перед отъездом из лагеря посетивший его дипломатический чиновник может передать коменданту сообщенные ему пленными пожелания и жалобы.

Императорское правительство согласно также на устройство при Российском Обществе Красного Креста особого комитета для попечения о германских военнопленных, на тех же основаниях, на коих ныне в Петрограде устроен комитет для попечения об австрийских пленных. Императорское правительство находит, однако, нужным, чтобы все переговоры об устройстве этого комитета велись не дипломатическим путем, а непосредственно между российским и германским Бюро о военнопленных. При устройстве этого комитета императорское правительство соглашается на допущение к участию в его работах дипломатического представителя страны, защищающей во враждебной стране интересы противника, и также подданного другой нейтральной страны, причем в отношении последнего необходимо предварительное согласие Главного управления Российского Общества Красного Креста[2].

Верно: за делопроизводителя[3]

Ф. 160, оп. 708, д. 1494, л. 42–43. Заверенная копия. Рус.яз.

[1] Не публикуются. — См.: Ф. 160, оп. 708, д. 1494, л. 26–27; д. 1643, л. 21–22.

[2] Далее зачеркнуто: «Императорское правительство согласно на дальнейшее функционирование в России устроенных ныне в империи местной администрацией комитетов по оказанию помощи германским военнообязанным, а равно на устройство при Справочном бюро о военнопленных службы наведения справок о военнообязанных и их регистрации».

[3] Инициалы неразборчивы.

109. СПИСОК ТОВАРОВ, ЗАПРЕЩЕННЫХ К ВЫВОЗУ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ[1]

18 мая 1915 г.

Список предметов, запрещенных к вывозу из иностранных государств в связи с обстоятельствами военного времени

I

Англия

А. Список товаров, вывоз коих из Англии безусловно воспрещен.

Ацетанилид.
Ацетон.
Ацетонсалициловая кислота (аспирин).

Аконит, его препараты и алкалоиды.
Аэропланы, воздушные корабли и шары всех сортов, а также их составные части.
Метиловый спирт.
Аммоний серноцианистый.
Животные вьючные и верховые, пригодные для военных надобностей.
Антимоний.
Антипирин (Фенозон).
Беладонна, ее препараты и алкалоиды.
Бензойная кислота.
Бензол.
Шерстяные одеяла, цветные, более 3½ ф. весом.
Сапоги мужские, тяжелые.
Бромин и алкалиновые бромиды.
Шпанские мухи и препараты из них.
Карболовая кислота.
Химически чистые угли, пригодные для прожекторов.
Патроны, снаряды всякого сорта и их составные части, за исключением охотничьих патронов, снарядов и их составных частей.
Едкий поташ.
Хлорал и его препараты, включая хлорамид.
Хром и феррохром.
Одежда льняная.
Мешки для угля.
Продукты из древесной смолы, употребляемые красильной промышленностью, за исключением анилинового масла и анилиновой соли.
Кока, ее препараты и алкалоиды.
Коллодий.
Компасы, за исключением судовых.
Хлопковые отбросы всех сортов.
Крезол и все препараты из него (включая крезоловую кислоту) и нитро-крезол.
Веронал и вероналовый содиум.
Димитиловый анилин.
Краски и красильные вещества, добываемые из древесной смолы.
Еметиновый гидрохлор.
Спорынья, за исключением экстракта или иного медицинского препарата из таковой.
Евкалиновый гидрохлор.
Полевые подзорные трубы и телескопы.
Огнестрельное оружие всех сортов и его составные части.
Фураж и корм всех сортов для животных.
Формальдегид.
Гремучекислая соль из ртути.
Горчанка (трава) и препараты из нее.
Глицерин сырой и очищенный.
Кишечные перепонки.
Хлопчатобумажный порох (пироксилин).
Порох.

Амуниция и седла, для военных надобностей.
Гелиографы.
Пеньковые снасти и веревки, не исключая снастей из манильской пеньки.
Белена и препараты из нее.
Гексаметиленовый тетрамин (уротропин) и препараты из него.
Шкуры всякого рода сухие и мокрые.
Подковы.
Гидробромистая кислота.
Гидрохинон.
Индиго натуральный.
Ипекакуана.
Шерстяная одежда цвета хаки.
Свинец в кусках и листах.
Кожа обработанная или необработанная, годная для седел, амуниции и солдатских сапог.
Марганец, включая ферро-марганец.
Ртуть.
Нео-сальварсан.
Гнезда для торпед.
Никелевая руда, никель и ферро-никель.
Нитрат содиума.
Нитрат тория.
Нитротолуол.
Новокаин.
Масло для доменных печей.
Масло из каменного угля.
Масляное топливо.
Минеральное смазочное масло.
Оливковое масло.
Терпентиновое масло.
Опий, его препараты и алкалоиды.
Парафин жидкий для медицинских целей.
Парафин мягкий.
Паральдегид.
«Пептон Витте».
Перекись марганца.
Керосин для освещения.
Керосин для отопления.
Керосиновый моторный спирт.
Фенацетин.
Свиная кожа, обработанная и необработанная.
Соли поташа, а именно:
бикарбонат,
бихромат,
карбонат,
хлорат,
хлорит,

нитрат (селитра),
перманганат,
пруссиат,
сульфат.
Снаряды всех видов и их составные части.
Протаргол, за исключением серебряного протеината.
Сахарин (за исключением саксина).
Салициловая кислота и содовый салицилат.
Салол.
Сальварсан.
Сантонин и его препараты.
Сигнальные лампы, электрические и могущие быть приспособленными к телефонному аппарату Морзе и другому.
Шелковая одежда, шнуры и нити, пригодные для патронов.
Остатки вычесанного шелка.
Спирт крепостью не менее 43°.
Цинковый сульфат.
Сульфонал.
Хирургические бандажи.
Виннокаменная кислота и алкалиновые виннокаменнокислые соли.
Тимол и его препараты.
Толуол.
Трионал.
Тунгстен.
Вольфрамова руда.
Цинк.

Б. Список товаров, запрещенных к вывозу во все страны, за исключением английских владений, колоний и не имеющих соответственного правительства, Британской Индии, земель, находящихся под протекторатом его величества, о. Кипра, островов Архипелага и Египта.

Патроны, заряды всех сортов и их составные части для охотничьих надобностей.
Провизия и жизненные припасы, могущие служить пищей.
Живые животные.
Ячмень и овес.
Масло.
Сыр.
Яйца.
Маргарин.
Пшеница и пшеничная мука.
Шерсть сырая (овечья и ягнячья).
Шерстяные очески.
Шерстяные отбросы.
Шерстяная рухлядь, пригодная для иных целей, кроме удоборения.
Шерстяная пряжа.

Одежда шерстяная, пригодная для форменной одежды, за исключением женской.
Форменное платье.
Куртки из чесаной шерсти, шерстяные фуфайки, шерстяные перчатки, носки и шерстяное нижнее белье всех сортов.
Вывоз сахара рафинированного и «канди» сахара нерафинированного запрещен во все страны, за исключением островов Архипелага, Мальты, Гибралтара, Фальклендских островов, острова Св. Елены, земель Восточно-Африканского протектората, Британских Западно-Африканских колоний и земель Протектората.
Каботажная перевозка животных, амуниций, седел и снаряжений воспрещена вообще.

В. Список товаров, вывоз коих запрещен во все порты Европы и Средиземного моря, за исключением портов Франции, России (за исключением балтийских), Бельгии, Испании и Португалии.

Мишура.
Алюминий.
Лигатура алюминия.
Броня, бронированные пластинки и т.п. защитные материалы.
Асбест.
Мешки и сумки всех сортов (не исключая бумажных).
Колючая проволока и инструменты для насаждения и перерезания таковой.
Боксит.
Бисмут и соли из него.
Пузыри, кишки и колбасные оболочки.
Кабель телеграфный и телефонный.
Предметы полевой экипировки.
Камфара.
Пушки, орудия и части таковых.
Повозки и станки для пушек, орудий, пулеметов и частей таковых.
Касторовое масло.
Хронометры и всякого рода морские инструменты.
Компасы корабельные и части их.
Медная руда.
Медь в обработанном или частично обработанном виде всех сортов, включая и необработанную латунь, медь для орудий, морскую латунь и металл «Дельта».
Машины и котлы.
Взрывчатые вещества всех сортов.
Инструменты для кузнецов, плотников, седельников и каретников.
Ферро-силиций.
Огнестрельное оружие охотничье.
Льняной холст для разного рода парусов.
Четырехколесные вагоны вместимостью в одну тонну и более.
Козьи шкуры необработанные.
Селедки консервированные или соленые.
Инструменты и аппараты, исключительно служащие для приготовления военной амуниции, изготовления и починки оружия или военных предметов для суши и моря.

Каучуковые листы, вулканизированные.
Инструменты для рытья траншей: лопаты, заступы, ручки, лапки и черенки для них.
Годин, его препараты и составные части.
Железная руда.
Железо, гематитовые болванки.
Железный колчедан.
Графит, годный для изготовления тиглей.
Сырой джут.
Джутовые нити, джутовые изделия.
Льняные паруса.
Парусиновая одежда.
Материал для телеграфа, беспроволочного телеграфа и телефона.
Ртуть, ртутные соли и препараты.
Слюда.
Предметы военной экипировки.
Минеральные студни.
Мины и части таковых.
Молибден и ферро-молибден.
Нитрат аммония.
Азотная кислота.
Рвотный камень, препараты из него.
Кирки, лопаты и заступы всех сортов, ручки и черенки для них.
Пикриновая кислота и ее составные части.
Переносные наковальни.
Железнодорожный материал: подвижной и неподвижной состав.
Инструменты для измерения прицела.
Сырая резина.
Шандунский шелк в кусках.
Овечьи кожи с шерстью.
Судостроительные материалы, а именно:
котельные трубы,
трубы для конденсаторов,
железные и стальные перегородки для котлов и машин на судах,
железные и стальные пластинки,
машины для морских судов и их части,
вспомогательные судовые машины,
машины для измерительных работ,
паровые суда, лихтера, баржи и лодки всевозможных сортов.
Сера.
Серная кислота.
Сабли, штыки, другое холодное оружие и части его.
Трубы для торпед.
Торпеды и части их.
Двухколесные экипажи, могущие поднять 15 центнеров и более.
Составные части автомобилей.
Ванадий и ферро-ванадий.

Ореховое дерево в брусках, могущее служить для изготовления ружейных прикладов и лож.

II
Франция

Сушеная треска, сушеные фрукты, хлопок и хлопковые очески, шерсть-сырец крашеная и некрашеная, шерсть чесаная и кардованная крашеная и некрашеная, шерстяные очески, шерстяная материя для одежды (драп и др.), шерстяные одеяла, другие шерстяные изделия (кроме перчаток, материи в кусках и изделий вышитых или с отделкой), шелковые отбросы, бур-де-суа нечесаный и чесаный, нитки из бур-де-суа и шелковый буррет некрашеный, ткани из бур-де-суа или чистого шелкового буррета некрашеных, ненабивных и неапретированных, касторовое масло, галлусовое, сумаховое и другие растительные дубильные экстракты в жидком и сгущенном виде, древесный уголь, скипидарное масло, канифоль, симол, алюминиевый гидрат, хромовая, железная и медная руда.

Дания

[1.] Кормовые продукты (включая выжимки, сено, солому, солодильные ростки, крупномолотую сою, отруби, хлебные отбросы, морковь всех сортов, брюкву всех сортов, горох пищевой и кормовой, бобы и чечевицу), зерно, солод, картофель (за исключением картофеля, сопровождаемого свидетельством от «Контроля Министерства земледелия над заразительными болезнями растительностей»), мука (включая печеный хлеб всех сортов) и крупа (включая маисовую, саговую, рисовую и греческую крупу).

2. Золото и серебро, отчеканенное или в слитках (включая иностранные золотые и серебряные монеты, выкатанные серебряные листы и золотой припай. Но путешественникам разрешается увозить с собою до 200 крон отчеканенного золота или серебра).
3. Уголь, кокс, керосин, бензин и иного рода топливо, а также мази (включая вазелин и глицерин).
4. Оружие всякого рода, включая охотничьи и отдельные части оружий, которые можно распознать как части.
5. Амуниция всякого рода и отдельные части оной, которые можно распознать как таковые.
6. Порох и взрывчатые вещества и сырой материал для производства их (включая серу, серную кислоту, селитру, селитренную кислоту и глицерин).
7. Электрические кабели.
8. Моторные повозки (включая все отдельные части таковых, а также шланги и шины).
9. Инструменты и приборы, предназначенные исключительно для изготовления военной амуниции, для изготовления или починки оружия и материалов, предназначенных для сухопутной и морской войны.
10. Сырой материал для постройки или починки железных или стальных кораблей и для изготовления оружия или амуниции (включая всякого рода алюминий, антимоний, всякого рода свинец, старый и новый, вылуженное и оцинкованное железо, оцинкованные болты для железных кораблей, всякую красную медь, старую и новую, листы белой меди, штыки белой меди, старую белую медь, необработанный никель, всякое олово, старое и новое, цинк в слитках и листах).
11. Гематитовая железная руда, гематитовый чугун, железный колчедан, хромистая руда, хромистое железо, кремнистое железо и никелевая руда.

12. Лес колодами, бревнами и досками.
13. Колючая проволока.
14. Вычески твиста (твист для чистки).
15. Перевязочный материал (включая дегтярный жгут и гигроскопическую вату).
16. Растительные масла и стеарины для применения при производстве маргарина.
17. Копра, сусанные семена и земляные орехи.
18. Аптекарские товары (все перечисленные в постановлении об аптекарских товарах от 1 августа 1914 г. товары).
19. Шерсть (овечья и барашковая).
20. Тканые и вязаные шерстяные товары и шерстяные нитки, несмотря на процент содержимой в них шерсти.
21. Бумажная материя и бумажные нитки.
22. Шерстяные и полушерстяные тряпки и вычески шерсти.
23. Все сырые шкуры и телячьи шкуры, весящие, по крайней мере, 8 килограммов с солью.
24. Барашковые и овечьи кожи, за исключением гладких.
25. Пустые бумажные и джутовые мешки и джутовая материя для мешков.
26. Сырая резина.
27. Лошади, включая жеребят разных категорий.
28. Шкуры овечьи и бараньи.
29. Марганцевая руда.
30. Семена льна и маргарина.
31. Сушеная черника.
32. Очищенная и неочищенная эссенция скипидара.
33. Свиное сало.
34. Древесная смола.
35. Удобрения из суперфосфата.
36. Костяная мука.
37. Нашатырь.
38. Сульфат.
39. Все сырые материалы, годные для изготовления искусственных удобрений.
40. Клевер.
41. Иглы для вязальных машин.
42. Охотничьи ремни.
43. Шорные изделия.

Голландия

Поросята, рогатый скот.

Швейцария

1. Пшеница.
2. Полба.
3. Ячмень.
4. Рожь.
5. Овес.
6. Кукуруза.
7. Продукты из перемола.
8. Кормовая мука.
9. Отруби.
10. Интенсивный корм.

Болгария

Пшеница.
Ячмень.
Овес.
Рис в зерне.
Мука пшеничная, ржаная, ячменная, кукурузовая и картофельная.
Бобы.
Чечевица.
Кукуруза.
Горох.
Лук.
Масло коровье и овечье.
Свиное сало.
Шпек.
Шерсть всякая.
Крупный и мелкий скот.
Сено.
Солома, вика и другие кормовые травы.
Шерстяные, хлопчатобумажные, льняные, джутовые и др. материи, как в чистом виде, так и изготовленные в соединении с другими материалами, как то: каучук, кожа и проч.
Пряжа всякая.
Брезенты и мешки.
Сода и медь.
Топливо — каменный уголь, кокс, деготь и нефть.
Осветительные материалы — газ, растительные масла, свечи всякие, сало свечное и парафин.
Кожи выделанные и невыделанные.
Кожевенные изделия.
Сухари, галеты.
Хлеб печеный.
Бисквиты.
Сахар.
Кофе.
Чай.
Черный и красный перец.
Винная и лимонная кислота.
Растительные масла, идущие в пищу.
Лекарства разные.
Инструменты разные медицинские.
Перевязочные и другие санитарные материалы.
Автомобили всякого рода.
Упряжные экипажи.
Вагоны.
Лодки, баржи и другие суда и вообще всякие перевозочные по водному и сухому пути средства.

Смрадлика.
Паламуд.
Дубовая кора и экстракты из нее.

Румыния

Хлеб в зерне.
Мука всякого рода (за исключением маисовой).
Овес.
Сено.
Фураж разный.
Горох, бобы.
Пищевые продукты всякие.
Семена подсолнечника.
Шерсть.
Золотая монета.
Меха.
Шкуры.
Кожи.
Обувь.
Кожевенные изделия.
Уголь.
Нефть.
Циновки.
Аптекарские товары.
Хирургические инструменты, вата и всякого рода перевязочный материал.
Серная кислота.
Сурьма.
Свинец.
Металлы разные в необработанном виде, а также в виде полос и листов (за исключением бывшего в употреблении железа).
Металлические изделия.
Тряпье.
Ткани разные.
Линолеум.
Мешки и ткань для мешков.
Экипажи и упряжной скот.
Плуги.
Каучук.
Автомобили, бициклеты, мотоциклеты, автомобили-платформы и различные принадлежности к ним.
Телефоны.
Радиотелеграфические станции.
Аппараты к телефонам.
Кабели.
Лопаты и кирпич.

Сербия

Пищевые и фуражные продукты.
Скот всякий, кроме коз.
Птица.
Яйца.
Сало сушеное и копченое.
Овечья шерсть.
Шкуры ягнят и козлят.
Кожи, просто дубленые и другие.
Медь и ее соединения необработанные, в кусках, в болванках; все предметы из меди и свинца и пр.[очих] соединений; проволока, цилиндры, болванки, листы (пластинки), трубы и др.[угие] предметы из этих металлов и соединений, как ружейные и пушечные гильзы, дробь, кухонная посуда (новая и старая).
Антимоний сырой и горный.

Дозволено к вывозу:
Сушеная и копченая рыба.
Мясо сушеное и копченое.
Масло.
Ветчина, сосиски, салями.
Сливы свежие, сушеные и в мармеладе.
Картофель и др.[угие] овощи.
Сыр «кашковал».

Швейцария
(продолжение)

Суррогаты кофе.
Цикорный корень.
Шоколад.
Уксус и уксусная кислота.
Бензин.
Резиновые изделия.
Мягкий реторный уголь.
Жесть в листах и в деле.
Кабель всех сортов.
Изолированные электрические провода.
Смола разная (cochon, poix).
Гудрон.
Каменный уголь.
Бисквиты без сахара, даже размельченные.
Льняные нитки.
Конопля.
Джут.
Рами, другие подобного рода текстильные продукты, так же как отбросы тканей вываренные, смытые, очески беленые, крашеные, штампованные.
Пряжа в катушках, мотках и клубках.

Веревочные изделия, канаты, кабель, слюда.
Разные изделия из алюминия и лигатуры.
Лак в чешуйках.
Медный купорос.
Обувь всякого рода.
Графитные тигли.
Камфара сырая и очищенная.
Серная кислота, служившая уже для употребления или для др.[угих] целей.
Ясеневое дерево, целое, распиленное или брусками и в другом виде.
Телячьи желудки свежие или сушеные.
Вытяжки в порошке, экстракт или в др.[угих] препаратах.
Бисквиты.
Кондитерские товары.
Свежее молоко.
Строительный лес и изделия.
Электромагниты для автомобилей.
Медная руда.
Свинец.
Антимоний.
Сера.
Фосфор белый и красный.
Сульфат.
Алюминий.
Соли.

Болгария
(продолжение)

Золотая и серебряная монета.
Оконное стекло.
Деревянные строительные материалы (шпалы).

Румыния
(продолжение)

Ячмень.
Кукуруза (в зерне и муке).
Горох.
Чечевица.
Просо.
Отруби.
Орехи.
Кишки (сухие и соленые).
Железный лом.

Ф. 158, оп. 449, 1915 г., д. 155, л. 4–11 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Список был составлен во Втором департаменте МИД по запросу Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности России на основе данных, полученных от российских дипломатических представителей за границей. — См.: Ф. 158, оп. 449, д. 155, л. 1–3.

110. НОТА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ПОСЛУ ИСПАНИИ В РОССИИ КАРТАХЕНЕ

№ 6995/ДІІ *Петроград, 10 июня 1915 г.*

Господин посол,

В продолжение предыдущих сообщений имею честь довести до сведения Вашего превосходительства показания, данные надлежащим военным властям пятью российскими солдатами, бежавшими из Германии в мае месяце сего года.

Эти люди утверждают, что, попав в плен и будучи отправлены под конвоем в армейские тылы, они подвергались побоям и издевательствам не только со стороны проходивших мимо солдат, но и гражданских лиц. Их били хлыстами, пиками, прикладами ружей, саблями; пинали ногами, плевали им в лицо, бросали песок в глаза и т.п. Одного из них, казака, хотели расстрелять около пехотного бивака, и он избежал этой участи только благодаря своему «отказу» от принадлежности к казачьему сословию.

При допросе ему давили на глаза и, отделив от других пленных, выводили и ставили его на линию огня. Издевательства и оскорбления не прекращались и там. По прибытии пленных солдат в Логумклостер, трое из них оказались свидетелями того, как один российский пленный по имени Степан Кузнецов, возвращаясь с работы, получил убийственный удар прикладом в пах, от которого вскоре скончался. В Хаммерштайне они видели, как российского пленного закололи штыком. В Стендале пленных били резиновыми ремнями и натравливали на них собак; был даже один случай, когда пленному рассекли голову саблей.

Питание во всех лагерях было очень плохим. С 19 февраля пленные вместо фунта хлеба в день стали получать только половину этой порции. Утром в 6 часов им давали теплую воду с небольшим количеством муки, картофеля или желудей; в полдень — суп с горохом, морковью или свеклой; несколько раз в суп клали молотое мясо и дважды в неделю, в четверг и в субботу, — рыбу, но в очень малом количестве. Часто эта рыба и это мясо были плохого качества. По воскресеньям давали кофе. Письма и почтовые посылки до пленных не доходили. Санитарное состояние лагерей было плачевным. Спали пленные на соломенных тюфяках в холодных помещениях на нарах в два или три этажа. За все время их только один раз сводили в баню, чего было явно недостаточно ввиду множества заведшихся на них паразитов. Неудивительно, что в таких условиях среди пленных была большая смертность. Так, в Логумклостере за три месяца из 2 тыс. русских 60 человек умерло.

В Шлезвиге пленные были заняты на тяжелых работах, таких, например, как добыча торфа. Они получали, хотя и нерегулярно, по 15 пфеннингов за 24 часа работы. Пленные неоднократно подвергались обыскам. В ходе таковых у одного из солдат отобрали часы стоимостью в 18 рублей, а у другого — в 25 рублей, у третьего — бритву, у четвертого — сапоги, у пятого – часы и 86 рублей деньгами.

По словам этих людей, с пленными французами и бельгийцами обходились лучше, чем с русскими.

Кроме того, все дружно говорят о привилегированном положении среди пленных представителей еврейской национальности. Германские власти наделяют сих последних исключительными привилегиями и преимуществами. Бежавшие солдаты рассказывают, что германские военные власти выдают российским пленным солдатам, евреям по происхождению, резиновые плетки и приказывают использовать оные против их

русских товарищей при малейших промашках со стороны последних. Солдаты-евреи в полной мере пользуются этим разрешением и доходят в своем усердии до истязаний и убийств. На основании рассказов бежавших русских пленных мы вправе заключить, что германские военные власти используют чувства расовой нетерпимости для установления строгого надзора за пленными и поощрения доносительства, не обращая внимания на неслыханные злоупотребления и преступные бесчинства, которые являются неизбежным следствием этого.

Прошу Ваше превосходительство соблаговолить довести вышеизложенное до сведения германского правительства, самым решительным образом высказавшись против такого обращения с военнопленными, принятого в нарушение всех человеческих законов и норм международного права.

Соблаговолите принять, г-н посол, уверения в моем глубоком почтении.

Подписано: Нератов
Верно: за делопроизводителя[1]

Ф. 156, оп. 457, д. 112,. л. 157–158. Заверенная копия.
Перевод с французского.

[1] Инициалы неразборчивы.

111. НОТА МИД ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ НЕЙТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В РОССИИ

№ 7558/ДII *Петроград, 20 июня 1915 г.*
Циркулярно

Императорское правительство сочло необходимым внести некоторые изменения в Положение от 20 июля 1914 г. о военной цензуре.

Вследствие этих изменений дипломатические и консульские представители нейтральных государств должны будут отныне вести переписку, сообразуясь со следующими правилами:

1. Остается неприкосновенной и не подлежит цензуре следующая корреспонденция:

a) Официальная корреспонденция под официальной печатью, адресуемая иностранным дипломатическим установлениям в Петрограде их собственными правительствами, а также дипломатическими установлениями того же государства за границей или консульскими представителями того же государства в империи.

b) Официальная корреспонденция под официальной печатью, направляемая иностранными дипломатическими установлениями в Петрограде своим правительствам или установлениям, указанным в пункте a).

c) Официальная корреспонденция под официальной печатью, адресуемая иностранным консульствам в России их правительствами, а также посольствами или миссиями того же государства в Петрограде.

d) Официальная корреспоненция под официальной печатью, направляемая консульствами посольствам или миссиям того же государства в Петрограде.

2. Вся прочая корреспонденция, которая будет исходить от дипломатических и консульских установлений в России или адресоваться им, подлежит цензуре, даже если будет скреплена официальными печатями.

3. В казенных пакетах, скрепленных официальными печатями дипломатических и консульских установлений или их правительств, не должно содержаться переписки частных лиц.

4. Официальные посылки под официальной печатью, которыми будут обмениваться дипломатические представители в России и за границей, неприкосновенны и не подлежат цензуре. Также неприкосновенна и не подлежит досмотру официальная почта дипломатических установлений, направляемая с дипломатическими курьерами и снабженная официальными печатями, а также надписью: «Официальное отправление».

Императорское правительство имеет честь довести вышеизложенное до сведения...[1]

Ф. 156, оп. 457, д. 159, л. 66–67. Копия.
Перевод с французского.

[1] На этом текст документа заканчивается.

112. ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ПОСЛАМ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ А.П. ИЗВОЛЬСКОМУ И А.К. БЕНКЕНДОРФУ

№ 2816 *2 июля 1915 г.*

Секретная телеграмма товарища министра иностранных дел гофмейстера А.А. Нератова послам в Париже и Лондоне

На последнем заседании совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия выяснилось, что, ввиду угрожающего в России по размерам недостатка в порохе и возможности, судя по некоторым данным, приобрести его за границей, представляется крайне необходимым энергично настоять на уступке нам пороха союзниками. Благоволите вследствие сего сделать перед местным правительством настоятельное представление и выяснить, в каких размерах оно может оказать нам помощь порохом. Укажите при этом на все те весьма нежелательные последствия, которые может иметь дня нас и для союзников недостаточное снабжение России порохом[1].

(подп.) Нератов

Ф. 134, оп. 473, д. 65, л. 41. Копия. Рус. яз.

[1] 25 июля/8 августа 1915 г. посол России во Франции А.П. Извольский сообщил товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову о том, что французское правительство в настоящее время не имеет возможности в полном объеме поставлять порох России, однако готово отправлять около 50 *т* пороха в месяц с последующим увеличением поставок по мере пополнения запасов французской армии. — См.: Ф. 134, оп. 473, д 65, л. 17.

113. ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В ЛОНДОНЕ[1]

9/22 июля 1915 г.

Отчет о помощи, оказанной русским подданным генеральным консульством в Лондоне при начале военных действий

В первые три месяца по возникновению войны в генеральное консульство являлось ежедневно от 200–300 лиц; в дальнейшем число это убавилось. Этим лицам пришлось оказывать помощь советами, деньгами, указанием адресов и т.д.

Весь личный состав генерального консульства напрягал все свои силы, чтобы справиться с чрезвычайно трудной задачей, и работал ежедневно с раннего утра и до поздней ночи, не исключая воскресений и праздников, беспрерывно и без устали. Особенное внимание, конечно, было обращено на то, чтобы помочь бедствующим в денежном отношении.

При выдаче заимообразных сумм генеральное консульство, сообразуясь с полученными предписаниями, руководствовалось следующими соображениями:

Для русского подданного, попавшего в затруднительное положение вследствие войны, в большинстве случаев, само собой разумеется, являлась лучшей поддержкой возможность вернуться в Россию. Поэтому большинство русских подданных, обращавшихся за помощью, были отправлены в Скандинавию, причем их снабжали теплым платьем. Лица, которые по болезни или по другим уважительным причинам не могли отправиться в путь, получали деньги заимообразно на прожитие в Лондоне, пока они были в состоянии отправиться в путь. Для артистов, студентов, изобретателей и газетных корреспондентов было сделано исключение ввиду того, что они по необходимости должны были оставаться за границей. С другой стороны, пришлось отказывать в денежной помощи лицам, не имеющим никакого основания просить о такой помощи для прожития за границей и отказывавшимся от отправления их в Россию.

С начала войны по сие число заимообразно была выдана сумма общей сложностью в –
15 363 ф. ст. 1 шилл. 9 пенс.

Для облегчения перевода денег из России генеральное консульство выдало по поручению Министерства иностранных дел трансфертами сумму общей сложностью в –
17 830 ф. ст. 15 шилл.

и разменяло 6 666 русских рублей по льготному курсу в 101 рубль за 10 ф. стерл.

Никакого различия не было сделано по отношению к религии и расе получателя. Помощь была оказываема в равной мере всем русским подданным, обращавшимся в генеральное консульство.

По приказанию императорского посла русским проживающим в Лондоне студентам, которым до окончания учения оставалось лишь шесть месяцев, а также студентам, родители которых проживали в местностях, занятых немцами, и некоторым другим студентам, находившимся временно в затруднительном положении, были выданы заимообразно суммы для проживания в Лондоне. Но, вообще говоря, лицам, не желавшим возвратиться в Россию, была выдаваема денежная помощь, только чтобы телеграфировать родственникам или друзьям в Россию относительно высылки им денег, а также чтобы дать им возможность до получения денег существовать в Лондоне. К сожалению,

надо отметить, что подобный здравый принцип привел к злоупотреблениям со стороны некоторых лиц, получавших несколько раз деньги и твердивших, что они не получают денег от своих родных.

Вообще говоря, раздача денег и ссуд, к сожалению, слишком часто деморализует слабохарактерных людей. Есть много людей, старающихся добиться как можно больших льгот, преимуществ и предпочтений, настаивая, например, на выдаче больших сумм денег, тогда как генеральное консульство получило предписание сообразоваться в размере выдаваемых денег лишь с самыми неотложными нуждами просителей, избегая лишних затрат. Иные требовали гарантии от немецких мин на море, доискивались каких-то несуществующих путей сообщения и т.д.

Способ возвращения лиц в Россию был для всех одинаков: их отправляли в Стокгольм, Христианию или Берген; в течение же первых двух месяцев войны — и в Копенгаген. Мужчин в III классе, а женщин на пароходе – в I классе, а по железным дорогам — в Англии в III кл. и в Скандинавии — во II кл.

Кроме заимообразных выдач, были выданы пособия из остатка фонда ее величества императрицы Марии Федоровны в размере 70 ф. стерл.; из благотворительного фонда генерального консульства, предоставленного ему Министерством иностранных дел, выдано за время с 1 мая по 31 декабря 1914 г. 281 ф. стерл.

Особое внимание было уделено возвратившимся из Канады и Америки эмигрантам, могущим служить в армии. Они были отправлены в Россию на средства, выданные им заимообразно ввиду того, что они представляли собой отличнейший состав для пополнения рядов сражающейся армии. Люди эти обыкновенно приезжали из Америки в Англию с лошадьми, предназначенными для военных целей, но затем, высадившись в Англии и сдав лошадей, оказывались без средств к дальнейшему путешествию в Россию.

С особым удовольствием генеральное консульство принялось за водворение нижних чинов и офицеров в Россию, успевших бежать из немецкого плена и приехавших в Лондон. Они пользовались в Лондоне особенным вниманием, получали подарки от разных лиц, были угощаемы и затем отправляемы в Ньюкастл для дальнейшего следования в Россию.

Кроме работы в самом генеральном консульстве, личный состав его принимал еще деятельное участие в разных частных учреждениях в пользу русских подданных, как например: в Британском комитете для оказания помощи русским, спасающимся от войны (The Anglo-Russian Committee for the Assistance of Russian Refugees), в Комитете для беглецов из-за войны (War Refugee Committee) и в Русском благотворительном фонде (Russian Benevolent Fund). С секретарем этого последнего фонда, председательницей которого состоит супруга императорского посла, генеральное консульство находится в постоянной переписке, часто действуя с ним сообща. Адрес Русского благотворительного фонда — 68, Finsbury Pavement. Этот фонд развил в данное критическое время усиленную деятельность по оказанию помощи застигнутым войной русским подданным. До конца 1914 года этим фондом истрачено для русских, застигнутых войной, 172 ф. ст. 5 шилл. 2 п. Эта сумма обнимает 80 ф. ст. 13 ш. 6 п., данных наличными деньгами, 64 ф. ст. 14 ш. 6 п., израсходованных на помещение нуждавшихся в ночлежные дома, 10 ф. ст., израсходованных на теплую одежду, и 16 ф. ст. и 17 ш. 2 п., употребленных на железнодорожные расходы. Общее число лиц, пользовавшихся помощью Русского благотворительного фонда до конца 1914 года, дошло до 1 222 человек.

Приезжавшие с континента русские подданные встречались на железнодорожных станциях, помещались в разные благотворительные учреждения и другие места

для ночлега. В этом деле особенное участие принимала супруга нашего вице-консула, г-жа Гамбс.

Для отправки больших партий русских подданных прямо в Архангельск заезжали в лондонский док и в Дувр члены генерального консульства. Так, например, на зафрахтованном великобританским адмиралтейством судне «Калипсо», шедшим из Дувра в Архангельск, было помещено несколько сот человек под личным наблюдением генерального консула в Лондоне.

Кроме русских подданных, генеральному консульству приходится ведать интересами славян нерусского подданства, находящихся в Лондоне. Славяне, принадлежащие к подданству Германии и Австрии, считаются английскими властями врагами. Путем переписки с английским министерством внутренних дел генеральное консульство заручилось доверием английских властей, вследствие чего эти последние обращались в генеральное консульство с просьбой помочь выяснить, насколько данный германский или австрийский подданный — славянин может считаться благонадежным и может ли быть освобожден от заключения в концентрационном лагере. В каждом отдельном случае необходимо было удостовериться в том, — насколько это вообще было возможно, — есть ли симпатии у отдельного лица к России. Английские власти руководились выраженным генеральным консульством мнением по отдельным случаям. Таким образом, генеральному консульству была предоставлена роль покровителя всех славян в Англии — будь то русский, германский или австрийский подданный.

Чехи и поляки составляли особые комитеты, задача которых состояла в том, чтобы выдавать свидетельства о принадлежности к польской или чешской народности, но эти свидетельства должны были быть удостоверяемы генеральным консульством, чтобы иметь значение в глазах английских властей.

Ф. 256, оп. 555б, д. 200, л. 122–127. Копия. Рус. яз.
Опубл.: Известия МИД. — 1915. — Кн. IV. — С. 170–173.

[1] Отчет был направлен во Второй департамент МИД.

114. НОТА МИД ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ В РОССИИ

№ 8123/ДII *Петроград, 10/23 июля 1915 г.*

Императорское правительство установило на время войны новые правила, касающиеся паспортов иностранных подданных, прибывающих в Россию, а именно:

1. Российские посольства, миссии и консульства, визируя национальные паспорта иностранцев, отправляющихся в Россию, обязаны требовать:

a) чтобы в этих паспортах имелись фотографические карточки всех записанных в оные лиц страше 9 лет. Эти карточки должны быть заверены выдававшими паспорта властями;

b) чтобы в этих паспортах содержались удостоверенные теми же властями показания их владельцев относительно их возраста и подданства. Владельцы паспортов должны при этом показать, являются ли они подданными соответствующего государства

от рождения или стали таковыми в результате натурализации и, по возможности, когда это произошло. В последнем случае в паспортах должно быть также указано, подданными какого государства были владельцы паспортов до натурализации.

Кроме того, в данной декларации надлежит отметить, в какую область империи владелец паспорта собирается отправиться и с какой целью.

2. В паспортах, которые, согласно ст. 219 Положения о паспортах, выдаются иностранцам для въезда в Россию императорскими посольствами, миссиями и консульствами, фотографические карточки, равно как и декларации, означенные в разделе b) вышеприведенной 1-й статьи, должны заверяться соответствующими посольствами, миссиями и консульствами.

Императорское министерство иностранных дел имеет честь довести вышеизложенное до сведения иностранных посольств и миссий в Петрограде.

Ф. 156, оп. 457, д. 159, л. 72–72 об. Копия.
Перевод с французского.

115. ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА ПО ОБМЕНУ И ЭВАКУАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАЛЕК ЧЕРЕЗ ШВЕЦИЮ

13 июля 1915 г.

ЖУРНАЛ № 3

Заседание 13 июля 1915 года

Присутствовали:

Председательница: Анна Борисовна Сазонова.

Члены комитета: генерал от инфантерии М.А. Беляев, шталмейстер А.Д. Зиновьев, тайный советник А.К. Бентковский, генерал-майор И.В. Павлов, генерал-майор И.А. Овчинников, в д[олжности] гофмейстера барон М.Ф. Шиллинг, церемониймейстер граф К.Ф. Берг, статский советник А.Д. Чаманский и статский советник И.П. Дмитров.

Комитет заслушал последнее донесение императорского посланника в Стокгольме и текущую переписку по делу об обмене и эвакуации наших увечных через Швецию[1]. Из донесений этих явствует, что 8-го сего июля Германия и Швеция приняли, наконец, все наши условия, изложенные совместно со Швецией в меморандуме от 24 июня/7 июля с.г., и дали свое формальное согласие по сему делу. Шведский министр иностранных дел просил срочно перевести ему аванс в сто тысяч крон на расходы по эвакуации наших увечных и настаивал на начатии русско-германского обмена, не дожидаясь окончательного принятия наших условий Австро-Венгрией. Деньги были немедленно ему переведены распоряжением военного ведомства, а оставшийся было открытым вопрос о соглашении между Австрией и Германией на предмет провоза транзитом через Германию наших увечных и австро-*венгерских* инвалидов неожиданно решился в конце заседания. 13-го сего июля Австро-Венгрия привступила формально к обмену через Германию и Швецию и тем закончила благополучно сложные и длительные переговоры по сему делу.

Комитет переходит к технической стороне обмена и эвакуации.

Комитет принял во внимание: 1) телеграфное сообщение императорского посланника в Стокгольме о том, что со шведской стороны для начала эвакуационной кампании будет все готово к концу сего июля и 2) то обстоятельство, что привступление Австро-Венгрии к обмену на широких началах, заставит и нас расширить предполагавшуюся организацию.

Обсудив все вышеизложенное комитет нашел желательным: 1) не изменять достигнутых по сему вопросу соглашений, дабы этим самым не давать повода нашим врагам нарушить самые соглашения и 2) найти скорейших выход из создавшегося положения, использовав все возможные к тому средства.

По обмене мнениями, комитет постановил приступить к организации эвакуации военнопленных инвалидов в спешном порядке, а для сего:

1) Распоряжением военного ведомства и Управления финляндских ж.д. сформировать и оборудовать три санитарных поезда;

2) Разработать графики движения этих санитарных поездов применительно к приходу и отходу шведских санитарных поездов шведской ст.[анции] Хапаранда;

3) Выстроить и оборудовать на ст.[анции] Торнео эвакуационный и изоляционный пункт;

4) (Ввиду отказа в последнюю минуту шведов) — организовать самостоятельно баржи, их движение и самую передачу инвалидов из Хапаранды в Торнео и обратно;

5) Назначить для заведывания пунктом и переправой в Торнео, распоряжением Красного Креста, требующийся медицинский и санитарный персонал и

6) Начать свозить, распоряжением военного ведомства, в казармы Московского полка военнопленных инвалидов из отдаленных частей России.

Председательница Комитета:
(п.) Анна Сазонова

Ф. 160, оп. 708, д. 6213, л. 86–87 а. Копия. Рус. яз.

[1] Не публикуется. — См.: Ф. 160, оп. 708, д. 4635.

116. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА РОССИИ ВО ФРАНЦИИ А.П. ИЗВОЛЬСКОГО ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВУ

№ 464 *22 июля/4 августа 1915 г.*

Секретная телеграмма посла в Париже

Получил Вашу телеграмму № 3735[1].

На аналогичный запрос своего начальства наш здешний военный агент ответил, что французская металлургическая промышленность действительно настолько развилась, что мы можем дать значительные новые заказы снарядов, ударных трубок и взрывателей, о чем он по всестороннем обсуждении дела донесет подробно допол-

нительно. 200 000 ударных трубок с взрывателями и 200 000 запальных стаканов он получает ежемесячно сверх конвенции. Что касается дистанционных трубок, граф Игнатьев отмечает, что заказ их сделан помимо него непосредственно «Шнейдеру» в Петрограде и будет выполняться даже без участия французского военного контроля, вследствие чего он не может сделать по этому поводу заявления французскому правительству. Со своей стороны я сделал французскому правительству сообщение на основании Вашей телеграммы № 3735, поддерживая шаг, предпринятый нашим военным агентом.

Извольский

Ф. 134, оп. 473, д. 65, л. 16. Копия. Рус. яз.

[1] В телеграмме от 20 июля 1915 г. № 3735 А.А. Нератов сообщал А.П. Извольскому о том, что России необходимо содействие Франции в изготовлении для русской артиллерии дистанционных трубок и взрывателей. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 65, л. 15.

117. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.Ф. ШИЛЛИНГА В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 617 *24 июля 1915 г.*

В видах усиления нашего воздействия на общественное мнение за границей и использования его в благоприятном для нас направлении, чему придается особенное значение Штабом верховного главнокомандующего, г-ном товарищем министра, вследствие переговоров с директором-распорядителем Петроградского телеграфного агентства, признано желательным установить обслуживание голландской и швейцарской печати бесплатными сообщениями Петроградского телеграфного агентства, на тех же основаниях, на коих агентством с начала войны обслуживается шведская, датская, румынская и болгарская печать. Вместе с тем признано полезным удовлетворить ходатайство посланника нашего в Дании о командировании и содержании в Копенгагене на время войны специального корреспондента Петроградского телеграфного агентства.

На этот предмет необходимо испросить через Совет министров дополнительное ассигнование агентству в размере 4 200 рублей в месяц и возмещение ему перерасхода в размере 10 467 рублей 89 коп. под условием посылки в Копенгаген специального корреспондента агентства[1].

Произведенный агентством расчет при сем прилагается[2].

Начальник Канцелярии: бар. Шиллинг

Ф. 159, оп. 481, д. 387, л. 4—4об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Особый журнал Совета министров по этому вопросу был утвержден Николаем II 4/17 сентября 1915 г.
[2] Не публикуется. — См.: Ф. 159, оп. 481, д. 387, л. 6–6 об.

118. ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ПОСЛАМ РОССИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США А.К. БЕНКЕНДОРФУ И Ю.П. БАХМЕТЕВУ

№ 3903 *31 июля/13 августа 1915 г.*

Секретная телеграмма послам в Лондоне и Вашингтоне

Хотя посольство, вероятно, уже знает об образовании при Совете съездов представителей промышленности и торговли Центрального военно-промышленного комитета для распределения между заводами, привлеченными к работам на государственную оборону, заказов военного ведомства, считаю долгом сообщить о сем официально, прося о всегдашнем срочном содействии, имеющим поступить в будущем через министерство срочным поручениям комитета.

(подп.) Нератов

Ф. 134, оп. 473, д. 65, л. 51. Копия. Рус. яз.

119. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

№ 694 *18 августа 1915 г.*

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Я имел честь получить письмо Вашего высокопревосходительства от 14-го сего августа № 676[1] и не премину исполнить содержащееся в нем предписание.

Одновременно с сим я по телеграфу сношусь с бароном Шиллингом в видах точного выяснения желаний г-на Вашбурна, т.к. упоминаемая Вами общая рекомендация нашим военным начальникам у него уже имеется.

К сему считаю долгом присовокупить, что с самого начала деятельности г-на Вашбурна на театре военных действий в качестве корреспондента «Таймс» я указывал в Ставке на его прекрасные корреспонденции. Его деятельность была одобрена и вполне оценена и другими лицами Штаба, причем по моему ходатайству ему была выдана генералом от инфантерии Янушкевичем упоминаемая выше общая рекомендация. Это единственный документ такого рода, который был выдан из Штаба верховного главнокомандующего. Ни одному из иностранных корреспондентов, кроме г-на Вашбурна, таковых рекомендаций не выдавалось, и он в этом отношении несомненно был поставлен в лучшие условия, нежели другие, даже русские корреспонденты. С моей стороны ему в свое время было также оказано содействие в освобождении его автомобиля от реквизиции и даже в провозе автомобиля в Петроград по окончании совершенных г-ном Вашбурном поездок. Я и на будущее время, ввиду предписания Вашего высокопревосходительства, буду делать все от меня зависящее для облегчения деятельности этого полезного иностранного корреспондента.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства...[2]

Ф. 323, оп. 617, д. 58, л. 39–39 об. Копия. Рус. яз.

[1] В письме № 676 от 14/27 августа 1915 г. С.Д. Сазонов просил Н.А. Кудашева доложить начальнику Штаба верховного главнокомандующего о желательности предоставить С. Вашбурну общую рекомендацию российским военачальникам. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 58, л. 37–38.

[2] Многоточие документа.

120. ПРОТОКОЛ МЕЖДЕПАРТАМЕНТСКОГО СОВЕЩАНИЯ В МИД

1 сентября 1915 г.

Совещание 1 сентября 1915 г. по вопросу об обязательной силе для русских подданных за границей ограничительных мер, принятых в России во время войны в отношении неприятельских подданных

Участвовали:

От Второго департамента: действительный статский советник Вейнер.
От Второго политического отдела: действительный статский советник Мандельштам.
От Третьего политического отдела: действительный статский советник Орлов.
От Четвертого политического отдела: действительный статский советник Козаков.
От Юрисконсультской части: статский советник барон Нольде.
Действительный статский советник Горлов.

Совещание остановилось на рассмотрении ряда возникающих на практике вопросов, связанных с применением за границей законодательных мер, ограничивших гражданские права неприятельских подданных, а именно:

1

Обязательны ли для русских подданных, находящихся за границей вне стран Востока, правила указа 15 ноября 1914 г. о некоторых мероприятиях, вызванных военным временем[1].

Совещание, всесторонне обсудив этот вопрос, не пришло к единогласному заключению.

а) Некоторые участники совещания полагали, что он разрешается в утвердительном смысле. Русские подданные, хотя бы они находились и за границей, обязаны подчиняться русскому законодательству. Закон 15 ноября 1914 г. никаких изъятий в этом отношении не содержит и потому должен почитаться обязательным и для русских подданных за границей.

При этом безразлично, в какой стране, союзной, нейтральной или неприятельской, пребывают русские подданные. В каждой из них платежи неприятельским подданным в той форме их, которая указана в законе, представляют собой запрещенные действия, виновники которых подлежат уголовной ответственности. Для того, чтобы узаконить возможность платежа, русские подданные должны получить разрешение на него от Министерства финансов согласно отд. 1 закона 15 ноября 1914 г. Если платеж будет вызван судебным решением, произнесенным в союзной или нейтральной стране в пользу неприятельского подданного, то русский суд, конечно, освободит русского подданного от уголовной ответственности. Равным образом едва ли будут подлежать таковой и русские подданные, находящиеся в неприятельских странах, если они будут производить платежи местным подданным, тем более, что разрешение перевода им из России денежных средств может быть истолковано как разрешение и на платежи местным подданным.

б) Другие участники совещания полагали, напротив, что русские подданные находящиеся за границей вне стран капитуляций, не связаны правилами закона 15 ноября 1914 г. Не отрицая, что русские законы в принципе могут быть обязательны для русских подданных, находящихся за границей, они полагали, что вместе с тем эти русские подданные подчинены и действию законов страны, где они пребывают. Во многих случаях и в частности, когда дело идет о законах так называемого публичного порядка, местный закон устраняет действие национального закона. К числу таковых законов чисто территориального действия относится и закон 15 ноября 1914 г., который обязателен только в пределах империи и не связывает русских подданных за границей. Находясь там, русские подданные подчиняются в данном вопросе действию местных законов. В странах союзных для них обязательны местные запреты платежей. В других странах они связаны обязанностью платежей по общим началам гражданского права, поскольку, конечно, законы о мероприятиях не создают изъятий.

В правильности этой точки зрения убеждают, независимо от приведенных принципиальных соображений, и соображения практического свойства.

Платеж неприятельскому подданному в нейтральных странах, в странах неприятельских и в некоторых случаях даже и в странах союзных может быть вынужден судебным решением: не исполнить такового русский подданный не может, и в таком случае он вынужден будет платить проценты за просрочку и подвергаться всем иным невыгодным последствиям неисполнения гражданских обязательств. Русская казна не уплатит ему этих убытков, а при таких условиях едва ли справедливо требовать, чтобы русский подданный был вынуждаем подчиняться за границей закону 15 ноября 1914 г. Возможность испросить разрешение на платеж министра финансов не избавит от убытков, ибо до того, как такое разрешение последует, пройдет много времени, даже если признать, что министр финансов сочтет себя вправе давать подобные разрешения на платежи вне России. — Наконец, совершенно безвыходным будет положение русских подданных, находящихся в неприятельских странах, где они ежеминутно, вследствие хотя бы необходимости питаться, будут производить платежи неприятельским подданным и тем самым подвергать себя действию уголовных наказаний, предусмотренных законом 15 ноября 1914 г.

в) Примыкая в общем к только что изложенной точке зрения, один из участников совещания полагал, однако, что закон 15 ноября 1914 г. надлежало бы признавать обязательным для русских подданных, находящихся в союзных странах, ибо там местные суды могли бы стать на точку зрения обязательности для подданных союзной страны их национальных законов о запрете платежей.

г) Не придя к единогласному заключению по вопросу толкования закона 15 ноября 1914 г., все участники совещания сошлись на том, что, с их точки зрения, таковой не нуждается в изменении в законодательном порядке. Каждое из толкований, защищавшихся в совещании, представлялось тем, кто его поддерживал, целесообразным разрешением вопроса и по существу.

2

Обязателен ли закон 15 ноября 1914 г. о некоторых мероприятиях, вызванных военным временем, для русских подданных и учреждений, пребывающих в странах Востока.

Совещание единогласно полагало, что, по силе основных начал капитуляционного права, означенный вопрос разрешается в утвердительном смысле. В частности оно считало, что, ввиду своей внеземельности, неприятельский подданный в стране Востока должен почитаться как бы находящимся в своей собственной стране и в этом смысле правила закона 15 ноября 1914 г. (а равно закона 22 мая 1915 г., о воспрещении выдачи кредитными установлениями неприятельским подданным платежей и окладов, а также допуска сих лиц к безопасным ящикам[2]), *коими* допускается возможность некоторого рода платежей неприятельским подданным, находящимся в России, никакого применения в странах Востока себе находить не должны. Поэтому здесь запрет платежей неприятельским подданным носит безусловный характер.

Из сего следует, что русские банки в странах Востока не вправе вернуть, как это, по-видимому, было сделано английским банком в Персии, вклады неприятельским подданным и ликвидировать счеты с ними, ибо такие действия были бы в прямом противоречии с запретом платежей. Само собой разумеется, однако, этот запрет должен толковаться соответственно тексту закона 15 ноября 1914 г. и не влечет за собой, как предполагали некоторые отделения Русско-азиатского банка в Китае, запрета выдачи неприятельским подданным заложенных в нем товаров и грузов.

Далее участники совещания полагали, что в странах Востока не будет действовать и намеченный к изданию специальный закон, устанавливающий изъятия из закона 22 мая 1915 г. для некоторых категорий неприятельских подданных. Не говоря уже о том, что и основной закон 22 мая 1915 г. не должен применяться в странах Востока, самый текст нового акта не допускает его распространения на эти страны.

Изъятия из запретов платежей могли бы допускаться лишь в общем порядке властью министра финансов, причем почин возбуждения вопроса о таковых изъятиях естественно исходил бы от российской миссии в соответствующей капитуляционной стране.

3

Могут ли русские банки в странах Востока производить платежи неприятельским подданным по чекам или переводам нейтральных или союзных подданых из депозитов и сумм сих последних.

4

Могут ли русские банки в Китае производить платежи германским банкам за счет Китайского государства из его депозитов.

Оба указанных вопроса, по мнению совещания, разрешаются в утвердительном смысле. Независимо от того, что такого рода операции не могут почитаться запрещенными законом 15 ноября 1914 г., всякий иной ответ был бы и нецелесообразным. Выгоды из прекращения платежей за счет нерусских подданных извлекли бы только другие банки, в ущерб русскому делу на Востоке. Прекращение расчетов за счет китайского правительства было бы вредным с политической точки зрения, ибо привело бы к ослаблению контроля над китайскими финансами.

Ф. 157, оп. 455 г., к д. 1, л. 12–12 об. Копия. Рус. яз.

[1] См. прим. 3 к док. № 27.
[2] См.: Собрание узаконений. — 31 мая 1915 г. — Отдел первый. — № 152. — Ст. 1168. — С. 1593–1594.

121. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА ВИЦЕ-ДИРЕКТОРА ВТОРОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД В.А. БЕРЕЗНИКОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И КОНСУЛЬСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 11596 *7 сентября 1915 г.*
Циркулярно

В императорские российские посольства, миссии и консульства

В настоящее время, в связи с военными обстоятельствами, в некоторых государствах от приезжающих иностранцев требуется обязательное предъявление национального паспорта. Ввиду этого некоторыми заграничными установлениями Министерства иностранных дел, по необходимости, обычно удовлетворяются заявляемые в эти учреждения ходатайства русских подданных, выехавших из России без установленных паспортов или просрочивших свои заграничные паспорта и просящих выдать им свидетельство для проживания за границей или для поездки из одного иностранного государства в другое.

Вследствие сего и принимая во внимание, что заграничным установлениям Министерства иностранных дел, по существующим на сей предмет правилам, не предоставлено выдавать свидетельства для проживания или путешествия за границей, и что выдача таковых документов способствует неуплате причитающихся паспортных пошлин, Второй департамент не преминул запросить по сему предмету отзыв Департамента полиции[1].

В отзыве своем по настоящему вопросу Департамент полиции не встретил препятствий к тому, чтобы временно, по обстоятельствам военного времени, заграничными установлениями Министерства иностранных дел выдавались консульские паспорты для пребывания за границей русским подданным, имеющим хотя бы и просроченные заграничные паспорты и проживающим или направляющимся в страну, в которой, ввиду военных обстоятельств, от иностранцев требуется предъявление национальных паспортов, при условии, однако, представления просителями документальных доказательств отправления подлежащему губернатору прошения о выдаче нового заграничного па-

спорта и уплаты всех причитающихся паспортных пошлин, как за просроченный, так и за новый паспорт[2].

Об изложенном Второй департамент имеет честь сообщить императорским посольствам, миссиям и консульствам для сведения и руководства.

К сему Департамент считает долгом присовокупить, что лицам, выехавшим из империи без всякого заграничного паспорта, могут быть выдаваемы лишь проходные свидетельства на возвращение в Россию, паспорты же на пребывание за границей выдаваемы быть не могут.

Вице-директор: (подпись)
Делопроизводитель: (подпись)

Ф. 157, оп. 455а, д. 29, л. 5–7. Копия. Рус. яз.

[1] См.: Ф. 157, оп. 455а, д. 29, л. 2–3 об.
[2] См.: Там же, л. 4–4 об.

122. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА РОССИИ ВО ФРАНЦИИ А.П. ИЗВОЛЬСКОГО В МИД

№ 665 *9/22 октября 1915 г.*

Секретная телеграмма посла в Париже

Получил Ваш № 5149[1]. Копия в Лондон.

Тотчас сообщил ее содержание Вивиани, который очень обрадовался известию, что мы считаем принципиально совместные военные действия с Румынией весьма желательными и можем уделить для этой цели крупные силы. Что касается снабжения нас ружьями и боевыми припасами, он сказал мне нижеследующее: из обещанных нам французским правительством 180 000 ружей с патронами 80 000 уже грузятся в Бресте или находятся в пути на Архангельск. Погрузка остальных 100 000 начнется в самом непродолжительном времени. Купленные при посредстве Англии в Италии 350 000 ружей уже готовы к отправке тем же путем. — Французское правительство готово оказать содействие к изготовлению в Италии патронов к этим ружьям. Кроме того, ружья готовятся для нас в Англии, но ему не известно с точностью, в каком именно количестве. Обо всем этом Вивиани телеграфирует Палеологу. Он еще раз высказал мне, что французское правительство придает громадное значение нашему выступлению через Румынию во фланг австро-германцам, ибо это может изменить в пользу союзников весь ход Балканской кампании. Из разговора с Вивиани я мог заключить, что он самым решительным образом стоит за энергичные действия Франции и Англии в Македонии, во-первых, дабы преградить Германии путь в Константинополь, а во-вторых — чтобы удержать на Балканах германские силы, которые иначе могут быть направлены против России или Франции. Он сказал мне, что Мильерану удалось убедить английских министров поспешить выполнением заключенного в Шантильи соглашения о посылке 150 000 англо-французских войск в Салоники. Сегодня со здешнего театра уходит на Балканы одна английская дивизия. Лично он предвидит, что сказанное число войск придется

увеличить, но он ожидает, что против этого будут возражать англичане, озабоченные, главным образом, охраной Египта и Индии.

(подп.) Извольский

Ф. 134, оп. 473, д. 65, л. 24. Копия. Рус.яз.

[1] В секретной телеграмме от 7/20 октября 1915 г. № 5149 С.Д. Сазонов сообщал А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу о том, что Россия сможет начать совместные военные действия с Румынией, как только получит ружья и боевые припасы от союзников. — См.: Ф 133, оп. 470, 1915 г., д. 122, л. 64.

123. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОСЛУ РОССИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ А.К. БЕНКЕНДОРФУ

№ 5234 *10 октября 1915 г.*

Секретная телеграмма послу в Лондоне

Как Вам известно, итальянское правительство согласилось предоставить нам 300 000 ружей Ватерли[1]. Ввиду медлительности изготовления патронов, мы обратились к итальянскому правительству с просьбой уступить нам на первое время с винтовками 30 000 000 патронов, в крайнем случае 20 000 000 патронов. Вместе с тем наши военные агенты в Италии совместно с итальянским военным ведомством и английским военным агентом выясняют вопрос о заказе необходимого дальнейшего количества патронов. Между тем, согласно полученному ныне сообщению посла в Риме, нельзя рассчитывать на своевременное получение нами означенных ружей. Первая партия их, по предположениям итальянского правительства, будет готова к отправлению только 2 ноября ст.ст., а последующие — 9 и 16 ноября. Считая, что на провоз до Архангельска потребуется около 20 дней, ружья прибудут туда не ранее конца ноября и начала декабря, и то только если бы северный морской путь оказался в это время еще свободным. Подобное запоздание в доставке ружей тем более прискорбно, что скорейшее получение, по крайней мере, 300 000 ружей является непременным условием осуществления предположений, изложенных в телеграмме № 5231[2]. Ввиду изложенного, благоволите настоятельно просить английское правительство в возможно непродолжительном времени предоставить нам из своих запасов такое же количество винтовок со всем возможным запасом патронов в обмен на помянутые ружья Ватерли и с перечислением на Англию вышеозначенных к ним патронов[3]. Обратите при этом особенное внимание английского правительства на то, что, не располагая своевременно достаточным количеством ружей, мы лишаемся возможности выступить на Балканском театре войны, пока еще не поздно, и теряем таким образом случай вовлечь Румынию в войну.

(подп.) Сазонов

Ф. 134, оп. 473, д. 65, л. 79. Копия. Рус. яз.

[1] Имеются в виду ружья Веттерли.

[2] 10/23 октября 1915 г. С.Д. Сазонов направил А.К. Бенкендорфу секретную телеграмму № 5231, в которой поручал послу сообщить правительству Великобритании о том, что сербская армия отрезана болгарами

от Солуни и будет вынуждена капитулировать через месяц в случае, если Россия не придет ей на помощь. Последнее возможно при условии получения ружей с патронами от английской стороны. — См.: Ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 92, т. II, л. 534.

[3] 14/27 октября 1915 г. посол России в Великобритании А.К. Бенкендорф направил в МИД две секретные телеграммы, в которых сообщал о переговорах с английским правительством по этому вопросу и о согласии Великобритании уступить России ружья и патроны в ожидании итальянских поставок. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 64, л. 88–89 об.

124. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОСЛАННИКУ РОССИИ В ДАНИИ К.К. БУКСГЕВДЕНУ

№ 5401 *Петроград, 18 октября 1915 г.*
Шифром

Секретная телеграмма посланнику в Копенгагене

Начальник Штаба верховного главнокомандующего телеграфирует, что в течение последнего времени замечается на всем фронте употребление германцами разрывных пуль. Благоволите через Поло официально передать германскому правительству, что, если германцы будут продолжать употреблять разрывные пули, то и мы начнем стрелять таковыми, воспользовавшись для этого австрийскими ружьями и австрийскими разрывными патронами, которых у нас найдется достаточное количество.

(подп.) Сазонов

На документе пометы Николая II: ⁄.; «Да» (Царское село. 24 ноября 1915 г.)
Ф. 156, оп. 457, д. 112, л. 62. Подлинник. Рус. яз.

125. ПИСЬМО ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ ПРИ МИД А.И. ЛЫСАКОВСКОГО ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВУ

24 октября 1915 г.

Дорогой князь,

Ввиду того значения, которое имеет для решения вопроса о составе южной армии точное определение времени прибытия и количества ружей и патронов из-за границы, я очень опасаюсь что здесь может произойти путаница, так как этим делом занимается масса учреждений. Я составил краткую справку об итальянских, французских и японских (из Англии) ружьях, на основании всех данных, имеющихся в Министерстве. Дал эту справку проверить Базили и Вейнеру, которые мне сказали, что других сведений в Министерстве не имеется. Мне кажется, что, быть может, Вы, сопоставив эти данные со сведениями, имеющимися в Штабе, сможете получить верную картину о доставке ружей, и во всяком случае окончательно выяснить отсутствие у Вас тех или иных подроб-

ностей, имеющих значение с военной точки зрения. Не сердитесь на меня за это частное обращение к Вам, но я все более убеждаюсь, что слишком много «официальности» приводит иногда к «совершенной неясности» и недомолвкам, подобным тем, которые, *как Вы мне рассказывали*, сыграли такую пагубную роль весной. Не опасаетесь ли Вы, что может произойти то же самое и теперь. Так тяжело даже и думать об этом.

Всегда искренне Вам преданный и глубоко уважающий Вас

А. Лысаковский

На документе помета А. Лысаковского: «Доверяю это исключительно Вам».

Приложение

Сведения об итальянских ружьях Ватерли[1]

7 октября

Лондон № 715[2]

Никольсон сообщил, что дело о получении нами 300 000 ружей Ватерли из Италии решено окончательно в положительном смысле и Родду поручено добиться скорейшей их погрузки на английские суда и выяснить количество патронов.

9 и 10 октября

Париж № 665, 666 и 671

300 000 Ватерли готовы к отправке в Гавр (№ 666), грузятся в Бресте или находятся по пути в Архангельск (665).

10 октября

Лондон № 733

Китченер сообщил: ружья Ватерли будут в Неаполе к 17 октября старого стиля, откуда будут направлены через Брест в Архангельск.

Рим № 489

Соннино добился от Саландры и военного министра уступки нам лишь 8 000 000 патронов.

Исходящ. № 5234 (в Лондон)

По сведениям из Рима Министерству известно:

Италия нам дает 300 000 ружей Ватерли с 20–30 миллионами патронов, из них:

Первая партия (?) будет готова к отправке . . . . . 2 ноября стар. ст.

Последующие . . . . . 9 и 16 ноября стар. ст.

Считая 20 дней в пути, ружья будут в Архангельске, если этот порт к тому времени не замерзнет, от 22 ноября до 6 дек. ст. ст.

13 октября

Рим № 494

Патронов к Ватерли всего 8 000 000 (5 000 000 из Ливии, 3 000 000 от войск из самой Италии).

14 октября

Лондон № 740

Китченер сообщил:

1) Ружья Ватерли англичане не могут нам заменить своими ружьями.

2) 300 000 Ватерли и 8 000 000 патронов должны быть сданы (*consignés*) не раньше . . . . . 2–7 ноября старого стиля.

Лондон № 741

По сведениям из Рима от Родда:

1) Первая партия в 100 000 Ватерли будет в Модане . . . 23 октября — 2 ноября старого стиля.

2) Эта партия будет в Бресте. . . . . 26 октября — 5 ноября стар. ст.

3) Вторая партия (?) придет одновременно с первой, если будут готовы ящики.

Рим № 502

Задержки в отправке Ватерли не предвидится (прямые поезда во Францию и ящики), о патронах усиленные переговоры с Англией.

16 октября

Лондон № 749

Китченер послал Маркони в Италию, чтобы выяснить производит ли Италия патроны Ватерли скорее Англии, чтобы в таком случае послать туда добавочное оборудование. Если выяснится, что производство идет скорее, Китченер начнет делать патроны Ватерли в Англии.

Рим № 511

Военный агент сообщает: для производства наших патронов нам предоставляются две серии машин в Болонье, каждая по 80 000 патронов в день. Работа начнется через 15 дней.

Из Америки будут получены в январе . . . . . 1 000 000 патронов
в феврале . . . . . 3 000 000 — « —
в марте . . . . . 5 000 000 — « —
в последующие месяцы по 10 000 000 — « —

17 октября

Рим № 516

Патроны: 1) В течение нашего ноября будут вырабатывать 80 000 штук в день.

2) К концу ноября . . . . . 160 000 штук в день.

3) Может быть, удастся получить с неаполитанского завода еще одну серию, дающую 55 000 патронов в день.

Ружья: 1) Первые 100 000 Ватерли с принадлежностями и полной амуницией и 6 000 000 патронов будут вывезены из Италии 1 ноября стар. стл.

2) Вторая партия (?). . . . . около 5 ноября старого стиля

3) Третья партия (?) . . . . . около 18 ноября старого стиля

Число партий и прибытие в Архангельск зависит от английского адмиралтейства.

18 октября

Лондон № 752

Английское Министерство иностранных дел сообщает:

300 000 Ватерли и 8 000 000 патронов отплывают из Франции 11 ноября стар. стиля.

20 октября
Париж № 699
Нужно выяснить: 1) доставляет ли английское правительство ружья Ватерли в Россию?
2) если да, то в какой французский порт их направлять?

23 октября
Лондон № 756
Английское адмиралтейство приняло все меры для срочной перевозки ружей Ватерли. Прибытие их в Архангельск зависит от даты отправки из Бреста, каковая с точностью будет сообщена дополнительно.

Сведения о французских ружьях

1) 9 октября
Париж № 655
Из обещанных Францией 180 000 ружей с патронами:
1) 80 000 уже грузятся в Бресте или по пути в Архангельск.
2) 100 000 начнут грузить в ближайшем времени.

2) 11 октября
Париж № 672
Помощник военного министра по части вооружения может ныне же предоставить нам сверх условленного количества (180 т.?) еще 20 000 ружей и 10 мил. патронов.

3) 17 октября
Париж № 686
Военный агент сообщает: 1) 80 000 «Кропачек» магазинных и по 366 патронов на каждое ---- находятся уже по пути в Россию, 2) 100 000 «Гра», однострельных и 366 патронов на каждое, часть отправлены, частью укладываются, 3) 20 000 «Гра» и по 500 патронов на каждое, только что обещаны и для них заказываются ящики, 4) упаковка будет окончена в ближайшие дни, 5) отправка производится партиями, а не сразу, чтобы избежать опасности потопления сразу большого количества.

4) 16 октября
Лондон № 749
Полк[овник] Эллершоу сообщил ген. Ермолову: из трех партий общего количества ружей (франц., итальянск. и японск.), отправляемых в Россию, первая партия состоит из 240 000 французских и датских ружей «Краг-Юргенсон» и отправляется немедленно (?).

5) 17 октября
Париж № 687 (продолжение № 686)
Франц. воен. министерство сообщает: Россия получает 200 000 ружей из Франции из них:
1) 80 000 магазинных ружей «Кропачек» находятся в Бресте в распоряжении русского консула,
2) 120 000 однострельных ружей ждут ящиков от нашего военного агента, которые должны прибыть....?

3) тогда все ружья будут в Бресте 6 или 7 ноября нов. стиля (к этому сроку прибавив срок доставки в Россию, получим время прибытия французск. ружей к нам).

6) 17 октября
Париж № 692
Маржери сообщил, что возможно, но не наверно, что мы получим сверх 200 000 франц. ружей еще 30 000. Окончательное решение на этот счет будет сообщено дополнительно.

7) 18 октября
Лондон № 752
Англ. Министерство иностр. дел. сообщает:
Из 200 000 французских ружей:
1) 80 000 «Кропачек» с 30 мил. патронов вышли уже из Бреста. (см. 5)
2) 120 000 «Гра» с 45 мил.патронов будут непосредственно направлены в Брест для отправки. (Из них) по крайней мере 15 мил.патронов уже погружены в Бресте.

8) 20 октября
Париж № 699
Отправка французских ружей в Россию производится попечением нашего морского агента во Франции на особых фрахтуемых им судах.

Сведения о получении нами ружей из Англии (японские ружья)

10 октября
исход. №№ 5231 и 5234
Для подачи своевременной помощи Сербии мы рассчитываем получить ружья с патронами от Англии. Ввиду запаздывания получения ружей Ватерли (см.) мы просим дать нам теперь же английские ружья в обмен на Ватерли.

10 октября
Лондон № 733 и 750 (17 окт.)
Китченер сообщает: 200 000 ружей он дать не может. В Англии 1 млн войск без ружей, которые будут получены из Америки только в декабре и таким образом он нам ничего не может уделить пока из английск. запасов. (№ 733) Китченер всегда имел в виду только общее количество ружей, которое получит Россия (итальянск. и французск. ружья) (№ 750).

14 октября
Лондон № 740
Китченер сообщает:
1) В Англии нет такого количества ружей, которыми можно было бы заменить Ватерли.
2) Американские ружья будут сданы (придут в Англию?) вместо августа и сентября в декабре и январе (стиль?).
3) При первых получках из Америки (вероятно, декабрь и январь?) Китченер нам уступит 75 000 японских ружей, при вторых получках — еще 75 000 японск. ружей, всего

150 000 японс. ружей с патронами, из коих: 20 000 карабины (однострельн.) и 130 000 магазинных ружей (*rifles*).

4) Китченер узнает, но не гарантирует, возможно ли теперь же отправить нам из Англии 50–60 тысяч ружей (?).

16 октября
Лондон № 749

Полковн[ик] Эллершоу сообщил ген. Ермолову: (см. франц. и итал. ружья) 150 000 японских ружей находятся уже в Англии и будут нам [доставлены] по мере получения в Англии ружей из Америки.

18 октября
Лондон № 752

Англ. Министерство иностранных дел подтвердило сведения предыдущей телеграммы (№ 749):

150 000 японских ружей будут отправлены из Англии, как только они будут заменяться прибывающими в течение ближайших трех месяцев ружьями из Америки[3].

Ф. 332, оп. 617, д. 53, л. 26–26 об. Подлинник. Рус.яз.; приложение, л. 27–33. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. прим. 1 к док. № 123.

[2] Здесь и далее в документе указаны номера телеграмм, направленных российскими представителями в МИД, и номера исходящих телеграмм.

[3] 27 октября 1915 г. (ст.ст.) Н.А. Кудашев передал эти сведения начальнику Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву. На донесении Н.А. Кудашева имеется помета М.В. Алексеева: «27.X.1915. Очень благодарен за свед[ения]. К сожалению, в них утешительного мало. Алексеев». — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 53, л. 34.

126. ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ

3 ноября 1915 г.

Об отпуске средств в распоряжение Министерства иностранных дел на оказание помощи русским военнопленным в Германии

Вашему императорскому величеству благоугодно было, по докладу министра иностранных дел, всемилостивейше соизволить на возбужденное императорским послом в Париже ходатайство о принятии под высочайшее Вашего величества покровительство учреждаемого в Париже, по почину гофмейстера Извольского, особого Русско-французского комитета помощи нашим военнопленным в Германии, с ассигнованием названному комитету ежемесячного пособия, в соответствии с пособием, назначенным Бернскому комитету помощи пленным, то есть по 100 000 франков в месяц.

Руководствуясь изъясненным монаршим предуказанием, гофмейстер Сазонов вошел ныне в Совет министров с представлением об ассигновании в распоряжении Министерства иностранных дел помянутой выше суммы для передачи ее Русско-француз-

скому комитету в Париже. При этом, в связи с настоящим частным случаем, министр иностранных дел возбуждает общий вопрос об условиях деятельности частных комитетов помощи русским военнопленным за границей. В сем отношении гофмейстер Сазонов указывает, что в настоящее время в различных союзных и нейтральных государствах образовались комитеты помощи русским военнопленным в неприятельских странах. Таковы комитеты в Стокгольме и Берне, Русский отдел при Датском Красном Кресте, частный комитет, устроенный супругой императорского посла в Лондоне, и, наконец, Комитет, образуемый ныне в Париже. Деятельность означенных комитетов представляется, однако, в настоящее время необъединенной. Так, некоторые из указанных комитетов периодически осведомляют Петроград о результатах своей деятельности, другие же действуют совершенно самостоятельно. Что касается денежных средств, необходимых для деятельности комитетов, то некоторые из них получают на указанную цель казенные субсидии, деятельность же прочих поддерживается исключительно частными средствами. Между тем, как убеждает опыт текущей войны, удовлетворение вопиющих нужд наших воинов, находящихся в плену, помимо услуг частной благотворительности, представляется едва ли возможным. Ввиду сего и находя, что деятельность частных комитетов помощи пленным становится, таким образом, вопросом государственным и требует внимания со стороны правительства, министр иностранных дел полагает необходимым принять меры к объединению деятельности всех частных комитетов помощи русским военнопленным за границей в руках состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны и под председательством сенатора князя Голицына Особого комитета помощи военнопленным.

Обсудив настоящее дело и имея в виду, что изъясненная мера обусловлена обстоятельствами военного времени, Совет министров не встретил препятствий к отпуску в распоряжение Министерства иностранных дел, по статье 18 бюджетных правил[1], испрашиваемой гофмейстером Сазоновым суммы. Обращаясь за сим вместе к рассмотрению возбужденного министром иностранных дел общего вопроса об объединении деятельности всех заграничных комитетов помощи нашим военнопленным, находящимся в неприятельских странах, Совет министров, с своей стороны, признал желательным осуществление таковой меры, могущей привести к сокращению расходов по субсидиям отдельным ведомствам и вообще поставить дело благотворения пленным на прочное основание. При этом установление ближайших подробностей такового объединения Совет министров полагал наиболее соответственным поручить министру иностранных дел по соглашению с сенатором князем Голицыным.

Руководствуясь изложенным, Совет министров полагает:

I. На основании статьи 18 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Св[од] Зак[онов], т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.)[1], и в согласность с высочайше утвержденным 17 января 1915 г. положением Совета министров о порядке разрешения чрезвычайных, по гражданским ведомствам, кредитов на потребности военного времени, отпустить Министерству иностранных дел из наличных средств государственного казначейства чрезвычайным сверхсметным кредитом сумму, равную ста тысячам франков, ежемесячно на перевод в распоряжение императорского посла в Париже для нужд Русско-французского комитета по оказанию помощи находящимся в Германии русским пленным.

II. Поручить министру иностранных дел войти в ближайшее соглашение по вопросу о мерах к объединению деятельности всех заграничных комитетов помощи русским военнопленным в неприятельских странах с председателем состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным.

Таковое свое заключение Совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее Вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета министров и скреплен управляющим делами Совета.

С подлинным верно: начальник Отделения канцелярии Совета министров Н. Асмус.

С копией верно и.об. делопроизводителя [подпись неразборчива].

Над заголовком документа располагается следующий текст: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». В Царском Селе 18 ноября 1915 г.

Скрепил: председатель Совета министров статс-секретарь Горемыкин.

Верно: управляющий делами Совета министров И. Лодыженский».

Ф. 159, оп. 726, 1915г., д. 80, л. 1–2 об. Заверенная копия. Рус. яз.
Опубл.: Особые журналы Совета министров... — 1915 год. — С. 478–479.

[1] См. прим. 2 к док. № 70.

127. ПИСЬМО ЧЛЕНА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИМИ И ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ С.Д. БОТКИНА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО М.В. АЛЕКСЕЕВУ

3 декабря 1915 г.

Имею честь представить у сего Вашему высокопревосходительству краткий отчет о деятельности Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками за первые шесть месяцев ее деятельности.

К сему считаю долгом присовокупить, что в лоне комиссии мною всего поддерживалось мнение о необходимости наиболее широкого распространения сведений о результатах ее деятельности; однако, по-моему, вопрос выбора материала, подлежащего обнародованию и распространению должен быть тщательно обсуждаем и решен лишь по соглашению с заинтересованными ведомствами[1]. Смею высказать, кроме того, убеждение о необходимости для более планомерного использования имеющегося в комиссии материала постоянного осведомления высших правительственных органов и главным

образом Штаба верховного главнокомандующего и Министерства иностранных дел о деятельности комиссии и о добываемых ею сведениях[2].

Покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство не отказывать почтить меня указаниями по содержанию прилагаемого отчета.

С глубочайшим уважением и проч.

Приложение

Отчет о деятельности Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками за первые шесть месяцев ее деятельности

Деятельность Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками должна преследовать две задачи:

1) расследование всех доходящих до нее случаев подобных нарушений,

2) повсеместное, возможно более широкое, распространение сведений об установленных ею нарушениях[3].

По отношению к первой своей задаче работа комиссии производится весьма интенсивно и успешно. Всего со времени открытия ее деятельности комиссия разобрала 6 632 дел [а], причем зачастую одно дело обнимает целый ряд следственных действий.

Из прилагаемых таблиц[4], в которых все дела распределены по отдельным категориям, как они ведутся в канцелярии комиссии, видно, что наибольшее количество расследованных дел (5723) относится к правонарушениям по отношению к нашим войскам, а из них первое место занимает употребление неприятелем разрывных пуль (4234 дела). Комиссия собрала уже довольно обширную коллекцию фотографических снимков с поранений, причиненных такими пулями; имеются также образцы употребляемых австро-венгерскими войсками разрывных пуль. Хотя зарегистрированы и удостоверены многочисленные случаи применений разрывных пуль и германскими войсками, к сожалению, однако, в делах комиссии не имеется по сие время образцов таких германских пуль; германское же правительство на днях выступило с официальным протестом против такого обвинения и утверждает, что германскими войсками совсем не употребляются разрывные пули[5].

Подробно разработан комиссией также вопрос об употреблении неприятелем удушливых газов.

Отдел комиссии о положении наших пленных во вражеских странах успел уже собрать богатый материал. Комиссия допросила в качестве потерпевших и свидетелей 222 инвалида из числа вернувшихся чрез Швецию и 386 (из них 240 из Австро-Венгрии) бежавших из плена и опросило, кроме того, почти всех (значительно более 1000) вернувшихся инвалидов. Сопоставление показаний всех этих многочисленных воинских чинов, находившихся в плену в самых разнообразных лагерях и в разное время, дало возможность комиссии получить вполне определенное представление о том ужасном положении, в коем находятся в Германии и Австро-Венгрии наши пленные. Вернувшиеся недавно из Германии командированные Красным Крестом наши сестры милосердия вполне подтверждают ранее сего добытые комиссией сведения[6].

Несоблюдение Германией и Австро-Венгрией постановлений Женевской конвенции 1906 года об участи раненых и больных воинов зарегистрированы и проверены в количестве 495 дел.

Менее всего материала имеется о различных правонарушениях неприятельских войск по отношению к нашему мирному населению. Тем не менее, и в этой области расследования комиссии удалось собрать довольно ценный материал, между прочим, о действиях германских войск в Калише.

Кроме вышеизложенного, комиссия разобрала значительное количество полученных ею из Московского отделения Общего архива Главного штаба документов, дневников, писем и т.п., отобранных у пленных и найденных на полях сражений. Однако тщательный осмотр этого материала пока дал лишь очень немногое, что могло бы быть использовано в целях комиссии.

Комиссия следит также за германской и австро-венгерской повременной печатью и иллюстрированными изданиями, в которых, между прочим, найдены были некоторые фотографические снимки, доказывающие несоблюдение германскими войсками законов и обычаев войны.

Вторая задача — широкое распространение добытого материала — пока исполняется комиссией с несколько меньшим успехом, отчасти вследствие некоторого разногласия во мнениях на этот предмет среди самих ее членов. Такого рода деятельность не была также вполне ясно предуказана высочайше утвержденным положением Совета министров об образовании комиссии[7].

До сего времени комиссия ограничилась лишь выпуском в свет четырех брошюр с описанием отдельных расследованных ею случаев, а также выпуском краткого обзора нарушений постановлений Женевской конвенции и описания обращения в Германии с нашими военнопленными[8].

Все эти брошюры издавались одновременно на 3-х языках, русском, французском и английском.

1-й выпуск по	1 150 экземпляров
2-й —«— —«—	1 300 —«—
3-й, 4-й —«— —«—	1 600 —«—
О Красном Кресте —«—	2 000 —«—
Об обращении с пленными по	2 000 —«—[9]

Кроме того, брошюра о военнопленных была выпущена в простом издании в количестве 51 тыс. экземпляров для более широкого распространения заключающихся в ней сведений, между прочим, среди воинских частей.

Изданные комиссией брошюры рассылались в России всем членам правительства, законодательных собраний, командующим армиями, начальникам военных округов, членам Синода, сенаторам, высшим чинам центральных правительственных учреждений, губернаторам, губернским предводителям дворянства, иностранным представителям при императорском дворе, выдающимся органам столичной и провинциальной печати. По аналогичному списку лиц выпуски рассылались также в союзных и нейтральных странах. В продажу издания комиссии по сие время не пускались[10].

Такого рода распространение изданий комиссии многих не удовлетворяло и самая деятельность комиссии подвергалась некоторой критике главным образом за то, что добываемый ею материал не становился достоянием широкой публики. Ввиду этого некоторыми членами комиссии был поднят вопрос об издании полного сборника собранных ею материалов за первое полугодие ее деятельности, т.е. до 1 ноября. Издание это, которое должно поступить в продажу по дешевой цене, будет заключать вступление, содержащее характеристику деятельности комиссии, ее значения, метода работ, и общий

сжатый обзор нарушения законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками; затем будут помещены в кратких выдержках по возможности все имеющиеся протоколы показаний.

Принимая в соображение, что описываемые события при опубликовании будут иметь давность не менее 3–4 месяцев, решено ходатайствовать о разрешении печатать в этом сборнике точное указание места совершения преступлений, имена и фамилии потерпевших и свидетелей и, в случае принадлежности таковых к воинским частям, название последних. Анонимные или полуанонимные ссылки произвели бы на читателей меньшее впечатление и невольно могли бы дать место некоторым сомнениям. Решено пока выпустить этот сборник лишь на русском языке; однако было бы крайне желательно распространить его также за пределами России на французском и английском языках[11].

Отчасти с этой целью имеется проект войти в соглашение с однородными комиссиями в союзных с нами странах на предмет взаимного перевода и распространения соответствующих изданий в стране деятельности комиссии.

Таким образом, получили бы распространение в России отчеты о деятельности французской и английской следственных комиссий, заключающие крайне интересный материал. В отчетах этих, между прочим, помещены многочисленные забранные французскими войсками дневники и письма германских офицеров и нижних чинов, в которых они сами дают яркую картину жестокого и бесчеловечного способа ведения войны своими же войсками. Обнародование у нас столь доказательного материала, свидетельствующего о германской жестокости, является крайне желательным[12].

К двум вышеизложенным задачам комиссии следовало бы присоединить и третью, которая до сих пор не входит в ее компетенцию, а именно опровержение в пределах возможного многочисленных обвинений, возводимых германскими и австро-венгерскими властями и печатью на наши войска[13]. Хотя обвинения эти в большинстве случаев совершенно бездоказательны и основываются на фактах, носящих отпечаток явной фальсификации, тем не менее в нейтральных странах они производят неблагоприятное для нас впечатление. Следует, однако, иметь в виду, что опровержения, основанные на следственном действии комиссии могут быть сделаны лишь в очень редких случаях и вообще представляют много затруднений. Тем не менее, иногда они были бы очень желательны, хотя бы ввиду неблагоприятного для нас впечатления, которое производит в нейтральных странах наше постоянное молчание.

Германское правительство ведет в этом отношении крайне энергичную политику и зачастую опровергает — иногда даже совершенно голословно — факты, тщательно проверенные и установленные Чрезвычайной следственной комиссией. При этом оно, однако, никогда не упоминает, что обвинение исходило от Следственной комиссии, а опровергает «клевету», пущенную русской печатью[14].

Ф. 156, оп. 457, д. 112, л. 187–190. Копия. Рус. яз.

[1] Помета М.В. Алексеева: «Необходимо больше писать и больше говорить по этим вопросам».

[2] Помета М.В. Алексеева: «Весьма верно».

[3] Помета М.В. Алексеева: «Шире, энергичнее, всеми доступными средствами».

[4] Статистическая таблица не публикуется. — См.: Ф. 156, оп. 457, д. 112, л. 191–194.

[5] Помета М.В. Алексеева: «Сообщить во все армии. Просить, если имеются, выслать сен[атору] Кривцову образцы».

[6] Помета М.В. Алексеева: «Дать самое широкое распространение при помощи брошюр, армейских газет и листков».
[7] Помета М.В. Алексеева: «Нужно испросить высоч[айшее] соизволение».
[8] Помета М.В. Алексеева: «Могу помочь средствами».
[9] Помета М.В. Алексеева: «Общедоступные и в десятках тысяч экземпляров».
[10] Помета М.В. Алексеева: «Напрасно».
[11] Помета М.В. Алексеева: «Ныне никаких препятствий. Совершенно неуместный секрет».
[12] Помета М.В. Алексеева: «Конечно».
[13] Помета М.В. Алексеева: «Для этого комиссии нужно иметь соприкосновение со Штабом в[ерховного] г[лавнокомандующего] и штабами фронтов».
[14] Помета М.В. Алексеева: «Нужно бить их же оружием. Не только опровергать, но упреждать в распространении и обнародовании немецких мерзостей».

128. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В СОВЕТ МИНИСТРОВ

№ 21377 *4 декабря 1915 г.*

Об отпуске средств на оказание помощи
русским подданным за границей

Высочайше утвержденным 25 июля 1915 г. положением Совета министров об отпуске средств на оказание помощи русским подданным за границей было назначено на указанную надобность, в дополнение ранее ассигнованным средствам, 280 000 руб. Сумма эта в настоящее время полностью исчерпана, и помощь нашим соотечественникам осуществляется временно за счет разного рода позаимствований. На пополнение и на покрытие текущих по оказанию означенной помощи издержек ныне требуется новое из средств государственного казначейства ассигнование.

Помощь русским подданным, застигнутым войною за границей, оказывается преимущественно выдачей им денежных ссуд для возвращения на родину. На прожитие ссуды назначаются исключительно лицам, принудительно задерживаемым в неприятельских странах в качестве военнообязанных, или же больным, свойства болезни которых лишают их возможности вернуться в Россию. Выдаются ссуды в наименьшем, по возможности, размере, в расчет на покрытие расходов, вызываемых лишь крайнею надобностью. Возврат ссуд обеспечивается внесением записей об их выдаче в заграничные паспорты получателей. Учреждениям в России, обменивающим заграничные паспорты на внутренние, предложено следить за пополнением ссуд возвращающимися из-за границы нашими соотечественниками при обмене паспортов. Взыскание ссуд возложено на Казенные палаты, которые снабжаются заготовленными Министерством иностранных дел подробными списками лиц, получивших за границею упомянутые ссуды. Выдача их повсеместно производится непосредственно дипломатическими и консульскими установлениями: в союзных и нейтральных государствах — императорскими российскими, в Германии и Австро-Венгрии, за исключением гор. Будапешта, — испанскими, в Будапеште — американским представителем, в Турции — итальянскими и, частью, американскими установлениями и, наконец, в Болгарии — нидерландскими.

Отчетность в расходах по выдаче указанных ссуд представлена пока заграничными установлениями за время с начала войны до 1 сентября сего года. За последние месяцы отчетность поступила, однако, не от всех установлений. По данным имеющейся отчет-

ности, израсходованы на оказание помощи русским поданным за границею следующая суммы, в рублях:

	1914 год	1915 год			
		январь	февраль	март	апрель
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Австро-Венгрия	67 182	9 618	13 669	14 083	9 057
Болгария	33 490	4 067	2 883	2 327	2 334
Великобритания	120 304	10 100	1 515	17 322	101
Германия	593 832	86 438	97 632	115 492	94 517
Греция	42 419	15 683	6 320	7 970	11 890
Египет	125 347	—	—	—	—
Испания	10 564	—	—	—	—
Италия	125 798	1 266	3 995	428	1 982
Нидерланды	22 885	448	826	709	1 142
Норвегия	32 150	2 999	1 720	3 073	1 614
Португалия	7 434	2 000	—	—	—
Румыния	71 823	3 988	1 972	1 012	994
Сербия	7 354	88	412	608	—
Франция	214.093	4 308	5 035	6 957	8 111
Швейцария	149 162	5 069	7 277	3 299	3 071
Итого	1 623 837	146 072	143 256	173 280	134 813

	1915 год				
	май	июнь	июль	август	Всего
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Австро-Венгрия	6 329	6 455	—	—	126 393
Болгария	1 886	1 314	2 062	2 344	52 707
Великобритания	1 212	2 424	17 550	24 779	195 307
Германия	72 124	—	—	—	1 060 035
Греция	7 128	2 238	4 544	6 652	104 844
Египет	—	—	—	—	125 347
Испания	—	—	—	—	10 564
Италия	—	—	—	—	133 469
Нидерландцы	636	918	1 505	—	29 069
Норвегия	1 533	4 996	4 910	—	52 995
Португалия	—	—	—	—	9 434
Румыния	960	626	627	1 468	83 470
Сербия	—	—	—	—	8 462
Франция	3 132	4 050	—	—	245 686
Швейцария	—	—	—	—	167 878
Итого	94 940	23 021	31 198	35 243	2 405 660

По нижеследующим странам отчетность представлена в не подразделенных по месяцам итогах:

Бельгия (по 1 мая)	35 079
Дания (по 1 мая)	11 646
Турция (по 1 мая)	96 573
Швеция (по 26 августа)	484 619
Итого	627 917

Общий показанный в отчетности расход составляет 3 033 577 руб. Принимая во внимание, что отчетность доведена лишь до августа текущего года, а по многим странам не представлено данных и за более ранние месяцы, действительный с начала войны и по настоящее время расход следует кругло определить в 3 500 000 руб.

Ходатайства о подкреплении средств на оказание помощи застигнутым за границею войною русским подданным были заявлены из Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Египта, Норвегии, Турции, Франции, Швейцарии и Швеции.

Ежемесячная потребность в средствах на это предмет определяется для перечисленных стран соответственно действительной надобности. За возможными, в видах экономии, сокращениями, против издержек последнего времени, в следующих круглых суммах:

Для	Австро-Венгрии	в	6 000	Руб.
«-»	Бельгии	«-»	3 000	«-»
«-»	Великобритании	«-»	20 000	«-»
«-»	Германии	«-»	50 000	«-»
«-»	Греции	«-»	5 000	«-»
«-»	Египта	«-»	2 000	«-»
«-»	Норвегии	«-»	5 000	«-»
«-»	Турции	«-»	25 000	«-»
«-»	Франции	«-»	4 000	«-»
«-»	Швейцарии	«-»	5 000	«-»
«-»	Швеции	«-»	10 000	«-»
Итого		в	135 000	Руб.

По приведенному расчету, средства на оказание помощи русским подданным Министерство иностранных дел полагало испросить на два месяца в общей сумме 270 000 руб., против 280 000 руб. последнего разрешенного на ту же надобность кредита.

Сверх того, представлялось необходимым срочно ассигновать 22 451 руб. в уплату по счетам шведских железных дорог за провоз по ним возвращавшихся в Россию русских подданных в течение времени с 1 апреля по 1 октября сего года. Далее требовалось возместить итальянскому правительству 31 621 руб. розданных итальянскими дипломатическими и консульскими представителями ссуд и пособий русским подданным в Турции.

Всего же надлежало на указанные надобности отпустить 270 000 + 22 451 + 31 621 = 324 072 руб. или, за округлением, 324 000 руб.

По свойству расхода, вызываемого военными обстоятельствами, сумму эту Министерство иностранных дел признавало подлежащею ассигнованию, как и ранее отпущенные на тот же предмет средства, — в порядке статьи 18 бюджетных правил 8 марта 1906 г.[1], за счет наличности государственного казначейства.

Междуведомственное совещание по предварительному рассмотрению представлений гражданских ведомств в Совет министров об ассигновании чрезвычайных сверхсметных кредитов на расходы военного времени, рассмотрев настоящее дело, приняло во внимание, что в счет испрашиваемых 324 000 руб. входят, между прочим, 22 451 руб. на уплату по счетам шведских железных дорог за провоз возвращающихся на родину русских подданных и 31 621 руб. на возмещение итальянскому правительству пособий, розданных русским подданным в Турции. Так как эти деньги требуются для покрытия уже произведенных за счет русского правительства расходов, то совещание полагало ассигновать в порядке ст. 18 Прав. Гос. Рос.[1], из наличных средств государственного казначейства чрезвычайный сверхсметный кредит военного времени в 54 072 руб. на указанную надобность.

Что же касается остальной части кредита, назначаемой собственно на продолжение оказания помощи русским подданным за границей, то представитель Министерства иностранных дел в совещании заявил, что ввиду высказывавшихся в предыдущих заседаниях совещания суждений о необходимости постепенного сокращения расходов по оказанию помощи русским подданным, остающимся за границей, Министерство иностранных дел приняло меры к такому сокращению и испрашивает ныне кредит в пределах крайней необходимости. Полное же прекращение этого дела признавалось бы невозможным, как ввиду наличности за границею еще значительного числа бедствующих по обстоятельствам военного времени наших соотечественников, так и в том внимании, что оставление нами без помощи русских подданных, в то время как другие государства оказывают за границею своим подданным широкое вспомоществование, было бы несовместным с великодержавным достоинством нашего отечества. Выдаваемые в виде ссуд воспособления русским подданным за границею не должны быть признаваемы безвозвратным расходом для государственного казначейства. Они будут возвращены ему ссудополучателями и возвращаются и в настоящее время. Хотя, по имеющимся сведениям, поступлений в кассы от таких лиц было немного, но необходимо иметь в виду, что отчетность по этой операции и сведения о лицах, получивших ссуды, поступают весьма медленно, и потому губернские власти еще далеко не обладают всеми данными для взыскания ссуд в полном размере. По получении же всех необходимых материалов, несомненно, поступления в казну в возврат выданных ссуд значительно увеличатся.

По изложенным соображениям находя невозможным оставлять без помощи бедствующих за границею русских подданных, представитель Министерства иностранных дел настаивал на ассигновании заявленной суммы.

Представители же Министерства финансов и Государственного контроля полагали, что до настоящего времени, по истечении свыше 15 месяцев с начала войны, русские подданные, застигнутые войною за границею, имели возможность вернуться в Россию, задержанные же во вражеских странах военнообязанные содержатся в концентрационных лагерях и не пользуются пособиями от Министерства иностранных дел. Выдача ссуд проживающим за границею русским подданным, которые остаются там по своему желанию, имея, несомненно, для того средства, и в числе которых возможно, что есть

и уклоняющиеся от воинской повинности и т.п. нелегальные лица, не только не имелась в виду при первоначальных ассигнованиях, предназначавшихся для выдачи ссуд на возвращение на родину, но и по существу была бы неправильна. Если, однако, оказание материальной помощи русским подданным за границею признавалось бы необходимым по политическим соображениям, то, во всяком случае, дело это следовало бы организовать иначе: оказывать помощь в виде ссуд только на выезд на родину и лишь точно определенным лицам, которые в такой помощи по состоянию своих средств безусловно нуждаются, и именные списки которых должны сообщаться на предварительное рассмотрение русского правительства. Поэтому предварительно испрошения кредитов на выдачу ссуд Министерству иностранных дел следовало бы озаботиться получением означенных списков, причем ссудная помощь должна была бы быть ограничена какими-либо нормами. Только такой порядок обеспечивал бы правильность выдачи ссуд действительно нуждающимся лицам и давал бы возможность впоследствии взыскать их, что не достигается при действующем порядке, когда зачисление выданных ссуд в недоимки является призрачною мерою, так как за отсутствием надлежащих сведений взыскание ссуд приводит к ничтожным результатам, несмотря на значительность произведенного расхода около 3 500 000 рублей.

Поэтому представители Министерства финансов и Государственного контроля возражали против ассигнования ныне какого-либо кредита на указанную надобность.

За недостижением соглашения по этому вопросу совещание полагало представить изложенное на разрешение Совета министров.

По сему поводу министр иностранных дел обязывается объяснить, что застигнутые войною в неприятельских странах русские подданные далеко не все и не отовсюду имели возможность за истекшие 15 месяцев с начала военных действий вернуться на родину. Если в Германии и Австро-Венгрии принудительно задерживались в качестве военнопленных определенные категории лиц, то в Турции подверглись задержанию поголовно все русские подданные. Лишь часть бежала, преимущественно из Палестины, в Египет. Для совершенно незначительного числа удалось добиться разрешения на выезд из турецких пределов. В Германии и Австро-Венгрии военнообязанные отчасти размещены в концентрационных лагерях. Но условия пребывания в них настолько невыносимы, что русским военнопленным императорским правительством признано необходимым оказывать посильную помощь из казны, и на нее ассигнуются значительные средства. Не представляется возможным отказывать в вспомоществовании и сосредоточенным в неприятельских лагерях русским военнообязанным. Многие из них лагерей избегли и снискивают себе пропитание заработками на заводах, преимущественно горных. В числе их немало учащейся молодежи, слабого физического развития, совершенно не приспособленной к тяжелому физическому труду. Тем не менее молодежь этот труд несет. Заводчики принимают, однако, к себе на работу подданных неприятельских стран вообще неохотно. Приходится соглашаться на крайне низкую заработную плату, совершенно недостаточную при чрезвычайно возросшей дороговизне для сколько-нибудь сносного существования. Очевидно, и этой категории лиц настоятельно необходима помощь со стороны русского правительства. Трудно настаивать на оставлении на чужбине, в условиях тяжкого плена, наших военнообязанных наиболее близкими им людьми: мужей — женами, детей — их родителями. Нельзя оставаться равнодушными и к судьбе этих лиц, если и не номинально, то фактически оказывающихся принудительно задерживаемыми в неприятельских странах вместе с военнообязанными. Нако-

нец, имеются в этих странах, из числа русских подданных, больные и престарелые лица, для которых трудный путь, по условиям военного времени, в Россию представляется совершенно немыслимым. Часть таких лиц, ранее получавших средства к существованию из оккупированных неприятелем и им разоренных русских губерний, не получают в настоящее время с родины ничего и, если им не прийти на помощь, осуждены на гибель. Предложение, что в неприятельских странах могут проживать русские подданные, уклоняющиеся от воинской повинности, основано на очевидном недоразумении. Все лица призывного возраста принудительно задержаны в качестве военнообязанных. В Турции положение задержанных русских подданных особенно тяжелое. Они все высланы вглубь страны. Все имущество от них отобрано. Попытки высылать средства из России успеха не имели, турецкое правительство никакой помощи им не оказывает, и многие уже погибли от голода и инфекционных болезней. Брошены на произвол судьбы, в совершенно невыносимых условиях существования, и русские военнопленные в Турции. Тут помощь настоятельно нужна, и промедление с нею являлось бы совершенно недопустимым. Принудительному задержанию, на общих принятых в Германии основаниях, подвергнуты и русские подданные, застигнутые войною на занятой германскими войсками территории Бельгии. О доставлении, во исполнение пожелания представителей ведомств, именных списков нуждающихся в помощи русских подданных надлежащие распоряжения сделаны.

Кроме неприятельских стран, помощь русским подданным, по обстоятельствам войны, требуется и в нейтральных и союзных государствах. Наблюдается значительное обратное движение в Россию русских эмигрантов из Северо-Американских Соединенных Штатов, Канады, Аргентины и Бразилии. Люди прибывают для вступления в ряды наших войск или чтобы присоединиться к пострадавшим от войны своим семьям, бежавшим во внутренние губернии из оккупированных неприятелем наших местностей. Часть возвращается в отечество и из-за уменьшения заработков в Южной Америке в связи с порождаемым войною торгово-промышленным кризисом. Возвращающиеся из Северной Америки наши эмигранты следуют в Россию через Англию, Норвегию и Швецию, а прибывающие из Южной Америки высаживаются для дальнейшего пути во Франции. Во Францию идут для возвращения на родину и русские подданные из Италии и Швейцарии. Большая часть отправляется в путь без средств, оплатив лишь проезд и пропитание на пароходах до ближайшего транзитного порта. Нельзя таких возвращающихся в Россию людей оставлять без помощи на промежуточных этапах. Приходится озаботиться их прокормлением и отправкою далее по пути в Россию. Кроме эмигрантов, следует предусмотреть помощь и военнопленным нашим, убегающим из плена через Нидерланды и Швецию. Нуждаются в помощи по пути следования в Россию и высылаемые в последнее время из Германии некоторые категории русских подданных. В Швейцарии помощь необходима лишившимся получений из России по случаю войны больным, престарелым людям и детям, для которых не представляется возможным трудный путь в Россию. В Египте сосредоточились бедствующие беженцы наши из Турции. Возвращение их в Россию, с закрытием Салоник, крайне затруднительно и потребовало бы весьма крупных расходов. Часть нашла заработки в Египте. Но имеется много неспособных, по преклонности лет или по болезни, к труду. И им приходится оказывать ту ли иную материальную поддержку. В Греции нуждаются в вспомоществовании часть беженцев из Турции, ранее прибывших в Салоники, а равно неимущие русские подданные, попавшие в Грецию из Италии, Болгарии и Сербии.

По приведенным основаниям министр иностранных дел вынуждается настаивать на отпуске исчисленных на оказание помощи русским подданным за границей 324 000 рублей.

Однако от времени сообщения настоящего дела на заключение междуведомственного совещания о разрешении чрезвычайных по гражданским ведомствам кредитов на расходы военного времени выяснилась потребность в дополнительных на тот же предмет ассигнованиях. Так, посланник в Сербии настоятельно просит о переводе в его распоряжение до 20 000 рублей в вспомоществование неимущим русским, бежавшим из пределов Сербии в Черногорию, где они оказываются в крайне бедственном положении. Нидерландский посланник в Софии нуждается в такой же сумме для оказания помощи нашим соотечественникам, частью задержанным в Болгарии, частью высылаемым из этой последней страны. Дипломатическое агентство наше в Египте ходатайствует об ассигновании ему на оказание помощи русским подданным вместо испрашивавшихся ранее 2 000 рублей в месяц по 8 000 рублей, что за два месяца составит 12 000 рублей требующегося излишка против первоначально исчисленного назначения. На попечении агентства находится до 1 200 человек неимущих и неспособных к труду беженцев из Турции. Водворение их в Россию, как указывалось, не представляется возможным. Испрашиваемые в помощь средства в 8 000 рублей или в 6 рублей с небольшим в месяц на человека нельзя не признать крайне умеренными. С начала года, когда на попечении агентства состояло до 5 000 человек, частью выселившихся, частью поступивших на заработки, агентством был произведен путем займов нуждающийся в безотлагательном пополнении перерасход на содержание призреваемых в 71 412 руб. Средства на покрытие этого перерасхода министр иностранных дел равным образом вынуждается ныне же испрашивать к отпуску.

Таким образом, дополнительных ассигнований по указанному назначению требовалось бы 20 000 + 20 000 + 12 000 + 71 412 = 123 412 руб. С ранее же испрашивавшимися 324 000 руб. надлежало бы отпустить 447 412 руб. или, за округлением, 445 000 руб.

Вследствие сего министр иностранных дел полагал бы:

На основании статьи 18 правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных[1] (Свод. зак., т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.), и согласно высочайше утвержденному 17 января 1915 г. положению Совета министров о порядке разрешения чрезвычайных по гражданским ведомствам кредитов на потребности военного времени, отпустить Министерству иностранных дел чрезвычайным сверхсметным кредитом четыреста сорок пять тысяч рублей на оказание помощи русским подданным за границею с отнесением сего расхода на счет наличных средств государственного казначейства.

О сем министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Совета министров[2].

Подписал: министр иностранных дел Сазонов
Скрепил: директор фан дер Флит

Ф. 159, оп, 664/1, д. 229, л. 1–3 об. Типогр. экз. Рус. яз.

[1] См. прим. 2 к док. 70.

[2] Особый журнал Совета министров об ассигновании кредита на оказание помощи российским подданным за границей (445 тыс. рублей) был утвержден Николаем II 8/21 января 1916 г. — См.: Ф. 159, оп. 664/1, д. 229, л. 4–4 об.

129. ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА

8 декабря 1915 г.

На центральные установления Министерства иностранных дел легла обширная переписка по делам о военнопленных. По предметам ведения означенных установлений переписка эта распределяется между различными органами центрального ведомства. Последнее же обстоятельство затрудняет достижение единообразия и необходимой планомерности в отправлении указанного рода дел.

Для объединения деятельности министерства в сем отношении я полагал бы образовать в составе ведомства временно особый отдел о военнопленных, с поручением управления оным бывшему министру-резиденту в Дармштадте, в звании камергера двора Вашего императорского величества, действительному статскому советнику Боткину, в помощь же ему назначить делопроизводителей из наличных чинов министерства.

На приведение сего в исполнение приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее Вашего императорского величества соизволение.

(подп.) Сазонов
Подлинный на хранение принял М.[1]

На документе помета: «На подлинном собственной его императорского величества рукой начертано: «Съ» [Согласен] Царское Село. 8 декабря 1915 г.»

Ф. 159, оп. 73, д. 212, л. 1. Копия. Рус. яз.

[1] Подпись неразборчива.

130. СПРАВКА МИД

[не ранее 8 декабря 1915 г.][1]

Деятельность Министерства иностранных дел в отношении русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии может быть разделена на три периода.

В течение первого периода, продолжавшегося от начала войны до февраля текущего года, Министерство иностранных дел в своих действиях исходило из предположения, что воюющие с нами государства будут строго соблюдать Гаагскую[2] и Женевскую конвенции[3], ими подписанные и ратифицированные.

В это время были выработаны основные правила о быте военнопленных в развитие Гаагской конвенции, в частности высочайше утвержденное Положение о военнопленных[4].

Непорядки, о которых доходили до нас сведения, считались случайными явлениями, почти неизбежными во время перевозки пленных и к тому же наблюдаемыми также и в России[5]. Поэтому обращения министерства к испанскому посольству, принявшему на себя защиту наших пленных в Германии и Австрии, касались лишь частных случаев и носили характер использования прав, закрепленных Гаагской конвенцией, а не жалоб на несоблюдение этого международного договора. Во время второго периода в министерство стали поступать из союзных и нейтральных государств, и в особенности от

бежавших из плена, сведения о крайне неудовлетворительном положении наших пленных; между прочим выяснилось, что в некоторых лагерях содержание пленных отдавалось германским правительством на откуп частным лицам, каковое обстоятельство не преминуло повести к злоупотреблениям. Такое положение вещей заставило министерство, с одной стороны, угрожать немецким империям репрессалиями по отношению к германским и австрийским пленным в России и отчасти применить эти репрессалии, с другой же стороны, предложить нашим врагам одновременное введение некоторых улучшений в содержании пленных. Принятыми мерами достигнуты известные благоприятные результаты.

В то же время в Берне при императорской миссии был создан Русский комитет помощи военнопленным, который стал облегчать духовные и материальные нужды наших соотечественников при посредстве швейцарских подданных, жительствующих в Германии и Австро-Венгрии. Лагеря наших военнопленных стали также посещаться представителями Международного комитета Красного Креста в Женеве, после того как императорским правительством было дано согласие на посещение американцами и швейцарцами лагерей германских и австро-венгерских военнопленных в России.

Третий период открывается беспримерной в истории войн инициативой датского Красного Креста, благодаря которой состоялись поездки русских и германских сестер милосердия в германские и русские лагеря военнопленных; поездки эти приведут, конечно, к более обстоятельному выяснению как нужд военнопленных, так и средств к их удовлетворению. Той же цели послужат также работы Стокгольмской конференции о военнопленных[6], результаты которой разрабатываются в настоящее время. В общем, за последнее время констатируется благоприятный поворот в обращении наших врагов с русскими военнопленными. Нельзя, однако, ожидать такого же улучшения в отношении их продовольствования, так как недостаток провизии начинает давать себя чувствовать в воюющих с нами империях.

Результаты деятельности Министерства иностранных дел за все указанные три периода могут быть выражены следующим образом:

Министерство добилось разрешения на получение русскими военнопленными корреспонденции на русском языке. Далее были приняты меры к регулярному обмену списками военнопленных, к беспошлинному доставлению посылок и предметов вспомоществования указанным лицам; а с Германией удалось достигнуть соглашения о бесплатном провозе по всем железным дорогам упомянутых отправлений.

Министерством велась также переписка с враждебными нам державами об установлении телеграфных сношений военнопленных; соглашения по сему предмету удалось достигнуть только с Австро-Венгрией.

Переписка по означенным вопросам продолжается и по настоящее время.

Министерству иностранных дел удалось также достигнуть возможности передавать дипломатическим путем военнопленным отдельные документы для подписи.

Министерство организовало доставку заинтересованным державам актов о смерти отдельных военнопленных, равно как и об оставляемом ими имуществе.

По вопросу об условиях содержания военнопленных также заключено несколько соглашений: после переписки, продолжавшейся свыше года, министерству удалось добиться установления для наших военнопленных в Германии и Австро-Венгрии денежного довольствия, соответствующего нормам, положенным у нас неприятельским военнопленным.

Министерство установило единообразие в вопросе о ношении военнопленными знаков отличия военной формы, каковое право ныне распространено на всех военнопленных, находящихся в России, Австро-Венгрии и Германии.

Далее было установлено привилегированное положение, сравнительно с прочими нижними чинами, военнопленных унтер-офицеров, фельдфебелей, вольноопределяющихся и т.п., причем разработка деталей этого вопроса продолжается.

Были заключены с Австрией и Германией соглашения, в силу которых военнопленные нижние чины, произведенные после захвата их неприятелем в офицеры, переводятся на соответствующее положение.

Министерство содействовало облегчению участи бежавших неудачно военнопленных, равно как и тех отдельных лиц, которые подверглись преследованию за те или иные нарушения установленных для военнопленных порядков.

Было заключено соглашение об обмене военнопленными калеками при посредстве шведского правительства.

Переговоры о взаимном освобождении чинов санитарных организаций дали, благодаря настойчивым постоянным требованиям министерства, направленным к исполнению постановлений Женевской Конвенции, в настоящее время благоприятные результаты по отношению к Австро-Венгрии. С Германией переговоры продолжаются.

Кроме того, при участии министерства разрабатывается вопрос о снабжении наших военнопленных книгами и о командировании в Австро-Венгрию и Германию православных священников в целях оказания духовной помощи нашим военнопленным. По этому вопросу согласия правительств неприятельских стран еще не получено.

Министерство установило наконец единообразие в деле снабжения увечных пленных протезами.

Министерство постоянно наводит справки о судьбе отдельных без вести пропавших чинов русской армии.

В заключение необходимо остановиться на ближайшем участии министерства в деле облегчения деятельности действующих за границей Комитетов помощи русским пленным.

В частности, проведен через Совет министров вопрос об объединении деятельности этих комитетов в Комитет помощи пленным сенатора князя Голицына[7].

Наконец, министерство неоднократно обращалось к испанским представителям с просьбой протестовать перед правительством неприятельских стран по поводу жестокого обращения с русскими военнопленными.

Просьбы эти основывались на доходящих до министерства официальным или частным путем жалобах, причем вмешательство это, несмотря на трудность сношений, неоднократно приносило реальные результаты.

Необходимо отметить, что так как общее впечатление о положении русских пленных в Германии оказывалось неблагоприятным, то по отношению к германским пленным в России был принят ряд мер, имевших целью ввести их режим в рамки самой строгой необходимости, лишенные какого бы то ни было характера излишества. Кроме того, в ряде частных случаев к германским пленным были применены репрессивные меры, почти всегда влекшие за собою согласие германского правительства на отмену по отношению к русским пленным тех мер, из-за коих русским правительством применялись репрессалии. Главнейшею из них было сокращение денежного довольствия германских военнопленных офицеров.

Ныне, ввиду имеющего, по-видимому, последовать согласия германского правительства на увеличение окладов русским военнопленным офицерам до существовавшего в России для пленных офицеров окладов, будет вероятно восстановлено прежнее довольствие.

С другой стороны, министерству также удавалось добиться некоторого улучшения положения наших пленных путем соглашения с неприятелем о введении в быт военнопленных некоторых облегчений.

Министерство всегда также шло навстречу представлениям нейтральных лиц, клонящихся к предоставлению пленным некоторых льгот.

По инициативе Папы установлен для военнопленных в воюющих странах обязательный воскресный отдых.

Места водворения пленных были осмотрены представителями нейтральных государств, а также сестрами милосердия воюющих стран. По инициативе Шведского Красного Креста была организована Конференция представителей нашего, Австрийского, Венгерского и Германского Красного Креста в Стокгольме.

В настоящее время предполагается развить деятельность министерства в отношении пленных путем передачи сих дел в ведение особого *сформирован[ного] для сего отдела о военн[опленных].*

Ф. 160, оп. 708, д. 6207, л. 1–4 об. Копия. Рус. яз.

---

[1] 8/20 декабря 1915 г. Николай II утвердил доклад об образовании в МИД Отдела о военнопленных.

[2] Гаагская конвенция 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны.

[3] См. прим. 4 к док. № 72.

[4] Положение о военнопленных было утверждено Николаем II 7/20 октября 1914 г. — См.: Известия МИД. — 1915. — Кн. I. — С. 49–61.

[5] В поступавших в это время в императорское министерство отчетах чинов испанского посольства в Германии и Австро-Венгрии о посещениях ими лагерей наших военнопленных, не содержалось указаний на претерпеваемые этими последними серьезные лишения (прим. документа).

[6] Имеется в виду первая Стокгольмская конференция о военнопленных, проведенная по инициативе Общества Красного Креста Швеции осенью 1915 года. В конференции приняли участие представители российского, австро-венгерского и германского Общества Красного Креста. На конференции был принят коплекс постановлений об условиях содержания военнопленных (введение службы справок, обмен списками, своевременная доставка посылок и почтовых отправлений, медико-санитарный уход, удовлетворение духовных нужд и др.).

[7] Голицынский комитет по оказанию помощи российским военнопленным, находившимся во вражеских странах, был создан в мае 1915 г. Состоял под покровительством императрицы Александры Федоровны.

131. ЗАПИСКА ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД

Петроград, 22 декабря 1915 г.

Настоящая война вызвала и продолжает вызывать самые глубокие перемены во всем политико-экономическо-социальном строе жизни у наших врагов, а также и в нейтральных и союзных странах. Там теперь возникают новые политические течения и программы, закладываются новые устои хозяйственного и общественного быта, и идет усиленная подготовка общественного мнения к решению связанных с войной важных

политических задач. Это проявляется в разнообразных мероприятиях правительств, с одной стороны, а с другой, в многочисленных съездах, докладах, книгах, брошюрах и т.п., предназначенных для широкого распространения в публике или же наоборот имеющих весьма доверительный характер.

Значение всех этих факторов для направления будущей внешней политики заинтересованных стран огромно, а потому для императорского Министерства иностранных дел представляется делом первостепенной важности иметь возможность близко следить и своевременно быть осведомленным, как можно полнее, о всех выдающихся явлениях в области развития политической мысли и видов на будущее у наших противников и в других странах.

Достигнуть этого при помощи средств и в условиях мирного времени — невозможно, т.к. наши заграничные установления так завалены текущими военно-политическими делами, что у них не остается ни сил, ни времени для широкой осведомительной работы, часто несовместимой с официальным положением учреждения и служащих в нем лиц и кроме того, требующей специального навыка и опыта.

Вследствие этого было бы в высшей степени желательно иметь в наиболее важных для нас нейтральных странах, а если возможно и во вражеских, особых осведомительных агентов, на которых было бы возложено собирание всех материалов и сведений секретного и не секретного характера, представляющих политический интерес. По доставлении в министерство эти материалы были бы сосредоточены в особом делопроизводстве, где подлежали бы разборке и изучению и систематизации при помощи заграничных чинов ведомства, по случаю войны свободных от занятий.

Для покрытия расходов по найму осведомительных агентов, приобретению материалов и образованию особого делопроизводства потребуется ассигнование ежемесячной суммы около 6 300 рублей, которая должна быть предоставлена в распоряжение г-на министра иностранных дел. Расходование этой суммы, оправдываемое соответствующими документами будет производиться с возможной бережливостью.

Испрашиваемая сумма исчислена для начатия дела в возможно скромном размере. При развитии дела в будущем вероятно придется увеличить соответствующие кредиты[1].

Приложение

Проект приблизительной сметы с объяснениями

Просимые 6 300 рублей в месяц предполагается употребить следующие надобности:

1. На жалование шести агентам за границей по пятьсот рублей в месяц каждому, что составит ..... 3 000 р.

Эта сумма оправдывается такими соображениями. Агентов придется иметь в наиболее важных политических центрах нейтральных и союзных нам государств. Они должны быть выбраны среди лиц опытных и умеющих разбираться в политических вопросах и течениях. Им придется или самим или через посредство третьих лиц иметь сношения с вражескими странами и следить на местах за наиболее интересными и выдающимися явлениями в области политической, экономической и общественной жизни. Кроме материалов печатных им придется также добывать данные доверительного, а иногда и секретного характера и исполнять поручения Министерства иностранных дел. На этих агентов предполагается возложить между прочим также обязанности по распростране-

нию брошюр, имеющих быть в скором времени выпущенными для борьбы с пропагандой наших врагов в нейтральных странах, что неудобно было бы поручить нашим официальным представителям.

Принимая во внимание вышеперечисленные вкратце сложные и требующие осторожности и также обязанности, а также ввиду тяжелых условий военного времени, едва ли возможно будет найти подходящих лиц за вознаграждение менее чем в 300–350 р. в месяц в качестве жалования, и 150 р. в месяц на разные вышеуказанные дополнительные расходы.

2. На приобретение и на доставку разных изданий, карт, брошюр, книг, отчетов о собраниях и заседаниях разных обществ, обсуждающих и разрабатывающих политические вопросы, связанные с войной или будущей ее ликвидацией . . . . . 1 000 р.

3. На устройство особого статистического отделения при Министерстве иностранных дел для разработки, систематизации и использования поступающих материалов, считая, в том числе переписчиц, расходы на печатание материалов, канцелярские, на оборудование и поддержание отделения . . . . . 800 р.

4. На секретные и непредвиденные расходы (сюда же относятся расходы по содержанию канцелярий, разъездные и разные дополнительные расходы заграничных агентов) . . . . . 1 500 р.

Итого . . . . . 6 300 р.

Необходимость такого отделения при Министерстве иностранных дел с особенной ясностью выясняется по мере хода войны и приближающегося момента ее ликвидации. При каждом из других ведомств уже имеются подобные отделы, носящие название статистических или другие наименования. Существует также несколько специальных комитетов, занимающихся собиранием относящихся сюда материалов. Некоторая часть работ предоставляется ими Министерству иностранных дел, но не может вполне удовлетворить требованиям и запросам ведомства, интересующегося главным образом политической стороной всякого вопроса. Некоторые же из упомянутых комитетов имеют слишком академический характер и систематизация их трудов окажется возможной лишь после войны.

Таким образом, чтобы собирать и практически использовать разные материалы политического значения Министерство иностранных дел нуждается в немедленной организации специального отделения, на которое была бы возложена эта задача.

В настоящее время уже намечаются следующие политические проблемы, представляющие огромный политический и практический интерес.

а) Вопрос о стремлениях и попытках Германии создать среднеевропейский блок из Турции, Болгарии и Австро-Венгрии. В этих целях во вражеских странах ведется усиленная и разносторонняя пропаганда в печати, в научных и политических обществах. Этому вопросу посвящена обширнейшая и обстоятельнейшая литература. Существуют вполне цельные и разработанные программы и проекты. Это политическое течение захватило самые широкие общественные круги во вражеских странах.

б) вопросы национальные: польский, венгерский, юго-славянский, македонский, австрийский, турецкий и др. во вражеских и союзных нам странах общественное мнение подготовляется к их решению. Разные виды и формы разрешения этих политических проблем рассматриваются и обсуждаются самым исчерпывающим образом и намечаются пути, по которым должны будут пойти правительства.

в) Вопросы, которые имеют прямое отношение к будущему миру и его условиям. В последнее время им уделяется много внимания во вражеских странах. Обсуждаются и публикуются материалы первостепенного значения.

г) Политико-экономические и социальные проблемы, поставленные на очередь этой войной. Правильное и всестороннее понимание их и должная оценка сыграют огромную роль при ликвидации войны и выработке новых основ торгово-экономической политики.

Таковы главнейшие вопросы политического характера, которые возникли и возникают теперь и к разрешению которых предстоит, может быть, приступить в недалеком будущем. Поэтому необходимо теперь же принять все меры к тому, чтобы в нужный момент оказаться вполне подготовленными и быть во всеоружии знания и осведомленности, как это делают наши враги.

Ф. 159, оп. 481, д. 408. л. 1–1 об. Приложение, л. 2–3 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Решение Совета министров о выделении кредита в 5 500 р. утверждено Николаем II 24 марта/6 апреля 1916 г. — См.: Ф. 159, оп. 481, д. 408, л. 16–17.

132. ЗАПИСКА МИССИИ РОССИИ В ШВЕЙЦАРИИ

к № 1754 *Берн, 1915 г.*

Меры, которые вынуждена принимать императорская миссия в Швейцарии относительно выдачи документов русским подданным, проживающим в Швейцарии и возвращающимся в Россию, ввиду чрезвычайного положения, вызванного военным временем

В Швейцарии проживает много русских подданных, не имеющих установленных заграничных паспортов. Швейцарские власти разрешают им пребывание в стране под условием или представления таких паспортов или снабжения их миссией временными видами на жительство.

В отношении документов, с которыми лица эти выехали из России, их можно разделить на три категории.

1) Лица, выехавшие с краткосрочными легитимационными билетами, в большинстве случаев — это те из русских, которые, выехав из России на короткий срок, были затем застигнуты войной в Германии или Австрии и принуждены были искать убежища в других нейтральных государствах Европы, между прочим, и в Швейцарии.

2) Переехавшие границу без легитимационного билета, имея при себе или паспортные книжки (внутренний паспорт) или другие документы, как то: метрические свидетельства о рождении, свидетельство о явке к исполнению воинской повинности, посемейные списки и др.

3) Наконец, лица не имеющие никаких документов, выданных русскими властями, но представляющие в удостоверение своей самоличности документы, выданные на их имя иностранными властями: французскими, бельгийскими, немецкими, как например permis de séjour, livrets de famille, acte de légitimation [вид на жительство, семейная книжка, акт о легитимации], из которых все же можно усмотреть, что владельцы их русские подданные. Сюда принадлежат так же и лица, снабженные свидетельствами от испанских консульств. Во многих случаях лица этой категории не имеют и перечисленных до-

кументов. Нередко как на причину отсутствия документов о личности они указывают на то, что документы были ими утеряны или отобраны немецкими властями. В некоторых редких случаях они объясняют это обстоятельство тем, что были вывезены из России еще в детстве. Проверить справедливость всех этих показаний бывает невозможно.

Возвратиться на родину все назначенные лица или не могут по разным причинам: по недостатку на то средств, по болезни, по семейным обстоятельства или просто не желают.

По швейцарским законам, иностранцы, не имеющие от своих правительств документов о личности (а по отношению к русским подданным законных заграничных паспортов), должны быть выселяемы из пределов данного кантона или даже из пределов страны. До сих пор правила эти соблюдались не строго, ныне же со времени начала европейской войны, кантональные органы управления не допускают в свих пределах иностранцев, неудовлетворяющих этим требованиям. Выселение же русских подданных кантональными властями за пределы Швейцарии теперь невозможно, так как въезд во Францию и Италию разрешается также лишь лицам, снабженным узаконенными документами государств, к подданству которых они принадлежат. Ввиду этого императорской миссии пришлось бы водворять таких лиц по требованию швейцарских властей в Россию, на что она не имеет средств, а, кроме того, ей пришлось бы во многих случаях отправлять русских подданных насильственно, что было бы равносильно их разорению[1].

Вследствие этого императорская миссия, впредь до получения на этот счет новых указаний императорского министерства, выдает лицам не имеющим законных заграничных паспортов, временные свидетельства на три месяца, обязывая одновременно получающих такие свидетельства лиц, возбуждать ходатайства перед подлежащими административными властями империи о разрешении им дальнейшего пребывания за границей. Со своей стороны, миссия уведомляет соответствующего губернатора о выдаче такового временного свидетельства, прося его дать дополнительные сведения о личности просителя и испрашивая его отзыва по данному вопросу.

На возбужденные русскими подданными таким образом ходатайства о снабжении их заграничными паспортами или о выдаче им новых заграничных паспортов взамен просроченных, зачастую от губернаторов поступают просьбы объявить просителям, что ходатайства последних могут быть удовлетворены лишь при условии уплаты ими всех, причитающихся с них паспортных недоимок. В большинстве случаев просители бывают поставлены в невозможность уплатить требуемую сумму (от 150 до 200 и б[ольше] рублей) вследствие тяжелых материальных условий. Поэтому в тех случаях, когда их материальное положение миссии известно, и она неоднократно приходила им на помощь, выдавая им денежные ссуды и пособия, она снабжает их, ввиду их безвыходного положения, вновь временными свидетельствами, обязывая их хлопотать перед Александровским комитетом о раненых[2], Российским Обществом Красного Креста и Департаментом окладных сборов о сложении паспортных недоимок, о выдаче временного свидетельства и в этих случаях губернаторы ставятся миссией в известность.

Согласно циркуляру Второго департамента от 17 января 1912 г. № 561[3] русским подданным, не имеющим устанавливающих их самоличность документов, выданных русскими властями, хотя бы имеющим иностранные документы о личности, не может быть выдано вида для возвращения на родину без предварительного сношения с Департаментом полиции. Исключение сделано лишь для лиц, утерявших свои документы в Гер-

мании, согласно телеграфному распоряжению Второго департамента (телеграмма от 18 сентября/1 октября 1914 г. № 9844).

Между тем поступают прошения о выдаче свидетельств и от русских подданных, утерявших свои документы (заграничные паспорта, паспортные книжки и др.) не только в Германии, но и в других странах Европы. В том числе и в Швейцарии.

Ввиду того, что лица эти нуждаются в большинстве случаев в снабжении их видами для следования на родину в очень короткий срок, что исключает возможность предварительного сношения с Департаментом полиции, миссия выдает этим лицам свидетельства применительно к упомянутой выше телеграмме Второго департамента, уведомляя Департамент полиции о таковых выдачах.

Текст этого свидетельства следующий:

«Настоящее свидетельство выдано Императорской российской миссией в Швейцарии для предъявления русским пограничным властям в удостоверение того, что владелец явился в миссию и заявил, что его зовут (имя, отчество, фамилия, откуда происходит и др.) и что он утратил такой-то свой документ или что он не имеет заграничного паспорта».

Ф. 155. I–5, оп. 709, д. 343, л. 1-3 об. Копия. Рус. яз.

---

[1] Помета на полях: «Почему? Это дело не миссии, а местного правит[ельства]».

[2] Александровский комитет о раненых — российское благотворительное учреждение для оказания помощи военнослужащим инвалидам, а также семьям погибших или умерших от ран. Комитет создан Александром I как «Высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 г.» (годовщина сражения при Кульме). С 1858 года — Комитет раненых, с 1877 года — Александровский комитет о раненых.

[3] См.: Ф. 168, оп. 843/2, д. 735, л. 105–107.

133. ЗАПИСКА МИД

[1915 г.]

Записка о положении германских
и австро-венгерских подданных, задержанных в России

По соглашениям, состоявшимся между российским правительством и правительствами германским и австро-венгерским, все русские подданные от 17–45 лет, находящиеся в Германии и Австро-Венгрии, не подлежат возвращению на родину, равно как и германские и австро-венгерские подданные того же возраста, находящиеся в России. Задержанные на основании указанного соглашения в России германские и австро-венгерские подданные были водворены во внутренние губернии Российской империи, главным образом в губернии Вятскую и Вологодскую.

Ввиду появившихся в германской печати, а также в сообщениях здешнего посольства Соединенных Штатов Америки сведений о бедственном положении германских и австро-венгерских подданных в России, Министерство иностранных дел решило проверить сведения эти и с этой целью истребовало у Совета съездов представителей промышленности и торговли письма, адресованные германскими и австро-венгерскими пленными через означенный съезд своим родственникам, находящимся в Германии и Австрии.

Ознакомившись с содержанием означенных писем, Министерство иностранных дел вывело заключение, что положение германских и австро-венгерских подданных, задержанных в России, отнюдь не является бедственным, как старается в том уверить германская печать, *а именно из 212 просмотренных министерством писем в 98 пленные указывают, что они довольны своей участью, а из остальных не более 10 содержат жалобы главным образом на недостаток денежных средств.*

В просмотренных Министерством иностранных дел письмах встречаются места, где германские подданные заявляют, что не будь они разъединены со своими семьями, то им более ничего не оставалось желать. Один из задержанных в посаде Верховажье пишет своим родственникам, что ему никогда не жилось так хорошо, как в месте его водворения. Почти во всех письмах, где пленные касаются вопроса о продовольствии, ими отмечается исключительная дешевизна пищевых продуктов, позволяющая им не только удовлетворять насущную потребность в пище, но даже питаться сравнительно изысканным образом. Так, например, в Вологде пара рябчиков стоит 15 коп., глухарь 20 коп. и проч.

Что касается помещений, в которых разместились пленные, то плата за них, как видно из тех же писем, является также весьма дешевой.

Из всего рассмотренного министерством материала явствует, что положение всех германских подданных, имеющих при себе некоторые, хотя и незначительные, материальные средства, является более чем удовлетворительным.

Жалобы встречаются лишь в письмах тех пленных, которые не имеют собственных средств. Они отмечают, что, несмотря на отсутствие у них денег, они должны жить на свой счет, и что ввиду этого они питаются крайне скудно, и если бы не поддержка германского благотворительного общества и более состоятельных их товарищей, то они оказались бы в безвыходном положении. Многие прибавляют, что они не могут писать более подробно о своем положении, опасаясь русской цензуры.

Ко всему сказанному необходимо присовокупить, что во многих письмах отмечается отличное отношение местного населения к пленным, что в настоящее время приобретает особое значение, если принять во внимание то обращение, которому подвергались русские подданные в Германии.

Ф. 155. I–5, оп. 709, д.2169, л. 6–7. Копия. Рус. яз.

134. ЗАПИСКА МИД

[1915 г.]

О денежных переводах русским военнопленным
и военнообязанным в Германии и Австро-Венгрии

Установление Министерством иностранных дел операций по переводу денег русским подданным, застигнутым военными событиями в Германии и Австро-Венгрии, а также военнопленным и военнообязанным

С 11 августа мин[увшего] года, в Министерстве иностранных дел начался правильный перевод денег как задержанным в Германии и Австро-Венгрии русским подданным вообще, так и в частности военнопленным (Kriegsgefangene) и военнообязанным

(Kriegspflichtige). Среди последних находились и находятся еще до сих пор русские государственные деятели и крупные военные и гражданские чины, не успевшие своевременно выехать из воюющих с нами стран.

Организация денежных переводов при посредстве испанских посольств

Поступавшие в Петроград и высылавшиеся из провинции денежные переводы передавались по телеграфу в императорскую миссию в Копенгагене и оттуда направлялись через посредство испанской миссии в испанские посольства в Берлине и Вене. На последние, в свою очередь, была возложена задача доставлять при помощи своих агентов, зачастую, к сожалению, германских и австрийских подданных, деньги по назначению, причем срок выдачи переводимых сумм зависел от различных обстоятельств, предвидеть и изменить которые не во власти министерства.

Затруднения, встречавшиеся при выполнении переводных операций и влиявшие на их успешность

В зависимости от неточности даваемых отправителями сведений о местонахождении адресатов, частых их перемещений, не всегда известных близким им лицам, а также вследствие нередких ошибок перегруженного работой телеграфа и проявлявшихся в отдельных случаях намеренных задержек и небрежности передаточных инстанций в Германии и Австро-Венгрии — часть исполненных министерством переводов не достигла своей цели и осталась не выплаченной по назначению.

Количество невыплаченных переводов в Германии по конец октября мин[увшего] года

Трудно было бы установить в точности, до получения окончательных отчетов испанских посольств в Берлине и Вене, процентное отношение невыплаченных переводов за весь период операций, тем более, что многие из этих переводов находятся еще в стадии производства (en cours de payement).

Отчет Испанского посольства в Берлине

До сих пор министерством получен отчет от испанского посольства в Берлине за период времени до конца октября мин[увшего] г[ода]. Согласно этому отчету, из 6 639 переводов, сделанных в Германию по конец октября мин[увшего] г[ода], на общую сумму 1 329 275 руб. — 3 586 переводов, на сумму 714 062 руб. были выплачены адресатам или их доверителям; 1 488 переводов на сумму 321 155 руб. были уничтожены по просьбе отправителей, как не достигшие своей цели, и возвращены им министерством, и, наконец, 1 565 переводов на сумму 294 058 рублей остались невыплаченными за выездом адресатов из Германии.

Помощь, оказываемая Министерством иностранных дел, военнообязанным, задержанным в Германии и Австро-Венгрии

Военнообязанным лицам, принужденным по требованию местного правительства оставаться в Германии и Австро-Венгрии, министерство оказывало и оказывает широ-

кую помощь, переводя им деньги и субсидируя их, в случае надобности, через испанские посольства. В большинстве случаев отправляемые военнообязанным через нашу миссию в Копенгагене по телеграфу суммы достигают своей цели, хотя, судя по частным сведениям, получаемым отправителями переводов, деньги эти выдаются адресатам иногда с значительным промедлением...[1]

Телеграфные запросы

Выяснить в точности, были ли вручены деньги по назначению и когда именно, по переводам, не вошедшим в вышеупомянутый отчет, т.е. по переводам в Германию с ноября мин[увшего] г[ода] и в Австро-Венгрию — за весь период времени, для министерства пока не представляется возможным иначе, как посредством телеграфного запроса в каждом отдельном случае. Ввиду сопряженного с такими запросами расхода, министерству приходится взимать с отправителей дополнительную плату за уплаченный ответ, на что лишь немногие из них выражают свое согласие. Однако не всегда запросы эти приводят к определенному результату: ответы на них поступают медленно, иногда полтора-два месяца спустя, и бывают случаи, когда телеграммы остаются совсем без ответа.

Старания министерства улучшить создавшуюся организацию

На неоднократные попытки министерства урегулировать деятельность испанских агентов в желательном для интересов задержанных русских подданных направлении, наша миссия в Копенгагене давала отзыв о невозможности[2] для испанских представителей в Германии и Австро-Венгрии создать более удовлетворительную постановку принятого им на себя дела при существующих условиях.

Помощь министерства военнопленным
Переводы небольших сумм военнопленным через министерство

Что касается наших военнопленных, то с самого начала войны денежные переводы для них делались исключительно через министерство, установившее размер принимаемых сумм для всех русских подданных, застигнутых войной за границей, вообще от 150 до 300 руб. на одно лицо. министерство, исполняющее переводы лишь по телеграфу, сделало исключение для военнопленных и отправляло им бесплатно переводы на небольшие суммы, иногда в несколько рублей, через нашу миссию в Копенгагене, пользуясь для этой цели курьерскими оказиями из Петрограда в Копенгаген.

Прием денежных переводов по почте Центральным справочным бюро о военнопленных и почтовыми учреждениями

26 ноября мин[увшего] г[ода] Центральное справочное бюро о военнопленных и городские почтовые отделения открыли прием денежных переводов по почте военнопленным без ограничения суммы. Вследствие этого министерство прекратило бесплатную отправку небольших сумм военнопленным с курьерами, продолжая, тем не менее, переводить им более значительные суммы, примерно от 50 руб., по телеграфу. Отправка

мелких сумм по телеграфу, при дороговизне телеграфного перевода, была бы слишком обременительной для лиц, посылающих всего лишь несколько рублей.

Меры, принятые министерством для ускорения доставки переводов мелких сумм в Центральное справочное бюро

Вместе с тем министерство обратилось в Главное управление почт и телеграфов с просьбой оповестить местные почтовые отделения о прекращении им приема мелких сумм. Мера эта была принята во избежание непосредственных поступлений в министерство из провинции денежных переводов на незначительные суммы, передача которых в Центральное бюро была сопряжена с лишней потерей времени.

Количество переводов военнопленным

К сожалению, не представляется до сих пор возможным определить количество переводов, сделанных министерством исключительно для военнопленных, взятых врагами на поле битвы. Имеющиеся в распоряжении Первого департамента данные по этому вопросу являются далеко не исчерпывающими, ввиду того, что отправители денег не всегда указывают при отправке их на то, что адресат военнопленный.

За период с 11 августа по 31 декабря мин[увшего] г[ода] Первым департаментом зарегистрировано 2 000 переводов военнопленным в Германии и Австро-Венгрии, на сумму около 70 000 рублей. Если же принять во внимание, что в эти страны за сказанный период времени министерством было переведено 1 813 169 рублей, то станет очевидным, что на долю военнопленных причитается гораздо большая сумма, чем 70 000 рублей.

Необходимость оказания дальнейшей помощи задержанным русским подданным в ближайшем будущем и требующийся для этого кредит

Оставшимся еще в Германии русским подданным, в том числе главным образом военнопленным и военнообязанным, министерство продолжает оказывать помощь денежными переводами, на что, конечно, требуется постоянное пополнение кредитов. В сообщенной испанской миссией в Копенгагене барону Буксгевдену ноте, от 4/17 минувшего февраля, испанский посол в Берлине исчисляет количество оставшихся в Германии и нуждающихся в помощи русских подданных в 7 000 человек, из которых 4 500 находятся в Берлине, а остальные размещены по разным города империи. К этой цифре нужно прибавить еще, по подсчету г-на. Поло де Барнабе, 5 300 лиц гражданского звания, задержанных (interniert) германским правительством и содержащихся на положении «военнообязанных». Число военнопленных, конечно, не поддается пока определенному учету.

На вспомоществование упомянутым лицам, по расчету испанского посла в Берлине, необходим ежемесячный кредит, приблизительно в 200 000 марок[3], а кроме того, от 20 до 30 000 марок ежемесячно должны быть ассигнуемы на водворение на родину тех лиц, которые получают возможность выехать из Германии.

Указанные цифры являются, конечно, приблизительными и весьма вероятно, что в числе русских, проживающих в Германии и получающих от русского правительства пособия и от своих родных в России денежные переводы через посредство Министер-

ства иностранных дел, есть немало лиц, особенно евреев, которые сами предпочитают не выезжать из пределов Германии и продолжают там оставаться.

На документе помета: «Изложенные в этой записке сведения могут быть приняты в соображение при сообщении записки 2 Департамента председателю Совета министров».

Ф. 155. I–5, оп. 709, д. 25, л. 3–16. Подлинник. Рус. яз.

---

[1] Далее не разобраны четыре слова, вписанные от руки.

[2] Сверху вписано от руки «затруднении».

[3] Согласно данным, полученным испанским послом в Берлине от Комитета оказания помощи русским подданным, в Берлине находятся 4 500 человек; в Дрездене — 120; в Ганновере, Галле, Гальберштадте и Лейпциге — 400; в Хемнице — 1 200; на юге Германии около 400 и в остальной части империи — 500. Считая по 10 марок на человека в неделю — на всех требовалось бы круглым числом 70 000 марок в неделю, т.е. 280 000 марок в месяц. В указанную категорию задержанных, однако, не входят лица гражданского звания (personnes civiles internées), из коих 1 300 человек помещены в Гольцминдене, 2 000 в Гавельберге и 2 000 человек в различных концентрационных лагерях. Так, на обзаведение теплыми вещами, обувью и проч. находящихся в Гольцминдене русских подданных пришлось израсходовать за последнее время около 15 000 марок.
Полагая, в видах экономии, что некоторая часть задержанных в Германии русских подданных могла бы пользоваться трудовой или иной помощью, испанский посол считает ежемесячный кредит в 200 000 марок отвечающим удовлетворению лишь самых неотложных потребностей. Означенные 200 000 он распределяет следующим образом на ежемесячные расходы на нужды наших соотечественников: 150 000 марок для Берлина; 5 000 для Дрездена; 1 500 для Хемница; 2 000 для Галле и 5 000 на юг Германии (прим. документа).

135. ПРАВИЛА ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ РОССИЙСКИМ ПОДДАННЫМ ЗА ГРАНИЦЕЙ

[не ранее 8 января 1916 г.]

(Выработаны на основ[ании] п[араграфа] II высочайше утвержд[енного] 8 января 1916 года Особого журнала Совета министров от 11 и 18 декабря 1915 года[1])

1) Денежная помощь может быть оказываема императорскими российскими дипломатическими и консульскими установлениями и в неприятельских странах установлениями иностранных правительств, принявших на себя защиту русских подданных, только русским подданным по надлежащем удостоверении подданства.

2) Русские военнопленные в неприятельских странах пользуются помощью на основании особых положений.

3) Исключаются из числа лиц, которым может быть оказана денежная помощь, лица неблагонадежные, уклоняющиеся от воинской повинности и бродяги.

4) Денежная помощь может быть оказываема, в виде общего правила, лишь заимообразно на условии возврата в казну выданной ссуды лицом, ее получившим, либо в заграничное учреждение, выдавшее ссуду, в назначенные этим учреждением сроки, либо в России, в кассы государственного казначейства, тотчас по возвращении в Империю лица, получившего ссуду.

5) Лицам, совершенно неимущим, по надлежащем в том удостоверении, денежная помощь может быть оказываема в нижеуказанных случаях и в виде безвозвратных пособий.

6) Ссуды и пособия преимущественно выдаются на возвращение русских подданных на родину. На прожитие они могут быть выдаваемы лишь тем, кто принудительно задерживается в неприятельских странах, а равно лицам, не имеющим возможности вернуться из заграницы в Россию по преклонному возрасту или по болезни. Денежная помощь может быть оказываема и близким родственникам указанной категории лиц, постоянно с ними проживающим, если имеются уважительные причины удержания их при лицах, не имеющих возможности вернуться в Россию.

7) Размер ссуд на возвращение на родину сообразовывается с положением лица, ходатайствующего о получении ссуды, с его кредитоспособностью, дальностью и длительностью переезда и стоимостью последнего по тарифам железных дорог и пароходов.

8) Неимущим, возвращающимся на родину, может быть оказано пособие выдачей билета низших классов железных дорог и пароходов и выдано на руки пособие, достаточное для прокормления в пути.

9) Размер ссуды на прожитие исчисляется, по соображению с положением лица, ходатайствующего о получении ссуды, и с его кредитоспособностью, на срок, каждый раз, не долее одного месяца.

10) Безвозвратные пособия неимущим на прожитие выдаются в размере потребном, по местным условиям, на удовлетворение лишь самых насущных нужд получателя пособий. Военно-задержанным, заключенным в концентрационные лагеря, а равно лицам, имеющим заработки, но не достаточные для существования, пособия выдаются лишь на те настоятельные их потребности, которые не удовлетворяются заработками, либо лагерным довольствием. Пособия каждый раз рассчитываются на сроки не долее одной недели.

11) Во всех случаях размер ссуды не должен превышать трехсот рублей на одно лицо, размер же безвозвратного пособия — одного рубля в сутки.

12) С особого каждый раз разрешения Министерства иностранных дел помощь русским подданным может быть оказываема путем найма помещений под устройство убежищ для совершенно неимущих с оплатой расходов по содержанию последних.

13) При производстве денежных выдач от получателей отбираются расписки в получении ссуд или пособий, с обозначением размера полученной суммы, места и времени ее получения и, в случае выдачи ссуды, также и срока, в который получатель обязывается ее возвратить.

14) О каждой выданной ссуде и каждом пособии делается заграничным установлением отметка в паспорте получателя, с обозначением размера выданной суммы, а равно места и времени выдачи. Отметка подписывается должностным лицом, выдавшим ссуду или пособие. В случае возврата ссуды в учреждение, ее выдавшее, возврат, равным образом, отмечается тем же порядком в паспорте ссудополучателя.

15) Выданным ссудам и пособиям заграничными установлениями ведутся особые книги с подробным обозначением звания, имени, отчества, фамилии и постоянных занятий лица, получившего ссуду или пособие, места его прописки и подробного адреса в России, учреждения, выдавшего ему заграничный паспорт, размера полученной ссуды или пособия и времени их выдачи. В эти же книги заносятся расходы по устройству и содержанию убежищ, означенных в ст. 12.

16) По истечении каждого месяца из означенных в ст.15 отчетных книг делаются подробные выписи, в двух экземплярах, для представления в Министерство иностранных дел.

17) Указанные в предшедшей статье выписи сопровождаются: 1) ведомостями, в двух экземплярах, о возвращенных в течение месяца ссудах; 2) упомянутыми в ст. 13 подлинными расписками получателей ссуд и пособий и 3) сведениями о приходе и наличности сумм, отпущенных на оказание помощи русским подданным за границей, с обозначением, когда и в каком размере был переведен кредит на указанную надобность, сколько из сего кредита израсходовано за прежнее время и сколько из него остается в распоряжении заграничного установления.

Ф. 159, оп. 664/1, д. 221, л. 1–2. Типогр. экз. Рус. яз.

[1] См.: Особые журналы Совета министров... — С. 581–583.

136. ЗАПИСКА МИД

16 января 1916 г.

Министерство иностранных дел переводит деньги в Германию и Австро-Венгрию исключительно русским подданным, не имеющим возможности выехать оттуда

Со времени заключения нами соглашения с германским и австро-венгерским правительствами о беспрепятственном выезде оставшихся в Германии и Австро-Венгрии русских подданных, не считающихся военнопленными или военнообязанными, и женщин, Первым департаментом Министерства иностранных дел были введены, при приеме денежных переводов русским подданным в Германию и Австро-Венгрию, некоторые ограничения, в силу которых деньги переводятся временным Отделом денежных переводов исключительно лицам, не имеющим возможности выехать из воюющих с нами стран.

Кому могут быть переведены деньги через посредство министерства

Такими лицами считаются: военнопленные (Kriegs-und-civilgefangene), военнообязанные (Kriegspflichtige) и задержанные местными властями по тем или иным причинам, без права выезда (internierte, konfinierte и т.д.), тяжело больные, находящиеся в больницах, клиниках и санаториях на излечении. Лица мужского пола призывного возраста (от 17 до 45 лет), лица обоего пола старческого возраста (70–80 лет) и малолетние, которые не в состоянии самостоятельно путешествовать.

Министерство иностранных дел не может оказывать помощи тем русским подданным, которые, получив разрешение выехать из воюющих с нами стран, остаются в них по соображениям личной выгоды

Если помощь, оказываемая министерством этим лицам путем перевода денег по необременительному курсу, вызывается необходимостью и оправдывается тяжелыми обстоятельствами, в которых они находятся, то материальная поддержка, за счет казны,

тех русских подданных, которые могут возвратиться на родину или выехать в нейтральные страны и не делают этого, предпочитая, из соображений личной выгоды, оставаться среди наших врагов, — не должна быть допустима.

Необходимость проверки на месте, действительно ли все лица, которым переводятся деньги при содействии министерства, отвечают требуемым условиям

Установить, однако, в точности, отвечают ли все те лица, которым министерство переводит деньги в Германию и Австро-Венгрию, вышеуказанным условиям — навряд ли возможно. Не располагая до сих пор иным способом проверки сведений об оставшихся в воюющих с нами странах русских подданных, кроме удостоверенных собственноручной подписью заявлений отправителей денег о причинах, в силу которых лица эти не выезжают оттуда, отдел вынужден руководствоваться при переводе денег исключительно такими заявлениями.

Проверить сообщаемые отправителями денег сведения об адресатах, являющихся более или менее постоянными «клиентами» министерства, было бы возможно лишь на местах. Поэтому Первый департамент обратился через посредство императорской миссии в Копенгагене в испанские посольства в Берлине и Вене с просьбой выяснить, по мере возможности, условия, в которых находятся указанные в особых, составленных отделом, списках лица, проживающие в Германии и Австро-Венгрии и регулярно получающие через посредство Министерства иностранных дел деньги по паритету.

Денежные переводы в Бельгию

Что касается переводов в Бельгию, то, по условиям временной оккупации этой страны, в силу коей упомянутые соглашения не могут распространяться на задержанных на ее территории русских подданных, а также вследствие незначительности переводимых туда сумм, деньги принимаются для перевода нуждающимся на общих основаниях. Тем не менее, Первый департамент сносится с императорской миссией в Гааге для выяснения, все ли лица, оставшиеся в Бельгии и получающие при посредстве Министерства иностранных дел деньги, действительно не в состоянии выехать оттуда.

Необходимость урегулировать денежные переводы в временно занятые неприятелем местности Российской империи

Если переводы в Германию, Австро-Венгрию и Бельгию более или менее урегулированы и представляют в общей сумме, по ежемесячным отчетам, малоотклоняющийся в ту или иную сторону итог, нельзя того же сказать о переводах в местности Российской империи, временно занятые неприятелем, с многомиллионным, разоренным войной, населением.

К сожалению, не всегда представляется возможным выяснить в точности, в силу каких причин лица, коим министерство переводит в эти местности деньги, своевременно оттуда не выехали.

Положение населения оккупированных неприятелем местностей Российской империи

Так как соглашения о выезде русских подданных из занятых германцами и австрийцами наших земель у нас с правительствами враждебных нам стран пока не имеется, а по международным законам жители этой части Российской империи находятся на положении не военнопленных (Kriegsgefangene & Civilgefangene), но задержанных в силу оккупации, то они и должны нами рассматриваться как не имеющие возможности выехать из местности, где они проживают.

Категории лиц, которым переводятся деньги

1) Правительственные чиновники, духовенство и т. д.

Здесь могут представиться следующие положения:

1) Деньги поступают от правительственных установлений для перевода:

а) правительственным чиновникам (жалование, пенсии, пособия и т.д.), не успевшим быть эвакуированными по независящим от них причинам. Такие переводы составляют казенные платежи и поэтому подлежат конечно исполнению; при этом ведомства, к коим принадлежат данные чиновники, должны озаботиться испрошением иностранной валюты для покрытия таковых денежных переводов. Сама же операция перевода будет совершаться по-прежнему Министерством иностранных дел.

К этой категории относятся также и

б) неэвакуированные служащие в тех частных учреждениях и банках, в которых они оставлены для надзора за невывезенным имуществом, или по иным уважительным причинам, и духовенство.

2) Беженцы

2) Деньги переводятся из России разоренными помещиками и домовладельцами-беженцами, не пожелавшими остаться во власти неприятеля и нуждающимися в некоторой поддержке оставленных ими для надзора за имениями и имуществами управляющих, приказчиков, лесничих и т.д. Эти лица несомненно имеют право на поддержку со стороны правительства, также, как и те беженцы, у которых остались невыкупленными, имеющие для них большую ценность, вещи, заложенные в неэвакуированных казенных и частных ломбардах.

3) Рабочие и обыватели

3) Помимо указанных категорий, имеется целый ряд лиц, проживающих как в губернских и уездных городах, так и в местечках и селах, а также рабочие таких крупных центров, как напр[имер] Лодзь. Последние, конечно, приспособлены германцами и австрийцами к работе и получают за нее средства для пропитания, а потому для них переводы из России являются уже относительной роскошью.

Лица, коим оказание помощи за счет казны не оправдывается необходимостью

Что касается первых, то наряду с действительно бедствующими под гнетом жестокой неприятельской администрации и военного режима обывателями, есть, вероятно, также лица, извлекающие даже некоторую пользу из нового положения вещей, и во всяком случае приспособившиеся к нему, а потому таким лицам переводить деньги из России было бы нежелательно.

Задача временного Отдела денежных переводов

Урегулирование переводов этой последней категории лиц и является ныне одной из главных задач Отдела денежных переводов, разрешить которую представляет немало трудности.

Переводный баланс

Увеличение переводного баланса, связанное с превышением сметы по испрашиваемому на каждый месяц кредиту, вызвало недавно задержку в отпуске иностранной валюты, в связи с чем по платежам на Германию и Австро-Венгрию остались временно непокрытыми несколько сот тысяч марок и крон. Такое положение вещей, конечно, не должно повторяться, и поэтому одним из способов предотвратить возможное несоответствие переводов с ассигнуемой на покрытие их валютой могло бы быть ограничение переводных операций лишь теми случаями, когда целесообразность денежной помощи, оказываемой министерством нашему населению в занятых неприятелем губерниях, находится вне всякого сомнения.

До разрешения этого вопроса отдел, по мере возможности, старается не выходить из рамок инструкций, преподанных для руководства министерством и нашим представителям за границей, для урегулирования выдачи пособий и ссуд русским подданным, задержанным там обстоятельствами военного времени. При этом следовало бы придерживаться норм для переводов: не свыше 100–150 руб. на одно лицо и 200–300 руб. на семью ежемесячно.

Кроме того, необходимо лишить возможности пользоваться льготой денежных переводов через посредство министерств иностранных дел тех лиц, которые обнаружили тем или иным способом попытки прибегать к ухищрениям и обману с целью обойти установленные Первым департаментом правила.

С подлинным верно:
За делопроизводителя Субботин

На документе помета: «Согласен» (подп.) В. Арцимович».

Ф. 184, оп. 520, д. 1651, л. 31–34. Заверенная копия. Рус. яз.

137. ЗАПИСКА КАМЕР-ЮНКЕРА М.М. БИБИКОВА[1]

Берн, 16/29 января 1916 г.

Некоторые данные об экономическом положении
Австро-Венгрии к 1 января 1916 г. на основании сведений,
собранных в Швейцарии и полученных непосредственно из Австрии

В Австрии существует учрежденное в июне 1915 года «Военное хлебное распределительное учреждение» (*Kriegs Getreide-Verkehrsanstalt*), а в Венгрии основанное в июле месяце Венгерское военное хлебное общество (*Ungarische Kriegsproduktion Aktiengesellschaft*). Оба эти учреждения должны помогать снабжать население и армию продовольствием, причем Венгерское общество служит главным образом комиссионером по принятию и распределению заказов на венгерский хлеб.

Однако эти учреждения не держат в своих руках как соответствующие учреждения в Германии, вполне все народное продовольствие и в Австро-Венгрии играют роль также особые правительственные комиссии, деятельность которых далеко не оказалась на высоте положения. Их обвиняют в том, что они гораздо более защищают интересы производителей и торговцев, чем интересы потребителей и что поэтому назначаемые ими высшие цены никакого облегчения населению не приносили.

В общем следует отметить, что в отношении продовольствия Венгрия находится в гораздо более выгодном положении, чем Австрия. Первая производит гораздо больше зерновых продуктов и австрийскому правительству до сих пор не удалось убедить венгерское равномерно распределять в стране запасы.

По примеру Германии в Австрии была введена хлебная карта, причем на каждого жителя приходится в неделю 1960 граммов хлеба или 1400 граммов муки. Цифра эта совершенно теоретическая, ибо в большинстве случаев булочники не имели необходимого количества хлеба.

В Венгрии до сих пор карточек введено не было и каждый житель имел право на 2800 граммов муки в неделю (с 1 января 1916 г., однако, и в Венгрии введена карточка, причем она дает право на получение 240 граммов хлеба в день).

Урожай

Урожай этого года ржи и пшеницы был неудачный во всей двуединой монархии, на 65–70% хуже урожая прошлого года.

Овес и ячмень уродились совершенно плохо и удалось собрать приблизительно лишь половину против 1913 года. Кроме того, Австро-Венгрия обещала уступить Германии 20% своего урожая, так что вообще можно сказать вопрос о продовольствии населения хлебом принял в середине прошлого года совершенно угрожающий характер, что и побудило правительство ввести по примеру Германии хлебную карту и вообще относиться более строго к исполнению всех правил, установленных для обеспечения продовольствием населения.

Ввиду этого, хотя положение в Австро-Венгрии и критическое, но все же настоящий голод вряд ли наступит и страна будет в состоянии продержаться до нового урожая, тем более, что вероятно части населения, в особенности в деревнях, удается скрывать свои запасы от правительственного контроля.

В конце минувшего года Австрии удалось вместе с Германией купить в Румынии 50 000 вагонов хлебного зерна и сухих овощей. По некоторым сведениям хлеб этот уже поступает в количестве 250 вагонов в день. Но покупка эта была сделана по столь дорогой цене, что влияния на общие цены она не имеет.

Скот

В вопросе о скоте Венгрия и в особенности Австрия находятся в очень тяжелом положении. Засуха, которая господствовала минувшим летом, заставила сельских хозяев распродать свой скот. К этому их еще побуждали высокие цены на мясо. Теперь недостаток в скоте столь чувствителен, что в сельскохозяйственных кругах опасаются, что он отзовется на успехах сельскохозяйственных работ предстоящей весной.

Цены на мясо совершенно недоступны, не только для рабочего населения, но и для средних классов, а сало почти что совершенно отсутствует. Это обстоятельство побудило правительство уже с июля месяца 1915 г. ввести два дня — вторник и пятницу, когда запрещена продажа и подача в ресторанах всяких мясных продуктов.

С молоком дело обстоит еще хуже. Большинство коров побито для мяса. В Вене, например, подача молока и сливок во всех кофейнях и ресторанах запрещена и количество поступающего в город молока уменьшилось на 33%. Положение в других городах и деревнях еще хуже. Для новорожденных детей не хватает молока.

Это вызвало повышение смертности новорожденных, которая в бедных кварталах Вены достигла 80%.

Вообще недоедание населения в Австрии сказывается на смертности. Достоверные сведения мы имеем об этом лишь касательно некоторых кварталов города Вены, где смертность повысилась по сравнению с 1914 г. на 15–23%, а процент рождаемости понизился еще больше — в некоторых случаях от 38–43%. Вероятно, то же самое происходит и во всей стране, исключая, конечно, Венгрии, где население лучше обеспечено и недостаток продовольствия дает меньше себя чувствовать.

Таблица средних цен на главные жизненные продукты в Австрии
(цена в геллерах)

	Август 1914 г.	Август 1915 г.	Декабрь 1915 г.
Мясо 1 килограмм	205	475	560
Свиное мясо	220	525	543
Телятина	185	350	490
Лош. мясо	100	290	340
Сало	177	490	735
Свиной жир	188	460	755
Пшен. мука	42	75	74
Картофель	12	26	16
Маргарин	180	410	610
Яйца 1 штука	8.5	17	22
Хлеб 1 килогр.	32	60	53
Сахар	86	98	98

	Август 1914 г.	Август 1915 г.	Декабрь 1915 г.
Рис	62	220	330
Горох	40	132	178
Бобы	38	108	125
Масло	310	540	810
Молоко 1 литр	29	39	45
Керосин	31	58	66

Из этой таблицы ясно видно, какие продукты в особенности возросли в цене и на первом месте стоят: мясо, масло и все жировые продукты. Сахар и картофель сравнительно вздорожали немного: первый на 14%, второй на 33% и это, собственно говоря, составляет главный продукт питания населения двуединой монархии.

Пиво

Сокращение количества ячменя очень тяжело отозвалось на производстве пива. Во многих трактирах продажа пива совершенно прекращена. До конца ноября 1915 года производство пива составляло около 85% нормального количества, с первого же декабря 1915 года лишь 55%, а к весне предполагают, что и это количество уменьшится до 33%.

Цены на пиво (в геллерах)

К 1 декабря 1915 г.	До войны
½ литра простого пива — 30	14
— « — пильзенского — 38	26

По слухам к весне ожидается дальнейшее повышение цен.

Промышленность

Австрийская промышленность сильно страдает благодаря отсутствию сырого материала — прекращению его ввоза. Многие предприятия принуждены были совершенно прекратить свои работы. Особенно пострадала хлопчатобумажная и шерстяная промышленность. Фабрики работают главным образом на правительственные заказы, а все те, которые занимались производством таких предметов, как ковров, белья, ситцев, мебельных материй, совершенно прекратили всякую работу.

Железоделательные заводы, как и все те предприятия, которые стоят в связи с войной, усиленно работали. Официальные сведения к концу октября 1915 года сравнительно с тем же временем в 1913 году указывают на большую производительность в 100 000 тонн железа.

Но все отрасли промышленности страдают от отсутствия сырого материала, который для нужд военной промышленности реквизируется в стране правительством. Все металлические предметы, принадлежащие частным лицам, а также общественным учреждениям, даже церковные колокола, поступают в распоряжение властей. Фабрики, производящие еще хлопчатобумажные и другие ткани, не имеют права продавать свои производства без разрешения властей, которым они должны два раза в месяц точно обозначать, какие у них имеются запасы.

Шерсть и каучук совершенно отсутствуют и поступают лишь в малом количестве путем контрабанды. Все находящиеся в стране у частных лиц запасы забираются властями. Кроме того, многие фабрики и заводы, которые не являются поставщиками правительства, вынуждены были отдать медные, латунные и свинцовые части своих машин в распоряжение правительства.

Из следующей таблицы видно, как возросли в Австрии цены на сырые материалы:

	До войны	В декабре 1915 г.
Железо 100 килогр.	15 крон	25 крон
Медь	220	500
Латунь	65	93
Кожаные подметки 1 кгр.	6.50	12
Хлопчатобумажн. очески № 20 1 фунт	1 крона	3.80

Таким образом, Австро-Венгрия переживает тяжелый промышленный кризис, несравненно более тяжелый, чем Германия, что объясняется недостаточной подготовленностью ее к нынешней войне и отсутствием соответствующей организации.

Торговый баланс монархии служит ясным доказательством того, в каком положении находится ее промышленность сравнительно с 1914 г.: ввоз уменьшился на 570 000 000 крон, а вывоз на 500 000 000.

Запасы людей

В средине декабря состоялся призыв лиц от 37 до 42 лет, не бывших ранее на службе, а равно и 18-летних, который дал, по некоторым сведениям, всего 240 000 человек. После этого в распоряжении Австро-Венгрии остается лишь то количество людей, которое может получиться от пересмотра всего наличного мужского населения и призыва лиц от 43–50 лет, равно как и мальчиков 16 и 17 лет. В начале января к этому будет приступлено.

По имеющимся сведениям эти призывы могут дать 1 600 000 человек, что составляет уже последний людской запас Австро-Венгрии.

Если принять среднюю цифру австрийских потерь — 150 000 человек в месяц, что не кажется слишком высоким, то австрийского запаса может хватить до ноября месяца. Но этот срок приходится сократить на половину, так как из этого резерва в 1 600 000 человек на действительную службу на фронте едва ли может быть пригодно более половины.

При самой благоприятной оценке резервов австро-венгерской армии они могут хватать лишь до конца мая месяца нового стиля, причем следует заметить, что в Австрии уже грозно начинает вставать вопрос о полной остановке внутренней жизни страны, ввиду призыва всего способного к труду мужского населения.

Финансовый вопрос

Финансовое положение Австро-Венгрии без преувеличения можно назвать отчаянным. Война стоила Австрии приблизительно тридцать миллиардов. Расходы эти были покрыты двумя займами, давшими около шести миллиардов и выпуском бумажных денег на сумму более четырнадцати миллиардов. До войны их находилось в обращении

2 миллиарда. Остальные деньги были получены благодаря различным операциям Австро-венгерского банка с частными банками и благодаря авансам, в той или другой форме сделанным Германией.

В связи с положением финансов проявляется и падение курса австрийской кроны. К 1 августа 1915 г. официальный курс австрийских железных дорог был следующий: сто марок равнялись ста тридцати пяти кронам 50 гелл., сто швейцарских франков — 126 кр. 75 гелл. К концу же декабря 1915 года сто марок стоили уже 148 кр. 50 гелл., а сто франков — 167 кр. 50 гелл. Нет основания предполагать, чтобы падение это, несмотря на все принимаемые меры, остановилось.

Такое положение, близкое к полному государственному банкротству, вызывает в Австрии усиленно поддерживаемые в Германии проекты тесного экономического сближения обоих государств.

В Австро-Венгрии начинают отдавать себе отчет, что только этим способом, даже в случае победоносного исхода войны, возможно будет восстановить разоренное финансовое и экономическое хозяйство двуединой монархии.

М. Бибиков

Ф. 134, оп. 473, д. 61, л. 87–90 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] М.М. Бибиков, первый секретарь миссии в Баварии, был отозван из Мюнхена в связи с началом войны с Германией 19 июля/1 августа 1914 г.

138. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО М.В. АЛЕКСЕЕВУ

№ 69 *20 января 1916 г.*

Широкое распространение, полученное кинематографом, выдвинуло его значение как весьма действительного способа воздействия на общественное мнение. Обстоятельство это не осталось без внимания со стороны наших врагов и уже учтено ими в нейтральных странах.

Ввиду этого во вверенном мне министерстве возникло предположение использовать этот способ влияния на общественное мнение в наших интересах и, в первую очередь, применить его в Румынии, *а затем в Швеции и в Соединен[ных] Штатах. Командированный в Америку для изучения способов воздействия на тамошнее общественное лицо*[1]*, недавно возвратившийся в Петроград, придаст такой мере большое значение*. Из личных объяснений с представителями Скобелевского комитета[2] выяснилось, что для цели этой могут служить ленты, изготавливаемые означенным комитетом. Успешное распространение же лент возможно лишь при условии предоставления их владельцам кинематографов или кинематографическим агентурам безвозмездно или за дешевую плату. Организация дела требует таким образом известного ассигнования.

Как я осведомился из письма Вашего высокопревосходительства от 1 января с.г. за № 23[3], предположение это встретило полное с Вашей стороны сочувствие. Ввиду этого

имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с просьбой о содействии скорейшему разрешению денежной стороны дела.

На сей предмет я полагал бы наиболее целесообразным предоставление из военного фонда в распоряжение Главного управления Генерального штаба или М[инистер]ства иностр[анных] дел определенного кредита, примерно в 25 000 рублей, который затем пополнялся бы в случае его израсходования. Из него в первую очередь надлежало бы покрыть расходы, вызываемые организацией дела в Румынии. По заявлению члена совета Скобелевского комитета капитана Левошко, вопрос о предоставлении комитету потребных для сего средств еще не получил окончательного разрешения. Из того же источника могли бы быть покрыты расходы по изготовлению лент для отправления, например, в Швецию, Соединенные Штаты и пр. В тех случаях, когда кажется возможным организовать распространение лент за плату, часть произведенных расходов возместится, что, казалось бы, должно служить доводом в пользу подобного ассигнования. В частности, в Америке, по сведениям министерства, распространение наших фильмов могло бы быть произведено за плату. Что же касается устройства дела в самой Румынии, то мною даны указания камергеру Поклевскому оказать всякое содействие представителям Скобелевского комитета по прибытии их на место[4].

Ф. 134, оп. 473, д. 82, л. 77–78 об. Черновой экз. Рус. яз.

[1] Далее зачеркнуто: «публицист Сыромятников».

[2] Комитет имени генерал-адъютанта М.Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам учрежден по инициативе сестры известного русского военачальника М.Д. Скобелева княгини Н.Д. Белосельской-Белозерской в апреле 1904 года. Комитет выдавал пособия раненым и увечным воинам, оказывая им содействие в трудоустройстве и налаживании быта. В 1908 году принят под покровительство Николая II. В 1918 году ликвидирован с передачей всего имущества в Центральный комитет Всероссийского союза увечных воинов.

[3] См.: Ф. 134, оп. 473, д. 82, л. 74.

[4] 1/14 февраля 1916 г. генерал-квартирмейстер Генерального штаба М.Н. Леонтьев направил депешу начальнику канцелярии МИД М.Ф. Шиллингу, в которой сообщал о согласии Генерального штаба на использование кинематографа в указанных целях и приглашал министерство принять участие в совещании для обсуждения этого вопроса. — См.: Ф. 134, оп. 473, д. 82, л. 81–81 об.

139. ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВУ

№ 2155 *11 февраля 1916 г.*
Спешное

Милостивый государь князь Николай Александрович,

Согласно действующим ныне правилам о военной цензуре, пребывающие в Петрограде иностранные посольства и миссии как союзных, так и нейтральных держав, пользуются известными льготами в вопросе о пропуске их корреспонденции через военную цензуру.

Точное представление о постановке этого вопроса в настоящее время дают прилагаемые при сем: 1) копия циркулярной ноты Министерства иностранных дел 20 июня

1915 г. № 7558[1], разосланной в здешние посольства и миссии нейтральных государств, 2) копия ноты 30 того же июня № 7989, разосланной в посольства и миссии союзных держав, и 3) копия предписания председателя Главной военно-цензурной комиссии от 9 октября 1915 г. № 2756/2765[2].

Между тем с некоторого времени в министерство непрестанно поступают жалобы от посольств и миссий на незаконное вскрытие их корреспонденции, которая, в силу существующих правил, не подлежит военной цензуре.

Как видно из сообщений, сказанных посольств и миссий, подвергается цензурному просмотру переписка союзных посольств и миссий; письма на имя нейтральных послов и посланников месяцами задерживаются в цензуре. Жалобы эти все увеличиваются и можно опасаться, что существующее положение вещей поведет к крупным недоразумениям.

Не подлежит сомнению, что настоящее неудовлетворительное положение дела объясняется недостаточно правильной постановкой вопроса разбора корреспонденции и определением той переписки, которая не подлежит цензурному просмотру. По имеющимся в министерстве сведениям, до 1 декабря 1915 г. вопрос о том, какие почтовые отправления, поступающие или отправляемые из Петрограда, должны подвергнуться военной цензуре и какие должны быть освобождены от таковой на основании сказанных правил, разрешался чинами Петроградского главного почтамта, причем правила точно соблюдались, и не возникало никаких недоразумений. Начиная же с указанного числа, работа эта производится на Главном почтамте при участии военных чинов, которые требуют предъявления всей корреспонденции и при распределении ее не сообразуются с существующими законоположениями и правилами, а руководствуются исключительно предписаниями, исходящими от военного начальства, которым в данном случае является, по-видимому, Штаб армий Северного фронта.

Министерство иностранных дел неоднократно обращалось как к председателю Главной военно-цензурной комиссии, так и к военному министру с представлениями о том, что подобный образ действий нашей цензуры не только расходится с действующим законом, но и является недопустимым с точки зрения политической, но эти представления ни к каким результатам не привели. Такое положение дела ставит Министерство иностранных дел в весьма затруднительное положение по отношению к указанным выше иностранным дипломатическим учреждениям, тем более, что министерство не может не признавать обоснованность и справедливость их протестов против действия цензурных властей.

Ввиду сего представляется необходимым срочно принять такие меры, которые обусловливали бы на будущее время неприкосновенность означенной корреспонденции в согласии с действующими цензурными правилами.

Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство не отказать о всем вышеизложенном довести до сведения начальника Штаба верховного главнокомандующего с ходатайством принять все зависящие от него меры для упорядочения этого дела и о последующем благоволить уведомить.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Нератов

Ф. 323, оп. 617, д. 2, л. 6–7 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. док. № 111.

[2] Приложения не публикуются. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 2, л. 1–5.

140. НОТА МИД ПОСОЛЬСТВУ США В РОССИИ

№ 556-В *13 февраля 1916 г.*

В ответ на ноту американского посольства от 31 декабря/13 января 1916 г.[1] касательно положения военнопленных в России, императорское Министерство иностранных дел имеет честь сообщить нижеследующее:

Что касается указания на переполнение мест водворения пленных офицеров, то в размещении пленных офицеров действительно в некоторых лагерях может наблюдаться переполнение. Таковое положение, однако, является лишь временным явлением, *так как*[2] Военным министерством принимаются энергичные меры к более просторному размещению пленных, в частности и офицерских чинов, путем постройки новых бараков и других соответствующих помещений. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в смысле удобства размещения наши военнопленные офицеры в Германии находятся, судя по многочисленным дошедшим до Военного министерства сведениям, далеко не в лучших условиях.

Наряду с этим, германское правительство указывает на то, что пленные офицеры, из-за частых перемещений, не получают причитающегося им содержания. Военное министерство сообщает, что производимые по этому поводу расследования каждый раз доказывают, что этого рода жалобы не имеют под собой никакой почвы, и на все обращенные к подлежащему военному начальству запросы об условиях удовлетворения пленных офицеров денежным довольствием, неизменно получаются ответы, что таковое выдается в строгом соответствии с законом. Во всяком случае, высказываемое германским правительством предположение о том, что частое перемещение пленных офицеров является умышленной попыткой создать для них затруднение в получении жалования, заслуживает самого серьезного опровержения.

Пункт третий ноты германского правительства затрагивает вопрос о постановке у нас в пунктах размещения военнопленных санитарной части, причем указывается на недостаток в госпиталях медицинских перевязочных и т.п. средств. Военное министерство с полным вниманием относится к санитарному состоянию и снабжению врачебными средствами лагерей и не может признать заявление германского правительства основательным. Что же касается просьб о командировании из одного округа в другой, для усиления медицинского персонала, пленных врачей, то подобного рода ходатайства действительно были заявляемы, причем всегда представлялось возможным их удовлетворять, ввиду значительного числа имеющихся у нас пленных лиц медицинского и санитарного персонала.

Заявление[3] германского правительства о том, что в каждом лагере имеются инвалиды, ожидающие обмена, безусловно не соответствует действительному положению вещей, ибо все за самыми незначительными исключениями инвалиды, предназначенные к обмену, в данное время сосредоточены в Москве, в ожидании возобновления между нами и Германией обмена таковыми лицами, и если некоторые из инвалидов временно еще и находятся в пунктах постоянного их расквартирования, то, очевидно, ввиду того, что данные лица по болезни еще не способны совершить переезда в Москву.

Особенное значение придается германским правительством пункту десятому обсуждаемой ноты, посвященному вопросу о продовольствии пленных германцев, ибо отмечаемые названным правительством уменьшение хлебной и мясной порции и лишение пленных чайного довольствия рассматриваются не как единичные явления, наблюдае-

мые в отдельных лагерях, а как общая ограничительная мера, введенная для всех пленных германцев.

Таковой взгляд германского правительства доказывает, что оно правильно поняло значение проведенной Военным министерством в отношении пленных германцев меры уменьшения хлебной и мясной порции и почти полного лишения их чайного довольствия, ибо указанная мера действительно является общей для всех пленных германцев ограничительной мерой. Вызвана же она совершенно не допустимым, с человеческой точки зрения, режимом, применяемым к пленным чинам нашей армии, находящимся в концентрационных лагерях Германии, не только в смысле жестокого обращения с названными пленными, но и, главным образом, в предоставлении им пищи в таком ограниченном количестве и такого *дурного*[4] качества, которые не оправдываются решительно никакими заслуживающими внимания соображениями и не удовлетворяют самым основным требованиям гигиены, не говоря, конечно, о гуманитарности. В этом отношении, положение наших пленных в Австро-Венгрии более благоприятно, что по принципу взаимства отражается, конечно, и на положении водворенных у нас пленных чинов австро-венгерской армии, в отношении коих и не признавалось необходимым применять особого рода ограничительных мер. В частности, *должно заметить*[5], что, несмотря на неоднократные попытки, с нашей стороны, убедить германское правительство в настоятельной необходимости улучшить положение наших пленных в Германии, и хотя в деле применения к военнопленным тех или иных более суровых мер инициатива никогда не исходила от нас, поныне, к сожалению, со стороны германского правительства не сделано в этом отношении ничего, достойного быть отмеченным, как желание поставить жизнь наших пленных в более человеческие условия.

Что же касается[6] остальных отмечаемых германской нотой недочетов, как то — отсутствие в некоторых пунктах водворения пленных подстилок, а отчасти и обуви и одежды, *то*[7] Военное министерство и подлежащее местное начальство постоянно следят за тем, чтобы военнопленные были снабжены обувью и одеждой по правилам, установленным положением о военнопленных, т.е., по возможности, наравне с чинами нашей армии. Приведенные же в ноте случаи являются единичными, к устранению коих всегда принимаются необходимые меры.

Из[8] вышеизложенного *явствует*[9], что Германия упорно добивается своей цели в деле предоставления нами пленным чинам ее армии всевозможных льгот и обеспечения им благоприятных условий существования, выдвигая вперед принцип взаимности, на самом же деле, судя по нравственным и физическим испытаниям, претерпеваемым нашими пленными в Германии, не давая им взамен никаких реальных облегчений.

Ф. 160, оп. 708, д. 2907, л. 14–16 об. Копия. Рус. яз.

---

[1] См.: Ф. 160, оп. 708, д. 2908, л. 3–5.

[2] Вписано над зачеркнутыми словами «имея в виду, что».

[3] Вписано над зачеркнутым словом «ссылка».

[4] Вписано над зачеркнутым словом «скверного».

[5] Вписано над зачеркнутыми словами «нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство».

[6] Вписано над зачеркнутыми словами «обращаясь, наконец».

[7] Вписано над зачеркнутыми словами «необходимо упомянуть».

[8] Вписано над зачеркнутым словом «все».

[9] Вписано над зачеркнутым словом «подтверждает».

141. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ВТОРОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД А.К. БЕНТКОВСКОГО ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВУ

№ 2508 *17 февраля 1916 г.*
Срочное

Милостивый государь князь Николай Александрович,

В последнее время в Министерство иностранных дел поступает значительное количество ходатайств офицерских и нижних чинов о наведении справок о лицах, оставшихся в местностях, занятых неприятельскими войсками. При этом обращающиеся с ходатайством лица ссылаются на имеющиеся по сему поводу сообщения в «Армейском вестнике» и других военных газетах о том, что с согласия германского правительства наводятся справки о русских подданных, находящихся в губерниях, занятых неприятельскими войсками, а равно осуществляются через посредство Министерства иностранных дел сношения с сими лицами.

Ввиду сего считаю долгом отметить, что германское правительство, наоборот, заявило о том, что оно не будет давать никаких справок о лицах, находящихся в занятых германскими войсками местностях.

Однако в некоторых случаях, ввиду исключения, Министерству иностранных дел удавалось получать справки о лицах, находящихся в сказанных местностях.

Ввиду сего Министерство иностранных дел не отказывает в приеме прошений о наведении сказанных справок, каковые прошения могут быть направляемы в состоящее при Втором департаменте Бюро справок. Прошения эти оплате гербовым сбором не подлежат.

Что же касается вопроса об обеспечении сношений с местностями, занятыми неприятельскими войсками, то таковые ни в форме пересылки писем, ни в форме сообщений каких-либо сведений лицам, оставшимся в сих местностях, до сего времени осуществляемы быть не могут.

Доставляемые в Министерство иностранных дел для отсылки в названные местности письма препровождаются в Петроградский главный почтамт, где с ними поступается по закону.

Ввиду изложенного, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство не отказать войти в сношение со Штабом верховного главнокомандующего по вопросу о желательности оповещения офицерского состава и нижних чинов способом, каковой сей Штаб найдет нужным, об изложенном положении дела.

О последующем покорнейше прошу не отказать уведомить.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Бентковский

Ф. 323, оп. 617, д. 79, л. 131–132. Подлинник. Рус. яз.

142. СПРАВКА ОТДЕЛА О ВОЕННОПЛЕННЫХ МИД[1]

Петроград, март 1916 г.

Справка

Вследствие поступивших 13 сего марта в Министерство иностранных дел прошений 1) проживающей в Москве жены потомственного почетного гражданина Зои Алексеевны Красильщиковой и 2) Председателя Московского комитета помощи военнопленным Отделом о военнопленных были сделаны 19 сего марта за № 253/4865 надлежащие телеграфные распоряжения императорской миссии в Стокгольме о немедленном включении, находящегося в плену в Германии в лагере Ганновер-Мюнден, больного туберкулезом легких, прапорщика 289 Коротоярского полка Бориса Николаевича Красильщикова в число наших инвалидов, подлежащих возвращению на родину.

Ф. 340, оп. 807, д. 8, л. 1–1 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Справка была выдана члену Государственной думы В.В. Марковникову.

143. ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ РОССИЙСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ[1]

16 марта 1916 г.

ЖУРНАЛ
заседания 16 марта 1916 г. состоящего под августейшим
ее императорского величества государыни императрицы
Александры Феодоровны покровительством Комитета
по оказанию помощи русским военнопленным,
находящимся во вражеских странах

Присутствовали:
Председатель — член Государственного Совета, сенатор князь Н.Д. Голицын. Члены: Статс-дама княгиня О.П. Долгорукая. Фрейлина их императорских величеств государынь императриц П.А. Казем-Бек. Гофмейстер В.А. Арцимович. Генерал-лейтенант И.А. Овчинников. Отставной тайный советник А.А. Катенин. В должности гофмейстера Б.К. Ордин. Полковник Генерального штаба Н.Г. Мыслицкий. Отставной гвардии ротмистр В.В. Маркозов.

I) Открывая заседание, председатель сообщил о полученном им от товарища министра иностранных дел, гофмейстера В.А. Арцимовича, письме о желательности предоставления в распоряжение испанского посла в Австро-Венгрии денежных средств на разъезды и оказание помощи русским военнопленным, содержащимся в австрийских и венгерских концентрационных лагерях. Гофмейстер В.А. Арцимович указывает на то, что состоящий под покровительством ее величества комитет ассигновал уже в распоряжение испанского посла в Берлине 100 000 рублей на дело помощи русским воен-

нопленным в Германии. Привлечение испанского посла в Австрии и Венгрии к более деятельному попечению о наших пленных в этих странах, являлось бы также, как можно заключить из докладов сестер милосердия, посещавших их в начале текущего года, чрезвычайно желательным.

Соглашаясь с мнением гофмейстера В.А. Арцимовича, председатель заметил, что ввиду значительно меньшего, по сравнению с Германией, количества русских военнопленных, содержащихся в Австрии и Венгрии, возможно было бы ограничиться ассигнованием в распоряжение испанского посла в этих странах суммы в 20 000 рублей, причем необходимо просить его, как это было сделано при ассигновании средств испанскому послу в Берлине, представить отчет о расходовании им упомянутой суммы.

[Постановили]: По обсуждении сего вопроса комитет постановил ассигновать из своих средств в распоряжение испанского посла в Австрии и Венгрии на разъезды по лагерям русских военнопленных и на оказание помощи нашим военнопленным в этих странах 20 000 с тем, чтобы испанский посол представил комитету отчет в израсходовании им этой суммы.

На приведение сего постановления в исполнение испросить соизволение ее императорского величества государыни императрицы.

II) Засим, председателем было доложено сообщение сенатора А.Д. Арбузова о том, что Главное управление Красного Креста постановило созвать совещание (под председательством сенатора А.Д. Арбузова) для выработки подробной инструкции лицам, которые будут назначены представителями Российского Общества Красного Креста в смешанной Комиссии по делам военнопленных, заседания коей, согласно уведомлению, полученному от почетного Председателя Стокгольмского совещания по улучшению дела помощи военнопленным, принца Карла Шведского, откроются 23 марта (5 апреля) сего года[2].

Сенатор А.Д. Арбузов сообщает об изложенном на предмет назначения комитетом представителей в означенное совещание.

[Постановили]: Принимая во внимание, что председатель совещания, созванного при Главном управлении Российского Общества Красного Креста для выработки инструкции представителям, назначаемым в смешанную комиссию по делам военнопленных, собирающуюся в Стокгольме 23 марта/5 апреля сего года, сенатор А.Д. Арбузов одновременно является и членом состоящего под покровительством ее величества Комитета, последний постановил назначить сенатора А.Д. Арбузова представителем Комитета в названном совещании.

III) Затем председателем был доложен выработанный в канцелярии комитета проект осуществления более тесного согласования между собой деятельностей состоящего под покровительством ее величества комитета и различных заграничных комитетов, занимающихся оказанием помощи русским военнопленным.

Согласно этому проекту предполагается установить регулярный взаимный обмен между комитетами сведений о произведенных ими посылках указаниями на лагеря, которые каждым из них обслуживаются, и сообщением известий, представляющих особой интерес для дела помощи военнопленным.

[Постановили]: Признавая объединение деятельности заграничных комитетов весьма желательным, комитет постановил известить последние о намеченных к осуществлению такого объединения мерах.

IV) Затем председателем было доложено отношение товарища министра иностранных дел от 16 февраля сего года за № 588 о том, что, согласно телеграмме императорского посланника в Копенгагене, по распоряжению германского Военного министерства воспрещены всякие сношения с Россией жителей занятых германцами областей. Что же касается военнопленных в пределах захваченной территории, то им разрешено получать 2 письма и 2 карточки в месяц, за исключением военнопленных, находящихся в пределах Варшавского генерал-губернаторства, коим также воспрещена всякая переписка.

[Постановили]: Приняв во внимание, что в занятых неприятелем областях находится сравнительно большое количество наших военнопленных, помощь коим со стороны комитета парализуется изложенным распоряжением германского Военного министерства, противоречащим международным соглашениям о положении военнопленных, комитет постановил войти в сношение с Министерством иностранных дел на предмет выражения германскому правительству со стороны русского правительства соответствующего сему делу протеста.

V) Далее председатель доложил, что книгоиздательство Товарищества Н.В. Васильева подготовляет к печати альбомы под названием «военнопленные», состоящие из пяти открыток каждый и изображающие жизнь русских и союзных нам военнопленных.

Половину стоимости альбомов, в 50 копеек каждый, названное книгоиздательство предполагает отчислять в пользу комитета, с тем, чтобы последний разрешил ставить на альбомах надпись: «цена 50 коп., 50% отчисляется в пользу Комитета помощи русским военнопленным, состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны», а также оказал бы свое содействие для пропуска на фабрики, учреждения и т.п. В случае же неприемлемости указанных условий, названное Товарищество предлагает комитету поставить на альбомах свое издание, предоставив книгоиздательству, за определенный процент с номинальной стоимости, право их распространения.

[Постановили]: Признавая нежелательным распространение в России фотографических и других карточек с изображением как военнопленных, так равно и их жизни в плену, комитет постановил оставить изложенное предложение книгоиздательства без удовлетворения.

VI) Председатель князь Н.Д. Голицын доложил отношение заведующего Особым комитетом помощи военнопленным, от 5 сего марта за № 881, в коем сенатор А.Д. Арбузов сообщает, что комендант станции Торнео, поручик Поппиус, взявший на себя передачу в Шведский Красный Крест посылаемых русским военнопленным пожертвований, просит о высылке ему авансом 10 000 рублей, причем по телеграфу добавляет, что ввиду настойчивого требования Шведского Красного Креста сортировать ящики с посылками по лагерям, для чего нужно иметь особый пакгауз и людей, экспедитор отказывается производит эту сортировку за плату 30 марок. Желательно, поэтому, по мнению Поппиуса, во избежание лишней платы и для ускорения отправки грузов сортировать ящики по лагерям в Петрограде, снабдив их соответствующими ярлыками.

Кроме того, сенатор А.Д. Арбузов уведомляет, что в Особый комитет поступила просьба председателя комитета помощи военнопленным при Шведском Красном Кресте Дидринга о присылке в Стокгольм 30 000 рублей на организацию в Заснице конторы

для распределения ящиков с пожертвованиями по лагерям Германии, в коих водворены русские военнопленные.

По поводу заслушанного отношения сенатора А.Д. Арбузова, председатель комитета, князь Н.Д. Голицын сообщил комитету как о характере деятельности коменданта станции Торнео поручика Поппиуса, так и об установившейся практике отправки комитетом грузов на имя военнопленных, причем заявил, что по его мнению, в видах бережного и осторожного расходования имеющихся в распоряжении комитета средств прежде ассигнования авансов Поппиусу в 10 000 рублей и Шведскому Красному Кресту 30 000 рублей, затребовать у них точных и подробных сведений, на какие именно надобности испрашиваются названные суммы, тем более, что Поппиусу с начала деятельности комитета обычно деньги выдавались за совершенную уже операцию и с начала деятельности комитета ему послано 3 230 рублей 40 копеек и Шведскому Красному Кресту 1 904 рубля 50 копеек, причем отчетов в израсходовании этих денег в Комитет не поступало.

Обсудив изложенное, комитет пришел к единогласному решению, что Поппиусу необходимо выслать 2 000 рублей предварительно, однако, ассигнования ему остальных 8 000 рублей, потребовать от него точного расчета испрашиваемого аванса. Что же касается ассигнования шведскому Красному Кресту, то по этому поводу голоса членов комитета разделились, причем большинство из 5 членов (княгиня О.П. Долгорукая, П.А. Казем-Бек, В.А. Арцимович, Б.К. Ордин и В.В. Маркозов) высказалось за немедленную посылку 30 000 рублей и за одновременное требование отчета, ввиду того, что шведским Красным Крестом оказывается ценное содействие в деле посылки нашим военнопленным предметов первой необходимости; меньшинство же членов (председатель князь Н.Д. Голицын, И.А. Овчинников, А.А. Катерин и Н.Г. Мыслицкий) признавало необходимым предварительно ассигнования этой суммы иметь точные сведения, на какие именно расходы и на какое время предназначается эта сумма, тем более, что вообще накладные расходы по оказанию помощи русским военнопленным представляются весьма значительными и могут повлиять на уменьшение посылаемых военнопленным необходимых им вещей.

[Постановили]: Комитет постановил 1) ассигновать Поппиусу 2 000 рублей и предварительно выдачи ему остальной суммы в 8 000 рублей потребовать от него подробного расчета испрашиваемого аванса и 2) ассигновать в распоряжение Особого комитета Шведского Красного Креста 30 000 рублей на устраиваемую в Заснице контору по распределению грузов для военнопленных и просить последний о доставлении комитету отчета в израсходовании названной суммы.

На приведение сего постановления в исполнение испросить соизволение ее императорского величества государыни императрицы.

VII) Засим был заслушан вопрос о задержке и небрежном хранении на шведской станции Хапаранде отправляемых в Германию военнопленным посылок. В состоящий под покровительством ее величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным поступили 26 января сего года от и.д. начальника Генерального штаба генерала М.А. Беляева и 5 февраля от заведующего Центральным справочным бюро о военнопленных генерал-лейтенанта И.А. Овчинникова сведения о том, что в Хапаранде был замечен на открытом месте склад отправленных из России в Германию нашим пленным посылок в количестве около 15 000 штук, которые были свалены в кучи на большом протяжении, завалены снегом и, находясь там очень долго, подвергались порче, причем

Центральное справочное бюро в подтверждение означенных сведений препроводило в комитет сделанные на месте фотографические снимки. На обращенный по этому поводу, в первую очередь, запрос в Особый комитет помощи военнопленным при Центральном справочном бюро о том, не находятся ли в числе упомянутых посылок грузы, отправленные в Германию комитетом ее величества, сенатор А.Д. Арбузов уведомил 10 февраля, что таковых в Хапаранде не имеется.

Засим, ввиду заключавшихся в упомянутом выше сообщении генерал-лейтенанта И.А. Овчинникова сведений, что командированная в Финляндию особая комиссия установила, что пересылка посылок в пределах России до станции Торнео производится совершенно правильно и аккуратно и что замеченные в Хапаранде непорядки объясняются небрежностью шведских властей на этой станции, а также приняв во внимание поступившее от 28 января сего года письмо товарища министра иностранных дел гофмейстера В.А. Арцимовича о том, что по сообщению германского правительства, посылки, адресуемые нашим военнопленным в Германии, очень часто приходят в сильно поврежденном виде, а иногда и пустыми, председатель комитета обратился 5 февраля сего года с письмом к нашему посланнику в Швеции А.В. Неклюдову с просьбой выяснить приведенные обстоятельства и 8 февраля к гофмейстеру В.А. Арцимовичу о принятии мер к обеспечению правильной пересылки отправлений на имя наших пленных путем соответствующих дипломатических сношений с шведским правительством.

Независимо сего председатель комитета 8 февраля сего года просил начальника Главного управления почт и телеграфов о распоряжении, чтобы направляемые русским пленным за границу посылки принимались, в видах предотвращения случаев расхищения содержимого таковых, почтовыми учреждениями в возможно прочной упаковке. В ответе на приведенное письмо В.Б. Похвиснев 2 марта сего года за № 19109 уведомил, что им подтверждено по почтово-телеграфному ведомству циркуляром о приеме посылок на имя наших пленных лишь в прочной укупорке, а равно об осмотрительной укладке этих посылок в вагоны, в которых они могут повреждаться во время перевозки.

Наконец, в ответ на письмо, отправленное камергеру А.В. Неклюдову, последний 21 февраля сего года за № 834 сообщил, что, согласно произведенному нашим вице-консулом в Хапаранде расследованию, прибывающие из России посылки для наших военнопленных переотправляются шведскими властями из Хапаранды далее без задержки, и что замеченное в Хапаранде большое количество посылок, сложенных на открытом месте, прибыли из Англии, адресованы в Россию и задержаны шведским правительством в виде репрессалий за задержание Англией шведской почты в Америку.

По поводу изложенного член комитета генерал-лейтенант И.А. Овчинников заявил, что, по его мнению, результаты произведенного по распоряжению камергера А.В. Неклюдова расследования едва ли можно считать исчерпывающими рассматриваемый вопрос, так как неопровергаемый факт крайне небрежного обращения в Хапаранде с посылками неблагоприятно отражается на наших интересах, причем и самый способ производства расследования через посредство местного вице-консула нельзя признать вполне удачным ввиду того, что на обязанности этого лица лежало недопущение обнаруженного непорядка на станции Хапаранда.

Большое накопление посылок, хранившихся без всякого прикрытия на станции Хапаранда, подтвердила также и член комитета фрейлина их императорских величеств государынь императриц П.А. Казем-Бек, обратившая внимание на это при своем проезде осенью минувшего года в Швецию и обратно.

[Постановили]: Признавая результаты произведенного расследования по вопросу о непорядках на шведской станции Хапаранда недостаточными, комитет постановил просить Министерство иностранных дел принять зависящие меры к устранению на будущее время явлений, могущих неблагоприятно отразиться на положении и без того бедственном наших военнопленных.

VIII) Председатель доложил поступившее от товарища министра иностранных дел гофмейстера В.А. Арцимовича письмо от 10 марта сего года за № 909, в коем последний, ссылаясь на сообщение комитета от 12 ноября минувшего года о том, что с целью снабжения русских военнопленных книгами для чтения комитетом было поручено составление соответствующих каталогов Петроградскому обществу библиотековедения, просит доставить министерству упомянутые каталоги, поясняя, что стоящий во главе Копенгагенского комитета, ведающего делом снабжения военнопленных книгами, профессор Г. Гефдинг, согласно приложенному в копии письму, вполне присоединяется к предложению о снабжении Копенгагенской организации не денежными средствами, а готовыми, составленными в России библиотеками. В связи с этим член Государственного Совета князь Н.Д. Голицын пояснил, что Общество библиотековедения, согласно отзыву от 29 ноября минувшего года за № 164, затруднилось исполнить просьбу Комитета о составлении каталога книг для военнопленных, ввиду недостатка сил, и что поэтому комитет сам приступил, на основании собранного им для этой цели материала, к составлению надлежащих каталогов.

По этому поводу полковник генерального штаба Н.Г. Мыслицкий заявил, что военное ведомство выработало каталоги книг для больных воинов, которые могут оказаться пригодными и при составлении библиотек для наших пленных.

[Постановили]: Комитет постановил воспользоваться предложением полковника Генерального штаба Н.Г. Мыслицкого.

IX) В заключение председатель комитета сообщил присутствовавшим поступившую 15 марта сего года нижеприведенную телеграмму (в переводе): «Военнопленные нижние чины Дейчгабеля позволяют себе принести комитету ее императорского величества свою глубочайшую благодарность за посланные бисквиты и просят передать возлюбленной родине, которая не забыла своих детей на далекой чужбине, сердечный привет».

При этом председатель пояснил, что в лагерь «Deutsch-Gabel» в Австрии было послано Комитетом 13 февраля 1916 г. 45 ящиков галет.

[Постановили]: Комитетом принято к сведению.

Подлинный подписали: Князь Н. Голицын, княгиня О. Долгорукая, П. Казем-Бек, В. Арцимович, И. Овчинников, А. Катенин, Б. Ордин, Н. Мыслицкий, В. Маркозов.

Верно: Управляющий Канцелярией Комитета
У.О. Лейбук

Ф. 160, оп. 708, д. 1492, л. 111–116. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] См. прим. 7 к док. № 130.

[2] В мае 1916 г. состоялась вторая Стокгольмская конференция о военнопленных, в ходе которой 13 мая 1916 г. был подписан протокол, закрепивший постановления первой Стокгольмской конференции.

Участники конференции приняли решение ввести службу справок, обмен списками заключенных; наладить почтовые сношения, медико-санитарный уход, распределение пожертвований, удовлетворение духовных нужд; организовать в лагерях комитеты помощи военнопленным и смешанные комиссии в качестве органов внегосударственного контроля за условиями содержания людей и др. В декабре 1916 г. в ходе следующей конференции в шведской столице представители Обществ Красного Креста России, Германии и Австро-Венгрии подписали протокол, касавшийся ухода за больными военнопленными. — См.: Ф. 160, оп. 70, д. 1565.

144. ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.Ф. ШИЛЛИНГА СОВЕТНИКУ ПОСОЛЬСТВА РОССИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ К.Д. НАБОКОВУ

6 апреля 1916 г.

Происходящими ныне событиями выдвигается множество вопросов, требующих со стороны Министерства иностранных дел внимательного изучения. В область таких вопросов входят все важнейшие явления политической, общественной и финансово-экономической жизни нейтральных и союзных государств и в особенности вражеских, как связанные с войной, так и имеющие отношение к будущему устройству Европы. Состав наших дипломатических учреждений настолько обременен делами, непосредственно связанными с текущими событиями, что для них было бы непосильным заняться собиранием всевозможных материалов для изучения вопросов, имеющих лишь более отдаленное отношение к событиям дня.

Ввиду сего министерство решило прибегнуть к содействию особых агентов, на обязанность коих предположено возложить своевременное и, по возможности, полное осведомление министерства по вышеуказанным вопросам. В число материалов, могущих интересовать министерство, следует отнести гласные и негласные мероприятия правительств, имеющие политическое значение, разработку и обсуждение частными лицами и разными обществами и учреждениями политико-экономических проблем и связанных с будущей ликвидацией войны вопросов, публичные лекции, доклады, разные совещания на политические темы в открытых и закрытых заседаниях, опубликование брошюр, книг, географических карт и появление иных печатных и рукописных документов, представляющих политический интерес. Необходимое внимание должно быть также уделено местной печати, наиболее выдающиеся и интересные статьи которой, в вырезках, агентам надлежать будет доставлять в министерство.

Умение разобраться в этом материале и определить степень важности и интереса его для министерства явится одним из необходимых условий успешной деятельности агентов в этом направлении деятельности по существу и не секретной, но все же требующей известного такта и осторожности. Может быть, представится даже возможным установить какую-либо связь непосредственно с вражескими странами и получать на месте сведения о политических и общественных течениях у наших врагов.

Кроме осведомления, на агентов предполагается возложить также распространение брошюр и сборников, которые будут им доставляться, и исполнение поручений министерства по приобретению разных изданий.

В виде вознаграждения за услуги каждому агенту предположено назначить ежемесячное жалование в размере 1 000 франков, с оплатой отдельно канцелярских и накладных расходов по разъездам, и по приобретению и доставке материалов.

Дабы не обременять дипломатические учреждения излишней перепиской, означенным осведомительным агентам надлежать будет по делам, связанным с их работой, непосредственно сноситься с помощником начальника Канцелярии министра, которому ими имеют быть направлены все собираемые сведения и материалы.

При сем прилагается примерная программа деятельности осведомительных агентов[1].

Сообщая о вышеизложенном, прошу не отказать уведомить по телеграфу, не считало ли бы императорское посольство возможным привлечь в качестве такого осведомительного агента в Лондоне корреспондента Петроградского телеграфного агентства Духовецкого. В случае же, если означенная кандидатура встречает препятствие, имею честь покорнейше просить указать другое подходящее лицо для этой цели.

Примите...[2]

Ф. 133, оп. 470, 1916 г. (неполитич.), д. 10, л. 16а–16б (об.) Копия. Рус. яз.

[1] В архивном деле приложение отсутствует.
[2] Многоточие документа.

145. ЦИРКУЛЯРНАЯ ДЕПЕША ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 171 *20 апреля 1916 г.*
Циркулярно

Милостивый государь,

Ввиду значительного расширения круга задач, которые будут входить в ведение Отдела печати, о преобразовании коего я довел до сведения Вашего письмом от...[1]

имею честь покорнейше просить не отказать в сообщении некоторых данных о главнейших органах печати, выходящих в...[2] Перечень вопросов, интересующих министерство, препровождается в отдельном опросном листе — образце. Для целей архивной классификации было бы желательно, чтобы размер и внешняя форма этого образца была бы сохранена.

Одновременно с сим имею честь покорнейше просить Вас поручить одному из секретарей вверен...[3] следить за делом печати в...[2] и сообщать управляющему Отделом печати 1 числа каждого месяца о происшедших переменах в сведениях, сообщенных в вышеозначенных листах.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

А. Нератов

Приложение

Образец опросного листа

Карточка №

Название и место издания	
Имена и краткая характеристика издателя и заведующего иностр[анным] отделом	
Краткое изложение общего направления газеты	
На какие средства существует газета, субсидируется ли она местным или иностр[анным] пр[авитель]ством и можно ли на нее оказать воздействие	
По возможности сведения о распространении газеты, о ее влиянии.	

Ф. 140, оп. 477, д. 804, л. 56. Литогр. копия. Приложение, л. 58. Копия.

[1] Здесь и далее многоточие документа.

[2] Имеется в виду страна пребывания. На полях документа перечислены фамилии дипломатических представителей и места их пребывания. Депеша была направлена в Лондон, Париж, США, Рим, Токио, Афины, Копенгаген, Гаагу, Христианию, Берн, Стокгольм. В Бухарест депеша была направлена в начале апреля.

[3] Так в документе. Имеется в виду «вверенное» представительство.

146. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ РОССИИ В ИСПАНИИ Ю.Я. СОЛОВЬЕВУ

№ 1875 *23 апреля 1916 г.*
Шифром

Ссылаясь на Вашу телеграмму 13 апреля,

Прошу Вас выразить мою искреннюю признательность новому испанскому послу в Петрограде за его любезное предложение[1]. Я считал бы желательным обратить особое внимание Поло на следующие наиболее острые вопросы:

1) Дурное питание, равносильное голоданию, наших военнопленных в Германии.

2) Связанные с жестокими наказаниями за непослушание принудительные посылки пленных на французский и австро-итальянский фронты и другие работы, связанные с военными целями, а также в Болгарию и Сербию на железнодорожные и иные тяжелые работы.

О невыносимом положении наших пленных в отношении помянутых вопросов мы имеем неоспоримые доказательства.

3) Очень желательно добиться от германского правительства заключения соглашения об обмене пленных врачей и санитарного персонала, между прочим доктора французского госпиталя в Петрограде Крессона.

Наш посланник в Стокгольме, которому поручено ведение переговоров, не получает, несмотря на многократные настояния, никакого ответа от германского правительства.

4) Мы были бы крайне признательны Поло за возможно частые командирования чинов Посольства в разные лагеря для проверки многочисленных жалоб о положении пленных, о которых мы ему сообщаем, Вы могли бы дать мысль об увеличении личного состава посольства в Берлине по примеру американского в Петрограде, к которому ныне прикомандировываются еще новых пять лиц для объезда германских лагерей в России. Все расходы по объездам лагерей Поло может покрывать из уже переведенных ему в марте ста тысяч рублей[2].

Сазонов

Ф. 160, оп. 708, д. 2685, л. 4–4 об. Копия. Рус. яз.

[1] В секретной телеграмме от 13/26 апреля 1916 г. Ю.Я. Соловьев сообщал С.Д. Сазонову о том, что испанский посол в Петрограде граф Картахена выезжает в Россию через Берлин, предлагает российской стороне переговорить с испанским послом в Берлине о пожеланиях России относительно улучшения быта российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. — См.: Ф. 160, оп. 708, д. 2685, л. 2.

[2] В июне 1916 г. посольство Испании в Берлине направило в испанское посольство в Петрограде развернутый отчет по 4 наиболее острым вопросам содержания военнопленных в немецких лагерях. — См.: Ф. 160, оп. 708, д. 2685, л. 9–13.

147. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ПРИ ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ М.С. ПУСТОВОЙТЕНКО

№ 1280 *Ставка, 26 мая 1916 г.*

Получив от Вашего превосходительства при сношении от 19 мая с.г. за № 1208 копию утвержденных 26 сентября 1914 г. правил для русских и иностранных корреспондентов, допущенных в действующую армию для поездки общей группой[1], я при содействии полковника Ассановича на основании этих правил составил проект новых правил, которые могли бы впредь служить основанием для допущения в район действующей армии корреспондентов иностранных органов периодической печати, а также фотографов, обслуживающих иностранные иллюстрированные издания.

Препровождая означенный проект Вашему превосходительству, считаю долгом прибавить нижеследующие соображения.

Как я уже имел случай отметить в переданной мною Вам по сему вопросу записке, можно рассчитывать на целесообразное использование деятельности иностранных

корреспондентов, допускаемых на театр военных действий, лишь при условии, что все дело руководства ими во время пребывания их в армии сосредоточено будет в одних руках и для этой цели избрано будет лицо, знакомое с вопросами печати, и притом иностранной, и по возможности имеющее в этом отношении известный опыт. Во всяком случае необходимо тесное сотрудничество между этим лицом и органами Министерства иностранных дел, имеющего большую возможность оценивать значение и деятельность представителей иностранной печати. Что же касается офицеров, назначаемых для сопровождения корреспондентов, то желательно постоянно возлагать эту обязанность на одних и тех же лиц, по возможности также знакомых с вопросами печати.

Как указал опыт, поездки многочисленными группами представляют значительные неудобства в отношении организации поездки и в отношении наблюдения за корреспондентами и руководства ими. Ввиду этого предпочтительны поездки небольшими группами (от 5 до 10 человек), но частые, иногда даже параллельные. Это позволит отделить корреспондентов, заслуживающих большого доверия, от лиц менее надежных и ставить первых в более льготные условия, чем вторых, как в смысле выбора посещаемых пунктов, так и в других отношениях.

Наконец, необходимо выделить и поставить в совершенно особые условия некоторых иностранных корреспондентов, оказавших нам выдающиеся услуги и доказавшим на деле свое вполне благоприятное к нам отношение. Лицам, признанным достойными особого доверия, в виде исключения могло бы быть разрешено самостоятельно передвигаться в пределах театра военных действий отдельно от других корреспондентов и без сопровождения офицера. Такое преимущественное положение надлежало бы предоставить, например, известному корреспонденту газеты «Таймс» американскому гражданину Стэнли Вашберну.

Директор
Секретарь

Приложение

Правила допущения в действующую армию корреспондентов
иностранных органов периодической печати,
а также фотографов, обслуживающих
иностранные иллюстрированные издания

§ 1

Корреспонденты иностранных органов периодической печати, а также фотографы, обслуживающие иностранные иллюстрированные издания, желающие быть допущенными в район действующей армии, обращаются с соответствующим ходатайством в Главное управление Генерального штаба, представляя при этом документы, удостоверяющие их личность и удостоверения от редакций обслуживаемых ими изданий, а также имеющиеся у них разные рекомендательные документы. Ходатайства эти рассматриваются Главным управлением Генерального штаба совместно с Министерством иностранных дел (по Отделу печати). Заключения означенных учреждений представляются затем на утверждение Штаба верховного главнокомандующего.

§ 2

Корреспонденты (или фотографы), ходатайства коих признаются подлежащими удовлетворению, допускаются в район действующей армии лишь по даче подписки в том, что во все время пребывания их в означенном районе они будут строго соблюдать настоящие правила и подчиняться всем требованиям, которые могут быть сверх того к ним предъявлены, в частности через назначенных сопровождать их офицеров.

§ 3

Поездки в районе действующей армии совершаются корреспондентами (или фотографами) по маршруту и при соблюдении условий, определяемых Штабом верховного главнокомандующего, и по указанию назначенных сопровождать их офицеров. Поездки эти производятся небольшими группами (примерно от 5 до 10 челов[ек]) в сопровождении назначенного для сего офицера Генерального штаба. Отделение от группы во время поездки и следование без сопровождающего офицера строго воспрещается.

§ 4

Все вопросы, связанные с допущением вышеупомянутых корреспондентов (или фотографов) в район действующей армии, ведаются в Управлении генерал-квартирмейстера нарочито избранным для сего штаб-офицером. В помощь последнему для ближайшего заведывания вышеупомянутыми поездками корреспондентов (или фотографов) и для сопровождения таковых назначаются специально для сего избранные офицеры, владеющие иностранными языками. Кроме того, для сношений с корреспондентами и сопровождения их может быть командирован еще чиновник от Министерства иностранных дел. На обязанности офицеров, назначенных для сопровождения корреспондентов (или фотографов), лежит оказание им необходимого содействия, дача им потребных разъяснений и вообще освещение, в пределах возможного, интересующих их вопросов.

§ 5

Каждый корреспондент получает от Штаба верховного главнокомандующего удостоверение, которое должен всегда иметь при себе: корреспонденты обязаны иметь нарукавную повязку, ношение которой обязательно во все время пребывания в пределах театра военных действий. Нарукавная повязка представляет собой полосу белой материи. По середине полосы пришиваются из тесьмы буквы: В.К. (военный корреспондент) или В.Ф. (военный фотограф).

§ 6

Корреспонденты дают подписку не писать ни в настоящем, ни в будущем ничего, могущего быть использованным нашими противниками во вред нашей армии; все свои записки, заметки, фотографии, чертежи, рисунки, художественные эскизы и тому подобные собранные ими во время поездки материалы, касающиеся действий наших войск или войск противника или вообще касающиеся вопросов, имеющих военный характер, они обязаны представить по окончании объездов на просмотр в Управление

генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем через состоящего при корреспондентах офицера Генерального штаба.

§ 7

Все отправляемые корреспонденции — письма и телеграммы — должны сдаваться означенному офицеру Генерального штаба и подвергаться его цензуре. Разрешениям в этом отношении штаб-офицера Генерального штаба корреспонденты должны беспрекословно подчиняться и после его цензуры могут или вовсе не отправлять корреспонденции, писем и телеграмм или отправлять таковые лишь в том виде, в каком посылка их будет разрешена. Все письменные материалы, представляемые корреспондентами для просмотра, могут быть написаны только на одном из трех языков: русском, французском или английском.

Употребление шифра безусловно воспрещается.

Все сделанные во время поездок фотографии по их проявлении лично корреспондентом — фотографом или фотографом Штаба верховного главнокомандующего — подвергаются цензуре в этом Штабе.

§ 8

При составлении корреспонденции, записок, заметок, рисунков, художественных эскизов, фотографий и других материалов военного характера, предназначающихся для опубликования или распространения, корреспонденты и фотографы обязаны руководствоваться опубликованным в № 203 Собраний узаконений и распоряжений правительства от 26 июля 1914 г. «Перечнем сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати воспрещается на основании ст. 1 отдела II закона 5 июля 1912 г.», копия какового перечня выдается каждому корреспонденту вместе с экземпляром настоящей инструкции.

§ 9

В случае нарушения сих правил или других требований, предъявленных через заведующего корреспондентами офицера Генерального штаба или сопровождающего их офицера, корреспондент по представлении названного офицера Генерального штаба подлежит немедленной высылке из пределов театра военных действий и сверх того подвергается ответственности по закону.

§ 10

Расходы по передвижению и квартирному размещению корреспондентов (или фотографов) во время их поездок Штаб верховного главнокомандующего принимает на себя; продовольствие же — лишь в случае затруднительности для этих лиц по независящим условиям добыть его личным попечением. При этом все хозяйственные заботы возлагаются на офицера, сопровождающего корреспондентов (или фотографов).

§ 11

Самостоятельные передвижения отдельных корреспондентов в районе действующей армии вне группы и без сопровождающего офицера могут быть допущены лишь с особого на то разрешения Штаба верховного главнокомандующего и притом строго в пределах и на условиях, им нарочито определяемых.

Ф. 323, оп. 617, д. 62, л. 25–26. Приложение, л. 27–28 об. Копия. Рус. яз.

[1] Не публикуются. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 62, л. 20–21 об.

148. ЗАПИСКА УПРАВЛЯЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ПЕЧАТИ МИД А.И. ЛЫСАКОВСКОГО

29 мая 1916 г.

Одной из первых забот моих, при вступлении в управление Отделом печати, было выяснение вопроса, что сделано отделом в области воздействия на печать в нейтральных странах в целях привлечения симпатий этих стран на нашу сторону.

Оказалось, что вскоре после открытия военных действий, в Министерстве иностранных дел под председательством тайного советника Бентковского было образовано соответственное совещание. Хотя журнала заседаний совещания в Министерстве иностранных дел и не сохранилось, тем не менее в памяти некоторых участников сохранилось воспоминание, что совещанием был намечен ряд частичных мер, послуживших наравне с отдельными просьбами некоторых заграничных установлений, основанием к испрошению кредитов, каковые и были министерству отпущены.

Как явствует из прилагаемой при сем справки[1], всего с 25 августа 1914 г. по 10 марта 1916 г., в целях воздействия на печать в нейтральных странах, министерству было открыто кредитов приблизительно на 525 000 рублей. Кредиты эти распадаются на единовременные субсидии и на выдачи, имеющие длительный характер ежемесячных отпусков. Большая часть их уже израсходована, некоторые статьи прекратили свое течение, вследствие отсутствия объектов воздействия и по другим соображениям; ко дню моего вступления в должность 10 марта с.г. продолжали иметь действие лишь следующие кредиты.

I) 11 700 рублей ежемесячно Петроградскому агентству на отправку в нейтральные страны телеграмм, освещающих политические события в желательном для нас смысле и отмечающих положительные стороны русской жизни.

II) 150 рублей ежемесячно агентству в Базеле для тех же целей.

III) 750 рублей ежемесячно петроградскому корреспонденту газеты «De Telegraaf».

Из означенных кредитов первый, хотя и поступал в распоряжение Петроградского агентства, результатов за последнее время не давал, так как с декабря 1915 г. посылки соответственных телеграмм не производилось, вследствие болезни редактора их; бюро в Базеле действовало, по-видимому, удовлетворительно; нельзя отрицать известной пользы и за газетой «De Telegraaf».

Находя изложенные выше меры воздействия недостаточными, я полагал бы возможным наметить следующую постановку дела в этой области:

1) обслуживание нейтральных стран по телеграфу из Петрограда сведениями в желательном для нас смысле,

2) предоставление нашим представителям за границей средств для воздействия на печать на местах и

3) непосредственное воздействие на общественное мнение в нейтральных странах путем помещения статей, распространения брошюр в местных органах, кинематографических лент и т.д. специальными агентами на местах.

В настоящее время работа отдела в указанных трех направлениях находится в следующем виде:

Обслуживание нейтральных стран из Петрограда по телеграфу.

I. а) Восстановлена ежедневная отправка Петроградским агентством телеграмм в нейтральные страны: вследствие необходимости, однако, большого навыка в редактировании такого рода телеграмм, эта отрасль деятельности отдела нуждается в усовершенствовании, и я надеюсь, что принятые мной в последнее время меры послужат значительному улучшению в смысле выбора желательного материала,

б) вследствие признания деятельности Телеграфного агентства «Норзюд», стоящего вне контроля Министерства иностранных дел, не всегда соответствующей целям, преследуемым министерством, удалось пока установить цензуру бюллетеней этого агентства для России,

в) полагаю незаслуживающим внимания предложение «Agence des Balcans» [«Балканское агентство»] учредить отделение в Петрограде, по мотивам, изложенным мной в прилагаемой справке[2],

г) путем бесед с пребывающими в Петрограде корреспондентами нейтральных газет и оказанием всякого содействия к облегчению их работ, до предоставления некоторых льгот по отправке телеграмм включительно, мной лично оказывается на этих корреспондентов воздействие. Иные способы воздействия на нейтральные газеты из Петрограда изложены в прилагаемой при сем отдельной записке (№ 3)[3].

Представление нашим представителям за границей особых средств для воздействия на общественное мнение.

II) Были опрошены наши представители в Афинах, Берне, Бухаресте, Вашингтоне, Гааге, Копенгагене, Стокгольме и Христиании относительно мер, кои могли бы быть приняты непосредственно ими для воздействия на печать, и размеров средств, кои им для этого потребуются. Отзывы наших представителей приводятся в прилагаемой при сем справке (№ 4)[4].

Из этих отзывов явствует, что, по мнению поименованных представителей, расходы эти исчисляются приблизительно в 18–20 т[ысяч] рублей в месяц; не вполне разделяя некоторые из указанных представителями соображений, я полагал бы, что с изменением и округлением некоторых цифр общий ежемесячный расход выразился бы в сумме *15 746 р. 40 без Стокгольма и Рима*. Означенную сумму представлялось бы желательным испросить как кредит в целях воздействия на печать в нейтральных странах вообще, что дало бы министерству некоторую свободу в определении размеров кредитов по отдель-

ным нейтральным странам, в зависимости от изменений обстоятельств действительной потребности каждой страны.

Непосредственное воздействие на нейтральное общественное мнение на местах.

III) Переходя к мерам, принятым в отношении к непосредственному воздействию на общественное мнение в нейтральных странах путем помещения статей, распространения брошюр в местных органах, кинематографических лент и т.д. специальными агентами на местах, я должен отметить, что в январе сего года образовано Особое совещание при Военном министерстве под председательством генерала Леонтьева из чинов Главного управления Генерального штаба и Министерства иностранных дел, которое и приняло на себя руководство этим делом. Будучи, одновременно с вступлением моим в управление Отделом печати, приглашен участвовать в этом совещании, я вскоре увидел, что деятельность его не дала и не способна дать каких-либо результатов без существенного изменения самой постановки дела в совещании. Этот взгляд мой, изложенный в прилагаемой при сем записке, я и высказал совещанию (№ 5)[5].

Не теряя, однако, надежды, что деятельность совещания, при условии некоторых изменений, могла бы дать какие-либо практические результаты, особенно ввиду отпуска в его распоряжение Военным советом 100 000 рублей, я продолжал до 16 мая с.г. участвовать в заседаниях, но затем пришел к окончательному убеждению, что дальнейшее участие мое в нем бесцельно, так как совещание по органическим причинам не в состоянии выполнить возложенную на него задачу. К тому же заключению пришел, по-видимому, и начальник Главного управления Генерального штаба, так как происходившие ранее регулярно два раза в месяц заседания ныне отложены sine die [на неопределенный срок].

Возникает поэтому вопрос: можно ли ожидать иной постановки дела в Главном управлении Генерального штаба (на что, по мнению участников совещания барона М.Ф. Шиллинга и Н.А. Базили, надежда имеется), или нет, и в последнем случае, не следует ли Министерству иностранных дел принять на себя, по Отделу печати, организацию дела воздействия, в уверенности, что оно в состоянии будет справиться с этой задачей.

Учитывая все требования, которые могут быть предъявлены к этой работе, я прихожу к заключению, что в случае принятия в соображение некоторых условий, она может быть исполнена отделом. Общие соображения мои по сему предмету изложены в прилагаемой при сем краткой записке (№ 6)[6]. Лишь при условии принятия оснований этой записки, Отдел печати, по моему глубокому убеждению, мог бы принять на себя наблюдение за этим делом.

В заключение считаю необходимым настоятельно доложить, что все наши представители за границей указывают на необходимость получения из России материала. Доставка печатного материала статистического, литературного, экономическо-политического совершенно необходима. Между тем у нас учреждения не имеется, на которое возложена была бы эта задача. Образование его крайне желательно, так как работа на местах не может быть осуществлена без него. По тем же соображениям и выдача нашим заграничным представителям средств без соответственной возможности для них получать из России материалы лишала бы их в зна-

чительной степени возможности надлежащим образом использовать отпускаемые им кредиты.

А. Лысаковский

На документе помета: «Согласен. А. Нератов».

Ф. 140, оп. 477, д. 804, л. 126–129. Подлинник. Рус. яз.

[1] Не публикуется. — См.: Ф. 140, оп. 477, д. 804, л. 125, 2–2 об.
[2] Не публикуется. Лысаковский отмечал, что учреждение в Петрограде отделения Балканского телеграфного агентства не является целесообразным «при существовании ПТА [Петроградского телеграфного агентства], которое обладает гораздо более сильной возможностью распространения сведений». — См.: Там же, л. 33.
[3] Не публикуется. — См.: Там же, л. 38.
[4] В деле отсутствует.
[5] Не публикуется. — См.: Там же, л. 34–35.
[6] Не публикуется. — См.: Там же, л. 36–37 об.

149. ЗАПИСКА ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ[1]

8 июня 1916 г.

Дело воздействия на заграничное общественное мнение в благоприятном для нас смысле до сего времени не получило удовлетворительного разрешения. Между тем наши противники не перестают прилагать всевозможные усилия к привлечению на свою сторону симпатий в нейтральных странах и к убеждению их в непобедимости Германии. Достаточно указать на все более упорную работу немцев в этом направлении в Швеции и в Румынии. Организация этого дела не может быть признана запоздалой. По мере продолжения войны обнаруживается все большее значение моральных факторов. С другой стороны, возможность влиять на иностранное общественное мнение окажется для нас особенно ценной в период мирных переговоров.

Работа над иностранным общественным мнением должна была бы обнимать все способы влияния на него, как то делают наши враги. Необходимо лишь избегать некоторых неудачных приемов, применявшихся ими, а именно, надлежит пользоваться только такими средствами воздействия, которые не вызывали бы недоверия своим явно необъективным характером или не дали бы повода упрекнуть нас в грубом вторжении во внутреннюю жизнь чужой страны.

Распространение за границей благоприятных нам сведений надлежало бы производить в четырех направлениях:

1) в области военной,
2) в области политической,
3) в области финансово-экономической и
в области духовной культуры.

Особенное значение принадлежит, конечно, сведениям о ходе военных действий. Не ограничиваясь опровержением ложных известий, распространяемых нашими противниками, желательно использовать все, что может содействовать возможно более благоприятной оценке как роли нашей армии и флота в мировой войне, так и запаса сил, коими располагает Россия. Германский штаб издает обстоятельные обзоры операций с подробными объяснениями и картами расположения войск. Не задаваясь столь трудной задачей, достаточно было бы от времени до времени выпускать краткие обзоры операций и описание различных благоприятных нам эпизодов войны.

Надлежащего разъяснения перед общественным мнением иностранных государств требуют и задачи, преследуемые Россией в настоящей войне. Наши враги силятся внушить в важнейших для нас нейтральных странах убеждение, что интересы этих государств резко расходятся с интересами России. Необходимо всячески подчеркнуть те точки соприкосновения, которые существуют между нашими интересами и интересами иностранных государств, не исключая и союзных.

Не менее важно ознакомление иностранной публики с экономической жизнью России, ее производительными силами и нашими финансовыми проблемами. Обширность наших экономических ресурсов должна быть полностью освещена; с другой стороны, надлежит отметить существующую между нами и нейтральными или союзными странами общность интересов на экономической почве.

Наши враги стараются дискредитировать нас и в области духовной культуры, обвиняя нас в отсталости, варварстве и пр. До сего времени наблюдается во многих странах (особенно в Америке) наряду с большим интересом к России очень малое знакомство с ее культурной жизнью. Необходимо содействовать осведомлению иностранной публики с основами нашей религии, науки, философии, литературы и искусства.

Область намечаемой деятельности, конечно, весьма обширна. Развитие ее встретит меньше затруднений, если она вначале введена будет в сравнительно скромные рамки.

Путями распространения за границей полезных нам сведений могут служить либо иностранные органы повременной печати, либо специальные издания и брошюры на местных языках. Второй способ воздействия имеет перед первым то преимущество, что им не вызывается никаких подозрений в подкупе иностранной печати, содержание же помянутых изданий или брошюр может затем естественно сделаться предметом изложения в иностранных газетах. Наряду с изданиями более серьезного характера, для более широких кругов можно было бы выпускать брошюры более популярного характера, с фотографиями и графиками подобно тому, как это делают немцы. Печататься подобные издания должны были бы на местах, например в Стокгольме, Копенгагене, Бухаресте, Женеве, Нью-Йорке, может быть также и в Париже, Лондоне и Риме. На местах должны были бы изготовляться и переводы. Во всех случаях, когда окажется возможным, статьи надлежать будет помещать в иностранных органах повременной печати.

Помимо того необходимо будет пользоваться и другими путями воздействия на общественное мнение. Прежде всего для этой цели можно будет использовать уже существующие организации, созданные нашими союзниками и действующие в разных странах. Затем и пребывающие в России иностранные корреспонденты будут весьма рады возможности получать даровой материал.

Наиболее важной и вместе с тем трудной частью работы является составление подлежащих распространению произведений. Основным условием для успеха дела является привлечение к нему лиц, занимающихся литературным делом и притом по возможности крупных имен и талантов. Лишь статьи со значительной внутренней ценностью достигнут в полной мере своей цели. Лишь подписи известных лиц привлекут к ним внимание и дадут им надлежащую авторитетность.

Наконец не следует пренебрегать и кинематографом, получившим ныне столь широкое распространение. Этим средством воздействия с успехов пользуются как наши противники, так и наши союзники. В этом отношении надлежало бы использовать Скобелевский комитет. Необходимо лишь, чтобы комитету этому вменено было в обязанность обслуживать нашу потребность в подходящих лентах. Быть может к делу этому можно было бы привлечь, хотя бы в отношении распространения фильмов, крупные иностранные кинематографические фирмы, вроде Патэ.

Пользу может принести и распространение за границей производящих благоприятное для нас в том или в ином отношении впечатление фотографий, особенно военных сюжетов. Во Франции в этих видах печатаются особые издания так называемым *Service photographique de l'Armée* [Фотографическая армейская служба]. Немцы в огромном количестве распространяют в нейтральных странах иллюстрированные издания, справедливо учитывая, что хорошие и интересные снимки привлекут внимание гораздо более широких кругов, чем обстоятельные статьи. Желательно было бы собирать хороший фотографический материал и снабжать им иностранные иллюстрированные журналы, а также существующие за границей (напр. в Голландии) агентства, поставляющие фотографический материал газетам.

Переходя к вопросу об организации дела на практике, необходимо прежде всего иметь в виду, что по природе своей оно не может производиться канцелярским путем в том или другом ведомстве. Для всякого дела требуется специальность. В особенности же составление и распространение литературных произведений требует громадного опыта и совершенно недоступных правительственным учреждениям технических знаний и средств. Многократный опыт разных официальных изданий неопровержимо доказал, что система такого литературного творчества не способна дать жизненные произведения, могущие произвести впечатление на читателей. Последнее может иметь место лишь при идейности дела, которое привлечет к участию в нем имена и таланты. Поэтому основным началом организации дела должно быть привлечение литературных и научных деятелей, притом возможно более видных, и представление им значительной самостоятельности в пределах возложенного на них дела. Представители литературного мира составили бы отдельную или отдельные организации, которые приняли бы на себя, на началах частной деятельности, под видом фирмы или общества, осуществление определенных задач. На таких основаниях должна была бы быть организована самая трудная часть дела — составление литературных произведений (статей, книг, брошюр), а также печатание их на местах через посредство местных книгоиздательств и распространение их. Такая постановка дела, помимо других преимуществ, позволит устранить неудобства и невыгоды, связанные с явно правительственным характером намечаемой пропаганды. В отношении задач, которые переданы будут в руки таких отдельных организаций, дея-

тельность правительственных органов сведется к ассигнованию им средств и к общему направлению их деятельности. Не говоря уже о полной материальной зависимости этих организаций, влияние правительственных органов на их деятельность будет в полной мере обеспечено как выбором учредителей этих организаций, так и включением в них представителя власти. Вопрос о партийной принадлежности привлекаемых таким путем сотрудников не является значительным затруднением в деле выбора последних. Для заграницы необходимо освещение почти исключительно только вопросов, в отношении которых в стране существует общая точка зрения; объединение же на почве патриотического дела людей разных оттенков может лишь усилить впечатление, которое произведет их работа.

Другим основным условием является организация общего руководства делом на таких началах, которые обеспечили бы возможность быстро решать вопросы и осуществятлять решения. Рассматриваемое дело новое, по существу своему организационное и творческое; наладить его необходимо с возможно большой быстротой; оно представляет немалые трудности, для преодоления которых необходимо энергичное ведение его. Ввиду этого общее руководительство делом должно быть единоличным. Вся ответственность за организацию дела должна быть возложена на одно лицо, ему же должны быть представлены необходимые средства и полномочия. Передача столь живого дела в руки какой-нибудь комиссии неизбежно приведет к тому, что оно не выйдет из стадии предположений. Отсюда, однако, не следует, чтобы в помощь лицу, призванному руководить этим делом не надлежало бы придать совещательный орган, составленный из лиц, могущих своими указаниями содействовать его успеху; но орган этот ни в коем случае не должен непосредственно нести самое дело. Намечаемое дело столь обширно, что оно должно быть возложено на лицо, свободное от других обязанностей. Помимо компетентности лицо это должно обладать свойствами решительности и не бояться ответственности; оно не должно будет останавливаться перед трудностями, неизбежными в новом деле и, не стремясь к совершенству, довольствоваться достижимым. Лицо это могло бы быть либо военным, либо гражданским. В пользу выбора его из числа военных может быть приведено то соображение, что дело это ближайшим образом связано с войной, что расходы на него удобнее всего производить из военного фонда и, что особенно важной задачей должно явиться освещение перед общественным мнением военных вопросов.

На кого бы ни было возложено общее руководство делом, ведение его невозможно без содействия Штаба верховного главнокомандующего. Согласно вышеизложенному, особенное внимание должно быть обращено на осведомление по военным вопросам. Материалы и указания по сему предмету могут исходить лишь от офицера или генерала, ближайшим образом осведомленного о взглядах и намерениях верховной команды. Участие такого лица в рассматриваемом деле является, таким образом, необходимым условием.

Для успеха дела необходимо также, чтобы оно велось в тесном сотрудничестве с Министерством иностранных дел. Оно одно компетентно судить, что именно нужно делать на местах и чего надо избегать делать. Выяснение наилучших по местным условиям способов воздействия возможно лишь при ближайшем знакомстве с этими условиями. Необходимо постоянно быть осведомленным о том, распространение каких именно сведений наиболее полезно на местах в данную минуту. В этом отношении ценные указания дадут наши дипломатические представители, а также недавно привлеченные Министерством иностранных дел в качестве осведомительных агентов в нейтральных и некото-

рых союзных странах публицисты, хорошо знакомые с местной обстановкой. Участие представителей Министерства иностранных дел могло бы выразиться в включении их в вышеупомянутый совещательный орган при руководителе делом.

Целесообразная постановка дела требует ассигнования значительных кредитов и гибкости в распоряжении ими. Впрочем, не исключена возможность получения известных доходов. Распространение кинематографических лент, а также фотографий для иллюстрированных изданий, могло бы быть организовано до известной степени на коммерческих основаниях, при условии, конечно, чтобы цена их не ограничила спрос. Что касается выпускаемых для воздействия на общественное мнение книг и брошюр, то распространение их за относительно небольшую плату вызовет более доверчивое к ним отношение, чем даровая раздача их; во всех случаях, когда окажется возможным, придется поэтому обратиться ко второму способу. Выручка от продажи этих изданий может быть обращена в пользу местного издательства и обеспечить заинтересованность его в успешности распространения его издания.

Согласно вышеизложенному, организация рассматриваемого дела могла бы вылиться в следующую форму:

1) Единоличный общий руководитель дела, снабженный соответствующими полномочиями и средствами.

2) При нем совещательный орган, в состав которого могли бы войти, помимо других лиц, представители Министерства иностранных дел.

3) При общем руководителе штаб-офицер или генерал Генерального штаба для освещения военных вопросов по указанию Штаба верховного главнокомандующего.

4) Особое бюро, служащее канцелярией общего руководителя и в которое направляются все указания, получаемые из заграницы, как относительно того, что нужно на местах, так и относительно хода дела на местах.

5) Субсидируемые и контролируемые, но самостоятельные в ведении порученного им дела, организации литераторов, ученых и других специалистов печатного дела, главным образом для изготовления литературных произведений.

6) Кинематографический и фотографический отделы, которые, быть может, возможно будет образовать до известной степени на коммерческих основаниях.

Н. Базили

На документе помета начальника Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева: «Полагаю: министр иностранных дел назначает ответственного организатора этого дела, крайне важного и необходимого. В его ведении наш офицер, представители Министерства внутренних дел, финансов; 3–4 сотрудника для установления отношений с представителями печати, разработки программы, установления связи с нейтральной иностранной печатью. Весь вопрос в выборе подходящего руководителя. Лично я никого не знаю».

Ф. 323, оп. 617, д. 65, л. 26–30. Подлинник. Рус. яз.

[1] Записка была передана Н.А. Базили начальнику Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву; копия записки с пометой М.В. Алексеева была направлена в Канцелярию министра иностранных дел.

150. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ УПРАВЛЯЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ ПЕЧАТИ МИД А.И. ЛЫСАКОВСКОМУ

№ 1326 *16 июня 1916 г.*

Милостивый государь Александр Иосифович,

Иностранные корреспонденты при существовавшем доныне порядке допускались в действующую армию по получении соответственных удостоверений, которые выдавались не только Штабом верховного главнокомандующего, но и другими лицами и учреждениями и носили бессрочный характер.

Снабженные такими удостоверениями корреспонденты свободно передвигались по театру военных действий, переходя из ведения одного штаба в ведение других штабов, причем наблюдение за ними было весьма слабым.

При такой постановке дела допущение иностранных корреспондентов на театр военных действий носило чисто случайный характер, правильное же руководство их деятельностью совершенно отсутствовало.

Ввиду вышеизложенного, Штабом верховного главнокомандующего были выработаны «Правила допущения в действующую армию корреспондентов иностранных органов периодической печати, а также фотографов, обслуживающих иностранные иллюстрированные издания», в копии при сем прилагаемые[1].

Как вы усмотрите в этих правилах предлагается организовать поездки корреспондентов в действующую армию небольшими группами в 5–10 человек в сопровождении назначенного для сего офицера Генерального штаба по маршруту, устанавливаемому Штабом верховного главнокомандующего. Такое соединение иностранных корреспондентов в небольшие группы позволяет разделять таковых по степени доверия, которого достоин каждый из них. Группа корреспондентов, заслуживающих большее доверие, может быть допущена на участки фронта, где пребывание всех корреспондентов могло бы быть нежелательным.

Наконец, некоторые корреспонденты, пользующиеся особым доверием, хорошо известные своей полезной нам деятельностью, могут с особого разрешения Штаба верховного главнокомандующего быть допущены в район военных действий самостоятельно, без сопровождения офицера. В такое особое положение пока решено поставить г-на Вашберна.

Ввиду того, что предполагается организовать поездки корреспондентов на театр военных действий в недалеком будущем, надлежало бы ныне же приступить к составлению списков иностранных корреспондентов, допущение коих к участию в указанных поездках было бы желательно. Вышеупомянутыми правилами предусматривается составление этих списков по соглашению между Министерством иностранных дел и Главным управлением Генерального штаба. Таковые списки будут утверждаться Штабом верховного главнокомандующего. Последний, не имея возможности исследовать, насколько иностранные корреспонденты достойны доверия с нашей стороны, в этом отношении всецело полагается на Министерство иностранных дел. В списках корреспондентов было бы желательно отметить степень доверия заслуживаемого каждым отдельным лицом для распределения их по группам.

Сообщая о вышеизложенном, прошу Вас не отказать о последующем меня уведомить.

Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ф. 323, оп. 617, д. 62, л. 33–34. Копия. Рус. яз.

[1] См.: Ф. 140, оп. 477, д. 931, л. 1–2 об.

151. ЖУРНАЛ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ

14 июня 1916 г.

Журнал заседания межведомственного совещания
по вопросу о водворении больных и раненых военнопленных
в нейтральных странах

Заседание 14 июня 1916 г.

Присутствовали:

Председатель: товарищ министра иностранных дел гофмейстер высочайшего двора В.А. Арцимович.

Члены: от Военного министерства — генерал-майор М.Н. Леонтьев. От Морского министерства — флота генерал-лейтенант И.А. Овчинников, тайный советник И.Е. Стеблин-Каменский. От Министерства путей сообщения — действительный статский советник А.М. Воронов. От Российского Общества Красного Креста и от состоящего под августейшим ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны покровительством Комитета по оказанию помощи русским военнопленным во вражеских странах — председатель сего комитета — действительный тайный советник князь Н.Д. Голицын. Управляющий делами Комитета по обмену и эвакуации военнопленных калек действительный статский советник И.П. Дмитров. Управляющий Отделом о военнопленных Министерства иностранных дел в звании камергера высочайшего двора действительный статский советник С.Д. Боткин. При делопроизводителе совещания надворном советнике К.А. Гранстреме.

Отсутствовал председатель Министерства финансов действительный статский советник П.М. Гришкевич-Трохимовский.

Слушали:

Открывая заседание совещания, председатель оглашает имеющуюся в Министерстве иностранных дел переписку по вопросу о водворении в нейтральные страны тяжелобольных и раненых военнопленных. Инициатива в этом вопросе исходила от его святейшества Папы, который в мае 1915 г. сделал всем воюющим державам предложение о заключении соглашения по сему предмету[1].

Наше Военное ведомство в то время не нашло возможным согласиться на означенное предложение. Когда его святейшество Папа в январе текущего года снова возбудил этот вопрос, Министерство иностранных дел, принимая в соображение крайне тяжелое положение наших больных военнопленных во вражеских странах, решило, испросив на то высочайшее соизволение, передать все это дело на обсуждение заинтересованных ведомств. Из переписки с г-ном военным министром выяснилось, что наше военное ведомство по соображениям военного характера, не нашло бы возможным согласиться на водворение пленных германцев и австрийцев в какую-либо из указанных Папой стран, а именно, Голландию, Швецию и Данию и предложило, со своей стороны, вывезти находящихся у нас больных военнопленных в Норвегию, а наших военнопленных из Германии и Австрии — в Швейцарию. Позднее Датский Красный Крест от имени австро-венгерского правительства возбудил пред нашим Обществом Красного Креста вопрос о заключении такого же соглашения между Россией и Австрией на условии интернирования больных военнопленных в Дании. Министерство иностранных дел выяснило, однако, через нашу миссию в Копенгагене, что датское правительство затрудняется, по-видимому, помещением в Дании большого числа военнопленных. Далее выяснилось, что хотя Швейцария в принципе согласна на водворение наших военнопленных, но могла бы принять только туберкулезных, ввиду отсутствия помещений для больных всех категорий. Председатель, ознакомляя членов совещания с точкой зрения Министерства иностранных дел на вопрос, докладывает, что министерство признает необходимым безотлагательно прийти на помощь нашим военнопленным; положение их, тяжелое с самого начала войны, ныне все более ухудшается по мере того, как во вражеских странах обостряется вопрос питания. По этому поводу председатель оглашает данные о числе интернированных уже в Швейцарии французов — офицеров 425, солдат 7 118, гражданского населения 1 385, англичана — офицеров 3, солдат 420, бельгийцах — офицеров 48, солдат 711, гражданского населения 318 и немцах — офицеров 100, солдат 2 666, гражданского населения 90, и указывает, что из этих данных нельзя не усмотреть, как мала цифра отпущенных для лечения из плена немцев по сравнению с французами. Это свидетельствует о благоприятных условиях существования немцев в плену и о несравненно худшем положении военнопленных в Германии. Председатель привлекает внимание членов совещания еще и на то, что болезни развиваются среди пленных французов и англичан несмотря на то, что они давно уже организовали обильное снабжение своих военнопленных припасами; у нас же лишь сравнительно недавно, с возникновением комитета ее величества, явилась возможность широкого оказания помощи нашим военнопленным. Таким образом, для нас вопрос о создании для наших больных пленных более благоприятной обстановки путем перевода их в нейтральные страны стоит много острее, чем для союзников. Только таким путем мы могли бы спасти для родины многих ее сынов и вопрос приобретает важное государственное значение. Сами пленные ждут с нетерпением разрешения вопроса об интернировании; немцы распространяют среди них слухи о полном безучастии к ним нашего правительства и восстановляют их против последнего, указывая на пример французов и англичан, которые уже заключили особое соглашение по этому вопросу с Германией. Председатель намечает затем задачи совещания. Ему предстоит подробно рассмотреть вопрос о том, кого надлежит водворять в нейтральные страны, то есть, только ли офицеров или также нижних чинов; утвердить список болезней; решить, каким путем вывозить военнопленных из России и, наконец, решить вопросы о расходах по перевозке пленных и по содер-

жанию наших пленных в нейтральных странах. Председатель предлагает затем совещанию высказаться прежде всего по принципиальному вопросу о желательности перевода наших больных военнопленных в нейтральные страны.
[Определили]: признать весьма желательным для офицеров и нижних чинов.

Представитель ставит на обсуждение совещания вопрос о том, какие страны надлежало бы избрать для водворения военнопленных, как наших, так и вражеских.

Председатель Военного ведомства отмечает, что Военное ведомство весьма сочувствует вопросу об интернировании наших больных военнопленных в нейтральных странах. Что касается немцев и австрийцев, генерал-майор Леонтьев заявляет, что Военное ведомство полагало бы возможным направлять их в Норвегию, которая как по своему географическому положению, так и в силу своих отношений к Четверному согласию представляла бы с нашей точки зрения наименьшие неудобства. В отношении Дании нельзя не заметить, что она по своему географическому положению, как непосредственно соприкасающаяся с Германией, не представляется желательным местом для водворения военнопленных германцев; что же касается наших пленных, то она представляла бы особые удобства для революционной пропаганды среди последних, ввиду большого количества проживающих в ней теперь евреев. Вместе с тем надлежит иметь в виду, что и по климатическим условиям Дания не подходит к условиям интернирования.

Председатель совещания указывает, что так как Швейцария выражает согласие на интернирование только наших туберкулезных, то нам представляется необходимым избрать еще другую страну для прочих наших больных, а в целях успеха переговоров с Германией наметить для водворения ее пленных, кроме Норвегии, также еще какую-либо другую страну. Как оказывается, это представляет значительные трудности с военной точки зрения. Председатель возбуждает вопрос, не возможно ли было бы интернировать немцев в Северной Америке, в особенности ввиду того, что большинство вражеских военнопленных находится в Сибири, откуда отправление их в Америку не только не вызвало бы, по-видимому, особых затруднений, но, напротив, облегчило бы нам задачу вывоза пленных за границу, так как мы избежали бы трудностей, соединенных с перевозкой большого числа людей через всю Сибирь и Россию и с пропуском их через Торнео.

Представитель Военного ведомства, высказываясь по последнему вопросу, считает необходимым отметить, что военное ведомство относится совершенно отрицательно к вопросу об интернировании немцев в Северной Америке. Приезд больных немцев в Америку не замедлил бы вызвать сочувствие к ним американцев и возбудил бы подъем германофильских чувств в Америке, где симпатии к Германии и без того усердно подогреваются многочисленными американцами немецкого происхождения. Вместе с тем генерал-майор Леонтьев указывает, что единственные государства, где существует равновесие во влиянии враждебных друг другу держав — это Швейцария и Норвегия. По его мнению, водворение больных немцев и австрийцев в странах, к ним более или менее расположенных, нельзя не признать крайне нежелательным и недопустимым, почему Военное ведомство высказывалось с самого начала, например, против водворения пленных германцев в Швеции. Освещая далее вопрос об интернировании пленных немцев в Америке, генерал-майор Леонтьев указывает на то, что относительная свобода, которой они несомненно пользовались бы в Америке, а также и то обстоятельство, что они наверно не отказались бы от служения и там военным интересам своей родины,

могли бы быть для нас весьма опасными. Весьма возможны были бы случаи агитации на фабриках, организации забастовок и подготовки взрывов.

Представитель Военного ведомства, впрочем, полагает, что если бы совещание в первую очередь избрало страну для интернирования туберкулезных, то тем самым оно в значительной степени приблизилось бы к разрешению всего вопроса, так как туберкулезные несомненно составляют самый большой процент больных пленных. Ввиду всего изложенного генерал-майор Леонтьев высказывается в пользу водворения немцев в Норвегии и в крайнем случае в Испании, если бы это оказалось возможным.

Председатель комитета ее величества действительный тайный советник князь Голицын с своей стороны высказывает, что и по его мнению, интернирование немцев как в Швеции, так и в Северной Америке является нежелательным.

Представитель Морского ведомства тайный советник Стеблин-Каменский замечает, что интернирование германцев в Швеции, и по его мнению, представлялось бы весьма нежелательным.

Представитель Министерства путей сообщения касается вопроса о том, не возможно ли было бы интернировать наших военнопленных (кроме туберкулезных) в Голландии.

Председатель совещания докладывает, что, по сведениям Министерства иностранных дел, голландцы проявляют к нашим военнопленным, бежавшим из Германии, исключительное сочувствие. Поэтому и так как Голландия для восстановления здоровья расслабленных и нервных больных казалась бы вполне подходящей страной, председатель полагал бы возможным наметить Голландию для водворения наших военнопленных.

Представитель Военного ведомства заявляет, что Голландия и Дания по географическим своим условиям более или менее сходны, но с военной точки зрения предпочтительнее Голландия.

[Определили]: назначить для наших больных, главным образом туберкулезных, — Швейцарию, однако вполне возможно было бы водворение их также в Норвегию и Голландию, менее желательно, но допустимо водворение их в Данию и Швецию; что касается вражеских военнопленных, то единственной подходящей страной является Норвегия, так как перевозка пленных из России в Испанию была бы сопряжена со слишком большими затруднениями.

Председатель совещания ставит на обсуждение вопрос о том, каким путем или путями подлежали бы отправлению военнопленные австрийцы и германцы в Норвегию.

По этому вопросу представитель Министерства путей сообщения докладывает совещанию, что вопрос о перевозке больных военнопленных не должен бы встретить особых затруднений ввиду незначительного числа военнопленных, по сравнению с производимыми Министерством путей сообщения перевозками громадного количества людей. По мнению действительного статского советника Воронова, нет оснований опасаться и того, чтобы Петроградский железнодорожный узел оказался слишком загружен этой перевозкой и что поэтому волне возможным и самым целесообразным было бы направление военнопленных на Торнео.

По поводу затронутого камергером Боткиным вопроса о возможности направлять больных военнопленных на Архангельск, представитель Военного ведомства высказывается, что это направление вряд ли осуществимо.

[Определили]: направлять на Торнео.

Председатель совещания оглашает список болезней, которые дают повод к интернированию.

[Определили]: список утвердить.

Председатель совещания оглашает сведения о порядке выбора больных на основании соглашения между Францией и Германией и высказывает свой взгляд, что получить полную гарантию точного исполнения Германией условий соглашения возможно было бы лишь тогда, если бы мы настояли на осмотре больных в лагерях смешанными комиссиями из местных и нейтральных врачей, как это установлено соглашением наших союзников с Германией.

Представитель Морского ведомства генерал-лейтенат Овчинников высказывается за то, чтобы ради упрощения дела вражеские больные военнопленные были сосредоточены в Москве, как в центральном пункте.

Представитель Военного ведомства высказывается за оставление военнопленных на местах их нахождения, где они выбирались бы соответственной комиссией; при этом генерал-майор Леонтьев замечает, что нам надо иметь в виду только интересы наших военнопленных, а они могли бы быть обеспечены лишь при условии осмотра больных комиссиями в Германии и Австрии в лагерях на местах. По мнению генерал-майора Леонтьева, объезд наших лагерей комиссиями смешанных врачей не вызывал бы возражений.

Вместе с тем он высказывает мнение, что обмен голова на голову не представлялся бы желательным, так как наших больных в Германии и Австро-Венгрии несомненно гораздо больше, чем больных германцев и австрийцев в России.

[Определили]: в соглашение включить условие об осмотре больных в лагерях комиссиями при участии нейтральных врачей и отнюдь не соглашаться на обмен голова на голову.

Переходя к вопросу о расходах, председатель отмечает, что для подробного его рассмотрения необходимо присутствие представителя Министерства финансов; ныне же возможно было бы высказать по сему предмету лишь общие соображения.

Председатель оглашает цифровые данные о расходах по содержанию французов и англичан в Швейцарии, которые выражаются: для туберкулезных офицеров — 8 франков в день, солдат — 5 франков в день, не туберкулезных офицеров — 6 франков в день, солдат — 4 франка. Кроме того, за медицинскую помощь — 1 франк в день для офицеров, 50 сант. для солдат.

Представитель Военного ведомства высказывает мысль, что нам надлежало бы уплачивать за содержание наших больных военнопленных в нейтральных странах, а также и оплатить расходы по доставлению военнопленных германцев и австрийцев до границы.

Что касается содержания наших нижних чинов, то по мнению генерал-майора Леонтьева, оно могло бы быть организовано на иных началах, чем содержание в Швейцарии нижних чинов французов и англичан, и что продовольствование их можно было бы поручить особо уполномоченным лицам или производить даже артельным способом.

По вопросу о порядке ассигнования сумм на содержание интернированных в нейтральных странах пленных, представитель Морского ведомства генерал-лейтенант Овчинников высказывает мысль, что задачи комитета ее величества, быть может, могли бы быть расширены, и означенные ассигнования делаться из средств комитета, тогда как до сих пор комитет оказывал помощь лишь военнопленным во вражеских странах.

Председатель комитета ее величества князь Голицын изъявляет согласие повергнуть на благоусмотрение ее величества вопрос об оказании помощи нашим военнопленным, интернированным и в нейтральных странах.

Затем председатель касается вопроса о надзоре за военнопленными и оглашает относящуюся к этому вопросу часть франко-германского соглашения, по силе которого 1) окарауливание пленных берет на себя нейтральная страна, власти коей получают дисциплинарные права по отношению к пленным и 2) бежавшие пленные возвращаются обратно в приютившую их страну.

Представитель Военного ведомства находит, что условия франко-германского соглашения требовали бы некоторых дополнений, в особенности вследствие малого знакомства наших нижних чинов с иностранными языками. Он находит, например, необходимым командировать в каждый лагерь интернированных больных военнопленных нашего врача и священника, хотя и оговаривается, что недостаток во врачах у нас очень велик. Вопрос этот требовал бы особой разработки, причем надлежало бы всемерно избежать посылки врачей-евреев.

Председатель комитета ее величества князь Голицын высказывает предположение, что наших священников можно было бы командировать, но врачей вряд ли удалось бы послать за недостатком их в России.

Председатель совещания полагает, что возможно было бы добиться перевода вместе с нашими больными военнопленными в нейтральные страны и соответствующего числа наших пленных врачей, с тем, чтобы их список был установлен по выбору императорского правительства.

[Определили]: совещание признает посылку с больными военнопленными врачей и священников весьма желательной и высказывается в пользу осуществления предложения председателя. Правила, установленные франко-германским соглашением о надзоре за интернированными и о возвращении в места интернирования бежавших оттуда пленных, возражений не встречают.

Председатель докладывает, что постановления совещания должны быть представлены на усмотрение Верховного начальника санитарной и эвакуационной части.

В заключение члены совещания высказывают пожелание, чтобы было по возможности выяснено число больных военнопленных у нас по отдельным категориям с тем, чтобы эти данные могли быть представлены совещанию к следующему заведению.

Председатель: *В. Арцимович*

Члены: *Кн. Голицын*
И. Овчинников
М. Леонтьев
А. Воронов
И. Стеблин-Каменский
С. Боткин

Делопроизводитель: *К. Гранстрем*

Ф. 160, оп. 708, д. 6044. л. 33–41 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] В 1915 году при посредничестве Ватикана Германия и Франция договорились об обмене военнопленными-инвалидами (о взаимном возврате их на родину). В мае 1915 г. Ватикан выдвинул новое предло-

жение — заключить соглашение между воюющими сторонами о переводе больных и раненых военнопленных в нейтральные страны и интернирование их до конца войны. Принять немецких и французских военнопленных согласилась нейтральная Швейцария. Впоследствии к соглашению Германии и Франции присоединились Великобритания и Бельгия.

С.Д. Сазонов предложил заключить аналогичные соглашения. Ватикан по просьбе Германии обратился к России по этому же вопросу в январе 1916 г. Датский Красный Крест по просьбе Австро-Венгрии поставил подобный вопрос и предложил интернировать военнопленных обеих сторон в Дании. Однако военное ведомство было в принципе против подобного решения (В.А. Карелин. Проблема интернирования военнопленных Первой мировой войны. // Новая и новейшая история. — 2010. — № 1. — С. 93–105). При МИД «с высочайшего соизволения» было созвано совещание заинтересованных ведомств, которое провело заседание 14/27 июня и 9/22 августа 1916 г. В июле С.Д. Сазонов был уволен в отставку, вопросом об интернировании военнопленных по его поручению занимался товарищ министра В.А. Арцимович. Совещание представило в Совет министров документ по итогам своей работы. В заключении правительства от 27 сентября/10 октября 1916 г. единственно возможными нейтральными странами для размещения военнопленных были названы Швейцария и Норвегия (Дания и Швеция исключались). По этому вопросу см. док. № 160, 161, приложение № 7 к док. № 173.

152. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ РОССИИ В БЕЛЬГИИ[1] В.И. ГУКУ

№ 2939

23 июня 1916 г.
Шифром

Ввиду крайней настоятельности и срочности пополнения числа имеющихся у нас паровозов, благоволите войти в сношение с бельгийским правительством об уступке нам ста пятидесяти паровозов этого правительства. По сообщению нашего военного агента, бельгийский министр путей сообщения о сем осведомлен и относится благоприятно к этой мысли.

(подп.) Сазонов

Ф. 323, оп. 617, д. 54, л. 37. Копия. Рус. яз.

[1] См. прим. 1 к док. № 86.

153. ЗАПИСКА МИД

[не позднее июля 1916 г.][1]
Доверительно

Все сношения с печатью по вопросам иностранной политики должны быть сосредоточены в одном учреждении министерства. Это подсказывается простым соображением: печати должны сообщаться сведения с известным разбором и в известном освещении. Понятие о том, что можно и чего не следует сообщать, весьма растяжимо. Если сношения с печатью предоставлены не только Отделу печати, но и другим лицам, ему не подчиненным, на ту же тему одно лицо может сказать одно, а другое лицо — другое,

и несомненно выйдет противоречие. Кроме того, взаимно подрывается столь необходимая авторитетность осведомителя.

Вместе с тем необходимо освещать события с известной стороны. Этого опять таки можно достигнуть лишь путем сношения с печатью одним лицом или учреждением, потому что два человека не имеют возможности давать вполне одинаковую оценку фактам, не оговорившись. Быстрота, необходимая в вопросах осведомления, не дает возможности таких постоянных сговоров. Нельзя достаточно настоять на важности сообщения нашему общественному мнению, крайне невежественному в вопросах международной политики, сведений в известном освещении; необходимо сразу же подсказать (а отнюдь не указывать) ему, как относиться к тому или иному событию.

Если для придания большей важности заявлению министерства или по каким-нибудь другим причинам, министр, его товарищи или начальники отделов пожелают принять того или иного представителя общественного мнения, чтобы о сущности их беседы был осведомлен управляющий Отделом печати.

По тем же соображениям все, без исключения, опровержения, заметки, статьи и т.д., составляемые в разных частях министерства, должны передаваться печати не иначе как через Отдел печати.

Отделу печати должен быть придан характер вполне авторитетного органа Министерства иностранных дел по всем вопросам печати. Управляющий отделом должен иметь возможность ознакомления с политической перепиской и пользоваться всеми правами, присвоенными начальникам отдельных частей. Он должен являться под руководством министра и его товарища (и по соглашению с начальниками отдельных частей) ответственным представителем Министерства иностранных дел в разрешении всех вопросов, связанных с печатью, как в России, так и за границей; это правило должно относиться не только к сношениям с редакциями повременных изданий, но и со всеми правительственными учреждениями, как в империи, так и за границей.

Ввиду положения, в коем находится в настоящее время отдел, управляющему Отделом печати необходимо предоставить возможность выбора себе помощника и личного состава отдела. Помощник управляющего Отделом печати необходим ввиду возможности отсутствия управляющего Отделом печати, для однообразия и безостановочного ведения дела. Помощник управ[ляющего] От[делом] печати должен быть постоянно в курсе дела. Управляющего Отделом печати должно заменять не случайно приставленное к этому серьезному делу лицо, а постоянный сотрудник, обладающий достаточным авторитетом. Кроме того, при правильной постановке дела в Отделе печати на управляющем должна лежать главная забота направления осведомления и многочисленные связанные с этим личные сношения; на помощника же должна быть возложена систематизация получаемых сведений и техническая обработка исходящего материала. Наконец, для управляющего Отелом печати должно быть отведено подходящее помещение. Только при осуществлении этих предположений новый управляющий будет иметь фактическую возможность преобразовать Отдел печати и заслужить доверие министра, столь необходимое при сложности возлагаемой на отдел задачи.

На документе помета: «Одобряю. (подписал) Сазонов».

Ф. 140, оп. 477, д. 799, л. 11–12 об. Копия. Рус. яз.

[1] В начале июля 1916 г. С.Д. Сазонов, утвердивший данный документ, получил отставку.

154. ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТОВ

12, 15, 26 июля, 5 августа 1916 г.
Весьма секретно

О допущении германских и австрийских сестер милосердия
к посещению мест водворения неприятельских военнопленных

Согласно состоявшемуся при посредстве Датского Общества Красного Креста соглашению между императорским российским и германским и австро-венгерским правительствами, в Германию и Австро-Венгрию были командированы делегаты Датского Общества Красного Креста в сопровождении сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, для посещения мест водворения русских военнопленных в названных странах. На основании взаимности, для осмотра мест водворения германцев и австрийцев и венгров — военнопленных в России допущены также делегаты Датского Общества Красного Креста, в сопровождении сестер милосердия Германского и Австро-Венгерского Красного Креста. Ныне в заседании Совета министров егермейстер Трепов заявил, что, по имеющимся у него сведениям, сего 12 июля с Сибирским экспрессом выезжают в гор. Хабаровск одна из неприятельских сестер, сопровождаемая делегатом Датского Красного Креста и уполномоченным от нашего общества Красного Креста. С своей стороны, ввиду весьма важного, с точки зрения государственной обороны значения Сибирской магистрали, министр путей сообщения счел своим долгом предложить изъясненный вопрос вниманию Совета министров.

Приступив к обсуждению настоящего дела, Совет министров выслушал, прежде всего, заявление присутствовавшего в заседании товарища министра иностранных дел, гофмейстера Нератова, объяснившего, что взаимные поездки наших и неприятельских сестер милосердия разрешены были еще в прошлом году. Согласно установленному в этом отношении порядку, территория каждого из обследуемых государств делится на районы, причем каждый отдельный район предоставляется, с разрешения военного ведомства, для обследования одной сестры милосердия. Нельзя, впрочем, отрицать, что в предыдущие посещения со стороны некоторых сестер милосердия были допущены попытки к снабжению военнопленных неразрешенными предметами и к собиранию недозволенных сведений. Указанные неправильности едва ли, однако, дают повод к введению каких-либо существенных изменений в действующий ныне порядок и, казалось бы, требуют лишь установления более строгого надзора за неприятельскими сестрами милосердия. Нельзя не предвидеть, что всякая широкая ограничительная мера в этом деле с нашей стороны вызовет соответствующие, стесняющие деятельность наших сестер милосердия в Германии, меры. Между тем предшествующие поездки наших сестер милосердия в Германию вполне выяснили пользу от их посещения лагерей военнопленных как в смысле улучшения положении последних, так и в отношении ознакомления правительства с их состоянием и нуждами. Ввиду сего, гофмейстер Нератов высказался против закрытия для неприятельских сестер милосердия отдельных областей империи и полагал, что было бы предпочтительнее ограничиться недопущением их в те или другие лагери по выбору и усмотрению военного ведомства, с установлением строгого надзора за этими сестрами милосердия во все время их пребывания и путешествий в России. К приведенному гофмейстер Нератов присовокупил, что американскому посольству уже заявлено Министерством иностранных дел о состоявшемся по военным

соображениям закрытии района Мурманской железной дороги, где, впрочем, и не имеется лагерей военнопленных, для посещений как нейтральными представителями Красного Креста, так и неприятельскими сестрами милосердия.

С своей стороны, Совет министров находил, однако, что замеченные, при предыдущих посещениях империи неприятельскими сестрами милосердия, неправильности в их образе действий заставляют особенно осторожно относиться к допущению осмотра сестрами мест водворения военнопленных в таких районах, которые представляют особый интерес для вражеской военной разведки. Ввиду сего и принимая во внимание, что Мурманская железная дорога вообще закрыта ныне по особому распоряжению, для частного пассажирского и товарного движения, Совет министров полагал правильным безусловно воспретить допуск делегации Датского Общества Красного Креста и неприятельских сестер милосердия во все местности, расположенные вдоль означенной железной дороги. Указанное воспрещение, по мнению Совета министров, должно иметь также и в отношении города Архангельска, где сосредоточиваются военные грузы, получаемые нами морским путем с Запада. Что же касается Сибирской магистрали, то, во исполнение лично преподанных Вашим императорским величеством председателю Совета министров указаний, Совет полагал не препятствовать поездке одной или двух неприятельских сестер для осмотра Сибири, но лишь из числа австро-венгерских сестер милосердия. При этом, однако, принимая на вид первостепенное в переживаемое время стратегическое значение упомянутой железнодорожной магистрали, обслуживающей, между прочим, транспорт военных грузов из Японии, Совет министров признал необходимым осуществление заботами подлежащих органов Министерства внутренних дел неукоснительного надзора за тем, чтобы неприятельские сестры милосердия во время переездов для осмотра лагерей для военнопленных в Сибири не входили в общение с частными лицами, а также чтобы названным сестрам была пресечена всякая возможность собирания сведений, могущих быть использованными в целях вражеской военной разведки. В сих видах Совет министров находил также полезным установить обязательное сопровождение неприятельских сестер милосердия в их поездках по Сибири чинами отдельного корпуса жандармов, особая инструкция коим на сей случай должна быть выработана по соглашению министерств военного и внутренних дел.

Руководствуясь изложенным, Совет министров *полагает*:

I. Воспретить прибывающим в империю для осмотра мест водворения неприятельских военнопленных делегациям Датского Общества Красного Креста посещение местностей, расположенных вдоль Мурманской железной дороги, а также гор. Архангельска[1].

II. Разрешить, после выработки инструкции об условиях, в сем журнале указанных, посещение местностей, расположенных вдоль Сибирской железной дороги, двум австро-венгерским сестрам милосердия в сопровождении делегатов Датского Общества Красного Креста[2].

Таковые заключения свои Совет министров всеподданнейшим долгом почитает довести до высочайшего Вашего императорского величества сведения.

Подлинный журнал подписан гг. Председателем и членами Совета министров и скреплен управляющим делами Совета.

С подлинным верно. За начальника отделения
Канцелярии Совета министров *Л. Михалевский*

Над заголовком документа располагается следующий текст: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «По отметкам.» В Царской Ставке, 27 августа 1916 года».

Скрепил: Председатель Совета министров Штюрмер.

Верно: управляющий делами Совета министров И. Лодыженский.

Ф. 160, оп. 708, д. 1601, л. 152–154. Заверенная копия. Рус. яз.
Опубл.: Особые журналы Совета министров...1916. — М., 2008. — С. 368–369.

[1] Текст против пункта I: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен. Скрепил: председатель Совета министров Штюрмер. Верно: управляющий делами Совета министров И. Лодыженский».

[2] Текст против пункта II: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Разрешаю допустить в Сибирь трех австро-венгерских сестер, по числу районов, но требую принятия мин[истром] воен[ным] и в[нутренних] д[ел] строжайших и действительных мер к недопущению со стороны этих женщин пропаганды и собирания сведений, могущих служить целям шпионства». Скрепил: председатель Совета министров Штюрмер. Верно: управляющий делами Совета министров И. Лодыженский».

155. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ПРИ ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ М.С. ПУСТОВОЙТЕНКО

№ 1474 *Ставка, 8 августа 1916 г.*

Во время установления новых правил для посещения корреспондентами театра военных действий[1] было уговорено, что исключение из оных будет сделано для двух корреспондентов: г-на Вашбурна, корреспондента «Таймс» и г-на Людовика Нодо, ныне корреспондента газеты «Темпс». Как Вашему превосходительству известно, на основании этого исключения из общего правила г-н Вашбурн недавно посетил Юго-Западный фронт.

Ныне мной получено ходатайство упомянутого г-на Нодо с просьбой о выдаче ему однородного свидетельства для посещения Юго-Западного фронта и Ставки по пути на юг.

Как я уже имел случай говорить Вам, г-н Нодо отлично известен Министерству иностранных дел, заслуживает полнейшего доверия и от его деятельности можно ожидать весьма значительных услуг путем воздействия в желательном для нас направлении на общественное мнение во Франции.

Ввиду сего, и на основании уже состоявшегося относительно г-на Нодо соглашения, покорнейше прошу Ваше превосходительство не отказать выдать ему просимое свидетельство, каковое благоволите доставить во вверенную мне Канцелярию для препровождения его по назначению[2].

Директор

Секретарь

Ф. 323, оп. 617, д. 58, л. 5–5 об. Копия. Рус. яз.

[1] См. док. №№ 147, 150 и прим. к ним.

[2] Удостоверение для Л. Нодо было направлено в Дипломатическую канцелярию 12/25 августа 1916 г. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 58, л. 6, 14–21 об.

156. ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Б.В. ШТЮРМЕРА

[27 августа 1916 г.][1]

Копия с высочайше утвержденного 27 августа 1916 г.
всеподданнейшего доклада министра иностранных дел

В связи с событиями переживаемой мировой войны особое значение в деятельности Министерства иностранных дел приобрели дела по наблюдению за политическими движениями среди славянских народностей Габсбургской монархии и находящихся с ними в ближайшем соприкосновении венгров.

В неразрывной связи с означенными делами находятся и вопросы по сношениям с Ватиканом, играющим столь выдающуюся роль в судьбах западного славянства.

Обилие и сложность подобного рода дел побуждают создать в составе ведомства Особый политический отдел, в коем была бы сосредоточена вся возникающая по указанным вопросам переписка.

Впредь до выяснения вопроса о том, потребуется ли впоследствии закрепление означенного отдела в качестве учреждения постоянного в законодательном порядке, я полагал бы временно образовать таковой из отозванных по случаю войны чинов заграничной службы и некоторых служащих других отделов центральных установлений министерства.

Управление сказанным отделом я полагал бы поручить бывшему генеральному консулу в Будапеште в звании камергера двора Вашего императорского величества действительному статскому советнику Приклонскому.

На привидение сего в исполнение приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее Вашего императорского величества соизволения[2].

Верно: делопроизводитель Колбецкий

Ф. 135, оп. 474, д. 1, л. 7. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] Дата утверждения Николаем II.

[2] См. также док. № 163.

157. ЗАПИСКА ОСОБОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МИД

6 сентября 1916 г.
Секретно

Записка по чешско-словацкому вопросу

1. Значение для России чехов и словаков.

Мировая война возбудила среди подъяремных народностей Австро-Венгрии надежду на освобождение от немецко-мадьярского ига, с которым многие из них борются уже с давних времен. В числе этих народностей одно из первых мест бесспорно занимают чехи, входящие в состав населения австрийской половины монархии, а также и подчиненные Венгрии, родственные чехам и живущие в непосредственном с ними соседстве словаки, связывающие свои политические идеалы с чешским, под условием сохранения своей национальной самобытности.

Значение чешской и словацкой народностей в политической жизни средней Европы обусловливается как их сравнительной многочисленностью (чехов около 7½ миллионов, а словаков — до 2½ миллионов), так и крупной ролью, какую сыграли оба этих племени в историческом прошлом. Входившие в IX веке в состав могущественного Моравского Союза[1] чехи и словаки впоследствии разделились, причем Словакия в течение нескольких веков являлась составной частью Угорского государства[2], затем (в XVI веке) некоторое время находилась под властью турок и, наконец, при императоре Леопольде была воссоединена с Венгрией, Чехия же после распадения Моравского Союза просуществовала как самостоятельное государство до XVII века и только после Белогорской битвы в 1620 году[3] вошла в состав Австрийской монархии.

За последние десятилетия чешская народность, выдвинувшая в области науки, литературы и политики целый ряд крупных деятелей, систематически и умело отстаивавших национальную самобытность своей страны, успела достигнуть значительного влияния в политической жизни Австрии, правительству которой не раз приходилось считаться с требованиями чешских народных представителей.

Главнейшими причинами успешного политического развития чешского народа являются, с одной стороны, настойчивость и твердость характера, каковыми качествами чехи не только выгодно отличаются среди всех западных и южных славян, но и не уступают, а отчасти даже превосходят господствующих в двуединой монархии немцев и мадьяр, а с другой, исключительно выгодные экономические условия чешских областей, богатых всеми необходимыми для развития промышленности полезными ископаемыми. Условия эти сделали из так называемых земель Чешской Короны, то есть из Богемии, Моравии и части австрийской Силезии, один из главнейших центров экономической жизни всей Гамбургской монархии.

В значительно менее благоприятных политических условиях находятся словаки, не отличающиеся столь же энергичным характером как чехи и к тому же населяющие области, хотя и не бедные сельскохозяйственной культурой, но не представляющие данных для широкого развития промышленности и, стало быть, для поднятия народного богатства, дающего столь серьезную опору в политической борьбе за национальную самобытность. И, действительно, словаки, хотя и выставившие, подобно чехам, немало борцов за национальные идеалы, большой роли в политической жизни мадьярского государства не играют.

Однако в комбинации с чехами словаки несомненно могут представить собой, хотя бы в количественном отношении, серьезный фактор в создании чешско-словацкого[4] государства, если бы, по ходу войны, такому государству суждено было в той или иной форме возникнуть, как надеются сами чехи и словаки. Вместе с ними, по-видимому, начинают считать такую комбинацию возможной и некоторые политические и общественные деятели как у нас, так и среди наших союзников, мечтающие о создании на развалинах нынешней Австро-венгерской монархии из областей, населенных племенами, одинаково чуждыми и немцам, и бывшим до последнего времени послушными исполнителями германских планов мадьярам, таких государственных организмов, которые могли бы представить собой надежный барьер против германского распространения на Восток.

Одним из наиболее ярких выразителей этой теории является известный французский политический писатель Шерадам, в своей недавно выпущенной в свет и имевшей огромный успех книге «le plan pangermaniste demasqúe»(«Разоблаченный пангерманский план») прямо указывающий, что основной целью нынешней великой войны следует считать создание в Средней Европе из частей двуединой монархии, которые не отойдут к России, Италии, Сербии и Румынии, «Соединенных Штатов Средней Европы» из чуждых германскому миру барьерных государств. Самое существование подобной Федерации положило бы, по мнению Шерадама, раз и навсегда предел широким германским планам, направленным к постепенному экономическому и политическому подчинению Германии, всей Средней Европы, Балканского полуострова и турецкого Востока, закрепляемому задуманным германцами и частью уже осуществленным гигантским железнодорожным путем «от Гамбурга до Багдада».

Достаточно взглянуть на карту Европы, чтобы убедиться, что именно через чешские земли проходит кратчайшее направление этого пути, окончательное сосредоточение которого в германских или послушных велениям Германии руках грозило бы, не говоря о фатальном засилии германского племени в Европе и Передней Азии, поставить неодолимую преграду правильному политическому общению России с англо-романским миром и отбросить сферу ее политического влияния далеко на Восток.

Огромное значение для судеб Европы той или иной политической ориентации чешских земель, в зависимости от их германизации или же сохранения и упрочения за ними роли славянского барьера отметил в свое время Бисмарк, указавший, что государство, владеющее этими землями, является хозяином Средней Европы. Того же взгляда держатся и пангерманские военные писатели. При этом, как и показали события нынешней войны, подчинение Чехии не Германии непосредственно, а немецко-мадьярской монархии Габсбургов, никаких неудобств с точки зрения выгод германства не представляет, ибо германцы открыто считают Австро-Венгрию своим авангардом на пути к Балканам и Востоку.

Неудивительно поэтому, что начавшееся ныне, тайное в пределах самой Австро-Венгрии и явное среди чешских и словацких эмигрантов, освободительное движение вызвало у наших союзников живой интерес и готовность всячески ему содействовать, готовность, размеры которой едва ли могут быть объяснены одной лишь естественной симпатией к чешскому народу, уже давно борющемуся за свою национальную самобытность. Возникшие в Лондоне и в Париже среди чешских и словацких эмигрантов политические общества встретили полное сочувствие и покровительство со стороны местных политических кругов.

При этом следует отметить, что в некоторой части названных политических кругов обнаружилась тенденция забрать чехословацкое движение в свои руки, что, ввиду вышеуказанного серьезного международного значения чешского вопроса, становится до

известной степени понятным. Так, по дошедшим до Министерства иностранных дел сведениям, в Лондоне, где пребывает в качестве профессора созданной для него в университете кафедры, председатель недавно основанного Национального Чехословацкого Совета[5] бывший профессор Венского и Пражского университетов Масарик, по-видимому, намечено содействовать перенесению центра тяжести чешского национального движения в Англию. Нельзя не заметить, однако, что сосредоточение дела чешского освобождения в этой, хотя бы и дружественной и союзной нам стране, во-первых, не имеет за собой никаких серьезных оснований, ибо чехов и словаков в Англии весьма мало, и англичане решительно никакими традициями с чехами и словаками не связаны, а во-вторых, и самое подчинение чехословацких организаций Масарик едва ли было бы обоснованным, так как он, хотя и достаточно известен у себя на родине в качестве профессора, особенной популярностью как политический деятель никогда не пользовался. Достаточно вспомнить, что Масарик был единственным представителем в рейхсрате чешской партии реалистов, самой малочисленной из чешских политических групп и единственной из них отрицательно настроенной к России и ее государственному строю. Личные же политические настроения Масарика достаточно характеризуются хотя бы его двухтомным трудом, «Russland und Europa», изданным в 1913 году. В книге этой, написанной в крайне несочуственном нашему отечеству тоне и у нас запрещенной, Россия противопоставляется всей остальной Европе как страна отсталая, для которой недоступна европейская культура.

Не менее невыгодным для наших интересов представлялось бы перенесение центра тяжести чешского освободительного движения и во Францию, где, кстати сказалась, также как и в Англии очень немного чехов и словаков, также отсутствуют традиции тесного общения с славянским миром и где, по имеющимся данным, также могла бы выработаться, в связи с вышеуказанными идеями Шерадама, нежелательная для нас ориентация чешского вопроса. В этом отношении следует в особенности иметь в виду сделавшуюся известной нашему Посольству в Париже тайную тенденцию Шерадама противопоставить намеченные в его книге «Соединенные Штаты Средней Европы» «слишком большому усилению России» в случае удачного исхода войны, в котором союзники не сомневаются.

Из всего этого видно, что направление, по-видимому, серьезно поставленного событиями на очередь чехословацкого вопроса, России необходимо взять в свои руки, само собой разумеется, не предрешая той формы, в какой могло бы в конце концов создаться чехословацкое государство. Руководство в этом вопросе дало бы нам во всяком случае возможность предотвратить, насколько это в пределах наших сил, нежелательные в нем ориентации и оттенки.

Что касается самого разрешения чехословацкого вопроса, то в нем после самих заинтересованных народностей едва ли не более всех других союзников заинтересована именно Россия как ввиду оказываемого ей традиционного покровительства славянам, так и ввиду того, что судьба чешских земель, представляющих собой западный аванпост славянства и могущих, как выше указано, послужить при благоприятных обстоятельствах оплотом для прочного удержания воинствующего германизма от посягательств на те области, в коих исторически развивалось русское преобладающее влияние, имеет для нас самое серьезное значение.

Помимо всего этого, Чехия по своему географическому положению и национальному составу может иметь для нас большое значение в области отношений России к польскому и украинскому вопросам. Наконец, чешская земля может также представить для

нас серьезный экономический интерес ввиду высокого развития в ней обрабатывающей промышленности и сельскохозяйственной техники.

Вышеизложенные соображения выясняют значение, которое Чехия имеет для России. Естественной поэтому является необходимость для нас иметь решающее влияние при будущем устроении этой страны, в какую бы форму оно ни вылилось. Обстоятельства войны дают нам полную к этому возможность, так как именно в России сосредоточена огромная масса военнопленных чехов и словаков, которые представляют собой значительную часть находящегося в рабочем возрасте населения этих земель всех общественных классов и состояний. Несомненно их влияние при будущем устройстве страны, несомненна поэтому необходимость и возможность для России подчинить их своему влиянию и не допустить иноземного на них воздействия. [...][6]

Ф. 323, оп. 617, д. 93, л. 127–132 об. Копия. Рус. яз.

[1] Моравский союз (IX в.) — раннефеодальное государство Великая Моравия, представлявшее конгломерат территорий, объединенных военно-административными связями. В состав входили Моравия, Западная Словакия, Чехия, сербские племена по р. Сала (Заале), лужицкие сербы, силезские племена, висляне Краковской земли и славяне Паннонии.

[2] Угорское государство — венгерское раннефеодальное государство, возникшее в X в.

[3] Белогорская битва — сражение 8 ноября 1620 г. на Белой горе (ныне в черте г. Праги), в котором чешские сословия потерпели сокрушительное поражение от имперско-баварских войск Католической лиги, что ознаменовало потерю Чехией политической независимости и ее вхождение в состав Габсбургской империи (до 1918 года).

[4] Так в документе.

[5] Национальный Чехословацкий Совет — руководящая политическая организация чехословацкой буржуазной эмиграции в период Первой мировой войны. Создан в феврале 1916 г. в Париже в качестве представительного органа т.н. «Заграничного сопротивления» по инициативе Т.Г. Масарика, Э. Бенеша, М. Штефаника и др. деятелей чешского и словацкого национального движения. Целями Совета были поддержка стран Антанты и создание самостоятельного чехословацкого государства. В мае 1917 г. с согласия Временного правительства создано отделение ЧНС для России во главе с Т. Масариком.

[6] Далее говорится о чехословацких организациях в России и мерах по их переустройству.

158. ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ

13 сентября 1916 г.
Доверительно

О воспрещении прибывающим в империю делегациям Датского Общества Красного Креста осмотра водворения военнообязанных неприятельских подданных (представление Министерства внутренних дел, от 4 сентября 1916 г., за № 32727).

(По журналу дел, разрешаемых собственной властью Совета министров).

Опыт посещения в минувшем году германскими и австро-венгерскими сестрами милосердия мест водворения неприятельских военнообязанных[1] дал в руки администрации достаточно материала, рисующего деятельность названных сестер с крайне неблагоприятной стороны. Из донесений местных губернских властей усматривается, что сестры милосердия, при посещении военнообязанных, неоднократно пытались разда-

вать им привезенные из-за границы книги, брошюры и картины явно тенденциозного содержания, а также добывать всякого рода сведения, могущие быть полезными для их правительств. Ввиду сего и находя, что подобная деятельность германских и австро-венгерских сестер должна быть признана по своим задачам близко соприкасающейся с тайной военной разведкой, Министерство внутренних дел сочло необходимым сделать распоряжение о недопуске делегаций упомянутых сестер к посещению военнообязанных неприятельских подданных.

Осведомившись о сем, председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста обратился в Министерство внутренних дел с просьбой об отмене вышеприведенного распоряжения, так как в противном случае Главное управление вынуждено будет телеграфировать находящимся в Германии и Австро-Венгрии русским сестрам милосердия не настаивать на допуске их в места водворения наших соотечественников упомянутых категорий. С своей стороны, не усматривая возможности пойти навстречу заявленному гофмейстером Ильиным ходатайству, сенатор Хвостов внес настоящий вопрос на рассмотрение Совета министров, указав при этом, что, по его мнению, последовавшее со стороны Министерства внутренних дел распоряжение о воспрещении осмотра неприятельскими сестрами милосердия мест водворения военнообязанных и лиц гражданского состояния не только подлежит оставлению в силе, но что подобное же распоряжение следовало бы издать и по отношению к военнопленным, находящимся на работах, обслуживающих нужды государственной обороны.

Войдя в обсуждение настоящего дела, Совет министров выслушал, прежде всего, заявление товарища министра иностранных дел, гофмейстера Арцимовича, объяснившего, что, ввиду статьи 1 состоявшегося в прошлом году соглашения между управлениями Красного Креста Российским и Датским, мы приняли на себя обязательство допускать неприятельских сестер милосердия к осмотру не только лагерей, но также и других мест водворения военнопленных, а, следовательно, в том числе и мест производства ими различного рода работ. Само собой разумеется, однако, что командированные в Россию сестры не должны быть допускаемы к посещению заводов, работающих на оборону. В настоящее время в Германии находится весьма большое количество наших гражданских пленных, как из числа лиц, задержанных при объявлении войны, так и уведенных из занятых неприятелем губерний. Среди них насчитывается немало чиновников, пенсионеров и офицеров, отставных и состоящих на действительной службе, притом нередко людей женатых и обремененных семьями. Положение всех этих лиц, сосредоточенных в особых концентрационных лагерях, является крайне тяжелым, и оказание им возможной помощи чрез посредство русских сестер милосердия, командированных в Германию, должно быть признано существенно необходимым. Так как, однако, русским сестрам, несомненно, не будет дозволено посещение наших соотечественников, заключенных в лагерях, если мы, в свою очередь, закроем германским сестрам милосердия возможность посетить задержанных в России германских военнообязанных, то казалось бы желательным не прибегать у нас к указанной запретительной мере. Что касается, засим, возможной опасности от посещения неприятельскими сестрами милосердия мест водворения немецких и австрийских военнообязанных, в смысле использования посещения этих мест в целях шпионажа, то, по мнению гофмейстера Арцимовича, подобного рода опасность не представляется серьезной, ввиду того, что военнообязанные, хотя и не заключены у нас в концентрационные лагери и живут на свободе, но выселены как в заволжские, так и в другие отдаленные губернии.

В дополнение к изложенному, присутствовавшим в заседании представителем Российского Общества Красного Креста, сенатором князем Голицыным было высказано, что воспрещение делегациям посещать военнообязанных и лиц гражданского состояния, а также военнопленных, находящихся на работах, повлекло бы за собой весьма нежелательные последствия для наших военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Действительно, нельзя не предвидеть, что истолкование в ограничительном смысле состоявшегося соглашения, основанного на принципе взаимности, повлечет за собой применение таких же стеснительных мер в Австрии и Германии по отношению к русским военнопленным. При этом надлежит иметь в виду, что русские военнообязанные и гражданские пленные содержатся в Германии в концентрационных лагерях. Следовательно, под предлогом воспрещения посещения лиц этой категории германцы могут вообще воспретить осмотр каких бы то ни было концентрационных лагерей и таким образом не допустить наших сестер милосердия к посещению военнопленных в этих лагерях. Что же касается предполагаемого воспрещения посещать военнопленных, находящихся на работах, то, в случае осуществления подобной меры, допускаемые к ним сестры не увидят никого из своих соотечественников, кроме нескольких десятков больных, находящихся в лагерях, так как все здоровые люди находятся на казенных, общественных и частных сельскохозяйственных работах. Нельзя также упускать из внимания, что взаимный осмотр лагерей последовал по почину не Красного Креста, а военного ведомства, поддержанного Министерством иностранных дел. Так, начальник Генерального штаба 7 и 16 февраля 1916 г. сообщил Главному управлению Российского Общества Красного Креста, что Военное министерство признает повторный осмотр лагерей военнопленных весьма желательным, с целью удостовериться в действительности улучшения быта наших пленных. Затем, 4 марта текущего года, начальник генерального штаба уведомил, что, по докладу военного министра его императорскому величеству вопроса о возобновлении объездов сестрами милосердия лагерей военнопленных у нас и в Германии, государь император всемилостивейшее соизволил на допуск в Россию делегаций, указав на полезность сравнения вражескими сестрами милосердия мужественного настроения в России с подавленным настроением в их странах. Далее, после потопления госпитального судна «Вперед»[2], Главное управление предполагало в виде протеста отменить вторичный осмотр лагерей; однако августейшей покровительнице Общества Красного Креста благоугодно было указать на желательность посылки сестер из опасения отменой таковой меры ухудшить положение наших военнопленных в неприятельских странах. На всеподданнейшем докладе об этом военного министра его императорское величество соизволил собственноручно начертать: «Вполне присоединяюсь к высказанному моей матушкой и желаю, чтобы посылка сестер непременно состоялась». В заключение сенатор князь Голицын отметил, что необходимые изменения в правилах и инструкциях могли бы последовать в будущем, в случае, если бы вновь возник вопрос об объезде лагерей, а не теперь, когда объезд этот уже производится и приближается к концу.

С своей стороны, Совет министров не мог разделить приведенных соображений гофмейстера Арцимовича и сенатора князя Голицына. В сем отношении Советом было принято во внимание, что заключенное между Российским и Датским управлениями Красного Креста соглашение предусматривает допуск иностранных сестер милосердия к осмотру, прежде всего, лагерей военнопленных, а затем, по возможности, также и других мест водворения неприятельских подданных. Из этого следует заключить, что русское правительство вовсе не приняло на себя обязательства допускать германских сестер

к посещению всех без исключения мест, в которых могут быть помещены пленные или военнообязанные, но что оно оставило за собой в этом отношении необходимую свободу усмотрения. В частности, останавливаясь на вопросе о посещении сестрами мест водворения неприятельских военнообязанных, Совет министров нашел, что приведенные сенатором Хвостовым соображения о недопустимости подобного рода посещений представляются заслуживающими самого серьезного внимания. Высказываясь, поэтому, против отмены сделанного Министерством внутренних дел распоряжения, Совет министров, вместе с тем, заметил, что если последствием принятой министерством меры явится недопущение русских сестер милосердия к осмотру мест водворения наших соотечественников в Германии и Австро-Венгрии, то это обстоятельство, конечно, вызывает сожаление, но, тем не менее, оно не может быть признано достаточным основанием для отмены мероприятия, последовавшего в интересах обеспечения военной тайны. Равным образом, совет всецело присоединился к предположению сенатора Хвостова о воспрещении неприятельским сестрам милосердия посещения тех военнопленных, кои находятся на работах, имеющих значения для нужд государственной обороны.

Руководствуясь изложенным, Совет министров *положил*[3]:

Воспретить прибывающим в Россию германским и австро-венгерским сестрам милосердия посещение мест водворения неприятельских военнообязанных и лиц гражданского состояния, а также мест производства военнопленными работ, имеющих значение для нужд государственной обороны.

Подлинный журнал подписан гг. Председателем и членами Совета министров и скреплен управляющим делами совета.

С подлинным верно: за начальника Отделения Канцелярии Совета министров Кочкарев

Ф. 160, оп. 708, д. 1601, л. 147–149. Заверенная копия. Рус. яз.

---

[1] См. док. № 154.

[2] Бывший французский грузопассажирский пароход, построенный в 1898 году, был получен от правительства Франции в 1915 году, переоборудован в госпитальное судно под названием «Вперед» и зачислен в состав российского Черноморского флота. В 1916 году МИД России уведомил об этом все неприятельские правительства. Через два месяца — в июне — госпитальное судно было потоплено близ Батуми германской подводной лодкой.

[3] Курсив документа.

159. ПИСЬМО УПРАВЛЯЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ПЕЧАТИ МИД А.И. ЛЫСАКОВСКОГО ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ

№ 570 *15 сентября 1916 г.*

Милостивый государь Николай Александрович,

Вследствие переданного мне Вами желания г-на начальника Штаба верховного главнокомандующего быть осведомленным о настроениях в заграничном общественном мнении путем доставления вырезок наиболее интересных статей, появляющихся

в зарубежной печати, почитаю долгом сообщить нижеследующие соображения по сему предмету. Принимая во внимание более общее у нас знакомство с немецким, английским и французским языками, среди союзной печати наибольший интерес представляют для нас английские, французские и румынские газеты. Среди вражеской — германские и австрийские, среди нейтральной — швейцарские. Существующий состав вверенного мне отдела позволит мне, при условии добавления к чинам отдела 2–3 лиц, без ущерба для дела принять на себя просмотр союзной и нейтральной печати. Что же касается германских и австрийских газет, то таковые доставляются непосредственно Дипломатической канцелярии и могли бы быть просматриваемы одним из ее чинов. Необходимо было бы иметь особые средства для выписывания газет, так как получаемые отделом ныне газеты в ограниченном количестве экземпляров (в большинстве случаев в 1 экземпляре) не дают возможности делать вырезки из них для указанной выше цели.

В зависимости от желательности более или менее широкого осведомления расходы эти составляли бы согласно прилагаемой справке от 500 до 150 [руб.].

Уже ныне я сочту своим долгом, по мере возможности, исполнять указанное выше желание начальника Штаба и доставлять Вам некоторые вырезки из повременной печати, за исключением германской и австрийской, своевременная доставка коих в Дипломатическую канцелярию была задержана по не зависящим от меня обстоятельствам. Ныне мной приняты меры к возможному обеспечению правильного доставления таковых.

Изложенные выше практические соображения подлежат, само собой разумеется, дальнейшему развитию или изменению в зависимости от пожеланий Штаба и я буду ожидать Вашего ответа по сему предмету.

Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Приложение:

Справка о расходах,
вызываемых просмотром газет для Дипломатической канцелярии
при Штабе верховного главнокомандующего.

Месячный гонорар вольнонаемному чтецу	200 руб.
Тоже второму	150 руб.
Барышни для наклеек	75 руб.
Выписывание газет в круглой цифре согласно списку	300 руб.
Итого:	725 руб.
Или один чтец и выписка газет	500 руб.

Ф. 140, оп. 477, д. 801, л. 1–1 об. Приложение, л. 2. Копия. Рус. яз.

160. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В СОВЕТ МИНИСТРОВ

[26 сентября 1916 г.]

По почину французского правительства Святейший Престол в мае 1915 г. обратился к воюющим державам с предложением войти между собой в соглашение о переводе в нейтральные страны для лечения раненых и больных военнопленных, не принадлежащих к категории инвалидов[1].

Наше Военное ведомство признало это предложение неприемлемым, переговоры же между Францией и Германией увенчались успехом, и в январе 1916 г. состоялся перевод в Швейцарию пленных французов из Германии и германцев из Франции. Позднее, на основании соглашения с Германией, в Швейцарию переведены также больные пленные англичане и бельгийцы.

Сведения о постоянно ухудшающемся положении наших пленных во вражеских странах и о развитии среди них туберкулеза и других изнурительных болезней убедили Министерство иностранных дел в необходимости прийти безотлагательно на помощь нашим военнопленным и 22 марта сего года бывшим министром иностранных дел гофмейстером Сазоновым было испрошено высочайшее соизволение на возбуждение вопроса о заключении соглашения с Германией и Австро-Венгрией по образцу заключенных с ней нашими союзниками[2].

Во исполнение такой высочайшей воли и для выяснения вопроса, какие страны и на каких условиях могли бы принять больных военнопленных, посланникам нашим в нейтральных странах было поручено войти в предварительные переговоры с правительствами, при коих они аккредитованы, а по получении их ответов 14 июня сего года было созвано для всестороннего рассмотрения намечаемой меры междуведомственное совещание[3] под председательством товарища министра иностранных дел гофмейстера Арцимовича из представителей от ведомств военного, морского, путей сообщения, финансов, Российского Общества Красного Креста и Комитета по оказанию помощи русским военнопленным во вражеских странах.

Совещанию доложены были сведения о крайне тяжелом положении наших военнопленных во вражеских странах и о широком распространении среди них туберкулеза и других болезней, а равно нижеследующие данные об отношении к рассматриваемому вопросу нейтральных правительств.

I. Норвежское правительство отнеслось сочувственно к вопросу о принятии в Норвегию больных военнопленных и изъявило согласие на водворение там на первое время 300 наших военнопленных и столько же военнопленных австро-германцев, оставляя на будущее время выяснение вопроса, насколько указанное число могло бы быть увеличено[4].

II. Не меньшее сочувствие выказало и голландское правительство, но по сделанному голландским министром иностранных дел нашему посланнику в Гааге заявлению, Голландия могла бы принять лишь ограниченное число больных военнопленных, ввиду того, что в Голландии содержится уже около 100 000 бельгийцев и, кроме того, ожидается прибытие детей из Германии, Бельгии и занятых Германией частей Франции.

III. На поставленный нашему послу в Вашингтоне вопрос о возможности водворения вражеских военнопленных в западных штатах Северной Америки гофмейстер Бахметьев высказался в отрицательном смысле.

IV. В Швейцарии водворено больных пленных французов 8 941, англичан 452, бельгийцев 1 076 и германцев 2 948, а всего 13 417 человек, поэтому она могла бы принять

лишь незначительное число наших офицеров и солдат, которое правительство оставляет за собой указать позднее. Условия, выработанные Швейцарией по соглашению с нашими союзниками и Германией относительно содержания в Швейцарии больных военнопленных, таковы: правительства, к коим относятся военнопленные, уплачивают Швейцарии за содержание туберкулезного офицера по 8 франков и солдата 5 франков в день, за больных же иными болезнями по 6 франков за офицера и 4 франка за солдата; кроме сего, расходы по управлению и за медицинскую помощь определены в 1 франк с офицера и 50 сантимов с солдата в день.

Организация и заведывание интернированными возложено на главного начальника медицинской части швейцарской армии.

Интернированные распределены в 16 округах в Швейцарии.

Каждый округ находится в ведении военного врача, который там безотлучно живет и ответственен за все происходящее в его округе перед главным врачом швейцарской армии. Начальник округа выбирает из пленных унтер-офицеров одного, которого назначает начальником над всеми пленными, живущими в одном месте. Кроме того, он также назначает начальников над пленными, живущими в отдельных гостиницах или пансионах. Последние, в свою очередь, назначают старших по этажам.

Унтер-офицеры из пленных имеют больший авторитет над солдатами, чем имели бы швейцарские унтер-офицеры.

Выбор гостиницы и пансионов был сделан швейцарским правительством по соглашению с обществом швейцарских гостиниц. Помещения ничем не напоминают больницы, комнаты большие и светлые и не более 4 пленных помещается в одной комнате.

Что касается до одеяния интернированных, то оно доставляется их правительствами.

Интернированные подчиняются в смысле дисциплины и наказаний тем же правилам, как и швейцарские солдаты, равно как и особы отдельным распоряжением главного начальника медицинской части швейцарской армии. Большое значение имеет вопрос о занятиях интернированных. Вообще их в этом отношении можно делить на 4 категории: 1. Совершенно неспособные ни к какому труду. 2. Те, которые находят себе занятия, или находясь в качестве денщиков у интернированных офицеров, или работая для своих сотоварищей в качестве портных, сапожника и т.д. 3. Некоторые интернированные нашли себе работу у крестьян того места, где они поселены. 4. Способные к труду интернированные, но которые не имеют работы. Для них учреждены особые бюро, которые должны находить им занятия в зависимости от того, чем они занимались в частной жизни.

Офицерам предоставлено самим подыскивать себе занятия.

Что касается до развлечений, то пленным предоставлено самим их устраивать. Иногда швейцарские власти организуют для них концерты или кинематографические представления.

Корреспонденция интернированных совершенно свободна, причем им предоставлено пользоваться ею даром в пределах Швейцарии и вне ее.

Сношения интернированных с местным населением, в видах дисциплины, подвергнуты контролю начальника округа.

Родственники больного пленного могут жить в одной с ним гостинице только в исключительных случаях, но могут свободно селиться в одном с ним городе или местечке.

Покидать место, определенное для жительства, интернированные могут только с особого разрешения начальника округа. Им выдаются особые отпускные билеты, которые они должны предъявлять военному начальству тех мест, куда они направляются.

Так как государства обязались возвращать тех интернированных, которые могли бы убежать из Швейцарии, то особых мер для военной охраны не принято. Случаев побега было уже четыре.

V. Датское предложение в основных чертах сводится к нижеследующему:

1) В Данию могут быть приняты туберкулезные.

2) Расходы по устройству и заведыванию местами интернирования принимаются на счет датского правительства.

Расходы по содержанию и лечению падают частью на счет правительств союзных держав. Для начала устанавливается плата: по 3 датских кроны в день за нижних чинов и унтер-офицеров и 5 датских крон за офицеров.

Дабы курс рубля не отражался на расходе русского правительства (увеличением оного), датские банки предлагают открывать по требованию русских банков авансы в датских кронах, подлежащие возмещению через 12 месяцев после войны. Подробности этого предложения подлежали бы дальнейшей разработке.

3) Правила о надзоре за интернированными подлежат выработке. Предполагается желательным установить, что бежавшие подлежат возвращению в страну, в плену коей они находились, и что офицеры могут, под честное слово, свободно передвигаться в определенном округе.

4) Для начала возможно было бы водворить в Данию 1 000 нижних чинов и 200 офицеров от каждой из воюющих стран. В случае желания русского правительства, число офицеров могло бы быть увеличено за счет числа нижних чинов.

5) Пленные, взятые Россией и ее союзниками, подлежали бы водворению в Зеландию, а взятые Германией и ее союзниками — в Ютландию.

VI. Шведским Красным Крестом выработан нижеследующий проект водворения в Швеции русских и австро-венгерских военнопленных.

1) Россия и Австро-Венгрия в равном числе присылают в Швецию больных и раненых, уход за которыми будет поручен шведским докторам.

2) Будут даны необходимые гарантии того, чтобы не допускать побегов военнопленных из лагерей.

3) Расходы по содержанию и устройству должны быть поровну распределены между Россией и Австро-Венгрией.

Совещание пришло к нижеследующим заключениям:

1) Водворение больных и раненых военнопленных офицеров и нижних чинов в нейтральных странах является крайне желательным.

2) Подлежат эвакуации страдающие одной из болезней, предусмотренных в принятом договаривающимися правительствами списке.

3) Число эвакуируемых больных, принадлежащих к той или другой национальности, не должно ставиться в зависимость от числа пленных, эвакуируемых другой стороной.

4) Выбор военнопленных, подлежащих эвакуации, возлагается на особые комиссии из местных врачей с участием врача страны будущего водворения.

5) Эти комиссии должны посещать непосредственно лагеря для освидетельствования военнопленных; им должны быть передаваемы списки тех пленных, которых местные военные власти или их отечественное правительство считают подлежащим эвакуации в нейтральную страну или которые сами заявляют просьбы об этом.

6) Надлежит водворить в нейтральных странах вместе с больными военнопленными некоторых из находящихся в Германии и Австро-Венгрии наших пленных врачей

по списку, утвержденному Военным министерством. Для удовлетворения религиозных нужд следует командировать в страны водворения русских православных священников.

7) Признать принятые в Швейцарии правила о режиме, которому подчиняются военнопленные, приемлемыми за некоторыми изменениями, по требованию Военного ведомства. А именно, могут быть допускаемы свободные сношения пленных с родственниками, организованы работы для военнопленных, устраиваемы развлечения и пр.; допускается организация различных курсов и лекций для наших военнопленных, однако лишь при условии контроля, ввиду возможности пользоваться курсами и лекциями в целях вредной для России пропаганды.

8) Принять за образец действующие в Швейцарии правила о надзоре за интернированными и о возвращении в места интернирования бежавших оттуда пленных.

При обсуждении вопроса о том, какие страны могли бы быть избраны для перевода наших и вражеских больных военнопленных, представитель Военного ведомства заявил, что со стороны сего последнего, по военным соображениям признается невозможным согласиться на интернирование австро-германских военнопленных в Швеции и Дании ввиду географической близости и тяготения этих стран к Германии и большего удобства для германцев использовать свое пребывание там в целях шпионажа и преследования вредных для нас в военном отношении целях вообще. По сему с точки зрения военного ведомства допустимо было бы водворение вражеских пленных лишь в Швейцарии и Норвегии и в крайнем случае в Испании, если бы это оказалось осуществимым. Междуведомственное совещание признало, что военные соображения должны иметь решающее значение в этом вопросе.

По вопросу о вызываемых переводом больных военнопленных в нейтральные страны издержках представитель военного ведомства высказался за принятие на счет казны расходов по содержанию наших военнопленных в странах их предполагаемого водворения и по провозу вражеских военнопленных из мест их водворения у нас до границы Торнео; представитель же Министерства финансов заявил, что со стороны сего министерства несомненно потребные средства будут изысканы.

По последним полученным Министерством иностранных дел сведениям швейцарское правительство было бы согласно поместить в Швейцарии лишь 200 русских и 200 вражеских военнопленных офицеров, больных туберкулезом, но излечимых, в первой степени заболевания, а равно больных анемией, общей слабостью и подозрительным бронхитом, со склонностью к туберкулезу. Вместе с тем швейцарское правительство, занятое вопросом о расширении интернирования в Швейцарии больных военнопленных с заменой размещения в санаториях содержанием их в особых лагерях, предполагает сделать предложение всем нейтральным странам о привлечении их к человеколюбивому делу интернирования больных военнопленных.

Окончательного ответа Норвегии, согласно извещения нашего посланника в Христиании, можно ожидать в ближайшем будущем и предвидится, что число раненых, коих норвежское правительство согласится принять, будет доведено до 1000 наших и столько же немцев. Норвегия равным образом занята мыслью о распределении военнопленных между скандинавскими государствами с тем, чтобы в каждое из них были направлены пленные одной национальности и в Норвегию — русские.

Что же касается Испании, то она не желает принимать германцев, так как там уже водворено большое число их.

На основании вышеприведенных сведений нельзя не прийти к заключению, что, ограничивая выбор стран для интернирования больных военнопленных Швейцарией и Норвегией, оказалось бы возможным вывезти из мест содержания в плену лишь незначительное число заболевших. При таких условиях переговоры по настоящему вопросу с правительствами воюющих с нами государств преставились бы для нас крайне затруднительными. Между тем Министерство иностранных дел не может не признать, что осуществление обсуждаемой меры, цель коей не только облегчить положение наших военнопленных, но и спасти весьма большое число их от верной смерти от туберкулеза и других изнурительных болезней, имеет, помимо гуманитарного, важное государственное значение. Русское общество и сами наши военнопленные с нетерпением ждут, чтобы и с нашей стороны было сделано то, что уже с марта сего года с успехом осуществляется нашими союзниками, и нельзя не опасаться серьезных упреков по адресу правительства, если бы эта мера не была приведена в исполнение, и враждебного по отношению к нему настроения массы военнопленных, коих, по имеющимся сведениям, уже настраивают в этом направлении власти вражеских государств.

Признавая, что настоящий вопрос имеет общегосударственное значение и подлежал бы разрешению по возможности беззамедлительно, Министерство иностранных дел считает долгом внести его на рассмотрение Совета министров.

На документе помета начальника Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева: «Чит[ал]. Вопросы большой важности. Почему Швеция, Дания и Голландия не могут подать руку помощи?».

Ф. 323, оп. 617, д. 78, л. 16–21. Копия. Рус. яз.

[1] См. прим. 1 к док. № 151.
[2] См.: Ф. 323, оп. 617, д. 78, л. 14.
[3] См. док. № 151.
[4] См. приложение № 2 к док. № 161.

161. ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В.А. АРЦИМОВИЧА УПРАВЛЯЮЩЕМУ ДЕЛАМИ СОВЕТА МИНИСТРОВ И.Н. ЛОДЫЖЕНСКОМУ

№ 3991-В *10 октября 1916 г.*

Милостивый государь Иван Николаевич,

Поступившими в Министерство иностранных дел позднее заседания Совета министров 27 сентября телеграммами от 25 и 26 сентября за № 339 и 340 и письмом от 27 сентября за № 2089 посланник наш в Норвегии донес, что окончательный ответ норвежского правительства по вопросу об интернировании в Норвегии больных военнопленных содержит, между прочим, нижеследующие предложения:

1) Подданным каждой из групп воюющих держав предоставляется сперва по 300 мест, впоследствии же это число может быть доведено до 1 000.

2) Не могут быть приняты для интернирования в Норвегию больные заразительными болезнями, в том числе туберкулезные.

Из разговора с норвежским министром иностранных дел наш посланник вывел заключение, что вопрос об интернировании больных военнопленных в Норвегии мог бы получить более благоприятное разрешение в том случае, если бы возможно было прийти к общему соглашению о помещении в Норвегии лишь русских больных, вражеских же пленных интернировать в других скандинавских странах, как, напр[имер], в Дании.

Из полученной от посла нашего в Мадриде телеграммы усматривается, что германское правительство ставит требуемое нами улучшение положения в германском плену наших офицеров, находящихся в Штральзунде, в зависимости от нашего согласия на интернирование больных военнопленных в Дании.

Из поступивших ныне в Министерство иностранных дел докладов делегатов Международного Комитета Красного Креста в Женеве, посетивших часть лагерей в Германии, в коих содержатся наши пленные, нельзя не прийти к заключению, что число больных там, нуждающихся в переводе в нейтральные страны, значительно превышает число эвакуированных из Германии пленных французов, коих в Швейцарии водворено уже более 9 000.

Из полученной сего числа телеграммы посланника нашего в Гааге видно, что голландское правительство согласилось бы принять несколько тысяч больных военнопленных.

По докладу о вышеизложенном г-н председатель Совета министров и министр иностранных дел, гофмейстер Штюрмер поручил мне передать копии вышеупомянутых донесений наших представителей в Норвегии и Испании Вашему превосходительству для внесения их на рассмотрение Совета министров в связи с журналом 27 минувшего сентября.

Препровождая вследствие сего копии означенных телеграмм и письма Вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что по словесному сообщению находящегося здесь делегата Датского Красного Креста, Дания могла бы принять до 10 000 больных пленных.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

В. Арцимович

Приложение № 1

Копия телеграммы товарища министра иностранных дел посланнику в Норвегии

№ 4254 *25 сентября/8 октября 1916 г.*

Военное ведомство возражает против интернирования в Швеции, Дании и Америке вражеских пленных.

Верно: делопроизводитель N.

Приложение № 2

Копия телеграммы императорского посланника в Норвегии
товарищу министра иностранных дел

№ 339 *25 сентября/8 октября 1916 г.*

Я получил от министра иностранных дел циркулярное предложение норвежского правительства миссиям воюющих держав приютить 300 больных военнопленных держав Согласия и столько же вражеских. Число это приблизительно и установлено только для начала; оно будет доведено до 1 000 для каждой из сторон. На мои возражения по поводу столь ограниченного числа приглашенных наших пленных, министр ответил, что он ожидает только русских, так как остальные державы Согласия, по причине дальности, сложности и опасности пути, фактически не могут воспользоваться предложением. Он все же обратился к ним, дабы их не обидеть. Я тогда спросил министра, уполномочивает ли он меня использовать его заявление, чтобы дать возможность императорскому правительству просить союзников уступить нам эти 300, а в ближайшем будущем и все 1 000 мест. Он с удовольствием согласился на это. В целях обеспечения финансовой стороны дела, без обременения теперь же Государственного казначейства, я заручился письменным обязательством банка оплачивать все расходы по интернированию с возвратом одолженной суммы через год по окончании войны и уплатой процентов на один процент выше учета норвежского Государственного банка — ныне 4½ процента.

Верно: делопроизводитель N.

Приложение № 3

Копия телеграммы императорского посланника в Норвегии
товарищу министра иностранных дел

№ 340 *26 сентября/ 9 октября 1916 г.*

Получил Вашу телеграмму № 4254.

Полагаю, что если мы будем проводить точку зрения, переданную в телеграмме Вашего превосходительства, то дело остановится на незначительном результате, достигнутом к настоящему моменту. Только признав всю Скандинавию приютом для военнопленных обеих сторон, можно дать делу серьезный масштаб. Соглашение, чтобы Норвегия сосредоточила у себя русских, а немцев — Дания или Швеция, могло бы, по моему мнению, особенно способствовать преследуемой цели.

Верно: делопроизводитель N.

Приложение № 4

Копия депеши императорского посланника в Христиании

№ 2089 *27 сентября/ 10 октября 1916 г.*

Телеграммой от позавчерашнего числа, за № 339, я имел возможность сообщить Вашему превосходительству, что здешние миссии воюющих великих держав получили

от Королевского Министерства иностранных дел циркулярное предложение приютить (hospitaliser) по 300 человек больных военнопленных от держав Согласия и от их врагов.

Я немедленно отправился к министру иностранных дел, чтобы выразить ему глубокое разочарование по поводу образа действий королевского правительства. Г-н Илен поведал мне, что он более всего старается сохранять внешнюю нелицеприятность ко всем воюющим и к отдельным союзникам. Министр признался, что, по его предположению, никто из наших союзников фактически не сможет, вероятно, — уже из-за длинного морского пути — прислать сюда находящихся у них германских и австрийских пленных. Ввиду этого, он охотно разрешил мне сообщить Вашему превосходительству, что он отнюдь не возражает против того, чтобы союзники нам уступили свои доли — 300 мест. Цифра эта приблизительная и будет доведена при успешности опыта до 1 000 военнопленных каждой из воюющих сторон, но и до того, если в назначенных для помещений больных зданиях окажутся свободные места, то военнопленные будут приняты и свыше указанного приблизительного числа.

Считаю себя в праве передать, что и Председатель Совета министров, и министр иностранных дел высказали мне надежду, что все дело интернирования пленных разрешится в том смысле, что в Норвегию будут присланы исключительно русские. Ввиду этого я позволил себе телеграфировать вашему превосходительству, что только признание всей Скандинавии приютом для военнопленных обеих сторон может позволить нам сделать что либо серьезное для наших пленных. Тогда 2 000 больных наших соотечественников могут найти здесь уход, который обеспечен нашим союзникам в Швейцарии. Едва ли поэтому наши союзники будут возражать против того, чтобы три северные страны стали для Восточного фронта общего театра войн тем, чем Швейцария давно уже служит для Западного его фронта. Думаю, однако, что нам придется взять на себя почин обращения к нашим союзникам, ибо едва ли скандинавские страны, разослав приглашения, будут в состоянии выступить ныне же с иным предложением.

В прилагаемом при сем циркуляре, как Ваше превосходительство изволите усмотреть, указаны условия приема и интернирования военнопленных. Принимаются исключительно военнопленные, никоим образом не гражданские чины. К числу больных, которых норвежцы также не желают получить, они относят в первую очередь туберкулезных. Это нежелание вызывается тем обстоятельством, что туберкулез, самая распространенная в стране болезнь. Из семи смертей одна приходится на чахотку. Правительство и само общество сознают что борьба с болезнью ведется недостаточно энергично, и объясняют это слишком малым числом врачей, отсутствием специальных санаториев и т.п. Чувствуя, что дело обстоит неблагополучно, правительство опасается увеличения в стране числа больных, указанной категории. За сим норвежцы отказываются принимать сифилитиков в первичной и вторичной форме, но не возражают против приема больных в третичной форме. Они также не желают алкоголиков, нервных и душевнобольных, требующих особого ухода.

Все дела о попечений будут возложены на особый комитет, во главе которого будет находиться Главный военно-санитарный инспектор, полковник Доэ и председатель Норвежского Красного Креста Даре Иенсен.

Расходы по содержанию пленных выразятся в 7 крон в сутки с лица офицерского звания и 4 кроны с нижнего чина, с прибавкой сюда 50 эре за медицинскую помощь.

В валютных соображениях я заручился согласием директора Троиндьемского Торгового банка Фолькмара, представленного мной, г-ну Барку, в бытность министра в Христиании, ссужать все необходимые суммы денег для оплаты расходов по интернирова-

нию здесь наших пленных. Расчет с банком был бы произведен после окончания войны и процент установлен на один выше официального учета Норвежского государственного банка, который ныне равняется 4 ½ процента, являясь самым низким учетным процентом в Европе. Я обратился к Фолькмару, ибо его банк почти единственный, который не зависит от Стокгольмского «Эншильда Банк», и финансовые отношения наши избегнут, таким образом, накладных расходов по оплате посредников.

Верно: делопроизводитель N.

Приложение № 5

Норвежское предложение

Могут быть приняты пленные больные, не инвалиды, нуждающиеся в особом уходе.

Не принимаются больные заразительными болезнями, в том числе чахоточные и сифилитики в третичной форме, алкоголики и страдающие нервным и душевным расстройством, нуждающиеся в особом лечении.

Пленные передаются на границе государств, где они до того содержались; они должны быть вымыты, острижены и не иметь вшей.

Гражданские пленные не принимаются.

Число офицеров определяется один на четырех нижних чинов.

В отношении выбора больных пленных, их доставки, содержания и проч. принимаются в основание правила, действующие в Швейцарии, с некоторыми потребными изменениями.

Норвежское правительство предпочитало бы, по примеру Швейцарии, не прибегать к охране пленных войсками.

Расходы по провозу и содержанию уплачиваются норвежскому правительству подлежащим правительством по представлении счетов.

За содержание предполагается назначить по 7 крон в день за офицера и по 4 кроны за нижнего чина с прибавлением 50 эре за медицинскую помощь.

Расходы по устройству и содержанию помещений норвежское правительство принимает на себя.

Приложение № 6

Выписка из телеграммы императорского посла в Мадриде

№ 137 *21 сент./4 окт. 1916 г.*

Испанский посол в Берлине телеграфирует, что делегаты посольства только что посетили больных офицеров в Стральзунде. Посол передал их жалобы германскому министру иностранных дел, который просил рекомендовать императорскому правительству ускорить начатые переговоры, дабы прийти к соглашению касательно эвакуации туберкулезных больных в Данию. Такое соглашение дало бы возможность немедленно освободить больных офицеров, задержанных в Стральзунде.

Верно: делопроизводитель N.

Приложение № 7

Выписка из телеграммы императорского посланника в Гааге

№ 377 *8/21 октября 1916 г.*

Из разговора с министром иностранных дел, а также широты голландского гостеприимства к разным жертвам войны, я имею основание сделать тот вывод, что голландское правительство согласилось бы принять несколько тысяч больных пленных. Пользуясь моими личными отношениями с Лоудоном, я мог бы ближе выяснить этот вопрос. Прошу телеграфного ответа.

С подлинным верно: делопроизводитель N.

Ф. 160, оп. 708, д. 1529, л. 9–9 об. Приложения, л. 10–13 об. Копии. Рус. яз.

162. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

№ 17550 *31 октября 1916 г.*

Об усилении состава Отдела печати Министерства иностранных дел

Во внесенном 17 марта 1910 г. за № 2450 на законодательное рассмотрение проекте изменения Учреждения и штатов центральных установлений Министерства иностранных дел устройство Отдела печати ведомства намечалось в составе 8 лиц, а именно: управляющего — в V классе, старшего секретаря — в том же V классе, двух секретарей VII класса, одного секретаря VIII класса, помощника секретаря VIII класса и двух кандидатов для занятия штатных должностей — в X классе. Государственная дума сократила, однако, этот состав на должности старшего секретаря и двух кандидатов, и в указанном сокращенном составе и образовался отдел на основании последовавшего закона 24 июня 1914 г. (Собр. узак., ст. 1737)[1].

Означенный состав, признававшийся ведомством недостаточным еще в 1910 году ныне, по прошествии шести лет, в связи с потребовавшимся значительным развитием деятельности отдела, оказывается совершенно не в состоянии справиться со всей предъявляемой ему работой и настоятельно требовал бы соответственного пополнения.

Работа отдела распадается на две части. С одной стороны, отдел ежедневно осведомляет министра, его товарищей и всех начальников отдельных частей обо всем, что появляется интересного в повременной печати, как русской, так и иностранной, относительно вопросов внешней политики, экономических, военных и т.д. С другой стороны, на отделе лежит обязанность давать общественному мнению объяснение относительно деятельности министерства, освещать в известных рамках направление деятельности министра, отвечая этим на запросы нашего общества, осведомлять общественное мнение России и за границей обо всех выдающихся проявлениях международной жизни, опровергать в нейтральных странах всю ту неправду, которую наши враги распространяют в этих странах о России. Столь широкая постановка рамок деятельности отдела возлагает на чинов, работающих в нем, очень тяжелую и ответственную работу.

Действительно, что касается первой части работы, то уже из той массы сырого материала, в виде получаемой ежедневно из всех стран света повременной печати и телеграфных известий, видно, сколько нужно опыта и знаний, чтобы из всего получаемого выбрать то, что может быть полезным для деятельности министерства, что потребует немедленного разъяснения и опровержения и т.д. Составление по наиболее жгучим вопросам кратких, но исчерпывающих обзоров печати требует также опыта и знаний для правильного освещения того или иного вопроса.

Еще более сложны и ответственны обязанности отдела по второй части его работы. Вопросы иностранной политики, затрагивая интересы других держав, всегда требовали к себе особо осторожного отношения. Поэтому осведомление по ним должно быть обставлено особо тщательно, единообразно, с полным знанием не только дела, но и видов правительства в области внешней политики. В этих именно видах вся осведомительная часть сосредоточена ныне в Отделе печати, на управляющего коего возложено еще непосредственное участие и в работах Петроградского телеграфного агентства. Согласно новому положению сего агентства, управляющий Отделом печати входит в состав Совета агентства, причем на него возлагается ближайшее участие в руководстве работой Отдела внешних сообщений, а также в выборе и направлении деятельности специальных корреспондентов за границей. Участие управляющего Отделом печати в работах агентства осуществляется как лично, так и через подчиненных ему чинов, которые должны быть в постоянном общении с агентством для правильной взаимновоспособляющей деятельности. Кроме того, по условиям военного времени, на Отдел печати возложено крайне ответственное руководство дипломатической цензурой всех газетных и транзитных телеграмм. Просмотр последних останется на обязанности Отдела и в мирное время.

Так как с развитием деятельности отдела ему придан характер вполне самостоятельного органа Министерства иностранных дел по всем вопросам печати, то в интересах единообразия и продуктивности работы в состав отдела совершенно необходимо ввести особую должность помощника управляющего, по первоначальному проекту ведомства — старшего секретаря, в V классе и с окладом, наравне со старшим секретарем Юрисконсультской части министерства, в 5 000 руб., который был бы постоянно осведомлен как о текущей работе отдела, так и о взглядах министерства на все политические вопросы, в различных стадиях постепенного их развития. Столь обстоятельного знакомства с делом было бы трудно требовать от чиновника, временно замещающего управляющего и не являющегося его ближайшим и постоянным сотрудником. Следующие по штату за управляющим чины положены всего в VII классе и за недостатком опыта не могли бы исполнять этих обязанностей. Надо иметь в виду, что управляющий отделом, являясь, под руководством министра и его товарища ответственным представителем Министерства иностранных дел в разрешении всех вопросов, связанных с печатью, как русской, так и зарубежной, обязан сношениями не только с редакциями повременных изданий, но и со всеми правительственными учреждениями, как в империи, так и за границей. При правильной постановке дела в отделе на управляющем должна лежать главная забота направления, осведомления и многочисленные, связанные с этим личные отношения. На помощника же должна быть возложена систематизация получаемых сведений и техническая обработка исходящего материала.

В такой же степени необходимым представлялось бы учреждение при отделе должности секретаря VI класса с окладом согласно принятым в штате ведомства нормам в 4 200 руб. На эту должность полагалось бы возложить заведывание канцелярией отдела, ее архивом, газетной частью, подготовкой сырого материала и общее руководство работой второстепенных и младших чинов.

С развитием деятельности отдела все эти отрасли работы сильно разрастаются, возлагая на лицо, заведующее ими, серьезную ответственность за правильную постановку дела. Ни управляющий отделом, ни его помощник, занятые своими многосложными обязанностями, не в состоянии брать на себя и эту техническую сторону работы. Понятно, что столь ответственные обязанности могут быть возложены лишь на лицо, имеющее достаточный опыт по своей предшествующей деятельности, чего трудно требовать от младших чинов с кратковременным служебным стажем. Кроме того, находясь в курсе всех дел, секретарь VI класса в любой момент, в случае отсутствия или болезни старшего секретаря отдела, мог бы его заменить, будучи и по своему опыту и по служебному положению достаточно к этому подготовлен.

Сверх причитающегося по штату содержания, чинам Министерства иностранных дел присваиваются наградные к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи выдачи, в среднем размере для должностей V-VII классов 15 процентов годового оклада содержания. На выдачи эти ведомству ассигнуется по штату кредит в 75 000 руб., рассчитанный на наличный состав чинов центральных установлений. Поэтому при учреждении новых должностей требовалось бы соответственно увеличить упомянутый наградной фонд. Для предположенных двух должностей его полагалось бы усилить на 1 380 руб.

Вызываемый предположенной мерой расход подлежал бы с 1917 года внесению в подлежащее подразделение сметы Министерства иностранных дел. На текущий же год, сколько из сего расхода по соразмерности потребуется, он мог бы быть отнесен на общие остатки от назначений по действующей смете ведомства.

По приведенным основаниям министр иностранных дел полагал бы:

1. Высочайше утвержденный 24 июня 1914 г. штат центральных установлений министерства иностранных дел (Собр. узак., ст. 1737) дополнить должностями старшего секретаря и секретаря VI класса Отдела печати названного министерства, присвоив первой должности V класс по чинопроизводству, V разряд по шитью на мундире, III разряд I ст[епени] по пенсии и годовой оклад содержания в 5 000 рублей и второй должности — VI класс по чинопроизводству, VI разряд по шитью на мундире, III разряд 2 ст[епени] по пенсии и годовой оклад содержания в 4 200 руб. и усилив назначение на выдачу наград чинам означенных в сем отделе (I) установлении на 1 380 руб. в год.

2. Вызываемый мерой, означенной в предшедшем отделе (I) расход, в размере десяти тысяч пятисот восьмидесяти рублей в год, вносить с 1917 года в подлежащее подразделение сметы Министерства иностранных дел, а в 1916 году отнести, сколько из сего расхода по соразмерности потребуется, на общие остатки от назначений по действующей смете названного министерства.

О сем министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Государственной думы.

Подписал: министр иностранных дел Штюрмер
Скрепил: директор Фан дер Флит
С подлинным верно. Делопроизводитель Колбецкий

Ф. 159, оп. 726, д. 97, л. 40–41 об. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] Закон от 24 июня/7 июля 1914 г. «об установлении новых Учреждения МИД и штата центральных установлений этого министерства». — См.: Собрание узаконений. — 1914 — Отдел первый. — Второе полугодие. — Ст. 1737.

163. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД В СОВЕТ МИНИСТРОВ

[не позднее 31 октября 1916 г.]
Секретное

Об отпуске Министерству иностранных дел
средств на не подлежащую оглашению надобность

Государю императору благоугодно было в 27-й день минувшего августа высочайше соизволить на образование в составе Министерства иностранных дел Особого политического отдела[1]. Мотивами к созданию такового послужили следующие обстоятельства.

В связи с событиями мировой войны получили особое развитие и значение вопросы, касающиеся политической жизни славянских народностей, входящих в состав Габсбургской монархии. Несмотря на усилившийся за время войны гнет Австро-Венгерского правительства, как в пределах самой двуединой монархии, так и вне ее, при посредстве высылаемых этими народностями отдельных представителей и депутаций, развилось широкое политическое движение, потребовавшее ответной деятельности правительственных и общественных кругов в государствах Согласия и среди них, в особенности в России, как традиционной покровительнице славянства, притом, ввиду близкого соседства и общности многообразных политических и экономических интересов, насущным образом заинтересованной в тех формах, в какие может вылиться после войны политическое бытие славянских народностей Австро-Венгрии.

Один из таких вопросов — чешско-словацкий, вследствие скопления у нас, по ходу войны, значительного количества выходцев этих национальностей, уже вошел в круг ведения и работ русских правительственных учреждений, причем по соглашению министерств иностранных дел и военного намечен ряд практических мер, из коих те, которые относятся к компетенции военного ведомства, уже приводятся в исполнение, а меры, входящие в круг ведения Министерства иностранных дел, подлежали бы осуществлению в ближайшем же времени. Привидение этих мер в исполнение составило бы также предмет занятий Министерства иностранных дел. Большое значение в области вышеуказанных вопросов имеют также дела, касающиеся Венгрии, тесно связанной с славянскими народностями.

Наконец, огромное влияние католицизма на значительную часть этих народностей и на венгров, как в чисто идейном отношении, так и в области практической политики, ставит эти дела в тесную связь с политикой Римской Курии и нашими с ней сношениями.

Совокупность этих обстоятельств выдвигает неотложную для Министерства иностранных дел задачу постоянного и всестороннего ознакомления с развитием указанных выше вопросов и направления их, в пределах возможного нашего воздействия, согласно с государственными интересами России.

Для успешного течения работы, направленной к разрешению этой государственной задачи представляется целесообразным сосредоточить и объединить все подобного рода вопросы в одном учреждении в составе Министерства иностранных дел, поставив это учреждение в такие условия, в коих оно могло бы, не отвлекаясь иной работой, посвятить все свое внимание возможно полному исследованию означенных вопросов и подготовке их к разрешению.

Таким учреждением и является формируемый ныне Особый политический отдел, деятельность коего, в общих чертах, сводится к собиранию и систематизации материалов по вышеуказанным вопросам, почерпаемых из донесений наших заграничных установлений, из устных и письменных сообщений многочисленных славянских деятелей, проживающих в России и за границей, а равно и из различных научных трудов и отзывов заграничной и отечественной повременной печати; к составлению на основании этих материалов докладных записок и к сношениям по делам, касающимся австро-венгерских славян, венгров и Ватикана с нашими заграничными и внутренними учреждениями, а также проведение и исполнение мер, подобных тем, кои ныне осуществляются в области чешско-словацкого вопроса.

По роду дел отправление их поделено на три категории. К первой отнесены дела Ватиканские, польские и карпато-русские (Галиция, Буковина и Угорская Русь); ко второй — чехословацкие; к третьей — югославянские (словенцы, хорваты, венгерские сербы и далматинцы) и венгерские.

При этом, принимая во внимание чисто политический характер деятельности отдела, представлялось бы желательным построить его организацию на тех же основаниях, на каких построена организация других политических отделов министерства.

Обстоятельства военного времени, вызвавшие образование отдела, настоятельно требуют немедленного же осуществления задач, возложенных на него по высочайшему повелению. Между тем те же обстоятельства требуют и особенной бережливости при расходовании казенных средств.

Принимая во внимание такие условия момента, Министерство иностранных дел признавало бы возможным на первое время, впредь до окончательного разрешения вопроса о постоянном учреждении отдела, не входить с представлением об установлении для него особого штата и, составив отдел из нескольких уже состоящих на окладе чинов министерства, временно ограничиться испрошением лишь совершенно необходимых на содержание отдела средств, с ассигнованием их на все время настоящей войны, начиная с 1 октября сего 1916 г.

На канцелярские расходы отдела, составление политических записок по национальным вопросам, переводы на русский язык с некоторых других славянских языков, а также с венгерского и итальянского, на переписку бумаг, приобретение необходимых изданий и проч. и на прислугу понадобится не менее 1 000 руб. в месяц.

Сверх сего необходимо ассигновать особые средства на вызываемые совершенно специальной деятельностью отдела негласные расходы, главным образом по собиранию секретных сведений.

На этот последний предмет следует положить по меньшей мере 2 000 руб. ежемесячно, а с ранее указанным издержками по 3 000 руб. в месяц.

По свойству расхода, вызываемого военными обстоятельствами, потребные на него средства подлежали бы отпуску в порядке ст. 18 бюджетных правил 8 марта 1906 г.[2] за счет наличных средств государственного казначейства. По секретному же назначению упомянутых средств их надлежит показать ассигнуемыми на не подлежащую оглашению надобность.

По приведенным основаниям Министерство иностранных дел полагало бы:

На основании ст. 18 правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Св. Зак. т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.) и согласно высочайше утвержденному 17 января

1915 г., положению Совета министров о порядке разрешения чрезвычайных по гражданским ведомствам кредитов на потребности военного времени, отпускать Министерству иностранных дел, на время настоящей войны, начиная с 1 октября 1916 г., на не подлежащую оглашению надобность по три тысячи рублей в месяц, с отнесением сего расхода на наличные средства государственного казначейства.

На документе помета: «Рассмотрено в комм[иссии] Кузьминского 31 окт[ября]. Решено дать на Отд[ел] и чеш[ские] орг[анизации] в месяц по 12 500 р. + единовр[еменно] 8 000».

Ф. 135, оп. 474, д. 1, л. 22–24 об. Проект. Рус. яз.

[1] См. док. № 156.
[2] См. прим. 2 к док. № 70.

164. СПРАВКА ОТДЕЛА О ВОЕННОПЛЕННЫХ МИД

[не ранее октября 1916 г.]

Справка

Отношением от 12 августа 1916 г., № 2777, императорская миссия в Румынии, по ходатайству испанского посольства в Вене, просила о наведении справок о судьбе австро-венгерского лейтенанта 3 пехотного полка графа Карла Менсдорфа.

На запрос Отдела о военнопленных Центральное справочное бюро о военнопленных отозвалось в октябре 1916 г., что названный австрийский офицер в списках военнопленных не значится, а ныне бюро уведомило отдел, что лейтенант графа Карл Менсдорф, взятый в плен нашими войсками 27 мая 1916 г. раненым, находится в г. Уфе, о чем, вместе с ним, доводится до сведения испанского посольства в Вене через посредство миссии нашей в Стокгольме.

Ф. 160, оп. 708, д. 982, л. 1–1 об. Копия. Рус. яз.

165. СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. ПОЛОВЦОВА

14 ноября 1916 г.

Высочайше утвержденным 24 марта 1916 г. Особым журналом Совета министров поставлено было отпускать Министерству иностранных дел по 5 500 рублей ежемесячно на осведомительную деятельность.

Вследствие сего при Канцелярии министра иностранных дел было образовано особое Осведомительное отделение, на которое было возложено:

1) осведомление Министерства иностранных дел на основании печатного материала и донесений агентов отдела в нейтральных странах об обнаруживающихся там политических течениях;

2) осведомление разными путями об экономическом и политическом положении во вражеских странах;

3) распространение за границей благоприятных сведений о России, а также печатание там телеграмм, статей, брошюр и т.п. в желательном для нас смысле;

4) подготовка печатных материалов для предстоящих мирных переговоров.

Как усматривается из приведенного перечня предметов ведения Осведомительного отделения, значительная часть возложенных на него задач совпадает с задачами Отдела печати Министерства иностранных дел.

Ввиду сего представлялось бы желательным присоединить сказанное временное Осведомительное отделение к Отделу печати министерства, возложив на управляющего Отделом печати общее руководство и деятельностью временного Осведомительного отдела и предоставив ему пригласить для непосредственного заведывания последним сведующее лицо по своему выбору.

Дальнейшее определение направления деятельности Осведомительного отдела подлежало бы утверждению товарища министра.

А. Половцов

На документе помета: «Согласен. А. Нератов».

Ф. 159, оп. 481, д. 412, л. 1–1 об. Подлинник. Рус. яз.

166. ИЗ ОБЗОРА СВЕДЕНИЙ ОСВЕДОМИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА МИД

№ 1

12 декабря 1916 г.
Секретно

Германское мирное предложение

Уже несколько раз в течение войны Германия делала выступления в пользу мира. Кроме некоторых тайных дипломатических попыток, не имевщих значения, следует отметить две речи рейхсканцлера в декабре 1915 г. и в апреле 1916 г., в которых он заявил, что Германия готова пойти на мир, коим она будет обеспечена от нападений в будущем враждебной коалиции. Впоследствии на эти заявления неоднократно ссылался как сам канцлер (напр., в беседе с американскими журналистами 23 мая н.ст. 1916 г.) так и германский министр иностранных дел в своих сообщениях германскому послу в Соединенных Штатах.

Однако выступление канцлера 29 ноября 1916 г. и последовавшее за этим обращение Германии к ее противникам с предложением мира[1] приобретает особенное значение, так как последнее является прямым и официальным дипломатическим шагом, в котором уже нельзя видеть, подобно предыдущим попыткам, исключительно «пробный шаг» для определения настроений враждебных и нейтральных государств.

При рассмотрении германского предложения возникают три вопроса, на которые желательно дать на основании имеющегося материала ответ.

Первый вопрос: Какие причины побудили германское правительство выступить с этим предложением?

Второй вопрос: Чего Германия надеется посредством этого выступления достигнуть?

Третий вопрос: В чем заключаются условия Германии и ее «мирный» план?

Все эти вопросы очевидно тесно связаны, так как причины, вызвавшие выступление Германии в определенный момент, ставят ему известные цели и влияют на содержание германских мирных условий.

Конечно, ответ на эти вопросы можно дать лишь приблизительный, ибо дело касается разгадки двух тщательно скрываемых обстоятельств: фактического положения Германии и вызванных этим положением решений ее правительства. Но все же имеется достаточно данных, чтобы определить хотя бы в общих чертах обстановку и цели германского выступления.

I. Причины германского шага

Причинами, побудившими германское правительство выступить с мирным предложением, являются, по-видимому: 1) тяжелое внутреннее экономическое положение, 2) мирное движение в стране, 3) давление на Германию со стороны ее союзников, 4) сознание, что настоящий момент, ввиду военных успехов, является наиболее выгодным для такого шага.

1) Германия ищет мира прежде всего и главным образом вследствие трудностей, которые дальнейшее ведение войны создает ей в экономической области. Все сведения о[сведомительного] о[тдела] сходятся в том, что Германия переживает тяжелый кризис, обусловленный общим истощением средств страны. Героические меры, принимаемые правительством, даже если они достаточны для продления сопротивления Германии очевидно напрягают ее силы до последней степени.

Исследование экономического положения Германии и специально продовольственного вопроса представляет задачу чрезвычайной трудности ввиду большой сложности возникающих явлений, а также разнообразия и несогласованности получаемых данных. Приступать к такому исследованию без надлежащих средств и делать выводы на основании выхваченных цифр и случайного материала является бесцельными трудом. Поэтому во всех государствах Согласия учреждены особые органы, специальной задачей которых являются такие исследования. У нас экономические сведения о Германии сосредоточены в Комитете по ограничению снабжения неприятеля, работающем при Министерстве торговли.

В общем итоге к 1 минувшему октября отчет комитета содержит заключение по рассматриваемому вопросу: «К началу третьего года войны экономические затруднения наших противников, обусловленные, с одной стороны, усилением и совершенствованием блокады со стороны союзников и, с другой, — истощением людского материала, значительно возросли, и Германии приходится напрягать все свои организационные усилия, чтобы выйти из создавшегося трудного положения».

Дальше следуют подробности, свидетельствующие об обострении продовольственного вопроса в связи с общим недостатком продуктов и о наступившем в Германии разочаровании добиться ожидаемых результатов посредством продовольственной диктатуры Батоцкого, на которую возлагалось столько надежд. Данные отчета в этом смысле вполне подтверждаются всеми отзывами немецкой печати. Неудача диктатуры Батоцкого признается самим Гинденбургом, указавшим в нашумевшем своем письме канцлеру на недостаточность питания рабочих и на связан-

ный с этим кризис. Тоже следует из выступления прусского министра внутренних дел в ландтаге в минувшем ноябре (донесение осведомительного агента в Копенгагене от 28 ноября с.г.).

С тех пор все сведения указывают на дальнейшее ухудшение продовольственного кризиса. В такой оценке сходятся в Германии заявления официальных лиц, доклады собраний и обществ, статьи печати всевозможных направлений. В последнее время такие газеты как Lokal Anzeiger и Berliner Tageblatt поражают пессимизмом своих выводов по экономическим вопросам (№№ от 12 декабря и 8 декабря). Общее ухудшение продовольственного положения к зиме 1916 года отмечается нейтральной прессой и статьями корреспондентов различных союзных газет из Германии. В том же смысле составлены периодические донесения осведомительных агентов Министерства иностранных дел в Швейцарии и Дании.

В особенности удручающе действует, по-видимому, обнаружившийся в Германии недостаток картофеля, который являлся за последнее время главным продуктом питания масс. Новые нормы питания, назначенные к новому году, заранее пугают население. Осведомительный агент в Копенгагене в донесении от 2 декабря с.г. № 300 приходит к заключению, что «в Германии начинают все более и более приходить к выводу, что борьба с продовольственными затруднениями является сизифовым трудом, что они вызваны непреодолимыми условиями военного времени». Различные действующие экономические факторы «вызывают как нормальное следствие огромный упадок сельскохозяйственного производства — упадок, который, по-видимому, может привести к краху».

Правда, за последнее время появились известия, указывающие, что в экономическом положении Германии могут произойти улучшения вследствие завоевания плодородных и богатых скотом местностей Румынии. На это указал в своей последней речи рейхсканцлер. В некоторых нейтральных странах, напр., Швейцарии распространено мнение, что от завоевания Валахии должны измениться все расчеты, касающиеся германского кризиса (донесение осведомительного агента в Швейцарии от 21 ноября/4 декабря с.г.).

Однако совокупность сведений позволяет предположить, что использование румынских запасов не может иметь решающего влияния на положение Германии, ибо опасность для нее заключается не столько в недостатке продуктов, могущем быть восполненным из случайных источников, сколько в органическом расстройстве всех отраслей народного хозяйства, что рано или поздно должно привести к невозможности пропитать страну. Характерно, что сами немцы признают, что заключение мира не устранит вполне продовольственный кризис. Берлинский корреспондент норвежской газеты Aftenposten от 16 декабря н. ст. особенно оттеняет эту сторону, указывая на сокращение посевов в Германии. Можно поэтому сделать заключение, что причины экономического кризиса в Германии так расширились и углубились, что процесс этот будет постепенно развиваться с закономерностью такого рода явлений. В этом отношении, несмотря на совершенство ее организаций, время — неумолимый враг Германии.

Создание этого обстоятельства в области продовольственного вопроса является, по-видимому, одним из главных оснований мирных стремлений Германии.

Не лучше положение ее в отношении рабочего вопроса. Вопрос о человеческом материале в Германии в настоящее время требует неотложного решения в двух направле-

ниях. С одной стороны, необходимо добыть новый военный материал ввиду огромных людских потерь, с другой стороны, нужно не только обеспечить всю военную промышленность, работающую на оборону, но еще значительно увеличить производительность военных заводов. Эта последняя задача приобрела в глазах германских властей особенное значение после последних боев на Сомме, обнаруживших техническое преимущество Англии и Франции (донесение осведомительного агента в Копенгагене от 28 ноября за № 272).

Эти основные мотивы привели к решению мобилизовать все рабочие силы Германии и получили свое выражение в законе о трудовой повинности (Vaterlandische Hilfsdienst). Закон этот, принятый германским народом не с легким сердцем, получил одобрение почти всего рейхстага и большей части социал-демократической партии. Только незначительная часть последней осталась в оппозиции, убежденная, что закон вводит «наихудшего рода принуждение к труду и отдает рабочих в жертву неслыханной эксплуатации». (Berner Tagwacht от 2/12). Два пункта исчерпывают закон: 1) трудовой повинности подлежит все мужское население от 17 до 60 лет, не призванное к военное службе; 2) заведывание всеми делами о новой повинности возлагается на Военное ведомство (Kriegsamt), учреждаемое при прусском Военном министерстве. Добывание и распределение сырья, производства оружия и амуниции распределения рабочей силы подчиняются этому центральному Kriegsamt.

Обращаясь к оценке этого колоссального плана военно-гражданской организации, следует иметь в виду, что коренной переворот, который им вводится, может быть осуществлен только как последнее средство ввиду полного истощения людского материала. Очевидно, что усилия центральных держав достигли в этой области последних пределов. Последние сведения из Германии указывают, что там уже возникает вопрос о сокращении судебных должностей и учительского персонала для освобождения лиц, могущих работать на оборону. (Post 10 декабря и Vossische Zeitung 9 декабря с.г.). С другой стороны, введение обязательной трудовой повинности сопровождается волнениями и пропагандой в пользу мира.

Трудно установить, в какие конкретные формы воплотится германская мобилизация труда, и какие результаты от нее можно ожидать в смысле усиления живой силы на фронте, а в тылу увеличения военного производства. Возникает не только вопрос об «организации победы», о которой пишет по этому поводу империалистическая «Deutsche Tageszeitung», но также о пропитании призываемых масс.

Тем не менее, было бы неосторожно видеть в новом германском законе усилие, внушенное одним отчаянием и обреченное заранее на неуспех. Организация, построенная в таком масштабе и в жертву которой будут принесены все частные интересы, не может не усилить производства, с одной стороны, и вместе с тем до некоторой степени и на некоторое время пополнить ряды армии. [...][2]

Ф.138, оп. 467, д. 610, л. 55–57. Типогр. экз. Рус. яз.

[1] См. прим. 1 к док. № 38.

[2] Опущена вторая часть обзора о мирной агитации в Германии, воздействии союзников Германии на германское правительство.

167. ТЕЛЕГРАММА ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ РОССИИ В ШВЕЙЦАРИИ М.М. БИБИКОВА ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВУ

№ 902 *19 декабря 1916 г./1 января 1917 г.*

Секретная телеграмма поверенного в делах в Берне

Получил весьма секретное письмо от 17 ноября № 744[1]. Посылаю подробный доклад о сделанном до сих пор и о будущих предложениях. С 10 января нового стиля в Берне начнет действовать под руководством корреспондента «Речи» Викторова Топорова под полным контролем миссии. Русское Бюро печати, которое на основании, главным образом, данных нашей ежедневной прессы, в строго беспартийном духе будет давать швейцарской прессе, преимущественно немецкой Швейцарии, сведения о России экономические, культурные и политические. Пока, в виде опыта, бюро будет действовать в течение двух месяцев.

(подп.) Бибиков

Ф. 135, оп. 474, д. 2, л. 22. Копия. Рус. яз.

[1] В АВПРИ документ не выявлен.

168. СТАТЬЯ «ОТВЕТ НА ГЕРМАНСКИЕ РЕПРЕССИИ»

28 декабря 1916 г.[1]

Управляющий Отделом о военнопленных Министерства иностранных дел С.Д. Боткин сообщил Главному управлению Красного Креста, что, по инициативе Красного Креста, Министерство иностранных дел по соглашению с военным ведомством в конце октября сего года сообщило германскому правительству, что лишение русских пленных права приобретать продукты в нейтральных странах, при невозможности покупки их в Германии, обрекает их на полное голодание, так как отпускаемый им казенный рацион не удовлетворяет нормальному питанию.

Вследствие сего Министерство иностранных дел протестовало против этого запрещения и потребовало его отмены с угрозой, в противном случае, запретить пленным германским офицерам в России покупку продуктов на вольном рынке и перевести их на обязательный казенный паек без права его улучшения или увеличения покупкой за свой счет.

Ввиду того, что Германией не было дано ответа в двухнедельный срок по сообщении ей нашего предупреждения, означенная выше репрессивная мера введена у нас с начала декабря.

Ф. 160, оп. 708, д. 6519, л. 50. Газетн. вырезка. Рус. яз.

[1] Дата публикации в газете «Речь».

169. ЗАПИСКА ОТДЕЛА О ВОЕННОПЛЕННЫХ МИД[1]

[не позднее 28 декабря 1916 г.]

Ввиду состоявшегося в свое время между императорским и королевским испанским правительствами соглашения, Испания приняла на себя охрану интересов русских подданных в Германии и Австро-Венгрии на время военных действий и, между прочим, заботу о наших военнопленных в названных странах. Однако на первых порах деятельность испанского правительства в этом направлении не давала тех результатов, на которые императорское Министерство иностранных дел имело право рассчитывать, каковое обстоятельство побудило его настаивать перед испанским правительством на более энергичной защите им интересов наших пленных. Путем повторных представлений, сделанных как через посредство императорского посла в Мадриде, так и через посредство императорских миссий в Стокгольме и Копенгагене, Министерству иностранных дел удалось обратить внимание испанского правительства на необходимость принять решительные меры к расширению и усилению деятельности дипломатических представительств Испании в Германии и Австро-Венгрии в смысле осведомления императорского правительства об условиях содержания русских пленных в этих странах. Результатом этих настояний было учреждение испанским правительством при испанском посольстве в Берлине особого отдела со значительным штатом делегатов, коим поручено было производить периодически объезды мест водворения наших военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и представлять отчеты об условиях их содержания. Во главе этого отдела стоит особый уполномоченный, г-н Дельгадо, носящий звание чрезвычайного посланника; в состав его входят следующие чины испанской армии: один полковник, деятельность которого распространяется на всю территорию Германской империи, два подполковника, два капитана, один лейтенант и два врача, круг деятельности коих ограничен районами расквартирования в мирное время определенных корпусов германской армии.

К сему прилагается доставленный испанской миссией в Стокгольме список[2] с указанием всех мест водворения русских военнопленных в Германии, осмотренных, согласно сообщению означенной миссии, упомянутыми делегатами за время с начала военных действий по настоящий момент. Всего посещено ими: 44 офицерских лагеря, 131 солдатский и 190 лазаретов. Министерство иностранных дел располагает уже 195 донесениями означенных делегатов, каковые, представляя собой изложение впечатлений, полученных лицами, не владеющими русским языком и неспособными вследствие этого вполне исчерпывающим образом ознакомиться с положением наших пленных в том или другом лагере, все же дают обильный материал для некоторого осуждения об условиях, в которых русским военнопленным приходится жить в германском и австрийском плену.

Как явствует из этих донесений, испанские делегаты нашли большинство осмотренных ими мест водворения наших пленных в Германии удовлетворительными во всех отношениях, за исключением довольствия, крайне недостаточного, как они подтверждают, решительно во всех лагерях и рабочих командах. Ниже приводятся выдержки лишь из тех донесений, в коих делегатами отмечаются отрицательные явления. Сообщаемые в них сведения относятся ко времени август-ноябрь 1916 года[3].

Приложение

Офицерские лагеря

Осмотрен 3 августа[4]

Zinna-Torgau

Из жалования военнопленных производятся вычеты (20 марок в месяц) для оплаты их мебели, причем офицеры указывают на то, что общая вычитаемая сумма превышает действительную стоимость означенной мебели. Кроме того, они жалуются на плохое довольствие и, ввиду изданного, по их словам, в России запрещения присылать им консервы, просят об исходатайствовании разрешения приобретать съестные припасы в нейтральных странах.

Осмотрен 3 августа

Bruckenkopf-Torgau

Офицеров заставляют платить за мебель. Причем грозят, в случае неуплаты назначенной суммы, отнять у них всю обстановку, не исключая одеял и простынь. Питание настолько недостаточное, что два офицера потеряли около 30 фунтов в весе за полтора года. Посылки приходят с запозданием на 6 недель, а иногда и вовсе не получаются. Офицеры просят о разрешении посылать деньги в испанское посольство в Берлине для закупки пищевых продуктов в нейтральных странах.

Осмотрен 11 сентября

Custrin

Офицерские помещения темны и в них недостаточно воздуха; кроме того, они сыроваты. Офицеры размещены крайне тесно. Коридоры и отхожие места также темны. Помещения для душей служат одновременно местом чистки картофеля, а также убоя домашней птицы. Военнопленные, водворенные здесь в наказание за попытки к побегу, протестуют против продолжительности своего пребывания в лагере. В числе пленных находятся 12 офицеров, страдающих алкоголизмом. Здоровые указывают на необходимость отправки их в специальное учреждение для лечения. По словам русского врача, сырость помещений вызывает простудные болезни и в особенности ревматизм.[...][5]

Лагеря для нижних чинов

Осмотрен 9 сентября

Sagan

У пленных нет кроватей, они спят на разостланных на полу матах. Они жалуются на грубое обращение со стороны охранной команды, в особенности же на «штрафной барак». Некоторые нижние чины заявили, что их заставляют работать, несмотря на то, что они больны; кроме того, их принуждают надевать деревянные башмаки вместо получаемой из России обуви. Из России получается много посылок со съестными припасами и бельем; ими наполнен целый пакгауз, но для раздачи их ждут приезда из Берлина шведского пастора.

Осмотрен 20 сентября

Golzern-Grimma

Санитарное состояние лагеря неудовлетворительно; лишь в последнее время прекратились заболевания тифом. Пленные просят о присылке печений, белья и мыла. Письма доставляются крайне неаккуратно. Церковная служба совершается регулярно, у евреев имеется молельня. Крайне негигиенично содержится гауптвахта: в ней нет ни света, ни воздуха и очень сыро. Комендант заявил, что предполагается выстроить новое помещение для ареста. По словам пленных, обращение с выделенными из состава лагеря рабочими командами жестокое.

Осмотрен 8 сентября

Konigsmoor. (Относится к лагерю Soltsu)

В холодное время года отопление недостаточное. Тяжелобольных отправляют в лазареты Гарбурга или Зольтау лишь в самую последнюю минуту, в околотке не хватает касторового масла, хины и горчичников. Расходы по погребению оплачиваются самыми пленными. Обед не всегда соответствует указаниям кухонного расписания, и, кроме того, он всегда один и тот же, крайне непитательный и невкусный. Всех принуждают к работе, несмотря на то, что некоторые страдают ревматизмом и слабостью, вызванной недостаточным питанием. Пятерых инвалидов, которых следовало бы подвергнуть серьезному лечению, заставляют чистить картофель. Нижним чинам, находящимся в рабочих командах, недавно был прочитан приказ, согласно которому они, по желанию поселян, должны работать и по воскресениям, причем, в случае отказа, конвойный имеет право прибегать к оружию. Четырех пленных за попытку побега заключили в гражданскую тюрьму, кормили их впроголодь в течение 6 дней и лишь на 7-ой дали им установленный обед.

Осмотрен 4 октября

Eidtkuhnen

Пленные спят на досках без матов. В лавке нет съестных припасов. Хлеба отпускается 250 г. на человека в день; мяса пленные, по их словам, не получают никогда. Освещение недостаточное, пленным приходится самим покупать свечи. Наказание привязыванием к столбу «налагается редко». Унтер-офицеры утверждают, что их заставляют насильно работать. Комендант отрицает это. Присылаемого из России не хватает на всех пленных. (В лагере, являющемся, в сущности, помещением рабочей команды «Строительного общества», всего 83 русских). [...][5]

В. Бертрен

Ф. 160, оп. 708, д. 2662, л. 4–5. Литограф. копия. Рус. яз. Приложение, л. 5- 5 об., 12–12 об.

[1] Записка составлена по запросу и.д.начальника Генерального штаба П.И. Аверьянова на имя товарища министра иностранных дел А.А. Половцова. — См.: Ф. 160, оп. 709, д. 2662, л. 1–2.

[2] Список в деле отсутствует.

[3] Описание осмотра лагерей составил внештатный сотрудник МИД В.А. Бертрэн. Публикуются выдержки из документа.

[4] Даты указаны по новому стилю (прим. документа).

[5] Далее опущены аналогичные сведения по ряду других лагерей.

170. ЗАПИСКА ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД

10 января 1917 г.

Преобразованный во время войны Отдел печати осведомляет министра и всех начальников отделов обо всем, что появляется интересного в русской и иностранной печати. Отделу поручено давать объяснения русскому общественному мнению о внешней политике России и влиять на направление общественного мнения в нейтральных странах. Отдел печати принимает участие в деятельности Петроградской военно-цензурной комиссии, руководит ее действиями в области внешней политики и на отделе же лежит ответственная задача цензурного просмотра всех входящих в Россию и исходящих из нее газетных телеграмм по внешней политике. Отдел печати вместе с тем участвует в направлении деятельности Петроградского телеграфного агентства, поскольку деятельность эта касается вопросов внешней политики.

Из состоящих в отделе чинов (12, включая управляющего) призваны на военную службу четыре, а именно тит. сов. Андрей Пономарев, тит. сов. Михаил Матвеев, колл. ас. Петр Лузанов и тит. сов. Александр Ржевусский.

При столь уже уменьшенном составе чинов отдела призыв на военную службу еще двух его чиновников, а именно секретаря VII класса колл. сов. Владимира Горвица и помощника секретаря VIII класса колл. ассес. Степана Каменева не дал бы отделу возможность исполнять возложенные на него обязанности.

Ф. 159, оп. 731, д. 227, л. 13–13 об. Копия. Рус. яз.

171. ЗАПИСКА МИД

[не ранее января 1917 г.]

Длительность войны выдвигает вопрос о безотлагательном восстановлении правильных курьерских сношений Министерства с главнейшими заграничными учреждениями ведомства.

Необходимость установления курьерских поездок, не дожидаясь конца войны, вытекает из следующих соображений:

1) При существующем положении секретные экспедиции доверяются случайным путешественникам. Заграничным установлениям поневоле приходится пользоваться услугами лиц, часто не представляющих достаточных гарантий благонадежности. Были даже случаи снабжения лиц, скомпрометированных в политическом отношении курьерскими экспедициями и паспортами. Явлением того же порядка представляется готовность частных лиц предлагать свои услуги в целях облегчения себе проезда через границы, пользуясь привилегированным положением курьера. Помимо сего частные путешественники, особенно при настоящих условиях, не могут вообще считаться подводящими лицами для перевозки секретных экспедиций как в отношении опыта, так и в отношении серьезного взгляда на дело. Таким лицам представляется совершенно невозможным доверять секретные документы, а тем более шифры, частая замена коих признается ныне настоятельной необходимостью. Кроме того, частные лица нередко задерживаются в пути по своим личным делам и сохранность доверенных им пакетов, при таких остановках подвергается несомненному риску.

2) Срочность и периодичность курьерских отправлений обязательны.

При существующем положении невозможно хотя бы с приблизительной точностью определить заранее время доставления пакетов, что влечет за собой большие неудобства. Остановки в пути, о коих уже упоминалось, представляют из себя одну из причин запоздания экспедиций. Другая из причин кроется в необходимости, в которую часто бывают поставлены как министерство, так и посольства и миссии, задерживать отправку вализы из-за отсутствия случайного путешественника, которому можно было бы ее доверять.

3) Только при определенности времени проезда и прибытия возможно будет правильно организовать на пути следования надлежащую охрану экспедиции. Охрана эта может быть в достаточной мере обеспечена содействием наших пограничных властей, а также встречей курьера чинами заграничных учреждений и принятием сими последними на себя дальнейших забот о его путешествии.

Перечисленные неудобства и существующая международная обстановка говорят за необходимость восстановления правильной связи между центральным ведомством и представителями за границей. Эта связь теперь более нужна, чем в мирное время, так как никогда, с одной стороны, столько важнейших вопросов не составляли предмет переписки, а с другой — никогда не были так затруднены сообщения. Недостаточность одних телеграфных сообщений и ненадежность курьеров-добровольцев вполне осознаны нашими союзниками. Все они имеют очередных курьеров, но министерство лишено возможности пересылать свои пакеты через их посредство вследствие значительного объема их собственных экспедиций. К тому же, такие особенно секретные отправления, как шифры, им все равно нельзя было бы поручать.

В случае возобновления курьерских поездок, последние не должны были бы быть слишком редкими, так как иначе экспедиции были бы перегружены и их размер вызывал бы нарекания со стороны нейтральных, что уже и наблюдалось в практике последнего времени.

Было бы вполне достаточным установить пока поездку Петроград-Стокгольм-Христиания-Лондон-Париж — раз в неделю и отдельную поездку Париж-Рим — раз в месяц.

Оплату поездок, ввиду условий настоящего времени, можно было бы производить на новых основаниях, а именно возмещать расход по путешествию и перевозке багажа по действительной стоимости, а на время пребывания на месте выдавать курьерам суточные в размере 60 франков.

Ф. 133, оп. 470, 1917 г. (неполитич.), д. 2, л. 110–111. Копия. Рус. яз.

172. ИЗ ОБЗОРА СВЕДЕНИЙ ОСВЕДОМИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА МИД[1]

№ 2 *13 февраля 1917 г.*
Секретно

Мирные цели воюющих государств

За 30 месяцев войны в воюющих странах выставлялось немало программ, содержащих желательные для данной страны условия будущего мира. В органах печати, в литературе, на различных политических и экономических собраниях происходило обсуждение целей войны. Нередко и в заявлениях официальных лиц, и в прениях парламентов высказывались также суждения, касающиеся будущего мира.

Из совокупности этих мнений складываются для каждой страны некоторые требования, которые в общих чертах могут быть названы стремлениями ее общественного мнения в отношении условий мира. Конечно, большинство суждений крайне преувеличены в своей оценке возможного и несоответствие их с фактическим положением нередко умаляет их значение для практической политики.

Однако не говоря о том, что требования общественного мнения могут служить мерилом настроения, очевидно, что самое существо обсуждаемых вопросов не лишено интереса.

Несомненно, прежде всего, что обсуждение условий мира, ставя определенные вопросы, намечает тем самым те общие пределы, в рамках которых будет вестись будущая дипломатическая работа по установлению договоров.

Затем в каждом поднятом вопросе могут быть отмечены колебания максимальных и минимальных требований. Этим ставятся и внутренние пределы для каждого вопроса, в рамках которых надо искать разрешения практических проблем.

Наконец, исходя из характера заявлений, влияния их авторов и возбуждаемого ими отклика, можно прийти к некоторым выводам относительно сил, поддерживающих в каждой стране то или другое требование. Этим определяется и значение как программы, так и отдельных ее пунктов.

Конечно, заключения по всем трем приведенным делениям могут быть существенными только когда они будут опираться на весьма обильный, точный, систематически расположенный материал.

К сожалению, к собранию такого материала представляется немало трудностей. Количество получаемых сведений само по себе недостаточно. Самые сведения, вследствие секретности вопросов и цензурных условий, стесняющих печать воюющих стран, не всегда верно отражают политические взгляды и течения. Быстро сменяющиеся события приводят и к быстрому изменению мнений, приспособляющихся к новому положению, возникающему на театрах войны. Эта текучесть политической мысли, не успевающей кристаллизоваться в определенных прочных формах, особенно затрудняет оценку ее проявлений. К этому следует прибавить еще общую трудность для нас как для современников, судить о событиях и в особенности об отражениях их в умах.

Ввиду перечисленных препятствий настоящий обзор далек от желательных систематичности и полноты и вероятно уже за время напечатания будет опережен фактами. Тем не менее, он может представлять интерес, главным образом, как общая схема всех обсуждаемых вопросов. Если подробности последних изменчивы в зависимости от событий и настроений, то главнее объекты спора все же остаются, ибо создаются, по большей части, общими географическими, политическими, экономическими условиями заинтересованных государств.

К этому следует прибавить, что в настоящий очерк вошло сравнительно мало заявлений и взглядов, высказываемых в книгах, ввиду того, что последним посвящаются периодические обзоры книг осведомительного отдела.

I. Мирные цели Германии

Мнения, высказываемые в Германии об условиях будущего мира, касаются, прежде всего, территориальных изменений. Последние относятся к Бельгии, Люксембургу, части Франции, колониям, Польше, Литве и Курляндии. Рядом с этим в отношении союзников Германии Австрии, Болгарии и Турции, а также Балкан и Малой Азии выстав-

ляются смешанные экономически-политическия требования, причем насколько ясны течения, касающиеся перечисленных, чисто территориальных вопросов, настолько туманна и неясна программа устройства Средней Европы, Балкан и Турции. Это объясняется отчасти тем, что и здесь немцы желали бы обеспечить свои интересы, но по отношению к союзникам невозможны приемы, годные для врагов. Поэтому достижение германских целей должно прикрываться разными проектами, в которых использование союзных стран скрыто под видом различных, преимущественно экономических, построений. Следует отметить, что такие вопросы, как будущее устройство Австрии и Балкан, очень мало разработаны в рассматриваемых программах.

Наконец, третий разряд обсуждаемых в Германии вопросов включает вопросы не территориальные, из которых одни, как, например, вопросы о торговых договорах, об уплате издержек и т.п., имеют отчасти экономическое значение; другие же, как, например, вопросы об ограничении вооружений или о будущем союзном мире, имеют преимущественно международно-правовой характер.

1. Территориальные вопросы

Бельгия

При усиленном обсуждении германской печатью и общественными деятелями условий мира, в требованиях германцев по отношению к западным державам выдвигается на первое место вопрос о будущем устройстве Бельгии. От его разрешения, по мнению немцев, зависит будущее Германии, ее морское и колониальное развитие, ее отношение к Англии, ее положение среди континентальных держав.

За исключением социалистов и некоторых единичных деятелей, о которых будет речь ниже, — почти вся германская печать, все партии и их представители требуют аннексии Бельгии, открытой или замаскированной. Спор может быть только о форме этого присоединения или «приобщения». Самостоятельная Бельгия немыслима, она должна остаться подчиненной Германии в военном, политическом и экономическом отношении. Это требование одинаково выставляют консерваторы и национал-либералы. Немецкий Flottenverein в записке, напечатанной в Kreuzzeitung от 22/12, органы крупных промышленных и торговых центров (Hamburger Nachrichten 23/12, Rheinisch-Westphalishe Zeitung), пангерманисты (Alldeutsche Blätter).

К крайним аннексионистам следует отнести между прочим и адмирала фон Тирпица, уволенного морского министра, поборника беспощадной подводной войны. В письме, появившемся в Koblenzer Zeitung (см. Morning Post 18/1) он говорит, что «на 1917 год лозунгом Германии должны быть Фландрия». Считая самым опасным врагом Германии Англию, он был бы согласен заключить мир с Россией на каких угодно условиях, лишь бы Германия могла двинуть все свои силы против Англии. Мнение Тирпица поддерживают депутат Бассерман (см. ниже) и директор Гамбургско-Американской линии Баллин.

Следует отметить, однако, что в морских кругах к вопросу о Фландрском побережье существует некоторые разногласия.

Подчинение Бельгии германскому политическому и военному влиянию дало бы возможность угрожать британским островам. Удержание Антверпена как морской стратегической базы и всего Фландрского побережья оправдывается соображениями и колониальной политики (записка Flottenverein'a). Бельгия дает на Западе необходимые

гарантии, в которых Германия нуждается для усиления своего военного и экономического положения (Post, статья «Задачи Германии» в №№ от 27, 28/12 и 8/12).

В «Hamburger Nachrichten» (29/12) депутат Бассерман, один из лидеров национал-либеральной партии, считает для Германии в особенности важным иметь в своем распоряжении линию по реке Маасу с Льежом и Намюром и Фландрское побережье с Антверпеном. В полемике с консерватором Цедлицем, довольствующимся тем, чтобы Бельгия перешла из сферы английского влияния в сферу влияния Германии, Бассерман особенно настаивает на обладании Антверпеном и Фландрским побережьем, требуя вместе с тем образования союзного с Германией «самостоятельного» Фландрского герцогства, соединенного с Германией договорными отношениями. (См. резолюцию, принятую в Йене местной группой «Независимого комитета»).

Таковы планы и упования тех немецких общественных групп, которые требуют «максимального» использования по отношению к Бельгии настоящего положения воюющих сторон. Эти планы, входящие в обсуждение общей ликвидации войны на Западе, конечно не ограничиваются решением одного бельгийского вопроса: одновременно раздаются требования о присоединении и соседних французских территорий (ср. Kreuzzeitung 10 января 1917), но эта сторона вопроса будет рассмотрена при разборе германских планов относительно Франции.

Упомянутая полемика между национал-либералом Бассерманом и консерватором Цедлицем, выставляющими противоречивые пожелания, между прочим показывает, что в этих двух главнейших группах парламента полное соглашение относительно целей войны еще не достигнуто.

Хотя в общем все консервативные и буржуазно-либеральные партии, включая сюда и центр, одинаково придерживаются плана аннексии или удержания Бельгии с Фландрским побережьем в германских руках, тем не менее на столбцах их печати мы встречаемся и с другими взглядами. Один из лидеров либералов, известный политический деятель Георг Готейн, в Berliner Tageblatt, в статье «Должны ли мы удержать Бельгию в наших руках в военном и экономическом отношениях?» (10/12), советует отказаться вообще от аннексии на Западе, доказывая, с одной стороны, что политическое подчинение Бельгии Германией может вызвать недружелюбное к ней отношение Голландии. Германия тем самым в военном отношении может очутиться между двумя вражескими фронтами значительного протяжения. Для Германии безопасность была бы достигнута получением нескольких фортов и крепостей на Маасе. С экономической же стороны, обладание Бельгией не представляется соблазнительным. Оно скорее может повредить интересам Германии, так как в отношении угля и железа Бельгия в сильной степени зависит от ввоза его из Германии. Включение Бельгии в германский таможенный район также нежелательно ввиду неизбежной конкуренции между германской промышленностью и бельгийскими товарами. Готейн приходит к заключению, что и в бельгийском вопросе не существует непримиримых разногласий между Германией и ее врагами. Однако в либеральной печати мнение Готейна встретило только отрицательное отношение (см.статью Rauscher'a «das Kriegsziel Belgien» в Vossische Zeitung 5/1).

Совершенно одиноко стоит известный историк профессор Ганс Дельбрюк. В статье, посвященной бельгийскому вопросу в Deutshe Korrespondenz, он высказывает убеждение, что Германия должна взять на себя обязательство восстановления Бельгии: тогда дело мира в значительной степени двинулось бы вперед. Аннексия Бельгии невыполнима, сторонники аннексии, как Бассерман, граф Ревентлов и т.д., не отдают себе отчета,

как привести в исполнение их план. Заметим, что эта ориентация выставлена уже в начале нового года, после выступления президента Вильсона. То же самое следует сказать и о напечатанных в Rheinish-Westphalische Zeitung германских условиях мира (якобы из швейцарских источников), по которым Германия уступает Франции бельгийскую провинцию Геннегау (Hainaut) и часть провинции Намюр, взамен чего она получает Люксембург, Лонгви, Брие и бельгийский Конго[2].

Продолжая обзор тех политических направлений, которые к аннексионным планам относятся отрицательно, следует отметить, что сторонники колониальной политики министра колоний Зольфа расходятся с упомянутой выше программой немецкого Flottenverein'a. Они склонны смотреть на Бельгию только как на залог, гарантирующий получение Германией обратно своих колоний и вообще развитие колониального положения Германии после войны. Приблизительно таких же воззрений придерживается и историк Schafer [Шеффер] (брошюра «Nochmals zur Lage»).

В общем, относительно течений, выставляющих их минимальные программы приходится ограничиться краткими указаниями, ввиду того, что в печати эти течения представлены гораздо менее ярко. Что они существуют и вне социал-демократических групп, можно заключить не только из вышеописанных выступлений некоторых видных ученых и политических деятелей, но также из общего характера ориентации тех германских кругов, которые требуют компенсации и гарантии прежде всего на Востоке (см. обзор Осведомительного отдела № 1, часть III, Германские условия мира[3]).

Но если, судя по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, антианнексионизм и минимальные программы представлены главным образом в социалистической печати, — для нас это меньшинство представляет тем больший интерес, что в бельгийском вопросе германское правительство во главе с канцлером, по-видимому, совершенно отделилось от правых партий. Это вызвало в среде консерваторов оживленные нападки против социал-демократической партии и, в частности, против депутата Шейдемана вследствие попыток последнего отождествить требования радикалов с выставленными правительством целями (Schlesische Zeitung против Шейдемана 23 декабря, Kreuzzeitung, Norddeutsche Allgemeine Zeiung); с своей стороны, Шейдеман в письме, напечатанном в Vorwärts (23 декабря), доказывает, что требования президиума социал-демократической партии, хотя в иной форме, повторены в мирном предложении центральных империй.

Формула мира, выставленная Шейдеманом, к которой примкнул профессор Дельбрюк — «что было французским, должно остаться французским, что было германским, должно остаться германским, что было бельгийским, должно остаться бельгийским» — достаточно ясно определяет точку зрения германских антианнексионистов.

Вне этого коренного противоречия между двумя рассмотренными выше программами существует тенденция при решении бельгийского вопроса использовать деление Бельгии по языку и народности на две половины и особенными политическими мерами связать фламандскую половину теснейшим образом с Германией путем образования самостоятельного Фламандского герцогства с фламандским университетом в Генте (Бассерман). В последнее время как будто существует план создать две самостоятельных монархии: Фламандскую и Валлонскую, во главе которых будут поставлены сыновья короля Альберта. Само собой разумеется, эти две половины Бельгии должны заключить военный и таможенный союз с Германией.

В связи с этим имеются сведения о том, что канцлер принял депутацию совета группы фламандских активистов, избранного 4 февраля 1917 г. Депутация представила кан-

цлеру выработанную советом программу, требующую введения внутренней самостоятельности во Фландрии на основе признания нидерландского языка и нидерландской культуры. В ответной речи канцлер заявил, что эти стремления соответствуют желаниям Германии. Еще во время оккупации будет преступлено к полному административному разделению обеих частей Бельгии. При заключении мира Германия сделает все возможное для обособления Фландрии. Берлинская печать подчеркивает, что речь идет при этом только о внутренней автономии, а не о политическом разделе. Центром фламандской Бельгии предполагается сделать Брюссель, а валлонской — Намюр. В бельгийском министерстве народного просвещения уже проведено разделение фламандского и валлонского отделов.

Фламандские активисты представляют собой недавно образованную после неустанных германских стараний и интриг небольшую группу, руководимую несколькими профессорами фламандского происхождения.

Последние события, непосредственно предшествовавшие разрыву дипломатических сношений между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Германией, вызвали более определенное заявление германского правительства по отношению к бельгийскому вопросу. В ноте, врученной американскому послу в Берлине, германское правительство открыто отказывается от аннексии Бельгии, никогда будто бы не входившей в его планы. Германия добивается исключительно гарантии, чтобы Бельгия не могла быть использована противниками для враждебных выступлений против Германии.

Люксембург

Будущее Люксембурга тесным образом связано с общим вопросом о ликвидации войны на Западе и с судьбой Бельгии в частности. Это прежде всего обусловлено важностью в стратегическом отношении Великого герцогства, вследствие особенных географических условий страны, но вместе с тем здесь играют роль специфические экономические факторы, значение которых особенно велико ввиду богатых железных залежей всего люксембургского района с прилегающими к нему французскими местностями Бри (Briey) и Лонгви. Не приходится распространяться относительно того, какое значение имеют в военное время территории, богатые углем или железом. Германская печать не касается в отдельности Люксембурга; очевидно, в ее глазах Люксембург должен разделить судьбу Бельгии. Это явствует, например, из требований аннексионистов, чтобы Бельгия была «люксембургизирована».

Франция

Обращаясь к немецким программам, касающимся французских территорий, мы пока не будем касаться французских колониальных владений и Эльзас-Лотарингии. Сторонники германских максимальных планов обращают особенное внимание на полосу побережья Ламанша, обладание которым обеспечит немецкое господство над Антверпеном и Фландрией и будет служить угрозой Англии (напр., Post, Alldeutsche Blätter). Из этого для тех же аннексионистов вытекает необходимость удержания северных областей Франции. Другие аннексионисты (München Neueste Nachrichten), не считают желательным, по национальным соображениям, удержание, кроме побережья, еще и занятых провинций. Зато Германия должна закрепить за собой месторождения железа в Брие

(Briey) во французской Лотарингии, граничащей с Люксембургом. Эта «металлургическая» сторона вопроса о будущей германо-французской границе имеет первостепенное значение по той причине, что при изобилии угля Германия не обладает достаточными залежами железной руды. Если железо является основой политической и военной мощи Германии, как выражается один французский автор, недавно посвятивший этому вопросу особый труд (Alfassa. La Guerre et le charbon lorrain. Une des causes profondes de la Guerre. Paris, 1916), то видно, какую важность будет иметь, при обсуждении условий мира, вопрос о судьбе всего района, обнимающего Люксембург и металлургический бассейн французской Лотарингии.

Эльзас-Лотарингия

Вопрос об Эльзас-Лотарингии является основным требованием Франции по отношению к Германии. С германской стороны он совсем не обсуждается в связи с ликвидацией войны на Западе. Неопределенные намеки на возможное исправление западной границы не дают никаких данных, по которым можно было бы судить, как отнеслось бы общественное мнение Германии к такому решению. Можно, пожалуй, упомянуть об известии New York Tribune (см.Daily mail, 10/12), сообщающем о словах германского дипломата сотруднику газеты, что на мирной конференции Германия может согласиться, чтобы будущность Эльзас-Лотарингии была бы решена голосованием жителей названных провинций. New York Tribune предполагает, что автором этого сообщения является сам германский посол граф Бернсторф.

Колонии

Обеспечение колониальной будущности Германии является одним из важнейших вопросов при обсуждении программ мира. При этом общественное мнение и политические группы не ограничиваются одним отрицательным требованием, чтобы Германии были возвращены ее колониальные владения. Выставляются широкие программы, рисующие те пути, по которым должна быть направлена будущая политика торгового и политического развития.

Две ориентации обращают прежде всего на себя внимание. Одна из них, находящаяся в связи с общим планом образования так называемой «Средоевропы», имеет главным образом ввиду экономичную эксплуатацию турецких азиатских владений и под лозунгом Berlin-Bagdad стремится распространить немецкое влияние на Малую Азию до Месопотамии и вообще на всю Переднюю Азию (Vorderasien). Это не есть в тесном смысле программа колониальная. Она преследует цели исключительно экономические, оставляя в неприкосновенности турецкий суверенитет. Хозяйственное объединение Средоевропы, (которое будет рассмотрено ниже в связи с общим направлением германской политики по отношению к южной и юго-восточной Европе)[4] и развитие артерии Берлин-Багдад представляются сторонникам этой ориентации богатым поприщем для колонизаторской деятельности Германии, способным заменить колонии.

Противоположного мнения придерживаются сторонники колониальной политики в тесном смысле. Для них главной целью является создание германской колониальной политики в Африке. Самым крупным сторонником этой политики выступил статс-се-

кретарь по колониальным делам Зольф, устроивший в целом ряде немецких городов собрания в защиту своей программы. Необходимость для Германии крупной колониальной империи Зольф мотивирует следующими соображениями.

Образование колониальной империи в Африке является вообще необходимостью: это требование не вызвано только нынешней войной, оно является «достойной достижения целью государственной политики и народного хозяйства». Конечно, нынешняя война показала, что обеспечение народного хозяйства и промышленности колониальным сырьем (рис, кофе, какао, хлопок, шелк, растительные жиры, золото, резина, селитра) столь же важно, как и военная безопасность страны. Но и в мирное время потребность немецкого рынка в волокнистых веществах и в заграничных жирах делают особенно тяжелой зависимость от хозяйственной политики и законодательств стран, производящих сырье, а также зависимость от трестов, картелей, биржевой спекуляции и т.д. А между тем не меньше половины общего ввоза (5–6 миллиардов марок) получается из чужих стран, одних продуктов из тропических и субтропических стран получается на 3 миллиарда.

Сельское хозяйство также нуждается в ввозе удобрения и кормовых средств: последних ввозилось в 1913 году из колониальных стран на 1 миллиард. Лишенная ввоза из колоний, говорит Зольф, Германия вынуждена была бы сократить скотоводство или собственное производство пищевых средств, потребляемых людьми. Расширение германских границ в Европе не является компенсацией, так как сельское хозяйство в остальной Европе также вынуждено предоставить колониям производство волокнистых веществ, растительных масел и кормовых средств. Германские колонии до сих пор не были в состоянии освободить Германию от зависимости о других стран. Но это положение изменится, когда «при заключении мира удается дополнить пробелы наших колониальных владений».

Колонии нужны также для сбыта германских товаров.

Политическое значение колонии, кроме того, по мнению Зольфа, заключается в том, что консолидация немецких колониальных владений сможет, в случае новой войны, помешать Англии и Франции применять на европейских театрах войны цветные войска. Богатство Англии основано на ее колониях: они также доставили ей половину ее солдат. Бедная людьми Франция также черпает из своих колоний часть своих войск. Из всего этого следует, что тропические и субтропические колонии являются условием существования Германии.

Такова в самых общих чертах программа статс-секретаря Зольфа. В германских ученых и политических кругах взгляды Зольфа нашли довольно широкое распространение. Те же мысли развивает, например, известный географ Hans Meyer [Ганс Мейер], считающий, что без колоний Германия не может стать мировой державой. Он полагает, что Германии придется отказаться от островов в Тихом океане и ограничиться несколькими хорошими угольными станциями и стоянками для флота. Зато она найдет богатые компенсации в Средней Африке, объединяя и округляя существовавшие там колонии, и в других частях света, так как Африка не производит всех колониальных товаров.

В том же духе высказывается Vossische Zeitung, требующая объединения Средней Африки, простирающейся от Атлантического до Индийского океана, Berliner Tageblatt и, наконец, социал-демократическая печать, поддерживающая Зольфа, тогда как до войны те же социал-демократы были противниками колониальной политики. Они находят, что рабочий класс сильно заинтересован в процветании промышленности, и что необходимо обеспечить

страну сырьем. Депутаты социалисты Quessel [Квессель] и Max Cohen [Макс Коэн] доказывают в Sozialistische Monatshefte, что создание германской колониальной империи является основной проблемой германо-английского экономического соперничества.

Аграрии относятся к созданию африканской колониальной империи скорее отрицательно из опасения сельскохозяйственной конкуренции со стороны колоний, по Deutsche Tageszeitung, африканская колониальная империя не может служить солидной базой ни для германской мировой политики, ни для хозяйства. Для ведения мировой политики необходима сила, простирающаяся через океаны, но коренящаяся в Европе. [...]

Ф. 135, оп. 474, д. 9, л.1–4. Типогр. экз. Рус. яз.

[1] Публикуется первая часть обзора. Опущен обзор планов германских властей в отношении территорий европейских стран, а также условий будущего мира, не относящихся к определеным территориям. — См.: Ф. 138, оп. 467, д. 610, л. 4–9.

[2] Помета на полях: «Совершенно неприемлемо для Франции».

[3] Не публикуется. — См.: Ф.138, оп. 467, д. 610.

[4] Не публикуется. — См.: Ф. 135, оп. 474, д. 9, л. 6 об.–8.

173. ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА О ВОЕННОПЛЕННЫХ МИД

23 февраля 1917 г.

Обзор деятельности Министерства иностранных дел
по заботе о военнопленных (Отдел о военнопленных)

Осведомление о положении военнопленных во вражеских странах

Отдел о военнопленных, созданный в Министерстве иностранных дел в половине декабря 1915 года в целях сосредоточения в одном учреждении всего дела о попечении о наших военнопленных во вражеских странах, с самого начала своей деятельности стал изыскивать средства, коими можно было бы сделать надзор за обращением во вражеских странах с попавшими в плен офицерами и нижними чинами нашей армии более действительным и осведомление министерства об их положении более подробным и частым.

Ввиду выяснившейся на первых же порах недостаточно энергичной защиты дипломатическими представителями Испании интересов наших пленных в Германии и Австро-Венгрии, Отдел о военнопленных вступил в сношение с испанским правительством и настоял на выработке такого порядка наблюдения за лагерями в названных странах, который обеспечил бы постоянное и систематическое осведомление министерства о положении наших пленных и тем самым дал бы нам возможность принимать необходимые меры к облегчению судьбы тех из наших пленных воинов, которые в этом наиболее нуждаются. Результатом этих усилий было учреждение при испанском посольстве в Берлине особого отдела, ведающего делами о русских пленных, в состав которого вошли 9 офицеров и врачей испанской армии, и во главе которого находится особый уполномоченный, носящий звание чрезвычайного посланника. С момента учреждения этого отдела осведомительная деятельность органов испанского посольства приняла энергичный и постоянный характер, и ныне Отдел о военнопленных распо-

лагает уже свыше 225 донесениями испанских делегатов, дающих подробные сведения о посещенных ими лагерях, причем донесения продолжают поступать непрерывно, так как, согласно доставленному испанским посольством в Берлине списку, его делегатами осмотрено по сей день около 200 мест водворения наших военнопленных в Германии, из коих худшие посещались уже по несколько раз. Аналогичный порядок устанавливается ныне и в Австро-Венгрии.

Наряду с этим источником осведомления Отдел о военнопленных имеет еще другой, в лице сестер нашего Красного Креста, объезжавших лагери пленных в Германии и Австро-Венгрии, посылке коих он всемерно содействовал.

Наконец, отдел широко пользуется материалом, доставляемым ему Чрезвычайной следственной комиссией[1], в свою очередь передавая последней получаемые отделом данные об обращении с нашими пленными во вражеских странах.

Протесты

Все эти сведения дают отделу богатый материал для заявления протестов как относительно общего режима того или иного лагеря, так и относительно отдельных военнопленных.

Совокупность же всех данных, собранных Чрезвычайной следственной комиссией, послужила на днях материалом для общего протеста перед нейтральными правительствами против нарушения вражескими правительствами законов и обычаев войны (протест выработан Юрисконсультской частью по соглашению с Отделом о военнопленных. Прил. 1).

Оказание помощи военнопленным — общей и индивидуальной

Кроме простого осведомления министерства о положении наших офицеров и нижних чинов во вражеских странах, упомянутые выше испанские делегаты уполномочены еще оказывать им всяческую помощь либо выдачей денежных пособий (из средств, ассигнованных Комитетом помощи военнопленным, находящимся во вражеских странах), либо приглашением защитников для ведения дел пленных, очутившихся под судом, либо, наконец, путем указания германским властям в каждом отдельном случае на заявленные нашими пленными жалобы. Если не всякий защитник и не всякое сношение с германским Министерством иностранных дел приводили к желанным результатам, то все же число случаев, в коих заступничество Министерства иностранных дел, через посредство испанцев, смягчало и смягчает участь наших воинов, томящихся во вражеском плену, значительно. Во всяком случае, германские власти чувствуют постоянную близость испанских делегатов, знают, что всякое происшествие в том или ином лагере и всякое распоряжение во вред нашим пленным может стать известным русскому правительству, каковое обстоятельство уже само по себе имеет несомненное значение. Кроме этого постоянного, так сказать, нормального попечения о наших пленных, осуществляемого путем указанных периодических объездов лагерей в Германии и Австро-Венгрии уполномоченными испанского посольства в Берлине и Вене, Отдел о военнопленных является той инстанцией, куда направляются со всех концов России ходатайства о смягчении участи тех из наших пленных, которые по той или иной причине либо подвергались наказанию по суду, либо были подчинены карательному

режиму в силу репрессалий, либо нуждаются в какой-либо другой помощи (посылки, корреспонденция и т.п.). В этой области Отделу о военнопленных удалось за время своего существования добиться весьма существенных результатов. При этом иногда отдел указывал Главному управлению Генерального штаба на желательность применения репрессалий, а иногда высказывал мнение о необходимости изменить принимаемые у нас меры по отношению к нашим воинам, находящимся в плену, или вражеским пленным в России. Правда, в отношении репрессалий, когда речь идет о Германии, Отделу о военнопленных приходится действовать с большей осторожностью, ввиду огромного численного превосходства наших пленных в этой стране над германскими пленными у нас (в круглых и приблизительных цифрах 1 400 000 русских в Германии против 120 000 немцев у нас). Зато по отношению к Австро-Венгрии отдел имеет возможность действовать решительнее, в чем, впрочем, необходимость представляется реже, так как обращение в этой стране с нашими пленными более гуманное, чем в Германии, что объясняется, помимо более мягких нравов в Австро-Венгрии, несомненно также приблизительно равным числом у нас военнопленных австро-венгерцев (см. прил. II).

Затем Отделу о военнопленных удалось путем переговоров с германским и австрийским правительствами добиться соглашения по целому ряду вопросов, касающихся условий содержания наших пленных во вражеских странах, например, по вопросу об определении содержания некоторым категориям пленных у нас и в воюющих с нами государствах, о курсе при размене денег, о предельной сумме, оставляемой у офицеров на руках, о вычетах из содержания, об освобождении унтер-офицеров от принудительных работ и т.д.[2] В самое последнее время с Австро-Венгрией и Германией достигнуто соглашение о прогулках офицеров вне лагеря под честным словом не делать попыток к побегу. В настоящее время отделом ведутся переговоры об установлении, на началах взаимности, одинаковых наказаний за побег (см. прил. III).

Справки об отдельных военнопленных

Деятельность Отдела о военнопленных выражается далее в доставлении справок о местонахождении и состоянии здоровья их вследствие ходатайства их родственников или интересующихся ими лиц и учреждений, когда требуемые сведения не могли быть получены иными путями[3].

Передача документов

Отдел служит также посредником для передачи военнопленным документов, которые он получал от подлежащих учреждений и ведомств и которые удостоверяли звание этих военнопленных и права на соответствующее положение во время нахождения их в плену, производства в следующий чин, а также для вручения им документов, нотариальных и иных, и для пересылки от военнопленных таких же документов на родину.

Обмен инвалидами

Министерство иностранных дел выработало и ведет все сношения с вражескими правительствами об освобождении наших военнопленных инвалидов из Германии и Австро-Венгрии, причем Отдел о военнопленных, получая откуда-либо сведения о болез-

ненном состоянии военнопленного, настаивает на освидетельствовании его комиссией врачей для выяснения возможности подвести его под эту категорию для освобождения из плена (см. прил. IV).

Индивидуальные обмены

Все обмены полуинвалидами и, в весьма редких случаях, здоровыми офицерами, ведутся Отделом о военнопленных, но исключительно по предварительному соглашению с Военным ведомством.

Обмен санитарного персонала

Отделом достигнуто соглашение об обмене санитарного персонала (см. прил. V — справки доведены до 16 марта и VI — справки по 3 апреля).

Интернирование тяжелобольных и раненых в нейтральных странах

Достигнуто принципиальное соглашение с вражескими правительствами об интернировании тяжелобольных и раненых в нейтральных странах. В настоящее время разрабатываются подробности осуществления этой меры (см. прил. VII).

Обмен туберкулезными

В настоящее время отдел ведет переговоры об обмене с Австро-Венгрией больными туберкулезом (см. прил. VIII).

Удовлетворение духовных потребностей военнопленных

Одной из забот отдела является удовлетворение духовных потребностей наших военнопленных. Так, отдел ведет переговоры о посылке во вражеские страны наших священников, взамен утомленных долгим пребыванием в плену наших духовных лиц, из коих больные и преклонного возраста. Некоторые из наших священнослужителей уже вернулись, возвращение же более старых и больных ожидается вместе с обменом санитарного персонала.

Ввиду недостатка в антиминсах[4], Министерству иностранных дел удалось добиться разрешения на посылку нашего священника, который вручил 10 антиминсов на германском пограничном пункте одному из наших пленных священников.

Что касается посылки в Германию и Австро-Венгрию священников, то Министерству иностранных дел не удалось достичь благоприятного разрешения этого вопроса. Вражеские правительства отказывались пока допустить в свои пределы наших священников под тем предлогом, что духовные нужды русских пленных могут быть удовлетворены греческими, болгарскими и другими духовными лицами православного вероисповедания.

Отдел озабочен облегчением посылки книг для военнопленных.

Удовлетворение материальных потребностей военнопленных

В то же время Министерство иностранных дел заботится и об удовлетворении материальных потребностей военнопленных, и, узнавая из разных источников о плачевном состоянии военнопленных в известном лагере, или о нужде отдельных военнопленных, отдел осведомляет об этом Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах и Особый комитет помощи военнопленным при Центральном справочном бюро о военнопленных, с просьбой об удовлетворении настоятельной потребности военнопленного[5].

С другой стороны, ввиду многочисленных жалоб, поступающих от военнопленных о получении ими из России посылок в чрезвычайно испорченном виде, причем нередко не доставало части содержимого, Отдел о военнопленных, с одной стороны, поручает испанским послам протестовать перед вражескими правительствами, с другой — указывает подлежащим ведомствам у нас на желательность разных изменений, например, в цензуре, упаковке посылок, писания адресов и пр. (см. прил. IX).

В связи с этой отраслью своей деятельности отдел оказывает всякое содействие работающим на пользу военнопленных комитетам и организациям, взявшим на себя снабжение наших военнопленных пищевыми продуктами и предметами одеяния, как действующим в России, так и находящимся за границей, например, недавно удалось добиться от германского правительства провоза посылок из Бернского комитета для военнопленных по Германии в скорых поездах (Комитеты помощи за границей — см. прил. X).

Сохранение в порядке могил павших на поле брани

При посредстве Отдела о военнопленных состоялось в минувшем году соглашение с австро-венгерским правительством о взаимном осведомлении о местах погребения павших на поле брани воинов и сохранение могил в должном порядке. Ныне получаются в значительном количестве фотографические снимки и подробные планы местности, где похоронены павшие, с обозначением их имени и воинского звания (см. прил. III, 9).

Перевоз тел умерших в Россию

В Отдел о военнопленных поступают также ходатайства о разрешении перевоза тел офицеров, скончавшихся в Германии, какового отдел и добивался от германского правительства. Ныне последнее предложило заключить по этому поводу специальное соглашение, условия коего приняты нашим Военным ведомством, и ожидается лишь формальное согласие германского правительства для введения этого соглашения в практику (см. прил. III, 10).

Имущество умирающих в плену военнопленных

Имущество умерших военнопленных пересылается из Германии дипломатическим путем в Отдел о военнопленных, который передает его в Особый отдел Главного штаба. Имущество же военнопленных, умирающих в Австро-Венгрии, пересылается обществами Австрийского и Венгерского Красного Креста непосредственно в центральное Справочное бюро о военнопленных в Петрограде.

Регистрация военнопленных

Регистрация военнопленных, как наших во вражеских странах, так и взятых нашими войсками, составляет одну из главных задач Центрального справочного бюро о военнопленных, учрежденного при Главном управлении Красного Креста. Списки взятых в плен доставляются означенному бюро непосредственно обществами Австрийского и Венгерского Красного Креста и турецкого Красного Полумесяца. Что касается списков из Германии, то таковые проходят через Отдел о военнопленных, куда посылаются также сведения о смерти умирающих у нас германцев.

Особые категории военнопленных

Из числа находящихся в наших руках военнопленных представилось желательным выделить некоторые категории и поставить их в особые условия.

Таким образом, пленные различных славянских народностей поставлены ныне в лучшие условия в отношении дисциплинарных строгостей и ограничения свободы. Кроме сего, Особый политический отдел, по соглашению с Отделом о военнопленных, вырабатывает в Междуведомственном Совещании условия для переименования славян из военнопленных в трудообязанных.

Помимо того, Министерство иностранных дел (Второй политический отдел) служило посредником в вопросе об ассигновании для сербов, находящихся в германском и австро-венгерском плену, 940 тысяч рублей для снабжения их одеждой и пищевыми продуктами, в чем российское правительство делит заботы с союзными государствами — Францией и Англией, участвующими в равных долях в расходах на них.

Отдел о военнопленных озаботился также положением сербов, находящихся в австро-венгерском плену, снабдив для этого наших сестер, объезжавших лагеря военнопленных в Австро-Венгрии, соответствующими инструкциями.

С другой стороны, ввиду обращения к нам французского и итальянского правительств о выдаче им верных национальной идее французов и итальянцев, бывших в составе германской и австро-венгерской армий, уроженцев Эльзас-Лотарингии, Тироля и населенных итальянцами провинций, Отдел о военнопленных вступил в сношение с Военным ведомством, дабы изыскать способы к удовлетворению такого ходатайства.

Ныне уже отпущены во Францию почти все эльзасцы; в Италию также отправлено значительное число нижних чинов и офицеров и предполагается отослать еще около 2 000 человек, руководствуясь списками, составляемыми итальянским посольством в Петрограде.

К водворенным в России военнопленным вражеских стран отдел имеет точно также касательство, выражающееся, во-первых, в том, что он служит передаточной инстанцией не только всех прошений, жалоб и иных заявлений, обращаемых означенными пленными к пребывающему в Петрограде посольству Северо-Американских Соединенных Штатов (а ныне германцы и к шведской миссии), но, кроме того, пересылает все доставляемые ему пленными документы юридического характера, как, например, доверенности и свидетельства по назначению; во-вторых, в отделе сосредотачивается вся переписка, имеющая отношение к посещению мест водворения военнопленных в России представителями нейтральных держав, например, сношение с Главным управлением Генерального штаба и с соответствующими дипломатическими представительствами о допущении делегатов к объезду лагерей, выдача им свидетельств и, наконец, переписка о беспошлинном пропуске в России грузов, содержащих подарки пленным.

Военнопленные в Турции

Осведомление о положении наших военнопленных в Турции и оказание им необходимой нравственной и материальной помощи представило значительные трудности. Правительство Северо-Американских Соединенных Штатов, защищающее интересы наши в Оттоманской империи, с большой готовностью откликалось на все наши пожелания в вопросе оказания поддержки нашим соотечественникам в Турции. Однако американские представители на местах, по мнению отдела, действовали с недостаточной энергией и планомерностью, вследствие чего послу в Вашингтоне неоднократно были даваемы указания воздействовать на вашингтонское правительство, дабы побудить американского посла в Константинополе более подробно осведомлять нас о положении наших военнопленных и интернированных в Турции и о помощи, которая им оказывается.

Помимо сего, Министерство иностранных дел добилось через швейцарское правительство согласия турецкого правительства на осмотр на правах взаимности двумя швейцарскими делегатами мест водворения пленных в Турции. Эти два делегата ныне уже побывали в Турции и находятся в настоящее время на пути из Египта во Владивосток. Донесения их еще не получены.

Кроме сего, в самое последнее время было достигнуто с Турцией соглашение о взаимном освобождении инвалидов на тех же началах, которые положены в основу соглашений наших с Германией и Австро-Венгрией.

Военнопленные в Балканских государствах

Защита и попечение о военнопленных, взятых на Балканском фронте или случайно попавших на территорию одного из Балканских государств, представляет немало затруднений отчасти ввиду неизвестности, в чьей власти они находятся. Тем не менее, Отдел о военнопленных всеми способами стремится следить за этими военнопленными и добивается улучшения их участи. Так, заявлены были энергичные протесты Германии и Австро-Венгрии по поводу обращения с нашими нижними чинами, угнанными на работу в Сербию. В данное время ведутся переговоры об освобождении русских иноков, захваченных австро-венгерскими войсками в Дечанской лавре. Как только получилось известие о занятии Болгарией бухты Нузла, отдел потребовал освобождения взятых там монахов из Андреевского скита на Афоне и одновременно вошел в сношение со Святейшим Синодом и Министерством внутренних дел для наложения соответствующих репрессалий на болгарских монахов одного из Бессарабских монастырей.

Приложения:
I. Текст протеста пред нейтральными правительствами;
II. Статистические данные о количестве военнопленных;
III. Соглашения, заключенные с вражескими правительствами;
IV. Соглашение об обмене инвалидами;
V. Справка о переговорах касательно обмена санитарного персонала с Германией;
VI. То же — с Австро-Венгрией;
VII. Справка об интернировании в нейтральных странах;
VIII. Обмен туберкулезными и больными;
IX. Справка о почтовых посылках;
X. Комитеты помощи русским военнопленным за границей;

XI. Организация Отдела о военнопленных при Министерстве иностранных дел во Франции и Англии[6];
XII. Справочный Отдел при Втором департаменте (о лицах, проживающих в местностях, занятых неприятелем);
XIII. Наведение справок об участии русско-подданных в Турции;
XIV. Справка об Отделе переводов и ссуд.

Приложение № 1

Текст ноты протеста российского правительства против нарушений законов и обычаев войны неприятельскими войсками и военными властями

[21 февраля/6 марта 1917 г.]

С самого начала боевых действий германские и австро-венгерские войска и военные власти так широко и часто нарушали законы и обычаи войны, что императорское правительство было вынуждено создать особую Чрезвычайную следственную комиссию[7] под председательством сенатора Кривцова для фиксации и классификации случаев, когда такого рода нарушения имели место. Оной комиссии пришлось также заниматься всеми нарушениями, содеянными турками и болгарами, поскольку те следовали примеру германцев и австро-венгров.

Результаты трудов вышеназванной комиссии представлены в издаваемом сборнике документов, первые два тома коего прилагаются к настоящей ноте[8].

Документы, содержащиеся в этом сборнике, не только решительно свидетельствуют об общей склонности неприятельских войск к чрезмерному насилию при полнейшем игнорировании условий Гаагской конвенции 1907 г.,[9] Женевской конвенции 1906 г.[10] и признанных норм международного права, но и (что еще важнее) показывают, что многие злоупотребления происходят не по личной воле воюющих, а вследствие общих постановлений, которые принимаются германскими, австро-венгерскими, турецкими и болгарскими военными властями и доводятся ими до своих войск посредством особых инструкций. Так, Чрезвычайная следственная комиссия смогла опубликовать (Сборник, т. I, с. 29–33) подлинный текст направленной в австро-венгерские войска инструкции по использованию аппарата, предназначенного для метания горючей жидкости в наших солдат.

Все факты, представленные в этом сборнике материалов комиссии сенатора Кривцова, взяты из показаний очевидцев или даже самих жертв нарушений, совершенных войсками наших противников, и признаны достоверными только после тщательного изучения и проверки.

Каждое заявление любого свидетеля становилось предметом настоящего судебного расследования с составлением протокола, который подписывался заявителем и членами Следственной комиссии. Все показания давались свидетелями либо под присягой, либо по ознакомлении их с условием, что присяга, подкрепляющая свидетельские показания, может от них потребоваться в дальнейшем; в обоих случаях свидетель всякий раз предупреждался о последствиях, которые в данных обстоятельствах имело бы для него лжесвидетельство, — деяние, влекущее за собой серьезную ответственность, согласно российскому уголовному кодексу.

Когда преступные деяния неприятельских войск оставляли следы в виде телесных повреждений, как, например, в случае с нанесением увечий раненым и военнопленным, — в таких случаях всегда признавалось необходимым медицинское обследование потерпевших.

Из сказанного выше следует, что прилагаемый к сему Сборник содержит материалы только по полностью доказанным и бесспорным случаям нарушений, совершенных германскими, австро-венгерскими, турецкими и болгарскими войсками; многие подобные же случаи не вошли в упомянутый сборник, потому что Следственная комиссия сочла их не вполне доказанными. Тем не менее, подборка подтвержденных данных столь богата и полна, что позволяет, не страшась обвинений в преувеличении, полагать, что эти нарушения являются производными некой законченной и продуманной системы.

Опираясь на твердую почву достоверных фактов, императорское правительство обращает внимание германского, австро-венгерского, турецкого и болгарского правительств на следующий ряд нарушений, совершенных войсками четырех держав.

I. Нарушения в отношении воюющих.

1. Использование разрывных пуль (т. I, с. 1–12; т. II, с. 1–3).

2. Использование удушливых газов (т. I, с. 13–25).

3. Использование горючих или едких жидкостей (т. I, с. 25–33; т. II, с. 3–4).

4. Использование отравленного оружия (т. II, с. 5) и отравление колодезной воды (т. II, с. 4).

5. Злоупотребление парламентерским флагом (т. I, с. 34–36; т. II, с. 5–22).

6. Стрельба по нашим парламентерам (т. II, с. 22–24).

7. Умышленные убийства раненых или российских солдат, сложивших оружие и не способных более к сопротивлению (т. I, с. 36–76; т. II, с. 25–54, 220, 221). Изувечение и истязания раненых, оставшихся на поле боя (т. I, с. 37–70; т. II, с. 221).

8. Убийства российских солдат, оказавшихся в плену (т. II, с. 54–56).

9. Мародерство в отношении раненых на поле боя (т. I, с. 77–78; т. II, с. 56–66, 219–220).

10. Дурное обращение с военнопленными, а именно: скверное или недостаточное питание; размещение в нездоровых условиях и в нежилых зданиях и местах; злоупотребление телесными наказаниями, доходящее до жестокости, до применения настоящих пыток; умышленные убийства военнопленных; попытки заставить этих пленных принимать участие в работах, имеющих прямое отношение к военным действиям, и т.д. и т.п. (т. I, с. 89–223; т. II, с. 67–156, 221).

II. Нарушения Женевской конвенции 1906 года.

1. Бомбардировки полевых госпиталей, стационарных медицинских учреждений и эвакуационных обозов неприятельскими авиаторами (т. I, с. 235–246; т. II, с. 157–161).

2. Преднамеренные обстрелы неприятельскими войсками полевых госпиталей, стационарных медицинских учреждений и эвакуационных обозов (т. I, с. 246–254; т. II, с. 161–162, 227), а также санитаров и персонала названных образований, учреждений и обозов при исполнении ими своих обязанностей по оказанию помощи раненым непосредственно на поле боя (т. I, с. 254–262; т. II, с. 162–167).

3. Использование отличительных знаков Красного Креста с целью обмана (т. I, с. 262–263; т. II, с. 167–168).

4. Дурное обхождение с медицинским персоналом, оказавшимся во власти неприятеля; запрещение оному оказывать помощь и поддержку больным и раненым (т. I, с. 264–271; т. II, с. 222–226).

5. Торпедирование российского госпитального судна «Португалия» неприятельской подводной лодкой в Черном море (т. I, с. 222–226).

III. Нарушения законов и обычаев войны на суше в отношении мирного населения оккупированных территорий.

1. Преступления против частных лиц.

a) Убийства (т. I, с. 273–276; т. II, с. 171–176, 227–228).

b) Поранения и истязания гражданских лиц; жестокое обхождение с мирным населением, не вызванное провокациями с его стороны (т. I, с. 276–283; т. II, с. 228–229).

c) Изнасилования (т. I, с. 280–282; т. II, с. 176–180, 229).

d) Похищение и порча частного имущества (т. I, с. 282–284; т. II, с. 180–187, 229).

e) Незаконное содержание под стражей мирных жителей как военнопленных и жестокое обращение с ними в концентрационных лагерях (т. I, с. 284–293; т. II, с. 187–200, 230).

f) Выставление гражданского населения под огонь российских войск (т. I, с. 293–294; т. II, с. 201).

2. Преступления против общественной безопасности, такие как умышленный поджог мест обитания, чрезмерные реквизиции, трудовая эксплуатация населения, потопление торговых судов и т.д. и т.п. (т. I, с. 294–296; т. II, с. 201–203, 230).

3. Разрушение и осквернение церквей (храмов), святотатства (т. I, с. 296–299; т. II, с. 204–218; 230–231).

IV. Нарушения законов и обычаев международного права, совершенные в отношении российских консульских агентов (т. II, с. 232–233).

Полностью установлены нарушения означенных законов и обычаев в отношении невоюющих лиц и гражданского и мирного населения, допущенные при занятии г. Калиш, — установлены благодаря тому, что некоторая часть населения города смогла пробраться через германские позиции, прибыть в Россию и свидетельствовать о преступлениях, жертвою коих оно стало. Нет никаких сомнений в том, что такие же злоупотребления имели место во многих других городах и селениях захваченных губерний. Один тот факт, что германское правительство, пренебрегая всеми действующими нормами международного права, сочло возможным изменить в захваченных частях России основные законы страны и принудить российских подданных польской национальности к службе против их законного правительства, показывает, что нет такого принципа права и человеколюбия, которого правительства неприятельских государств не позволили бы себе нарушить, если это согласуется с их интересами.

Императорское правительство решительно протестует против такого рода нарушений, совершаемых германскими, австро-венгерскими, турецкими и болгарскими войсками, и оставляет за собой право прибегнуть к репрессалиям в отношении нарушителей.

Перевод с французского.

Приложение № 2
23 февраля 1917 г.
Секретно

Количество военнопленных
(по сведениям на декабрь 1916 г., доставленным
Главным управлением Генерального штаба,
Центральным справочным Бюро
и соответствующими союзными правительствами)[11]

	В России	*Во Франции*	*В Англии*	*В Германии*	*В Австро-Венгрии*	*В Турции*	*В Болгарии*
Германцев	134 000	162 541	50 000	–	–	–	–
Австрийцев	1 300 000[12]	–	–	–	–	–	–
Турок	17 160	–	–	–	–	–	–
Болгар	–	–	–	–	–	–	–
Французов	–	–	–	335 000	–	–	–
Англичан	–	–	–	32 000	–	–	–
Русских	–	–	–	1 400 000	1 095 000	6 200	50

Всего зарегистрировано военнопленных:
в России — 1 451 160
во вражеских странах русских — 2 501 250[13]

В России офицерских чинов германской армии — 2 371
из них генералов — нет
полковников — 3
штаб-офицеров — 12
врачей — 98

В Германии офицерских чинов русской армии — 20 486
(Генералы, офицеры, военные чиновники,
священники, сестры милосердия)
из них генералов — 57
врачей приблизительно — 600–800[14]

Приложение № 3
23 февраля 1917 г.

Наиболее важные соглашения с вражескими правительствами по разным вопросам

Путем переговоров с германским и австро-венгерским правительствами Министерству иностранных дел по Отделу о военнопленных удалось заключить или же подготовить соглашения по следующим вопросам.

1. С Германией — о размерах содержания, выплачиваемого находящимся в плену офицерам

С 1 октября 1915 г. русские и германские пленные офицеры получают следующее содержание в год: генералы — 1 500 руб., штаб-офицеры — 900 руб. и обер-офицеры — 600 руб. С 1916 года размен русских денег производится в Германии по курсу — 100 марок за 44 рубля, причем германскими властями производится вычет из жалования, получаемого нашими офицерами в размере 50 марок на довольствие (в некоторых местностях — 60 марок).

2. С Австро-Венгрией — неотбирание ценностей и денег при взятии в плен

К концу 1916 года состоялось соглашение с Австро-Венгрией о предоставлении пленным офицерам русской и австро-венгерской армии права сохранять при себе ценности и деньги, имевшиеся у них в момент пленения, до прибытия их в места постоянного водворения.

3. С Германией — о размене денег

В конце того же 1916 года заключено соглашение с Германией о размене имеющихся у германских пленных денег по курсу: 37 коп. за одну марку банкнотами и 20 коп. за марку серебром. В Германии за 100 руб. кредитными билетами должны выплачивать 172,6, за 100 руб. серебром — 94,08 марки. Переговоры о заключении аналогичного соглашения с Австро-Венгрией еще не закончены.

4. С Австро-Венгрией и Германией — о прогулке под честное слово

С Германией и Австро-Венгрией — о разрешении пленным офицерам прогулок вне лагеря без конвоя, с условием давать письменное обязательство не делать во время прогулок попыток к побегу и вообще совершать деяний, направленных ко вреду страны, в которой водворен данный пленный. Соглашение введено в действие 1 марта с.г. нов. ст.

5. С Австро-Венгрией — о наказаниях за побеги

Высшим наказанием, по предложению нашего Военного ведомства, назначено 30 дней ареста, даже в случае рецидива, причем офицеры должны отбывать наказания в своем обычном офицерском помещении в лагере. Никаких уголовных преследований не допускается, если порча казенного имущества при побеге имела целью именно толь-

ко облегчение побега. По отбытии ареста офицеры не подвергаются никаким ограничениям по сравнению с остальными пленными. Сроком введения этого соглашения установлено 1 марта с.г. нов.ст.

С Германией переговоры по сему предмету еще не привели к окончательным результатам.

6. С Австро-Венгрией и Германией — о вычетах за мебель

Ведутся переговоры об отмене вычетов из жалования пленных офицеров за мебель (у старших чинов — 40 марок, у младших — 20 марок), установленных сначала в Германии и Австро-Венгрии вследствие того, что у нас пленным офицерам выдавалась лишь одна кровать. Переговоры эти не привели еще к конкретным результатам.

7. С Австро-Венгрией и Германией — о принудительных работах для унтер-офицеров

В благоприятном смысле имеют, по-видимому, закончиться переговоры об освобождении от принудительных работ в России, Германии и Австро-Венгрии старших чинов унтер-офицерского звания (см. подробно справки, *справка доведена до 10 марта*).

8. С Германией — об улучшении положения в плену некоторых категорий нижних чинов унтер-офицерского звания

Нами ведутся переговоры с Германией о переводе на началах взаимности некоторых категорий военнопленных нижних чинов унтер-офицерского звания на привилегированное положение сравнительно с простыми военнопленными рядовыми.

К переводу на привилегированное положение нами намечены следующие категории: подпрапорщики, фельдфебели, вахмистры, сверхсрочные унтер-офицеры и урядники, вольноопределяющиеся кандидаты на классную должность и фельдшеры на правах вольноопределяющихся; причем мы согласились бы предоставить аналогичную льготу всем занимающим соответственное положение пленным нижним чинам германской армии.

Ожидается ответ германского правительства по сему вопросу.

9. С Австро-Венгрией и Германией — охранение в порядке могил павших на поле брани

По ходатайству германского и австро-венгерского правительств, мы согласились на обмен сведениями о месте погребения павших на поле брани воинов воюющих государств и сохранение их могил в должном порядке. Мы уже посылаем периодически эти сведения названным правительствам, но в обмен до сих пор ничего еще не получили. По сему поводу сделан соответственный запрос в Берлине и Вене.

10. С Германией — о перевозке на родину тел умерших в плену чинов русской и германской армий

Ведутся переговоры с германским правительством о разрешении перевозки на родину тел умерших в плену чинов русской и германской армий на нижеследующих, заявленных с германской стороны условиях:

1. Чтобы расходы по перевозке тел принимались на счет лиц или учреждений, возбудивших о том ходатайство;

2. Чтобы эти расходы были, по возможности, невелики и

3. Чтобы перевозка останков на родину разрешалась лишь в тех случаях, когда место погребения находится вне района военных действий, и где распоряжениями властей не запрещено вскрывать могилы.

Условия эти приняты нами целиком, и ныне ожидается лишь заключение формального по сему поводу соглашения.

11. С Турцией — о порядке обмена списками военнопленных и умерших в плену чинов нашей и турецкой армий

По ходатайству турецкого правительства установлен непосредственный обмен между наших центральных справочным бюро о военнопленных и Турецким Красным Полумесяцем списками умерших военнопленных наших в Турции и турецких в России. Таковой же непосредственный обмен введен с октября месяца минувшего года и для списков военнопленных наших и турецких вообще, вместо существовавшей ранее дипломатической передачи.

К приложению № 3
10 марта 1917 г.

Справка

Положение дела об освобождении чинов унтер-офицерского звания, находящихся в плену в России, Германии и Австро-Венгрии от принудительных работ

Начиная с того момента, когда количество наших пленных во вражеских странах достигло внушительных цифр, в Россию стали проникать из разных источников[15] данные о том, что взятые неприятелем в плен унтер-офицерские чины различных категорий принуждаются к работам, причем в целях соблюдения внешнего приличия германские и австрийские власти крайне жестокими наказаниями, доходящими до истязаний, вымогают у наших воинов письменное согласие на работу.

Слухи эти получили также подтверждение в сведениях, доставленных нашими сестрами милосердия по возвращении их из вражеских стран после объезда мест водворения военнопленных летом и осенью 1916 года. Вследствие этого Министерство иностранных дел заявило, через посредство испанских послов в Берлине и Вене, энергичный протест против этого нарушения одного из основных положений Гаагской Конвенции, подтвержденного Стокгольмским совещанием. В ответах своих германское и австро-венгерское правительства заявили, что ими наши унтер-офицеры принуждаются к работам лишь вследствие того, что, по дошедшим до них якобы достоверным сведениям, русские власти, со своей стороны, заставляют пленных унтер-офицеров германской и австрийской армии работать наравне с нижними чинами. Вместе с тем, однако, оба правительства изъявили готовность войти в соглашение, в силу коего на будущее время от принудительных работ были бы освобождены, на началах взаимности, старшие унтер-офицерские чины, а именно: зауряд-прапорщики,

зауряд-военные чиновники[16], подпрапорщики, кандидаты на классную должность, фельдфебели, вахмистры и сверхсрочные унтер-офицеры.

Ввиду категоричности этих заявлений, Отдел о военнопленных Министерства иностранных дел отношениями от 4 и 7 января с.г. обратился в Главное управление Генерального штаба с запросом о том, соответствуют ли действительности сведения, выставленные вражескими правительствами в оправдание своего образа действий. Письмом от 14 января с.г. на имя товарища министра иностранных дел А.А. Половцова временно исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-майор Занкевич подтвердил, что обвинения русских военных властей в насильственном привлечении военнопленных унтер-офицеров к работам безусловно не соответствуют действительности, что постановления Стокгольмского совещания соблюдаются Военным ведомством в полной мере. Вместе с тем им было сообщено, что ввиду возможности, в случае привлечения пленных унтер-офицерских чинов к работам, увеличить число рабочих в России приблизительно на 50 000 человек и что применение наших военнопленных во вражеских странах для работ могло бы в большинстве случаев лишь дать им некоторый заработок и тем улучшить условия их содержания, Военное министерство не встречает препятствий к заключению соглашения с правительствами Германии и Австро-Венгрии, в силу коего от принудительных работ, на началах взаимности, были бы освобождены лишь следующие категории унтер-офицерских чинов: 1) зауряд-прапорщики, 2) подпрапорщики, 3) фельдфебели, 4) вахмистры, 5) сверхсрочные унтер-офицеры, 6) кандидаты на классную должность и 7) вольноопределяющиеся одного года.

В соответствии с этим Отдел о военнопленных заявил вновь энергичный протест против неосновательных обвинений русского правительства в принудительном привлечении пленных унтер-офицеров к работам и одновременно с этим телеграммой от 9 марта с.г. просил российского посланника в Копенгагене довести до сведения германского и австро-венгерского правительств о согласии русского правительства на заключение соглашения в указанном смысле, на каковую телеграмму ответа еще не поступило.

К сему надлежит присовокупить, что уже раньше, а именно нотами от 2 и 4 декабря 1916 г. правительства Германии и Австро-Венгрии уведомили Министерство иностранных дел, что германскими и австрийскими военными властями отданы распоряжения о привлечении к труду некоторых категорий наших пленных. По сообщении сего уведомления Главному управлению Генерального штаба, бывшему военному министру генералу от инфантерии Беляеву был представлен доклад с предложением привлечь и в России пленных унтер-офицеров младших званий к работам; однако к мысли этой генерал Беляев отнесся отрицательно. 3 сего марта дело это было вновь доложено генералом Аверьяновым военному министру Временного правительства, разрешившего вопрос в положительным смысле.

Приложение № 4
23 февраля 1917 г.

Обмен инвалидами

Условия взаимного освобождения военнопленных инвалидов между Россией и Францией, Англией, Бельгией, с одной стороны, и Германией с Австро-Венгрией, с другой (такое же соглашение недавно достигнуто между нами и Турцией).

А. Освобождению подлежат все тяжелораненые и больные, увечья и болезни коих делают их длительно или навсегда неспособными к строевой службе, а офицеров и унтер-офицеров также негодными к обучению молодых солдат и к канцелярской службе.

Б. Признаются увечьями и болезнями, всегда дающими право на освобождение:

1) Частичная или полная потеря одной или нескольких конечностей (по крайней мере, одна рука или одна нога).

2) Потеря возможности владеть одним или несколькими членами вследствие потери или сокращения мускула и т.п. неверное сокращение; заболевания позвоночного хребта, вызывающие полное расстройство в движениях, болезни лучевой артерии, имеющие тяжелые последствия.

Примечание. У офицеров и унтер-офицеров по поводу параграфов 1 и 2 указывается, что потеря или паралич одной конечности принимается в соображение лишь с другими осложнениями, исключающими возможность службы по обучению молодых и канцелярской.

3) Полный или по месту и распространению своему значительный паралич.

4) Повреждения мозга с тяжелыми последствиями (паралич одной стороны или повреждение важных функций мозга).

5) Повреждение спинного хребта с тяжелыми последствиями.

6) Утрата зрения на оба глаза (слепота), равной слепоте считается утрата одного глаза при значительном уменьшении зрения оставшегося целым глаза.

7) Существенное повреждение лица и тяжелое поранение гортани.

8) Полная слабость вследствие ран.

9) Раны в грудь с тяжелыми последствиями.

10) Раны в живот и в пах с тяжелыми последствиями.

11) Острый туберкулез.

12) Полная слабость вследствие внутренних болезней и неизлечимые душевные болезни.

Приложение № 5
16 марта 1917 г.

Справка
по вопросу об обмене санитарного персонала между Россией и Германией

Особую трудность представляли переговоры об обмене санитарного персонала между Россией и Германией. Германское правительство всячески затягивало эти переговоры и вопрос об обмене санитарного персонала ставило в связь с обменом гражданскими лицами и другими вопросами, не имеющими непосредственного отношения к указанному вопросу об обмене. Лишь в августе мин[увшего] года германское правительство при посредстве испанского посла в Берлине, в ответ на наши настояния, согласилось с нашей точкой зрения и доставило нам проект соглашения, полученный здесь 13 августа, об обмене санитарного персонала. Согласно этому проекту германское правительство выразило готовность, хотя и не в вполне определенной форме заключить с нами соглашение об обмене всеми категориями санитарного персонала;

при этом, однако, оно заявило, что согласно освободить из плена лишь 189 врачей из общего числа 589[14] русских врачей, находящихся в плену в Германии. Основанием же к задержанию в плену остальных врачей Германское правительство выставило необходимость оставления одного врача и 10 санитаров на 2 500 наших пленных. Согласно этому расчету из общего числа врачей имели быть освобождены 189 врачей, что же касается санитаров, то все они в числе 2 558 человек (по германским сведениям) подлежали бы задержанию в плену. Кроме того, в вышеуказанном проекте содержались данные о размере содержания, назначенного германскими властями разным категориям наших санитарных чинов, предложение о разрешении санитарным чинам взять с собой, при возвращении на родину, принадлежащее лично им оружие, вопрос об обмене соответственными списками санитарного персонала и, наконец, об обмене священнослужителями.

Отдел о военнопленных, рассмотрев всесторонне означенный проект, 20 августа передал его со своими заключениями Военному ведомству; а по получении от последнего в начале ноября исчерпывающих ответов на все вопросы, немедленно был редактирован контрпроект и отправлен в Стокгольм по одобрении его Главным управлением Генерального штаба. В контрпроекте этом выражено было согласие на предложение Германии об освобождении 189 врачей, что же касается санитаров, то выставлено было требование о возвращении всех тяжело больных военнопленных наших санитаров. Кроме того, выражено было согласие на освобождение на основании указанного германским правительством расчета 25 германских врачей. Вместе с тем германскому правительству сообщены были в означенном контрпроекте размеры ассигнуемого германскому военнопленному санитарному персоналу содержания и отклонено предложение о разрешении военнопленному санитарному персоналу сохранить принадлежащее ему оружие. По вопросу об оставлении германскими властями в плену наших священников для обслуживания духовных нужд наших военнопленных выставлено было в контрпроекте требование об освобождении всех престарелых и тяжело больных наших священников. Кроме сего, нами было специально оговорено, что кроме помянутых врачей, санитаров и священников весь прочий санитарный персонал (т.е. фельдшеры, аптекари и пр.) подлежали бы возвращению.

Надлежит затем отметить, что еще до получения Министерством иностранных дел германского проекта Соглашения об обмене санитарного персонала, Военным ведомством, по предложению Министерства иностранных дел, установлено было 5 списков врачей на общую цифру 215 человек, подлежащих возвращению из Германии. Большее, по сравнению с цифрой 189, число врачей указано было в списках на тот предмет, чтобы в случае невозможности возвращения какого-либо врача по той или иной причине, он мог бы быть заменен следующим по списку. Списки эти еще в мае и июле 1916 года были сообщены германскому правительству.

30 ноября мин[увшего] года Министерством иностранных дел получено было дополнительное предложение германского правительства, отправленное из Берлина еще до получения нашего контрпроекта, в каковом сообщались списки назначенных германскими властями к обмену 189 русских врачей и прочего санитарного персонала и, кроме того, указывались фамилии 25 германских врачей, предназначенных германскими властями к обмену. В этом же предложении содержалось согласие на обмен 25–30 санитарами. Ввиду того, что в списки 189 русских врачей германскими властями внесены были некоторые изменения, новые предложения переданы были 5 декабря мин[увшего]

года Военному ведомству, которое, за исключением некоторых намерений, внесенных им в составленный германскими властями список русских врачей, не встретило особых возражений. Вместе с тем Министерство иностранных дел привлекло внимание Военного ведомства на необходимость, согласно условиям этого дополнительного предложения, срочного сосредоточения всех подлежащих обмену германских санитарных чинов в Петрограде и притом главным образом 25 германских врачей, капитана Зандрока и фармацевта Майена. Полученный 28 декабря мин[увшего] года от Военного ведомства отзыв на последние предложения германского правительства и некоторые изменения в предложенном германскими властями списке русских врачей сообщены были 29 декабря мин[увшего] года германскому правительству по телеграфу при посредстве российского посланника в Стокгольме.

Ответа на означенную телеграмму, а также и на следующую ускорительную до настоящего времени не получено, почему дело и не получило пока дальнейшего движения.

Уведомление Главного управления Генерального штаба о сосредоточении большей части подлежащего обмену германского санитарного персонала получено было Отделом о военнопленных лишь 12 марта. В ответ на это Отдел о военнопленных счел долгом привлечь самое серьезное внимание Главного управления Генерального штаба на необходимость скорейшего сосредоточения в Петрограде полностью тех 25 германских врачей, капитана Зандрока и Майена, а также на тот факт, что германское правительство поставило вопрос о времени производства обмена санитарного персонала в связь с вопросом об отправлении в Швецию указанных 27 лиц.

В заключение необходимо отметить, что путем отдельных личных обменов возвращены были на родину из плена 3 врача: Булычев, Кардо-Сысоев и Н. Бутягин.

Кроме того, Министерством иностранных дел велись еще особые переговоры о возвращении на родину состава французского лазарета, во главе коего стоял д-р Крессон. Переговоры эти увенчались успехом, и из плена освобождены были путем личного обмена д[окто]р Крессон и состоявший в том же лазарета врач Бор. Раевский, а также и прочий состав лазарета (за исключением одного человека).

Что же касается остальных вернувшихся из германского плена врачей, то все они, по имеющимся у нас сведениям, освобождены были в качестве инвалидов, причем некоторым из них удалось удачно симулировать болезнь.

Приложение № 6
3 апреля 1917 г.

Справка
об обмене санитарного персонала между Россией и Австро-Венгрией

Переговоры об обмене захваченного австрийскими и русскими войсками в плен санитарного персонала начались еще в августе 1914 г. Первоначально российским правительством предложено было взаимно освободить весь санитарный персонал. Однако австро-венгерское правительство, соглашаясь с этим предложением, высказало пожелание оставить в плену некоторое число врачей и санитаров для обслуживания нужд военнопленных, и к осуществлению этого предложения не встретилось с нашей стороны особых возражений. 27 октября 1914 г. Министерством иностранных дел от

российского посланника в Бухаресте получена была телеграмма о том, что австро-венгерское правительство задержит определенное число врачей, пропорциональное числу военнопленных, остальных же освободит согласно указанию российского правительства и под условием взаимности. После длительных переговоров российское правительство в апреле 1915 г. выразило согласие на предложение австро-венгерского правительства на задержание в плену по одному врачу на 1 500 военнопленных и вместе с тем заявило о своей готовности освободить вместе с врачами и весь прочий санитарный персонал, но без применения к последнему вышеуказанного расчета. В ноябре 1915 г. по соглашению между обоими правительствами решено было освободить определенное число врачей, а именно 40 человек с каждой стороны и 25% студентов-медиков, фельдшеров и санитаров. Согласно этому первоначальному расчету, имело вернуться в Россию, по предпожениям австро-венгерских властей, 40 врачей, 9 студентов-медиков, 116 фельдшеров и 40 санитаров. Выработанный по соглашению министерств военного и иностранных дел список наших врачей, подлежащих обмену, был последовательно сообщен австро-венгерскому правительству 8 декабря 1915 г. и 20 мая 1916 г.

В марте 1916 г. получена была Министерством иностранных дел, при посредстве российского посланника в Бухаресте, нота австро-венгерского Министерства иностранных дел, в которой последнее, касаясь вопроса об обмене санитарного персонала, выражало согласие на освобождение ряда врачей и прочих лиц указанного персонала, причем в отношении фельдшеров и санитаров выразило готовность освободить лишь 25% всего находившегося в плену в Австро-Венгрии их числа, т.е. 154 фельдшера, в число коих имело войти 15 студентов-медиков и 359 санитаров.

В течение лета и осени 1916 года произведен был затем обмен санитарного персонала, выразившийся в нижеследующих цифрах: австро-венгерскими властями были возвращены 40 врачей[17] и 1 представитель Южно-русской Общественной Организации Всероссийского Земского Союза, а именно: Новоселов, шедший по списку врачей, 2 женщины-врача — Былинкина и Фукс, 3 студента-медика, 4 брата милосердия, 126 фельдшеров (из коих 24 классных фельдшера) и 365 санитаров (притом на 6 свыше предположенного числа), а из России были отправлены 41 врач, 21 аптекарь, 13 студентов-медиков, 154 фельдшера (на 15 более предположенного числа) и 365 санитаров. Кроме того путем отдельного обмена вернулся в Россию врач Крылов.

При последующих переговорах оба правительства пришли к соглашению о производстве дополнительного обмена врачей в числе 20 человек и, кроме того, 18 санитарных чиновников и офицеров и 70 аптекарей. Из числа санитарных офицеров и чиновников часть уже, по газетным сведениям, вернулась, но официальных сведений еще не имеется.

По поводу обмена санитарного персонала и, в частности, врачей надлежит еще отметить, что австро-венгерское правительство при возвращении врачей вернуло первоначально не только указанных нами врачей, но и ряд наших врачей, находившихся в плену и о возвращении коих нами не было предъявляемо требований. Этим объясняется то обстоятельство, что из австрийского плена не вернулось еще 8 назначенных нами к обмену и находящихся в Австро-Венгрии врачей, возвращение коих ожидается в недалеком будущем. С нашей же стороны были отправлены в Австро-Венгрию 5 австрийских врачей, неназначенных австрийскими властями к обмену.

Приложение № 7
23 февраля 1917 г.
Доверительно

Интернирование больных и раненых военнопленных в нейтральных странах

По почину французского правительства Святейший Престол в Риме обратился в мае 1915 г. к воюющим державам с предложением войти между собой в соглашение о переводе в нейтральные страны для лечения раненых и больных военнопленных, не подходящих к категории инвалидов[18].

Наше Военное ведомство признало это предложение неприемлемым. Переговоры же между Францией и Германией увенчались успехом, и в январе 1916 г. состоялся перевод в Швейцарию первых партий пленных французов из Германии и германцев из Франции. Позднее, на основании соглашения с Германией, в Швейцарию переведены также пленные англичане и бельгийцы.

Ввиду сего Министерство иностранных дел нашло нужным снова обратить внимание Главного управления Генерального штаба на желательность войти в соглашение с вражескими правительствами касательно интернирования известного числа раненых и больных военнопленных в Дании и Швеции согласно предложения Святейшего Престола. Письмом от 25 февраля 1916 г. начальник Генерального штаба уведомил Министерство иностранных дел, что Военное ведомство не находит возможным согласиться на означенную меру.

Сведения о постоянно ухудшающемся положении наших пленных во вражеских странах и о развитии среди них туберкулеза и других изнурительных болезней, заставили Министерство иностранных дел вернуться к этому вопросу и 22 марта 1916 г. бывшим министром иностранных дел гофмейстером Сазоновым было испрошено высочайшее соизволение на возбуждение вновь вопроса о заключении соглашения с Германией и Австро-Венгрией, по образцу заключенных с ними соглашений наших союзников[19].

Во исполнение высочайшей воли Отдел о военнопленных собрал подробные данные относительно нейтральных стран, кои могли бы оказать приют нашим военнопленным из вражеских стран и вражеским из России и внес вопрос на обсуждение Междуведомственного совещания, образованного из представителей заинтересованных ведомств, под председательством бывшего товарища министра иностранных дел, гофмейстера Арцимовича.

В двух собраниях Междуведомственного Совещания 14 июня[20] и 9 августа 1916 г. вопрос был детально освещен. При этом определилось, что Военное ведомство из всех нейтральных стран, предложивших свои услуги, считало возможным допустить интернирование русских и неприятельских военнопленных лишь в Норвегии и Швейцарии, от предложений же прочих признало необходимым отказаться по военнополитическим соображениям, вопреки настояниям Министерства иностранных дел, считавшего предложения Дании, а также Голландии, вполне приемлемыми.

Дело в таком виде поступило на рассмотрение совета министров, причем Министерство иностранных дел обратило внимание совета, что, ограничивая выбор нейтральных стран Швейцарией и Норвегией, окажется возможным вывести из плена лишь крайне незначительное число наших больных военнопленных; между тем осуществление ин-

тернирования в нейтральные страны больных пленных, цель коего не только облегчить положение их, но и спасти возможно большее число их от верной смерти от туберкулеза и иных изнурительных болезней, — имеет, помимо гуманитарного, важное государственное значение. Несмотря на приведенные соображения, совет министров 27 сентября 1916 г. постановил в согласии с мнением Военного ведомства, что как ни было бы достойно сожаления сокращение числа лиц, которые могли бы воспользоваться указанной благодетельной мерой, это обстоятельство не может иметь решающего значения в данном вопросе и, во всяком случае, должно уступить пред требованиями государственной необходимости.

В силу такового постановления Министерством иностранных дел был составлен текст проекта соответствующего соглашения с неприятельскими государствами, который, по одобрении оного военным ведомством был в середине ноября 1916 г. отправлен для вручения правительствам Германии, Австро-Венгрии и Турции, а равно для сведения Норвегии и Швейцарии.

На это наше предложение Германия лишь в середине января 1917 г. представила свои замечания, главным образом развивающие те пункты соглашения, которые касаются состава медицинских комиссий для осмотра подлежащих к переводу в нейтральную страну военнопленных и числа пленных врачей, кои должны сопровождать отпускаемых в нейтральную страну больных военнопленных. Германия предлагает, чтобы осмотр пленных на местах их водворения или работ производился одними местными врачами, и выбранные таким образом пленные были представляемы затем на центральные сборные пункты для окончательного освидетельствования международными комиссиями, с участием врачей от нейтральных стран, причем последние должны быть в большинстве; отпустить вместе с пленными врачей Германия предполагает по расчету одного на 2 500 пленных. Остальные германские замечания несущественны.

По обсуждении этих замечаний совместно с военным ведомством Отделом о военнопленных в текущем феврале был послан по телеграфу Германии отзыв на ее замечания. Соглашаясь в принципе на предварительное освидетельствование интернируемых местными врачами, мы поставили условием, чтобы, в случае отказа в признании права быть переведенным в нейтральную страну, такому пленному выдавалась копия с протокола его освидетельствования и чтобы все протоколы осмотра пленных на местах представлялись затем на рассмотрение международных комиссий в центральных сборных пунктах. Что касается количества врачей, кои должны сопровождать из плена интернируемых в нейтральные страны, то, принимая во внимание, что пленные эти все исключительно больные, настаиваем, чтобы врачи к ним назначались по расчету одного на 200 офицеров или на 250 нижних чинов.

Ввиду выраженной высочайшей воли, чтобы в число нейтральных стран, в коих предполагается интернировать военнопленных, была включена и Дания, Совет министров в заседании 2 декабря 1916 г. сделал соответствующее постановление. Выработанные Военным ведомством специальные условия интернирования в Дании, с особыми мерами внешней охраны и надзора за военнопленными, были в середине декабря 1916 г. сообщены дополнительно Отделом о военнопленных правительствам вражеских стран, а равно и Дании. Отзыва по сему поводу от неприятельских государств до настоящего времени не последовало. Датское же правительство выразило свое согласие на наше условие, хотя и высказало частным образом желательность из-

менить некоторые требования нашего Военного ведомства и приблизить условия интернирования к принятым уже нашими союзниками в Швейцарии, на желательность чего еще до сего было указано Военному ведомству со стороны Министерства иностранных дел.

В итоге вышеизложенных переговоров выясняется нижеследующее: Швейцария принимает к себе по 200 русских пленных офицеров из Германии и Австро-Венгрии и по столько же германских и австро-венгерских офицеров из России, предрасположенных к туберкулезу или больных туберкулезом в начальной стадии. Большего количества офицеров, а также солдат Швейцария пока поместить не в состоянии ввиду скопления в ней в настоящее время уже 30 000 пленных германцев из Франции и Англии, французов, англичан и бельгийцев. Увеличение этого количества было бы возможно в будущем в случае перехода от пансионного содержания пленных в Швейцарии к лагерному.

Норвегия предложила каждой группе воюющих держав по 300 мест; Россия получит все 300 мест, так как союзники отказались в ее пользу от предназначавшихся им мест. В будущем Норвегия надеется довести это число до 1 000 для каждой стороны. Норвегия не принимает к себе больных туберкулезом. В настоящее время ожидается отправление норвежских врачебных делегатов в Германию и Австро-Венгрию и в Россию для осмотра предполагаемых к интернированию в Норвегии пленных.

Дания выразила готовность разместить на своей территории по 200 офицеров и по 1 000 солдат русских и австро-германских. Военным ведомством командируется в Данию комиссия из штаб-офицера, врача и сестры милосердия для ознакомления с условиями интернированиям военнопленных; эта же комиссия отправится затем с той же целью в Норвегию по приглашению последней.

Таким образом, ныне можно ожидать немедленного осуществления перевода больных военнопленных в нейтральные страны в указанных пределах, как только Германия уведомит о принятии ею наших последних условий. Остальные неприятельские государства, от которых до сих пор не получалось отзыва на наше предложение, вероятно последуют всему тому, что будет принято Германией. Отделом о военнопленных отправлены в Германию и Австро-Венгрию в январе сего года первые списки русских военнопленных, представляемых нами к переводу в нейтральные страны на основании поступивших в отдел по 1 января 1917 г. обращений от правительственных и общественных установлений и частных прошений. Вторые списки по 1 сего февраля готовы к отправлению.

Итого, в настоящее время мест для русских военнопленных в нейтральных странах предоставляется:

Швейцария	400 офицеров	
Дания	200 офицеров и	1 000 нижних чинов
Норвегия	75 офицеров и	225 нижних чинов
	675 офицеров и	1 225 нижних чинов

В середине декабря 1916 г. отделом возбужден был пред Главным управлением Генерального штаба вопрос о направлении, коим будут отправляться из России вражеские пленные в Данию, Норвегию и особенно в Швейцарию, ввиду сложности пути в обход неприятельских территорий. Ответа по этому вопросу пока не получено.

Приложение № 8
23 февраля 1917 г.

Обмен с Австро-Венгрией больными туберкулезом

Ввиду весьма значительного количества больных туберкулезом военнопленных наших во вражеских странах и возможности разместить в нейтральных странах лишь небольшой процент таких больных, Отдел о военнопленных вырабатывает, в согласии с Генеральным штабом, условия соглашения с австро-венгерским правительством, выразившим согласие на взаимный обмен частью туберкулезных пленных на следующих условиях:

1) Чтобы с той и другой стороны освобождалось равное число (для начала предложено австро-венгерским правительством обменяться 4 000 больными туберкулезом в первой стадии).

2) Чтобы ввиду перегрузки железных дорог инвалидами и интернируемыми в нейтральные страны больными, туберкулезных перевозили морем, для чего вступить в соглашение с воюющими державами в видах обеспечения безопасности судна.

3) Чтобы для сношения с военным министерством и иными местными властями с каждой стороны были командированы один врач и одна сестра милосердия.

Обмен с Австро-Венгрией больными различными болезнями

Кроме сего, согласно только что полученной австро-венгерской ноты, Австро-Венгрия обращает внимание на то обстоятельство, что ввиду крайней ограниченности мест, которые нейтральные страны могут дать для больных и раненых военнопленных, большее число последних, подходящих под списки болезней, дающих право на лечение в нейтральных странах, будут фактически лишены возможности пользоваться этой благодетельной мерой. Поэтому Австро-Венгрия предлагает заключить соглашение о взаимном обмене такого рода больными военнопленными в равном числе; впрочем, если бы в результате осмотра комиссиями оказалось, что число могущих быть обмененными на этом основании с одной и другой стороны сильно разнится, Австро-Венгрия предполагает возможным для заинтересованных сторон войти по сему поводу в дополнительное сношение.

Приложение № 9
23 февраля 1917 г.

Почтовые посылки

Отдел о военнопленных Министерства иностранных дел имеет своей ближайшей заботой наблюдение за доставкой русским военнопленным посылаемых им почтовых посылок с съестными припасами и прочими необходимыми предметами и принимает все меры к расследованию поступающих жалоб на порчу и пропажи посылок и к улучшению способов их доставки.

Так, в январе 1916 г. отделом было обращено внимание надлежащих учреждений на заявление германского правительства о том, что некоторые посылки, получаемые в Германии для русских военнопленных, доходят в испорченном виде. А равно было предпринято расследование по поводу обнаруженных залежей посылок на шведской границе, в Хапаранде.

Расследования производятся и по частным жалобам, а равно на основании доходящих до сведения Отдела слухов (как пример можно указать протест по поводу пропажи части содержимого из посылок военнопленного штабс-капитана Чарновского и неполучения посылок врачом Кардо-Сысоевым и т.п.).

Отделом переданы заинтересованным учреждениям сетования русских пленных офицеров в Германии на то, что они не получают из России консервов и иных съестных продуктов, тогда как французские и английские пленные снабжаются с родины пищевыми продуктами в изобилии (май 1916 г.). В декабре 1916 г. отделом было сообщено ходатайство русских военнопленных в Прейсиш-Голланде о присылке им из России чая, сахара и прочих продуктов.

Ввиду скопления в Торнео осенью 1916 г. большого количества посылок, предназначавшихся русским военнопленным в Германии, отдел способствовал разрешению вопроса о разгрузке этих залежей путем допущения прихода специально назначенного шведского парохода в Николойштадт, для перевозки этих посылок морем.

Когда германское правительство запретило русским военнопленным офицерам выписывать из-за границы за свой счет съестные припасы, мотивируя это тем, что германским гражданам невозможно получать съестные припасы из-за границы, отдел возбудил вопрос о необходимости принятия в России мер репрессии в виде запрещения германским пленным офицерам приобретать на вольном рынке пищевые продукты в увеличение или улучшение установленного для них казенного пайка, и эта репрессия была введена в декабре 1916 г.

Отдел вел продолжительные переговоры по вопросу об отмене артельного сбора, взыскивавшегося с посылок вражеских пленных в России, что вызвало введение Германией в соответственном размере специального сбора с посылок русских пленных. Ввиду достигнутой у нас отмены артельного сбора, отделом предложено Германии сделать распоряжение об отмене и введенного ею налога.

Отделом было обращено самое серьезное внимание на сообщение российской миссии в Берне, что в Германии сделано распоряжение, в силу коего отменяется бесплатная перевозка по железным дорогам большой скоростью отправляемых из Швейцарии русским военнопленным в большом количестве посылок. Благодаря представленному отделом энергичному протесту, Германия уведомила ныне, что посылки русским военнопленным будут пересылаться большой скоростью бесплатно, согласно желанию российского правительства.

Все подобного рода вопросы неукоснительно принимаются отделом во внимание и возбуждают с его стороны соответствующую деятельность.

Приложение № 10
23 февраля 1917 г.

Русские общественные организации за границей, работающие на пользу русских военнопленных и по всем вопросам, касающимся успеха их деятельности, сносящиеся с Министерством иностранных дел по Отделу о военнопленных

Комитеты эти снабжают пленных предметами питания и одежды, а также подарками, заключающими полезные и необходимые вещи, как табак, бумага, карандаши и пр.

Правительственные субсидии получаются через Комитет по оказанию помощи военнопленным.

Комитет в Берне

Русский комитет в Берне помощи военнопленным, с Русской секцией Международного Бернского Бюро помощи военнопленным, состоит под председательством супруги недавно скончавшегося посланника в Швейцарии А.А. Бахерахт. С июня 1915 г. получил правительственную субсидию единовременно 180 000 фр. и ежемесячно по 100 000 фр., с октября же 1915 г. ежемесячная субсидия увеличена до 400 000 фр. Район Русской секции по оказанию помощи военнопленным определялся до последнего времени в 600–700 тысяч офицеров и солдат; ныне же, после того как пленные в Пруссии, Померании, Познани и части Силезии взяты под свое попечение объединенной организацией Союза Городов, Земств и города Москвы, район Бернской секции исчисляется в 300–400 тысяч человек.

Парижско-Лионский комитет

Парижско-Лионский комитет состоит под председательством супруги посла в Париже М.К. Извольской, получает ежемесячную правительственную субсидию с ноября 1915 г. по 100 000 фр., а с ноября 1916 г. субсидия эта увеличена до 300 000 фр. О деятельности этого комитета можно судить по последнему полученному отчету за декабрь 1916 г., показывающему, что в течение месяца им отправлено в германские лагеря русских пленных 476 вагонов и 1 530 пакетов съестных припасов и белья. В район его деятельности входит до 60 000 человек военнопленных.

Лондонский комитет

Лондонский комитет, состоящий под председательством супруги недавно скончавшегося посла в Лондоне графини С.П. Бенкендорф, насчитывает в своем районе около 240 000 военнопленных. Деятельность этого комитета поддерживается ежемесячной субсидией с ноября 1915 г. по 2 500 фунтов, с января 1916 г. по 5 000 фунтов, а с ноября 1916 г. по 15 000 фунтов.

Марсельский комитет

Марсельский комитет, состоящий под председательством супруги российского агента Министерства торговли и промышленности госпожи Бачевой, образовался в апреле 1916 г. и в течение 9 месяцев отправил в Кассельский лагерь русских военнопленных (около 12 000 человек) одних съестных припасов более чем на 100 000 фр. Ходатайство этого Комитета об оказании ему ежемесячной субсидии 15 000 фр., поддержанное Отделом о военнопленных, не было удовлетворено Комитетом по оказанию помощи русским военнопленным, не признавшим к сему достаточных оснований. В настоящее время Отдел о военнопленных вновь обратился в комитет с ходатайством о пересмотре сказанного решения, ввиду соображений, высказанных по сему поводу нашим послом в Париже.

Русская секция в Гааге

Русская секция в Гааге Маастрихтского комитета помощи военнопленным находится в заведывании уполномоченного Комитета Московского Городского управления В.А. Шелгунова и снабжает русских пленных посылками с съестными продуктами по поручению из России, а раньше и по заказам самих пленных. Вследствие изданного впоследствии Германией запрещения пленных выписывать за свой счет съестные продукты из заграницы, так как для самих германцев это невозможно, отдел вошел в Военное ведомство с представлением о необходимости принять соответствующие репрессивные меры по отношению к германским пленным в виде лишения их права и возможности приобретать за свой счет съестные припасы на вольном рынке, в дополнение к определенному казенному пайку, и эта мера была введена в ноябре 1916 г.

«Уши-Лозанна»

Небольшая группа «Уши-Лозанна» Русской секции в Берне, находящаяся в заведывании княгини А.А. Голицыной и баронессы М.А. Будберг, взяла под свое попечение лагерь Цвикау с 1 000 пленных.

Невшательский комитет

Невшательский комитет под председательством госпожи Кокардо-Николенко, кроме обслуживания одного рекомендованного ему Бернским комитетом лагеря, взял на себя задачу организовать для военнопленных абонементные посылки с съестными припасами. Вышеприведенное германское запрещение военнопленным делать заказы за границей значительно сократило деятельность сего комитета.

Стокгольмский комитет

Стокгольмский русский комитет, в главе коего состоят супруга посланника Н.В. Неклюдова и сестра его В.В. Неклюдова, с ноября 1915 г. получает субсидию от Комитета по оказанию помощи военнопленным 3 000 руб. в месяц и, кроме того, субсидируется Татьянинским комитетом. С начала войны Стокгольмский комитет имел главнейшей задачей оказывать помощь массе русских подданных, застигнутых войной за границей и возвращавшихся в Россию через Норвегию и Швецию. Впоследствии комитет принял на себя и снабжение военнопленных посылками, а равно передачу всякого рода ходатайств и наведение справок.

Копенгагенский комитет

Копенгагенский комитет работает от имени Российского Общества Красного Креста, с участием Комитета Московского Городского Управления (см. отдельную справку) и отправляет русским военнопленным посылки с съестными припасами и предметами одежды.

«Русский кружок» в Христиании

«Русский кружок» в Христиании, основанный посланником камергером К.Н. Гулькевичем и находящийся под председательством супруги нашего консула в Христиании Е.Ф. Кристи получает на покрытие расходов ежемесячно 200 крон и работает в возможно для него скромных размерах, ввиду разрешения норвежского правительства отправлять из Норвегии почтовыми посылками ежедневно не более 25 килограммов съестных припасов. [...][21]

Приложение № 12
28 марта 1917 г.

Состоящий при Втором департаменте Министерства иностранных дел Справочный отдел о русских гражданах, проживающих в местностях, занятых неприятелем, принимает просьбы о наведении справок о лицах, находящихся в неприятельских странах и местностях, занятых неприятелем, но без гарантии успешного поступления сведений. Справки наводятся по почте бесплатно, причем заинтересованных лиц просят указывать точный последний известный адрес разыскиваемого лица, т.е. губернию, уезд, место, улицу, вне городов тоже почтовую станцию, а также звание этого лица. Получаемые сведения касаются настоящего адреса лица, если оно разыскано, его здоровья, его материального положения и, кроме того, содержат краткое сообщение, в случае, если бы сказанное лицо само пожелало бы сделать таковое своим близким в России. Точно также и последние могут посылать через Справочный отдел краткое сообщение тем лицам, которых они разыскивают. Писем отдел не имеет возможности передавать и направляет их, в случае их доставления в отдел, в Главное управление Генерального штаба.

Получаемые на посланные запросы ответы сообщаются просителям казенными открытыми письмами.

Приложение № 13
28 марта 1917 г.

Справки об участи русскоподданных в Турции

До выступления Италии против центральных держав справки о русскоподданных, застигнутых в Турции наводились по телеграфу через посредство российского посольства в Риме и итальянского посольства в Константинополе. Плата за наведение справки взималась в размере 8 руб.

После выступления Италии справки наводились через посредство российской и американской миссий в Бухаресте и американского посольства в Константинополе. Плата за наведение справки взималась в размере 6 руб. 50 коп.

После выступления Румынии Министерство иностранных дел обратилось к российскому послу в Вашингтоне с просьбой испросить согласие правительства Соединенных Штатов на то, чтобы сношения в целях наведения справок о русскоподданных в Турции производились через американскую миссию в Стокгольме, на что последовало согласие американского правительства, каковое преподало соответствующие инструкции своему посланнику в Швеции. Плата за наведение справки взималась в размере 11 руб. 50 коп.

Ныне, ввиду выступления Северо-Американских Соединенных Штатов на стороны держав Согласия, ведутся соответствующие переговоры, дабы наведение справок можно было производить через посредство российской миссии в Гааге.

Приложение № 14
23 февраля 1917 г.

С июля 1914 г. Министерство иностранных дел приняло на себя заботу о русских подданных, застигнутых войной за границей, в том числе о военнопленных и военнообязанных, находящихся в неприятельских странах, оказывая им денежную помощь, как посредством переводов из России, так и путем выдачи ссуд и пособий на местах, через наших испанских и американских дипломатических и консульских представителей. Это весьма сложное дело было поручено образованному при Первом департаменте отделу, круг ведения коего постепенно расширялся: с занятием неприятелем части прибалтийских провинций, Польши и Литвы, операции по переводу денег, отправляемых и в эти местности значительно возросли, и к 1 января 1917 г. общий итог их составлял около 11 с половиной миллионов рублей.

Денежные переводы принимаются исключительно не имеющим, по независящим от них обстоятельствам, возможности вернуться на родину русским подданным в размере от 100 до 150 руб. на одно лицо и от 200 до 300 — на семью один раз в месяц и при этом только по телеграфу.

Помимо Германии, Австро-Венгрии, Бельгии и оккупированных местностей России, деньги переводятся ныне также в Болгарию и Швейцарию (исключительно тяжелобольным), а в ближайшем будущем предполагается установить переводы нашим военнопленным и военнообязанным в Турцию.

В начале 1916 года к Отделу переводов денежных сумм от частных лиц было присоединено делопроизводство по сводке отчетностей о выданных нашими заграничными установлениями и защищающими наши интересы в неприятельских странах испанскими и северо-американскими посольствами и миссиями ссудах и пособиях для истребования с недоимщиков возмещения их при посредстве Департамента государственного казначейства.

По декабрь 1916 г. ссуд и пособий было выдано за границей на сумму около 4 000 000 рублей. Таким образом, к концу 1916 года общий итог операций, делопроизводство по коим сосредоточено в упомянутом отделе, составил свыше 15 000 000 рублей.

Хотя министерство и широко приходит на помощь нуждающимся русским подданным за счет специально отпускаемых на это правительством кредитов (выдача ссуд) и переводами иностранной валютой денег частных лиц[22], тем не менее оно стремится ограничить эту помощь теми лицами, которые действительно в ней нуждаются. Такими лицами являются: военнопленные (kriegs-und-civilgefangene) военнообязанные (kriegspflichtigs) и задержанные местными властями по тем или иным причинам, без права выезда (internierte, konrinierte и т.д.), тяжелобольные, находящиеся в больницах, клиниках и санаториях на излечении. Лица мужского пола призывного возраста (от 17 до 45 лет), лица обоего пола старческого возраста (70–80 лет) и малолетние, которые не в состоянии самостоятельно путешествовать.

Помощь, оказываемая Министерством иностранных дел этим лицам путем перевода денег по льготному курсу, вызывается необходимостью и оправдывается тяжелыми обстоятельствами, в которых они находятся. Но материальную поддержку за счет казны

тех русских подданных, которые могут возвратиться на родину или выехать в нейтральные страны и не делают этого, предпочитая, из соображений личной выгоды, оставаться среди наших врагов, министерство на себя не берет.

Ф. 323, оп. 617, д. 78, л. 23–30 об. Приложения, л. 31–55, 60–63. Копия. Рус. яз.

---

[1] См. док. № 99, 127.

[2] Важные договоренности по вопросу о положении военнопленных были достигнуты в ходе Стокгольмских конференций. — См. прим. 2 к док. № 143, прим. 6 к док. № 130.

[3] Справка о русских подданных, проживающих в местностях, занятых неприятелем, передается Отделом о военнопленных в Справочный отдел, состоящий при 2-м Департаменте (см. прил.от 28 марта, XII). Справки о русскоподданных, задержанных в Турции, производятся специальным отделом (см. прил. XIII) (прим. документа).

[4] Антиминс — четырехугольный плат из шелковой или льняной материи (с изображением положения Христа во гроб) с зашитыми частицами мощей, на котором совершается литургия.

[5] При Министерстве иностранных дел образован специальный Отдел денежных переводов и ссуд, куда и передаются Отделом о военнопленных получаемые им деньги (см. прил. XIV). (прим. документа).

[6] Не публикуется. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 78, л. 56–60.

[7] Имеется в виду Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками.

[8] В архивном деле отсутствует. Сборники документов, брошюры и другие материалы, подготовленные Чрезвычайной следственной комиссией, направлялись также в российские дипломатические представительтсва за границей для распространения в стране пребывания.

[9] Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны.

[10] См. прим. 4 к док. № 72.

[11] Значительная часть военнопленных, взятых нашими войсками, остается на театре военных действий, а также поступает на работы по ведомствам, минуя пункт размещения, где ведется точная регистрация. Сведений об их числе не имеется ни в Главном управлении Генерального штаба, ни в Центральном справочном бюро (прим. документа).

[12] По сведениям Главного управления Генерального штаба во внутренних военных округах 994 117 австро-венгерцев (прим. документа).

[13] По спискам Центрального справочного бюро о военнопленных общая цифра военнопленных во вражеских странах показана в 2 939 514. Приводимая же здесь цифра получилась путем уменьшения числа военнопленных наших в Германии на 20%, а в Австро-Венгрии на 5% (см. отношение Центрального справочного бюро от 5 декабря 1916 г. № 15781 и 18 февраля 1917 г. № 17838) (прим. документа).

[14] Сведения о количестве пленных врачей крайне неопределенны:
По именному списку Центрально-справочного бюро их числится — 807.
По сведениям Главного управления Генерального штаба — 676,
а по сообщению германского правительства — 589.
(прим. документа).

[15] Между прочим, из дел Чрезвычайной следственной комиссии (показания инвалидов и бежавших) (прим. документа).

[16] *О помянутых двух категориях ведется переписка Отделом о военнопленных с военным ведомством на предмет признания за ними права на офицерское положение в плену (прим. документа).*

[17] Вернувшийся врач Олтаржевский не значится в списке этих врачей, так как вернулся отдельно (прим. документа).

[18] См. прим. 1 к док. № 151.

[19] См. прим. 2 к док. № 160.

[20] См. док. № 151.

[21] Далее следует приложение № 11 — справка об организации Отдела по делам военнопленных при МИД Франции. — См. прим. № 6.

[22] Переводы эти совершаются исключительно по телеграфу чрез испанское посольство во вражеских странах (прим. документа).

174. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 1031

9 марта 1917 г.
Циркулярно
Шифром

В распоряжении заграничных учреждений Министерства иностранных дел могут находиться сообщенные им в разное время Министерством иностранных дел и Департаментом полиции данные о воспрещении выдачи документов на возвращение в Россию и визы паспортов лицам, коим въезд в Россию был воспрещен по политическим соображениям.

Ввиду последовавшего ныне акта о политической амнистии[1], все указанные запрещения отпадают. Посему благоволите впредь отказывать в визе паспортов и выдаче документов для возвращения в Россию лишь тем лицам, кои значатся в международных и наших военных контрольных списках, а также тем иностранцам, въезд коих в Россию был воспрещен как осужденным по суду за общеуголовные преступления или безвозвратно высланным из России за порочное поведение.

Милюков

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 97, т. 1, л. 52. Подлинник. Рус. яз.

[1] Указ Временного правительства об общей политической амнистии от 7/20 марта 1917 г.

175. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ[1]

11/24 марта 1917 г.

Предлагаю безотлагательно устранить во всех случаях из наименования заграничных установлений прилагательное «императорское», гербовые щиты заменить плакатами с исправленным наименованием установления, печати временные без герба с наименованием установления, флаги заготовить национальные без герба.

Милюков

Ф. 356, оп. 1, д. 1, л. 13. Копия. Рус. яз.

[1] Текст публикуется по экземпляру, направленному в миссию в Бельгии.

176. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. БАЗИЛИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВУ

Ставка, 12 марта 1917 г.
Секретно

Милостивый государь Павел Николаевич,

Считаю долгом представить Вам в самом сжатом виде имеющиеся в Штабе Верховного главнокомандующего сведения, могущие осветить намерения противника в настоящий момент.

Силы противника распределены теперь следующим образом. На западном фронте находится 140 германских дивизий, на нашем фронте, включая и румынский, около 75. С прибавлением к последним 43 австрийских, 6 турецких и 3 болгарских, общее количество неприятельских сил на нашем фронте выражается цифрой 127 дивизий. На Салоникском фронте находятся 15 болгарских, 2 германские, 2 австрийские, 2 или 3 турецкие дивизии. Принимая во внимание, что болгарские дивизии приблизительно в полтора раза сильнее других, неприятельские силы на салоникском фронте не слабее армии генерала Саррайля, насчитывающей теперь до 25 дивизий. На итальянском фронте расположены от 32 до 35 австрийских дивизий.

Кроме перечисленных частей, внутри Германии в последнее время сформированы около 23 новых дивизий, из коих 13 отборных и около 10 второразрядных. Новые силы эти почти целиком еще не использованы на фронтах и пока еще сосредоточены внутри Германии, кроме части указанных 10 второразрядных дивизий, которые расположены вблизи голландской границы.

Передвижение неприятельских сил со времени остановки вражеского наступления на румынском фронте, то есть с половины января сего года, рисуется в следующем виде. Неприятельские силы на этом фронте ослаблены путем переброски некоторых германских частей на Западный фронт и некоторых болгарских на Салоникский. Благодаря этому общее количество неприятельских сил на нашем фронте, определявшееся к 1 января сего года в 133 дивизии, понизилось до 127 дивизий, как вышеуказано. На Западном фронте в последнее время наблюдалось массирование неприятельских сил в районе Эльзаса и в тылу фронта — Бельгии. На других участках нашего фронта не было до сего времени обнаружено неприятельских частей, снятых с румынского фронта.

В самое последнее время поступили агентурные сведения, свидетельствующие об агрессивных намерениях противника на нашем фронте. Имеются указания об усиленных работах по сооружению на этом фронте неприятелем железных и других дорог. Ряд сведений указывает на намерение противника произвести удар на нашем Северном фронте. Об этом свидетельствуют, во-первых, сведения о подвозе войск, по-видимому укомплектований, из Германии через Либаву, во-вторых, сведения о подвозе продовольственных и боевых запасов германцами в район Северного фронта и, в-третьих, наконец, о направлении на наш фронт части вышеупомянутых новых германских формирований.

Кроме того, имеются некоторые сведения, — от пленных — указывающие на усиление противника также и в Галиции, именно, к северу от Станиславова.

Осуществляемый ныне германцами на западном фронте отход на новые хорошо укрепленные позиции, «позиции Гинденбурга», отстоящие вглубь от прежней оборо-

нительной линии на 30–40 километров, имеет в виду лишить наших союзников возможности нанести германцам ожидавшийся удар путем предположенного с их стороны наступления. Наступление это первоначально должно было состояться в конце февраля по новому стилю, но затем, когда выяснилось, что с русской стороны наступление не может состояться одновременно, англо-французский удар был отсрочен. Германцы воспользовались этим, чтобы указанным маневром парировать готовящийся против них удар. Отход на позиции Гинденбурга дает противнику следующие выгоды: 1) союзники наши вынуждаются потерять на новую подготовку наступления по крайней мере от 4 до 6 недель, необходимых им для оборудования вновь занятой ими территории, для перевозки артиллерии, запасов и пр.; 2) выигрывая пространство, германцы приобретают возможность маневрирования, опираясь на новые, сильно укрепленные позиции, и, следственно, могут сами проявить наступательную инициативу на Западном фронте и 3) сократив свой фронт на западе, германцы освобождают с него от 8 до 9 дивизий, которые они могут оттянуть в резерв.

Согласно вышеизложенному, германцы располагают в настоящую минуту мощной ударной группой, которую они могут использовать в сравнительно близком будущем в том пункте, который они признают наиболее для себя выгодным. Группа эта определяется в 32–35 дивизий, не считая сил, которые противник может снять с разных участков фронта для усиления своего удара в избранном им направлении.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем уважении.

Н. Базили

Ф. 138, оп. 467, д. 365, л. 31–32 об. Подлинник. Рус. яз.

177. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. ПОЛОВЦОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

13/26 марта 1917 г.

Предлагается из помещений заграничных установлений вынести портреты бывших императоров и императорской семьи[1].

Половцов

Ф. 356, оп. 1, д. 1, л. 16. Копия. Рус. яз.

[1] Текст публикуется по экземпляру, направленному в миссию в Бельгии.

178. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

14 марта 1917 г.

Об изменении в учреждении
и штатах Министерства иностранных дел

Временное правительство постановило:

I. В изменение действующих Учреждения Министерства иностранных дел и штата центральных установлений означенного Министерства (Учр[еждение] Мин[истерства] ст. 786, прил., и Собр. узак., 1914 г., ст. 1737[1]) постановить:

1) В составе центральных установлений Министерства иностранных дел образуются Департаменты экономический и правовой.

2) К предметам ведения Экономического департамента относятся: дела, касающиеся торговли, мореплавания, путей сообщения, почты, телеграфа и всякого рода международных административных союзов, за исключением тех из означенных дел, которые возникают из сношений с капитуляционными странами.

3) К предметам ведения Правового департамента относятся: а) дела о правах и преимуществах, присвоенных российским представителям за границей и иностранным представителям в России, о составлении формальных грамот к иностранным владетельным особам и правительствам, а равно о признании иностранных, консульских представителей в России; б) переписка по вопросам международного частного и международного уголовного права и иным вопросам, связанным с пребыванием и личными и имущественными интересами российских граждан в иностранных государствах и иностранцев в России; в) дела пограничные; г) переписка, касающаяся международных выставок и всякого рода съездов, а равно собирание и доставление, по поручению правительственных и общественных установлений, всякого рода сведений и материалов относительно чужих стран; д) дела о наградах, жалуемых иностранцам, и об иностранных орденах, назначаемых российским гражданам; е) разработка заключений по вопросам права, возникающим в других установлениях министерства; ж) дела, связанные с участием министра иностранных дел в высших государственных установлениях; з) дела, означенные в статьях 29–31 действующего Учреждения Министерства иностранных дел, а также заведывание библиотекой министерства.

4) Дела, означенные в пунктах а-д статьи 3, изъемлются из ведения Правового департамента в случаях, указанных в пункте 2 статьи 36 действующего Учреждения Министерства иностранных дел[2].

5) Второй департамент и Юрисконсультская часть Министерства иностранных дел упраздняются, а Первому департаменту присваивается наименование Департамента общих дел министерства.

II. Лиц занимающих должности в упраздняемых настоящим узаконением установлениях Министерства иностранных дел, если они не получат новых назначений, оставить за штатом на общем основании.

III. Расписание должностей, окладов содержания и классов и разрядов по должности и по пенсии в образуемых на основании отдела I, Департаментах правовом и экономическом предоставить установить министру иностранных дел соответственно должностям, окладам, классам и разрядам действующего штата центральных установлений Министерства иностранных дел, с тем, чтобы потребный на содержание означенных

департаментов расход был полностью отнесен на кредит, ассигнуемый на основании помянутого штата, с предоставлением министру обращать на ту же надобность сбережения по этому кредиту от временного незамещения предусмотренных в указанном штате должностей.

IV. Настоящее узаконение ввести в действие со дня его утверждения.

Подписали: министр-председатель Князь Львов
министр иностранных дел П. Милюков
министр финансов М. Терещенко
Обер-прокурор Святейшего Синода В. Львов
министр народного просвещения А. Мануилов
министр земледелия А. Шингарев
министр путей сообщения Н. Некрасов
министр юстиции А. Керенский
Государственный контролер И. Годнев
Управляющий делами Временного правительства Влад. Набоков

Ф. 155. 1–5, оп. 408, д. 1343, л. 1 об.–2. Рус. яз. Собр. узак. и распоряжений Временного правительства от 8 апреля 1917 г. — Ст. 433.

[1] См. прим. 1 к док. № 162.

[2] В пункте 2 статьи 36 Учреждения МИД 1914 года, говорилось что «дела, означенные в статье 27, когда они требуют сношений с восточными правительствами либо с русскими дипломатическими и консульскими представителями на Востоке или же касаются прав и интересов русских подданных в восточных государствах, либо прав и интересов подданных этих государств в России». — См.: Известия МИД. — 1914. — Кн. V. — С. 58.

179. СПРАВКА ОТДЕЛА О ВОЕННОПЛЕННЫХ МИД

16 марта 1917 г.

I. Объединение деятельности всех учреждений, работающих в помощь военнопленным

Объединение для такой цели всех правительственных и общественных организаций, работающих на военнопленных, было давно признано желательным, вследствие чего Российским Обществом Красного Креста был выработан при участии представителя Министерства иностранных дел соответствующий проект, не получивший, однако, осуществления. В начале этого года вопрос о сем был вновь поднят Председателем Государственной думы М.В. Родзянко на заседании Главного управления Российского Общества Красного Креста, но также не получил разрешение.

Ныне представлялось бы возможным осуществить означенное предположение; при этом было бы желательно придать органу, который объединил бы заботу о военнопленных не совещательное, а решающее значение. За образец такого органа могли бы быть приняты Французская внепарламентская комиссия (commission Extra Parlamentaire).

II. Интернирование в нейтральных странах

1) Необходимо не только принять предложение Дании значительно увеличить число переводимых в эту страну пленных, но и не ставить вообще предельного количества.

2) Желательно возобновить переговоры с Голландией, которая предлагала принять пленных, число коих, по предположениям, могло бы достичь нескольких тысяч.

3) Необходимо использовать новое широкое предложение Австро-Венгрии об обмене туберкулезными и об отпуске на родину всех военнопленных, которые имели бы право на интернирование в нейтральную страну, но не будут иметь возможности воспользоваться этим ввиду сравнительно ограниченного числа свободных мест в нейтральных странах.

По всем этим вопросам предвидится затруднение в способе перевозки пленных из России и в Россию. Швеция не в состоянии обслужить передвижение больших масс пленных, морской же путь вызывает возражение Военно-морского ведомства.

III. Цензура

1) Отмена запрета воззваний в пользу пленных соотечественников и публичность дела помощи военнопленным.

2) Облегчение получения русскими пленными и, для избежания со стороны неприятельских правительств репрессий, ускорение доставки неприятельским пленным у нас: а) корреспонденции — за недостатком цензоров, может быть, было бы приемлемо выпускать письма без цензуры, по истечении известного срока по их получении; б) книг — отмена некоторых чрезмерных цензурных стеснений, в) посылок — ускорение досмотра и меры против порчи содержимого.

IV. Объезд лагерей

Урегулирование объезда мест сосредоточения военнопленных, вражеских в России и русских во вражеских странах, командируемыми сестрами милосердия официальными представителями миссии держав — покровительниц и делегатами нейтральных обществ Красного Креста.

На документе помета: «Доложено г-ну м[инист]ру. С. Боткин».

Ф. 160, оп. 708, д. 6208, л. 12–13. Подлинник. Рус. яз.

180. ИЗ ПРОЕКТА ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРИ ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА

30 марта 1917 г.

Для отзыва в течение пяти дней от сего числа

Присутствовали: Председатель граф П.Н. Игнатьев, Комиссар Временного правительства по Главному управлению Российского Общества Красного Креста князь И.С. Васильчиков.

Члены: Арбузов А.Д. (заведующий Особым комитетом помощи военнопленным), Барсков П.Л. (представитель Объединенной организации помощи русс. военнопленным Всероссийских Городского и Земского союзов и Московского городского обще-

ственного Управления), граф Беннигсен Э.П. (член Главного управления Российского Общества Красного Креста), Боткин С.Д. (заведующий Отделом о военнопленных Министерства иностранных дел), Давыдов Н.М. (представитель Отдела о военнопленных при Петроградском областном комитете Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам), Ефимович А.И. (Член Совета министра[1] финансов), Калишевский А.И. (генерал-майор начальник Отдела эвакуационного и по заведыванию военнопленными Главного управления Генерального штаба), Кохманский Н.В. (делопроизводитель Отдела о военнопленных Министерства иностранных дел), Овчинников И.А. генерал-лейтенант (заведующий Центральным справочным бюро о военнопленных), Навашин Д.С. (представитель Московского городского Комитета помощи русским военнопленным), Петров В.Г. (вице-директор департамента Государственных земельных имуществ), Свечин И.Н. (состоящий при министре внутренних дел), Устинов В.М. (представитель Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам), Чаманский А.Д. (начальник Канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста), Щетинин А.С. (юрисконсульт Министерства юстиции), Эзеринг К.И. генерал-майор (представитель Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба), Ясевич Ф.К. (представитель Министерства путей сообщения).

По особому приглашению: Бухе Е.А. (заместитель заведующего Центральным справочным бюро о военнопленных), Гессен Ю.И. (делопроизводитель Особого комитета помощи военнопленным), Дмитров И.П. (управляющий делами Комитета по обмену и эвакуации военнопленных калек), Каган Е.И. (представитель Отдела о военнопленных при Петроградском областном комитете Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам), Москалев Л.Л., полковник (делопроизводитель Отдела эвакуационного и по заведыванию военнопленными Главного управления Генерального штаба), де Фонтон С.Ф. (помощник начальника Канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста), Якимович А.А., полковник (помощник начальника Отдела эвакуационного и по заведыванию военнопленными Главного управления Генерального штаба), Яковлев, капитан 2-го ранга (представитель Морского Генерального штаба).

При заведывающем[1] Отделом о военнопленных Канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста М.О. Косвене.[...][2]

6. Слушали: М.О. Косвен доложил, что Главным управлением Российского Общества Красного Креста, в связи с известиями о положении военнопленных, работающих на Мурманской жел[елезной] дороге, был возбужден вопрос о посылке в район названной дороги особой делегации для ознакомления с помянутым положением. В настоящее время от Главного управления Генерального штаба получено сообщение следующего содержания:

«По вопросу о командировании на Мурманскую жел[езную] дорогу особой делегации из русских сестер милосердия для выяснения и возможного улучшения условий содержания работающих на упомянутой железной дороге австро-венгерских военнопленных, Главное управление Генерального штаба имеет честь осведомить Главное управление Российского Общества Красного Креста, что таковое мероприятие являлось бы вполне соответственным и, казалось бы, могло бы побудить австрийское правительство отказаться от его пожелания о снятии нами с работ по постройке Мурманской жел[езной] дороги пленных чинов австро-венгерской армии.

При этом, для выполнения упомянутой выше миссии, предполагалось бы желательным назначить тех сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, кои уже известны австрийскому правительству по их прежней деятельности в качестве объезжавших лагери наших военнопленных в Австро-Венгрии.

В случае же, если бы австрийское правительство настаивало на немедленном снятии военнопленных австро-венгерской армии с работ по постройке Мурманской железной дороги, под угрозой принять в противном случае соответствующие репрессивные меры в отношении русских военнопленных, Военное министерство изъявляет свое согласие на снятие с указанных работ 5½ тысяч пленных австро-венгерцев, каковое число было бы равно числу снятых в свое время с названной железной дороги военнопленных германцев».

Из обмена мнений по сему поводу выяснилось, что Центральный Комитет не усматривает необходимости ограничиваться в выборе посылаемых на Мурманскую жел[езную] дорогу лиц сестрами милосердия, а полагает желательным командировать в качестве представителей Центрального Комитета по делам о военнопленных компетентных лиц для ознакомления с положением военнопленных и оказания содействия к принятию необходимых мер по улучшению существующих условий.

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Председателя Центрального Комитета избрать соответствующих лиц для помянутой командировки. (Ц.К.).

7. Слушали: А.Д. Арбузов доложил, что при принятии Особым Комитетом помощи военнопленным дел Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, выяснилось, что в кассе последнего комитета имеется в наличности всего около 400 000 руб. Между тем предстоят срочные расходы на продолжение дела продовольственной помощи русским военнопленным. Посему Алексей Дмитриевич полагал необходимым ныне же возбудить ходатайство пред Временным правительством об отпуске из средств казны 4 миллионов рублей в качестве временного ассигнования для выработки общего плана продовольственной помощи нашим военнопленным.

ПОСТАНОВИЛИ: Возбудить соответствующее ходатайство перед Временным правительством.

8. Слушали: Товарищ министра иностранных дел А.А. Половцов обратился к товарищу Председателя Главного управления Российского Общества Красного Креста А.А. Ильину с письмом следующего содержания: «Ввиду заявления объезжавшей лагери военнопленных наших в Австро-Венгрии сестры милосердия Шимкевич о готовности правительства этого освободить всех больных туберкулезом русских военнопленных, военное ведомство обратилось к Министерству иностранных дел, дабы узнать подробности предложения австро-венгерского правительства.

Из переписки с этим правительством выяснилось, что оно предлагает обмен между Россией и Австрией равным числом военнопленных офицеров и солдат, больных туберкулезом в первой стадии. При этом, ввиду перегруженности поездов Шведского Красного Креста и по иным соображениям, австро-венгерское правительство предлагает, чтобы перевозились такие больные военнопленные особо для сего назначенными транспортами морским путем.

Наконец, в видах облегчения применения этой меры для освобождения туберкулезных военнопленных и принятия иных мер, касательно всех вообще больных туберкулезом военнопленных, которые были выработаны на последней Стокгольмской конфе-

ренции[3], австро-венгерское правительство предложило, чтобы в Австро-Венгрию была командирована русская сестра милосердия, а в Россию — австрийская сестра милосердия графиня Ревертера.

Запрошенное по сему поводу Военное министерство не встретило возражений против вышеприведенных предложений австро-венгерского правительства, но не высказалось о способе доставления на родину военнопленных».

Как видно из приложенных к письму А.А. Половцова копий двух нот австро-венгерского правительства, по подсчету названного правительства, Австро-Венгрия готова обменять в первую очередь около 4 000 офицеров и солдат, больных туберкулезом в первой стадии, не подходящих под категорию инвалидов. Высказываясь касательно сестры милосердия, которая имеет быть командированной в Австро-Венгрию, австро-венгерское правительство указывает, что оно благожелательно приняло бы известие о командировании сестры милосердия Шимкевич, а в случае невозможности командировки названной сестры — сестер Тарасевич, Масленниковой или Романовой. Если бы, однако, выбор пал на другое лицо, то названное правительство оставляет за собой право выражения согласия на командировку иного лица.

Доложив о сем, М.О. Косвен сообщил, что, согласно поступившему от Главного управления Генерального штаба уведомлению, военное ведомство признает предложение австро-венгерского правительства приемлемым и, с своей стороны, находит справедливым командировать в Австро-Венгрию сестру милосердия Шимкевич, как первую возбудившую вопрос о помянутом обмене.

По сему поводу А.Д. Чаманский сообщил, что командировка в Россию австро-венгерской сестры милосердия графини Ревертеры является, по особым причинам, нежелательной. С другой стороны, по мнению Анатолия Даниловича, представляется неуместным послать ныне во вражеские страны тех сестер милосердия, которые участвовали в прежних делегациях, состоявшихся при старом режиме.

Е.И. Каган указал, что к выбору командируемых сестер необходимо отнестись с особым вниманием, обсудив в Центральном Комитете предполагаемые кандидатуры.

А.Д. Арбузов доложил, что принц Карл Шведский предложил два способа морского транспорта по Балтийскому морю. Вместе с тем должен быть обсужден вопрос о морской перевозке как военнопленных, так и подарков во всей полноте не только по Балтийскому морю, но и по Черному морю.

Представитель Морского Генерального штаба капитан 2-го ранга Яковлев сообщил, что затронутый вопрос о морском транспорте будет обсужден в Морском Генеральном штабе, а затем доложен Центральному Комитету.

ПОСТАНОВИЛИ: Согласиться с мнением А.Д.Чаманского.

Просить Председателя Центрального Комитета наметить кандидаток из сестер милосердия Красного Креста для командировки в Австро-Венгрию.

Просить представителей Морского Генерального штаба доложить Центральному комитету в ближайшем заседании мнение названного Штаба о морском транспорте военнопленных и подарков.

Просить А.Д. Арбузова довести до сведения Австро-Венгерского Общества Красного Креста о желательности замены графини Ревертера другим лицом.

9. Слушали: А.Д. Арбузов доложил, что им получена через посредство шведского посланника в Петрограде копия ноты австро-венгерского правительства, из каковой

ноты явствует, что названное правительство утвердило постановления Стокгольмского съезда об устройстве госпитальных лагерей. Однако австро-венгерское правительство выразило пожелание о расширении категории туберкулезных, подлежащих помещению в госпитальные лагери, и об увеличении числа медицинских комиссий.

С другой стороны, Алексеем Дмитриевичем получена через посредство Шведского Общества Красного Креста копия ноты германского правительства, из каковой ноты явствует, что названное правительство, равным образом, утверждает постановления Стокгольмского съезда, с тем, чтобы осмотр госпитальных лагерей особыми комиссиями производился не постоянно и регулярно, а лишь при проездах названных комиссий.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить постановления Стокгольмского съезда об устройстве госпитальных лагерей, приняв поправку, предложенную германским правительством. Поправки, предложенные австро-венгерским правительством, отклонить.

Довести о сем до сведения австро-венгерского и германского правительства.

Просить представителей военного ведомства принять меры к подготовке осуществления названных постановлений.

10. Слушали: А.Д. Арбузов доложил, что в связи с принятием Особым комитетом помощи военнопленным делопроизводства комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, возникает вопрос о подыскании для заведываемого Алексеем Дмитриевичем комитета нового помещения.

Д.С. Навашин указал, что было бы весьма желательно соединить в одном помещении все общественные учреждения, занятые делами о военнопленных, для каковой цели необходимо возбудить ходатайство о предоставлении Центральному Комитету одного из зданий, находящихся в распоряжении Комиссара Временного правительства по бывшему Министерству двора.

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить комиссии по выработке инструкций для учреждений, занятых делами о военнопленных, выяснить настоящий вопрос.

11. Слушали: М.О. Косвен доложил, что, по имеющимся в Канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста сведениям, Временное правительство постановило приступить к возвращению на родину задержанных в России гражданских пленных и заложников, образовав специальную комиссию из представителей министерств военного, юстиции, иностранных и внутренних дел для рассмотрения дел о каждом отдельном лице, подлежащем освобождению.

Доложил о сем, М.О. Косвен высказал, что настоящий вопрос, как вопрос общего значения, принадлежит компетенции Центрального Комитета, существование же отдельной комиссии нежелательно, причем допустим лишь особый орган для решения частных вопросов о выпуске отдельных лиц.

И.А. Овчинников указал, что дело заведывания и помощи гражданским пленным и заложникам было до сей поры совершенно неорганизованно. По мнению Ивана Александровича, необходимо создать новый соответствующий орган.

И.Н. Свечин сообщил, что в Министерстве внутренних дел будет обсужден вопрос о заведывании гражданскими пленными и заложниками, причем, по-видимому, будет создан специальный отдел названного министерства, взамен уничтоженного Департамента полиции.

В.М. Устинов подчеркнул необходимость доложить Временному правительству о допустимости обсуждения вопросов о гражданских пленных и заложниках лишь на основании полной взаимности и просить передать функции помянутой Комиссии Центральному Комитету.

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Временное правительство передать обсуждение всех принципиальных вопросов о гражданских пленных и заложниках Центральному Комитету.

Просить генерал-лейтенанта Свечина сообщить о сем постановлении министру внутренних дел.

12. Слушали: От особоуполномоченного Красного Креста во Франции А.А. Березникова получена телеграмма следующего содержания:

«Генерал Ознобишин, помощник военного агента в Швейцарии, на которого возложено интернирование 400 офицеров военнопленных туберкулезных, ожидающихся в скорости в Швейцарии, сообщает о безусловной необходимости срочно иметь [в] распоряжении 100 000 франков для их обмундирования, организации работ, занятий, содержания сиделок и проч.

Интернированные в Швейцарии союзники богато снабжены их Красными Крестами и благотворительными обществами. Наши прибудут без всего. Считаю долгом указать на эту опасность.

Бернский Комитет помощи военнопленным нуждается в средствах, почему пользуясь случаем повторить просьбу продолжать ассигновку по 800 000 в месяц».

По сему поводу представитель Морского Генерального штаба капитан 2-го ранга Яковлев указал, что осуществление интернирования военнопленных в Швейцарии задерживается вследствие невыясненности вопроса о порядке транспорта подлежащих интернированию военнопленных из России, каковой вопрос будет разработан в Морском Генеральном штабе и будет доложен Центральному Комитету.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять к сведению.

В случае благоприятного разрешения настоящего вопроса, возбудить ходатайство об ассигновании в распоряжение генерала Ознобишина 100 000 франков.

Поручить Отделу о военнопленных Канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста представить справку об ассигновке средств Бернскому Комитету помощи военнопленным.

13. Слушали: От членов Комиссии по осмотру лагерей для интернирования военнопленных в Дании и Норвегии доктора К.А. Вальтера, сестры милосердия В.Е. Масленниковой и военного агента в Дании полковника Потоцкого поступила телеграмма следующего содержания:

«Просим ускорить немедленную присылку в Копенгаген всех официальных и окончательных конвенций и инструкций касательно интернирования военнопленных в Дании, без чего задерживаются работы комиссии[4], идущие превосходно.

Благоволите подтвердить принципиальное согласие нашего правительства платить пленным жалованье соответственно чину и указать правила его распределения. По предварительному подсчету, ежемесячная сумма достигает приблизительно 30 000 крон, каковые должны быть авансируемы военному агенту в Копенгагене.

Изберите для работы в лагере 12 сестер, из коих 8 профессиональных; старшей сестрой будет датчанка. Постарайтесь послать из России особого священника, хорошо образованного, соответственно современному положению.

Решив, после подробного обсуждения, неудобство для интернированных штатской одежды, комитет поручает нам доставить из России с первым транспортом 1 500 комплектов гарнизонного обмундирования солдат, в том числе рубашки, шаровары, кушаки, шинели, фуражки. Белье, сапоги, другие предметы будут приобретены на месте заботами Датского комитета, употребляющего с благородной преданностью все возможные усилия для облегчения участи пленных, энергично принимающего все меры к тому, чтобы лагерь был окончательно готов в 15 дней».

По сему поводу С.Д. Боткин указал, что официальный текст конвенций и инструкций будет сообщен датскому правительству по получении от названного правительства ответа о распределении 10 000 мест для интернированных между офицерами и солдатами.

А.А. Якимович указал, что вопрос о доставке в Данию обмундирования для солдат уже решен в благоприятном смысле, сообщил, что вопрос об уплате интернированным военнопленным жалованья является совершенно новым и будет обсужден в Генеральном штабе.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять к сведению.

Просить Председателя Центрального Комитета наметить 12 сестер милосердия и одного священника для командирования в Данию.

14. Слушали: Генерал-майор А.И. Калишевский доложил, что шведский посланник в Петрограде обратился к военному министру с ходатайством о разрешении выезда за границу германской подданной Марте Бондорф. К сему генерал-майор А.И. Калишевский присовокупил, что ввиду тяжкой болезни г-жи Бондорф к удовлетворению приведенного ходатайства со стороны военного ведомства препятствий не имеется.

М.О. Косвен доложил, что генерал Брандстрем обратился по такому же поводу к Председателю Центрального Комитета графу П.Н. Игнатьеву, сообщая вместе с тем, что дочь генерала Брандстрем имеет в виду сопровождать Марту Бондорф в качестве сестры милосердия. Генерал-майор А.И. Калишевский указал, что со стороны военного ведомства препятствий к выезду г-жи Брандстрем не имеется.

Генерал-лейтенант И.Н. Свечин заявил, что со стороны Министерства внутренних дел препятствий к выезду из России Марты Бондорф и г-жи Брандстрем не встречается.

ПОСТАНОВИЛИ: Не встречая препятствий к выезду Марты Бондорф в сопровождении г-жи Брандстрем за границу, просить генерала-лейтенанта И.Н. Свечина принять меры к предоставлению Марте Бондорф возможности беспрепятственного выезда из России.

15. Слушали: Председатель Центрального Комитета гр. П.Н. Игнатьев доложил, что правительства нейтральных стран, в частности, Дании, готовы идти навстречу Российскому Обществу Красного Креста в деле снабжения русских военнопленных продовольствием, и, посему, возникает вопрос, надлежит ли предоставить ведение означенного дела специальной Комиссии Центрального Комитета или какому-нибудь уже существующему учреждению.

В.М. Устинов указал, что следует создать комиссию из состава Центрального Комитета, которая должна выработать общий план снабжения военнопленных продовольствием, пока же необходимо предоставить работать в означенном направлении

уже существующим учреждениям. Вместе с тем, Владимир Михайлович предложил, не создавая новой комиссии для выработки плана продовольственного дела, предоставить комиссии, вырабатывающей инструкции, обсуждать вопросы продовольственной помощи военнопленным, пригласив для сего к участию в своих занятиях представителей заинтересованных учреждений и ведомств.

ПОСТАНОВИЛИ: Предоставить комиссии, вырабатывающей инструкцию, обсуждать вопросы продовольственной помощи военнопленным, пригласив для сего к участию в своих занятиях представителей заинтересованных учреждений и ведомств.

16. Слушали: В.М. Устинов, указав, что одной из мер к улучшению положения военнопленных являются репрессалии по отношению к неприятельским военнопленным, возбудил вопрос, соответствует ли положению Центрального Комитета по делам о военнопленных, действующего под флагом Красного Креста, обсуждать вопросы о применении репрессалий. По мнению Владимира Михайловича, удобнее было бы создать особое учреждение, ведающее означенный вопрос.

Д.С. Навашин высказал, что создание особого органа для указанной цели неуместно, так как Центральный Комитет предварительно обсуждает все меры, клонящиеся к улучшению положения военнопленных, когда же не остается никакого иного способа воздействия на правительство воюющего с нами государства, как репрессалий, то вопрос об осуществлении указанной меры, как принадлежащий к компетенции военного ведомства, означенным ведомством и разрешается. А.И. Калишевский предложил предоставить дело применения репрессалий военному ведомству, с тем, чтобы в каждом отдельном случае ведомство вносило означенные вопросы на рассмотрение Центрального Комитета.

Председатель Центрального Комитета гр. П.Н. Игнатьев указал, что Центральный Комитет, предварительно применения репрессалий, изыскивает все возможные способы улучшения положения военнопленных, а в случае не достижения благоприятного результата, должен лишь предупредить Общество Красного Креста неприятельской страны о неизбежности применения репрессалий как ultima ratio [последний довод].

ПОСТАНОВИЛИ: Согласиться с мнением Председателя Центрального Комитета гр. П.Н. Игнатьева.

17. Слушали: На имя Председателя Центрального Комитета гр. П.Н. Игнатьева получена телеграмма следующего содержания: «Собрание президиумов всех Медицинских обществ Москвы чрез Особую Комиссию постановило просить Вас ускорить разрешение вопроса об обмене военнопленных врачей и всего санитарного персонала. Руководимся следующими соображениями: 1) на основании постановления Женевской Конвенции[5] давно состоялся обмен санитарного персонала между враждебными нам государствами и Францией и Англией; 2) русские военнопленные врачи поставлены в условия полной невозможности самостоятельно работать и исполняют только указания немецких врачей; 3) если последние условия не будут даже изменены, то расчет оставления одного врача на 2 500 пленных неправилен, ибо в лагерях военнопленных налицо состоит не более 10 части, остальные находятся на работах вне лагерного врачебного надзора». С.Д. Боткин доложил, что переговоры с германским правительством по вопросу об обмене военнопленными врачами ведутся в течение весьма продолжительного времени, причем означенные переговоры сильно затянулись как вследствие того, что

германское правительство поставило вопрос об обмене врачей в связь с освобождением военнообязанных старше 45 лет, так и из-за разногласия относительно списка врачей, подлежащих возвращению на родину в первую очередь. С.Д. Боткин предлагает согласиться на предложенный германским правительством список. Генерал-майор А.И. Калишевский, сообщив, что военное ведомство готово принять предложение германского правительства, указал на необходимость широкого оповещения населения путем печати о содержании переговоров с германским правительством, приведших к изменению составленного Министерством иностранных дел списка врачей.

Д.С. Навашин, указывая, что изменение первоначального списка врачей, подлежащих обмену в первую очередь, вызовет сильное недовольство среди населения, предложил обратиться к Германскому Обществу Красного Креста с телеграммой об обмене врачей согласно составленному Министерством иностранных дел списку.

А.Д. Чаманский предложил войти в сношения по настоящему вопросу с Германским Обществом Красного Креста через посредство Датского Общества Красного Креста.

ПОСТАНОВИЛИ: Сделать через посредство Датского Общества Красного Креста представление по телеграфу Германскому Обществу Красного Креста о необходимости обмена врачами согласно списку Министерства иностранных дел.

Ф. 160, оп. 708, д. 1565, л. 33–40. Копия. Рус. яз.

[1] Так в документе.

[2] Опущены пункты протокола, касающиеся организационных вопросов, а также вопроса о ходатайстве группы евреев австро-венгерских подданных из Тарнополя о выезде на родину.

[3] См. прим. 2 к док. № 143.

[4] Имеется в виду Копенгагенская конференция о военнопленных 1917 г.

[5] См. прим. 4 к док. № 72.

181. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВА ПОСЛУ РОССИИ В США Ю.П. БАХМЕТЕВУ

№ 1487 *Петроград, 4/17 апреля 1917 г.*
Шифром

По соглашению со здешней американской военной агентурой выработана программа мер военного содействия нам в области снабжения. Передавая ниже программу, прошу Вас на основании ее войти в переговоры с американским правительством и о результате уведомить.

1. С объявлением войны правительство Соединенных Штатов Америки одновременно устанавливает для всех заводов страны приоритет выполнения военных заказов. Кроме того, большое количество предприятий будут специально перепрофилированы на удовлетворение военных нужд. Аналогичным образом будут значительно сокращены сроки выполнения военных заказов, а их объем увеличен.

2. Соединенные Штаты поставят в Россию значительное количество подвижного состава для российских железных дорог, а также рельсы и другие материалы, необходимые для увеличения их ресурсов. Можно импортировать подвижной состав, потребный

для России, из уже имеющегося в Америке количества, не делая новых заказов. К тому же требуемая для него модификация будет произведена в более короткие сроки, что позволит обеспечить снабжение российской сети железных дорог американскими локомотивами и вагонами.

3. Во Владивостоке будет выделена соответствующая территория под строительство складов для приема импорта из Америки. Одновременно часть порта будет переоборудована для синхронной разгрузки 25 судов. В дополнение к этому мастерские и склады Владивостока и ряда других городов будут оснащены надлежащим образом в соответствии с пожеланиями российского правительства. Магазины, склады, мастерские и другие запасы будут находиться под контролем особого должностного лица, которое в ближайшее время прибудет из Америки с необходимым персоналом. Юридические условия этой помощи будут оговорены позднее.

4. Офицеры, инженеры и мастера отправятся из Америки незамедлительно для обследования причалов, мастерских и складов Владивостока и Харбина, предназначенных для американских грузов и материалов в адрес железных дорог.

5. Инженеры и специалисты из Америки будут приглашены правительством России для изучения вопросов эксплуатации и повышения рентабельности Уссурийской железной дороги, КВЖД[1] и Транссиба и составления рекомендаций по улучшению обслуживания военных поставок в Россию из Соединенных Штатов.

6. Прибывшие из Америки инженеры с целью изучения функционирования упомянутых выше магистралей и выработки мер по повышению их пропускной способности окажут содействие в сооружении вторых путей, разъездов, мастерских и депо, а также в безотлагательном выяснении всех потребностей железных дорог в поставках из Америки.

(подписал) Милюков

Печат. по: Россия и США. — С. 749–750.
Ф. 170, оп. 512/1, д. 440, л. 216–217. Копия. Рус. и фр. яз.

[1] Китайско-восточная железная дорога (с 1945 года — Китайская Чанчуньская железная дорога) — железнодорожная магистраль в Северо-Восточном Китае, построена Россией в 1897–1903 гг.

182. ДОНЕСЕНИЕ КОНСУЛА РОССИИ В БЕРГЕНЕ Н.А. ЕМЕЛЬЯНОВА ВО ВТОРОЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

№ 348 *4 апреля 1917 г.*

Сего числа за № 347 мною послано миссии в Христании следующее донесение.

Имею честь донести миссии, что вчера, 3 апреля, около 9 час. утра прибыли в Берген из Великобритании на специальном английском пароходе девяносто девять солдат, бежавших из германского плена. На том же пароходе приехали еще около 40 русских путешественников, из них более половины политических эмигрантов.

Консульство приняло все возможные меры, чтобы накормить и напоить наших военнопленных и устроить на ночлег. Лишь 25 солдат удалось поместить в гостинице, 5 человек спали в частном доме, остальные были размещены в двух вагонах, один вагон 3-го кл.

и другой 3 и 2 кл., в последнем было 12 спальных мест, которыми и воспользовались наши солдаты, благодаря любезности местного высшего железнодорожного начальства.

Политическим эмигрантам, обратившимся в консульство за помощью, было оказано посильное содействие, четырнадцати лицам выдано было денежное пособие в пределах возможной экономии. С большим трудом консульству удалось найти им всем помещение в городе, четыре политических эмигранта провели ночь в канцелярии консульства.

Считаю долгом донести, что при тех условиях, при которых протекает работа здешнего вице-консульства, всегда возможны нарекания со стороны наших путешественников, но вице-консульство бессильно предупредить их, если бы даже располагало крупными суммами.

Переехав через Северное море при сильной качке, наши солдаты, по прибытии в Берген, за исключением 25 человек, устроенных в гостинице, должны были почти целый день провести на ногах. Чтобы дать им возможность хоть немного отдохнуть, вице-консульство отправило их всех в синематограф, вагонами можно было воспользоваться лишь после 10 час. вечера по прибытии поезда из Христиании.

Покорнейше прошу миссию не отказать в зависящих мерах, чтобы и на будущее время здешнее железнодорожное начальство по просьбе вице-консульства предоставляло бы русским военнопленным вагоны для ночлега, в которых они должны следовать в Христианию. Хотя вице-консульству и удалось вчера получить два вагона, но на будущее время, без приказания из Христиании, вагоны не будут предоставляемы, а без вагонов нашим военнопленным придется проводить ночь буквально на улице.

Вице-консульство, как всегда, было с самого раннего утра до полуночи к услугам наших путешественников.

Консул Н. Емельянов

Ф. 157, оп. 455а, д. 157, л. 7–7 об. Подлинник. Рус. яз.

183. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ П.Н. МИЛЮКОВА В РОССИЙСКИЕ МИНИСТЕРСТВА[1]

№ 294 *5 апреля 1917 г.*

Министерство иностранных дел имеет честь сообщить, что за последнее время значительно возросло число командировок разных лиц за границу. Различные учреждения обращаются в Министерство иностранных дел с просьбой оказать содействие отбывающим лицам. Посему и ввиду неоднократно возникавших недоразумений о том, в чем именно может выразиться означенное содействие, министерство считает долгом представить нижеследующие разъяснения:

1) Лицам, отправляющимся на постоянную службу за границу, равно и командируемым с поручениями дипломатического и военно-морского характера, выдаются в Канцелярии министерства «дипломатические паспорта», когда о сем запрашивают гг. министры, их товарищи, а равно Главное управление Генерального штаба и Морской генеральный штаб.

2) Прочие лица, хотя бы и командируемые за границу, по поручению отдельных правительственных и общественных установлений, следуют за границу с обычными паспортами.

3) Всем командируемым лицам, перечисленным как в параграфе 1, так и в параграфе 2, могут выдаваться «курьерские листы», если об этом попросить Канцелярию министра командирующее их установление, указав род командировки и сообщив перечень тех посылок и документов, которые оно вверяет командируемому лицу. При этом необходимо иметь в виду, что «курьерские листы» не являются паспортами, а удостоверениями о неподлежании таможенному досмотру «официальной экспедиции», снабженной печатями Министерства иностранных дел по адресу дипломатических учреждений за границей и вверяемой командируемому лицу для доставки по назначению. Кроме того, на практике не представляется возможным выставлять более одного курьерского листа в день, так что приходится или соединять две или более экспедиции в одну (при необходимости послать их одновременно), или же соблюдать очередь путем постепенного их отправления в разные дни.

4) Содействие может оказываться, наконец, путем рекомендации командируемых лиц заграничным нашим установлениям. Этого рода рекомендации, в форме так называемых «открытых листов», выдаются, по просьбе заинтересованных учреждений, в *Правовом* департаменте Министерства иностранных дел.

В заключение Министерство иностранных дел не может не обратить внимание всех заинтересованных на ограниченность и затруднительность способов сообщения с иностранными государствами в данное время. Не только обыкновенным путешественникам, но и официально командируемым лицам, при максимальном содействии со стороны министерства, приходится считаться с возможностью запозданий, выжидания очереди и тому подобными затруднениями в пути и особенно при переходах морем.

Изложенные выше разъяснения Министерство иностранных дел считает долгом сообщить для сведения.

М[инис]тр ин[остранных] д[ел]

Нач[альни]к канц[елярии]

Ф. 133, оп. 470, 1917 г. (неполитич.), д. 5, л. 98–99 об. Черн. экз. Рус. яз.

[1] Согласно разметке на документе отношение было направлено министрам внутренних дел, финансов, юстиции, земледелия, торговли и промышленности, народного просвещения, военному, морскому, путей сообщения, обер-прокурору, государственному контролеру.

184. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И КОНСУЛЬСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 2200 *14/27 мая 1917 г.*

Помощь русским политическим эмигрантам на водворение на родину предлагается оказывать на следующих общих основаниях:

В местах наибольшего сосредоточения эмигрантов заграничные учреждения устанавливают взаимодействие по оказанию помощи с комитетами эмигрантов. Там, где комитетов нет, желательно их образовать из эмигрантов и лиц по их приглашению.

По соглашению в трудах комитетов могут принимать участие без ущерба, однако, для их прямых обязанностей чины заграничных учреждений. Комитеты устанавливают, кому именно помощь должна быть оказана. В зависимости от состоятельности эмигрантов выдаются ссуды или безвозвратные пособия. Сроки возвращения ссуд устанавливаются комитетами по соглашению с ссудополучателями. В получении ссуд и пособий выдаются расписки с обозначением полученной суммы, имени, отчества и фамилии получателя, его занятий и местоназначения в России. Отправляемым на родину эмигрантам по форме, установленной комитетами, особые проездные листы, куда вписываются ссуды и пособия, как выданные в месте отправления, так и полученные по пути. Эмигрантам, выжидающим отправления, а также их семьям, не имеющим возможности их сопровождать, могут быть выдаваемы ссуды и пособия на прожитие. В исключительных случаях помощь оказывается и на другие надобности. Размер ссуд и пособий с непременным соблюдением всяческой экономии устанавливается комитетами по соображению со стоимостью проезда, продовольствия в пути и местным нормам расходов на безбедственное прожитие. Заграничным установлениям представляется оказывать через комитеты индивидуальную помощь или же общую, зафрахтованием для отправки более значительных групп эмигрантов специальных судов с уплатой продовольствия. Расход, упадающий на каждого эмигранта, вписывается в его проездной лист в качестве ссуды или пособия и на этот расход отбирается расписка перед посадкой на судно. Выдачи на проезд в зависимости от условий следования могут производиться на весь путь или на часть пути, этапами, напр. от места отправления до места посадки на суда и далее от порта прибытия судна до русской границы. Суммы на помощь эмигрантам могут быть передаваемы частями в виде авансов под отчет заграничными установлениями комитетам. По получении отчета в двух экземплярах с расписками выдается новый аванс. Один экземпляр отчета остается в делах установления, а другой с подлинными расписками препровождается в Министерство иностранных дел, которому передаются и расписки комитетов в получении авансов. Там, где выдачи производятся самим заграничным установлением, вся отчетность возлагается на него.

Ф. 157, оп. 455 г., д. 1а, л. 45–45 об. Копия. Рус. яз.

185. ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПЕЧАТИ МИД

17 мая 1917 г.

При образовании Осведомительного отдела[1] предполагалось сосредоточить в нем получение и разработку сведений о развитии политической мысли в зарубежных странах. Для этой цели 24 марта 1916 г. Особым журналом Совета министров отпущен был особый кредит в размере 5 500 рублей в месяц до окончания войны. Кредит этот был глобальным и к тому же секретным, и распределение его расходования было предоставлено министерству. Состав лиц, подлежащих работать в отделе ни в качественном, ни в количественном отношении не был определен. Предполагалось широкое привлечение отозванных чинов. Слишком туманная постановка вопроса привела к тому, что последовательно сменившиеся в краткий период существования отдела заведующие им не могли скристаллизировать цели его работы. С другой стороны, на образованный

на этих основаниях отдел затем, постепенно, предполагалось возлагать другие задачи. 17 ноября новый начальник Осведомительного отдела представил министру записку, в коей указал, что они приняли столь широкие размеры, что необходимо более точным образом выяснить, как предел этих задач, так и соответствие между ними и средствами для их достижения, коими располагает отдел.

К отделу предъявлены требования:

I) Об осведомлении министерства на основании печатного материала и донесений агентов отдела в нейтральных странах о политических течениях, существующих в главных государствах.

II) О необходимости получения сведений о политических настроениях путем разведки.

III) Пропаганда в зарубежных странах.

I) Первое из них относится к первоначальной, основной, так сказать, деятельности отдела. Было решено ее осуществлять, приноровив состав Осведомительного отдела к этой цели.

II) Тогда же решено было, что разведка не может быть возложена на Осведомительный отдел. Получение разведочного материала должно оставаться в исключительной компетенции соответствующих политических отделов.

III) Пропаганда в смысле распространения желательных для нас политических и экономических телеграфных сведений всецело принята была на себя Отделом печати при его реорганизации в мае 1916 года. Однако пропаганда в широком смысле этого слова, т.е. обработка заграничного общественного мнения путем статей, брошюр по разным вопросам государственной жизни, финансовым, экономическим, военным, торговым, промышленным и т.д. не могла быть возложена на Отдел печати, не имеющий для этого ни состава, ни средств, тем более, что эта задача была возложена (с соответствующими кредитами) на Главное управление Генерального штаба. Было решено первый тип пропаганды оставить за Отделом печати, а второй тип за Главным управлением Генерального штаба.

С ноября 1916 г. деятельность Осведомительного отдела приняла совершенно определенный характер и выражалась в снабжении министерства двумя типами изданий: I) в первый входили систематизированное изложение всех сведений, полученных по тому или иному вопросу (секретных сведений в Осведомительном отделе не получалось). II) во второй — разбор всех книг, брошюр, являющихся отражением течения мысли в зарубежных странах по отношению к главным вопросам международной политики.

Для этой цели состав Осведомительного отдела была изменен. Обращено было внимание особое на деятельность осведомительных агентов за границей.

При создании их кадра имелось в виду получение возможно более подробных материалов касательно положения вражеских, союзных и нейтральных стран. Однако содержание осведомительному агенту ввиду ограниченности бюджета Осведомительного отдела не могло быть определенно выше 500 рублей в месяц. Размер означенного содержания был недостаточен для подыскания подходящего лица в России и командирования его за границу. Пришлось искать соответствующих лиц уже на местах, имеющих какое-нибудь определенное занятие и заработок. С большими затруднениями осведомительная агентура была организована в Париже, Берне, Стокгольме, Копенгагене, Христиании и в Бухаресте в течение 1916 года. Она дала отрицательный результат: недостаточные средства, невозможность найти людей, отсутствие почты привело к тому, что в общем деятельность осведомительных агентов свелась к доставке[2] книг. Осведоми-

тельный отдел был лишен главного своего материала для составления обзоров сведений о положении того или иного политического вопроса. Ввиду сего главным материалом для работы Осведомительного отдела служили не донесения агентов, (приблизительно с осени 1916 года), а вообще печатный материал. На все указания относительно неудовлетворительности деятельности Осведомительных агентов последние неизменно ссылались с декабря месяца 1916 года на отсутствие свободного времени и невозможность удовлетворить все требования министерства.

Такая ненормальная постановка дела приводит к заключению о необходимости реорганизации отдела и упразднении осведомительных агентов, деятельность коих совершенно не оправдала возложенных на них надежд.

Надо при этом иметь в виду, что круг ведения Отдела печати заключает в себе ознакомления министерства с настроением общественного мнения. Весьма близко к этому стоит работа Осведомительного отдела, заключающаяся в просмотре книг, журналов, печатных материалов и переработки их для ознакомления с ними министерства.

Кроме того, следует указать, что Министерство иностранных дел уже несколько лет выпускает в качестве периодического органа министерства «Известия Министерства иностранных дел», в неофициальном отделе которых печатались статьи и материалы по международным вопросам. Ввиду близости целей, преследуемых изданиями Осведомительного отдела и «Известиями Министерства иностранных дел» представлялось бы целесообразным слить воедино оба эти издания. В случае такого слития, «Известия» могли бы быть преобразованы в журнал, по возможности ежемесячный, выходящий книжками от 15 до 20 листов (на подобие журнала министерства народного просвещения). Такой журнал, естественно, носил бы характер периодического издания, специально посвященного вопросам внешней политики и своим содержанием мог бы заинтересовать не только специалистов, но и более широкие круги образованной публики, так как несомненно, что в русском обществе существует ныне несомненная потребность в таком периодическом издании.

Преобразованный из «Известий» новый журнал Министерства иностранных дел мог бы издаваться по следующей программе:

1) Официальный отдел. А) Международные договоры, заключенные Россией. Б) Русское законодательство. В) Международные договоры иностранных государств. Г) Дипломатическая переписка. Д) Административная и судебная практика. Е) Консульские донесения.

2) Неофициальный отдел. А) Исследование, статьи, и заметки и материалы научного характера, касающиеся вопросов международных отношений. Б) Ежемесячная хроника политических событий. В) Систематические обзоры иностранных журналов, книг и брошюр политического характера. Г) Библиографический отдел.

Принимая вышеизложенное в соображение, реорганизация Осведомительного отдела следовало бы совершить на следующих началах:

Объединить Осведомительный отдел и Отделы печати в один отдел под общим наименованием Отдела печати и осведомления.

Секретный кредит на Осведомительный отдел в 5 500 рублей на время войны сделать гласным и постоянным, обратив его на усиление состава Отдела печати и осведомления (часть служащих в Осведомительном отделе могла бы поступить в новый отдел, а остальные могли бы быть освобождены от работы в Осведомительном отделе и привлечены к работам в других отделах министерства, более нуждающихся в людях).

Возложить на Отдел печати и осведомления редакцию «Известий» Министерства иностранных дел.

Упразднить заграничных агентов Осведомительного отдела с возложением на посольства и миссии обязанностей доставлять литературный материал по вопросам международной политики (продолжая отпускать указанные выше на последний предмет суммы из кредита в 5 500 рублей).

По выяснению стоимости журнала Министерства иностранных дел (часть расходов на оный покрывалась бы отпускаемыми на «Известия» 8 400 руб. в год) и других изданий Осведомительного отдела остаток из кредита в 5 500 рублей мог бы быть отнесен на другие надобности министерства.

На документе помета: «Г-н министр иностр[анных] дел согласен с настоящей запиской. А. Нератов. 17 мая 1917 г.».

Ф. 159, оп. 731, 1917 г., д. 227, л. 26–29 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. док. № 165.

[2] Во всех означенных городах предоставлена была известная сумма агентам на приобретение книг и печатного материала (прим. документа).

186. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 2843

20 июня 1917 г.
Циркулярно
Шифром

Благоволите передать следующее сообщение нашим эмигрантским комитетам в стране Вашего пребывания:

Естественное разграничение районов действий эмигрантских комитетов и заграничных учреждений Министерства иностранных дел необходимо в интересах их согласованной и успешной деятельности. В этих целях Министерство иностранных дел с признательностью приветствует компетентное сотрудничество эмигрантских комитетов в деле сообщения различных сведений, советов, указаний и справок о нуждах наших политических эмигрантов, а также ценное содействие, оказываемое комитетами делу удовлетворения этих нужд. Это сотрудничество, однако, не должно облекаться в форму воздействия или давления на наши заграничные учреждения в смысле направления их официальных шагов. Такое воздействие может затруднить деятельность наших дипломатических представителей, руководимую указаниями Министерства иностранных дел в согласии с видами Временного правительства.

Терещенко

Ф. 157, оп. 455 г., д. 1, л. 15. Подлинник. Рус. яз.

187. НОТА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В РОССИИ ДЖ. БЬЮКЕНЕНУ

22 июня 1917 г.

Господин посол,

Ввиду тяжелого положения, в котором находится в настоящее время дело заграничного снабжения русского военного воздушного флота, считаю своим долгом обратиться к ценному содействию Вашего превосходительства с покорнейшей просьбой об обращении внимания правительства его британского величества на нижеследующее.

Считаясь с существующим недостатком тоннажа и, поэтому, сведя к минимуму свои потребности в заграничном авиационном оборудовании, определенные на совещаниях Петроградской конференции союзников[1], Военное ведомство примиряется с невозможностью немедленного получения летательных аппаратов: однако оно лишено возможности отказаться от моторов, своевременная высылка коих является непременным условием дальнейшей работы авиации. Между тем за период времени с 1 января по 23 мая 1917 г. получено всего 235 моторов, тогда как число заказанных, но еще не погруженных моторов составляло на 1 января сего года 4843, а на 1 апреля 6838 шт. Таким образом, доставлено всего около 4,5–3,5 %. Доставке препятствует общий недостаток тоннажа. Существующее, при таких условиях, положение в области авиации признается военным ведомством катастрофическим.

Для избежания самых тяжелых последствий Управление военного воздушного флота признает крайне необходимым получить из Франции следующий крайний минимум моторов: в ближайший срок — 510 штук, к 1 июля сего года — 580 штук, и к 1 сентября с.г. — 480 штук.

На возможность срочной доставки этих моторов можно рассчитывать только при том условии, что Великобританское правительство признает необходимым, в общих целях успешного ведения войны, обеспечить их своевременную перевозку, и я обращаюсь к Вашему превосходительству с просьбой о доведении до сведения Вашего правительства и о поддержании перед ним, приведенных соображений по настоящему неотложному делу[2].

Примите, господин посол, уверения в отличном моем почтении.

Нератов

Верно: М.Ч.

Ф. 158, оп. 449, д. 23, л. 9–9 об. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] См. док. 41, 45.

[2] Нотой от 15/28 июля 1917 г. посольство Великобритании сообщило, что британское правительство предпринимает шаги по ускорению доставки авиационных моторов для России, заказанных через Британскую авиационную комиссию. — См.: Ф. 158, оп. 449, д. 23, л. 12.

188. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 2881 *23 июня/6 июля 1917 г.*

Секретная телеграмма российским представителям
в Лондоне, Париже, Риме, Мадриде, Афинах, Копенгагене, Христиании,
Гааге, Лиссабоне, Яссах, Корфу, Берне, Стокгольме, Гавре (Бельгия)

При настоящих политических обстоятельствах приобретает особо важное значение взаимное осведомление Центрального ведомства и заграничных установлений Министерства иностранных дел о течениях в области внешней и внутренней политики в России и заграничных государствах. Со своей стороны, Министерство иностранных дел идет навстречу этой потребности периодическим сообщением нашим заграничным агентам телеграмм осведомительного свойства. Необходимо, однако, отметить, что столь же важное осведомление министерства о политической жизни иностранных государств не поставлено на должную высоту. В большинстве случаев дело ограничивается сообщением отдельных фактических данных и отзывов о них, вне связи с общим положением в стране, что лишает эти сведения большей частью их значения и не дает возможности должной их оценки. Со времени войны большинство наших заграничных представителей значительно сократило, в силу обстоятельств, число своих письменных донесений о политическом положении, которые к тому же прибывают с большими опозданиями. Поэтому я нахожу необходимым, чтобы посольства и миссии впредь доставляли в министерство по телеграфу регулярные обзоры политической жизни стран их пребывания с освещением текущих событий. Сроки предоставляются усмотрению начальников установлений в зависимости от важности событий. От начальников установлений будет также зависеть поручить эту работу, под своим руководством и надзором, чинам вверенных им посольств и миссий по отдельным отраслям осведомления. О порядке организации этого дела в вверенном Вам установлении благоволите уведомить.

(подп.) Терещенко

Ф. 135, оп. 474, д. 12, л. 6. Копия. Рус. яз.

189. ОТНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА Г.Д. РОМАНОВСКОГО В ОТДЕЛ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА[1]

№ 808 *5 июля 1917 г.*
Секретно

Главным управлением Генерального штаба, до войны и в течение первого периода военных действий, получались от Министерства иностранных дел телеграммы и письменные донесения наших дипломатических представителей за границей. Указанные выше телеграммы имели и имеют для Главного управления Генерального штаба боль-

шое значение, так как освещая часто с исчерпывающей полнотой многие вопросы, политической, экономической, а отчасти и военной жизни иностранных государств, позволяют тем самым более правильно руководить работой наших военных агентов за границей и, кроме того, дают часто определенные указания на намерения и настроения нейтральных стран, а также и на намерения наших врагов. На основании изложенного я обращаюсь к Вам с просьбой о сообщении Главному управлению Генерального штаба копий тех телеграмм наших заграничных дипломатических представителей, кои имеют значение в указанном выше смысле.

Прошу принять и прочее...[2]

(подп.) ...[2]

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 142, л. 5. Копия. Рус. яз.

[1] Копия документа была направлена для ознакомления в МИД.
[2] Многоточие документа.

190. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ЮРИСКОНСУЛЬТА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ К.А. КАРАСЕВА

7 июля 1917 г.

Памятная записка статского советника Карасева

В начале 1915 года я подал мысль Управлению генерал-квартирмейстера о желательности закупки державами Согласия хотя бы части добываемой в Северной Швеции железной руды, значительное количество коей отправляется шведами в Германию, где, благодаря своим высоким качествам, руда эта служит серьезным подспорьем для германской военной промышленности.

По распоряжению Управления генерал-квартирмейстера в этом смысле было сделано сношение со шведским правительством, не приведшее, к сожалению, ни к каким положительным результатам. Главным препятствием к осуществлению этого проекта, по сообщению нашего посланника, являлось то обстоятельство, что в Главное акционерное общество Гренгесберг (*Aktiebolaget Yrängesberg Oxelesund*), эксплуатирующее залежи железной руды, вложены германские капиталы и, если бы шведское правительство согласилось исполнить нашу просьбу, то тем в высшей степени обострило бы свои отношения с Германией, что при тогдашнем политическом положении являлось будто для нас невыгодным.

Названная шведская руда экспортируется в Германию преимущественно через два порта — Окселезунд (Ботнический залив) и Нарвик в Норвегии. Для сокращения подвоза помянутой руды в Германию у нас стали следить за перевозящими ее судами и топить их при помощи подводных лодок. Германское правительство, не на шутку встревоженное таким оборотом дела, стало в своих официальных органах печати доказывать бесцельность подобного образа действий держав Согласия, уверяя, что будто количество получаемой Германией из Швеции железной руды составляет немного более одной восьмой части всего количества потребной ей руды. Конечно, в данном случае, как и во многих других, германская статистика была вымышленной.

Просматривая ныне доставляемые мне шведские газеты последнего времени, я нашел в газете «Афтонбладет» от 9 июня заметку, озаглавленную «Увеличение вывоза железной руды из Швеции», в заметке этой сообщается, что Акционерному обществу Гренгесберг — Окселезунд разрешено вывозить до конца 1918 года из района Гренгесберг железной руды на 550 000 тонн больше того количества, которое было раньше установлено на основании контракта. Сообщение это ясно свидетельствует как об увеличившейся в Германии нужде в железе для надобностей военной промышленности, так и о том, что Германия рассчитывает закончить войну к концу 1918 года. В предположении об испытываемой Германией нужде в железе меня укрепила еще секретная телеграмма нашего поверенного в делах в Копенгагене от 28 июня/11 июля с.г. за № 234, в которой он между прочим доносил, что, по словам заслуживающего доверия и лично миссии известного датчанина, военная промышленность в Германии страдает от недостатка железной руды и, что в случае приостановки подвоза из Швеции, предстоит вынужденное сокращение производства.

Таким образом, если считать установленным факт уменьшения в Германии запасов железа для военной промышленности, то сам собой напрашивается вопрос о своевременности для держав Согласия принять меры к ограничению подвоза шведской железной руды в Германию. В виду изменившейся в настоящее время по сравнению с 1915 года политической конъюнктуры, благодаря выступлению Америки, державы Согласия имели бы теперь, мне кажется, более шансов сделать Швецию сговорчивее в смысле исполнения желания держав Согласия о закупке хотя части шведской руды. После объявления Америкой списка товаров, запрещенных к вывозу в нейтральные страны, шведская пресса стала обнаруживать известную нервность и в ней уже замечается течение за известные компенсации, более внимательного отношения к нуждам держав Согласия.

Ввиду всего изложенного, по моему мнению, настоящий момент является наиболее подходящим для представлений шведскому правительству о необходимости для держав Согласия или, в частности, для России воспользоваться частью добываемой в Швеции железной руды.

Статский советник К. Карасев

Ф. 323, оп. 617, д. 8, л. 51–52. Подлинник. Рус. яз.

191. ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.М. ПЕТРЯЕВА МИНИСТРУ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ И.Г. ЦЕРЕТЕЛИ

№ 454

20 июля 1917 г.
Весьма срочно

Чрезвычайное серьезное значение происходящих ныне в России событий и быстрая их смена настоятельно требуют всестороннего и немедленного их освещения в печати союзных и нейтральных стран. Всякое промедление с передачей сведений из России неминуемо вызывает неправильную оценку и ложное представление за границей о положении в России и легко могут причинить значительный, иногда непоправимый ущерб русским интересам.

Правильное осведомление иностранного общественного мнения может быть достигнуто лишь путем развития и облегчения деятельности иностранных корреспондентов, среди которых в настоящее время имеется много серьезных и беспристрастных лиц, привлеченных интересом, проявляемым повсеместно к русской революции. Между тем деятельность корреспондентов встречает чрезвычайные затруднения в связи с задержками в передаче за границу их телеграфных сообщений; это имеет тем большее значение, что запоздалые сведения часто совершенно не могут быть использованными местными органами печати, несущими таким образом лишь непроизводительную трату денег, труда и времени. В связи с этим, многими газетными организациями и отдельными газетами поднят вопрос о совершенном отозвании их представителей из России.

Ввиду того государственного значения, которое имеют, особенно в настоящее время, газетные телеграммы, Министерство иностранных дел не видит иного выхода из создавшегося положения, кроме приравнения всех газетных телеграмм, содержащих проверенные военной цензурой сведения, к срочным телеграммам, без взыскания за это особой платы, как это имеет место в большинстве иностранных государств. Только такой порядок, при котором газетные телеграммы достигали бы мест назначения по возможности не позже 24 часов со времени поступления на телеграф, мог бы гарантировать производительную и в высшей степени полезную для русских интересов работу иностранных корреспондентов.

О заключении по поводу изложенных выше соображений, министерство просит не отказать его уведомить в непродолжительном по возможности времени.

Товарищ министра
За управляющего Отделом[1]

Ф. 140, оп. 477, д. 803, л. 34–34 об. Отпуск. Рус. яз.

[1] Имеется в виду Отдел печати и осведомления.

192. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.М. ПЕТРЯЕВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 3309 *22 июля 1917 г.*
Срочная
Шифром

По требованию военного министра Керенского благоволите принять к руководству нижеследующее:

В связи с чрезвычайными обстоятельствами настоящего времени и по соображениям государственной обороны, приостанавливается, впредь до новых распоряжений, действие установленного льготного порядка выдачи паспортов на въезд в Россию нашим политическим эмигрантам.

Таким образом, по открытии границы, въезд в Россию политических эмигрантов, будет допускаться на тех же основаниях, как и въезд вообще всех русских граждан, т.е.

с соблюдением паспортных правил 25 октября 1916 г.[1] и притом только для лиц, относительно коих нашими заграничными представителями, где возможно, и по соглашению с местными эмигрантскими комитетами, могут быть представлены достаточно уважительные ходатайства.

Предусмотренный циркуляром № 630 порядок телеграфных запросов в Министерство иностранных дел заграничных его учреждений о разрешении выдать паспорт на въезд в Россию должен впредь применяться лишь в самых исключительных и признаваемых нашими заграничными учреждениями особенно уважительными случаях.

Благоволите принять меры к широкому оповещению об изложенном, через органы печати, всех находящихся за границей русских граждан.

А. Петряев

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 99, т. 1, л. 247–247 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] См.: Собр. Узак. — 1916 г. — Отдел первый. — № 304. — Ст. 2409. — С. 3051–3056.

193. ПРОЕКТ ЗАПИСКИ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИД

[не позднее 29 июля 1917 г.]

По составлении сообщенного Министерству финансов при отношении от 22 сего июля за № 7087 проекта дополнения штата центральных установлений Министерства иностранных дел[1] новые обстоятельства выяснили настоятельную необходимость дополнительного к намеченному усиления состава Правового департамента министерства.

Именно к проектированным новым должностям полагалось бы добавить еще должности трех делопроизводителей VI кл., четырех — VII кл., двух — VIII кл., одну должность секретаря департамента в VII кл., одну должность заведующего счетной и экзекуторской частью в VIII кл. и четырех переписчиков.

Предположенное усиление проектированного дополнительного состава служащих вызывается следующими соображениями:

В административном делопроизводстве Правового департамента, весьма расширившемся, возникли новые категории сложных дел, в том числе относящиеся к международной полиции, в частности, к шпионажу и контршпионажу, с образованием особого бюро для объединения деятельности различных органов Министерства иностранных дел по контрразведке, и дела по проведению и по охране государственных границ.

Эти пограничные дела, которые, при окончании войны обусловят интенсивную деятельность целого ряда комиссий, требуют своевременной подготовки кадра опытных работников. В настоящее время в этой области департамент не располагает еще ни одним должностным лицом ввиду того, что быстро возрастающий административно-правовой международный оборот поглощает немногие наличные силы департамента, работающие с напряжением, приводящим к болезненным проявлениям переутомления.

Следующие одна за другой реформы в области нашего гражданского, в частности, семейственного, правопорядка обусловливают соответственное расширение деятельности гражданского делопроизводства департамента, как для непосредственного исполне-

ния этих дел, так и для руководства и направления правильной их постановки во всех наших заграничных учреждениях. Если принять во внимание, что все гражданское делопроизводство (ведающее наследственные дела, опеку, частное международное право и пр.) ныне состоит всего из двух младших чиновников, то нельзя не усмотреть повелительной необходимости создать кадр сил, обеспечивающих и эту обширную отрасль управления, уже не упоминая о материальной ответственности, в которую может оказаться вовлеченным государство от поспешного или недостаточно внимательного отношения в этой области к имущественным интересам частных лиц.

Нельзя, наконец, не упомянуть и о том устанавливающемся ныне порядке, в силу которого разработка государственных вопросов из отдельных ведомств переносится в разнообразные междуведомственные совещания, требующие посылки компетентных представителей от Правового департамента Министерства иностранных дел. Между тем при ничтожном наличии должностных лиц, не успевающих изучить и собственные дела, таких представителей в срочные совещания оказывается невозможным командировать, и часто едва поступившие еще некомпетентные и неосведомленные молодые люди должны давать ответственные указания по важнейшим делам в совещаниях из общественных деятелей и высших должностных лиц.

Такое совершенно недопустимое положение может быть устранено лишь соответственным пополнением ничтожного кадра имеющихся сил.

По нормам действующего штата центральных установлений Министерства иностранных дел, предположенное дополнительное усиление состава Правового департамента потребовало бы нового ежегодного расхода: 1) на содержание штатных служащих — в 30 900 руб., 2) на содержание канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов — в 2 880 руб. и 3) на награды служащим — в 5 451 руб., а всего 39 231 руб.[2]

Ф. 159, оп. 731, д. 193, л. 80–81. Копия. Рус. яз.

[1] См.: Ф. 159, оп. 731, д. 225, л. 47–62.

[2] Вопрос об усилении личного состава Правового департамента был включен в Представление МИД Временному правительству от 28 сентября 1917 г. — См. док. № 248 и прим. 3.

194. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

№ 8044 *19 августа 1917 г.*

Об учреждении Шифровального отделения
при Первом политическом отделе МИД

В деятельности Министерства иностранных дел весьма существенное значение имеет так называемая шифровальная работа, заключающаяся в зашифровке секретной корреспонденции министерства с заграничными его установлениями и в расшифровке поступающих в Петроград секретных донесений сказанных установлений.

Работа эта, требующая большого навыка, быстроты и тщательности выполнения и соблюдения строгой тайны, не связывается в то же время с проявлением инициативы и специальных знаний и поэтому может быть возложена на лиц, и не обладающих высо-

ким образовательным цензом, но удовлетворяющих нравственным требованиям и знакомых с иностранными языками.

В настоящее время работа по зашифровке и разбору шифрованной корреспонденции ведомства выполняется младшими чинами преимущественно Первого политического отдела и Канцелярии министра, которые по малочисленного своего состава и ввиду большого количества депеш, подлежащих разбору и зашифровке, вынуждены посвящать шифровальной работе все свое время и потому почти не участвуют в отправлении текущей переписки по делам, входящим в круг ведения отдела. Обстоятельство это, в связи с чрезвычайным ростом в последнее время секретной переписки, не только отзывается промедлением в отправлении текущих дел, но и не может не наносить ущерба подготовке младших чинов отдела к предстоящей им дипломатической или консульской службе.

С другой стороны, вызываемая назначениями на заграничные должности сравнительно частая смена лиц, привлеченных к шифровальной работе, требующей, как указано выше, значительного навыка и сноровки, отражается неблагоприятно на быстроте и точности выполнения этой работы.

В целях устранения указанных недостатков существующей постановки дела, Министерством иностранных дел предположено образовать в своем составе, по примеру французского, английского, германского, австрийского и итальянского дипломатических ведомств, особый кадр профессиональных шифровальщиков, на которых была бы целиком возложена вся работа по зашифровке и разбору секретной корреспонденции центральных установлений министерства.

Для этой цели ведомство полагало бы учредить при Первом политическом отделе и Канцелярии министра особое Шифровальное отделение, ближайшее заведыванием коим под руководством советника отдела, было бы возложено на одного из секретарей Канцелярии.

Ввиду большого количества телеграмм, подлежащих разбору и зашифровке, и необходимости установления постоянного, как дневного, так и ночного, не исключая и праздников, дежурства служащих в отделении, личный состав его надлежало бы определить в числе не менее 32 человек. Состав этот дал бы возможность распределить служащих на четыре смены по 8 человек в каждой, с таким расчетом, чтобы каждая смена работала по 8 часов в сутки и была свободна от занятий каждый четвертый день.

Для преемственности службы и повышения хотя бы на одну должность за все время состояния в ней, надлежало бы установить два разряда служащих Шифровального отделения, относя 12 должностей из общего числа 32-х к VII классу, а остальные 20 — к VIII классу.

Ввиду чисто механического характера работы, требующей лишь грамотности и некоторого знакомства с иностранными языками, таковая может быть возложена на лиц и не обладающих высоким образовательным уровнем. Поэтому Министерство иностранных дел признавало бы возможным привлекать на службу во вновь учреждаемое Шифровальное отделение лиц, и не имеющих высшего образования, ограничиваясь требованием предъявления аттестата об окончании курса среднего учебного заведения.

Вместе с тем министерство полагало бы соответственным освободить лиц, определяемых в Шифровальное отделение от установленного ст. 10 действующего учреждения Министерства иностранных дел (прил. к ст. 786 Учр[еждения] мин[инистерства] по прод[олжению] 1914 г.) вступительного испытания, а равно от дипломатического экзамена, коему согласно статье 11 того же Учреждения подвергаются служащие министерства предварительного назначения их на классные должности в Экономическом и Правовом департаментах и Политических отделах.

Обращаясь далее к вопросу о вознаграждении служащих Шифровального отделения, Министерство иностранных дел считает долгом указать, что, вверяя им наисекретнейшее дело, требующее исключительного усердия и внимания и поставляя их в то же время в положение, при котором они не могут повышаться в должностях, государство, в целях их привлечения и удерживании на службе, тем самым обязывается предоставить им возможность выслужить материальное обеспечение в размере, хотя бы несколько превышающем оклады служащих одинакового класса, которым открываются пути к достижению высших должностей. Поэтому полагалось бы, присвоив должностям VII класса основной оклад содержания в 2 400 руб., а VIII класса 1 800 руб. в год, предоставить служащим Шифровального отделения право на получение прибавок за выслугу каждых пяти лет, но не более трех пятилетий, в размере 600 руб. в год с таким расчетом, чтобы оклад служащих VII класса, прослуживших свыше 15 лет, достигал 4 200 руб. в год, а оклад служащих VIII класса — 3 600 руб. в год. Расход на производство по Шифровальному отделению упомянутого добавочного за выслугу лет содержания подлежал бы исчислению в сметном порядке.

Пенсионные права следует, по общепринятому порядку, присвоить должностям VII класса — IV разряда и VIII класса — V разряда.

Сверх причитающегося по штату содержания чинам Министерства иностранных дел присваиваются наградные выдачи к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи, в среднем размере для должностей VII класса — 15% и VIII класса 20% получаемого содержания. На выдачи эти ведомству ассигнуется по штату кредит в 75 000 руб., рассчитанный на наличный состав центральных установлений. Право на получение наградных денег полагалось бы присвоить также и служащим Шифровального отделения. Поэтому требовалось бы соответственно увеличить упомянутый наградной фонд. Так как размер наградных выдач полагалось бы исчислять с основного оклада содержания, независимо от упомянутых 5-летних прибавок, то для предположенных 32 должностей фонд этот надлежало бы усилить на 11 520 руб. ежегодно.

Вызываемый предположенной мерой расход подлежал бы с 1918 года внесению в соответствующее подразделение сметы Министерства иностранных дел. На текущий же год, сколько из сего расхода по соразмерности потребуется, таковой, за полным исчерпанием предвидимых остатков от назначений по временным расходным расписаниям ведомства, надлежало бы отнести на общие сбережения по государственной росписи 1917 года.

По приведенным основаниям министр иностранных дел полагал бы:

I. Учредить при Первом политическом отделе Министерства иностранных дел Шифровальное отделение, согласно штату, при сем приложенному.

II. В изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

Лица, предназначаемые к определению на должности в Отделении, означенном в предшедшем (I) отделе, освобождаются от установленных статьями 10–11 учреждения Министерства иностранных дел (прил. к ст. 786 Учр[еждения] мин[инистерства] по прод[олжению] 1916 г.) вступительного и дипломатического по названному министерству экзаменов. Указанные должности могут быть замещаемы лицами, имеющими аттестаты об окончании одного из средних учебных заведений.

III. Усилить положенный в утвержденном 24 июня 1914 г. штате центральных установлений Министерства иностранных дел (Собр. узак. ст. 1737) кредит на выдачу наград — на одиннадцать тысяч пятьсот двадцать руб. в год.

IV. Вызываемый мерой, означенной в Отделах I-III расход, в размере семидесяти шести тысяч трехсот двадцати рублей в год, вносить, с 1918 года, в подлежащее подразделение сметы Министерства иностранных дел, а в 1917 году сколько из сего расхода по соразмерности потребуется, отнести на счет общих сбережений по государственной росписи 1917 года.

О сем министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Временного правительства[1].

Министр иностранных дел: *(подп.) М. Терещенко*

За директора: *(скр[епил]) В. Афонасьев*

На документе помета: «С подлинным верно. Делопроизводитель Колбецкий».

Приложение

Штат Шифровального отделения при Первом политическом отделе Министерства иностранных дел

Наименование должностей	Число лиц	Содержания в год		Классы и разряды	
		Одному	Всем	по должности	по пенсии
		рубли			
Старшие чиновники	12	2 400	28 800	VII	IV
Младшие чиновники	20	1 800	36 000	VIII	V
	64 800				

Примечание: Чиновники Шифровального отделения пользуются, через каждые пять лет службы в одной и той же должности, прибавкой к содержанию в размере шестисот рублей в год, пока содержание не достигнет для чиновников VII класса — четырех тысяч двухсот рублей, а для чиновников VIII класса — трех тысяч шестисот рублей. Потребный на производство указанных прибавок кредит определяется в сметном порядке.

Министр иностранных дел: *(подп.) М. Терещенко*

За директора: *(скр[епил]) В. Афонасьев*

На документе помета: «С подлинным верно. Делопроизводитель Колбецкий».

Ф. 159, оп. 731, д. 218, л. 48–50 об. Отпуск. Рус. яз. Приложение, л. 51. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] Временное правительство рассмотрело этот документ 22 августа/4 сентября 1917 г. На одном из экземпляров представления МИД имеется помета: «Одобрено как временный штат. М.Терещенко». — См.: Ф. 159, оп. 731, д. 218, л. 40.

195. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

[не позднее 22 августа 1917 г.][1]
Спешное

Об учреждении Кабинета министра иностранных дел

Обновленный строй предъявляет к министру иностранных дел ряд требований, для удовлетворения которых не имеется в его распоряжении соответствующего органа в составе центральных установлений министерства. В прежнее время обязанности министра исчерпывались руководством внешней политикой. Участие в общих государственных делах, в качестве члена бывшего Совета министров требовало лишь общих предварительных соображений по тщательно разрабатывавшимся докладам Канцелярия совета и заключениям преимущественно Юрисконсультской части Министерства иностранных дел. Парламентские выступления ограничивались сообщениями по внешней политике и защитой исключительно ведомственных законопроектов. К обслуживанию этого рода дел и приспособлены органы наличного состава министерства, куда входят четыре Политических отдела, с территориальным кругом ведения каждый, и Департаменты: Общих дел по разработке законодательных предположений и заведыванию личным составом и бюджетом ведомства, Правовой — по соображению международно-правовых вопросов и Экономический — по отправлению вытекающих из международных сношений финансовых и торгово-промышленных дел. Помимо этих установлений, в состав ведомства входят лишь Отдел печати и Архивы — Государственный, Петроградский и Московский.

В настоящее время, помимо руководства внешней политикой, на министра иностранных дел ложатся сложные и разнообразные обязанности ответственного политического деятеля в области внутренней государственной жизни. Самое направление внешней политики устанавливается им в тесном единении не только с другими членами правительства, но и с политическими партиями и организациями, являющимся выразителями господствующего общественного мнения в стране. Сношения министра в указанной области приобрели за последнее время столь значительное развитие, что настоятельно требуют для их обслуживания учреждения особого личного кабинета министра, по примеру существующих в английском, французском, австрийском и других иностранных дипломатических ведомствах. На этот же орган ляжет в ближайшем времени и обслуживание парламентской деятельности министра. Первый политический отдел, являющийся вместе с тем Канцелярией министра, приурочен по своей компетенции и численному составу к ведению личной по должности переписки главы ведомства исключительно по делам внешней политики и по сношениям с аккредитованным в России иностранным дипломатическим корпусом.

Кабинет министра полагалось бы учредить в составе: начальника Кабинета, его помощника и двух секретарей, из которых на одного было бы возложено ведение общей по Кабинету переписки, а на другого — исполнение обязанностей не имеющегося по штату дежурного при министре чиновника, для отдельных поручений и заведывания приемами у министра. Кроме этих лиц, необходимо придать Кабинету стенографа и писцов.

Начальнику Кабинета, наравне с начальниками других центральных установлений ведомства, следует присвоить IV класс должности и годовой оклад содержания, по примеру оклада советников Политических отделов, в 10 000 руб. Помощника, наравне со старшими секретарями Политических отделов, надлежит положить в V классе и определить ему содержание в 6 000 руб. в год. Одному из секретарей полагалось бы присвоить VI класс и назначить определенный для этого класса в центральном ведомстве Министерства оклад в 4 200 руб. Другой секретарь был бы положен в VII классе с окладом, согласно действующему штату, в 2 700 руб. На вознаграждение стенографа и писцов следует назначить по меньшей мере 3 600 руб.

Оклады штатных должностей подразделяются в действующем штате на жалованье, столовые и квартирные деньги с пропорции 2/5:2/5:1/5. Пенсионные права установлены тем же штатом для должностей IV класса — II разряда, V класса — III разряда I ст[епени], VI класса — III разряда 2 ст[епени], и VII класса — IV разряда. Эти же разряды по пенсии надлежит присвоить проектируемым новым должностям.

В действующем штате центральных установлений министерства имеется, между прочим, особое назначение в 75 000 руб. на награды к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи. Кредит исчислен на то именно число служащих, которое определено в штате. Поэтому при учреждении новых должностей следует усилить наградное назначение. Чиновникам IV класса ежегодно назначается в награды 10% оклада получаемого содержания, V-VII классов — 15%, младшим служащим — 20%. На проектированные новые должности наградной кредит следует усилить на 3 655 руб.

Вызываемый предположенной мерой расход, в размере всего 30 155 руб., подлежал бы с 1918 года, внесению в соответствующие подразделения сметы Министерства иностранных дел, а в 1917 году, сколько из сего расхода по соразмерности потребуется, — отнесению на счет общих сбережений по государственной росписи 1917 года. Предвидимые остатки от временных расходных расписаний министерства на текущий год полностью разассигнованы на другие безотлагательные мероприятия ведомства.

По приведенным основаниям министр иностранных дел полагал бы:

1. В дополнение утвержденного 24 июня 1914 г. штата центральных установлений Министерства иностранных дел (Собр. узак., ст.1737) учредить в составе означенных установлений Кабинет министра иностранных дел согласно штату, при сем приложенному.

2. Усилить положенное в означенном в отделе 1 штате центральных установлений Министерства иностранных дел назначение на выдачу наград на 3 655 руб. ежегодно.

3. Вызываемый мерами, означенными в отделах 1 и 2, расход в размере тридцати тысяч ста пятидесяти пяти рублей в год вносить, с 1918 года, в подлежащие подразделения сметы Министерства иностранных дел, а в 1917 году, сколько из этого расхода по соразмерности потребуется, отнести на счет общих сбережений по государственной росписи 1917 года.

Приложение

Проект штата Кабинета министра иностранных дел

	Число лиц	Содержание в год		Классы и разряды	
		Одному	Всем	По должности	По пенсии
		Рубли			
Начальник Кабинета	1	10 000	10 000	IV	II
Его помощник	1	6 000	6 000	V	III I ст[епени]
Секретарь VI класса	1	4 200	4 200	VI	III II ст[епени]
Секретарь VII класса	1	2 700	2 700	VII	IV
На содержание канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов		3 600	3 600		
Итого	4	—	26 500		

Примечание: Из означенных в настоящем штате окладов содержания по штатным должностям 2/5 составляют жалованье, 2/5 — столовые и 1/5 — квартирные деньги.

На документе помета: «Пост[ановление] Вр[еменного] пр[авительства] 22 авг[уста] 1917 г.»

Ф. 159, оп. 726, д. 37, л. 37–38. Копия. Рус. яз. Приложение, л. 39. Копия. Рус. яз.

[1] Дата принятия постановления Временного правительства по этому вопросу.

196. СПРАВКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ

№ 467 *24 августа 1917 г.*
Ставка

Приказом Верховного главнокомандующего от 25 июля 1914 г. № 2 в изменение ст. 89 Положения о Полевом управлении войск в военное время[1] в составе Штаба Верховного главнокомандующего была образована Дипломатическая канцелярия, согласно штату, объявленному при указанном выше приказе (Штат № 1).

В дальнейшем никаких изменений, ни дополнений в штат Дипломатической канцелярии не вносилось.

Директор Дипломатической канцелярии, подчиняясь непосредственно начальнику Штаба, служит органом связи между Министерством иностранных дел и Штабом Верховного главнокомандующего. Он осведомляет Штаб по всем вопросам круга ведения Министерства иностранных дел, имеющим касательство к ведению войны и равным об-

разом сообщает Министерству иностранных дел все сведения, имеющиеся в Штабе, по вопросам, соприкасающимся с кругом ведения означенного министерства.

Он вместе с тем по указаниям начальника штаба ведет переписку по дипломатической части, а именно по вопросам международного права, по вопросам, касающимся иностранных государств и подданных, по заключению военных конвенций, перемирий и проч., и вообще по вопросам международного характера, возникающим на театре войны или связанным с деятельностью, задачами или нуждами армии, сносясь для сего с Министерством иностранных дел, российскими посольствами, миссиями и консульствами за границей, военными властями и учреждениями и проч. Ему же поручается разработка вышеуказанных вопросов.

Вице-директор канцелярии является непосредственным помощником и заместителем директора канцелярии и несет работу согласно указаниям последнего.

Работа между секретарями канцелярии распределяется согласно усмотрения директора ее.

Юрисконсульт канцелярии ведает делами, имеющими юридический характер. Кроме того, на него возложено сообщение Штабу представляющего интерес материала, имеющегося в иностранной печати.

К Дипломатической канцелярии согласно приказания начальника Штаба Верховного главнокомандующего с 7 сего августа прикомандирован секретарь VIII класса Второго политического отдела Министерства иностранных дел князь Гагарин с возложением на него особого поручения.

Переорганизация дипломатической канцелярии, равно как и сокращение ее штатов по условиям работы не представляется возможным, так как дела, входящие в круг ведения директора Дипломатической канцелярии, как лица, служащего связью между Штабом Верховного главнокомандующего и Министерством иностранных дел и осведомляющего Верховного главнокомандующего и начальника его Штаба по вопросам внешней политики, не могут быть переданы в какие-либо иные учреждения[2].

Ф. 323, оп. 617, д. 5, л. 1–2 об. Копия. Рус. яз.

[1] См.: Ф. 134, оп. 473, д. 5, ст. 89 — «О дипломатическом чиновнике при Верховном главнокомандующем».

[2] Приложение — приказ Верховного главнокомандующего от 25 июля 1914 г. № 2 — в архивном деле отсутствует.

197. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА РОССИИ В США Б.А. БАХМЕТЕВА[1] ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВУ

№ 516 *26 августа/8 сентября 1917 г.*

Секретная телеграмма посла в Вашингтоне

Ссылаюсь на мою телеграмму № 568.

Признаю весьма желательным привлечение американского представителя к практическому выполнению морских перевозок во Владивосток. Участие американского представителя, естественно обеспечило бы большую заинтересованность американ-

ских правительственных учреждений в предоставлении нам нужного тоннажа и принятии всех мер в собственных (интересах) облегчить перевозку во Владивосток. Однако считаю совершенно необходимым оставить все дело морского транспорта в руках существующей при Заготовительном комитете в Нью-Йорке комиссии по перевозкам, сосредоточивающей всю работу в этом направлении и наладившей весьма успешный порядок, который мог бы лишь пострадать от раздробления транспортной организации. Поэтому привлечение американского представителя казалось бы предпочтительным осуществить путем введения соответствующих членов от американского правительства в уже существующую комиссию по перевозкам. В последней, как известно, в течение двух лет принимал участие английский представитель, оказывающий весьма ценную помощь, причем этот опыт подтверждает целесообразность такой формы кооперации. Кроме того, с дальнейшим развитием плана перевозок через Тихий океан в связи с изысканием нужного тоннажа и необходимостью использовать для этого японские суда, естественно возникает желательность участия и японского представителя. Такие лица, входя в комиссию в качестве равноправных ее членов, облегчали бы ее деятельность, не нарушая в то же время характера существующей организации. Американский представитель являлся бы связью между комиссией и американским правительством, отстаивая перед последним наши интересы. Вышеуказанные соображения отвечают пунктам 1 и 2 сообщенного мне проекта[2], считая крайне желательным немедленно приступить к практическим переговорам с американским правительством в этом смысле, прошу телеграфных указаний, насколько такая постановка вопроса отвечает Вашим предположениям. Должен прибавить, что здесь этот вопрос конкретно не обсуждался и переговоры, которые могли вестись по этому поводу со Стивенсом, здесь не получили дальнейшего хода и могут быть двинуты, как только соответствующие указания будут получены. Что же касается разгрузки во Владивостоке и сборки паровозов, то соответствующие переговоры были начаты 2 месяца тому назад в духе телеграммы Нордмана № 2827. Но затем были задержаны вследствие неполучения американским правительством надлежащих данных от комиссии Стивенса. В настоящее время они снова здесь возобновлены. Со своей стороны, считаю крайне важным настаивать, чтобы американцы приняли на себя все дело по сборке паровозов. То есть, оборудовали бы сами во Владивостоке паровозные мастерские и сдавали бы нам паровозы там после обычной пробы с поездами. Такой порядок обеспечивал бы надлежащее качество паровозов и удовлетворял бы стремление американцев проявить свою организаторскую деятельность на помощь России, вовлекая их при этом более тесно в интересы нашего железнодорожного дела, что явилось бы, конечно, серьезным залогом широкой американской помощи. Относительно условий организаций разгрузочного и сборочного дела во Владивостоке проф. Ломоносов телеграфирует подробно в Министерство путей сообщения.

(подп.) Бахметьев

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 64, л. 160–161. Подлинник. Рус. яз.

[1] Написание фамилии приводится по Циркуляру о назначении Б.А. Бахметева послом. В других архивных документах имеются разночтения. — См.: Ф. 159, оп. 25, д. 70, л. 34.

[2] Проект организации доставки предметов снабжения из США в Россию через Тихий океан. — См.: Россия и США. — С. 775. — Док. № 152.

198. СПРАВКА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ

[август 1917 г.]

Дипломатическая канцелярия при Верх[овном] гл[авнокомандующем], подчиняясь непос[редственно] начальнику Штаба, служит органом связи между Министерством иностранных дел и Штабом В[ерховного] г[лавнокомандующего]. Она осведомляет Штаб по всем вопросам круга ведения Министерства иностранных дел, имеющим касательство к ведению войны, и равным образом сообщает Министерству иностранных дел все сведения, имеющиеся в Штабе по вопросам, соприкасающимся с кругом ведения означенного министерства. Она вместе с тем по указаниям начальника Штаба ведет переписку по дипломатической части, а именно, по вопросам международного права, по вопросам, касающимся иностранных государств и подданных, и вообще по вопросам международного характера, возникающим на театре войны или связанным с деятельностью, задачами или нуждами армии, снесясь для этого с Министерством иностранных дел, а также иными гражданскими и военными учреждениями.

Так, Дипломатическая канцелярия сообщала Министерству и[ностранных] д[ел] заключения Штаба с военной точки зрения по вопросам обмена отдельных военнопленных, принимала и направляла просьбы и прошения иностранных подданных, связанных с их имущественными правами в районе театра войны, устраивала поездки корреспондентов иностранных газет и журналов на фронт, *отправляла благодарственные и поздравительные телеграммы главам союзных армий и правительств*[1], и т.д.

Чины Канцелярии неоднократно сопровождали прибывающих в Россию иностранцев на фронт и вообще содействовали сношениям Штаба В[ерховного] г[лавнокомандующего] с иностранными официальными и частными лицами, за исключением сношений с военными представителями, каковые входили в круг ведения генерал-квартирмейстера.

Ф. 323, оп. 617, д. 5, л. 4–4 об. Черновой экз. Рус. яз.

[1] Вставка вписана от руки после машинописного текста.

199. ЦИРКУЛЯРНОЕ ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.М. ПЕТРЯЕВА ПО МИД[1]

№ 66626 *23 сентября 1917 г.*
Циркулярно

Вследствие случаев обращения некоторых дипломатических и консульских установлений в Отдел денежных переводов и ссуд по вопросам, касающимся отсылки жалования и иных сумм заграничным чинам Министерства иностранных дел, министерство считает долгом сим разъяснить в дополнение к циркулярному отношению от 28 апреля с.г. за № 43264 что в Отдел денежных переводов и ссуд надлежит обращаться исключительно по делам об оказании денежной помощи русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени за границей и в оккупированных неприятелем местно-

стях и русским военнопленным. Такими делами являются: денежные переводы частным лицам (трансферты) и благотворительным организациям в Германию, Австро-Венгрию, Бельгию, Турцию, Болгарию, в занятые неприятелем местности и в Швейцарию в исключительных случаях, а также благотворительным Комитетам, находящимся и в других странах, если таковые обслуживают нужды русских военнопленных или пострадавшего от войны населения оккупированных местностей; выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, распределение кредитов, отпускаемых на нужды русских граждан, застигнутых войной за границей, испрошение и переводы всей иностранной валюты, требующейся для вышеуказанных операций, а равно и отчетность по оным.

Что касается оказания помощи политическим эмигрантам в странах союзных и нейтральных, то дела, связанные с этими вопросами, как то: испрошение кредитов и валюты и перевод ее, выдача ссуд и пособий политическим эмигрантам и отчетность по этим операциям выделены из компетенции, Отдела денежных переводов и ссуд и сосредоточены в Департаменте общих дел, в который должна направляться также отчетность по мелким безвозвратным пособиям из авансов благотворительного фонда, отпускаемых департаментом общих дел на означенную надобность.

За министра иностранных дел товарищ министра А. Петряев

Управляющий отделом Л. Ревелиоти

Ф. 135, оп. 474, д. 7, л. 17–17 об. Копия. Рус. яз.

[1] Публикуется экземпляр, направленный в Особый политический отдел МИД.

200. ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ [...][1] МИНИСТРУ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ А.М. НИКИТИНУ

№ 576 *29 сентября 1917 г.*

За последнее время как в России, так и во всех союзных и нейтральных странах чрезвычайно остро ощущается настоятельная потребность возможного расширения взаимного осведомления общественного мнения, играющего столь первенствующую роль в современной общественной жизни, о событиях внутренней, политической и экономической жизни каждого государства. Несомненно, что цель возможно полного и всестороннего осведомления общественного мнения может быть достигнута лишь путем возмерного развития обмена сведениями между государствами, путем облегчения международных сообщений как почтовых, так и в особенности телеграфных.

Между тем в настоящее время на пути к дальнейшему оживлению снабжения заграницы сведениями о России — что имеет для нас особенно важное значение — стало чрезвычайно серьезное препятствие в виде весьма крупного повышения телеграфного тарифа. Это обстоятельство ставит в особенно затруднительное положение корреспондентов иностранных газет, вынужденных сильно сократить и без того далеко не полный материал, посылаемым ими за границу. Ущерб, который будет нанесен таким образом

нашим государственным интересам не поддается никакому учету. Но нет сомнения, что недостаточное осведомление об истинном смысле происходящих в России событий породило уже немало ложных представлений и чрезвычайно трудно поддающихся разъяснению неправильных толкований, создающих в общей сложности серьезные затруднения в области международной политики.

Все изложенные соображения заставляют Министерство иностранных дел привлечь самое серьезное внимание Министерства почт и телеграфов на необходимость пересмотра правил о повышении телеграфного тарифа и создание особых льгот (если можно сохранение прежних ставок тарифа) для всех без исключения телеграмм прессы, тем более, что материальный ущерб от предлагаемой меры был бы крайне незначителен по сравнению с общегосударственным ее значением.

О решении, которое Министерство почт и телеграфов признает возможным принять по затронутому выше вопросу, министерство просит его уведомить ввиду чрезвычайной спешности дела, в возможно непродолжительном времени.

Товарищ министра
Управляющий отделом[2]

Ф. 140, оп. 477, д. 803, л. 47–47 об. Копия. Рус. яз.

[1] По материалам АВПРИ установить авторство документа не удалось.
[2] Имеется в виду Отдел печати и осведомления.

201. ДОКЛАД ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИД В.Б. ЛОПУХИНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. ТЕРЕЩЕНКО

№ 9559 *[4 октября 1917 г.]*[1]

В связи с событиями переживаемой мировой войны особое значение в деятельности Министерства иностранных дел приобрели дела по наблюдению за политическими движениями славянских народностей Габсбургской монархии и находящихся с ними в ближайшем соприкосновении венгров, равно как и тесно связанные с означенными делами вопросы по сношениям нашим с Ватиканом, играющим столь выдающуюся роль в судьбах западного славянства.

Обилие и сложность подобного рода дел, с одной стороны, и крайняя переобремененность работою личного состава Политических отделов министерства — с другой, побудили в минувшем году временно образовать в составе ведомства, в силу утвержденного 27 августа 1916 г. доклада министра иностранных дел[2], преимущественно из отозванных по случаю войны чинов заграничной службы, Особый политический отдел, в коем сосредоточена вся возникающая по указанным вопросам переписка.

Ныне, в связи с учреждением в ведомстве особого Шифровального отделения и освобождения личного состава Политических отделов министерства от работы по разбору и зашифровке секретной корреспонденции, требовавшей значительной затраты времени и труда, — представлялось бы соответственным Особый политический отдел в качестве

самостоятельного установления упразднить, передав производящиеся в нем дела, за исключением сербохорватских, в ведение Первого политического отдела, по принадлежности, дела же сербохорватские, тесно соприкасающиеся с вопросами нашей политики на Балканском полуострове, — в ведение Второго политического отдела министерства.

Приведенные предположения Департамента общих дел имеет честь представить на благоусмотрение г-на министра иностранных дел.

Директор (подп.) Лопухин

Делопроизводитель (скреп.) Колбецкий

Верно: делопроизводитель[3]

На документе помета: «На подлинном министром иностранных дел написано: «Согласен. М.И. Терещенко. 4.X.1917 г.»

Ф. 133, оп. 470, 1917 г. (неполитич.), д. 5, л. 185–185 об. Заверенная копия.

---

[1] Дата утверждения доклада С.Д. Сазоновым.
[2] См. док. № 156.
[3] Подпись неразборчива.

202. ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПЕЧАТИ И ОСВЕДОМЛЕНИЯ МИД

23 октября 1917 г.

Государственный переворот 28 февраля, принесший с собой полную свободу печати, придал совершенно исключительное значение, как во внутренней, так и внешней государственной жизни, различным направлениям политической мысли и изменяющимся под влиянием обстоятельств настроениям общественного мнения, находящим себе наиболее полное выражение в печати вообще и с особой силой и яркостью в ее периодических органах.

Отдавая себе отчет в том значении и влиянии, которое приобретает печать в истинно конституционных условиях жизни государства, Отдел печати и осведомления приступил к построению на новых началах своей деятельности и к выполнению преобразований, имеющих целью согласование поставленных ему целей с общим духом и направлением возвещенной Временным правительством программы.

Основная цель, преследуемая отделом в свой деятельности сводится к двум главнейшим задачам; с одной стороны, возможно широкое осведомление министра, начальников отдельных частей и всего вообще министерства об истолковании и освещении событий отечественной и мировой жизни в различных органах периодической и непериодической печати как России, так и главнейших иностранных государств, с другой же стороны, — всемерное содействие к правильному освещению и точному разъяснению за границей великих событий, происходящих ныне в России.

В соответствии с указанными задачами и переустройством своей деятельности на новых началах, отделом обращено самое серьезное внимание на своевременное и исчерпывающее ознакомление министра и всех отделов министерства с пожеланиями

и стремлениями отдельных партий и вообще на внимательное рассмотрение всей прессы новейших направлений, без различия оттенков во всех областях, имеющих отношение к деятельности министерства.

С целью достижения наиболее тесного и живого контакта с деятелями газетного дела, при отделе организован ежедневный прием представителей печати, как русской, так и иностранной, что дает возможность министру оповещать, через посредство отдела, широкие слои общества не только о предположениях по важнейшим вопросам, но и о текущей повседневной работе министерства. Вместе с тем отделом открыт широкий доступ для ознакомления с имеющимися в распоряжении отдела материалами представителям демократических учреждений, чем, между прочим, заинтересовался Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов, командировавший для ознакомления с означенными материалами специального своего представителя.

Иностранная пресса как союзных и нейтральных, так и вражеских государств, также подвергается самому детальному просмотру с точки зрения отражения ею интересов народных масс и движения общественной и политической мысли.

Возбуждающие интерес статьи повременной печати, а равно вновь появляющиеся исследования по политическим вопросам докладываются в полном виде или же в форме рецензий и обзоров начальникам отделов, в круг ведения которых входит затрагиваемый в каждом отдельном случае вопрос.

Центром деятельности отдела является вторая из указанных выше задач — правильное осведомление общественного мнения за границей об истинном смысле событий русской жизни. Первоначальной причиной распространенного в союзных и нейтральных странах недоверия к России и тревоге за ее будущее, несомненно является не чей-либо злой умысел, но именно полное почти незнакомство с Россией, непонимание своеобразных форм ее общественной жизни, учреждений и партий. Единственным способом борьбы с этим явлением, чрезвычайно тяжело отражающемся на международных отношениях России, единственным путем к достижению более тесного, чем когда-либо единения народа русского с демократиями наших союзников и нейтральных стран — является энергичное, способное заинтересовать широкие массы, истолкование в местной печати иностранных государств действительного характера переживаемого Россией момента, сообщение зарубежному общественному мнению обильных конкретных сведений о государственном строе новой России и о позиции революционной России, позиции, если не близкой, то во всяком случае вполне примиримой с точками зрения демократических либеральных государств Запада и Америки.

Идя навстречу указанной выше вызываемой государственными интересами потребности правильного, точного и систематического осведомления общественного мнения за границей о русских внутренних делах и учитывая имеющую неменьшее значение необходимость иметь в своем распоряжении всегда точные и проверенные сведения о ходе зарубежной общественной жизни, Отдел печати и осведомления приступил к организации своих филиальных учреждений, особых Бюро печати при посольствах и миссиях в союзных и нейтральных странах, в Париже, Лондоне, Риме, Вашингтоне, Стокгольме, Копенгагене, Христиании и Берлине. Учреждаемые бюро, являясь стройной и систематической организацией, несомненно будут играть громадную роль как в содействии к распространению в народной толще европейской и американской демократии правильной оценки русских событий, так и особенно в деле систематизации и объединения всей осведомительной работы за границей и возможности проводить повсеместно общую и однородную

программу, что совершенно недостижимо в деятельности частных осведомительных учреждений, постоянно возникающих в настоящее время под влиянием остро ощущаемой необходимости иметь хотя бы отрывочные сведения о России. Работа учреждаемых бюро должна, конечно, протекать в постоянном контакте с представителями Петроградского телеграфного агентства на местах при строгом соблюдении принципа, что Петроградское телеграфное агентство и Бюро печати при посольствах и миссиях не являются ни в коем случае конкурирующими учреждениями, но, наоборот, их деятельность сводится к взаимному дополнению и расширению общей работы. Первенствующей задачей учреждаемых бюро является, как указано, всемерное осведомление местного общественного мнения путем распространения как получаемых от Министерства иностранных дел, так и из иных источников сведений о России в периодической печати, среди правительственных учреждений и органов и в общественных кругах, а равно оживление интереса к России, проявляя инициативу в организации лекций, собеседований и т.п. о России при содействии лиц, приезжих из России или путем привлечения к сему местных сил. Кроме этой главной задачи на бюро лежит также немаловажная обязанность по осведомлению того дипломатического учреждения, при котором оно состоит, о важнейших явлениях местной жизни, выдающихся газетных статьях, реагировании местного общественного мнения на главнейшие события русской мировой жизни.

Равным образом на бюро возложено всестороннее осведомление Министерства иностранных дел о всех крупных явлениях местной общественной, политической и экономической жизни путем присылки телеграмм, отдельных сообщений монографического характера, извлечений из печати и т.д., а равно снабжению Министерства иностранных дел вновь проявившимися книгами, брошюрами и другими изданиями по интересующим Министерство иностранных дел вопросам.

Учреждаемые в столь тревожное время бюро естественно приобретут, по крайней мере, в первый период существования, характер преимущественно политического осведомления. Однако не подлежит сомнению, что в будущем, когда на первый план выдвинутся вопросы экономически-промышленные, бюро несомненно и в этом отношении будут с пользой продолжать свою деятельность, осведомляя как Россию, так и страну, в которой они находятся, о взаимноинтересующих их вопросах экономической и финансовой жизни.

Параллельно с деятельностью учреждаемых бюро, отделом организовано ежедневное отправление по телеграфу в российские посольства и миссии особых обзоров печати, передающих в возможно сжатой форме содержание руководящих статей главнейших органов русской печати. Эти ежедневные обзоры вместе с посылаемыми периодическими общими обзорами, характеризующими во всей возможной полноте внутреннее наше положение, дают в общей сложности полную картину нашей государственной жизни. Важность этой меры очевидна сама собой: только этим путем представляется возможным держать наших представителей на местах в курсе внутренней русской жизни и политических требований отдельных партий. Кроме того, передаваемые отделом обзоры могут быть широко использованы начальниками посольств и миссий через посредство бюро для сообщения материалов местной прессе и будут служить таким образом вернейшим источником правильного осведомления о России.

Наконец, все с той же целью способствования приникновению за границу самых разнообразных сведений о России, отделом даются подробные разъяснения по интересующим их вопросам представителям иностранных органов печати, нередко базирующим свои корреспонденции на сведениях, почерпнутых в отделе.

Совершенно самостоятельное положение под общим руководством управляющего Отделом печати и осведомления, занимает Осведомительный подотдел, деятельность которого заключается в систематизировании по строго выработанному плану разнохарактерных материалов из всей современной литературы по политическим и государственным вопросам, как издающейся в России, так и за границей. Весь собираемый подотделом Осведомления материалы хранится во вновь организованном газетном архиве, постоянно пополняемом новейшими данными из русской и иностранной периодической печати. Благодаря своей новой организации подотдел всегда в состоянии предоставить обильный газетный материал и точные справки по любому вопросу международной политики. Справки даются в виде отдельных монографий, обзоров и рецензий, и обращено внимание на составление справок со всей возможной скоростью. Правильная постановка осведомительного дела имеет несомненно большое значение для деятельности всего Министерства иностранных дел и может принести ощутительную пользу при предстоящих в более или менее близком будущем мирных переговорах.

Энергичное и быстрое проведение в жизнь намеченной программы — в чем уже многое достигнуто — несомненно послужит одним из главнейших способов к укреплению нитей, связующих Россию с культурными и свободными государствами Запада, и к теснейшему единению России с коалицией держав, ведущих борьбу с германским империализмом. В этом отдел видит свою основную задачу и к достижению поставленной ему цели клонится вся деятельность отдела.

Ф. 140, оп. 477, д. 804, л. 102–105. Подлинник. Рус. яз.

203. СПРАВКА ОТДЕЛА ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ И ССУД МИД

№ 71178 *24 октября 1917 г.*

С момента объявления войны Министерство иностранных дел приняло на себя заботу о русских гражданах, оставшихся за границей по военным обстоятельствам, военнообязанных, задержанных в неприятельских странах, и военнопленных, оказывая им материальную помощь выдачей ссуд и пособий на местах и облегчив пересылку им денег из России путем переводов по льготному курсу.

Последнее дело было поручено образованному при Первом департаменте министерства временному Отделу денежных переводов, к которому затем было присоединено делопроизводство по сводке отчетностей о выданных нашими заграничными установлениями и защищающими наши интересы в неприятельских странах нейтральными дипломатическими и консульскими учреждениями ссудах и пособиях неимущим русским гражданам.

Деятельность этого состоявшего при Первом департаменте «Отдела денежных переводов и ссуд» таким образом до момента революции сводилась исключительно к техническому исполнению операций по переводу денег в неприятельские страны и оккупированные местности, а также к сводке поступавших из наших посольств, миссий и консульств отчетов о выданных ими неимущим нашим соотечественникам ссудах и пособиях. Все принципиальные вопросы, дела об испрошении кредитов и иностранной валюты, необходимых для упомянутых операций, равно как счетоводная и бух-

галтерская часть были сосредоточены в Первом департаменте. Такой порядок, крайне затруднительный для департамента, обремененного работой, представлял и для отдела много неудобств, лишая его необходимого для скорой и планомерной деятельности условия — единения между отдельными делопроизводствами, ведающими одно общее дело. Вследствие этого в марте 1917 года был поднят вопрос об отделении временного Отдела денежных переводов и ссуд от департамента и учреждении его на самостоятельных началах, в виде особого отдела при министерстве, с подчинением его непосредственно товарищу министра.

Мера эта вскоре была осуществлена, и с конца апреля отдел функционирует как отдельная часть министерства.

Объединив разбросанные раньше по различным отделениям бывшего Первого департамента дела и присоединив к своей компетенции принципиальные вопросы, находящиеся в связи с переводом денег во вражеские страны и оккупированные местности и выдачей ссуд и пособий, отдел значительно расширил, по соглашению Министерства финансов с Министерством иностранных дел круг своего ведения. Имея отдельную счетоводную часть, текущий счет в Петроградской конторе Государственного банка, получая непосредственно от Особенной канцелярии по кредитной части и от главного управления по заграничному снабжению иностранную валюту, необходимую для указанных операций, и, наконец, ведая распределением кредитов, отпускаемых на нужды оставшихся за границей по военным обстоятельствам наших соотечественников, отдел за истекшие со времени революции месяцы объединил нижеследующие операции:

1) Денежные переводы по льготному курсу от частных лиц нуждающимся русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Турции, Болгарии и занятых неприятелем местностях России, а также в исключительных случаях (тяжкой болезни, невозможности вернуться на родину и т.д.) в Швейцарию. Ввиду ограниченности отпускаемой валюты отдел принимает для перевода лишь до 100–150 рублей на одно лицо и до 200–300 на семью, при этом не более одного раза в месяц. Деньги переводятся по телеграфу через посредство испанских посольств в Берлине и Вене, испанской миссии в Брюсселе и Нидерландских миссий в Константинополе и Софии.

С начала войны по октябрь месяц текущего года отделом было переведено свыше 18 000 000 рублей, по 118 860 переводам.

2) Выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, оставшимся за границей по обстоятельствам военного времени и не имеющим возможности возвратиться на родину. Ссуды, подлежащие возмещению, выдаются нашими заграничными установлениями лишь в тех случаях, когда получатели представляют достаточные гарантии возможности впоследствии их возместить. На одно лицо выдается ежемесячно до 300 рублей. До революции пособия, не подлежащие возмещению, выдавались более широко, но, с сокращением отпускаемых на этот предмет правительством кредитов, министерство вменило в обязанность нашим заграничным установлениям ограничивать выдачу пособий месячным сроком до приискания лицами, хотя и нуждающимися, но трудоспособными, заработка; более же крупные пособия выдавать лишь в самых исключительных случаях безусловной нужды, болезни и неспособности к труду.

Ссуд и пособий с начала войны по июль 1917 года было выдано за границей и в оккупированных местностях на сумму свыше 6 500 000 рублей, не считая помощи, оказанной

русским гражданам в Турции правительством С. Американских Соединенных Штатов, размер каковой помощи, по имеющимся в Отделе сведениям (отчеты американского правительства еще не поступили), превысил за время с июня 1915 года по апрель 1916 года 2 000 000 рублей.

Отделом направлено в Департамент государственного казначейства на предмет взыскания с недоимщиков, возвратившихся в Россию и не возместивших полученных ими ссуд на 1 885 388 рублей требований по 60 343 выдачам. Отделом обращено внимание на некоторую медленность в деле сводки отчетностей по ссудам и приняты меры как в видах увеличения недостаточного личного состава, работающего на этом деле, так и в целях обеспечения более быстрого поступления отчетов от заграничных установлений.

3) Помимо переводов денег по льготному курсу от частных лиц за границу на отдел с августа нынешнего года, по соглашению с Министерством финансов, возложены операции по переводу денег различным комитетам и организациям благотворительного характера, находящимся как в неприятельских странах и оккупированных местностях, так и в дружественных и нейтральных государствах. Переводы эти имеют целью оказание помощи русским военнопленным и бедствующему населению оккупированных местностей и поступают главным образом от Центрального комитета о военнопленных при Российском Обществе Красного Креста и от других благотворительных организаций — русских, польских, литовских и еврейских.

В целях выяснения потребностей означенных учреждений в иностранной валюте для производства указанных переводов до конца этого года, Отделом была составлена на основании заявлений упомянутых учреждений сводка, выражающаяся в нижеследующих цифрах: на нужды военнопленных требуется: 4 000 000 фр[анцузских] фр., 8 000 000 шв[ейцарских] фр., 300 000 фунт.ст., 500 000 шв[едских] кронов, 370 000 норв[ежских] крон, 2 000 000 датских крон, 1 500 000 гол[ландских] гульд., 800 000 ит. лир и 12 000 000 амер[иканских] долл., что в русской контравалюте составляет около 40 миллионов рублей.

На нужды бедствующего русского, польского, еврейского и литовского населения оккупированных местностей показано в разной иностранной валюте до 3 000 000 рублей.

Из этих сумм отделом переведено пока, в зависимости от количества предоставленной ему заграничной валюты, более чем на 4 000 000 рублей в разные страны при посредстве наших заграничных учреждений и благотворительных комитетов. Таким образом общий оборот Отдела денежных переводов и ссуд за истекшее время войны составил более 30 миллионов рублей.

Резюмируя вышесказанное, нельзя не отметить, что ко времени Революции существовавший ранее в качестве подначального органа, исключительно занятого механической передачей денег и сводкой отчетов, Отдел денежных переводов и ссуд поднялся на степень самостоятельного учреждения — банка с благотворительными функциями, за последние месяцы разрешившего и проведшего в жизнь целый ряд принципиальных вопросов в связи с оказанием помощи нашим нуждающимся соотечественникам, оставшимся на чужбине. Из таких вопросов наиболее существенными являются:

Высылка жалования и пособий правительственным чиновникам, оставшимся по распоряжению начальства в занятых неприятелем местностям. В силу учрежденного в законодательном порядке 31 мая 1916 г. постановления Совета министров об удов-

летворении означенных чиновников довольствием не иначе, как кредитными рублями, — что оказалось на практике неосуществимым — лица эти более года вынуждены были влачить жалкое существование, не получая со времени оккупации следуемых им денег. Ныне, благодаря упорным настояниям отдела, вопрос этот, получив окончательное разрешение в минувшем мае вполне урегулирован и чиновникам в оккупированных местностях переведено все следуемое им за долгий срок жалование. Всего переведено свыше 1 000 000 рублей.

Отделом также были приняты энергичные меры для выяснения вопроса о нуждах оставшихся в Турции русских военнопленных и задержанных в этой стране по военным обстоятельствам нуждающихся русских граждан, причем накопившийся долг наш нидерландскому правительству, взявшему на себя заботу о наших соотечественниках в Турции, — более чем в 1 500 000 рублей — в настоящее время почти полностью уплачен. Разрешенный Временным правительством ежемесячный кредит на ту же надобность в размере 318 150 рублей и установленные переводы частных сумм по льготному курсу в Турцию несомненно улучшат положение наших несчастных соотечественников в этой стране, где условия жизни для них особенно тяжелы.

Идя широко на помощь нуждающимся русским гражданам и военнопленным, отдел в то же время стремится по мере возможности сократить расходы обремененной русской казны и в этом направлении им был предпринят ряд мероприятий, направленных к экономии в расходовании валюты: так, например, им ведутся переговоры с германским правительством при посредстве испанского посольства в Берлине об установлении порядка взаимного зачета при переводе денег (clearing). Согласно этому порядку, германское правительство вносило бы деньги на наши надобности по оказанию помощи русским, задержанным в Германии, в испанское посольство в Берлине марками, а русское правительство уплачивало бы соответствующие суммы в рублях шведской миссии в Петрограде для германских поданных, оставшихся в России. Курс при этом устанавлялся бы периодически по взаимному соглашению.

Ряд циркулярных инструкций, преподанных нашим заграничным установлениям в целях сокращения расходов и упорядочения отчетностей по производимым платежам, уже дал благоприятный результат.

Наконец, в видах уменьшения расходов государственной казны Министерством иностранных дел по инициативе отдела внесено представление Временному правительству относительно обложения некоторым сбором переводимых от частных лиц денег с тем, чтобы сбор этот поступал в казну и него бы шли ассигнования на содержание отдела и других учреждений, обслуживающих наших соотечественников за границей. Намеченный сбор, кроме того, даст возможность некоторого увеличения этих ассигнований, — увеличения, необходимого для усиления штата служащих отдела, наличный состав коих безусловно недостаточен при столь расширившейся за последнее время деятельности отдела и принимая во внимание, что вскоре к нему должны перейти еще и все совершающиеся ныне через коммерческие банки денежные переводы в неприятельские страны и занятые местности, чем завершится сосредоточение в отделе всего многосложного дела вызванной войной финансовой помощи государства его гражданам за границей.

Ф. 159, оп. 731, д. 234, л. 1–4 об. Подлинник. Рус. яз.

204. ТЕЛЕГРАММА ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ РОССИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ К.Д. НАБОКОВА ПОСЛАННИКУ РОССИИ В БЕЛЬГИИ Д.А. НЕЛИДОВУ

6 ноября 1917 г.

Мной получено нижеследующее сообщение от Союза служащих Министерства иностранных дел[1]: «Просим Вас уведомить все российские посольства, миссии и консульства, что весь состав Министерства иностранных дел отказался сотрудничать с правительством Ленина. Все другие министерства поступили также». Я принял меры к оповещению нашего Министерства иностранных дел, что их сообщение получено и исполнено.

Ф. 356, оп. 1, д. 2, л. 52. Копия. Рус. яз.

[1] Имеется в виду Общество служащих в МИД.

205. ТЕЛЕГРАММА ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ РОССИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ К.Д. НАБОКОВА ПОСЛАННИКУ РОССИИ В БЕЛЬГИИ Д.А. НЕЛИДОВУ

10 ноября 1917 г.

Судя по телеграмме Гулькевича, возможно обращение к представителям России за границей Троцкого «с приказаниями». В случае получения от него телеграммы[1] полагаю ему не отвечать, сообщить эту телеграмму частным образом правительству, при коем я аккредитован, и в случае согласия на то последнего, продолжать, (не придавая значения депеше не в официальном качестве)[2] как ныне, работать по мере сил в защиту интересов России и русских граждан. Всем представителям в этом настоятельно необходимо действовать заодно.

Ф. 356, оп. 1, д. 2, л. 53. Копия. Рус. яз.

[1] 22 ноября/5 декабря 1917 г. народный комиссар по иностранным делам Л.Д. Троцкий направил российским дипломатическим представителям за границей, назначенным царским и Временным правительствами, циркулярную телеграмму. Сотрудникам загранучреждений предлагалось немедленно сообщить в Петроград, согласны ли они проводить международную политику, провозглашенную Съездом Советов Солдатских и Рабочих Депутатов и Съездом Крестьянских Депутатов и направленную на скорейшее заключение мира. Ввиду враждебного отношения к Октябрьской революции по взаимной договоренности и с учетом мнений правительств стран Антанты подавляющее большинство российских дипломатических представителей не ответили на телеграмму Л.Д. Троцкого. Приказом НКИД от 26 ноября/9 декабря 1917 г. (см. док. № 207) они были уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности.
Исключение составили поверенный в делах в Португалии Р.Р. Унгерн-Штернберг и временный поверенный в делах в Испании Ю.Я. Соловьев, которые согласились сотрудничать с советской властью. Однако их депеши были перехвачены союзниками. — См.: Документы внешней политики СССР. — М., 1957. — Т. 1 (далее — ДВП СССР...). — С. 41, 708.

[2] Так в документе.

206. ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ Л.Д. ТРОЦКОГО

13 ноября 1917 г.

За отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров увольняются от должности без права на пенсию:

Товарищ министра иностранных дел Анатолий Анатолиевич Нератов.

Директор Канцелярии Борис Алексеевич Татищев.

Товарищ министра Александр Михайлович Петряев и чиновники министерства: Герман Павлович Ухтомский, Владимир Борисович Лопухин, Николай Петрович Юдин, Василий Иоаннович Шавельский, Григорий Григорьевич Епифанов, Алексей Николаевич Орлов, Яков Лазаревич Барсков, Иван Карпович Лысенко, Александр Николаевич Раевский, Александр Эдуардович Нюман, Григорий Евгеньевич Пащенко, Федор Андреевич Семенченко, Алексей Константинович Беляев, Владимир Иванович Некрасов, Алексей Алексеевич Губарь, Николай Николаевич Маслов, Михаил Иванович Муромцев, Алексей Васильевич Блинов, Константин Карлович Фетерлейн[1], Евгений Карлович Памерский, Карл Владимирович Циглер, Александр Оттович Струве[2], Юрий Геннадиевич Удинцов, Николай Николаевич Щелкунов[3], Александр Николаевич Марисов, Александр Владимирович Григорьев, Василий Иванович Беляев, Николай Михайлович Старченко, Лев Владимирович Урусов, Владимир Владимирович Таубе.

Список остальных увольняемых чинов будет опубликован завтра. Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий.

Печат. по: Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. — № 225. — 14 ноября 1917 г.

* * *

Увольняются за неподчинение Совету Народных Комиссаров от должности без права на пенсию чиновники Первого политического отдела:

Павел Михайлович Крупенский, Сергей Викторович Багговут, Александр Яковлевич Поляков, бывший барон фон-дер Пален, В.К. Коростовец, Василий Николаевич Крупенский[4], Напьерский, Бутенко, бывший князь Чекмарев, Репнин, Папаригопуло, Гессе.

Второй политический отдел:

Холодковский, Котляров, Радрин[5], бывший князь Гагарин, Слепцов, Токарев, Кессель, Калери, Нелидов, Радкевич.

Третий политический отдел:

Дмитриев, Алесницкий[6], Зотов, Алешин, Цыган, Крылов.

Четвертый политический отдел:

Автономов, Челюсткин, Делекторский, Петров, Люба, Шахтанинский[7], Потапов, Лапшин, Штавеман, Блинов[8], Засецкий.

Департамент общих дел Министерства иностранных дел:

Соколов, Шрут, Геммельман, Макаров, Орлов, Генкель, врач Епифанов, архитектор Монахов.

Отдел печати:

Новомейский, Каменев[9], А. Крылова, В. Варламова, Скерст, Берг, Горвист[10], Пономарев, Л. Мосулишвили, Ант. Крылова, Филлипович[11], Языков.

Учебный Восточный Отдел:

Роберос[12], Мирча Гулян, Валиваки, Риза Хан.

Государственный Петроградский Архив:

Привалов, Чернов, Цытович, Горбачев, Князьков, Корольков.

Народный Комиссар по иностранным делам Л. Троцкий.

Печат. по: Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. — № 227. — 16 ноября 1917 г.

[1] По-видимому, имеется в виду Фаттерлейн Эрнест Карлович.
[2] По-видимому, имеется в виду Струве Александр Оттонович.
[3] По-видимому, имеется в виду Щелкунов Николай Петрович.
[4] По-видимому, имеется в виду Крупенский Анатолий Николаевич.
[5] По-видимому, имеется в виду Радугин Леонид Степанович.
[6] По-видимому, имеется в виду Олесницкий Алексей Акимович.
[7] По-видимому, имеется в виду Шахтахтинский Мамед Султанович.
[8] По-видимому, имеется в виду Блинов Алексей Сергеевич.
[9] По-видимому, имеется в виду Камнев Степан Константинович.
[10] По-видимому, имеется в виду Горвиц Владимир Мартынович.
[11] По-видимому, имеется в виду Филиппович Александр Антонович.
[12] По-видимому, имеется в виду Робертс.

207. ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ Л.Д. ТРОЦКОГО

26 ноября 1917 г.

Ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств и пр. Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством Советской власти на основе платформы II Всероссийского Съезда[1], они увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Равным образом они лишаются права производить с сегодняшнего дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств.

Чрезвычайный посланник, полномоч[ный] министр в Англии — Константин Дмитриевич Набоков.

Посол в Японии — Василий Николаевич Крупенский.

Посол в Северо-Амер[иканских] Соединенных Штатах — Георгий Петрович Бахметев.

Посол в Италии — Михаил Николаевич Гирс.

Посланник в Китае — бывший кн. Николай Александрович Кудашев.

Посол в Испании — Анатолий Васильевич Неклюдов.

Советник посольства во Франции — Николай Александрович Базили.

Генеральный консул в Париже — Сергей Владимирович Зарин.

Посланник в Швеции — Константин Николаевич Гулькевич.

Поверенный в делах во Франции — Матвей Маркович Севастопуло.

Поверенный в делах в Голландии — Генрих Генрихович Бах.

Поверенный в делах в Швейцарии — Андрей Михайлович Ону.

Генеральный консул в Лондоне — Александр Михайлович Ону.

Советник посольства в Вашингтоне — Константин Михайлович Ону.

Чрезвычайный послан[ник], полномоч[ный] министр в Бельгии — Дмитрий Александрович Нелидов.

Посланник в Португалии — Николай Севастьянович Эттер.

Чрезвычайный посланник, полномоч[ный] министр при Бразильских Соед[иненных] Штатах и при Республиках: Уругвайской, Парагвайской и Чилийской — Александр Ипполитович Щербацкий.

Посланник при Аргентинской Республике — Евгений Федорович Штейн.

Посланник в Египте — Алексей Александрович Смирнов.

Посланник в Румынии — Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл.

Консул в Канаде — Сергей Александрович Лихачев.

Посланник в Сиаме — бывш. гр. Иосиф Григорьевич Лорис-Меликов.

Генеральный консул в Корее — Яков Яковлевич Лютш.

Генеральный консул в Барселоне — бывш. кн. Александр Александрович Гагарин.

Посланник в Греции — Илим Павлович Демидов.

Советник при посольстве в Афинах — Василий Николаевич Штрандман.

Генеральный консул в Риме — Георгий Парамонович Забелло.

Первый секретарь посольства в Париже — Владимир Михайлович Горлов.

Народный комиссар по иностранным делам

Печат. по: ДВП СССР... — Т. 1. — С 43–44.

[1] См. прим. 1 к док. № 205.

IV

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

208. ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА РОССИИ В ГЕРМАНИИ Н.С. СВЕРБЕЕВА[1] МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

22 июля/4 августа 1914 г.

Секретная телеграмма посланника в Копенгагене[2]

Телеграмма Свербеева:

Приехал в Копенгаген в сопровождении членов посольства, некоторых миссий и консульств в Германии, а также нескольких русских подданных. Отъезд из Берлина обставлен был германским правительством крайне несовершенно и едва ли удовлетворял самым необходимым условиям приличия, к тому же беспорядок был невозможный. После моего энергичного протеста, еще до формального разрыва дипломатических сношений, против недостаточной охраны посольства, которое буквально осаждалось любопытной и враждебной толпой, были приняты полицией необходимые меры. Однако в день отъезда был полный беспорядок. Сам я выехал из посольства тесно окруженный эскортом жандармов, ввиду чего ограничились только шумными враждебными криками. Члены же посольства и некоторые из русских подданных, выезжая из здания посольства, подвергались оскорблениям озверевшей толпы. Били...[3] и дам и детей, бросали камнями и плевались. Серьезных поранений, к счастью, не было. Подробности через «Вестник», если ему разрешат послать подобную телеграмму. В Берлине волнение громадное. Но на мой взгляд, и по рассказам других центров, в Германии энтузиазма никакого, а только страх пред последствиями событий. Манифестации существуют лишь юной молодежью, подстрекаемой, по-видимому, властями. Возбуждение против русских огромное и выражается резкими выступлениями против русских, причем ...[3] держатся или пассивно, или даже поощрительно. Все русские до сорокапятилетнего возраста арестовываются для выяснения, подлежат ли они военной службе. Были арестованы, затем отпущены по установлении их личности секретарь военного агента Голумбиевский, секретарь генерального консульства Субботин, нештатный секретарь Далиг. При отъезде узнал об аресте консула в Бреславле Шиллинга, но проверить не мог. Второй швейцар посольства русский запасный унтер-офицер арестован и неизвестно, где находится. Протестовал против этих...[3] арестов и получил ответ, что недоразумение, и обещано дать указания полиции быть осмотрительнее, однако этим обещаниям не доверяю. Испанский посол, принявший защиту русских подданных, примет все необходимые меры.

Буксгевден

Ф. 155, 1–5, оп. 709, д. 11, л. 16–16 об. Копия. Рус. яз.

[1] Н.С. Свербеев был отозван из Берлина в связи с объявлением Германией войны России 19 июля/1 августа 1914 г.

[2] Текст телеграммы Н.С. Свербеева был передан в МИД в телеграмме посланника в Дании К.К. Буксгевдена от 22 июля/4 августа 1914 г.

[3] Многоточие документа.

209. ДОНЕСЕНИЕ КОНСУЛА РОССИИ В ШТЕТИНЕ Л.Ф. ЦЕЙДЛЕРА[1] ДИРЕКТОРУ ВТОРОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД А.К. БЕНТКОВСКОМУ

Санкт-Петербург, 1/14 августа 1914 г.

Когда к концу последней недели июля месяца по новому стилю политическое положение стало обостряться, в императорское консульство в Штетине начали обращаться за советом многочисленные проживающие как в Штетине, так и в Ростоке, Висмаре и других городах округа наши подданные, в том числе многие учащиеся. В особенности были встревожены перспективой войны многие неимущие среди них, опасавшиеся невозможности, за неимением средств, выбраться из Германии. Консульство было лишено возможности обещать всем обратившимся помощи, так как наличные средства оказались бы на это совершенно недостаточными, но оно обещало передать в императорское посольство в Берлине просьбы тех из наших подданных о вспомоществовании на случай выезда в Россию, которые должны были явиться к исполнению воинской повинности. Представление об этом от 17/30 июля было, однако, оставлено посольством без ответа. Объявление того же числа военного положения в Германии и еще более обострившееся положение побудило меня обратиться 18/31 июля с телеграммой в императорское посольство в Берлине и просить указаний о сдаче консульства, о выдаче паспорта и о пути для выезда из пределов Германии. В это время меня уже предупреждали не показываться без особой надобности на улицах Штетина ввиду возбуждения толпы, вызванного и систематически поддерживаемого неописуемой травлей России местной прессой, находившей молчаливое одобрение властей.

Испрошенное указание о направлении выезда на случай необходимости покинуть страну явилось бы особенно ценным не только для меня, но и для многих здесь проживавших наших подданных, находившихся уже в большой тревоге. Ответа на мою телеграмму я тоже не получил, как не удалось мне тоже войти на другой день в сношение с посольством по телефону.

В субботу 19 июля/1 августа последовало объявление войны, и я решился, не получив никаких указаний от посольства, действовать по устройству консульства на свой страх. Из газет я узнал, что покровительство наших подданных на время войны приняло на себя испанское посольство в Берлине. Я обратился поэтому к испанскому консулу на месте и попросил его принять на себя охрану интересов русских подданных и консульских помещений и архива. Но консул, после некоторого размышления, отклонил эту просьбу, сославшись на то, что он коммерсант и, как таковой, принимая мое предложение, навлек бы на себя надзор полиции. Великобританский штатный консул тоже не мог принять покровительство наших подданных и охрану консульства, так как, как он ответил, он сам не знает, останется ли он в Штетине; наконец, третьему штатному консулу

на месте, американскому, еврею немецкого происхождения, я сам не счел возможным поручить это. Поэтому мне оставалось лишь передать консульское помещение и архив одному из совладельцев фирмы Рюденбург, при конторе которой находится канцелярия консульства, и поручить архив и казенное имущество секретарю консульства, датскому подданному, в руках которого оно находится в полной сохранности. Сам наш нештатный вице-консул, старший совладелец фирмы, должен был 20 июля/2 августа явиться на военную службу. Денежные суммы консульства, все казенные печати, шифры и секретную переписку я взял к себе еще до объявления войны и привез все это с собой.

Относительно же своего выезда я решил ждать указаний посольства, так как телеграмм в Петербург уже с четверга более не принимали. Я считал себя не вправе покинуть пост без разрешения начальства; кроме того, я полагал тогда еще совершенно недопустимым, чтобы посольство, покидая Германию, бросило на произвол судьбы подчиненных ему консулов и не озаботилось хотя бы снабжением их паспортами. В ожидании указаний посольства прошел следующий по объявлении войны день и наступило утро второго дня, 21 июля/3 августа. В это утро явился ко мне на квартиру полицейский комиссар и передал мне от имени председателя полиции в самой корректной форме, что война объявлена и что я должен буду выехать из пределов Германии. Будучи таким образом вынужден уехать, но не имея никакого паспорта, без которого я не имел возможности это сделать, я выписал сам себе и своей семье консульский вид и дал его подписать не уехавшему еще вице-консулу. Этот паспорт я предъявил тотчас председателю полиции и лично просил его явить мне его на выезд, дабы не явилось препятствий на пути следования из Германии. К сожалению, председатель полиции признал невозможным визировать мой паспорт, уверив меня, что приказания о моем пропуске посланы по пути следования, а именно через Росток и Варнемюнде в Данию. Он убедительно вместе с тем меня просил ввиду возбуждения населения не задержаться, а выехать в тот же день с определенным поездом, который, как предполагалось, должен был иметь прямое сообщение с Варнемюнде-Гьедзерским паровым паромом. За два часа до отхода этого поезда ко мне явился полицейский агент в штатском платье, получивший поручение сопровождать меня до вокзала. В случае же каких-либо задержек в дороге я должен был обратиться по телеграфу к президенту полиции в Штетине.

В указанный час я выехал с женой и сыном по направлению к датской границе. В пути ко мне обратился пожилой русский, которого я видел утром того же дня в приемной председателя полиции и который узнал во мне консула. Он попросил моего содействия в пути, представившись тайным советником Зайончковским, членом Совета министра внутренних дел. Я ему обещал помочь, точно также как и другим русским, находившимся в поезде. Но обмен этими несколькими словами на русском языке, относившимися исключительно к способу выезда из Германии, навлек на нас подозрение спутников — немцев. На следующей станции тайный советник Зайончковский по неизвестной мне причине был выведен из вагона и передан караулу на вокзале, при совершенно диких криках окружающей публики. Я же с семьей был арестован тотчас по прибытии поезда в Росток. Ко мне был приставлен часовой и я был подвергнут грубейшему, с самым циничным надсмеханием, допросу со стороны караульного начальника, лейтенанта. Совершенно игнорируя мое указание на занятое в Германии официальное положение, только усмехнувшись моей просьбе обратиться за справкой в Штетин, он отказался даже отпустить мою жену и сына, объявил нас всех военнопленными и сдал двум полицейским, которые повели нас на площадь перед вокзалом. Здесь лейтенантом

уже был выстроен конвой из восьми солдат при унтер-офицере. Нам было приказано в грубой форме взять весь нелегкий ручной багаж в руки, стать в середину между двумя шеренгами конвойных и двинуться. Лейтенант понукал нас не замедлять шага, и таким образом мы шествовали чрез весь город около ¾ часа до расположенных на другом конце города казарм. Это было около 11 часов вечера. В казармах нас ввели в караульную комнату, полную солдат; велели багаж поставить на лавку и позволили сесть, объявив, что дальнейшее распоряжение нашей судьбой последует на другое утро. В дороге мы уже слышали вероятно преувеличенные рассказы о пойманных русских шпионах и бомбометателях, расстрелянных на месте. Тем не менее, эти рассказы, обращение с нами офицера и заключение в казарме подействовали чрезвычайно угнетающим образом в особенности на жену и сына, почему я стал просить отпустить хотя бы их в гостиницу или отвести им комнату здесь же, где они могли бы провести ночь. Но моя просьба была отклонена караульным. Впрочем, попытки со стороны солдат оскорблять нас этим караульным унтер-офицером были энергично прекращены, он вел себя положительно достойнее своего начальника, лейтенанта. Около часа ночи в караульную явился дежурный фельдфебель, и я снова просил отпустить жену и сына. Фельдфебель чрезвычайно участливо отнесся к моей просьбе и обещал немедленно донести по начальству. Еще чрез час нам, отведенным между тем в опрятную полковую канцелярию, было объявлено распоряжение, что мы совсем свободны и можем двинуться, куда пожелаем. Мы захватили снова свой багаж и отправились чрез весь город в гостиницу.

На другое утро я вошел в сношение с нашим нештатным вице-консулом в Ростоке, которого накануне не оказалось в городе, и он принял самое горячее участие в дальнейшем устройстве нашего путешествия. Он сообщил мне, что, вернувшись утром в город и узнав о моем приезде, он тотчас нанял пароход в Данию, потому что правильное сообщение туда уже прекратилось, и что остается лишь добыть еще разрешение на выход парохода местного начальника гарнизона. Для получения этого разрешения мы отправились немедля в канцелярию его; там нам даже уже выписали пропуск, но попросили лично явиться к начальнику гарнизона, подполковнику фон Трескову, стоявшему в гостинице. Здесь нас ожидал самый неожиданный и потрясающий прием. Как я узнал впоследствии, названный офицер только что перед этим получил донесение о захвате нескольких русских, покушавшихся взорвать мост и водопровод. Как только мой вице-консул назвал меня, он набросился на меня с ругательствами на русских и объявил меня здесь же военнопленным, распорядившись вместе с тем арестовать тоже мою жену и сына. Мои объяснения лишь подлили масло в огонь. Ко мне был приставлен часовой, и в течение часа, проведенного в вестибюле гостиницы, я подвергся самым унизительным оскорблениям проходящих. При объяснениях моих с начальником гарнизона, к моему счастью, как потом обнаружилось, присутствовал его ординарец, запасный лейтенант, в мирное время служивший судьей в Гамбурге, — доктор Ренер. Когда он из моего допроса узнал кто я, он немедленно стал объяснять своему начальнику полную неуместность его поступка. Но об этом я узнал лишь впоследствии. Пока же я был отведен в гостиницу, где к дверям моей комнаты был приставлен часовой, получивший приказ стрелять в нас при малейшей попытке уйти. Лейтенант-ординарец приступил к обыску меня и моего сына, равно как и багажа, а жена моя была обыскана женою хозяина гостиницы. По-видимому, ничего у нас не найдя подозрительного, офицеры несколько успокоились. Тем не менее, до следующего утра мы должны были ждать еще в неизвестности решения нашей участи и, принимая во внимание испытанное уже дважды обращение,

перспектива военного суда казалась не столь уже невероятной. Вечером лейтенант нам объявил, что последовало распоряжение отправить нас в воинском поезде под охраной в Штетин, в Штаб II корпуса. Это оказалось весьма счастливым для меня решением, и я им обязан только заступничеству лейтенанта Ренера, которому удалось уговорить подполковника фон Трескова не отправлять меня по принадлежности в Штаб корпуса в Альтону, а в Штетин, где меня знают и откуда я приехал. Под охраной того же лейтенанта, оказавшегося чрезвычайно корректным и вежливым офицером, мы отправились на другое утро в воинском поезде в Штетин. Здесь он нас сдал на полицейскую гауптвахту, а сам отправился с докладом к командиру корпуса, знавшему меня лично. Уже спустя всего четверть часа он вернулся и сообщил нам, что мы совсем свободны и что командир корпуса поручил своему начальнику штаба выразить мне и моей жене самое искреннее сожаление по поводу случившегося. Нас просили заехать в Штаб корпуса для получения дальнейшего пропуска. Здесь нас встретил тоже лично знакомый мне полковник — начальник штаба барон фон Гаммерштейн — и высказал от имени командира корпуса и от своего собственного сожаление, объяснив, что испытанные нами мытарства необходимо приписать исключительно недосмотру гражданских властей, отказавшихся снабдить меня пропуском. «Отличные отношения, — добавил он, — всегда поддерживавшиеся мной с местными властями, особенно заставляют жалеть о происшедшем», — почему с их стороны будет сделано все возможное, дабы изгладить нехорошее впечатление от обращения со мной ростокских военных властей.

Для дальнейшего следования до Швеции Штабом были мне предоставлены два автомобиля. Проезд в поезде был признан невозможным. Мне был дан для личной охраны и для исполнения формальностей в пути полицейский агент, и на другое утро я отправился с семьей в путь до Зассница. Все военные посты и гарнизоны по пути были оповещены о моем проезде и, кроме того, мой паспорт был визирован и мне был вручен еще особый открытый лист. Так мы проехали до Зассница без особых приключений. Здесь мы застали на второй день после вторичного выезда из Штетина паровой шведский паром и переехали в Треллеборг.

То, что пришлось увидеть на пароме, не поддается никакому описанию, равно как и все виденное дальше на пути чрез Швецию и Финляндию. На пароме было около 1 500 русских подданных, беглецов из Германии, большинство поляки и евреи, согнанных, иначе трудно это назвать, в Зассниц из многочисленных купальных мест и курортов. Без различия социального положения все они оказались помещенными в ожидании шведского парома в здании карантина для скота. Большинство было без средств или с самыми скудными ресурсами. Более чем 100 чел[овек] из них не могли вовсе уплатить даже за переезд в Швецию, так что, я, имея при себе из аванса на пособия неимущим русским еще известную сумму, внес 480 мар. за билеты 80 челов[ек] наших подданных. В Швеции дальнейший путь им оказался обеспеченным, так как управление железной дороги отправляло всех неимущих бесплатно до финляндской границы в Торнео.

Непрерывно следовавшие один за другим транспорты беглецов до того, однако, затрудняли путь до финляндской границы, что о немедленном продолжении путешествия при возможности прожить не могло быть речи. Кроме того, испытанные нами в Ростоке потрясения самым неблагоприятным образом отозвались на здоровье жены и сына, и мы вынуждены были прервать путешествие в Мальмэ. Наш консул здесь не мог указать нам другого пути на Родину, кроме совершенно запруженного в этот момент маршрута на Торнео. Поэтому я донес о своем прибытии в Швецию по принадлежности императорской

миссии в Стокгольме и просил помощи по выбору пути для возвращения в Россию. Ответа на свою просьбу я тоже не получил. Приехав затем в Стокгольм, я за тем же хотел обратиться в наше генеральное консульство, но туда вместе с остальной публикой допущен не был. Пришлось самому доискаться до наиудобнейшего пути для возвращения, оказавшегося пролегающим чрез Раумо в Финляндии. На одиннадцатый день я прибыл затем в Выборг.

Об этом имею честь донести Вашему превосходительству.

Статский советник Цейдлер,
бывший императорский российский консул в Штетине

Ф. 159, оп. 743/1, д. 547, л. 2–7. Подлинник. Рус. яз.

[1] Л.Ф. Цейдлер был отозван из Штетина в связи с объявлением Германией войны России 19 июля/1 августа 1914 г.

210. ПРЕДПИСАНИЕ ДЕЖУРНОГО ГЕНЕРАЛА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО П.К. КОНДЗЕРОВСКОГО И.О. СТАРШЕГО СЕКРЕТАРЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ В.Н. МУРАВЬЕВУ

№ 253 *20 декабря 1914 г.*
Секретно

И.об. старшего секретаря Дипломатической канцелярии Штаба верховного главнокомандующего, в звании камер-юнкера высочайшего двора, надворному советнику Муравьеву.

По приказанию начальника Штаба верховного главнокомандующего, Вам надлежит, с получением сего, отправиться в Черновцы для выполнения возложенного на Вас поручения, которое заключается в следующем:

1) Содействовать сношениям наших военных и гражданских властей с румынским населением, а также с румынским консулом в Черновцах;

2) Содействовать сношениям наших военных и гражданских властей с румынскими военачальниками, в случае если бы таковые явились в Буковину;

3) Осведомлять Штаб верховного главнокомандующего, а также Министерство иностранных дел по всем политическим вопросам, возникающим вследствие занятия нами Буковины;

4) Оказывать воздействие на местных румынских деятелей и население в связи с дипломатическими переговорами с Румынией[1].

Дежурный генерал, генерал-лейтенант Кондзеровский

Штаб-офицер для делопроизводства и поручений, полковник Балашов

Ф. 323, оп. 617, д. 103, л. 8–8 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] О командировке В.Н. Муравьева см. док. № 71, 81.

211. ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В МИД РОССИИ

№ 576 *Петроград, 9 января 1915 г.*

Главное управление Российского Общества Красного Креста имеет честь сообщить Министерству иностранных дел, что им 15 сего января командируется из Москвы в Сербию для оказания медицинской помощи раненым и больным воинам сербской армии госпиталь Красного Креста на 200 кроватей, сформированный при участии Московской Иверской общины сестер милосердия и княгини Марии Константиновны Трубецкой. Персонал госпиталя состоит из 34 лиц, в том числе, помощница уполномоченного госпиталя княгиня М.К. Трубецкая, пять врачей, провизор, 11 сестер милосердия, заведующий хозяйством, секретарь, заведующий рентгеновским кабинетом, два монтера, десять санитаров и одна сиделка.

Отъезд госпиталя из Москвы состоится по маршруту: Киев — Раздельная — Кишинев — Унгени русские и далее через Румынию в Сербию.

С персоналом следует материальное оборудование госпиталя в составе шести вагонов груза.

Сообщая о сем, Главное управление Красного Креста имеет честь покорнейше просить Министерство иностранных дел поставить в известность о командировании госпиталя сербское королевское правительство, а также просить сообщить императорским российским представителям в Румынии и Сербии об оказании персоналу госпиталя возможного содействия при следовании его к месту назначения.

Председатель Главного управления,
гофмейстер Ильин
Начальник Канцелярии
А. Чеманский
Начальник Мобилизационного отдела[1]

Ф. 146, оп. 495, д. 8630, л. 5–5 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Подпись неразборчива.

212. ПИСЬМО КАПИТАНА 2-ГО РАНГА В ОТСТАВКЕ Н. ФИЛЬКОВИЧА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

Владикавказ, 22 января 1915 г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Считаю своей нравственной обязанностью засвидетельствовать перед Вашим высокопревосходительством мою глубокую признательность посольским и консульским чинам в Париже, Афинах, Салониках, Нише, Софии и Бухаресте за их теплое и сердечное участие к нам, русским беженцам, возвращающимся к себе на Родину из разных мест Европы во время текущей войны.

Уверен, что многие тысячи русских людей, возвращающихся к себе домой из заграницы в такое тяжелое время и с крайне ограниченными средствами, благодарят Бога за то, что только при посредстве русских консулов за границей они могли добраться живыми и целыми к себе на родину, а между тем ни один из иностранцев нерусского подданства [не] мог бы сказать то же самое про свои консульства и посольства во время возвращения к себе на родину, так как их никто из консульских чинов не встречал нигде и никакое посольство им не оказывало денежной поддержки, в чем нам, русским, со стороны наших консульств и посольств было повсюду оказано.

Прочитав в «Новом времени» (№ 13956) отчет о заседании Бюджетной комиссии Государственной думы по смете Министерства иностранных дел, в котором была приведена речь члена Государственной думы С.Н. Родзянко 2-го, я полагаю, что все вышеизложенное мною в этом письме будет подтверждено им, г-ном Родзянко, так как мы совместно совершали путь наш в Россию из Бриндизи.

Примите уверение, Ваше высокопревосходительство, в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

Отставной капитан 2-го ранга
Н. Филькович

Ф. 159, оп. 726, 1915 г., д. 31, л. 1–2. Подлинник. Рус. яз.

213. ПИСЬМО ПОСЛАННИКА РОССИИ В СЕРБИИ Г.Н. ТРУБЕЦКОГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВУ

Ниш, 27 января 1915 г.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Телеграммами от 24-го сего января за № 100[1] и № 102[2] и от 26-го января за № 109[3], я счел долгом довести до сведения императорского министерства об усилении здесь эпидемий всех видов тифа брюшного, возвратного и сыпного, а также черной оспы, скарлатины и дифтерита.

Рост этих эпидемий принял за последнее время прямо угрожающий характер. Полный недостаток помещений, вследствие коего, между прочим, пришлось временно задержать прибытие сюда госпиталя из Петрограда, скудость съестных припасов и крайнее вздорожание предметов первой необходимости вследствие недостатка перевязочных средств, наконец, невозможные санитарные условия, создавшиеся благодаря тому, что изо всех местностей, где прошли австрийцы, население хлынуло в нетронутые города и, прежде всего, в Ниш, наконец, скопление пленных, из коих многие сдавались больными или совершенно изнуренными, все это создало благоприятную почву для быстрого распространения болезней.

Для борьбы с ними правительство оказалось совершенно бессильным. Нет врачей, нет совершенно санитаров, и только теперь обсуждают меры изоляции больных от еще здоровых.

Старший врач только что прибывшего сюда московского госпиталя доктор Сиротин посетил вчера помещение для военнопленных в двух шагах от казарм, отведенных теперь под больницы. Помещением служат конюшни. В стойлах на соломе и на полу

валяются умирающие, рядом с ними уже окоченевшие трупы. Тут же помещаются еще не заболевшие люди, которые свободно гуляют по улицам, разнося всюду заразу.

Рядом со здешним собором небольшое двухэтажное каменное здание, где было училище, отведено беженцам. Епископ Досифей, показывая мне на это здание, сказал, что в нижнем этаже, куда было помещено свыше 100 человек здоровых людей, не осталось ни одного в живых, и все умерли от тифа. В верхнем этаже были поселены цыгане, которые оказались, что весьма странно, невосприимчивы к заболеваниям.

Перечисленные отдельные факты, на которые я лично случайно натолкнулся, являются лишь небольшой иллюстрацией неподдающегося описанию общего положения. Из провинций доходят известия, оставляющие далеко позади то, что делается в Нише. Есть местности, как например Вальево, занятое одно время австрийцами, куда доступ путешественникам воспрещен, вследствие повального характера болезней. Между тем вагоны служат одним из самых больших источников распространения заразы, и не дальше как сегодня я узнал о том, что заболела сыпным тифом вся семья сестры управляющего Министерством иностранных дел г-на Иовановича, схватившая заразу во время переезда.

В армии также распространяется тиф и в некоторых полках, и без того далеко не достигающих полного состава, есть до 200–300 заболеваний.

Все эти факты указывают на необходимость самой энергичной и планомерной борьбы с эпидемиями. Своими средствами Сербия совершенно не в силах справиться с этой задачей. Как я уже телеграфировал, на всю Сербию имеется всего 445 врачей, считая стариков и недоучившихся лекарей. Если принять во внимание необходимость обслуживать 200-тысячную армию, 60 тысяч военнопленных и, кроме того, содержать госпитали для раненых, то неудивительно, что население остается совершенно на произвол судьбы, а тяжелые условия, содействующие распространению в его среде эпидемий, создают грозную опасность для той же армии.

И гражданские, и военные власти по привычке считаться с опасностью, только когда она уже наступила, в настоящую минуту крайне озабочены этим положением и взывают к помощи извне. Прежде всего, как всегда, они ждут этой помощи от России, как потому, что никто, как мы, не примем к сердцу их бедствия, так и по той причине, что французским и английским врачам гораздо труднее объясняться с больными и администрацией. Этим обусловливается переданное уже мной усердное ходатайство о скорейшей присылке сюда 50 врачей, из числа попавших к нам в плен, славянского происхождения, коим было бы обеспечено содержание от 400 до 600 динаров в месяц.

Несомненно, что если бы Петроградский госпиталь, отказавшись от хирургического лечения раненых, поставил своею задачей борьбу с эпидемиями, это было бы встречено с величайшей благодарностью здесь. В этом случае, однако, потребовался бы подбор особого личного состава, причем во главе госпиталя пришлось бы поставить не доктора Софотерова, о коем я телеграфировал 18-го сего января за № 70[4], а другое лицо.

Как бы то ни было, помощь и возможно более скорая, крайне желательна. Отряд, прибывший сюда с моей женой, ставит своей задачей возможно шире развить деятельность в борьбе с различными видами нужды, ограничиваясь по необходимости городом Нишем, где сосредоточено большое количество беженцев[5]. Предполагается в ближайшие дни, когда закончено будет не совсем готовое здание, открыть госпиталь для раненых, коих может быть принято до 350 человек. Далее теперь же часть персонала будет особо выделена в барачные больницы для эпидемий. Кроме того, намечается открытие

столовой и чайной, если того дозволит приток денежных средств, на который мы крайне рассчитываем, в надежде также, что министерство не откажет своей поддержкой, о коей я ходатайствовал в телеграмме от 14-го января за № 51[6].

Было бы весьма ценно, если бы Святейший Синод нашел возможным передать Комитету при императорской миссии сбор, разрешенный, по-видимому, в наших церквах в пользу населения Сербии. В этом случае можно было бы присвоить соответствующим столовым именование: «от Русской церкви». Равным образом крайне желательна была бы присылка таких продуктов, как мука, соль, керосин, чай, сахар, конденсированное молоко, постельное белье и проч.

Примите, милостивый государь, уверения в глубоком моем почтении и таковой же преданности.

Кн. Трубецкой

На документе помета Николая II: «Следует чем-либо помочь». Царское Село. 16 февраля 1915 г.
Ф. 146, оп. 495, д. 8685, л. 44–46 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] См.: Ф. 146, оп. 495, д. 8685, л. 24.
[2] См.: Ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 64, л. 43.
[3] См.: Там же, л. 46.
[4] См.: Ф. 146, оп. 495, д. 8685, л. 21.
[5] См. док. № 211.
[6] См.: Ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 64, л. 20.

214. РАПОРТ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИИ В ДАНЦИГЕ Д.Н. ОСТРОВСКОГО ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В.А. АРЦИМОВИЧУ

Петроград, 7 февраля 1915 г.

Его превосходительству господину товарищу министра иностранных дел Владимиру Антоновичу Арцимовичу рапорт генерального консула Островского.

Имею честь представить Вашему превосходительству в исторической последовательности изложение обстоятельств, сопровождавших мое задержание в Германии:

Уже в первой половине июля среди многочисленной русской публики, бывшей на морских купаниях близ Данцига, начало проявляться с каждым днем все усиливавшееся беспокойство за исход политических осложнений. С раннего утра до позднего вечера публика собиралась в генеральном консульстве, прося советов и разъяснений относительно обязательного и необязательного возвращения в Россию. Не имея никаких положительных указаний, но предчувствуя надвигающуюся грозу, я настоятельно советовал всем пренебречь материальными убытками по найму квартир и пансионов и возвращаться в Россию, считая лично для себя своим долгом оставаться на своем посту до получения распоряжений посольства или до последней возможности.

Беспокойство русских подданных и выехавших из России, но в ней постоянно живущих иностранцев достигло высшей степени, когда сделался известным последовавший

15/28 июля отъезд в Россию наших морских офицеров, наблюдавших за постройкой на верфи Шихау в Данциге крейсера «Муравьев-Амурский», и когда стали получаться известия о затруднительности, а затем и о совершенном прекращении проезда через Млаву и Торн вследствие расположения войск по обе стороны границы, и когда оставалась только возможность проезда через Сасниц в Швецию. В населении Данцига и Цоппота стало чувствоваться сильное возбуждение и в четверг 17/30 июля в 11 часу вечера перед домом генерального консульства собралась с враждебными криками толпа народа, быстро, однако, рассеянная отрядом полиции. На следующий день ко мне приехал начальник данцигской полиции г-н Вессель с выражением сожаления по поводу происшедшей демонстрации и с уверением, что она более не повторится. Перед домом генерального консульства был поставлен усиленный наряд полиции, и порядок действительно более не нарушался. В тот же день к нам приехал командующий XVII корпусом генерал Макензен с женой, говоря, что настоящий их визит к нам, вероятно, последний, и советовал не откладывать нашего отъезда. В субботу 19 июля/1 авг[уста], видя из газет, что наше посольство еще в Берлине, я сделал попытку снестись с ним по телефону, но разговор наш был тотчас же прерван, и было заявлено, что телефон находится в исключительном распоряжении военных властей. К вечеру колокольный звон возвестил наступление мобилизации, и состоявший при постройке крейсера «Муравьев-Амурский» капитан корпуса корабельных инженеров г-н Гиршберг получил предложение выехать в сопровождении агента тайной полиции на следующий день через Вержболово в Россию. Комендант крепости прислал и мне свидетельство на выезд из Данцига. При очевидной невозможности оставаться далее на своем посту и получить какие-либо распоряжения от посольства мною были приняты следующие по отношению к генеральному консульству меры:

1) Сколько-нибудь значительных сумм в кассе генерального консульства за передачей в банк всех поступлений по 15 июля уже не оставалось, шнуровые же книги и неизрасходованные марки мной были сложены и заперты в несгораемый шкаф. Шифр и всю по ним переписку я сжег.

2) Консульскому агенту г-ну Кардолинскому мной было дано письменное предписание, когда будет известно, какое консульство примет на себя защиту русских интересов в Данциге, передать в таковое архив и печати нашего генерального консульства. Впоследствии, как мне стало известно, нештатным испанским консулом в Данциге г-ном Мейером шкафы с архивом генерального консульства были опечатаны и печати взяты на хранение.

3) Во внимание к двадцатилетней безупречной службе в генеральном консульства г-на Кардолинского, остававшегося совершенно без средств, мной было ему выдано из моих собственных средств жалование до конца 1914 года, т.е. до того времени, на какое по смете Министерства иностранных дел числилось на сей предмет ассигнование. О сем мной впоследствии из Берлина было донесено I-му Департаменту, но ввиду того, что г-н Кардолинский — германский подданный, ходатайствовать о возмещении мне сего расхода я не могу, предоставляя сие всецело усмотрению министерства.

4) Все поступившие к 1-му августа н.ст. счета по содержанию казенного дома были мной уплачены и затем впоследствии вместе с вышеупомянутым донесением пересланы из Берлина через испанское посольство в I-й Департамент. Производившиеся фирмами Schneider и Aird по особым ассигнованиям работы по постройке забора и прокладке водопровода были закончены еще в мае и июне, и оправдательные документы по ним представлены еще во время мира в департамент.

5) Так как казенный дом и оставленное в нем казенное и все мое частное имущество не могло оставаться без присмотра и некоторого ремонта, то все эти хозяйственные заботы и попечения нами были доверены уже много лет знакомому нам семейству Вилькерлинг, поселившемуся в нижних комнатах дома. Помянутый присмотр, конечно, соединен с некоторыми расходами по отоплению, поддержанию чистоты, неизбежному мелкому ремонту, очистке и вывозу снега и т.п. Для покрытия сих расходов мной была выдана г-же Вилькерлинг доверенность на получение квартирной платы за сдаваемые в наем два флигеля, но, как впоследствии стало известно, эта квартирная плата была секвестрована и должна поступать в местное интендантское управление. По закрытии таким образом сего источника г-жа Вилькерлинг обратилась 23 сентября/9 ноября через испанское посольство в Берлине к министерству с ходатайством о выдаче ей ста марок в месяц на покрытие вышеуказанных расходов по содержанию дома и некоторого вознаграждения за труд. О возможном удовлетворении сей просьбы имею честь ходатайствовать пред Вашим превосходительством.

Устроив таким образом наскоро и насколько позволяли силы и время дело дальнейшего попечения о доме и находящемся в нем имуществе, мы с женой, измученные и потрясенные всем пережитым, выехали 20 июля/2 августа в 11 часов утра с последним, еще следовавшим по расписанию, поездом в Берлин. На вокзале в Данциге я узнал, что за прекращением сообщения чрез Вержболово капитан Гиршберг оставлен был в Данциге и арестован. Насколько мне известно, он и до сих пор томится в заключении.

Поезд наш сильно запоздал, и на следующий день, в понедельник 21 июля/3 августа, мы с женой застали императорское посольство уже собиравшимся на вокзал и за краткостью времени не могли уехать с ним.

Во вторник 22 июля/4 августа, с трудом перебравшись через толпу стоявших перед испанским посольством русских подданных, я был принят послом, сказавшим мне следующие утешительные слова: «Vous n'aurez pas le moindre désagrément. Dès que la communicaton avec les pays neutres sera ouverte Vous pourrez partir». [У Вас не будет ни малейших затруднений. Как только сообщение с нейтральными странами будет открыто, вы сможете уехать]. По его совету я затем отправился в полицейское управление (Polizei Präsidium), где хотя и в достаточно любезной, но категорической форме мне было объявлено, что за прекращением дружественных отношений с Россией моя экзекватура прекращается (entzogen) и рекомендовалось пока оставаться в том же отеле, где мы остановились. Возвратившись в отель, мы узнали, что много русских генералов было арестовано и подвергнуто унизительному обыску.

В среду 23 июля/5 августа ко мне в отель явился агент тайной полиции и объявил, что я подвергнут домашнему аресту, что я не имею права ни с кем сноситься и разговаривать, что вся моя корреспонденция должна проходить через его руки и что он обязан следить за мной из соседней комнаты. На следующий день арест этот был смягчен тем, что нам с женой были разрешены прогулки по Берлину, но в сопровождении агента.

Так жили мы в ожидании разрешения нам выезда в Швецию с остальными русскими подданными. Надежды наши на выезд, однако, не оправдались. 30 июля/12 августа я был приглашен в испанское посольство и советник посольства Дельгадо объявил мне, что германское правительство, получив известие о разгроме чернью дома германского посольства в С.-Петербурге и убийстве одного из служащих (huissier) [привратник], считает необходимым в видах нашей личной безопасности (comme une mesure preventive) [в качестве предохранительной меры] заключить меня и консула Броссе в тюрьму

(prison). В четверг 31 июля/13 авг[уста] ко мне в гостиницу в 5 вечера явился агент сыскного отделения, объявил меня арестованным и предложил следовать за ним. Моя жена была тотчас же объявлена свободной от всякого надзора и состоявший при нас ранее того агент немедленно удалился.

С моим новым провожатым по городской ж. д. я доехал до Polizei-Präsidium, где встретился с моим товарищем по несчастью консулом Броссе и вместе с ним в сопровождении двух новых агентов, одетых как всегда в штатское платье, в автомобиле (за который мы должны были сами заплатить) был отвезен в военный арестный дом (Südliche Militair-Arrest Anstalt).

Этот арестный дом расположен рядом с учебным полем (Tempelhofer Feld) и представляет собой трехэтажное здание, содержащее в себе полутемные, тесные камеры, предназначенные для нижних чинов. Среди этих камер в верхнем этаже имеются три офицерские карцера, каждый в два светлые окна с решетками. Такой карцер имеет 6 шагов в длину и столько же в ширину и снабжен следующей мебелью: железной кроватью с соломенным тюфяком и подушкой, комодом, платяным шкафом, умывальником и зеркалом. Посредине стол и стул. В этих трех карцерах и были размещены я, Броссе и затем прибывший 10/23 августа из Кенигсберга консул Поляновский. Содержались мы сначала в строгом одиночном заключении. На дворе, засаженном 8-ю большими каштанами, нам разрешалось гулять сначала полчаса в день, а затем два часа под надзором вооруженного унтер-офицера. Через неделю были допущены свидания, но в присутствии заведывающего тюрьмой майора и обязательством говорить только по-немецки, разрешено было чтение газет и книг; все находившиеся при нас деньги были отобраны, но при освобождении аккуратно возвращены за вычетом расходов за пищу, которую нам приносили из ближайшей гостиницы. Какие-либо сношения между собой нам никогда не разрешались, но строгий запрет, как и всякая чересчур строгая мера, с течением времени конечно ослаб, и мы могли, идя на прогулку, в коридорах перебрасываться отдельными фразами. При таких встречах я узнал от Поляновского, что он был арестован в Кенигсберге 20 июля/2 авг[уста], заключен в тюрьму по обвинению в шпионстве и ради побуждения его к сознанию с ним обходились крайне грубо, содержали в темной камере, которую он должен был сам убирать, стращали смертной казнью и томили голодом. Оправданный однако военным судом он был перевезен в Берлин в здешнюю тюрьму, режим которой ему уже казался донельзя легким и сносным. Впоследствии, уже после моего освобождения, я слышал, что он был переведен в Кюстрин и там, доведенный до отчаяния, покушался на самоубийство и был снова возвращен в Берлин.

Томительная скука одиночества, тоска, недостаток движения и нравственные страдания терзали наши нервы. С учебного поля целый день доносились до нашего слуха слова команды, пальба и бесконечно повторяемые страшно надоедавшие своим однообразием патриотические песни Wacht am Rhein и Deutschland, Deutschland. Измученная мысль напрасно силилась объяснить все эти бесцельные, ненужные жестокости, допускаемые в большой войне XX столетия между самыми большими народами, это попрание международного права, пренебрежение к частным лицам и частной собственности и, наконец, причины такого унизительного обращения с консулами, деятельность которых была посвящена развитию и упрочению мирных сношений двух ныне враждующих сторон. Причина эта чувствовалась в каком-то общем, огульном обвинении всех консулов в шпионстве. Они вдруг показались лицами опасными, даже более опасными, чем все военные и морские агенты, давно оставившие страну. Даже

предъявленное в более или менее конкретной форме к Лерхенфельду и Поляновскому обвинение в шпионстве представляется одной запоздалой местью. Широко, конечно, может быть толкуемо и само понятие о шпионстве. Может ли, например, считаться шпионством всестороннее изучение страны. Нынешней войной вопрос этот, по-видимому, разрешается утвердительно, по крайней мере в Лондоне был задержан самими же англичанами приглашенный на конгресс председатель Берлинского географического общества, профессор Пенк, как человек, слишком хорошо знающий Англию. Подобные воззрения затрагивают, конечно, и условия консульской службы. Она может стать невозможной, ибо в задачи ее именно и входит всестороннее изучение страны. Униженная и в существе своем глубоко оскорбленная в настоящее время консульская служба должна быть путем новых международных соглашений поставлена на соответствующую ей высоту и за консулом должно быть обеспечено безусловное пользование личной неприкосновенностью.

28 сентября/11 октября, т.е. ровно через два месяца после моего арестования, в мою камеру неожиданно явился чиновник Министерства иностранных дел Шюлер и объявил мне, что ввиду возникших ныне переговоров о взаимном размене задержанных при объявлении войны лиц, германское правительство решило меня освободить, хотя германские консулы до сих пор содержатся в России под стражей.

Через неделю последовало освобождение г-на Броссе. Выпущен я был на свободу под честное слово не выезжать из Берлина и первое время пользовался свободой без всяких стеснений, но 20 ноября последовало распоряжение коменданта Берлина, обязывающее всех подданных враждебных Германии держав 1) иметь при себе всегда установленный для них вид (Ausweis), 2) являться два раза в день в полицейский участок, 3) с 8 ч. вечера до 7 час. утра не отлучаться из своей квартиры, 4) не выходить за пределы своего участка, 5) не менять квартиры без разрешения полиции, 6) не посылать закрытых писем. От столь стеснительных условий мы с женой были, однако, скоро освобождены. Хотя все-таки было оставлено в силе требование явки в полицию для меня 1 раз в день, для моей жены — 2 раза в неделю.

В конце ноября было получено из Данцига весьма порадовавшее нас известие о том, что 22 ноября в день поминовения усопших (Todtensonntag) членами дамского кружка (Vaterland. Frauen-Verein) по приглашению газет, предлагавших в этот день забыть вражду и видеть во враге и друге только человека (ob Freund ob Feind), могилы павших воинов были заботливо убраны, причем русские могилы были обильно увиты плющем из сада генерального консульства. Вообще, как было слышно, данцигские власти и общество наиболее гуманно относились к оставшимся там русским подданным.

Подобные радостные вести изредка рассеивали окружавшую нас зловещую атмосферу. Над нами как дамоклов меч висело опасение новых стеснений или даже нового заключения в тюрьму. В самый день немецкого нового года пользовавшиеся до сего сравнительной свободой и даже совершенно избавленные от явки в полицию русские генералы получили от Комендантского управления предложение выехать на жительство в мелкие городки Бранденбургской провинции. Это распоряжение было однако применено лишь к генералам Ставровскому и Харину, остальным же (Фрезе, Скрыдлов, Некрашевич, Бобылев и Соколовский) во внимание к их преклонному возрасту или болезненному состоянию был назначен для жительства пансион Katschke Grunewald'e. Это распоряжение повергло нас в большое уныние, но время нашего освобождения уже приближалось. Прошел слух о предполагаемом размене группами и 5/19[1] января я, как

состоящий в первой группе, был приглашен в комендантское управление, где на наши паспорта, снабженные нашими фотографиями, предварительно удостоверенными испанским посольством, был наложен штемпель, разрешающий нам выехать из Берлина через Сасниц-Треллеборг в Стокгольм и обязывающий нас выехать 20 января 1915 г. и следовать до границы безостановочно.

Для проезда до Сасница нам, выехавшим в числе 8 человек, был предоставлен салон-вагон 1 класса и до границы нас сопровождал уланский офицер. В Треллеборге мы были встречены русским вице-консулом г-ном Thomée, оказывавшим нам свое любезное содействие во время переезда в г. Мальмё, в Стокгольме на вокзале нас встретили члены русского комитета, а переезд со шведской станции на финскую Карунги был нам в высшей степени обязательно облегчен уполномоченным императорской миссии И.К. Вербицким, сопровождавшим нас до г. Торнео.

В заключение позволяю себе засвидетельствовать пред Вашим превосходительством мою глубокую благодарность за благосклонное внимание к постигшей меня судьбе и за предоставленный ныне мне отдых, столь необходимый для восстановления моих упадших сил и укрепления вконец расшатанных тяжелыми испытаниями нервов.

Генеральный консул: Островский

Ф. 159, оп. 726, 1915 г., д. 86, л. 1–8 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Так в документе.

215. ПИСЬМО А.Б. САЗОНОВОЙ НАЧАЛЬНИКУ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.Ф. ШИЛЛИНГУ

Петроград, 16 февраля 1915 г.

Милостивый государь барон Маврикий Фабианович,

Его императорским высочеством принцем Ольденбургским возложено на меня попечение об обмене и эвакуации военнопленных калек через Финляндию и Швецию.

Для успешного выполнения возложенного на меня поручения мне кажется необходимым образовать Специальный комитет Красного Креста для этой цели.

Вследствие сего обращаюсь к Вашему превосходительству с просьбой принять на себя звание члена помянутого Комитета.

Будучи заранее уверена, что Вы не откажете в Вашем любезном содействии делу обмена и эвакуации наших раненых воинов, прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении[1].

А. Сазонова

Ф. 133, оп. 470, 1915 г. (неполитич.), д. 42, л. 42. Подлинник. Рус. яз.

[1] В письме от 18 февраля/3 марта 1915 г. М.Ф. Шиллинг сообщил А.Б. Сазоновой о своем согласии стать членом Комитета Красного Креста по обмену и эвакуации военнопленных калек. — См.: Ф. 133, оп. 470, 1915 г. (неполитич.), д. 42, л. 43.

216. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 933

19 февраля 1915 г.
Циркулярно
Шифром

По соглашению Министерств иностранных дел, военного, морского и внутренних дел из лиц, находящихся за границей, освобождаются от предписанной после 1 марта явки в Россию по мобилизации лица, занимающие нижеследующие должности.

1) Состоящие и прикомандированные к заграничным установлениям Министерства иностранных дел, как чины сего ведомства, так и министерств финансов, торговли и промышленности, Главного управления землеустройства и земледелия, почтово-телеграфного ведомства и проч.

2) Нештатные служащие посольств, миссий и консульских учреждений, как-то: нештатные генеральные консулы, консулы, вице-консулы, консульские агенты и секретари оных, юрисконсульты, врачи, смотрители зданий, канцелярские служители, письмоводители, драгоманы, переводчики, низшие служители, кавасы, стражники и проч.

Примечание. К разряду низших служителей отнюдь не относится личная прислуга служащих.

3) Псаломщики.

4) Чины и служащие в администрации и полиции в наших дальневосточных концессиях.

Если бы, однако, на этих должностях оказались лица, достигшие призывного возраста и привлекаемые ныне к отбыванию воинской повинности впервые, то таковые лица от исполнения воинской повинности не освобождаются и обязаны явиться в Россию.

Все вышеизложенное относится лишь до нижних чинов запаса и ополчения. Относительно освобождения офицерских чинов последует дополнительное сообщение в самом непродолжительном времени.

(подп.). Нератов

Верно: делопроизводитель[1]

Ф. 133, оп. 470, 1915 г. (неполитич.), д. 42, л. 63–63 об. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] Подпись неразборчива.

217. ИЗ ОТЧЕТА МОСКОВСКОГО ГЛАВНОГО АРХИВА МИД ЗА 1914 ГОД

11/24 марта 1915 г.[1]

[...][2] X. Лазарет

Свой долг участия в деле облегчения страданий раненных воинов личный состав Архива выполнял ежемесячным 5% отчислением с содержания или добровольными пожертвованиями лиц, не получающих такового. Образовавшаяся ежемесячная сумма

дала возможность Архиву открыть свой лазарет в отведенной директором части своей квартиры. На средства чинов Архива содержатся 13 коек, из которых для 10-ти оборудование доставлено Комитетом Красного Креста, к организациям коего причислен лазарет; кроме того, 5 коек оборудованы и содержатся женской гимназией З.Д. Травниковой. Всего, таким образом, архивский лазарет заключает в себе 18 коек.

С первого момента своего возникновения лазарет Архива возбудил к себе сочувствие некоторых прихожан церкви Воздвижения Креста Господня, к которой приписана архивская церковь, постоянно посещающих его и жертвующих находящимся в лазарете раненым воинам самые разнообразные вещи.

Директор Московского Главного архива
Министерства иностранных дел
Павел Мансуров

Ф. 137, оп. 475, д. 146, л. 10. Подлинник. Рус. яз.

[1] Дата сопроводительного письма товарища министра иностранных дел В.А. Арцимовича.

[2] В частях I–IX Отчета речь шла о документах, поступивших на хранение; о подготовке сотрудниками Архива справок и изготовлении копий архивных документов; о работе по каталогизации; о читальном зале; о научной деятельности сотрудников Архива; о библиотеке Архива и др.

218. ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА

14 марта 1915 г.[1]

Удостоившимися высочайшего Вашего императорского величества утверждения, 30 сентября[2] и 8 декабря[3] минувшего 1914 г. положениями Совета министров установлена, между прочим, выдача чинам заграничной службы Министерства иностранных дел, отозванным по случаю войны из Австро-Венгрии, Германии и Турции, единовременных пособий на выезд, в размере: для посланника — 3 000 руб., для министра-резидента — 2 000 руб., для советника посольства — 1 100 руб., для генерального консула — 1 500 руб., для прочих чинов дипломатической и консульской службы и настоятелей и дьяконов, состоящих при заграничных установлениях церквей, — по 1 000 руб., для псаломщиков церквей — по 750 руб. и для нештатных служащих при заграничных установлениях — по 500 руб. В означенном размере пособия рассчитаны для семейных служащих. Одиноким же назначаются 2/3 соответствующего оклада.

В 3-й день декабря 1914 г. Вашему императорскому величеству благоугодно было, по всеподданнейшему докладу моему, всемилостивейше соизволить на присвоение таких же пособий переместившимся по случаю войны во Францию чинам миссии и консульств наших в Бельгии.

События войны потребовали выезда с места службы и частью перемещения в новые, временные резиденции, равным образом, и служащих в некоторых дипломатических и консульских установлениях наших в Сербии и Персии. Выезд их состоялся, по обстоятельствам военного времени, при крайне тяжелых условиях. Поэтому представлялось бы справедливым назначить упомянутые выше пособия на выезд также и этим послед-

ним служащим, с отнесением вызываемого означенной мерой расхода на кредит по смете Министерства иностранных дел на 1915 год на путевое довольствие.

На приведение сего в исполнение приемлю долг всеподданнейше испрашивать Высочайшее вашего императорского величества соизволение.

(подп.) Сазонов

Верно: и.о.делопроизводителя[4]

На документе помета: «На подлинном собственной его императорского величества рукой начертано: «Съ[согласен]». Царское Село. 14 марта 1915 г.»
Ф. 159, оп. 664/1, д. 222, л. 1–1 об. Заверенная копия, рус. яз.

---

[1] Дата утверждения доклада Николаем II.
[2] См.: Ф. 159, оп. 664/1, д. 199, л. 5–6.
[3] См.: Ф. 159, оп. 664/1, д. 206, л. 2–2 об.
[4] Подпись неразборчива.

219. ПИСЬМО СОТРУДНИКА МИД А.В. САБАНИНА ДИРЕКТОРУ ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД В.Я. ФАН ДЕР ФЛИТУ

Петроград, 26 мая 1915 г.
Частное

Милостивый государь Василий Яковлевич,

Геройская кончина на поле брани моего сослуживца и старинного друга М.В. Казанского дала мне мысль обратиться к Вашему превосходительству по одному вопросу, уже давно представлявшемуся мне назревшим.

Во многих учебных заведениях и учреждениях, не только военных, но и гражданских, существует правило увековечивать память воспитанников этих заведений или чинов этих учреждений, погибших в бою и умерщвленных при исполнении обязанностей службы, на особых памятных досках, помещаемых в церкви этой школы или учреждения.

И если все полковые соборы и храмы русской армии свято хранят этим путем память о героях однополчанах, то с равным правом Министерство иностранных дел может гордиться именами тех своих представителей, которые, променяв перо на меч, пали при защите Родины от внешнего врага или которые сделались жертвой ненависти к России на месте своей службы за границей.

Служба по Министерству иностранных дел в иных частях света ведь представляет постоянную опасность. Я думаю, что в архивах министерства найдется несколько забытых уже случаев насильственной смерти чинов Коллегии[1] и Министерства иностранных дел при исполнении обязанностей службы. Независимо от них стоит лишь указать на известный каждому образованному русскому факт умерщвления Грибоедова персидской чернью 30 января 1829 г., вместе с которым пали другие чины миссии в Тегеране: Аделунг, Шах-Назаров, князь Кобулов, князь Меликов, Мальмберг и 31 человек прислуги и казаков и на происшедшие уже на моей памяти убиения Ростковского и Щербины.

Из павших на поле брани могу отметить умершего от ран в японскую кампанию Г.И. Кондоянаки и убитых в нынешнюю кампанию Н.Н. Скрябина, Е.Р. Шпицберга

(умер под Краковом при падении с аэроплана), М.В. Казанского и служивших ранее в министерстве Б.Е. Бюцова и В.И. Быховца.

Изложенные выше обстоятельства и побуждают меня представить Вашему превосходительству о том, насколько великое время, переживаемое ныне Россией делает, по моему крайнему разумению, особливо уместным и своевременным возбуждение вопроса об увековечении путем помещения в церкви министерства памятных досок, памяти тех чинов министерства, которые положили свою жизнь за Царя и Отечество.

Я не считал себя призванным к тому, чтобы поднимать этот вопрос официально, но представляя его в виде частного письма Вашему превосходительству, как старшему сослуживцу, от которого зависит дальнейшее направление дела, я позволяю себе надеяться, что Вам угодно усмотреть в этих строках лишь попечение об интересах ведомства, которое дорого мне по памяти моего покойного отца и по тому отношению, которое оно за мою службу всегда показывало мне лично.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга
А. Сабанин

Ф. 340, оп. 864а, д. 1, л. 2–3 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Имеется в виду Коллегия иностранных дел.

220. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ ВОЕННЫМ МИНИСТЕРСТВОМ А.А. ПОЛИВАНОВУ

№ 13420 *18 июля 1915 г.*
Секретно

Милостивый государь Алексей Андреевич,

Вследствие письма от 7 июля сего года за № 2188 и в дополнение к письмам от 28 мая[1] и 5 июня[2] сего года за №№ 44/с. и 53/с., по вопросу о предоставлении льгот по призыву числящимся в ополчении второго разряда чинам Министерства иностранных дел и нештатным служащим в заграничных его учреждениях, считаю долгом сообщить Вашему высокопревосходительству нижеследующие мои соображения по настоящему делу:

1. Деятельность учреждений центрального ведомства министерства, в особенности Канцелярии министра и политических отделов, а также наших посольств, миссий и консульств, тесно связанная с войной, настолько расширилась в настоящее время, что даже, несмотря на прикомандирование к этим учреждениям чинов, отозванных из воюющих с нами стран, с трудом возможно справляться с делом, а потому всякое уменьшение числа чинов сих учреждений может крайне неблагоприятно отразиться на исправном отправлении дел. Нельзя не отметить, что Министерство иностранных дел, крайне малочисленное в своем составе, не может быть приравнено в отношении призыва его чинов на военную службу к другим ведомствам ввиду того, что его деятельность в настоящее время неразрывно связана с войной.

2. Ввиду того, что как в самом министерстве, так и в большинстве заграничных его установлений производится много дел, составляющих военную тайну, то представляется нежелательным расширять круг лиц, посвященных в эти дела путем привлечения на службу новых лиц, и

3. Так как подыскание подходящих для несения службы в заграничных учреждениях министерства, в особенности на Востоке, сопряжено с большими трудностями и подготовка их требует времени, то в случае отозвания таковых, учреждения министерства были бы поставлены в невозможность правильно функционировать. Кроме того, не могу не подчеркнуть еще того обстоятельства, что сохранение в неприкосновенности при наших дипломатических и консульских учреждениях русского персонала низших разрядов, особливо в настоящее военное время, является настоятельной необходимостью в целях надежного охранения шифров и секретных архивов.

Ввиду всего вышеизложенного, имею честь возобновить мое ходатайство об освобождении от призыва по мобилизации ратников ополчения второго разряда чинов центрального ведомства, поименованных в моих письмах за №№ 44/с. и 53/с. и о распространении на ратников ополчения второго разряда, занимающих нештатные должности за границей, льгот по освобождению от призыва, представленных ратникам ополчения первого разряда, поименованных в перечне, приложенном к письму за № 44/с., безотносительно к их возрасту и годам службы.

В ожидании благосклонного уведомления Вашего высокопревосходительства о последующем, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности[3].

(под.) Сазонов

Ф. 159, оп. 725/1, д. 139, л. 1–2. Копия. Рус. яз.

[1] См.: Ф. 159, оп. 725/1, д. 139, л. 3–4.

[2] См.: Там же, л. 5.

[3] 5/18 сентября 1915 г. Мобилизационный отдел Генерального штаба сообщил в МИД о предоставлении отсрочек призыва по мобилизации некоторым категориям служащих МИД. — См.: Ф. 159, оп. 725/1, д. 139, л. 6.

221. ПИСЬМО А.А. ЛЕБЕДЕВОЙ В ПЕРВЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД

Хакодате, 10 сентября 1915 г.

Препровождая при сем собранные мной среди русских и японских подданных в пользу наших раненых воинов триста (300) рублей, имею честь покорнейше просить Первый департамент не отказать передать означенную выше сумму в распоряжение г-жи председательницы Склада теплых вещей и работ на наших раненых воинов супруги г-на министра иностранных дел гофмейстера Сазонова А.Б. Сазоновой.

А. Лебедева

На документе помета: «300 р[уб]. Приняты и в передаточную книгу занесены за № 1178».

Ф. 159, оп. 750, д. 193, л. 1. Подлинник. Рус. яз.

222. ОТЧЕТ СКЛАДА РАБОТ НА РАНЕНЫХ ПРИ МИД

Петроград, [не ранее 1 октября 1915 г.]

Отчет за год деятельности с 27 сентября 1914 по 1 октября 1915 г.

Склад открыл свою деятельность 27 сентября 1914 г. при участии почти всех дам министерства, пребывающих в Петрограде.

Первоначальная задача Склада, состоявшая в изготовлении теплых предметов, в силу обстоятельств, постепенно расширялась и Склад изготовил большое количество холодного белья, кисетов и т.п. вещей и помимо этого озаботился заготовлением столь необходимых армии сапог и починочного материала. Из теплых предметов Склад располагал огромным количеством вязаных шерстяных изделий работы дам министерства, ватных костюмов, гимнастерок, шарфов, наушников, чулок, носков, набрюшников, варежек, и в особенности, фланелевым и бомазейным бельем.

Всего до 1 октября 1915 г. Складом было отправлено, главным образом в действующую армию 60 932 предмета.

Приток пожертвований в Склад начался с первого же дня его деятельности. На добрый почин откликнулись не только все чины Министерства иностранных дел, но и много лиц, привлеченных к доброму делу стараниями тех же чинов со всех концов мира. Из различных мест Европы, Америки, Африки, Азии, не говоря уже о союзных нам странах, поступили лепты на увеличение средств Склада.

С открытием Городского лазарета при Министерстве иностранных дел в декабре 1914 года, крупная часть пожертвований, имевших специальное назначение «на нужды раненных и выздоравливающих воинов», получила свое прямое определение.

Каждый солдат в Лазарете пользовался всем нужным ему специальным лечением и уходом, на каковой предмет средств, отпускаемых городом, было недостаточно. Покидая Лазарет, каждый получал кроме 3 рублей, белье холодное или теплое, фуфайки, чай, сахар, табак и все нужное в зависимости от того, отправлялись ли солдаты домой или возвращались в действующую армию. В последнем случае они получали сапоги, причем работавшие в сапожной мастерской при Лазарете, сапоги собственной работы.

С.Д. и А.Б. Сазоновыми было сделано специальное пожертвование в 2 000 руб. (по 1 000 руб.) для помощи нашим воинам и нуждающимся их семьям.

Представляя ниже подробный отчет о деятельности Склада за год его существования, председательница Склада почитает сердечным долгом принести всем участницам и работницам Склада, своим ближайшим сотрудникам и всем жертвователям от лица наших доблестных воинов и от себя лично искреннейшую и сердечную благодарность за отзывчивое и теплое отношение к нуждам больных и раненных солдат, глубоко ценящих заботу о них.

О Т Ч Е Т

С 27 сентября 1914 г. по 1 октября 1915 г. поступило денежных пожертвований:

I. На Склад:

1) 3% отчисления от содержания гг. чинов центральной
и заграничной службы Министерства иностранных дел . . . . . 69 926 р. 20 к.

2) от отдельных лиц:

Гр-ни Платер Зиберт	1 000	р.	—	к.
Гр-ни Бреверн де-ла Гарди	100	"	—	"
В.А. Засецкой	100	"	—	"
Бар-сы Л.П. Буксгевден	50	"	—	"
М.А. Макаровой	25	"	—	"
Бар-на М.Ф. Шиллинга	100	"	—	"
Св. князя П.П. Волконского	100	"	—	"
И.В. Котлярова	100	"	—	"
Д.М. Жеребцова	500	"	—	"
Князя А.М. Дабижа	50	"	—	"
М.М. Попова	8	"	—	"
Е.Э. фан дер Флит	25	"	—	"
Супруги сиамского посланника, г-жи Денг-де-Визан Ботчанакит	250	"	—	"
А.С. Яздовского	50	"	—	"
А.М. Петряева	50	"	—	"
А.А. Губаря	25	"	—	"
С.А. Лермонтова	25	"	—	"
К.А. Засецкого	100	"	—	"
В.И. Рукавишникова	100	"	—	"
Е.А. Плансон-Росткова	200	"	—	"
Р.И. Котляровой	100	"	—	"
А.К. Бентковского	50	"	—	"
Э.В. Бардашевской	50	"	—	"
А.П. Полякова	300	"	—	"
А.К. Беляева	150	"	—	"
Гр. А.И. Тышкевича	25	"	—	"
А.И. Шаровской	40	"	—	"
Е.П. Яздовской	25	"	—	"
А.С. Горбачевич	10	"	—	"
Э.В. де Латур-де-Бернгард	25	"	—	"
Э.И. Коссиковской	15	"	—	"
Г.Н. Кутепова	25	"	—	"
Супруги японского посла бар-сы Мотоно	200	"	—	"
М.А. Лермонтовой	50	"	—	"
Н.А. Базили	200	"	—	"
Переписчиц 2-го департамента Министерства иностранных дел	5	"	12	"
А.П. Остафьева	100	"	—	"
А.А. Мосолова	25	"	—	"
Бар-на К.Ф. Таубе	50	"	—	"
Бар-на и бар-сы Гревениц	500	"	—	"
Неизвестной	100	"	—	"
M-rs William Belden Noble	200	"	—	"
Док-ра Т. Беляева	50	"	—	"
M-rs Sherman Miles	55	"	—	"

В.А. Гезен	25	"	—	"
П.В. фан дер Флит	100	"	—	"
И.П. Дмитрова	100	"	—	"
Кн-ни С.М. Гагариной	50	"	—	"
За прод[овольственный] разл[ичный] материал	244	"	50	"
В.А. Бертрэна	15	"	—	"
Бар-на М.Ф. Мейендорфа	50	"	—	"
К.М. Аргиропуло	100	"	—	"
Л.М. Шнейдер	5	"	—	"
А.Н. Кратирова	30	"	—	"
Чинов Второго департамента, случайный остаток	65	"	—	"
В.А. Березникова	25	"	—	"
А.К. Коростовец	25	"	—	"
Неизвестный	50	"	—	"
М.И. Бенкендорф	50	"	—	"
М.Н. Гирс (собрано среди гг. чинов императорского посольства в Константинополе)	500	"	—	"
Б.В. Андреева	10	"	—	"
За возвращенный товар	901	"	35	"
Н.П. фон Мекк	1 000	"	—	"
А.А. Сухарева	100	"	—	"
А.Д. Протопопова	150	"	—	"
О.А. Горловой	100	"	—	"
А.В. Стюрлер	100	"	—	"
А.М. Высоцкого	60	"	—	"
Т.Н. Урсати	50	"	—	"
М.С. Рощаковской	50	"	—	"
С.М. Беклемишевой	100	"	—	"
% с текущего счета по янв. 1915 г.	93	"	78	"
За прод[овольственные] обрезки	5	"	20	"
И. Карпенко	2	"	—	"
Е.Ф. Иваненко	100	"	—	"
В.В. Николаева	33	"	—	"
К.К. Акимовича	500	"	—	"
С.Б. Гутовского	25	"	—	"
Н.П. Чихачева	10	"	—	"
Итого	10 132	р.	83	к.

3) от заграничных установлений:

Через управляющего консульством в Кобдо от членов русской колонии	670	р.	—	к.
Через консула в Урумци от русской колонии	1 751	"	—	"
Через консула в Урумци от местных жителей	167	"	—	"
Через консула в Вевэ от М.П. Визель	750	"	—	"
Через консула в Чугучаке от членов русской колонии	2 849	"	63	"

Через генеральное консульство в Урге от служащих консульстве и от членов русской колонии	1 347	"	18	"
Через вице-консульство в Коломбо собранные среди членов русской колонии и среди англичан	2 264	"	—	"
Через консула в Гонконге от итальянской труппы	40	"	87	"
Через консула в С. Ремо от членов русской колонии	226	"	—	"
Через генерального консула в Кашгаре от русско-подданных	2 000	"	—	"
Через генеральное консульство в Монголии от русской колонии в Сайноинханском аймаке	320	"	15	"
Через генерального консула в Ханькоу от чинов консульства и местной русской колонии	911	"	25	"
Итого	13 297	р.	08.	к

II. На Лазарет, нужды раненых воинов и их семей:

от С.Д. Сазонова	1 000	р.	—	к.
" А.Б. Сазоновой	1 000	"	—	"
" Св. князя П.П. Волконского	200	"	—	"
" Бар-на М.Ф. Шиллинга	100	"	—	"
" В.И. Шапшал	25	"	—	"
" Е.Д. Муромцевой	5	"	—	"
" В.А. Жуковской	6	"	—	"
" M-rs E. Bramley-Moore	56	"	—	"
" А.Б. Сазоновой	827	"	70	"
" А.П. Веретенникова	41	"	50	"
" M-rs William Belden Noble	6	"	75	"
" Российской миссии в Абиссинии	615	"	59	"
" Российского консула в Тяньцзине	326	"	62	"
" Н.А. Базили	100	"	–	"
" С.И.Гончаровой	10	"	25	"
" Российского консульского агента в Коломбо	299	"	75	"
" Продажи работ раненых	227	"	80	"
" Российского консула в Ливерпуле	322	"	—	"
" А.А. Лебедевой	700	"	—	"
" К.М. Воеводской	4 722	"	76	"
" Генерального консульства в Цицикаре	15	"	75	"
" От чинов министерства за бесплатную прививку оспы	35	"	24	"
" Российской миссии в Пекине	169	"	—	"
" Псаломщика Иванова	5	"	—	"
" Братства русских обителей на Афоне	1 576	"	90	"
Через генерального консула в Шанхае от английского драматического кружка	1 140	"	72	"
Через консула в Ливерпуле от гг. Ранкина и Гарриссона	1 437	"	50	"
Через консула в Тяньцзине от китайских женщин и от английского кружка любителей драм. искусства	301	"	75	"

Через управляющего консульством в Исфагане от концерта, устроен[ного] английск[им] конс[ульством] в пользу раненых русских воинов	89	"	01	"
Через консула в Яссах от членов местной русской колонии	77	"	—	"
Через генерального консула в Монголии от разл[ичных] лиц	1 048	"	—	"
	16 488	р.	66	к.

Всего пожертвований поступило:

I. На Склад	93 356	р.	11	к.
II. На Лазарет	16 488	"	66	"
Итого:	109 844	р.	77	к.

Израсходовано за год деятельности Склада всего	55 990	р.	76	к.
из них:				
А. На Склад:				
1) на приобретение материалов	44 960	р.	80	к.
2) за работу женам запасных	4 639	"	94	"
3) вознаграждение служащим	440	"	—	"
Б. На Лазарет и помощь семьям раненых воинов всего	5 950	р.	02	к.

III. Вещевых пожертвований на Склад и Лазарет поступило от:

К.А. Адамовой
К.Н. Гулькевич
Н.А. Александровой
Дам Склада Мин-ства и[ностранных] д[ел] (специальное пожертвование на Лазарет).
А.Л. Андреевой
А.Л. Асонович
Н. Афанасьев (Торг. д.)
А.В. Долматовой
Э.В. Бардашевской
Детей городской школы на Кириллов. ул.
Г-жи Баталия-Рейс
Э.Ф. Бергман
Детей 8 Город[ского] начальн[ого] училища
А.В. Блинова
Блигкен и Робинзон (Акц[ионерное] об-во)
Детей Приготовит[ельного] училища.
А.Ф. Богоявленской
Детей 3-го Женск[ого] Моск[овского] город[ского] училища
Н.Е. Боткиной
Гр. А.С. Бреверн-де-ла Гарди
А.А. Жуковской и ее детей
Бар. Л.П. Буксгевден
В.А. Жуковской
В.П. Вейнер
М.Ф. Жуковской
А.П. Вейнер
С.В. Жуковского
З.Н. Веретенниковой
А.И. Ионовой
С.А. Веселовской
Калькутта, драгомана г[енерально]го консульства
М.В. Висконти
Кн. Е.Е. Гагариной
Карелина (Торг. д.)
О.Ф. Гамм
Н.П. Касаткиной
В.А. Гезен
Н. Клестова (Торг. д.)

М.Н. Гирс
М.Ф. Комисаровой
Е.В. Головиной
Р.И. Котляровой
Л.С. Горбачевич
Е.Ф. Кристи
А.А. Губаря
А.С. Кузминой
Кузмичева (Торг. д.)
Н.Я. Рождественской
Н.Н. Кутеповой
М.С. Рощаковской
А.И. Кэнси
Русск[ого] общ-ва торговли аптекарскими товарами
М.А. Лаевской
М.А. Лермонтовой
С.Д. Сазонова
С.А. Лермонтова
А.Б. Сазоновой
Н.А. Лонгиновой
М.М. Сазоновой (от крестьян Тетюшкского уезда)
Мануфактуры Воронина, Лютш и Чешер
Маслова (Торг. д.)
Г.А. Семенова (Торг. д.)
Мешхед, дамы русского консульства
О.Н. Сементовской-Курило
Монголия, российского генеральн[ого] консульства
Н.В. Симсон
К.Д. Смирновой
Баронессы Мотоно
Бар. В.П. Таубе
Е.Д. Муромцевой
Тегеран, г[енерально]го консула
М.М. Надеждиной с дочерьми
Т.Н. Урсати
Федорова (Торг. д.)
А.А. Никитиной
И.А. фан дер Флит
Никольской мануфактуры
Бар. К.Р. Фредерикс
В.П. Нюман
Н.А. Фриче
А.Г. Образского
А.К. Хащаб
А.П. Остафьева
Христиания, дам российской миссии
М.М. Павловой
Бар Е.М. Пален
Г-жи Цомакион
Л.А. Панаевой
В.А. Чарыковой
Е.Н. Персиани
Н.А. Чельцовой
М.И. Плансон-Ростковой
С.И. Черновой
Н.А. Приклонской
Г-жи Е. Черняевой
А.А. Радкевич
В.И. Шапшал
Е.Я. Рафалович
М.А. Шмидт
Раддавей (Торг. тов.)
А.М. Штуде
Г-жи Родионовой
Е.М. Яздовской

С 27 сентября 1914 г. по 1 октября 1915 г. деятельность Склада выразилась в изготовлении 60 932 различных предметов для нужд наших доблестных воинов как в действующей армии, так и находящихся на излечении в лазаретах.

Из помянутого количества за годовой срок было отправлено Складом:

	Количество предметов
В Склад ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны	6 182
В Склад ее императорского величества государыни императрицы Марии Феодоровны	2 501

В Склад для больных и раненных воинов при дворе ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны 703
В Склад ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны 1 860
В летучий отряд имени ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны 370
В Питательный пункт имени великой княгини Елизаветы Феодоровны . . . 787
Начальнику Штаба X армии 300
В 57-ую конную генерала Никитина батарею 80
В поезд «Баню» Мин[истер]ства путей сообщения 1 702
В 74-ую пехотную армейскую дивизию 432
В л.-гв. Павловский полк 431
В 1-й городской лазарет 1 273
В 1-й этапный лазарет Госуд[арственной] думы 107
В л.-гв. Преображенский полк 151
В 31 Стрелковый сибирский полк 100
В 178 Полевой лазарет 204
В 162 пехотный Астраханский полк 170
В распоряжение члена Гос[ударственной] Думы П.А. Неклюдова (поезд Харьковского земства) 100
В 1 Туркестанский саперный батальон 238
В 1 Сибирский стрелковый полк 238
В 129 пехотный Бессарабский полк 255
В 5 Донской казачий полк 302
В 115 пехотный Вяземский полк 546
В 3-й поезд-баню 922
В 177 пехотный Изборский полк 500
В Брест-Литовский крепостной госпиталь 260
В Туркменский конный полк 50
В Хозяйственный комитет Сибирского о-ва 504
В «Ольгин приют» (лазарет Кр[асного] Креста) графини В.Б. Перовской . . . 683
В Измайловский лазарет (Земского союза помощи раненым) 127
В Семеновско-александровский военный госпиталь 376
В Шацкий пехотный полк 34-й пех. див[изии] 360
В 9-й Киевский гусарский полк 204
В Лазарет при больнице Св. Марии Магдалины 620
В 1-й запасной пех. батальон 60
В Дезинфекционный отряд № 118 84-й пех. дивизии 171
В поезд «Имени русского солдата» 400
В 88-й полевой, подвижной госпиталь при 37-й пех. дивизии 405
В 294-й Березинский пех. полк, 91-й Двинский пех. полк, 30-й Сибир[ский] стр[елковый] полк, 19-й Костромской пех. полк, 17-й Архангельских пех. полк нижним чинам 106
В Карпатский отряд графини Е.В. Шуваловой 350

В Штаб 5-й бригады государственного ополчения	150
В Лазарет «Коломенских обывателей»	68
В 28-ую дивизию во второй дивизион	182
В Отряд В.М. Пуришкевича	353
В датский и английский лазареты	114
В Лазарет Петроградской придворной конюшни	70
В Лазарет В.Р. Вейнер	45
В Городской лазарет при городских богадельнях	2 641
В Лазарет при Министерстве иностранных дел	3 161
Командиру 693-й Кубанской дружины	1 000
Во 2-й горский Моздокский полк	800
В Общество милосердия к страдающим воинам	230
В полевые госпитали в Варшаве	700
В 26 саперный батальон	500
В гарнизон Михайловской Батумской крепости	740
В лазареты в Галиции (в распоряжение графини О.И. Бобринской)	685
В 15-ую Кавалерийскую дивизию	400
В 21-й стрелковый Сибирский имени е[е] и[мператорского] в[еличества] государыни императрицы Александры Феодоровны полк	340
В лазарет Лейб-казачьего полка	250
В 5-й драгунский Каргопольский полк	350
В 3-ю батарею Сибир[ской] стрелк[овой] артил[лерийской] бригады	1 027
В Лейб-гвардии Волынский полк	779
В 27 батарею л.-гв. Конной артиллерии	150
В л.-гв. Семеновский полк	400
В Сербскую армию	1 554
В 148 пех. Каспийских полк	545
В 306 Мокшанский полк	1 014
В штаб 4-й Кавказской армии	306
В 17 гусарский Черниговский имени великого князя Михаила Александровича полк	300
В приют детей запасных нижних чинов	100
В 385 подвижной лазарет	100
В лазарет гор. Хайко (Финляндия)	250
В 28 Сибирский стрелковый полк	111
В 1 пехотный Невский полк	300
В 38 Сибирский стрелковый полк	310
В л.-гв. Кирасирский ее величества полк	801
В 22 пехотный Нижегородский полк	505
В 30 пехотный Полтавский полк	600
В 37 Сибирский стрелковый полк	668
В 140 пехотный Зарайский полк	310
В Передовой банный отряд	200
В 8 стрелковый Финляндский полк	490

В Сущевский лазарет (в Москве)	11
В Перевязочный пункт X корпуса	250
В Комитет по оказанию помощи русским военнопленным в Германии и Австрии	4 000
В 18 саперный батальон	430
В 36 Сибирский стрелковый полк	250
В Комитет по обмену военнопленных калек	1 150
В 289 пехотный Коротоякский полк	580
В Лазарет Союза французских женщин	75
В подвижной питательный отряд Красного Креста	525
В 23 Сибирский стрелковый полк	440
В приют-школу для увечных воинов	200
В л.-гв. тяжелый артиллерийский дивизион	400
В 131 пехотный Херсонский полк	401
В 107 Троицкий пехотный полк	800
Отдельным нижним чинам различных полков	393
В действующую армию к праздникам Рождества и Св. Пасхи подарки нижним чинам	2 298
Всего	60 932

Ф. 159, оп. 664/1, д. 205, л. 3–9 об. Типограф. экз. Рус. яз.

223. ОТНОШЕНИЕ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА И РАЙОНА БЕЛОГО МОРЯ А.П. УГРЮМОВА ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Н.А. КУДАШЕВУ

№ 3527 *Архангельск, 25 октября 1915 г.*
Секретно

Милостивый государь князь Николай Александрович,

При назначении моем на должность главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря я встретился с вопросами столь разнообразными, что имеемых в моем распоряжении чинов оказалось совершенно недостаточно.

Кроме того, многие вопросы требуют специальных знаний и, ввиду постоянных сношений с иностранцами как по делам обороны, так и по грузообороту, хорошего знания языков.

Сверх сего, движение отсюда грузов за границу, протесты иностранных капитанов и проч. требуют сношений с иностранными консулами и при том эти сношения надо проводить с должным умением и тактом.

Совершенно случайно при проезде адмирала Русина я имел случай познакомиться с вице-директором Дипломатической канцелярии при Штабе верховного главнокомандующего камер-юнкером надворным советником В.Н. Муравьевым. По отзыву адмирала Русина, это блестящий работник, стремящийся к живому делу и как раз подходящий к вышеизложенному.

Между тем, зная необходимость присутствия его, если не в настоящее время, то в будущем в составе Штаба верховного главнокомандующего и не имея в штате моего Управления должности по Министерству иностранных дел, я покорно прошу Ваше сиятельство, буде с Вашей стороны не встретится препятствий, не отказать командировать временно в мое распоряжение камер-юнкера Муравьева, сохранив ему и должность, и содержание в Штабе верховного главнокомандующего.

Если вышеизложенная просьба моя не встретит со стороны Вашего сиятельства возражений и командирование камер-юнкера Муравьева на упомянутых условиях возможно, то прошу не отказать уведомить меня, дабы я мог войти по сему вопросу в сношение через морского министра с министром иностранных дел[1].

Пользуясь настоящим случаем, прошу Ваше сиятельство принять уверения совершенного моего к Вам уважения и таковой же преданности.

Готовый к услугам
А. Угрюмов

Ф. 323, оп. 617, д. 103, л. 12–12 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] 7/20 ноября 1915 г. Н.А. Кудашев сообщил А.П. Угрюмову о согласии начальника Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева командировать В.Н. Муравьева в Архангельск. — См.: Ф. 323, д. 103, л. 13–13 об.

224. ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ПОСЛАННИКУ РОССИИ В СЕРБИИ Г.Н. ТРУБЕЦКОМУ

№ 5957 *18 ноября 1915 г.*
Срочная

Секретная телеграмма министра иностранных дел
посланнику в Сербии

Через Рим.

Считая необходимым, чтобы представитель России разделил участь сербского правительства, прошу Вас не покидать последнего и оставаться все время при нем[1].

(подп.) Сазонов

Ф. 151, оп. 482, д. 4040, л . 75. Копия. Рус. яз.
Опубл.: МОЭИ. — Сер. III. — Т. IX. — С. 405.

[1] Сербское правительство в начале войны переехало в г. Ниш. После удачных действий сербских сил против австро-венгерской армии в августе-декабре 1914 г. (практически полного изгнания последней с территории Сербии к концу первого военного года) и последовавшего после этого затишья на Балканском фронте до октября 1915 г., Австро-Венгрия начала наступление и при поддержке болгарской армии с востока вынудила сербскую армию отступать к Адриатике. Правительство Сербии и Верховное командование в этих условиях постоянно меняло свои решения о переносе временной столицы. Дипломатические миссии и правительство сначала переместились в Кральево, затем в небольшой городок Рашку, затем в Чачак и Призрен. — См.: Ю.А. Писарев. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. — М., 1990. — С. 197–199.

225. ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ

№ 225 *15 декабря 1915 г.*

Об отпуске казенного пособия «Фонду русских военнопленных» в Англии

Министр финансов вошел в Совет министров с представлением, в коем объясняет, что председательница образованного в Лондоне Комитета для помощи русским военнопленным в Германии супруга императорского посла в Лондоне графиня Бенкендорф обратилась к нему с просьбой о назначении ежемесячного пособия из казны образованному в Англии под ее председательством «Фонду русских военнопленных», в размере 3 000 фунтов стерлингов в месяц.

Означенное ходатайство было рассмотрено в образованном при Министерстве финансов Междуведомственном совещании, с участием председателя состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, сенатора князя Голицына. При этом названное Совещание нашло, что вышеуказанная, испрашиваемая графиней Бенкендорф сумма не обоснована какими-либо расчетами и должна быть признана исчисленной приблизительно. Между тем размер ее представляется довольно значительным, достигая по нормальному курсу почти 30 000 руб. в месяц, а при современном высоком курсе английской валюты значительно превышая эту сумму. Ввиду сего и принимая во внимание, что, в случае предуказанного высочайше утвержденным, 18 ноября 1915 г., положением Совета министров объединения деятельности организаций, оказывающих помощь русским военнопленным[1], вышеупомянутому фонду могут быть отпускаемы средства в пределах необходимости при посредстве состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны Особого комитета, совещание признавало соответственным ограничиться, впредь до времени, ассигнованием, в порядке статьи 18 бюджетных правил, из наличных средств государственного казначейства, английскому фонду русских военнопленных по 2 500 фунтов стерлингов в месяц до конца текущего года.

Присоединяясь к таковому заключению Междуведомственного совещания, министр финансов, с своей стороны, присовокупляет, что, ввиду срочности настоящего дела, им сделано уже распоряжение об отпуске из наличных средств государственного казначейства за октябрь месяц сего года 30 000 руб. в пособие «Фонду русских военнопленных» в Лондоне. Соответственно сему, тайный советник Барк ходатайствует перед Советом министров об утверждении указанного его распоряжения об отпуске 30 000 руб. и об ассигновании, в порядке статьи 18 бюджетных правил[2], из наличных средств государственного казначейства, ежемесячного на ту же цель кредита в размере 2 500 фунтов стерлингов на ноябрь и декабрь месяцы текущего года.

Обсудив настоящее дело и не встречая препятствий к отпуску испрашиваемых Министром финансов ассигнований, Совет министров полагает:

1. На основании статьи 18 правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Св. зак., т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.), и в согласность с высочайше утвержденным 17 января 1915 г., положением Совета министров о порядке разрешения чрезвычайных, по гражданским ведомствам, кредитов на потребности военного времени отпустить Ми-

нистерству финансов, из наличных средств государственного казначейства, чрезвычайным сверхсметным кредитом, в пособие «Фонду русских военнопленных» в Лондоне, на ноябрь и декабрь месяцы текущего года, сумму, равную двум тысячам пятистам фунтов стерлингов ежемесячно.

2. Утвердить произведенное Министерством финансов на тот же (отд. 1) предмет, из предусмотренного выше источника, ассигнование в размере тридцати тысяч руб.

Таковые свои заключения Совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее Вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета министров и скреплен Управляющим делами Совета.

С подлинным верно: за начальника отделения канцелярии Совета министров Кочкарев

Над заголовком документа помещен следующий текст: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». В царской Ставке, 8 января 1916 г.
Скрепил: Председатель Совета министров статс-секретарь Горемыкин.
Верно: Управляющий делами Совета министров И. Лодыженский».

Ф. 160, оп. 708, д. 6213, л. 20–21. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 126.
[2] См. прим. 2 к док. № 70.

226. СПРАВКА О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ П.П. АССЕЕВА

[1915 г.]

Ассеев, Павел Петрович, 57 лет, православного вероисповедания, женат, имеет детей: сына Константина 18 лет и двух дочерей, Екатерину 21 года и Александру 19 лет.

Поступил в посольство в Берлине в 1907 году на должность нештатного письмоводителя.

3-го августа 1910 г. он был назначен канцелярским служителем 2-го разряда при посольстве в Берлине.

Когда началась война, был оставлен в Берлине по приказанию императорского посла и с согласия германского правительства для охранения имущества и архива посольства. Архив был им уложен, опечатан и сдан испанскому посольству в Берлине.

Через две недели после начала войны он был арестован и препровожден в Nördliche Militärarrest-Anstalt (Северную военную тюрьму), где содержался в строгом одиночном заключении до половины февраля 1915 года, т.е. в течение полугода при очень тяжелых условиях.

В продолжение первых трех месяцев он содержался в так называемой солдатской камере, имеющей 4 шага в длину и 3-й в ширину, с небольшим, забранным железной решеткой отверстием в потолке вместо окна.

Первые десять дней ему не давали ни книг, ни газет.

Ввиду того, что г-н Ассеев перенес полугодичное тюремное заключение как следствие исполнения им долга службы и ввиду того, что главную возложенную на него задачу — охранение архива императорского посольства в Берлине — он исполнил вполне добросовестно и успешно, он просит об исходатайствовании ему пожалования классного чина.

Как видно из формулярного списка, г-н Ассеев при отбывании воинской повинности с 1879 по 1883 г. служил на военной службе писарем.

Имеет золотую медаль на Анненской ленте, полученную в Вене в 1899 году по ходатайству г-на императорского посла в Вене за деятельность при посольской церкви и высочайший подарок — золотые часы, полученные в 1910 году.

К другим наградам за время службы при императорском посольстве в Берлине представлен не был[1].

Ф.159, оп. 749/3, д. 263 б, л. 14–14 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Справка была приложена к ходатайству П.П. Ассеева о пожаловании ему в виде награды классного чина.

227. ЗАПИСКА ВТОРОГО СЕКРЕТАРЯ МИССИИ РОССИИ В СЕРБИИ Л.С. ЗАРИНА

[не позднее 11 января 1916 г.][1]

После переезда дипломатического корпуса в Ниш[2] поверенный в делах колл. сов. Штрандтман командировал в Белград драгомана Скопльского консульства Буквича для наблюдения за зданием миссии и для оказания содействия тем русскоподданным, которые вопреки нашим настояниям не желали покинуть свои дома. Несмотря на успокоительные телефонные сообщения Буквича, что австрийцы бомбардируют окрестные позиции, лишь изредка попадая в отдаленные кварталы города, Штрандтман считал, что положение может со дня на день измениться, и командировал меня 31-го июля 1914 г. в Белград вывезти последних русскоподданных и наложить казенные печати на миссию, оставив при ней одного канцелярского служителя Ивана Гачевича.

Я прибыл в Белград 1-го августа вечером и весь следующий день провел в интенсивной работе. Отъезд назначил на 3 августа к двум часам дня, причем в виде исключительного внимания к нашей миссии, военные власти согласились предоставить в мое распоряжение три экипажа и одну подводу.

3 августа утром бельгийский посланник просил меня проехать на электрическую станцию, принадлежавшую бельгийской компании, которую австрийцы первым долгом подвергли жестокой бомбардировке, чтобы совместно с ним и французским вице-консулом составить и подписать акт о констатированном нами разрушении. В 12 часов дня я был приглашен к г-ну Мишотт де Вель на завтрак. Не успели мы встать из-за стола, как снаряд, к счастью, не разорвавшийся, ударил в кухню. Мы немедленно перешли через улицу и укрылись в здании болгарской миссии. В это время начался обстрел прилегающего квартала и были повреждены: Военная академия, казармы и санатория[3] д-ра Генчича. Народ в панике бежал по улице и многие укрылись к нам. Женщины бились в истерике и атмосфера была удручающая.

В 1 час дня я простился с бельгийским посланником и поспешил вернуться в нашу миссию. Я протелефонировал на «войну станицу», откуда мне ответили, что попавшим снарядом убито несколько лошадей, отчего и произошла прискорбная задержка, и обещали прислать экипажи, как только это окажется возможным. Сознавая себя ответственным за жизнь порученных мне людей, я настоятельно требовал ускорить присылку лошадей и телефонировал через каждые четверть часа.

В это время начался обстрел миссии. Я вышел на подъезд и на моих глазах снарядом была снесена решетка дворца. Пройдя в столовую, я приказал подать себе чаю. Не прошло и двух минут, как новый сильный взрыв — это снаряд разорвался в саду недалеко от дома. Сотрясение было настолько сильно, что чашка выпала у меня из рук, а Иван, прикладывавший печати к двери, ведущей в залу, был опрокинут на пол.

Лошади были поданы в 3½ часа дня, и мы поспешили уехать. Иван остался, желая исполнить свой долг до конца.

Когда я вернулся в Ниш, Штрандтман отдал немедленно по телефону распоряжение Ивану выезжать, не откладывая ни минуты. На наши расспросы Иван заявил, что, как только мы отъехали, он поспешил укрыться в подвал. Не прошло и нескольких минут, как снаряд ударил в синюю гостиную (где я провел две ночи) и разрушил ее и прилегающие две комнаты. Весь дом дрогнул, и Иван был сильно отброшен к стене и засыпан обвалившейся штукатуркой. К счастью, он не был убит, так как, если бы это случилось, я бы вечно упрекал себя, что насильно не захватил его с собой.

Второй секретарь
императорской миссии в Сербии
камер-юнкер высочайшего двора:

Леонид Зарин

Ф. 159, оп. 749/3, д. 263 б, л. 136–137. Подлинник. Рус. яз.

[1] Дата регистрации документа Первым департаментом МИД.
[2] См. прим. 1 к док. № 224.
[3] Так в документе.

228. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С.Д. САЗОНОВА ВОЕННОМУ МИНИСТРУ А.А. ПОЛИВАНОВУ

№ 1026/Д-I *16 января 1916 г.*

Милостивый государь Алексей Андреевич,

Военные действия, происходившие на Балканском полуострове, создали особенно тяжелые условия деятельности для чинов учреждений Министерства иностранных дел в пределах Сербского королевства.

Некоторым из них, помимо всевозможных лишений, сопряженных с нахождением в сфере военных операций, приходилось действовать в непривычной для чинов гражданского ведомства военной обстановке.

К числу таковых чинов относятся: консул в Белграде, надворный советник Емельянов и нештатный драгоман императорской миссии в Сербии, штабс-ротмистр в отставке, переименованный в чин коллежского секретаря, Мамулов и второй секретарь той же миссии надворный советник, в звании камер-юнкера, Зарин.

Из них гг. Емельянов и Мамулов несли свою службу во время троекратного наступления австрийцев на Сербию, причем во время пребывания императорской миссии в Сербии в Нише, постоянно подвергались опасности заразиться пятнистым и брюшным тифом, свирепствовавшим в городе.

Во время наступления австрийцев на сербскую армию им приходилось при эвакуации сербского правительства и дипломатического корпуса, сопровождая главную квартиру, пробираться по узким тропинкам, проходившим по склонам гор, чрез расположение находившихся в восстании албанских племен, постоянно подвергаясь, наряду с отступавшей сербской армией, действию неприятельского огня.

Что касается камер-юнкера Зарина, то ему во время бомбардировки австрийцами Белграда было поручено вывезти из города находившихся там русскоподданных и принять меры к охранению архивов императорской миссии[1].

Во время пребывания его в Белграде город подвергся усиленной бомбардировке, причем в его присутствии в здание императорской миссии попало несколько неприятельских снарядов, причинивших серьезные повреждения зданию. Однако несмотря на грозившую опасность камер-юнкер Зарин с полным успехом выполнил порученную ему задачу, проявив при этом мужество и хладнокровие.

Ввиду таковых исключительных обстоятельств, при коих названные гражданские чины, верные служебному долгу, проявили подвиги мужества, я полагал бы справедливым всеподданнейше ходатайствовать пред его императорским величеством о пожаловании[2] надворным советникам Емельянову и *Зарину*[3] и коллежскому секретарю Мамулову *в изъятие из закона ордена* Св. Владимира 4-й степени[4] *с мечами, но без банта*, подобно тому, как это было допущено в 1900 году для чинов императорской миссии в Пекине, в 1912 году для чинов генерального консульства в Тавризе и в 1913 году для российских консульских представителей в осажденных городах Янине, Скутари и Адрианополе.

Сообщая Вашему высокопревосходительству о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, благоволить уведомить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к тому, чтобы я означенное мое предположение всеподданнейше поверг на всемилостивейшее его императорского величества благовоззрение[5].

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

(п.) Сазонов

Ф. 159, оп. 749/3, д. 263 б, л. 134–135. Копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 227.

[2] Далее зачеркнуто: «в изъятие из закона, ордена с мечами, но без банта».

[3] Вписано над строкой.

[4] Далее зачеркнуто: «а надворному советнику Зарину Св. Станислава 2-й степени».

[5] Награждение упомянутых в документе сотрудников МИД состоялось.

229. ИЗ ЦИРКУЛЯРА ПО МИД

№ 3 *Петроград, 1 февраля 1916 г.*

Циркуляр по ведомству Министерства иностранных дел

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 20 января 1916 г. № 5.

За труды, понесенные при условиях военного времени

Награждены орденами
1 января 1916 г.:

Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени

Старший секретарь Первого политического отдела и помощник начальника Канцелярии министра иностранных дел, в звании камергера двора его императорского величества, статский советник Николай Базили.

Св. Анны 2-й степени

Делопроизводитель VII класса в Цифирном отделении при Первом политическом отделе, надворный советник Михаил Чекмарев.

Св. Анны 3-й степени

Причисленный к Цифирному отделению при Первом политическом отделе, и.о. делопроизводителя VII класса в том же отделении, коллежский секретарь Гавриил Бутенко.

Св. Станислава 2-й степени

Состоящий в ведомстве министерства, и.о. секретаря консульства в Питсбурге, в звании камер-юнкера двора его императорского величества, коллежский советник Илья Муханов.

Ф. 323, оп. 617, д. 102, л. 13–13 об. Типограф. экз. Рус. яз.

230. ПИСЬМО КОМАНДИРА ВОЕННО-ТЕЛЕГРАФНОЙ РОТЫ СИБИРСКОГО САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА Д. ИВАНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СКЛАДА РАБОТ НА РАНЕНЫХ ПРИ МИД А.Б. САЗОНОВОЙ

14 марта 1916 г.

Милостивая государыня Анна Борисовна!

Сестра Любовь Гавриловна Самохоткина передала нам из склада Министерства иностранных дел комплекты верхней одежды и 25 пакетов из платков с ложками, почтовой бумагой и конвертами.

Трудно передать радость и умиление нижних чинов, с которыми они встретили эти подарки, свидетельствующие о неустанной заботе и попечении о них не только их близких, но и далеких, а в данном случае и столь высоких особ.

От лица вверенных мне нижних чинов осмеливаюсь выразить Вашему высокопревосходительству их глубокую признательность и благодарность за присланные Вами подарки.

Уважающий Вас покорный слуга Дм. Иванов

Ф. 159, оп. 750, д. 198, л. 35 об. Подлинник. Рус. яз.

231. ПИСЬМО КОНСУЛА РОССИИ В ЧУГУЧАКЕ В.В. ДОЛБЕЖЕВА СОВЕТНИКУ ЧЕТВЕРТОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МИД Г.А. КОЗАКОВУ

№ 866 *3 апреля 1916 г.*

Милостивый государь Григорий Александрович,

Любителями музыкально-драматического искусства в Чугучаке, с разрешения и при участии чинов императорского консульства, даны были благотворительный любительский спектакль и концерт, чистый сбор с которых, в сумме восьмисот рублей 50 коп., имею честь представить при сем Вашему превосходительству, покорнейше прося Вас не отказать в распоряжениях касательно передачи восьмисот рублей 50 коп. денег, согласно желания участников-любителей музыкально-драматического искусства, в один из центральных комитетов по оказанию помощи раненным воинам, на личные нужды последних.

Пользуясь настоящим случаем, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем почтении и таковой же преданности, с коими имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугой.

В. Долбежев

На документе помета: «Перевод принят и в передаточную книгу записан за № 598».

Ф. 159, оп. 750, д. 186, л. 7. Подлинник. Рус. яз.

232. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД В.Я. ФАН ДЕР ФЛИТА В ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

№ 12393 *7 мая 1916 г.*

На основании высочайше утвержденного 12 февраля 1915 г. Особого журнала Совета министров[1] 16 декабря 1914 г. и 20 января 1915 г. за министра иностранных дел товарищ министра признал справедливым предоставить право на ношение нагрудной медали за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.[2] 220 чи-

нам и вольнонаемным служащим Министерства иностранных дел главным образом в заграничных установлениях сего [ведомства], непосредственно участвовавшим в основанных на подлежащих узаконениях и распоряжениях правительства подготовительных работах по составлению планов мобилизации и призыву чинов запаса и ополчения на военную службу.

Вследствие этого Первый департамент имеет честь покорнейше просить Департамент общих дел не отказать сделать распоряжение о доставлении в Первый департамент Министерства иностранных дел двухсот двадцати экземпляров помянутой медали.

Директор (под.) Фан дер Флит
И. об. делопроизводителя Висконти

Ф. 159, оп. 749/3, д. 207, л. 32. Копия. Рус. яз.

[1] См.: О.И. Авербах. Законодательные акты. — Т. II. — С. 150–152.

[2] В 1915–1916 гг. Управление воинской повинности МВД направило в МИД медали из светлой бронзы для ношения на груди на ленте ордена Белого Орла для награждения сотрудников МИД «за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года». — См.: Ф. 159, оп. 749/3, д. 207, л. 20, 30.

233. ЛИЧНОЕ ПИСЬМО ЧЛЕНА РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ПАРИЖСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ А.А. ПОЛОВЦОВА ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВУ

Париж, 8 июня 1916 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Я препровождаю сегодня экземпляр постановлений Парижской экономической конференции[1] директору Второго департамента, но одновременно я хотел бы доложить Вам в нескольких словах о ходе произведенной здесь работы.

Все было подготовлено так умело и ведено с таким тактом, что все постановления были приняты в течение трех дней, а четвертый день был посвящен заслушанию их в окончательной редакции. Самым опасным пунктом было решение не предоставлять враждебным державам прав наиболее благоприятствуемой нации, для какового запрета великобританская делегация предлагала установить пятилетний срок. Представители Италии в частной беседе заявили, что они намерены просить об отложении этого вопроса до рассмотрения тех выгод, которые союзные державы смогли бы дать Италии взамен возможной потери ею германского рынка главным образом путем изменения таможенных тарифов. Такой постановки вопроса нельзя было допустить, и мы поспешили предложить им частное совещание с нами под тем предлогом, что в этом вопросе наши интересы подвергаются одинаковой опасности. Позднее, в тот же день мы совещались с ними же и с великобританской делегацией и таким образом добились примирительной формулы; англичане очень настаивали на пятилетнем сроке, но так как срок этот не обсуждался в Петрограде до нашего отъезда, то Н.Н. Покровский не смог

на него согласиться, и они, наконец, уступили, убежденные доводом, что мы считаем пятилетний срок очень кратким и не видим возможности его продлить, раз он будет закреплен.

Всего труднее было с австралийским премьер-министром Хьюзом, так как он глух и приходится кричать в микрофон, который он надевает на ухо; он обуреваем ненавистью к враждебным державам и не понимает, почему меры, принятые против них Австралией, не могут быть целиком применены и в Европе. Он неоднократно высказывал свое огорчение при виде слишком, по его мнению, мало определенных формул, вырабатываемых Конференцией; однако по окончании последнего заседания он высказал мне свое восхищение перед результатами нашей общей работы.

Так как все принятые решения должны сначала быть доложены правительствам держав, и так как во избежание недоразумений многие вопросы оставлены в мало разработанном виде, скорее, как заявления руководственных начал, чем как программы действительных мер, то дальнейший обмен мнений станет, вероятно, необходимым. Clémentel [Клементель] сначала предлагал всем вернуться через 2 месяца или же переждать месяц здесь, до получения делегациями подробных инструкций от своих правительств по отдельным вопросам.

Н.Н.Покровский решительно отверг оба эти предложения, считая, что в качестве государственного контролера он не может так долго отсутствовать из Петрограда. Вопрос о дальнейшем обсуждении намеченных вопросов остался открытым. Положение, занятое великобританской делегацией, и в особенности твердые заявления Bonar Law'a [Бонар Лоу] произвели очень хорошее впечатление; в Лондоне я наслышался толков о том, что вся страна хочет борьбы до конца и что лишь та горсть людей, которая составляет теперь из себя правительство, менее в этом отношении надежна, чем народные массы; что большинство министров находится в тесном общении с евреями, интересы которых сосредоточены в Берлине; что дочь первого министра Асквита не порвала своей помолвки с сыном адмирала фон Тирпитца, и что если в Англии существует тяготение к Германии, то оно гнездится главным образом в правительственных сферах. Графа Бенкендорфа я только спросил, можно ли ожидать от великобританского правительства ясного и твердого содействия на Парижской конференции стремлению создать экономическую независимость от Германии; он отвечал мне, что это правительство вполне разделяет наши взгляды; причем прибавил: «Vous verrez, vous serez étonné» [Вот увидите, Вы будете удивлены]. Слова его подтвердились, и положение, занятое великобританскими делегатами, не носило никакого характера неискренности или оттяжки. Нельзя сказать того же о представителях Италии; из их числа выступали с речами обыкновенно Титтони или Данео, и в словах их всегда чувствовался страх себя скомпрометировать; в частном совещании, когда кто-то напомнил, что не надо преждевременно делить шкуры медведя, кто-то из них пробормотал: «Et nous ne sommes pas chasseurs» [И мы — не охотники]. Японские делегаты неизменно при всяком голосовании делали оговорку: «Autant que cela sera d'accord avec les intérêts du Japon» [Насколько это будет соответствовать интересам Японии], но так как никто из них не владел сколько-нибудь порядочно французской речью и неоднократно выяснялось, что они высказываются не по обсуждаемому вопросу, то это не вызывало возражений. Теперь начался разъезд делегатов, но я думаю остаться здесь до отъезда Н.Н. Покровского; он намерен свидеться с министром финансов либо в Париже, либо в Лондоне, и, может быть, еще остановиться в Лондоне на несколько

дней, где граф Бенкендорф, как он мне говорил, очень хотел бы познакомить его кое с кем; к сожалению, Н.Н. Покровский не говорит по-английски, и если он останется в Лондоне, я мог бы быть ему полезен. Мне же хотелось бы побыть там, чтобы ближе присмотреться к разным течениям мысли в вопросах международной экономической политики, после войны имеющей сложиться. По пути сюда я видел из членов кабинета только Бальфура, который долго беседовал со мной о целях конференции, но так как его служебная деятельность протекает в совершенно другой области, то это особенного интереса не представляло.

Примите уверение в глубоком моем уважении и неизменной преданности.

А. Половцов

Ф. 340, оп. 807, д. 1, л. 138–140 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] См. прим. 2 к док. № 27.

234. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД В.Я. ФАН ДЕР ФЛИТА УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЮРИСКОНСУЛЬТСКОЙ ЧАСТЬЮ МИД М.И. ДОГЕЛЮ

№ 14832 *23 июля 1916 г.*

Милостивый государь Михаил Иванович,

Препровождая при сем для сведения копию с циркуляра петроградского градоначальника от 2 сего июля за № 6958 по вопросу о снабжении сахаром служащих в казенных и частных учреждениях в г. Петрограде[1], имею честь уведомить Ваше превосходительство, что для получения сахара для семейств чинов министерства из продовольственной организации уполномоченного по продовольствию города Петрограда и для производства расчетов за полученный сахар от Министерства иностранных дел назначен и. об. делопроизводителя VIII класса Первого департамента К.К. Грузинский.

Ввиду сего, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство благоволить предложить чинам верной Вам части сообщить на приложенных к сему карточках названному лицу о желании их получать сахар от помянутой продовольственной организации.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Фан дер Флит

Ф. 156, оп. 457, д. 465, л. 80–80 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Не публикуется. — См.: Ф. 156, оп. 457, д. 465, л. 81–82.

235. ИЗ ЦИРКУЛЯРА ПО МИД

№ 17 *Петроград, 3 сентября 1916 г.*

Циркуляр по ведомству Министерства иностранных дел

[...] Приказом по гвардейскому корпусу от 5 мая 1915 г. № 212 п. награжден за самоотверженную и мужественную под огнем противника работу по оказанию на поле сражения помощи раненым *Георгиевской медалью 4-й степени* — вице-консул в Стокгольме, надворный советник Виктор Соколовский. [...]

Ф. 323, оп. 617, д. 102, л. 22. Типограф. экз. Рус. яз.

236. ОТНОШЕНИЕ МОРСКОГО МИНИСТРА И.К. ГРИГОРОВИЧА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Б.В. ШТЮРМЕРУ

№ 21491/2412 *30 октября 1916 г.*
Срочно

Милостивый государь Борис Владимирович,

Начальник отряда судов особого назначения контр-адмирал Бестужев-Рюмин рапортом от 29-го сентября с.г. донес о помощи, оказанной нашим судам консулом на о. Мальта г-ном Рудановским, благодаря умению и такту которого все русские на Мальте пользуются особенным вниманием со стороны всех английских властей.

Кроме того, г-н Рудановский, уезжая из России в самом начале войны, оказал Морскому министерству еще одну услугу, взявшись за доставку командующему французским Средиземноморским флотом секретного пакета, что выполнил, несмотря на значительные трудности, доставив этот пакет в море.

Почитая весьма желательным отметить полезную деятельность г-на Рудановского, я прошу Ваше высокопревосходительство не отказать уведомить, не имеется ли со стороны Министерства иностранных дел препятствий к представлению нашего консула на Мальте к 6 декабря сего года к награждению, по морскому ведомству, орденом Св. Владимира 4 степени.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

И. Григорович

Ф. 159, оп. 749/3, д. 263, л. 45–45 об. Подлинник. Рус. яз.

237. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.Н. ПОКРОВСКОГО ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩЕМУ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИЕЙ А.С. ТАНЕЕВУ

№ 114/I-Д *7 января 1917 г.*

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Вице-директор Первого департамента Министерства иностранных дел, управляющий делами Особой комиссии Верховного совета[1], в звании камергера высочайшего двора, действительный статский советник Лопухин, принадлежащий к числу способнейших чиновников министерства, кроме сотрудничества с директором Департамента по общим делам, непосредственно заведует ответственным и срочным делом по разработке законодательных предположений ведомства и составлении по ним объяснительных записок.

В течение настоящей войны, помимо исполнения означенных текущих работ по ведомству, на камергера Лопухина была возложена обязанность разработки дел спешного характера, тесно связанных с обстоятельствами военного времени, из коих главнейшими являются: устройство деятельности временных установлений министерства для оказания помощи громадному числу застигнутых за границею войной русскоподданных для водворения их на родину, собирания сведений о них, пересылки им денежных средств из России, снабжения их за границей ссудами и пособиями за счет особых назначений из ресурсов государственного казначейства. Равным образом им выполнены проекты организации особых отделов по заведыванию делами о военнопленных и устройству осведомления по вопросам, касающимся предстоящей ликвидации войны, и разработаны соображения по целому ряду требований к государственному казначейству, обусловленных военными обстоятельствами, в том числе и первее всего — по участию России в некоторых общих расходах с нашими союзниками по воздействию на общественное мнение и печать в нейтральных странах. Наконец, ему пришлось много потрудиться по разработке вопроса об улучшении некоторых частей заграничной службы.

Все эти совершенно выходящие из обычных рамок служебной деятельности обширные работы, требующие основательного знания и большой трудоспособности, образцово выполняются камергером Лопухиным, а потому он, по моему мнению, заслуживал бы особенного поощрения.

Вследствие этого имею честь обратиться к Вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой, не изволите ли Вы признать возможным исходатайствовать всемилостивейшее его императорского величества соизволение на пожалование камергеру Лопухину за его выдающиеся труды, понесенные при условиях военного времени, в изъятие из правил, ордена Св. Станислава первой степени[2].

Питая надежду, что Ваше высокопревосходительство не откажете в Вашем представительстве, повергая изложенную всеподданнейшую мою просьбу на всемилостивейшее его императорского величества благовоззрение, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, принять уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

(п.) Ваш покорный слуга
Н. Покровский

Ф. 159, оп. 749/3, д. 292, л. 15–17. Копия. Рус. яз.

[1] Верховный совет по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и пленных в войне, был образован царским указом от 11/24 августа 1914 г. под председательством императрицы Александры Федоровны. Одна из комиссий была создана 8/21 января 1915 г. как Особая комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей и должна была «разрабатывать и осуществлять мероприятия по приисканию занятий и работ, а также по оказанию других видов призрения этим лицам». Комиссия координировала оказание помощи воинам, выпущенным из госпиталей, и дополнительно снабжала одеждой тех из них, кто возвращался в строй. Председатель комиссии — великая княгиня Ксения Александровна. Среди членов: А.Б. Сазонова — жена С.Д. Сазонова, Е.И. Покровская — жена Н.Н. Покровского, М.Ф. Шиллинг. МИД представлял статский советник И.П. Дмитров. Особая комиссия просуществовала до марта 1917 г.

[2] 1/14 февраля 1917 г. В.Б. Лопухин был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. — См.: Ф. 159, оп. 749/3, д. 292, л. 18.

238. ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К НАГРАДАМ СОТРУДНИКОВ МИД[1]

[не позднее 7 февраля 1917 г.][2]

Список к наградам, испрашиваемым за служебные отличия по Министерству иностранных дел, за труды, понесенные при условиях военного времени. За выдающиеся отличия.

Перечень наград:

Чины:	
Действительного статского советника	– 1
Статского советника	– 1
Ордена:	
Св. Станислава 1 ст[епени]	– 1
Св. Владимира 4 ст[епени]	– 1
Св. Анны 2 ст[епени]	– 2
Св. Станислава 2 ст[епени]	– 1
Св. Анны 3 ст[епени]	– 3
Св. Станислава 3 ст[епени]	– 5
	15

Должность, чин, звание, имя и фамилия, вероисповедание; знаки отличия	К чему представляется
За выдающиеся отличия	К чинам:
1. Генеральный консул в Салониках статский советник Виктор Каль. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Владимира 4 ст[епени] и Св. Анны 2 ст[епени]. В классных чинах с 1 сентября 1893 г. Заведует нашим генеральным консульством в Салониках при весьма трудных политических обстоятельствах, выказывая при этом такт и умелое ведение порученного ему ответственного дела.	Действительного статского советника.
2. Переводчик VI кл. при Политических отделах министерства, коллежский советник Сергей Шапшал. Вероисповедания караимского. Кавалер орденов: Св. Владимира 4 ст[епени], Св. Анны 2 ст[епени] и Св. Станислава 2 ст[епени]. В продолжение настоящей войны с примерным усердием исполняя различные специальные работы по связанным с военным временем политическим вопросам, возникавшим по отношению к Персии, был весьма полезен министерству ввиду основательного знания персидского языка и местных условий.	Статского советника, со старшинством с 1 декабря 1916 г.
	К орденам:
3. Чиновник особых поручений IV кл. при министре иностранных дел, действительный статский советник Александр Веретенников. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Владимира 3 и 4 степеней, Св. Анны 2 ст[епени] и Св. Станислава 2 ст[епени]. Действительный статский советник Веретенников с самого начала военных действий с неутомимым рвением руководит делом оказания помощи южным славянам, жертвам настоящей войны. Независимо от этого он несет на себе требующие усиленного труда обязанности казначея склада работ на раненых, попечителя лазарета при Министерстве иностранных дел и всемерно способствует успешной деятельности этих учреждений, вызванных событиями военного времени.	Святого Станислава первой степени
4. Советник Второго политического отдела Министерства иностранных дел, статский советник Александр Петряев. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Анны 2 ст[епени] и Св. Станислава 3 ст[епени]. С выдающимся усердием заведует Вторым политическим отделом, деятельность которого, в особенности при современном политическом положении, требует особой подготовки, основательного знания дел Ближнего Востока и крайне напряженного труда.	Святого Владимира четвертой степени

5. Делопроизводитель VII кл. в Государственном и Петроградском Главном архивах Министерства иностранных дел, коллежский советник Константин Чернов. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Станислава 2 ст[епени] и Св. Анны 3 ст[епени]. С первых месяцев установления в Министерстве иностранных дел денежных переводов русским подданным, оставшимся за границей вследствие военных действий, ежедневный прием денег для этих переводов производится во временном Отделе денежных переводов особой кассой, которой заведывает коллежский советник Чернов. В его обязанности входят как прием, проверка и подсчет денег, так и объяснения с публикой. Что при общей повышенной нервности в начале войны было нелегким делом. Свой тяжелый труд г-н Чернов беспрерывно несет уже с лишком два года, не получая за то особого вознаграждения, кроме жалования по штатной должности, которую он также исполняет с примерным усердием.	Святой Анны второй степени
6. Секретарь миссии в Лиссабоне, надворный советник, в звании камер-юнкера высочайшего двора барон Рольф Унгерн-Штернберг. Вероисповедания евангелическо-лютеранского. Кавалер орденов: Св. Станислава 2 ст[епени] и Св. Анны 3 ст[епени]. До назначения на настоящую должность барон Унгерн-Штернберг состоял вторым секретарем посольства в Париже и в течение свыше 2-х лет с выдающимся рвением исполнял специальные работы, связанные с обстоятельствами военного времени.	Святой Анны второй степени
7. Консул в Буэнос-Айресе, коллежский советник Федор Пташник. Вероисповедания православного. Кавалер ордена Св. Анны 3 ст[епени]. С примерным усердием выполнял особые специальные поручения, связанные с обстоятельствами военного времени. Летом 1916 года в отсутствии посланника в течение нескольких месяцев управлял императорской миссией в Буэнос-Айресе при трудных политических обстоятельствах, выказав при этом такт и знание дела.	Святого Станислава второй степени
8. Секретарь VII кл. в Третьем политическом отделе Министерства иностранных дел, коллежский асессор Вадим Дмитриев. Вероисповедания православного. Кавалер ордена Св. Станислава 3 ст[епени]. В течение войны, не оставляя производства дел текущих, с похвальным рвением исполняет специальные работы по вопросам, связанным с военными событиями в соседних с Персией областях.	Святой Анны третьей степени

9. Секретарь VIII кл. Четвертого политического отдела Министерства иностранных дел, коллежский секретарь Иван Делекторский. Вероисповедания православного. Орденов не имеет. С выдающимся усердием занимается в учрежденном при Министерстве иностранных дел Особом отделе о военнопленных.	Святой Анны третьей степени
10. Причисленный ко Второму департаменту, и.об.делопроизводителя VII кл. того же департамента коллежский секретарь Михаил Августовский. Вероисповедания римско-католического. Кавалер ордена Св. Станислава 3 ст[епени]. С примерным усердием заведует учрежденным при Втором департаменте министерства Особым бюро по обмену военнопленных и перепиской по делам о военнообязанных.	Святой Анны третьей степени
11. Делопроизводитель VII кл. Второго департамента Министерства иностранных дел, коллежский асессор Михаил Шмит. Вероисповедания православного. Орденов не имеет. С примерным усердием заведует учрежденным при Втором департаменте Министерства иностранных дел Особым бюро по наведению справок о русских подданных, находящихся в вражеском плену и в занятых временно неприятелем местностях. Работа эта требует напряженного внимания и быстроты исполнения.	Святого Станислава третьей степени
12. Помощник секретаря во Втором политическом отделе, титулярный советник Александр Калери. Вероисповедания православного. Орденов не имеет. С самого начала военных действий с выдающимся рвением выполняет порученные ему по Второму политическому отделу особые работы, вызванные событиями на Балканском полуострове.	Святого Станислава третьей степени
13. Кандидат для занятия штатных должностей в Первом департаменте Министерства иностранных дел губернский секретарь Карл Генкель. Вероисповедания евангелическо-лютеранского. Орденов не имеет. С самого начала военных действий с примерным усердием занимается делопроизводством по призыву на военную службу, а также перепиской по многочисленным пожертвованиям, поступающим в министерство из заграницы на надобности военного времени.	Святого Станислава третьей степени
14. Причисленный к Министерству иностранных дел, губернский секретарь Николай Нератов. Вероисповедания православного. Орденов не имеет. В качестве и.об. помощника секретаря Второго политического отдела с выдающимся рвением исполнял поручаемые ему по отделу работы, вызванные событиями на Балканском полуострове.	Святого Станислава третьей степени
15. Канцелярский чиновник во Втором политическом отделе, губернский секретарь Федор Семенченко. Вероисповедания православного. Орденов не имеет. С самого начала военных	Святого Станислава третьей степени

действий с примерным усердием занимался по делопроизводству об эвакуации учреждений Министерства иностранных дел из государств, находящихся в войне с нами.

Министр иностранных дел
Н. Покровский
Директор Первого департамента
Министерства иностранных дел Фан дер Флит

Ф. 159, оп. 749/3, 1917 г., д. 292, л. 71–77. Подлинник. Рус. яз.

[1] Опущены графы таблицы: «С какого времени (год, месяц и число) в службе, в ведомстве, в чине, в должности»; «Класс по должности»; «Годовой оклад содержания»; «Не был ли в штрафах, под следствием или судом; если был, то за что именно, когда и чем дело кончено»; «Когда (число, месяц и год) и в каком порядке (за служебные, обыкновенные или выдающиеся или неслужебные отличия) была пожалована последняя награда».
[2] Награждения состоялись 7/20 февраля 1917 г.

239. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД В.Б. ЛОПУХИНА В КОМИТЕТ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ ОТ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 2517 *9 марта 1917 г.*

В Комитет для оказания временной помощи
пострадавшим от военных действий

Первый департамент имеет честь довести до сведения Комитета, что российский посол в Вашингтоне обратился в Министерство иностранных дел по телеграфу с просьбой сообщить Комитету, что он перевел ему по телеграфу 45 000 рублей, пожертвованные его женой.

Директор (под.) Лопухин
Делопроизводитель Висконти

Ф. 159, оп. 750, 1917 г., д. 186, л. 3. Копия. Рус. яз.

240. ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

28 марта/10 апреля 1917 г.

Предлагается дипломатическим и консульским представителям нашим во всех случаях, когда они появлялись раньше в мундирах и орденах, продолжать и впредь надевать ведомственный мундир и ордена, как русские, так и разрешенные к ношению иностран-

ные. Воспрещается надевать лишь придворные мундиры. Если другого нет, не возбраняется появляться в партикулярном платье. Сообщите консулам.

Нератов

Ф. 356, оп. 1, д. 1, л. 23. Копия. Рус. яз.

241. УСТАВ «ОБЩЕСТВА СЛУЖАЩИХ В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ»

[апрель 1917 г.]

Цель Общества

§ 1. Целью Общества является единение служащих в Министерстве иностранных дел на профессиональной и политической почве для укрепления и развития внутреннего и внешнего могущества России на основах свободы и права.

Профессиональные задачи

§ 2. Деятельность Общества в области профессиональной преследует возможное улучшение моральных, материальных и экономических условий службы, при которых труд и способности отдельных членов Общества, служащих как в центральных, так и заграничных установлениях Министерства, оказались бы наиболее плодотворными и полезными.

§ 3. В этих целях Общество ставит своей задачей: а) изучение и разработку материалов, могущих лечь в основание соответственных усовершенствований в постановке службы; б) распространение между членами Общества специальных профессиональных знаний.

§ 4. Для более тесного единения членов Общества между собой последнее может устраивать собрания и рефераты, издавать свой орган и основывать различные профессиональные и экономические учреждения.

§ 5. В отношении членов Общества, находящихся за границей, деятельность его выражается также в установлении живой и постоянной их связи с исполнительным органом Общества.

§ 6. Для достижения своих профессиональных целей Общество может входить в общение с различными организациями и учреждениями.

Политические задачи

§ 7. В области политической деятельность Общества выражается:

а) в вынесении политических резолюций и иного рода политических выступлениях;

б) в общении и соединении с другими Обществами и союзами, преследующими задачи, не противоречащие § 1 настоящего Устава.

§ 8. Публичные выступления по вопросам внешней политики от имени Общества могут иметь место лишь с одобрения каждый раз Общего собрания и с согласия министра иностранных дел. Отдельные же члены, выступающие публично по вопросам внешней политики, делают это не в качестве членов Общества.

Организация Общества

§ 9. Органами Общества являются общие собрания, Исполнительный комитет и другие организации профессионального и экономического характера, образованные Обществом.

Общие собрания

§ 10. Общие собрания бывают троякого рода: годовые, обыкновенные и чрезвычайные.

§ 11. Годовые собрания созываются Исполнительным комитетом ежегодно в ближайший неприсутственный день после 1 января каждого года.

§ 12. Ведению годового собрания подлежат: 1) избрание Исполнительного комитета, ревизионной комиссии и других организаций профессионального и экономического характера, образованных Обществом; 2) заслушание и утверждение отчета о деятельности Исполнительного комитета, ревизионной комиссии и этих организаций, а также рассмотрение и утверждение сметы расходов, составленной ими на наступающий год; 3) выработка общей инструкции по политической деятельности Исполнительного комитета.

Для действительности годового собрания требуется присутствия на нем не менее половины всех членов Общества, пребывающих в Петрограде.

§ 13. Обыкновенные общие собрания созываются Исполнительным комитетом по его усмотрению или по письменному заявлению 15 членов Общества. При заявлении о созыве собрания должны быть точно указаны предметы, подлежащие обсуждению собрания, и время его созыва. Заявления о созыве собрания подлежат исполнению в течение пяти дней со дня его предъявления.

О созыве обыкновенного общего собрания Исполнительный комитет делает соответственное оповещение во всех департаментах, отделах и отдельных частях министерства с указанием предметов, подлежащих обсуждению собрания и времени его созыва. Это оповещение должно быть сделано не меньше, чем за 48 часов до созыва собрания.

§ 14. Ведению обыкновенного собрания подлежат лишь вопросы профессионального и экономического характера.

Для действительности его требуется присутствие на нем не менее 50 членов Общества.

§ 15. Чрезвычайные общие собрания созываются Исполнительным комитетом по его усмотрению или по письменному заявлению 25 членов Общества. При этом соблюдаются все требуемые для созыва обыкновенных собраний формальности, кроме касающихся сроков созыва собраний и оповещения о сем.

Для действительности чрезвычайных собраний требуется присутствие на них не менее половины всех членов Общества, пребывающих в Петрограде.

§ 16. Ведению чрезвычайных собраний подлежат: 1) обсуждение вопросов политического характера и вынесение решений и резолюций по этим вопросам; 2) снабжение Исполнительного комитета общей или специальной инструкцией и особыми полномочиями по политическим выступлениям в течение его дальнейшей деятельности; 3) выражение согласия или несогласия с деятельностью Исполнительного комитета; 4) избрание нового Исполнительного комитета в случае ухода прежнего; 5) обсуждение вопросов профессиональных и экономических, связанных с созданием каких-либо организаций; 6) избрание личного состава этих организаций и утверждение их Устава; 7) исключение отдельных членов из состава Общества; 8) изменение Устава Общества.

§ 17. Выборы Исполнительного комитета и других организаций, созданных Обществом, производятся закрытой баллотировкой. Между общим собранием, выразившим несогласие с деятельностью Исполнительного комитета, повлекшее за собой его уход, или постановившим решение о создании таких организаций, и назначением нового чрезвычайного собрания для выборов в Исполнительный комитет или создаваемые организации должно пройти не менее трех дней.

§ 18. Общие собрания — годовые и обыкновенные, не состоявшиеся из-за неприбытия должного числа членов, назначаются вторично через три дня в присутственный день и считаются состоявшимися при всяком числе членов, присутствующих на собрании.

Исполнительный комитет, его организация и обязанности

§ 19. Исполнительный комитет избирается в составе 12 членов и 6 кандидатов к ним на один год на годовом общем собрании. В случае сложения с себя отдельными членами полномочий, кандидаты вступают в состав Комитета по большинству полученных ими при избрании голосов.

§ 20. В случае выражения Исполнительному комитету на чрезвычайном общем собрании несогласия с его деятельностью, повлекшего за собой его уход, Исполнительный комитет сменяется и назначаются новые выборы членов комитета и кандидатов к ним. Выражение несогласия должно быть принято не менее 2/3 голосов всех членов Общества, присутствующих на собрании. Однако до избрания нового Исполнительного комитета прежний Исполнительный комитет, ушедший в силу выраженного собранием несогласия с его деятельностью, сохраняет все свои права и полномочия.

§ 21. Исполнительный комитет, в первом своем заседании, выбирает из своей среды председателя, товарища председателя, секретаря и казначея. Внутренний распорядок своей деятельности Исполнительный комитет определяет по своему усмотрению.

§ 22. В ведение Исполнительного комитета входит осуществление профессиональных и политических целей Общества и надзор, и руководство за созданными Обществом профессиональными и экономическими организациями.

§ 23. Для осуществления профессиональных и политических целей Общества Исполнительный комитет входит в сношения в качестве представителя Общества с различными обществами и учреждениями, политическими партиями и органами прессы. В области политической Исполнительный комитет является единственным полноправным представителем Общества Исполнительный комитет имеет право образования из своей среды особых комиссий, посылать от имени Общества своих представителей в различные союзы, общества и организации, а также привлекать к своим работам с совещательным голосом посторонних лиц.

§ 24. В своей политической деятельности Исполнительный комитет руководствуется общими и специальными инструкциями, а также особыми полномочиями, данными ему Общими собраниями. Вопрос о том, выходит ли то или иное предполагаемое политическое выступление за пределы инструкций и полномочий, данных ему Общим собранием, решается Исполнительным комитетом по своему усмотрению. Однако в случае заявления протеста тремя членами Комитета против решения его, это выступление приостанавливается и созывается чрезвычайное общее собрание для обсуждения этого вопроса.

§ 25. Исполнительный комитет при сложении с себя полномочий отдает Общему собранию отчет о своей предшествовавшей деятельности, а также о расходовании денежных сумм Общества.

Ревизионная комиссия

§ 26. Для проверки расходования Исполнительным комитетом денежных сумм Общества, на годовом Общем собрании избирается Ревизионная комиссия из трех членов Общества, не входящих в состав Исполнительного комитета, или иных организаций, созданных Обществом.

§ 27. Ревизионная комиссия приступает к проверке отчетов Исполнительного комитета за предшествующий год не позже, чем за месяц до годового собрания. В случае смены Исполнительного комитета в середине года Ревизионная комиссия приступает немедленно к проверке его денежной отчетности.

Ревизионной комиссии представляется Исполнительным комитетом смета расходов на наступающий год, каковая смета является обязательной для нового Исполнительного комитета в случае смены прежнего состава в течение года.

Организации профессионального и экономического характера

§ 28. Для осуществления своих профессиональных и экономических целей Общество может учреждать по постановлению чрезвычайного общего собрания различные организации.

Круг ведения, устройство, права и обязанности этих организаций определяются чрезвычайным общим собранием в особом Уставе, учреждаемом им при их образовании.

Права Общества

§ 29. Общество пользуется всеми правами юридического лица, и единственным полноправным представителем его является Исполнительный комитет.

§ 30. Общество имеет печать с изображением своего наименования.

Состав Общества

§ 31. Членами Общества имеют право быть все лица, состоящие на государственной службе в Министерстве иностранных дел.

Вступление в Общество и выход из него являются добровольными и производятся посредством подачи соответственного письменного заявления Исполнительному комитету. Никому из состоящих на государственной службе по Министерству иностранных дел не может быть отказано в принятии его в члены Общества.

§ 32. Общество может исключать из своей среды отдельных членов, деятельность коих противоречит началам общественной или профессиональной этики.

§ 33. Вопрос об исключении отдельных членов может быть возбужден лишь по постановлению Исполнительного комитета или по письменному заявлению о сем группы членов численностью не менее, чем в 25 человек.

Вопрос об исключении разрешается на чрезвычайном общем собрании, причем возбудившие этот вопрос обязаны выступить с мотивировкой своего предложения, и члену Общества, о чьем исключении идет речь, должна быть дана возможность представить свои объяснения лично или письменно. Исключение считается состоявшимся в случае голосования за исключение не менее 2/3 всех членов Общества, пребывающих в Петрограде.

Членский взнос

§ 34. Членский взнос определяется в 10 рублей в год и вносится членами Общества по полугодиям.

§ 35. Денежные суммы, образованные из членских взносов, поступают в распоряжение Исполнительного комитета, который отдает отчет о расходовании этих сумм при своем уходе.

Изменение Устава и закрытие Общества

§ 36. Изменение Устава и закрытие Общества может иметь место лишь по постановлению чрезвычайного общего собрания, причем для решения этих вопросов вторичное собрание, в случае если не состоится первое, признается законно состоявшимся при любом числе членов Общества.

§ 37. Судьба капитала и имущества Общества в случае его закрытия решается на последнем Общем собрании Общества.

Ф. 159, оп. 726, 1917 г., д. 211, л. 1–5 об. Типограф. экз. Рус. яз.

242. ЦИРКУЛЯРНАЯ ДЕПЕША И.О. ТОВАРИЩА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.А. НЕРАТОВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И КОНСУЛЬСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

№ 4660 *12 мая 1917 г.*
Циркулярно

Одним из последствий происшедшего государственного переворота явилось предложение услуг Временному правительству для участия в государственной работе со стороны многочисленных русских граждан, воздерживавшихся в прежнее время от государственной службы по политическим их убеждениям.

Определение к штатным должностям по ведомству Министерства иностранных дел тех из них, которые удовлетворяют установленным для замещения указанных должностей требованиям закона, составляет задачу центрального ведомства. Но наряду с указанными лицами имеется много таких, которые могли бы быть использованы в качестве нештатных наших консульских представителей, а равно нештатных служащих при штатных заграничных установлениях.

Предложение ими своих услуг дает возможность заменить нештатных консульских представителей и служащих из иностранцев русскими гражданами, в удовлетворение давно назревшей в том потребности и в устранение частых и справедливых нареканий на ведомство за возложение русского представительства или обязанностей служащих в русских установлениях на лиц, не только совершенно чуждых России, но и в большинстве случаев не владеющих русским языком.

Министерство иностранных дел вменяет в неуклонную обязанность заграничным установлениям возможно широко использовать открывающуюся в сем отношении воз-

можность, не только замещая в установленном порядке русскими гражданами открывающиеся нештатные вакансии, но и не останавливаясь перед заменой нашими соотечественниками занимающих нештатные должности иностранцев.

Подписал: и.о. товарища министра иностранных дел А. Нератов
Скрепил: директор Лопухин

Ф. 181, оп. 830, д. 1100, л. 28. Подлинник. Рус. яз.

243. ИЗ ОТЧЕТА МОСКОВСКОГО ГЛАВНОГО АРХИВА МИД ЗА 1916 ГОД

16/29 мая 1917 г.[1]

[...][2] X. Лазарет

Открытый в сентябре 1914 г. лазарет для раненых воинов[3], устроенный на средства чинов Архива, продолжал деятельность и в отчетном году. С осени, в видах большего удобства и экономии, он соединился с другим лазаретом (при Учительском доме в Москве), сохранив то же самое число своих кроватей (18).[...][2]

Директор Московского Главного архива
Министерства иностранных дел
П. Мансуров

Ф. 137, оп. 475, д. 147, л. 11. Подлинник. Рус. яз.

[1] Дата сопроводительного письма на имя товарища министра иностранных дел Б.Э. Нольде.
[2] В частях I–IX и XI речь шла о функционировании Архива.
[3] См. док. № 217.

244. ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МИД В.Б. ЛОПУХИНА ДИРЕКТОРУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ Г.Н. ТРУБЕЦКОМУ

№ 6755 *13 июля 1917 г.*

Милостивый государь князь Григорий Николаевич,

Вследствие призыва трех чиновников Правового департамента на военную службу, в указанном департаменте, согласно заявлению А.И. Доливо-Добровольского, ощущается острый недостаток рабочих рук, грозящий вредно отразиться на весьма ответственной и срочной работе департамента.

В числе лиц, которых А.И. Доливо-Добровольский желал бы привлечь к работе в Правовом департаменте, он назвал ст. сов. Карасева, отозвавшись о нем, как о весьма способном и полезном работнике.

Ввиду изложенного, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не признаете ли Вы возможным согласиться на откомандирование ст. сов. Карасева в Петроград в Правовой департамент, и о решении Вашем прошу не отказать меня уведомить[1].

Лопухин

Ф. 323, оп. 617, д. 104, л. 29. Подлинник. Рус. яз.

[1] 17/30 июля 1917 г. Г.Н. Трубецкой направил В.Б. Лопухину депешу, в которой объяснил свой отказ в командировании К.А. Карасева в Петроград тем, что последний обладает «богатым опытом» и его пребывание необходимо в Ставке. — См.: Ф. 323, оп. 617, д. 104, л. 30–30 об.

245. ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЧИНОВНИКА Е.В. ЛЕВКИЕВСКОГО, ПРИКОМАНДИРОВАННОГО К ШТАБУ 1-ГО КАВКАЗСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА

[15 августа 1917 г.]

[...][1] Дипломатический чиновник Левкиевский, будучи прикомандирован к Штабу Кон[ного] отряда, участвовал с этим отрядом в преследовании турок начиная с 14 по 19 марта включительно, т.е. до занятия нами Касриширина. Неоднократно находясь при этом под артиллерийским и ружейным огнем противника, отлично выполнял свои обязанности по сбору сведений о противнике. Ходатайствую о награждении орденом Св. Анны 3-й ст[епени] с мечами и бантом.

Вр. и.д. начальника Штаба
1 Кавк[азского] кав[алерийского] корпуса,
Генерал-майор Фисенко

На документе пометы: 1) В графе «Мнение начальников по представлению командира корпуса». — «Согласен. Г.Л. Павлов. 23 июля». 2) В графе «Мнение начальников по представлению главнокомандующего войсками фронта». — «Согласен. Генерал от инфантерии Пржевальский. 15 августа 1917 г.».

Ф. 159, оп. 749/3, д. 292, л. 29 об. — 30. Подлинник. Рус. яз.

[1] В опущенных графах таблицы имеются сведения о том, что Е.В. Левкиевский был дипломатическим чиновником IX класса, титулярным советником, православного вероисповедания, наград не имел, в январе 1917 г. был представлен к награждению орденом Св. Станислава 3-й степени.

246. УДОСТОВЕРЕНИЕ ВНЕШТАТНОГО СОТРУДНИКА ПЕРВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА И КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ М.И. КАТАРЖИ

№ 7929 *17 августа 1917 г.*

Удостоверение

Выдано сие Департаментом общих дел Министерства иностранных дел, с приложением печати, белобилетнику призыва 1899 года, кандидату для занятия штатных должностей в Первом политическом отделе и Канцелярии министра Михаилу Ивановичу Катаржи в том, что срок предоставленной ему в 1915 году распоряжением мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба в порядке ст. 348 Уст[ава] о воин[ской] пов[инности] изд. 1915 года отсрочки призыва на все время состояния на службе по Министерству иностранных дел, сохранивший свою силу, согласно циркуляра Главного комитета при Главном управлении Генерального штаба по делам о предоставлении военнообязанным отсрочек по призывам в армию в текущую войну от 22 апреля 1917 г. за № 18 п. 2, до 1 июля 1917 г., продленный до 1 августа 1917 г., названным Главным комитетом при рассмотрении в заседании от 30 июня 1917 г. поименного списка вновь продолжен до 1 января 1918 г., о чем комитетом послано уведомление подлежащему уездному воинскому начальнику (отношение управляющего делами Главного комитета по делам о предоставлении военнообязанным отсрочек по призывам в Департамент общих дел Министерства иностранных дел от 29 июля 1917 г. за № 18050).

За директора вице-директор Висконти
За делопроизводителя[1]

Ф. 323, оп. 617, д. 104, л. 29–29 об. Подлинник. Рус. яз.

[1] Подпись неразборчива.

247. ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА О ПОРЯДКЕ ПРИЕМА И ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В МИД

[15 сентября 1917 г.][1]

В изменение действующего порядка определения на службу и прохождения службы по ведомству Министерства иностранных дел предполагается установить по этому предмету следующие временные правила:

I. Право поступления на службу в ведомство присваивается русским гражданам в возрасте от 31 года до 40 лет, имеющим дипломы об окончании высших учебных заведений. Министру иностранных дел предоставляется устанавливать, какие иностранные учебные заведения соответствуют в этом отношении русским учебным заведениям, отнесенным по закону к разряду высших.

II. Для определения на службу требуется от лиц, удовлетворяющих условиям, указанным в отд. I, выдержание особого вступительного испытания.

III. Вступительное испытание производится по четыре раза в год, в равные приблизительно промежутки времени, особой комиссией под председательством одного из товарищей министра, при участии чинов ведомства и специалистов, по приглашению ведомства.

IV. В программу вступительного испытания входят: общая часть международного права, государственное право русское и важнейших иностранных держав, история с начала XIX века, политическая экономия, политическая география, финансовое право и один из новых языков.

V. Лица, выдержавшие вступительное испытание, могут замещать должности на заграничной службе не выше второго секретаря посольства или миссии или вице-консула, а в центральных установлениях ведомства — должности не выше VII класса.

VI. Для занятия высших должностей требуется выдержание дипломатического экзамена.

VII. К дипломатическому экзамену чины ведомства допускаются не ранее, как по прошествии трех лет со дня выдержания вступительного экзамена.

VIII. В программу дипломатического экзамена входят: частное международное право, история трактатов, торговое право, консульское право, нотариальная практика.

IX. Ко времени испытания лица, к нему приступающие, обязаны представить в министерство письменную работу, объемом не менее одного печатного листа, заключающую самостоятельное исследование по предметам ведения министерства.

X. Тема письменной работы избирается испытуемым с одобрения: для чинов заграничной службы — начальника подлежащего дипломатического поста, а для служащих в центральных установлениях — начальника подлежащего установления. Об избранной и одобренной теме подлежащим начальством доносится товарищу министра иностранных дел.

XI. От лиц, выдержавших дипломатический экзамен ранее вступления настоящих правил в действие, требуется для занятия высших, против указанных в отд. V, должностей — представление лишь означенной в отд. IX письменной работы.

XII. Настоящие правила не распространяются на лиц, назначаемых на должности товарищей министров иностранных дел и начальников дипломатических и центральных установлений[2].

Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 140, л. 21–22. Копия. Рус. яз.

[1] Документ датируется по сопроводительной записке с пометой «в[есьма] спешное», написанной от имени товарища министра иностранных дел А.М. Петряева. 16/29 сентября 1917 г. планировалось обсуждение временных правил руководством МИД. — См.: Ф. 133, оп. 470, 1917 г., д. 140, л. 20.

[2] См. док. № 250.

248. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

№ 9284 *28 сентября 1917 г.*
Спешное

О дополнении штата центральных установлений
Министерства иностранных дел

Утвержденный 24 июня 1914 г. штат центральных установлений Министерства иностранных дел (Собр. узак., ст. 1737) составлен на основании предположений ведомства, соображавшихся в 1909 г. и внесенных на законодательное рассмотрение 17 марта 1910 г. (№ 2450).

За истекшее время на разрешение министерства выдвинулся ряд новых вопросов. Вместе с тем увеличилась работа по прежним его предметам ведения. Обстоятельства эти побуждают ходатайствовать о некотором усилении штата центральных установлений и министерства, в частности Департамента общих дел (переименованного бывшего Первого департамента, постановление Временного правительства 14 марта 1917 г., Собр. узак., ст. 433)[1], Департаментов Экономического и Правового (преобразованных из бывших Второго департамента и Юрисконсультской части), Первого политического отдела и Канцелярии министра и Государственного и Петроградского Главного архивов министерства.

Работа Департамента общих дел, на который возложены разработка законодательных предположений ведомства и заведывание личным составом и бюджетом министерства, значительно возросла в связи с последовавшим изменением порядка производства служебных расходов и ведения по ним отчетности заграничными установлениями ведомства. Ранее расходы производились по усмотрению начальника заграничного установления без ограничения нормами и без вмешательства центрального ведомства. Потребные средства черпались из поступлений консульских пошлин. Если же этот источник оказывался недостаточным, то средства приобретались путем займов в банкирских учреждениях. Представлявшиеся затем отчеты ревизовались министерством исключительно в кассовом отношении. Суммы, соответствовавшие произведенным расходам, частью перечислялись за счет подлежащих сметных назначений министерства в доход казны, в возврат произведенных позаимствований из консульских пошлин, частью же передавались Особенной канцелярии по кредитной части для расчетов с банками по займам.

В последние годы порядок этот подвергся коренному изменению, будучи приноровлен к общим сметным и кассовым правилам. Дело, требовавшее ранее небольшой сравнительно затраты времени и труда, сразу возросло до степени крайне сложного и ответственного. Помимо новых обязанностей по снабжению заграничных установлений потребными на служебные издержки кредитами, установилось наблюдение за самым их расходованием, т.е. оценка правильности и рациональности производимых издержек. Контроль, заставляющий постоянно требовать объяснений и давать различные указания заграничным установлениям, а равно разрешение вопросов, касающихся назначения денежных средств, вызывают чрезвычайно интенсивную переписку с заграничными установлениями.

В связи с прекращением позаимствований на служебные расходы из консульских пошлин был введен порядок обращения последних в казну, применительно к правилам

касс специальных сборщиков государственных доходов. Мера эта также в немалой степени отозвалась увеличением работы департамента, главным образом потому, что потребовала сверки сумм, проставляемых в местной валюте на поступающих в громадном количестве квитанциях банков в приеме пошлин, с отчетными данными консульских установлений и Особенной канцелярии по кредитной части, через которую пошлины поступают в казну.

Значительно расширила деятельность департамента и реорганизация ревизионного надзора за кассовыми оборотами заграничных установлений, установившая обязанность проверки различных ведомостей, как со стороны формы, так и правильности проставляемых сумм.

Совершенно новою обязанностью явилось снабжение заграничных установлений марками для оплаты консульских пошлин, ведение отчетности в расходовании означенных марок, проверка представляемых заграничными установлениями отчетных данных о движении марок и передача означенных данных на ревизию.

Чрезвычайно усилилась деятельность департамента по разработке законодательных предположений и по другим делам, восходящим на разрешение правительства.

Наконец, значительно увеличилась работа департамента вследствие усиления надзора за деятельностью нештатных консульских представителей наших за границей.

Переписка возросла в следующей степени.

Годы	Число входящих бумаг	Число исходящих бумаг
1910	13 379	10 526
1911	16 578	13 416
1912	19 777	15 467
1913	22 718	14 453
1914	38 944	18 192
1915	28 208	22 689
1916	23 768	19 589

Увеличение работы требовало бы и соответственного усиления состава департамента. Первее всего, в помощь директору надлежало бы придать второго вице-директора. Имеющийся вице-директор сотрудничал бы с директором в области разработки и направления законодательных предположений, а равно заведывания делами личного состава. На второго же — легли бы бюджетная и хозяйственная часть — направление работ по составлению и исполнению финансовых смет ведомства, по производству расходов по министерству, по ведению бухгалтерских книг денежным оборотам министерства и отчетности по приходу и расходу состоящих в его распоряжении сумм. Проектируемую новую должность надлежало бы, применительно к действующему штату министерства, положить в V класс и присвоить ей оклад содержания в 7 000 руб. в год.

Далее, следовало бы увеличить четырьмя должностями состав делопроизводителей департамента: одною — V класса, для общего заведывания счетною частью, с окладом, согласно действующему штату, в 5 000 руб. в год, одною — VI класса, специально для раз-

работки законодательных предположений, с окладом в 4 200 руб. в год, одною — VII класса, в помощь старшему делопроизводителю, заведывающему делами личного состава, с окладом в 2 700 руб. в год, и одною — VIII класса, по заведыванию хозяйственными делами министерства, с окладом в 1 600 руб. в год.

Помимо сего, увеличивающаяся переписка настоятельно требует учредить должность помощника заведывающего регистратурой в IX классе, с окладом в 1 200 руб., наравне с подобными же должностями при политических отделах министерства.

Наконец, следует усилить состав канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов шестью лицами, с содержанием из расчета в 720 руб. в год каждому.

Экономический и Правовой департаменты учреждены постановлением Временного правительства от 14 марта 1917 г. об изменении в учреждении и штатах Министерства иностранных дел (Собр. узак., ст. 433), взамен упраздненных тем же постановлением Второго департамента и Юрисконсультской части министерства.

Согласно означенному постановлению, расписание должностей, окладов содержания и классов и разрядов по должности и по пенсии в новообразованных департаментах предоставлено установить министру иностранных дел, с тем, чтобы потребный на содержание означенных департаментов расход был полностью отнесен на кредит, ассигнуемый на основании помянутого штата, с предоставлением министру обращать на ту же надобность сбережения по этому кредиту от временного незамещения предусмотренных в указанном штате должностей.

В пределах указанного полномочия министром иностранных дел было утверждено 10 апреля 1917 г. расписание должностей Экономического и Правового департаментов, согласно которому Экономический департамент составляют кроме директора, вице-директор, один делопроизводитель V класса, два делопроизводителя VI класса, два делопроизводителя VII класса, три делопроизводителя VIII класса и 3 кандидата для занятия штатных должностей, должности которых положены в X классе. В Правовой департамент входят директор, вице-директор, два делопроизводителя V класса, один делопроизводитель VI класса, три делопроизводителя VII класса, четыре делопроизводителя VIII класса, четыре кандидата для занятия штатных должностей, библиотекарь, должность которого положена в VII классе, и юрисконсульт по гражданским делам.

На содержание канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов с содержанием из расчета по 720 руб. в год каждому, положено Экономическому департаменту — 4 320 руб. и Правовому департаменту — 6 480 руб.

Состав этот оказывается, однако, совершенно недостаточным для выполнения лежащей на обоих департаментах сложной и ответственной работы, и Министерство иностранных дел вынуждается ходатайствовать о соответственном его пополнении.

К предметам ведения Экономического департамента относятся дела, касающиеся торговли, мореплавания, путей сообщения, почты, телеграфа и всякого рода административных союзов, за исключением тех из означенных дел, которые возникают из отношений с капитуляционными странами.

Отправление указанных дел требует интенсивной работы двоякого характера. С одной стороны, требуется беспромедлительное выполнение текущей работы, а с другой — выработка основных точек зрения в деле согласования разнообразных экономических интересов, заслуживающих государственной поддержки, с международным положением и задачами России, как великой державы.

Работа по удовлетворению совершенно неотложных текущих потребностей по мере развития процесса огосударствления наших торговых сношений непрерывно возрастает. В то время как раньше внешний товарообмен осуществлялся путем частных сделок, в настоящее время значительная часть вопросов о ввозе и вывозе товаров, в тех случаях, когда в благоприятном их разрешении заинтересованы иностранные подданные, возбуждается или поддерживается дипломатическим путем через посредство Министерства иностранных дел.

Сверх того, в последнее время Россиею заключен ряд международных соглашений, регулирующих наш товарообмен с нейтральными странами, как-то соглашения с Данией, Норвегией, Швецией и др.

Эти соглашения, сообразно с выясняющимися потребностями, приходится периодически видоизменять и дополнять. По ним необходимы постоянные разъяснения нашим дипломатическим и консульским представителям, что создает новую весьма значительную переписку.

Далее, за границей возник ряд органов по снабжению, кроме того, в иностранные государства посылаются специальные миссии для урегулирования помощи, которую мы можем получить извне, как в экономической, так равно и в финансовой области. Эти учреждения работают в тесном сотрудничестве с русскими дипломатическими представителями за границей и постоянно нуждаются в дипломатическом содействии. Особый род дел составляют дела об организации медицинской помощи, осуществляемой, как путем предоставления нам медикаментов и др. медицинских принадлежностей, так равно и путем командирования в Россию медицинского персонала.

Особого внимания, в связи с настоящим общеэкономическим положением, заслуживают дела, возникающие по поводу действия в России предприятий, в коих заинтересованы иностранные подданные. Развитие наших производительных сил зависит в значительной степени от того, насколько удается привлечь в нашу промышленность иностранные капиталы. Поэтому представляется чрезвычайно важным, чтобы все представления иностранных дипломатических представителей по поводу возникающих в этой области недоразумений, а таковые теперь весьма многочисленны, разрешались без всякого замедления. К этой же категории относятся дела, касающиеся реквизиций предметов, принадлежащих иностранным подданным.

Наконец, в связи с затруднительным финансовым положением России, усилилась и дипломатическая переписка по финансовым вопросам.

Помимо текущей переписки по указанным делам, на Экономический департамент возложена сложная и ответственная работа по установлению, совместно с другими ведомствами, коим вверены наши экономические и финансовые интересы, общих оснований нашей экономической политики.

При проведении в жизнь этих начал в практике наших заграничных установлений возникают многообразные частные вопросы, требующие разрешения и согласования. В настоящее время, за недостаточностью состава департамента, весь поступающий богатый фактический материал не может быть надлежащим образом использован, что не может не отражаться неблагоприятно на планомерности и устойчивости нашей внешней экономической политики.

Для разработки и систематизации означенного материала, а равно для обеспечения беспромедлительного отправления переписки необходимо усилить состав департамента

должностями делопроизводителей: одною — V класса, с окладом в 5 000 руб. в год, тремя — VI класса, с окладом в 4 200 руб. в год, шестью — VII класса, с окладом в 2 700 руб. в год и пятью — VIII класса, с окладом в 1 600 руб. в год.

Сверх того, совершенно необходимо учредить должность секретаря департамента, на которого было бы возложено, помимо отправления общих секретарских обязанностей, заведывание приемом и сношениями с иностранными дипломатическими представителями, ежедневно посещающими департамент для личных переговоров по производящимся в департаменте делам. Должность эту надлежало бы положить в VII классе и присвоить ей оклад содержания, соответственно принятым в штате ведомства нормам, в 2700 руб. в год.

Состав канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов департамента, равным образом, необходимо увеличить, усилив его, в соответствии с выяснившейся потребностью, 8-ю лицами, с содержанием в 720 руб. в год каждому.

Согласно действующему расписанию должностей в Экономическом и Правовом департаментах, названные установления обслуживаются одной общей регистратурой. Обстоятельство это, при обширности производящейся в означенных департаментах переписки, не может не представлять значительных неудобств. Ввиду сего необходимым представляется создать в Экономическом департаменте самостоятельную регистратуру. Должность заведующего регистратурою следует положить в VIII классе, наравне с подобными же должностями в других департаментах министерства, присвоив ей оклад содержания в 2 000 руб. в год.

К предметах ведения Правового департамента относятся: а) дела о правах и преимуществах, присвоенных российским представителям за границей и иностранным представителям в России, и о составлении формальных грамот к иностранным владетельным особам и правительствам, а равно о признании иностранных консульских представителей в России; б) переписка по вопросам международного частного и международного уголовного права и иным вопросам, связанным с пребыванием и личными и имущественными интересами российских граждан в иностранных государствах и иностранцев в России; в) дела пограничные; г) переписка, касающаяся международных выставок и всякого рода съездов, а равно собирание и доставление, по поручению правительственных и общественных установлений, всякого рода сведений и материалов относительно чужих стран; д) дела о российских орденах и наградах, жалуемых иностранцам и об иностранных орденах, назначаемых российским гражданам; е) разработка заключений по вопросам права, возникающим в других установлениях министерства; ж) дела, связанные с участием министра иностранных дел в высших государственных установлениях.

По многообразию и сложности возложенных на департамент дел, совершенно необходимо учредить при нем вторую должность вице-директора. Один заведовал бы делами, касающимися публичного и частного международного права, а также вопросами конвенционными и юрисконсультскими, а другой — делами административными, нотариальными и консульскими.

Новую должность вице-директора следует положить в V классе и присвоить ей оклад содержания в 7 000 руб. в год.

Сверх того, полагалось бы усилить состав департамента должностями делопроизводителей: четырьмя — VI класса, с окладом в 4 200 руб., пятью — VII класса, с окладом в 2 700 руб., четырьмя — VIII класса, с окладом в 1 600 руб., одной должностью секре-

таря в VII классе и одной должностью заведующего счетной и экзекуторской частью в VIII классе. Наконец, состав канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов необходимо усилить 10-ю лицами с содержанием из расчета в 720 руб. в год каждому.

Круг дел, входящих в компетенцию Первого политического отдела и Канцелярии министра значительно расширился, ввиду передачи в названное установление из бывшего Министерства двора дел бывшей Экспедиции церемониальных дел, как-то по подготовлению приемов посещающих Россию чрезвычайных миссий, по предоставлению им помещений и средств передвижения, по сношениям с пребывающими в Петрограде официальными лицами по вопросам этикета и протокола, по составлению и периодическому пересмотру списков аккредитованного в Петрограде дипломатического корпуса и т.п.

Указанные дела, равно как и производство по другим вопросам не политического характера, входящим в круг ведения Канцелярии, т.е. по ведению личной, по должности, переписки министра, по отправке и поступлению курьерских вализ и по выдаче дипломатических паспортов, полагалось бы сосредоточить в особом отделении Канцелярии министра.

С другой стороны, следовало бы закрепить уже осуществившееся на практике выделение в особый разряд имеющих для нас чрезвычайное значение дел по наблюдению за политическими движениями среди славянских народностей Габсбургской монархии и находящихся с ними в ближайшем соприкосновении венгров, равно вопросов по сношениям с Ватиканом, играющим столь выдающуюся роль в судьбах западного славянства. Заведывание этими делами также следует возложить на Первый политический отдел и Канцелярию министра.

В результате, круг предметов ведения означенного установления разделится на две существенно разные группы — дел политических и не политических. Каждую из них полагалось бы передать в заведывание старшего чиновника, создав для Первого политического отдела, по примеру должностей делопроизводителей V класса в департаментах, две должности секретаря V класса, с окладом по 5 000 руб. в год, и учредив вместе с тем в помощь секретарю V класса, на которого возложено было бы заведывание не политическими делами, одну должность секретаря VII класса, с окладом в 2 700 руб. и одну должность кандидата для занятия штатных должностей — в X классе, с окладом в 600 руб. Независимо от сего, в помощь советнику Первого политического отдела по заведыванию вводимым в компетенцию отдела новым кругом дел следует придать второго старшего секретаря (на правах вице-директора) в V классе, с окладом в 6 000 руб. в год.

Согласно действующему штату центральных установлений Министерства иностранных дел, назначения на содержание канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов положены лишь Департаментам общих дел, Экономическому и Правовому и Отделу печати, а также Архивам министерства. Ныне, ввиду значительного увеличения работы во всех Политических отделах министерства, оказывается настоятельно необходимым ввести в состав каждого из четырех отделов по 3 канцелярских чиновника или вольнонаемных писца, с окладом по 720 руб. в год каждому.

Наконец, ввиду передачи в Государственный и Петроградский Главный архивы Министерства иностранных дел архива бывшей Собственной императорской канцелярии, содержащего, кроме не сданной еще обильной переписки, до 15 000 законченных дел, а равно всех бумаг царствовавших особ, хранящихся ныне в различных дворцах, состав

Архивов необходимо усилить должностями делопроизводителей одной — VII класса, с окладом в 2 700 руб. и одной — VIII класса, с окладом в 1 600 руб. в год.

На предположенные новые должности и усиление отдельных назначений всего потребовалось бы 165 720 руб. ежегодно, не считая особой суммы на выдачу наград и пособий, исчисляемой, по установленному для Министерства иностранных дел порядку в 15% с окладов содержания, присвоенных чинам V–VII классов и 20% с окладов содержания присвоенных чинам прочих классов и младшим служащим.

Изложенные предположения Министерства иностранных дел были подвергнуты предварительному обсуждению в междуведомственном Совещании при Министерстве финансов под председательством товарища министра В.В. Кузьминского, причем представители Министерства финансов и Государственного контроля, ссылаясь на крайне затруднительное положение государственного казначейства, а также на то обстоятельство, что действующие ныне штаты Министерства иностранных дел утверждены всего лишь в 1914 году, высказались принципиально против осуществления предположений сего ведомства и допускали возможность некоторого изменения означенных штатов лишь при условии, что Министерство иностранных дел изыщет источник для покрытия нового расхода и докажет необходимость намечаемого расширения штатов обстоятельствами военного времени, что оправдывало бы отпуск потребных сумм в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи[2].

В разъяснение сего Министерство иностранных дел считает необходимым заявить, что хотя действующие ныне штаты ведомства и введены были в 1914 году, но представление его по этому предмету внесено было в Государственную думу еще в 1910 году, т.е. 7 лет тому назад, в течение которых как условия, так и объем работы Министерства иностранных дел подверглись весьма значительным изменениям. Не отрицая затем указания финансового и контрольного ведомств на то, что испрашиваемое усиление обусловливается отчасти требованиями военного времени, ввиду чего содержание некоторых из предусматриваемых настоящим проектом должностей могло бы быть отнесено на средства государственного казначейства, ассигнуемые в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи, Министерство иностранных дел решительно не считало бы возможным оправдывать испрашиваемое ныне усиление, в полном объеме его, исключительно обстоятельствами военного времени и наоборот обязывается подтвердить, что проектируемое расширение вызывается вполне доказанной опытом необходимостью сколько-нибудь правильной постановки работы ведомства в нормальное время.

Подчиняясь, однако, требованию о возможном сокращении расходов на усиление штатов, в целях облегчения средств государственного казначейства, Министерство иностранных дел изъявило готовность исключить, по соглашению с финансовым и контрольным ведомствами, ту часть проектируемых новых должностей, промедление в учреждении которых не угрожало бы существенным расстройством деятельности министерства.

Согласно этому Министерство иностранных дел полагает необходимым усилить постоянный штат Правового департамента двумя должностями делопроизводителей VI класса с окладом содержания в 4 200 руб., двумя должностями делопроизводителей VII класса с окладом содержания в 2 700 руб., одною должностью делопроизводителя VIII класса с окладом содержания в 1 600 руб. и одною должностью секретаря VIII класса с окладом содержания в 1 600 руб., а также суммою в 2 880 руб. на наем кан-

целярских чиновников по расчету из 720 руб. в год на каждого. Кроме того, в связи с обстоятельствами военного времени, представляется соответственным учредить одну должность делопроизводителя VII класса с окладом содержания в 2 700 руб. и одну должность делопроизводителя VIII класса с окладом содержания в 1 600 руб., а также увеличить сумму на наем канцелярских чиновников на 1 440 руб. в год, с отпуском необходимых на это средств из государственного казначейства, в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи.

По тем же соображениям Министерство иностранных дел находит возможным ограничиться усилением постоянного штата Экономического департамента двумя должностями делопроизводителя VI класса с окладом содержания в 4 200 руб., двумя должностями делопроизводителя VII класса с окладом содержания в 2 700 руб., одною должностью делопроизводителя VIII класса с окладом содержания в 1 600 руб., одною должностью секретаря VIII класса с окладом содержания в 1 600 руб. и одной должностью регистратора VIII класса с окладом содержания в 2 000 руб., а также увеличением суммы на наем канцелярских чиновников на 720 руб. В связи же с обстоятельствами военного времени полагалось бы необходимым сверх того добавить одну должность делопроизводителя V класса с окладом содержания в 5 000 руб., четыре должности делопроизводителей VIII класса с окладом содержания в 1 600 руб. и усилить сумму на содержание канцелярских чиновников на 1 440 руб., с отпуском потребных на это средств из государственного казначейства в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи.

Засим, допуская возможность некоторого промедления в разборке и разработке архивных материалов, Министерство иностранных дел находит соответственным временно отказаться от усиления состава делопроизводителей Государственного и Петроградского Главного архивов министерства.

Взамен предполагаемого увеличения личного состава Департамента общих дел, представителями Министерства финансов и Государственного контроля изъявлено согласие на добавление на время войны лишь одной должности делопроизводителя VII класса и на усиление суммы на наем канцелярских чиновников на 2 880 руб. в год, с ассигнованием потребных на это кредитов, в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи.

Равным образом увеличение личного состава Канцелярии министра иностранных дел и Первого политического отдела министерства представителями Министерства финансов и Государственного контроля ограничивается учреждением на время войны должностей двух делопроизводителей V класса и одной должности VII класса, с отпуском средств на содержание этих должностей также в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи.

Наконец, вместо 8 640 руб., испрашиваемых Министерством иностранных дел к отпуску на наем канцелярских чиновников для 4 политических отделов, представители Министерства финансов и Государственного контроля полагают ассигновать, в виде постоянного назначения, 2 160 руб. в год, по расчету на 3-х канцелярских чиновников и равную же сумму, в виде временного назначения, в связи с текущими военными обстоятельствами.

С приведенными сокращениями по Департаменту общих дел и Канцелярии министра, а также суммы на наем канцелярских чиновников, Министерство иностранных дел никоим образом не может согласиться, причем, независимо от соображений, приведенных выше в оправдание необходимости учреждения намеченных должностей, обязывается заявить, что исключение той или иной должности из числа вновь проектируе-

мых лишит ведомство возможности не только организовать разработку новых вопросов, но и продолжать удовлетворительно ведение имеющейся ныне работы.

В частности же, не располагая достаточным составом служащих по Департаменту общих дел, министерство будет лишено возможности разработать в ближайшем времени поставленные уже на очередь вопросы об изменении размера консульских сборов, скорейшее разрешение которых представляется необходимым в видах увеличения государственных доходов. Вопрос этот был уже намечен ведомством еще несколько лет тому назад, но исполнение этой работы задерживалось совершенной недостаточностью личного состава, переобремененного текущими делами. Увеличение же размера консульских сборов не только давало бы возможность покрыть полностью вызываемый настоящим предположением новый расход, но предоставило бы государственному казначейству еще весьма значительную сумму на общие государственные потребности.

Пенсионные права присвоены в действующем штате центральных установлений Министерства иностранных дел должностям V класса — III разряда I-й ст[епени], VI класса — III разряда 2-й ст[епени], VII класса — IV разряда, VIII класса — V разряда, IX класса — VI разряда и X класса — VII разряда. Эти же разряды по пенсии надлежит присвоить вводимым в штат новым должностям.

В указанном штате имеется, между прочим, особое назначение в 75 000 руб. на награды к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи. Кредит исчислен на то именно число служащих, которое определено в штат. Поэтому при увеличении их числа следует усилить и наградное назначение. Чиновникам V–VII класса ежегодно назначается в награды, в среднем, по 15% оклада получаемого содержания, младшим служащим — по 20%. На проектированное увеличение состава центральных установлений министерства наградный кредит следует усилить на 15 452 руб.

Вызываемый предположенной мерой расход в размере 109 012 руб. в год подлежал бы, с 1918 года, внесению в подлежащее подразделение сметы Министерства иностранных дел, а в 1917 году, сколько из сего расхода по соразмерности потребуется, отнесению на счет общих сбережений по государственной росписи 1917 года.

Предвидимые сбережения от назначений по временным расходным расписаниям министерства на текущий год полностью разассигнованы на другие неотложные мероприятия ведомства.

По приведенным основаниям министр иностранных дел полагал бы:

I. Действующий штат центральных установлений Министерства иностранных дел (Собр. узак. 1914 г., ст. 1737, и 1917 г., ст. 433) дополнить должностями: 1) по Департаменту общих дел: вице-директора, делопроизводителя V класса, делопроизводителя VI класса, делопроизводителя VII класса, делопроизводителя VIII класса и помощника заведывающего регистратурой; 2) по Экономическому департаменту: двух делопроизводителей VI класса, двух делопроизводителей VII класса, одного делопроизводителя VIII класса, одного секретаря VIII класса и заведывающего регистратурой; 3) по Правовому департаменту: двух делопроизводителей VI класса, двух делопроизводителей VII класса, одного делопроизводителя VIII класса и одного секретаря VIII класса; 4) по Первому политическому отделу и Канцелярии министра: старшего секретаря и помощника начальника Канцелярии, двух секретарей V класса, секретаря VII класса и кандидата для занятия штатных должностей, с присвоением перечисленным должностям, за исключением секретарей V класса Первого поли-

тического отдела и секретарей Правового и Экономического департаментов, тех же классов, прав на пенсию и окладов содержания, какие определены для одноименных должностей в означенном в сем (I) отделе штата, секретарям же Первого политического отдела и секретарям Правового и Экономического департаментов: первым — V класса, III разряда I-й ст[епени] по пенсии и оклада содержания каждому в размере 5 000 руб. в год и последним — VIII класса, V разряда по пенсии и оклада содержания в размере 1 600 руб. в год.

II. Усилить назначение означенного в предшедшем отделе (I) штата на содержание канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов: по Департаменту общих дел Министерства иностранных дел на 4 320 руб., по Экономическому департаменту — на 720 руб. и по Правовому департаменту — на 2 880 руб., ассигновав на ту же надобность по политическим отделам: Первому — 2 160 руб.; Второму — 2 160 руб.; Третьему — 2 160 руб. и Четвертому — 2 160 руб. и увеличить положенный в штате кредит на выдачу наград — на 15 452 руб. ежегодно.

III. Вызываемый мерами, означенными — в отделах I и II, расход, в размере ста девяти тысяч двенадцати руб. в год, вносить, с 1918 года, в подлежащее подразделение сметы Министерства иностранных дел, а в 1917 году, сколько из сего расхода по соразмерности потребуется отнести на счет общих сбережений по государственной росписи 1917 года.

IV. Учредить на время войны и впредь до ликвидации последствий ее должности: по Экономическому департаменту — одного делопроизводителя V класса и четырех делопроизводителей VIII класса и по Правовому департаменту одного делопроизводителя VII класса и одного делопроизводителя VIII класса, с присвоением этим должностям прав на пенсию и окладов содержания установленных для одноименных должностей.

V. Усилить на то же время кредиты на содержание канцелярских чиновников: по Экономическому департаменту на 1 440 руб. в год и по Правовому департаменту на 1 440 руб. в год.

VI. Усилить кредит на выдачу наград чинам поименованным в отделах IV и V сего положения на 3 331 руб. в год.

VII. Вызываемый мерами, означенными в отделах V, VI и VII расход в сумме 21 911 руб. ежегодно производить, в порядке ст. 18 Прав. Гос. Росписи, из общих средств государственного казначейства.

Об изложенном министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Временного правительства[3].

Министр иностранных дел (подп[исал]) М.И. Терещенко
Директор (скр[епил]) Лопухин
С подлинным верно: за делопроизводителя[4]

Ф. 159, оп. 731, д. 35, л. 10–20. Литограф. Копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 178.

[2] См. прим. 2 к док. № 70.

[3] Постановление Временного правительства о дополнении штата центральных установлений МИД было принято 3/16 октября 1917 г. — См.: Ф. 159, оп. 731, д. 225, л. 104–106.

[4] Подпись неразборчива.

249. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

№ 9855 *12 октября 1917 г.*

О замещении должностей старших и младших чиновников
в Шифровальном отделении при Первом политическом отделе
Министерства иностранных дел по вольному найму

Постановлением Временного правительства от 22 августа 1917 г.[1] Министерству иностранных дел предоставлено было образовать при Первом политическом отделе министерства шифровальное отделение в составе 12-ти старших чиновников VII класса, с содержанием в 2 400 руб. в год каждому и 20 младших чиновников VIII класса с содержанием в 1 800 руб. в год каждому.

Несмотря на предоставленное ведомству право назначать на упомянутые должности лиц, имеющих аттестаты об окончании средних учебных заведений, замещение этих должностей встретило все же некоторые затруднения в зависимости от недостатка подходящих лиц, ввиду военного времени, а также по соображению с особенными требованиями, которые должны быть предъявлены к таким лицам, вследствие исключительно секретного характера поручаемой им работы. Наиболее поэтому целесообразным оказалось привлечение к этому делу раненных офицеров, преимущественно III категорий 2-го разряда, т.е. числящихся еще на действительной военной службе, но предназначенных для нестроевых должностей в тылу в обстановке мирного времени. Лица эти, отвечая требованиям сохранения в должной тайне поручаемых им ответственных работ, являлись бы весьма подходящим контингентом для комплектования состава Шифровального отделения, и набор состава чинов для Шифровального отделения среди этих лиц оказался наиболее скорым и легким, при полученном от военного ведомства согласии на предоставление их для этой цели. Однако назначение таких офицеров на упомянутые должности и даже к исполнению обязанностей по таковым встречает некоторые, исключительно формальные, затруднения, вытекающие из того обстоятельства, что раненные офицеры продолжают оставаться на действительной военной службе, сохраняя присвоенное по этой службе содержание, и следовательно, не могут быть назначены на должности чиновников Шифровального отделения или к исполнению обязанностей по этим должностям.

Ввиду этого и принимая во внимание, что по штатам некоторых правительственных учреждений допущено замещение отдельных должностей по вольному найму и что применение такого же порядка по штату Шифровального отделения являлось бы вполне целесообразным, министр иностранных дел полагал бы дополнить штат названного отделения примечанием о том, что должности старших и младших чиновников по этому штату могут быть замещены по вольному найму.

Об изложенном министр иностранных дел имеет честь представить Временному правительству.

За министра иностранных дел товарищ министра: (подп.) А. Петряев
Директор: скр. Лопухин
Верно: За делопроизводителя[2]

Ф. 159, оп. 731, д. 218, л. 77–77 об. Заверенная копия. Рус. яз.

[1] См. док. № 194.
[2] Подпись неразборчива.

250. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИД ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

№ 10096 *17 октября 1917 г.*

Об изменении правил о поступлении на службу и определении к должностям по Министерству иностранных дел

Согласно действующему закону (Свод. зак., т. 1, ч. 2, учр[еждения] мин[истерств], прил. к ст. 786 по прод[олжению] 1914 г.[1], ст. 10–13 и Собр. узак. 1917 г. ст. 433)[2] для поступления на службу по Министерству иностранных дел требуется выдержание испытания по утвержденной министром иностранных дел программе. Означенное испытание производится в комиссии, образуемой из лиц по назначению министра и собирающейся в сроки, им определяемые. От этого испытания освобождаются лица, предназначаемые к определению на должности смотрителя зданий, архитектора, врача и фельдшера министерства, заведывающего и смотрителя литографии ведомства, заведывающих регистратурой департаментов и политических отделов и помощников заведывающего регистратурой отделов, а также, по указанию министра, делопроизводителей и кандидатов для занятия штатных должностей в бывшем Первом департаменте (ныне Департаменте общих дел), занимающихся счетной частью. Для занятия классных должностей в бывшем Втором департаменте (ныне департаментах Правовом и Экономическом), в Первом политическом отделе и Канцелярии министра, во Втором, Третьем и Четвертом политических отделах, а также в заграничных установлениях министерства требуется предварительное выдержание дипломатического экзамена. От означенного экзамена освобождаются лица, определяемые на должности заведывающих регистратурой в перечисленных центральных установлениях министерства, а также на должности помощников заведывающего регистратурой политических отделов. К дипломатическому экзамену допускаются по преимуществу лица, имеющие диплом об окончании курса в одном из высших учебных заведений в России и прослужившие не менее двух лет в ведомстве. Условия допущения к этому экзамену и программа его определяются правилами, утверждаемыми Советом министром (прежнего устройства). Дипломатический экзамен производится в особой комиссии, состоящей под председательством министра или его товарища, из начальников центральных установлений министерства и других лиц, по избранию министра.

В видах лучшего подбора служащих в ведомстве, Министерство иностранных дел установило несколько повышенные требования, против предъявлявшихся ранее, на вступительном при определении в министерство испытании.

В программу этого испытания ныне введены: 1) общие начала международного права, 2) государственное право русское и важнейших иностранных держав, 3) история с начала XIX века, 4) политическая экономия, 5) политическая география и 6) французский язык.

При такой повышенной программе и в видах беззамедлительного по возможности пополнения служащих в центр и за границей надлежащим образом подобранным личным составом представлялось бы возможным и желательным, в изменение действующего закона, допускать лиц, выдержавших вступительное испытание, на младшие должности в ведомстве, не требуя от них дипломатического экзамена, выдержание которого оставалось бы непременным условием определения лишь к старшим должностям. По вступительному экзамену полагалось бы назначать на должности до VII класса включительно.

Для предполагающего же некоторую длительность подготовки усовершенствования служащих в знаниях, необходимых на старших должностях, признавалось бы соответственным допускать желающих к дипломатическому экзамену не ранее, как по прошествии трех лет со дня поступления на службу в министерство, вместо двухлетнего стажа, требуемого ныне.

Программу и условия допущения к дипломатическому экзамену, подлежавшие утверждению бывшего Совета министров правильнее было бы предоставить утверждать министру иностранных дел.

Со своей стороны, Министерство иностранных дел полагало бы включить в программу дипломатического экзамена: 1) международное право, 2) историю русской внешней политики, 3) внешнюю торговую политику, 4) экономическую географию, 5) науку о финансах, 6) консульские правоведение и практику, 7) усовершенствованное знание французского языка и официальной переписки на этом языке и 8) английский или немецкий язык. Ко времени испытания лица, к нему приступающие, имели бы представлять основательную письменную работу, заключающую самостоятельное исследование по предметам ведения министерства.

Перечень должностей, определяемые к которым лица освобождаются от вступительного испытания, следует пополнить вновь учрежденными должностями помощников заведывающих регистратурой департаментов. Вместе с тем следует особо постановить, что от действия правил о принятии на службу и определении к должностям по Министерству иностранных дел изъемлются лица, определяемые к должностям товарищей министра и начальников дипломатических и центральных установлений ведомства.

По приведенным основаниям министр иностранных дел полагал бы:

Статьи 10–13 приложения к статье 786 Учреждения министерств по прод[олжению] 1914 г. (Свод. зак., т. 1, ч. 2) изложить следующим образом:

Статья 10. Для поступления на службу по Министерству иностранных дел и прохождения этой службы на классных должностях в центральных и заграничных установлениях названного министерства, за исключением должностей, указанных в следующей статье 11, требуется выдержание испытания по утвержденной министром иностранных дел программе. Означенное испытание производится в комиссии, образуемой из чинов министерства по назначению министра и лиц, им приглашаемых, и собирающейся в сроки, определяемые министром.

От этого испытания освобождаются лица, предназначаемые к определению на должности: 1) смотрителя зданий, архитектора, врача, фельдшера и заведывающего и смотрителя литографии министерства; 2) заведывающих регистратурой департаментов и политических отделов и их помощников и 3) по указанию министра делопроизводителей и кандидатов для занятия штатных должностей в Департаменте общих дел, занимающихся счетной частью.

Статья 11. Для занятия классных должностей выше VII класса в департаментах Правовом и Экономическом, в Первом политическом отделе и Канцелярии министра, во Втором, Третьем и Четвертом политических отделах, а также в заграничных установлениях министерства, требуется предварительное выдержание дипломатического экзамена. Условия допущения к этому экзамену и программа его определяются правилами, утверждаемыми министром. Экзамен производится в особой комиссии, состоящей под председательством министра или его товарища, из начальников центральных установлений министерства и других лиц, по приглашению министра.

Статья 12. К испытанию, означенному в статье 10 допускаются по преимуществу лица, имеющие дипломы об окончании курса в одном из высших учебных заведений в России. Для допущения к дипломатическому экзамену требуется, сверх сего, прослужение не менее трех лет в ведомстве.

Статья 13. От действия правил, означенных в статьях 10–12 изъемляются лица, определяемые к должностям товарищей министра иностранных дел и начальников дипломатических и центральных установлений ведомства.

О сем министр иностранных дел имеет честь представить на уважение Временного правительства.

Министр иностранных дел подп. М.И. Терещенко
Директор скр. Лопухин
Верно: за делопроизводителя[3]

Ф. 159, оп. 726, 1917 г., д. 37, л. 50–54. Заверенная копия.

[1] Учреждение МИД от 24 июня/7 июля 1914 г.
[2] См. док. № 178.
[3] Подпись неразборчива.

251. ИЗ ДНЕВНИКА Л.В. УРУСОВА*

1 января 1917 года

[...] Великий князь Николай Михайлович выслан в свое курское имение. Вчера я его видел на панихиде по гр. Бенкендорфу[1], а выехать он должен сегодня вечером. Вел[икие] князья Владимировичи также, уверяют, взяты под подозрение и накануне ареста. Уверяют, будто все вел[икие] князья написали государю, что не желают прибыть в Царское Село на baisemain [целование руки], чтоб не целовать руки Алек[сандры] Феод[оров-

* Биография Льва Владимировича Урусова известна нам лишь в общих чертах. Он родился в 1877 году. Семья Урусова принадлежала к древнему княжескому роду, оставившему след в истории Московского государства и Российской империи. Л.В. Урусов окончил Александровский лицей, служивший с пушкинских времен одной из «кузниц» дипломатических кадров старой России. В 1898 году поступил на службу в МИД. В 1910–1912 гг. занимал пост первого секретаря миссии в Болгарии, в 1913–1915 гг. — первого секретаря посольства в Японии. С декабря 1916 года Л.В. Урусов был вице-директором Второго департамента, с апреля по октябрь 1917 года — вице-директором Экономического департамента МИД.

Примечательно, что память об Урусове сохранилась в России благодаря не столько дипломатическим, сколько спортивным его достижениям. Князь был одним из выдающихся русских теннисистов своего времени и зачинателей Олимпийского движения в нашей стране. В 2008 году имя Урусова было включено в список Зала российской теннисной славы.

Урусов не успел достичь высших дипломатических постов, однако на финальном этапе существования дореволюционного МИД вписал одну из последних драматических страниц в его историю. В октябре 1917 года Урусов стал «душой» и организатором забастовки государственных служащих Петрограда, выступивших против захвата власти большевиками. Во время первого визита Л.Д. Троцкого в МИД Урусов был в числе наиболее непримиримых противников сотрудничества с новыми властями. Позже был арестован и обвинен в саботаже. Оказавшись на свободе, Урусов вел активную политическую деятельность в рамках Белого движения на юге России и в эмиграции, участвовал в переговорах с представителями стран Антанты. С середины 20-х годов, убедившись в окончательном провале Белого дела, Урусов отошел от политики, и о последних годах его жизни сведений не обнаружено. Известно лишь, что он умер во Франции в 1933 году.

ны]. Однако сегодня состоялся выход для одних лишь мужчин, на котором присутствовали и великие князья. [...] Уверяют, что все вел[икие] князья хотели семейным судом или советом отстранить Алек[сандру] Феод[оровну] от государственных дел — с другой стороны, говорят, будто вскоре сотни тысяч рабочих должны пойти по улицам — что правда во всех этих утверждениях, неизвестно — одно только несомненно — назревают события, и en queue de poisson [провалом] настоящее положение кончиться не может. Хуже только то, что, по-видимому, к судьбе, ожидающей Алек[сандру] Феод[оровну], пристегнута и судьба государя — он также политически осужден — регентом называют Николая Ник[олаевича] — нервы натянуты сверх сил — о том, что должно произойти, только и разговоров — про течение войны забыли и думать — а Царское Село, по всем видимостям, живет вне времени и пространства. Как все могло бы разрешиться благополучно, если бы они могли понять грозность надвигающихся событий — но это им не дано — мани-факел-фарес!

3 января

[...] Но вот что уже несколько дней я мог бы записать — существует обоснованное опасение, не будет ли заключен сепаратный мир. При старании расшифровать тайный смысл и цель всего того, что творится в высших сферах, все чаще и настойчивее приходится убеждаться, что у многих, которым многое дано знать, существует у кого тревога, у кого уверенность, что все то, что творится теперь в сферах власть имущих преследует одну определенную цель — довести дело до того, чтоб так или иначе дать возможность, дать законный повод заключить с Германией сепаратный мир. Главной руководительницей этого преступного движения является Алек[сандра] Феодор[овна] — и все люди, которые помогают ей в этой работе, подкуплены немецким золотом. Мне уже относительно давно говорили, что кто-то не хочет, чтоб русские войска наступали, хотя доподлинно известно, что в немецких окопах только гарнитура солдат — не хотят, чтоб у нас были военные успехи — и это делается с задней целью — а теперь тревога начинает разливаться по широким слоям общества, которое иначе не может себе объяснить всей правительственной свистопляски. В действительности положение создается весьма затруднительное для Думы — промолчать — это дать судьбы России в бесконтрольную власть этой шайки темных сил, которые не постесняются вызвать забастовки, рабочие беспорядки и т.п. для того, чтоб пользуясь ими же созданной force majeure [форс-мажор] прекратить войну — или, вернее, сделать попытку прекратить войну. Не промолчать, а наоборот — изобличить — это более, чем рисковать, а идти на закрытие Думы, что, очевидно, также темными силами учтено, как прекрасное средство для вызова народных волнений. Жизнь подскажет свой выход, но, заглядывая вперед, его не видишь. Англия и Франция сильно смущены нашим внутренним расстройством. Говорят даже, что в ход ими была пущена угроза Японией, которая в случае чего займет всю восточную Сибирь до Иркутска. К апокрифам отношу также, будто Бьюкенен открыто намекал в частной беседе с государем на императрицу, как на источник всех зол — но как-никак создавшееся положение чревато всяческими последствиями — и все увеличивается количество голосов, говорящих, что чем скорее прорвет нарыв, тем лучше и опасаться этого не стоит — все будет гораздо проще, нежели думают и гадают. И справедливо — если сказать себе, что преждевременный мир — это несравненная катастрофа России, то все средства хороши и пользительны, чтоб избежать этой катастрофы [...].

4 января

Происходит усиленная закулисная работа перед самым поднятием занавеса. В сфере правительственной, точнее в сфере министерстской, полная неразбериха. Вчера Покровский вернувшись из Царского объявил в м[инистерст]ве, что остается, а часов в 8, вернувшись с заседания Совета министров, — внезапно заболел, а сегодня в газетах уже сообщают, что он и некоторые другие министры получают продолжительный отпуск. И на том же заседании Совета министров присутствовал и Протопопов, который является question de cabinet [обсуждаемой фигурой], в частности, для того же Покровского. Очевидно, для Думского вернисажа объединенное пра[вительст]во еще не готово — предстоит еще последняя перекличка. [...] На войне ничего нового. Общий глас, что война кончится в текущем году — главным образом из-за растущих затруднений экономического и финансового, а не военного свойства — во всяком случае, англо-французы сделают все от них зависящее, чтоб как можно скорее окончить войну — иначе говоря, безусловная победа как будто признается недостижимым идеалом. Мы ведем войну по-любительски, не заглядывая далеко в будущее, что именно делают англичане и французы и, очевидно, они рассчитали, что продолжение войны далее известного срока является экономическим и финансовым nonsens'ом. [...]

9 января

Из событий только два достойны упоминания — вел[икий] кн[язь] Кирилл Влад[имирович] «записочкой» отослан на Мурман — это в pendant [паре с] Ник[олаем] Мих[айловичем]. — Затем объявлен манифест председателю Совета министров о войне до конца и достойном и благожелательном отношении прав[ительств]а к Думе[2]. Первое событие, не официально известное, не могло произвести, конечно, сколько-нибудь длительного впечатления — сами вел[икие] князья столь недавно были так непопулярны в общественных кругах, что их фронда не могла составить им ореола — к ним относятся сочувственно, но снисходительно и многого не ждут — на убийство Распутина их хватило — а затем они стали беспрекословно повиноваться записочкам — впрочем, у них другого исхода не было. — Второе событие — манифест принят без энтузиазма и с большой дозой недоверия — слова, слова и слова — на этой мякине все еще стараются провести политически стареющих воробьев — что подчас и удается, потому что инертность слишком уже подходит нашему характеру. На бирже очень крепко — она учла этот манифест и решила, что теперь наступает успокоение. В действительности наступил туман и большая неопределенность. В сущности метод осуществления назревшей в управлении перемены неясен, и это-то и заставляет переминаться с ноги на ногу и уверять все громче, что теперь задуманные перемены крайне несвоевременны. [...] Масса мелких разговоров — в бегах находится около 2 миллионов солдат — Георгиевских крестов и медалей роздано будто до 3½ милл[ионов]. — Английское прав[ительст]во решительно заявляет об увеличивающемся финансовом затруднении — мы посылаем войска на Румынский фронт (300 000 чел.) — на войне нет ярких событий. Чрез несколько дней в Петрограде состоится конференция союзников по военным и политическим вопросам[3] — приезжают Мильнер и Думерг.

23 января

Был на фронте — в имении — проезжал через Киев, Житомир, Кременец — впечатление весьма определенное — провинция, по крайней мере, эта провинция, живет отраженным светом и своего вовсе не дает — ну что у вас, как там — вот обычные вопросы — инициативы никакой — однако пропитались протестом против существующего режима в достаточной мере, и в нужный момент на местах оппозиция будет всемерно и всеми поддержана. В армии также вполне созрела критика на существующее положение вещей, и Царское Село напрасно рассчитывает найти в войсках какую бы то ни было точку опоры. Однако и в этом тылу и на фронте протест пока совершенно пассивный, и мне не удалось уловить каких-либо признаков, что протест может перейти в активное движение — война властно предопределяет течение событий, хотя сама по себе война совершенно превратилась в будничную работу — к войне относятся как к ремеслу — этому способствуют то сознание, что чисто военные успехи явно недостижимы — и если говорить с военными специалистами, то по их суждению, война должна продлиться минимум еще 1½ — 2 года — только тогда можно ожидать военных успехов — неисполнимость военных задач погашает возможный порыв, который и бывал раньше, но не венчался никогда действительным успехом — как ни блестящ был порыв армии Брусилова, но даже Ковеля не смогли взять, не то что Львов — очень критически относятся к высшему командному составу. — Еще поразила меня в пути — пошлость — разговоры, люди, интересы — все это до такой степени ничтожно и пошло, что выразить нельзя — исключения тонут в этой массе низов, добравшихся до офицерского положения — прапорщик, восхвалявший политуру и лак, никогда не изгладится из моей памяти. В общем, впечатление ужасно серое, скучное и тихое. Поэзия войны выродилась в ремесло войны — и яснее становится сознание ужаса пролития человеческой крови как повинность, как долг бездушному Молоху — как прямое следствие такого положения вещей, возвращение к нормальной жизни не может произойти незаметно — неизбежен протест всех против власти за то, что создалось нынешнее положение вещей — власть явится искупительной жертвой за то, что люди устроили свою жизнь и взаимоотношения так, что уродства войны могли проявиться и властвовать над миром — революция неизбежна по этой причине, как бы ни кончилась война — последние несомненно захотят сделаться первыми, думая, что они иначе наладят жизненный уклад мира, все это совершенно логично — от логики никуда не уйти, и нет средств предотвратить неизбежное. О революции говорят, но не очень беспокоятся. Америка прервала дипломатические сношения с Германией — причина этого — объявление Германией всему миру и официально беспощадной подводной войны — не сомневаюсь, что через несколько дней Америка объявит войну Германии[4]. Событие это несравненной важности — очевидно, что положение Германии отчаянное, и что война кончится весьма скоро — 3–4 месяца, и полным разгромом Германии, которой грозит пищевой кризис и как прямое его следствие — внутренний развал. Полная победа теперь несомненна. Как меняются обстоятельства!

1 февраля

Любит — не любит — гадает Европа — будет ли война между Америкой и Германией или нет — под этим знаком прошли последние десять дней января. Только совсем-совсем недавно из Парижа пришло известие, как будто есть надежда, что дело до войны не дойдет — а то до сих пор и в печати, и в разговорах выражалось совершенно опреде-

ленное мнение, что войны никак не избежать — и по логике нужно считать, что мнение это единственно правильное. Президент Вильсон делает все, чтоб до конца оставаться строго нейтральным — он даже позволил германцам привести в негодность пароходы, интернированные в американских гаванях, ибо эти пароходы германская собственность, с которой немцы вольны поступать как им вздумается. Однако обращение Вильсона к нейтральным державам[5] с просьбой присоединиться к протесту Америки против объявления Германией беспощадной подводной войны не встретило единообразного одобрения запрошенных держав — да и не могло, конечно, встретить — Дания, Голландия и Швейцария отказались присоединиться к такому выступлению, причем первая откровенно мотивировала свой отказ тем, что положение Америки и Дании совершенно не одинаковое. Испания огрызнулась сильно на немцев, и не исключена возможность, что она официально станет на сторону союзников — также поступили южно-американские державы и даже Китай — мудрый Китай, который этим ходом спасается от Японии и отчасти от нас. Швеция и Норвегия построили ноту протеста, но пока это жест без содержания — все в этом мире держав, еще не вовлеченных в войну, зависит от attitude [позиции] С. А. С. Штатов, которые два дня тому назад выпустили из Нью-Йорка два парохода под американским флагом на Бордо — и теперь все ждут — потопят ли их немецкие подлодки, или они придут благополучно — от этого несомненно зависит война или мир. Рассуждая о мотивах, побудивших Германию объявить беспощадную войну, приходится сказать, что немцы едва ли могли всерьез предполагать, что подводная война принесет реальные выгоды и что-либо изменит в общей конъюнктуре — они, очевидно, пошли на этот шаг с хладнокровного отчаяния, учитывая возможные осложнения — разрыв и война с Америкой ими конечно были приняты в расчет, и поэтому, по-моему, нет никаких данных предполагать, что они откажутся от принятого решения — капитулировать перед Америкой они не могут главным образом потому, что объявленная urbi et orbi [к сведению всех] подводная война должна была поднять настроение голодающего населения Германии, а отказ от такой войны будет иметь крайне невыгодные для берлинского прав[ительства] последствия. Второй мотив принятого Германией решения — это возбудить против себя весь мир, что облегчит в дальнейшем сдачу на милость победителей — и третий — это то, что la participation [участие] Америки как полноправного члена на будущем мирном конгрессе может быть только выгодно Германии, так как Америка еще не пропиталась ненавистью по отношению к Германии, как союзники, и будет более снисходительна — на ней Германии можно будет отыгрываться.

2 февраля

При всем том Германия как-будто делает попытки не доводить дело до окончательного разрыва с Америкой. Швейцарский посланник в Вашингтоне сделал — если это не апокриф — от имени Германии заявление о желательности возобновить сношения с Америкой — попытка эта не увенчалась успехом — Австрия продолжает переговоры с Америкой — что также может учитываться как шанс для сохранения мира — но все это мне представляется покушениями с негодными средствами — вольно или невольно германские подлодки потопят какое-либо американское судно, и Америка объявит войну. Возвращаясь к вопросу о нейтральных европейских державах, в эти дни с новой силой на меня нахлынули старые мысли о том, что мелкие державы себя пережили и являются в нынешний век политическим nonsens'ом. Что может быть грустнее и нелепее

признания Дании, что она не смеет высказать своего суждения о германской подводной войне! Мелкие державы могут быть полезными в некоторых видах держав великих, но в сущности все эти европейские Кореи должны были быть приведены к одному великодержавному знаменателю — Россия тогда не споткнулась бы о Сербию — Германия — о Бельгию — все-таки было бы меньше поводов к раздорам — а польза в военное время не такая уже большая, а в мирное по теперешним масштабам никакой и не может быть. Между прочим теперь в связи с объявлением Германией беспощадной подводной войны начали говорить о том, что в дальнейшем предпримет Германия — и мнения сходятся, что она более чем вероятно проглотит Данию и Голландию. О Швейцарии в этом отношении говорили много некоторое время тому назад в связи с сосредоточением у швейцарской границы германских дивизий — однако Швейцария будет защищаема французскими и итальянскими войсками, и какой-либо выгоды нарушения нейтралитета гористой Швейцарии усмотреть трудно — вероятнее всего — это слух, пущенный самими немцами — но этот слух заставил встрепенуться голландцев и датчан, особенно первых, принимающих спешные меры по укреплению своей границы. Предположение о вероятности нападения Германии на эти страны происходит из того все более и более распространяющего расчета, что у Германии до нового урожая не хватит продуктов для пропитания населения, и что она принуждена будет прибегнуть к этому совершенно отчаянному шагу, который даст ей возможность выдержать еще некоторое время борьбу — по всей вероятности, делая эти отчаянные попытки избежать надвигающейся судьбы, Германия надеется на то, что в лагере ее врагов наступят какие-либо события: как-то раздоры, финансовые затруднения и т.д., которые их заставят согласиться на менее ужасное для Германии окончание войны. Dans cet ordre d'idées [В этом круге понятий] у Германии имеется еще один бесчеловечный козырь — это наши военнопленные — судьбу или, вернее, жизнь которых она поставит на карту — если Германия должна умереть от голода из-за английской блокады, то в первую голову умрут военнопленные — система эта называется — погибать, так с треском, и если до этого времени власть будет находиться в руках нынешнего берлинского прав[ительства], то на этот шаг они должны будут логически решиться. Из разных источников доносят, что пищевой кризис в Германии должен наступить в марте-мае, и чтоб его избежать и дожить до нового урожая Германия и выискивает способы — слышно даже о том, что вопрос идет, скормит ли 9 милл[ионов] тонн картофеля, оставленного для посева — это пахнет настоящей катастрофой — слышно также, что вскоре предвидится наступление со стороны германцев на французов — подобные слухи цену имеют лишь ту, что подтверждают невозможность для немцев остаться в состоянии пассивной обороны — они должны наступать и в сущности должны были бы заранее знать, что не могут достигнуть каких-либо результатов наступить на какую-либо жизненную артерию союзников.

Вернулся из плена Янчевецкий — сам по себе он совершенно дюжинный человек — говорит, что в Австрии сильное движение в сторону России, что австрийцы надеются, что Россия из-за австрийских славян не уничтожит Австрии — легкомысленный народ! Но им надо чем-либо жить — вот они и мечтают наяву. По словам Янч[евецкого], в Берлине настроение несравненно хуже, нежели в Вене — у немцев нет мечты, на которой они могли бы отыграться — ходят они по грязному городу сумрачные, едят и пьют суррогаты и также совсем предупредительны к русским и затаили теперь уже молчаливую ненависть к Англии. — К Греции интерес отгорел — ни греки ничего путного не сделали, ни мы, союзники, не можем похвалиться хорошо разыгранной игрой — мы пропудиляли

Грецию по примеру прочих балканских держав — но в этой игре к счастью проиграли-то одни греки. В Болгарии наблюдается движение соков. Пресловутый Ризов из Берлина прикатил в Христианию и явился нежданно-негаданно к слегка растерявшемуся Гулькевичу. Речь Ризова интересна лишь как симптом — он конечно уверял в своем русофильстве — склонял Россию примириться с Германией и заодно с Болгарией и в конце даже пригрозил, что если его совет не будет принят, то Россия должна пенять на себя, так как весной у Германии будут такие собраны силы, что она добьется окончательной победы. Все свидетельствует, что плохи очень дела Германии и ее сателлитов — посмотрим, когда болгары возьмутся за ум и изменят немцам — но им все равно не выслужиться перед Россией. — Работает в Петрограде военно-политическая конференция союзников[3] — устанавливает общность фронта и разрешает финансово-дипломатические вопросы — работает через пень-колоду — наши представители Покровский и Гурко совсем слабы — первый безвольный и неопытный в политике человек — второй самоуверенный болтун, так что впечатление от них в достаточной мере неблагоприятное. — Веет каким-то беспросветным любительством — но дело в том, что англо-французы приехали сюда главным образом не для обнимания необъятного, а для того, чтоб иметь наблюдение за нашими внутренними делами, что они очевидно и выполняют. Забавно то, что мы хотели их спровадить возможно скорее обратно — примерно через неделю после их приезда хотели подать им поезд — а они желали совершенно другого — остаться здесь возможно дольше, что и исполняют. Достигают они своей цели самыми простыми способами, напр[имер] Мильнер во время серьезного заседания смотрит на часы и заявляет, что должен ехать на раут в Гор[одскую] думу — и едет — а заседание откладывается — пожелали они ехать на фронт и выбрали фронт Кавказский — словом, поступают по-настоящему, и все идет, как они хотят, тем более, что теперь перерыв сообщения с Англией, и у них благовидный предлог застрять в России. — Англичане вовсе не испуганы усилением подводной войны — вообще настроение в связи с разрывом дипломатических сношений между Германией и Америкой у союзников заметно поднялось, и все более чем когда-либо верят, что победа полная неминуема. Между прочим решено на конференции постараться довести войну до конца в текущем 1917 году.

4 февраля

[...] Мы все знаем, что министры, которые наряду с недостатками и достоинствами имели чувство собственного достоинства, любовь к России и мало гнущийся хребет, вылетали скоро и без остатка — чтоб удержаться Протопопову, очевидно, нужно было доказать наличие таких достоинств, которые признаются Царским Селом, но не признаются ни Думой, ни обществом, ни Россией. Не приходится предполагать, что он ведет такую тонкую линию, что он под видом угодничества водит за нос Царское Село — он просто ведет свою линию, мелкую, эгоистичную и тем самым fait le jeu [делает игру] Ц[арского] Села, которое держит его как своего человека и главным образом в пику ненавистной и презираемой Думе. Линия поведения Ц[арского] Села вполне понятна — это борьба за власть — яркое нежелание уступить хоть одну пядь занимаемых позиций — логика в этом поведении имеется — несомненно, что за первой уступкой последует дальнейшая и от полноценной власти в руках останется только фикция власти — превратные понятия рисуют настроение в тылу и на фронте как верноподданное — кто возвышает голос — крамольная Москва и вечно недовольный Петроград — и в этих двух центрах

кричат и негодуют только единицы, только кучки людей — капитулировать перед ними? — совершенно немыслимо, преступно — и самодержавие продолжает властвовать, считаясь только с им же самим выдуманной обстановкой, которая вовсе не напоминает действительность — и эта политическая чушь может действовать только потому, что теперь война, и неясно сознанное чувство опасности дисциплинирует всех за исключением Ц[арского] Села. На этом фоне фигура Пр[отопопова], ничтожная сама по себе, гротеск при других обстоятельствах, приобретает уголовно-трагичный характер — бывают люди, Сазонов тому пример, которых обстоятельства возносят на гребень волны не по реальным заслугам, а стихийно, случайно и, озаренные лучами событий, ничто и никто, даже их собственные ошибки не отнимут от них ореола славы — на гребень черной мутной волны вознесен Пр[отопопов] — и, не считаясь ни с чем другим, а только с этим фактом, история заклеймит, наряду с Маклаковым и Сухомлиновым и Протопопова как наймита антирусского Царского Села.

7 февраля

[...] Покровский — премилый и преприятный человек — но мягкотелый и лишенный воли — к тому же трудно учиться внешней политике в пятьдесят лет — формы обнять не трудно — постичь сущность — дело другое — дипломатом может быть даровитый, талантливый человек — работа во внешней политике должна быть искусство — ремесло дипломатии никуда не годится — теряется смысл самой дипломатии, как теряется соль переводных анекдотов — Покровский — хороший, вероятно, исполнитель — но как руководитель в совершенно чуждой ему области — он подходит, не отличаясь, к общему уровню настоящего дилетантского кабинета. [...]

10 февраля

[...] Начались совещания по польским делам. Умело ведет свою линию Покровский — Сазонов страстно и неумело делает наскоки, и брызжет ядовитой слюной и ненавистью Щегловитов. Родзянко говорит с неоспоримым авторитетом — Протопопов блудливо отсутствует, боясь встречи с Родзянко. К решению еще не подошли, но, вероятно, примут решение, совершенно правильное и совпадающее с постановлением Общ[ества] слав[янской] взаимности — не дать Польше полной самостоятельности, а сохранить связь между ней и Россией.

12 февраля

Узнал, что обращение Хабалова к рабочим отражает действительное положение вещей. Рабочие в начале января обратились к президиуму Думы с предложением потребовать предоставления им политических прав, причем собравшиеся у Таврического дворца в количестве нескольких десятков тысяч человек рабочие должны были в момент предъявления этого требования произвести внушительную демонстрацию и тем форсировать руку прав[ительст]ва. Проект этот не был принят, так как он был признан ведущим к кровавому столкновению на улицах, если не с войсками, за «благонадежность» коих ручались столковавшиеся с ними рабочие, то, во всяком случае, с чинами полиции — а подобное осложнение было признано во всяком случае нежелательным.

Очевидно, пропаганда этой идеи деятельно продолжалась, следствием чего и явилось обращение Хабалова. Причиной же такого выступления рабочих явилось то их сознание, что, по их мнению, наверху власти ведется, как мне сказал Кулябко-Корецкий, итальянская забастовка — иначе говоря, дело ведется с таким умыслом, чтоб работа рабочих являлась бессмысленной — их заставляют делать снаряды, которые, по их компетентному знанию, не могут быть пущены в дело — на некоторых заводах нет материалов — на других, где есть над чем работать, нет достаточного количества рабочих, — один рабочий работает на двух станках, и последние из-за неизбежного недосмотра все время портятся. Такое положение дел и заставило рабочих, желающих работать производительно, и желать получить права, не только работать, но и работать с пользой для достижения великой победы. Затем, под влиянием этих понижающих настроение факторов, проявилось и проявляется все с большей силой среди рабочих течение в пользу прекращения войны и скорейшего заключения мира — интеллигентные классы, имеющие доступ в среду рабочих, усердно борются с таким течением, и одновременно с хабаловским воззванием в печати появилось письмо Милюкова, обращенное к рабочим классам, с советами умеренности и воздержания, необходимыми для достижения столь необходимой для России победы. [...] Правительство в лице Протопопова и его шайки и Алек[сандры] Феод[оровны] работает, не складывая рук, и ведет свою линию, которая несомненно совершенно расходится с интересами России — идет провокация рабочих, дезорганизация тыла, подрыв живых сил страны — все чаще приходится слышать, что работа нынешнего прав[ительст]ва — это измена России, что это продуманная система, имеющая конечной целью ничью с Германией — и нужно только изумляться, как люди, имеющие возможность действовать, потому что они находятся во главе организации, не претворяют этой возможности в патриотический долг и не сменят этого в сущности невыносимого режима. Режим — вот что должно быть изменено. [...]

23 февраля

Забастовки на заводах — какие-то беспорядки на улицах — причина всего этого мне неизвестна, и судя по общему впечатлению (я был на Литейной и Невском, и в 4 часа, и в 7) серьезного значения это волнение иметь не будет. По Невскому проехали казаки и прошли моряки, и на Полицейском мосту стоял солдат с ружьем — публика же спокойна, и большая ее часть покорно стоит в хвостах у пустых булочных. Дезорганизация питания населения все ухудшается — в кондитерских вместо тортов и пирожных продают черный хлеб. Запоздалые меры принимаются — кто-то что-то подвозит к столицам, но результата месячного перерыва пассажирского движения что-то не видать. Говорят, что рабочие беспорядки вызваны именно отсутствием в продаже хлеба, который выдается по фунту на человека. В сущности «страдать» в вопросе ежедневного питания приходится, но, по правде говоря, весьма относительно — в ресторанах можно питаться великолепно, и дома также все имеется, хотя и по ежедневно возрастающей цене. Большое утешение можно найти в сознании, что в Германии дело в этом отношении обстоит совсем плохо, судя по всем сведениям. [...] Во всем, что ныне происходит, есть форма жизни, но нет самой жизни — как в частной жизни есть такие огрызки времени, которые нужно прожить, а ничего путного не успеешь сделать, так и в политической жизни страны наступил такой период, когда не стоит начинать какое-либо дело, потому что надвигаются грозные события. Не буду гадать в военном отношении — предполагают, что немцы

должны предупредить согласованное наступление союзников — и склонны думать, что наступление немцы произведут на наш фронт. Но вообще о военных планах совсем ничего не слышно — и только все понимают, что готовятся грандиознейшие и важнейшие события на фронтах. О подводной войне говорят мало. Разъехавшаяся конференция в сущности ничего путного не сделала — даже Саррайля не могла сместить.

24 февраля

Рабочие беспорядки продолжаются. С утра было заметно на улицах усиленное движение при ярком преобладании рабочих и женщин типа фабричного. Днем кое-где разыгрались беспорядки, выражавшиеся в том, что толпа пела Марсельезу и кричала ура казакам, когда последние оттесняли с мостовой на панель. Только незначительная часть рабочих проникла в нейтральную часть города — остальных не пустили из заречных частей, и там-то имели место применения более крутые меры власти — были пущены в ход нагайки, и говорят, даже стреляли... солдаты в казаков. Нужно сказать, что демонстрация не была ни внушительной, ни злостной — в воздухе была разлита масса добродушия и все казалось грандиозной шалостью — не было ни пьяных, ни столкновений с войсками, по сторонам теснилась масса любопытных, и добродушное общение войск с народом не прекращалось. Я попал на Невский в седьмом часу вечера — и прошел до дома без задержки — по панелям шла обычная «невская» толпа, и народа было больше — еще больше было любопытства. Я заметил, что Трейман был закрыт — движения извозчиков было мало, но были также кол[яски] и автомобили. Трамваи ходили, и публика усиленно ждала их — но сряду их прошло несколько, куда публику не пускали. Гостиный двор торговал по-прежнему — и на углу Конюшенной или Михайловской продавались значки «На Пасху солдатам». — На углу Садовой двигалась к Николаевскому вокзалу большая толпа, которая весьма жидко и молодыми голосами пела Марсельезу — на нее смотрели как на представление. Когда навстречу попались казаки — взвод — то толпа поприжалась, закричала «ура», и казаки проехали мирно мимо — недалеко оказался и взвод жандармов — офицер пустился усмирять — он въехал в толпу, которая моментально раздалась и освободила широкий проход, но тут же и были слышны ругательства, и показывались кулаки. Бастуют все заводы — а одновременно знаю, что Треугольник работает полностью. Причина забастовки и беспорядков — отсутствие муки и хлеба — одновременно из реакционных правительственных кругов слышал, что забастовка на политической почве, и что одна надежда на 2 000 казаков — если они не оправдают надежд прав[ительств] а, то дело табак. Однако судя по началу дело не принимает вовсе трагического оборота — в толпе нет лозунгов — пока еще не видна организация и нет еще сознательной цели — общее мнение людей, побывавших сегодня на улице, что это мирная демонстрация на почве отсутствия хлеба. [...] Хуже всего то, что бастуют заводы — но, по правде сказать, день-два забастовки большого вреда делу не причинят, а предвидеть длительную забастовку с остановкой ж[елезных] дорог и электрического освещения, как смаковали сегодня некоторые — пока, судя по опыту сегодняшнего дня, не приходится — потому что если и завтра будут беспорядки, легче легкого совсем разнервничаться и начать дело делать по-серьезному. Этого, по-моему, не должно быть — этого еще власть народную имущие не хотят, потому что это — идти против дела войны и за немцев. [...] Быть грозе — и это всем малым бытиям понятно. Но вопрос когда — до окончания войны или во время. Мне думается, что додержимся до победы — а потом все полетит кувырком. [...]

27 февраля

Допрыгались. На улице идет сражение между частями войск. Вчера прошло в общем благополучно. С утра были приняты меры охраны Невского проспекта, по которому я спокойно дошел до м[инистерст]ва; но затем доступ к этой артерии был прекращен, на всех улицах-притоках устроены были военные заставы, и Невский с большими трудностями можно было пересечь, но идти вдоль Невского было почти невозможно — я говорю почти, потому что сам прошел от Надеждинской до Литейного — но он в сущности был пустынен. Днем около Михайловской площади были беспорядки — но вечером все было спокойно, хотя и безжизненно — город притаился — и вечером же я узнал, что какой-то батальон Павловского полка взбунтовался и отказался стрелять в толпу — относительно него были приняты какие-то меры, но комментировался главным образом факт. Сегодня с утра картина резко переменилась — о рабочих беспорядках и думать перестали, а разговор шел только о том, что на Кирочной идет бой между войсками — часть их перешла на сторону рабочих, другая их усмиряет. Узнать доподлинно, как протекали события, невозможно — достоверно только то, что центр тяжести положения перешел на междоусобицу войсковых частей — войска палили друг в друга — войска палили и в рабочих и в публику — в войска палили запрятавшиеся на чердаке жандармы — несомненно, что часть войск перешла на сторону рабочих — офицеры были или перебиты, или у них отнято оружие — другая часть войск долго стояла у Зимнего дворца — туда же пришли еще какие-то части — не надо забывать, что дело идет все время о гвардии — которые были введены во двор Зимнего дворца, а затем оттуда ушли — и наше общее мнение, что полагаться на эти части прав[ительств]у не следовало бы. Перестрелка шла и по Морской — возвращаться пришлось уже темным вечером — народ стоял у ворот — прислушивался ко всему, что происходило — но волнение утихало — изредка и издалека доносились крики ура — но идти было безопасно — на Симеоновском мосту шпалерами стояли «мятежные» войска и поэтому публика, а такой было немного, проходила свободно.

Теперь, часов в 12 ночи — изредка слышны выстрелы — это, как я лично убедился, выскочивши на подъезд, балуются отдельные солдаты, кем-то и почему-то поставленные на импровизированные посты, напр[имер], у ворот нашего дома — иногда принесутся откуда-то жидкие крики ура. К этому сводятся мои личные впечатления. А вот факты общего свойства. Дума и Совет распущены до 18 апреля — однако собравшийся сегодня утром Сеньор-Конвент единогласно постановил, что Дума не распускается. Днем в Думу пришли шесть гвардейских полков — Преображенский в том числе, и, вероятно, представители полков, и, установив контакт с Думой, просили Родзянко рассчитывать на них. Родзянко совместно с этими шестью командирами послал в Ставку телеграмму, в которой говорилось, что нужны решительные меры, чтоб спасти положение и что для этого необходимо выбрать прав[ительств]о, пользующееся доверием страны. В Думу же пришли и представители рабочих, и после некоторых разногласий совместно был выработан список членов временного прав[ительств]а. С этим списком и уполномоченный Думой Родзянко поехал в Мариинский дворец, где застал Совет министров. Туда же приехал вел[икий] князь Михаил Алек[сандрович] и, по всей вероятности, теперь еще идут разговоры — или переговоры — и принимаются решения. Покровский телефонировал, что он вернется только завтра утром. Голицын подал в отставку — на его место прочат из Ставки Алексеева — последние дошедшие

до меня сведения говорят, будто временное прав[ительств]о составлено и что Алексеев объявляется диктатором — к слову сказать, без диктаторства дело не обойдется. Но днем говорили, что и в Царском Селе думают о диктатуре и имеются трое кандидатов, собравшиеся около Алек[сандры] Феод[оровны] — Штюрмер, Маклаков и Протопопов. — Дом последнего сегодня был разграблен — его искали, чтоб убить, но он предусмотрительно был в Ц[арском] Селе. Государь ожидался из Ставки и, вероятно, уже приехал. Был подожжен Окружной суд и, как мне сообщили, догорает — той же участи подвергся Литейный арсенал, причем был убит в нем какой-то генерал — и изо всех тюрем были выпущены арестанты всех категорий, среди коих можно отметить Мануйлова, пришедшего в какую-то редакцию заявить о своем существовании, и двух немецких офицеров, запрятанных в Кресты за попытку к бегству, и ныне прибежавших в шведскую миссию. В Москве пока все спокойно — позднейшее известие говорит, что в Туле и Екатеринославле стали все заводы — можно предположить, что это отразилось и в Москве. — Как-то неопределенно говорят об угрожающей завтра общей забастовке — и электричества, и водопровода, и ж[елезных] дорог. Днем «мятежники», среди которых было много штатских, студентов и барышень, забрали все автомобили и средства передвижения и, разъезжая по городу, раздавали населению оружие и патроны. Пока кроме упомянутых пожаров, о грабежах ничего не слышно — наоборот — мне сообщили, что кто-то восстановляет порядок — полиция исчезла бесследно — прохожих опрашивают — разъезжают по городу автомобили. И еще говорят, что положение склоняется как будто в пользу прав[ительств]а, потому что из Пскова идут подкрепления.

Все время слышны выстрелы, хотя уже перевалило за полночь. Случилось то, что боялись все и что многие в тайне желали — возврата к прошлому нет — le vin est tiré — il faut le boire [вино разлито — его надо выпить] — но чтоб это было вино, а не яд — нужно его выпить быстро — в этом единственное спасение — нельзя черни и солдатам дать почувствовать хоть сколько-нибудь долго, что они являются хозяевами положения. Завтра же должна появиться в городе твердая власть (а того не будет), которую должны почувствовать те, благодаря которым началось движение. Спасение еще заключалось бы в том, если бы на сторону нового режима переходили войска с офицерами, т.е. чтоб на стороне Думы был бы не воинский сброд, а воинские части — пока этого нет — в городе распоряжаются солдаты и завтра может быть анархия, потому что население и, главным образом его подонки, вооружены. Общее настроение моих знакомых — отнюдь не подавленное — несколько встревоженное, потому что нет уверенности в завтрашнем дне — всех разбирает любопытство и в сущности все усматривают, что в совершающихся событиях может быть хорошая сторона — все может образоваться великолепно — но для этого нужно действовать решительно. В связи с этим часто ставится вопрос — ну а вдруг государь не согласится. В защиту его не поднимался ни один голос — и все, конечно, понимают, что если с ним будут еще цацкаться, то погибнет не только он, но и все мы — и мне представляется, что судьба его решена — он лишен реальной опоры — сопротивление может погубить его окончательно, и самое благоразумное, что он может сделать, он согласится на то, что ему предлагают. Нужно помнить и о 89 г. и о 1 марте[6], которое на носу. Но должен сказать, что соображения о гос[ударе] ненадолго служили темой разговора — все надеются на Думу — она должна спасти положение — таково настроение сегодняшнего дня. — Багдад взят англичанами.

28 февраля утром

Ночь прошла спокойно — то тут, то там раздавались одиночные выстрелы, но то хулиганили солдаты. Всю ночь разъезжали по городу автомобили, да и сейчас слышны их гудки — они наполнены доверху солдатами с ружьями, развивается по ветру красное знамя, и если на них есть вольный, то обязательно раздается ура и он машет шапкой. Лакей пришел и говорит, что слышал от солдат, что теперь уже все войска перешли на сторону народа и что только кое-где на чердаках спряталась полиция и жандармы и стреляют оттуда в публику из пулеметов. Необходимо отметить, что ни одного возгласа — долой войну — никто из моих людей, постоянно бывающих на улице, не слыхал. Так что немцу радоваться еще рано. [...]

Вечером

[...] Зреет необходимость власти и можно думать, что ей подчинятся охотно — сегодня охотились за полицией, завтра это занятие надоест, да и окажется бесплодным — если не будет власти, придется искать цели — и этим путем легко дойти до мелких, а затем и крупных эксцессов, что до сих пор было так счастливо избегнуто. Нужно надеяться, что завтра уже будет временное прав[ительств]о, которое возьмет в свои руки восстановление порядка. Какие-то признаки хорошие намечаются — два раза слыхал сегодня, что завтра рабочие станут к станкам — телефон посредине дня заработал — электричество горит — и теперь не слышно выстрелов. Как мало понимал положение государь — он вчера или в воскресенье телеграфировал Хабалову — восстановите положение какими угодно средствами. — В народе про войну говорят — пошлем на фронт полицию и жандармов — про государя также слышно, что его трогать не хотят. [...] Как хорошо было бы заполучить в Петроград боевого генерала вроде Рузского, а еще лучше Брусилова — он в миг бы навел порядок — вообще настроение в воздухе оптимистическое — уж больно чинно все происходит.

1 марта

[...] Говорят, что составлен Кабинет, во главе коего кн. Львов — м[инист]р вн[утренних] д[ел] — Гучков, юстиции — Маклаков и и[ностранных] д[ел] — Милюков — остальных не знаю. — Поезд с государем, поехавшим в Москву, оказался остановленным на ст[анции] Бологое — и теперь будто государь возвращается в Ставку — другой слух говорит, будто к нему выехали два члена Думы с целью убедить его отречься от престола в пользу сына, причем до конца войны регентом будет Михаил Александрович. Иные утверждают, что Мих[аил] Ал[ександрович] выехал сам в Ставку. Из разных источников сообщают, что по вызову Ал[ександры] Феод[оровны] Родзянко поехал в Царское Село. — Старый режим умер, и ничто уже не может его оживить — нет таких лозунгов, которые он мог бы выставить в надежде на кратковременную хотя бы веру, нет таких дрожжей, которые могли бы поднять хоть на мгновение народную массу или армию. Конец Николая II такой же бесславный, как все его царствование — он очутился один, и вся Россия без гнева, без мести отстранила его от себя и от своего будущего как ненужную вещь. Он уже весь в прошлом — и если к нему едут и вступают с ним в какие-то переговоры, то только потому, что он может еще облегчить перелистнуть эту историческую страницу — но если он откажет в своей помощи, то обойдутся без него. Вообще,

то и как все свершается — кажется сказкой — во время гигантской войны совершить так мирно и так единодушно — быстро такой переворот — покажется в будущем каким-то недосягаемым идеалом, вдруг воплотившимся на земле — и земля эта Россия — страна неограниченных возможностей даже в этой области, в которой она казалось бы могла учиться, а не учить других. Правда — не говори гоп, пока не перескочишь — но то, что казалось мне сегодня утром, — а именно, возможная эра грабежей и насилий — теперь ночью, мне верится, является только неосновательным страхом. Не стоит заглядывать в далекое будущее — там мы не избежим всех шероховатостей и трудностей широкой и свободной политической жизни — но если взять только данный момент, то операция проведена исключительно блестяще — мы кончили вторую неделю поста при полном господстве старого режима — я уверен, что на 4-ой неделе вся Россия будет уже обычным образом работать при обновленном строе. Вся Россия объединена и оптимизм растет.

2 марта утром

Совсем тихо — по площади только что прошли похороны — говорят, банки будут открыты — выстрелов не слышно — солдат мало, и кажется, что люди спешат по своим делам. — Можно отметить, что мотив войны до сих пор во всех этих переживаниях наружно не высказывался — ответ офицеров из собрания Армии и Флота упоминает о войне, да помнится, что Родзянко в каком-то воззвании коснулся войны — но одновременно можно проанализировать, что война явилась тем сдерживающим стимулом, вследствие которого переворот совершился с такой чистотой и феерической быстротой. [...]

Днем

Центральный человек в Думе — А. Гучков. Проявляется уже с достаточной резкостью конфликт между Думой и Советом рабочих депутатов. Последний издал приказ № 1, обращенный к рабочим и солдатам, не подчиняться распоряжениям Думы, поскольку таковые противоречат постановлениям Совета. [...] Демократическая республика в России — можно себе представить, что это была бы за штука — узаконенный грабеж для начала — анархия, как продолжение — и позыв к твердой власти, как конец этого не нового эксперимента. Ими, между прочим, выставляется лозунг прекращения войны. — Покровский сегодня по телефону торговался с Милюковым о времени своего отбытия из М[инистерст]ва — был разговор о квартире, о деньгах — мелкие штрихи, которые рисуют мелкого человека — о нем в М[инистерст]ве отзываются с симпатией, но признают, что он не был на своем месте и, конечно, никогда не был настоящим государственным человеком.

Вечером

Центр тяжести — борьба Думского комитета с Советом рабочих депутатов. Все остальные вопросы не существуют — вопрос только один, договорятся ли интеллигентные, буржуазные, умеренные — называйте их как хотите — элементы Думы с рабочими, упорно гнущими свою линию. По последним сведениям, неоспоримость коих подтверждает лежащая передо мной газета «Известия» № 6, такое соглашение состоялось и новое прав[ительств]о под председательством кн. Львова сформировано. Все это время, все

эти дни ушли не на созидательную работу, а исключительно на гомерическую борьбу с левыми течениями — результат борьбы этой объявился наконец сегодня, но это еще не значит, что завтра или послезавтра не нужно будет все вновь перерешать — очевидно, соглашение достигнуто с такими трудностями и слажено с такой искусственностью, что достаточно небольшого усилия, чьей-либо злой воли, чтоб вся постройка распалась. [...] Теперь необходимо, чтоб избегнуть красного террора, от мысли какового ширились у всех глаза при разговоре, круто расправляться с этими более или менее автономными рабочими комитетами. Раз власть организована, она должна себя оправдать — это единственное спасение Петрограда. Новое прав[ительст]во объявит себя диктаторским, или вроде этого, и автономным, потому что от государя нет ни звука, ни жеста, несмотря на желания телеграфные Думы войти с ним в контакт. Он в Пскове или около Пскова et ne donne pas signe de vie [и не подает признаков жизни] — это просто-напросто глупо и достойно только презрения — нужно хотя бы стараться быть на высоте положения. Говорят, что генерал Иванов направился было в Петроград во главе георгиевской роты — останавливал по дороге все поезда, высаживал и ругал, а может быть, и бил все воинских чинов и забирал их с собой — это шествие продолжалось до станции Дно — и что затем сделалось с генералом — неизвестно — революцию он не остановил и положение государя не спас. [...] С фронта пришли первые известия — немцы прорвали наш фронт между Двинском и Ригой. Существуют два мнения — одни уверяют, что это известие усилит пораженческое течение среди рабочих — другие, и с ними я, думают, что усиление внешней опасности даст возможность скорее разрешить благополучно внутренние вопросы и скорее всех объединить; во всяком случае, наступление немцев — это новый козырь в руках Думы, которая не замедлит и сама, и при посредстве возрожденной и свободной прессы загнать в клетку с[оциал]-демократического зверя. Доводы за продолжение войны несомненно сильнее, нежели доводы за прекращение столь несвоевременной войны. Между прочим в листке рабочих напечатано, что в Берлине третий день идет кровавая революция — это очевидная ложь, но как удобно будет теперь восклицать — пролетарии всех стран соединяются и освобождаются от тиранов. — Достоверно. — Английский, французский и итальянский послы после совещания послали своим прав[ительств]ам телеграммы, просящие вызвать со стороны рабочих организаций в этих странах обращение к русским рабочим с советами и просьбами патриотизма и умеренности в настоящий критический момент, от которого зависит свобода всей Европы. Пока все идет так хорошо, что не хочется верить, что так будет до конца. — Сегодня по всему городу усиленно говорили о том, что государь отрекся от престола в пользу своего сына (который очень болен). Это, по-видимому, не факт, а только желание и даже обязательство, которое принял на себя думский исполнительный комитет перед Советом раб[очих] депутатов, чтоб сломить их сопротивление.

3 марта

Все, что людьми выдумано, легко людьми и воспринимается — смерть, молния, снежинки-звезды, падающие с неба, для нас всегда, несмотря на их повторяемость, полны какой-то таинственностью — а в делах людских мы цари и дай нам только волю и безнаказанность, каких мы дел не натворим. Тому назад неделю нас клонили к укреплению самодержавия, а сегодня, можно сказать, что ничто и никто нас не спасет от республики. — Но вот события. Утром никаких новостей, а рано днем стало известно, что «Нико-

лай Романов отрекся за себя и за сына Алексея от престола»[7], и что временное прав[ительств]о в настоящую минуту находится у вел[икого] кн[язя] Михаила Алек[сандровича] в переговорах о принятии им на себя регентства. Несколько позже стало известно, что Мих[аил] Ал[ександрович] отказался в свою очередь в пользу народа — и это объявление было выставлено громадными буквами в окне «Русской Воли». Часов в шесть разнесся слух, будто Временному прав[ительств]у удалось убедить Мих[аила] Алек[сандровича] принять на себя регентство, но этот слух оказался ложным — и вечером в Думе были заняты писанием акта, который должен узаконить положение Временного прав[ительств] а до созыва Учредительного Собрания — в связи со всем этим и со многим, очевидно, что широкой публике не известно, настроение в Думе спокойное и более уверенное. С утра в М[инистерст]ве ходили слухи об учреждении директории из 12 членов по шесть от Думы и рабочих; директория должна была совместно с Временным прав[ительств]ом управлять страной, опять-таки до созыва Учредит[ельного] Собрания — но и этот слух оказался вымыслом — и теперь у нас временная республика, имеющая во главе Временное прав[ительств]о. Докатились! Толки о неизбежности республики породили в М[инистерст]ве такой пессимизм, что отравили психику всех и в том числе мою. Я был всегда убежденным противником самодержавия, как всякого непроверенного авторитета — но считаю опыт республиканского правления в некультурной и многоязычной и национально не сплоченной России — опытом совершенно напрасным и не могущим дать длительных хороших результатов — русской душе, устремленной ввысь и вширь, нужно дать для продуктивной работы нечто твердое и незыблемое — президент российской республики — это громкое слово с таким ничтожным содержанием, что даже представляю себя на этом месте или лучшего человека — все-таки отдаешь себе отчет, что заменить Белого царя или Царя-батюшку невозможно. Русская республика это огонь в руках ребенка или шедевр искусства в руках сапожника — и опасно, и жалко производить такие опыты, которые могут удасться временно, но которые по существу своем должны оказаться махровым пустоцветом. Ограниченная монархия — великолепная форма правления и всякий президент будет стремиться ее осуществить, но по теперешним настроениям у нее совсем нет шансов успеха. — Многие критикуют и порицают государя, что он поступил незаконно, отказавшись и за наследника — ругают и Мих[аила] Ал[ександровича], который также не сумел послужить родине — однако говорят, что он отказался только теперь выступить в роли регента и согласится, если его изберет Учред[ительное] Собрание. Ходит масса вздорных слухов — будто убит кайзер, будто умер наследник, будто взяты Двинск и Рига. Про революцию в Берлине продолжают твердить. Рассказывают также, что Керенский обратился во время этих долгих дебатов, берутся ли рабочие за организацию нужной стране власти, которой первый он, Керенский, подчинится — и на отрицательный ответ заявил, что в таком случае Дума возьмется за это дело и они, рабочие, должны будут подчиниться новому режиму. — В городе совершенно спокойно — но заводы еще не работают и на улицах громадные толпы праздношатающихся. Порядок все больше и больше восстанавливается и распоряжения Временного прав[ительств] а умны и энергичны — между прочим снимают повсюду с вывесок императорских орлов — а наши барышни сегодня были заняты тем, что стирали в переписанных бумагах слово «Императорский». — На Зимнем дворце при салюте и многочисленной публике вздернут красный флаг — уходит в предание Императорская Россия и некоторые старались ее вспомянуть добром. Мне всего этого не жалко, но как-то странно приспособляться к новым понятиям и сочетаниям — и, конечно, я глубоко против разночинца во

главе России. — Вызван с фронта генерал Корнилов — он заменит Хабалова — великолепное назначение — с его приездом можно будет чувствовать себя в большей, если не полной, безопасности — сегодня что-то настроение тревожное, и грядущий день вовсе не обеспечен — еще может быть взрыв народный против Думы — и если он удастся, то минуты будут жуткие.

4 марта

Целый день разъезжал по посольствам и миссиями с помощником градоначальника и утомился ужасно. Внешние проявления революции окончились и учащаются признаки, пока еще робкие, возобновления нормальной жизни — сегодня появились на улицах извозчики. Но внутренняя борьба еще происходит, и положение еще совершенно не обеспечено. Временное прав[ительств]о совершенно справедливо поступает так, как будто все уже разрешено и налажено, и не медлит в своих распоряжениях и действиях — но дисциплины в войсках Петрограда совсем мало — и вспышка преторианства может залить кровью улицы столицы — наружно власть в руках интеллигентного прав[ительств]а — а в сущности чувствуется власть низов, т.е. рабочих и главным образом солдат. [...] Нольде записал и рассказал все, что относится к отречению государя и отречению Мих[аила] Ал[ександровича], при котором он присутствовал. И первый акт и, в особенности, второй прошли в достойных тонах. Настроение в Думе сегодня очень хорошее и работа идет дружно. Надеются завтра выпустить все газеты, в понедельник открыть магазины и во вторник пустить трамвай. Но ни в один из дней недели им не избавиться от канцелярщины, на которую негодуют все, но которая является той породой, из которой добывается драгоценный металл. — Мне говорили, что вчера или позавчера было расстреляно за грабежи 18 хулиганов — правильно. Милюков был сегодня в первый раз в М[инистерст]ве — сделал краткое экспозе событий — был прост и приветлив — я его не видал.

5 марта

Положение с точки зрения каждодневной возможности бунта солдат, а за ними рабочих и черни — продолжает быть необеспеченным — и тайная тревога, несмотря на внешний оптимизм, обитает в каждом сердце. Наружно все обстоит прекрасно и все идет к улучшению — но дисциплины в войсках нет никакой и поминутно слышишь рассказы то о глумлении над генералом Катериниовым, то о нежелании солдат заниматься более 4 часов в день, то о выборах солдатами своих офицеров — а на улицах такая коммуна, что противно. [...] По-видимому, царская семья в самом непродолжительном времени покинет пределы России и направится в Англию. Это правильное и благополучное решение. [...]

6 марта

Кабинет Бриана пал. На западном фронте у союзников крупные и длящиеся успехи — немцы отступают, в сущности, без боя. У нас на фронте — все спокойно, но уже расстройство жизни в Петрограде дает себя знать и в телеграмме Временному прав[ительств]у Рузский говорит, что деятельность агентов, уже присланных из столицы, расстраивает функционирование армии и грозит тягчайшими последствиями делу войны.

То же сообщил и Алексеев — солдатская анархия в тылу, какую мы теперь переживаем, и та болезненно чувствуется на фронте — анархия же в действующей армии — это, несомненно, конец войны. В военных кругах только об этом и говорят — судя по слухам гангрена эта еще не коснулась боевой линии, хотя в тылах как будто уже чувствуется движение. Нужно сказать, что первые революционные потрясения только что прошли и взбаламученное народное море еще никак не может успокоиться да и требовать от него этого нельзя — так что строить опасения и естественно и несколько преждевременно — волна неизбежно должна пройти по всей земле русской и по всему фронту — но вызовет ли это расстройство в функциях армии — и расстройство катастрофическое — сказать трудно — войдет все в норму в Петрограде — утишатся волнения и на фронте — но, конечно, настоящие дни — полны тревог и опасений — положение в Петрограде не ухудшается, но рабочие сдают очень-очень медленно — вчера они вынесли почти единогласно (1 170 против 30) напечатанную сегодня резолюцию, что они считают желательным вновь стать на работу — если это не будут только слова, но и действия, то это будет очень хорошо, несмотря на то, что они «готовы по первому зову вновь выйти на улицу». — Понемногу зверь загоняется в клетку — операция, которая многим казалась неисполнимой без крупных жертв. Но еще важнее – это привести к одному знаменателю разнузданных солдат, вырвавших у Временного прав[ительств]а обещание формальное, что их не вышлют из Петрограда. Этих молодцов следовало бы отпустить по домам и обещать им земли — но от них в первую голову нужно отделаться и на их место получить управляемую воинскую силу, потому что Временное прав[ительств]о не имеет под ногами никакой почвы и держится пока моральным авторитетом — это очень красиво некоторое время, а затем это становится опасным и в сущности такое необеспеченное положение не дает возможности разрешать кардинальные вопросы государственной жизни, обязывая весь кабинет более чем менее равняться с угрозой слева. Положение для всех понятно и для всех весьма мало приятное — все население Петрограда держится на честном слове — но пока все идет благополучно, хотя усиленно говорят, что мы повторяем великую французскую революцию, что теперь правят жирондисты и что нужно опасаться победы монтаньяров. — «Новому Времени» запрещен выпуск — образчик свободы слова.

7 марта

[...] В эту войну все искали и не находили людей или хотя бы человека, которого гигантская война и исключительные обстоятельства выдвинули бы на первые роли — русский народ в своей совокупности явился тем чудом, которое, как ждали, родила война; взятый в целом народ, совершивший в такое время и в таких благородных формах подвиг своего политического обновления достоин не похвал, а преклонения — какое счастье, пишет Борис Суворин, родиться русским — и это святая правда — дух замирает и зависть посмертная разбирает, когда только вообразишь какое великое будущее уготовано России и русскому народу как выразителю нового духовного слова, которое будет славянами сказано миру. — Успехи французов и англичан и отступление немцев вселяет тревогу относительно намерений немцев. Предполагают, что они отступят до заранее подготовленных позиций и заставят наших союзников остановиться и закрепиться, что потребует долгого времени — а немцы тем временем перебросят свои войска и ударят по нам. — Что-то говорят про Рузского — будто рабочие требуют его смещения и будто его армия неудержимо тает вследствие бегства в тыл солдат. Вся Россия спокойна

и радостна, только у нас менингит из-за Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов — он нам, интеллигенции, до черта набил оскомину, и слышно, будто от товарищей отходят и солдаты. Сегодня на Дворцовой площади начали рыть могилы для убитых во время революции рабочих — протестовали против такого некультурного хамства пресловутого Совета все, кто мог, и место похорон перенесено или в Летний или в Таврический сад. Погода продолжает быть реакционной — держатся такие морозы, что можно подумать, что на небе есть свой Протопопов, не признающий неизбежности весны.

8 марта

Царская семья арестована. Государя везут в Царское Село — вел[икая] кн[ягиня] Мария Павловна арестована в Кисловодске. Характерно, как долго пребывали на свободе бывшие властители России — это служит достовернейшим подтверждением того, насколько представлялось невероятным какое бы то ни было движение в пользу старого режима. Здание самодержавия рухнуло настолько основательно и так наглядно, что руководители революционного движения на первых порах даже и не подумали, что делать с Романовыми — торжество революции было слишком полное, слишком единодушное, чтоб можно было как-либо опасаться поверженного врага, который в первую голову был врагом самому себе. Но чем больше крепло прав[ительств]о и по ходу жизни разрешало многообразные вопросы — на очередь стал вопрос и о Николае II с семьей — логический ход событий привел его в царскосельское уединение — французская революция повторяется, но, будем надеяться, не до конца — в характере русском нет ни чувства ненависти, нет и мстительности — лежачего у нас не бьют — если все пойдет так, как идет теперь, безопасность и изгнание царской семьи обеспечено — но кто может предсказать будущее и успеет ли ликвидировать свое отношение к России ее бывший самодержец до неизбежного когда-нибудь падения Временного прав[ительств]а. К слову — и раньше говорили — говорят и теперь, что между Ц[арским] Селом и Берлином происходили непрерывные по беспроводному телеграфу сношения — и что кайзер был осведомлен прекрасно обо всем, что происходило в России и на фронте — стоит только отыскать этот беспроволочный телеграф — и мерещится гильотина. [...] Мне представляется, что когда пройдет некоторое время и Николай II посмотрит на прошлое в спокойной перспективе — он ужаснется — он ужаснется тому огромному, что надвигалось на него со всех сторон вначале с просьбами, затем с желаниями, наконец с требованиями и чему он хотел повелевать со своими слабыми силами. Он не ведал ни то, что он творил, а над чем творил — и он поймет это, если сможет понять, не сейчас, а потом вне России и скажет себе, что еще дешево отделался. Но ему русский народ должен был бы поставить памятник и надпись на нем — объединителю всей России. [...]

В субботу я объехал некоторые посольства и миссии вместе с помощником градоначальника капитаном Зинкевичем. Этот храбрый артиллерист оказался не глупым и симпатичным малым, но в разговоре с ним можно было скоро дойти до умственной стены — и вот в итальянском пос[ольст]ве мой друг Нани, изгнанный событиями из Астории, выражает надежду, что быть может г.[-н] капитан поможет ему устроиться в каком-нибудь помещении, а то он принужден жить на бивуаке в пос[ольст]ве. И капитан, не смущаясь, не без успеха справляясь с французским языком, объявляет ему, что он думает устроить его — и на вопрос Нани — где! — в Зимнем дворце — последовал ответ помощника градоначальника! [...]

9 марта

Ярких событий никаких — все в городе постепенно налаживается — из провинции, из городов поступают только благоприятные сведения, но когда уляжется всколыхнутое море страстей и предвидеть нельзя. Только бы докатиться нам до крупных военных событий — они, судя по всему, подействуют как масло на воду, потому что несомненна идея полной победы над Германией кайзера и милитаризма не только популярна в массах, но она составляет часть их политических верований — непротивленцы или пораженцы имеются также, но они тонут в общей массе и им не сбить Россию с намеченного пути. [...] Теперь говорят только о демократической республике и выслушиваются да и выступают только крайние левые элементы — умеренные взгляды считаются теперь посягательством на свободу народа — нужно много времени, чтоб успокоились народные страсти — нужно много горьких — конечно, не более горьких, нежели царствование последних Романовых — чтоб отрезвить горячие головы, потерявшие сознание действительности перед открывшимися перспективами и хлебнувшими в продолжении нескольких дней, которые затягиваются, полную свободу. — Еще пример новых некультурных веяний — посещение Керенским Сената в пиджачке, когда все сенаторы по традиции были в мундирах — обращение к курьерам с запросом, довольны ли они господами сенаторами, и прощание не с сенаторами, а с курьерами и сторожами за руку. Богатый русский народ не знает златой середины — я царь — я раб — я червь — я Бог.

12 марта

За последние дни усиленно говорят о наступлении немцев на Рижском фронте. Пока это факт еще не состоявшийся, но доподлинно известно, что переброшенные с запада дивизии стягиваются к этому участку — конечная цель немецкого наступления — Петроград — у нас уже распространяются панические слухи, что на нашем фронте не все благополучно, что беспорядки в связи с революцией отразились именно на Северном фронте; нарушения дисциплины, арестование офицеров и даже генералов, дезертирство в тыл и т.д., что вообще у нас там нет достаточного количества войск — и поэтому пока еще очень глухо и в общей форме, но уже существуют и высказываются всеми и никем опасения по отношению к немецкому близкому наступлению. Строить догадки можно всякие, но существует теория, которую, быть может, подтвердит практика, что успешное наступление врага по направлению Петрограда явится лечебным средством для введения в надлежащие берега внутренней политической жизни столицы — угроза, и такая реальная, как немецкие штыки, должна подействовать охлаждающим образом на разгоряченные и сбитые с толка мозги — главным образом руководителей рабочих и солдат. Но существует и пораженческая теория — придут немцы к Петрограду, а мы встретим их объятиями — от нас немецкие солдаты заразятся потребностью свободы и, вернувшись в Берлин, ее добьются — и все мы будем братьями. Зачем воевать, когда все равно через несколько лет вся Европа будет одной политической веры — будет одна социалистическая республика. Должен сказать, что теория эта имеет пока немногочисленных последователей — на всех неисчислимых ныне собраниях всегда побеждает трезвый голос, требующий продолжения войны до победы, причем главным аргументом является тот, что Германия — победительница, восстановит династию Романовых на русском престоле. Таким образом, на первое время можно считать обеспеченным

убежденное продолжение войны, но несомненно, что из-за русской революции в деле войны произойдет эволюция — факт революции и перемены режима в России, не может не отозваться на внутренних делах Германии, где положение до известной степени схоже с той властью сверху, против которой только что возмутилась Россия — кроме того, позволительно предполагать, что в победе социализма, народной массы над властью, германский народ найдет тот выход из положения, который он несомненно должен искать, убедившись, что военной победы Германии не может быть — поэтому для того, чтоб идея революции скорее созрела бы в Германии, нам необходимо твердо стоять на нашем фронте и запереть наглухо выход германской мечте о мире надеждой на победу — устранить опасность, грозящую нам со стороны Германии, можно только направлением этой опасности внутрь самой Германии. Теперь, более чем когда-либо, нам нужно уничтожение германского милитаризма — Россия в военном смысле держится еще наследием только что исчезнувшего режима — Россия, которая будет перестраиваться на совершенно изменившихся социальных основаниях, в военном отношении будет слаба до невероятия — потом в будущем к ней вернется ее военная мощь — но будет длительный период бессилия и полной дезорганизации.

[...] Опять подтвердили мне, что идея продолжения войны чрезвычайно популярна в широких слоях народа.

18 марта

Первый акт революции безусловно кончился, и то, как он прошел, превосходит всякие вероятия — почти ежедневно можно отмечать весьма интересные события, но они уже приобретают характер текущих событий, исходящих логическим образом из известной политической системы, которая все более и более упрочивается и с которой мы как будто уже свыклись [...]. Речь германского канцлера, в которой он говорит, что теперь ничто не мешает договориться с русским народом, который хочет подобно Германии мира и справедливости[8]. По этому поводу много разговоров — если вспыхнет в Германии революция, то, конечно, ничто не удержит Россию от заключения мира преждевременного по отношению к достижению своих национальных и экономических задач, о которых распоряжающийся теперь народ понятия не имеет и иметь не желает. — Завтра открывается американский конгресс — в сущности, Америка считает себя в войне с Германией, но объявить об этом может не президент, а только конгресс. Отмена смертной казни. Воззвание к Польше — объявление Германии независимости Литвы — неделю тому назад о Керенском говорили, как о спасителе положения — он держал в руках рабочих и работал как государственный человек. Много слышно разговоров на тему, что только что пережитые события доказывают, что интеллигенция провалилась и оказалась не на высоте положения — эта истина, которую еще нужно доказать.

26 марта

Чтоб не забыть — война между Германией и Америкой — факт (помощь — флот и финансы) — наши войска в Месопотамии вошли в соприкосновение с английскими войсками — похороны жертв революции прошли в идеальном порядке — процессия была бесконечна и монотонна до скуки — впечатление организованности внушительное — ни одного ничтожного инцидента. А вот факты другого калибра. По случаю объявления

Америкой войны[4] Германии Милюков дал американскому журналисту интервью, в котором развил свои идеи о целях войны и, конечно, упомянул о необходимости для России получить Конст[антинопо]ль и Проливы. Следствия этого интервью были следующие — Совет [рабочих] депутатов потребовал от Милюкова, чтобы он официально перед союзными и нейтральными державами отрекся от своей точки зрения и объявил, что Россия не желает ни аннексий, ни контрибуций и готова заключить мир на основах status quo ante. В случае, если такое требование Милюковым не будет исполнено, Совет р[абочих] д[епутатов] постановил назначить в МИД своего комиссара для наблюдения за деятельностью министра. Положение осложнилось тем, что разногласия по вопросу Конст[антинопо]ля произошли и в среде министров — мне сообщили будто Шингарев явился противником Милюкова, а Керенский, тот выступил с официальным возражением на страницах газет и заявил, что он не хочет ни Конст[антинопо]ля, ни каких-либо иных аннексий. Дня три назад положение было очень острое — из него усиленно искали выхода — Керенский грозил будто выйдет в отставку. Еще не известно, как положение разрешится — но сор из избы еще не вынесен и в лице комиссара еще и не внесен. Кажется, приезд шведских социалистов и, в особенности Брантинга, несколько облегчает положение, а именно Бр[антинг] предложил как исход Вр[еменному] прав[ительств]у выставить свою программу, которая в целом и подверглась бы совместному обсуждению — это, конечно, может известным образом облегчить положение, но может его и окончательно ухудшить, потому что, по-видимому, прав[ительств]о, выставив свою платформу в очень широких и общих выражениях, намеревалось пользоваться всеми выгодами гибкой формулы — а теперь ему, быть может, придется ставить точки над i — а это несомненно вызовет крупнейшие разногласия, которые только ослабят положение прав[ительств]а. Поживем — увидим. Прав[ительств]о состоит из слишком умных людей, чтоб не верить, что выход из положения будет найден, тем более, что Керенский, как мне сказал Милюков, допускает нейтрализацию Проливов. Второй факт, который я запишу сегодня, а обсуждать буду завтра — это наш крупный неуспех на Стоходе, выведший из строя 25 000 человек. Рассказывают разно — кто говорит, что при наступлении немцев два полка, убив своих командиров, сдались в плен — другая версия — был митинг — немцы, уничтожив газовой атакой передовые окопы, окружили весь митинг, занимавшийся разговорами о политике и Учредительном собрании, и увели всех в плен, захватив при этом 150 пулеметов и 15 орудий. Многих это известие повергло в уныние — я же полагаю, что урок этот может быть полезным, и уже слыхал сегодня, что подробное донесение об этом деле было предъявлено Совету р[абочих] д[епутатов] и оказало свое действие, внеся панику — и вследствие этого было спешно решено завтра издать воззвание и объявить Петроград в опасности. Население конечно будет в панике, но цель — это рабочим стать к станкам, о чем взывают инженеры, прогнанные с заводов и указывающие, что если такое положение продлится, если рабочие не будут работать — военная катастрофа неминуема.

27 марта

Сегодня ровно месяц, что народ разрушил старый строй — и с точки зрения чистоты и легкости исполнения такой огромной, как казалось, задачи развала самодержавия, результат не может быть ни с чем сравним. Но, как всегда, интереснее факта его последствия, а таковые начинают проявляться все в более яркой и весьма тревожной форме.

Начнем с того, что никто не мог верить и исповедывать, что будет так легко спихнуть с трона Николая II, а посему никто в Думе не был подготовлен к такой радикальной перемене декораций — все были застигнуты врасплох и поэтому не действовали по заранее обдуманному плану, а импровизировали и приноравливались к быстро сменявшимся обстоятельствам. Первое следствие такого положения вещей было то, что толпа захватила в руки куда больше власти, чем это ей полагалось — [...] когда неразбериха первых дней прошла, наряду с Вр[еменным] прав[ительств]ом оказалась фактическая власть в руках осевшей на неподобающих ей местах толпы — и захваты толпы уже были закреплены идейными руководителями масс, которые учли выгоды своего положения и невыгоды положения своих противников, т.е. Вр[еменного] прав[ительств]а, а именно — фактическая физическая сила и власть всецело в руках Совета р[абочих]и с[олдатских] депутатов — Вр[еменное] прав[ительств]о держится на честном слове, оно держится доверием, нравственным и умственным авторитетом, но реальной точки у него нет, и в Петрограде ему пока ее не удается создать — а Петроград в особенности теперь является мозгом всей России. Позиция, занятая Советом депутатов, вполне понятна — для эс-деков [социал-демократов] прав[ительств]о князя Львова, несомненно, является типичным буржуйным прав[ительств]ом, и они не усматривают, в сущности, никакой разницы между прав[ительств]ом, свергнутым революцией, и только что пришедшим ко власти — для них, вероятно, искренних, но несомненно в умственном и политическом отношениях недоразвитых, прав[ительств]а — и то и это — являются врагами народа, и власть они ему доверили только потому, что они сознают свою полную непригодность управлять государственным кораблем — и, вернее всего, признавали только тогда, когда их низкие лбы и темные души озарил вихрь революционной свободы — теперь они сделались решительнее и самоувереннее, и Чхеидзе не постеснялся заявить делегации Особой армии, что пока у Совета нет намерения взять власть из рук Вр[еменного] прав[ительств]а, но могут настать некоторые обстоятельства, при которых Совет возьмет в свои руки управление страной — а сегодня я слыхал, будто в Совете имеется уже свой министр и[ностранных] д[ел], который работает параллельно с Милюковым и пока что еще сообщает последнему о своих действиях — предполагаю, что это находится в связи с съездом в Стокгольме наших социалистов с германскими[9], причем понятно, наши будут нести или несут интернациональную галиматью, а германские будут делать свое германское дело и получать указания от Бетмана. Двоевластием болен только Петроград — вся Россия устраивается по-новому, не без щепок, но в сущности благополучно [...]. В настоящий момент разговоры только о войне и о нашем фронте — политика заразила фронт — он весь всколыхнулся, забурлил, стал перестраиваться на новых основаниях, причем, конечно, не обошлось без жертв, хотя и единичных — и результат от всего этого получился тот, что нет никакой уверенности в успешности предстоящей кампании — дисциплина уничтожена была в корне, и пока нет боевой проверки, невозможно сказать, как отзовется на боеспособности новый уклад взаимоотношений офицеров и солдат — кто как говорит, но слышно, что дезертирство приняло неимоверные размеры — и что армия все яснее выражает желание мира. В газетах появляются воззвания и приветствия воинских частей Вр[еменному] прав[ительств]у — победа — война до конца — и, главное, настойчивое обращение к Совету депутатов не вносить растлевающих принципов в дружную военную семью — но несмотря на это, толки с фронта очень часто отзывают пессимизмом. Теперь принимаются энергичные меры для охранения армии от зловредного влияния рабочих депутатов — таких молодчиков не пускают на фронт — но дело уже сделано — зараза пу-

щена и пускается другими путями — мне говорили, что военные депутации, приезжающие с фронта в православном настроении, покидают Петроград совсем распропагандированными. В связи со всем этим и неработой на заводах усиленно боятся наступления немцев на Петроград и высадки в Финляндии. Наши союзники англичане настроены, говорят, несколько пессимистично — и это только понятно — потому что им не понять, как можно разговор, в котором приводятся только отрицательные факты и сведения, закончить — как это было вчера — а все-таки Николай Угодник и кривая вызволят Россию из беды — и у многих гнездится где-то уверенность, что все окончится благополучно — что и войско будет сражаться, и флот не допустит высадки и немецкий флот к Кронштадту, и что дело с продовольствием наладится. [...]

28 марта

Предвозвещенное вчера Керенским сегодня напечатано воззвание Вр[еменного] прав[ительств]а о целях войны[10] — составлено оно чрезвычайно ловко — формулы такие упругие и растяжимые, что все могут вместить, и в особенности Константинополь — Вр[еменное] прав[ительств]о не покинуло своей программы, которая является программой всей мыслящей России — оно только ее зашифровало для той толпы, которая наседает на власть, которая о прошлом и будущем России не имеет ни малейшего понятия и иметь не желает, и которая живет или теоретическими измышлениями и мечтаниями, или реальным достижением возможностей настоящей минуты. Но борьба, по всей видимости, клонится на сторону прав[ительств]а, и отзывы именно сегодняшнего дня удивительно как многочисленны и оптимистичны. [...]

1 апреля

Мотив войны опять возобладал над мотивом революции. На фронте наступают решающие минуты — упорно говорят о готовящемся наступлении на нас немцев, и со всех сторон необъятной России раздался хор голосов, требующих продолжения войны до победы — к этим голосам, особенно к идущим с фронта, не мог не прислушаться Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов, которому за последнее время все чаще приходилось выслушивать резкие и вполне заслуженные требования, вплоть до угроз уничтожить пагубное двоевластие. Фронт за последние дни проявил немалое беспокойство относительно положения дел в Петрограде и на здешних заводах, и депутации прибывали сюда непрерывной струей — пресса била в набат о необходимости восстановить прежний размах работ — между солдатами и рабочими стали замечаться трения — Вр[еменное] прав[ительств]о действовало и действует с удивительным умом и тактом, что нельзя сказать про Совет, который к тому же занял довольно невыгодную позицию относительно восстановления правильного хода жизни страны во время войны — именно позицию в сущности бесполезной инстанции. Не нужно забывать, что Совет депутатов является организацией местной петроградской и это обстоятельство немало содействовало созданию той атмосферы, которая и заставила Совет сильно сбавить тон — Совет уж более не страшен — он уже остановился в своем развитии — смысл его деятельности вовсе не отвечает действительности, потому что прав[ительств]о стоит на страже завоеванной свободы не хуже самого пролетариата и всем понятно, что как не хороши были сданные карты, но все же расклад такой, что народу не сыграть на них большого шлема.

Совокупность всех этих данных сказалась на резолюциях, вынесенных на только что закрывшемся съезде Советов р[абочих] и с[олдатских] депутатов — война до победы и поддержка Вр[еменного] прав[ительств]а, причем достоверно известно, что резолюции эти вырабатывались в кулисах, что и сказалось на их трезвом тоне — а ораторы говорили так себе, для плезиру. — Вести с фронта — разнокалиберные — нужно полагать, что для жизни многих и многих произошедшие перемены во взаимоотношении сложившихся социальных групп отозвались весьма болезненно — ломка пошла уже слишком радикальная, дисциплина была нарушена в корне — но много признаков того, что дело налаживается — и крепнет какая-то уверенность, что весной наш фронт выдержит экзамен. О конце войны совершенно определенно говорят — непременно в этом году — кто говорит осенью, а кто пророчествует в мае — но более чем сомнительно, чтоб война могла продолжиться еще зиму — нет больше стимулов для продолжения войны coûte que coûte [во что бы то ни стало] — мы раскачались или раскачиваемся на ближайшее время, и нельзя себе представить, чтоб можно было действовать уговором для продолжения войны долгое время. Но, несомненно, положение наших врагов критическое — против них ополчился весь мир — Бразилия, Китай, Куба — и против них воюют из-за весьма красивых принципов — неизбежно придет момент, когда народы Германии и ее союзников прозреют и постараются спастись из безвыходного для прав[итель]ств положения — в Софии уже были манифестации против Фердинанда — русская революция, голодовка и бессмысленность дальнейшего кровопролития должны будут рано или поздно оказать свое властное действие. Англичане действуют молодцами — предполагают, что теперь началось на Западном фронте давно решенное общее наступление. Англичане и французы, несомненно, достигнут своих целей — а вот насчет нас — сомнение. — Наши социалисты обращались к немецким товарищам с призывом последовать их примеру, что должно было бы повести к прекращению войны — протянутая ими рука осталась висеть в воздухе — и немцы ответили резко и совсем в другом духе — мы сами знаем, что нам делать. Но если немцам будет плохо, они, конечно, обратятся к нашим растяпам — и те в радостях протянут вновь руку, окончат войну и, лишенные государственного смысла, скомпрометируют результаты, которых можно было бы достигнуть. Но одно только несомненно — война будет изгнана на «вечные» времена с европейского материка. [...]

4 апреля

Очередная французская победа — 10 000 пленных, военная добыча, орудия, пулеметы и т.д. — Читаешь с интересом, но сердце почему-то холодно. Разговор с американским секретарем, уже чувствующим себя настоящим союзником, хотя еще ни одно ружье американское не выстрелило, и излагающим блестящие возможности военно-морских достижений на Западном «их» фронте — все это интересно, утешительно, но опять-таки во мне ничего не загорается при учете несомненной победы над немцами и вовсе нет в моем сознании, казалось бы, необходимого сожаления, что от нас, русских, все эти прекрасные возможности достойно завершить дело войны, более чем вероятно, ускользают или даже ускользнули. Переворот, совершившийся в России, перенес нас на другую плоскость — мы с нашими союзниками говорим иным языком, языком будущего, им не совсем понятным — мы как будто достигаем в международных политическо-социальных отношениях четвертого измерения — и поэтому все выкладки прежнего режима, которого придерживаются наши союзники, являются устарелыми методами мышления.

Я когда-то писал, что будущее России будет чрезвычайно разниться от ее настоящего и эта эволюция явится процессом куда более значительным, чем в западных странах — и вот мне кажется видеть правоту моей мысли, осуществляемой на деле — формы государственной мысли на западе застыли — и, несомненно, наши союзники, усиленные Америкой, достигнут при окончании войны всех своих целей — они-то будут праздновать настоящую победу — но это, несомненно, последняя радость подобного рода — эта страница истории будет перевернута и никогда более не повторится — как не вернется больше молодость — мы возмужали и детские радости нас более не веселят — мы, Россия, лишены будем победных ликований — если они и будут, то будут кратковременны и неискренни — мы будем радоваться только тому, что война окончилась — у нас не будет достигнутых целей — но зато мы шагнули в ту область социальных взаимоотношений, которая будет составлять новую эру в мире. В этом отношении у меня странное, но вполне определенное чувство — много — и много лишнего — говорят о возможности наступления немцев на Петроград — учитывается возможность занятия немцами столицы — что будет в этом отношении — покажет будущее, которое не заставит себя ждать, но при мысли о приходе немцев сюда я ощущаю чувство тщеты всех этих военных contre-danse'ов — и тщеты не для нас, а именно для немцев — я считаю их приговоренными, и не пушками и ружьями, а социальным разложением, которое коснулось нас и непременным образом заразит их — вернуться к прежнему социальному строю никому не придется — в теории на стороне революционного народа правда — и этого шила в мешке не утаить ни побежденным, ни победителям — и поэтому все, что будет построено на прежних основаниях — все будет перестроено по-новому самой жизнью — похоже на то, что богатство, собранное человеком, является для него тщетой при его смерти — с собой он его в тот мир не возьмет — и нам не стоит копий ломать за установление того, что не может иметь сколько-нибудь длительного существования. Конечно, все эти мысли возможны при одном только условии, а именно наличии союзников, которые свое дело знают и доведут до конца. Западный фронт это каменная гора — если бы Германия могла бы разлиться на западе так, как она, быть может, сможет разлиться у нас, то рассуждать пришлось бы иначе — немецкая победа несомненно извратила бы все дело нашей революции — но так как немецкая победа это вещь недостижимая, то я в секрете исповедую мысли большевиков, которые, к слову сказать, окончательно провалились на закрывшемся съезде Советов р[абочих] и с[олдатских] депутатов. На этом съезде дважды выступал Плеханов, говорил про войну, победу и вызывал энтузиазм — этот человек, пользующийся громадным авторитетом, и весьма полезен в настоящую минуту для направления государственного смысла масс в нужное русло. Того же нельзя сказать про также вернувшегося из заграницы лидера большевиков Ленина, который, конечно, разовьет пацифистскую пропаганду. — В воздухе разлита масса пессимизма — захлебываясь врут обо всем, но именно в минорном тоне — частности возводят в общее — судят о том, что не может быть никому известно — и запугивают стадную публику. А прав[ительств]о тем временем обрабатывает массы — то Ставка печатает сведения, якобы полученные от перебежчика о том, что германский канцлер послал в Стокгольм по своему выбору немецких социалистов для свидания с русскими товарищами — то распространяется слух, будто прав[ительств]о хочет отказаться от власти, передать таковую Москве, которая, избрав немедленно новое Вр[еменное] прав[ительств]о, объявляет войну Петрограду. Положение, конечно, не может считаться сколько-нибудь обеспеченным — Совет р[абочих] депутатов все еще висит дамокловым мечем, но кроме панических и чисто прово-

каторских слухов нет ни одного признака — угрозы — положение может осложниться du jour au lendemain [со дня на день], но пока заводы работают и Корнилову — ложный слух об уходе которого я услыхал сегодня — удалось ценой личного воздействия отправить на фронт 170 т. здешних войск — теперь по его словам таковые здесь 80 000 человек — это бездельники и вооруженная орда, но их становится меньше и это большое облегчение для оздоровления столицы. Из провинций слухи идут различные — в общем, по-видимому, спокойно — но судя по всему недосев получится значительный — крестьяне не только заламывают невероятные цены за обработку земли, не только иногда подразоряют помещичьи хозяйства, но снимают с работ военнопленных, которые уходят куда глаза глядят — принцип — пленные тоже люди — а помещики — буржуи — а мотив один — земля, которую не сможет засеять помещик и которую в таком случае по справедливости получит мужик. Тяжела власть некультурной грубой силы — пока что она смиряется работой Вр[еменного] прав[ительств]а, но дегтем и мозолями пропахла вся Россия — и как ни прекрасна теория — практика должна быть куда как неприглядна.

5 апреля

В каком-то сражении у Наполеона не хватило орудийных снарядов, он дал приказ продолжать стрельбу холостыми выстрелами — гипноз артиллерийского огня продолжался и сражение было Наполеоном выиграно. Нечто подобное случается теперь у нас — Вр[еменное] прав[ительств]о стреляет холостыми выстрелами, и гипноз власти удерживает анархию в известных границах — сдерживающее значение еще имеет война, но, конечно, мы пребываем теперь в настоящей анархии, и все положение держится на честном слове. Во всех сведениях не разобраться — поминутно слышишь диаметрально противоположное тому, что только что слышал или читал. Нап[ример], утром получил открытку из Галиции — у нас все идет хорошо и спокойно — а днем заходил ко мне Катев, только что вернувшийся из Риги, где видел Радко-Дмитриева — говорит, что пока в армии полный развал, офицеры никакого значения больше не имеют, солдаты в разведку не идут — и что нас спасает пока распутица. Р[адко-]Д[митриев] выражает надежду, что отрезвление придет вовремя, а пока что на эту армию надеяться не приходится. Знаменитый приказ № 1 Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов в корне разрушил дисциплину, и, конечно, у «товарищей» не хватило ни государственного смысла, ни гражданского мужества принять радикальные меры для устранения, по возможности, причиненного ими зла — они не уничтожили этот приказ, а лишь его растолковали, т.е. внесли окончательный сумбур в голову солдата-мужика, у которого всего-то триста слов в обиходе. — Общие жалобы на невозможность путешествовать в сколько-нибудь сносных условиях — все вагоны забиваются грубыми солдатами без различия классов. Хам пришел на Россию. — Поражает также отсутствие патриотизма — Плеханову пришлось оправдываться и объяснять, почему он любит Россию — все это от темности, от полного отсутствия культуры — знаю, это прямое следствие тех условий, в которых до сих пор держали народ — не сомневаюсь, что через несколько лет известного уровня культуры достигнут широкие народные массы — но все-таки это поколение народа никогда не должно было бы играть ту роль, которую оно играет в настоящую минуту — достигнутая ими свобода — это опасность, зло и несчастье — они рождены рабами и от этого клейма им не избавиться. Совет р[абочих] депутатов пользуется свободой для создания угрозы существованию самой России — солдаты и прапоры готовы скомпрометировать все

дело мировой войны — в деревнях — грабят землю — в городах — учреждаются республики — люди опились свободой, как в прежнее время сивухой, и те же некультурные последствия налицо — раньше по пьяному делу, а теперь по свободному делу чего моя левая нога хочет — нет и признаков и не будет контрреволюции, но уже чувствуется, как нарастает реакционная волна — и как все эти товарищи набили всем оскомину. Никто не покушается на народную свободу, но как хорошо всех товарищей Совета депутатов отправить в тартарары. Об аресте этой теплой компании как будто шли уже разговоры — Корнилов будто предложил какому-то командиру полка faire le coup [нанести удар] — тот отказался — время еще не подоспело — но не может быть, чтоб дело не обошлось без coup [удара] или с той, или с другой стороны.

9 апреля

[...] Большевики, ленинцы, пораженцы потерпели полное фиаско — к вопросу войны народ — толпа относится сознательно, и продолжение войны гарантировано — а у армии, несомненно, имеется чувство понесенного поражения, с которым она, очевидно, не хочет покидать поле сражения — это инстинктивный point d'honneur [долг чести]. Идея мира без аннексий и контрибуций очень популярна — в особенности без аннексий, но демократы в этом отношении foncent des portes ouvertes [бросаются в открытую дверь] — кто хотел в Европе завладеть территорией, ему национально не принадлежащей? Контрибуция — вопрос другой, и он сознается менее ясно — а что касается Конст[антинопо]ля, то если бы поставить вопрос на голосование, нужно было бы иметь гражданское мужество высказаться за взятие Проливов нами, так остро чувствуется теперь вопрос о национальном засилии посредством аннексий. Дезертирство с фронта принимает тревожные размеры — все поезда всех дорог переполнены солдатами — их ловят, их уговаривают, к ним пишет послания Вр[еменное] прав[ительств]о — бегут и бегут — немцы пустили среди них слух, что в тылу делят землю среди находящихся на месте — и их теперь ничем не удержать в окопах — нужно быть оптимистом и думать, что съездят они домой — убедятся, что никакой земельной прирезки никому не производится и вернутся в окопы. — От двух лиц слышал сегодня, что землю будут отчуждать по хорошей оценке — но для этого нужно, чтоб у власти осталось культурное прав[ительств]о. — Вообще положение день ото дня улучшается и укрепляется. Крепнет и уверенность в личной безопасности — но это касается дней настоящих, а для будущего очень хотелось бы, чтоб не были бы уничтожены революцией понятия, завоеванные прежней историей — великодержавие в отношении внешнем и собственность в отношении внутреннем. [...]

13 апреля

[...] На боеготовность армии гадают как на кофейной гуще, каждый читает, что ему заблагорассудится — любит не любит — пойдет воевать — не пойдет воевать — а вопрос решит только наступление немцев, от первого натиска которых мы по примеру прошлого поддадимся несколько, а затем зацепимся за подготовленную позицию и задержимся. Из Петрограда направляются на фронт маршевые роты — и можно верить, что нечто вроде сознательного патриотизма пробудится в солдатах. — В Кронштадте дело совсем не ладится — местная сволочь никого не признает — ни Вр[еменного] прав[ительств]а, ни Совет с[олдатских] и р[абочих] депутатов. Посланная Керенским судебная

над офицерами комиссия во главе с Переверзевым была арестована и едва унесла ноги — анархия там полная — решительных мер принять нельзя, потому что Кр[онштадт] непосредственно угрожает Петрограду [...]. Петрограду очевидно с его преступным климатом пришел конец — раньше нежели позднее столица будет перенесена из финских болот в Россию. — По-видимому, потери английского торгового флота достаточно велики — нехватка тоннажа становится все заметнее. Медленное продвижение англичан и французов продолжается. Благоприятно развиваются военные события и в Малой Азии. Пессимистов по-прежнему излишне много.

15 апреля

Нечто вроде министерского кризиса — причина — определение целей войны, с одной стороны, Милюков и, насколько кажется, больной Гучков — сторонники приобретения Проливов — с другой — Керенский противник каких бы то ни было аннексий. Вчера вечером состоялся Совет министров, на котором, не придя ни к какому заключению, отношения между М[илюковым] и К[еренским] сильно обострились. Сегодня новый и решительный Совет. Вообще считают положение М[илюкова] сильно поколебленным и уже называют Плеханова его преемником. — Если взять en bloc [в целом], то общее положение несомненно улучшается — кое-где аграрные беспорядки — но это явление совсем не общее. Маршевые роты тянутся постепенно к фронту — заводы работают полным ходом — в Минске военный съезд, на котором резолюции принимаются вовсе не крайние — возмущение против Ленина растет — вот только дело с Советом р[абочих] депутатов не налаживается — и цели войны никак не могут быть восприняты демократами.

16 апреля

Оказывается, что острота положения в настоящий момент заключается в том, что спор о целях войны сосредоточился на вопросе об отношении России к союзникам и к заключенным с ними договорам. Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов, действуя через Керенского, настаивал перед Милюковым не только на том, чтоб последний настаивал перед Англией и Францией об объявлении ими целей войны без аннексий и контрибуций, но и на пересмотре заключенных с нашими союзниками договоров. Когда вопрос стал на эту плоскость, то, очевидно, Милюкову ничего другого не оставалось сделать, как самоопределиться, что он и сделал в том смысле, что объявил категорически, что ни на какие настояния и на пересмотры договоров не согласен теперь и впредь. Судя по внешнему его виду, он чувствует себя бодро, очевидно, потому, что он сжег свои корабли и перед ним одна дорога. Чувствует ли он под собой твердую почву? Как будто да — впечатление такое, что в Совете министров он одержал верх, и Керенскому, по-видимому, теперь приходится найти способ уговорить «товарищей», положивших, как и следовало ожидать, ноги на международный стол. [...] Очень много толков, но только в м[инистерст]ве относительно 18 апр[еля] — на Дворцовой площади, как и на всех площадях города, будут устроены митинги, и имеются будто сведения, что ленинцы собираются арестовать Вр[еменное] прав[ительств]о. На этот случай принимаются меры — м[инистерст]во будут охранять с раннего утра волынцы и Милюков будет ночевать в министерской квартире. [...]

17 апреля

На Зимнем дворце водружена громаднейших размеров вывеска — да здравствует Интернационал — это декорация для завтрашнего митинга, о котором еще говорят, но уже как о полном провале ленинцев — оказывается, сам Ленин где-то скрывается, потому что некоторые воинские части хотели с ним разделаться по-своему, возмущенные его проповедью анархии. Между прочим, он говорил, что раньше лилась кровь пролетариев, а золото текло в карманы буржуазии, а теперь должна литься кровь буржуев, а пролетарии обогащаться. Несомненно, агитация Ленина принесла свою пользу — она отслоила, а затем свела на нет крайние левые течения пораженчества и анархии — но мавр сделал свое дело и мавр должен уйти — на некультурную массу Ленин действует слишком зажигательно — и дальнейшая его деятельность превратится в общественную опасность — с ним нужно так или иначе покончить — это будет первый экзамен власти Вр[еменного] пра[ительст]ва, и можно думать, что сам Ленин даст предлог для собственного изъятия. Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов — вот главное зло — это мавр, который сделал свое дело и не ушел. [...] Минский фронтовой съезд закрылся и начав за здравие, окончил за упокой — социализация земли и подобная чепуха — опять-таки Совет и здесь сыграл не последнюю роль в смысле направления деятельности съезда. Но, повторяю, много признаков улучшения общего положения — эволюция, а уже не революция — и это относится главным образом к вопросу о войне. Этот вопрос решен окончательно и в положительном смысле — главное значение при этом имело отношение германских социалистов к свободной России — мечтания наших товарищей переменить психику немецких товарищей путем братского к ним обращения остались беспочвенными мечтаниями — и тем определилась необходимость для защиты свободы России продолжать войну — думается мне, что у лидеров демократов решимость продолжать борьбу является именно следствием разочарования в немецких товарищах, а не приступом патриотизма, чувства им чуждого — и что они только на время и вовсе не с искренним убеждением приводят комплекс, в сущности, чуждых им доводов и делают жесты о продолжении войны — они делают все это à contre-coeur [против воли] в силу необходимости, не подготовленные к реальной широкой жизни и принужденные следовать течению событий, в которых воля их лишь фактор незначительный — они скинут эту ливрею и политическую маску при первой возможности и скомпрометируют конец войны, так как более чем вероятно, что еще долго они будут держать фактическую власть в своих руках. — На войне и в мире ничего выходящего из обыденных рамок героического века.

19 апреля

[...] Вообще по вопросу о войне могу только подтвердить высказанное мной мнение — вопрос решен в удовлетворительном смысле — это, так сказать, внешнее выражение подавляющего большинства населения — что же касается содержания этого словесного решения, то это дело гадательное — неизвестно, скрывается ли за этими словами твердое намерение воевать на деле, а не отделаться только словами — и на этот вопрос ответит только будущее, которое, очевидно, не заставит себя долго ждать. Мое растущее убеждение в том, что если только немцы поведут наступление, то воевать мы будем и по-настоящему — и опасность заключается лишь в том, что немецкого наступления не последует и что наша армия будет постепенно разлагаться вследствие революционных

причин. Во всяком случае, наши союзники настроены на наш счет весьма пессимистично — им рисуются весьма мрачные картины будущего вырождения идеи войны на нашем фронте, и они уже реально считаются с возможностью заключения сепаратного мира России с Германией. Пока такая опасность, по-моему, не существует; что она может народиться — против этого спорить не приходится — но сепаратный мир Россия демократическая может заключить не с Германией настоящего момента, а с другой Германией, которая создастся под влиянием нашей революции — война кончится не победой, а просветлением — война как дело будет скомпрометирована, но вместе с тем будут заложены прочные фундаменты для будущих взаимоотношений — случится то же, что случилось в России — старые формы будут уничтожены и будут созданы новые формы, по которым эволюционным путем будет перестроен весь политический мир Европы. — Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов в вопросе о займе воздержался от принятия решения о его поддержке до тех пор (срок 3 дня), пока Вр[еменное] прав[ительств]о не выработает свое отношение к стоящему на очереди вопросу о том, чтоб заставить высказаться о целях войны союзные с нами прав[ительств]а. Перестраивается по-новому вся жизнь — и если вдуматься в положение, требование Совета вполне приемлемо — и союзные прав[ительств]а смогут дать вполне удовлетворительный для них и для нашей демократии ответ и тем mettre au pied du mur [припереть к стене] Германию, которая захватила богатую пригоршню земельных приобретений и политических возможностей, но вытащить эту пригоршню из узкого горлышка бутылки не может — и придется ей, чтоб вытащить жадную руку, разжать пальцы и упустить свою добычу.

20 апреля

Политическая болезнь течет правильно. Налицо конфликт Вр[еменного] прав[ительств]а с Советом р[абочих] и с[олдатских] депутатов. Причина — опубликованная нота Милюкова к союзным прав[ительств]ам, в которой подтверждается верность России к ранее заключенным договорам и нет настояния, чтоб союзники объявили о целях войны и отказались, подобно России, от аннексий и контрибуций[11]. Нота эта явилась плодом долгих и упорных дебатов в лоне Совета министров — Милюков ознакомил своих коллег с заключенными Россией договорами и сделал соответствующие выводы, которые, однако, оспаривались как Керенским, так и Терещенко и Некрасовым. Но, в конце концов, на последнем министерском совете Милюков нашел компромиссную почву и так очертил создавшееся международное положение, что его прежние оппоненты ему аплодировали и приняли предложенную им редакцию обращения к союзникам, причем было признано, что 1) министры солидарно отвечают за ноту и 2) верность своим обязательствам является единственно спасительной для России отправной точкой. Принимая столь важное решение по вопросу, который является главенствующим в настоящую минуту вследствие позиции, занятой относительно его Советом р[абочих] и с[олдатских] депутатов, — очевидно, Совет министров знал, что делал и какую ответственность он брал на себя, знал, что эта декларация не совпадает с требованиями Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов — внимание останавливает тот факт, что и Керенский подписался, так сказать, под этой декларацией — затем, учитывая приезд в Петроград Алексеева и, кажется, Колчака, — невольно приходишь к заключению, что прав[ительств]о чувствует под собой какую-то твердую почву и не намерено сходить со своей политической по вопросу войны платформы, выработанной с государственным смыслом. Нота со сто-

роны демократов подверглась жесточайшей критике — в левой прессе Милюкова разодрали в клочья — и днем начались манифестации — Финляндский полк в стройном — по нынешнему времени — порядке пришел к Мариинскому дворцу, неся красные знамена, на которых красовались надписи — долой Милюкова — и — никаких завоеваний. Затем туда же пришли еще какие-то полки — счетом три — большого сочувствия к себе не вызвали — не знаю, но, по всей вероятности, никакого толка не добились, потому что не знали, что в сущности они пришли делать на Мариинской площади — и часа через 2–3 тем же порядком вернулись восвояси. Видел я другой полк, шедший по Невскому с массой красных вывесок, на которых ярко выразилось все убожество мыслей революционной массы — на одном плакате — никаких аннексий и контрибуций — а на следующем — требуем всю полицию отправить на фронт — две соизмеримые величины. Затем выкатилась на Невский толпа, и совсем немногочисленная, рабочих и баб — впереди несли знамя — долой Вр[еменное] прав[ительств]о — впечатление от этого лозунга получилось совсем скверное — да и физиономии манифестантов были каторжные. На углу Морской и Невского были летучие митинги, одно время закупорившие всякое движение, — и настроение у интеллигентов было совсем подавленное — кто сказал долой Вр[еменное] прав[ительств]о, тот сказал — Да здравствует анархия. Споры так разгорались, что у меня создалось впечатление, что недалек день, когда от слов перейдут к рукоприкладству — и уговаривать этих людей, хлебнувших не по разуму идей, а часто и немецких денег, вещь безнадежная — все вопросы решаются или с необычайной легкостью — вообще оратели бывают или студенты — специалисты, или низшие чины, или, вернее, чувствуется, переодетые в форму низших чинов — но отпор они встречают достодолжный и подчас страстный. Ленинцы по-прежнему положительно нетерпимы толпой. Что толпа теперь требует? Обнародование союзных договоров, чтоб все знать и принять соответственное решение. Когда отойдешь от толпы и неприятных сегодняшних впечатлений, то ясно видишь провокацию некультурных физических сил, которые идут за горлодером, как стадо баранов, — в сущности все дневные манифестации были очень жидки — и сейчас же начались контрманифестации — на той же Мариинской площади были знамена с надписями за Милюкова, и уже вечером по Литейному прошла толпа, которая останавливала трамваи и приглашала антиленинцев присоединиться к манифестации — и кричали за Вр[еменное] прав[ительств]о. Но главное решение положения — выносится сейчас Советом р[абочих] и с[олдатских] депутатов, заседающим в Морском корпусе. Исполнительный комитет Совета вынес решение, неблагоприятное прав[ительств]у, потребовав не то смещения одного Милюкова, не то всех министров — но в Комитете преобладают большевики, тогда как в Совете большинство меньшевики. Но говорят, что и Чхеидзе, и Церетели вышли из состава Совета, как только дело стало клониться к тому, что власть и ответственность перейдут к Совету — критиковать и контролировать куда как легко — вести государственный корабль — это не то, что болтать языком. В самый последний момент слышал, что на место Милюкова проходит Ефремов. Но дело в том, что имеется тенденция объявить войну Вр[еменному] прав[ительств]у как носителю буржуазных идеалов — и если провалится кн. Львов со товарищи, то вся буржуазия провалится вместе с ними — и тогда наступит форменный кавардак — и вопрос так и поставлен Вр[еменным] прав[ительств]ом — мы на этом стоим и вместе все уйдем — или признайте, что мы правы, и смиритесь — или берите власть — если смеете. Сильно в М[инистерств]е ругали Милюкова — этого бога бестактности — и кто знает, быть может, можно было бы обойти остроту настоящего положения. Несвоевременно. А завтра будут танцы.

21 апреля

Положение выиграно прав[ительств]ом, но еще не закреплено. Вчера в 9 часов вечера состоялось соединенное заседание Вр[еменного] прав[ительств]а и Исполнительного комитета р[абочих] и с[олдатских] депутатов, на котором прав[ительств]о одержало верх — Ис[полнительный] ком[итет] должен был согласиться с доводами Вр[еменного] прав[ительств]а, которое официально объявило, — сегодня это в прессе — что если его решение о ноте не будет одобрено народом, то оно складывает свои полномочия. Заседание длилось очень долго, до трех часов утра, и формально не пришло к какому-либо результату — сегодня днем должна быть выработана согласительная формула-декларация, но только для внутреннего употребления, разъясняющая народу русскому то, что могло им быть не понято в ноте, обращенной к союзникам. Крайне интересно то, что Исп[олнительный] ком[итет] заявил, что вчерашняя антиправительственная манифестация сделана без его ведома и одобрения — это, как и следовало ожидать, была провокация, вызвавшая, однако, немедленно значительную контрманифестацию, в которой приняли участие до 40 000 человек, пришедших к Мариинскому дворцу и с восторгом выслушавших с подъемом сказанные речи Львова, Милюкова, Некрасова, Родзянко. Победа прав[ительств]а, громогласно заявлявшего о правоте занятой им позиции, о горячей любви к родине и т.д., в эти минуты на площади представлялась совсем рельефно. Воодушевление было огромно [...]. Часов около 7 часть толпы пришла к м[инистерст]ву и манифестировала — к ней вышел и говорил речь, стоя на стуле, Нератов — дорого дал бы присутствовать на этой сцене. — Итак, все пока проходит хорошо, но нужно сказать себе, что вчера был первый день гражданской войны. Кстати — когда вчера днем пришли к Мариинскому дворцу финляндцы, то об этом по телефону было сообщено в м[инистерст]во. Коростовец немедленно прошел к Милюкову и сообщил ему об этом. У Милюкова сидел Зильбер, секретарь Плеханова, который сообщил об этом последнему, и Плеханов по телефону настаивал немедленно вызвать из казарм три верных прав[ительств]у полка — один из них Преображенский — иначе говоря, он хотел вызвать гражданскую войну, в необходимость и по возможности скорейшую он твердо верит. Милюков этому энергично воспротивился и разрешил только устройство контрманифестации, и то только по окончании манифестации финляндцев и двух других войсковых частей. — Вот каково настоящее положение. Милюков, отзываясь о нем, высказал сожаление, что положение не приобрело большей остроты, так как, по его мнению, Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов окончательно выбит из колеи и прав[ительств]о имеет полную возможность взять в свои руки полноту власти. — К счастью, Совет министров не согласился с таким толкованием и, ценя подчиненное сотрудничество Совета, а не конфликт с ним, постановил выработать сообща согласительное толкование ноты к союзникам. [...] На завтра ждут манифеста Вильгельма с целями мира — манифест по случаю 500-летия царствования Гогенцоллернов. Из провинции говорят, что на местах полная, но пока мирная анархия — безвластие.

22 апреля

[...] Победа прав[ительств]а очевидна — разъяснение к ноте, которое также будет сообщено союзникам, ничего нового не говорит и никаких изменений в принципы ноты не вносит. Оказывается, что на соединенном заседании Совета м[инист]ров и Ис-

п[олнительного] ком[итета] — Гучков, Некрасов, Терещенко, Шингарев и Милюков так осветили настоящее внутреннее и международное положение России, что политические младенцы-теоретики Исп[олнительного] ком[итета], приобщенные на минуты не к критике жизни, а к творчеству, почувствовали трепет и всефактическую для себя невозможность принять на свои некультурные плечи бремя власти — на этом заседании государственно они были побиты — и, конечно, как сказал Милюков, они были выбиты из колеи. Выгода настоящего положения в этом и заключается, что теперь, надолго ли, неизвестно, между Прав[ительств]ом и Советом р[абочих] и с[олдатских] депутатов установились гораздо более правильные, осмысленные отношения — Совет, который пока держит в своем полном повиновении солдат — о рабочих особ[ая] статья, — убедившись в сложности государственной машины и трудности ей управлять, принял на себя тем самым, что он вкусил от древа познания некоторую, а я скажу огромную, часть ответственности за то, чтоб Россия осталась Россией. [...]

23 апреля

Совет р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] решил большинством против всех 122 большевиков оказывать полную поддержку займу свободы — это логическое последствие позавчерашней потери лица и победы прав[ительств]а. — Немцы уверяют, что потопили за февраль и март 1 800 000 тонн. Не знаю, так ли это, но, несомненно, Англия испытывает значительные и увеличивающиеся затруднения в тоннаже. Американцы в этом отношении обещают прийти на помощь, и не только в смысле судов, а также и в системе истребления подлодок. — Вечером говорили, будто над Лугой появились 8 германских аэропланов — а вчера где-то видели цеппелин — а посему Корнилов издал приказ, вселивший во многие души панику и опасения увидеть вскоре немцев в Петрограде. Сведения о настроении и боеспособности войск на фронте совсем неутешительные.

25 апреля

Волнение по поводу ноты Милюкова улеглось, и положение можно считать обеспеченным на некоторое самое короткое время. Политический вулкан, на котором мы живем, еще не скоро обратится в твердую почву — и не только много воды, но, конечно, много крови должно утечь прежде, нежели благодеяния свободы дадут себя знать. Война препятствует тому, чтоб прав[ительств]о сдало власть в неопытные руки демократии и тем скомпрометировало эту теоретическую постройку, неосуществимую в условиях русской действительности. Доведение войны до конца и созыв Учредительного собрания — вот нормальный и желанный со всех точек зрения предел жизни нынешнего прав[ительств]а. Затем нужно желать наступления полосы анархии, которая и создаст реакционную волну, из которой и родится сильное прав[ительств]о, о котором к тому времени будет томиться вся Россия. [...] В здравый смысл русского народа нужно и можно верить — это тот инстинкт, который заставит Россию избрать для вызволения себя из разрухи и беды правильный путь. Жаль только, что интеллигенция запряталась в свои углы и не подает голоса — для многих революция прошла слишком быстро и безболезненно — многие тяготились старым режимом и искренно с воодушевлением приветствовали новый строй — и на этом успокоились, не замечая, что кроме внешней стороны свершившейся перемены, которая почти всех удовлетворила, имеется и сторона вну-

тренняя и что идейная сущность революции должна заставить все культурные силы объединиться, чтоб защитить культурный смысл революции. — Война должна продолжаться и продолжается, но пока это только пародия — на фронте идет пресловутое братание наших солдат с немцами, во время которого последние выведывают все, что им нужно, и, пользуясь братанием, отправляют на западный фронт все наличные силы — объяснить это солдатам, заставить их воевать — нет возможности, и не знаю, можно ли возлагать на это какие-либо надежды. Мы не воюем и воевать не будем — вот фактическое положение дела. Оружие, однако, как говорят солдаты, они не положат — а кто может предсказать, какой результат даст наступление немцев. В России все возможно — возможна и яркая вспышка патриотизма и опьянение победой. Но если — в чем не сомневаюсь — мы будем пассивно воевать, то Германии придется открыть свои карты, как, впрочем, убежден, придется сделать и нашим союзникам. Победа полная, такая возможная до 27 февраля, теперь является утопией — и с этим, как с газами, которые выделяются из русской революции, как наши враги, так и наши союзники принуждены будут считаться — я не предвижу возможности всей Европе вновь засесть в траншеи на зимнюю кампанию — война народам безумно в тягость — финансовые и экономические проблемы встают, как Гималаи, — а конца этой войны на войне не видно — значит ее нужно кончить как-нибудь иначе и как это не выгодно нам — России — конец войны ближе, нежели можно себе представить, — иначе нужно допустить, что у части русского народа настроение вновь воспрянет и дезорганизованная армия и усталый полуголодный тыл вновь захотят воевать до конца, до мира без аннексий и контрибуций — лозунг бессмысленный, но такой теперь популярный и объединяющий.

26 апреля

Декларация прав[ительств]а о том, что процесс распада прежних устоев идет быстрее, нежели созидание новых, и поэтому России грозит анархия — нужно всем сплотиться и раньше всего необходимо, чтоб творческие демократические силы страны приняли ответственное участие в правлении — иначе говоря — коалиционное м[инистерст]во. О том же взывает в особом обращении к товарищам Керенский, о котором, к слову сказать, совершенно больше не слышно за последнее время и который, оказывается, не присутствовал, якобы по болезни, на знаменитом объединенном заседании прав[ительств]а и Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Декларация написана суконным языком, никаких чувств не затрагивает и для серой массы останется непонятой. А вопрос сам по себе чрезвычайной важности, и сам факт появления его показывает, насколько неблагополучно обстоит с властью. [...]

28 апреля

Вчера был зловеще-знаменательный день в том смысле, что из-за заседания Г[осударственной] думы ярче осветилось создавшееся положение. [...] Силой вещей положение культурных классов и культурных идей проиграно, конечно, только на время. Плебс с каждым часом все осязательнее ощущает наличие в своих руках власти — поэтому делается все наглее, и не далеко то время, когда он эту власть, которую пока он только контролирует для блага революционного народа и на погибель России, возьмет в свои руки. Уже вчера прав[ительств]о по непонятной для меня причине было в панике — се-

годня Гучков ушел — Керенский — разъяснен и выжат, как лимон, — Милюков непрочен — и идея коалиционного м[инистерст]ва, по всей видимости, отцветет, не успев расцвести. При нынешнем вихре событий долго ли дойти до откровенного признания, что Вр[еменное] прав[ительств]о не справляется с положением и должно уступить и власть, и ответственность за нее демократам. Мы живем теперь в состоянии пока что мирной анархии — и Вр[еменное] прав[ительств]о боится уйти, потому что оно справедливо предвидит, что демократы создадут окончательный развал. Получается положение как при старом режиме, когда не хотели делать революцию, считая, что момент неподходящий из-за войны и что, начав делать революцию, неизвестно чем и когда она кончится. Теперь то же самое — стараются сохранить явно нелепое положение, страшась худшего, — но жизни этим страхом не удержать — а безвластие и анархия делаются просто невыносимыми — в сознательных людях уже весьма заметна реакция — и недалеко то время, когда реакция захватит и более широкие слои населения. Весьма возможно, что поводом к тому послужит тот же продовольственный вопрос, о котором люди компетентные говорят с тревогой. Разруха так велика в провинции, что перестали подвозить хлеб и недосевы огромные — растут затруднения по перевозкам, и возможность голодания крупных центров, а в особенности Петрограда, вовсе не исключена. Все это создает благоприятную почву для народных волнений и неудовольствия, обильно орошаемого немецким золотом, и народный гнев, конечно, будет направлен умелой рукой против буржуазии. Момент анархии, ее неизбежность особенно ярко выявились вчера в Г[осударственной] думе — как русский народ не любит проливать крови, но удержаться на сухом месте ему не удастся. Сегодня Н.Н. Львов, который мне рассказывал о вчерашнем заседании, обмолвился характерной фразой — поскольку демократы доконают Россию. Вот к чему идет дело, масса является бессознательным орудием в руках кучки теоретиков, которые хотят на основах социализма перестроить весь мир — им дела нет до войны, до России — патриотизм, любовь к родине — для них слова без реального значения — они хотят своей идеологией заразить весь мир — и, боясь упустить момент своего властвования, они торопятся на деле осуществить свои идеи, прекрасные по существу, но не пригодные в реальной жизни XX века. А мы, интеллигенты, — бессильны бороться против них [...]. Когда я говорю, что культурный класс бессилен бороться против повального безумия, то это не нравственное или умственное testimonium paupertatis [свидетельство о духовной скудости]– это аксиома, которая находит себе яркое подтверждение в том факте, что бежавшие из германского плена солдаты не могут найти общего языка с солдатами Петроградского гарнизона — они выступают на митингах, некоторые из них недурные ораторы — иногда их рассказы вызывают слезы — а иногда недоверие — им не верят, что немцы звери, и в ответ твердят, что все люди братья и т. д. и т. д. — преподносят всю социалистическую кухню. [...] Положение характеризуется кем-то выставленным лозунгом — и мир на фронте — и война в стране. Пока это в проекте, но до осуществления недалеко — одна надежда на немцев — плохих психологов — если они нажмут на нас и, очевидно, будут иметь крупный успех, то это протрезвит народ и вызовет к жизни творческие силы страны — появится потребность в сильной власти и сама власть, вероятно, военная. — Между прочим, узнал, что участвовавшие в манифестации против Вр[еменного] прав[ительств]а получили по 5 рубл. — Исполнительный комитет Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] организует международную конференцию социалистов в Стокгольме — разговор будет идти о мире. Между прочим, более чем вероятно, что мир будет заключен народами, а не прав[ительств]ами. В печати появились усло-

вия мира, будто бы выработанные Бетманом-Гольвегом, — они, конечно, совершенно неприемлемы — но, по совести говоря, можем ли мы рассчитывать на выгодные условия — легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели русскому демократу сделаться русским, а затем демократом.

5 мая

Неделя министерского кризиса благополучно разрешилась созданием коалиционного министерства. Длинные газетные отчеты рассказывали, как трудны были роды — их не стоит пересказывать своими словами. Интересно отметить настроение — масса бодрости и веры, что Россия выгребет. На коалицию возлагают, быть может, преувеличенные надежды, говорить о ее долговечности и прочности не приходится — но одно положение выяснилось с особой яркостью — всеми сколько-нибудь ответственными руководителями народных масс была сознана настоятельная необходимость создания твердой власти «для спасения России от анархии». Этой целью задались все — будущее покажет, насколько она оказалась осуществленной. Керенский, по крайней мере, не стал медлить и издал приказ по военному ведомству, в котором говорит языком твердой и карающей власти. Съезд командующих фронтами и Алексеева способствовал разрешению кризиса в том отношении, что наглядно представил картину полного развала армии — таковая более не существует, и Гурко говорит, что раньше шести недель не видит возможности воссоздать боеспособную армию. Крестьянский съезд, весь стоящий за продолжение войны, также поднял общее настроение [...]. Терещенко избран м[инистр]ом и[ностранных] д[ел] по той причине, что он единственный из членов прав[ительств]а и из людей власти говорит по-французски.

11 мая

Создание коалиционного демократическо-буржуазного прав[ительств]а пока что не отразилось на общем положении дел. Анархия продолжает шествовать гигантскими шагами во всех областях государственной жизни, и очевидно, что справиться с ней в настоящее время не под силу никому. [...] Теперь в России три царя — солдаты, рабочие, крестьянство — и все самодержцы и осмысленные, узкие эгоисты. Солдаты есть — армии нету — по этому поводу один рассказ меня поразил — немцы вышли брататься — их взяли в плен — за это вторая линия окопов обстреляла первую линию — обстреляла за то, что первая линия осмелилась взять в плен врагов — дальше этого некуда идти. Керенский поехал на фронт — он крайне популярен, но не у меня одного растет убеждение, что реальных результатов его деятельность не принесет — будет масса приветствий, энтузиазма, гром аплодисментов, ответные речи, клятвы — масса слов и никаких действий — а если Керенский не двинет солдат в бой, то кто же сможет этого достигнуть? Во флоте дело обстоит лучше — там братание было невозможно. — Рабочие первые доконают анархию — в настоящее время они заняты тем, что уничтожают промышленность, требование их в повышении заработной платы отдает сумасшедшим домом — промышленность еще держится — еще пробует бороться, но недалеко то время, когда заводы перестанут работать — никому не охота работать в убыток. Опасность положения усугубляется тем, что на многих и крупных заводах, как то Путиловском, топлива хватит недели на две, не более — закроются заводы, распустятся рабочие — подвоз продуктов в Петроград совсем

слаб — вот и все элементы, чтоб анархия в столице от слов перешла в дело [...]. В столице масса съездов — языком болтать научились прекрасно — большевики определенно не имеют никакого успеха — но на практике все следуют их теории — и дела никто не делает. На кадетском съезде гаффирует о внешней политике Милюков — этот умный человек не может понять, что его тактика в достижении совершенно правильных целей абсолютно неверна в настоящих условиях — он атакует в лоб, когда нужно действовать обходом. Кто из русских здравомыслящих людей не хочет Конст[антинопо]ля? Все хотят — но заявлять это перед левыми ослами — это им уподобляться и заранее обречь свои выступления на неуспех. — Правильна мысль нового прав[ительств]а — раньше всего восстановить мощь армии — по достижении этой цели и в особенности, если армия начнет работать, можно будет говорить о дальнейших целях. Кроме того, нужно было так взяться за дело, чтоб союзники нам помогли дипломатически в наших демократических обстоятельствах — почему было не объясниться с ними en tapinois [тайком] под рукой? — Терещенко — человек в М[инистерст]ве недолговечный — очень милый, слегка парвеню, хорошо воспитанный, масса порыва но никакого fond [основания] — умный, понимающий, но малосамостоятельный, прислушивающийся ко мнению своих коллег. Общее убеждение, что коалиционное м[инистерст]во недолговечно — и что чрез короткое время оно будет заменено чисто демократическим м[инистерст]вом.

13 мая

Во Франции русская бригада занялась во время самой горячей поры наступления англо-французов братанием с немцами. Французам это не понравилось. Они потребовали под угрозой всеобщего расстрела выдачи зачинщиков этого позорного деяния и таковых в количестве 180 человек расстреляли, предварив, однако, что если этот урок не послужит на пользу русской бригаде, то таковая будет уничтожена. Можно желать лишь одного, чтоб эта история не сделалась достоянием гласности. Наступает промышленный кризис — иначе говоря, мы входим в бурный период анархии. Рабочие добили русскую промышленность своими несуразными требованиями — они зарезали курицу, приносившую им яйца. Расходы по уплате жалования рабочим возросли в столь фантастическом размере, что все заводы недели чрез полторы-две закроются. [...] Авторитетов теперь никаких нет — каждый сам себе хозяин — интеллигентный труд в загоне — ценятся теперь только труд физический, труд пролетариев, которые получают деньги и ничего не делают. Генерала Алексеева пробирают в левых газетах за выраженное на фронтовом съезде мнение о развале армии — социал-революционер Бузков заявил мне, что Милюков и Гучков не интеллигенты — что настоящие граждане, сознательные до грязных ногтей, это только мужики, которые, к сожалению, хотят кончить войну на каких угодно основаниях, а вот помещики, те не могут понять правды и красоты революции; свободного моря для России с[оциал]-р[еволюционеры] добьются тем простым способом, что превратят Европу в союз свободных народов, что вне социализма нет спасения, а так как у нас золота нет, то валютной единицей ими будет установлен — хлеб. [...] Картина теперь, напротив, получилась неприглядная — и пока русским быть как будто стыдно — по крайней мере, в Париж и Лондон на места послов нет любителей ехать среди общественных деятелей, которые в сущности в первую голову ответственны за происходящую разруху. Гучков, сказав, что Россия на краю гибели, добавил, что ждет чуда, которое одно может спасти Россию. И многие теперь ждут этого чуда — все живут каким-то неясным

будущим, потому что прямо невмоготу жить кошмарным настоящим — а кошмар-то только начинается по-настоящему и хуже будет во сто крат того, что теперь есть.

14 мая

Керенский издал по войскам приказ перейти в наступление. Приказ редактирован неважно — да и трудно это было сделать хорошо, но огромной важности то, что отдан приказ о наступлении. Я не видал ни одного человека, который верил, что этот приказ будет исполнен — допускают в лучшем случае, что некоторые части перейдут в наступление, некоторые выражают уверенность, что если бы двинуть войска в бой и одержать хороший успех, то лавина покатилась бы сама собой. Быть может, на фронте несколько отлично от того, что приходится здесь видеть, читать и слышать — но, судя по тем данным, которые имеются у нас, петроградцев, в распоряжении приказ Керенского в смысле наступления останется мертвой буквой. Одно только получится осязательное и ценное — расслоение солдатской массы — образуется лагерь воинов, послушных приказу Керенского и Врем[енному] прав[ительств]у, и лагерь распропагандированных солдат — иными словами — у прав[ительств]а образуется своя гвардия, которую можно будет умеючи использовать для водворения порядка и для приведения к одному знаменателю всех этих взбунтовавшихся рабов. Без кровопролития, без гражданской войны не обойтись — чем скорее это случится, тем лучше. Поездка Керенского по фронту — сплошной триумф — но опять-таки, это одни только слова, слова и слова. Наши союзники — еще наши союзники и еще надеются, что у нас что-то образуется и народ образумится.

29 мая

Если бы записывать каждый день наиболее яркие факты текущей жизни, то можно было бы отметить несколько событий, которые рябили поверхность жизни в то время, как толща продолжала гнуть свою линию, непосредственно не отзываясь на совершающиеся события. Прежде всего нужно отметить то, что Россия в настоящее время не имеет внешней политики. То, что мы — МИД — теперь делаем — это исполнение текущих дел — совершенно ясно, что все слова и жесты, официально произносимые от имени России в МИД и за границей, никакого удельного веса не имеют — и эта условная и очевидная ложь может продолжаться только при попустительстве со стороны наших союзников и нейтральных, и терпеть эту ложь они будут доколе это им, по их соображениям, выгодно — но может прийти день, когда они скажут — а ну вас к черту! То, что они от нас еще не отмахнулись, является некоторым доказательством, что они еще не потеряли надежду видеть Россию выздоровевшей — они, быть может, еще не готовы от нас отказаться, а с другой стороны, может быть, стекающиеся к ним сведения укрепляют их надежду видеть вновь русское наступление. Но теперь о внешней политике не говорят. — Италия объявила независимость Албании — впечатление, будто речь идет о прошлогоднем снеге. В Греции что-то творится неладное — шатается трон короля Константина — знаю, что и мы там официально орудуем, но опять-таки, это одна только видимость — России там нет, а один только посланник. Не имея возможности по долгу русского человека и по личному убеждению изменить курс русской внешней политики, который очевидно соответствует жизненным интересам России, Терещенко, а раньше Милюков, а говоря, общерусская интеллигенция, засевшая в МИД, не имеет одновременно реальной вла-

сти над Россией, реального контакта с беснующимся самодержавным народом. Народ, в свою очередь, до сих пор еще не взял внешнюю политику в свои руки, а, следовательно, не сказал своего творческого слова в этой области — его же желание, попадая для исполнения в культурные мозги, неизбежно обезличивается, приодевается, вымывается, принимает презентабельный вид et fuit en queue de poisson [внезапно убегает] — такое время подошло, что свою инициативу, свое profession de foi [изложение политических убеждений] нужно прятать в карман — а чужую инициативу нужно по возможности сводить на нет. — Ответ союзников касательно целей войны — и тот мелькнул как эпизод — интерес к этому вопросу у левых как будто отгорел — да и ответ был не такого сорта, чтоб его можно было использовать в своих преступных видах. Французский ответ мне понравился тем более, что он был поддержан голосованием и в Палате, и в Сенате. Ответ англичан меня не удовлетворил — его ирония могла бы быть понята как провокация. Пришло и послание Вильсона к русскому народу[12] — внешне все это как будто с гуся вода — народ живет своей интенсивной жизнью — и все, что как будто должно на него оказать воздействие, оставляет его безучастным — не знаешь, как [к] нему подступиться — народ, как неразумное дитя — хочу — и дай — а отгорело и забыл — еще недавно неистовствовали, требуя опубликования всех секретных договоров — а теперь, что союзники выразили на это свое согласие, крикуны кричат о другом и забыли свой прежний раж. К вопросам внешней политики интерес отгорел. Злоба дня — это возвещенное Керенским наступление и борьба против Вр[еменного] прав[ительств]а. — В предстоящее наступление верят или не верят по способности — но с Южного фронта упорно доходят весьма отрадные слухи и сведения — именно о в скором времени готовящемся наступлении — слыхал я сегодня о крупных перегруппировках — создаются две ударные группы в районе Тарнополя и на Румынском фронте — и мне верится, что какое то ни было, но наступление состоится — в большие результаты этого наступления я не верю — но оно на время создаст иную атмосферу, в которой будет легче дышать — использовать полностью благоприятную конъюнктуру мы, т. е. интеллигенция и Вр[еменное] прав[ительств]о, не сумеем, но кое-что будет сделано в международном смысле для прекращения войны, и многое можно ожидать от Австрии, где положение в продовольственном смысле делается затруднительным до чрезвычайности и где император Карл заявил недавно, что он воспользуется первым случаем, чтоб заключить почетный мир. Против нашего наступления усиленно агитируют большевики и германские агенты, которых понаехало тьма — все это знают, но мер не принимают. Но, по всей видимости, большевики на фронте успеха большего не имеют. Опасен очень le contre-coup [контрудар] после наступления — но это будет осенью, когда невозможность продолжать войну станет очевидной. [...]

30 мая

В сущности организованной борьбы, кроме борьбы ленинцев, против прав[ительств]а нет — есть анархия, есть разнузданность, опьянение свободой, разгул черни, за которой слепо следует глубоко некультурный народ. Несомненно — одного я видал собственными глазами — имеются немецкие агенты, которые всеми силами и доселе успешно сеют смуту — за ними идет панургово стадо, так как лозунги, ими возвещаемые, понятны и близки животному эгоизму масс — долой войну, смерть капиталистам — в деревнях лозунг немедленного отобрания у помещиков земель — все эти большевики и ленинцы на службе Германии — и в некоторых местах, как-то в Кронштадте, им удается держать

в руках все население и доводить дело до абсурда, до республики Котлинской. Это течение левее здравого смысла, наиболее по сердцу и по инстинктам близкое толпе — но оно постепенно лишается идейных руководителей, потому что удержать его в каких-либо границах невозможно — фактически оно в своем развитии должно доводить до абсурда — это течение борется против всех и вся, но не против Германии, что и выдает его происхождение. Течение это, приведшее Россию к современной разрухе, является деятельнейшим фактором контрреволюции — постепенно всем невмоготу от анархии. Вся остальная демократия во главе с СРИСД значительно поправела и продолжает праветь, видя, что зверя не только нельзя вогнать вновь в клетку, но что этот зверь творит беды и разруху по всей России. Никто не мог предполагать, что одним из первых лозунгов свободной России будет сепаратный мир — Штюрмер сидит в крепости именно потому, что предполагают, что он намеревался заключить преждевременный мир — Николая II за это же свергли с престола — а лозунг этот ожил с небывалой силой. Все это является доказательством, что вся беда от германских провокаторов, а затем, что это болезнь временная, но чтобы справиться с ней, необходимо создание твердой власти — Вр[еменное] прав[ительств]о начинает отдавать властные приказания, которых слушаются, как то в Нижнем Новгороде, с двумя солдатами-убийцами, выпущенными самовольно из-под ареста и по приказу Керенского выданных полком. Но все же, несмотря на известное улучшение в этом отношении, несмотря, что министры-социалисты с каждым часом государственной работы политически воспитываются — коалиционное м[инистерст]во не является ни властным, ни жизнеспособным — откровенно плох кн. Львов — прав[ительств]о занимается текущими делами и занимается совсем бестолково, неумело, как будто само не веря в продолжительность своего существования — и оно действительно скоро принуждено будет уйти и уступить место социалистам.

31 мая

Король греческий отрекся от престола в пользу своего второго сына. Событие это произошло под давлением союзников — и России — пославших в Афины Жонара — и операция до сих пор прошла с большой легкостью. Это событие может быть чревато последствиями, в особенности, если сопоставить его с тем, что Мандельштам работает в Берне над сепаратным миром с Турцией и Болгарией — от Нольде я, между прочим, знаю, что сепаратный мир с этими державами является целью политики Терещенко — это, так сказать, его самостоятельный трюк. Событие это, однако, комментируется немного par dessous jambe [небрежно], что вполне естественно — демократы и не знают, где это находится Греция — а буржуи так подавлены развитием анархии и походом на них пролетариев, что им не до греческих неурядиц — те неурядицы, которые происходят у нас, им куда ближе и больнее. — В настоящий момент на Россию нужно смотреть à vol d'oiseau [с высоты птичьего полета] — приглядываться, всматриваться — не дай Бог — кроме тошноты отвращения, презрения и злобы это занятие ничего не может вызвать в сколько-нибудь культурной душе. Но нужно сказать себе, что будущее России прекрасно, и когда духовная и умственная культура коснется этого народа, то мир увидит картину, достойную великой славянской души — то же, что мир видит сейчас, — это одно уныние и позор — дело дошло до того, что очень и очень многие не только за границей, но и здесь, в России, говорят, что стыдно называться русскими. Иностранцы не могут понять, что у русского народа нет в общем ни малейшего

чувства патриотизма — многие русские, забывшие национальный подъем в первый год войны, также клянут этот порок русского народа — но я думаю, что все это происходит от темноты, от невежества, в которой пребывает этот самый народ — он находится в периоде острой психической болезни, и он, конечно, невменяем, а этим пользуются темные силы, которые затуркали его громкими фразами, подделали его мнение и ведут его за собой, опьяненного волей и лишенного сознания. [...] Я постепенно привык видеть слоняющихся без дела, грызущих семечки солдат, привык к мародерству извозчиков и купцов, привык к грязи неимоверной столичных улиц, привык к ежедневным грабежам и убийствам купцов и мирных обывателей, привык к власти хама, что видно на каждом шагу, привык к тону левой прессы, точащей зубы и ножи на буржуев и их имущество, привык к логике левых ослов во главе с Горьким, объявивших Англию и Францию как действующих в войне с явно захватными намерениями и замолчавших Германию, привык к Кронштадтской республике (хотя не могу привыкнуть к факту содержания в тюрьме безвинных офицеров — как с этим мирилось Вр[еменное] прав[ительств]о, в голову не возьму), привык читать по утрам в газете, как по матушке России гуляет русский хам — русский солдат, творящий безобразия и оптом, и в розницу, и всюду, где только попало — русский мужик, подбирающийся к даровой культурной земле, и русский полуинтеллигент, решающий с непререкаемым авторитетом государственные и международные дела. Я говорю — дайте время — все образуется [...]. Все уляжется — все утрясется — а относительно войны скажу — и немцам плохо — и на нашей революции и разрухе они никакого шлема не сыграют — а что война может кончиться общим компромиссом — это я охотно допускаю — и, конечно, именно мы пострадаем больше всех.

9 июня

Живешь изо дня в день и каждый день отдаешь себе отчет, как непрочно то положение, в котором пребывает вся страна. Сегодня, возвращаясь из м[инистерст]ва по Невскому, мне это как-то особенно бросилось в глаза — продавались какие-то цветы, у «Русской Воли» толпился народ, мчались автомобили, ползли извозчики, громыхал через меру переполненный трамвай, публика двигалась по панели — словом, жизнь шла своим чередом – но мне представилось, как все это на фу-фу, непрочно и как быстро можно было бы спугнуть всю эту публику, загнать жизнь города в несвойственные ей формы. Уходя от Терещенко, я также думал — а где он будет завтра или через месяц — и разговоры в м[инистерст]ве все такие подходящие — завидуют тем, кто едет за границу — кто подумывает, а кто и подыскивает себе частную службу — как не крепишься, как не стараешься держать себя в руках, но вконец издерганные нервы дают себя знать, живешь в каких-то потемках, живешь без жизни и говоришь себе, что худшее еще впереди. Мне представляется, что боевая жизнь в окопах схожа с нашей теперешней жизнью — но там есть ясная цель и есть тыл — у нас же цели нет и тыла нет — каждый и везде чувствует себя в опасности и окруженным недоброй атмосферой, а смысл всего — это то, что нужно притерпеться и неизбежное будущее будет хорошим — но настоящее, нужно ему отдать справедливость, черт знает какое скверное и, главное, своей томительной изводящей неопределенностью. [...] Отношения с союзниками начинают становиться несколько натянутыми — не дают тоннажа, выражают официально сомнение в нашей боеспособности; в этом отношении также

назревает кризис — нападок на наших союзников стало меньше — и мне даже передавали, будто немцы признают, что их пропаганда в России побеждена пропагандой, развитой союзниками, в особенности англичанами — не скажу, чтоб союзническая пропаганда была бы очень заметна — временами замечается отрезвление народных масс, но это приходит изнутри, а не извне. В Италии министерско-социалистический кризис. В Испании также кризис — хотят объявить Германии войну. В Германии все по-прежнему.

13 июня

[...] В районе Злочува как будто немцы повели наступление. «Бреслау» вновь мелькнул в Черном море. О нашем наступлении ничего не слышно. Казачий съезд — одно утешение — они определенно стали против большевиков, за Вр[еменное] прав[ительств]о и за войну — и как в прежнее время, так и теперь при возгласе «казак» всякий улепетывает, кто как горазд, и чувствуется, что засвистит казацкая нагайка над свободным гражданином земли русской, гражданином, который признает и подчиняется одной только палке, одной силе.

14 июня

Кто теперь честно высказывает свои политические убеждения? Как допустить, что в бывшей триста лет монархической России в настоящий момент официально нет ни одного монархиста, за исключением тех, что сидят в Трубецком бастионе? Все притаились — все помалкивают до лучших времен, когда будет обеспечена в лучшей, нежели теперь, мере личная неприкосновенность, будет твердо стоять принцип собственности и под ногами будет чувствоваться твердая почва. Даже левые не говорят то, что они думают — одни, как напр[имер] Плеханов, правеют от анархии — другие идут левее своих убеждений, потому что это им выгодно. [...]

15 июня

[...] В Ставке превосходное настроение — деятельно готовятся к наступлению — вот тоже большая и весьма опасная карта à jouer [игральная] — а играть ее нужно, а ежели наступать с головой и вовремя остановить наступление и закрепиться, благодетельные результаты наступления будут неисчислимы во всех отношениях. В Греции Венизелос пришел ко власти — недалек момент вступления Греции в войну против Германии — очень может быть, что и Норвегия пойдет по тому же пути. Нейтралитет теперь — это недоразумение с точки зрения воюющих — и преступление против своей страны.

17 июня

В Петрограде в день покупается на 300 тыс. рублей семечек. Вот революционный размах. Лева Голицын приехал с Волги — большевики осточертели всем — есть центры, как-то Царицын, Кронштадт, но в общем вся Россия против них — война также не очень популярна. Все жаждут твердой власти. Завтра на демонстрацию, слышно, выйдут все вооруженными, и озлобление против большевиков большое и растет. [...]

19 июня

Русские войска перешли в наступление в районе Бржезан — до сих пор взято в плен 9 000 человек и 150 офицеров. По улицам уже ходили манифестации, провокаторов, говоривших против войны, арестовывали, солдаты все говорили о том, что едут на фронт. Опасная карта сыграна — будет успех — положение в смысле крепости власти значительно улучшится — но если начнется отступление, то по логике рисуются довольно мрачные картины. [...]

23 июня

Наступление наше пока ограничилось одним коротким ударом, но чувствуется, что деятельно подготовляется дальнейшая операция, которая охватит более широкий фронт — что-то пошевеливаются на Рижском фронте — быть может, сговариваются относительно одновременного наступления с союзниками теперь, чтоб наш фронт ожил. Большевики надрываются из последних сил — хотят охладить порыв, заставивший войска внять словам Керенского и людей, любящих Россию, — но выступление их значения иметь не может — как все, что происходит теперь, имеет или явно эпизодический, или стихийный характер — так и наша армия повинуется теперь стихийному началу — и остановить ее может такое же стихийное движение, но не агитация вполне разъясненных людей. [...] Во Франции немцы ведут ожесточенные, но безуспешные атаки.

26 июня

Армия Корнилова перешла в наступление, сделан глубокий прорыв фронта — наша кавалерия работает в неприятельском тылу, взято 7 000 пленных и 48 орудий, из коих 12 тяжелых. Настроение крепнет — обрисовывается планомерный подход ко Львову — большевики неудержимо теряют почву. Слава Керенскому — вознесенный на гребень революционной волны он оказался на высоте положения. Он перевоспитался в государственного деятеля и, не порывая связи с демократией, он сделался самодержцем.

27 июня

Несколько сведений, чужих впечатлений, летающих слухов. — Гр. Трубецкой, находящийся при Ставке, рассказал Нольде, а последний мне, что, по его впечатлению, наше наступление гальванизировано, что предварительно идут длительные переговоры — торги с разного калибра комитетами, идет голосование, образование из желающих ударных групп, начальствующими лицами произносятся речи — словом, искусственным и искусным образом создается настроение, подвинчивается дух, после чего начинается наступление. Вот объяснение, почему удары бывают только короткие — и нужно сказать, что если с каждой новой позиции нужно будет такими митинговыми средствами поднимать войска, то решающего успеха у нас быть не может. Впрочем, лиха беда начало — затем начнется ледоход, и меня уверяли, что сегодня должно начаться наступление на фронте Рига–Двинск. Во всяком случае, наш фронт свое дело сделал и даже сделал больше — он не только устоял, а перешел в наступление. Таким образом, германский порыв к победе, направленный в сторону наименьшего, казалось бы, сопротивления, к конечной победе при развале России, встретив сопротивление вновь единого фронта,

будет искать иного выхода и исхода для окончания войны — и из порыва вовне обратится в порыв вовнутрь Германии, чему намечаются как будто первые признаки. В Рейхстаге Б. Гольвег выслушивает теперь от центра требования мира на основании декларации 4 августа 1914 — мир без аннексий и контрибуций. И в этом отношении — лиха беда начало — сознание, что для достижения мира нужно переделать у себя в Германии кое-что, внедрится постепенно и принесет свой плод. Как скоро это случится — предсказать невозможно, потому что нужно переделать миросозерцание целого народа, понимающего дело сейчас совершенно иначе — но если только мы будем продолжать воевать хоть как-нибудь, то для германского народа революция — единственный путь спасения. [...]

28 июня

Галич взят нами. С точки зрения стратегической — это крупный успех — предвидится ряд дальнейших логически развивающихся предприятий, конечной целью которых явится занятие Львова. Настроение заметно поднимается — вернувшиеся на днях из провинции говорят, что нельзя узнать Петрограда — невольно общественный интерес переносится к событиям на фронте, и тем становится менее болезненным внутренний процесс. До хорошей погоды, сказал мне сегодня начальник Петроградского штаба Ю.Д. Романовский, еще далеко, но дело улучшается — наступление является всецело творением Керенского — он умеет действовать на массы и зажигать сердца. Наступление на Северном фронте как будто не предвидится — там у нас недостаточно артиллерии, но, вероятно, двинется Румынский фронт — и в связи с этим и событиями в Греции может наметиться весьма интересная операция против Болгарии. Создается такое впечатление, что дело войны вновь переходит в руки военачальников — l'appetit vient en mangeant [аппетит приходит во время еды] — успех окрыляет — и те самые солдаты, которые колебались, выходить ли им из окопов — пойдут на Львов, как цели реальной и им понятной — игра началась и хочется выиграть. Теперь что дело наладилось на фронте, приходится лечить тыл, и в этом отношении можно предполагать, что большевикам придется круто — им хотят разъяснить, и мне говорили сегодня, что Бурцев имеет доказательства того, что Ленин германский наймит — Бурцев заявил, что время еще не пришло сделать то открытие об одном провокаторе, что вызовет содрогание всего мира, но предполагают, что речь идет о Ленине. Если это так, и это будет публично доказано, то большевизму будет нанесен смертельный удар и выздоровление России пойдет быстрыми шагами. Положение немцев ухудшается с каждым днем — силы, ими развитые в целях достижения победы, из центробежных превращаются в центростремительные, и придет час, когда немцы поймут, что для спасения германского народа нужно будет перестроить на новых основаниях свой политический уклад и отказаться от людей и лозунгов, которые вели их к владычеству над человечеством — они были близки к осуществлению этой гордой идеи, но дело на Марне окончательно сорвалось, и дальнейшим ходом логически развивающихся событий судьба Германии предопределена. Можно надеяться, что армия постепенно окончательно выздоровеет — и война продлится, по мнению Романовского, еще года полтора. Германия может надеяться на внешнее чудо — чудо из чудес — русская революция, обольстив ее надеждой, обманула ее ожидания — но настанет же день, когда Германия поймет, что игра ею бесповоротно проиграна — хорошие игроки не ждут мата — они сдаются, когда проигрыш их очевиден — и немцы поступят также, но зная, что германскому империализму не будет пощады, они в целях самосохранения

возьмут свою судьбу в свои руки — и народы договорятся между собой. В связи с перспективами, которые открываются нашим наступлением, пришлось говорить о послевоенном будущем. — Я твердо верю, что будущее принадлежит России — наступит — и не так долго ждать — русская эра — и Россия скажет миру свое новое слово в области духа. Можно провести аналогию историческую. Долгое время царила Франция — без малого два столетия, и с падением Наполеона началось увядание ее мировой славы и значения, Англия при всей своей мощи и культуре никогда не могла равняться по блеску с Францией — она не давала достаточно миру и лишь являлась великим и неизменным коррективом мирового политического уклада. После Франции должен был прийти расцвет Германии, и действительно тяжелая гегемония Германии чувствовалась, начиная с франко-прусской войны — но ей в настоящую войну не удалось выплыть на мировой простор, и она, в смысле мировом, завяла, не успев расцвесть. Теперь вскоре наступит эра России — но будет ли Германия служить ей коррективом наподобие Англии по отношению к Франции?

29 июня

Наше наступление в Галиции постепенно развивается — войска Корнилова взяли г. Калуш — все судят и рядят, чем может увенчаться наше наступление — приговаривают к смерти дышащую на ладан Австрию и ждут ответного удара немцев на Петроград. В военном отношении тучи быстро расходятся, и на ближайшее время можно быть уверенным, что армия будет жить боевой жизнью. [...]

30 июня

На фронте военные действия не развиваются — соседние с Корниловской части фронта медлят перейти в наступление, но так как приятные сюрпризы в этом отношении до сих пор бывали по воскресеньям, то подождем два дня — но главное дело сделано — фронт ожил, и немцы должны с ним считаться. [...]

Усиленно играют предстоящим продовольственным кризисом — действительно, дороговизна развивается с такой быстротой и принимает такие фантастические размеры, что придется вскоре сжаться в совершенно непостижимой степени — и на этой почве более чем вероятны голодные бунты, и думается по аналогии, что они могут послужить причиной непосредственного падения нынешнего прав[ительств]а, как недостаток хлеба вызвал падение царского режима. Газеты занимаются кризисом в Германии — придет это золотое время, но еще не пришло — раньше должен последовать военный удар — вот было бы хорошо, если бы наступление немцев на Петроград принудил[о] бы столицу перенести в Москву.

3 июля

На улицах опять мартовские дни. Появились автомобили с прикрепленными на них пулеметами — организованные банды солдат останавливают автомобили, высаживают оторопелых пассажиров и тут же на глазах сбежавшейся толпы украшают его пулеметом — какие-то грузовики разъезжают и раздают этим солдатам пулеметы. [...] Кроме солдат во всем этом принимают деятельное участие люди, одетые в косоворот-

ки, по внешнему виду сознательные рабочие. Настроение сразу стало тревожное — по улицам собираются в кучки. [...] На Невском миллион народа — носят плакаты «Долой десять министров-капиталистов» — уже раздались два-три выстрела, произведших, конечно, панику, впрочем, быстро улегшуюся. — Можно предполагать, что прав[ительств] о застигнуто врасплох — в м[инистерст]ве в седьмом часу вечера ничего не знали и не предполагали вплоть до тов[арища] м[инист]ра А.М. Петряева — но невольно поражаешься — в то время как на улицах забирают автомобили и вооружают их пулеметами — прав[ительств]о занимается убеждением солдат не выходить из подчинения. Против пулеметов убедителен только пулемет, и дать большевикам ночь для официальной организации — это потерять темп и, конечно, не избежать кровопролития. Идти против Вр[еменного] прав[ительств]а — это в сущности идти против С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], который поддерживает Вр[еменное] прав[ительств]о. Если рассуждать хладнокровно, настоящий кризис, если его разыграть правильно, является желательным. Все равно без кровопускания дело не могло обойтись — а большевистская зараза зашла так далеко, что организм России не мог больше ее безнаказанно переносить — она должна или победить, или исчезнуть как фактор, направляющий политическую жизнь страны — и со стороны большевиков является очень ловким ходом повести толпу против министров-капиталистов — этот лозунг, объединяющий несознательные массы, а добившись насильственным образом падения буржуазных министров, они тем самым дискредитируют СРИСД, поддерживавший коалиционное прав[ительств]о, которое, как они потом будут говорить, народ не мог стерпеть. Победителей не судят — успех большевиков мигом притянет на их сторону. [...]

4 июля

Опять день сильных ощущений. [...] Прав[ительств]о, насколько мне известно, задалось целью обезоружить большевиков — следовательно, на завтра нужно предполагать кровавые столкновения. На стороне прав[ительств]а 17 броневиков и 5 на стороне большевиков. Вооруженное выступление было встречено публикой определенно враждебно, в некоторых случаях публика собственными средствами ссаживала с вооруженных автомобилей большевиков, быстро исчезавших в толпе — но прав[ительств]о не могло открыто выступить против них, потому что не было вполне уверено в тех полках, которые обещали ему поддержку — одни только преображенцы были достоверны, да казаки, но этих сил было, по мнению Половцева, недостаточно, чтоб действовать наверняка. Установлено, что движение было уже недели за три организовано Лениным и К° — были вызваны и пришли кронштадтцы в количестве 2 000 человек, все вооруженные. — Разбираясь в тех бесконечных толках, что пришлось сегодня выслушать, можно заключить, что демонстрация эта устроена на немецкие деньги — и цель ее была одна — углубить анархию. Требовать с оружием в руках и громя магазины и лавки на Невском, чтоб власть перешла полностью к Совету р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] помимо воли последнего — это nonsens — для подобного рода домогательств не нужны пулеметы. Можно уже теперь с уверенностью сказать, что выступление подкупленных немцами большевиков окончилось крахом — моря они не зажгли, а еще сознательные еще крепче объединили против себя все то огромное большинство народа, которое было и раньше против них. Кроме немецких денег за большевиков действует и нежелание воевать, которое проявляется у многих солдат. [...]

9 июля

Ничего не знаю, кроме того, что напечатано в газетах. Происходит троякий кризис — 1) военный — прорыв нашего фронта, 2) ликвидация большевистского выступления, 3) кризис правительственный. — Первому я не склонен придавать катастрофического характера, потому что военным действиям я придаю теперь подчиненное политическим значение — наш неуспех может быть таким же куцым, как и наш успех — и какие бы горизонты ни открывались при тех или иных успехах той или иной стороны, я верю, что не военным удастся покончить эту войну. Кроме того, в России у событий нет логики — наш неуспех может оказаться именно той каплей, которая переполнит чащу царящей бессмыслицы — и, быть может, то, чего мы больше всего боялись, окажется именно тем, что нам и было нужно. Во всяком случае, на ликвидацию ленинской антрепризы прорыв нашего фронта окажет — вернее, казалось, должен был бы оказать — благотворнейшее действие — и стесняться теперь не будут, потому что послабление большевикам должно быть понято и оценено как предательство по отношению к родине. В этом вопросе, именно в связи с военной неудачей, должны смолкнуть все партийные счеты, каковых немало и немалого калибра. Одно из главных соображений при этом является то, что по логике вещей вслед за большевиками должен был бы быть ликвидирован Совет р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] как учреждение, создавшее ту почву, на которой мог пышно распуститься махровый цветок большевизма. [...]

10 июля

Болезнь течет правильно, но бурно. Все три кризиса, о которых я писал вчера, в полном ходу. События на фронте сегодня как будто улучшаются — на Виленском направлении мы перешли в наступление, успешное вначале, но вскоре затем настроение поколебалось. Министр сказал, что сегодня должно начаться наступление на Рижском фронте — наконец, на Южном фронте самовольный отход наших войск постепенно прекращается, и прорехи нашего фронта заткнуты боевыми дивизиями. Судить еще невозможно, как отразится на нашем военном положении предательство 5[-го] и 17[-го] сибир[ских] корпусов — официально этому придается катастрофический характер, но, по-видимому, это делается, чтоб сильнее поразить воображение масс — но если дело это поправимое и не влекущее за собой решающих последствий, то можно сказать — чем хуже, тем лучше — это новый довод в пользу радикальной ликвидации большевизма. [...] Вчера на «историческом» заседании Совет единогласно — при воздержавшихся большевиках — признал необходимость создания единой твердой власти и таковой избрал Вр[еменное] прав[ительств]о, которому переданы неограниченные полномочия для восстановления дисциплины в армии и для подавления анархии и контрреволюции. Это, несомненно, важное решение — это нравственная и умственная капитуляция Совета, но не политическая, потому что они обязали министров-социалистов отчетом два раза в неделю об их деятельности — но Совет уже сделал шаг к своему бледному собрату Испол[нительному] комитет[у] Г[осударственной] думы — и если прав[ительств]о поведет дело умеючи, то оно сможет свести на нет все реальное значение Совета, пять воззваний которого к народу, рабочим, войскам, крестьянам, советам р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] являются набором фраз и часто лживых слов, никого не сможет ни в чем убедить и ярко свидетельствует о растерянности, которая завладела под натиском

событий этим малокультурным и малопочтенным собранием. [...] Затем в армии фактически восстановлена смертная казнь, и что начался расстрел дезертиров — старая истина, что русскому человеку нужен кнут. Словом, как всегда, при частичном разрешении кризиса или при рождении какой-либо политической комбинации у всех расцветают надежды — так и теперь все хотят верить, что твердая власть, появившаяся на бумаге, проявится и на деле. — Терещенко сильно поколеблено положение, во всяком случае, в общественном мнении. [...]

11 июля

Удручение по поводу военных событий всеобщее — опять появились разговоры о сепаратном мире, который должен вызволить Россию из неисправимой беды. Прав[ительств]о, собственно военное ведомство распоряжается властно, и нигде никаких протестов, хотя на фронте фактически восстановлена смертная казнь и по, слухам, устанавливается на фронте же диктатура Брусилова, Корнилова и Клембовского — поправение масс чувствуется во всем — солдат на улицах сравнительно мало и ведут они себя благопристойно — в трамваях дамам уступают место. Новое прав[ительств]о не признается долговечным — кадеты опять зашевелились. Вр[еменное] прав[ительств]о ищет лиц, согласных стать министрами, и находит лишь откровенно второсортных людей, как Барышников и Ефремов. Чем хуже будет сведение с фронта, тем сильнее будет уклон вправо — положение на фронте и положение власти совершенно неустойчивое и неопределенное.

14 июля

С фронта как будто немного лучше известия — войска отбили в трех местах атаки — но отступление — бегство наших войск настолько кошмарно, настолько тягостно и болезненно, что о том, что происходит в Галиции, не говорят — обменяются сведениями и перейдут к другим вопросам. Конечно, совершенно неизвестно, где остановится наше отступление и какие размеры примет катастрофа — будет ли это местная катастрофа или катастрофа — сдвиг всего нашего фронта. [...] Вильгельм прибыл в Тарнополь и речью воодушевлял свои войска — и вчера я слыхал такую фразу, нарочито тенденциозную, но правдивую, и над которой товарищи, вероятно, задумаются — императорские германские войска бьют бегущие революционные русские войска. — Исстрадавшийся, издерганный, заплеванный семечками и прицепившийся к переполненному солдатами трамваю, петроградский обыватель — солдат иначе как сволочью не называет. — До известной степени это верно — кроме некультурности есть в русском человеке хамство — но винить его полностью за то, что произошло на фронте нельзя — виноваты в первую голову его руководители, его идейные вожди. Действительно, в какое психологическое положение попал этот самый некультурный солдат — ему очистили дорогу в тыл, отменив смертную казнь, т.е. принцип устрашения, которым, как оказывается, и держалась армия — у него отняли наступательный порыв, уверив его, что немцы — отнюдь не враги его, а враги его — свои же и союзнические капиталисты, и буржуи, и за них он и воюет. Лишив его страха и злобы, его заставили идти по линии наименьшего сопротивления. Позавчера восстановлена смертная казнь на фронте — это событие огромного значения и настолько логично необходимое, что

ни одна социалистическая газета, ни одно собрание товарищей не обмолвилось по поводу этого нововведения ни одним словом. Корнилов написал письмо Керенскому, требуя приостановки наступления на всех фронтах. [...]

18 июля

[...] Поправение — общеизвестный факт — о котором и пишут, и говорят в самом Совдепе — причин для этого явления более, нежели достаточно — наиболее яркая — это наш неуспех на Южном фронте — прямой результат попустительства со стороны Совдепов разного наименования и качеств по отношению к пропаганде большевиков — Совдеп взялся за военный гуж и довел Россию до края гибели — все это иными понимается, иными только смутно чувствуется, и они, эти темные души, продолжают посылать всякого рода приветствия Совдепу, одновременно начиная вновь подчиняться дисциплине, которая была в первую голову уничтожена Совдепом. Но причина более общая — это умственное и нравственное убожество русской демократии. Она за эти пять месяцев бралась решительно за все, все разрушила или остановила, или испортила — перемешала все понятия, добро и зло, истину и ложь, собственность и кражу, добродетель и порок (пример — Троцкий, который, обращаясь к кронштадтским матросам, называет их «красой и гордостью русской революции»), но взамен разрушенного не создала ничего, не могла доразвиться до сколько-нибудь государственного понимания задач и положения России и не выдвинула ни одного крупного человека. [...] Все предпринятые ею шаги, в особенности на почве международного общения, приводили к конфузу, потому что она с несоизмеримыми малыми силами задавалась гордой целью и все хотела зажечь море. К ней прислушивались и присматривались, пока думали, что она является реальной силой и что слова свои она может претворить в действия. Но престиж ее вне России уже давно стал неудержимо падать, а события 3–5 июля[13] поколебали этот престиж и в самой России — пошло поправение и, чувствуя это, демократия закричала: спасай революцию, когда нужно было спасать Россию. [...]

20 июля

Газет нет — сведений нет. Только управляющий передал мне слух, будто немцы в Ревеле — это указывает только на всем понятную готовность немецкого флота форсировать Финский залив. О сосредоточении н[емецкого] флота у Либавы говорили уже недели две назад. Подчиняя вообще дело войны политическим кризисам, признаюсь, что если наш Северный фронт будет прорван, то финал войны будет и скорый для нас, и плачевный. Но пока это только деревенский слух, лучше не пускаться в анализ еще не случившихся событий подобного рода. — Набивший одно время оскомину лозунг — без аннексий и контрибуций — ловко пущенный в серую массу большевиками, ныне совсем заглох. В демократических мозгах теперь не все должно быть ясно и определенно — провозгласив целый ряд новых лозунгов, демократы захотели вести Россию по новому пути — очень легко хаять и прежний путь, и старые методы власти, и сошедших со сцены людей — но, право, прежний режим как планомерная организация был вовсе не так плох и не из пальца высосан — режим складывался постепенно, и многие методы властвования можно уподобить народным пословицам — этим блесткам ума всего народа — так и методы вынашивались поколениями людей, привыкших властвовать — и в этом за-

ключается их ценность — народ в полгода не может измениться — методы гораздо лучше могут приспособиться к изменившимся условиям и, главное, целям — а этого не было сделано (это только естественно) — отбросили прежнее — и теперь к нему опять приходят — контрразведка, смертная казнь, взятки — спрашивается, что останется в русской жизни из того, что было возвещено нового во время революции. [...]

22 июля

События грозные. Полный развал власти — прав[ительств]а в настоящее время нет — ушел Керенский, с ним подали в отставку Терещенко, Некрасов, Тодиев, Скобелев, Ефремов — ушел Брусилов — призванный на его место Корнилов совершенно правильно ставит драконовские условия для принятия места Верх[овного] главноком[андующе]го. В Зимнем дворце спешно, на пространстве трех часов, личными приглашениями министров созвано совещание из представителей партий, Исполнительных комитетов Г[осударственной] думы и Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и крест[ьянских] деп[утатов]. — Совещание заседало всю ночь, и вначале оно нисколько не вдохновилось трагичностью минуты и занималось не то препирательствами, не то разглагольствованиями. Вести с Южного фронта удручающие — новый прорыв нашего фронта — неистовства распропагандированных солдат продолжаются — убит выстрелом в спину генерал Эрдели — наши части отошли за реку Збруч, и военные действия происходят уже на русской земле. [...] Работать теперь все равно нельзя — нужно властвовать — для этого нужно или единоличие, или единообразие — иными словами, или однородное министерство, которое мыслимо теперь только социалистическое, или диктатура, на что имеются намеки в ответе ген. Корнилова. Очень может быть, что социалистическое прав[ительств]о родит диктатуру — или всякая комбинация, которая появится как плод совещания в Зимнем дворце, в непродолжительном времени выродится в диктатуру. Но положение действительно глубоко трагичное, и у меня сегодня в первый раз реально при чтении газеты мелькнула мысль, что неужели единственным исходом из того тупика, куда попала Россия, явится, если еще не является, сепаратный мир? Мрачные мысли, но есть люди и люди умные, которые уже давно поставили этот похоронный прогноз. [...]

23 июля

Болезнь течет правильно. Совещание в Зимнем дворце пришло к определенному результату, который можно было предсказать, но который вместе с этим является стоянием на мертвой точке. Керенскому поручено составить по личному усмотрению прав[ительств]о, одновременно договорено, что лица, вошедшие в Кабинет, не ответственны перед своими партиями. Таким образом, положение налажено только на время, и новый кризис неизбежен по установившемуся порядку чрез два месяца — достигнуто перемирие, если считать, что что-нибудь достигнуто — все держится на таком компромиссе с правдой, так сознательно приходится закрывать глаза на органический порок в конструкции власти, что немудрено, если окажется совсем скоро, что в таком виде правительственный аппарат работать не может. Одно только обстоятельство действительно удивительно — все вопят, что Россия не только на краю пропасти, а уже в самой пропасти, развал власти, армии, путей сообщения, продовольствия — у всех на глазах

сделался общим местом, а государственного понимания опасности положения у партий и у призванных спасать Россию лиц — нет, за самым редким исключением, к коему приятно причислить Терещенко. Просто такое впечатление, что все эти вопли — только для толпы, для непосвященных, для вящего эффекта — а достоверные сведения вовсе не такого алармистского тона, и наше отступление в пределы России из Галиции и Буковины не грозит никакими серьезными последствиями. [...]

2 августа

Газеты за последние дни скучны до смерти — жадно ищешь новостей и не находишь, хотя сегодня после нескольких дней dolce far niente [сладкого ничегонеделания] могу занести два факта, могущих иметь крупное значение. В ночь на вчера из Царского Села вывезли бывшего царя с семьей — куда везут — неизвестно — в газетах пишут про Ипатьевский монастырь в Костроме — в городе говорят — в Тобольск и судят да рядят, не сделано ли это с целью отправить Романовых в Англию. По каким причинам вдруг более чем временное прав[ительств]о решило так поступить и напомнить всей России, что у нее есть как-никак, хотя и отрекшийся, царь — также неизвестно, и разгадка обещана через некоторое время. Отъезд совершился в полном порядке, без шума, но и без таинственности, и повсеместно отмечено ровное и спокойное настроение Николая II. Слышал, чтоб этот отъезд будто находится в связи с делом Гурко — говорят, что министры-социалисты с остервенением ищут контрреволюцию, чтоб в ней найти точку опоры для спасения революции. — Второй факт весьма знаменательный — это официальное разъяснение прав[ительств]а, что Стокгольмская конференция является партийным делом социалистов, никоим образом не могущим связать свободу действий и решений русского прав[ительств]а, — это первый открытый выпад против Совradепа, который с любовью патронирует эту конференцию и чьи посланцы в союзные страны вызвали лишь повсеместно усиление патриотического чувства и укрепление положения правительств. [...]

7 августа

[...] Китай объявил войну Германии — новый успех Японии, с которой нам придется считаться более, чем когда-либо по окончании войны.

9 августа

Своего рода затишье перед грозой. Воздух насыщен предчувствиями назревающих решающих событий и в предвидении их все у всех как-то не клеится и живешь не сегодняшним, а завтрашним днем. До наступления зимы должны наступить события, как принято говорить, величайшей важности и поэтому все то, что происходит сейчас здесь не представляет реального интереса, так как все это может быть сметено теми «мани, факел, фарес», которые куются против России. Какие события? Что злоба дня? По порядку значения это, во-первых, вот-вот готовое начаться наступление немцев на Рижском фронте. Мне сообщили сегодня, будто Ставка решила не защищать coûte que coûte [во что бы то ни стало] линию Двины — используют эту естественную преграду насколько позволит устойчивость войск, и начнут отступать на псковские позиции. Je rends pour ce que j'ai acheté [за что купил, за то и продаю] и не буду вспоминать тех перспектив военных неудач

que nous pouvons subir [которые мы можем испытать] — тут может фигурировать и взятие Ревеля — и успешные действия германского флота — и высадка войск в Финляндию, волнения в коей поддерживаются с этой именно целью — и наконец даже захват Петрограда, если этому будут благоприятствовать обстоятельства и товарищи русские. Разрабатывать все эти печальные возможности лицам мало посвященным не приходится — приходится только отметить, что по всем данным оправдываемым логикой, немцы напрут на Рижский фронт, сопротивление коего будет не более доблестное, чем сопротивление фронта Галицийского — близость к Петрограду является новым для нас неблагоприятным элементом — но во что выльются все эти операции, каковы будут реальные успехи немцев и, главное, как этот фазис войны отразится на состоянии тыла, на внутренней политике, не будет ли это способствовать созданию твердой власти — все эти вопросы не могут получить ответа. Россия — страна неограниченных возможностей и предсказывать перепитии войны, не имея возможности учесть все, хотя бы главнейшие, обстоятельства невозможно — убежден, что наступление немцев увенчается успехом, как и в Галиции, но будет ли этот их успех решающим участь войны, как доказывают некоторые, этого я не знаю, а в зависимости от этого строится и дальнейшее рассуждение. Достигнув известных границ поздней осенью, немцы предложат приемлемый мир — приемлемый нашим союзникам потому, что территориально немцы пойдут им навстречу — и приемлемый для нас, потому что мы не будем отбирать немецких балтийских провинций. Но повторяю, говорить о таких будущих возможностях — это строить дом на песке — в теории все это может быть и правильно, а на практике может оказаться и несомненно окажется совсем иначе. — Читают более, нежели говорят об итальянской победе и об успешном наступлении французов у Вердена — мне не приходилось говорить со специалистами, но мне думается, что успехи такого рода не остановят занесенного над Россией меча и, главным образом, потому что мы настолько слабы и склонны к бегству, что против нас никаких особых сил и мобилизировать не приходится. В Галиции две германских дивизии гнали наших 10½ — красноречивый язык цифр. — В политике внешней много разговоров о Стокгольмской конференции — вся шумиха, ведущаяся уже давно около нее, в достаточной степени скомпрометировала эту социалистическую затею, правильную по теоретической мысли, но преступную на практике. По всем вероятиям, она будет или малочисленная и однобокая — или многочисленная — и в таком случае несомненно кончится грандиозным скандалом с мордобитием. Во всяком случае, эта конференция создаст немалые затруднения и в особенности нам, так как эта конференция является детищем всесильного Совдепа. Можно привести много примеров укрепления Совдепа, который уже высказывается против смертной казни, приветствует большевиков — такую же линию усиления революции ведет и Керенский и К° — закрывают газеты — вводят административные высылки без суда, направленные главным образом против буржуазии (Колчак, Гурко — а может кончится и Милюковым). — Наконец, злобу дня составляет и московское совещание, на которое возлагает огромные надежды провинция. Я еду на это совещание делегатом от Союза союзов служащих в петр[оградских] правит[ельственных] учреждениях. [...]

22 августа

Наступили черные дни — вчера была взята Рига, после того как позавчера была немцами форсирована Двина. Войска бегут и, хотя помощник комиссара Войтинский изображает все это дело в героических чертах, сопротивления бешеному натиску гер-

манцев — веры, что это так, нет — конечно, кое-кто и дерется, но большинство бежит. Настроение у всех похоронное — большевики, по случаю нашей неудачи, устроили манифестацию в центральной части города, не вызвавшей ни настоящего порицания, ни свалки, ни контрманифестации. На улицах вновь летучие митинги — раздаются только голоса, резко и страстно обвиняющие солдат в неисполнении служебного долга. Отовсюду приносят вести, что растет контрреволюционное настроение — в трамваях, в вагонах, на улице только и голоса, осуждающие революцию — при царе была победа, а теперь-то что. В м[инистерст]ве говорят об эвакуации Петрограда. [...] Москва все более и более правеет — с другой стороны, и в Петрограде и в Москве, да и по всей России и на фронте растет значение большевизма — средние учения теряют последователей, что совершенно логично и в борьбе останутся вскоре большевики, которые стоят за прекращение немедленно войны — и правые или поправевшие, или националисты — словом, люди, которые объединятся под понятным всем знаменем монархизма. Тем временем прав[ительств]о безнадежно теряет время и занимается не делами войны, единственно важными в настоящий момент, а текущими делами и аграрными реформами г-на Чернова, совершенно не учитывая трагичность положения и не видя надвигающегося кризиса, который готовит ему гибель. Все время назначают в известные сроки новое выступление большевиков — недорубленный лес растет — говорят о 27 августа — в газетах пишут о 1–5 сент[ябре]. Чувствуется приближение грозы — воздух насыщен электричеством — и жизнь попросту невыносима — прав[ительств]о должно действовать энергично и не в вопросах только уловления контрреволюционеров, а в первую голову в вопросе дисциплины в армии. Прав[ительств]у надлежит реагировать на взятие Риги и в настоящий момент для собственного спасения думать раньше всего о спасении России — но нет никакой веры в то, что прав[ительств]о настоящего состава, и в первую голову Керенский, окажется на высоте положения — и этим усугубляется трагизм положения. [...]

23 августа

[...] Керенскому ближе к сердцу революция, нежели Россия. Из всего того, что он услышал в Москве, нельзя было не вывести заключения, что вопрос о дисциплине является наиболее неотложным, а неотложность эта была подчеркнута сдачей Риги и паническим отступлением солдатской массы. Но разрешить этот вопрос Керенский не может — он находится перед жестокой дилеммой — ввести дисциплину в войсках, дать, значит, эти войска в моральную власть офицерства — это создавать орудие против революции, потому что дисциплинированные войска всегда приводят к Наполеону, а русские войска приведут тем неизбежнее, что вся политика полугодовая революционных прав[итель]ств сводилась к тому, чтоб отделить офицерство от солдат — что и вполне удалось внесением разрухи в войска и ценой огульного предания офицерства, которое претерпев от нового строя незаслуженные и неслыханные унижения и оскорбления — сплошь сделалось контрреволюционно — и теперь для спасения России необходимо этим контрреволюционерам вверить власть над солдатской массой, которую — и Керенский и К° это сами прекрасно знают — при некоторой обработке можно направить куда угодно. И на этом перекрестке Керенский отдает предпочтение не России, а революции — и дисциплины в войска не дает и не даст, потому что иначе ему нужно полюбить Россию больше революции. — В этом заключается трагизм положения — в этом заключается измена Керенского России — он губит Россию тем, что верен революции — и в то время, когда нельзя

терять ни минуты для восстановления боеспособности армии, когда нужно непрерывно сотрудничать с Корниловым — Керенский и все Вр[еменное] прав[ительств]о находят своевременным обсуждать аграрные реформы Чернова и находят время обсуждать, следует ли привлекать к ответственности ими арестованного Пуришкевича за его речь, произнесенную в закрытом совещании членов Г[осударственной] думы! [...]

24 августа

Смятение в умах великое — все без различия возраста, пола и состояния ругают на чем свет стоит Керенского — ругают за инертность и весь русский народ и в особенности русскую интеллигенцию за ее преступную пассивность — всем жить тяжело — всем понятен надвигающийся голод (немецкому нашествию на Петроград пока не очень придают много веры) — и никто ума не приложит, как избыть этот кошмар, который давит русскую действительность. Кто видит спасение в диктатуре, а кто и в пришествии немца, который порядок наведет и избавит от невыносимого господства хамократии. Но все согласны с мнением, якобы достоверно высказанным Корниловым, что взятие немцами Петрограда, отнюдь не означает окончание войны — наоборот, из Петрограда идет по всей стране гнилостная разруха и без этого очага болезни достижение победы, по мнению Корнилова, становится более вероятным. Не знаю, говорил ли взаправду эти слова Корнилов, но с ними я вполне соглашаюсь — взятие Петрограда, которое, по моему мнению, представляется в достаточной мере проблематичным, будет концом революции, а, конечно, не России — этот удар может исцелить Россию и ее объединить, но не покончить — вот-то обрадуется Москва, если и когда Петроград будет вновь переименован в С[анкт]-Петербург! — Общую сумятицу вовсе не разделяет Вр[еменное] прав[ительств]о — сегодня на повестке стоит вопрос о штатах в центральных установлениях М[инистерст]ва труда — и эта повестка будет обсуждаться — а затем перейдут к повторному обсуждению аграрных реформ Чернова. О военных мероприятиях, о мерах, предложенных Корниловым — ни гу-гу — а тем временем, вокруг рижских событий[14] возникло и продолжается огромное и злостное недоразумение. Ставка сообщает о бегстве войск — а комиссары, Войтинский и пресловутый Кучин, доказывают с пеной у рта, что «настроение войска удивительное и что они планомерно отступают, доблестно сражаясь». Совradеп, конечно, не замедлил использовать случай и всей силой обрушился на Ставку и Корнилова — а прав[ительств]о ничего не разъясняет — оно занято штатами и Черновым. Ошибся — оно занято арестом газет — две правых «Русь» и «Живое Слово» и одна левая «Пролетарий» сегодня ночью арестованы без соблюдения каких бы то ни было формальностей — вводится цензура военных властей — о сепаратном мире можно печатать официальные сведения — продолжаются аресты контрреволюционеров — словом, Керенский решился защищать свое самодержавие старыми испытанными средствами — мерами против свободы печати и мерами против свободы личности — высылаются за границу целый ряд лиц и в их числе Гурко и великие князья. Между прочим мне рассказали, что обыск, произведенный у Мих[аила] Ал[ександровича] никаких результатов не дал, но арестован он был за то, что в Музыкальной драме, куда он пошел с женой скромненько в партер — его узнала публика, офицеры, и ему устроили грандиозную овацию к вящему шепоту товарищей, наполнявших галерку и донесших об этой контрреволюции Совradепу, а тот — Керенскому. — Французская и английская пресса не щадит слов презрения по адресу России — но читают их те, которые понимают по-

ложение вещей не хуже французских публицистов, а те, которые вцепились во власть и к которым эти слова обращены — они их и не читают и слушать не хотят. — Керенский издал приказ к офицерам, хвалит их на все корки и в конце обещает им прибавку денежную — этим офицерство К[еренск]ому не переманить на свою сторону. Сделал он этот жест по совещании с Савинковым. Но разительно похож нынешний революционный режим с прежним царским — те же подачки, которые по мысли власть имеющего должны изменить психологию людей, громадной корпорации, эту подачку получающих — то же чтение в сердцах об истинных желаниях народа — такое же оберегание своей власти, ее неприкосновенности во имя блага того же народа — такое же отметание сильных людей — и то же безмятежное занятие вермишелью в минуты кризисов — то же общее недовольство в народе властью — та же газетная оппозиция — и даже то же распутинство. Некрасов недавно женился — Керенский развелся и женился на артистке Тиме — доколе же Россия будет все это выносить — ведь должен же появиться человек, который будет стремиться ко благу не личному, не благу революционного народа, а благу России — и сколько нужно будет перетерпеть, чтоб дожить до этих светлых дней. А то живешь в какой-то яме и света Божьего не видишь.

25 августа

Травля генерала Корнилова с левой стороны идет основательная. Совдеп ополчился на него за то, что сообщения Ставки расходятся с сообщениями комиссаров и комитетов, — но главной виной является его нравственная сила, которая страшна всей левой сволочи — они обвиняют его в контрреволюционности — благо это дежурное блюдо и Керенского — и стараются сбыть с его видного поста. Что будет в случае его ухода, кем его заменить — это не их дело — ведь они умеют только разваливать, а не организовывать. — Был на собрании трудовой интеллигенции, которую можно было бы по праву назвать партией и.и. (испуганной интел[лигенции]) — дела они не сварят — мало еще пострадали — но характерно, как все отрицательно относятся к прав[ительств]у — и как многие верят в скорый приход сюда немцев. — Был у меня сегодня датский посланник Сковениус по поводу положения б[ывшей] имп[ератрицы] Марии Феод[оровны]. — Она находится под надзором кучки матросов, некультурных грубых людей, которые ведут себя соответственно, по-хамски, курят ей в лицо, всюду залезают ей в комнаты и даже иногда мешают доктору при исполнении им своих обязанностей. Офицера при них нет и эта старуха находится в их полной власти. Теперь приняты меры к изменению этого положения, но в своих стараниях добиться этого посланник доходил до Керенского и мне рассказывал, с каким трудом он до него добрался, — на всех подъездах стоят вооруженные солдаты, не пропускающие никого без специального пропуска (упорно говорят, что в Зимнем дворце находятся 18 орудий и пулеметы). Пользуясь знакомым заслуженным швейцаром, Сковениус с подъезда из сада отправился в его сопровождении в поиски Керенского. Он прошел ряды зал — везде были парные часовые — кое-где были женщины-переписчицы — красивые и молодые — наконец, он был приведен в библиотеку б[ывшего] государя, где и ждал минут 10 Керенского. Оказывается, нельзя себе представить того великокняжеского пафоса, с которым вошел и держал себя К[еренский]. — Я не раз в этом дворце, — сказал Сковениус, видел и разговаривал с государем — и в своей жизни видел много царствующих лиц и с ними беседовал — но не запомню такого снисходительного обращения Керенского со мной — как будто он

был человек другой породы — старший к младшему — un grand duc quoi [скажите, какой великий князь]! — Разговор шел на французском языке, которым К[еренский] не владеет, но, по-видимому, понимает. Сковениус не встретил сочувствия — б[ывшая] императрица К[еренского] не интересует и ее судьба ему безразлична. Ск[овениус] говорил это с большим раздражением — было и презрение к некультурности власти предержащих. Впечатление Ск[овениуса], что К[еренский] всего боится — разговаривая, он посматривает по сторонам, не занесен ли над ним кинжал. Ск[овениуса] провожал адъютант К[еренского], который грозным взглядом поднял с дивана курившего прапорщика. — Ск[овениус] заметил — там дисциплинируют людей. Ск[овениус] мне подтвердил слух о свадьбе К[еренского] на Тиме — с другой стороны, я слыхал, что это событие произойдет послезавтра в Ц[арском] Селе. — Ск[овениус] рассказал мне, что в столовой во время обеда К[еренского] стоят четыре юнкера с заряженными ружьями — этого не было, добавил он с усмешкой, при государе. Наконец, он мне представил наглядно как К[еренский] надевает пальто — маленький Наполеон, как его изображает плохой провинциальный актер. Несомненно, К[еренского] обуяла мания величия — печальный признак печального конца. — На собрании партии и[спуганных] и[нтеллигентов] только и разговоров о готовящемся восстании большевиков. На фронте движение немцев приостановилось — товарищи скажут — было приостановлено — но во всяком случае, лучше — надолго ли? — Стокгольмская социалистическая конференция проваливается — а английские trade union'ы неслыханно подавляющим большинством признали, что при настоящем положении вещей конференция эта может дать лишь отрицательные результаты — один из ораторов-лидеров заявил — германские социалисты оказываются такими же убийцами, как германские солдаты. Одно еще и самое большое начинание русской революционной демократии кончается провалом. Ничем, в смысле приближения мира, окончилось и выступление Палье — он зарегистрировал несколько отказов и протестов — главнейший Вильсона — и, вероятно, собирается с новыми австро-германскими силами для безуспешной работы в том же направлении. [...]

29 августа

Корниловское coup d'état [предприятие] явилось очередной неожиданностью. Мое воскресное отсутствие из города извиняет мою полную неосведомленность о ходе событий — но такую же неосведомленность выказало и Вр[еменное] прав[ительств]о, занятое обсуждением все тех же черновских законопроектов — Терещенко же раскатился в Ставку и был возвращен с пути. Фактическая сторона событий известна — приехал в Зимний дворец В.Н. Львов, вызвал Керенского из заседания Вр[еменного] прав[ительств]а и передал требование Корнилова вручить ему всю полноту власти. [...] Корнилов, очевидно, был принужден поступить так, как поступил, потому что развал в армии достиг апогея, и несмотря на повторные просьбы и настояния принять и ввести проектированные им меры для оздоровления армии, Керенский не удосуживался претворить слова в действия — поставленный во главе обороны страны, любя родину больше революции, неся всю ответственность и встречая со стороны товарища К[еренского] сопротивление своим начинаниям, сопротивление, которое Корнилов признавал себя обязанным побороть во имя спасения родины, Корнилов должен был решиться выступить против Керенского. Мне передавали, что последней каплей, переполнившей корниловскую чашу, был самовольный уход с позиций частей XI и V армий и одновременное обеща-

ние Керенского заняться «в ближайшее время» корниловской программой. Корнилов, конечно, знает на что он идет и знает с чем он идет. Вчера в городе определенно было настроение, что Корнилов явится победителем. Я не говорю о том, что многие патриотично приветствовали выступление Корнилова, которое клало предел толчению воды в ступе — политическое занятие последних двух месяцев — иностранные дипломаты открыто выражали свою радость подобному повороту вещей — они также любят свои родины больше русской революции. Доподлинно знаю, что Вр[еменное] прав[ительств]о предложило послам покинуть Петроград — английский посол ответил на это категорическим отказом. В противовес дипломатам русская пресса, конечно, не левая партийная — сдержанна на удивление — комментариев нет, а есть только факты — а передовицы не дают никакого руководящего тона — видно боятся попасть впросак и запеть акафист не тому. Положение совсем не выясненное — но ставка велика и Корнилов поставил на карту кроме крупнейших интересов России и армии интересы тех русских общественных сил, которые также, как и он, понимают потребности минуты и интересы родины и которые официально и неофициально, поддерживая его, во время его предшествовавшей деятельности, теперь рискуют вместе с ним в случае поражения быть сметенными победной волной [...]. Из слухов — Милюков сказал португальскому посланнику — скоро мы будем у власти. — Смысл совершающихся событий ясен — борьба идеи родины против идеи революции — и одна из первых целей — это приведение к одному знаменателю Совдепа. — Керенский решительно уклонился налево — но это его не спасет — если провалится Корнилов, недолог будет век и Керенского — воцарятся социалисты большевистского толка и постараются официально погубить Россию. С точки зрения чисто политического, выступление Корнилова преждевременно — но, очевидно, оно было необходимо с точки зрения военной. Пепла, больше пепла. [...]

1 сентября

Наступил жестокий кризис — кризис государственности. Наступает та политическая Ниагара, к которой неуклонно и планомерна шла революционная Россия. Дело Корнилова выродилось в кризис власти, и на карту поставлено бытие России, как мы эту Россию до сих пор понимали и как к ней относились прочие державы. Корниловский заговор оказывается искусной провокацией — ловушкой, в которую полностью попался Керенский, против которого и строился весь план. [...] Большевики, проведшие в Совдепе свою крайнюю резолюцию о немедленной конфискации помещичьих земель, республике, об опубликовании тайных договоров, роспуске Г[осударственной] думы и Совета и разорении русской промышленности, грозят выступить активно, если власть не будет сконструирована так, как они этого хотят, а именно коалиция между солдатом, рабочим и крестьянином — и предусмотрительно вооружили и создали рабочую милицию в 60 000 человек. — Испытания предстоят серьезные — безболезненно из этого кризиса выйти не удастся. Кер[енский] может уехать в Ставку с некоторыми министрами. Настроение у всех удрученное — грозы не миновать — и меня нисколько не изумит, если этой ночью Совдеп арестует весь состав Вр[еменного] прав[ительств]а. Необходимо отметить сверхбезобразное требование Кер[енского], обращенное к казачьему совету, а именно вынести резкое осуждение Кор[нилову] и Каледину, как лицам, изменившим родине. Совет отказался сделать такое постановление до выяснения на суде всего дела. Кер[енский] собственным языком выкопал себе яму.

5 сентября

Как известно, кризис разрешился созданием Директории из 5 министров[15]. Но одновременно с этим Совпадеп решил созвать всероссийский демократический съезд, наподобие московского совещания, который и выскажется о форме и составе власти. [...]

6 сентября

Положение все то же — такое же неопределенное, такое же шаткое, как и в прежние дни, но настроение и прав[ительств]а, и биржи, и частных лиц несколько окрепло — кризис власти прошел — новый кризис предвидится через неделю — можно не отдохнуть, но вздохнуть — хоть час да мой. [...] Пришлось мне разговоривать с White House, американцем, — он убежден в скором начале гражданской войны — и развил свой план переезда-бегства прав[ительств]а в Москву или Могилев, причем Петроград будет отдан на поток и разграбление Совпадепу и черни — интересно во всем этом только то, что он, дипломат, соглашается на оставление всего дипл[оматического] корпуса в городе — и сам же выработал для себя план побега по Неве к озеру, ночевок на крыше и соответствующий хулиганский костюм. Растерянность умов поистине велика — и к этому нужно так примениться, что если мне приходится выслушать связный рассказ о том, что произойдет, я точно знаю, что ничего подобного не случится — можно с большей или с меньшей вероятностью предвидеть только заглавия событий — гражданская война — анархия — усиление прав[ительств]а — но течение событий уловить заранее невозможно — это теория вероятностей, которые не оправдываются. — Со всех сторон мне говорят, что немец страшно слаб — и что будь наша армия хоть сколько-нибудь похожа на войско, мы разгромили бы его по-хорошему — но состояние наших войск таково, что большинство разговоров кажется фразой о невозможности продолжать войну. [...] Нам, очевидно, суждено пройти 12 кругов дантова ада — зачем же задерживаться дольше нужного времени в одном из кругов. Соображение, что именно это прав[ительств]о обеспечивает продолжение войны, — только фикция — и кто может сказать, что левые, придя ко власти, смогут круто изменить политический курс — ведь взяться за руль не значит удержать его в своих руках — о приходе ко власти большевиков говорить не приходится — но чисто левое прав[ительств]о вещь весьма соблазнительная для эволюции революции. [...] Объявление 2 сент[ября] Российской республики не произвело ровно никакого впечатления — всем понятно, что это политический маневр прав[ительств]а, который матерых бойцов на политической арене никак не подкупит — а масса аморфна, по-прежнему похоже на то, что тяжелобольной дали вместо лекарства или операции игрушку или что слона революции хотят повести за собой, привязав к его ноге тоненькую веревочку. Не дети уже стали все — и другое нужно больной России.

8 сентября

За последние дни произошло новое явление в воюющем мире — слово «мир» приобрело вдруг реальное значение — в политической атмосфере запахло миром, и хотя это только толки да слухи, продолжение войны кажется маловероятным. Пресса уверяет, что Германия готовится сделать оповещение о Бельгии, долженствующее удовлетворить англичан — а английская пресса подхватила этот слух с какой-то настойчивостью и бла-

гожелательством до сих пор ей несвойственными. С другой стороны, имеются точные сведения, что Чернов готовится подарить русскому воинству демобилизацию и в предвидении своей возможной победы на предстоящем демократическом совещании — победы, которая передаст ему в руки власть (законная или революционная — против Керенского — это все равно), он уже готовит те обращения, с которыми он обратится ко всем, всем, всем — не только находящимся в России, но и за границей. Такое обращение, такой призыв к прекращению войны, несомненно, лишит русскую армию последнего желания сидеть в окопах — на нашем фронте война грозит окончиться явочным порядком — фактическим уходом с поля сражения — а если на такой уход будет получено благословение свыше, от какого бы там ни было прав[ительств]а, то война фактически кончится. On ne peut pas être plus russe que les russes eux-mêmes [не возможно быть более русским, чем сами русские] — скажут союзники и не отступят ни на йоту от поставленных ими принципиальных требований, предоставляя Германии вознаградить себя на востоке за уступки, которые она принуждена будет сделать на западе. Война еще не окончена, она уже догорает — но смысл войны, конечно, истреблен как ее продолжительностью, так и теми ее политическими последствиями, которые саму войну постепенно и окончательно оттеснили с переднего плана. Одним из этих последствий является русская революция. Этот переворот мог бы по своему значению затмить все остальные последствия войны — но блестяще начатый, он выродился на глазах у всех в такое мировое безобразие, что теперь русская революция является только для всех держав весьма удобным исходом из создавшегося и затянувшегося положения. На наш счет в той или иной мере будет кончена война — мы все больше, все неизбежнее выходим из игры — нас уже скидывают со счетов — и сосчитаются только по окончании войны, когда не только предъявят счет, но и поинтересуются узнать, как мы сможем оправдать оказанное нам финансовое доверие. Шаг, который собирается сделать Чернов, будет понят как самоубийство России, но, конечно, этим шагом весь воюющий мир воспользуется незамедлительно для достижения своих целей. Война кончится компромиссом на наш счет. Все устали от войны — круче всех приходится немцам — продолжайся война даже при теперешнем невероятном состоянии нашего фронта — немцы рано или поздно были бы приперты к стене — и отлично это учитывая, они в первую голову хотят использовать благоприятно складывающуюся конъюнктуру. А союзникам нашим, несомненно, будет приятнее вести дела с Германией, которая имеет определенные очертания как политическая сила, нежели с Россией, которая представляет собой какое-то болото, в котором застряли иностранные капиталы. Мы, конечно, уже вышли из игры — мы не попадаем больше в пейс и если еще не прекращаем скачки, то это потому, что нужно мыслить безответственно, чтоб формулировать слова мира. Нужно быть пораженцем, как Чернов, человеком четвертого измерения, человеком, который формуле — чем хуже, тем лучше — хочет подчинить весь мир — убежденным интернационалистом, чтоб во имя будущего, и будущего, быть может, весьма отдаленного жертвовать настоящее многомиллионного народа. Идея большевиков — не страх им свойственный за собственную участь — а идея-мать — не трудно понять — и хочется только верить, что если уже действительно нам уготована столь печальная и бесславная судьба — расплатиться за всех за эту войну — то семя истины, которое, несомненно, кроется в идеальном призыве братства народов и равенства всех, не замедлило давать свои бурные всходы в тех странах, которые по праву горды и наслаждаются своим патриотизмом и которые поэтому отстали от нас на пути достижения рая на земле. Здесь кстати отметить, что поведение нашей

горсточки войск, находящихся во Франции, совершенно идентично со всем тем, что пришлось нам видеть у себя дома. Во Франции части наших войск и войскам французским пришлось вести форменный бой с самоопределившимися русскими гражданами в солдатских шинелях — с обеих сторон было много убитых и раненых, потому что пришлось в ход пустить пулеметы и даже артиллерию. Развал у нас в России — понятен — но там, во Франции, где воздух пропитан патриотизмом, где люди иные, где отношение к войне иное — как там в наших полках также проявилась революция, была такая же ее отрыжка? Причем русский пример нисколько не был заразителен для всего разноязычного войска, населяющего французские траншеи. Какая-то психическая болезнь, заразившая только русских — опьянение свободой, хотя свободы было у них достаточно, а до настоящей свободы они не доросли и дорастут еще не скоро. Кончается война — во что реальное выльются последствия войны для всех нас — мы, буржуи, обладающие капиталами умственными и денежными, мы выплывем — и нам даже не нужно будет приспособляться к игу американскому, немецкому или английскому, под который мы неизбежно в силу финансовой зависимости подпадем — в нас это иго будет нуждаться — но товарищи, отвыкшие работать и развращенные даровыми хлебами — как сохранят они завоевание революции — вот уж воистину — а счастье было так близко, так возможно — но это невозможно было объяснить — а когда наступит просветление — будет слишком поздно, ярмо будет крепко надето на шею русского мужика и рабочего, и война уже отгремит. — Директория чувствует себя не очень спокойно из-за демократического совещания — что-то будет — так даром, по общему убеждению, оно не пройдет — к этому событию готовят все силы — и беспорядки могут быть только в случае полного крушения большевиков, но этого именно как будто не придвидется — как будто назрело время сказать новое слово — и это слово мир — все старые лозунги настолько износились, что даже говорящие их чувствуют, что они отошли от жизни — и подобной жеванной резиной не удовлетворить ни себя, ни других. Война как война так выдохлась, так лишена теперь всякой идеи, всякого побудительного порыва и смысла, что можно только приветствовать принятое новым военным м[инистр]ом Верховским решение уволить всех начальствующих лиц во главе с Алексеевым, которые не отвечают требованиям времени, иначе сказать революционной демократии. Воевать русские больше не могут, потому что не хотят — нечего и держать боевых генералов.

11 сентября

[...] Масса слухов и толков о мире — был пущен слух о начатых переговорах Германии с Англией и Францией — это ужасно напугало всех сознательных товарищей — забыта, предана Россия — забили в набат и стали требовать поднятия боеспособности нашей армии — т.е. дуть в дудку патриотов. Правды в этих слухах нет никакой — ответ Германии на папское обращение также неопределенен, как и прежние ответы — но характерны два намека — первый, что не нужно при переговорах будущих касаться вопросов уже решенных, сиречь Польша — и что нужно считаться с положением фактическим, т.е. с картой войны. Но все это еще не приближение к миру. Вел беседу с Линдлеем — понимает все также, как и мы, русские буржуи, — отмечает, как много нам пришлось перестрадать — не верит в воссоздание русской армии — и в сепаратный мир, не выгодный Германии. Интересно отметить его недовольство французами, которые также начали сдавать — коренник Англия и две выдохшиеся пристяжки — мы и Франция. Но есть еще

Америка — и думается, что до фактического вступления Америки в войну, Германия решится на мир — война кончится всеобщим компромиссом — причем пострадает Россия.

15 сентября

[...] С фронта сведения и слухи самые мрачные — армия определенно воевать не хочет — взяли Якобштадт — готовится взятие Двинска — и у всех определенное мнение, что помешать, воспрепятствовать немцам взять и Двинск, и Псков наши войска не собираются — захотят немцы и возьмут. Говорят, что некоторые корпуса официально доводили до сведения начальства, что они больше сражаться не будут. Войну ведут только летчики и их, наших же летчиков, наши же войска уничтожают. В связи с этим бездна разговоров о необходимости кончить войну, что армия к Покрову уйдет из окопов и т.д. — Все это разговоры и только — рев[олюционная] демократия гордо бросила в мир лозунг окончания войны и несмотря на воззвания ее, на поездки за границу — воз и поныне там. Говорить о необходимости окончить войну — это принимать в соображение только нежелание русской армии воевать — для постройки здания мира этот кирпич недостаточен. Нам для проформы, для того, чтоб меньше потерять нужно держаться за состояние войны — тем более, что по растущему убеждению — мир не за горами. Немцы, несомненно, готовятся к окончанию войны. Они дополняют комментариями свой ответ на папскую ноту[16] и тем временем собираются доделывать свои дела против нас. На суше они возьмут Двинск — а на море пустят, наконец, в ход свой флот. Назревает операция десанта в Финляндии, которая непрерывно бунтует против России — наш флот занимается сквернейшей политикой и, по правде говоря, на него России рассчитывать не приходится, можно ждать, что создастся такая военная обстановка охвата Петрограда, что немцы предложат мириться и мы пойдем на мир, тем более, что имеются секретные сведения, что в Швейцарии состоялся съезд банкиров Фр[анции], Анг[лии], Австр[ии] и Германии, на котором обсуждался вопрос о мире — нужно ли говорить, что взамен Эльзас-Лотарингии немцы требовали себе прибалтийские провинции и свободу Финляндии? Несомненно, до наступления войны предстоят важнейшие события — серьезные попытки прекратить войну созданием для этого благоприятных условий будут сделаны немцами — но прекратиться ли война — это для меня еще знак вопроса. [...]

21 сентября

[...] Идея коалиции, к сожалению, возобладала — и у нас опять будет бессильная власть. Прав[ительств]о за эти дни сидело спрятавшись. Керенский сделал смелый жест, захотел составить правительство до исхода голосований, но получил по шапке и успокоился, сказав свою речь в Смольном. Но у меня имеются подозрения, что готовится какой-то coup de théâtre [неожиданный случай] — Терещенко куда-то скрылся — говорят, в Москву — не верю. Во всяком случае, прав[ительств]о воспрянуло духом. В городе все спокойно — иногда поговаривают о предстоящем выступлении большевиков. По всей России анархия. Бунт в Туркестане — вспышка анархии в Тамбовской губ[ернии], самочинные действия, захваты власти, самосуды, грабежи, убийства — такова действительность не только провинции, но и столиц. Коалиция опять задержит исцеление России — создание твердой власти, а о ней взывают все больше, все настойчивее. Видел сегодня Линдлея — он сдержан до невозможности. [...]

1 октября

29 сентября немцы высадились на острове Эзель. Впечатление было, конечно, изрядное, тем более что многие надеялись, что немцы ввиду позднего времени отложили до весны дальнейшие наступательные действия. Однако успех немцев никого не изумил — нас так события трепали за последнее время, что чувствительность в значительной доле утеряна, и высадка немцев никаких глубоких переживаний не вызвала. Газеты занялись вычислением количества верст, остающихся до Петрограда, а левая пресса, поскольку может, замалчивает это событие — все ждут развития германского наступления, и в сущности никто не надеется ни на флот, ни на армию. Положение может создаться весьма скверное, но апатия настолько основательно заменяет былой энтузиазм, так все настрадались и не видно нормального исхода, что к приходу немцев в обывательских кругах относятся без всякого страха, а с крепнущей надеждой, что он избавит жизнь от непрестанного демократического кошмара. — Усиленно и убедительно говорят о готовящемся выступлении большевиков — определяют дату — 20 окт[ября], день съезда всех советов, которые к тому времени должны, очевидно, стать большевистскими по примеру столичных советов. Вообще признается, что большевики для срыва учредилки и развала коалиционного прав[ительств]а должны выступить и резать буржуев — без этого дела, говорят, не обойдется и к этому большевики деятельно и планомерно готовятся. Эволюция революции в этом отношении идет очень правильно.

2 октября

По слухам, идет в ста верстах от Ревеля к западу морское сражение, причем мы уже потеряли два миноносца, а броненосцы не могли выйти в море из-за грандиозного митинга. Из того же источника (Богоявленский) сообщали вчера, что на наших броненосцах, оказывается, не действует электричество — этот нерв всего судна — команды разумеется обвиняют в этом контрреволюционный командный состав. Офицеры, и в особенности морские, вот кто действительные мученики революции — на «Петропавловске» мичманы и те уже сделались седыми. — Возвращаясь ко времени создания коалиционного прав[ительств]а, в м[инистерств]е очень много говорили о смелом выступлении Терещенко против революционной демократии, которой он высказал в глаза все то, что знаем мы уже давно. Этому выпаду и самим Т[ерещенко], и в м[инистерств]е было придано преувеличенное значение — демократия в лице протрезвевших своих руководителей уже сознавала все свои ошибки и преступления и представляла из себя лежачего, которого не бьют, потому что пользы от этого никакой нет. И эта демократия, эти лица — они уже потеряли контакт с увлекаемой большевиками народной массой — они уже отупели, уже обуржуазились, потеряли кредит, и власть их эфемерна. На одном из заседаний по поводу поездки русской делегации в Париж на конференцию Терещенко уже откровенно третировал этих недавних властителей, если не дум, то темпераментов [...]. Учредилка в настоящее время, конечно, не спасет страну — это будет новая говорильня, причем большинство будет принадлежать людям неуравновешенным, фанатикам идей, единственной целью которых будет осуществить на деле свои бессмысленные мечтания, узаконить анархию и тем вызвать новое кровавое обострение классовой борьбы. Спасти Россию может только твердая власть — Корнилов, где ты — а учредилка, конечно, этой власти не даст. [...]

3 октября

Немцы планомерно развивают свои морские операции на нашем фронте — нет никакой веры в то, что наш в конец распропагандированный флот сможет победоносно противостоять германскому кулаку — но паники нет — привыкают даже к счастью, а к несчастью и подавно. В Петрограде однообразно и тихо — дороговизна и хвосты растут — но в настоящую минуту анархия по преимуществу царит в провинции — ей принадлежит это печальное первое место. — Характерный штрих рассказал мне итальянский дипломат — Керенский, оказывается, aux petits soins [угодничает] с бывшими, как их теперь называют, великими князьями — и последние весьма дорожат премьерством Керенского, в котором они чувствуют надежную защиту. — Нужно ли говорить, что в буржуазных кругах со вздохом вспоминают павшего монарха — при нем в теории жилось плохо — а теперь в действительности приходится жить куда поганее. [...]

6 октября

События развиваются планомерно и как всегда проявляются обе стороны медали. В данном случае наступление германского флота идет для немцев вполне успешно, но одновременно этот удар принес пользу нашему флоту — в нем заговорила гордость, стыд вторично после Цусимы перенести позор бесславного поражения перед лицом всей России и всего мира — о флоте можно теперь говорить как о действующем флоте — а это момент огромной важности, потому что поведение флота может послужить примером и сухопутным частям Северного фронта. Вообще все еще нельзя покидать надежды, что воссоздастся боеспособность нашей армии. Приехал чех Клицанда из Ставки и говорит, что Ставка в этом отношении питает надежду — Керенский, вернувшись из Пскова, рисует положение фронта отнюдь не в безнадежных красках — наконец, приехавший с Румынского фронта кн. Масальский сказал мне, что у них боеспособность баллов на 10 — и что дрянь имеется в ограниченном размере. Все зло в Керенском, акции которого медленно, но верно падают и который подвергается нападкам и справа, и слева — все благие начинания, восходя до него, превращаются в слова, стоимость которых в это звериное время куда меньше курса рубля. К[еренский] не творец реальной политики — он утопист в лучшем случае и все менее и менее удовлетворяет требованиям сменяющихся моментов. Дело Корнилова, которое раскрывается теперь на столбцах газет, должно по логике его окончательно погубить — он же никак не может полюбить Россию больше революции — Корнилов требовал твердой власти — теоретически с ним соглашался Кер[енский], но когда дело дошло до исполнения, то Кер[енский] предал Корнилова и вильнул налево — теперь также в связи с наступлением немцев замечается поправение — Кер[енский] рассчитывает м[инист]ра вн[утренних] д[ел] Никитина за то, что тот в полчаса не сумел справиться со всероссийской анархией — но создать твердую власть, о которой взывают все элементы страны, кроме преступных, он, конечно, реально даже и не попытается — скажет речь, другую и подумает, что дело сделал. А курс нужно избрать определенный — нужно мириться с казаками и воевать с большевиками — а Кер[енский] поступает именно наоборот — и толка никакого не выходит. Завтра открытие предпарламента. На носу висит эвакуация Петрограда. Иностранцы крайне пессимистично настроены — но дело еще не проиграно — о большевиках больше не слышно — но анархия махровым цветом распустилась по всей стране — болезнь течет правильно — анар-

хия — затем диктатор. К слову, Корнилов переоценивается и, может статься, ему придется стать героем дня — для этого еще не наступило благоприятного времени, но в наш век все может быть и ко всему нужно быть готовым. Немцы безобразно слабы — не они выигрывают, а мы проигрываем — и с этим до поры, до времени нужно мириться в ожидании лучшего будущего — а оно должно прийти — оно не может не прийти.

25 октября

Большевики выступили. И все происходит до сих пор так просто, так закономерно и безболезненно, что можно только диву даваться, как Кер[енский] проспал свою власть. О предстоящем выступлении большевиков говорили уже давно — приурочивали его ко дню съезда совдепов, который намечался 20 окт[ября], затем говорили о 22-м, 25 окт[ября] — а вчера в 2 часа дня Кер[енский] приехал в предпарламент и заявив, что началось восстание, потребовал, чтоб предбанник выразил Вр[еменному] прав[ительств] у полное доверие и снабдил бы Кер[енского] чрезвычайными полномочиями. Сказал и уехал — а предбанник возьми да и прими формулу левых, которая, в сущности, выражала недоверие Вр[еменному] прав[ительств]у и заключала в себе требования создания какого-то контролирующего анархию и контрреволюцию органа. Но при сообщении этой формулы Керенскому, она была растолкована как выражающая доверие прав[ительств]у, что очень утешило Кер[енского]. Но пока все это происходило, большевики делали дело — и сегодня утром в их руках оказались вокзалы, Гос[ударственный] банк, Эксп[едиция] загот[овления] г[осударственных] бумаг — словом, весь город за исключением Зимнего Дворца и весь гарнизон, за исключением юнкеров, женского батальона и нескольких броневиков. Казаки выразили готовность поддержать Вр[еменное] прав[ительств]о, но выставили требование создания твердой власти. Кер[енский] согласился на это требование, но не мог не совершить бестактности, упрекнув казаков Корниловым — теперь о казаках что-то не слышно. Кер[енский] утром уехал из города на автомобиле White House'a, с которым он говорил и объяснил ему положение как весьма серьезное. Он сказал: «город в руках большевиков — еду на фронт, чтоб оттуда вернуться во главе войск — на это потребуется несколько дней и я предвижу, что все министры будут арестованы». Уже два министра арестованы — Прокопович и Третьяков — предпарламент также занят большевиками. Пока занятие всех общественных мест происходило совсем по-хорошему — вооруженные большевики-солдаты приходили, ставили свой караул — никаких эксцессов — работа продолжалась по-прежнему и только днем на Морской происходила недолгая перестрелка у телефонной станции. Большевики заняли город явочным порядком — и даже объявили, что если прав[ительств]о не будет защищаться, никакого кровопролития, никакого беспорядка не произойдет. Керенский явно непопулярен — против него восстановлены решительно все и все классы — и везде как в столицах, так и в провинции и на фронте — и сомнительно, чтоб он нашел для защиты Вр[еменное] прав[ительств]о какую-либо воинскую силу — он сдал силой вещей свои позиции так легко, без всякого намека на борьбу, здесь, в Петрограде, — и едва ли ему удастся доделать проект преданного им Корнилова — идти походом на Петроград. Лозунги, выкинутые большевиками, так понятны массам — немедленный мир и землю трудящимся, что за Керенским с его половинчатыми лозунгами, не удовлетворяющими ни левых, ни правых, конечно, никто не пойдет. Считаю, что песенка Кер[енского] спета — он должен будет сойти с политической сцены — и этому нужно только глубоко

радоваться. [...] Завтра на улицах Петрограда должен быть бой — сегодня большевики должны праздновать свою победу над К[еренским] — но завтра Россия, идея родины должна торжествовать свою победу над гиблым ядом большевизма, который оставшись у власти может и должен нанести непоправимый ущерб будущему России. Торжество большевизма — это гибель будущего, и нет даже оправдания, что этой ценой будет спасено настоящее — большевикам нужно сказать, не теряя времени — мавр сделал свое дело и мавр должен уйти. Большевизмом в настоящую пору заражены не только поголовно массы, но и бесконечное количество культурных людей — на идее невозможности воевать помешались многие и многие, забывшие, что самым тяжелым, конечно, бывает конец страдного пути — и что спасется только тот, кто перетерпит до конца. — Теперь 9½ ч. вечера, слышна стрельба из орудий — было выстрелов — 10–12 — стреляли в направлении Дворцовой площади — последняя цитадель Керенского. Уверяют, что Бернацкий арестован и что телефонная станция, уже много времени охранявшаяся юнкерами, т.е. правительственными войсками, занята солдатами, т.е. большевиками. Теперь так завелось — солдат и большевик — синонимы.

27 октября

История вчерашнего дня проста до чрезвычайности. В Петрограде большевики одержали легкую и полную победу. Зимний Дворец, подвергшийся в сущности несерьезному обстрелу, был сдан на милость победителям и согласно некоторым свидетельствам здорово разграблен. Во Дворце были арестованы министры, в 5 ч. утра перевезенные в крепость. Обращение с ними, как вообще поведение большевиков, в высшей степени корректное. За эти два дня порядок ничем и нигде не нарушался, но настроение все больше и больше озлобляется и растут неприятные ожидания. Вчера газеты были только крайние левые, а сегодня и их нет (вечерние) — цензура введена строжайшая — телеграф и телефон под контролем, и что происходит вне Петрограда — нам совершенно неизвестно. Керенский обратился с воззванием из Пскова. — Сегодняшний день по своим внешним признакам не отличается от дня вчерашнего — фактическая власть в руках большевиков, но моральной победы они отнюдь не одержали и поддержкой не пользуются — пререкания с большевиками на каждом углу и пререкания злобные — только и слышно разговоров, что их жизнь будет недолга и они уже начинают принимать вид затравленных зверей — им приходится огрызаться — к ним относятся с презрением, как к насильникам. Общим из сильнейших ударов, им нанесенных, является забастовка чиновников — отказ всех ведомств (кроме трех освобожденных Союзом союзов от забастовки — М[инистерст]во путей сообщения, продовольствия и Г[осударственный] банк) работать с большевиками — они фактически очутились без аппарата управления и в таком случае с управлением не справятся — они этой конъюнктуры как будто в расчет не принимали — во всяком случае, Троцкий был, видимо, сильно и неприятно поражен, когда я, от имени всех служащих, сообщил ему, что все м[инистерст]во отказывается от совместной с большевиками работы. На чиновников привыкли смотреть, как на аполитичную массу, с которой не приходится считаться и которая служит 20-му числу. Но политическая обработка последних месяцев не осталась безрезультатной — и в трагичный момент истории, когда искали по сторонам и даже за границей ту силу, на которую можно было бы опереться для одоления большевиков — чиновники оказались нежданно тем камнем преткновения, о который разобьется большевистская колесница. В мало-маль-

ски культурной ячейке отношение к большевикам резко отрицательное — это в массе создает ту атмосферу, в которой им не удастся долго прожить — если это они еще не начали соображать, то действительность не замедлит им открыть глаза. — Сегодня вечером упорно говорят, что около Гатчины был бой и большевики разбиты — говорят также, что Кер[енский] обедал в Царском Селе. Не верится мне этим слухам. Говорят и об образовании прав[ительств]а в Москве и наконец об образовании всероссийского прав[ительств]а в Новочеркасске. Что правда среди этих слухов, сказать невозможно — для нас, для Петрограда факт один — власть большевиков, а как к этому факту относится Россия — нам неизвестно. Все считают вероятным предстоящие грабежи и насилия в то время, когда власть будет ускользать из рук большевиков и когда те подонки, привод коих к одному знаменателю составляет пока point d'honneur [дело чести] большевиков и единственный плюс их властвования, поймут, что на их улице праздник. Троцкий, между прочим, объяснил нам, что большевики предвидят возможность недостижения пресловутого демократического мира — в таком случае, они предполагают конфисковать капиталы банков и объявить демократическую войну — оказывается — большевики не только подлость, но и глупость — и спорить теперь против их теории не приходится — занятие это пустое. Объявлен кабинет Ленина — в 16 месяцев докатиться от Сазонова к Ленину чрез Штюрмера и Милюкова! — Образовался Комитет спасения родины и революции, по слухам, уже арестованный — но интеллигентный Петроград объявил большевикам войну и им, конечно, несдобровать — предсказывают в Петрограде скорый голод — но мы дошли до дна, дальше идти некуда, и в этом заключается положительная сторона этого отрицательнейшего явления — захват власти большевиками — можно только глубоко радоваться, что Петроград быстро и резко реагировал на этот захват — и главное следует отметить единодушие протеста. Это первый признак пробуждающегося самосознания, самодеятельности, залог будущих движений.

1 ноября

Кризис принял затяжной и однообразный характер — и в общих чертах повторяется корниловская история. Бежавший и избежавший крепости Керенский на третий день вернулся к Петрограду во главе казаков, и одно время казалось, что вот-вот город будет взят К[еренским] и большевики потерпят полное поражение — взято было К[еренским] Царское Село — занята Средняя Рогатка — услужливые слухи говорили, что бой идет в предместьях города, наконец, что дерутся на Балтийском вокзале — но дни шли за днями — но направлению к вокзалам по городу тянулись войска, подвозились боевые припасы — а войска К[еренского] все были в стадии приближения. Военное счастье, очевидно, колебалось — а затем появились победные реляции главнокомандующего большевиков Муравьева об отступлении К[еренского], об обратном взятии Царского Села — и в настоящую минуту имея точнейшие данные о К[еренском], находящемся в Гатчине во главе трех казачьих полков и почти без патронов, нужно сказать, что К[еренскому] обратно отвоевать Петроград не удастся, как бы он не надеялся на подход каких-то войск, задерживаемых Викжелем[17]. Первый наскок на Петроград не удался — бой был серьезный и большевики, предводительствуемые германскими офицерами, дрались храбро, в особенности матросы и красногвардейцы — было очень много жертв и это обстоятельство, в связи с нерешающим исходом боев, и определило до известной степени дальнейшее течение событий. Было предложено перемирие — и тем самым кон-

фликт был перенесен в другую плоскость, а именно мирного разрешения кризиса. При этом выяснилось, что К[еренский] непопулярен даже среди казаков, которые шли за ним против ненавистных им большевиков. К[еренский] политически выжатый лимон и его роль кончена — этому можно только радоваться. Но победившие его большевики вовсе не являются хозяевами положения, и, очень удачно захватившие в руки власть, они встретили такое принципиальное осуждение своему поступку и такое единодушное пассивное сопротивление в городе и отсутствие поддержки по всей России, в подавляющем числе случаев не пошедших за большевиками, что им оказывается не под силу удержать эту власть и ею начать пользоваться. Силой вещей они принуждены пойти на уступки и козырять они могут только своим фактически выигрышным положением — и пока это положение длится — а оно очень шаткое и К[еренский] в Гатчине — и подвоз провианта в Петроград совсем прекратился — и наша забастовка отнюдь не ликвидирована — и Ставка настаивает на окончании гражданской войны — все это породило мысль о создании однородного социалистического м[инистерст]ва. — Иными словами — осуществление лозунга — вся власть Советам, т.е. совершенно правильная эволюция революции. Спор идет только — включать ли большевиков в прав[ительств]о или их исключить. Спор, очевидно, совершенно праздный — большевики победители и их, именно их, поддерживает весь здешний гарнизон, рабочие и чернь — за прочими социалистическими партиями активных народных масс совсем мало, и если большевики принуждены с ними считаться по ряду соображений, то тем более эти партии вследствие реального соотношения сил, принуждены считаться с большевиками. [...] В газетах пишут о высадке немцев в Або, а здешние торгово-промышленные круги твердо убеждены, что через 2–3 недели немцы придут в Петроград и займут его без сопротивления. [...]

14 ноября

За две истекшие недели, когда я, заваленный работой по забастовке, не имел времени написать ни одной строчки, каких-либо поворотных событий не произошло — эволюция кризиса шла своим ходом — были слова, были жесты — но дел не было — теперь более, чем когда-либо, очевидно, что в настоящую эпоху люди — пигмеи в сравнении с масштабом совершающихся событий; круто изменить ход событий люди не могут — это должны начать понимать Ленин и К° — несомненно, что деятельность этих господ отразится в дальнейшем на судьбах России, но когда и как — сказать невозможно — в самые первые дни большевистской авантюры некоторые дипломаты выражали удовлетворение, что событие это случилось именно теперь, ибо, говорили они, это даст время России переболеть большевизмом и можно питать надежду, что к весне в России соорганизуется немногочисленная, но боеспособная армия. Теперь и нам, оптимистам, приходится так верить — а пока мы живем в сумасшедшем доме — совершается самое невероятное и, быть может, самое невероятное то, что то невероятное, что совершается, не имеет невероятных ожидаемых последствий и остается гласом вопиющим в пустыне развивающихся событий. Провал большевиков обозначился совершенно определенно — были колебания счастья в ту или иную сторону — неуверенные еще в своей победе над Керенским б[ольшевики] были накануне коалиции со всеми социалистическими партиями для образования правительства — вернувшись с победных пулковских полей, они резко изменили позицию и, разрушив кремлевские святыни, (больше, думается мне, на бумаге, вроде целехонького здания Зимнего Дворца) и, овладев Москвой,

они вообразили себя достигшими высшей власти — результат не заставил себя долго ждать — все социалисты, за исключением левых с[оциалистов]-р[еволюционеров], от них отмежевались и, вступив в Комитет спасения родины и революции, усилили положение последнего — и в среде самих б[ольшевиков] произошел раскол — с протестом отошли пока что в сторонку Каменев, Зиновьев и еще несколько человек народных и просто комиссаров, и анархией в России теперь руководят Ленин, Троцкий и Крыленко. [...] Но все бумажные эксперименты в области внутренней политики кажутся сказкой для детей младшего возраста, если перейти к обзору деятельности б[ольшевик]ов в сфере политики внешней и военной. Опубликование тайных договоров последовало — ежедневно печатается порция наших секретных телеграмм и тайная дипломатия делается явной. Я слыхал, конечно, слова осуждения м[инистерст]ву, что оно отдало без сопротивления ключи от секретных архивов Троцкому — конечно, будут indiscrétions [неделикатности] — но духовное завещание м[инистерст]ва оказалось завещанием патриота, а иногда и государственного человека — и то, что нам всем было ясно, что не страшно опубликовать «тайные» договоры — оказалось и на деле публикация этих документов не вызывает ни сенсации, ни народного негодования, ни, даже, скажу, большого интереса, потому что ожидали бóльшего — фокус у Троцкого не вышел — и он попал в глупое и неловкое положение — первое в политической игре не прощается — еще менее терпимо второе — положение, занятое Троцким с опубликованием документов, по отношению к союзникам не только неловкое — оно нетерпимое — c'est un homme coulé [это человек, который себя скомпрометировал] — но эти документы — этот козырь весенних дней — опять-таки оказался мыльным пузырем — но не увеличив популярности б[ольшевиков], это недопустимое отношение к международным секретным договорам не скомпрометировало окончательно нашего русского положения. Обращение Троцкого к послам и посланникам с воззванием о мире осталось без ответа — один бабник Гарридо, испанец, написал ответную ноту en règle [как положено] — в русских газетах уже есть известие, что англичане не собираются признавать правительство Ленина, не признается оно и в России и даже в Петрограде, где функционирует остаток Вр[еменного] прав[ительств]а, усиленное тов[арищами] м[инист]ров. И до сих пор видя ту борьбу, которая ведется интеллигенцией и сознательной частью русского народа против захвативших власть б[ольшевик]ов, и несомненно учитывая исключительно свои интересы, союзники на Россию еще не поставили крест — они откажутся от нас, если мы не справимся вовремя с б[ольшевистск]ой напастью — но пока они зорко смотрят и ждут. Во всем происходящем они также не без вины — невмешательство в наши дела в продолжении 8 месяцев революции привело к торжеству большевизма — оцени вернее положение, они могли бы сказать свое слово раньше — а что такое слово много значит и что оно даже теперь для политических анархистов является угрозой, с которой они считаются, а для людей честных оружием грозным может служить обращение к ген[ералу] Духонину глав военных миссий, находящихся в Ставке. Приходится перейти к последнему мыльному пузырю и, нужно признаться, наиболее страшному, и «мыльные» результаты коего еще не вполне установлены. Когда все карты б[ольшевик]ов были сыграны — захвачен МИД, пущены все декреты о земле, которая покрыта снегом, о мире, на что ни от кого ответа не было получено (слух говорит, что Германия ответила, что о мире будет разговаривать или с Учр[едительным] собранием или с законным наследником Николая II; что же касается перемирия, то согласна с условием отступления русских линий на сто верст вглубь страны) — была брошена на стол последняя карта. — Ленин и Крыленко

предложили Духонину немедленно начать переговоры с высшим германским командованием об установлении трехмесячного перемирия и одновременно предложили отдельным войсковым частям на фронте, каждой в отдельности, войти в такие же переговоры с противником. Духонин отказался исполнить это приказание и был смещен и заменен Крыленко — но все это осталось на бумаге. С серьезным протестом против сепаратного перемирия выступили перед Духониным иностр[анные] миссии, напомнив весьма кстати о Лондонском соглашении 23 ав[густа]/5 сент[ября] 1914 г.[18] — Ставка и общеармейский комитет, потерявший при известии о назначении Крыленко и изданных приказах[19] всякое соображение, постепенно нашла свою голову — Духонин телеграфировал всему фронту предложение Крыленко и протест иностранцев — и имеются признаки, что нарождается третий и последний мыльный пузырь.

15 ноября

Крыленко не был признан верх[овным] глав[нокомандующим] ни Ставкой, ни Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами — и не посмел поехать в Ставку. Он поехал на Северный фронт, где 5-ая и 12-ая армии его признали и по его плану стали налаживать мирные переговоры с немцами. Что из этого выйдет — узнаем 19-го — день, когда парламентеры сойдутся — пока же ухудшения на фронте из-за декретов Крыленко не последовало — и вся эта ленинская шумиха идет вдалеке от жизни. Уж на что казалось страшно сепаратное перемирие, устраиваемое по почину отдельных войсковых единиц — но воистину страшен сон — да милостив Бог — пока что фронт остался на месте и в сообщениях из Ставки отмечаются прежние — перестрелка и поиски разведчиков. Одной из причин неуспеха воззваний Крыленко, оказывается, является нежелание солдат идти домой, где есть нечего, а работать нужно — а в окопах они ничего не делают и едят из казенного котла. Таким образом, все широковещательные обещания б[ольшевиков] оказались лишь словами, а не реальностью — они ничего не дали, ибо не могли дать — но остановиться на пути заманивания блестящими перспективами, перестать быть демагогами — им, конечно, также нельзя — и они теперь жарят из последних — игра у них идет ва-банк и их декреты и распоряжения день ото дня делаются нелепее и неосуществимее. У них про запас остался последний козырь — и они деятельно готовятся использовать его — это гражданская война. [...] Бессознательная масса, которая дает значение той или иной партии, вся перекинулась в сторону большевиков — социалисты всех оттенков остались на мели — и против большевиков стоит одна буржуазия, объединившаяся под знаменем к[онституционных] д[емократов] и поддерживаемая всеми теми, которым не мил стал божий свет после 8-месячных революционных опытов — предстоит мертвая схватка и не нужно сомневаться, что в конечном итоге победа останется на стороне буржуазии — и конечно социалисты с мозгами это сознают — они понимают, что дело социализма в России проиграно — и теперь уже начинает вырисовываться как путеводный маяк, как лозунг, могущий всех исстрадавшихся людей порядка объединить без каких-либо объяснений, — монархия — и как искренно не хотели мы избежать этого внешнего возвращения к прежним порядкам мы фатально к этому придем, когда начнем собирать рассыпанную Русь. [...] У англичан очередной успех в Бельгии — и ими же почти что взят Иерусалим — и Палестина официально уже отдана евреям. Итальянцы оказывают упорное сопротивление — Венеция не взята и положение далеко не безнадежное. Немцы по всем признакам очень устали — несмотря на наше предательство, да-

ющее им возможность распоряжаться свободно войсками с нашего фронта, они не могут разбить итальянцев и биты англичанами. О сепаратном мире с нами они еще не думают — они, конечно, стараются оторвать союзников от России и тогда заключить общий мир за наш счет — это им пока не удается, но они изменят свою линию поведения только тогда, когда Ленин и К° изживут себя и будут переработаны и обезврежены организмом России. Если наметится признак возрождения России, немцы в России захватят все, что только смогут, и постараются военной удачей вывести нас из игры — и опять-таки немцы на нас отыграются. Но общий голос говорит, что мы дольше не можем продолжать воевать — мы всегда воевали кустарным образом и я совершенно не вижу, почему, переболев зимой, мы не сможем выстрелить весной по немцам — а нам ведь нужно только устоять на ногах, чтоб иметь право сесть за стол победителей.

17 ноября

Со всех сторон слышится, что большевики слабеют и что им удастся удержать в своих руках власть лишь на самое короткое время. Сломить сопротивление интеллигенции они не смогли, и их угрозы в отношении нас, чиновников, остались пустым, никого не устрашившим, звуком — встретив везде организованное пассивное сопротивление, они не смогли ни управлять, ни править, и, располагая только штыками, они даже их не могли как следует пустить в ход для упрочения своих идей и для торжества своей власти. Разочарование б[ольшевик]ами начинает проникать в рабочие массы — победителей уже начинают судить — и недалек относительно тот день, когда мы переживем новую переоценку политических ценностей. [...]

Был я у Линдлея сегодня. Очень дружествен, но что он может сказать определенного. Жалуется, что Троцкий определенно хочет рассорить Россию с Англией и в этом видит доказательство того, что Троцкий — агент Германии. Всех волнует разговор о мире. Хотя, говорит Л[индлей], — настроение наших войск превосходное, но и Англия устала от войны — а затем мы оба признали, что положение Германии настолько критическое и безвыходное, если война продолжится, что она употребит все усилия, чтоб всячески использовать политико-военное положение, созданное Россией, и заключить всеобщий мир. Мир с нами сепаратный ей невыгоден — поэтому она заключит на вполне приемлемых для нас основаниях трехмесячное перемирие — и в течение этого времени приступит к переговорам о мире с союзниками — будут торговаться за наш счет, причем может создаться положение, при котором Германия пойдет на максимум уступок союзникам, но потребует от них free hands [политику свободных рук] для себя в России — это, конечно, в очень грубых чертах — союзниками слишком много капиталов вложено в русские предприятия, и наш долг им слишком значителен, чтоб они могли отдать Германии Россию в бесконтрольное распоряжение — но даже если удастся тем или иным путем уладить финансовый вопрос, остается в полной силе то соображение, что не в интересах союзников предоставлением России Германии так усилить последнюю, что через несколько лет она, разжирев на русских хлебах, сделается более могущественной, чем когда-либо прежде — ибо отдав Россию Германии, союзники для победы 17 или 18 года готовят себе самое незавидное будущее в виде русско-германского союза, к которому не замедлит примкнуть и Япония — и результаты этой войны и, в частности, кующегося мира окажутся обратными тем ожиданиям и целям, ради которых собственно Англия вступила в войну. Выходит так, что всемир-

ная и беспредельная поддержка России и удержание ее в союзе с союзниками властно диктуется эгоистическими соображениями самих же союзников — и нужно сказать, что конец этой войны, как нетрудно было предсказать, будет концом не военным, а чисто политическим — и как нужно было терпение, терпение и терпение всех нас во времена военных невзгод и испытаний, так и теперь, когда с полей сражений борьба за идею права, справедливости и мирное житие народов перенеслась в область словесных споров и письменных убеждений — нужно проявлять то же самое пресловутое терпение и твердую веру в свои идеи, выношенные предыдущей цивилизацией и возмужавшие под трехлетним обстрелом. Положение трудное — что и говорить, и Германия действительно может поставить наших союзников в величайшее затруднение — им может быть обещано исполнение всех желаний, под условием так или иначе отказа от России — и я видел, что Линдлей уже мучается этим вопросом. Но страшен только сон. Германия, как известно, с начала войны совершила, зрело обдумав все обстоятельства, ряд грубейших политических ошибок, которые имели для нас самые нежелательные последствия — где гарантия в том, что находясь в том же положении необходимости принять определенные решения она сумеет избежать на этот раз той ошибки, которая и разрушит весь ее хитроумный план изоляции России! А затем — союзников много и темпераменты у них разные — вести с одним тонкую игру Германии под силу — но ведь известно, что пригодно для соблазна или убеждения одного, не пригодно для другого или третьего, и неизбежно приемы Германии должны быть не тонкими, а, скорее, общими — это не будет tête-à-tête, а скорее митинг, где легче расшифровываются все тайные махинации и побуждения другой стороны. И наконец — мы еще живы — и если мы только вовремя сбросим Троцкого и б[ольшевик]ов и проявим признаки национальной жизни — то это одно обстоятельство, очевидно, радикально изменит картину, создающуюся усилиями Троцкого и Крыленко. А что царство б[ольшевик]ов недолговечно — об этом говорить не приходится.

21 ноября

Если бы какой-нибудь человеческий организм мог бы рассказать о том, как на него напали тифозные или холерные бациллы — то мне представляется, что мы услышали бы трагическое повествование о захвате в России власти большевиками. Большевики разрушают все, к чему только не прикоснутся, а при попытке создать нечто новое взамен остановленного или утраченного неизменно получается точное впечатление покушения с негодными средствами — утрачивается высшая форма культуры, и нормальное функционирование организма прекращается. Мозг не может управляться мускулами, а как раз этот опыт и стараются проделать б[ольшевик]и. [...] До сих пор еще спорят — идейные ли люди б[ольшевик]и или подкупленные немцами. Праздный спор! Своей работой — идейной или нет — они предают Россию — и их нужно судить не по побуждениям, а по результатам работы, которая в настоящее время вся направлена к прекращению войны. В некультурной солдатской массе лозунг — долой войну — постепенно расцвел пышным цветом — почва была подготовлена — была тут и трусость, и утомление, и непонимание целей войны, и вся расплывчатость славянского характера, не озаренного светом умственной работы — что будет дальше с Россией и с ними самими, «свободными гражданами», русский народ, дающий власть б[ольшевик]ам, не понимает, а русская интеллигенция этого объяснить ему не может, ибо он ее не

слушает [...]. Я слышал, будто цель Троцкого не только заключить с Германией мир, но и союз — и вся линия поведения этого человека свидетельствует, что он ведет линию Германии. Теперь идут переговоры о перемирии — это какой-то кошмар, до того невероятно — еще ничего неизвестно, но, скажу по совести, и неинтересно — Россия будет предана под тем благовидным соусом, который будет приготовлен Германией, которая использует предложение Троцкого в своих видах — в первую голову приходится опасаться того, что будут отпущены на родину военнопленные германцы и австрийцы — это будет обозначать или ссору с нашими союзниками, или готовность их войти в мирные переговоры с Германией и заключение мира на наш счет. Словом, о будущем теперь не приходится говорить — оно для России не может быть благополучным — и у меня одно только желание, чтоб Ленин и Троцкий ответили бы не только перед судом истории, но и перед грозным народным судом — и я верю, что этой кары им не миновать. [...]

22 ноября

Духонин — убит; Корнилов — бежал. О мирных переговорах ни слуху ни духу, а идут они уже четвертый день. Линдлей мне конфиденциально сообщил, что англичане, французы и сербы вошли частным образом в сношение с Военно-революционным комитетом pour sauvegarder les intérêts des alliés [чтобы защитить интересы союзников], конечно, насколько возможно дело касалось отпуска военнопленных, дислокации войск на фронте после перемирия и торговых сношений между Россией и Германией. Наши союзники находятся в очень тяжелом положении и ждут, чтоб решить, как им надлежит поступить, дальнейшего развития действий. По мысли Линдлея, надлежало бы освободить Россию от договора 1914 г. Это, конечно, паллиатив — если дело идет об окончании войны также и союзниками, то им не трудно будет повести это дело с германцами к своей выгоде и на наш счет — но дело идет одновременно и о будущем мировом укладе, и в этом отношении требуется сугубая осмотрительность и дальнозоркость — отдать Россию Германии, значит усилить последнюю, и в течение короткого сравнительно срока создать огромную и враждебную себе силу, в особенности, если к русско-германскому союзу примкнет Япония le perfide Japon [вероломная Япония]. При настоящей политической конъюнктуре вся война грозит окончиться приблизительным status quo — т.е. весь колоссальный кризис последних лет не даст никаких результатов и мы не сдвинемся с мертвой точки системы политического равновесия. Нарушить это положение вещей может только решимость наших союзников воевать дальше и победить Германию — но спрашивается, могут ли они идти по этому пути — если уже устала Англия, то в каком же положении находится Франция и как себя чувствует Италия! Не нужно забывать, что с идеями, вновь выдвинутыми русской революцией, приходится считаться всем — и если пример России революционной до сих пор не был соблазнителен народам, воюющим из-за определенной национальной цели, то факт достижения Россией мира без ущерба для себя — а в этом и должен заключаться ход Германии — придаст совсем другой смысл событиям, совершающимся у нас в глазах народов, которым длительное геройство все-таки не по плечу. Теперь идет такая тонкая игра, когда каждое лыко в строку. Все может измениться с минуты на минуту, ибо где тонко, там и рвется — но нужно сказать, что наши союзники мало реагировали на все совершающееся в России — и теперь пожинают плоды своей бездеятельности.

24 ноября

Мирные переговоры как будто споткнулись — но это, конечно, только видимость — la pièce est montée [пьеса поставлена] в Берлине — роли распределены и все идет по заранее намеченному плану к заранее определенной цели. Под предлогом помещения вопреки запрещению объявлений без особых разрешений, вся печать, кроме большевистской и социалистической, полночи народившейся сегодня[20], закрыта, очевидно, чтоб не было лишних толков по поводу мира — но и те газеты — вчера была какая-то вечерняя, — что еще существуют, указывают, что инсценировка переговоров одобрена свыше и похабный мир будет заключен. Положение в смысле скорого и своевременного исцеления остается безнадежным — физическая сила в руках большевиков, которые не теряют времени, отпущенного им судьбой для властвования, и полным ходом работают для Германии — немецких агентов полна Россия — в Смольном сидят немецкие и австрийские офицеры Г[енерального] штаба и управляют Россией — всякие Крадеки, Ганецкие, Колышко — словом, все открытые друзья Германии находятся на ступенях ленинского трона и толкают Россию в бездну — главное — это полная военная дезорганизация России, на это направлены их главные усилия. Духонин убит, и главный провокатор этого убийства оказался матрос, которого матросы не признали за своего — уже теперь Троцкий принимает меры, чтоб отправить на родину военнопленных немцев, не заботясь о наших пленных в Германии, что совершенно понятно — это элемент антигерманский — и все это понятно всем патриотам — вся «политика» Троцкого шита белыми нитками, и нет еще сил пробудиться от этого кошмара, потому что распропагандированный, некультурный фронт требует одного — и верит, что Ленин этот мир ему даст. Какой смысл, если этот народ поймет задним умом и собственными страданиями, что Ленин, Троцкий и К° — предатели — дело Германии будет сделано, и Троцкий и Ленин будут вне пределов досягаемости, их царство недолговечно — и весь вопрос в том, сколько они могут причинить России непоправимого зла? Противодействие б[ольшевик]ам всех в продолжении месяца их фактической власти значительно ограничивает их предательство — признаки отрезвления большевизмом уже замечаются на фронте и среди рабочих — интеллигенция, казачество твердо стоят против них — непризнанные в стране, значение их в глазах немцев, вероятно, в соответственной мере преуменьшено и немцы получают от б[ольшевик]ов не все то, что они от них ожидали — но все же перемирие будет заключено — и остается открытым один вопрос — успеют ли б[ольшевик]и поссорить Россию с союзниками. Если да — то можно сказать, Россия потерпела полное крушение и обратилась в великодержавный épave [обломок] — успеет ли Троцкий нанести этот удар России — он всячески провоцирует Англию, являющуюся главным врагом Германии — англичане это понимают — я разговаривал вчера с Buchanan'ом [Бьюкененом] — но всякой выдержке бывает конец, в особенности, когда умышленно задевают честь страны. Чтоб противостоять нападкам Троцкого англичане хотят создать единый дипломатический фронт, но, оказывается, американцы ведут свою собственную политику, что сильно затрудняет действия англичан, попавших воистину в тяжелое положение. Как долго они выдержат свое эгоистичное джентльменство относительно нас? Ведь расплата за все ныне происходящее грозит пасть на одну Россию — теперь ею пользуется для достижения своих целей Германия, а затем на ней могут отыграться и союзники. Линдлей говорит — Россия дальше воевать не может — хотя все возможно, но, вероятно, это так — дело заключается, каким путем достичь мира — и путь Троцкого — это путь

длительного поражения России — но что можно говорить о работе предателей — пока по соображениям союзников Россия еще не ответственна за работу Троцкого — но долго длиться такое положение не может — и вопрос, кто раньше покинет Россию — союзники или Троцкий. — На Дону постепенно образуется центр русской государственной жизни. Там находятся Алексеев, Корнилов и туда же тянутся...[21]

Ф. 340, оп. 786, д. 1, л. 293 об. — 491 об. Подлинник, рус. яз.

[1] Посол России в Великобритании А.К. Бенкендорф скончался в Лондоне 29 декабря/11 января 1916 г.

[2] 6/19 января 1917 г. Николай II подписал рескрипт на имя председателя Совета министров Н.Д. Голицына, в котором были обозначены основные направления деятельности его кабинета и подчеркивалась необходимость войны до победного конца. Рескрипт был опубликован 8/21 января 1917 г.

[3] См. прим. 3 к док. № 37.

[4] См. прим. 3 к док. № 39.

[5] Имеется в виду послание президента США В. Вильсона Конгрессу США от 3 февраля 1917 г. в ответ на возобновление Германией 31 января 1917 г. неограниченной подводной войны. Обличая Германию в нарушении принятых ею на себя обязательств, президент заявлял о разрыве дипломатических отношений.

[6] Упоминая 1889 г., Урусов, скорее всего, имеет в виду отречение сербского короля Милана Обреновича в пользу сына. 1/13 марта 1881 г. был смертельно ранен народовольцами Александр II; 1/13 марта 1887 г. было совершено покушение на Александра III.

[7] Николай II отрекся от престола 2/15 марта 1917 г. в Пскове.

[8] 16/29 марта 1917 г. канцлер Германии Т. фон Бетман-Гольвег выступил в Рейхстаге с речью, в которой подчеркнул, что «Германия всегда была и остается готова заключить почетный мир с Россией». В обращении канцлер также заявил, что Германия обещает не вмешиваться в российские внутренние дела; не будет стремиться восстановить царское правительство; Германия не будет вести войны против самого русского народа; Германия не настаивает на заключении Россией мира, унижающего ее честь. — См.: Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. — Смоленск, 2000. — С. 322.

[9] В начале 1917 года социал-демократы ряда нейтральных стран выступили с идеей созыва международной социалистической конференции с целью восстановления Интернационала и организации совместных усилий в пользу мира. В апреле 1917 года в Петроград приехал датский социал-демократ Боргбьерг и от имени Объединенного комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции пригласил социалистические партии России принять участие в конференции в Стокгольме по вопросу о заключении мира. Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 года направил делегацию в нейтральные и союзные страны для подготовки конференции в Стокгольме. Однако Стокгольмская конференция не состоялась, так как правительства Англии, Франции, США и Италии запретили социалистам своих стран участвовать в ней из-за опасения, что их встреча с социал-демократами центральных держав отрицательно скажется на моральном состоянии союзных армий и народов.

[10] См. прим. 2 к док. № 48.

[11] См. док. № 48. Нота была опубликована в печати 20 апреля/3 мая 1917 г.

[12] Имеется в виду послание президента США В. Вильсона Временному правительству от 13/26 мая 1917 г., в котором он призвал русский народ к мобилизации всех сил на войну и к объединению взаимных усилий. — См.: Россия — США. — С. 672–674.

[13] Имеются в виду антиправительственные вооруженные выступления 3–5/16–18 июля 1917 г. в Петрограде после июньского поражения на фронте и правительственного кризиса. Волнения, начавшиеся со стихийных выступлений солдат 1-го пулеметного полка, рабочих петроградских заводов, кронштадтских матросов под лозунгами немедленной отставки Временного правительства, передачи власти Советам и переговоров с Германией о заключении мира были возглавлены большевиками. Произошли столкновения между демонстрантами и частями, верными правительству. Начались репрессии против большевиков и левых эсеров, которых обвинили в подготовке вооруженного захвата власти. Правительство объявило Петроград на военном положении, разоружило солдат и рабочих, участвовавших в демонстрации, издало приказ об аресте В.И. Ленина и других большевистских лидеров, обвинив их в шпионаже в пользу Германии.

[14] 21 августа/3 сентября 1917 г. германскими войсками была взята Рига.

[15] 12/25 августа 1917 г. Л.Г. Корнилов начал наступление на Петроград с целью установления военной диктатуры. Против него выступили все социалистические партии, Советы и подчинявшиеся им отряды рабочей Красной гвардии. К 17/30 августа 1917 г. мятежные войска были остановлены, Л.Г. Корнилов арестован. Провал корниловского мятежа вновь изменил политическую ситуацию и соотношение сил. Правые были разгромлены, престиж А.Ф. Керенского и кадетов упал. Влияние большевиков усилилось, началась большевизация Советов. В конце августа 1917 г. Петроградский и Московский Советы приняли резолюцию о взятии всей полноты государственной власти. В ответ была предпринята попытка усиления высшей центральной власти и стабилизации обстановки. 17/30 августа было создано новое правительство — Директория в составе 5 человек во главе с министром-председателем А.Ф. Керенским. 19 августа/1 сентября Россия была провозглашена республикой.

[16] 1 августа 1917 года Папа Римский Бенедикт XV направил мирную ноту державам, участвующим в войне. В ее вводной части Папа подчеркивал свою независимость и отрицал принадлежность к какой-либо стороне. Утверждая, что продолжение войны может привести к крушению европейской христианской цивилизации, Бенедикт XV внес конкретные предложения относительно всеобщего и взаимного разоружения; международного арбитражного суда; обеспечения свободы морей; взаимного отказа противоборствующих сторон от компенсации за ущерб, нанесенный друг другу; возврата оккупированных во время войны территорий. В Берлине ноту Папы приветствовали, Лондон не отказался от переговоров, США отклонили посредничество Ватикана. Во Франции и Италии шаг Папы расценили как услугу, оказанную немцам.

[17] Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза.

[18] См. док. № 5.

[19] 9/22 ноября 1917 г. Н.В. Крыленко был назначен верховным главнокомандующим русской армией. В этот же день он подписал приказ № 1 по армии и флоту, в котором говорилось об отстранении Н.Н. Духонина от должности и.о. главнокомандующего в связи с отказом вести переговоры с союзниками и воюющими государствами о перемирии. 13/26 ноября 1917 г. в приказе № 2 по армии и флоту сообщалось о начале мирных переговоров с германской армией; в приказе № 3 от 14/27 ноября 1917 г. по армии и флоту — о ходе мирных переговоров с представителями германской армии, приостановлении перестрелки и братании на фронте.

[20] Так в тексте.

[21] Далее в подлиннике текст обрывается.

252. ИЗ МЕМУАРОВ И.Я. КОРОСТОВЦА

[не ранее 1928 г.]

Персидские арабески. Персия. 1914–1915 гг.

[...][1] Глава 14.

Как отразилась война на англо-русских отношениях.
Раскол в Дипломатическом корпусе.
Персидская декларация о нейтралитете[2]

Когда возникла европейская война, то сэр Вальтер ввиду полученных инструкций заявил, что так как мы связаны союзом в Европе, то персидские вопросы должны отойти на задний план, что всякая рознь в сношениях с персами неуместна и вредна и, что он надеется, что я буду действовать в том же духе. Я ответил, что мне даны такие же указания, что я готов следовать его примеру и всячески избегать пререканий и держать его

в курсе наших дел. Впрочем леди Сузан и тут не упустила случая сделать колкое замечание; Англия, сказала она, вероятно разобьет прежде Германию, а потом в союзе с ней обессилит и Россию — исконного врага Великобритании[3].

С первых же дней войны все в Тегеране, не исключая персов, стали жить известиями о событиях в Европе и о происходивших там военных действиях. Распри между русскими, англичанами и бельгийцами утратили интерес. Наступил период взаимного наблюдения между двумя главными группами, на кои раскололся дипломатический корпус. Делались догадки о том, как отнесутся к воюющим народы Востока, будут ли они вовлечены в борьбу или же останутся зрителями и т.п. Особенно же интересовались Турцией, ввиду ее политических связей с Германией. Англичан волновали известия из Индии, где будто бы возникло брожение мусульман, возбуждаемых немецкими агентами, дабы помешать посылке индийских войск на французский фронт, а из Багдада получались сообщения о брожении среди мусульманского духовенства. Наконец, в самой Персии стали толковать о религиозной солидарности с турками. Кстати, как раз в это время получено было сообщение от нашего делегата в Разграничительной комиссии[4] В. Минорского [*Mr. Minorsky*][5] (впоследствии *первый*[6] секретарь миссии в Тегеране) об успешном окончании разграничения между Персией и Турцией и, разрешении таким образом, турецко-персидского спора, длившегося с Эрзерумского договора. Турецко-персидский Эрзерумский договор 1848 г.[7] оставил спорной значительную пограничную полосу, начиная от Месопотамии, но главным образом вдоль курдско-турецко-персидской границы *вплоть до горы*[6] Арарат. После полувековых бесплодных препирательств, Турция и Персия прибегли к России и Англии. В 1912 году было достигнуто соглашение о назначении турецко-англо-русско-персидской разграничительной комиссии, причем нашим делегатом был назначен Минорский, который довел разграничение до конца. Комиссия объехала все спорные районы, главным образом разграничила кочевья курдских племен, причем работа на месте была закончена в момент начатия Турцией военных действий против России в Черном море. Таким образом мы, по странному совпадению, невольно способствовали турецко-персидском сближению.

Как упоминалось раньше, главой персидского кабинета назначен был вождь демократов Мустоуфи-эль-Мамалек [*Mustoufi-el-Memalek*], а министром иностранных дел Ала-ус-Салтанэ [*Ala-es-Saltaneh*]. Ввиду политической конъюнктуры и событий в Европе, все интересовались новым кабинетом и его программой, чтобы определить его ориентацию и будущее отношение мусульманского Востока к войне и к воюющим.

Обсуждая вызванное войной положение, сэр Вальтер выразил мнение о необходимости в отношении шахского пр[авительст]ва особую мягкость и уступчивость и отказаться от насильственных приемов *highhanded proceedings* (это был камень в мой огород), дабы расположить персов в нашу пользу и предупредить переход на сторону противников. Ссора с персами могла отразиться на отношениях с Турцией и вызвать подъем мусульманского фанатизма в Индии, Афганистане и Египте, где уже началась агитация в пользу священной войны. Ссылаясь на эти соображения, Таунлей советовал мне уступить персам во всех наших спорных вопросах, напр[имер] в вопросе о малиате, о претензиях банка и удалении наших войск из северной Персии. Я объяснил сэру Вальтеру, что готов сделать возможные уступки, но уверен, что податливость наша будет истолкована как слабость, и вызовет лишь усиление агрессивности и новые требования. Я также считал, что возможность мусульманского движения не исключена, но мне казалось, что

в данном случае сэр Вальтер хотел просто показать персам, что он на их стороне и поддерживает их притязания.

Раскол в дипломатическом корпусе отразился, между прочим, и на шведской жандармерии. Шведские офицеры решили, что отъезд на войну князя Вадбольского поведет к роспуску казачьей бригады, ибо русские офицеры понадобятся на немецко-австрийском или в случае выступления Турции на турецком фронтах, и что жандармерия станет хозяином положения. Такое настроение шведов усиливалось благодаря финансовым затруднениям. Шведы не получали жалованья уже несколько месяцев, а бригаде платили довольно исправно. Начальник жандармерии полковник Яльмарсон находился в отпуске, и его заменял майор Клингберг [*Major Klingberg*], человек нерешительный, чем пользовались его подчиненные, чтобы вести самостоятельную политику и интриговать с персидскими шовинистами. Впрочем, большинство держало себя корректно; вспоминаю капитанов Хиерта [*Captan Hjerta*], Нистрома [*Captain Nyström*], Глеерупа [*Captain Gleerup*] и Лундберга [*Captain Lundberg*], командовавших поочередно жандармерией после занятия русскими войсками северной Персии. Действительно, вскоре затем некоторые офицеры открыто приняли сторону немцев: — Моллер [*Major Moller*], покинувший Персию, чтобы встать в ряды германской армии, Фрик [*Captain Frick*] и Эдваль [*Major Edwall*]. Последний командовал жандармерией во время ее борьбы с войсками генерала Баратова[8], капитан Анден [*Captain Anden*] оказался впоследствии в Петрограде и заведовал в 1918 году[6] германскими военнопленными (управление коими расположилось во дворце кн. Юсупова)[6]. В стороне от политики держалась тегеранская полиция, также находившаяся под командой шведских офицеров — полковника Вестдаля [*Colonel Westdahl*] и капитана Эриксена [*Captain Eriksen*]. Последний покинул полицию, соединился с отрядами других шведов, с коими отступил на Багдад и умер там от тифа одновременно с фон дер Гольц-пашей[9] (в 1916 г.).

Что касается офицеров казачьей бригады, то с отъездом князя Вадбольского командиром бригады был назначен генерал Пржевальский [*Przewalski*]. Так как он в Персию не прибыл, то его временно заменял полковник Блазнов [Blaznov], который в начале 1915 года отправился на Галицийский фронт. Его заместил подполковник Прозоркевич [*Prozorkevitch*], а в 1916 году — генерал барон Майдель [*Maydel*].

Турецкий посол Асим-бей [*Assim-bey*] держал себя вполне корректно и при встрече с нами выставлял себя противником участия Турции в войне, говоря, что[10] это не отвечает интересам его страны. По-видимому, он действительно так думал и даже просил секретаря нашей миссии барона Таубе телеграфировать о нежелательности турецкого вмешательства в Петроградское телеграфное агентство. Заверения Асим-бея принимались мной и моими коллегами *cum grano salis*, т.е. с понятным чувством недоверия, ибо мы думали, что Турция будет вовлечена в войну под давлением Германии, вопреки советам умеренных элементов. К тому же из английской миссии поступили сведения о готовящемся выступлении турок, что подтверждалось появлением германских крейсеров Гебен [*Goeben*] и Бреслау [*Breslau*] в Черном море. Затем мы узнали, что на персидско-турецкой границе идут приготовления к мобилизации. Одновременно в пограничной полосе Персии начались волнения и появились призывы к поднятию Зеленого Знамени Пророка, а среди курдских племен стали распространяться воззвания из Багдада и Сулейманиэ [*Suleimanieh (in Turkish Kurdistan)*].

В сентябре персидское пр[авительст]во обратилось в русскую миссию нотой в коей заявлялось, что Персия намерена избежать причастности к войне и объявить о своем

нейтралитете, а посему пр[авительст]во Шаха просит русское пр[авительст]во отозвать из Персии свои войска, дабы в случае войны между Россией и Турцией, оно могло гарантировать соблюдение нейтралитета. Было ясно, что это предлог, ибо удаление наших войск конечно не обеспечивало Персию от турецкого нашествия, а лишь облегчало им занятие удобной стратегической позиции в Азербайджане. Тем не менее в этом вопросе сэр Вальтер встал на сторону персов и начал поддерживать их требование об эвакуации русских войск. Однако на этот раз в Лондоне не одобрили заступничества сэра Вальтера за персов. Он был уведомлен, что *Foreign office* против удаления русских войск и не доверяет заверениям Порты, данным через турецкого посла в Тегеране.

В половине сентября у меня было собеседование с принцем Ала-ус-Салтанэ при участии моего английского коллеги. Принц заявил о желании Персии, в предвидении войны между Турцией и Россией, заблаговременно обеспечить свой нейтралитет. Асим-бей будто бы дал ему категорическое обещание, что если русские отряды покинут Тавриз, то Турция не нарушит территориальной неприкосновенности Персии. Я сказал, что не придаю значения подобным заявлениям и предвижу, что в случае ухода русских отрядов из территории, которая прикрывает доступ к железной дороге, соединяющей Персию с Закавказьем, турецкие войска могут атаковать левый фланг русской армии. Сэр Вальтер не высказался столь категорично, но казалось, разделял мое мнение. Мои сомнения вскоре оправдались, что ибо несколько дней спустя турецкий отряд сделал набег на персидскую территорию недалеко от Урмии, что вызвало передвижение наших казачьих войск в район Маку [*Maku*], Хоя [*Khoi*] и Урмии [*Urumiah*]. В конце сентября агитация турецких эмиссаров еще усилилась. Главным агитатором оказался известный шейх Барзан [*Seikh Barzan*], сын влиятельного в Персии и в Турции шейха Абдул-Кадыра [*Seikh Abdul-Kader*], который распространял среди персидских племен «фетву» [*«fatva»*], т.е. призыв к «джехаду» [*«djahad»*] — священной войне всех мусульман.

В начале октября турки снова вторглись в пределы Персии. На наш протест персидские министры ответили, что это иррегулярный отряд и что турецкое командирование не причем. Однако Асим-бей в беседе со мной признался, что в Константинополе, по его сведениям, сторонники войны берут верх. Он конечно не упустил случая обвинить Россию, доказывая, что присутствие русских войск возбуждает пограничные племена, что наши агенты и консула поддерживают брожение, чтобы иметь предлог для вмешательства и вторжения в Персию. В конце октября турки вторглись в Персию близ Урмии и Сомая [*Somai*] и вступили в бой с нашими казаками. Персидская неприкосновенность была уже явно нарушена и шахское пр[авительст]во поспешило обнародовать фирман о нейтралитете Персии, обратившись ко мне с новым протестом. Я ответил, что по моим сведениям, роль дипломатии еще не окончилась, но что если турки будут продолжать свои провокации, то России придется принять оборонительные меры прежде всего в Азербайджане. [...]

Ф. 340, оп. 839, д. 13, л. 112–120. Подлинник. Рус. яз.

[1] Подробнее о содержании мемуаров см. Предисловие редактора.

[2] 30 сентября 1914 г. в ответ на представление персидского министра иностранных дел по поводу нарушения турками границы, турецкий посол обещал, что Турция будет уважать персидский нейтралитет лишь при условии вывода русских войск из Азербайджана (персидского). Турецкий посол подтвердил это и в беседе с премьер-министром Персии 3 октября 1914 г. Под нажимом Турции Персия была вынуждена просить Россию отозвать войска, на что получила категорический отказ. 1 ноября 1914 г. был

обнародован фирман шаха Ахмеда о нейтралитете Персии и одновременно опубликована инструкция правителям областей и провинций, в которой шах призывал их строго придерживаться нейтралитета в отношениях с представителями воюющих держав.

[3] *Эта шутка шокировала присутствующих при разговоре французского посланника и секретаря нашей миссии Баха. Причем Леконт заметил, обращаясь к леди С.: «Vous serez toujours l'enfant terrible de la diplomatie» [«Вы всегда будете enfant terrible дипломатии»].* — (Прим. документа).

[4] По предложению России и Великобритании оттоманское и шахское правительства согласились на образование смешанной пограничной комиссии для «съемки» на месте государственной границы от Персидского залива до горы Арарат. Был выработан подробный план разграничения и подписан протокол, впервые определивший пограничную линию между Турцией и Персией. В начале 1914 года представители России, Великобритании, Турции и Персии съехались в персидском городе Мохаммера, где и начались разграничительные работы, в результате которых накануне мировой войны на протяжении 1780 км не осталось практически ни одного неясного пункта. Комиссия установила 223 пограничных знака и составила подробнейшее описание пограничной линии. Было составлено 25 новых карт и 9 новых планов местности, всего «снято» до 25 тыс. кв. км приграничных районов. Затем карты были отпечатаны в цвете в топографическом управлении Индии.

[5] Здесь и далее в квадратных скобках приводятся фамилии, название крейсеров и городов, вынесенные автором на поля документа или вписанные им над строкой.

[6] Вписано над строкой.

[7] Договор о разграничении территорий между Турцией и Ираном подписан 20 мая 1847 г. Стороны отказались от территориальных претензий и договорились назначить комиссию для демаркации границы. Предусматривалось также взаимное назначение консулов в важнейшие торговые города.

[8] *NB. Желательно несколько подробностей о Баратове, о его характере и о покушении на него [зачеркнуто автором] (в дальнейшем отмечено).* — (Прим. документа).

[9] *NB. Несколько слов о фон дер Гольц-паше. Фон дер Гольц-паша, как известно, был командирован Германией в Турцию со специальной миссией сорганизовать германо-турецкое движение «Drang nach Osten» через Багдад, Месопотамию, Персию и Афганистан вглубь Азии и на Индию. Его обычное местопребывание было в Багдаде, откуда он наезжал в Керманшах, руководствуя графом Каницем.* — (Прим. документа).

[10] *Турция может добиться более значительных выгод путем сохранения нейтралитета.* — (Прим. документа).

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

Раздел 1

1.	Дневник МИД	1914–1916 гг.	24

Раздел 2

2.	Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе	10 мая 1914 г.	168
3.	Из стенографического отчета о заседании Государственной думы	26 июля 1914 г.	176
4.	Всеподданнейшая записка военного министра В.А. Сухомлинова	31 июля 1914 г.	178
5.	Декларация России, Великобритании и Франции о незаключении сепаратного мира	5 сентября 1914 г. (н. ст.)	179
6.	Соглашение между Россией и Румынией о территориальной целостности Румынии, присоединении к Румынии австро-венгерских областей и о дружественном нейтралитете Румынии по отношению к России (в форме обмена нотами)	18 сентября/ 1 октября 1914 г.	180
7.	Договор между Россией и США об улаживании споров	18 сентября/ 1 октября 1914 г.	181
8.	Всеподданнейший доклад министра иностранных дел С.Д. Сазонова	30 сентября/ 13 октября 1914 г.	183
9.	Записка вице-директора Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего Н.А. Базили	ноябрь 1914 г.	184
10.	Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе	27 января 1915 г.	205
11.	Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашева министру иностранных дел С.Д. Сазонову	10 февраля 1915 г.	211

12.	Соглашение между Россией, Великобританией и Францией по вопросу о Константинополе и Проливах (в форме обмена памятными записками и нотами)	февраль–апрель 1915 г.	213
13.	Письмо директора Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллинга М.А. Васильчиковой	[не ранее 15/28 марта 1915 г.]	218
14.	Соглашение между Россией, Францией, Великобританией и Италией об условиях вступления Италии в войну	26 апреля 1915 г. (н. ст.)	219
15.	Декларация России, Франции, Великобритании и Италии о незаключении сепаратного мира	26 апреля 1915 г. (н. ст.)	223
16.	Соглашение между Россией, Францией и Великобританией о сохранении в силе обязательств, ранее принятых союзниками в отношении урегулирования будущего мира (в форме обмена нотами)	13/26 апреля 1915 г.	224
17.	Соглашение между Россией, Китаем и Монголией об автономии Внешней Монголии	25 мая/7 июня 1915 г.	225
18.	Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе	19 июля 1915 г.	231
19.	Соглашение между Россией и США об экспорте товаров из России в США	23 сентября 1915 г. (н. ст.)	235
20.	Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашева министру иностранных дел С.Д. Сазонову	около 4–5 октября 1915 г.	237
21.	Декларация России, Франции, Великобритании, Италии и Японии о незаключении сепаратного мира	17/30 ноября 1915 г.	239
22.	Телеграмма посланника России в Сербии Г.Н. Трубецкого министру иностранных дел С.Д. Сазонову	29 декабря 1915 г./ 11 января 1916 г.	240
23.	Интервью министра иностранных дел С.Д. Сазонова газете «Речь»	17 января 1916 г.	240
24.	Телеграмма посланника России в Бельгии И.А. Кудашева министру иностранных дел С.Д. Сазонову	1/14 февраля 1916 г.	244
25.	Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе	9 февраля 1916 г.	245
26.	Соглашение между Россией, Францией и Великобританией о разделе Азиатской Турции (в форме обмена памятными записками и нотами)	февраль-май 1916 г.	254
27.	Записка министра иностранных дел С.Д. Сазонова	5 марта 1916 г.	261

28.	Заявление России о сохранении территориальной целостности Бельгийского Конго	16/29 апреля 1916 г.	288
29.	Соглашение между Россией и Великобританией о мерах для обеспечения перевозки военных грузов в Россию (Декларация и Меморандум о соглашении)	4 мая 1916 г. (н. ст.) 5 мая 1916 г. (н. ст.)	289
30.	Телеграмма посланника России в Швеции А.В. Неклюдова в МИД России	30 апреля/ 13 мая 1916 г.	292
31.	Соглашение между Россией и Японией о взаимоотношениях на Дальнем Востоке	20 июня/ 3 июля 1916 г.	293
32.	Соглашение между Россией и Японией о союзе	20 июня/ 3 июля 1916 г.	294
33.	Соглашение между Россией и Великобританией об американских поставках	14 июля 1916 г. (н. ст.)	296
34.	Соглашение между Россией, Францией, Великобританией и Румынией по политическим вопросам	4/17 августа 1916 г.	297
35.	Соглашение между Россией и Италией по вопросу о Константинополе и Проливах (в форме обмена памятными записками)	19 ноября / 2 декабря 1916 г.	299
36.	Соглашение между Россией и Италией о сохранении в силе соглашения в Раккониджи от 11/24 октября 1909 г. (в форме обмена письмами)	19 ноября / 2 декабря 1916 г.	300
37.	Справка Дипломатической канцелярии при Ставке	24 ноября 1916 г.	301
38.	Заявление министра иностранных дел Н.Н. Покровского на заседании Государственной думы	2 декабря 1916 г.	304
39.	Запись беседы министра иностранных дел Н.Н. Покровского с представителями петроградской и московской печати	13/26 декабря 1916 г.	306
40.	Протокол заседания руководства МИД	8 января 1917 г.	309
41.	Протокол заседания финансовой комиссии Петроградской союзной конференции	25 января/ 7 февраля 1917 г.	313
42.	Записка члена Совета МИД И.Я. Коростовца министру иностранных дел Н.Н. Покровскому	26 января 1917 г.	322
43.	Записка директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили	[январь-февраль 1917 г.]	324
44.	Соглашения между Россией и Францией об определении послевоенных границ	февраль-март 1917 г.	326

45.	Протокол заключительного заседания Петроградской союзной конференции	7/20 февраля 1917 г.	328
46.	Циркулярная телеграмма министра иностранных дел П.Н. Милюкова дипломатическим представителям России в союзных странах	4/17 марта 1917 г.	343
47.	Воззвание Временного правительства к польскому народу	17 марта 1917 г.	344
48.	Нота министра иностранных дел П.Н. Милюкова правительствам союзных стран	18 апреля/ 1 мая 1917 г.	346
49.	Циркулярная телеграмма министра иностранных дел М.И. Терещенко дипломатическим представителям России в странах Антанты и США	6/19 мая 1917 г.	347
50.	Интервью министра иностранных дел М.И. Терещенко представителям печати	6/19 мая 1917 г.	348
51.	Нота министра иностранных дел М.И. Терещенко министру вооружений Франции А. Тома	[31 мая 1917 г.]	351
52.	Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Г.Н. Трубецкого министру иностранных дел М.И. Терещенко	1 октября 1917 г.	352
53.	Декларация России и Сербии о военно-уголовной подсудности	14/27 октября 1917 г.	356

Раздел 3

54.	Отношение министра иностранных дел С.Д. Сазонова военному министру В.А. Сухомлинову	18 июля 1914 г.	357
55.	Объявление об открытии при МИД Бюро для наведения справок о российских подданных, застигнутых войной за границей	26 июля 1914 г.	361
56.	Запрос действительного статского советника Н.И. Пантина во Второй департамент МИД	9 августа 1914 г.	362
57.	Донесение посланника России в Бельгии И.А. Кудашева директору Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД В.А. Арцимовичу	8 сентября 1914 г.	362
58.	Донесение посланника России в Португалии П.С. Боткина директору Первого департамента МИД В.Я. Фан дер Флиту	10/23 сентября 1914 г.	363
59.	Представление МИД в Совет министров	12 сентября 1914 г.	364

60.	Письмо товарища министра иностранных дел А.А. Нератова генерал-губернатору Финляндии Ф.А. Зейну	13 сентября 1914 г.	366
61.	Письмо товарища министра иностранных дел А.А. Нератова директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву	20 сентября 1914 г.	367
62.	Депеша директора Второго департамента МИД А.К. Бентковского губернаторам и градоначальникам России	24 сентября 1914 г.	368
63.	Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова послам России во Франции и Великобритании А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу	25 октября 1914 г.	369
64.	Письмо посла России в Турции М.Н. Гирса министру иностранных дел С.Д. Сазонову	28 октября/ 10 ноября 1914 г.	369
65.	Журнал Особого совещания	[31 октября 1914 г.]	373
66.	Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова послу России в Испании Ф.А. Будбергу	3 ноября 1914 г.	376
67.	Донесение посла России в США Ю.П. Бахметева товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову	3 ноября 1914 г.	376
68.	Донесение вице-консула России в Берлине Ю.Н. Павловича в Первый департамент МИД	[не позднее 26 ноября 1914 г.]	379
69.	Телеграмма посланника России в Румынии С.А. Поклевского-Козелла министру иностранных дел С.Д. Сазонову	9/22 декабря 1914 г.	383
70.	Представление МИД в Совет министров	20 декабря 1914 г.	384
71.	Телеграмма старшего секретаря Дипломатической канцелярии при Ставке В.Н. Муравьева директору Канцелярии Н.А. Кудашеву	30 декабря 1914 г.	385
72.	Нота МИД России посольству Испании в России	30 декабря 1914 г./ 12 января 1915 г.	386
73.	Из докладной записки чиновника МИД В.В. Олферьева	[1914 г.]	393
74.	Записка вице-консула в Гамбурге Б.В. Дерюжинского в МИД	10/23 января 1915 г.	398
75.	Отчет генерального консульства России в Генуе	12/25 января 1915 г.	400
76.	Отчет консульства России в Венеции	[12/25 января 1915 г.]	402

77.	Донесение миссии России в Сербии в Первый департамент МИД	13 января 1915 г.	403
78.	Донесение генерального консула России в Неаполе К.П. Пустошкина в посольство России в Италии	13/26 января 1915 г.	405
79.	Донесение управляющего консульством России во Флоренции Н.Г. Шлейфера в посольство России в Италии	14/27 января 1915 г.	406
80.	Донесение миссии России в Греции в Первый департамент МИД	14 января 1915 г.	406
81.	Записка старшего секретаря Дипломатической канцелярии при Ставке В.Н. Муравьева	15 января 1915 г.	407
82.	Донесение миссии России в Болгарии в Первый департамент МИД	15 января 1915 г.	409
83.	Донесение посланника России в Норвегии С.В. Арсеньева в Первый департамент МИД	15 января 1915 г.	410
84.	Донесение генерального консула России в Фиуме А.Г. Сальвиати в МИД	15/28 января 1915 г.	412
85.	Донесение генерального консула России в Салониках В.Ф. Каля в МИД	17 января 1915 г.	414
86.	Донесение миссии России в Бельгии в Первый департамент МИД	19 января 1915 г.	416
87.	Донесение посольства России во Франции в Первый департамент МИД	24 января/ 6 февраля 1915 г.	420
88.	Донесение управляющего генеральным консульством России в Вене Е.С. Протопопова в МИД	25 января 1915 г.	426
89.	Донесение посланника России в Дании К.К. Буксгевдена в Первый департамент МИД	26 января 1915 г.	431
90.	Отчет секретаря консульства России в Праге М.В. Казанского	28 января 1915 г.	434
91.	Письмо министра иностранных дел С.Д. Сазонова в дипломатические представительства России за границей	30 января 1915 г.	438
92.	Донесение миссии России в Румынии в Первый департамент МИД	31 января 1915 г.	440
93.	Донесение миссии России в Швеции в Первый департамент МИД	[январь 1915 г.]	442

94.	Донесение миссии России в Швейцарии в Первый департамент МИД	[январь 1915 г.]	446
95.	Обзор деятельности консульства России в Антверпене	[январь 1915 г.]	449
96.	Донесение генерального консула России в Копенгагене П.А. Мельникова в Первый департамент МИД	[январь 1915 г.]	450
97.	Донесение посланника России в Нидерландах А.Н. Свечина товарищу министра иностранных дел В.А. Арцимовичу	1/14 февраля 1915 г.	457
98.	Донесение генерального консула России в Риме Г.П. Забелло в посольство России в Италии	2/15 февраля 1915 г.	463
99.	Журнал Особого совещания	4 февраля 1915 г.	472
100.	Журнал межведомственного совещания	6 и 16 февраля 1915 г.	478
101.	Нота МИД посольству США в России	7/20 февраля 1915 г.	483
102.	Депеша товарища министра иностранных дел В.А. Арцимовича директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву	7 февраля 1915 г.	483
103.	Телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послам России во Франции и Великобритании А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу	14 февраля 1915 г.	484
104.	Депеша товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послам России во Франции и Великобритании А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу	7 марта 1915 г.	485
105.	Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова послу России в Великобритании А.К. Бенкендорфу	2 апреля 1915 г.	485
106.	Сообщение об обращении товарища министра иностранных дел А.А. Нератова в Российское Общество Красного Креста	10 апреля 1915 г.	486
107.	Представление МИД в Совет министров	13 апреля 1915 г.	487
108.	Нота МИД посольству США в России	30 апреля 1915 г.	490
109.	Список товаров, запрещенных к вывозу из европейских государств	18 мая 1915 г.	491
110.	Нота товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послу Испании в России Картахене	10 июня 1915 г.	503
111.	Нота МИД дипломатическим представителям нейтральных государств в России	20 июня 1915 г.	504

112. Телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послам России во Франции и Великобритании А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу	2 июля 1915 г.	505
113. Отчет генерального консульства России в Лондоне	9/22 июля 1915 г.	506
114. Нота МИД дипломатическим представителям в России	10/23 июля 1915 г.	508
115. Журнал заседания Комитета Красного Креста по обмену и эвакуации военнопленных калек через Швецию	13 июля 1915 г.	509
116. Телеграмма посла России во Франции А.П. Извольского товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову	22 июля/ 4 августа 1915 г.	510
117. Отношение директора Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллинга в Первый департамент МИД	24 июля 1915 г.	511
118. Телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послам России в Великобритании и США А.К. Бенкендорфу и Ю.П. Бахметеву	31 июля/ 13 августа 1915 г.	512
119. Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашева министру иностранных дел С.Д. Сазонову	18 августа 1915 г.	512
120. Протокол междепартаментского совещания в МИД	1 сентября 1915 г.	513
121. Циркулярная телеграмма вице-директора Второго департамента МИД В.А. Березникова в дипломатические и консульские представительства России за границей	7 сентября 1915 г.	516
122. Телеграмма посла России во Франции А.П. Извольского в МИД	9/22 октября 1915 г.	517
123. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова послу России в Великобритании А.К. Бенкендорфу	10 октября 1915 г.	518
124. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова посланнику России в Дании К.К. Буксгевдену	18 октября 1915 г.	519
125. Письмо чиновника особых поручений при МИД А.И. Лысаковского директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву	24 октября 1915 г.	519
126. Особый журнал Совета министров	3 ноября 1915 г.	524

127.	Письмо члена Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками С.Д. Боткина начальнику Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву	3 декабря 1915 г.	526
128.	Представление МИД в Совет министров	4 декабря 1915 г.	530
129.	Всеподданнейший доклад министра иностранных дел С.Д. Сазонова	8 декабря 1915 г.	537
130.	Справка МИД	[не ранее 8 декабря 1915 г.]	537
131.	Записка Первого департамента МИД	22 декабря 1915 г.	540
132.	Записка миссии России в Швейцарии	1915 г.	543
133.	Записка МИД	[1915 г.]	545
134.	Записка МИД	[1915 г.]	546
135.	Правила оказания помощи российским подданным за границей	[не ранее 8 января 1916 г.]	550
136.	Записка МИД	16 января 1916 г.	552
137.	Записка камер-юнкера М.М. Бибикова	16/29 января 1916 г.	556
138.	Отношение министра иностранных дел С.Д. Сазонова начальнику Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву	20 января 1916 г.	560
139.	Отношение товарища министра иностранных дел А.А. Нератова директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву	11 февраля 1916 г.	561
140.	Нота МИД посольству США в России	13 февраля 1916 г.	563
141.	Отношение директора Второго департамента МИД А.К. Бентковского директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву	17 февраля 1916 г.	565
142.	Справка Отдела о военнопленных МИД	март 1916 г.	566
143.	Журнал заседания Комитета по оказанию помощи российским военнопленным	16 марта 1916 г.	566
144.	Письмо начальника Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллинга советнику посольства России в Великобритании К.Д. Набокову	6 апреля 1916 г.	572

145. Циркулярная депеша товарища министра иностранных дел А.А. Нератова дипломатическим представителям России за границей	20 апреля 1916 г.	573
146. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова поверенному в делах России в Испании Ю.Я. Соловьеву	23 апреля 1916 г.	574
147. Отношение директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили генерал-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем М.С. Пустовойтенко	26 мая 1916 г.	575
148. Записка управляющего Отделом печати МИД А.И. Лысаковского	29 мая 1916 г.	579
149. Записка директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили	8 июня 1916 г.	582
150. Отношение директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили управляющему Отделом печати МИД А.И. Лысаковскому	16 июня 1916 г.	587
151. Журнал межведомственного совещания	14 июня 1916 г.	588
152. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова поверенному в делах России в Бельгии В.И. Гуку	23 июня 1916 г.	594
153. Записка МИД	[не позднее июля 1916 г.]	594
154. Особый журнал Совета министров	12, 15, 26 июля, 5 августа 1916 г.	596
155. Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили генерал-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем М.С. Пустовойтенко	8 августа 1916 г.	598
156. Всеподданнейший доклад министра иностранных дел Б.В. Штюрмера	[27 августа 1916 г.]	599
157. Записка Особого политического отдела МИД	6 сентября 1916 г.	600
158. Особый журнал Совета министров	13 сентября 1916 г.	603
159. Письмо управляющего Отделом печати МИД А.И. Лысаковского директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили	15 сентября 1916 г.	606
160. Представление МИД в Совет министров	[26 сентября 1916 г.]	608

161. Отношение товарища министра иностранных дел В.А. Арцимовича управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому	10 октября 1916 г.	612
162. Представление МИД в Государственную думу	31 октября 1916 г.	617
163. Представление МИД в Совет министров	[не позднее 31 октября 1916 г.]	620
164. Справка Отдела о военнопленных МИД	[не ранее октября 1916 г.]	622
165. Служебная записка товарища министра иностранных дел А.А. Половцова	14 ноября 1916 г.	622
166. Из обзора сведений Осведомительного отдела МИД	12 декабря 1916 г.	623
167. Телеграмма поверенного в делах России в Швейцарии М.М. Бибикова товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову	19 декабря 1916 г./ 1 января 1917 г.	627
168. Статья «Ответ на германские репрессии»	28 декабря 1916 г.	627
169. Записка Отдела о военнопленных МИД	[не позднее 28 декабря 1916 г.]	628
170. Записка Первого департамента МИД	10 января 1917 г.	631
171. Записка МИД	[не ранее января 1917 г.]	631
172. Из обзора сведений Осведомительного отдела МИД	13 февраля 1917 г.	632
173. Обзор деятельности Отдела о военнопленных МИД	23 февраля 1917 г.	640
174. Циркулярная телеграмма министра иностранных дел П.Н. Милюкова в дипломатические представительства России за границей	9 марта 1917 г.	669
175. Циркулярная телеграмма министра иностранных дел П.Н. Милюкова в дипломатические представительства России за границей	11/24 марта 1917 г.	669
176. Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили министру иностранных дел П.Н. Милюкову	12 марта 1917 г.	670
177. Циркулярная телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Половцова в дипломатические представительства России за границей	13/26 марта 1917 г.	671
178. Постановление Временного правительства	14 марта 1917 г.	672

179. Справка Отдела о военнопленных МИД	16 марта 1917 г.	673
180. Из проекта журнала заседания Центрального комитета по делам о военнопленных при Главном управлении Российского Общества Красного Креста	30 марта 1917 г.	674
181. Телеграмма министра иностранных дел П.Н. Милюкова послу России в США Ю.П. Бахметеву	4/17 апреля 1917 г.	682
182. Донесение консула России в Бергене Н.А. Емельянова во Второй департамент МИД	4 апреля 1917 г.	683
183. Отношение министра иностранных дел П.Н. Милюкова в российские министерства	5 апреля 1917 г.	684
184. Циркулярная телеграмма министра иностранных дел М.И. Терещенко в дипломатические и консульские представительства России за границей	14/27 мая 1917 г.	685
185. Записка Отдела печати МИД	17 мая 1917 г.	686
186. Циркулярная телеграмма министра иностранных дел М.И. Терещенко в дипломатические представительства России за границей	20 июня 1917 г.	689
187. Нота товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послу Великобритании в России Дж. Бьюкенену	22 июня 1917 г.	690
188. Циркулярная телеграмма министра иностранных дел М.И. Терещенко дипломатическим представителям России за границей	23 июня/ 6 июля 1917 г.	691
189. Отношение начальника Генерального штаба Г.Д. Романовского в Отдел генерал-квартирмейстера	5 июля 1917 г.	691
190. Памятная записка юрисконсульта Дипломатической канцелярии при Ставке К.А. Карасева	7 июля 1917 г.	692
191. Отношение товарища министра иностранных дел А.М. Петряева министру почт и телеграфов И.Г. Церетели	20 июля 1917 г.	693
192. Циркулярная телеграмма товарища министра иностранных дел А.М. Петряева в дипломатические представительства России за границей	22 июля 1917 г.	694
193. Проект записки Департамента общих дел МИД	[не позднее 29 июля 1917 г.]	695
194. Представление МИД Временному правительству	19 августа 1917 г.	696
195. Представление МИД Временному правительству	[не позднее 22 августа 1917 г.]	700

196. Справка Дипломатической канцелярии при Ставке ... 24 августа 1917 г. 702

197. Телеграмма посла России в США Б.А. Бахметева товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову ..... 26 августа/ 8 сентября 1917 г. 703

198. Справка о деятельности Дипломатической канцелярии при Ставке ..... [август 1917 г.] 705

199. Циркулярное отношение товарища министра иностранных дел А.М. Петряева по МИД ..... 23 сентября 1917 г. 705

200. Отношение товарища министра иностранных дел [...] министру почт и телеграфов А.М. Никитину ..... 29 сентября 1917 г. 706

201. Доклад директора Департамента общих дел МИД В.Б. Лопухова министру иностранных дел М.И. Терещенко ..... [4 октября 1917 г.] 707

202. Записка Отдела печати и осведомления МИД ..... 23 октября 1917 г. 708

203. Справка Отдела денежных переводов и ссуд МИД ... 24 октября 1917 г. 711

204. Телеграмма временного поверенного в делах России в Великобритании К.Д. Набокова посланнику России в Бельгии Д.А. Нелидову ..... 6 ноября 1917 г. 715

205. Телеграмма временного поверенного в делах России в Великобритании К.Д. Набокова посланнику России в Бельгии Д.А. Нелидову ..... 10 ноября 1917 г. 715

206. Приказ народного комиссара по иностранным делам Л.Д. Троцкого ..... 13 ноября 1917 г. 716

207. Приказ народного комиссара по иностранным делам Л.Д. Троцкого ..... 26 ноября 1917 г. 717

Раздел 4

208. Телеграмма посла России в Германии Н.С. Свербеева министру иностранных дел С.Д. Сазонову ..... 22 июля/ 4 августа 1914 г. 719

209. Донесение консула России в Штетине Л.Ф. Цейдлера директору Второго департамента МИД А.К. Бентковскому ..... 1/14 августа 1914 г. 720

210. Предписание дежурного генерала Штаба верховного главнокомандующего П.К. Кондзеровского и.о. старшего секретаря Дипломатической канцелярии при Ставке В.Н. Муравьеву ..... 20 декабря 1914 г. 724

211. Отношение Российского Общества Красного Креста в МИД России..... 9 января 1915 г. 725

212. Письмо капитана 2-го ранга в отставке Н. Фильковича министру иностранных дел С.Д. Сазонову	22 января 1915 г.	725
213. Письмо посланника России в Сербии Г.Н. Трубецкого министру иностранных дел С.Д. Сазонову	27 января 1915 г.	726
214. Рапорт генерального консула России в Данциге Д.Н. Островского товарищу министра иностранных дел В.А. Арцимовичу	7 февраля 1915 г.	728
215. Письмо А.Б. Сазоновой начальнику Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллингу	16 февраля 1915 г.	733
216. Циркулярная телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова в дипломатические представительства России за границей	19 февраля 1915 г.	734
217. Из отчета Московского Главного архива МИД за 1914 год	11/24 марта 1915 г.	734
218. Всеподданнейший доклад министра иностранных дел С.Д. Сазонова	14 марта 1915 г.	735
219. Письмо сотрудника МИД А.В. Сабанина директору Первого департамента МИД В.Я. Фан дер Флиту	26 мая 1915 г.	736
220. Отношение министра иностранных дел С.Д. Сазонова управляющему Военным министерством А.А. Поливанову	18 июля 1915 г.	737
221. Письмо А.А. Лебедевой в Первый департамент МИД	10 сентября 1915 г.	738
222. Отчет Склада работ на раненых при МИД	[не ранее 1 октября 1915 г.]	739
223. Отношение главноначальствующего города Архангельска и района Белого моря А.П. Угрюмова директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву	25 октября 1915 г.	747
224. Телеграмма министра иностранных дел С.Д. Сазонова посланнику России в Сербии Г.Н. Трубецкому	18 ноября 1915 г.	748
225. Особый журнал Совета министров	15 декабря 1915 г.	749
226. Справка о прохождении службы П.П. Ассеева	[1915 г.]	750
227. Записка второго секретаря миссии России в Сербии Л.С. Зарина	[не позднее 11 января 1916 г.]	751
228. Отношение министра иностранных дел С.Д. Сазонова военному министру А.А. Поливанову	16 января 1916 г.	752

229.	Из циркуляра по МИД	1 февраля 1916 г.	754
230.	Письмо командира военно-телеграфной роты Сибирского саперного батальона Д. Иванова председателю Склада работ на раненых при МИД А.Б. Сазоновой	14 марта 1916 г.	754
231.	Письмо консула России в Чугучаке В.В. Долбежева советнику Четвертого политического отдела МИД Г.А. Козакову	3 апреля 1916 г.	755
232.	Отношение директора Первого департамента МИД В.Я. Фан дер Флита в Департамент общих дел Министерства внутренних дел	7 мая 1916 г.	755
233.	Личное письмо члена российской делегации на Парижской экономической конференции А.А. Половцова товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову	8 июня 1916 г.	756
234.	Отношение директора Первого департамента МИД В.Я. Фан дер Флита управляющему Юрисконсультской частью МИД М.И. Догелю	23 июля 1916 г.	758
235.	Из циркуляра по МИД	3 сентября 1916 г.	759
236.	Отношение морского министра И.К. Григоровича министру иностранных дел Б.В. Штюрмеру	30 октября 1916 г.	759
237.	Отношение министра иностранных дел Н.Н. Покровского главноуправляющему Собственной его императорского величества канцелярией А.С. Танееву	7 января 1917 г.	760
238.	Из представления к наградам сотрудников МИД	[не позднее 7 февраля 1917 г.]	761
239.	Отношение директора Первого департамента МИД В.Б. Лопухина в Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий	9 марта 1917 г.	765
240.	Циркулярная телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова дипломатическим представителям России за границей	28 марта/ 10 апреля 1917 г.	765
241.	Устав «Общества служащих в Министерстве иностранных дел»	[апрель 1917 г.]	766
242.	Циркулярная депеша и.о. товарища министра иностранных дел А.А. Нератова в дипломатические и консульские представительства России за границей	12 мая 1917 г.	770
243.	Из отчета Московского Главного архива МИД за 1916 год	16/29 мая 1917 г.	771

244. Отношение директора Департамента общих дел МИД В.Б. Лопухина директору Дипломатической канцелярии при Ставке Г.Н. Трубецкому . . . . . 13 июля 1917 г. 771

245. Из наградного листа на дипломатического чиновника Е.В. Левкиевского, прикомандированного к Штабу 1-го Кавказского кавалерийского отдельного корпуса . . . . . [15 августа 1917 г.] 772

246. Удостоверение внештатного сотрудника Первого политического отдела и Канцелярии министра иностранных дел М.И. Каташи . . . . . 17 августа 1917 г. 773

247. Временные правила о порядке приема и прохождении службы в МИД . . . . . [15 сентября 1917 г.] 773

248. Представление МИД Временному правительству . . . . 28 сентября 1917 г. 775

249. Представление МИД Временному правительству . . . . 12 октября 1917 г. 785

250. Представление МИД Временному правительству . . . . 17 октября 1917 г. 786

251. Из дневника Л.В. Урусова . . . . . 1 января 1917 г. – 24 ноября 1917 г. 788

252. Из мемуаров И.Я. Коростовца . . . . . [не ранее 1928 г.] 863

Приложение 1

Структура Министерства иностранных дел Российской империи (1914-1917 гг.)

<table>
<tr><td colspan="2">Министр иностранных дел</td><td colspan="8">Министерство иностранных дел</td><td colspan="3">2 товарища министра иностранных дел</td></tr>
<tr><td rowspan="6">Совет МИД</td><td rowspan="4">I политический отдел (Западная Европа, Америка, Африка) и канцелярия министра</td><td rowspan="3">II политический отдел (Ближний Восток)</td><td rowspan="3">III политический отдел (Средняя Азия)</td><td rowspan="3">IV политический отдел (Дальний Восток)</td><td rowspan="3">Юрисконсультская часть</td><td>Отдел печати</td><td rowspan="2">I Департамент (бывший ДЛСиХД)</td><td rowspan="4">II Департамент</td><td rowspan="5">Временный особый политический отдел</td><td rowspan="5">Временный отдел о военнопленных (с декабря 1915 г.)</td><td rowspan="6">Рассыльная часть</td><td>чиновник МИД при наместнике на Кавказе</td><td colspan="2">Государственный и С.-Петербургский Главный архивы</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Осведомительный отдел (с 1916 г.)</td><td>чиновник МИД при начальнике Закаспийской обл.</td><td>1-е отделение
библиотека</td><td>2-е отделение</td></tr>
<tr><td rowspan="2">I политический отдел
Канцелярия министра
Цифирное отделение</td><td rowspan="2">временное присутствие</td><td rowspan="2">чиновники по дипломатической части при Иркутском и Приамурском генерал-губернаторах</td><td colspan="2">Московский Главный архив</td></tr>
<tr><td rowspan="3">регистратура с текущим архивом</td><td rowspan="3">Канцелярия, регистратура с текущим архивом</td><td>хозяйственный комитет</td><td>1-е отделение</td><td>2-е отделение</td></tr>
<tr><td rowspan="2">регистратура с текущим архивом</td><td rowspan="2">регистратура с текущим архивом</td><td>временное отделение денежных переводов</td><td>политический агент в Бухаре (резидент)</td><td colspan="2">Комиссия печатания гос. грамот и договоров</td></tr>
<tr><td rowspan="2">регистратура с текущим архивом</td><td rowspan="2">учебное отделение восточных языков</td><td rowspan="2">регистратура с текущим архивом</td><td rowspan="2">канцелярия и архив</td><td rowspan="2">регистратура с текущим архивом</td><td rowspan="2">чиновники Дипломатической канцелярии при Ставке</td><td colspan="2">типография</td></tr>
<tr><td>литография</td><td>редакция «Известия МИД»</td><td>регистратура с текущим архивом</td><td>библиотека МИД</td><td colspan="2">библиотека</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="3"></td><td colspan="2"></td><td colspan="2"></td><td colspan="2">инвалидная команда</td></tr>
</table>

Структура Министерства иностранных дел России (1917 г.)

Совет МИД (до июня 1917 г.)

Кабинет министра

министр иностранных дел — **Министерство иностранных дел при Временном правительстве** — **товарищи министра иностранных дел**

Шифровальная часть (с сентября 1917 г.)

Шифровальное отделение (с 22 августа по 4 сентября в составе I полит. отдела)

Дипшифровое отделение

регистратура с текущим архивом

регистратура с текущим архивом

Канцелярия министра

I политический отдел (Западноевропейский)

II политический отдел (Ближний Восток)

III политический отдел (Средняя Азия)

IV политический отдел (Дальний Восток)

регистратура с текущим архивом

учебное отделение восточных языков

музей

Отдел печати и осведомления (с мая 1917 г.)

канцелярия

архив

издательство «Известия МИД»

библиотека

Экономический департамент (с мая 1917 г.)

регистратура с текущим архивом

Правовой департамент (с марта 1917 г.)

библио-тека МИД

регистратура с текущим архивом

Департамент общих дел (бывший I Департамент или ДЛСиХД)

регистратура с текущим архивом

Отдел денежных переводов и ссуд (самостоятельно с апреля 1917 г.)

регистратура с текущим архивом

Отдел о военнопленных

регистратура с текущим архивом

Особый политотдел (до октября 1917 г.)

рассыльная часть

Государственный и Санкт-Петербургский Главный архивы

1-е отделение

Библио-тека

2-е отделение

Московский Главный архив

1-е отделение

2-е отделение

Комиссия печатания гос. грамот и договоров

типография

библиотека

инвалидная команда

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Bramley-Moore E. — 742

Sherman Miles, M-rs — супруга военного атташе США в России. — 740

William Belden Noble, M-rs — 740, 742

Абдул-Кадыр — курдский шейх. — 866

Авалов — 373, 374, 472, 473, 474, 476, 477

Августовский Михаил Иванович — сотрудник МИД. В 1914–1915 гг. — делопроизводитель VIII класса, в 1916 году — и.о. делопроизводителя VII класса Второго департамента МИД. — 764

Авдеев Николай — 392

Аверьянов Петр Иванович (1867–1937) — российский военачальник, генерал-лейтенант, востоковед. В 1914 году — начальник штаба Иркутского ВО. С ноября 1914 г. — и.д. начальника Мобилизационного отделения Главного управления Генерального штаба. С 1916 года — и.д. начальника Генерального штаба. В 1917 году — генеральный комиссар и военный генерал-губернатор областей Турции, занятых по праву войны. В 1918–1920 гг. в Добровольческой армии Юга России. С 1920 года — в эмиграции. — 630, 654

Авроров И.П. — 478, 482

Автономов Александр Александрович — российский дипломат. В 1915–1916 гг. — секретарь VII класса в Четвертом (Дальневосточном) политическом отделе МИД. — 716

Адамова К.А. — 743

Аделунг Карл Федорович (?–1829) — российский дипломат. Второй секретарь российской миссии в Персии, погиб с А.С. Грибоедовым во время погрома миссии фанатичной толпой. — 736

Акимович Константин Константинович — российский дипломат. С 1914 года — вице-консул, с сентября 1917 г. — консул в Баязите (Турция). — 741

Ала-ус-Салтанэ — см. **Салтанэ ала-ус.**

Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 года. — 545

Александр II (1818–1881) — российский император с 1855 года. — 862

Александр III (1845–1894) — российский император с 1881 года. — 862

Александр Сербский (Александр I Карагеоргиевич) (1888–1934) — в 1914–1921 гг. — принц-регент. С 1921 года — король Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 года — король Югославии. В годы Первой мировой войны — главнокомандующий сербской армией. — 88, 142, 157, 160, 312

Александра Федоровна (урожденная принцесса **Алиса Виктория Елена Бригитта Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская**) (1872–1918) — российская императрица, супруга Николая II (с 1894 года). В годы Первой мировой войны занималась благотворительностью, основала госпиталь в Царском Селе, лично финансировала несколько санитарных поездов. По постановлению Временного правительства арестована, выслана вместе с семьей в Тобольск, затем в Екатеринбург. Расстреляна по постановлению Уральского областного совета. — 64, 109, 525, 526, 540, 566, 568, 588, 744, 746, 749, 761, 788, 789, 796, 800

Александров Г.Г. — 380

Александрова Н.А. — 743

* Цифры указывают номера страниц.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — российский военачальник, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. С августа 1914 г. по март 1915 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта, с марта по сентябрь 1915 г. — главнокомандующий Северо-Западным фронтом, с сентября 1915 г. по март 1917 г. — начальник Штаба верховного главнокомандующего, с марта по май 1917 г. — верховный главнокомандующий, с августа по сентябрь 1917 г. — начальник Штаба при верховном главнокомандующем. После Октябрьской революции — один из руководителей Белого движения. — 97, 100, 106, 109, 110, 111, 116, 117, 136, 142–145, 148, 151, 159, 353, 524, 526, 529, 530, 560, 586, 612, 748, 798, 799, 805, 818, 824, 825, 848, 862

Алексей Николаевич (1904–1918) — великий князь, сын Николая II. — 343, 803

Алесницкий — см. **Олесницкий.** — 716, 717

Алешин Михаил Федотович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. исполнял обязанности помощника секретаря в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе. — 716

Аллиата ди Монтереале Джованни — князь, итальянский дипломат. В 1914–1915 гг. — советник посольства в России. — 25

Аллисон — 377

Альберт I Саксен-Кобург-Готский (1875–1934) — король Бельгии, главнокомандующий бельгийской армией. — 636

Альдобранди — см. **Альдрованди.**

Альдрованди (Альдобранди) Луиджи (1876–1945) — итальянский дипломат. В годы Первой мировой войны — начальник Канцелярии министра иностранных дел. В феврале 1917 г. принимал участие в работе Петроградской союзной конференции. — 303, 328

Анден — 865

Андерсен — 85

Андреев Борис Валерианович — российский дипломат. В 1915 году — секретарь VI класса Третьего (Среднеазиатского) политического отдела МИД. — 741

Андреева А.Л. — 743

Андрей (принц Греческий) (1882–1944) — принц Греческий и Датский Глюксбург, сын короля Греции Георга I. — 158

Апостол П.Н. — 421

Арбузов Алексей Дмитриевич (1859-?) — российский государственный деятель. В 1914 году назначен к присутствию в Сенат, сенатор Департамента герольдии. В годы Первой мировой войны входил в Совет Всероссийского общества помощи военнопленным. В эмиграции в Берлине. — 567–570, 674, 676–678

Аргиропуло Кимон Мануилович (1842–1918) — российский дипломат, государственный деятель. В 1884–1897 гг. — министр-резидент в Черногории, в 1897–1902 гг. — посланник в Персии. В 1902–1914 гг. — старший советник МИД. В июне 1914 г. освобожден от службы в МИД, назначен к присутствию в Сенат. — 741

Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874–1941) — князь, российский дипломат. В 1913–1916 гг. состоял в ведомстве МИД. В январе 1917 г. направлен в посольство во Франции. — 421

Арион М. — румынский дипломат. В 1915–1917 гг. — второй секретарь миссии Румынии в России. — 107, 108

Арсеньев Сергей Васильевич (1854–1922) — российский дипломат. С декабря 1909 г. по май 1912 г. — посланник в Черногории, с мая 1912 г. по февраль 1916 г. — посланник в Норвегии. — 410, 435

Артур Коннаутский и Страханский (1883–1938) — член британской королевской семьи, внук королевы Виктории. — 103

Архипов — 386

Арцимович Владимир Антонович (1857 — после 1917) — российский дипломат, сенатор. В 1910–1914 гг. — директор Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, в 1914–1916 гг. — товарищ министра иностранных дел. После Октябрьской революции — в эмиграции. — 362, 363, 421, 434, 457, 483, 484, 555, 566, 567, 569–571, 588, 593, 594, 604, 605, 608, 612, 613, 659, 728, 735

Асеев Павел Петрович — российский дипломат. С августа 1910 г. по июль 1914 г. — канцелярский служитель II разряда посольства в Германии. Отозван в связи с началом войны. — 750, 751

Асим-бей — турецкий дипломат. В 1914–1917 гг. — посол Турции в Персии. — 865, 866

Асквит Герберт Генри (1852–1928) — лорд, британский государственный деятель. В 1908–1916 гг. — премьер-министр, одновременно в 1914 году исполнял обязанности военного министра, в 1916 году участвовал в союзных конференциях в Париже и Риме. — 68, 69, 301, 757

Асмус Н. — 526

Асонович А.Л. — 743

Афанасьев — см. **Афонасьев.**

Афанасьев Н. — 743

Афонасьев (Афанасьев) Владимир Дмитриевич (1871-?) — российский чиновник. В 1915–1917 гг. — член Финансово-заготовительной комиссии при Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части. С марта 1917 г. — вице-директор Департамента общих дел МИД. — 699

Багговут Сергей Викторович фон — сотрудник МИД. В 1915 году причислен к Первому политическому отделу и Канцелярии министра иностранных дел, в 1916 году — кандидат для занятия штатной должности в том же отделе. — 716

Базили Николай Александрович (1883–1963) — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — вице-директор, в 1916-марте 1917 гг. — директор Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего. После Февральской революции — советник посольства во Франции. — 30, 40, 111, 142, 143, 184, 204, 309, 311, 324, 325, 328, 519, 575, 581, 582, 586, 587, 598, 606, 670, 671, 717, 740, 742, 754

Балашов Иван Степанович (1868-?) — российский военный. В июле 1914–1916 гг. — штабофицер для делопроизводства и поручений Управления дежурного генерала при верховном главнокомандующем. — 724

Баллин Альберт (1857–1918) — германский промышленник, судовладелец, директор компании «Гамбург-Американ». — 634

Бальфур Артур Джеймс (1848–1930) — британский государственный и политический деятель. В 1902–1905 гг. — премьер-министр Великобритании, в 1915–1916 гг. — морской министр, в 1916–1919 гг. — министр иностранных дел. — 758

Баратов Николай Николаевич (1865–1932) — российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1912–1914 гг. — командир 1-й Кавказской казачьей дивизии. С 1915 года — командующий отдельным экспедиционным корпусом в Персии. С марта 1917 г. — главный начальник снабжений Кавказского фронта и главный начальник Кавказского военного округа. В апреле 1917 г. назначен командиром 5-го Кавказского армейского корпуса. С июля 1917 г. — командующий 1-м Кавказским кавалерийским корпусом в Персии. — 865, 867

Бардашевская Э.В. — 740

Барзан — курдский шейх. — 866

Барк Петр Львович (1869–1937) — российский государственный деятель, предприниматель. В 1914 — феврале 1917 гг. — министр финансов. — 26, 313, 315, 317–322, 328, 330, 342, 615, 749

Барсков П.Л. — 674

Барсков Яков Лазаревич — сотрудник МИД. В 1914–1916 гг. — делопроизводитель VI класса в Государственном и С.-Петербургском/Петроградском главном архивах МИД. — 716

Барышников Александр Александрович (1877–1924) — инженер, общественный деятель. С 1912 года — депутат III Государственной думы, член Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. После Февральской революции — комиссар по Министерству почт и телеграфов. С апреля 1917 г. — член ЦК Российской радикально-демократической партии, один из организаторов газеты «Отечество», управляющий Министерством государственного призрения, товарищ министра государственного призрения Временного правительства. После Октябрьской революции — в эмиграции. — 836

Бассерман Эрнст (1853–1917) — германский политический деятель, один из лидеров Национал-либеральной партии. — 634–636

Батаглия-Рейс (Баталья-Рейс) — супруга посла Португалии в России. — 743

Баумгартен — 458

Бах Генрих Генрихович — российский дипломат. В 1912–1916 гг. — второй секретарь посольства в США. В апреле 1914 г. командирован в миссию в Персии. С апреля 1916 г. — первый секретарь миссии в Нидерландах. С сентября 1917 г. — временный поверенный в делах России в Нидерландах. — 718, 867

Бахерахт Александра Адамовна (1850–1941) — российская общественная деятельница, супруга посланника России в Швейцарии В.Р.Бахерахта, председатель Русского комитета в Берне по оказанию помощи военнопленным, Русской секции международного бернского Бюро помощи русским военнопленным. — 664

Бахерахт Василий Романович (?–1916) — российский дипломат. С июня 1906 по октябрь 1916 гг.– посланник в Швейцарии. — 664

Бахметев (Бахметьев) Борис Александрович (1880–1951) — российский инженер. В 1915 году вошел в состав Русского заготовительного комитета в Америке. После Февральской революции — товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства. В июне 1917 г. прибыл в США во главе чрезвычайной миссии для ведения переговоров о займах и военных поставках и был одновременно аккредитован в качестве посла России, каковым признавался правительством США до 1922 года. — 703, 704, 880

Бахметев Юрий (Георгий) Петрович — российский дипломат. С 1911 года по февраль 1917 г. — посол в США. После Февральской революции в отставке. С 1920 года — в эмиграции во Франции. — 181, 183, 235, 237, 376, 377, 379, 682, 717, 872, 875, 879

Бахметьев — см. Бахметев Б.А.

Бачева — 664

Беклемишева С.М. — 741

Белосельская-Белозерская Надежда Дмитриевна — княгиня, сестра М.Д. Скобелева, основательница благотворительных организаций «Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам», «Михайловское в память Скобелева общество врачебной помощи женам, вдовам, детям и сиротам воинов». — 561

Бельгард С.К. — 421

Бельдиман А. — румынский дипломат. В 1913–1916 гг. — посланник в Германии. — 76

Беляев Алексей Константинович (1870–1960) — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — политический агент в Бухаре. После Февральской революции — начальник Второго политического (Ближневосточного) отдела МИД. В эмиграции в Югославии. — 716, 740

Беляев Василий Иванович — сотрудник МИД. — 716

Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918) — российский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии. В начале Первой мировой войны — и.о. начальника, начальник Генерального штаба. Одновременно с июля 1915 г. — помощник военного министра, с августа 1916 г. — член Военного совета. С января 1917 г. — военный министр. После Февральской революции арестован по обвинению в попытке подавления революционных выступлений. Расстрелян по приговору ЧК. — 124, 125, 313, 317, 322, 328, 329, 342, 509, 569, 654

Беляев Т. — 740

Бенедикт XV (1854–1922) — с сентября 1914 г. — папа Римский — 209, 863

Бенкендорф Александр Константинович (1849–29 декабря 1916 г./11 января 1917 г.) — российский дипломат, гофмейстер. В 1902–1917 гг. — посол в Великобритании. — 43, 45, 48, 57, 61, 151, 164, 167, 180, 219, 223–225, 239, 259, 260, 289, 297, 369, 486, 518, 519, 757, 758, 788, 862, 872, 874, 875

Бенкендорф М.И. — 741

Бенкендорф Софья Петровна (1857–1928) — графиня, супруга посла России в Лондоне А.К. Бенкендорфа. — 664, 749

Беннигсен Эммануил Павлович (1875–1955) — граф, российский общественный деятель

и политик. В начале Первой мировой войны — помощник главноуполномоченного Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта, особоуполномоченный при 9-й армии, позднее — главноуполномоченный на Западном фронте (до осени 1916 г.). С марта 1917 г. — представитель Общества Красного Креста в Центральном комитете по делам военнопленных, затем — комиссар ВКГД и Временного правительства по попечительству о трудовой помощи. С 1919 года — в эмиграции. — 675

Бентковский Альфред Карлович (1860–?) — российский дипломат. С 1905 г. по май 1916 г. — директор Второго департамента Министерства иностранных дел. С 1916 года — сенатор. После Октябрьской революции — в эмиграции. — 368, 442, 509, 565, 579, 720, 740, 872, 876, 880

Бентковский Виктор Карлович — в 1913–1915 гг. — внештатный юрисконсульт при посольстве и генеральном консульстве России во Франции. — 421

Берг — 717

Берг К.Ф. — 443, 509

Бергман Э.Ф. — 743

Березников Алексей Александрович (1868–1934) — российский государственный и общественный деятель. В 1914–1917 гг. состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части, в 1917 году — особоуполномоченный Общества Красного Креста во Франции. — 679

Березников Владимир Александрович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — вице-директор Второго департамента МИД. С апреля 1916 г. — генеральный консул в Марселе. — 516, 741, 875

Беркли Джордж — британский дипломат. В 1912–1917 гг. — посланник в Румынии. — 298, 299

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — российский политический и государственный деятель, экономист. В сентябре — ноябре 1917 г. — министр финансов Временного правительства. — 853

Бернсторф Иоганн Генрих (1862–1939) — граф, германский дипломат. С 1908 г. по февраль 1917 г. — посол в США. С августа 1917 г. — посол в Турции. С 1918 года — сотрудник МИД, возглавлял отдел подготовки мирного договора. Депутат Рейхстага, член германской делегации в Лиге Наций. — 638

Бертрэн В.А. — 630, 741

Бестужев-Рюмин Анатолий Иванович (1873–1917) — российский контр-адмирал. С февраля 1916 г. — начальник Отдельного отряда судов особого назначения. С февраля 1917 г. — начальник Кольского района и Отряда судов обороны Кольского залива. — 759

Бетман-Гольвег (Хольвег) Теобальд фон (1856–1921) — германский политический деятель. В 1909–1917 гг. — имперский канцлер. — 68, 85, 810, 824, 862

Бетман-Хольвег — см. **Бетман-Гольвег**.

Би Гуй-Фан — см. **Би Гуйфан**.

Би Гуйфан (Би Гуй-Фан) (1865–?) — китайский генерал и дипломат. В 1914–1915 гг. — участник трехсторонних переговоров (Россия, Китай, Монголия) в Троицкосавске (Кяхте) по монгольскому вопросу. — 225, 230

Бибиков М.М. — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — первый секретарь миссии в Баварии. — 556, 560, 627, 876, 878

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд Шенхаузен фон (1815–1898) — князь, германский государственный деятель и дипломат. В 1851–1859 гг. — представитель Пруссии в бундестаге Германского союза во Франкфурте-на-Майне, в 1859–1862 гг. — посол Пруссии в России, в 1862 году — во Франции, в 1862–1867 гг. — министр-президент (премьер-министр) и министр иностранных дел Пруссии. В 1867–1871 гг. — бундесканцлер, в 1871–1890 гг. — рейхсканцлер Германской империи. — 601

Блазнов Александр Григорьевич (1867–1937) — российский военный. В 1910–1914 гг. — инструктор персидской казачьей бригады в Тегеране. С июня 1914 г. — помощник командира 2-го Кизляро-Гребенского полка. С августа 1915 г. — командир 3-го Кизляро-Гребенского полка. В 1917 году — командир 2-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии. В 1918 году — в Добровольческой армии. — 865

Блигкен — 743

Блинов Алексей Васильевич — 716, 717, 743

Блинов Алексей Сергеевич — сотрудник МИД. В 1914–1916 гг. переводчик V класса при политических отделах МИД. — 716, 717

Блондель Жан Камилл (1854–1916) — французский дипломат. В 1907–1916 гг. — посланник в Румынии. — 149

Бобринская О.И. — 746

Бобринский Владимир Алексеевич — российский политический и общественный деятель. С осени 1914 г. — глава Русского краевого благотворительного комитета для оказания помощи населению Галиции. С февраля 1915 г. — руководитель продовольственного отдела в Управлении генерал-губернатора Галиции. — 395

Бобылев Федор Нилович — российский военный, генерал-лейтенант. В 1900–1904 гг. — командир 14-й кавалерийской дивизии. — 732

Богатский — 95, 117

Богоявленская А.Ф. — 743

Богоявленский Сергей Константинович (1871–1947) — российский и советский историк, член АН СССР. В 1898–1930 гг. — служащий Московского главного архива МИД (впоследствии — Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР). — 850

Боллати Риккардо — итальянский дипломат. В 1913–1915 гг. — посол в Германии. — 68, 76

Бомпар Морис — французский дипломат. В 1909–1914 гг. — посол в Турции. — 41, 43

Бондорф Марта — 680

Борис Владимирович (1877–1943) — великий князь, генерал-майор свиты императора. — 100

Борисовский Сергей Александрович — российский дипломат. В 1914 году — сотрудник миссии в Швейцарии. После начала Первой мировой войны направлен в генеральное консульство в Генуе. — 448

Боткин Петр Сергеевич (1865–1933) — российский дипломат. С февраля 1912 г. по март 1917 г. — посланник в Португалии. После Октябрьской революции — в эмиграции. — 363, 364, 871

Боткин Сергей Дмитриевич (1869–1945) — российский дипломат. В июле 1914 г. назначен министром-резидентом в Великом герцогстве Гессен и в герцогстве Саксен-Кобург-Гота. Отозван в связи с началом войны. В 1915 году — член Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками, с декабря 1915 г. возглавлял Отдел военнопленных. После Октябрьской революции в эмиграции. — 537, 588, 591, 593, 627, 674, 675, 680–682, 876

Боткина Н.Е. — 743

Ботчанакит Денг-де-Визан — супруга посла Сиама в России. — 740

Брайан Вильям Дженнингс (1860–1925) — американский государственный деятель, член Демократической партии. В 1913–1915 гг. — министр иностранных дел. — 181, 183

Брандстрем (Брендстрем) — шведский генерал. В 1914–1917 гг. — посланник в России. — 153, 155, 165, 680

Брантинг Карл Яльмар (1860–1925) — шведский государственный и политический деятель, один из основателей и лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции. С 1908 года — председатель ее Исполкома. В 1917–1918 гг. — министр финансов, в 1920–1925 гг. — премьер-министр, одновременно в 1921–1923 гг. — министр иностранных дел. Лауреат Нобелевской премии мира (1921 год). — 809

Братиано — см. **Братиану**.

Братиану (Братиано) Ион (1864–1927) — румынский государственный деятель. В 1914–1919 гг. — председатель Совета министров и военный министр. — 28, 35–38, 45, 49, 74–78, 80–84, 86–88, 90, 98–100, 105, 110, 111, 113, 114, 117, 119, 124, 129, 130, 146–148, 151, 154, 155, 298, 299

Бреверн де Лагарди (Бреверн де-ла Гарди) А.С. — графиня, супруга министра-резидента России в Бадене в 1912–1914 гг. Н.А. Бреверна де Лагарди. — 740, 743

Бреверн де-ла Гарди А.С. — см. **Бреверн де Лагарди А.С.**

Брендстрем — см. **Брандстрем.**

Бржозовский — 419

Бриан Аристид (1862–1932) — французский государственный деятель. В 1915–1917 гг. — председатель Совета министров и министр иностранных дел. — 124, 128–130, 140, 148, 155, 158, 165, 166, 301, 328, 804

Броссе Федор Лаврентьевич (?–1953) — российский дипломат. В 1913–1915 гг. — консул в Мангейме (Великое герцогство Баден). — 730–732

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — российский и советский военный деятель, генерал от кавалерии. В годы Первой мировой войны командовал 8-й армией в Галицийской битве. С 1916 года — главнокомандующий Юго-Западным фронтом, провел успешное наступление (т.н. Брусиловский прорыв). В мае-июле 1917 г. — верховный главнокомандующий российской армии, с 1920 года — в Красной Армии, в 1923–1924 гг. — инспектор кавалерии. — 791, 800, 836, 838

Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963) — российский морской деятель. В 1915–1917 гг. — флаг-капитан Морского штаба верховного главнокомандующего. — 101, 204

Будберг М.А. — 665

Будберг Федор Андреевич (1851–1916) — барон, российский дипломат, гофмейстер. В 1909–1916 гг. — посол в Испании. — 376, 872

Будкевич — см. **Буткевич.**

Бузков — 825

Буквич — 751

Буксгевден Карл Карлович (1856–1935) — барон, российский дипломат, шталмейстер. С октября 1910 г. по март 1917 г. — посланник в Дании. После Октябрьской революции остался за границей. — 431, 519, 549, 719, 720

Буксгевден Л.П. — баронесса, супруга посланника России в Дании в 1910–1917 гг. К.К. Буксгевдена. — 740, 743

Булычев — 657

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — российский публицист, историк, политический деятель. Издатель и редактор сборников «Былое». После Октябрьской революции — в эмиграции. — 832

Бутенко Гавриил Иванович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. причислен к Цифирному отделению при Первом политическом отделе и Канцелярии министра. — 716, 754

Буткевич (Будкевич) Евгений Адольфович — российский дипломат. В 1911–1916 гг. — консул в Ньюкасле-на-Тайне (Великобритания). — 434

Бутягин Н. — 657

Бухе Е.А. — 675

Былинкина — 658

Быховец В.И. — 737

Бьюканен — см. **Бьюкенен.**

Бьюкенен (Бьюканен, Бюканен, Бюканон, Бюкенен) Джордж Уильям (1854–1924) — британский дипломат. В 1904–1908 гг. — посланник в Болгарии, в 1910–1918 гг. — посол в России. — 45, 50, 57, 68, 73, 80, 86, 87, 96, 98, 111, 112, 121, 122, 133–135, 161, 163, 166, 178, 213, 214, 256, 313, 322, 328, 342, 690, 789, 861, 879

Бьюссере — см. **Бюиссере Стеенбек де Бларенгхиен Конрад де.**

Бюиссере Стеенбек де Бларенгхиен Конрад де (Бюиссере Стеенбек де Блареният Конрад де) — граф, бельгийский дипломат. В 1914–1917 гг. — посланник в России. — 79, 177

Бюиссере Стеенбек де Блареният Конрад де — см. **Бюиссере Стеенбек де Бларенгхиен Конрад де.**

Бюканен — см. **Бьюкенен**.

Бюканон — см. **Бьюкенен**.

Бюкенен — см. **Бьюкенен.**

Бюцов Борис Евгеньевич — сотрудник МИД. — 737

Бюцов Константин Евгеньевич — российский дипломат. В 1914 году — переводчик (драгоман) Первого департамента МИД, в 1914–1916 гг. —

старший секретарь Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД. — 25

Вадбольский Николай Петрович (1869–1944) — князь, российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1914 году — командир бригады Кавказской туземной конной дивизии. В 1915 году — командир Сводной кавалерийской дивизии на Юго-Западном фронте. С 1917 года — командир 7-го Кавказского армейского корпуса. — 865

Валиваки — 717

Валленберг Кнут (1853–1938) — шведский политический и государственный деятель. В 1909–1914 гг. — председатель ассоциации шведских банков, в 1912–1914 гг. и с 1918 года — член Стокгольмской торговой палаты, в 1914–1917 гг. — министр иностранных дел. — 134, 137, 139, 140, 141, 293

Валленберг Маркус (1899–1982) — шведский финансист. Директор Stockholds Enskilda Bank (1927–1946). — 111, 112, 147, 148

Вальтер — см. **Таунлей Вальтер**.

Вальтер Карл Антонович (1867–1918) — российский врач, доктор медицины. В 1917 году — член Комиссии по осмотру лагерей для интернирования военнопленных в Дании и Норвегии. — 679

Варламова В. — 717

Васильев Н.В. — 568

Васильевич — 52

Васильчиков Илларион Сергеевич (1881–1940) — князь, российский государственный и общественный деятель. Депутат IV Государственной думы. После Февральской революции — правительственный комиссар при Главном управлении Российского Общества Красного Креста. С 1919 года — в эмиграции. — 674

Васильчикова Мария Александровна — фрейлина. Жила в Австрии, дважды обращалась к Николаю II с письмами, прося его заключить сепаратный мир с Германией. В декабре 1915 г. выехала в Россию с письмами от великого герцога Эрнеста Гессенского к Николаю II и Александре Федоровне. В январе 1916 г. лишена придворного звания и выслана в Черниговскую губернию. — 64, 65, 107–109, 218

Вашбурн (Уошберн) Стэнли — американский журналист, корреспондент газет «Сан» и «Таймс». В 1914–1917 гг. неоднократно посещал Россию. — 512, 513, 598

Вейнер Аркадий Петрович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. вице–директор Второго департамента МИД. — 478, 482, 513, 519, 743

Вейнер В.П. — 743

Вейнер В.Р. — 746

Велепольский Сигизмунд Иосифович (1863–1919) — граф, российский политический деятель, шталмейстер, член Государственного совета. — 126, 151, 152

Веллингтон Артур Чарльз (1849–1934) — герцог, британский военный и политический деятель. В 1900–1934 гг. — член палаты лордов. — 363

Венизелос Элефтериос (1864–1936) — греческий государственный и политический деятель. В 1910–1915, 1917–1920, 1924, 1928–1932, 1933 гг. — премьер-министр Греции. Основатель (1910) и лидер Либеральной партии. — 94, 167, 830

Вербицкий И.К. — 380, 444, 446, 733

Веретенников Александр Порфирьевич (1870–1936) — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — чиновник особых поручений при министре иностранных дел. — 742, 762

Веретенникова З.Н. — 743

Верига-Даровский — 419

Верховский Александр Иванович (1886–1841) — российский военный деятель. С сентября 1917 г. — генерал-майор, военный министр Временного правительства. С 1919 года — в Красной Армии, комкор. — 848.

Верховцев Михаил Сергеевич — российский дипломат. В июле-октябре 1914 г. — управляющий консульством в Христиании. В апреле 1917 г. назначен консулом в Мальмё (Швеция). — 411

Веселовская С.А. — 743

Вессель — 729

Вестдаль — 865

Вивиани Рене (1863–1925) — французский политический и государственный деятель. С 1913 г. по июнь 1914 г. — министр просвещения. С июня 1914 г. по октябрь 1915 г. — премьер-министр; с октября 1915 г. до начала 1917 г. — министр юстиции. В июле 1914 г. вместе с президентом Франции Р. Пуанкаре находился с официальным визитом в Петербурге. — 27, 132, 137–139, 517

Визель М.П. — супруга консула России в Веве (Швейцария) О.О. Визеля. — 741

Виктория Федоровна (урожденная принцесса **Виктория Мелита Саксен-Кобург-Готская**) (1876–1936) — с 1907 года — великая княгиня, супруга великого князя Кирилла Владимировича. — 97, 99, 100

Викторов Топоров — см. **Топоров.**

Виктор-Эммануил III Савойский (1869–1947) — в 1900–1946 гг. — король Италии. — 74, 115

Виллалобар де — испанский дипломат. В 1914–1917 гг. — посланник в Бельгии. — 461, 462

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — император Германии и король Пруссии в 1888–1918 гг. — 30, 31, 33, 85, 820, 836

Вилькерлинг — 730

Вильсон Генри Юз (1854–1922) — баронет, британский военный, фельдмаршал. В 1914 году — помощник начальника штаба экспедиционной армии, затем — офицер связи между британским и французским генеральными штабами. В январе-феврале 1917 г. находился в России во главе военной миссии. — 309, 328

Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — американский государственный и политический деятель. В 1913–1921 гг. — президент США. — 232, 306, 308, 309, 323, 636, 792, 827, 844, 862

Висконти Евгений Александрович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — и.о. делопроизводителя VI класса в Первом департаменте, в августе 1917 г. — вице-директор Департамента общих дел МИД. — 756, 765, 773

Висконти М.В. — 743

Водар Владимир Владимирович — российский военный. В 1912–1917 гг. — делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. В 1917 году — первый обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. — 373

Воеводская К.М. — 742

Войновский-Кригер (Кригер-Войновский) Эдуард Брониславович (1864–1933) — российский государственный деятель. В 1909–1916 гг. — управляющий Владикавказской железной дорогой, с марта 1916 г. — товарищ председателя Главного комитета при Министерстве путей сообщения по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий, с апреля по декабрь 1916 г. — товарищ министра путей сообщения, с декабря 1916 г. по февраль 1917 г. — министр путей сообщения. — 328, 342

Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960) — российский политический деятель, экономист, писатель. В 1917 году — член бюро Исполкома Петросовета, бюро ВЦИК 1-го созыва, Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, в октябре 1917 г. — комиссар Северного фронта. С 1921 года — в эмиграции. — 840, 842

Волконский Петр Петрович — князь, российский дипломат, камергер. В 1912–1914 гг. — первый секретарь посольства в Австро-Венгрии. — 740, 742

Вольф Теодор (1868–1943) — германский журналист, писатель и политический деятель. В 1906–1933 гг. — главный редактор газеты «Berliner Tageblatt». — 433

Воронин — 744

Воронов А.М. — 588

Высоцкий А.М. — 741

Гаакон — см. **Хокон VII.**

Гагарин Александр Александрович (1862–?) — князь, российский дипломат. В 1914–1917 гг. — генеральный консул в Барселоне. — 718

Гагарин Сергей Андреевич (1889–1941) — князь, российский дипломат, экономист.

С 1914 года — помощник секретаря, с 1916 года — секретарь VIII класса Второго политического (Ближневосточного) отдела МИД. С 1923 года — в эмиграции в США. — 703, 716

Гагарина Е.Е. — 743

Гагарина С.М. — 741

Галанте Андреа (1871–1919) — итальянский профессор, адвокат. В июне 1916 г. — октябре 1917 г. — начальник Кабинета министра без портфеля В. Шалойи. — 303

Галлиени Жозеф-Симон — французский военный деятель, маршал. С августа 1914 г. — военный губернатор Парижа, в октябре 1915 г. — 1916 г. — военный министр. — 102

Гамбс — супруга вице-консула России в Лондоне Э.Э. Гамбса. — 508

Гамм О.Ф. — 743

Гаммерштейн фон — см. **Хаммерштейн-Экворд.**

Ганецкий (наст. фамилия **Фюрстенберг**) **Яков Станиславович** (1879–1937) — деятель польского и российского социал-демократического движения. С 1917 года — в советской России, один из создателей и руководителей Коммунистической рабочей партии Польши (1918 г.). С 1920 года — на дипломатической работе, в 1923–1930 гг. — член коллегии Наркомата внешней торговли, в 1930–1932 гг. — член Президиума ВСНХ РСФСР. — 861

Ганков — 392

Гардинг Чарльз (1858–1944) — британский дипломат. С ноября 1910 г. по апрель 1916 г. — генерал-губернатор Индии, в 1916–1920 гг. — заместитель государственного секретаря по иностранным делам. — 158

Гаррисон — 742

Гаррони Камилло — итальянский дипломат. В 1912–1915 гг. — посол в Турции. — 42

Гартман — 377

Гаусман — 373

Гачевич Иван — 751

Гезен В.А. — 741, 743

Геммельман Александр Робертович — сотрудник МИД. В 1914 году — исполняющий обязанности делопроизводителя VIII класса в Департаменте личного состава и хозяйственных дел, в 1915–1916 гг. причислен к Первому департаменту МИД. — 716

Генчич — 751

Генкель Карл Карлович — сотрудник МИД. В 1915–1917 гг. — кандидат для занятия штатной должности в Первом департаменте МИД. — 716, 764

Георг V (1865–1936) — король Великобритании с 1910 года. — 88, 160

Георгий Михайлович (1863–1919) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Состоял при Ставке верховного главнокомандующего. В 1915–1916 гг. посетил Японию с особой миссией. После Октябрьской революции арестован, содержался в Петропавловской крепости, расстрелян. — 100, 106, 107, 115, 163, 252

Гермониус Эдуард Карлович (1864-?) — российский генерал-лейтенант. С июня 1914 г. — заведующий артиллерийскими приемками, с августа 1915 г. — председатель Временной строительной комиссии для постройки завода взрывчатых веществ, в 1916 году командирован в Лондон для руководства работой Комитета по закупке вооружения и боеприпасов для нужд российской армии. В 1918–1920 гг. — представитель Добровольческой армии в Англии, занимался вопросами снабжения. — 292

Гессе Павел Петрович — сотрудник МИД. В 1914 году причислен к Первому департаменту, в 1917 году — сотрудник Первого политического отдела МИД. — 716

Гессен Юлий Исидорович (1871–1939) — российский историк, литератор. В 1917 году — делопроизводитель Особого комитета помощи военнопленным. — 675

Гефдинг Г. — 571

Гешов Иван Евстратиев (1849–1924) — болгарский государственный и политический деятель, публицист, банкир, лидер Народной партии. — 250

Гильмен Жан Мари Огюст Рене (1862–1938) — французский дипломат. В 1916–1917 гг. — посланник в Греции. — 167, 310, 311

Гинденбург Пауль фон (1847–1934) — германский политический деятель и военачальник, генерал-фельдмаршал. В 1914–1916 гг. — главнокомандующий войсками Восточного фронта, в 1916–1919 гг. — начальник Генерального штаба. В 1925–1934 гг. — рейхспрезидент Германии. — 624, 670, 671

Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) — барон, российский дипломат, гофмейстер. В 1912–1914 гг. — посол в Турции, в марте 1915–1917 гг. — посол в Италии. После Октябрьской революции — в эмиграции. — 40–42, 299–301, 369, 372, 717, 741, 744

Гиршберг — 729

Глееруп — 865

Гнотовский Е.К. — 431, 433

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — русский писатель. — 397

Годнев Иван Васильевич (1856–1919) — российский политический деятель, депутат III и IV Государственной думы. В 1917 году — Государственный контролер в составе Временного правительства. — 348, 673

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) — князь, российский государственный деятель. В 1885–1893 гг. — губернатор Архангельской, в 1893–1897 гг. — Калужской и в 1897–1903 гг. — Тверской губерний. С 1903 г. — сенатор. В годы Первой мировой войны — председатель Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным. С 1915 года — член Государственного совета. В январе-феврале 1917 г. — председатель Совета министров. В ходе Февральской революции арестован, затем освобожден. Расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности по «делу лицеистов». — 525, 539, 566, 568, 569, 571, 588, 591, 593, 605, 749, 798, 830, 862

Голицына А.А. — 665

Головина Е.В. — 744

Голумбиевский — 719

Гольвег Б. — 832

Гольц Кольмар фон дер (Гольц-паша) (1843–1916) — барон, германский военачальник, генерал-фельдмаршал. В 1914 году — генерал-губернатор оккупированной Бельгии. С ноября 1914 г. по апрель 1915 г. — генерал-адъютант турецкого султана. В 1915 году командовал 1-й, затем 6-й турецкой армиями. — 865, 867

Гольц-паша — см. **Гольц Кольмар**.

Гончарова С.И. — 742

Горбачев Валериан Николаевич — сотрудник МИД. В 1914–1916 гг. — делопроизводитель VIII класса в Государственном и С.-Петербургском/Петроградском главном архивах. — 717

Горбачевич А.С. — 740

Горбачевич Л.С. — 744

Горвист (Горвиц) Владимир Мартынович — российский дипломат. В 1915–1916 гг. — секретарь VII класса Отдела печати МИД. — 631, 717

Горвиц — см. **Горвист.**

Гордон — граф, секретарь герцога Веллингтона. — 363

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — российский государственный деятель. В 1914–1916 гг. — председатель Совета министров. Погиб с семьей при нападении грабителей на имение. — 40, 44, 52, 53, 69, 92, 96, 161, 526, 750

Горлов Владимир Михайлович — российский дипломат. С 1912 года — чиновник особых поручений V класса при министре иностранных дел, в 1915–1916 гг. — старший секретарь Юрисконсультской части МИД. — 472, 474, 477, 513

Горлов Владимир Михайлович (1871–1948) — российский дипломат. В 1916–1917 гг. — первый секретарь посольства России во Франции. В 1920–1921 гг. Советом бывших российских послов назначен начальником российской дипломатической миссии в Польше. Председатель Союза русских эмигрантских организаций в Польше. — 718

Горлова О.А. — 741

Горностаев Лев Николаевич — российский дипломат. В 1915 году — управляющий генеральным консульством в Генуе. — 402

Готейн Георг (1857–1940) — германский политический деятель, один из лидеров Прогрессивной народной партии Германии. — 635

Граан — см. **Гран Иоганн.**

Гран (Граан) Иоганн — в 1914–1916 гг. — внештатный вице-консул России в Бергене. — 412, 435, 437

Гранстрем К.А. — 593

Гревениц — 740

Грей Эдуард (1862–1933) — виконт, британский государственный деятель. С декабря 1905 г. по декабрь 1916 г. — статс-секретарь по иностранным делам. — 45, 46, 48–51, 56, 59, 61, 62, 70, 71, 80, 92, 132, 136, 161, 162, 165, 166, 180, 214, 216, 217, 219, 223, 224, 239, 259, 260, 289, 297, 303

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — русский писатель, дипломат. В 1828 году назначен послом в Персию. Убит в Тегеране персидскими фанатиками. — 736

Григорович Иван Константинович (1853–1930) — российский военно-морской и государственный деятель, адмирал, генерал-адъютант. С ноября 1911 г. по февраль 1917 г. — морской министр. С 1914 года член Государственного совета. В марте 1917 г. отстранен от должности. С 1924 года — в эмиграции. — 26, 40, 52, 55, 126, 135, 313, 322, 328, 342, 759

Григорьев Александр Владимирович — российский дипломат. В январе 1917 г. назначен консулом в Астрабаде (Персия). — 716

Гришкевич-Трохимовский П.М. — 478, 588

Грузинский Константин Константинович — сотрудник МИД. В 1913–1915 гг. — и.о. делопроизводителя VIII класса Первого департамента МИД. — 758

Грунелиус Эрнест — барон, германский дипломат. В 1913–1914 гг. — посланник Баварии в России. — 34

Губарь Алексей Алексеевич — российский дипломат. В 1914–1915 гг. — секретарь VI класса Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД. — 716, 740

Гудим-Левкович Павел Павлович (1873–1953) — российский военный. В 1909–1917 гг. — военный агент в Греции. — 204

Гук Вальтер Иванович фон — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — консул в Брюсселе. В апреле-июле 1916 г. — временный поверенный в делах России в Бельгии. В мае 1917 г. назначен первым секретарем посольства в США. — 288, 594

Гулькевич Константин Николаевич (1865–1935) — российский дипломат, камергер, чиновник особых поручений при министре иностранных дел. В 1912–1914 гг. — советник посольства в Турции, в 1914–1916 гг. — советник Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД, с февраля 1916 г. — посланник в Норвегии. С мая 1917 г. — посланник в Швеции. — 62, 66, 108, 123, 666, 715, 718, 743, 794

Гулян Мирча — 717

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937) — российский военачальник, генерал от кавалерии. В 1911–1914 гг. — начальник 1-й кавалерийской дивизии, в 1915–1916 гг. — командир 6-го армейского корпуса, с августа 1916 г. — командующий Особой армией на Юго-Западном фронте. С октября 1916 г. по февраль 1917 г. исполнял обязанности начальника Штаба верховного главнокомандующего. После Февральской революции — командующий Западным фронтом. В июле 1917 г. арестован и выслан из России. — 309, 313, 317–322, 329–334, 342, 794, 824, 839, 840, 842

Густав V (1858–1950) — с 1907 года — король Швеции. — 116, 146

Гутовский Станислав Брониславович — сотрудник МИД. В 1905–1916 гг. — состоял в ведомстве МИД. — 741

Гуфман — 392

Гучков Александр Иванович (1862–1936) — российский предприниматель, политический лидер партии «Союз 17 октября». Председатель III Государственной думы. В 1907 году и с 1915 года — член Государственного совета. В 1915–1917 гг. — председатель Центрального военно-промышленного комитета. В марте-мае 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства. С 1919 года — в эмиграции. — 345, 800, 801, 816, 821, 823, 825

Дабижа Аристид Михайлович — князь, российский дипломат. В 1914–1915 гг. — генеральный консул в Мешхеде (Персия). — 740

Давыдов Н.М. — 675

Далиг Эдуард Карлович — сотрудник МИД. В 1914 году — внештатный секретарь посольства в Германии. В 1915–1917 гг. — канцелярский служитель II разряда Первого департамента МИД. — 719

Данев Стоян (1858–1949) — болгарский государственный и политический деятель, лидер Прогрессивно-либеральной партии. В 1901–1902, 1902–1903 и 1913 гг. — премьер-министр Болгарии. — 250

Данео Эдуардо (1851–1922) — итальянский государственный и политический деятель, адвокат. В 1914–1916 гг. — министр финансов. — 757

Данило II Петрович Негош (1871–1939) — наследный королевич Черногорский. В годы Первой мировой войны командовал черногорской армией. С 1 по 7 марта 1921 г. — король Черногории в изгнании. — 157

Данилов Юрий Никифорович (1867–1937) — российский военачальник, генерал от инфантерии. В 1914–1915 гг. — генерал-квартирмейстер Штаба верховного главнокомандующего. В 1915–1916 гг. — командир 25-го армейского корпуса. С августа 1916 г. — начальник штаба Северного фронта. В апреле-сентябре 1917 г. — командующий 5-й армией. В 1918 г. служил в Красной армии. В 1919–1920 гг. — участвовал в Белом движении. В эмиграции во Франции. — 30, 77, 203, 211, 212

Де-Кастельно — см. **Кастельно**.

Делекторский Иван Владимирович — российский дипломат. В 1915–1916 гг. — исполнял обязанности секретаря VIII класса, в 1917 году — секретарь VII класса в Четвертом (Дальневосточном) политическом отделе МИД. — 716, 764

Дельбрюк Ганс (1848–1929) — германский историк, профессор Берлинского университета. — 635, 636

Дельгадо Хиль — испанский дипломат. В 1915 году — советник испанского посольства в Германии. — 628, 730

Делькассе (Делькасэ) Теофиль (1852–1923) — французский государственный деятель и дипломат. В 1913–1914 гг. — посол в России, с августа 1914 г. по октябрь 1915 г. — министр иностранных дел. — 41, 46, 50, 60, 61, 68, 70, 80, 217

Делькасэ — см. **Делькассе**.

Де-Маржери — см. **Маржери**.

Демидов Илим (Элим) Павлович (1868–1943) — князь, российский дипломат, егермейстер. В 1912–1917 гг. — посланник в Греции. В эмиграции в Греции. — 94, 101, 718

Денг-де-Визан Ботчанакит — см. **Ботчанакит Денг-де-Визан**.

Деонисий — см. **Дионисий**.

Дерюжинский Борис Владимирович — российский дипломат. С марта 1914 г. — вице-консул в Гамбурге, в августе 1914 г. направлен в консульство в Ньюкасле-на-Тайне. В 1915 году работал в консульстве в Копенгагене. — 398, 400

Диаманди Константин (1868–1931) — румынский дипломат. В 1914–1918 гг. — посланник в России. — 28, 35–38, 43–45, 49, 51–53, 73–79, 81, 82, 87–90, 97–99, 101, 105, 107, 110, 113, 114, 118, 119, 129–131, 146, 147, 150, 180, 181

Диамантидис — 166, 167

Дигон — 396

Дидерихс — см. **Дитерихс**.

Дидринг — 568

Дионисий (Деонисий) (Валединский Константин Николаевич) (1876–1960) — митрополит Варшавский и всей Польши (с 1923 г.). В 1913 году — епископ Кременецкий, третий викарий Волынской епархии. Во время Первой мировой войны находился в Киеве. — 396

Дирин — 389

Дитерихс (Дидерихс) Михаил Константинович (1874–1937) — российский военный и политический деятель, генерал-лейтенант (1919). С сентября 1917 г. — генерал-квартирмейстер, в ноябре 1917 г. — начальник Штаба верховного главнокомандующего. С ноября 1917 г. — начальник штаба Чехословацкого корпуса.

Один из организаторов вооруженного выступления корпуса против советской власти (1918). В июле 1919 г. командовал Сибирской армией, в июле — ноябре 1919 г. — Восточным фронтом. С 1922 года — в эмиграции. — 353

Дмитриев Вадим Николаевич — российский дипломат. В 1914 году переводчик IX класса в Первом департаменте, в 1915–1916 гг. — секретарь VIII класса, а затем секретарь VII класса в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе МИД. — 716, 763

Дмитрий Павлович (1891–1942) — великий князь, внук Александра II, сын великого князя Павла Александровича. Участник убийства Г.Е. Распутина. — 100

Дмитров Иван Петрович — российский дипломат. В 1912–1914 гг. — первый секретарь миссии в королевстве Вюртемберг, в августе 1914 г. направлен в миссию в Копенгагене. — 431, 509, 588, 675, 741, 761

Дмитрокопуло — 163

Доброгорский — 391

Догель Михаил Иванович (Янович) (1865–1936) — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — управляющий Юрисконсультской частью МИД. После 1917 года — в эмиграции во Франции. — 758

Долбежев Владимир Васильевич (1873–1968) — российский дипломат. В 1909–1916 гг. — консул России в Чугучаке. — 755

Долгорукая — см. **Долгорукова**.

Долгорукова (Долгорукая) Ольга Петровна (1848–1927) — княгиня, статс-дама. — 566, 571

Доливо-Добровольский Александр Иосифович (1866–1932) — российский морской офицер, дипломат. Участник кругосветного плавания. С 1898 года на дипломатической работе. В 1913–1914 гг. — консул России в Черновцах (Австро-Венгрия). С марта 1917 г. — вице-директор Правового департамента МИД. После Октябрьской революции принял советскую власть, работал в правовом отделе НКИД до переезда советского правительства в Москву (март 1918 г.). — 771, 772

Долматова А.В. — 743

Досифей (Васич) (1878–1945) — митрополит Загребский Сербской православной церкви. С мая 1913 г. — епископ г. Ниш. В годы Первой мировой войны оказывал помощь беженцам. В 1915 году остался в Нише после отступления сербской армии и был интернировал болгарскими оккупационными властями. В 1918 году вернулся в Ниш. — 727

Доэ — 615

Драгумис Ион — греческий дипломат. В 1914–1915 гг. — посланник в России. — 56

Дуглас Людвиг Вильхельм Август — в 1911–1916 гг. — шведский риксмаршал. — 148

Дульсе (Дульсэ) Жан (1865–1928) — французский дипломат. В 1912–1918 гг. — советник посольства в России в ранге посланника. — 126, 127

Дульсэ — см. **Дульсе**.

Думер Поль (1857–1932) — французский государственный деятель. В 1931–1932 гг. — президент Франции. — 102–104, 106, 107

Думерг Гастон (1863–1937) — французский политический и государственный деятель. В 1913–1914 гг. — председатель Совета министров и министр иностранных дел, в 1914–1917 гг. — министр колоний, в 1923 году — председатель Сената, в 1924–1931 гг. — президент Франции. — 303, 309, 313, 318–322, 328, 330–334, 342, 790

Дусманис Виктор (1862–1949) — греческий генерал. В 1915–1916 гг. — начальник Генерального штаба. — 158

Духовецкий — 573

Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — российский военачальник, генерал-лейтенант. С июня 1916 г. — начальник Штаба армий Юго-Западного фронта, с августа 1917 г. — Западного фронта. В сентябре 1917 г. — начальник Штаба верховного главнокомандующего, в ноябре 1917 г. — временно исполняющий обязанности верховного главнокомандующего. Решением СНК отстранен от должности за отказ вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием.

Убит в Ставке (Могилев) в ходе стихийных солдатских выступлений. — 353, 856, 857, 860, 861, 863

Дюрих Йозеф (1847–1927) — чешский политический деятель. В 1916 году, будучи заместителем председателя Чехословацкого национального совета, посетил Россию. — 128

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) — российский церковный и общественный деятель, митрополит (с 1922 года). С сентября 1914 г. по 1916 г. — управляющий церковными делами в Галиции. В 1917 году временно управлял Холмской и Люблинской епархией. С 1920 года — в эмиграции. — 396

Егорьев — 43

Елагина Е.А. — 421

Елизавета Нойвидская (1843–1916) — королева Румынии, вдова румынского короля Карла I, племянница великой княгини Елены Павловны. — 118

Елизавета Федоровна (урожденная принцесса **Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская**) (1864–1918) — великая княгиня, супруга великого князя Сергея Александровича. В 1918 году арестована, казнена по решению Иркутского областного совета. — 745

Емельянов Николай Алексеевич — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — вице-консул России в Призрене (Сербия), в 1915 году — консул в Белграде. — 683, 684, 753

Енгалычев Павел Николаевич (1864–1944) — князь, российский военный, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. С августа 1914 г. — начальник штаба 6-й армии. С декабря 1914 г. по февраль 1917 г. — варшавский генерал-губернатор. — 55

Епифанов Григорий Григорьевич — в 1914–1917 гг. — врач МИД. — 716

Ермолов Николай Сергеевич — российский военный, генерал-лейтенант. В 1914–1916 гг. — военный агент в Великобритании. — 522, 524

Ефимович А.И. — 675

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945) — российский политический и государственный деятель, публицист. Один из создателей Партии мирного обновления, депутат I, III и IV Государственной думы. В 1912–1914 гг. член ЦК партии прогрессистов, один из основателей «Прогрессивного блока». После Февральской революции — министр юстиции и министр государственного призрения Временного правительства. С сентября 1917 г. назначен посланником в Швейцарии, однако верительные грамоты не вручал. Оказывал поддержку Белому движению. — 819, 836, 838

Жеребцов Дмитрий Михайлович — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — чиновник особых поручений при министре иностранных дел. — 740

Жидков — 387

Жонар — см. **Жоннар.**

Жоннар (Жонар) — французский верховный комиссар в Греции в 1917 году. — 828

Жорж-Пико Франсуа (1870–1951) — французский дипломат. В 1914 году — генеральный консул в Бейруте. Один из авторов соглашения между Великобританией и Францией о разделе азиатских владений Османской империи (Соглашение Сайкса-Пико, 1916 год). С апреля 1917 г. по сентябрь 1919 г. — верховный комиссар в Палестине и Сирии. — 120, 121, 123, 126, 257

Жоффр Жозеф Жак Сезар (1852–1931) — французский военачальник, маршал Франции (1916). В 1914–1916 гг. — главнокомандующий французской армией. В декабре 1916 г. назначен военным советником французского правительства. — 150, 159, 302, 311

Жуковская А.А. — 743

Жуковская В.А. — 742, 743

Жуковская М.Ф. — 743

Жуковский Николай Иванович (1877–?) — российский военный. Накануне Октябрьской революции работал в Главном артиллерийском управлении как специалист в области взрывчатых веществ и боеприпасов. — 377, 379

Жуковский С.В. — 743

Жюлиа — 102

Забелло Георгий Парамонович (1864–1946) — российский дипломат. В 1904–1917 гг. —

консул, затем генеральный консул в Риме. В эмиграции в Италии. — 463, 471, 718

Заимис Александрос (1855–1936) — греческий государственный и политический деятель. Неоднократно возглавлял правительство, в 1929–1935 гг. — президент Греции. — 98, 157, 163

Зайончковский Николай Чеславович (1859–1918) — член Совета министра внутренних дел, товарищ обер-прокурора Синода, с 1916 года — сенатор. — 721

Зандрок — 657

Занкевич Михаил Ипполитович (1872–1945) — российский военачальник, генерал-майор. В 1913–1915 гг. командовал 146-м пехотным Царицынским полком, в 1915–1916 гг. — лейб-гвардии Павловским полком, в мае-июне 1916 г. — начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, в июле 1916 г. — феврале 1917 г. — и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба. С июля 1917 г. — представитель в Союзном совете в Париже. Участник Белого движения. В июле 1919 г. — в Ставке адмирала Колчака. В августе-октябре 1919 г. — начальник Штаба Северных армий. С ноября 1919 г. по январь 1920 г. — начальник Штаба Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. С 1920 года — в эмиграции во Франции. — 328, 654

Зарин Леонид Сергеевич — российский дипломат. В 1913–1915 гг. — второй секретарь миссии в Сербии. — 404, 751–753

Зарин Сергей Владимирович — российский дипломат. В 1906–1917 гг. — генеральный консул в Париже. — 718

Засецкая В.А. — 740

Засецкий Константин Александрович — сотрудник МИД. В 1914 году — переводчик VI класса в Первом департаменте, в 1915–1917 гг. — переводчик V класса при политических отделах МИД. — 716, 740

Звездич — 429

Звягинцев — 391

Зейме Алексей Рудольфович — в 1913–1915 гг. — агент Министерства торговли и промышленности России в Нидерландах. — 458, 459

Зейн Франц Александрович (Франц Альберт) (1862–1918) — российский государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1909–1917 гг. — генерал-губернатор Великого княжества Финляндского. — 366, 367

Зилли-Султан — персидский принц, государственный деятель. — 144

Зильбер — секретарь Г.В. Плеханова — 820

Зинкевич — 806

Зиновьев (наст. фамилия **Радомысльский**) **Григорий Евсеевич** (1883–1936) — советский государственный и партийный деятель, революционер. В 1912–1927 гг. — член ЦК партии большевиков. В 1917 году и в 1921–1926 гг. член Политбюро ЦК партии. С декабря 1917 г. — председатель Петроградского совета. — 856

Зиновьев Александр Дмитриевич (1854–1931) — российский государственный деятель. В 1903–1911 гг. губернатор Петербургской губернии. С января 1911 г. — член Государственного совета. С 1914 года — главноуполномоченный Северного района Российского Общества Красного Креста. — 509

Золотарев — 99

Зольф Вильгельм (1862–1936) — германский государственный деятель и дипломат. С ноября 1914 г. — статс-секретарь по делам колоний. В октябре 1918 г. — статс-секретарь по иностранным делам. С июня 1920 г. — поверенный в делах, а в феврале 1921 г. — марте 1928 г. — посол в Японии. — 636, 639

Зотов Михаил Рафаилович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — и.о. помощника секретаря в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе. — 716

Иваненко Е.Ф. — 741

Иванов — 742

Иванов Дмитрий Петрович — 754, 755

Иванов Николай Иудович (1851–1919) — российский военачальник, генерал от артиллерии, генерал-адъютант. В 1914–1916 гг. — главнокомандующий Юго-Западным фронтом, с марта 1916 г. — член Государственного совета, состоял

при Ставке верховного главнокомандующего. В феврале 1917 г. назначен командующим Петроградским военным округом. После отречения Николая II от престола был арестован. Активный участник Белого движения, в октябре 1918 г. — январе 1919 г. — командующий Особой Южной армией. Умер от тифа. — 144, 145, 802

Иващенков П.А. — 478, 482

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) — граф, российский военный дипломат, генерал-майор. В марте 1912–1917 гг. — военный агент во Франции. Одновременно представитель русской армии при французском Генеральном штабе. Перешел на сторону советской власти. — 510

Игнатьев Павел Николаевич (1870–1945) — граф, российский государственный деятель, шталмейстер. В 1912–1915 гг. — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С мая 1915 г. по декабрь 1916 г. — министр народного просвещения. С 1920 года — в эмиграции в Англии. Председатель заграничной организации Российского Общества Красного Креста. — 151, 674, 680, 681

Иенсен Даре — 615

Извольская Маргарита Карловна — супруга посла России во Франции А.П. Извольского. — 22, 421, 664

Извольский Александр Петрович (1856–1919) — российский дипломат, гофмейстер. В 1906–1910 гг. — министр иностранных дел. В 1910–1917 гг. — посол во Франции. После отставки в мае 1917 г. остался во Франции. — 26, 43, 48, 56, 60, 61, 63, 112, 123, 124, 327, 328, 369, 484, 485, 505, 510, 511, 517, 518, 524

Илен — 615

Илиеску — см. **Ильеску.**

Илларионов — 390

Ильеско — см. **Ильеску**.

Ильеску (Илиеску, Ильеско) Думитру (1865–?) — румынский генерал. С 1916 года — начальник Генерального штаба. В 1918–1919 гг. — военный министр. — 130, 150

Ильин Алексей Алексеевич (1858–1942) — российский государственный и общественный деятель, гофмейстер. В 1910–1916 гг. возглавлял Главное управление Российского Общества Красного Креста, с января 1917 г. — член Главного управления Общества. С 1918 года — заведующий секцией нумизматики Академии истории материальной культуры, с 1920 года — заведующий отделом нумизматики и заместитель директора Государственного Эрмитажа. — 604, 676, 725

Империали Гульельмо — маркиз, итальянский дипломат. В 1904–1910 гг. — посол в Турции, в 1910–1920 гг. — посол в Великобритании. — 62, 63, 65, 67, 69, 219, 223, 239

Иноуэ Кацуносуке — маркиз, японский дипломат. В 1913–1916 гг. — посол в Великобритании. — 239

Иованович Иован — сербский политический деятель и дипломат. В годы Первой мировой войны — заместитель министра иностранных дел. — 132, 142, 727

Ионеско — см. **Ионеску**.

Ионеску (Ионеско) Думитру Таке (1858–1922) — румынский политический и государственный деятель. В 1912–1914 гг. — министр внутренних дел, в 1916–1918 гг. — министр иностранных дел. — 82, 113

Ионова А.И. — 743

Исак-Мирза — 144

Ислwoвин Лев Владимирович — российский дипломат. В 1915 — 1917 гг. — посланник в Черногории. — 240

Кавалеро (Каваллеро) — 303, 328

Кавель Эдит Луиза (1865–1915) — британская сестра милосердия. Руководила подпольной организацией на территории оккупированной Бельгии. Расстреляна германскими оккупационными властями. — 247, 253

Каган Е.И. — 675, 677

Казанский Михаил Васильевич (?–1915) — российский дипломат. В 1912–1914 гг. — секретарь консульства в Праге (Австро-Венгрия). В августе 1914 г. направлен в миссию в Христиании. — 434, 438, 736, 737

Казем-Бек Прасковья Александровна — фрейлина. В годы Первой мировой войны — сестра милосердия. — 566, 571

Какламанос Димитриос (1872–1949) — греческий дипломат, публицист и журналист. В 1912–1914 гг. — поверенный в делах Греции в Италии, в 1914–1915 гг. — директор Политического департамента МИД, в 1915–1916 гг. — поверенный в делах Греции в России, в 1916 году — советник миссии во Франции, посланник в США, в 1917 году — посланник в России, с октября 1917 г. — в Швеции. — 98

Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — российский военачальник, генерал от кавалерии. В годы Первой мировой войны командовал 12-м корпусом, с мая 1916 г. — 8-й армией Юго-Западного фронта, в мае 1917 г. от должности отстранен. В июне 1917 г. избран атаманом Донского казачьего войска. С декабря 1917 г. — вошел в состав «Донского гражданского совета» (триумвирата) — руководящего антибольшевистского центра на Юге России. Возглавлял на Дону антисоветский вооруженный мятеж. Не получив поддержки казачества в ходе наступления советских войск, сложил с себя полномочия атамана и застрелился. — 845

Калери Александр Александрович — сотрудник МИД. В 1916–1917 гг. — помощник секретаря во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716, 764

Калишевский Анатолий Иосифович (1870–1937) — российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1915 году состоял в резерве чинов при управлении дежурного генерала штаба 6-й армии. В 1917 году — в распоряжении начальника Генерального штаба. В феврале 1917 г. — начальник эвакуационного и по заведованию военнопленными отдела Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). С февраля по март 1917 г. — начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, с апреля 1917 г. — начальник эвакуационного и по заведованию военнопленными отдела ГУГШ. В сентябре 1917 г. — представитель на Международной конференции по делам о военнопленных в Копенгагене. Участвовал в Белом движении. С 1921 года — в эмиграции в США. Основатель и председатель Общества русских офицеров в Лос-Анджелесе. — 675, 680–682

Калогеропуло Николас — греческий политический деятель. В 1916 году — премьер-министр. — 163, 164

Каль Виктор Федорович — российский дипломат. В 1913–1917 гг. — генеральный консул в Салониках. — 414, 762

Камбон Поль (1843–1924) — французский дипломат. В 1898–1920 гг. — посол в Великобритании. — 123, 180, 219, 223, 225, 239

Каменев — см. **Камнев Степан Константинович**.

Каменев (наст. фамилия **Розенфельд) Лев Борисович** (1883–1936) — советский партийный и государственный деятель, революционер-большевик. В 1917 году занимал пост председателя ВЦИК. Участник переговоров в Брест-Литовске. С сентября 1918 г. — член Президиума ВЦИК, председатель Моссовета в 1918–1926 гг. В 1923–1926 гг. заместитель председателя СНК СССР, в 1923–1924 гг. — заместитель председателя, в 1924–1926 гг. — председатель СТО. В 1923–1926 гг. — директор Института Ленина, затем на дипломатической и административной работе. — 856

Каммерер — 328

Камнев (Каменев) Степан Константинович — сотрудник МИД. В 1915 году причислен к Отделу печати, в 1916 году — помощник секретаря Отдела печати. — 631, 717

Камюс — 303

Кандауров Леонтий Дмитриевич (1880–1936) — российский дипломат. В 1913–1915 гг. — вице-консул, с сентября 1917 г. — консул в Париже. — 422, 423

Каниц — см. **Кауниц.**

Каншин Сергей Анатольевич — российский дипломат. В августе-сентябре 1914 г. работал в миссии в Швейцарии. — 447

Капнист — 43

Карасев Константин Алексеевич — российский дипломат. В 1911–1914 гг. — консул в Любеке, в 1917 году — сотрудник Дипломатической канцелярии при Ставке. — 692, 693, 772

Кардолинский Вацлав фон — российский внештатный консульский агент в Данциге в 1895–1914 гг. — 729

Карден Секвилл Гамильтон (1857–1930) — британский адмирал. В 1914–1915 гг. — командующий британскими и французскими военно-морскими силами в Средиземном море. — 216

Кардо-Сысоев Константин Николаевич (1870–1942)– российский военный врач, доктор медицины, офтальмолог. В 1912–1914 гг. — заведующий глазной станцией войск Варшавского военного округа. В 1915 — начале 1917 гг. находился в германском плену. В 1917 году — окружной окулист Московского военного округа. — 657, 663

Карелин — 594, 743

Каркана — см. **Каркано**.

Каркано (Каркана) Паоло (1843–1918) — итальянский политический деятель. В 1914–1917 гг. — министр казначейства. — 301

Карл — см. **Кароль I**.

Карл I (1887–1922) — в 1916–1918 гг. — император Австрии и король (под именем Карла IV) Венгрии из династии Габсбургов. В ходе революции 11 ноября 1918 г. отрекся от престола в Австрии, 13 ноября — в Венгрии. — 827

Карл Оскар Вильгельм (1861–1951) — шведский принц, герцог Вестергетландский, третий сын короля Оскара II. В 1906–1945 гг. — председатель национального Общества Красного Креста. — 137, 567, 677

Карлотти Андреа (1864–1920) — маркиз, итальянский дипломат. В 1913–1918 гг. — посол в России. — 24, 39, 40, 42, 44, 48, 49, 57, 62–65, 67–70, 72–79, 82, 84, 87, 91, 110, 114, 115, 128, 141, 143, 154, 156–158, 160, 162, 163, 167, 313, 322, 328, 342

Карльстедт — 449

Каройи (Карольи) Михай (1875–1955) — граф, венгерский политический деятель. В ноябре 1918 г. — январе 1919 г. — премьер-министр Венгрии, в январе — марте 1919 г. — первый президент Венгрии. — 167

Кароль I (Карл I) (1839–1914) — с 1881 года — король Румынии, из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. — 28, 170

Карольи — см. **Каройи**.

Карп Петре (1837–1919) — румынский государственный деятель. В 1900–1901 гг. и 1911–1912 гг. — председатель Совета министров. — 82, 113

Карпенко И. — 741

Картахена — см. **Морило и Перес Анибал, граф де Картахена, маркиз де ла Пуэрта.**

Касаткина Н.П. — 743

Кастельно Ноэль Жозеф Мари Эдуард де (1851–1944) — французский военачальник, дивизионный генерал. В 1915–1917 гг. — начальник Штаба главнокомандующего Ж. Жоффра. — 303, 309, 328, 331, 333, 342

Катаржи Михаил Иванович — сотрудник МИД. В 1915 году причислен ко Второму (Ближневосточному) политическому отделу, в 1916 году — к Первому политическому отделу МИД. — 773

Катенин А.А. — 566, 571

Катерининов — 804

Като Такааки (1860–1926) — японский государственный деятель. В 1914–1915 гг. — министр иностранных дел. — 51

Кауниц (Каниц) Георг фон — граф, германский военный. В годы Первой мировой войны — военный атташе Германии в Персии. — 867

Квессель Людвиг (1872–1931) — германский социал-демократ, журналист, публицист. — 640

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — российский государственный и политический деятель. Депутат IV Государственной думы. Во Временном правительстве — министр юстиции (март-май 1917), военный и морской министр (май-сентябрь 1917), с июля 1917 г. — министр-председатель, с сентября 1917 г. — верховный главнокомандующий. С 1918 года — в эмиграции. — 345, 348, 673, 694, 803, 807, 809, 811, 815, 816, 818, 822–824, 826–828, 831, 832, 837, 838, 840–845, 847, 849, 851–855, 863

Кессель Николай Константинович — сотрудник МИД. С 1915 года исполнял обязанности помощника секретаря во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716

Кизельбаш М.К. — 433

Кирилл Владимирович (1876–1938) — великий князь, внук Александра II, сын великого князя Владимира Александровича. — 97–101, 790

Китченер Горацио Герберт (1850–1916) — граф, британский фельдмаршал. В 1914–1916 гг. — военный министр. — 86, 142, 486, 520, 521, 523, 524

Клайв — 328

Клейнмихель Мария Эдуардовна (1846–1934) — графиня, хозяйка великосветского салона в Петербурге. — 24

Клембовский — 836

Клементель Этьен (1864–1936) — французский государственный и политический деятель, художник, фотограф. Депутат Национального собрания, сенатор (1920). В 1905–1924 гг. неоднократно входил в состав правительства, в 1916–1920 гг. — министр торговли. Основатель Международной торговой палаты. — 757

Клерк — 328

Клестов Н. — 743

Клименко Сергей Алексеевич — российский дипломат. В 1913–1915 гг. — секретарь генерального консульства в Салониках. — 415

Клингберг — 865

Клингенберг Ингвар — 412

Клицанда — 851

Клубок — 396

Князьков Сергей Александрович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — сотрудник Государственного и Петроградского главного архива МИД. — 717

Коанда Константин (1857–1932) — румынский генерал. В 1916 г. — военный представитель Румынии при Ставке верховного главнокомандующего. В 1918 г. возглавлял румынское переходное правительство. — 156

Кобулов (Кобулашвили) Соломон (?–1829) — князь, сотрудник миссии в Персии, погиб с А.С. Грибоедовым во время погрома миссии фанатичной толпой. — 736

Кобургский принц — см. **Фердинанд I Кобургский**.

Ковалевский Евграф Петрович (1865–1941) — российский политический и общественный деятель. Депутат III и IV Государственной думы. — 53

Козаков Григорий Александрович (ок. 1871–1918) — российский дипломат, камергер. В 1914–1915 гг. — советник (начальник) Четвертого (Дальневосточного) политического отдела МИД.–107, 513, 755

Кокардо-Николенко — 665

Колбецкий Дмитрий Владимирович — российский дипломат. В 1916 году — секретарь консульства в Нью-Йорке, в 1917 году — делопроизводитель Департамента общих дел МИД. — 599, 619, 699, 708

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — российский военно-морской и государственный деятель, адмирал, исследователь Севера, гидролог. В 1916–1917 гг. командовал Черноморским флотом. После Октябрьской революции — один из руководителей Белого движения. В 1918–1920 гг. — «Верховный правитель российского государства». Возглавлял борьбу с советской властью в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Выдан руководством Чехословацкого корпуса Иркутскому Политическому центру, затем большевикам. Расстрелян по постановлению Иркутского ВРК. — 818, 840

Колышко Иосиф Иосифович (1861–1938) — русский прозаик, драматург, публицист. — 861

Комисарова М.Ф. — 744

Кондзеровский Петр Константинович (1869–1929) — российский военный, генерал-лейтенант. В 1914–1917 гг. — дежурный генерал при верховном главнокомандующем. С апреля 1917 г. — член Военного совета. — 724

Кондоянаки Г.И. — 736

Коновалов Александр Иванович (1875–1949) — российский политический деятель, предприниматель. Товарищ председателя IV Государственной думы.

Один из организаторов партии прогрессистов (1912). В 1915–1917 гг.— товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, в марте-мае и сентябре-октябре 1917 г.— министр торговли и промышленности Временного правительства, с июля 1917 г.— член ЦК партии кадетов. С 1918 года — в эмиграции. — 345, 348

Константин I (1868–1923) — в 1913–1917 гг., 1920–1922 гг. — король Греции. — 163, 166, 826

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — российский военачальник, генерал от инфантерии. Участник русско-японской войны. В начале Первой мировой войны командир 1-й бригады 49-й пехотной дивизии, затем начальник 48-й пехотной дивизии. Во время Горлицкого прорыва в апреле 1915г. был ранен, попал в плен, бежал в июле 1916 г. С сентября 1916 г.— командир 25-го корпуса. В марте 1917 г. Николаем II назначен командующим войсками Петроградского военного округа. С апреля 1917 г. командовал 8-й армией, затем Юго-Западным фронтом. В июле 1917 г. назначен верховным главнокомандующим. Выступая за решительное усиление государственной власти вплоть до введения диктатуры, организовал вооруженное выступление против Временного правительства. В сентябре 1917 г. арестован. После Октябрьской революции бежал на Дон. Один из создателей и руководителей Добровольческой армии. Убит в бою. — 804, 814, 815, 821, 831, 833, 836–838, 842–845, 850–852, 854, 860, 862, 863

Корольков Михаил Яковлевич — в 1914–1916 гг. сотрудник Государственного и С.-Петербургского/Петроградского главного архива. — 717

Коростовец А.К. — 741

Коростовец Владимир Константинович — сотрудник МИД. В 1914–1916 гг. — помощник секретаря в Первом политическом отделе и Канцелярии министра. — 716

Коростовец Иван Яковлевич (1862–1933) — российский дипломат. На службе в МИД с 1884 года. Служил в миссиях в Китае, Бразилии, Португалии. В 1902 году назначен генеральным консулом в Бушире (Персия). В 1905 году — секретарь российской делегации на мирных переговорах в Портсмуте. С марта 1906 г. — вице-директор Первого департамента МИД. В 1908–1911 гг. — посланник в Китае. В 1914–1915 гг. — посланник в Персии. С июля 1915 г. — член Совета МИД. После Октябрьской революции — в эмиграции в Китае, затем — во Франции. — 14, 322, 324, 820, 863

Косвен Марк Осипович (1885–1967) — российский и советский этнограф, историк. В годы Первой мировой войны работал в отделе по делам военнопленных Российского Общества Красного Креста. В 1917 году командирован на конференцию по делам военнопленных в Копенгагене. После Октябрьской революции продолжил службу в военно-санитарном ведомстве Красной Армии. — 675, 677, 678, 680

Коссиковская Э.И. — 740

Костинеско — см. **Костинеску.**

Костинеску (Костинеско) — румынский политический деятель. В годы Первой мировой войны — министр финансов. — 83

Котляров Иван Васильевич — сотрудник МИД. В 1914 году — переводчик IX класса в Первом департаменте, в 1915–1916 гг. — причислен ко Второму (Ближневосточному) политическому отделу, исполнял обязанности секретаря VIII класса. — 716, 740

Котлярова Р.И. — 740

Кохманский Николай Венцеславович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — генеральный консул России в Битоли (Сербия), в 1917 году — делопроизводитель Отдела о военнопленных МИД. — 675

Кочкарев — 606, 750

Коэн Эммануил (псевдоним — **Макс Коэн**) (1876–1963) — германский политический деятель. В 1908–1914 гг. — член муниципального совета во Франкфурте-на-Майне, в 1912–1918 гг. — депутат Рейхстага. — 640

Крадек — см. **Радек**.

Красильщиков Борис Николаевич — 566

Красильщикова Зоя Алексеевна — 566

Кратиров Алексей Николаевич — российский дипломат. В 1912–1915 гг. — вице-консул в Гаммерфесте (Норвегия). — 741

Кратиров Николай Николаевич — в 1913–1915 гг. — сотрудник Второго департамента МИД России. — 368

Краубнер — 413

Крессон — 575, 657

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) — российский государственный деятель. В 1908–1915 гг. возглавлял Главное управление землеустройства и земледелия. — 31, 32

Кривцов Алексей Николаевич (1852–?) — российский государственный деятель. В 1915–1917 гг. возглавлял Чрезвычайную следственную комиссию для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками. — 529, 647

Кригер-Войновский — см. **Войновский-Кригер**.

Кристи Е.Ф. — супруга консула России в Христиании Х.П. Кристи. — 666

Крупенский Анатолий Николаевич (1850–1923) — российский дипломат. В 1912–1915 гг. — посол в Италии. С апреля 1915 г. — член Государственного совета, состоял в ведомстве МИД. После Октябрьской революции — в эмиграции в Италии. — 57, 716, 717

Крупенский Василий Николаевич (1868–1945) — российский дипломат. С 1912 года — посланник в Китае, в 1916–1917 гг. — посол в Японии. После Октябрьской революции остался в Японии. С 1921 года в эмиграции во Франции. — 717

Крупенский Павел Михайлович — сотрудник МИД. В 1916 году — помощник секретаря Первого политического отдела. — 716

Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) — российский государственный деятель, сенатор. В 1911–1917 гг. — государственный секретарь. С января 1917 г. — член Государственного совета. После Октябрьской революции — в эмиграции. — 152

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — советский государственный и военный деятель. В октябре 1917 г. — член Петроградского ВРК. В 1917–1918 гг. — нарком — член Комитета по военно-морским делам, верховный главнокомандующий. С 1918 года — прокурор РСФСР, с 1931 года — нарком юстиции РСФСР, с 1936 года — нарком юстиции СССР. — 856, 857, 859, 863

Крылов — 658

Крылов Вячеслав Владимирович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. сотрудник Третьего (Среднеазиатского) политического отдела. — 716

Крылова А. — 717

Крылова Ант. — 717

Ксения Александровна (1875–1960) — великая княгиня, сестра Николая II, супруга великого князя Александра Михайловича. — 745, 761

Кудашев Иван Александрович (1859-?) — князь, российский дипломат, шталмейстер. С сентября 1910 г. по февраль 1916 г. — посланник в Бельгии и Люксембурге, с февраля 1916 г. по март 1917 г. — посол в Испании. С марта 1917 г. — в отставке. — 244, 245, 352, 362, 363, 459

Кудашев Николай Александрович (1868–1921) — князь, российский дипломат, камергер. В 1912–1914 гг. — советник посольства в Австро-Венгрии, в 1914–1916 гг. — директор Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего, в 1916–1917 гг. — посланник в Китае. В эмиграции во Франции. — 25, 40, 42, 53, 67, 69, 70, 76, 80, 101, 106, 116, 117, 156, 159, 211, 212, 237, 239, 367, 385, 483, 484, 512, 513, 519, 524, 561, 565, 717, 747, 748

Кузмина А.С. — 744

Кузмичев — 744

Кузнецов Н.Н. — 478, 482

Кузнецов Степан — 503

Кузьминский Владимир Васильевич (1863–?) — российский чиновник. В 1914–1917 гг. — товарищ министра финансов. — 622, 781

Кулябко-Корецкий Николай Иванович (1855–1924) — российский общественный деятель. В 1903–1905 гг. — корреспондент «Русских ведомостей» в Швейцарии, Болгарии.

В 1910–1915 гг. — издатель и редактор газет в Ставрополе, Гомеле и Петербурге. — 796

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — российский военный деятель, генерал-адъютант. В 1898–1904 гг. военный министр, в 1904–1905 гг. — командующий Маньчжурской армией. В 1915–1916 гг. — командир Гренадерского корпуса. В 1916 году — командующий Северным фронтом, в 1916–1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор. — 52, 137

Кутепов Георгий Николаевич — российский дипломат. В 1915 году прикомандирован к Второму (Ближневосточному) политическому отделу МИД. — 740

Кутепова Н.Н. — 744

Кучин — 842

Кэнси А.И. — 744

Кюлбергер — 88, 89

Кюльман Рихард (1873–1948) — германский дипломат. В 1908–1914 гг. — советник посольства в Великобритании, в 1915–1916 гг. — посланник в Нидерландах, в 1916–1917 гг. — посол в Турции, в 1917–1918 гг. — статс-секретарь иностранных дел, возглавлял германскую делегацию при заключении Брест-Литовского (Брестского) мирного договора 1918 года и Бухарестского мирного договора 1918 года — 352

Ла Гиш де — см. Лагиш.

Лагиш Пьер де (Ла Гиш де) — французский генерал. В 1912–1914 гг. — военный агент в России. С сентября 1914 г. по май 1916 г. — глава французской военной миссии при Ставке верховного главнокомандующего. — 55

Лаговари Иван — 83

Ла-Гюонэ — 303

Лаевская М.А. — 744

Лаказ Мари-Жан-Люсьен (1860–1955) — французский вице-адмирал. В 1914 году — командир эскадры на Средиземном море. В 1915–1917 гг. — морской министр. — 301

Ламберт Сесил (1864–1928) — британский адмирал. В 1913–1917 гг. занимал должности четвертого лорда Адмиралтейства и лорда-заседателя Адмиралтейского комитета. В 1917 году — командующий 2-й эскадрой легких крейсеров Гранд-Флита. В сентябре 1917 г. командовал Эгейской эскадрой. — 292

Ламе де — испанский дипломат. В 1915–1916 гг. — вице-консул в Льеже (Франция). — 461

Ланг — 387

Ланглуа — 328

Лансинг Роберт (1864–1928) — американский государственный деятель, дипломат, юрист. В 1914–1915 гг. — советник Госдепартамента, в 1915–1920 гг. — госсекретарь. — 235, 237

Лапшин Василий Константинович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — причислен к политическим отделам, исполнял обязанности помощника заведующего регистратурой. — 716

Латур-де-Бернгард Э.В. де — 740

Лебедева А.А. — супруга российского вице-консула в Хакодате Е.Ф. Лебедева. — 738, 742

Левашов Сергей Васильевич (1857–1919) — российский государственный и общественный деятель, профессор медицины. Председатель фракции правых в IV Государственной думе. — 53

Левицкий — 447

Левкиевский Евгений Вячеславович — российский дипломат. В 1913 году — переводчик в генеральном консульстве в Тегеране, в 1914–1917 гг. — секретарь консульства в Кермане (Персия), в 1917 году — дипломатический чиновник IX класса, прикомандирован к штабу 1-го Кавказского кавалерийского корпуса. — 14, 772

Левошко Я. П. — член совета Скобелевского комитета в 1916 г. — 561

Лейбук У.О. — 571

Леконт Раймон — французский дипломат. В годы Первой мировой войны — посланник Франции в Персии. — 867

Ленин (наст. фамилия **Ульянов) Владимир Ильич** (1870–1924) — российский и советский политический и государственный деятель, революционер, один из главных создателей РКП (б).

В апреле 1917 г. вернулся из эмиграции в Петроград, провозгласил в «Апрельских тезисах» курс на социалистическую революцию. В октябре 1917 г. возглавил руководство вооруженным восстанием в Петрограде. На втором всероссийском съезде Советов избран председателем СНК, одновременно с 1918 г. — председатель Совета рабочей и крестьянской обороны (с 1919 г. — СТО). Сыграл решающую роль в заключении Брестского мира. — 715, 813, 816, 817, 832, 834, 854–856, 858, 860–862

Леонтьев Максим Николаевич (1871–1948) — российский генерал. В 1913–1914 гг. — военный агент в Турции, в 1915–1916 гг. исполнял должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, в 1917 году назначен военным агентом в Греции. — 124, 561, 581, 588, 590–593

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — русский поэт. — 397

Лермонтов Сергей Александрович — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — посланник в Королевстве Вюртемберг. — 740, 744

Лермонтова М.А. — 740, 744

Лерхенфельд Густав фон — 732

Лилиевалька — 443

Лиман фон Сандерс Отто (1855–1929) — германский генерал от кавалерии. В 1913–1918 гг. — глава военной миссии в Турции. — 207, 211

Линден — 373

Линдлей Фрэнсис Освальд (1872–1950) — британский дипломат. В 1915–1917 гг. — советник посольства Великобритании в России. В 1918–1919 гг. — поверенный в делах Великобритании в России. — 848, 849, 858–861

Лисенко — 373

Лифшиц А.Б. — 435, 437

Лихачев Сергей Александрович — российский дипломат. В 1907–1917 гг. — генеральный консул в Монреале. — 718

Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — британский государственный и политический деятель, один из лидеров Либеральной партии. В 1908–1915 гг. — министр финансов, в 1916–1922 гг. — премьер-министр Великобритании. — 301–303, 315, 318

Ловягин Александр Евграфович — российский дипломат. В 1912–1915 гг. — генеральный консул в Христиании. — 411

Лодыженский Иван Николаевич (1872–1931) — российский государственный деятель. С 1910 года — помощник статс-секретаря Государственного совета и помощник управляющего делами Совета министров, в 1914–1917 гг. — управляющий. Одновременно с 1915 года и.о. заместителя наместника на Кавказе в высших государственных установлениях. С февраля 1917 г. — сенатор. После Февральской революции уволен. В эмиграции в Болгарии. — 124, 256, 526, 598, 612, 750

Ломоносов Юрий Владимирович (1876–1952) — российский инженер-железнодорожник, основоположник тепловозостроения. В годы Первой мировой войны — член Инженерного совета Министерства путей сообщения. В июне 1917 г. направлен в США для закупки паровозов. В ноябре 1920 г. назначен уполномоченным СНК по железнодорожным заказам за границей. — 704

Лонгинова Н.А. — 744

Лопухин Владимир Борисович (1871–1941) — российский дипломат. В 1914 году — делопроизводитель V класса в Первом департаменте МИД, исполняющий обязанности вице-директора Первого департамента, в 1916 году — вице-директор Первого департамента. Одновременно с сентября 1916 г. — управляющий делами Особой комиссии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, в также семей раненых и павших воинов. В 1917 году — директор Департамента общих дел. — 385, 478, 482, 707, 708, 716, 760, 761, 765, 771, 772, 784, 785, 788

Лорис-Меликов Иосиф Григорьевич (1872–1948) — российский дипломат. В 1914 г. — апреле 1916 г. — первый секретарь посольства в США. С мая 1916 г. — поверенный в делах и генеральный консул в Сиаме в ранге посланника. В эмиграции во Франции. — 718

Лоу (Эндрю) Бонар (1858–1923) — английский государственный и политический деятель.

В 1915–1916 гг. — министр по делам колоний, в 1916–1918 гг. — министр финансов, в 1919–1921 гг. — лорд-хранитель печати. В 1922–1923 гг. — премьер-министр Великобритании. — 757

Лоудон — 617

Лузанов Петр Михайлович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. причислен к Отделу печати МИД, в 1916 году призван на военную службу. — 631

Лундберг — 865

Луциус фон — см. **Штедтен.**

Лысаковский Александр Иосифович — российский дипломат. В 1914 году — чиновник особых поручений V класса при министре иностранных дел. С марта 1916 г. — управляющий Отделом печати, в июле-ноябре 1917 г. — министр-резидент в Ватикане. — 519, 520, 579, 582, 587, 606

Лысенко Иван Карпович — сотрудник МИД. В 1914–1916 гг. — канцелярский служитель 2-го разряда во Втором департаменте МИД. — 716

Львов Владимир Николаевич (1872–1930) — российский государственный и политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы. В марте-августе 1917 г. — обер-прокурор Синода во Временном правительстве. В 1920–1922 гг. — в эмиграции. — 345, 348, 673, 844

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, российский политический деятель. Депутат I Государственной думы. В годы Первой мировой войны — председатель Всероссийского земского союза и один из руководителей Земгора. После Февральской революции 1917 года — глава двух первых составов Временного правительства, министр внутренних дел. С 1918 года — в эмиграции. — 345, 348, 673, 800, 801, 810, 819, 820, 828

Львов Николай Николаевич (1867–1944) — российский политический деятель. Один из основателей «Союза освобождения», партий мирнообновленцев и прогрессистов. Депутат I, II, и IV Государственной думы. Товарищ председателя IV Государственной думы. С 1920 года в эмиграции. — 823

Люба Борис Викторович — сотрудник МИД. В 1916 году — и.о. помощника секретаря в Четвертом (Дальневосточном) политическом отделе. — 716

Любомирский Станислав — польский аристократ. — 126

Лютш — 744

Лютш Яков Яковлевич (1854-?) — российский дипломат, востоковед. В 1911–1921 гг. — генеральный консул в Сеуле. — 718

Маврокордато Георгий Дмитриевич — князь, российский дипломат. В 1913–1914 гг. — секретарь генерального консульства в Будапеште. Отозван в связи с началом войны и направлен в посольство во Франции. — 421

Мадельштам — 442

Маджаров Михаил — болгарский дипломат. В 1914–1915 гг. — посланник в России. — 41, 91, 93–95

Майдель Владимир Николаевич фон (1864–?) — барон, российский военачальник, генерал-майор. В 1914–1915 гг. — начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады, командир 1-й кавалерийской дивизии. В августе 1915 г. — сентябре 1916 г. — в резерве при штабе Двинского военного округа. В октябре 1916–1917 г. — в распоряжении начальника Генерального штаба. С января 1918 г. — в распоряжении начальника штаба Кавказского фронта. Служил в Красной армии. — 865

Майен — 657

Майореско — см. **Майореску**.

Майореску (Майореско) Титу (1840–1917) — румынский политический деятель. В 1912–1914 гг. — председатель Совета министров и министр иностранных дел. — 113

Макаров Александр Александрович (1857–1919) — российский государственный деятель. С 1912 года — член Государственного совета. В 1916 году — министр юстиции. — 153

Макаров Юрий Владимирович — российский дипломат. В 1914 году — делопроизводитель VIII класса в Департаменте личного состава и хозяйственных дел МИД, в 1915–1916 гг. делопроизводитель VIII класса в Первом департаменте. — 716

Макарова М.А. — 740

Макензен Август фон (1849–1945) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1915). Участник Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций, Горлицкого прорыва, сербской и румынской кампаний. — 729

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) — российский государственный деятель, гофмейстер. В 1913–1915 гг. — министр внутренних дел. В 1915 — 1917 гг. — член Государственного совета. Расстрелян. — 795, 799, 800

Макушин — 417

Малевский-Малевич Николай Андреевич (1856–?) — российский дипломат, гофмейстер. В 1908–1916 гг. — посол в Японии. — 50, 107

Малет — см. **Маллет**.

Маллет (Малет) Луи — британский дипломат. В 1913–1914 гг. — посол в Турции. — 41

Мальмберг (?–1829) — ординатор военного госпиталя, сопровождал российскую миссию до Тегерана. Погиб с А.С. Грибоедовым во время погрома миссии фанатичной толпой. — 736

Мамулов Иосиф Гаврилович — сотрудник МИД. В 1915 году — канцелярский чиновник Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД, направлен в миссию в Сербии в качестве внештатного переводчика. — 753

Мандельштам Андрей Николаевич — российский дипломат. В 1913 году — первый драгоман посольства в Турции. Отозван в связи с началом войны. — 513, 828

Мансуров Павел Борисович — в 1913–1915 гг. — директор Московского Главного архива МИД. — 14, 735, 771

Мануилов — см. **Мануйлов.**

Мануйлов (Мануилов) Александр Аполлонович (1861–1929) — российский ученый, экономист, политический деятель. В 1914–1917 гг. — председатель Экономического совета Всероссийского союза городов. В марте-июле 1917 г. — министр народного просвещения Временного правительства. С июля 1917 г. — ординарный профессор Московского университета. В 1918 году — профессор МГУ и Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В 1919–1920 гг. — консультант народного комиссара финансов РСФСР, с 1924 года — член совета Государственного банка. — 345, 348, 673, 799

Маргиломан Александр — румынский политический и государственный деятель. В 1911–1912 гг. — министр внутренних дел, в 1912–1913 гг. — министр финансов. — 83, 113

Маржери Пьер Брюно Франсуа Мари Жакен де (1861–1942) — французский дипломат. В 1914–1919 гг. — директор Политического департамента МИД. — 162, 163, 303, 523

Марисов Александр Николаевич — сотрудник МИД. В 1916 году — кандидат для занятия штатной должности в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе. — 716

Мария (урожденная принцесса **Саксен-Кобург-Готская**) (1875–1938) — супруга короля Румынии Фердинанда, внучка российского императора Александра II, сестра великой княгини Виктории Федоровны. — 99

Мария Павловна (урожденная принцесса **Мария Александрина Элизабета Элеонора Мекленбург-Шверинская**) (1854–1920) — великая княгиня, супруга великого князя Владимира Александровича. — 83, 745, 806

Мария Федоровна (урожденная принцесса **Мария София Фредерика Дагмара)** (1847–1928) — российская императрица, супруга императора Александра III, мать императора Николая II. С 1919 года в эмиграции сначала в Великобритании, затем в Дании. — 443, 454, 507, 744, 843

Марк В.А. — 419

Маркозов В.В. — 566, 569, 571

Маркони — 521

Марсенго — 128

Мартини де — см. **Мартино Джакомо де**.

Мартино (Мартини) Джакомо де — итальянский дипломат. В 1913–1920 гг. — генеральный секретарь МИД. — 63

Мартос Николай Николаевич (1858–1933) — российский генерал. В августе 1914 г. командовал 15-м корпусом в составе 2-й армии

генерала А.М.Самсонова в Восточной Пруссии. Взят в плен, содержался в лагерях для военнопленных под Берлином, после Февральской революции заключен в крепость Кюстрин. В начале 1918 года отправлен в Россию. Участвовал в Белом движении, эмигрировал. — 367

Масальский Владимир Николаевич (1860–1940) — князь, российский генерал. С 1914 года — и.д. инспектора артиллерии 1-го армейского корпуса. В апреле 1916 г. — и.д. инспектора артиллерии 7-й армии. С апреля 1917 г. — инспектор артиллерии Румынского фронта, в марте 1918 г. — уволен в запас. Участник Белого движения. С 1920 года — в эмиграции во Франции. — 851

Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) — чехословацкий государственный и политический деятель. Первый президент Чехословакии в 1918–1935 гг. — 128, 602, 603

Масленникова В.Е. — 677, 679

Маслов — 744

Маслов Николай Николаевич — российский дипломат. В 1914 году — делопроизводитель VI класса в Департаменте личного состава и хозяйственных дел МИД, в 1915–1916 гг. делопроизводитель VI класса в Первом департаменте. — 478, 482, 716

Матвеев Михаил Петрович — сотрудник МИД. В 1914–1916 гг. — причислен к Отделу печати МИД, в 1916 году призван на военную службу. — 631

Мейендорф Михаил Феликсович — барон, российский дипломат. В 1913–1915 гг. — первый секретарь миссии в Дании. — 431, 741

Мейер — 729

Мейер Ганс (1858–1929) — германский путешественник, исследователь Восточной Африки. — 639

Мейндорф — см. **Мейендорф.**

Мекк Надежда Петровна фон — 741

Меликов Соломон (?–1829) — князь, сотрудник российской миссии в Персии, погиб с А.С. Грибоедовым во время погрома миссии фанатичной толпой. — 736

Мельников Павел Алексеевич — российский дипломат. В 1908–1914 гг. — генеральный консул в Бордо, в 1914–1915 гг. — генеральный консул в Копенгагене. — 450, 457

Мельхиор — 433

Менсдорф Карл — 622

Метакс — см. **Метаксас.**

Метаксас (Метакс) Иоаннис (1871–1941) — греческий государственный и политический деятель, генерал. В 1914 году назначен заместителем начальника Генерального штаба, выполнял функции офицера связи между Константином I и командованием германской и австро-венгерской армиями. В 1936–1941 гг. — премьер-министр. — 158

Миллер Александр Яковлевич — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — дипломатический агент и генеральный консул в Монголии, в июне 1916 г. — апреле 1917 г. — политический агент в Бухаре. — 225, 230

Милнер (Мильнер) Альфред (1854–1925) — британский государственный деятель. В 1916–1918 гг. — министр без портфеля, в 1916–1917 гг. — представитель на союзных конференциях в Риме и Петрограде. — 309, 313, 317–319, 321, 322, 328–334, 342, 790, 794

Милорадович — 109

Мильеран Александр (1859–1943) — французский государственный деятель. В 1914–1915 гг. — военный министр. В 1919–1920 гг. — верховный комиссар Эльзас-Лотарингии; в 1920 году председатель Совета министров, в 1920–1924 гг. — президент Франции. — 517

Мильнер — см. **Милнер**.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — российский политический и общественный деятель, публицист, историк. С 1907 года — председатель ЦК Конституционно-демократической партии, член III и IV Государственной думы, руководитель кадетской фракции. С марта по май 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. Эмигрировал во Францию. — 53, 343–346, 669, 670, 673, 682–684, 796, 800, 801, 804, 809, 810, 816, 818–821, 823, 825, 826, 840, 845, 854

Минорский Владимир Федорович — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — второй секретарь посольства в Турции, с ноября 1915 г. — первый секретарь миссии в Персии. — 124, 864

Мирко Дмитрий Петрович Негош (1879–1918) — князь Черногории, великий воевода Грахово и Зета, сын короля Николы I Петровича Негоша. — 249

Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, брат Николая II, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В годы Первой мировой войны командовал туземной кавалерийской дивизией, 2-м Кавказским кавалерийским корпусом, затем — генерал-инспектор кавалерии. После отречения от престола Николая II также отрекся от прав на престол. По постановлению СНК выслан на жительство в Пермь, затем расстрелян. — 343, 798, 800, 803, 804, 842

Мишотт де Вель — бельгийский дипломат. В годы Первой мировой войны — посланник в Сербии. — 751

Модейски фон — 387

Моллер — 865

Молоковин — 392

Монахов Николай Иванович — в 1914–1916 гг. — архитектор МИД. — 716

Монев Михаил — 66

Монкевиц Николай Августович (1869–1926?) — российский военачальник, генерал. В июне-июле 1914 г. — 1-й обер-квартирмейстер и исполняющий должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. С ноября 1914 г. по июнь 1916 г. — начальник штаба 30-го армейского корпуса. В июне 1916 г., октябре-декабре 1917 г. — командир 71-й пехотной дивизии. С июля 1916 г. по октябрь 1916 г. — начальник штаба 47-го армейского корпуса. С мая 1917 г. — начальник штаба 4-й армии. С июня 1918 г. — в эмиграции во Франции. — 30, 373, 374

Морило и Перес Анибал, граф де Картахена, маркиз де ла Пуэрта (1865–1929) — испанский дипломат. В 1915–1916 гг. — посол в России. — 575

Москалев Л.Л. — 675

Москопуло (1854–1942) — греческий генерал. В августе-ноябре 1916 г. — начальник Генерального штаба. — 157, 158

Мосолов Александр Александрович — российский чиновник, генерал-лейтенант. В 1915 году — начальник Канцелярии министра императорского двора и уделов. — 740

Мосулишвили Л. — 717

Мотоно — баронесса, супруга И. Мотоно. — 740, 744

Мотоно Ихиро — барон, японский дипломат. В 1906–1916 гг. — посол в России. — 50, 51, 110, 132, 140, 294, 295

Мочульский — 472, 474, 476, 477

Муравьев Валериан Николаевич — российский дипломат, в 1914–1916 гг. — секретарь Второго (Ближневосточного) отдела МИД и вице-директор Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего. В марте 1916 г. назначен чиновником особых поручений при министре иностранных дел. В 1915–1916 гг. — министр земледелия. Поддерживал Белое движение. С 1920 года в эмиграции. — 54, 151, 385, 386, 407, 409, 724, 747, 748

Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) — российский военный, подполковник. Во время выступления Керенского — Краснова в ноябре 1917 г. — начальник обороны Петрограда. В 1918 году — главнокомандующий войсками Восточного фронта, возглавил вооруженное выступление против советской власти в Симбирске. Убит при аресте. — 854

Мурин — 396

Муромцев Михаил Иванович — российский дипломат. В 1914 году — вице-директор Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, в 1914–1916 гг. — член Совета министерства, и.о. вице-директора Первого департамента, преподаватель международного права в Учебном отделении восточных языков. — 478, 482, 716

Муромцева Е.Д. — 742, 744

Муррей Арчибальд — британский военачальник, генерал. В 1914–1916 гг. — помощник начальника, начальник Генерального штаба, в 1916–1917 гг. — командующий войсками египетского фронта. — 100

Мустоуфи-эль-Мемалек — персидский государственный деятель. В 1914–1915 гг. — премьер-министр Персии. — 864

Муханов Илья Дмитриевич — российский дипломат, камер-юнкер. В 1914–1915 гг. — и.о. секретаря консульства в Питсбурге. — 754

Мыслицкий Николай Григорьевич (1870–?) — российский военный, генерал-майор. В годы Первой мировой войны служил в Генеральном штабе, после Октябрьской революции — в РККА. — 566, 571

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — российский политический деятель и публицист, юрист, один из лидеров Конституционно-демократической партии. С сентября 1915 г. делопроизводитель в Главном штабе. После Февральской революции — управляющий делами Временного правительства. В мае 1917 г. подал в отставку, продолжал работать в Юридическом совещании при Временном правительстве. Член Учредительного собрания. С ноября 1918 г. — министр юстиции Крымского краевого правительства. С 1919 года в эмиграции в Париже, затем в Берлине. Возглавлял комитет Общества помощи русским гражданам, являлся одним из организаторов Русского парламентского комитета в Берлине. Погиб, оказывая сопротивление при покушении на П.Н. Милюкова офицеров-монархистов. — 673

Набоков Константин Дмитриевич (1872–1927) — российский дипломат. В 1912–1915 гг. — генеральный консул в Калькутте, в 1915 году — генеральный консул в Лондоне, затем советник посольства в Великобритании, с декабря 1916 г. исполнял обязанности поверенного в делах России. С мая 1917 г. в ранге посланника. В эмиграции в Норвегии. — 572, 715, 717

Навашин Дмитрий Сергеевич (1889–1937) — российский общественный деятель, юрист, экономист. В 1917 году — вице-председатель Российского Общества Красного Креста. С 1921 года возглавлял советские банки в Париже. С 1930 года — в эмиграции. — 675, 678, 681, 682

Надеждина М.М. — 744

Нани Мочениго Джованни Баттиста (1877–1968) — граф, итальянский дипломат. В 1916–1917 гг. — советник посольства в России. — 806

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) — французский полководец и государственный деятель, в 1804–1814 гг. и в марте-июне 1815 г. французский император. — 814, 833, 841, 844

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873) — французский император в 1852–1870 гг., племянник Наполеона I. — 129

Напьерский Евгений Карлович — сотрудник МИД. В 1914 году — младший чиновник при Канцелярии министра, в 1915–1916 гг. — причислен младшим чиновником к Цифирному отделению Первого политического отдела и Канцелярии министра. — 716

Наумов Александр Николаевич (1868–1950) — российский государственный деятель. В ноябре 1915 г. — августе 1916 г. — министр земледелия. Поддерживал Белое движение. — 152

Негош Петр Раде см. — **Петр I Петрович Негош**.

Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1934) — российский дипломат, камергер. В 1904–1911 гг. — советник посольства во Франции, в 1911–1913 гг. — посланник в Болгарии, в 1913–1917 гг. — посланник в Швеции. В мае–августе 1917 г. — посол в Испании. В эмиграции во Франции. — 88, 89, 108, 113, 116, 134–137, 140, 141, 292, 293, 443, 484, 570, 717

Неклюдов Петр Анатольевич — российский дипломат. В 1912–1914 гг. — третий секретарь Канцелярии МИД, в 1914–1916 гг. — секретарь VII класса Первого политического отдела и Канцелярии министра иностранных дел. — 845

Неклюдова В.В. — сестра А.В. Неклюдова. — 445, 665

Неклюдова Н.В. — супруга А.В. Неклюдова. — 443, 445, 665

Некрасов Владимир Иванович (1873–1923) — российский дипломат. С ноября 1916 г. — сотрудник Отдела печати, с июня 1917 г. —

сотрудник Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД. — 716, 818–821, 838, 843

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — российский политический деятель. Депутат III и IV Государственной думы. Во время Первой мировой войны — один из руководителей Земгора. В марте — июле 1917 г. — министр путей сообщения Временного правительства, в сентябре 1917 г. — генерал-губернатор Великого княжества Финляндского. — 345, 348, 448, 673

Некрашевич Георгий Михайлович (1865–1942) — российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1914–1915 гг. — начальник штаба 27-го армейского корпуса. В 1915–1916 гг. — генерал для поручений при командующем 10-й армией. В 1916–1917 гг. — командир 1-й Туркестанской стрелковой дивизии. — 732

Нелидов Георгий (Юрий) Александрович (1874–?) — российский дипломат. С июля 1914 г. по март 1916 г. — управляющий Отделом печати МИД, в 1916–1917 гг. — внештатный чиновник особых поручений V класса. — 716

Нелидов Дмитрий Александрович (1863–1935) — российский дипломат. В 1912–1916 гг. — посланник в Ватикане, в марте 1916 — ноябре 1917 гг. — посланник в Бельгии и Люксембурге. В эмиграции во Франции. — 715, 718

Немитц Александр Васильевич (1879–1967) — российский контр-адмирал. В 1914–1915 гг. служил в Ставке верховного главнокомандующего. В 1915–1917 гг. — командир подразделений на Черном море. С августа 1917 г. — командующий Черноморским флотом. Перешел на сторону советской власти. — 204

Ненюков Дмитрий Всеволодович (1869–1929) — российский военно-морской деятель. В 1915–1916 гг. — начальник Морского управления Ставки верховного главнокомандующего. — 211

Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938) — российский дипломат, гофмейстер. В 1911–1917 гг. — товарищ министра иностранных дел. С 1916 года — член Государственного совета. В 1920 году приказом главнокомандующего вооруженными силами Юга России генерала П.Н. Врангеля назначен главой российской дипломатической миссии в Константинополе. После окончания Гражданской войны — в эмиграции. — 26, 29, 30, 34, 43, 59, 62, 76, 77, 84, 85, 91, 101, 122, 124, 131, 153–155, 157, 158, 163, 165–167, 300, 301, 309–311, 313, 322, 328, 342, 366–368, 376, 379, 379, 447, 448, 484–486, 503–505, 510–512, 561, 562, 573, 582, 596, 623, 627, 689, 690, 703, 716, 734, 756, 765, 766, 770, 771, 820

Нератов Николай Владимирович — сотрудник МИД. В 1914–1915 гг. — сотрудник Второго (Ближневосточного) политического отдела. — 764

Никитин — 391

Никитин — 745

Никитин Алексей Максимович (1876–1939) — российский государственный и политический деятель. В июле-августе 1917 г. — министр почт и телеграфов, в сентябре-октябре 1917 г. — внутренних дел Временного правительства, член Директории. Участник Белого движения. — 706, 851

Никитина А.А. — 744

Никифоров Д.П. — 421

Никола I Петрович Негош (1841–1921) — в 1860–1910 гг. — князь, в 1910–1918 гг. — король Черногории. — 160, 197, 233, 240, 249

Николаев В.В. — 741

Николай II (1868–1918) — в 1894–1917 гг. российский император. В августе 1915 г. возложил на себя обязанности верховного главнокомандующего русской армией. 2 марта 1917 г. отрекся от престола за себя и сына. По постановлению Временного правительства арестован, выслан вместе с семьей в Тобольск, затем в Екатеринбург. Расстрелян по постановлению Уральского областного совета. — 27, 28, 31, 33, 65, 70, 74, 117, 118, 143, 145, 146, 160, 178, 184, 210, 213, 217, 218, 240, 260, 299, 301, 305, 343, 361, 385, 477, 511, 519, 536, 540, 543, 561, 599, 728, 736, 800, 802, 806, 810, 828, 839, 856, 862

Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича, генерал от инфантерии.

В 1909–1917 гг. — председатель русского исторического общества. После Октябрьской революции арестован, с 1918 года содержался в Петропавловской крепости, расстрелян. — 103, 104, 788, 790

Николай Николаевич (младший**)** (1856–1929) — великий князь, внук Николая I, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), генерал от кавалерии. С августа 1914 г. по сентябрь 1915 г. — верховный главнокомандующий, с сентября 1915 г. по март 1917 г. — наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. С 1919 года — в эмиграции. — 54, 59, 60, 67, 76, 77, 83, 101, 128, 161, 179, 322, 789

Никольский Александр Петрович (1851–?) — российский государственный деятель, статс-секретарь. Член Государственного совета с 1908 года. В 1910–1916 гг. — представитель наместника императора на Кавказе в высших государственных законодательных учреждениях. В 1909–1910 гг. и 1916 году — член Финансовой комиссии Государственного совета. — 124

Никольсон Артур (1849–?) — лорд, британский дипломат. В 1910–1916 гг. — помощник статс-секретаря по иностранным делам. — 520

Нистром — 865

Нобель Эммануил Людвигович (1859–1932) — шведский нефтепромышленник и инженер. В 1888–1917 гг. возглавлял предприятия семьи Нобелей в России. — 443

Новомейский Феликс Северинович — российский дипломат. В 1915–1916 гг. — секретарь VIII класса в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе МИД. — 717

Новоселов — 658

Нодо — 598

Нольде Борис Эммануилович (1873–1919) — барон, российский дипломат. В 1914–1916 гг. возглавлял Юрисконсультскую часть МИД, в 1916–1917 гг. — директор Второго департамента, товарищ министра иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1919 года — в эмиграции. — 143, 145, 373, 374, 472, 477, 513, 771, 804, 828, 831

Нордман Николай Николаевич — российский экономист, историк. В июне–октябре 1917 г. — директор Экономического департамента МИД. — 704

Нюман Александр Эдуардович — российский дипломат. В 1914 году — делопроизводитель VII класса в Департаменте личного состава и хозяйственных дел, в 1915–1916 гг. — делопроизводитель VI класса в Первом департаменте МИД. — 716

Нюман В.П. — 744

Обновленский — 387

Образский А.Г. — 744

Овчинников Иван Александрович (1865–1917) — российский военачальник, генерал-лейтенант, юрист. В годы Первой мировой войны руководил Центральным справочным бюро о военнопленных при Российском Обществе Красного Креста. — 373, 374, 509, 566, 569–571, 588, 592, 593, 675, 678

Ознобишин Дмитрий Иванович (1869–1956) — российский военный, генерал-майор. В 1917 году — помощник военного агента в Швейцарии. В эмиграции во Франции. — 679

Окума Шигенобу (1838–1922) — граф, японский государственный деятель, дипломат. С апреля 1914 г. по июль 1915 г. и с августа 1915 г. по октябрь 1916 г. — премьер-министр и, одновременно, с апреля по декабрь 1914 г. — министр внутренних дел, в 1915 году — министр иностранных дел. — 51

Олесницкий (Алесницкий) Алексей Акимович — российский дипломат. В 1914 году причислен к Первому департаменту, в 1915–1916 гг. — причислен к Третьему (Среднеазиатскому) политическому отделу МИД, исполнял обязанности секретаря VIII класса. — 717

Олтаржевский — 668

Олферьев Василий Васильевич — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — секретарь консульства в Кенигсберге (Германия). Отозван в связи с началом войны. В 1914 году состоял в распоряжении главнокомандующего Юго-Западным фронтом. В 1915–1916 гг. — вице-консул в Бургасе (Болгария). — 393, 397

Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932) — принц, внук принца Георга Ольденбургского и вел. кн. Екатерины Павловны, генерал от инфантерии. С мая 1896 г. — член Государственного совета, с марта 1914 г. — сенатор. С сентября 1914 г. — верховный начальник санитарной и эвакуационной части. В марте 1917 г. уволен. С 1917 года — в эмиграции в Финляндии, с 1918 года — во Франции. — 733

Ону Александр Михайлович (1865–1935) — российский дипломат. С 1889 года на службе в канцелярии Государственного совета. С сентября 1917 г. — генеральный консул в Лондоне. В эмиграции в Великобритании. — 718

Ону Андрей Михайлович (1881–1950) — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — секретарь VII класса Канцелярии министра иностранных дел. С апреля 1917 г. — поверенный в делах России в Швейцарии. — 718

Ону Константин Михайлович (1875–1935) — российский дипломат. В 1915 году — первый секретарь миссии в Нидерландах. В 1916–1917 гг. — советник посольства в США. — 718

Ордин Борис Кесаревич (1866–?) — российский государственный и общественный деятель, историк, гофмейстер. В годы Первой мировой войны — член Главного управления РОКК, член Совета министра императорского двора, помощник заведующего канцелярией императрицы Александры Федоровны и управляющего делами августейших детей. Входил в состав правлений многих благотворительных организаций. — 566, 571

Орлов — 513

Орлов Алексей Николаевич — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — кандидат для занятия штатной должности в Первом департаменте МИД. — 716

Орловский — 417

Остафьев Алексей Петрович — российский дипломат. В 1912–1914 гг. — советник МИД. — 740, 744

Островский Дмитрий Николаевич — российский дипломат. В 1899–1914 гг. — генеральный консул в Данциге. — 728, 733

Павлов Г.Л. — 382, 772

Павлов И.В. — 509

Павлова М.М. — 744

Павлович Юрий Николаевич — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — вице-консул в Берлине. В августе 1914 гг. направлен в генеральное консульство в Стокгольме. — 379, 382, 444, 446

Пален Владимир Анатольевич фон дер — барон, российский дипломат. В 1914–1916 гг. — секретарь VII класса в Первом политическом отделе и Канцелярии министра иностранных дел. — 716

Пален Е.М. — 744

Палеолог Жорж Морис (1859–1944) — французский дипломат. В 1912–1914 гг. — директор Политического департамента МИД, в 1914–1917 гг. — посол в России. — 27, 39, 44, 50, 55, 59–61, 70, 73, 75, 80, 81, 87, 91, 97, 99, 102, 121, 123, 124, 129, 130, 148–150, 154, 155, 161, 178, 213, 256–259, 326–328, 342, 517

Палье — 844

Памерский Евгений Карлович — 716

Панаева Л.А. — 744

Панас — греческий дипломат. В 1916–1917 гг. — посланник в Петрограде. — 166

Пантин Николай Иванович — 362

Папаригопуло Дмитрий Александрович — сотрудник МИД. В 1915 году исполнял обязанности кандидата для занятия штатной должности в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе, в 1916 году — кандидат для занятия штатной должности во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716

Парумбаро — см. **Порумбару.**

Пашич Никола (1845–1926) — сербский государственный и политический деятель. В 1913–1918 гг. — председатель Совета министров и министр иностранных дел. — 91, 131, 132, 142, 240, 356

Пащенко Григорий Евгеньевич — 716

Пелехин Борис Павлович — российский дипломат. В июле 1915 г. — первый секретарь миссии в Черногории, в августе 1915 г. направлен в миссию в Сербии в Ниш. С марта 1916 по октябрь 1917 г. — временный поверенный в делах России в Сербии. — 356

Пенк Альбрехт (1858–1945) — немецкий ученый, геоморфолог и географ. В 1906–1926 гг. — директор Института географии и океанологии Берлинского университета. — 732

Пенлеве Поль (1863–1933) — французский государственный деятель. В 1915–1916 гг. — министр просвещения и изобретений, в марте — сентябре 1917 г. — военный министр. В 1917 году и 1925 году — премьер-министр Франции. — 303

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944) — российский политический и государственный деятель. В мае-июле 1917 г. — министр юстиции Временного правительства. С 1920 года — в эмиграции. — 348, 816

Перовская В.Б. — 745

Персиани Е.Н. — 744

Пессис — 388

Петр I Великий (1672–1725) — русский царь с 1682 года, первый российский император (с 1721 года). — 90

Петр I Карагеоргиевич (1844–1921) — король Сербии (1903–1918 гг.) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1918 г.). С июня 1914 г. был фактически отстранен от власти принцем-регентом Александром I Карагеоргиевичем и до августа 1921 г. был королем лишь номинально. — 157

Петр I Петрович Негош (Негош Петр Раде) (1747–1830) — с 1782 года — духовный митрополит и светский правитель Черногории. — 157

Петров Владимир Андреевич (1884–?) — российский дипломат. В 1912–1916 гг. — второй секретарь посольства в Италии. — 402

Петров Владимир Григорьевич — российский чиновник. В 1917 году — вице-директор Департамента государственных земельных имуществ Министерства земледелия. — 675

Петров Федор Никитич — сотрудник МИД. В 1916 году — помощник секретаря в Четвертом (Дальневосточном) политическом отделе МИД. — 716

Петряев Александр Михайлович (1874–1933) — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — генеральный консул и комиссар в европейской контрольной комиссии в Албании, с марта 1916 г. по июль 1917 г. — советник Второго (Ближневосточного) политического отдела МИД, с июля по октябрь 1917 года — товарищ министра иностранных дел. Примкнул к Белому движению. В эмиграции во Франции. — 15, 124–127, 131, 309, 310, 312, 313, 693–695, 705, 706, 716, 740, 762, 774, 785, 834, 934

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) — российский общественный и политический деятель, публицист, один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. В июне-сентябре 1917 г. — министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьской революции — член «Союза возрождения России». В 1922 году выслан за рубеж. — 348

Пико — см. **Жорж-Пико.**

Пишон Жюль (1877 — после 1945) — французский военный деятель. В 1914–1916 гг. — военный атташе в Румынии. — 150

Плансон-Ростков Георгий (Егор) Антонович (1859–1937) — российский дипломат. В 1910–1916 гг. — посланник в Сиаме. С октября 1916 г. — посланник в Швейцарии. После Октябрьской революции остался за границей. — 740

Плансон-Росткова Е.А. — 740

Плансон-Росткова М.И. — 744

Платер Зиберт — см. **Платер-Зиберг.**

Платер-Зиберг (Платер Зиберт) — 740

Племянников Вадим Николаевич — 362

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — российский политический деятель, философ, теоретик марксизма. Создатель первой российской марксистской группы «Освобождение труда». С 1880 года — в эмиграции. В 1905–1907 гг. выступал против вооруженной борьбы

с самодержавием. В годы Первой мировой войны — оборонец, один из руководителей группы «Единство». В 1917 г. вернулся в Россию, поддержал Временное правительство. Выступал за буржуазно-демократический путь развития, против курса и тактики большевиков на социалистическую революцию. — 813, 814, 816, 820, 830

По Поль-Мари-Сезар-Жеральд (1848–1932) — в годы Первой мировой войны — французский дивизионный генерал. — 55, 59

Погенполь Николай Васильевич (?–1916) — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — советник посольства в Италии. — 35

Поклевский — см. **Поклевский-Козелл.**

Поклевский-Козелл (Поклевский) Станислав Альфонсович (1868–1937) — российский дипломат. В 1913–1917 гг. — посланник в Румынии. — 35–39, 77 79, 87, 101, 118, 146, 153, 156, 297, 299, 369, 383, 561, 718

Покровская Е.И. — 761

Покровский Николай Николаевич (1865–1930) — российский государственный деятель. В 1906–1914 гг. — товарищ министра финансов, с 1914 года — член Государственного совета, в 1916 году — Государственный контролер, с ноября 1916 г. по март 1917 г. — министр иностранных дел. — 304–306, 309–311, 313, 318, 319, 321, 322, 326–328, 330, 331, 333, 334, 342, 352, 355, 756–758, 760, 761, 765, 790, 794, 795, 798, 801

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) — российский военный деятель, генерал-лейтенант. С января 1912 г. — член Государственного совета. С июня 1915 г. — управляющий делами Военного министерства. С сентября 1915 г. по март 1916 г. — военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. После Февральской революции 1917 г. — председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов. В 1920 году — член Особого совещания при Главкоме Красной армии. Советский военный эксперт при заключении советско-польского мирного договора 1920 года. — 122, 737, 752

Политис — 167

Поло Бернабе Луис де (1854–1929) — испанский дипломат. В 1906–1920 гг. — посол в Германии. — 367, 519, 549, 574, 575

Половцев — см. **Половцов.**

Половцов (Половцев) Александр Александрович (1867–1944) — российский дипломат, шталмейстер. С октября 1916 г. по март 1917 г. — товарищ министра иностранных дел, принимал участие в союзных конференциях. В эмиграции во Франции. — 622, 623, 630, 654, 671, 676, 677, 756, 758, 834

Поляков А.П. — 740

Поляков Александр Яковлевич — российский дипломат. В 1914 году — третий секретарь, в 1915–1916 гг. — секретарь VIII класса в Первом политическом отделе и Канцелярии министра иностранных дел. — 716

Поляновский Зиновий Михайлович — российский дипломат. В 1909–1914 гг. — консул в Кенигсберге. — 731, 732

Пономарев Андрей Павлович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — секретарь VIII класса Отдела печати МИД. — 631, 717

Попов — 391

Попов Михаил Михайлович — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — вице-консул в Харбине. — 740

Поппиус — 568

Порро Карло (1854–1939) — итальянский военный и политический деятель, генерал. В 1915–1917 гг. — заместитель начальника Генерального штаба. С 1916 года — сенатор. — 302, 303

Порумбару (Парумбаро) Эммануил (1845–1921) — румынский государственный и политический деятель. В 1914–1916 гг. — министр иностранных дел. — 157

Потапов Александр Васильевич — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. исполнял обязанности заведующего регистратурой при политических отделах. — 716

Потоцкая С.Н. — 433

Потоцкий Сергей Николаевич (1877–1954) — российский военный дипломат, генерал-майор.

В 1914–1916 гг. — военный агент в Бельгии и Нидерландах. В 1917 году — военный агент в Дании. — 679

Похвиснев В.Б. — 570

Пребенсен Николай Кристиан Грове — норвежский дипломат. В 1907–1917 гг. посланник в России. — 159

Прейскер — германский офицер, военный комендант г. Калиш (Царство Польское). — 367, 388

Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934) — российский военачальник, генерал-лейтенант. С декабря 1908 г. — начальник Кубанской пластунской бригады. С началом военных действий на Кавказском театре Первой мировой войны одновременно возглавил Кагызманский отряд. С февраля 1915 г. — командир 2-го Туркестанского армейского корпуса. С апреля 1917 г. — командующий Кавказской армией, с мая 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Участник Белого движения, в 1918 году командовал добровольческими войсками на Кавказе. — 772, 865

Привалов Андрей Андреевич — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — делопроизводитель VII класса в Государственном и Петроградском главном архивах МИД. — 717

Приклонская Н.А. — 744

Приклонский Михаил Григорьевич (1864–1944) — российский дипломат. До августа 1914 г. — генеральный консул в Будапеште. С сентября 1916 г. — управляющий Особым политическим отделом МИД. В мае 1917 г. назначен в посольство в Швеции. После Октябрьской революции остался в Швеции. — 599

Притвиц — см. **Приттвиц-унд-Гаффрон фон**.

Приттвиц-унд-Гаффрон фон — германский дипломат. В 1912–1914 гг. — секретарь посольства в России. — 34

Прозоркевич — 865

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) — российский политический и общественный деятель. Председатель правления Совета Всероссийских кооперативных съездов (1917). В июле-сентябре 1917 г. — министр торговли и промышленности, в сентябре-октябре — министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьской революции работал во Всероссийском комитете помощи голодающим (Помголе). В 1922 году выслан за границу. — 852

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — российский общественный и государственный деятель. Депутат III и IV Государственной думы, октябрист, член «Прогрессивного блока». В 1916 году — симбирский губернатор, основатель и редактор газеты «Русская воля» (1916–1917 гг.). С сентября 1916 г. — управляющий, в декабре 1916 г. — феврале 1917 г. — министр внутренних дел. В феврале 1917 г. арестован за попытку подавления революционных выступлений в Петрограде. Расстрелян по приговору ВЧК. — 741, 790, 794–796, 799, 806

Протопопов Евгений Сергеевич — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — вице-консул в Вене. Отозван в связи с началом войны. — 426

Протопопов Сергей Александрович — российский дипломат, в 1915 году — консул в Венеции. — 403

Пташник Федор Викторович — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — консул в Буэнос-Айресе. — 763

Пуанкаре (Пуанкарэ) Раймон (1860–1934) — французский государственный деятель, дипломат. В 1913–1920 гг. – президент Франции, в 1912–1913 гг., 1922–1924 гг. и 1926–1929 гг. — премьер-министр Франции. — 27, 70, 84, 118, 155, 168

Пуанкарэ — см. **Пуанкаре**.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — российский политический деятель. Один из лидеров Союза русского народа, Союза Михаила Архангела, крайне правых во II–IV Государственной думе. Участник убийства Г.Е. Распутина. После Октябрьской революции — участник Белого движения. Умер от тифа. — 176, 746, 842

Пурталес Фридрих (1853–1928) — граф, германский дипломат. В 1907 — 1914 гг. — посол в России, в 1914–1918 гг. — советник МИД, с 1918 года — в отставке. — 27, 29, 30, 33, 34

Пустовойтенко М.С. — 598

Пустошкин Константин Павлович — российский дипломат. В 1914 году — генеральный консул в Яссах (Румыния). В 1915–1916 гг. — генеральный консул в Неаполе. — 405

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — русский поэт, драматург, прозаик. — 397

Раддавей — 744

Радек (наст. фамилия **Собельсон**) **Карл Бернгардович (Крадек)** (1885–1939) — деятель международного социал-демократического движения (Польша, Германия), советский партийный и государственный деятель. В 1919–1924 гг. — член ЦК РКП (б). В 1920–1924 гг. — член Исполкома Коминтерна. С 1925 года — ректор Коммунистического университета трудящихся Востока. — 861

Радкевич Андрей Александрович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — чиновник особых поручений VI класса при министре иностранных дел. — 35, 716, 744

Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (наст. имя и фамилия — **Радко Русков Дмитриев**) (1859–1918) — болгарский и российский военный деятель, генерал от инфантерии. После вступления Болгарии в войну на стороне Германии принял российское подданство. В 1914 году принят на российскую службу и назначен командиром 8-го армейского корпуса 8-й армии, затем — командующим 3-й армией. С марта 1916 г. — командующий 12-й армией. С июля 1917 г. — в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. — 814

Радович — 157

Радославов Васил (1854–1929) — болгарский политический деятель. В 1913–1918 гг. — премьер-министр Болгарии. — 66, 91, 93, 94, 157

Радрин — см. **Радугин.**

Радугин (Радрин) Леонид Степанович — сотрудник МИД. В 1915 году исполнял обязанности секретаря VIII класса во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. В 1916 году — секретарь VIII класса там же. — 716, 717

Раевский Александр Николаевич — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — заведующий регистратурой в Первом департаменте МИД. — 716

Раевский Борис — 657

Райхесберг — 447

Ранкин — 742

Распутин (наст. фамилия **Новых) Григорий Ефимович** (1869–1916) — крестьянин Тобольской губернии, получивший известность «прорицаниями» и «исцелениями». Оказывая помощь больному гемофилией наследнику российского престола цесаревичу Алексею Николаевичу, приобрел доверие императрицы Александры Федоровны и императора Николая II. Близость Распутина к престолу дискредитировала монархию и способствовала росту оппозиционных настроений. Убит Ф.Ф. Юсуповым, В.М. Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем. — 790

Рафалович Е.Я. — 744

Рафалович Николай Львович — российский финансист. Член правления Русско-Азиатского банка. — 421

Рафалович С.Л. — 421

Ревелиоти Леонтий Харлампиевич — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — вице-консул в Калькутте, в 1917 году — управляющий Отделом денежных переводов и ссуд МИД. — 478, 482, 706

Ревелсток Джон (1863–1929) — британский банкир. В 1898–1929 гг. — директор Банка Англии. — 303, 313, 317, 322, 328, 330, 342

Ревентера — 677

Ревентлов Эрнст (1869–1943) — германский политический деятель, журналист. — 635

Рейман — 127, 128

Рейнке М.М. — 419

Ренер — 722, 723

Реньо Эжен Луи Жорж — французский дипломат. В 1914–1917 гг. — посол в Японии. — 50, 51

Репнин Дмитрий Вадимович — князь, сотрудник МИД. В 1915 году причислен к Первому политическому отделу и Канцелярии министра иностранных дел, в 1916 году — кандидат для занятия штатной должности во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716

Ржевусский Александр Людомирович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. причислен к Отделу печати МИД. — 631

Рибо Александр (1842–1923) — французский государственный деятель. В 1914–1917 гг. — министр финансов, с марта по сентябрь 1917 г. — председатель Совета министров и министр иностранных дел, в сентябре-ноябре 1917 г. — министр иностранных дел. — 321

Риза-Хан — см. **Риза-Хан Мирза.**

Риза-Хан (Риза Хан) Мирза — в 1916 году — преподаватель персидского языка в Учебном отделении восточных языков МИД. — 717

Ризов Димитр (1862–1918) — болгарский политик, дипломат. В 1915–1918 гг. — посланник в Германии. — 794

Роберос — см. **Робертс.**

Робертс (Роберос) — в 1915–1916 гг. — преподаватель английского языка в Учебном отделении восточных языков МИД. — 717

Робертсон Уильям (1860–1933) — британский генерал. В 1915–1918 гг. — начальник Генерального штаба. — 303

Робинзон — 743

Родд Реннель — британский дипломат. В 1908–1919 гг. — посол в Италии. — 520, 521

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — российский политический деятель, гофмейстер, один из лидеров октябристов. В 1911–1917 гг. — председатель III и IV Государственной думы. С февраля 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной думы. После 1917 г. находился при Добровольческой армии. С 1920 года — в эмиграции в Югославии. — 53, 178, 673, 795, 797, 798, 800, 801, 820

Родзянко Сергей Николаевич (1878–1949) — российский государственный и политический деятель. Член Государственной думы с 1912 года. Состоял во фракции «Союза 17 октября», в комиссиях по военным и морским делам, по рабочему и переселенческому вопросу. — 726

Родионова — 744

Рождественская Н.Я. — 744

Романова — 677

Романовский Георгий (Юрий) Дмитриевич (1877 — ок. 1939) — российский военный деятель, генерал-майор. С мая по сентябрь 1917 г. — и.д. начальника Генерального штаба. — 691, 832

Ромей-Лонгена — итальянский генерал. В 1917 году — представитель Италии на Петроградской союзной конференции. — 328

Рополо — см. **Ропполо.**

Ропполо (Рополо) Е. — в 1913–1917 гг. — военный агент Италии в России, во время Первой мировой войны — при Штабе верховного главнокомандующего. — 80

Ростковский Александр Аркадьевич (1860–1903) — российский дипломат. В 1895–1903 гг. — консул в Битоли (Турция), убит во время Ильинденского восстания одним из османских охранников консульства. — 736

Рощаковская М.С. — 741, 744

Рудановский Василий Константинович (?–1932) — российский дипломат. В 1907–1917 гг. — консул на Мальте. В эмиграции во Франции. — 14, 759

Руджери-Ладерки Паоло — итальянский генерал. В феврале 1917 г. — представитель Италии на Петроградской союзной конференции. — 309, 342, 349

Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — российский военачальник, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного и Военного советов. В годы Первой мировой войны — командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, 6-й отдельной армией, а затем главнокомандующий армиями Северо-Западного и Северного фронтов. С апреля 1917 г. — в отставке. Расстрелян как заложник. — 800, 804, 805

Рукавишников Василий Иванович — российский дипломат. В 1915–1916 гг. — старший советник посольства в Италии. — 740

Рум Эрнест Нестор (1858–1941) — французский государственный деятель. В 1914–1917 гг. — генерал-губернатор французского Индокитая. — 152

Румянцев — 445

Русин Александр Иванович (1861–1956) — российский адмирал. В 1914–1917 гг. — начальник Морского генерального штаба, одновременно с 1915 года — помощник морского министра, с 1916 года — начальник Морского штаба верховного главнокомандующего. С июня 1917 г. в отставке. После Октябрьской революции в эмиграции, возглавлял Всезарубежное объединение русских морских организаций. — 26, 39, 43, 313, 322, 328, 342, 747

Сабанин Андрей Владимирович — российский, советский дипломат. В 1913–1914 гг. — делопроизводитель VII класса Второго департамента, в 1915 году — делопроизводитель VI класса Второго департамента МИД. Принял советскую власть, в 1920–1937 гг. заведующий Экономическо-правовым (с 1931 года Правовым) отделом НКИД РСФСР (с 1923 года НКИД СССР). — 13, 736, 737

Саблер (с декабря 1915 г. — **Десятовский**) **Юрий Владимирович** (1876-?) — российский дипломат, камер-юнкер. В 1913–1915 гг. — первый секретарь посольства в Болгарии. С марта 1917 г. по май 1917 гг. — первый секретарь посольства в США. — 93, 94

Савинков Борис Викторович (1879–1925) — российский политический деятель, публицист, писатель. В 1903–1917 гг. — один из руководителей «Боевой организации» партии эсеров. В июле-сентябре 1917 г. — управляющий Военным министерством. После октября 1917 г. участвовал в Белом движении. Эмигрировал. Арестован в 1924 году во время нелегальной поездки в Россию. Покончил жизнь самоубийством. — 843

Савинский Александр Александрович (1868–1937) — российский дипломат, шталмейстер. В 1905–1911 гг. — директор Канцелярии МИД, в 1911–1913 гг. — посланник в Швеции, в 1913–1915 гг. — посланник в Болгарии. После 1917 года — в эмиграции во Франции. — 22, 93–95

Савов Сава Панайотов — болгарский военачальник, генерал. В 1914–1915 гг. — маршал двора и флигель-адъютант царя Фердинанда I. С октября 1916 г. по август 1917 г. командовал 5-й Дунайской пехотной дивизией. — 78

Садиков — 421, 425

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — российский государственный деятель и дипломат, гофмейстер. На службе в МИД с 1883 года. Работал в посольстве в Великобритании и в США. В 1906–1909 гг. — министр-резидент, затем — посланник (лично) в Ватикане. С июня 1909 г. — товарищ министра иностранных дел. С 1913 года — член Государственного совета. С ноября 1910 г. — министр иностранных дел. В июле 1916 г. отправлен в отставку. В январе 1917 г. назначен послом в Великобритании, но в должность не вступил. Входил в состав правительств И.А.Деникина и А.В.Колчака, был их представителем на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В эмиграции с 1919 года. — 24–45, 48, 50–64, 67–72, 74–81, 83–85, 87–98, 100–105, 107–112, 115–117, 120, 121, 124, 126, 128, 129, 132, 134–137, 139–141, 143–148, 151–153, 168, 175, 176, 180, 181, 183, 184, 205, 211, 213–217, 231, 237, 240, 241, 243–245, 254, 257–259, 261, 287, 288, 294, 295, 313, 322, 328, 333, 334, 342, 357, 369, 376, 383, 385, 438, 485, 486, 490, 509, 510, 512, 513, 518, 519, 524, 525, 536, 537, 560, 574, 575, 594, 595, 608, 659, 708, 719, 725, 726, 733, 735–739, 742, 744, 748, 752, 753, 761, 795, 854

Сазонова Анна Борисовна — супруга С.Д. Сазонова. В годы Первой мировой войны — председатель Комитета Красного Креста по обмену и эвакуации военнопленных калек через Швецию. — 509, 733, 738, 739, 742, 744, 754, 761

Сазонова М.М. — 744

Сайкс Марк (1879–1919) — британский дипломат. Один из авторов соглашения между Великобританией и Францией о разделе азиатских владений Османской империи (Соглашение Сайкса-Пико, 1916 год). — 120–123

Саймон Джон Олсбрук (1873–1954) — британский государственный деятель. В 1915–1916 гг. — министр внутренних дел. — 122

Сакович В.А. — 478, 482

Саландра Антонио (1853–1931) — итальянский государственный деятель. В 1914–1916 гг. — председатель Совета министров. — 63, 231, 520

Салтанэ ала-ус — 864, 866

Сальвиати Александр Григорьевич — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — генеральный консул в Фиуме (Австро-Венгрия). — 412, 413, 423

Самойло — 59, 62

Самохоткина Л.Г. — 754

Сан-Джулиано Антонино (Патерно-Кастелло) — маркиз, итальянский политический деятель. В 1910–1914 гг. — министр иностранных дел. — 39, 72

Сапари — см. **Цапари**.

Сапожников Алексей Васильевич (1868–1935) — российский генерал. В 1914 г. и 1916 г. — заведующий отделом Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства. В 1915–1916 гг. руководил деятельностью Русского заготовительного комитета в США. — 377, 379

Сарайль — см. **Саррайль**.

Саррайль Морис Поль Эммануэль (1856–1929) — французский военачальник, дивизионный генерал. В 1915–1917 гг. — главнокомандующий Восточной армией союзников, действовавшей на Салоникском фронте. — 311, 670, 797

Свербеев Сергей Николаевич (1857–1922) — российский дипломат. В 1912–1914 гг. — посол в Германии. — 719, 720

Свечин Александр Николаевич (1859–1939) — российский дипломат, камергер. С января 1912 г. по ноябрь 1917 г. — посланник в Нидерландах. После Октябрьской революции остался за границей. — 457, 462

Свечин Иван Николаевич (1863–1930) — российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1911–1917 гг. состоял при министре внутренних дел. С 1915 года — главный инспектор лечебных заведений по Петрограду. В эмиграции во Франции. — 675, 678–680

Севастопуло Матвей Маркович — российский дипломат. С 1913 года — советник посольства во Франции, с мая 1917 г. — поверенный в делах России во Франции. — 718

Семенов Борис Анатольевич (1873–?) — российский военачальник, генерал-майор. В 1913–1915 гг. — военный агент в Румынии. В 1916 году служил в Генеральном штабе, затем назначен начальником штаба 6-й особой пехотной бригады, с ноября 1916 г. — командир 7-го уланского Ольвиопольского полка. В эмиграции в США. — 118.

Семенов Г.А. — 744

Сементовская-Курило О.Н. — 744

Семенченко Федор Андреевич — сотрудник МИД. В 1914–1917 гг. — канцелярский служитель 2-го разряда во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716, 764

Сент Олэр Шарль — граф, французский дипломат. В 1916 году — посланник в Бухаресте. — 152, 153, 157, 298, 299

Сергей Михайлович (1869–1918) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, брата Александра II, генерал-адъютант, генерал от артиллерии. С января 1916 г. — полевой генерал-инспектор артиллерии при верховном главнокомандующем. После Октябрьской революции выслан в Вятку, казнен в Алапаевске. — 328, 342

Сидов Рейнхольд (1851–?) — германский государственный деятель. В годы Первой мировой войны — министр торговли и промышленности. — 274

Симсон Н.В. — 744

Сиротин — 726

Скавениус (Сковениус) Харальд (1873–1939) — датский государственный деятель, дипломат. В 1912 — 1918 гг. — посланник Дании в России, в 1920–1922 гг. — министр иностранных дел, в 1923–1928 гг. — посол в Италии, с 1928 года — в Нидерландах и Швейцарии. — 843, 844

Скерст Родриго Павел Германович — российский дипломат. В 1915 году — секретарь консульства в Дедеагаче (Болгария). — 717

Скиалоиа — см. **Шалойа.**

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) — российский политический деятель, участник социал-демократического движения, меньшевик. Депутат IV Государственной думы. После

Февральской революции — член Исполкома и заместитель председателя Петроградского совета, в мае-августе 1917 г. — министр труда Временного правительства, заместитель председателя ЦИК I-го созыва. С 1920 года — в эмиграции. — 348, 483, 861, 838

Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1918) — российский военачальник, адмирал. В 1904–1906 гг. — командующий флотом Тихого океана, 1906–1907 гг. — командующий Черноморским флотом. С августа 1909 года — в отставке. После Октябрьской революции казнен как заложник. — 732

Скрябин Николай Николаевич (? — 1915) — сотрудник МИД. В 1913 — нач. 1915 гг. — секретарь двора принца и принцессы Ольденбургских, одновременно чиновник МИД для пограничных сношений при наместнике императора на Кавказе. — 736

Скулудис Стефанос (1838–1928) — греческий банкир и государственный деятель. С октября 1915 г. по июнь 1916 г. — премьер-министр Греции. — 98

Славянис — 390

Слепцов Валериан Васильевич — российский дипломат. В 1915–1916 гг. — секретарь VIII класса во Втором (Ближневосточном) политическом отделе МИД. — 716

Слободский — 417

Смердов — 387

Смирнов Алексей Александрович (1857–1924) — российский дипломат. С января 1905 г. — дипломатический агент и генеральный консул в Египте. С 1908 г. по ноябрь 1917 г. — в ранге посланника там же. В эмиграции в Египте. — 718

Смирнова К.Д. — 744

Соколов — 388

Соколов Иван Дмитриевич — российский дипломат. В 1915–1916 гг. делопроизводитель VII класса в Первом департаменте МИД. — 716

Соколовский Виктор Иосифович — российский дипломат. В 1913–1916 гг. — вице-консул в Стокгольме. — 13, 759

Соколовский Иван Николаевич (1858–?) — российский военачальник, генерал-лейтенант. С 1906 года — Астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска. В июле 1914 г., находясь в отпуске в Германии, был задержан в Берлине в качестве военнопленного. Освобожден в начале 1915 г. С марта 1915 г. по июнь 1917 г. — в прежней должности. — 732

Солдатенков Василий Васильевич — российский дипломат. В 1913–1915 гг. — чиновник особых поручений при министре иностранных дел. В августе 1914 г. прикомандирован к посольству во Франции. С 1915 года состоял в ведомстве МИД. — 62, 63

Соловьев Юрий Яковлевич — российский, советский дипломат. С 1913 года — советник посольства в Испании, с сентября 1917 г. — временный поверенный в делах России в Испании. Принял советскую власть, работал в Отделе Дальнего Востока и Отделе печати НКИД СССР, затем в исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. — 574, 575, 715

Соннино Сидней (1847–1922) — барон, итальянский государственный деятель. С октября 1914 г. по июнь 1919 г. – министр иностранных дел. — 57, 58, 62, 63, 65, 67–70, 78, 157, 159, 163, 165, 299–301, 520

Сормани — 303

Софотеров — 727

Спалайкович Мирослав — сербский дипломат. В 1914–1917 гг. — посланник в России. — 80, 91

Ставровский Константин Николаевич (1846–?) — российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1905–1918 гг. — член Военного совета. В июле 1914 года, находясь в Германии, был интернирован германскими властями. Вернулся в Россию в начале 1915 года — 732

Старченко Николай Михайлович — 716

Стеблин-Каменский И.Е. — 373, 374, 588, 591, 593

Стивенс Джон Фрэнк (1853–1943) — американский инженер. В 1917 г. возглавил Комиссию железнодорожных экспертов, направленную

в Россию. В 1919 г. работал в рамках Комиссии во Владивостоке. — 704

Стрейт Г. — греческий дипломат. В 1910–1914 гг. — посланник в Австро-Венгрии. В 1914 году — министр иностранных дел. — 53

Стримович Ян — 388

Стромберг — 445

Струве Александр Оттович — см. **Струве Александр Оттонович.**

Струве Александр Оттонович (Оттович) — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — помощник младшего чиновника, причисленный к Цифирному отделению Первого политического отдела и Канцелярии министра иностранных дел. — 716, 717

Стюрлер А.В. — 741

Субботин Николай Николаевич — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — секретарь генерального консульства в Берлине. — 555, 719

Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) — российский журналист, писатель, издатель. Издавал газеты «Время» (Москва), «Вечернее время» (Петербург, 1911–1917) и др. — 805

Сузан (леди) — см. **Таунлей Сузан**.

Супило Франьо — 52, 57, 63–66

Сухарев А.А. — 741

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — российский военный деятель, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. С марта 1909 г. по июнь 1915 г. — военный министр. Снят с должности, в марте 1916 г. арестован, в сентябре 1917 г. признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне, приговорен к бессрочной каторге. В мае 1918 г. освобожден по амнистии, эмигрировал в Финляндию, затем в Германию. — 31, 52, 178, 357, 795

Сушон Вильгельм Антон (1864–1946) — германский адмирал. В 1913–1917 гг. — начальник дивизии Средиземного моря. С сентября 1917 г. — командующий 4-й эскадрой Флота открытого моря на Балтике. — 42

Сыромятников — 561

Сэмюэл Герберт Луис (1870–1963) — британский политический деятель. В 1910–1916 гг. — генерал-почтмейстер. С января по декабрь 1916 г. — министр внутренних дел. В 1920–1925 гг. — первый верховный комиссар Палестины. — 122

Танеев Александр Сергеевич (1850–1918) — российский государственный и политический деятель, композитор, статс-секретарь. В 1896–1917 гг. — главноуправляющий собственной его императорского величества канцелярией. Член Государственного совета, председатель Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах. — 760

Тараймович Константин — 392

Тарасевич — 677

Тарновский — 387

Татаринов Александр Александрович (1880–1946) — полковник Генерального штаба русской армии, в 1914–1915 гг. — военный агент в Болгарии, в 1916–1917 гг. — военный агент в Румынии. С августа 1917 г. по 1922 г. — исполнял обязанности военного агента в Китае. — 110–112, 124, 129, 130, 151

Татищев Борис Алексеевич — российский дипломат. В 1916–1917 гг. — начальник Канцелярии министра иностранных дел. — 156, 309, 716

Татищев Илья Леонидович (1859–1918) — генерал-майор свиты императора. С 1910 года — личный представитель Николая II при императоре Вильгельме II. С 1914 года — в отставке, находился в личном распоряжении Николая II. — 31, 32

Таубе В.П. — 744

Таубе Владимир Владимирович фон — барон, российский дипломат. В 1915–1916 гг. — делопроизводитель VIII класса в Первом департаменте МИД. — 716

Таубе Константин Константинович (1887–?) — российский дипломат. В 1915–1917 гг. — второй секретарь миссии в Персии. В сентябре 1917 г. назначен вторым секретарем миссии в Румынии. — 865

Таубе Константин Фердинандович — барон, российский дипломат. В 1912–1917 гг. — управляющий

Первой экспедицией, затем — Цифирным отделением при Канцелярии министра иностранных дел. — 740

Таунлей Вальтер (1863–1945) — британский дипломат, в 1912–1915 гг. посланник в Персии. — 863, 864, 865, 866

Таунлей Сузан (леди Сузан) (1868–1953) — супруга британского посланника в Персии В.Таунлея. — 864

Тер-Асатуров Д.Г. — 478, 482

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — российский промышленник, политический и государственный деятель. С марта по май 1917 г. — министр финансов, с мая по октябрь 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. — 345, 347, 348, 351, 352, 673, 685, 689, 691, 699, 707, 708, 784, 788, 818, 821, 824–826, 828, 829, 836, 838, 839, 844, 849, 850

Тиме Елизавета Ивановна (1884–1968) — российская актриса. С 1908 года — в труппе Александринского театра. — 843, 844

Тирпиц Альфред фон (1849–1930) — германский гросс-адмирал. В 1897–1916 гг. — морской статс-секретарь. — 85, 634

Титтони Томмазо — итальянский дипломат. В 1910–1916 гг. — посол во Франции, в 1916 году — посол в Великобритании. — 62, 162, 163, 757

Тодиев — 838

Токарев Сергей Александрович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — и.о. помощника секретаря, помощник секретаря во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — граф, русский писатель. — 397

Тома Альбер (1878–1936) — французский политический и государственный деятель. В 1914–1915 гг. — заместитель государственного секретаря по боеприпасам и военному снаряжению. В 1916–1917 гг. — министр вооружений. — 132, 137–139, 303, 349, 351

Томэ Густав — в 1913–1915 гг. — внештатный вице-консул России в Мальмё, Устонде и Трелеборге (Швеция). — 444

Топоров Владимир Викторович (?–1936) — российский журналист, корреспондент газеты «Речь». Писал под псевдонимом В. Викторов. — 66, 627

Травникова З.Д. — 735

Трегубов Сергей Николаевич (1866–1945) — российский военный юрист, криминалист, государственный деятель. С 1910 года — старший юрисконсульт и член Консультации Министерства юстиции. С 1915 года — директор I департамента Министерства юстиции. В 1915 году командирован в Ставку верховного главнокомандующего в качестве консультанта. С 1916 года — сенатор. После Октябрьской революции в эмиграции в Германии. — 421, 472, 473, 475, 477

Трепов — 596

Тресков фон — 722, 723

Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943) — российский общественный деятель, предприниматель. Член ЦК партии прогрессистов. С 1915 года — товарищ председателя Московского военно-промышленного комитета. С марта 1917 г. — товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, примкнул к кадетам. В 1919 году — заместитель председателя Совета министров в правительстве А.В. Колчака. Один из руководителей Торгово-промышленного и финансового союза. С 1920 года — в эмиграции. — 852

Тромбич — см. **Трумбич**.

Трофимов — 413

Троцкий (наст. фам. **Бронштейн) Лев Давидович** (1879–1940) — советский политический и государственный деятель. В 1917 году — председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В ноябре 1917 — марте 1918 гг. — нарком по иностранным делам, в 1918–1923 гг. — нарком по военным и морским делам, одновременно с марта по декабрь 1920 г. — нарком путей сообщения Советской России. В 1918–1925 гг. — председатель РВСР, Реввоенсовета СССР. В 1929 году выслан из СССР. — 715–717, 788, 837, 853, 854, 856, 858–862

Трубецкая Мария Константиновна — княгиня, супруга российского посланника в Сербии в 1914–1916 гг. Г.Н. Трубецкого. — 725

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930) — князь, российский дипломат, камергер. В 1912–1914 гг. — вице-директор Первого департамента МИД, в 1914 году — начальник Второго (Ближневосточного) политического отдела, в 1914–1916 гг. — посланник в Сербии, в 1917 году — директор Дипломатической канцелярии при Штабе верховного главнокомандующего. Примкнул к Белому движению. В эмиграции в Австрии и во Франции. — 25, 26, 29, 42, 43, 45, 66, 240, 352, 355, 726, 728, 748, 771, 772, 831

Трумбич (Тромбич) Анте (1864–1938) — хорватский и югославский политический деятель. В 1915 году — председатель Югославянского комитета в Лондоне, от имени которого 20 июля 1917 г. подписал Корфскую декларацию о создании Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1918–1920 гг. — министр иностранных дел Королевства сербов, хорватов и словенцев. — 66

Турчанинов — 392

Тучек — 127, 128

Тышкевич Альфред Иванович — граф, сотрудник МИД, камер-юнкер. В 1913–1915 гг. причислен к МИД. — 740

Угрюмов Алексей Петрович (1859–1937) — российский военный деятель, вице-адмирал. В 1915 году — начальник Главного управления кораблестроения, в июне-ноябре 1916 г. — главноначальствующий г. Архангельска и района Белого моря, с ноября — председатель Совещания по морским перевозкам. В эмиграции во Франции. — 747, 748

Удинцов Юрий Геннадиевич — российский дипломат. В 1914 году — секретарь консульства в Митровице (Сербия), в 1915–1916 гг. — секретарь консульства в Ускюбе (Скопье, Сербия). — 716

Уилсон Генри — 342

Унгерн-Штернберг Рольф Рудольфович — барон, российский дипломат. В 1913–1915 гг. — второй секретарь посольства во Франции, в 1916 — начале 1917 г. — секретарь миссии в Португалии, с апреля 1917 г. — временный поверенный в делах России в Португалии. — 763, 715

Урсати Т.Н. — 741

Урусов Лев Владимирович (1877–1933) — князь, российский дипломат. В 1913–1915 гг. — первый секретарь посольства в Японии, с декабря 1916 г. — вице-директор Второго департамента МИД, с апреля 1917 г. — вице-директор Экономического департамента МИД. С 1917 года — в эмиграции. — 11, 12, 14, 20, 309, 716, 788, 862, 951, 952

Устинов Владимир Михайлович — 675, 679–681

Ухтомский Герман Павлович — князь, сотрудник МИД. В 1914 году причислен к Первому департаменту МИД, в 1915–1916 гг. — кандидат для занятия штатной должности в Первом политическом отделе и Канцелярии министра иностранных дел. — 716

Ушида Ясуд — виконт, японский дипломат. В 1914–1916 гг. — посланник в Швеции. В 1917 году — посол в России. — 132, 140

Фан дер Флит Василий Яковлевич (1870–1948) — российский дипломат. С июля 1914 г. — директор Первого департамента МИД. С августа 1917 г. состоял в ведомстве МИД. — 108, 363, 385, 478, 482, 490, 536, 619, 736, 755, 756, 758, 765

Фан дер Флит Елизавета Эдуардовна (1872–1957) — супруга В.Я. Ван дер Флита, фрейлина. — 108, 740

Фан дер Флит И.А. — 744

Фан дер Флит П.В. — 741

Фан-Тейлинген — 461

Фаттерлейн Эрнест Карлович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. причислен помощником младшего чиновника при Цифирном отделении Первого политического отдела и Канцелярии министра иностранных дел. — 717

Фахреддин-бей (Фахрэддин Бей) — турецкий дипломат. В 1914 году — поверенный в делах Турции в России. — 42

Фахрэддин Бей — см. **Фахреддин-бей**.

Фашиотти (Фашотти) Карло (1870–1958) — барон, итальянский дипломат. В 1911–1919 гг. — посланник в Румынии. — 45, 78, 81–83, 112, 114, 157, 298, 299

Фашотти — см. **Фашиотти**.

Федоров — 744

Феодоров — см. **Федоров.**

Фердинанд I Кобургский (1861–1948) — с 1887 г. — князь, в 1908–1918 гг. — царь Болгарии. — 91, 93, 250, 253, 812

Ферзен Отто Николаевич — барон, российский дипломат. В 1913–1915 гг. вице-консул, в 1916 году — консул в Роттердаме (Нидерланды). — 458

Филиппеско — см. **Филиппеску**.

Филиппеску (Филиппеско) Николае (1862–1916) — румынский политический и государственный деятель, один из руководителей правого крыла Консервативной партии. Неоднократно занимал министерские посты. — 113, 116–122

Филиппович (Филлипович) Александр Антонович — российский дипломат. В 1914 году — вице-консул в Торне (Германия). Отозван в связи с началом войны. — 717

Филлипович — см. **Филиппович.**

Филькович Н. — 725, 726

Фисенко Михаил Георгиевич (1874-?) — российский военачальник, генерал-майор. С июля 1915 г. — командующий 1-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии. В 1916 году — начальник штаба сводной Кубанской казачьей дивизии. В 1917 году — и.о. начальника штаба 1-го Кавказского кавалерийского корпуса, начальник снабжения. С сентября 1917 г. — командир 3-й Кубанской казачьей дивизии. — 772

Флуд — 436

Фолькмар — 615, 616

Фон Сандерс — см. **Лиман фон Сандерс Отто.**

Фонтон С.Ф. де — 675

Фор Люси (1866–1913) — дочь президента Франции Феликса Фора. — 138

Форгач Иоганн — граф, австро-венгерский дипломат. В 1907–1911 гг. — посланник в Сербии, в 1914 году — помощник министра иностранных дел. — 47

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) — граф, российский государственный деятель, генерал от кавалерии. В 1898–1917 гг. — министр императорского двора и уделов. Один из ближайших сановников императора Николая II. С 1924 года — в эмиграции. — 104

Фредерикс К.Р. — 744

Фрезе Александр Александрович (1840–?) — российский военачальник, генерал-лейтенант. В 1904–1905 гг. — Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа. С декабря 1905 г. по 1917 г. — член Государственного совета. В июле 1914 г., находясь в отпуске в Германии, задержан в качестве военнопленного. Месяц провел в тюрьме Моабит, в феврале 1915 г. прибыл в Петроград. — 732

Френч Джон Дентон Пинкстон (1852–1925) — граф Ипрский, британский фельдмаршал. В 1914–1915 гг. — главнокомандующий британскими экспедиционными силами во Франции. С декабря 1915 г. по май 1918 г. — командующий войсками в метрополии. В 1918–1921 гг. — лорд-лейтенант (наместник) Ирландии. — 303

Фрик — 865

Фриче Н.А. — 744

Фукс — 658

Хабалов Сергей Семенович (1858–1924) — российский военачальник, генерал-лейтенант. С 1916 года — главный начальник, в феврале 1917 года — командующий войсками Петроградского военного округа. — 795, 796, 800, 804

Халло — 167

Хаммерштейн-Экворд Курт фон (Гаммерштейн фон) (1878–1943) — германский военачальник, генерал-полковник, один из руководителей рейхсвера, главнокомандующий сухопутными войсками. В годы Первой мировой войны служил в Генштабе. — 723

Харин Иван Николаевич (1860–1923) — российский военный, генерал-майор. В 1911–1914 гг. — офицер для поручений VI класса при Главном штабе. Уволен в чине генерал-майора,

зачислен в пешее ополчение по Петербургской губернии, затем возвращен на службу в распоряжение начальника Главного штаба. В эмиграции в Дании. — 732

Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) — российский государственный деятель. В 1907–1916 гг. — Государственный контролер. — 92

Хащаб А.К. — 744

Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922) — российский государственный деятель. С 1912 года — член Государственного совета, с июля 1915 г. по июль 1916 г. — министр юстиции, с июля по сентябрь 1916 г. — министр внутренних дел. — 109, 152, 153, 604, 606

Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) — российский государственный деятель. Председатель бюро фракции правых IV Государственной думы. Член Главного совета Союза русского народа. В 1915–1916 гг. — министр внутренних дел. После Февральской революции арестован по обвинению в растрате государственных средств, после Октябрьской революции расстрелян. — 109

Хейг Дуглас (1861–1928) — граф, британский военачальник, фельдмаршал. В 1914 году — командующий 1-м английским экспедиционным корпусом во Франции, в начале 1915 г. — командир 1-й английской армии, с декабря 1915 г. — главнокомандующий английскими экспедиционными силами во Франции. — 302

Хеш — германский государственный и политический деятель. — 277

Хиерта — 865

Ховард Эсме — в 1916 году — британский посланник в Швеции. — 132

Хокон VII (Гаакон) (1872–1957) — король Норвегии с 1905 года. — 85

Холодковский Владимир Николаевич — российский дипломат. В 1914 году — делопроизводитель VIII класса в Первом департаменте МИД. В 1915–1916 гг. — секретарь VIII класса во Втором (Ближневосточном) политическом отделе. — 716

Хольмсен Иван Алексеевич (1865–1941) — российский военачальник, генерал. В начале Первой мировой войны — командир бригады 53-й пехотной дивизии. В 1915–1917 гг. — в германском плену. — 204

Хоуард Э. — 140

Хьюз Уильям Морис (1864–1952) — в 1915–1923 гг. — премьер-министр Австралии. — 757

Цапари (Сапари) фон Цапар Мюра-Цомбат и Цеши-Цигет Фридрих — граф, австро-венгерский дипломат. В апреле-августе 1914 г. — посол в России. — 24, 25

Цедлиц Октавио Атанис фон (1840–1919) — германский политический деятель. В 1877–1918 гг. — депутат прусского ландтага. — 635

Цейдлер Людвиг Фердинандович (?–1916) — российский дипломат. В 1910–1914 гг. — консул в Штеттине (Германия). В мае 1915 г. направлен в Христианию для временного управления консульством. — 720, 724

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) — российский политический деятель, один из лидеров меньшевизма. Депутат II Государственной думы. В 1917 году — член Исполкома Петроградского совета, в мае-августе — министр почт и телеграфов Временного правительства, с 1918 года — член Исполкома Национального совета (парламента) Грузии. С 1921 года — в эмиграции. — 348, 693, 819

Циглер Карл Владимирович — сотрудник МИД. В 1914 году — младший чиновник при Канцелярии министра, в 1915–1916 гг. младший чиновник, причисленный к Цифирному отделению Первого политического отдела и Канцелярии министра иностранных дел. — 716

Цомакион — супруга смотрителя зданий МИД В.С. Цомакиона. — 744

Цур-Милен (Цур-Мюлен) Герман Гаспарович фон — российский дипломат. В 1913–1915 гг. — консул в Гаммерфесте (Норвегия). В октябре 1914 г. временно управлял консульством в Христиании. — 412

Цур-Мюлен — см. **Цур-Милен.**

Цыган Николай Павлович — сотрудник МИД. В 1916 году причислен к Третьему (Среднеазиатскому) политическому отделу. — 716

Цытович Владимир Владимирович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — делопроизводитель VIII класса в Государственном и Петроградском главном архивах МИД. — 717

Чакдурчжаб (?–1915) — князь, монгольский государственный деятель. В 1911–1915 гг. — министр финансов. — 226, 230

Чаманский Анатолий Данилович (1880–1932) — российский общественный деятель, чиновник. В 1912–1917 гг. — начальник канцелярии Главного управления Российского Общества Красного Креста. В эмиграции во Франции. — 509, 675, 677, 682, 725

Чарновский — 663

Чарыкова В.А. — 744

Чекмарев Михаил Николаевич — князь, российский дипломат. В 1915–1916 гг. — делопроизводитель VII класса в Цифирном отделении при Первом политическом отделе и Канцелярии министра иностранных дел. — 716, 754

Чельцова Н.А. — 744

Челюсткин Александр Николаевич — российский дипломат. В 1914 году — переводчик (драгоман) IX класса в Первом департаменте, в 1915–1916 гг. — секретарь VIII класса в Четвертом (Дальневосточном) политическом отделе МИД. — 716

Чень (Чэнь) Лу (ок. 1876–1939) — китайский дипломат. В 1914–1915 гг. — участник трехсторонних переговоров (Россия, Китай, Монголия) в Троицкосавске (Кяхте) по монгольскому вопросу. — 225, 230

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — российский политический деятель. Один из основателей партии социалистов-революционеров. В 1917 году — министр земледелия Временного правительства. В январе 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 года — в эмиграции. — 348, 841, 842, 847

Чернов Константин Павлович — сотрудник МИД. В 1914–1917 гг. — делопроизводитель VII класса в Государственном и Петроградском главном архивах МИД. — 717, 763

Чернова С.И. — 744

Черняева Е. — 744

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) — британский государственный и политический деятель. В 1911–1915 гг. — первый лорд Адмиралтейства Великобритании, в 1940–1945 гг. и в 1951–1955 гг. — премьер-министр. — 363

Чешер — 744

Чихачев Н.П. — 741

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) — российский политический деятель, с 1903 г. — один из лидеров меньшевиков. Депутат III и IV Государственной думы. В 1917 году — председатель Исполкома Петросовета, ВЦИК 1-го созыва. С 1918 года — председатель Закавказского сейма, Учредительного собрания Грузии. С 1921 года — в эмиграции. — 810, 819

Чэнь Лу — см. **Чень Лу**.

Шабельский — 391

Шавельский Василий Иоаннович — священник, в 1914–1916 гг. — настоятель православной церкви при МИД в Петрограде. — 716

Шадурская — 417

Шалойа (Скиалоиа) Витторио — итальянский политический деятель. В феврале 1917 г. — представитель Италии на Петроградской союзной конференции. — 303, 309, 313, 322, 328, 330, 332, 334, 342

Шапшал В.И. — 742, 744

Шапшал Сергей Маркович — сотрудник МИД. В 1914–1915 гг. — переводчик при политических отделах МИД. — 762

Шаровская А.И. — 740

Шателен Сергей Андреевич (1874–1946) — российский государственный деятель. В годы Первой мировой войны — директор Департамента таможенных сборов Министерства финансов, в 1917 году — товарищ министра финансов. — 322, 328, 342

Шах-Назаров — см. **Шахназаров**.

Шахназаров (Шах-Назаров) Мирза-Нарриман (?–1829) — штабс-капитан, переводчик российской миссии в Персии. Погиб с А.С. Грибоедовым во время погрома миссии фанатичной толпой. — 736

Шаховской Всеволод Николаевич (1874–1954) — князь, российский государственный деятель. В 1910–1915 гг. — начальник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения. В 1915–1917 гг. — министр торговли и промышленности. С 1919 года — в эмиграции. — 328, 342

Шахтанинский — см. **Шахтахтинский.**

Шахтахтинский (Шахтанинский) Мамед Султанович — сотрудник МИД. В 1916 году исполнял обязанности переводчика VII класса при Политических отделах МИД. — 716, 717

Шебеко Николай Николаевич (1863–1953) — российский дипломат, шталмейстер. В 1912–1913 гг. — посланник в Румынии, в 1913–1914 гг. — посол в Австро-Венгрии. После Октябрьской революции — в Добровольческой армии. С 1920 года — в эмиграции во Франции. — 25, 26, 96, 103–109, 434

Шейдеман Филипп (1865–1939) — германский политический деятель. В 1903–1918 гг. и в 1920–1933 гг. — депутат Рейхстага. В феврале-июне 1919 г. — глава первого правительства Веймарской республики. — 636

Шелгунов — 417

Шелгунов В.А. — 665

Шептицкий Андрей (до монашества **Роман)** (1865–1944) — в 1901–1944 гг. — предстоятель Украинской греко-католической церкви. С 1900 года — митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, с 1901 года — епископ Каменец-Подольский. В сентябре 1914 г. был арестован российскими военными властями по обвинению в антироссийской агитации и выслан в глубь России. После Февральской революции освобожден Временным правительством, в сентябре 1917 г. вернулся во Львов. Один из вдохновителей украинского национализма. — 396

Шерадам — 601

Шеффер Дитрих (1845–1929) — германский историк. — 636

Шиллинг Маврикий Фабианович (1872–1934) — барон, российский дипломат, камергер. В 1911–1917 гг. — начальник Канцелярии министра иностранных дел. — 24, 26–30, 32–34, 39, 42–45, 47–49, 52, 53, 57, 61–73, 75–84, 86–90, 95, 97–105, 107–110, 112–115, 117–120, 123, 127–130, 132–135, 139–144, 146–151, 153–155, 218, 431, 509, 511, 512, 561, 572, 581, 719, 733, 740, 742, 761

Шиллинг Эрнест Оттонович (Оттович) — барон, российский дипломат. В 1912–1914 гг. — генеральный консул в Бреславле (Германия). В сентябре 1914 г. прикомандирован к миссии в Копенгагене. — 431

Шимкевич — 676, 677

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — российский общественный и политический деятель. Член ЦК партии кадетов, депутат II, III, и IV Государственной думы. В 1917 году — министр земледелия (март-май) и финансов (май-июль) Временного правительства. В ноябре 1917 г. в больнице убит матросами. — 345, 348, 673, 809, 821

Ширнин Дамдин — князь, монгольский государственный деятель. С 1912 года — помощник министра юстиции Китая. — 225, 230

Шишкин Виктор Николаевич — российский дипломат. В 1914–1915 гг. — консул в Ливерпуле. — 419

Шлейфер Николай Георгиевич — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — управляющий консульством во Флоренции. — 406, 873

Шмидт М.А. — 744

Шмит Михаил Евгеньевич — российский дипломат. В 1915 году — делопроизводитель VII класса Второго департамента. — 764

Шнейдер Л.М. — 511, 741

Шорнштейн — 433

Шпицберг Евгений Ростиславович (?–1914) — сотрудник МИД в 1913–1914 гг. — 736

Шрут Александр Васильевич — российский дипломат. В 1914 году — делопроизводитель VII класса в Департаменте личного состава и хозяйственных дел, в 1915–1916 гг. — делопроизводитель VII класса в Первом департаменте МИД. — 716

Штаваман Петр Федорович — сотрудник МИД. В 1915–1916 гг. — исполняющий обязанности кандидата для занятия штатной должности в Третьем (Среднеазиатском) политическом отделе, исполняющий обязанности помощника заведующего регистратурой при политических отделах. — 716

Штедтен Гельмут Люциус фон (1869–1934) — барон, германский дипломат. В 1909–1914 гг. — советник посольства в России, в 1915–1921 гг. — посланник в Швеции, с 1921 года — посланник в Нидерландах. — 132, 140

Штейн Евгений Федорович — российский дипломат. В 1908 году — секретарь миссии в Бразилии, с 1910 года управлял делами миссии в Аргентине, в 1916–1917 гг. — посланник в Аргентине. С 1931 года — в эмиграции в США. — 718

Штрандман — см. **Штрандтман.**

Штрандтман (Штрандман) Василий Николаевич фон (1877–1963) — российский дипломат. В 1911–1915 гг. — первый секретарь миссии в Сербии (в 1914 г. поверенный в делах там же), с 1915 года — первый секретарь посольства в Италии. В 1917 году — советник миссии в Греции. В апреле 1919 г. правительством А.В. Колчака назначен посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. До 1934 года — уполномоченный Российского Общества Красного Креста в Югославии. — 31, 184, 718, 751, 752

Штуде А.М. — 744

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — российский государственный деятель, обер-камергер, с июня 1916 г. — член Государственного совета, с февраля по ноябрь 1916 г. — председатель Совета министров, одновременно с марта по июль 1916 г. — министр внутренних дел, с июля по ноябрь 1916 г. — министр иностранных дел. После Февральской революции арестован. Умер в августе 1917 г. в заключении. — 122, 124, 141, 152–155, 158–161, 164, 166, 167, 260, 598, 599, 613, 619, 759, 799, 828, 854

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937) — российский военный деятель, генерал от инфантерии. С 1909 года — начальник Главного интендантского управления и главный интендант, в декабре 1915 г. — марте 1916 г. — главный полевой интендант. В марте 1916 г. — январе 1917 г. — военный министр. С января 1917 г. — член Государственного совета. После Октябрьской революции принял советскую власть, преподавал в военно-учебных заведениях Красной Армии. Во время советско-польской войны 1920 года — командующий и начальник штаба 4-й армии, в 1922 году — начальник штаба Петроградского военного округа. — 144, 152

Шувалова Е.В. — 745

Шюлер — 732

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — российский государственный деятель, правовед. В 1906–1915 гг. — министр юстиции, в начале 1917 года назначен председателем Государственного совета. После Февральской революции арестован. Расстрелян по приговору ревтрибунала. — 795

Щелкунов Иоанн — 433

Щелкунов Николай Николаевич — см. **Щелкунов Николай Петрович.**

Щелкунов Николай Петрович (Николаевич) — российский дипломат. В 1914 году — генеральный консул в Рущуке (Болгария). Отозван в связи с началом войны. — 716, 717

Щербатский (Щербацкий) Александр Ипполитович (1874–1952) — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — советник посольства в США. С марта 1916 г. — посланник в Бразилии, Уругвае, Парагвае и Чили. В эмиграции в Германии, с 1927 года — во Франции. — 718

Щербацкий — см. **Щербатский.**

Щербина Григорий Степанович (1868–1903) — российский дипломат. В 1902–1903 гг. — консул в Митровице (Сербия). В марте 1903 г. убит албанским солдатом. — 736

Щетинин Александр Сергеевич (?–1957) — российский чиновник. В 1917 году — юрисконсульт Министерства юстиции. — 675

Эбергард (Эбергарт) Андрей Августович (1856–1919) — российский адмирал. С октября 1911 г. — командующий морскими силами Черного моря. В 1914–1916 гг. — командующий Черноморским флотом, с 1916 года — член Государственного совета, с января 1917 г. —

член Адмиралтейств-совета. С декабря 1917 г. — в отставке. — 39, 41–43, 54, 55, 212

Эбергарт — см. **Эбергард**.

Эдваль — 865

Эдуард VII (1841–1910) — с 1901 года — король Великобритании. — 205

Эзеринг Карл Иванович (1868–1934) — российский военачальник, генерал-майор. С 1914 года — командир 76-го пехотного полка, с 1916 года — начальник штаба 74-й пехотной дивизии, затем в распоряжении начальника Генерального штаба, в 1917 году служил в отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. С 1921 года — в эмиграции. — 675

Эйде — 85

Эллершоу — 522, 524

Эллиот Фрэнсис (1851–1940) — британский дипломат. В 1903–1917 гг. — посланник в Греции. — 163

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939) — российский военный деятель, генерал от кавалерии. С июля 1914 г. — генерал-квартирмейстер штаба 6-й армии, затем 9-й армии. С октября 1914 г. — командующий 14-й, с мая 1915 г. — 2-й гвардейской кавалерийской дивизиями. С ноября 1916 г. — начальник 64-й пехотной дивизии, а с апреля 1917 г. — командир 18-го армейского корпуса. В мае 1917 г. — командующий 11-й армией. В июле 1917 г. назначен командующим Особой армией. В январе-марте 1918 г. — представитель Добровольческой армии при Кубанском краевом правительстве. С апреля 1919 г. — главнокомандующий и командующий войсками Северного Кавказа. С 1920 года — в эмиграции. — 838

Эриксен — 865

Эттер Николай Севастьянович фон (1865–1935) — российский дипломат. В 1906–1915 гг. — советник посольства в Великобритании. В августе 1915–1917 гг. — посланник в Персии. В эмиграции в Финляндии. — 101, 718

Юань Шикай (Юань-ши-кай, Юань Ши-Кай, Юаньшикай) (1859–1916) — китайский военный и политический деятель. В 1912–1916 гг. — президент Китая. — 143, 172, 242, 252

Юань-Ши-Кай — см. **Юань Шикай**.

Юань-ши-кай — см. **Юань Шикай**.

Юаньшикай — см. **Юань Шикай**.

Юдин Николай Петрович — российский дипломат. В 1914–1916 гг. — старший секретарь в Четвертом (Дальневосточном) политическом отделе МИД. — 716

Юсупов (князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон) Феликс Феликсович (1887–1967) — зять великого князя Александра Михайловича, один из организаторов заговора с целью убийства Г.Е. Распутина в 1916 году. После Октябрьской революции в эмиграции. — 65, 865

Ягов Готтлиб фон (1863–1935) — германский дипломат. В 1909–1912 гг. — посол в Италии, в 1913–1916 гг. — статс-секретарь иностранных дел, с 1916 года — в отставке. — 76, 85

Яздовская Е.М. — 744

Яздовская Е.П. — 740

Яздовский Александр Степанович — российский дипломат. В 1913–1914 гг. — управляющий консульством в Антверпене. — 362, 449, 450, 740

Языков Петр Александрович — российский дипломат. В 1914 году — помощник секретаря в посольстве в Германии. Отозван в связи с началом войны. — 717

Якимович А.А. — 675, 680

Якимовский — 390

Яковлев — 675, 677, 679

Яльмарсон — 865

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) — российский военачальник, генерал от инфантерии. С июля 1914 г. по сентябрь 1915 г. — начальник Штаба верховного главнокомандующего, с августа 1915 г. — помощник по военным делам при наместнике на Кавказе, с марта 1917 г. — в отставке. — 30–32, 59, 60

Янчевецкий Дмитрий Григорьевич (1873–1934) — российский писатель-востоковед, журналист, сотрудник газеты «Новое Время». — 429, 793

Ясевич Ф.К. — 675

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Абау-Торна (комитат, ист.) — 409

Аббация (Опатия) — 412

Абиссиния (Эфиопия) — 742

Або (Турку) — 442, 443, 855

Австралия — 757

Австрийская империя — см. Австрия.

Австрия — 24–31, 33, 37, 38, 42, 44–49, 53, 54, 56–59, 63–69, 71, 72, 74, 77–83, 99, 103, 108, 110, 112, 114, 116, 117, 124, 129, 149, 150, 155–157, 161, 167, 176–178, 180, 181, 205, 206, 208, 209, 218, 219, 242, 243, 246, 247, 249, 250, 262, 273–275, 277, 298, 312, 323, 364–366, 370–372, 376, 384, 395, 398, 400, 402, 405, 406, 408, 409, 412, 413, 426–428, 430–432, 440–442, 446, 463, 469, 472, 479, 487–489, 508–510, 527, 530–532, 534, 537–540, 542, 543, 545–549, 552, 553, 555–557, 559, 560, 564, 566, 567, 571, 572, 575, 589, 592, 594, 596, 599–601, 603–606, 608, 610, 620, 628, 633, 634, 640–646, 650–654, 657–662, 667, 668, 674, 676, 677, 706, 707, 712, 747, 780, 792, 793, 827, 833

Австрия Верхняя — 370

Австрия Нижняя — 370

Австро-Венгрия — см. Австрия.

Агадир — 210

Адалия — 221

Адана — 256

Адидже, р. — 219

Адрамити (Эдремит) — 201

Адрианополь (Эдирне) — 203, 753

Адриатика — см. Адриатическое море.

Адриатика Верхняя — 220

Адриатика Нижняя — 220

Адриатическое море — 46, 57, 58, 63, 84, 160, 220, 221, 243, 247, 748

Адриатическое побережье — см. Адриатическое море.

Азербайджан — 171, 209, 866

Азиатская Турция — 60, 112, 120, 124, 217, 221, 254, 260, 300

Азиатский материк — см. Азия.

Азинелло, о. — 219

Азия — 120, 206, 269, 323, 355, 365, 739, 816, 867

Азия Малая, п-ов — 61, 84, 120–123, 125–127, 166, 201, 214, 216, 256, 260, 269, 313, 633, 638

Азия Передняя (Западная Азия) — 191, 601, 638

Айдин (Айдын) — 214

Ак-Даг, гора — 257, 258

Акра — 255

Ала-Даг, гора — 257, 258

Аландские о-ва — 133–137, 139, 146, 292, 293

Аландский архипелаг — см. Аландские о-ва.

Аланды — см. Аландские о-ва.

Албания — 48, 49, 61, 157, 170, 220, 221, 243, 826

Александретта (Искендерон) — 255

Александрия — 414

Алеппо (Халеб) — 255

Алтайский округ — 227

Альджио — 298

* Цифры указывают номера страниц.

Альпы Карнийские — 220

Альпы Ретийские — 219

Альпы Юлийские — 220

Альтона (пригород Гамбурга) — 723

Амадия (Амедия) — 256–258, 260

Америка — 123, 141, 181, 182, 207, 211, 232, 234, 235, 253, 265, 266, 269, 279, 289, 291, 292, 296, 297, 308, 309, 312, 315–318, 322–324, 329, 341, 347, 364, 373, 374, 376, 378, 379, 384, 398, 413, 418, 420, 426, 438, 444, 445, 449, 459, 460, 468, 483, 490, 507, 512, 521, 523, 524, 535, 545, 560, 561, 563, 570, 574, 583, 590, 591, 608, 613, 637, 645, 646, 667, 682, 683, 693, 703, 704, 709, 713, 739, 791, 792, 794, 808, 809, 813, 849, 862, 863

Америка Северная — 253, 292, 364, 454, 535, 590, 591, 608

Америка Центральная — 323

Америка Южная — 323, 364, 400, 535

Амстердам — 459

Анатолия — 171, 192

Анатолия Восточная — 171

Англия — см. Великобритания.

Ангора (Анкара) — 123

Анкона — 465, 467, 471

Антверпен — 362, 363, 416, 418, 419, 449, 450, 460, 461, 634, 635, 637

Антивари (Бар) — 71, 220

Апенрад — 457

Аравийский п-ов — см. Аравия.

Аравия — 112, 125, 162, 192, 217, 222, 254, 256

Арарат, гора — 209, 864, 867

Арбе, о. (Раб) — 220

Аргентина — 535, 718

Аргентинская республика — см. Аргентина.

Аргирокастро (Гирокастра) — 158

Аргунь, р. — 173

Армения — 44, 121–123, 125, 175, 208, 211, 323

Армения Малая — 121, 122, 125, 256

Артаки, п-ов (Капудаг) — 198, 200, 202

Архангельск — 106, 148, 290, 291, 335, 341, 418, 450, 459, 460, 468, 508, 517, 518, 520–522, 591, 597, 747, 748

Архипелага О-ва (Греческого Архипелага О-ва) — 494, 495

Асхабад (Ашхабад) — 483

Атлантический океан — 363, 639

Афганистан — 161, 162, 176, 251, 864, 867

Афизия, о. — 204

Афины — 53, 91, 94, 95, 101, 157, 158, 160, 163–166, 307, 310, 311, 336, 407, 415, 574, 580, 691, 718, 725, 828

Афон — 646, 742

Африка — 222, 495, 638, 639, 739

Африка Северная — 72

Африка Средняя (Центральная) — 639

Бавария — 560

Багдад — 211, 555, 313, 601, 638, 799, 864, 865, 867

Бад-Гомбург (Бад-Хомбург) — 432

Бад-Наугейм (Бад-Наухайм) — 432

Базель — 579

Бакешам-сон — 298

Балканские государства — см. Балканы.

Балканский п-ов — см. Балканы.

Балканы — 43, 47, 91, 94, 98, 100, 104–105, 119, 156 ,159, 168, 170, 175–177, 191, 214, 217, 241, 247, 250, 253, 301, 303, 310, 313, 323, 325, 337, 338, 370–372, 409, 517, 518, 601, 633, 634, 646, 708, 748, 752, 764, 794

Балтийское море — 283, 457, 677

Бальчик (Балчик) — 45, 81

Банат — 72, 75, 77, 80–82, 88, 90, 114, 298

Банат Западный — 79

Банат Темешварский — 408

Банат Юго-Западный — 77

Барга, обл. — 173, 174

Барселона — 718

Батуми — 606, 746

Бахмут (Артемовск) — 483

Бейкос (Бейкоз) — 199

Белая гора — 603

Белград — 25, 26, 28, 30, 75, 81, 165, 177, 298, 370, 404, 751, 753

Белое море — 289, 290–292, 747

Бельгия — 79, 84, 85, 142, 193, 205–207, 244, 247, 249, 253, 270, 278, 288, 304, 309, 316, 321, 350, 362–363, 416–420, 432, 433, 449, 450, 457, 459–462, 473, 475, 479, 487–489, 495, 532, 535, 553, 594, 608, 633–637, 654, 667, 669–671, 691, 706, 712, 715, 718, 735, 793, 846, 857

Белью, о. (Белла) — 220

Бенги-Имам (Енги-Имам) — 101

Бенткенен — 387

Берген — 399, 411, 412, 434–438, 459, 507, 683, 684

Бережский комитат, ист. — 409

Берлин — 29, 30, 33, 68, 69, 76, 110, 113, 156, 206–208, 210, 249, 323, 367, 376, 379, 381, 382, 386, 432, 444, 446, 471, 488, 547, 549, 550, 553, 566, 567, 575, 616, 628, 629, 637, 638, 640, 641, 652, 653, 655, 656, 709, 712, 714, 719, 720, 729–733, 750, 751, 757, 793, 794, 802, 803, 806, 807, 861

Берн — 434, 446, 447, 525, 538, 543, 556, 574, 580, 627, 663–665, 687, 691, 828

Бессарабия — 114, 116–118, 273

Битлис — 123, 256–258, 260

Битолийский округ , ист.— 66

Бланкенберге — 450

Ближний Восток — 168, 170, 189, 415, 762

Богемия (Чехия) — 600

Боготол — 483

Болгария — 41, 44–46, 48, 55, 59, 61, 62, 66, 67, 69, 77, 78, 81, 84, 88, 90–95, 97, 100, 104, 113, 117–119, 131, 157, 159, 164, 166, 167, 177, 193, 196, 203, 204, 206, 216, 217, 238, 239, 246, 249, 250, 253, 310, 337, 338, 404, 409, 410, 469, 499, 502, 530, 531, 535, 536, 542, 574, 633, 646, 650, 667, 706, 712, 788, 794, 828, 832

Болонья — 521

Боратина (Боратин) — 396

Бордо — 40–42, 46, 102, 369, 421–425, 792

Борисоглебск — 483

Боршеда, ист. обл. (Боршод) — 409

Босния — см. Босния и Герцеговина.

Босния и Герцеговина — 28, 46, 71, 84

Босфор — см. Босфор и Дарданеллы.

Босфор и Дарданеллы — 42, 43, 45, 51–59, 61–64, 86, 88, 112, 120, 158, 160–162, 170, 184–204, 211–217, 237, 257, 299–301, 307, 323, 327, 328, 344, 347, 348, 351, 371, 400, 405, 422, 423, 463, 468, 809, 815, 816

Босфорский пр. — см. Босфор и Дарданеллы.

Ботнический з. — 134, 248, 293, 443, 444, 692

Бразилия — 535, 718, 812

Бразильские Соединенные Штаты — см. Бразилия.

Бранденбургская провинция, ист. — 732

Брацца, о. (Брач) — 220

Бреннер, пер. — 219

Бреславль (Вроцлав) — 431, 719

Брест — 517, 520–523

Бретань — 420

Бржезаны — 831

Брие — 636, 637

Бриндизи — 405, 406, 414, 465, 467, 471, 726

Британская империя — см. Великобритания.

Броды — 396

Брюж (Брюгге) — 450

Брюссель — 416–419, 449, 461, 462, 488, 637, 712

Буа, о. — 220

Будапешт — 412, 421, 430, 441, 530, 599

Буден — 146

Бузи, о. — 220

Буй — 483

Буковина — 59, 62, 72, 74–77, 80, 88, 90, 97, 114, 129, 149, 153, 180, 298, 372, 385, 396, 408, 621, 724, 839

Буковина Запрутская — 88

Буковина Русская — 407, 408

Буковина Северная — 79, 409

Буковина Южная — 385, 386, 409

Булаир — 201

Бургас — 53–55, 59

Бутисница, р. — 220

Бухарест — 28, 35–38, 45, 47, 52, 74, 77–79, 81–84, 87, 91, 95, 97–101, 103, 104, 108, 112–114, 118, 129, 147, 149, 150, 152, 153, 155–157, 297, 299, 369, 370, 383, 409, 410, 440, 463, 574, 580, 583, 658, 666, 687, 725

Буэнос-Айрес — 763

Буюк-Чекмедже, з. — 199

Бяла (Бяла-Подляска) — 388

Вазарос-Намени — см. Васарош-Намень.

Валона (Влёра) — 48, 49, 61, 221, 338

Валонская бухта — см. Валона.

Валуйки — 483

Вальево (Валево) — 727

Вально — 392

Вамдруп, ст. — 434

Ван — 232, 250 257, 258, 260

Вардар, р. — 415

Варна — 97, 409, 410, 441, 463

Варнемюнде — 721

Варта — 129

Варшава — 55, 247, 568, 746

Варшавское генерал-губернаторство — см. Варшава.

Васарош-Намень (Вашарош Намень) — 74, 290, 298

Ватикан — 593, 594, 599, 621, 707, 780, 863

Вашингтон — 181, 183, 235–237, 323, 376, 378, 379, 512, 580, 608, 646, 666, 703, 709, 718, 765, 792

Вевэ (Веве) — 741

Велестина, р. — 408

Великая Сербия — см. Сербия.

Великобритания — 43, 45–48, 50, 51, 55, 57, 61, 62, 71, 78, 80–82, 84–86, 96, 109, 111, 112, 120, 124, 132–134, 139, 140, 143, 155, 158–162, 164, 165, 167–169, 171, 172, 176–179, 189, 193, 194, 204, 205, 209–217, 219, 221–224, 231, 233, 239, 241–247, 250–265, 267–270, 275, 278–281, 286–290, 292, 296–303, 307, 308, 310, 313–319, 321, 323, 324, 328, 329, 339–341, 369, 374, 381, 384, 398–400, 411, 419, 434–436, 438, 444, 450, 459, 460, 479, 484–486, 491, 505, 507, 508, 512, 517–519, 521, 523, 524, 531, 532, 535, 570, 572, 594, 602, 626, 634, 637, 639, 645, 647, 650, 654, 661, 681, 683, 690, 715, 717, 720, 732, 749, 757, 789, 793, 794, 804, 816, 821, 829, 833, 839, 848, 858, 860–862, 864, 867

Великое герцогство Люксембургское — см. Люксембург.

Вена — 24, 25, 28 29, 33, 47, 57, 76, 96, 108, 177, 218, 376, 386, 412, 426–431, 434, 441, 442, 547, 553, 557, 622 641, 652, 653, 712, 751, 793

Венгрия — 45, 80, 81, 86, 113, 117, 119, 262, 298, 370, 386, 408, 409, 413, 540, 556, 557, 567, 600, 620, 645

Венеция — 402, 403, 406, 412, 465, 467, 471, 857

Вервье — 417

Верден — 139, 149, 840

Вержболово (Вирбалис) — 729, 730

Верховажье — 546

Вест-Индии о-ва — 323

Виареджо — 406

Визо, р. (Вишеу) — 81, 298

Висла, р. — 389, 391

Висмар — 720

Виссо, р. — см. Визо

Вифинийский п-ов — 199

Виши — 421

Владивосток — 148, 290, 291, 646, 683, 703, 704

Владикавказ — 725

Вологда — 546

Вологодская губерния — 545

Волоска (Волоско) — 219, 220

Волочиск — 429

Воюса, р. (Вьоса) — 220, 221

Выборг — 724

Выг, р. — 85

Вятская губерния — 545

Гаага — 458, 460–462, 553, 574, 580, 608, 613, 617, 665, 667, 691

Габсбургская монархия, империя — см. Австрия.

Гавельберг (Гевельсберг) — 550

Гавр — 244, 288, 419, 460, 461, 520, 691

Гадикфальв — 408

Галац — 440

Галиция — 68, 74, 97, 169, 206, 298, 302, 393, 395–397, 407, 621, 670, 746, 814, 833, 836, 839, 840, 865

Галиция Восточная — 37, 364, 366, 394

Галич — 832

Галичина — см. Галиция.

Галле — 550

Галлиполийский п-ов (Галлипольский п-ов) — 200–202, 214, 232, 248

Гальберштадт (Хальберштадт) — 550

Гамбург — 398, 400, 432, 458, 471, 601, 722

Ганновер — 550, 566

Гатчина — 854, 855

Гевгели (Гевгелия) — 66, 404, 415

Гедсер — 434

Гемер — 409

Геннегау, провинция (фр. Эно) — 636

Гент — 417, 636

Генуя — 400–402, 405, 406, 423, 447, 448, 463, 465, 467–469, 471

Германия — 24, 26, 27, 29–34, 37, 44, 47, 48, 51, 53, 54, 56, 64, 66, 68, 77, 80–82, 85, 86, 88, 89, 96, 99, 101, 102, 105, 108–118, 121, 123, 124, 129–134, 137, 139, 140, 155, 156, 161, 169, 171, 177, 178, 183, 193, 205–211, 213, 218, 219, 222, 231–234, 237, 238, 242, 243, 246–250, 252, 253, 262, 264–266, 268–270, 273–285, 287, 304–307, 309, 316, 322–324, 326, 328, 331, 332, 348, 350, 352, 354, 366, 367, 369, 371, 372, 376, 379, 381, 382, 384, 389, 391, 398, 400, 402, 405, 416, 420, 427, 429, 431–434, 441–446, 449–461, 463, 469, 472, 479, 484, 486–489, 503, 508, 509, 517, 524, 525, 527, 528, 530–532, 534, 535, 537–540, 542–550, 552, 553, 555–557, 559, 560, 563, 564, 566, 567, 569, 570, 572, 574, 575, 582, 589–594, 596, 601, 604–606, 608–611, 613, 623–628, 633–646, 650–656, 659–663, 665, 667, 668, 670, 692, 693, 706, 712, 714, 719–721, 723, 724, 728, 732, 735, 747, 749, 757, 789, 791–794, 796, 807–809, 812, 813, 818, 822, 827–830, 832, 833, 839, 846–849, 856, 858–862, 864, 865, 867

Германия Западная — см. Германия.

Германская империя — см. Германия.

Германшах (Керманшах) — 101, 867

Герцеговина — см. Босния и Герцеговина.

Гефле — 444, 446, 455

Гибралтар, пр. — 495

Гималаи — 822

Глазго — 399, 435

Голи, о. — 220

Голландия — см. Нидерланды.

Голомба — 391

Гонконг — 742

Горбатки — 389

Горица (Гориция) — 219, 307

Гостивар — 67

Градиска (Градишка) — 219

Граево — 389, 390

Грайворон — 483

Граница (Границе) — 429

Грегорио, о. — 220

Гренобль — 423

Греция — 45, 46, 48, 49, 53, 56, 61, 66, 67, 84, 86, 95, 101, 102, 157–159, 163–167, 193, 202, 208, 214, 216, 221, 241, 249, 253, 303, 307, 310, 311, 313, 331, 336, 338, 406, 463, 479, 531, 532, 535, 718, 793, 794, 826, 828, 830, 832

Груиццу, о. (Гружица) — 219

Гумбиннен (Гусев) — 386–388

Гьедзер (Гесер) — 721

Далмация, ист. обл. — 46, 49, 58, 61, 63, 65, 68, 220, 221

Далмация Северная — см. Далмация.

Дальний (Далян) — 234

Дальний Восток — 115, 242, 252, 293–295, 308

Дания — 269, 313, 384, 431, 433, 451–455, 479, 497, 511, 519, 532, 589–591, 594, 610, 611–614, 616, 625, 659–661, 673, 679, 680, 720–722, 778, 792, 793, 862

Данциг (Гданьск) — 283, 728, 729, 730, 732

Дарданеллы — см. Босфор и Дарданеллы.

Дармштадт — 109, 537

Двина, р. — 839, 840

Двинск (Даугавпилс) — 802, 803, 831, 849

Дебрецен — 298

Дедеагач (Александруполис) — 166, 250, 400, 409, 463

Дейчгабель — 571

Деркос, оз. (Дурусу, Теркос) — 199

Дечанская лавра (Дечане) — 646

Джезире, плато — 257, 258, 260

Джизак — 483

Джульфа — 172

Джуржево (Джурджу) — 410

Диарбекир (Диярбакыр) — 256

Дно, ст. — 802

Добрич — 45, 81

Добруджа, ист.обл. — 45, 77, 81, 84, 116, 119, 129, 165

Добруджа Южная — 67

Додеканеза о-ва (Спорады южные) — 221, 223

Додеканесские о-ва — см. Додеканеза о-ва.

Дойран, оз. — 66

Дон, р. — 862

Дорна — 129

Дрезден — 432, 550

Дрина, р. (Дрин) — 220

Дувр — 508

Дульциньо (Ульцин) — 220

Дунай, р. — 74, 298, 375, 410

Дураццо (Дуррес) — 220, 240

Евле — 379–382

Европа — 50, 51, 139, 161, 169, 176–178, 205, 207, 216, 231, 245, 265, 278, 287, 305, 309, 344, 345, 355, 364, 372, 415, 495, 543, 545, 572, 601, 602, 616, 639, 640, 725, 739, 757, 791, 802, 807, 815, 818, 822, 825, 863, 864

Европа Западная — 403, 404, 411, 414, 434, 436

Европа Средняя — 406, 600–602, 634

Европа Юго-восточная — 216, 638

Европа Южная — 638

Европейский материк — см. Европа.

Египет — 102, 161, 479, 487, 489, 494, 518, 531, 532, 534–536, 646, 718

Екатеринослав (Днепропетровск) — 799

Елагин о. — 33, 153, 155

Елец — 483

Ефрат, р. (Евфрат) — 255

Ефремов — 483

Жаклиан, о. (Яклян) — 220

Жамблу — 417

Женева — 447, 538, 583, 613

Житомир — 791

Задонск — 483

Заенки — 387

Закавказье — 125, 172, 285, 866

Закаспийская обл. — 358

Зальцкамергут, ист. обл. — 370

Зара (Задар) — 61, 257, 258

Засниц — 431, 432, 444, 445, 568, 569, 729, 733

Заставский уезд, ист. — 408

Збруч — 838

Зеебрюгге — 418, 450

Зеландия — 610

Земмеринг — 64

Злочув (Золочев) — 394, 830

Зольдау (Дзялдово) — 386

Зунгульдак (Зонгулдак) — 54

Ивашки — 392

Идрия — 220

Иерусалим — 414, 857

Иза, р. (Изе) — 409

Измитский з. — 55, 199, 213, 299

Илийский край — 143–145, 230

Ильдиз-Даг, гора — 257, 258

Имброс, о. (Гёкчеада) — 55, 186, 1893, 190, 197, 200–202, 213, 299

Индийский океан — 176, 639

Индия — 161, 162, 298, 494, 518, 864, 867

Индия Британская — см. Индия.

Иниадская бухта (Игнеада) — 54, 198

Инстербург — 387, 388, 392

Иран — 176, 211, 867

Иркутск — 358, 483, 789

Ирландия — 234, 298

Исмид — см. Измитский з.

Исмидский з. — см. Измитский з.

Истиб — 46

Испания — 204, 208, 376, 386, 392, 479, 495, 503, 531, 574, 575, 591, 611, 613, 628, 640, 715, 717, 792, 830

Истрия, п-ов — 219–221

Исфагани (Исфахан) — 743

Италия — 11, 24, 39, 41, 42, 44, 45, 48, 49, 54, 56–63, 65, 67–74, 78, 80, 82–84, 115, 128, 132, 142, 143, 156, 158–160, 162, 163, 165–167, 170, 208, 218–225, 231, 239, 243, 244, 247, 278, 287, 297–303, 307, 310, 312–314, 328, 329, 340–342, 400, 402, 405, 406, 412, 415, 427, 442, 463–470, 479, 485, 517, 518, 520, 531, 535, 544, 601, 645, 666, 717, 756, 757, 826, 830, 860, 862, 863

Йена — 635

Йоханнисбург — 388

Кавала — 84, 95

Кавказ — 39, 41, 42, 53, 101, 124, 125, 192, 209, 273, 338, 358

Казвин — 99, 101, 171

Кайфа (Хайфа) — 255, 414

Каламотта, о. (Колочеп) — 220

Калган (Чжанцзякоу) — 229, 230

Калиш — 367, 388, 389, 528, 649

Калишкен — 388

Калуш — 833

Калькутта (Колката) — 478

Каменецкий уезд, ист. — 389

Канада — 291, 296, 377, 398, 507, 535, 718

Канидоле, о. (Сракане) — 219

Канин нос, м. — 291

Кантон (Гуанчжоу) — 265

Карахисар (Ешильхисар) — 125

Карлопаго (Карлобаг) — 220

Карлсбад (Карловы Вары) — 429

Карпаты — 69, 110, 144, 408, 409

Карские ворота, пр. — 291

Карунги — 443, 446, 733

Касриширин (Касре-Ширин) — 772

Касторийское оз. (Кастория) — 163

Кастуа (Кастав) — 220

Катаррская бухта (Которская) — см. Каттаро

Каттаро (Котор) — 69, 160, 220

Кацца, о. (Бишево) — 220

Качаник — 46

Кашгар — 742

Кваранта–338

Кварнеро, з. (Кварнер) — 219

Кельцы (Кельце) — 390

Кем — 290, 292

Кенигсберг (Калининград) — 283, 386, 731

Керадж (Кередж) — 101

Кербеле (Кербела) — 209

Керка, р. — 220

Керманшах — см. Германшах.

Керсо, о. — 219

Кессария (Кайсери) — 121–123, 256–258

Киао-чао — см. Цинтао.

Киев — 106, 107, 389, 725, 791

Киликия, ист. обл. — 59, 60, 112, 120, 257, 258

Киль — 457

Кимплунг (Кымпулунг — Молдовенеск) — 385, 408

Кинешма — 483

Кипр — 255, 494

Киренаика, ист. обл. — 223, 301

Кирек — Бурну — 199

Кирли Баба (Кирлибаба) — 129, 408

Кирлибабский проход — см. Кирли Баба.

Кисловодск — 806

Китай — 51, 110, 143, 145, 172–174, 176, 206, 210, 211, 225–230, 233, 234, 242, 252, 265–267, 294, 323, 515, 683, 717, 792, 812, 839

Китай внутренний — см. Китай.

Китай застенный — см. Китай.

Китай Северо-Восточный — см. Китай.

Кишинев — 725

Клейн Вартенштейн — 64

Клин — 386

Кобдо — 173, 227, 229, 741

Ковель — 791

Ковров — 483

Козлов — 483

Коломбо — 742

Конго Бельгийское — 288, 636

Конго Французское — 211

Конск — 390

Константинополь (Стамбул) — 40–45, 52–59, 61, 63, 66, 67, 69, 88, 112, 120, 158–162, 164, 165, 171, 175, 176, 192, 195, 197–200, 202, 204, 211–217, 257, 299–301, 307, 309, 327, 328, 344, 347, 348, 351, 372, 400, 403, 412, 414, 441, 463, 465, 467, 517, 646, 666, 712, 741, 811, 815, 866

Констанца — 28, 36, 77, 208, 441

Копенгаген — 27, 159, 366, 432, 433, 434, 450–456, 486, 507, 511, 519, 547–549, 553, 568, 571, 574, 580, 583, 589, 625, 626, 628, 654, 665, 679, 682, 687, 691, 693, 709, 719

Корея — 196, 204, 211, 234, 359, 718, 793

Корфу (Керкира) — 243, 249, 356, 691

Косово — 67

Кострома —839

Краков — 429, 430, 603, 737

Краковская земля — см. Краков.

Красна — 390, 391

Красное море — 256

Красное Село — 28

Кременец — 791

Кронштадт — 811, 815, 827, 830

Кроссен — 388

Крым — 171

Ксеросский з. — 202

Куба — 812

Куликово поле — 362

Кульджа (Инин) — 143

Кульм (Хлумец) — 545

Куманово — 67

Курган — 483

Курдистан — 257, 258, 260

Курляндия, ист. обл. (Курземе) — 389, 633

Курцола, о. (Корчула) — 220

Кяхта — 225, 229, 230

Лагоста, о. (Ластово) — 220

Лазенки — 389

Лайпуни — 387

Лаубах — 432

Ле Бренэ — 362

Ледовитый океан (Северный Ледовитый океан) — 248, 291

Лейпциг — 382, 463, 550

Лемнос, о. — 186, 189, 190, 200–202

Лессина, о. (Хвар) — 220

Лётцен (Гижицко) — 386

Либава (Лиепая) — 283, 670, 837

Ливерпуль — 364, 398, 419, 742

Ливия — 221, 520

Лик — 388

Лион — 240

Лисса, о. (Вис) — 220

Лиссабон — 363, 364, 691, 763

Лиссарика, ист. — 220

Литва — 633, 667, 808

Литт — 435

Лович — 391

Ловчен — 240

Лодзь — 554

Лозанна — 72, 221, 223, 665

Лонгви — 636, 637

Лондон — 28, 30, 45, 46, 48, 56, 59, 61–67, 69, 71, 85, 92, 102, 104, 112, 122, 158, 161, 162, 165, 167, 168, 179, 180, 219, 222–225, 239, 247, 259, 265, 289, 291, 296, 297, 303, 316, 317, 351, 369, 376, 377, 398, 418, 422, 438, 449, 459, 484, 485, 505, 506, 512, 517, 518, 520–524, 573, 574, 583, 601, 602, 632, 664, 691, 709, 718, 732, 749, 750, 757, 758, 825, 862, 863, 866

Лотарингия — 326, 327, 352, 637, 638, 645, 649

Лотарингия Восточная — 350

Лотарингское герцогство — см. Лотарингия.

Лувен (Лёвен) — 417

Луга — 821

Луссин, о. (Лошинь) — 219

Львов — 393–396, 430, 791, 831, 832

Льеж — 449, 461, 635

Люксембург — 84, 85, 633, 636–638

Люксембургское герцогство — см. Люксембург.

Люле-Бургас (Люлебургаз) — 203

Ляодунский п-ов — 234

Маас, р. (Мёз) — 635

Маастрихт — 461

Мадрид — 613, 616, 628, 691

Мазурское поозерье — 386, 387

Македония — 46, 66, 67, 69, 77, 84, 88, 91, 102, 104, 158, 338, 371, 423, 517

Македония Западная — 165

Македония Северная — 67

Македония Южная — 67

Маково (Маков) — 389

Маку — 866

Мальма — см. Мальмэ.

Мальмо — см. Мальмэ.

Мальмэ (Мальмё) — 159, 382, 444, 445, 455, 723, 733

Мальта — 14, 495, 759

Мальчиц (Мальчице) — 389

Маморница — 146

Маона, о. — 220

Мангар, гора (Мангарт) — 220

Маньчжурия — 174, 211, 234, 265

Мара, р. — 409

Маргграбов — 146

Мараш — 256

Мариенбад (Марианске-Лазне) — 430

Марица, р. — 203

Маркевкене — 386

Мармара, о. — 196, 198, 200, 202, 204

Мармарошский комитат, ист. — 80, 408, 409

Мармарош-Сигетский комитат, ист. — 74

Марна, р. — 307, 832, 839

Марокко — 127, 210, 211

Марсель — 414, 422, 423, 425, 449

Матулья, обл. — 220

Медуя (Шенджин) — 240

Мексика — 225

Меледа, о. — 220

Мемель (Клайпеда) — 283

Ментурин — 387

Мергевер — 257, 258, 260

Месопотамия, ист. — 122, 192, 257, 258, 333, 338, 638, 808, 864, 867

Мидия, ист. — 41, 55, 66, 67, 203, 213, 299

Милан — 467, 471

Минск — 816, 817

Млава — 729

Могилев — 89, 100, 101, 106, 144, 151, 164, 846

Модан — 521

Молдавское княжество, ист. — 409

Монастирийск (Монастыриска) — 387

Монастырь (Битола) — 142, 338

Монголия — 172, 173, 176, 210, 211, 225–230, 234, 295, 742–744

Монголия автономная — см. Монголия Внутренняя.

Монголия Внешняя — см. Монголия.

Монголия Внутренняя — 173, 176, 211, 226, 227

Монгольские государства — см. Монголия

Монтекатини — 406

Моравия — 600, 603

Моравия Великая — см. Моравия.

Москва — 111, 137, 138, 338, 563, 566, 592, 664, 681, 725, 747, 771, 794, 799, 800, 813, 833, 841, 842, 846, 849, 854, 855

Мосул — 255

Мохаммера (Хорремшехр) — 867

Мраморное море — 55, 198, 199, 200, 202, 203, 213, 299

Муганская степь — 125

Мудрос, з. — 190

Муром — 483

Муш — 257, 258, 260

Мюнден — 566

Мюнхен — 560

Надбания, ист. обл. — 80

Наквиш — 396

Намюр — 635–637

Нарвик — 692

Неаполь — 405, 406, 465, 467, 471, 520

Нева, р. — 90, 846

Негуш — 240

Неджеф (Эн-Неджеф) — 209

Немиров — 389

Ниагара — 845

Нидерланды — 85, 159, 269, 363, 364, 384, 419, 457–460, 462, 479, 498, 531, 535, 584, 589, 591, 608, 612, 635, 659, 674, 718, 792, 793

Нижний Новгород — 828

Николойштадт — 663

Никольск (Уссурийск) — 483

Ниш — 66, 84, 183, 404, 440, 463, 725, 727, 748, 751–753

Нови (Нови-Винодольски) — 220

Новониколаевск (Новосибирск) — 483

Новороссийск — 40

Новоселица — 298

Новочеркасск — 854

Норвегия — 124, 148, 291, 313, 398, 400, 410–412, 438, 449, 459, 479, 531, 532, 535, 589–591, 594, 608, 611–615, 659–661, 665, 666, 679, 692, 778, 830, 862

Норденбург — 388

Нормандия — 420

Нузла — 646

Нью-Йорк — 296, 297, 378, 379, 583, 704, 792

Ньюкасл — см. Ньюкастл-на-Тайне.

Ньюкастл-на-Тайне (Ньюкасл-апон-Тайн) — 398–400, 411, 434, 435, 438, 507

Одесса — 39, 40, 43, 97, 105, 106, 183, 400, 405, 406, 409, 410, 423, 441, 463–469, 471

Ойленбург — 386

Окселезунд — 692, 693

Олонецкая губерния, ист. — 113

ибн Омар (Омерли) — 256–258, 260

Омск — 483

Оренбург — 483

Орлау — 386, 387

Ортельсбург (Щитно) — 388

Остенде — 449

Оттоманская империя — см. Турция.

Охридское озеро — 221

Паго, о. — 220

Палаццуола, о. — 219

Палестина — 59–61, 122, 123, 125, 257, 414, 487, 489, 534, 857

Панамский канал — 323

Паннония, ист. обл. — 603

Парагвайская Республика — 718

Париж — 28, 30, 45, 46, 60, 61, 62, 64, 66, 85, 87, 92, 94, 102, 104, 118, 123, 128, 135, 149, 155, 157, 162, 167, 183, 211, 217, 242, 264, 267, 271, 275, 281, 284, 287, 301, 303, 307, 315, 316, 327, 383, 418, 421–426, 449, 484, 485, 505, 510, 517, 520, 522–525, 574, 583, 601–603, 632, 664, 687, 691, 709, 718, 725, 726, 757, 763, 791, 825, 850

Пекин — 143, 172, 176, 230, 234, 267, 742, 753

Пелагоза, о-ва (Палагружа) — 220

Пелопоннес, п-ов — 310, 313

Пера — 69

Первиккио, о. (Првиг) — 220

Перемышль (Пшемысль) — 78, 389

Персидский з. — 176, 209, 250, 332, 867

Персия — 57, 58, 99, 101, 126, 144, 152, 162, 171, 172, 176, 185, 192, 206, 209, 217, 233, 251, 264, 285, 316, 321, 322, 324, 515, 735, 762, 763, 863–867

Петербург — см. Санкт-Петербург.

Петергоф — 27, 31, 32

Петроград — см. Санкт-Петербург.

Петропавловск — 483, 850

Пиза — 406

Пирей — 159, 400, 405–407, 409

Питсбург (Питтсбург) — 754

Пиц-Умбрайль, гора — 219

Плавник, о. — 219

Планка, м. (Плоча) — 220

Подбердо (Подбрдо) — 220

Подланиски (Подланище) — 220

Подольская губерния, ист. — 389

Познань — 248, 664

Покров — 483, 849

Польский край — см. Польша.

Польское государство — см. Польша.

Польша — 37, 123, 124, 126, 129, 144, 145, 151, 152, 155, 161, 162, 179, 206, 247, 248, 305, 344, 345, 420, 633, 667, 795, 808, 848

Померания, ист. — 664

Поповцы — 396

Порт-Артур (Люйшунь) — 196, 234

Порта — см. Турция

Португалия — 47, 121, 363, 479, 495, 531, 715, 718

Потсдам — 211

Прага — 434, 438, 603

Предеаль (Предял) — 28

Предиль, пер. — 220

Прейсиш-Голланд — 663

Премети (Пермети) — 158

Премуда, о. — 220

Прибалтийские провинции, ист. — 667, 849

Привислинский край, ист. — 474

Призрен — 748

Приморье — 63

Принцевы о-ва — 199

Проливы — см. Босфор и Дарданеллы.

Пруссия, ист. — 249, 253, 664

Прут, р. — 72, 74, 75, 298, 408

Псков — 343, 799, 802, 849, 851, 853, 862

Пунтадура, о. — 220

Путивль — 483

Рабит, о. — 204

Рагуза (Дубровник) — 220

Рагуза Беккиа, м. — 220

Радовецкий уезд, ист. — 408

Радом — 387

Радомская губерния, ист. — 390

Раздельная — 725

Раздольное — 483

Раккониджи — 300, 301

Раумо (Раума) — 366, 381—383, 443, 444, 724

Рауха — 153

Рачка — 387

Рашка — 748

Ревель (Таллин) — 837, 840, 850

Рейн, р. — 326, 327, 419

Решен, горы — 219

Рига — 283, 802, 803, 814, 831, 840, 841, 863

Рим — 24, 40, 47, 48, 62, 63, 65–70, 73, 78, 80, 81, 160, 165, 167, 287, 299, 300, 336, 369, 401, 402, 422, 447, 448, 463, 464, 466–468, 471, 485, 518, 520, 521, 574, 580, 583, 632, 659, 666, 691, 709, 718, 748

Римини — 406

Родосто (Текирдаг) — 203

Российская империя — см. Россия.

Российская республика — см. Россия.

Россия — 24–25, 27, 29–31, 33, 36, 37, 39–46, 48–53, 55–83, 85, 86, 88–90, 92–99, 101–109, 111, 112, 114–121, 123–134, 137, 139–150, 154, 155, 158–162, 164, 167–173, 175–181, 183–185, 188, 190, 191, 194, 204–211, 213–219, 221–227, 229–231, 233–235, 237–241, 243–245, 247–254, 256–270, 272–280, 282–290, 292–294, 296–309, 312–321, 323, 324, 326–329, 331, 333, 335, 339, 341, 343–351, 354–358, 360, 362–364, 366, 367, 369, 375–381, 383, 386, 396, 399–403, 405–407, 409–412, 414–417, 420, 422–427, 429–436, 438, 440–447, 449–463, 466, 468–470, 472–474, 477–481, 483–487, 490, 491, 495, 502–519, 522, 523, 528–530, 532, 533, 535–540, 543, 544, 546, 549–551, 553–555, 563, 568–575, 578, 580, 581, 583, 589–596, 600–606, 610, 611, 617, 620, 621, 623, 627, 629, 631, 634, 636, 641, 642, 644, 645, 649, 650, 652–655, 657–659, 661, 663, 665–667, 669, 671–674, 676–680, 682, 683, 685–691, 693–695, 700, 703–715, 717, 719, 720, 724–730, 732, 734, 736, 737, 748, 759, 760, 765, 766, 770, 777–780,

786, 788, 789, 793–796, 800, 801, 803–814, 816–818, 821–826, 828–843, 845–851, 853–864, 866–867

Росток — 432, 433, 720–723

Роттердам — 458–461

Ротунда, пер. – 408

Румыния — 26, 28, 35–38, 44–49, 51–53, 59–62, 67, 72–84, 86, 87, 90, 97–101, 103–108, 110–114, 116–120, 124, 129–131, 143–152, 154–157, 167, 180, 181, 183 ,192, 206, 208, 216–218, 232, 241, 248, 297–299, 302, 304, 308, 312, 316, 321, 329, 338, 339, 369, 371, 383, 385, 386, 408, 409, 440, 442, 469, 479, 500, 502, 517, 518, 531, 557, 560, 561, 582, 601, 622, 625, 666, 718, 724, 725, 790, 827, 832, 851, 857

Румынское королевство — см. Румыния

Русь — см. Россия.

Рущук (Руссе) — 129, 130, 409, 410

Саар — 326, 327

Сабанджа-Гель, оз. (Сапанджа) — 199

Саббиончелло п-ов (Пелешац) — 67, 68, 220

Сабольский комитат — см. Сабольчский комитат

Сабольчский (Сабольский) комитат, ист. — 408–409

Савва, р. (Сава) — 220

Сайноинханский аймак — 742

Сакария, р. (Сакарья) — 55, 199, 213, 299

Сала, р. (Заале) — 603

Салоники — 67, 102, 104, 142, 155, 159, 161, 163, 243, 249, 302, 311, 400, 405–407, 409, 414, 415, 423, 448, 463, 469, 517, 519, 535, 725, 762

Самарканд — 483

Самарра — 255

Самбор — 391

Самеш, р. (Самош, Сомеш) — 298

Самофракия, о. (Самотраки) — 186, 189, 190, 200, 201, 202

Самсат — 256

Самсун — 125, 126

Сан-Джиованни-ди-Медуа (Шенгини) — 220

Санкт-Петербург — 25, 28, 34, 37–39, 42, 45, 48, 52–54, 57, 59–61, 71–74, 84, 88, 89, 94–96, 98, 101, 105–109, 111–113, 115–118, 120, 121, 127, 139, 141, 144–146, 148, 150–153, 160, 170, 175, 176, 180, 183, 210, 211, 213, 215, 217, 218, 230, 234, 254, 256–259, 293–295, 297, 302, 303, 305, 313, 316, 326, 328, 338, 343, 345, 357, 368, 376, 381–383, 385, 386, 398, 419, 421, 434, 456, 458, 465, 467, 470, 483, 485, 490, 491, 503, 504, 508, 509, 511, 512, 519, 525, 540, 547, 548, 560–562, 566, 568, 574, 575, 580, 582, 632, 644, 645, 657, 677, 680, 696, 714, 715, 720, 721, 725, 726, 728, 730, 733, 736, 739, 754, 756–759, 767, 769, 772, 780, 788, 790, 794, 800, 802, 804, 805, 807, 809–811, 813, 815, 816, 818, 821, 823, 824, 830, 832, 833, 840–842, 845, 846, 849, 850–856, 862, 863, 865

Сан-Пьетро-ди-Немби, о. (Свети Петар) — 219

Сан-Ремо — 467, 471, 742

Сант-Андреа, о. — 220

Санти (Санти-Кваранта) — 338

Сараево — 177

Саракамыш (Сарыкамыш) — 211

Саранск — 483

Саросский комитат, ист. — 409

Сарра — см. Саар.

Сасено, о. (Сазани) — 221

Сасниц, Сассниц — см. Засниц.

Сатмарский комитат, ист. (Сату-Маре) — 408, 409

Сахалин Южный — 234

Святая Земля — см. Палестина.

Святой Елены, о. — 495

Себенико (Шибеник) — 61, 220

Севастополь — 39, 43, 198

Северная Персия — 171, 864, 865

Северная Трансильвания, ист. обл. — 62

Североамериканские Соединенные Штаты — см. Америка.

Северное море — 422, 684

Сегедин (Сегед) — 74, 298

Седан — 129

Селегин — 129

Сельве, о. (Сельва) — 220

Селятинский уезд, ист. — 408

Сербия — 24–28, 30, 31, 33, 36, 38, 41, 45–49, 52–54, 57, 58, 61, 63, 65–69, 79, 84, 86, 90–92, 95, 97, 98, 102, 104, 110, 113, 115, 119, 127, 142, 157, 160, 167, 177, 178, 183, 184, 205, 206, 208, 220, 221, 233, 240, 241, 243, 247, 249, 250, 287, 304, 309, 312, 316, 321, 350, 356, 370, 371, 403, 404, 410, 414, 426–428, 469, 501, 523, 531, 535, 536, 574, 601, 646, 725–728, 735, 748, 751–753, 793

Сербское королевство — см. Сербия.

Серен — 392

Серет, р. (Сирет) — 77, 80, 257, 260, 408

Серетский уезд, ист. — 408

Сиам (Таиланд) — 718

Сибирь — 590, 597, 598, 789

Сивас — 121–123, 125, 127, 256

Силезия, ист. обл. — 600, 664

Симно — 391

Синоп — 125, 260

Синьцзянская провинция, ист. (Синьцзян) — 227

Сирия — 59, 60, 102, 112, 120, 192, 257, 258, 414, 487

Сицилия — 465

Скандинавия — 206, 248, 317–319, 449, 506, 507, 611, 614–615

Скандинавский п-ов — см. Скандинавия.

Скандинавские государства — см. Скандинавия.

Скевенинген (Схевенинген) — 459

Скерды, о. — 220

Скобелев (Фергана) — 483

Скоплье — см. Скопье.

Скопье — 67, 404

Скутари (Шкодер) — 69, 233, 240, 753

Славония, ист. обл. — 413

Словакия — 600, 603

Словенские земли — 52

Словики — 388

Смирна (Измир) — 214

Смирно — 391

Соединенное королевство — см. Великобритания.

Солунь — см. Салоники.

Солунский з. — см. Салоники.

Солунская гавань — см. Салоники.

Сольта, о. — 220

Сомай (Сома) — 866

Сомали — 222

Сомма, р. — 307, 626

Сорока — 290, 292

София — 41, 90, 91, 93–95, 409, 410, 440, 463, 536, 712, 725, 812

Спалато (Сплит) — 46, 65, 220

Средиземное море — 61, 185–189, 191, 194, 195, 197, 221, 495

С. Ремо — см. Сан-Ремо

Стамбул — см. Константинополь.

Станиславо-Галичский уезд, ист. — 394

Станиславов (Ивано-Франковск) — 670

Старый-Скольский уезд, ист. — 394

Стельвио — 219

Стендаль — 503

Степной край, ист. — 273

Стилос, м. — 221

Стог — 298

Стокгольм — 27, 64, 108, 113, 132–137, 139–141, 147, 153, 156, 232, 292, 366, 380–382, 411,

422, 437, 442–446, 455, 483, 484, 507, 509, 510, 525, 538, 540, 566–568, 574, 575, 580, 583, 622, 628, 632, 656, 657, 666, 687, 691, 709, 724, 733, 759, 810, 813, 823, 839, 862

Стороженецкий уезд, ист. — 408

Стоход, р. — 809

Струмица — 415

Струмица, р. — 414

Стурвик — 380

Сувалки — 386, 387, 389

Сувалковская губерния, ист. — 387, 388, 390

Сударжи — 388

Суздаль — 483

Сулейманиэ (Сулеймания) — 864

Сулун — 441

Сучава — 386, 408

Сучава, р. — 77, 408

Сучавский уезд, ист. — 408

Сушак (Риека) — 413

Суэцкий канал — 192, 193, 204, 375

США — см. Америка.

Сычуань — 265

Тавриз (Тебриз) — 753, 866

Тамбовская губерния, ист. — 849

Тарвиз, долина — 220

Тарнополь (Тернополь) — 682, 826, 836

Тарнопольская губерния, ист. — 394

Татарск — 483

Таурогген (Таураге) — 389

Ташкент — 483

Тегеран — 98, 99, 101, 124, 171, 211, 251, 736, 864, 866

Тейс — см. Тисса — 72

Темешварский Банат, ист. — 408

Тенедос (Бозджаада) — 55, 186, 189, 190, 197, 200–202, 204, 213, 299

Тенеды — см. Тенедос.

Тибет — 176

Тигр, р. — 255, 257, 258, 260

Тильзит (Советск) — 387

Тим — 483

Тироль — 370, 645

Тироль Цизальпинский — 219

Тисса (Тиса), р. — 72, 74, 81–82, 298, 408

Тифлис (Тбилиси) — 39, 101

Тихий океан — 179, 210, 323, 639, 704

Тоблак, гора — 220

Тобольск — 839

Токио — 50, 51, 332, 574

Томск — 483

Топиловка (Тапиловка) — 387

Тополька — 390

Торкола, о. — 220

Торн (Торунь) — 409

Торнео (Торнио) — 137, 366, 378, 381, 443, 444, 446, 510, 568, 569, 570, 590, 591, 611, 663, 723, 729, 733

Торонтальский уезд (комитат), ист. — 80

Траллеборг — см. Треллеборг.

Трансильвания — 62, 72, 76, 81, 114, 118, 372, 408

Трапезонд (Трабзон) — 123, 125, 257, 258, 260

Трапезунд — см. Трапезонд.

Треллеборг — 381, 382, 431, 723, 733,

Трелленборг — см. Треллеборг.

Трентино — 56, 219, 221, 231

Трибания, ист. — 220

Триест — 219, 231, 463

Трикорно (Триглав), гора — 220

Триполи — 223

Триполитания, ист. обл. — 301

Трондием (Тронхейм) — 411, 412

Троянский п-ов — 200, 201

Тула — 799

Тулуза — 423

Тульча (Тулча) — 441

Тунис — 127

Тур — 423

Турау (Туров) — 386

Турецкая империя — см. Турция.

Туркестан, ист. — 849

Турция — 39–44, 48, 54, 60 ,61, 67, 72, 84, 86, 99, 101, 112, 120–122, 124, 125, 127, 130, 159, 161, 162, 165, 170, 171, 175, 176, 179, 185, 188–190, 192, 193, 195–197, 202, 204, 206–209, 211–213, 215, 217, 221, 223, 238, 246, 250, 254, 260, 264, 299, 300, 332, 337, 338, 371, 400, 414, 423, 442, 469, 530, 532–536, 542, 633, 634, 646, 647, 650, 653, 654, 660, 666–668, 706, 712–714, 735, 828, 864–867

Тырново (Велко-Тырново) — 409

Тяньцзин (Тяньцзинь) — 172, 742

Угорская Русь, ист. (Закарпатская Украина) — 407–409, 621

Угорское государство, ист. — 600, 603

Угошский комитат, ист. — 409

Улеаборг (Оулу) — 381

Ульбо, о. — 220

Улясутай — 227, 229

Унгени (Унгены) — 440, 463, 725

Унгский комитат (Ужский, Ужанский), ист. — 408

Уние, о. — 219

Урга (Улан-Батор) — 176, 226–230, 742

Урмийский район — см. Урмия.

Урмийское оз. (оз. Урмия) — 120, 122, 124, 125, 256

Урмия — 121, 125, 209, 866

Уругвайская Республика — 718

Урумци/Урумчи (Дихуа) — 741

Уссурийск — 355, 483

Уссурийский край — 355

Уфа — 622

Уши — 665

Фалькево — 408

Фальклендские о-ва (Фолклендские, Мальвинские о-ва) — 495

Феодосия — 40, 43

Фес — 210

Финляндия — 90, 152, 153, 248, 366, 443, 444, 570, 723, 724, 733, 746, 811, 840, 849

Финляндский з. — см. Финский з.

Финский з. — 292, 857

Фиуме (Риека) — 220, 412, 413

Фландрия — 634, 635, 637

Фландрское побережье — см. Фландрия.

Флиссинген — 459, 461

Флоренция — 406, 465, 467, 471

Флорина — 142

Фолькстон — 459

Фракийская равнина — см. Фракия.

Фракийский п-ов — см. Фракия.

Фракия — 66, 67, 77, 166, 199, 203, 213

Фракия Восточная — 67, 84

Фракия Западная — 67

Фракия Южная — 55, 213, 299

Франция — 27, 29, 30, 41, 43, 46–48, 50, 51, 55–57, 59–63, 69, 70, 71, 78, 80–82, 84–86, 96, 102, 103, 106, 107, 112, 115, 116, 118, 120, 122–125, 127, 129, 132–134, 139, 140, 143, 148–150, 152–155, 158–162, 164, 168, 169, 174, 177, 179, 184, 194, 204, 205, 210–215, 217, 219, 221–225, 231, 233, 239, 242–247, 249, 252–254, 256–262, 264, 265, 268, 270, 271, 275, 278, 286–290, 297–304, 307, 308, 310–316, 319, 321, 323, 326–329, 339, 341, 342, 348, 350–352, 369, 374, 375, 383, 384, 400, 412, 415, 420, 421, 423, 425, 426, 435, 442, 444, 463, 469, 473, 479, 484, 485, 495, 497, 505, 510, 511, 517, 521–523, 531, 532, 535, 544, 584,

592–594, 598, 602, 606, 608, 626, 633, 635–640, 645, 647, 650, 654, 659, 661, 668, 679, 681, 690, 717, 718, 735, 788, 789, 816, 825, 829, 831, 833, 848, 862, 863

Французская республика — см. Франция.

Фредериция (Фредерисия) — 456

Фридланд — 386

Хабаровск — 596

Хайко — 746

Хакодате — 738

Халха, ист. обл. — 173, 227

Хамаданский район (Хамадан) — 101

Хаммерштайн — 503

Ханекин — 211

Ханькоу (Ухань) — 265, 742

Хапаранде (Хапаранда) — 510, 569, 570, 571, 662

Харбин — 115, 174, 683

Харлов[ский] маяк (Семиостровский маяк) — 291

Харпут — 121–123, 256–258

Хемниц — 550

Херсонес — 43

Хилички — 387

Химара — 221

Хинганский хребет — 173

Хойский район — 209, 866

Хорватия — 52, 57, 58, 220, 412, 413

Хорватское побережье — см. Хорватия.

Хорватское приморье — см. Хорватия.

Хоя — см. Хойский район.

Христиания (Осло) — 159, 398, 410–412, 434–437, 507, 574, 580, 611, 614, 615, 632, 666, 683, 684, 687, 691, 709, 744, 794

Хулунбуирский округ — 227

Цариброд (Димитровград) — 404, 415

Царицын — 830

Царское село (Пушкин) — 26, 28, 54, 55, 58, 68, 83, 88, 94, 96, 102, 111, 126, 132, 139–141, 146, 148, 519, 526, 537, 728, 736, 788, 789–791, 794, 795, 799, 800, 806, 839, 844, 854

Царство Польское — см. Польша.

Цвикау (Цвиккау) — 665

Цемплинский комитат, ист. (Земплин) — 409

Цетинье (Цетине) — 243

Циллер, возвышенность (Циллерталь) — 219

Цинтао (Циндао) — 210, 233

Цирона Большая, о. — 220

Цирона Малая, о. — 220

Цицикар — 742

Цоппот (Сопот) — 729

Цусима, о. — 851

Цюрих — 447

Чанчун (Чанчунь) — 115

Чаталджа — 66, 199, 200

Чаталджинская позиция — см. Чаталджа.

Червонная Русь, ист. (Галиция) — 393

Черемош, р. — 298

Черниговская губерния, ист. — 109

Черновцы — 407, 408, 724

Черногория — 67, 71, 160, 208, 220, 221, 233, 240, 241, 243, 249, 304, 309, 312, 536

Черное море — 39, 41–43, 52, 53, 125, 185–192, 194, 197–200, 202, 203, 250, 257, 258, 260, 375, 409, 465, 649, 677, 830, 864, 865

Черноморские проливы — см. Босфор и Дарданеллы.

Чехия — 128, 600, 601, 602, 603

Чжилийская провинция (Хэбэй) — 172

Чикала, р. — 220

Чилийская республика — 718

Чугучак — 741, 755

Шантильи — 301, 337, 338, 517

Шанхай — 742

Шатава (Шатов) — 389

Швейцария — 159, 167, 383, 384, 400, 406, 412, 415, 427, 435, 442, 444, 446–448, 463, 467–469, 479, 487–489, 498, 501, 531, 532, 535, 543–545, 556, 589, 590, 592, 594, 608–613, 615, 616, 625, 627, 659–661, 663, 664, 667, 679, 706, 712, 718, 792, 793, 849

Швеция — 34, 72, 88, 89, 108, 112, 116, 124, 132–137, 140, 146–148, 209, 231, 241, 242, 248, 292, 293, 312, 313, 316–318, 329, 366, 400, 431, 442–446, 455, 479, 483, 484, 509, 527, 532, 535, 540, 560, 561, 570, 582, 589, 590, 591, 594, 610–614, 657, 659, 665, 666, 674, 692, 693, 718, 723, 729, 730, 733, 778, 792, 862

Шельда, р. (Эско) — 250, 363

Шкумби, р. (Шкумбини) — 49

Шлезвиг, ист. — 503

Шнеберг — 220

Шпицберген (Свальбард, Грумант) — 442

Штетин (Штеттин, Щецин) — 720, 721, 723, 724

Штральзунд (Стральзунд) — 613, 616

Штутгарт — 431

Эгейские о-ва — 52, 186–189, 191, 193, 197, 201, 204

Эгейское море — 166, 201

Эгейское побережье — 67

Эгин — 257

Эзель, о. (Сааремаа) — 850

Эйзак, р. — 219

Эльзас — 350, 670

Эльзас-Лотарингия — 326, 352, 637, 638, 645, 849

Энос — 41, 55, 66, 67, 203, 213, 299

Эпир, округ — 49, 158

Эргене, р. (Эргени, Ергени) — 203

Эреглийская бухта — 54, 198

Эрзерум (Эрзурум) — 115, 116, 250, 257, 258, 260, 864

Эритрея — 222

Эски (часть Стамбула) — 201

Этц, возвышенность — 219

Юго-Западный край, ист. — 420

Южноамериканские государства — 468

Ютландия, п-ов — 610

Якобштадт (Екабпилс) — 849

Янина — 753

Япония — 10, 11, 20, 50, 51, 106, 107, 110, 115, 132, 140, 144, 174, 188, 205, 206, 210, 211, 233, 234, 239, 242, 247, 252, 253, 265, 266, 293, 294, 308, 309, 316–319, 323, 329, 331–333, 335, 336, 339, 342, 486, 597, 717, 757, 788, 789, 792, 839, 858, 860

Яссы — 440, 691, 743

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	—	Архив внешней политики Российской империи
АН	—	Академия наук
англ.яз	—	английский язык
б.	—	бывший
бар., бар-н	—	барон
бар-са	—	баронесса
ВКГД	—	Временный комитет Государственной думы
В.О.	—	Военный округ
ВРК	—	Военно-революционный комитет
ВСНХ	—	Высший совет народного хозяйства
ВЦИК	—	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК, ЧК	—	Всероссийская чрезвычайная комиссия
вып.	—	выпуск
г.	—	год, город
ГАУ	—	Главное артиллерийское управление
гг.	—	господа, годы
гелл.	—	геллер
г-жа	—	госпожа
главком	—	главнокомандующий
г-н	—	господин

г-ный	—	генеральный
гофм.	—	гофмейстер
гр.	—	граф
гр-ня	—	графиня
ГУГШ	—	Главное управление Генерального штаба
гульд.	—	гульден
д.	—	дело (архивное)
действ. ст. сов., д.с.с.	—	действительный статский советник
док.	—	документ
др.	—	другие
д-р, док-р	—	доктор
е. и. в.	—	его, ее императорское величество
ж.д., жел. дор.	—	железная дорога
з.	—	залив
зд.	—	здесь
Земгор	—	Объединенный комитет Земского и Городского союзов
и.д.	—	исполняющий должность
и.о., и. об.	—	исполняющий обязанности
Исполком	—	Исполнительный комитет
ист.	—	исторический
исх.	—	исходящий
ит., итал.	—	итальянский
КВЖД	—	Китайско-Восточная железная дорога
кг	—	килограмм
кл.	—	класс

кн.	—	книга
кн-ня	—	княгиня
колл. ас.	—	коллежский асессор
колл. сов.	—	коллежский советник
Коминтерн	—	Коммунистический Интернационал
комкор	—	командир корпуса
коп.	—	копейка
кр.	—	крона
креп.	—	крепость
л.	—	лист (архивного дела)
Л.	—	Ленинград (в названиях изданий)
л.-гв.	—	лейб-гвардия
м.	—	мыс
М.	—	Москва (в названиях изданий)
мар.	—	марка
МГУ	—	Московский государственный университет
мест.	—	местечко
МИД	—	Министерство иностранных дел
мин-во, мин-ство	—	министерство
млн	—	миллион
млрд	—	миллиард
мм	—	миллиметр
МОЭИ	—	Международные отношения в эпоху империализма
М.П.	—	место печати
надв. сов., н.с.	—	надворный советник

напр.	—	например
наст.	—	настоящий
нач.	—	начальник
НКИД	—	Народный комиссариат по иностранным делам
н. ст., нов. ст.	—	новый стиль
о.	—	остров
об.	—	оборот
об-во	—	общество
обл.	—	область
о-ва	—	острова
оз.	—	озеро
оп.	—	опись (архивная)
опубл.	—	опубликовано
п.	—	папка (архивная), пенс
пер.	—	перевал
Петросовет	—	Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов
пех.	—	пехотный
п-ов	—	полуостров
подп.	—	подписано
Политбюро	—	Политическое бюро
пр.	—	пролив, прочее
прим.	—	примечание
проч.	—	прочее
ПСЗРИ	—	Полный свод законов Российской империи
р.	—	река

р., руб.	—	рубль
РВСР	—	Революционный военный совет Республики
Реввоенсовет	—	Революционный военный совет
РККА	—	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б)	—	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОКК	—	Российское Общество Красного Креста
рус.яз.	—	русский язык
с., стр.	—	страница
сант.	—	сантимы
С.А.С. Штаты	—	Североамериканские Соединенные Штаты
св.	—	святой
с.г.	—	сего года
сер.	—	серия
см.	—	смотрите
СНК	—	Совет народных комиссаров
Собр. Узак.	—	Собрание Узаконений
Соврадеп	—	Совет рабочих депутатов
ср.	—	сравните
СРИСД	—	Совет рабочих и солдатских депутатов
ст.	—	статья, станция
стлб.	—	столбец
СТО	—	Совет труда и обороны
ст. секр.	—	статс-секретарь
ст.сов.	—	статский советник
т.	—	том

m	—	тонна
тайн. с., т.с., т.сов.	—	тайный советник
т.д.	—	так далее
т.е.	—	то есть
т.к.	—	так как
тов.	—	товарищ
Торг. д.	—	Торговый дом
Торг. Тов.	—	Торговое товарищество
т.п.	—	тому подобное
тыс.	—	тысяча
ф.	—	фонд
фр.	—	франк
фр. яз.	—	французский язык
фунт.стерл., ф.ст.	—	фунт стерлингов
ЦИК	—	Центральный исполнительный комитет
ЦК	—	Центральный комитет
ч.	—	час, часть
чел.	—	человек
чент.	—	чентезимо
шилл.	—	шиллинг
экз.	—	экземпляр

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.В. ЛАВРОВА К ЧИТАТЕЛЯМ 5

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА 7

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ 17

I. ДНЕВНИК МИД 24

II. НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ 168

III. МИД РОССИИ: В ЦЕНТРЕ И ЗА РУБЕЖОМ 357

IV. ЛЮДИ И СУДЬБЫ 719

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ 868

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СТРУКТУРА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1914–1917 гг.) 884

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СТРУКТУРА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ (1917 г.) 885

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 886

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 935

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 953

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сборник документов

Редактор *Ю.П. Кириленко*

Корректор *Н.А. Виноградова*

Компьютерная верстка *В.В. Плеханова*

Макет обложки *А.С. Руденко*

Подписано в печать 07.10.2014.

Формат 70×100/16. Печ. л. 60.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 124.

ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
тел./факс: +7 (4872) 49-73-73
aquarius-press@mail.ru